

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929340 1

Cellar

13E7

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί τισῶρον, τοῖς ἐτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγοτότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

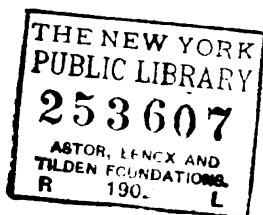
ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1846.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1845 года, декабря 31 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Ценсоръ А. Очкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Влюбленный чиновникъ. <i>Птрьчь.</i>	5.
Тоска.	113.
Романсъ.	114.
Къ морю.	115.
Двѣ печали. <i>Л. Р.</i>	116.

ПРОЗА.

Воспоминанія Оаддея Булгарина.	1.
Любовь и эгоизмъ. <i>Косалескаго</i>	118.

✓
✓

II.

ИПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма. Часть пятая	1.
✓ Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма. Часть шестая.	113.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Нога и рука челоѣка. <i>С. С. Куторги</i>	1.
✓ Космос (Мірозданіе). Барона Александра Гумбольдта. Статья первая	43.
✓ Космос. (Мірозданіе). Барона Александра Гумбольдта. Статья вторая	91.
✓ Взглядъ на драматическую музыку въ Италіи: <i>Виктора Кажинскаго</i> . Статья первая	139.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О болѣзни картофеля.	1.
О главныхъ средствахъ *къ улучшенію сельскаго хозяйства въ Россіи. Статья первая	12.

V.

КРИТИКА.

✓ Сочиненія Державина.	1.
Замѣтки за границею. Статья <i>А. В. Никитско</i>	39.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОВИСЬ.

Январь, 1846. Новыя книги и брошюры.	1.
— — Разныя извѣстія	20.
Февраль, 1846. Новыя книги	23.
— — Разныя извѣстія	54.

VII.

СМѢСЬ.

ЯНВАРЬ.

Возвращеніе кометы Бѣлы.	1.
Электричество. Открытіе профессора Фаредѣ. Нынѣшнее состояніе науки объ электричествѣ. Рѣчь профессора Деларива на сѣздѣ швейцарскихъ естествоиспытателей	2.
Константинополь издали и Константинополь вблизи.	7.
Стамбульскіе базары и турецкія женщины	12.
Черное покрывало.	20.
Маленькія несчастія супружеской жизни.	29.
Французскій театръ въ Парижѣ.	45.
Музыкальныя новости	50.
Новыя французскія книги	65.
Новыя музыкальныя сочиненія	67.
Моды	70.

ФЕВРАЛЬ.

Астрея, новая планета. Открытіе господина Генке	89.
Комета Бѣлы	90.
Освѣщеніе посредствомъ электричества. Способъ господина Грова	—
Электрическіе телеграфы въ Америкѣ.	91.
Литературныя новости во Франціи.	—
Кармень	82.
Старинные обычаи Индѣйцевъ и Китайцевъ	107.
Перевязка.	108.

Французскій театръ въ Парижѣ	119.
Музыкальныя новости	120.
Новыя французскія книги	122.
Новыя музыкальныя сочиненія	125.
Моды	165.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

(ИЗЪ БОЛЬШАГО СТИХОТВОРЕНІЯ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: «Бл-
довая ночь. Эпизодъ изъ дачной жизни.»)

Онъ былъ, какъ вамъ уже извѣстно,
Чинovníкъ, и не изъ большихъ.
Жилъ одиноко, скромно, тѣсно;
Ретивъ былъ къ службѣ, правомъ тихъ.
Живя противъ той самой дачи,
О коей мы разсказъ ведемъ,
Онъ отправлялся неизначе,
Поутру въ городъ, какъ пѣшкомъ.
Онъ въ должности обыкновенно
Сидѣлъ до четырехъ часовъ,
И возвращался непремѣнно
Опять пѣшкомъ въ свой мирный кровъ.
Тамъ, пообѣдавъ, подъ окошко
Садился съ трубкой, помечтать;
Читалъ или писалъ немножко;
Пилъ чай; потомъ ложился спать....
Что значать власть, богатство, знатность,
Предъ парой качествъ золотыхъ,

О коихъ есть извѣстный стихъ:
Умѣренность и акуратность!
 Увы! непроченъ нашъ покой.
 Настала часъ бури неизбежной
 И, наконецъ, чиновникъ мой
 Узналъ тревоги страсти ябъжной.
 Объ этомъ сказка велика;
 Должно пачать издаека.—
 Когда весною изъ столицы
 Летимъ мы, какъ изъ клѣтки птицы,
 На тѣ живые острова,
 Что жостъ свѣтлая Пова,—
 Мы веселы; мы на свободѣ;
 Мы счастливы; но, во сто кратъ
 Весны явленью больше радъ
 Тотъ, кто наперекоръ природѣ
 Въ тѣхъ домикахъ, гдѣ зябнемъ мы
 Подъ-часъ и лѣтнею порою,
 Привязанъ горькою нуждою,
 Жилъ впродолженіи зимы.
 Вамъ вѣрно въ мысль не приходило
 Когда, чужая или своя,
 Нужда, весной васъ приводила
 Для найма дачи въ тѣ края;
 Когда васъ четвергя ямская
 По странно-взрытой мостовой
 И снѣгу рыхлому шагая,
 Тащила улицей глухой;
 И вы, ругая въ-тихомолку
 И снѣгъ, и дачи, и весну,
 И грязь, и прихоти безъ толку,
 И мостовую, и жеиу,
 И, покоряясь страшной тряскѣ,
 Прижавшись въ уголку коляски,
 Бросали пресердитый взглядъ
 На домиковъ тшедушныхъ рядъ—
 Что ваше въ тѣхъ краяхъ явленье
 Во всемъ народонаселеніѣ
 Рождало радость, и, что вашъ
 Покрытый грязью экипажъ
 И ваши взмыленные клячи,
 Казались тамъ ни чѣмъ имаче,
 Какъ вѣстью радостной весны;
 Для жителей той стороны
 Явленье ваше было то же,
 Что вешней ласточки прилѣтъ....
 Но вотъ ужъ трогается лѣдъ;

Вотъ стало на тепло похоже;
 Одѣлись въ зелень острова;
 Май наступилъ: пора на дачи.
 Покрылась барками Нева,
 Съ возами ломовыя клячи
 Тащатся за-городъ, — и тутъ
 Ужъ совершенно ежизуть,
 Всѣ тѣ, кто въ нуждѣ и печали
 На островахъ прозимовали.
 Съ другими и чиновникъ мой
 Былъ очень радъ весны явленью;
 Идя изъ должности домой
 Онъ предавался развлеченію —
 Глазѣлъ по окнамъ отпертымъ;
 Велъ счетъ всѣмъ дачамъ занятымъ:
 Кѣмъ были наняты, за сколько,
 Когда жильцы перебрались,
 И кто они, отколѣ взялись,
 Все зналъ въ подробности. И только
 Онъ безпокоился въ одномъ:
 Какъ-разъ передъ его окномъ
 Стояла дача пребольшая,
 Еще никѣмъ незанятая.
 Хозяевъ знатная семья
 Въ чужіе ѣхала края,
 Такъ въ деньгахъ надобность встрѣчалась
 И дача эта продавалась.
 А завладѣлъ ей, наконецъ,
 Уже знакомый намъ кунецъ.
 Чиновникъ мой былъ въ восхищеніи,
 Когда, пришедши разъ домой,
 Увидѣлъ онъ переселенье
 Купца богатаго съ семьей.
 Чиновникъ очень осторожно,
 Сторонкой про купца узналъ,
 Что дочь одна, а капиталъ
 И сосчитать едва-ли можно!
 — А, что! онъ самъ себя сказалъ,
 Попробую; попытаться стану;
 Авось либо на ладъ пойдетъ. —
 Но, увидавши Маремьяну,
 Чиновникъ сталъ совсѣмъ не тотъ.
 Онъ думалъ смѣлою стоною
 Войти къ купцу въ богатый домъ;
 Но, предъ роскошной красотой,
 Поколебалась храбрость въ немъ; —
 Влюбился онъ! Плохая шутка!

Любовь, подь-часъ, тяжелый крестъ.
 Чиновнику пришлось жутко;
 Бѣдняжка, онъ не спитъ, не ѣсть;
 Онъ бредитъ только Маремьяной,
 Она его всегдашнимъ сномъ,
 Она мечтою постоянной
 Въ воображеніи больномъ.
 Его разстройство и волненье
 Не ускользнули зоркихъ глазъ:
 И въ департаментѣ, какъ-разъ
 Пошли насмѣшки и сужденья;
 И самъ начальникъ отдѣленья
 Надъ нимъ два раза потрунилъ,
 А въ третій даже побранилъ,
 За то, что написалъ онъ въ смѣтъъ:
Милые нѣтъ ея на свѣтъ!
 Что къ дѣлу, кажется, не шло.
 Чтобы пресѣчь такое зло,
 Рѣшился мой герой несчастный,
 Прибѣгнуть къ крайности ужасной —
 Послалъ за свахой... Пришлась
 Анись Власовна. Сначала,
 Конечно, кофе написала.
 Потомъ за дѣло принялась:
 Все разспросила, записала,
 И чинъ, и мѣсто, и окладъ,
 И крестъ, и шелковый халатъ,
 Часы и воротникъ бобровый
 И прочее; взяла цѣлковый
 И вѣрный посуливъ успѣхъ,
 Отправилась парламентѣромъ...
 . . . . .

ВСТРѢЧЬ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

ОАДДЕА ВУЛГАРИНА.

=

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.)

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

ПОРЫВЪ ОБЩАГО МНѢНІЯ. — РЕАКЦІЯ. — НОВАЯ ФОРМА И НОВЫЯ МОДЫ. — ПЕРЕМѢНЫ ВЪ КОРПУСѢ. — ЯКОРЬ СПАСЕНІЯ ИЛИ НАСТАВНИКЪ, ДРУГЪ И БЛАГОДѢТЕЛЬ. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ КОРПУСѢ. — ПЕРВЫЙ УСПѢХЪ, ЦЕДРО ВОЗНАГРАЖДЕННЫЙ. — НОВАЯ ЖИЗНЬ. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИДЕИ. — КОРПУСНЫЯ ЗНАКОМСТВА. — БАРОНЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДИВЕНЧЪ. — ТРИ БРАТА КНЯЗЯ (DUC) ДЕ-БРОЛЬИ. — САША КЛИНГЕРЪ. — ПОЭТЪ КРЮКОВСКОЙ. — ПРОБУЖДЕНІЕ СТРАСТИ КЪ АВТОРСТВУ. — ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ БАРОНА И. И. ДИВЕНЧА. — МУЗЫКА НЕОБХОДИМА ВОЕННОМУ ЧЕЛОВѢКУ. — ЦЕРКОВНЫЙ ПѢВЧІЙ. — ОТЧАЯНІЕ МАТЕРИ. — ПРАЗДНОВАНІЕ СТОЛѢТІЯ ПЕТЕРБУРГА. — ПЕРЕМѢНЫ ВЪ КОРПУСѢ. — ЧТО ВСЕГО БОЛѢЕ СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ УМСТВЕННОМУ РАЗВИТІЮ.

Хотя я былъ очень молодъ при вступленіи на престолъ Императора Александра Павловича, но впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, столь сильно подѣй-

Т. LXXIV.— Отд. I.

1

ствовали на меня, что это великое событіе осталось навсегда свѣжимъ въ моей памяти. Самому Тациту не достало бы красокъ для изображенія той живой картины общаго восторга, который овладѣлъ сердцами при вѣсти о воцареніи обожаемаго Александра! Еще будучи Наслѣдникомъ Престола, онъ жилъ единственно для добра, для утѣшенія несчастныхъ и для покровительства всего высокаго и благороднаго. Скромность его, благодушіе, вѣжливость и деликатность въ обхожденіи превозносимы были во всѣхъ сословіяхъ. Всѣмъ было извѣстно, что съ высокими понятіями о правосудіи и государственномъ устройствѣ, онъ любилъ науки, литературу, искусства и уважалъ занимающихся ими. Доброта сердца его была неисчерпаема! Въ манифестѣ своемъ о вступленіи на престолъ, юный Императоръ объявилъ, что намѣренъ управлять Россіей: «въ духѣ въ Божь почивающей бабки Своей, Императрицы Екатерины II,» — и эти слова, какъ электрической ударъ, потрясли всѣ сердца. Сенатская типографія не успѣвала печатать манифеста; онъ былъ въ рукахъ у всѣхъ и cadaго; его читали, перечитывали, лобызали, орошали слезами, и разсылали во внутренность Россіи къ друзьямъ и роднымъ. Знакомые обнимались и цѣловались на улицѣ, какъ въ первый день Свѣтлаго Праздника, поздравляя другъ друга съ новымъ Государемъ, котораго обожали прежде, чѣмъ онъ взялъ въ руки бразды правленія, и на которомъ опочивали всѣ надежды. Во всѣхъ семействахъ провозглашали тосты за его вождѣбное здравіе; церкви наполнены были моельщиками. Народъ толпился на Дворцовой Площади, чтобъ видѣть ангельскій ликъ своего Государя, въ чертахъ котораго живо изображались кротость, милосердіе и человеколюбіе, которыми онъ не измѣнилъ до конца своей жизни. Радостныя восклицанія повсюду встрѣчали и сопровождали его. Во всей исторіи рода человеческого едва ли есть нѣсколько примѣровъ подобной общей радости, и весьма немногіе государи вступали на престолъ при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, при такихъ обильныхъ надеждахъ!...

Въ короткое время появились измѣненія въ военной формѣ и въ одеждѣ частныхъ лицъ. Помню, какъ теперь, удивленіе наше, когда поручикъ нашей роты, Бабинъ, явился безъ пуклей, съ небольшою косою, перевязанною въ полворотника, съ волосами, спущенными на лобъ (называемыми тогда *эсперансами*), въ воротныхъ сапогахъ, виѣсто штиблетъ. Намъ казалось это удивительно хорошо! При отступленіи отъ прежней формы, появи-

лнвъ востылаа модѣ въ прическѣ, новизнѣ галстуха, ношеян шляпы и шагаи — и первымъ щеголемъ тогда, по гвардін, былъ плнцъ-маюръ И. С. Герголи. Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, малыхъ и великихъ, при быстрой реакціи выступаютъ крайности. Прусская форма времени Фридриха Великаго чрезвычайно не нравилась послѣ прежней покойной и удобной формы, составленной для войска княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, и потому теперь, при новой формѣ, все было преувеличено, какъ будто для того, чтобъ скорѣе забыть прошлое. Въѣсто чрезвычайно низкихъ офицерскихъ шляпъ, введены огромныя, высокія шляпы, съ черными султанами (въ кавалеріи съ бѣлыми); въѣсто отлогого воротника, лежавшаго на спишѣ, стали носить пре-высокіе воротники до самыхъ ушей; въѣсто широкихъ и дли-ныхъ фалдъ мундировъ, мундиры были короткіе и съ фалдочка-ми въ два пальца. Палевоі цвѣтъ нижняго платья замѣненъ бѣ-лымъ. Пудра и косы не были отиѣнены, но прическа совер-шенно измѣнилась. Щеголи сбивали волосы на верху головы (ту-пей) и всю красу поставляли въ вискахъ (*oreilles de chien*), *эпе-рансахъ* и широкой, короткой косѣ. Черныя галстухи подвязы-вали высоко. Статскіе стали носить снова круглыя шляпы и англійскіе фраки, въѣсто французскихъ кастановъ стариннаго пояря. Шелковыя ткани уже не употреблялись для фраковъ. Фраки были съ откиднымъ воротникомъ и клапанами на груди. Первый, появившійся по новой парижской модѣ à l'incroyable, былъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, * возвратившійся изъ Парижа немедленно послѣ кончины Императора Павла Петрови-ча, съ депешами отъ тайнаго совѣтника Колычева, находившаго-ся тамъ для составленія пунктовъ мирнаго трактата съ Фран-ціею. Народъ бѣгалъ на улицахъ за М. А. Магницкимъ и любо-вался его нарядомъ. Онъ имѣлъ, въѣсто трости, огромную су-чковатую палицу **, называвшуюся въ Парижѣ *droit de l'homme*; шея его была окутана огромнымъ платкомъ, что называлось *жа-бо*. При фракахъ статскіе пудрилисъ такъ же, какъ и военные. Показаться въ люди безъ пудры означало тогда высшую степень небреженія и невѣжливости. Надлежало пудриться и поправлять прическу нѣсколько разъ въ день, утромъ, къ обѣду и къ ве-черу.

* Бывшій потомъ попечителемъ Казанскаго Университета, человѣкъ, ко-торый войдетъ въ исторію Россіи XIX вѣка.

** По особенному случаю эта трость-палица досталась мнѣ, и хранит-ся у меня.

Графъ П. А. Зубовъ вышелъ въ отставку и отправился за границу, а Ѳ. И. Клингеръ остался директоромъ корпуса, и пробылъ въ этомъ званіи *двадцать* лѣтъ. Нынѣ главнокомандующій, Его Императорское Высочество Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, не имѣлъ времени заниматься корпусомъ въ царствованіе покойнаго Государя, бывъ сперва въ походѣ съ Суворовымъ, въ Италию, а послѣ того исполняя фронтную службу по гвардіи. По возвращеніи царской фамиліи изъ Москвы съ коронаціи, Его Императорское Высочество сталъ весьма часто ѣздить въ корпусъ, посѣщалъ классы, столовую и производилъ баталіонное ученіе. Число кадетъ отъ 600 дошло до 1000 человекъ, и мы вскорѣ сравнились съ полками гвардіи по фронтной службѣ, что неоднократно подтверждено было приказами, за подписью Его Высочества. Науки шли своимъ чередомъ, подъ надзоромъ директора, Ѳ. И. Клингера, который все не занимался фронтною службою, и ни разу не командовалъ ни на ученіи, ни на парадѣ. Это исполнялъ обыкновенно старшій полковникъ или самъ Цесаревичъ.

Перехожу къ важнѣйшей эпохѣ въ моей жизни, имѣвшей вліяніе на всю мою судьбу. По экзамену переведенъ я снова черезъ классъ, именно въ третій верхній, изъ котораго уже выпускали въ офицеры, въ армейскіе полки. По всѣмъ частямъ балы у меня были хорошіе, и потому новые учителя приняли меня отлично. Въ этомъ классѣ уже преподавали статистику, физику и полевою фортификацію; первую, ученый и добрый Германъ (скончавшійся въ званіи инспектора классовъ Смольнаго Монастыря, и оказавшій русской статистикѣ большія услуги); вторую, Вольемуть, бывшій адъютантомъ при знаменитомъ Крафтѣ; третью молодой корпусный офицеръ, поручикъ нашей роты, Александръ Христіановичъ Шмитъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ въ отставкѣ). Всѣ они преподавали отлично и чрезвычайно занимательно. Статистику читалъ Германъ по-французски, потому что весьма былъ слабъ въ русскомъ языкѣ. Желѣзниковъ въ это время сталъ прихварывать, и не могъ заниматься во всѣхъ верхнихъ классахъ, а потому, при сохраненіи всѣхъ окладовъ, ему оставили два первые верхніе класса, а остальные отдалъ, по указанію Желѣзникова, корпусному офицеру, поручику четвертой роты, Александру Андреевичу Лантингу.

Съ пріятною наружностью, Лантингъ соединялъ въ себѣ необыкновенную доброту, нѣжность чувствъ и возвышенный умъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, хотя и не писалъ стиховъ, и этимъ

только отличался от незабвеннаго друга моего, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, съ которорымъ Лантингъ былъ схожъ нравственно, какъ двѣ капли воды. Лантингъ и Грибоѣдовъ — это одинъ умъ и одна душа въ двухъ тѣлахъ! Если бъ они знали другъ друга, они были бы друзьями и братьями. Лантингъ даже манерами походилъ на Грибоѣдова. Лантингъ вступилъ въ корпусъ кадетомъ, при Графѣ Ангальтѣ, въ 1788 году. Онъ сказывалъ мнѣ, что родился въ Лемзалѣ (то есть въ Лифляндіи или въ рижской губерніи), но я не могъ отыскать этой фамиліи. Будучи кадетомъ, онъ долженствовалъ происходить изъ родовыхъ дворянъ, какъ мною объяснено выше, слѣдовательно, или фамилія эта пресѣклась, или, быть-можетъ, она иностранная дворянская, признанная въ Россіи. Не справлялся я въ Курляндіи — тамъ еще рождаются люди съ пламенною душою! Лантингъ жилъ сердцемъ въ фантастическомъ мірѣ, въ мірѣ добра, любви и поэзіи, и на землѣ не нашелъ радостей. Онъ всегда страдалъ за другихъ и за себя. Несправедливость и коварство людей проливали ядъ въ его сердце, и онъ мучился, не будучи въ состояніи помочь страждущимъ. Онъ любилъ — и ему измѣнили, пригѣпшлася душою къ другу — другъ оказался эгоистомъ! Мрачная меланхолія, какъ черная туча, покрыла его душу.... Онъ искалъ разсвѣнія и утѣшенія въ любви дѣтей, порученныхъ ему Промысломъ — и мы, дѣти, не измѣнили ему! Мы любили его при жизни, въ нашихъ дѣтскихъ лѣтахъ; были преданы ему душевно въ лѣтахъ юношескихъ, и помнимъ его состарѣвшимся! Лантингъ, вскорѣ по выпускѣ моемъ, перешелъ въ адъютанты (въ капитанскомъ чинѣ) къ генералу Кноррингу, раненъ тяжело въ первую Турецкую войну, при Императорѣ Александрѣ, и умеръ отъ ранъ въ Букарестѣ. Памятникъ его въ сердцахъ его питомцевъ, постигшихъ его духовное величіе!

Русская словесность расцвѣла при Императорѣ Александрѣ, подъ его благотворнымъ вліяніемъ, на плодотворной почвѣ, воздѣланной Императрицею Екатериною Второю. Жесткія формы, въ которыхъ былъ сжатъ нашъ богатый и звучный языкъ, сокрушились подъ перомъ Н. М. Карамзина, М. М. Сперанскаго, Василія Сергѣевича Подшивалова, Ивана Ивановича Дмитріева, Михаила Никитича Муравьева, Василія Андреевича Жуковскаго. Вся литературная дѣятельность сосредоточена была тогда въ Москвѣ, подъ сѣнью знаменитаго тогда университета. Тамъ составлялись законы для языка и слога, тамъ уже издавался *Вѣстникъ Европы*, Н. М. Карамзинимъ и *Московский Меркурій*, Петромъ Иванов-

чемъ Макаровымъ. Карамзинъ улакалъ всѣхъ своимъ языкомъ; Макаровъ предостерегалъ и поучалъ своими сильными и остроумными критиками, устремленными противъ безталантныхъ подражателей новизны. Какъ благодѣтельной росы ожидали мы, въ Петербургѣ, каждой книжки *Вѣстника Европы*, читали, перечитывали и изучали каждую статью! Блистательные примѣры возбуждали въ насъ охоту къ изученію языка и страсть къ авторству... Наставники наши поощряли насъ и руководствовали....

Удивительно, какъ въ каждой массѣ людей, обязанныхъ жить вмѣстѣ и дѣйствовать по однимъ правиламъ, напримѣръ, въ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ, долго держится духъ, однажды утвердившійся какимъ-нибудь необыкновеннымъ событіемъ! Такъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ, а послѣ въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ преобладалъ духъ литературный надъ всѣми науками. Въ этомъ корпусѣ, какъ извѣстно, возникла русская драматургія. Кадетъ Сумароковъ, современникъ Ломоносова, первый изъ Русскихъ началъ писать трагедіи и комедіи, по образцамъ французскихъ классическихъ писателей, и первые русскіе актеры были также кадеты. Въ корпусѣ былъ устроенъ театръ (1745 года), существовавшій до директорства Кутузова, и кадетская трунна играла даже при Дворѣ, въ присутствіи Императрицы Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Когда, послѣ того, составлена была императорская трунна, то набранные въ разныхъ городахъ Россіи актеры жили въ корпусѣ, и брали уроки декламации у корпусныхъ офицеровъ: Петра Ивановича Мелиссино * и Петра Семеновича Свистунова **, бывшихъ лучшими актерами кадетской труппы. Балетъ также возникъ въ корпусѣ. Танцевальный учитель Ланде составилъ характеристическіе танцы, которые исполняемы были кадетами, въ костюмахъ, въ присутствіи Высочайшаго Двора, и это подало мысль къ учрежденію балетной труппы, подъ руководствомъ Ланде. Вниманіе Двора къ русской литературѣ, слава Сумарокова и русскій театръ въ корпусѣ, утвердили въ кадетахъ любовь къ русской словесности и отечественному языку, и эта любовь, поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яковъ Борисовичъ Княжнинъ и ученикъ его, Петръ Семеновичъ Желѣзниковъ, сдѣлалась какъ бы принадлежностью корпуса, и переходила отъ одного кадет-

* Бывшаго потомъ генералъ-поручикомъ и директоромъ 2-го кадетскаго (прежняго инженернаго) корпуса.

** Скопчавшагося въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и оказавшаго блестящіе услуги государству.

сваго поколѣнія къ другому, да́же до моего времени. Кажется, послѣ духъ этотъ ослабѣлъ, или даже вовсе изсякъ, когда въ 1812 году и въ послѣдующихъ годахъ, по надобности въ офицерахъ, вынужденны, въ одно время, почти всѣ взрослые и, такъ сказать, унесли съ собою всѣ преданія. У кадетъ послѣдующей эпохи уже не осталось ни какихъ воспоминаній и примѣровъ кромѣ имени графа Ангальта! Съ истребленіемъ надписей на стѣнахъ рекреационной залы и на садовой стѣнѣ, стерлось все прежнее въ памяти кадетъ, и Клиггеръ казался какимъ-то протѣземъ, Сатурномъ корпуса!

Въ наше время корпусъ полнился слухомъ о графѣ Ангальтѣ. Офицеры и учителя разсказывали намъ о *блаженныхъ Ангальтовскихъ временахъ*, о театральныхъ представленіяхъ въ корпусѣ, о сочиненіяхъ кадетовъ, представленныхъ Императрицѣ, и мы еще оживлялись прежнимъ духомъ! Главное правило графа Ангальта состояло въ томъ, что первый признакъ хорошаго воспитанія есть умѣнье объяснять мысли свои *словами* и *перомъ*; что воинъ и гражданскій чиновникъ должны непремѣнно писать правильно на родномъ языкѣ, и даже выражаться щегольски, и знать притомъ основательно хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, особенно французскій, тогда уже общеупотребительный въ Европѣ. Это самое повторяли намъ офицеры и нѣкоторые учителя, особенно Желѣзниковъ и Лантингъ. «Какая польза въ учености, въ вознашіякъ, если человекъ не можетъ употребить ихъ въ дѣло, не умѣя объяснить или передать того, что у него въ головѣ!» говорилъ Лантингъ. «*Безграмотный* то же, что *глухо-намой*. Чѣмъ живутъ Римъ и Греція? Писателями!—Кагулъ, Риминиъ, важнѣе Фермопилъ и Марафонской битвы, и переходъ Суверова черезъ Альпы затмѣваетъ славу Аннибала; но подвиги древности кажутся выше, потому что изображены краснорѣчиво. Безбородко, бѣдный армейскій офицеръ, сталъ извѣстенъ Государствѣ по реляціямъ, которыя онъ сочинялъ, и Безбородко сталъ графомъ и канцлеромъ! Не каждому данъ авторскій талантъ, но каждому природа создала поэтомъ; но каждый можетъ и долженъ умѣть излагать мысли свои правильно, ясно, даже краснорѣчиво, и для того надобно изучать языкъ и его грамматику, разбирать писателей, замѣчая въ нихъ хорошее и отвергая дурное, и безпрерывно упражняться въ сочиненіяхъ....» Такъ говорилъ Лантингъ, и упражнялъ насъ въ грамматическихъ и эстетическихъ разборахъ писателей и въ сочиненіяхъ на заданныя имъ темы. Тѣхъ кадетовъ, которые никакъ не могли ничего выдумать, онъ засти-

влягь переводить съ французскаго и съ нѣмецкаго языковъ, чтобъ приучать ихъ къ слогу.

Однажды, въ какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула въ головѣ Лантинга, онъ задамъ мнѣ сочиненіе, взявъ за тему стихи изъ псалма Давидова: «*на рыкахъ Вавилонскихъ тамо сподохомъ и плакахомъ.*» Я сознался ему, что не заглядывалъ въ псалтырь, и онъ велѣмъ прийти къ нему, на квартиру, за книгой. Взявъ псалтырь я уединился, и сталъ читать заданный мнѣ текстъ. При этомъ долженъ я замѣтить, что изученіе церковнаго и, такъ-называемаго, славянскаго языка въ наше время почиталось *необходимостью* для познанія языка русскаго, во всей его силѣ, и намъ, съ каеэдры, толковали красоты Священнаго Писанія и наши древнія лѣтописи. Перечитывая псаломъ, который долженствовалъ служить мнѣ руководствомъ къ сочиненію, я почувствовалъ, внезапно, какъ-будто какое-то сотрясеніе въ сердцѣ... Мнѣ стало грустно, я заплакалъ. Не было свидѣтелей слезъ моихъ. Въ умѣ и въ душѣ моей ожили воспоминанія дѣтства: представились моему воображенію родители, любимые мною слуги, родные поля и лѣса, и, наконецъ, мое сиротство, мои страданія безъ всякаго соучастія въ ближнихъ, существованіе безъ любви, безъ ласки.... Какъ-будто въ лихорадкѣ схватилъ я перо и началъ писать.... Слезы и чернила лились на бумагу. Исписавъ нѣсколько листовъ, я свернулъ ихъ, и не перечитывая положилъ подъ матрацъ моей постели. Явившись въ классъ, я представилъ Лантингу ввѣренную мнѣ книгу и мое сочиненіе, и сказалъ: «Простите великодушно, если найдете тутъ ошибки и недописки. Я написалъ съ горяча, и, признаюсь, не имѣлъ духу прочесть.... Эта тема слишкомъ тяжела для меня!» Лантингъ сталъ читать про-себя, и я не спускалъ съ него глазъ. Я замѣтилъ, что сперва легкій румянецъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ, а потомъ глаза наполнились слезами. Положивъ бумагу мою *въ карманъ* (чего никогда не дѣлалъ онъ прежде), Лантингъ подозвалъ меня къ себѣ, обнялъ крѣпко, прижалъ къ сердцу, поцѣловалъ и сказалъ: «Ты не сирота, пока я въ корпусѣ! Я заступлю тебѣ мѣсто отца, матери и друга!» Онъ велѣмъ мнѣ приходить къ себѣ на квартиру, во всякое время, свободное отъ кадетскихъ обязанностей.

Съ этихъ поръ началась для меня новая жизнь. Сердце мое жаждало ласки, участія, состраданія; умъ требовалъ совѣтовъ и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называемъ амбиціей), такъ-сказать, задушила меня, не встрѣчая ни-

какого вниманія и удовольворенія всѣмъ моимъ желаніямъ, всѣмъ потребностямъ души, и все чего я жаждалъ, нашелъ въ Лантингѣ и нашелъ въ то время, когда уже могъ понимать цѣну всего этого, когда наиболѣе нуждался въ этомъ, когда умъ мой, какъ слабый стебель цвѣтка, требовалъ опоры, и рано развившаяся въ сиротствѣ душа, замирала безъ теплоты и свѣта! О, какъ пламенно полюбилъ я Лантинга! Я за него далъ бы себя изрѣзать на части, бросился бы въ пламя! Онъ былъ болѣе нежели добръ съ кадетами, былъ, какъ говорится, слабъ, никогда самъ не наказывалъ и не жаловался старшимъ, и оттого часто подвергался непріятностямъ. Тѣхъ кадетъ, за которыхъ Лантингъ получалъ выговоръ, и кадетъ, оскорблявшихъ его непріятными отвѣтами, грубостью, я почиталъ личными моими врагами, и, по-кадетски, вызывалъ на дуэль, то есть на драку, несмотря ни на ростъ, ни на силу! Весьма часто меня порядкомъ проучали за это и даже, при побѣдѣ, я часто долженъ былъ подвергаться наказанію; но мнѣ пріятно было страдать за обожаемаго мною наставника, который журилъ меня за мою драчливость, не зная и вовсе не подозрѣвая, что я сражался за него и за него подвергался наказаніямъ! Не боюсь, чтобъ враги мои уличили меня во лжи, если скажу, что *въ теченіе всей моей жизни я почиталъ, почитаю и буду почитать первую обязанностью вступаться за друга и благодѣтеля....* А иначе чтò же будетъ значить дружба и благодарность? Случалось со мною, что вмѣсто признательности (которой я никогда не требовалъ), по-крайней-мѣрѣ, вмѣсто сознанія моего самоотверженія, мнѣ платили даже холодностью и горькимъ упрекомъ: *«а кто тебя просилъ!»* Тяжело было на сердцѣ, но я не исправился и не исправлюсь. Въ сатирахъ, которыми меня удостоиваютъ наши русскіе писатели, меня называли даже *собакою!* Пусть будетъ такъ. Правда, собака бросается на обидѣвшихъ ея господина, и эта собака лучше мудраго эгоиста; а дружба и благодарность должны *господствовать* въ сердцѣ. Дѣти мои, это урокъ для васъ!

Къ Лантингу собиралось много кадетовъ, по знакомству его съ ихъ родственниками. Особенно поручены ему были братья Тагайчиновы (вышедшіе въ артиллерію), которые жили въ его квартирѣ отдѣльную комнату. Тутъ собирались для отдохновенія отъ кадетскаго шума унтеръ-офицеръ Бринкенъ (Курыландецъ), братья Берниковы (вышедшіе лейбъ-гвардіи въ Семеновскій Полкъ) и нѣкоторые другіе; но истинно родительское попеченіе Лантингъ оказалъ обо мнѣ одному, давалъ мнѣ книги для прочте-

ни, и заставлялъ дѣлать разборы, то есть, сообщать ему мое мнѣніе о прочитанномъ, съ отмѣтками того, что мнѣ нравилось или не нравилось. Потому онъ разематривалъ мои разборы, подтверждая или опровергая мои мнѣнія риторически, эстетически и философически. Такимъ образомъ прошелъ я съ нимъ древнюю исторію, исторію Греціи и Рима и новыя событія до Французской Революціи включительно, прочелъ Путешествіе Анахарсиса по Греціи и Азін, сочиненіе Бартеlemi и много другихъ книгъ. Кадетамъ верхнихъ классовъ позволялось ходить въ корпусную бібліотеку, и, по рекомендаціи Лантинга, бібліотекаръ нашъ, господинъ Фомаръ, позволялъ мнѣ брать книги въ роту. Это было для меня великое блаженство. Я былъ, какъ рыба въ водѣ! При чтеніи я упражнялся въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Начальныя основанія латинскаго языка я приобрѣлъ у Цыхры — и Лантинга, который очень хорошо зналъ латинскій языкъ (бравъ частныя уроки), занимался со мною, въ свободныя минуты, переводами съ латинскаго и грамматикой, для собственной забавы, какъ онъ говорилъ тогда. Но главнѣйшую пользу для моего образованія извлекалъ я изъ бесѣдъ его. Тутъ открывались предо мною въ живыхъ картинахъ древній и новый міры, съ ихъ духовною жизнію, и чудеса природы въ твореніяхъ Создателя! А будущность — она казалась блистательною зарею, обѣщавшею красный день!

Кромѣ книгъ, служившихъ къ моему образованію, я читалъ — нѣтъ, не читалъ, а *глotalъ* романы и повѣсти, то есть, все, принадлежащее къ изящной словесности и беллетристикѣ. Тогда въ модѣ были повѣсти Мармонтеля, госпожи Жанлисъ, романы Дюкре-Дюменля, госпожи Радлейвъ, и вообще роды *чувствительный и ужасный*. Все, что обращало на себя вниманіе публики, было прочтано мною. *Бѣдную Лизу, Наталію Боларскую дочь, Марю Носадницу. Мою исповѣдь, Рыцаря нашего времени* и прочія повѣсти и рассказы Карамзина я зналъ почти наизусть. Ни одна живая Лиза не стояла мнѣ въ жизни столько елезъ, сколько я пролилъ по *Бѣдной Лизѣ*, Карамзина! *Письма русскаго путешественника* составляли мое наслажденіе. Лантингъ представилъ намъ эти письма, какъ образецъ легкаго, живаго разсказа, и какъ доказательство свѣтлаго, безпритязательнаго, здраваго ума автора. Часто говорилъ намъ Лантингъ: «Бюффонъ произнесъ великую истину, сказавъ: *le style — c'est l'homme* (слозь — это человекъ). Можно научиться писать правильно, такъ что наше сочиненіе будетъ безъ задоринки, гладко, хоть шаромъ покати, но

въ то же время оно можетъ быть холодно, какъ гладкій, прозрачный и блестящій ледъ! Можно, съ усиліемъ ума, приобрести механику, но ни какаѣ наука не можетъ научить, какъ сообщается слогу движеніе, жизнь, одушевленіе, легкость, летучесть.... Все это протекаетъ изъ ума и изъ души человѣка.... По слогу, говорилъ Лантингъ, не съ кафедры, а у себя дома: по слогу я узнаю человѣка! Нанъищенность, надутость, аффектація, изъяскаемость, тяжесть, растянутость, водяность, холодность слога, точно такъ же какъ и противоположности его: живость и пламенность, сила, движеніе, естественная простота и ясность, суть вѣрные отпечатки характера автора — зеркало его души!

Совершенная правда. Но къ этому надобно еще прибавить, что какъ характеръ иногда измѣняется въ людяхъ, по обстоятельствамъ (*honores mutant mores*), такъ и слогъ принимаетъ формы естественности или искусственности отъ положенія человѣка въ обществѣ, если душа не въ силахъ исторгнуть ума изъ оковъ свѣтскихъ обстоятельствъ. Карамзинъ пока былъ независимымъ литераторомъ, увлеченнымъ природою на это поприще, какъ пчела на лугъ, Карамзинъ былъ простъ, милъ, летучъ, естественъ въ слогѣ; когда же онъ, въ званіи историографа, захотѣлъ казаться важнымъ, серіознымъ, краснорѣчивымъ, по *тогдашнему* убъжденію, будто бы слогъ долженъ соотвѣтствовать предмету, и по *тогдашнему* ученію, будто въ словесности должны существовать *различные слогі*: простой, средній и высокій, Карамзинъ, до седьмага тома Исторіи Россійскаго Государства, надуть, напыщенъ и неестественъ въ слогѣ. Я доказывалъ, въ моемъ *Съверномъ Архивѣ* и въ приложеніяхъ къ нему, въ *Литературныхъ Листкахъ*, что въ этихъ томахъ, у Карамзина, всѣ рѣчи глубоки, всѣ долины обширныя, всѣ горы высоки, всѣ юноши прекрасныя, всѣ старцы добродѣтельные! Есть у Карамзина, въ этихъ томахъ даже *молодые юноши*!! Всѣ эти *прилагательныя* набраны для круглости и звучности *періодовъ*, и педанты вѣрили и вѣрятъ, что только тотъ слогъ *образцовый*, который составленъ изъ *періодовъ*!!! Съ VIII тома Исторіи, Карамзинъ снова вошелъ въ свой натуральный характеръ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, слогъ его въ этомъ и послѣдующихъ томахъ естественъ и простъ, какъ душа его, честная и благородная.

Еще въ первыхъ юношескихъ лѣтахъ я не принималъ раздѣленій слога на *простой, средній и высокій*, и на размѣры его, *сообразно предметамъ*, и осмѣливался даже спорить съ обожаемымъ мною наставникомъ, утверждая всегда, что человѣкъ дол-

могъ описывать все, простое и высокое, по внушенію своего ума и чувства, описывать, какъ ему представляется, не изыскивая словъ и не подбирая ихъ умышленно, для эффекта. *Марья Посадница*, *Карамзина*, *Гонзалъвъ-Кордуанскій*, *Флоріана*, *Ники*, *Мармонтеля*, мнѣ никогда не нравились, потому что они написаны цвѣтистымъ, неестественнымъ слогомъ (*prose poétique* или *prose fleurie*). Нынѣшнія русскія драмы или трагедіи (не знаю какъ ихъ называть) мнѣ не нравятся по той же причинѣ. Намъ увѣряютъ, что онѣ писаны стихами, пяти-стопными ямбами, а я вижу въ нихъ только напыщенную, раздутую, рубленую или крошеную прозу, въ родѣ *Гонзалъва-Кордуанскаго* или *Кадма и Гармоніи*, *Хераскова*. Одинъ писатель, впрочемъ талантливый, пошелъ въ наше время еще дальше. Онъ даже отвергъ ритмъ, или размѣръ въ своихъ драмахъ, на заглавіи которыхъ выставлено, что онѣ писаны стихами!!! Стихи безъ мѣры (ритма) и безъ рифмы — еще хуже, нежели музыка безъ гармоніи! Но въ наше время все сходитъ съ рукъ! Только В. А. Жуковский и А. С. Пушкинъ умѣли сохранить музыкальность и всѣ красоты гармоніи въ своихъ безрифменныхъ стихахъ.

У Лантинга я познакомился съ кадетами, двумя князьями Броглю (*Ducs de Broglio*) и съ сыномъ Ѳ. И. Клингера, Александромъ, которые ходили къ нему, когда онъ бывалъ дома. Съ меньшимъ Броглю и Сашей Клингеромъ я былъ даже друженъ. Первые два были эмигранты, юноши, получившіе хорошее первоначальное домашнее образованіе, а Саша Клингеръ, сынъ нашего директора, былъ ангелъ душою и лицомъ. Сколько приятныхъ минутъ провели мы вмѣстѣ съ Сашею Клингеромъ и меньшимъ Броглю, мечтая о будущемъ! Саша Клингеръ ввелъ насъ къ своей матери (она была русская), умной, нѣжной и въ полномъ смыслѣ добродѣтельной дамѣ, которая обожала своего единственного сына, и ласкала насъ, друзей его. Нѣсколько разъ Ѳ. И. Клингеръ заставлялъ насъ у своего сына, котораго онъ также любилъ страстно, и позволялъ намъ играть съ нимъ, наслаждаясь тѣмъ мы занимаемся. У Лантинга видывалъ я часто старшаго брата Броглю, уже поручика въ преображенскомъ полку, и барона Ивана Ивановича Дибича, также офицера (не помню поручика или подпоручика) въ семеновскомъ полку. Оба они приходили въ корпусъ чертить планы, подъ руководствомъ нашего учителя, полковника Черкасова, и учиться русскому языку на дому у Лантинга. Старшій князь Броглю убитъ подъ Аустерлицемъ, меньшій Броглю и Саша Клингеръ (бывшій также офи-

король саратовскаго полка) убиты въ русскихъ рядахъ, въ Отечественную Войну; баронъ Дибичъ, впоследствии графъ Забаланскій и фельдмаршалъ, сдѣлался въ послѣднюю Польскую Войну. Средняго класса Брегаю я видалъ въ Варшавѣ, при возвращеніи его въ отечество, во Францію, въ 1816 году. Всѣ они были люди отличные, съ умомъ, съ душою, съ дарованіями. Обхожденіе съ этими отличными молодыми людьми имѣло на меня сильное вліяніе. Я видѣлъ живые примѣры хорошаго у Лантинга и дурнаго между нѣкоторыми изъ кадетъ.

Страсть къ авторству непрерывно усиливалась во мнѣ. Это было не желаніе славы и извѣстности, не жажда похвалъ, однихъ словомъ, не напряженіе тщеславія и самолюбія, этихъ мелкихъ, несносныхъ страстишекъ, которыя квакаютъ, какъ лягушки въ болотѣ, чтобъ обратить на себя вниманіе, пока несть критики не пришибетъ ихъ. Нѣтъ, во мнѣ было непреодолимое влеченіе излить чувства и мысли мои, которыя, такъ сказать, угнетали мой малый умничко и мое юношеское сердце. Начитавшись, послушавшись и раздумавъ, я приобрѣталъ *свои понятія* о многихъ вещахъ, *свой взглядъ* на предметы, часто не согласные съ тѣмъ, что я читалъ и чему меня учили. Мнѣ хотѣлось излить все это на бумагу, какъ-будто для того, чтобъ очищать въ умѣ и сердцѣ мѣсто для новыхъ впечатлѣній и ощущеній. Я зналъ хорошо, что меня ожидаетъ не слава и не награда, а насмѣшка товарищей и непріятности. Школа есть микроскопическій уголокъ свѣта: это гнѣздо, хранящее въ себѣ зародыши тѣхъ страстей и предрасудковъ, которые, вылупившись изъ покрывающей ихъ коры, подобно хищнымъ птицамъ, будутъ страшны разуму и заслугѣ или тихимъ ощущеніямъ души. Слово *сочинитель* есть упрекъ или насмѣшка въ животномъ, механическомъ мирѣ. *Сочинитель*, по мнѣнію словесныхъ машинъ, есть человѣкъ ни къ чему не способный, есть существо только *терпимое* (toléré) въ обществѣ. Одни мужи великіе, одаренные высокимъ разумомъ, постигаютъ пользу и достоинства существа мыслящаго, извлекающаго изъ всего первоначальнаго истины, подобно пчелѣ, извлекающей изъ всѣхъ растений медъ. Но великіе мужи еще рѣже рождаются на свѣтъ, чѣмъ великіе писатели. Если справедливо, какъ утверждали нѣкоторые фیزیологи, что головные нервы, служащіе орудіемъ душѣ и разуму, почти то же, что клавиши на фортепіанѣ, то, по несчастію, нервъ или клавишъ сатиры былъ во мнѣ громче другихъ клавишъ, и всякая неправда и несправедливость, трогая душу мою, раздавалась громко въ умѣ, и зву-

ки эти требовали излияннй. Я уже и тогда чувствовала, что это несчастіе! Исторія Сократа была мнѣ хорошо извѣстна, и земля еще налилась слухомъ о французскомъ поэтѣ Жюльберѣ, который, будучи доведенъ до госпиталн, съ отчаяннй подавалъ ключомъ! Предвидя все то, что несъяталъ послѣдствнй, я, однако жъ, не могъ заглушить въ душѣ волик природы. И. И. Дмитріевъ сказалъ справедливо:

Гоня натуру въ дверь, она влетитъ въ окно!

Между серіозными историческими работами, между упражненіями въ переводахъ и отчетахъ о прочитанномъ, для упражненія разума, я писалъ басни, сатиры, начиналъ поэмы, комедн, и всѣ эти отрывки расходились по корпусу.... Я прослылъ сочинителемъ. Этнмъ я, какъ водится, приобрѣлъ друзей и враговъ. Все это точно такъ же, какъ и въ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ товарищей до-сихъ-поръ сохранили корпусныя мои сочиненія, и еще въ текущемъ 1845 году, генералъ-майоръ Ашамлонъ Никифоровичъ Маринъ далъ мнѣ басню моего сочиненія, которая въ то время была представлена братомъ его, Сергѣемъ Никифоровичемъ, великому Державину, и мнѣ письменно одобрена. Другіе изъ моихъ товарищей даже сохранили въ памяти нѣкоторые изъ корпусныхъ моихъ стиховъ. Не привожу ничего изъ этихъ дѣтскихъ произведеній.... это были только вешешки! Укрѣпившнсь разумомъ, и понявъ все величіе поэзн, я отказался отъ стиховъ. Стихотворство то же, что игра на скрилкѣ: кто не можетъ играть такъ, какъ Паганини или Липинскій, тотъ не долженъ играть въ публикѣ. Въ прозѣ мысли, чувства, картины подчиняютъ себѣ слогъ, въ поэзн слогъ (стихи) опредѣляетъ достоинство произведенія. Россннн былъ бы смѣшонъ, если бъ захотѣлъ самъ пѣть передъ публикою то, что прельщало всѣхъ, когда пѣли Малибранъ и Рубини. Проза богатая и жива, поэзія — цвѣтущій и плодоносный садъ: и то и другое превосходно, если хорошо воздѣлывается.... Но.... каждому свое: *сuis sui que!*

У Лантинга встрѣчалъ я часто поэта Крюковскаго, прославившагося въ свое время трагедіею: *Пожарскій, или Освобожденная Москва*. Крюковскій былъ подпоручикомъ въ нашемъ корпусѣ, тихій, скромный, добродушный человекъ, бывшій извѣстнымъ въ корпусѣ болѣе своею разсѣянностью, нежели поэзіей. Онъ всегда забывалъ, въ какомъ-нибудь углу, свою шляпу и перчатки, будучи на дежурствѣ; иногда являлся въ роту безъ шапки или безъ шпаги, и во фронтѣ дѣлалъ ужасные промахи. Онъ

былъ сълюкраснѣй, пріятной наружности молодой человекъ, и чрезвычайно ласковый въ обхожденіи. Я помню литературный споръ, бывшій однажды въ квартирѣ Лантинга, между Крюковскою, старшимъ Броглю и будущимъ селъмаршаломъ, барономъ Иваномъ Ивановичемъ Дибичемъ. Дибичъ утверждалъ, что у Французовъ нѣтъ поэзіи, и что трагедія ихъ скучная, тяжелая, сухая декламация. Крюковскою и Броглю сильно защищали Расина, Корнеля, Кребильона и Вольтера, а Дибичъ уничтожалъ ихъ, противопоставляя Шекспира, Лессинга, Гёте и Шиллера, въ которыхъ Крюковскою и Броглю, на-оборотъ, не признавали ни какого трагическаго достоинства. Лантингъ склонился на сторону Дибича, но судилъ не такъ рѣзко, отдавая справедливость Французамъ. Дибичъ побѣдилъ, доказавъ, что Крюковскою и Броглю вовсе не знаютъ Нѣмцевъ, но не убѣдилъ ихъ; на меня же, безмолвнаго слушателя, этотъ споръ произвелъ удивительное вліяніе. Я сталъ прилежно учиться нѣмецкому языку, и когда, черезъ нѣсколько времени, могъ прочесть съ помощію лексикона и толкованій Лантинга, *Эмилию Галотти*, Лессинга, и *Коварство и Любовь*, Шиллера, я перенесся въ другой міръ; а когда потомъ увидѣлъ ихъ на нѣмецкомъ театрѣ (въ домѣ графа Кушелева), я склонился совершенно на сторону Нѣмцевъ. Нѣмецкій языкъ показался мнѣ во сто разъ труднѣе французскаго, во-первыхъ, потому что я раньше сталъ учиться по-французски, а во-вторыхъ, оттого, что французскій, такъ-называемый, *классическій языкъ*, состоитъ почти исключительно изъ условныхъ фразъ и формъ, когда, напротивъ, каждый Нѣмецъ пишетъ *своимъ языкомъ*, употребляя слова и обороты по произволу, и не стѣсняясь ни какими правилами въ картинахъ и выраженіяхъ. Правда, отъ этого у Нѣмцевъ мало *цегольскихъ* писателей, зато много сильныхъ. Музыкальность нѣмецкаго языка тяжелая, изложеніе часто зануднаго, отъ длинныхъ періодовъ (даже и въ прозѣ Шиллера), но мыслей бездна, а въ чувствахъ свѣжесть и сила.

Видя необыкновенно ласковое обхожденіе со мною Лантинга, гости его иногда удостоивали меня своего вниманія, а Крюковскою даже и бесѣды. Лантингъ, по благосклонности своей, напечаталъ одно классное мое сочиненіе на заданную тему (описаніе Кагульскаго сраженія) достойнымъ того, чтобъ показать собравшимся у него пріятелямъ, вѣроятно, для ободренія меня. Дибичъ сказалъ, при этомъ случаѣ, замѣчательныя слова, которыхъ никогда не забуду. «Обработывайте вашъ талантъ, молодой человекъ (*cultivez votre talent, jeune homme*), и помните, что, безъ Квинта-

Курція не было бы для насъ Александра Великаго, а безъ Тацита—Агриколы!» Во всю свою жизнь, и даже на высотѣ своей славы, Дибичъ всегда уважалъ литераторовъ, обходился съ ними ласково, и оказывалъ имъ услуги, если это отъ него зависѣло, что засвидѣтельствуетъ товарищъ мой, Н. И. Гречъ. Однажды Н. И. Гречъ, не зная лично графа И. И. Дибича, пришелъ къ нему просить о какой-то милости сиротамъ одного заслуженнаго генерала. Сперва Дибичъ, обремененный дѣлами, принималъ его довольно холодно, и сказалъ, что на это есть формы, но потомъ, спросивъ о его фамилии, и узнавъ, что передъ нимъ сочинитель *Русской Грамматики*, попросилъ въ кабинетъ, обладалъ и исполнилъ просьбу. Покойный графъ И. И. Дибичъ былъ чрезвычайно добръ душою, имѣлъ необыкновенный умъ, глубокія, разнообразныя познанія, и страстно любилъ просвѣщеніе, то есть, науки и литературу. Ему иногда вредила необыкновенная вспыльчивость и какое-то внутреннее пламя, побуждавшее его къ непрерывной дѣятельности. Во время послѣдней Турецкой Войны, прославившей его имя переходомъ черезъ Балканы, Русскіе прозвали его въ шутку, *Самоваръ-Паша*, именно отъ этого вѣчнаго кипѣнія. Прозваніе это, нисколько не оскорбительное, живо изображаетъ его характеръ. Замѣчательно, что это прозваніе не *новое*. Однажды Дибичъ, въ спорѣ съ кроткимъ и тихимъ Броглю о Семилѣтней Войнѣ, упомянулъ неосторожно о Росбахскомъ сраженіи, въ которомъ, какъ извѣстно, Французы были разбиты Фридрихомъ Вторымъ. Броглю оскорбился и замолчалъ, но въ отсутствіе Дибича изъяснилъ свое неудовольствіе передъ Лантингомъ. «Не принимайте этого въ дурную сторону, сказалъ Лантингъ: Дибичъ добрейшая душа, и не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить. Но онъ вѣчно кипитъ, какъ *самоваръ*, и къ нему надобно приближаться осторожно, чтобъ не обжечься брызгами!» Сравненіе Дибича (малорослаго, плотнаго, съ короткою шеей и высокими плечами) съ *самоваромъ*, показалось всѣмъ присутствовавшимъ такъ забавно, что всѣ расхохотались, а Броглю больше всѣхъ. Послѣ этого, при имени Дибича или при встрѣчѣ съ нимъ, я всегда вспоминалъ эту шутку, и весьма удивлялся, когда слышалъ повтореніе этого черезъ много лѣтъ!

А что стало съ моею музыкой? Матушка, уѣзжая изъ Петербурга, поручила одному своему знакомому платить за уроки на фортепіано; но мнѣ было *невозможно и некогда* заниматься этимъ, при переходѣ въ гренадерскую роту. Невозможно было потому, что нѣгдѣ было поставить инструмента, а въ малолѣт-

ное отдѣленіе, къ мадамъ Боньотъ, нельзя было ходить когда бы мнѣ захотѣлось; некогда было потому, что для меня важнѣе было справиться съ моими пуговицами и плетешками, чѣмъ съ клавишами и струнами. Фортепiano взялъ знакомецъ матушкинъ, а гитару (въ ящикѣ и подъ ключомъ) я удержалъ и хранилъ подъ кроватью, но игралъ весьма рѣдко. Когда я познакомился съ Лантингомъ, онъ велѣлъ перенести гитару къ себѣ, сожалѣлъ, что я бросилъ фортепiano, и совѣтовалъ мнѣ упражняться въ музыкѣ, говоря, что для военнаго человѣка познаніе музыки очень полезно. «Можетъ случиться, что ты будешь стоять на квартирахъ, въ какомъ-нибудь удшшенномъ мѣстѣ, гдѣ не будетъ никакого общества, никакого разсѣянiя. Нельзя же все читать и писать, и вмѣсто того, чтобъ для разсѣянiя играть въ карты или болтать вздоръ, ты найдешь прiятное препровожденіе времени въ музыкѣ, доставляя удовольствіе и себѣ и другимъ. Это можетъ отвлечь тебя отъ дурнаго общества, въ которомъ прiобрѣтаются дурныя привычки и склонности. Я зналъ нѣсколько отличныхъ молодыхъ людей, подававшихъ о себѣ прекрасныя надежды, которые спились съ-кругу, ница разсѣянiя въ веселыхъ обществахъ. Да избавить тебя Богъ отъ этого! Учись музыкѣ и рисованію: эти два искусства доставятъ тебѣ много радостей въ жизни!» Я послушался Лантинга, принялся снова за ноты и гитару, и забавлялъ его и товарищей моими пѣсенками. Это маловажное обстоятельство привожу по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобъ повторить молодымъ людямъ совѣтъ Лантинга насчетъ пользы музыки, а во-вторыхъ, что это обстоятельство имѣло довольно важныя послѣдствiя и для меня, и для корпуса вообще.

Въ корпусѣ было два хора пѣвчихъ, одинъ изъ кадетъ, а другой изъ корпусныхъ служителей и людей наемныхъ. Тогда пѣвческіе хоры не ограничивались однимъ церковнымъ пѣніемъ, но пѣвали также во время стола, на вечерахъ и вообще на празднествахъ, кантаты, гимны, стихи на разные случаи, положенные на музыку, русскія и малороссійскія пѣсни. У знатныхъ и богатыхъ людей почиталось необходимою содержать оркестръ и хоръ пѣвчихъ. Теперь это вывелось изъ моды. Въ послѣднее время, превосходный оркестръ былъ у покойнаго В. В. Всеволожскаго, а теперь только князь Б. Н. Юсуповъ содержитъ музыку. Странствующіе Нѣмцы и Богемцы замѣнили домашніе оркестры. — Хоръ корпусныхъ пѣвчихъ (изъ вольныхъ и корпусныхъ служителей) былъ превосходный. Басъ, по имени Бабуш-

князь, славился во всемъ Петербургѣ. И точно, голосъ Бабушкина былъ необыкновенный: ревъ Брейтинга передъ нимъ то же, что чириканье стрекоты передъ карканьемъ ворона! Корпусные пѣвчіе, въ праздники, послѣ обѣда, пѣвали въ саду, въ бесѣдкѣ, свѣтскіе гимны и пѣсни. Помню эффектъ, произведенный на меня кантатою, начивавшеюся куплетомъ:

О, судьба!

Исполни ты желанья наши,

Несчастливыхъ, жалостныхъ сердецъ,

О, судьба, о судьба!

Бабушкинъ пѣлъ этотъ куплетъ-соло своимъ громовымъ голосомъ, и хоръ повторялъ съ различными варіаціями. Я думалъ тогда о Пурпурѣ!... Превосходно пѣлъ этотъ хоръ любимую малороссійскую пѣсню свѣтлѣйшаго князя Потемкина, бывшую въ модѣ во всей Россіи, пока жилъ и властвовалъ Потемкинъ: «*На березіску, у ставка*»—и стихи Державина: «*Краса пирующихъ друзей,*» и тому подобное. Не знаю, по чьему желанію и повелѣнію вздумали усовершенствовать кадетскій хоръ, и пригласили знаменитаго Бортиянскаго выбрать голоса и обучать пѣвчихъ. Товарищи уговорили меня вступить въ хоръ, и Бортиянскій нашель, что я къ этому способенъ, тѣмъ болѣе, что уже зналъ ноты и важнѣйшія правила вокальной музыки. Я занялъ мѣсто альт-солиста. Надобно знать, что я до такой степени обрусѣлъ въ корпусѣ, что ходилъ съ товарищами въ русскую православную церковь, даже учился православному катихизису въ классахъ, у протоіерея Колосова, и былъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ. Въ корпусѣ была и нѣмецкая церковь и католическая каплица (chapelle), но католиковъ было весьма мало, человекъ десятокъ, и какъ изъ нихъ оставалось по воскресеньямъ человекъ три (помню только кадетовъ Дрентельна и Эдуарда), то мнѣ скучно было ходить въ эту каплицу и слушать латинскую обѣдню, безъ пѣвчихъ и безъ музыки. Катихизису учились католики въ квартирѣ патера, жившаго въ корпусѣ. По-польски я почти забылъ, и хотя понималъ легкій разговоръ, но самъ не могъ уже объясняться, да и другіе забыли, что я не природный Русакъ. Когда случалось, что меня спрашивали, изъ какого я племени (иные офицеры и учителя по моей фамилии полагали, что я родомъ изъ Булгаріи), то я всегда отвѣчалъ, что Русскій. И такъ, я пѣлъ на клиросѣ (или какъ у насъ говорятъ неправильно: на крылосѣ), вовсе не подозревая, чтобъ это могло быть неприличнымъ.

Однажды въ корпусной церкви былъ большой праздникъ: про-

неходила хиротонія архіерея * (не помню, какого по имени). Въ церкви было множество гостей и только лучшіе кадеты, потому что для цѣлаго корпусу не было мѣста. Пѣвчіе были на двухъ клиросахъ. Кадетскій хоръ пѣлъ концертъ, сочиненія Бортиянскаго, подъ его личнымъ регенствомъ, и мнѣ пришлось пѣть соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло: «*Отъ востокъ, солнце на западъ, хвалю имя Господне!*» Бортиянскій выставилъ меня впередъ передъ хоромъ, и я пѣлъ въ полъ-оборота къ публикѣ. Вдругъ въ толпѣ поднялся глухой шумъ.... одной дамѣ сдѣлалось дурно, и ее вывели подъ руки изъ церкви. Я оглянулся.... это была.... моя мать!...

Дрожащимъ голосомъ окончилъ я соло, и сказавъ что мнѣ дурно (у меня точно закружилась голова) — выбѣжалъ изъ церкви. Для матушки вынесли стулъ изъ ближней квартиры и стаканъ холодной воды.... Она сидѣла, склонивъ голову на руки сестры моей, Антонины.... Я съ воплемъ бросился въ объятія матери!...

Ей дотога стало дурно, что принуждены были перенести ее въ учительскую квартиру, и положить на софу. Явился нашъ докторъ, Зеленскій, съ спиртами и ланцетомъ, но обошлось безъ кровопусканія, и матушку привели въ чувство оттираніями. Во все это время я рыдалъ, и надлежало вывести меня изъ комнаты. Часа чрезъ два матушка совершенно оправилась. Мы пошли къ маіору Рапешу, который отпустилъ меня съ матушкою домой. По счастью случилось, что были два праздничные дня сряду. Это было лѣтомъ, въ половинѣ Августа.

Матушка жила въ Большой Морской, въ домѣ госпожи Байковой (во второмъ замужствѣ графини Морель), въ *Отель де Гродно*. Когда мы сѣли въ карету, матушка молчала, держала меня за руку, и смотрѣла на меня сквозь слезы. Сестра удивлялась, какъ я выросъ и возмужалъ. Въ самомъ дѣлѣ, вытерпѣвъ всѣ испытанія, я былъ здоровъ и крѣпокъ, не боялся ни жара, ни холода, ни жажды, ни голода, по смыслу присяги Петра Великаго «какъ храброму и не торопливому солдату надлежитъ».

Когда мы пріѣхали на квартиру, и матушка совершенно успокоилась послѣ обморока, она начала меня разспрашивать, не перемѣнилъ ли я вѣры. Я отвѣчалъ, что меня никто къ этому не приглашалъ и не понуждалъ, но что я хожу въ русскую церковь потому, что мнѣ кажется въ ней лучше, и что готовясь быть русскимъ офицеромъ, я полагаю, что мнѣ приличнѣе быть

* Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ говорится: посвященіе или рукоположеніе въ архіерей.

русской вѣры.... Не помню, какіе аргументы представилъ я въ оправданіе моего предпочтенія русской вѣры, но матушка объявила мнѣ, что если я не желаю ея смерти, то долженъ ходить въ католическую церковь и учиться религіи у католическаго священника, прибавивъ, что единственная причина ея обморока была та, что она застала меня въ русской церкви, узнавъ объ этомъ въ ротѣ, и что при одной мысли объ этомъ, она чувствуетъ смерть въ сердцѣ. Пошли слезы, утѣшенія, и наконецъ матушка, извѣстивъ о смерти моего отца, священною памятью родителя заклинала меня сохранить его вѣру!... Разумѣется, что я повиновался. Смерть отца произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Это была первая вѣчная разлука, и притомъ съ вѣжно любимымъ и самымъ близкимъ сердцу существомъ. Отъ слезъ я перешелъ къ какому-то онѣмѣнію чувствъ, и недѣли двѣ не могъ ничѣмъ заняться. Лантинъ объявилъ учителямъ причину моего столбняка, и тѣмъ избавилъ меня отъ неизбѣжныхъ несприятностей. Промешествіе съ матушкою въ корпусной русской церкви, и рассказы ея въ обществахъ объ ужасѣ, объявшемъ ее, когда она узнала въ церковномъ пѣвчѣмъ своего сына — надѣляли шуму. Римскіе католики испугались; іезуиты ударили тревогу: съ тѣхъ поръ учрежденъ былъ особый классъ, для преподаванія римско-католическаго катихизиса, и римскимъ католикамъ приказано было ходить въ свою церковь. Мнѣ это не весьма нравилось.... но надлежало повиноваться.

Все шло своимъ чередомъ въ корпусѣ, сегодня какъ завтра, завтра какъ сегодня. Послѣ экзамена меня перевели, не взирая на лѣта, во второй верхній классъ и въ пятую роту *, изъ которыхъ уже выпускали въ офицеры, въ артиллерію и въ свиту Его Императорскаго Величества, по Квартирмейстерской Части (нынѣ Главный Штабъ Его Императорскаго Величества). Пятою ротою командовалъ прежній капитанъ мой, Шепетковскій, произведенный въ майоры. Положеніе мое, въ отношеніи моего бла-

* Первая рота, гренадерская, была самая *меньшая*. Изъ гренадерской роты переводили во вторую роту (которою тогда командовалъ Подполковникъ Никита Васильевичъ Арсеньевъ), и въ третью роту Майора Раиса. Изъ третьей роты переводили въ пятую, а изъ второй въ четвертую, которою командовалъ Полковникъ Готовцевъ, а Капитаномъ былъ Михайла Степановичъ Перскій, бывший потомъ Инспекторомъ классовъ и Директоромъ Корпуса. Въ послѣдствіи (уже безъ меня) четвертая рота названа первой и гренадерскою. Изъ четвертой и пятой роты выпускали въ офицеры.

госостоянія, ни сколько не переѣнилось. Шепетковскій былъ такъ же добръ и ласковъ, какъ и Раневъ; и офицеры были люди снисходительные. Во второмъ верхнемъ классѣ я сталъ обучаться долговременной фортификаціи и артиллеріи (съ черченіемъ), ситуациі (снятію мѣстъ съ натуры), высшей математики, физики, уже въ сніянніи ея съ химіей, и вообще всѣмъ наукамъ высшаго курса. Русскую литературу преподавалъ здѣсь Желѣзняковъ, который принялъ меня весьма хорошо, по особой рекомендаціи Лаптинга.

Говоря о Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, нельзя не вспомнить объ Андрѣ Петровичѣ Бобровѣ. Въ мое время онъ былъ простымъ канониромъ, потомъ унтеръ-офицеромъ корпусной полиціи, послѣ того произведенъ въ чиновники 14 класса, а наконецъ сдѣланъ корпуснымъ экономомъ. Замѣчательное лицо Андрей Петровичъ Бобровъ! Это образецъ русскаго добродушія, русской смѣтливости, смыслености и умѣнія пройти сквозь огонь и воду, не ожегшись и не замочившись. Бобровъ скончался въ чинѣ статскаго совѣтника, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, любимый и уважаемый и начальниками и подчиненными, а особенно любимый кадетами. Онъ умѣлъ такъ вести дѣло, что, несмотря на удвоившійся комплектъ кадетовъ и на возвышеніе цѣнъ на съѣстные припасы, при равенствѣ расходныхъ суммъ, кадеты во время его экономства имѣли лучшую пищу, нежели тогда, когда на экономствѣ возсѣдали люди высшей породы, а впоследствии весьма богатые. Офицерское кушанье было таково, что холостякамъ вовсе не нужно было обѣдать и ужинать въ трактирахъ. Бобровъ чрезвычайно любилъ кадетовъ, съ которыми провелъ всю свою жизнь, и невзирая на проказы съ нимъ, никогда не жаловался на кадетъ, а угождалъ ихъ, какъ могъ. У него всегда были въ запасѣ булки и пироги для тѣхъ, которые, будучи оставлены безъ обѣда за шалость, прибѣгали къ его добродушію. Но въ такомъ случаѣ надлежало его убаюкать и общать раскаяніе и исправленіе. Притворяясь сердитымъ и непреклоннымъ, Бобровъ оставлялъ пирогъ или булку на столѣ, и уходилъ въ другую комнату, крича: «извольте убираться!» Кадетъ брагъ съѣстное и уходилъ. Это, что называется, *sauver les apparences!* Нѣкоторымъ бѣднымъ, но отличнымъ кадетамъ Бобровъ помогалъ деньгами при выпускѣ ихъ въ офицеры. Величайшею его радостью, живѣйшимъ наслажденіемъ было, когда воспитанникъ корпуса, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, по выпускѣ, навѣщалъ его, чтобъ сказать ему доброе сло-

во. Проѣзжая, однажды, мимо Корпуса, не задолго до его кончины, мнѣ вздумалось завернуть къ Боброву — и я, въ качествѣ стараго воспитанника, сказалъ, что пріѣхалъ поблагодарить его за попеченіе о моемъ дѣтствѣ, и припомнилъ ему, какъ онъ, бывъ еще полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, поймалъ меня ночью на галереѣ съ шутихой, и на обѣщаніе мое отречься навсегда отъ любви моей къ фейерверкамъ, не пожаловался на меня дежурному офицеру, а только отнялъ мои снаряды, и тѣмъ избавилъ меня отъ неизбѣжнаго наказанія. Бобровъ расплакался, какъ дитя, отъ радости. «Вы помните это, вы не забыли этой мелочи!» говорилъ сквозь слезы добрый старикъ, обнимая и прижимая меня къ сердцу. Потомъ онъ засуетился, вздумалъ угощать меня, хотѣлъ непремѣнно влить въ меня нѣсколько самоваровъ чаю, выдвинулъ цѣлую корзину вина, и я принужденъ былъ силою вырваться отъ него, и бѣжать отъ его радушія не оглядываясь. Ну, ужъ это русское радушіе! Не одного свело оно въ могилу. Бобровъ не оставилъ послѣ себя состоянія, слѣдовательно, некому восхвалять и прославлять его. Племянникъ его, бѣдный чиновникъ, добывавшій лишнюю копѣйку дѣланіемъ бумажныхъ коробочекъ, внѣ службы, похоронилъ на свой счетъ дядю, черезъ руки котораго прошли казенные милліоны! Кладу цвѣтокъ на могилу добраго человѣка.

Когда въ Первомъ Корпусѣ былъ театръ, когда кадеты танцевали на придворныхъ балахъ и отлпчались на придворныхъ каруселяхъ, тогда весь городъ обращалъ вниманіе на корпусъ. Когда же онъ ограичился своею внутреннею дѣятельностію, въ городѣ почти позабыли о немъ. И вдругъ всѣ заговорили о корпусѣ! Чтѣ это такое? Объявлено въ афишахъ и въ газетахъ, что въ корпусѣ будетъ спущенъ *воздушный шаръ*, и что на немъ взлетятъ на воздухъ, кромѣ хозяина шара, нѣсколько любителей физическихъ опытовъ. Въ корпусномъ саду, то-есть на плацъ-парадѣ, гдѣ бываесть ученье, стали строить огромный амфитеатръ, привлекавшій множество любопытныхъ. Нѣкто Черни, кажется родомъ Богемецъ, затѣялъ это предпріятіе. Это было время, близкое къ изобрѣтенію *воздухоплаванія* Монгольфьеромъ и къ усовершенствованію его опытами Блانشара. Вся Европа говорила объ этомъ, какъ теперь о желѣзныхъ дорогахъ, и на воздухоплаваніе полагали несбыточныя надежды. Предпріятіе Черни взволновало Петербургъ, и еще до окончательной постройки цирка, всѣ первыя мѣста были разобраны. Это было осенью (кажется, 1803 года). Наконецъ насталъ день, назначен-

ный для воздушнаго путешествія. Бывшій полковникомъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, видѣйскій князь Визапуръ, съ своимъ темнооливковымъ лицомъ (почти чернымъ) и кудрявыми волосами, расхаживалъ посреди цирка, между множествомъ гвардейскихъ офицеровъ и первыхъ щеголей столицы, привлекая на себя общее вниманіе. На него смотрѣли съ удивленіемъ и какимъ-то тайнымъ страхомъ. Онъ получилъ позволеніе подняться на воздухъ, вмѣстѣ съ Черни. Между-тѣмъ, пока съѣзжалась публика, въ первой аллеѣ сада, притыкающей къ плацъ-параду, наполняли шаръ газомъ, между четырьмя высокими холстинными штанами, чтобъ скрыть отъ публики шаръ и приготовительныя работы. Вокругъ этого мѣста выстроена была цѣпь кадетовъ съ ружьями. Музыка гремѣла возлѣ богатаго павильона, устроеннаго для Царской Фамиліи. Вдругъ раздался трескъ!... Это что? Шаръ лопнулъ! закричали въ аллеѣ — и эти слова пронеслись по всему амфитеатру и возбудили сильное негодованіе. Обманщикъ! раздалось въ толпѣ, и множество народа бросилось изъ амфитеатру къ аллеѣ, гдѣ былъ шаръ, и къ кассѣ, гдѣ милостивая дочь Черни, долженствовавшая также подняться на воздухъ, продавала билеты. Тамъ также былъ кадетскій караулъ. Раздраженные зрители хотѣли приколотить Черни, за то что вмѣсто воздушнаго шара, онъ надулъ публику, а другіе хотѣли только получить обратно свои деньги. Произошелъ ужасный безпорядокъ — шумъ, крикъ, толкотня; но кадеты отстояли, защитили и самого Черни, и дочь его, и кассу, и публика должна была выбраться изъ саду ни съ чѣмъ. *Finita la comedia!* Полиція объявила, что на другой день будутъ выдавать деньги за билеты, въ надлежащемъ порядкѣ.

Кадеты показали себя молодцами: сомкнули ряды и прикладами отогнали дерзкихъ. Помню, что болѣе всѣхъ отличился кадетъ Хомутовъ, высокій, красивый парень (бывшій потомъ отличнымъ командиромъ кавалерійскаго полка и, кажется, генераломъ), въ защитѣ милостивой дочери Черни, которую охранялъ также и князь Визапуръ. Не знаю, что стало съ Черни. Говорили, что онъ былъ посаженъ въ тюрьму, и будто открылось по слѣдствію, что онъ нарочно такъ устроилъ дѣло, чтобъ шаръ лопнулъ; но вѣрно то, что онъ не возвратилъ и десятой части собранныхъ имъ денегъ. Многіе богатые люди вовсе не посылали за деньгами; другіе послали и, не добившись толку, посмѣялись и забыли; прочіе носердились, побранили Цѣнца, и замолчали. Худо то, что Черни несправедливо разглашалъ, будто

часть кассы его разграбили, когда никто не прикоснулся къ ней. Черня умеръ въ Петербургѣ, но милостивая дочь его скоро утѣшилась отъ всѣхъ случившихся съ нею горестей. Она долго шеголяла по Петербургу, подъ покровительствомъ добрыхъ людей, страдающихъ несчастной красотѣ.

Послѣ этого прѣѣхалъ въ Петербургъ извѣстный воздухоплаватель Гарнерень, и также возвѣстилъ, что взлетитъ на воздухъ изъ корпуснаго сада. Онъ исполнилъ дѣло свое мастерски, безъ дальнѣйшихъ приготовленій, безъ постройки цирка. Удивительное зрѣлище *воздушный шаръ!* Нетипная характеристика прѣвственной природы человѣка! Гарнерень поднимался на воздухъ, кажется, три раза. Въ одномъ воздухоплаваніи соучествовала ему жена его; въ другомъ взлеталъ съ нимъ помощникъ его, москѣ Александръ, красивый, видный мужчина, удивительной смѣлости и расторопности. На огромной высотѣ онъ завернулся въ сѣть парашюта, и выпрыгнувъ изъ лодки. Сердца зрителей вздрогнули. Нѣсколько времени онъ, въ паденіи, вертѣлся какъ брошенный камень; многимъ дамамъ сдѣлалось дурно, всѣ ожидали несчастной развязки, и вдругъ парашютъ распустился, и понесся медленно на землю. Раздались рукоплесканія, крики ура — и парашютъ опустился на корпусномъ дворѣ, однако жъ не безъ опасности, потому что, въ самомъ углу, едва не зацѣпился концомъ за кровлю. Москѣ Александръ, ступивъ на землю, выпутался ловко изъ сѣти парашюта, подпрыгнувъ, щелкнувъ пальцами, и воскликнулъ: «на этотъ разъ спасень!»

Съ Гарнеренемъ въ третій разъ поднимался на воздухъ генералъ Л-въ, человѣкъ любезный въ обществѣ, *bon vivant*, всѣмъ тогда извѣстный въ Петербургѣ. На этотъ счетъ ходили тогда по городу, нельзя сказать стиха, а рюмованная шутка:

Генералъ Л-въ
 Взлетѣлъ до облаковъ,
 Просить боговъ,
 Объ уплатѣ долговъ.
 На землю возвратился,
 Ни съ кѣмъ не распластился!

Этой шуткой и правда дошла до Императора Александра, и онъ, посмѣявшись, велѣлъ заплатить долги генерала Л-ва, приказавъ ему сказать, что это послѣднія деньги, которыя посылались на него съ неба!

Изъ внѣшнихъ событій, внѣшнихъ вліяніе на корпусъ, припомню только празднованіе (въ 1803 году) *стольтилъ отъ осмо-*

ванія Петербурга. Мы участвовали только въ общемъ парадѣ войскъ, вокругъ монумента Петра Великаго, на Исакиевской Площади, и слушали молебствіе подъ открытымъ небомъ. Нашъ корпусъ, уже одѣтый по новой формѣ, въ киверахъ и короткихъ мундирахъ, стоялъ возлѣ самаго монумента, на *первомъ мѣстѣ*. Это было впервые, что корпусъ былъ въ парадѣ вмѣстѣ съ полками гвардіи и арміи, и до моего выпуска въ другой разъ это не повторялось. — Изъ нововведеній по фронтовой части, помнитса мнѣ два. У насъ прежде не было музыки, а были только *кларнетисты* *, въ каждой ротѣ по одному. Когда роты учились отдѣльно, одинъ кларнетистъ игралъ извѣстный *Лессаускій маршъ*, Фридриха Великаго, а при баталіонномъ ученіи кларнетисты играли вмѣстѣ. При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ въ полкахъ заведена музыка, и Цесаревичъ доставилъ это удовольствіе корпусу. Въ это же время кадетовъ стали обучать стрѣльбѣ холостыми зарядами. Прежде того мы знали только ружейные приемы, но не умѣли заряжать ружья порохомъ. По учебной части введено важное улучшеніе. М. С. Перскій, чело-вѣкъ отлично образованный, произведенъ, по новому положенію, изъ капитановъ въ подполковники и назначенъ инспекторомъ классовъ. По его представленію, при первомъ верхнемъ классѣ учреждено было отдѣленіе, въ особой комнатѣ, для чертежной и вообще для занятія высшими военными науками и математикой. Туда поступали лучшіе ученики. Классъ этотъ назывался офицерскимъ отдѣленіемъ. Цесаревичъ В. К. Константинъ Павловичъ доставилъ еще два благодѣянія корпусу. По его представительству стали выпускать изъ корпуса въ гвардію, офицерскими чинами, и недостаточнымъ кадетамъ, выпускаемымъ въ артиллерію и въ армію, назначено денежное пособіе на обмундировку.

Но самый важный нравственный переворотъ въ корпусѣ, то есть, между кадетами, которые хотѣли что либо знать, произвело изданіе П. С. Желѣзниковымъ классной книги (*Lesebuch*), подъ заглавіемъ: *Сокращенная Библіотека* (въ 4 частяхъ). Это избранныя мѣста и отрывки (имѣющіе полный смыслъ) изъ лучшихъ русскихъ писателей (въ стихахъ и прозѣ), изъ древнихъ классиковъ и знаменитѣйшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ старыхъ и новыхъ писателей, въ отличныхъ перево-

* Такъ было во всѣхъ нѣмецкихъ войскахъ, и теперь, въ обыкновенномъ разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ и въ шведскомъ, полковые музыканты называются *кларнетистами*.

дахъ. Желѣзниковъ извлекъ, такъ сказать, эссенцію изъ древней и новой философіи, съ примѣненіями къ обязанностямъ гражданина и война, выбралъ самыя плодovitыя зерна, для посѣва ихъ въ умъ и сердца юношества. Различныя отрывки въ этой книгѣ заставляли насъ размышлять, изощрять собственный разумъ и искать въ полныхъ сочиненіяхъ продолженія и окончанія *предложеній*, сохранившихся тамъ въ отрывкахъ. Кромѣ-того, въ *Сокращенной Библиотекѣ* мы находили образцы слога и языка, примѣры систематическаго изложенія мыслей и примѣры гражданского и военнаго краснорѣчія. Книга эта была для насъ путеводительною звѣздою на мрачномъ горизонтѣ, и сильно содѣйствовала умственному нашему развитію и водворенію любви къ просвѣщенію.

II.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА — ПЕРВЕНСТВО ЛЮБЕЗНОСТИ И БАРСТВА ВЪ РОДѢ НАРЫШКИНЫХЪ. — НЕПОДВИЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ НА ГОРИЗОНТѢ ОБЩЕСТВА. — БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ВЫСОКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ. — СТРАСТЬ КЪ УВЕСЕЛЕНІЯМЪ. — ТЕАТРЫ. — МУЗЫКАЛЬНОЕ СОБРАНІЕ. — МАСКАРАДЫ ФЕЛЬЕТА. — ЗАГОРОДНЫЯ ПРАЗДНИКИ И ШЛЮПКИ. — ДЕШЕВИЗНА. — ГРАФЪ ВАЛЦКІЙ И СЛУХИ О ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ. — ВОЛОКНСТВО ЗА ФОРТУНОЮ. — ПАРИЖСКІЕ РАЗБОЙНИКИ. — ОРИГИНАЛЫ, ИЛИ ЭКСЦЕНТРИКИ. — ПОЛЬСКІЙ ПАНЪ И ВЕНГЕРСКІЙ МАГНАТЪ. — *Va-banque!* — ГОРДОСТЬ ПРОТИВЪ ГОРДОСТИ, ИЛИ ПРЕТЕНДЕНТЪ КОРОРЫ ПОЛЬСКОЙ. — ХАРАКТЕРИСТИКА МИРАБО И ЛАФАЙЕТА. — ОБРАЗЕЦЪ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА. — ВЫПУСКЪ ИЗЪ КОРПУСА. — ЦѢНЫ ТОГДАШНЕЙ ОБМУНДІРОВКИ.

Каждое воскресенье и во всѣ праздничныя дни матушка брала меня со двора, и я снова заглянулъ въ свѣтъ, который не существовалъ для меня за корпусными стѣнами. Я уже былъ не ребенокъ, и могъ многое понимать; однако жъ, многое видѣнное и слышанное тогда, сдѣлалось для меня яснымъ уже впоследствии, когда я могъ разсуждать основательно и сравнивать.

Все приняло другой видъ, и самая жизнь петербургскаго общества измѣнилась со вступленія на престолъ Императора Александра. Блестательная звѣзда Двора Императрицы Екатерины Второй закатилась: Левъ Александровичъ Нарышкинъ уже лежалъ въ могилѣ. Поступивъ ко Двору въ первой молодости, при Импера-

трицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, онъ, по знатности своего рода, по богатству, по уму и характеру занималъ всегда почетное мѣсто, и сохраняя всегда милость царствующихъ особъ, пользовался даже особою довѣренностію Императора Петра Третьяго, и дожилъ до глубокой старости, сохранивъ всю свою любезность и всѣ преданія утонченности придворныхъ обычаевъ. Я слышалъ отъ близкихъ къ нему людей много весьма любопытнаго изъ разсказовъ Л. А. Нарышкина о прошлыхъ временахъ. Онъ сопровождалъ Императора Петра Третьяго въ Шлиссельбургскую крѣпость, для свиданія съ бывшимъ въ колыбели Императоромъ Іоанномъ Антоновичемъ, видѣлъ его и слышалъ его рѣчи. Л. А. Нарышкинъ говорилъ, что Іоаннъ Антоновичъ былъ красавецъ, имѣлъ прекрасные голубые глаза съ черными рѣсницами и бѣлокурые волосы, остриженные въ кружокъ, по русски. Природный умъ отзывался въ его словахъ. Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ восшествія на престолъ Императрицы Екатерины Второй, и зная лично всѣхъ людей, игравшихъ первую роль въ государствѣ, Л. А. Нарышкинъ помнилъ множеество анекдотовъ, которые въ концѣ своей жизни разсказывалъ своимъ приближеннымъ. Жаль, что все это пропало для Исторіи! Даже князь Потемкинъ-Таврическій не былъ гордъ передъ Л. А. Нарышкинымъ, и, напротивъ, искалъ его пріязни, потому что онъ былъ истиннымъ патріархомъ и коноводомъ высшаго общества столицы, которое, при всей своей уклончивости, поражало иногда выскочекъ стрѣлами эпитаграммъ. Послѣ смерти Л. А. Нарышкина не было, такъ-сказать, главы въ обществѣ, но сыновья его сохранили принадлежащее имъ первенство, потому что никто не могъ подражать нарышкинской манерѣ. Были имъ равные родомъ и высшіе богатствомъ, но никто не умѣлъ быть въ такой степени *бариномъ* (*grand seigneur*), какъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и сыновья его, Александръ Львовичъ и Дмитрій Львовичъ; никто не могъ съ не обыкновенною простотою въ обхожденіи соединить такой благородный тонъ и самую фамиліярностью внушать къ себѣ уваженіе, какъ Нарышкины. Александръ Львовичъ жилъ открыто: домъ его называли *Авшами*. Тутъ собиралось все умное и талантливое въ столицѣ, а между ими умъ хозяина разсыпался ежедневно искрами, которыя иногда больно обжигали глупую гордость и неумѣстное чванство, но болѣею частію возбуждали веселость. Дмитрій Львовичъ, мужъ первой красавицы въ столицѣ, изобиловавшей красавицами, жилъ также бариномъ, но въ другомъ родѣ. Балы его и праздники имѣли болѣе оціиальности

и менѣ той благородной свободы, которая составляетъ всю прелесть общества. Дмитрій Александровичъ приглашалъ гостей, а у Александра Львовича домъ всегда былъ полонъ друзей и приверженцевъ. Домъ князя Алексѣя Борисовича Куракина принималъ къ себѣ необыкновенною любезностію хозяйки, княгини Натальи Ивановны. Въ домѣ графа Александра Сергѣевича Строгонова, невѣстка его, графиня Софья Владимировна, привлекала общество своимъ искреннимъ радушіемъ. Словомъ, въ петербургскомъ обществѣ были, такъ-сказать, неподвижныя звѣзды, солнца, къ которымъ каждому образованному дворянину или таланту можно было пристать, въ спутники, то есть были древнія фамиліи, исполнявшія законы гостепріимства по древнимъ обычаямъ. Новые вельможи хотѣли, но не умѣли подражать русскому барству. Выскочки всегда боялись унизиться или скомпромитироваться, допуская свободу въ своемъ обществѣ, а вѣчный этикетъ поражаетъ скуку. Вообще, едва-ли петербургское общество было когда-либо въ такой сильной степени расположено къ веселой и открытой жизни, какъ въ началѣ царствованія Императора Александра. Всѣ сердца наполнены были какою-то сладостною надеждою, какими-то радостными ожиданіями, и каждый день, порождая какое-нибудь новое добро, освѣжалъ душу, воспламенялъ сильнѣе любовь къ благодушному Государю и привлекалъ къ наслажденію жизнию.

Россія жаждала мира съ Англіей, безъ которой не могла обойтись тогда ни привозная, ни отпускная русская торговля — и съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра Павловича коммерческія и политическія сношенія Россіи съ Франціею и Англіею возобновились, въ ожиданіи заключенія трактата, долженствовавшаго утвердить всеобщій, прочный миръ въ Европѣ. Множество знатныхъ иностранцевъ пріѣзжали въ Петербургъ, единственно съ тою цѣлію, чтобъ увидѣть Государя, на котораго вся монархическая Европа полагала свои надежды, прославляя всѣ новыя мѣры юнаго Императора. Права и преимущества русскаго дворянства (дарованныя въ 1785 году) снова были подтверждены, и произвели общій восторгъ. Тайная экспедиція уничтожена. Не только всѣ ссыльные не за уголовныя преступленія, но даже и многіе преступники, не закоренѣлые, а вовлеченные въ преступленіе страстями, прощены, и назначена ревизія для всѣхъ вообще ссыльныхъ, между которыми найдены безвинные. Задолжавшимъ въ казну, по несчастнымъ обстоятельствамъ, прощены долги. Благодарственное городо-
000018

снова введено въ силу, и возобновлены въ городахъ думы, магистраты и управы благочинія. Пностраницамъ позволено снова въѣзжать въ Россію и жить въ ней свободно, а Русскимъ по произволу выѣзжать въ чужіе края. Духовенство, даже въ уголовныхъ преступленіяхъ, избавлено отъ тѣлеснаго наказанія. Уничтожены не только пытка; но и всякое истязаніе при допросахъ, даже въ уголовныхъ дѣлахъ, и конфискація имѣнія преступниковъ. Дозволено купечеству, мѣщанству и крестьянскому сословію пріобрѣтать земля въ вѣчное владѣніе, и учреждено сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ позволеніемъ увольнять цѣлыя помѣстья. Учреждены университеты, педагогическій институтъ, гимназія и приходскія училища. Обращено особенное вниманіе на основаніе порядка въ государственныхъ финансахъ, на поощреніе земледѣлія, торговли и промышленности. Учреждены на прочныхъ правилахъ, американская и бѣломорская компаніи, и выслано первое путешествіе вокругъ Свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна. Войско получило новое преобразованіе, на основаніи введенной Императоромъ Павломъ Петровичемъ дисциплины, смягченной правильнымъ теченіемъ службы.... и все это исполнилось въ три года, отъ 12-го Марта 1801 до 1804 года!...

Государю было всего двадцать семь лѣтъ отъ рожденія. Онъ былъ и добръ, и прекрасенъ, и среди важныхъ государственныхъ занятій снисходилъ къ желанію обожавшихъ Его подданныхъ, и посѣщалъ и частныя и публичныя собранія. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины Второй, Французская Революція нагнала мрачныя облака на всѣ европейскіе Дворы, и политическія событія, тревожа умы, не располагали къ веселію. Мѣры предосторожности отразились и на частныхъ обществахъ, и вездѣ какъ-то пріутихли. Наконецъ, сильная рука геніяльнаго Наполеона Бонапарте, провозглашеннаго пожизненнымъ консуломъ, оковала гидру Французской Революціи. Во Франціи восстановлены религія и гражданскій порядокъ, и всѣ европейскія державы трактовали въ Амьенѣ о заключеніи общаго и прочнаго мира. Ни какихъ опасностей не предвидѣлось ни внутри, ни извнѣ; ожившая торговля разсыпала деньги; вездѣ было довольство, и люди, какъ будто послѣ болѣзни, спѣшили наслаждаться жизнію!

Въ Петербургѣ были превосходныя театральныя труппы: русская, французская, нѣмецкая, италіянская опера, и нѣкоторое время даже Польская труппа, подъ управленіемъ антрепренера Кажинскаго (отца отличнаго музыканта и композитора, Виктора Кажинскаго, нынѣ проживающаго въ Петербургѣ), и, наконецъ,

знаменитая балетная труппа. На русской сценѣ давали трагедіи, комедіи, водевилы и оперы; на французской также трагедіи, комедіи, водевилы и комическія оперы; на нѣмецкой сценѣ — трагедіи и комедіи. Итальянская опера была отличная. Примадонна Манджолетти, теноры Пасква и Ронкони, буффо Ненчини и Замбони почитались *первыми* въ Европѣ. Нашъ трагикъ Яковлевъ и трагическая актриса Катерина Семеновна Семенова, комики: Бобровъ, Рыкаловъ, Воробьевъ, пѣвцы Самойловъ и Гуляевъ, пѣвица Сандунова и множество прелестныхъ актрисъ были бы отличными и въ самомъ Парижѣ. Фелись-Андріе была первою пѣвицею во французской оперѣ. Въ балетѣ мы имѣли перваго европейскаго танцора Дюпора, знаменитаго Огюста, балетмейстера Дидло и нашихъ танцовщицъ, не уступавшихъ Таліони: Евгению Ивановну Колосову, чудную красавицу Данилову (умершую, какъ говорили тогда, отъ любви къ невѣрному Дюпору), Иконину и потомъ Истомину. Словомъ въ отношеніи изящества, Петербургъ не уступалъ Парижу, и, что всего важнѣе, директоромъ театровъ былъ *знатный баринъ*, умный, образованный, ласковый, привѣтливый Александръ Львовичъ Нарышкинъ! Въ нынѣшнемъ домѣ Коссиковского (у Полицейскаго Моста) было *Музыкальное Собраніе*, котораго членами были самъ Государь и всѣ высокія особы Августѣйшаго Семейства, а за ними, разумѣется, и вся знать. Тутъ бывали концерты и блистательныя балы. Въ домѣ графа Куселева, Французъ Фельетъ, въ огромныхъ залахъ, давалъ маскарады, которые также посѣщаемы были всѣмъ высшимъ сословіемъ. Всѣ знатные и богатые люди имѣли собственныя шлюпки или катера, богато изукрашенные: въ хорошую погоду Нева была ими покрыта, и воздухъ оглашался русскими пѣснями, прекрасно исполняемыми удалыми гребцами. Каждый хорошій лѣтній вечеръ былъ праздникомъ для всего города, и толпы горожанъ расходились по барскимъ дачамъ, на которыхъ веселились любимцы фортуны.

Дрешевизна была удивительная! Тогда вся молодежь лучшихъ семействъ и всѣ гвардейскіе офицеры ходили въ партеръ (гдѣ нынѣ кресла), и за входъ платили *одинъ рубль мѣдью*. Было только нѣсколько первыхъ рядовъ кресель, и кресла стояли два рубля съ полтиною мѣдью. Отличный обѣдъ, съ пивомъ, можно было имѣть у Францеля (на Невскокъ Проспектѣ, рядомъ съ домомъ Строгонова) и въ трактирѣ *Місь Добрай Надежды* (гдѣ фюзіотипъ, въ Большой Морской), за пятьдесятъ копѣекъ мѣдью. За два и за три рубля мѣдью можно было имѣть обѣдъ

гастрономическій, съ виномъ и десертомъ, у Югè (въ Демутевомъ трактирѣ), Тардиона (въ Hôtel de l'Europe, на углу Невского Проспекта, въ нынѣшнемъ домѣ Греча, а потомъ въ домѣ Кушелева) и у Фѣльета, содержателя маскараровъ. Помню, что въ маскарарѣ за жаренаго рябчика платили по 25 и 30 копѣекъ мѣдью, за бутылку шампанскаго по два рубля! Фунтъ кофе стоялъ въ лавкахъ сорокъ копѣекъ, фунтъ сахару полтина мѣдью. Обыкновенное хорошее столовое вино продавалось по сорока копѣекъ и по полтинѣ. Французскихъ и англійскихъ товаровъ была бездна, и они продавались втрое дешевле, чѣмъ нынѣ продаются московскія кустарныя произведенія съ казовыми оцѣнками, то есть на показъ плохое, а внутри вовсе негодное!

Въ это время, между 1804 и 1806 годомъ появился въ петербургскомъ высшемъ обществѣ человекъ, способствовавшій мнѣ узнать лучшее общество, человекъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ, и до-сихъ-поръ оставшійся неразгаданнымъ. О немъ я долженъ упомянуть, какъ о явленіи весьма рѣдкомъ.

Въ наше время, когда гражданское общество, бывъ взволновано, какъ море, вошло въ прежнее свое ложе и сверхъ-того подчинилось аргусовымъ взглядамъ книгопечатанія, уже не можетъ быть подобнаго явленія: мы теперь или все знаемъ, или хотимъ все знать, и если не можемъ проникнуть истины, то лжемъ и клеветаемъ, чтобъ только показаться всезнающими. Тогда люди были снисходительнѣе и безпечнѣе: спѣшили жить, такъ-сказать, бѣжали впередъ, и рѣдко оглядывались; каждый заботился о своей спокойствіи и наслажденіи, не безпокая никого, и общество не составляло индѣйскій касты, недоступной неодноплеменнику. Дворянство всѣхъ странъ признавало всѣхъ своихъ сочленовъ равными. Очерки границъ на географическихъ картахъ часто изгибались, и старинные члены государства не смѣли пренебрегать новыми соотчичами и даже чужеземцами, находя въ нихъ всѣ условія хорошаго общества. Но, обратимся къ человеку, который могъ бы быть героемъ весьма занимательнаго романа, если бы жизнь его была вполне извѣстна.

Валицкій, польскій шляхтичъ хорошей старинной, но обѣдѣвшей фамилии, воспитывался въ Могилевѣ, насчетъ дяди моего (старшаго брата моей матери), крайчаго (то есть кравчаго) литовскаго, Бучнискаго, будучи родственникомъ (не знаю въ какой степени) фамиліи Бучнискихъ, и оказавъ необыкновенныя способности въ наукахъ, обладалъ необыкновеннымъ природнымъ умомъ. По окончаніи воспитанія, дядя мой, по тогдашнему обы-

чаю, подарилъ Валицкому Брйчку, четыре лошади, саблю, ружье, пару пистолетовъ; далъ кучера и мальчика для прилуги; снабдилъ постелью, бѣльею и нѣсколькими парами платья, и вручивъ сто червонцевъ и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ въ Вильну и Варшаву, отправилъ молодаго человѣка въ путь, какъ говорится, куда глаза глядятъ, на всѣ четыре стороны. Тамъ велось въ старинной Польшѣ. Бѣдные дворяне, родственники или чужіе, воспитывались насчетъ богатыхъ, и потомъ, съ полнымъ приданымъ, отправляемы были въ свѣтъ, для исканія счастья, или, какъ говорили Поляки: *на волокиство за фортуной* (*w imięgi do fortuny*). У нѣкоторыхъ старыхъ Поляковъ былъ еще обычай, передъ отправленіемъ въ свѣтъ своихъ питомцевъ, растянуть ихъ на коврѣ, въ гостиной, то есть въ лучшей комнатѣ своего дома, и влѣпить сто ударовъ плетью (*sto biczow*), ни за чтò, ни про чтò, безъ всякой вины, единственно для внушенія осторожности и притупленія гордости! Но съ Валицкимъ этого не сдѣлано. Получивъ благословеніе и благіе совѣты, онъ отправился въ путь, незадолго до присоединенія Бѣлоруссін къ Россіи. Ему было тогда лѣтъ осмнадцать отъ рожденія. Съ этихъ поръ онъ пропалъ безъ вѣсти, исчезъ какъ камень, брошенный въ воду, и появился въ Варшавѣ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія изъ Польши, въ началѣ Польской Революціи, графомъ и богатѣйшимъ человѣкомъ. Графство купилъ Валицкій въ какомъ-то итальянскомъ владѣніи, и король Польскій призналъ его въ этомъ достоинствѣ, слѣдовательно, онъ былъ *не самозванецъ*, какъ нѣкоторые утверждали. Король, за пожертвованіе значительныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній, наградилъ его орденомъ святаго Станислава первой степени. Мало того, что онъ былъ графомъ и миллионщикомъ, онъ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ значительнѣйшими фамиліями въ Италиі, Франціи, Англии и Германіи, и его хорошо принимали при многихъ дворахъ. Рѣчь, тонъ, манера, образъ жизни, все обнаруживало въ Валицкомъ человѣка, привыкшаго къ высшему обществу, а жилъ онъ какъ настоящій герцогъ временъ Людовика Четырнадцатаго. Всѣ терялись въ догадкахъ насчетъ пріобрѣтенія Валицкимъ богатства, и всѣ старались пріобрѣсть его дружбу и благосклонность, потому что обѣды его были знамениты во всей Европѣ, щедрость изумительная, обхожденіе самое пріятное, вкусъ во всемъ изящный, краснорѣчіе увлекательное и нравъ самый веселый и уживчивый. Онъ былъ всю жизнь холостъ, но принималъ и дамское общество, избирая для каждаго бала новую хозяйку изъ высшаго об-

щества. Въ домѣ у Валицкаго играли въ карты, и онъ игралъ превосходно во всѣ игры, выигрывалъ большія суммы, но и проигрывалъ иногда; игралъ чисто, честно и пріятно, былъ, какъ говорится, beau joueur, что тогда почиталось важнымъ качествомъ въ свѣтскомъ человѣкѣ. Общее мнѣніе утверждало, что Валицкій составилъ себѣ богатство игрою, но гдѣ и какъ — этого никто не зналъ навѣрное. Мнѣ рассказывали, что нѣсколько разъ знаменитые шулеры, то есть фальшивые игроки, составляли противъ него заговоры, чтобъ обмануть его *на-втрную*, и всегда платили за это дорого!

Contre coquin, coquin et demi, говаривалъ Валицкій, и очищалъ до копѣйки шулеровъ, наказывая ихъ за дерзкое покушеніе. Иногда онъ возвращалъ деньги нѣкоторымъ шулерамъ, если они ему нравились, а чаще отдавалъ выигранное на бѣдныхъ, не желая пользоваться, по его словамъ, *штуками*, употребляемыми для наказанія непріятелей!

Не знаю, былъ ли таковъ Валицкій *всегда*, то есть когда былъ бѣденъ: въ послѣднее время, то есть когда онъ выступилъ на свѣтское поприще богачомъ, общее мнѣніе утверждало, что онъ игралъ честно, но чрезвычайно искусно и *счастливо*, и каждый, почтавшій себя хорошимъ игрокомъ, смѣло садился съ нимъ за карточный столъ. Втеченіе двадцати лѣтъ послѣ возвращенія Валицкаго въ отечество, даже зависть не могла бросить тѣни на его поведеніе, а репутація его оставалась неприкосновенною. Клевета истощала весь свой ядъ на неизвѣстный, тайный періодъ жизни Валицкаго: вѣрнаго не было ничего.

Говорятъ, что онъ уже въ глубокой старости, поселившись въ Вильнѣ, открылъ всѣ тайны своей жизни генералу Коссаковскому, съ которымъ жилъ въ тѣсной дружбѣ. Но эти тайны погребены съ обоими друзьями въ могилѣ! Нѣкоторыя *данныя*, однако жъ, остались въ памяти людей, и доискиваясь математически *неизвѣстнаго*, по нѣсколькимъ *извѣстнымъ*, кое-что открыто. Были люди, которые видывали Валицкаго въ различныя эпохи и въ разныхъ краяхъ, и онъ самъ никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако жъ, подробностей, и не распространяясь въ разсказахъ. Напримѣръ, Валицкаго спросили: «Правда ли, что князь Фр. Сап. встрѣтилъ васъ въ крайней бѣдности, въ Галиціи?» — Правда, отвѣчалъ Валицкій: я былъ безъ куска хлѣба и безъ гроша денегъ, и князь сдѣлалъ мнѣ добро, котораго я никогда не забуду. — «Какъ это было?» На этотъ вопросъ Валицкій уже не отвѣчалъ, а отбѣгивался обык-

военными фразами: это для васъ не интересно, а для меня скучно, и тому подобное.

Вѣрно то, что Валицкій имѣлъ съ молодю страсть и необыкновенныя способности къ карточной игрѣ, а какъ тогда *все* и *везде* играли, и азардныя игры были не запрещены, то во всѣхъ трактирахъ и кофейняхъ, въ большихъ и малыхъ городахъ, метали банкъ и штось, и повсюду цѣлыя шайки игроковъ, разбѣжались по ярмаркамъ, какъ купцы съ товарами, плелись за войскомъ, какъ маркитанты, имѣли въ городахъ свои открытыя залы, и не стыдились своего ремесла. Еще я помню, въ Вильнѣ, такъ-называемую, *серебряную залу*, въ домѣ генеральши Фитингофъ, и въ Варшавѣ (когда послѣ Парижскаго мира была тамъ главная квартира князя Барклая де-Толли, до провозглашенія Царства Польскаго) залу госпожи Нейманъ (Pani Neumanowej), въ Hôtel de Nambourg, гдѣ *каждый вечеръ* метали банкъ и играли въ штось, на нѣсколькихъ столахъ, и гдѣ были *въ оборотъ* сотни тысячъ рублей! Многие полагали даже, что публичная игра, хотя и противна правиламъ порядка и нравственности, однако жъ не производить столько бѣдствій, какъ игра тайная, въ которой нѣсколько шулеровъ, сговорившись, просто грабятъ неопытныхъ или страстныхъ игроковъ. На публичной игрѣ трудно обманывать, потому что одни шулеры наблюдаютъ за другими, и тотчасъ воспользуются случаемъ, узнавъ средства обмана. Валицкій, путившись въ свѣтъ искать счастья, сталъ играть въ карты, выигрывалъ, проигрывалъ, и, наконецъ, донгрался до того, что въ Лембергѣ остался совершенно на мели, и, какъ говорили, долженъ былъ, ради насущнаго хлѣба, опредѣлиться въ маркеры въ трактиръ. Въ то время между богатыми и знатными людьми было весьма много людей оригинальныхъ, или, какъ нынѣ говорятъ, *эксцентрическихъ*, то есть, людей, которые жили особою жизнью, вопреки своему рожденію и состоянію, искали повсюду приключеній, и большую часть жизни проводили въ страствіяхъ, инкогнито, мѣшаясь со всѣми сословіями, посѣщая мѣста самыя низкія, и находя единственное наслажденіе въ сильныхъ ощущеніяхъ, въ внозапностяхъ, въ необыкновенныхъ событіяхъ, подвергаясь даже опасностямъ. Таковъ былъ и князь Фр. Сан., принадлежавшій по рожденію и богатству къ разряду первыхъ польскихъ пановъ. Въ первой своей молодости онъ уже былъ главнымъ начальникомъ артиллеріи литовской (генераломъ отъ артиллеріи), получивъ это важное званіе не заслугою, потому что онъ вовсе не служилъ, а милостию короля, желавшаго скла-

нить сильную партію его фамиліи на свою сторону. Отець князя Фр. Сап. былъ канцлеромъ. Во время всеобщаго возстанія въ Польшѣ, подъ начальствомъ Костюшки, князь Фр. Сап. объявилъ, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ такому высокому званію, предложилъ Костюшкѣ выбрать достойнаго въ генералы артиллеріи, а самъ поступилъ въ капитаны. Этотъ поступокъ обнаруживаетъ характеръ князя Фр. Сап. Я зналъ его лично въ Парижѣ, и бывалъ у него въ домѣ въ Вильпѣ и въ виллѣи его, въ гродненской губерніи. Это былъ человѣкъ необыкновеннаго просвѣщенія и образованности, умный, острый, шлыій, любезный въ обхожденіи, безъ малѣйшей гордости, простодушный и добрый—но, чудакъ! Онъ терпѣть не могъ всякой выставки богатства и всякаго этикета, рѣдко, только проѣздомъ, жила въ своемъ великолѣпномъ помѣстьѣ, и безпрестанно странствовалъ по Европѣ, съ однимъ камердинеромъ и запасомъ банкирскихъ векселей въ карманѣ, посѣщая игорные дома и всѣ самыя сокровенныя мѣста въ большихъ городахъ. Кажется, будто Евгений Сю съ него списалъ типъ характера своего князя Родольфа, въ *Парижскихъ Тайнахъ*! И точно, князь Фр. Сап. въ теченіе своей жизни сдѣлалъ много тайнаго добра, спасъ многихъ несчастныхъ отъ гибели, въ безднѣ разврата, и даже многихъ отвлекъ отъ преступленій. Вотъ примѣръ, какимъ опасностямъ подвергался онъ, удовлетворяя страсти своей къ приключеніямъ. Это слышалъ я отъ него. Въ одно изъ своихъ путешествій во Францію, онъ, въ дилижансѣ, познакомился съ Французомъ, весьма пріятной наружности, хорошаго тона и отличнаго образованія. Прѣхавъ въ Парижъ, они разстались, но, по какому-то особенному случаю, князь весьма часто встрѣчалъ своего спутника, то въ трактирахъ, за обѣдомъ, то на прогулкахъ, то въ театрѣ, и встрѣтясь, иногда проводилъ съ нимъ цѣлый день, паходя удовольствіе въ его бесѣдѣ. Ни тотъ ни другой не спрашивали другъ друга о мѣстѣ жительства, хотя и знали одинъ другаго по фамиліи. Французъ называлъ себя графомъ старинной аристократіи. Однажды, когда князь возвратился вечеромъ домой, чтобъ переодѣться въ театръ, онъ нашелъ записку отъ своего прежняго спутника, въ которой онъ просилъ князя захватить къ нему на четверть часа, по *весьма важному дѣлу*, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства, уведомляя, что онъ нездоровъ, и поэтому не можетъ самъ явиться, надѣясь впрочемъ, что князь, по благородству характера, не откажетъ ему въ этомъ. Князь думалъ, что вѣрно важное дѣло состоитъ въ денежномъ пособіи, какъ

это неразъ уже съ нимъ случалось, и взявъ съ собою нѣсколько сотъ франковъ, отправился немедленно по адресу. Князь засталъ своего знакома въ шлафрокѣ, въ комнатѣ, убранной со вкусомъ. Въ передней были два лакея. Попросивъ князя сѣсть, пріятель сказалъ ему безъ обиняковъ, съ веселою улыбкою: «Я уже давно волочусь за вами, любезный князь, и, наконецъ, достигнулъ своей цѣли! Вы богаты, а я бѣденъ. Мнѣ извѣстно, что у васъ въ шкапулкѣ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, и вы должны сейчасъ же написать къ вашему камердинеру, чтобъ онъ отдалъ ее моему посланному, въ противномъ случаѣ, вы не выйдете отсюда живымъ».... При этомъ онъ позвонилъ, и изъ передней вбѣжали два лакея, а изъ другой комнаты два человѣка ужасной физиономіи съ пистолетами и кинжалами. Сопротивляться было невозможно, и князь, при своей неустрашимости и своемъ хладнокровіи, безпрекословно исполнилъ требованіе разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ немедленно отправился въ квартиру князя, а между тѣмъ спутникъ князя продолжалъ съ нимъ разговоръ. — «Это, конечно, не вѣжливо, сказалъ онъ: но вѣдь эта сумма не разоритъ васъ въ-конецъ, а намъ дастъ средство ускользнуть въ Америку, отъ несноснаго здѣшняго правосудія, которое не даетъ намъ покоя! Я знаю васъ, князь, еще съ послѣдняго вашего пребыванія въ Парижѣ, продолжалъ онъ: и тогда еще хотѣлъ попросить васъ подлиться со мною вашимъ достаткомъ, но не успѣлъ, и долженъ былъ удалиться изъ Парижа, отъ здѣшней неотвязной полиціи. Вы не повѣрите, какъ я обрадовался, встрѣтивъ васъ снова въ Парижѣ, и когда узналъ, что вы отправляетесь въ Седанъ, для осмотра суконной фабрики барона Нееллиса, поспѣшилъ туда передъ вами, чтобъ имѣть удовольствіе познакомиться съ вами на обратномъ пути!...» — Но неужели вы, съ вашимъ образованіемъ, не могли избрать лучшаго и безопаснѣйшаго средства къ существованію? возразилъ князь. Я охотно помогъ бы вамъ въ этомъ... — «Вы и дѣлаете это теперь, отвѣчалъ смѣясь, разбойникъ. Я уже пробовагъ различныя средства къ приобрѣтенію состоянія, но они мнѣ не удавались, и вотъ теперь я уже связанъ, и не могу разстаться съ моими любезными товарищами», приволвилъ разбойникъ, указывая на своихъ сообщниковъ. «Впрочемъ, продолжалъ онъ: ремесло хотя опасное, но прибыльное, какъ вы сами видите! Люди мы не злые, и не убьемъ васъ, потому что вы добровольно покорились, а черезъ часъ насъ уже не будетъ въ Парижѣ».... Пока они разговаривали такимъ образомъ, явился посланный и привезъ шка-

тулку. — «Браво! воскликнулъ главный мошенникъ, и обратясь къ князю, сказалъ: «Вы сдѣлали для насъ много, и теперь должны довершить доброе дѣло. Мы васъ свяжемъ, такъ осторожно, однако жъ, чтобъ вамъ не было больно, уложимъ въ постель, завяжемъ ротъ, чтобъ вы не кричали и уйдемъ, а чрезъ осемь часовъ, оставшійся здѣсь пріятель уведомитъ вашего камердинера, чтобъ онъ освободилъ васъ. Хотя это *нѣсколько непріятно*, но всё же лучше, чѣмъ быть зарѣзаннымъ!».... Вдругъ слышался у дверей стукъ.... Главный разбойникъ выглянулъ въ переднюю, и закричавъ: «nous sommes trahis!» (намъ измѣнили), бросился стремглавъ въ другую комнату, а товарищи его за нимъ. Въ комнату вбѣжалъ камердинеръ князя съ пистолетами, а съ нимъ цѣлая толпа вооруженныхъ полицейскихъ служителей. Полицейскій комиссаръ, узнавъ отъ хозяина дома, что въ эту квартиру ведутъ двѣ лѣстницы, поставилъ караулъ у заднихъ дверей, и эти пять человѣкъ разбойниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ, которыхъ давно искала полиція, попались въ западню! Ихъ обезоружили, перевязали, а князю отдали шкатулку, посоветовавъ быть осторожнѣе въ знакомствахъ.

Вотъ какимъ образомъ князь избавился отъ опасности и сохранилъ деньги. Камердинеръ его, Французъ, получивъ записку князя объ отдачѣ шкатулки въ чужія руки, тотчасъ догадался, что тутъ скрывается какое-нибудь злоумышленіе. Сперва онъ намѣревался задержать посланнаго, но опасался, чтобъ изъ этого не вышло чего-нибудь дурнаго, потому что князь писалъ, чтобъ прислать шкатулку *немедленно*, безъ всякихъ разспросовъ. Онъ отдалъ шкатулку, но съ лоплакеемъ послѣдовалъ за посланнымъ. Они бѣжали за фіакромъ, пока не нашли на улицѣ другаго наемнаго экипажа. Добѣжавъ до дому, гдѣ происходила эта трагическая сцена, камердинеръ велѣлъ лоплакею узнать, по какой лѣстницѣ посланный понесетъ шкатулку, а самъ поскакалъ къ полицейскому комиссару. По особенному счастью, у комиссара была въ это время собрана полицейская команда, съ которою онъ намѣревался отправиться для обыска одного магазина, гдѣ хранилась контрабанда, и помощь князю поспѣла въ самую пору. Но это происшествіе вовсе не отъучило князя отъ исканія приключеній, и онъ даже говорилъ, что это одно изъ самыхъ *пріятныхъ воспоминаній въ его жизни!* «Вы не можете себя представить, сказалъ онъ намъ, какое блаженство чувствовалъ я, освобождаясь изъ этого разбойничьяго гнѣзда! Такихъ минутъ нельзя купить за миллионы! Во-первыхъ, деньги, находившіяся въ

шкатулкѣ, казались мнѣ выигранными; во-вторыхъ, я почувствова въ цѣну жизни, бывъ на волосъ отъ смерти; а въ-третьихъ, я приобрѣлъ друга, въ моемъ вѣрномъ камердинерѣ». Князь, пересчитавъ деньги, которыя у него были въ шкатулкѣ, принудилъ камердинера взять вексель на эту сумму, и выплатилъ ее ему по возвращеніи въ отечество.

Таковъ былъ человѣкъ, который встрѣтилъ Валицкаго въ должности маркѣра, въ Лембергѣ. Разговорившись съ нимъ наединѣ, и узнавъ кто онъ, князь, зная Бучинскихъ, потому что самъ имѣлъ огромныя помѣстья въ Бѣлоруссіи, предложилъ Валицкому свою помощь, и взялъ его съ собою въ Вѣну, въ качествѣ компаніона. Князь уѣхалъ изъ Вѣны въ Польшу, по дѣламъ, а Валицкій остался. Страсть къ игрѣ князь не почиталъ порокомъ, потому что она обладала имъ самимъ въ сильной степени, и потому, полюбивъ Валицкаго, онъ далъ ему денегъ, чтобы, какъ говорятъ игроки, *разыгратъ*ся.

Въ какомъ-то закоулочномъ трактирѣ, въ Вѣнѣ, Валицкій, въ складкѣ съ нѣсколькими товарищами, мелкими игроками, металъ банкъ. Было уже за-полночь. Счастье благоприятствовало банкиру, и карманы понтеровъ уже опустѣли. Компанія намѣревалась закрыть банкъ, какъ-вдругъ вошелъ въ комнату высокій, сухощавый, пожилой человѣкъ, съ длинными усами, въ венгерской мѣховой шапкѣ, закутанный въ широкій венгерскій плащъ. Онъ смотрѣлъ пристально на игру, вдругъ взялъ со стола карту, подвинулъ къ банку, и сказалъ: *ва банкъ* (*va-banque!* то есть, на весь банкъ). Товарищи Валицкаго смутились, но онъ ободрилъ ихъ, сказавъ, что будетъ метать. — «Извольте прежде пересчитать деньги, и положите на столъ соотвѣтственную сумму», сказалъ одинъ изъ участниковъ банка. Требованіе было справедливое, но Венгерець не соглашался, и даже сказалъ, что съ нимъ нѣтъ денегъ, но если они *честные люди*, то должны вѣрить ему на слово. Товарищи Валицкаго не соглашались, но онъ, взглянувъ пристально на Венгерца, вычиталъ въ его фязіономіи какое-то благородство и величіе, и сказалъ товарищамъ: «Отложите банкъ въ сторону, я одинъ отвѣчаю этому господину *на-слово*, если онъ вызываетъ меня *на честь!*» — Вотъ это я люблю! сказалъ Венгерець: Мечьте!» Валицкій сталъ метать, и убилъ карту. Сосчитали деньги, всего было около пятисотъ червонцевъ. — «Теперь не угодно ли вамъ пожаловать со мною, для полученія денегъ», сказалъ Венгерець. — Какъ угодно, отвѣчалъ Валицкій. Товарищи хотѣли сопровождать его, но Венгерець не со-

глашася, приглашая одного Валицкаго; онъ и въ этомъ уступилъ Венгерцу, не взирая на представленія своихъ пріятелей. Они пошлы по вѣскимъ улицамъ, и Венгерецъ остановился у великолѣпнаго дома, позвонилъ, и швейцаръ, въ дѣвѣ, отперъ дверь и съ изъявленіемъ уваженія посторонился. Венгерецъ повелъ Валицкаго, черезъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ, въ кабинетъ, предшествуемый двумя лакеями со свѣчами. — «Извольте садиться», сказалъ Венгерецъ. Валицкій сѣлъ. — «Кто вы таковы?» спросилъ Венгерецъ. — Претендентъ короны польской! отвѣчалъ находчивый Валицкій, догадавшись, что имѣетъ дѣло съ оригиналомъ. — По какому праву?» возразилъ Венгерецъ. — По праву рожденія», отвѣчалъ Валицкій: «Я природный польскій шляхтичъ, по фамиліи Валицкій, а вамъ извѣстно, что каждый польскій шляхтичъ можетъ быть избранъ въ королѣ!» Венгерецъ улыбнулся. — И такъ, имѣю честь рекомендоваться, сказалъ онъ: я князь Э., магнатъ венгерскій. Вамъ, какъ претенденту короны польской, а мнѣ, какъ магнату венгерскому, не слѣдовало бы посѣщать такія мѣста, какъ то, въ которомъ мы встрѣтились.... но я дѣлаю это, иногда, для разсвѣянія».... — «А я, по нуждѣ», возразилъ Валицкій, и рассказалъ ему всю свою исторію. Откровенность, умъ и образованность молодого человека поправились магнату, который почиталъ обязанностью отплатить ему за оказанную довѣренность. Отсчитавъ деньги, магнатъ простился съ новымъ своимъ знакомцемъ, взявъ его адресъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, вѣроятно послѣ справки въ полиціи или у польскаго посланника, магнатъ пригласилъ Валицкаго къ себѣ обѣдать, и представилъ своимъ родственникамъ и аристократіи, какъ своего пріятеля, которому онъ обязанъ, и въ судьбѣ котораго онъ принимаетъ самое искреннее участіе. Валицкій такъ умѣлъ вести себя, что снискалъ общую благосклонность, и сталъ домашнимъ въ семействѣ магната, который любилъ его дотого, что не могъ безъ него обойтись. Черезъ нѣсколько времени магнату надлежало ѣхать въ Парижъ съ какими-то дипломатическими порученіями. Онъ взялъ Валицкаго съ собою, и ввелъ его во всѣ дома, въ которые самъ былъ приглашаемъ, и между прочими къ княгинѣ Полицьякъ, любимицѣ королевы Маріи-Антоанеты. — Все это рассказывалъ мнѣ французъ Деронъ, бывший при Валицкомъ много лѣтъ сряду довѣреннымъ управителемъ дома. Съ этихъ поръ прекращаются всѣ подробности о Валицкомъ. Извѣстно только, что онъ удостоился чести быть представленнымъ къ французскому Аврору, бывавъ на

вечерахъ у королевы, былъ хорошо принимаемъ во всѣхъ первыхъ парижскихъ домахъ, и въ это время завелъ дружескія связи со многими знатными иностранцами, посѣщавшими Парижъ, и съ членами дипломатическаго корпуса. Онъ путешествовалъ по Италіи, по Англій, извѣздилъ всю Германію, en grand seigneur, бариномъ, и возвратился въ Парижъ въ началѣ Французской Революціи. Слышалъ я, что онъ даже имѣлъ случай оказать много услугъ королевской фамиліи, бывшей, при возвращеніи его въ Парижъ, въ несчастномъ положеніи, и пользовался особенною довѣренностью королевы Маріи-Антуанеты. Валицкій никогда не вмѣшивался въ политику, и весьма рѣдко разговаривалъ о ней; но очевидно было, что онъ былъ аристократъ въ душѣ и монархистъ по убѣжденію. Находясь въ Парижѣ, во время революціи, онъ зналъ многихъ изъ главныхъ ея участниковъ, и я самъ слышалъ, какъ онъ, говоря однажды о Мирабо, сказалъ: mauvais plaisant et mauvais joueur (то есть, плохой шутникъ и дурной игрокъ). Онъ искренно сожалѣлъ о ниспровергнутомъ старинномъ порядкѣ вещей во Франціи, и вообще ненавидѣлъ революціонеровъ. Когда передъ нимъ сказали однажды, что Лафайетъ могъ бы спасти престолъ и монархію, онъ съ жаромъ воскликнулъ: «Никогда! Я знаю очень хорошо Лафайета, примолвилъ онъ: онъ честный человѣкъ, но слабъ характеромъ, и въ этомъ совершенно сходенъ съ Костюшкой, съ тою разницею, что Костюшко прѣстоудушенъ и искрененъ, а Лафайетъ тщеславенъ, какъ кокетка!»

Возвратясь въ отечество графомъ, Валицкій купилъ нѣсколько тысячъ душъ въ гродненской и виленской губерніяхъ, и между прочимъ богатое помѣстье Іезіоры, подъ Гродномъ. Онъ проживалъ то въ Гроднѣ, то въ Вильно, а по восшествіи на престолъ Императора Александра переѣхалъ на житье въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ много знакомствъ по прежнимъ связямъ за границей. Онъ сперва нанималъ весь нижній этажъ (rez-de-chaussée), въ домѣ графини Браницкой (нынѣ князя Юсупова, на Мойкѣ), а потомъ купилъ собственный домъ (въ Большой Морской, на углу Почтамскаго Переулка, нынѣ домъ господина Норда), потому только, что прежняя квартира его была не на солнцѣ. Комнаты графа Валицкаго меблированы были съ величайшимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. По возвращеніи Крузенштерна изъ путешествія вокругъ Свѣта, привезенные товары на корабляхъ *Надеждѣ* и *Невѣ* продавались съ аукціона въ Правленіи Россійско-Американской Компаніи (бывшей тогда въ Гороховой, между

Садовою и Семеновскимъ Мостомъ), и вся знать съѣзжалась туда ежедневно, покупать или любоваться произведеніями Китая и Японіи. Графъ Валицкій купилъ лучшія вещи: китайскіе шелковые обои на нѣсколько большихъ комнатъ, множество китайскихъ и японскихъ вазъ и разныхъ фарфоровыхъ вещей, которыми были уставлены карнизы сперва въ его квартирѣ, а потомъ въ его домѣ. Кромѣ-того, онъ имѣлъ богатое собраніе картинъ лучшихъ мастеровъ. Но чтó составляло истинное богатство, это множество драгоценныхъ камней и галантерейныхъ вещей, которыя находились въ ящикахъ, за стекломъ, въ его кабинетѣ. Коллекція его золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ почиталась, по справедливости, первою въ Европѣ, и между ними находились извѣстныя въ цѣломъ свѣтѣ двѣнадцать эмальированныхъ табакерокъ, съ живописью знаменитаго Петито. Эти табакерки, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежали французскому королю: о нихъ было много толковъ, но извѣстно, что въ революцію множество королевскихъ драгоценностей перешло въ частныя руки. Нѣсколько столовыхъ сервизовъ графа Валицкаго изумляли богатствомъ и изяществомъ, и къ золотому сервизу, въ коралловыхъ черенкахъ ножей и вилокъ, вставлены были драгоценныя камни. Между рѣдкостями графа Валицкаго извѣстенъ цѣлому свѣту его сафиръ, измѣнявшій свой цвѣтъ послѣ захожденія солнца, онъ послужившій госпожѣ Жанлисъ предметомъ къ написанію повѣсти. А кто исчислитъ коллекцію его шалей, богатѣйшихъ кружевъ и тому подобнаго! Хотя бы графъ Валицкій и не былъ такъ любезенъ, то самое любопытство заставляло бы навѣщать его, чтобъ видѣть его рѣдкости. И потому неудивительно, что все петербургское высшее общество навѣщало его, и что его вездѣ хорошо принимали. Всѣ, знавшіе Петербургъ въ эту эпоху, вѣрно помнятъ графа Валицкаго. Едва-ли можно было найти столь пріятнаго и занимательнаго человѣка въ бесѣдѣ, какъ онъ. Знавъ всѣхъ важнѣйшихъ людей въ Европѣ, и бывъ свидѣтелемъ необыкновенныхъ событій, онъ имѣлъ въ запасѣ множество анекдотовъ и происшествій, которые рассказывалъ чрезвычайно мило, умѣя придавать даже серьезнымъ дѣламъ лакъ сатиры. Дамамъ онъ рассказывалъ о Версали, о Трианонѣ и праздникахъ Маріи-Антоанетты, о жизни парижскаго общества передъ революціей, и тому подобномъ. Графъ Валицкій обладалъ, кромѣ-того, двумя весьма важными качествами, которыя въ свѣтѣ имѣютъ силу волшебныхъ талисмановъ, а именно: онъ умѣлъ отлично угощать, по всѣмъ правиламъ изящной роскоши и утонченности, и умѣлъ

кстати дарить. Люди, которые съ-роду не брали ни отъ кого и ни какихъ подарковъ, нигда не могли отказаться отъ подарка графа Валицкаго. Изящный вкусъ его служилъ образцомъ для самыхъ образованныхъ людей, и они съ нимъ совѣщались при мебелировкѣ дома, при устройствѣ праздника или бала.

При этихъ свѣтскихъ добродѣтеляхъ, графъ Валицкій былъ чрезвычайно благотворителемъ. Онъ любилъ помогать несчастнымъ, и сыпалъ деньги во всё Богоугодныя заведенія. Виленскому университету подарилъ онъ богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ камней и минераловъ, которая носила прозваніе *коллекціи Валицкаго*; она нынѣ находится въ университетѣ святаго Владиміра, въ Кіевѣ. Кроме-того, онъ устроилъ, въ Вильнѣ, фундушъ для осьми бѣдныхъ воспитанниковъ, то есть, купилъ домъ, въ которомъ эти воспитанники жили, на полномъ его содержаніи, и имѣли надзирателя. Такой человѣкъ уже не принадлежитъ къ толпѣ!...

При различныхъ догадкахъ объ источникахъ богатства графа Валицкаго, мнѣ кажется, я болѣе другихъ приближусь къ истинѣ, если скажу, что онъ прибрѣлъ богатство торговлею драгоцѣнными камнями (*bijouterie*), картинами, антиками, тому подобнымъ. Бывая у него въ домѣ во всякое время дня, зная всѣхъ его домашнихъ и присматриваясь къ ходу дѣлъ, я убѣдился въ этомъ. Всѣ петербургскіе велеры, особенно господинъ Дюваль, бывали у него весьма часто по утрамъ, и то приносили вещи, то брали изъ ящичковъ графа Валицкаго. Тремя, о которомъ я говорилъ выше, занимаясь у него этимъ дѣломъ, и велъ переписку съ Парижемъ, Лондономъ, Амстердамомъ и другими богатыми городами, даже съ Константинополемъ. Черезъ тогдашняго банкира барона Раля переводились за границу и получались оттуда огромныя суммы денегъ. Все обнаруживало торговлю, которую графъ Валицкій велъ черезъ другихъ, велъ секретно, потому что въ время въ общество охотѣе принимали хорошаго карточного игрока и умнаго искателя приключеній (*aventurier*), чѣмъ купца. Тогда было правиломъ, что для дворянина перо и шпага, а для купца аршинъ и вѣсы, — и два сословія сходились только официально. Тогда аристократія считала для себя унижительнымъ подряды, торги, откупы, спекуляція, и порядочное дворянство подражало ему. Теперь, во Франціи, *денежная аристократія* взяла перевѣсъ надъ породою, и разбогатѣвшіе лавочники затерли потомковъ крестовыхъ рыцарей и дѣтей наполеоновскихъ генераловъ! Франціи всегда подражаетъ Сѣверная Европа, и теперь, у насъ, дворянство не только не стыдится торговли, напротивъ,

люди гордятся оборотами, спекуляціями, подрядами и откупамъ, какъ предки наши гордились военскими или гражданскими подвигами. Полезно ли всеобщее водвореніе торговаго духа во всѣхъ сословіяхъ общества? Это важный вопросъ, предтоящій разрѣшенію моралистовъ. Встарину, во многихъ государствахъ, дворянствъ лишился правъ своихъ, если занимался какимъ-нибудь ремесломъ. Развѣ ремесло, доставляющее честное пропитаніе, ниже торговли? Все это странности ума человѣческаго, *bigarrures de l'esprit humain*, которыя приобрѣтаютъ важность отъ духа времени. Если разобрать дѣло основательно, то трудолюбивому ремесленнику удобнѣе сохранить чистоту правовъ, нежели торговцу, потому что барыши увлекаютъ далеко, далеко! Но съ духомъ времени нельзя воевать. — Графъ Валицкій въ наше время могъ бы явно торговать алмазами, и за это еще болѣе былъ бы уважаемъ въ свѣтѣ, а тогда онъ соглашался на то, чтобъ люди вѣрили, будто онъ приобрѣлъ состояніе игрою, чтобъ только скрыть свою торговлю.

Еще будучи кадетомъ, я видѣлъ въ домѣ графа Валицкаго почти всѣхъ тогдашнихъ значительныхъ людей, или людей, имѣвшихъ вѣсъ въ обществѣ. Въ моей дѣтской простотѣ, я думалъ тогда, что подъ каждымъ напудреннымъ тупеемъ скрывается палата ума, и что подъ каждою звѣздою на груди живетъ высокое чувство. Съ напряженіемъ ума слушалъ я ихъ рѣчи, досадовалъ иногда, что не могъ отыскать въ нихъ премудрости, и приписывалъ это моей глупости! Впослѣдствіи узналъ я смыслъ французской пословицы: *l'habit ne fait pas le moine*, и русской поговорки: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, то есть узналъ, что не все то золото, что блеститъ, — и разочаровался.

Матушка моя уѣхала домой, выигравъ процессъ; сестра вышла за-мужъ и осталась въ Петербургѣ, а я былъ произведенъ въ офицеры, одиннадцатаго октября 1806 года. Я готовилъ себя въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, но Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, нашему главнокомандующему и инспектору всей кавалеріи, угодно было взять меня въ уланскій имени Его Высочества полкъ. Его Высочество зналъ меня еще въ корпусѣ, удостоивалъ часто ласковымъ словомъ или шуткою, и потомъ, во всю жизнь свою, обходился со мною отечески, хотя я иногда, по молодости и вѣтрености, заслуживалъ его справедливый гнѣвъ. Даже на смертномъ одрѣ вспомнилъ онъ обо мнѣ! Мнѣ не слѣдуетъ судить о долговременной и полезной

службѣ Престолу и Отечеству столь высокаго современнаго лица, но долгъ совѣсти принуждаетъ меня сказать, что у Его Высочества было добрейшее сердце, что душа его чуждалась всякой скрытности, всякой лжи и обмана, и что онъ былъ вовсе не злопамятенъ. Гибель его проходила мгновенно, если онъ не встрѣчалъ хитростей и заирательства и видѣлъ искреннее сознаніе. Всѣ служившіе подъ его начальствомъ любили его и сохранили къ нему привязанность. Онъ благодѣтельствовалъ всѣмъ, и дѣлился своимъ достояніемъ съ нуждающимися. Мало этого: когда его просили, онъ входилъ даже въ домашнія дѣла, хлопоталъ въ тяжбахъ своихъ подчиненныхъ, мирилъ ихъ съ родственниками, даже принималъ на себя сватовство. Онъ требовалъ отъ насъ только ревностнаго исполненія службы и откровенности. Лжецовъ онъ презиралъ.

Какая разница въ тогдашнихъ цѣнахъ съ нынѣшними! За уланскій мундиръ съ шитьемъ и широкими лампасами краснаго, то есть самаго дорогаго сукна на панталоны, я заплатилъ только *сорокъ* рублей ассигнаціями, тогдашнему знаменитому военному шортному Зеленкову (бывшему потомъ подрядчикомъ и откупщикомъ, и оставившему послѣ смерти милліоны). Тогда въ Россіи были только четыре полка, одѣтые въ уланскую форму: нашъ, конно-польскій, конно-литовскій и конно-татарскій; но названіе Улановъ носили только мы. Эполетъ вовсе не было въ русской арміи и мы одни носили ихъ. Въ магазинахъ не продавали ни уланскихъ шапокъ, ни эполетъ, ни витишкетовъ. Шапки дѣлали въ полку, а прочія вещи на казенной фабрикѣ. Уланская шапка, съ широкимъ галуномъ, эполеты и витишкеты стоили нынѣ вмѣстѣ сорокъ пять рублей. Лядунка сто двадцать рублей, шарфъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями. Замѣтите, что тогда ни въ гвардіи, ни въ арміи не употребляли ни мишуры, ни плакѣ; все было чистое серебро и золото. О мишурѣ мы не имѣли понятія. Но относительно къ этимъ вещамъ, другія мало измѣнились въ цѣнѣ. Сѣдло со всѣмъ приборомъ стоило, у знаменитаго тогда сѣдельника Косова, сто двадцать пять рублей, а за полусапожки со шпорами, первому тогдашнему сапожнику Брейтгаму (кажется, тестю нынѣшняго Пеля) платили мы пятнадцать рублей ассигнаціями. При шапкахъ носили мы высокіе бѣлые султаны изъ перьевъ, и лучшіе были берлинскіе. За хорошею султана надлежало заплатить шестьдесятъ рублей ассигнаціями; необыкновенно высоко, въ сравненіи съ другими цѣнами. Тогда вообще употребляли англійское привозное сукно, и луч-

шее стоило отъ семи до девяти рублей аршинъ. За лошадь заплатилъ я товарищу моему, корнету Прушинскому, триста рублей ассигнаціями. За такую лошадь я далъ бы теперь охотно двѣ тысячи рублей!

Я имѣлъ обширный кругъ знакомства при выпускѣ моемъ въ офицеры, но вступилъ въ свѣтъ въ такую эпоху, что не могъ поддерживать свѣтскихъ связей. Въ наше время, военному человеку некогда было отличаться на паркетѣ, подъ звуки очаровательной музыки, въ кругу избранныхъ красавиць: мы должны были проводить юность нашу на ратномъ полѣ, въ бивачномъ дыму, подъ свистомъ пуль и шипѣніемъ ядеръ, и ждать ежеминутно объятій — смерти. Чудная эпоха, которая не скоро повторится на землѣ, эпоха истинно мнѳологическая! Битвы Титановъ, общій переворотъ на Земномъ Шарѣ, паденіе и возстаніе царствъ, столкновеніе цѣлыхъ народовъ, ряды героевъ въ нихъ челѣ — все это мы видѣли, и участвовали въ великихъ событіяхъ, какъ капли воды въ волнахъ разъяреннаго моря. Молодость наша прошла въ тяжкихъ трудахъ, въ великихъ опасностяхъ, и мы рано возмужали. Пролетитъ еще нѣсколько лѣтъ, и много великихъ дѣлъ, совершившихся на нашихъ глазахъ, уже не будутъ имѣть очевидныхъ свидѣтелей, перейдутъ въ преданія, и многіе юноши съ пламенною душою станутъ намъ завидовать! Намъ некогда было, въ юности, наслаждаться по каплямъ, пріятностями свѣтской утонченности, а въ краткіе промежутки, между кровавыми битвами и изпурительными походами, мы на лету ловили свѣтскія радости, и тѣмъ выше цѣнили ихъ!... Закаленные въ боевыхъ трудахъ и свыкшіеся съ опасностями, всѣ наши современники сохранили до позднихъ лѣтъ и крѣпость тѣла, и энергію души. Воины Александра и Наполеона, какъ некогда сподвижники Энея и Агамемнона, обращаютъ на себя вниманіе умныхъ людей новаго поколѣнія! Говорю не о себѣ — я нуль въ этомъ счетѣ, но указываю на людей и нынѣ достойно подвизающихся на поприщѣ службы или оставившихъ по себѣ незабвенную память!... О многихъ изъ нихъ я вспомню теперь...

III.

ДУХЪ ВОЕННОЙ МОЛОДЕЖИ. — МОЛОДЕЧЕСТВО И УДАЛЬСТВО. — ОБРАЗЦЫ ТОГДАШНЕЙ РАЗГУЛЬНОЙ ЖИЗНИ. — ГВАРДЕЙСКАЯ ПѢХОТА И КОВНИЦА. — ФЛОТЬ. — МОЛОДЕЦКАЯ ЖИЗНЬ И ПОГИБЕЛЬ ЛЕЙТЕНАНТОВЪ ДАВЫДОВА И ХВОСТОВА. — ГЕРКУЛЕСЬ-ЛУКНЬ. — ПРИМѢРЫ ДРУЖБЫ И САМООТВЕРЖЕНІЯ. — ИЗБАВЛЕНІЕ ГОЛОВИНА ИЗЪ ЯНОВСКАГО ПЛѢНА. — УЛАНСКІЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ПОЛКЪ. — НАЧАЛО ПОЛЕА. — ВЪГЛЯНЪ ВЪЗГЛЯДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЕ ВОЙНѢ 1805 ГОДА. — ДЮРОКЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — ОБЩЕЕ УВАЖЕНІЕ КЪ НЕМУ. — НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — ЗНАМЕНИТАЯ РЕТИРАДА КУТУЗОВА ИЗЪ-ПОДЪ КРЕМСА ДО ВИШАУ. — РУССКАЯ АРМІЯ ПРИ ОЛЬМЮЦѢ. — ПРИХОДЪ ГВАРДИИ. — АУСТЕРЛИЦКОЕ СРАЖЕНІЕ. — УЛАНСКІЙ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПОЛКЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ АУСТЕРЛИЦЕНЪ. — ПРИЧІНА УСПѢХА ФРАНЦУЗОВЪ. — ПОСЛѢДСТВІЯ АУСТЕРЛИЦКОЙ ПОВѢДЫ. — ПРЕСБУРГСКІЙ МІРЪ. — ТВЕРДОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. — НОВАЯ ВОЙНА 1806 ГОДА. — ПРУССІЯ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ПРОТИВЪ ФРАНЦІИ.

«Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары (или уланы) коренные?»

Д. В. Давыдовъ.

Все перешло въ преданіе! Ни слѣда, ни эха прежнихъ лѣтъ! Кажется будто два столѣтія отдѣляютъ насъ отъ той эпохи, въ которую я вступилъ въ военную службу. Образецъ русскихъ гусаровъ, первый русскій партизанъ въ Отечественную Войну, поэтъ-воинъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ списалъ съ природы кавалерійскую жизнь своего времени:

«Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы Царской!
Сябля, вожа, конь гусарской,
Съ вами вѣкъ мой золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы Царской!» *

* Смотри. *Стихотворенія Дениса Давыдова*, Москва, 1832 года. Не лучшее въ этомъ родѣ не напечатано и осталось въ памяти старикъ вояковъ. Кто не знаетъ, напримѣръ, этихъ стиховъ:

«Гусары, братцы, удалцы,
Я съ вами, братцы, молодцы,
Я съ вами чорта не потрушу!
Лишь только дайте мнѣ стаканъ,
Позвольте выпить по порядку,
Тогда, лаханка — океанъ!
Француза по щекѣ, какъ. . . и прочая.

Такъ въ самомъ дѣлѣ, думали десять десятыхъ офицеровъ легкой кавалеріи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія!

Прошу моихъ читателей замѣтить, что этими словами я вовсе не намѣренъ хвалить старину, или приглашать юношество къ возобновленію прошлаго; напротивъ, все улучшается и совершенствуется, и встарину много было такого, что забавно только въ разсказѣ, а дурно на дѣлѣ. Но я обязанъ разсказать, что было!...

Характеръ, духъ и тонъ военной молодежи и даже пожилыхъ кавалерійскихъ офицеровъ составляли *молодечество*, или *удальство*. «*Последняя копѣйка ребромъ*,» и «*жизнь копѣйка — голова ничего*,» эти поговорки старинной русской удалы были нашимъ девизомъ и руководствомъ въ жизни. И въ войнѣ и въ мирѣ мы искали опасностей, чтобъ отличиться безстрашіемъ и удалствомъ. Поширывать, подражаться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало, это входило въ составъ нашей военной жизни, въ мирное время. Молодые кавалерійскіе офицеры были то же (я сами того не зная), что нѣмецкіе бурши *, и такъ же вели вѣчную войну съ *рабчиками* **, какъ бурши съ *филистерами* ***. Эта военно-кавалерійская молодежь не хотѣла покоряться ни какой власти, кромѣ своей полковой, и безпрерывно противодѣйствовала земской и городской полиціи, фланкируя противъ ихъ чиновниковъ. Буиство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ, условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся. Послѣ такихъ дуелей наступала обыкновенно мировая, потомъ пиръ и дружба. Тогда бы не каждый рѣшился мурлыкать вамъ въ ухо, во время пѣнія какой-нибудь знаменитой пѣвицы, хлопать или шипять въ театрѣ, наперекоръ общему мнѣнію, наступать на ноги безъ извиненія, говорить на вашъ счетъ дерзости, хоть не прямо въ лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. Тогда бы два десятка молодыхъ вступились за пріятеля и товарища, и наказали бы дерскаго и подлаго клеветника.

* Бурши — лихой нѣмецкій студентъ, повѣса и забілка.

** Такъ, встарину, кавалеристы называли статскихъ или неслужащихъ, какъ говорятъ теперь: *Фрагники*.

*** Нѣмецкіе студенты называютъ *филистерами* всѣхъ непривадежащихъ къ званію студентскому. Слово *филистеръ* происходитъ отъ *Филистималъ*, то есть, народа проклятаго, предаваго въ жертву народу израильтяному.

Корпусъ офицеровъ въ полку — это была *одна семья*, родные братья; все у насъ было общее — и деньги, и время, и наслажденія, и неприятности, и опасности.

Но отъ офицера требовалось, чтобъ онъ зналъ хорошо службу и исполнялъ ее рачительно. Краеугольными камнями службы, на которыхъ утвержденъ былъ порядокъ и все благоустройство полка, были эскадронные командиры и ротмистры, люди уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а иногда и пожилые, опытные, посвятившіе жизнь службѣ, изъ любви къ ней. Большая часть эскадронныхъ командировъ и ротмистровъ были суворовскіе воины, уже крещенные въ пороховомъ дыму. Они обходились съ нами, какъ обходятся добрые родители съ дѣтьми-повѣсами, но добрыми малыши, прощали намъ наши шалости, когда это были лишь вспышки молодости, и требовали только исполненія обязанностей службы, храбрости въ дѣлѣ и сохраненія чести мундира. Офицеръ, который бы измѣнилъ своему слову, или обманулъ кого бы то ни было и какъ бы ни было, не могъ быть терпимъ въ полку. Правда, мы дѣлали долги, но не смѣли обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. Въ крайности офицеры складывались, и уплачивали долгъ товарища, который въ свою очередь выплачивалъ имъ, въ условленные сроки. Офицерская честь высоко цѣнилась, хотя эта честь имѣла свое особенное, условное значеніе.

Гвардія тогда была малочисленна, и состояла изъ пѣхотныхъ полковъ: преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго, одного баталіона егерей и кавалерійскихъ полковъ: кавалергардскаго, лейбъ-гвардіи коннаго, гусарскаго (каждый полкъ въ пять дѣйствующихъ эскадроновъ, съ шестымъ запаснымъ эскадрономъ) и казачьяго, въ два эскадрона; гвардейская артиллерія состояла изъ одного баталіона въ четыре роты. Къ гвардейскому корпусу принадлежали лейбъ-гренадерскій полкъ и нашъ уланскій Его Высочества.

Солдаты въ гвардіи все были необыкновенно высокаго роста и вообще прекрасной наружности. Не трудно было выбрать изъ всей арміи взрослыхъ и красивыхъ людей, для составленія нѣсколькихъ полковъ гвардіи. Въ кавалергардскомъ, преображенскомъ и семеновскомъ полкахъ былъ особый тонъ и духъ. Этотъ корпусъ офицеровъ составлялъ, такъ сказать, постоянную фалангу высшаго общества, непремѣнныхъ танцоровъ, между-тѣмъ, какъ офицеры другихъ полковъ навѣщали общество только по временамъ, наѣздами. Въ этихъ трехъ полкахъ господствовали придворные

обычай, и общій языкъ былъ французскій, когда, напротивъ, въ другихъ полкахъ, между удаюю молодежью, хотя и знавшею французскій языкъ, почиталось *неприличіемъ* говорить *между собою* иначе, какъ по-русски. По-французски позволялось говорить только съ иностранцами, съ вельможами, съ придворными и съ дамами, которыя всегда были и есть Француженки, вслѣдствіе первоначальнаго ихъ воспитанія. Офицеровъ, которые употребляли всегда французскій языкъ вмѣсто отечественнаго, и старались отличатся свѣтскою ловкостію и утонченностію обычаевъ, у насъ называли *трипунами*, оттого что они старались подражать Парижанамъ въ произношеніи буквы *r* (*grasseyer*). Конногвардейскій полкъ былъ, какъ сказать, нейтральнымъ, соблюдая смѣшанные обычаи; но лейбъ-гусары, измайловцы и лейбъегеря слѣдовали, по большей части, господствующему духу удачества, и жили по-армейски. О лейбъ-казакахъ и говорить нечего: въ нихъ молодечество было въ крови. Генералъ Малютинъ, командовавшій измайловскимъ полкомъ, отличался въ Петербургѣ стариннымъ русскимъ хлѣбосолецтвомъ, молодечествомъ и удачествомъ. Въ измайловскомъ полку были лучшіе пѣсенники и плясуны, и какъ тогда былъ обычай держать собствѣнные катера, то Малютинскій катеръ былъ знаменитъ въ Петербургѣ своимъ роскошнымъ убранствомъ и удалыми гребцами-пѣсенниками. Вотъ образчикъ тогдашней жизни. Осенью, 1806 года, въ пять часовъ по полудни, отправился я въ измайловскія казармы, чтобъ навѣстить, по обѣщанію, поручика Бябикова. На половинѣ Вознесенскаго Проспекта услышалъ я звуки русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго Моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пробираться пѣшкомъ. Чтѣ же я тутъ увидѣлъ! Возлѣ моста, на Фонтанкѣ, стоялъ катеръ генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и нѣсколькими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсенники и музыканты, и почти всѣ офицеры измайловскаго полка, въ шпеляхъ * и фуражкахъ, съ трубками въ зубахъ. Хоры пѣсенниковъ, то есть гребцы и полковой хоръ, то смѣнялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣкой въ пивные стаканы, и громогласное ура! раздавалось подь открытымъ небомъ. Въ самое это время, Государь Императоръ подьѣхалъ, на дрожкахъ, съ набережной Фонтанки, шаговъ за пятьдесятъ отъ толпы народа, и спросилъ у полицей-

* Тогда не было мушкетныхъ сертуконъ.

скаго офицера: «Что это значить?» — Генералъ Малютинъ гу-
 лять изволить! отвѣчалъ полицейской офицеръ, и Гоеударъ Им-
 ператоръ приказалъ поворотить лошадь, и удался. Тогда это
 вовсе не казалось страннымъ, необыкновеннымъ или неприлич-
 нымъ. Другія времена, другіе нравы! Разумѣется, меня схватили
 подъ руки и заставили вмѣстѣ пировать. Часовъ въ восемь ве-
 чера, въ темнотѣ, почти все мы отправились на катерахъ, укра-
 шенныхъ разноцвѣтными фонарями, на Крестовекій Островъ, съ
 пѣсенниками и музыкою, гдѣ, на дачѣ, занимаемой генераломъ
 Малютинымъ только для прогулокъ, приготовленъ былъ ужинъ.
 Мы возвратились домой утромъ.

Жаль мнѣ, когда я подумаю, какъ доставалось отъ нашихъ
 молодыхъ повѣсь бѣднымъ нѣмецкимъ биргерамъ и ремеслен-
 никамъ, которые тогда любили веселиться съ своими семейства-
 ми въ трактирахъ на Крестовскомъ Острову, въ Екатерингофѣ
 и на Красномъ Кабачкѣ. Молодые офицеры ѣздили туда, какъ
 на охоту! Начиналось тѣмъ, что заставляли дюжихъ маменекъ и
 тѣтушекъ вальсировать до-упаду, потомъ спаввали муженьковъ,
 наконецъ затагивали хоромъ извѣстную нѣмецкую пѣсню: *Freu!*
euch des Lebens, упираясь на слова *Pflücke die Rose*, и наступало во-
 локитство, оканчивавшееся обыкновенно баталіей. Загородные
 разъѣзды содержались тогда лейбъ-казаками, братьями улановъ.
 Кутили всю ночь, а въ девять часовъ утра все являлись къ разводу,
 кто въ Петербургѣ, кто въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Цар-
 скомъ Селѣ, въ Гатчинѣ, и какъ будто ничего не бывало! Черезъ
 нѣсколько дней приходили въ полки жалобы, и виновные тотчасъ
 сознавались, по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Лгать было
 стыдно. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ
 арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и
 въ Мраморномъ Дворцѣ.

Слава Богу, что всего этого теперь нѣтъ, и что это пере-
 шло въ преданіе! Долженъ, однако жъ, я сознаться, что никог-
 да и нигдѣ не видалъ я такой дружбы, какъ между тогдашними
 молодыми офицерами гвардейскаго корпуса, и никогда не встрѣ-
 чалъ такъ много добрыхъ ребятъ, благородныхъ и вмѣстѣ съ
 тѣмъ образованныхъ молодыхъ людей. Жили не только весело,
 но и безтолково; любили одако жъ и чтеніе, и театръ, и умную
 бесѣду. Не знаю какъ, но на все было время, и служба шла
 своимъ порядкомъ. Во флотѣ было еще болѣе удалства. Кто не
 слыхалъ о капитанѣ Лукинѣ и его геркулесовской силѣ? На
 счетъ Лукина носились самые несбыточные анекдоты, которые

хотя бы въ существѣ были и несправедливы, но рисуютъ духъ времени. Чему вѣрили и что рассказывали, то и правилось. Говорили, что во время пребыванія Лукина въ Англіи, одинъ Англичанинъ заспорилъ съ нимъ на счетъ смѣлости и рѣшительности обонхъ народовъ, утверждая, что Русскій никогда не рѣшится на то, на что покунется Англичанинъ. — «Попробуй,» сказалъ Лукинъ. — Вотъ, напримѣръ, ты не смѣешь отрѣзать у меня носа! возразилъ Англичанинъ. — «Почему же нѣтъ, если ты захочешь,» отвѣчалъ Лукинъ. — «На, рѣжь!» воскликнулъ Англичанинъ, въ энтузіасмѣ. Лукинъ прехладнокровно взялъ ножъ со стола, отрѣзалъ у Англичанина конецъ носа, и положилъ на тарелку. Сказывали, что Англичанинъ, старый и отчаянный морякъ, не только не разсердился за это на Лукина, но подружился съ нимъ, и вымечившись, пріѣзжалъ навѣстить друга своего, въ Кронштадтъ. Лукину предложили въ Англіи кулачный поединокъ (to box). Въмѣсто одного, онъ вызвалъ вдругъ четырехъ лучшихъ боксеровъ, и каждаго изъ нихъ, по очереди, перекинулъ черезъ свою голову, ухвативъ за поясъ. — Бывъ высланъ на берегъ въ городъ Ширнесъ, для приѣма такелажа, съ двадцатью матросами, Лукинъ вмѣшался въ споръ англійскихъ моряковъ съ ихъ капонирами, и наконецъ объявилъ войну обѣимъ партіямъ, и въ кулачномъ бою, съ своими двадцатью удалцами, прогналъ всѣхъ. Въ городъ заперли лавки, жители спрятались въ домахъ, и Лукинъ, празднуя побѣду, возвратился на корабль съ пѣснями. Подобныхъ анекдотовъ о Лукинѣ было множество; но при своемъ удалствѣ и гульбѣ онъ былъ добрѣйшій человекъ. Лукинъ командовалъ кораблемъ во флотѣ Сенявина, и бросаясь на нѣсколько турецкихъ кораблей, погибъ геройскою смертію. покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ облагодѣтельствовалъ семейство Лукина, по просьбѣ извѣстнаго всей Россіи и Европѣ лейбъ-кучера Ильи Байкова, который прежде принадлежалъ Лукину и питалъ къ нему всегдашнюю привязанность. Вся гвардія и армія знала о дружбѣ и походахъ лейтенанта Давыдова и Хвостова, русскихъ Ореста и Пилада, которые и жили и страдали вмѣстѣ, и дрались отчаянно, и вмѣстѣ погибли. Флотскіе лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ служили въ Американской Компаніи, командуя ея судами. Извѣстно, что съ Крузенштерномъ, отправившимся на первое плаваніе Русскихъ вокругъ Свѣта, посланъ былъ камергеръ Резановъ, въ знаніи посла, для заключенія торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ и Японією. Русскихъ не только не приняли въ Японіи, но и оскорбили от-

казомъ. Находясь въ Петропавловскомъ Портѣ, на обратномъ пути, Резановъ за столомъ сказалъ, что русская честь требуетъ, чтобъ отмстить варварамъ. Въ числѣ гостей были Хвостовъ и Давыдовъ. «Дайте только позволеніе, возразилъ Хвостовъ: а я заставлю Японцевъ раскаяться!» Въ порывѣ гнѣва Резановъ написалъ нѣсколько строкъ, въ видѣ *позволенія*, и отдалъ Хвостову, который немедленно отправился, съ другомъ своимъ, Давыдовымъ, на свой бригъ, и велѣлъ собираться къ походу. На другое утро, когда первый пылъ досады прошелъ, Резановъ хотѣлъ взять обратно данное имъ *позволеніе* отмстить Японцамъ, но уже было поздно. Хвостовъ не соглашался возвратить бумаги, и немедленно отплылъ въ Японію. Съ однимъ бригомъ, слабо вооруженнымъ, онъ надѣлалъ столько хлопотъ Японцамъ, что все ихъ государство пришло въ движеніе. Хвостовъ и Давыдовъ брали ихъ суда, дѣлали высадки на берегъ, жгли города и селенія, и только за недостаткомъ боевыхъ припасовъ возвратились въ Петропавловскій Портъ, съ богатѣйшею добычею. Въ Петропавловскомъ Портѣ начальствовалъ тогда извѣстный всему флоту капитанъ 1-го ранга Бухаринъ, кончившій самымъ несчастнымъ образомъ свое служебное поприще. Тогда въ Сибирь, Богъ вѣсть, что дѣлалось! Бухаринъ посадилъ подъ крѣпкой караулъ Хвостова и Давыдова, и овладѣлъ всѣмъ грузомъ. Хвостовъ и Давыдовъ ушли изъ тюрьмы, и пѣшкомъ пробрались черезъ всю Сибирь, не показываясь въ городахъ и слѣдуя проселочными дорогами. Они встрѣтились въ сибирскихъ пустыняхъ съ извѣстнымъ въ то время разбойникомъ, начальствовавшимъ толпою бѣглецовъ. Присутствіе духа и молодечество Хвостова и Давыдова понравилась разбойнику, и онъ помогъ имъ пробраться въ Россію. Когда всѣ почитали Хвостова и Давыдова погибшими, они внезапно появились въ Петербургѣ. Разумѣется, что ихъ отдали подъ судъ; но Государь Императоръ, по благости своей, предоставилъ имъ средство загладить проступокъ, и послалъ ихъ на гребной флотъ, въ Финляндію, которую тогда покоряли русскія войска. Хвостовъ и Давыдовъ вскорѣ прославились отчаяннымъ мужествомъ и блистательными подвигами. Имена ихъ были извѣстны въ финляндской арміи. Въ одномъ морскомъ сраженіи, ядромъ пробило подводную часть канонерской лодки, на которой находился Хвостовъ. Онъ мгновенно сорвалъ съ себя мундиръ, и заткнулъ имъ дыру. Главнокомандующій графъ Буксегвденъ привезъ обоихъ друзей въ главную квартиру, и въ награду за ихъ подвиги велѣлъ отдать гауптвах-

тѣ генеральскую почеть. Государь Императоръ, по окончаніи финляндской войны, простилъ Хвостова и Давыдова, и они возвратились въ Петербургъ. Вдругъ оба они пропали безъ вѣсти, а какъ въ это же время американскій купеческій бригъ прошелъ безъ осмотра, при сильномъ вѣтрѣ, мимо брандвахты, за Кронштадтомъ, и не заявилъ бумагъ, то многіе, зная безпокойный духъ Хвостова и Давыдова, полагали, что они по страсти къ приключеніямъ, ушли въ Америку. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что шкиперъ американскаго брига былъ пріятель Хвостова и Давыдова, оказавшихъ ему услугу въ Ситхѣ. Наряжена была комиссія для изслѣдованія дѣла, но она ничего не открыла. Два года прошли въ неизвѣстности о судьбѣ нашихъ храбрыхъ моряковъ, а на третій годъ прибылъ въ Петербургъ тотъ же самый американскій шкиперъ. Онъ объяснилъ дѣло. За день до отъѣзда его изъ Петербурга въ Кронштадтъ, Хвостовъ и Давыдовъ обѣдали у него, на Васильевскомъ Острову. Они пропировали долго за-полночь, и возвращались, когда уже начали разводитъ Исаакіевскій Мостъ. Только одинъ флашкоутъ былъ выдвинутъ на половину. — «Воротимся!» сказалъ американскій шкиперъ, провожавшій ихъ. — «Русскіе не отступаютъ!» возразилъ Хвостовъ: впередъ! ура!» Хвостовъ и Давыдовъ хотѣли перепрыгнуть черезъ пространство, казавшееся не большимъ, въ темнотѣ, упали въ воду — и поминай, какъ звали! Опасаясь задержки, шкиперъ тогда промолчалъ, а люди, разводившіе мостъ, также боялись отвѣтственности, и несчастный случай остался тайной. Замѣчательно, что тѣлъ не выброшено нигдѣ на берегъ.

Я зналъ хорошо и Хвостова и Давыдова, и въ финляндскую войну, и въ Петербургѣ. Умные, образованные, прекрасные офицеры, но пылкіе и неукротимые молодые люди, поставлявшіе все наслажденія въ жизни въ томъ, чтобъ играть жизнью!

Можетъ ли быть что трогательнѣе дружбы П. П. Рикорда (нынѣ адмирала) и В. М. Головинна (умершаго въ чинѣ контръ-адмирала)! Когда Головинъ былъ задержанъ въ Японіи, Рикордъ рѣшился или умереть, или освободить друга своего изъ плѣна варваровъ, и успѣлъ въ своемъ предпріятіи *. Геройскій духъ

* Головинъ, въ чинѣ лейтенанта, командовалъ шлюпомъ «Діана», и совершилъ на немъ плаваніе вокругъ свѣта. Рикордъ, также лейтенантъ, находился подъ его начальствомъ. По выступленіи въ море «Діаны», открылась война съ Англіей, и Діану хотѣли задержатъ на Мысѣ Доброй Надежды. Но Головинну удалось уйти. Это избавленіе принадлежитъ къ блистательнымъ подвигамъ нашего флота. Прибывъ въ Камчатку, Головинъ долженъ

одушевлялъ флотъ нашъ, и всѣ тогдашніе офицеры, которые только имѣли случай отличиться тѣмъ-нибудь, составили себѣ имя! — Уланы жили въ большой дружбѣ съ флотскими, и часто сѣзжались или въ Стрѣльнѣ, или въ Кронштадтѣ. Вся армія одушевлена была тѣмъ же духомъ молодечества, и во всѣхъ полкахъ были еще суворовскіе офицеры и солдаты, покорившіе съ нимъ Польшу и прославившіе русское имя въ Италіи. Славное было войско, и, скажу, по справедливости, что уланскій Его Высочества Цесаревича Константина Павловича полкъ былъ однимъ изъ лучшихъ полковъ по устройству и выбору людей, и по тогдашнему духу времени превосходилъ другіе полки въ молодечествѣ. Страшно было задѣть улана!

Расскажу какимъ образомъ возникли уланы въ русскомъ войскѣ. Прежде не было уланскихъ полковъ. Послѣ покоренія и раздѣленія Польши, Императоръ Павелъ Петровичъ, чтобъ дать приличное занятіе множеству польской шляхты, поручилъ генералу Домбровскому * устроить конво-польскій полкъ, правахъ и преимуществахъ прежней польской службы. Полкъ не получалъ рекрутъ, но формировался и комплектовался вольноопредѣляющимися, на вербункахъ. Шляхта образовала переднюю шеренгу, и каждый солдатъ изъ шляхты назывался *товарищемъ*. Вторую шеренгу составляли вольноопредѣляющіеся, не доказавшіе шляхетскаго происхожденія, и назывались *шеренговыми*. Служили по *капитуляціи*, то есть, вступали въ службу на шесть,

быть ожидать мира съ Англіею, для возвращенія въ Европу, и чтобъ не терять напрасно времени, занялся описаніемъ и измѣреніемъ Курильскихъ Острововъ, и по сосѣдству зашелъ на японскій островъ Кунаширъ. Японскіе начальники притворились пріязненными, и пригласили Головинна къ обѣду. Лишь-только онъ вошелъ въ ставку губернатора, Головинна и бывшихъ съ нимъ Русскихъ окружили, связали, повлекли въ городъ, и посадили въ тюрьму. Это была месть за подвиги Хвостова и Давыдова. Головиннъ провелъ три года въ тяжелой неволѣ, пока наконецъ другу его, П. И. Рикорду, не удалось спасти его. Все это описано въ путешествіи П. И. Рикорда. Прилагаю отрывки изъ письма Головинна къ Рикорду изъ плѣна. Это сообщилъ мнѣ почтенный и много любимый мною П. И. Рикордъ. Головинну запрещено было писать въ тюрьмѣ. Онъ предложилъ написать русскую грамматику для Японцевъ: и ему дали бумагу и чернила. Чтобы скрыть отъ шпиона, находившагося съ нимъ въ тюрьмѣ, что онъ пишетъ письма, Головиннъ на каждомъ листикѣ надписывалъ части рѣчи *имя, мѣстоименіе*, и такъ далѣе.

* Не тому Домбровскому, который командовалъ польскими легионами во Франціи.

на девять и на двѣнадцать лѣтъ. Унтеръ-офицеры изъ товарищей назывались *намыстниками*, и производились на вакансіи въ офицеры. Они были одѣты, какъ старинные польскіе уланы Пинской Бригады, носили длинныя синія куртки, съ малиновыми отворотами, синіе шальвары съ такими же лампасами, уланскія шапки, въ родѣ стоячихъ конфедератокъ, и запускали волосы до половинѣ шеи, à la Kosciuszko. Послѣ, по тому же образцу, сформированы были, вербунками, конно-литовскій и конно-татарскій полки. Всѣ эти три полка были отличные и по выправкѣ, и по устройству, и по храбрости. Они вооружены были карабинами и пиками съ флюгеромъ, какъ уланы; но имени уланъ не существовало.

Въ началѣ 1803 года предположено было сформировать нѣсколько новыхъ кавалерійскихъ полковъ, и генералу барону Винценгероде, пользовавшемуся особеннымъ благоволеніемъ Государя Императора, поручено было формироваііе одесскаго гусарскаго полка. Въ это же самое время къ австрійской миссіи въ Петербургъ прибылъ австрійскій уланскій офицеръ, графъ Пальфи, родомъ Венгерецъ, молодецъ и красавецъ, сложенный, какъ Аполлонъ Бельведерскій. Уланскій мундиръ въ обтяжку сидѣлъ на немъ неподобно, и всѣ дамы и мужчины заглядывались на прекраснаго улана. Уланскій австрійскій мундиръ былъ усовершенствованный старинный польскій уланскій нарядъ, съ тою разницею, что куртка съ тыла была сшита колетомъ, и не имѣла на бокахъ отворотовъ, что она и панталоны были узкія, въ обтяжку, и шапка была красной формы, какъ нынѣшнія уланскія шапки, а при шапкѣ былъ султанъ. Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, носившему званіе инспектора всей кавалеріи, чрезвычайно понравился этотъ мундиръ, и онъ испросилъ у Государя Императора соизволенія на сформироваііе уланскаго полка. Государь Императоръ, согласясь на это, отдалъ ему одесскій гусарскій, еще не сформированный полкъ, назвавъ полкъ именемъ Цесаревича. Полкъ состоялъ въ инспекціи * генерала Боуера, любимца Его Высочества, и Боуеру немедленно поручено было выбрать людей изъ другихъ кавалерійскихъ полковъ и дополнить лучшими рекрутами. Штабъ-квартира полка назначена въ мѣстечкѣ Маховкѣ, въ кievской губерніи.

Баронъ Винценгероде былъ употребленъ по дипломатической

* Тогда вся русская армія, кавалерія и пѣхота, въ мирное время раздѣлена была на инспекціи.

части и Его Высочество избралъ въ командиры своего полка одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ русской арміи, шефа знаменитаго тверскаго драгунскаго полка, генералъ-маіора барона Егора Ивановича Меллера-Закомельскаго. Его Высочество съ пламенною любовію занялся формироваіемъ полка своего имени, и по нѣскольку разъ въ годъ ѣздилъ въ Махновку, а между тѣмъ изъ Петербурга высланы были толпы разныхъ ремесленниковъ, а нѣкоторые выписаны были даже изъ Австріи, для обмундированія полка. Обученіе людей и выѣздка лошадей производились успѣшно. Его Высочество находился въ непрерывной и постоянной перепискѣ съ генераломъ Меллеромъ-Закомельскимъ, и занимался всѣми подробностями, по части устройства полка. Случайно сохранилась у меня часть этой переписки, доказывающей и заботливость Его Высочества о полкѣ и необыкновенное познаніе службы, и прямотуше его, и довѣренность къ генералу Меллеру-Закомельскому. Ѣздовые Его Высочества безпрестанно разъѣзжали между Петербургомъ и Махновкою, и привозили то офицерскія вещи, то деньги въ полкъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ генералу Меллеру-Закомельскому, Его Высочество самъ пазначилъ всѣхъ эскадронныхъ командировъ полка *. Атаманъ войска Донскаго, графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, далъ въ полкъ лучшихъ донскихъ лошадей, а недостающее число куплено было маіоромъ Сталинскимъ. Впрочемъ, донскія лошади, какъ онѣ ни хороши, оказались неспособными для регулярной конницы. Уланское сѣдло съ полнымъ व्यюкомъ и пистолетами, для донской лошади слишкомъ тяжело, и она никогда не можетъ привыкнуть къ мундштуку. Во время атакъ часто случалось, что донскія лошади заносили улановъ въ середину непріятели.

Въ началѣ весны 1804-го года, полкъ былъ уже сформированъ, и Его Высочество вытребовалъ въ Петербургъ пятерыхъ офицеровъ и пятерыхъ унтеръ-офицеровъ (преимущественно изъ дво-

* Полковника графа Андрея Ивановича Гудовича (сына фельдмаршала) командиромъ лейбъ-эскадрона; командирами другихъ эскадроновъ: маіора Мезенцова, полковника Перича, полковника графа Мантейфеля, полковника Будаева, полковника Бибикова, полковника Чаликова и маіора Раутенфельда. Ротмистры, Лореръ (Александръ Ивановичъ), Ганнеманъ и Десмонъ назначены были командовать эскадронами: командирскимъ, полковниковъ Чаликова и графа Мантейфеля. Здѣсь я долженъ припомнить, что армейскіе полки легкой кавалеріи состояли тогда изъ десяти дѣйствующихъ и одиннадцатаго запаснаго эскадрона, и что полкъ раздѣлялся на два баталіона. Въ гвардіи всѣ полки тяжелой и легкой конницы были въ пять эскадроновъ дѣйствующихъ, съ шестымъ запаснымъ эскадрономъ.

рянь), для усовершенствованія ихъ въ кавалерійской службѣ, подъ личнымъ надзоромъ Его Высочества. Выбрали изъ полка самыхъ молодцевъ. Изъ нихъ помню я штабсъ-ротмистра Вунча и поручика Фаща, съ которыми я былъ очень друженъ впоследствии. На вахтъ-парадахъ взоры всѣхъ обращены были на удаль, и народъ толпился вокругъ ихъ на улицахъ. Его Высочество возылъ ихъ въ частные дома, которые онъ удостовлялъ своимъ посѣщеніемъ, и уланскій мундиръ вошелъ въ моду. Его Высочество былъ чрезвычайно доволенъ, и писалъ къ генералу Меллеру-Закомельскому, отъ 19 марта 1804 года: «Messieurs les officiers de mon régiment sont arrivés il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Il sont bien bons, beaux et zélés pour le service, etc., то есть: Господа офицеры и унтеръ-офицеры моего полка прибыли сюда за недѣлю передъ симъ; они добрые ребята, молодцы и усердны къ службѣ», и проч. Было множество охотниковъ въ уланы, и много гвардейскихъ офицеровъ просили о переводѣ ихъ въ полкъ Его Высочества; но онъ всѣмъ отказывалъ, чтобъ (говоря нашимъ военнымъ языкомъ) не посадить старшихъ другимъ на голову.

Въ гвардіи и арміи офицеры и солдаты были тогда проникнуты какимъ-то необыкновеннымъ воинскимъ духомъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали войны, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла каждый день вспыхнуть. Съ самаго восшествія на престолъ Императора Александра Павловича, *политическій горизонтъ былъ покрытъ тучами*, по обыкновенному газетному выраженію. Тогда во всѣхъ петербургскихъ обществахъ толковали о политикѣ, и даже мы, мелкіе корнеты, разсуждали о дѣлахъ! Это было въ духъ времени. Существовали двѣ партіи: мирная и военная. Одни хотѣли нейтралитета и мира съ Франціею, другіе желали союза съ Англіею и войны съ Франціею. Для поясненія дѣла, я долженъ припомнить тогдашнее положеніе дѣлъ въ европейскомъ политическомъ мірѣ.

При восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, Россія, хотя и была уже въ мирныхъ сношеніяхъ съ Франціею, но мирный трактатъ еще не былъ заключенъ. Императоръ Павелъ Петровичъ вооружился противъ Французской Республики, съ великодушною цѣлью возстановленія законныхъ престоловъ не только въ Италіи, но и въ самой Франціи, и возвращенія Голландіи прежней ея самостоятельности. Но убѣдившись, что Австрія намѣревается завоевать Италію для себя, не принявъ плана Суворова къ вторженію въ Южную Францію, и оставивъ

Корсакова въ Швейцаріи, и что Англичане, завладѣвъ голландскимъ флотомъ, всю тяжесть войны сложили на Русскихъ, Императоръ Павелъ Петровичъ отозвалъ Суворова изъ Италіи и генерала Германа изъ Голландіи, и оставшіеся нейтральныя въ отношеніи къ Австріи, объявлялъ войну Англіи. Съ Франціею начались переговоры о мирѣ, котораго главными условіями должны были быть возстановленіе престоловъ королей сардинскаго и неаполитанскаго. Въ этой цѣли Императоръ Павелъ Петровичъ выслалъ оберъ-егермейстера Василя Ивановича Левашева въ Италію, гдѣ, послѣ блистательнаго окончанія войны, Французы распоряжались какъ дома, и куда съѣхались дипломаты разныхъ странъ трактовать о мирѣ. Наполеонъ, приобрьвъ уже особенное благоволеніе Императора Павла Петровича, возвращеніемъ безъ разбора русскихъ плѣнныхъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ насчетъ Французской Республики, еще болѣе привязалъ къ себѣ Императора блистательнымъ приемомъ, оказаннымъ Василю Ивановичу Левашеву вездѣ, гдѣ находились французскія войска, хотя онъ и не носилъ званія посла. Василій Ивановичъ Левашевъ, хотя и не бывалъ прежде дипломатомъ, но былъ человекъ умный, благородный, съ отличною манерой, и зналъ свѣтъ и людей. Онъ очаровалъ Мюрата, начальствовавшего французскими войсками въ Италіи. Города были иллюминированы въ честь довѣреннаго лица Русскаго Императора; при занимаемыхъ имъ домахъ ставили почетныя караулы, съ знаменемъ, и въ честь его давали народныя празднества. При заключеніи мирныхъ условій (6го февраля 1801), подписанныхъ Мюратомъ, существованіе королевства Неаполитанскаго, въ угожденіе Императору Павлу Петровичу, обозначено. Насчетъ другихъ требованій производились съ Франціею переговоры въ Парижѣ, тайнымъ совѣтникомъ Колычевымъ, и хотя требованія Россіи встрѣчали много препятствій, однако жъ переговоры продолжались до самой кончины Государя.

Въ это время, Первый Консулъ Французской Республики пользовался почти всеобщюю любовію и, по-крайней-мѣрѣ, всеобщимъ уваженіемъ въ Европѣ. Будучи только полководцемъ, онъ не могъ отвѣтствовать за политику Франціи, и изъ тягостныхъ для Европы войнъ ему досталась въ удѣлъ только слава. Ниспровергнувъ безтолковую директорію и принявъ бразды правленія, Наполеонъ началъ дѣйствовать въ духѣ общаго европейскаго порядка, и приглашалъ всѣ европейскія державы къ миру. Презрѣніе его къ революціонерамъ, ненависть къ буйнымъ правиламъ революціи и его аристократическій духъ, которыми онъ руко-

водствовался во всѣхъ своихъ нововведеніяхъ, стараніе его ввести во Франціи порядокъ, и сношенія съ римскимъ престоломъ о возстановленіи христіанской религіи — все это привлекало къ нему сердца государей и народовъ, въ надеждѣ, что онъ прекратитъ политическую горячку Франціи, свергнувшую всю Европу въ крайнюю опасность. Наполеонъ Бонапарте былъ тогда всемірнымъ героемъ. Его портреты и эстампы, изображающіе его военныя подвиги, продавались во всѣхъ городахъ Европы и украшали стѣны гостинныхъ всѣхъ образованныхъ людей. Тогда была дамская мода носить на груди силуэты любимыхъ особъ, и во всѣхъ столицахъ, даже въ Петербургѣ, многія дамы носили силуэты Перваго Консула Франціи. Императоръ Александръ Павловичъ раздѣлялъ общее уваженіе къ Первому Консулу, котораго главныя выгоды тогдашняго положенія основывались на мирѣ съ Россією. Безъ этого Наполеонъ никогда не могъ надѣяться на заключеніе выгоднаго мира съ Англіей.

Для поздравленія Государя съ восшествіемъ на престолъ, а главное, для вывѣданія образа мыслей Государя насчетъ европейской политики, Первый Консулъ выслалъ въ Петербургъ перваго своего любимца, адъютанта Дюрока, бывшаго потомъ герцогомъ Фриульскимъ и великимъ маршаломъ (то же что министромъ) Двора императорскаго. Я хорошо помню эту эпоху. Появленіе Дюрока въ Петербургѣ произвело удивительный эффектъ. Только и разговоровъ было что о немъ! Видѣли ли вы Дюрока? Говорили ли вы съ Дюрокомъ? это были общіе вопросы. Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ привозилъ Дюрока къ намъ въ корпусъ, и дѣлалъ передъ нимъ баталіонное ученіе, и Дюрокъ разговаривалъ со многими кадетами, знавшими французскій языкъ, спрашивалъ о наукахъ, и вообще былъ чрезвычайно доволенъ корпусомъ. Дюрокъ былъ прекрасный мужчина, чрезвычайно стройный, и одѣвался щегольски. Волосы у него были темнаго цвѣта, остриженные ровно на всей головѣ, и курчавые. Онъ не пудрился. Впервые увидѣли мы человека въ военномъ мундирѣ безъ косы и безъ пудры. Его прическа вошла въ моду между дамами, и называлась à la Ducos. Ему было тогда только двадцать девять лѣтъ отъ-роду (онъ родился въ 1772 году), но онъ уже былъ опытенъ въ дѣлахъ, будучи довѣреннымъ лицомъ гениальнаго человека. Дюрокъ обладалъ необыкновеннымъ природнымъ умомъ, былъ краснорѣчивъ, но воздерживался въ рѣчахъ, чуждаясь всякаго фанфаронства, былъ чрезвычайно любезенъ въ обращеніи и ловокъ. Онъ находился при Наполеонѣ во всѣхъ

сраженіяхъ въ Германіи, Италиі и Египтѣ, и вездѣ отличался необыкновеннымъ мужествомъ. Лучи славы Маренго, Аркола и Пирамидъ отражалась на Дюрокѣ, и онъ казался чѣмъ-то необыкновеннымъ, по близкимъ связямъ съ гениальнымъ человѣкомъ. Дюрокъ и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, куда онъ также посланъ былъ съ дипломатическими порученіями, снискалъ отличный пріемъ при дворѣ, и въ высшемъ кругу общества, и приобрѣлъ уваженіе къ своему характеру.

Дюрокъ нашель въ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ самыхъ мирныхъ расположеній. Государь, для утвержденія прочнаго трактата, рѣшился отступить отъ многихъ требованій своего родителя, отказался отъ обладанія островомъ Мальтою, отъ очищенія Египта Французами, настаивалъ только на сохраненіи въ цѣлости владѣній союзниковъ своихъ, королей неаполитанскаго и сардинскаго, и о вознагражденіи нѣмецкихъ князей за лишеніе ихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, и даже, въ угодность Первому Консулу, отозвалъ изъ Парижа господина Колычева, на гордость котораго онъ жаловался. Посломъ назначель въ Парижъ графъ Марковъ. Но Дюрокъ не могъ убѣдить Государя обратиться къ системѣ морскаго нейтралитета сѣверныхъ державъ, объявленнаго Императрицею Екатериною, и Императоръ Александръ, во время переговоровъ о мирномъ трактатѣ съ Франціею, подписанномъ графомъ Марковымъ въ Парижѣ, $\frac{9}{20}$ октября 1801 года, заключилъ конвенцію съ Англіею, $\frac{5}{17}$ іюня 1801, на основаніи прежнихъ договоровъ. Такимъ образомъ хотя Россія и была со всѣми въ мирѣ, но не могла надѣяться на прочность его въ Европѣ до окончанія войны Франціи съ Англіею. Въ Аміенѣ происходили переговоры о всеобщемъ успокоеніи Европы, и, наконецъ, заключенъ знаменитый аміенскій трактатъ, $\frac{1}{13}$ марта 1802 года, который, не удовлетворивъ никого вполнѣ, вмѣщалъ въ главнѣйшихъ статьяхъ своихъ сѣмена раздора. При исполненіи условий трактата, Франція и Англія, толкуя каждую статью по-своему, не могли согласиться, и послѣ долгихъ споровъ, война снова вспыхнула между ими, въ началѣ мая 1803 года. Первый Консулъ, намѣреваясь нанести рѣшительный ударъ Англіи, собирался къ высадкѣ въ сердцѣ ея, и учредилъ лагерь при Булоня, гдѣ были собраны лучшія его войска, а между-тѣмъ занялъ берега Италиі, Голландіи, и ввелъ войска въ Ганноверъ, принадлежавшій Англіи, предложивъ Императору Александру посредничество между Франціею и Англіею. Оно однако жъ не имѣло ни

какого успѣха, тѣмъ болѣе, что Императоръ Александръ, отказываясь великодушно отъ всѣхъ личныхъ выгодъ и даже отъ Мальты, которую Франція предлагала сама Россіи, требовалъ только обезпеченія независимости европейскихъ государей и прекращенія вмѣшательства Франціи въ ихъ дѣла, и на этомъ основаніи настаивалъ, чтобъ Франція вывела войска изъ Неаполя и Ганновера, и признала нейтралитетъ Сѣверной Германіи. Первый Консулъ не соглашался на это, и между Франціей и Россіей настала холодность, которая превратилась въ неприязнь со стороны Франціи, отъ гордыхъ поступковъ русскаго посла въ Парижѣ, графа Маркова, который поставлялъ себѣ въ удовольствіе униженіе Перваго Консула и всѣхъ властей Французской Республики. Тщетно Императоръ Александръ приглашалъ Австрію и Пруссію соединиться, для возстановленія разрушеннаго равновѣсія въ Европѣ хищною политикою Франціи и неограниченнымъ честолюбіемъ ея правителя; онѣ отговаривались и избѣгали войны, когда, напротивъ, въ Россіи, партія, желавшая войны, превозмогла. Между тѣмъ, происшествія быстро смѣнялись. Насильственная смерть герцога Ангенскаго, захваченнаго въ чужихъ владѣніяхъ, ужаснула всю Европу, и возбудила общее негодованіе. Принятіе Наполеономъ титула Императора Французовъ и короля Италіи, и самовластный тонъ съ слабыми сосѣдами, открыли Европѣ бубниці намѣренія счастливаго завоевателя. При Россійскомъ Дворѣ даже положенъ былъ трауръ по герцогу, и повѣренный нашъ, статскій совѣтникъ Убри, представилъ французскому правительству сильную ноту. Императоръ Александръ не признавалъ Наполеона въ званіи Императора и Короля, и въ половинѣ 1804 года, русское посольство оставило Парижъ, а Французское Петербургъ, и съ обѣихъ сторонъ приготавливались къ войнѣ, не зная еще гдѣ и какъ она откроется. Наконецъ Императору Александру удалось убѣдить Австрію къ вооруженію, и Пруссію къ обѣщанію охранять Сѣверную Германію отъ вторженія французскихъ войскъ, и въ крайности даже пристать къ союзу. Неаполь и Швеція присоединились къ Императору Александру. Съ Англією Императоръ Александръ заключилъ тѣсный союзъ. Россія обязывалась выставить 180,000 войска, а Англія дѣйствовать на морѣ и въ десантахъ, согласясь платить вспомоgetельныя деньги (subsides) всѣмъ государствамъ, которыя пристанутъ къ союзу противъ Франціи. Въ такомъ положеніи находились дѣла Европы предъ начатіемъ знаменитой войны 1805 года, въ которую Императоръ Александръ впервые обнажилъ мечъ, должен-

ствовавшей сокрушить невиданное дотолѣ могущество, и освободить Европу отъ диктаторства завоевателя.

Если въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и между высокими государственными сановниками были различныя мнѣнія насчетъ мира или войны съ Франціею, то въ русскомъ войскѣ и во всемъ русскомъ народѣ былъ одинъ голосъ — за войну. Суворовъ доказалъ, что можно побѣждать непобѣдимыхъ, и неудачи наши въ Швейцаріи и Голландіи, происшедшія отъ неискренности нашихъ союзниковъ, требовали возмездія. Русское войско кипѣло желаніемъ перевѣдаться съ Французами и множество молодыхъ людей вступали въ службу, въ новосформировавшіеся или преобразовываемые полки. Ежедневно ждали повелѣнія выступить за границу. Всѣ готовились съ войнѣ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде былъ посланъ въ Вѣну, съ проектомъ операціоннаго плана. По расчету Австрійскаго Двора, союзники должны были выставить противъ Франціи болѣе полумилліона войска, кромѣ резервовъ, на четырехъ главныхъ пунктахъ, а именно: въ Сѣверной и Южной Германіи, въ верхней Италіи и въ Неаполѣ.

Лѣто 1805 года прошло въ вооруженіяхъ и приготовленіяхъ къ войнѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Германскими владѣтельными князьями, которыхъ хотѣли присоединить къ союзу противъ Франціи. Баварскій курфирстъ подавалъ надежду на согласіе съ союзниками, и австрійская армія, въ Сентябрѣ, перешла черезъ Иннъ, вступила въ Баварію и успѣшила занять Ульмъ. Въ Россіи былъ изданъ манифестъ о войнѣ, и войска стояли на границѣ. Въ Августѣ, генералъ Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ выступилъ, чрезъ Радзивилловъ, за границу, съ корпусомъ изъ 46,450 человекъ, для совокупныхъ дѣйствій съ Австрійцами. Жребіи былъ брошенъ!

Но союзники имѣли полмилліона людей на бумагѣ, а Наполеонъ дѣйствительно повелѣвалъ арміею въ шестьсотъ тысячъ человекъ, на разныхъ пунктахъ. Предусмотрительный во всемъ, онъ дѣятельно приготовлялся къ войнѣ, пока шли переговоры о мирѣ. Усиливъ свои войска въ Тиролѣ и въ Италіи, и имѣя уже собранную армію въ булонскомъ лагерѣ, Наполеонъ, при первомъ извѣстіи о вступленіи Австрійцевъ въ Баварію, быстро двинулся противу ихъ, въ сентябрѣ перешелъ Рейнъ и Дунай, разбилъ отдѣльные корпуса, обложилъ Ульмъ, и принудилъ генерала Макка сдаться, въ 28,000 войска. Кутузовъ стоялъ, въ это время на Баварской границѣ, въ Браунау, ожидая подкрѣпленій и распо-

ряжской къ вступленію на босвую линію, когда получилъ извѣстіе о сдатѣ Ульма, и прежде чѣмъ Русскіе встрѣтились съ Французами, главная австрійская армія почти не существовала: она была разбита отдѣльно въ Италіи, въ Тироли и въ Южной Германіи, и изъ ста тысячъ Австрійцевъ, дѣйствовавшихъ противъ самого Наполеона, шестьдесятъ тысячъ человекъ, съ множествомъ генераловъ, были уже въ плѣну, и дѣвяти пушекъ австрійскихъ уже находились во власти Французовъ! Что оставалось дѣлать Кутузову? У него, съ австрійскими отрядами, было всего до 50,000 человекъ, и Австрійскіе генералы побуждали его дѣлаться впередъ; но благоразумный и дальновидный Кутузовъ не хотѣлъ отваживать слабыя силы свои противъ превосходнаго числомъ и ободреннаго побѣдами непріятеля, и началъ знаменитое свое отступленіе, которое столь же славно въ военной исторіи, какъ отступленіе 10,000 Грековъ, съ Кеенофантомъ.

Отступленіе Кутузова отъ Кремса до Вишау, гдѣ онъ соединился съ корпусомъ графа Буксегвена, то есть, отъ 17 октября до 8 ноября, есть, по моему мнѣнію, самая блистательная кампанія Кутузова, точно такъ же, какъ Ватерлооская кампанія, не смотря на неудачное ея окончаніе, есть блистательнѣйшая изъ кампаній Наполеона. Хотя, по силѣ обстоятельствъ, Русскіе должны были отступить послѣ сраженія подъ Кремсомъ, но побѣда принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Русскимъ. Сражаясь, такъ сказать, на каждомъ шагѣ, съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, предводимымъ лучшими полководцами нашего времени, избѣгая обходовъ и опасности быть окруженнымъ и отрѣзаннымъ, Кутузовъ въ этомъ славномъ отступленіи возвысилъ честь русскаго имени, и принудилъ даже непріятелей отдать первенство русскому солдату передъ всѣми другими воинами. И то правда, что Кутузовъ имѣлъ необыкновенныхъ помощниковъ: князь Багратионъ и Милорадовичъ командовали его пѣхотою, князь Витгенштейнъ—конницею, а Ермоловъ (въ чинѣ подполковника) артиллерію. Что за люди!

Побѣду при Кремсѣ торжествовали въ Петербургѣ и во всей Россіи. Она возвысила духъ войска и народа. Вѣроятно, что на основаніи этого славнаго отступленія Кутузова рѣшились на продолженіе борьбы съ Наполеономъ, не смотря на то, что Австрія уже предлагала ему миръ, и что онъ, занявъ Вѣну, по справедливости, торжествовалъ свои побѣды надъ Австрійцами, въ ихъ столицѣ.

Между-тѣмъ, пока Кутузовъ отступалъ отъ Браунау, русскан

и австрійская армія сосредоточивались у Ольмюца, куда прибыли Императоръ Александръ и Императоръ Францъ. Русскихъ было 68,500 человекъ, Австрійцевъ 14,000, по показанію генерала, Данилевскаго. Въ этомъ составѣ была и русская гвардія, въ числѣ 8,500 человекъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича. Ожидали приближенія эрцъ-герцога Карла съ 30,000 человекъ изъ Тироля и русскихъ колоннъ Эссена и Беннингсена, и надѣялись на Пруссію, которая съ Саксоніею и Герцогствомъ Веймарскимъ должна была выставить до 250,000 войска. Планъ кампаніи былъ превосходный, и Наполеонъ долженствовалъ, по всѣмъ соображеніямъ, уступить силѣ. Главнокомандующимъ назначенъ Кутузовъ, дежурнымъ генераломъ генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій (нынѣ министръ Императорскаго Двора), генералъ-квартирмейстеромъ австрійскій генералъ Вейротеръ.

Я не пишу исторіи войны 1805 года, и не намѣренъ описывать аустерлицкаго сраженія, которое уже прекрасно и справедливо изображено генералъ-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; но расскажу только то, что знаю о бывшей семьѣ моей, то есть, объ уланскомъ Его Высочества полку, о послѣдствіяхъ сраженія, и передамъ тогдашнее общее мнѣніе.

Сорокъ лѣтъ, почти полвѣка, аустерлицское сраженіе было въ Россіи закрыто какою-то мрачною завѣсою! Всѣ знали правду, и никто ничего не говорилъ, пока нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ не разрѣшилъ генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину. Уже ли полагали, что стыдно сознаться въ томъ, что мы были разбиты! Да развѣ былъ и есть хотя одинъ народъ въ мірѣ, который бы не проигрывалъ сраженій? Развѣ Римляне скрывали свои неудачи? Развѣ мы разбиты были отъ недостатка храбрости? Нѣтъ, самъ Наполеонъ отдалъ намъ справедливость! Въ военной присягѣ, составленной Петромъ Великимъ, воинъ обязывается: «поступать въ полѣ, обозѣ и на караулѣ, водою и сухимъ путемъ, какъ храброму и *неторопливому* солдату надлежитъ.» — Вотъ, гдѣ наша ошибка! Мы проиграли сраженіе отъ *торопливости*. А. И. Михайловскій-Данилевскій говоритъ, что Государь былъ молодъ и окруженъ молодыми людьми, жаждавшими битвы. Надѣясь на наше мужество, мы слишкомъ опрометчиво бросились въ борьбу съ опытнымъ и искуснымъ полководцемъ. Главная ошибка, какъ

миѣ кажется, въ томъ, что Австрійцамъ не надлежало начинать военныхъ дѣйствій до соединенія всѣхъ силъ своихъ съ силами Россіи. Если бь до сдачи Ульма и всѣхъ потерь австрійской арміи, имѣвшихъ пагубное вліяніе и на общее мнѣніе въ Германіи, и на политику германскихъ государствъ, Австрія и Россія выдвинули всѣ свои силы внутрь Германіи, то, вѣроятно, что не только германскія государства втораго разряда, но и самая Пруссія пристали бы къ союзу, и тогда-то надлежало начать военныя дѣйствія очищеніемъ Германіи и Италіи отъ Французовъ, и уже на берегахъ Рейна трактовать о мирѣ, налагая условія Франціи. Вся эта война 1805 года представляетъ только желаніе сразиться съ Наполеономъ, какъ возможно скорѣе! Когда русская сила собралась у Ольмюца, австрійская армія уже почти не существовала, и всѣ ея военные запасы, вмѣстѣ съ столицею, находились въ рукахъ Наполеона. Страхъ, наведенный на всю Германію наполеоновскими побѣдами, удерживалъ всѣхъ отъ вмѣшательства въ дѣло, проигранное въ самомъ началѣ, и къ тому же, репутація австрійскаго войска много пострадала. На однихъ Русскихъ мало надѣялись, а Русскіе, по несчастію, были слишкомъ самонадѣянны. Старикъ Кутузовъ, какъ видно изъ разсказа А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, не высказалъ всего, что бы надлежало сказать въ такомъ важномъ дѣлѣ, и противъ своего убѣжденія повелъ войска на бой съ непріателемъ.

Наполеонъ не хотѣлъ драться съ Русскими, и нѣсколько разъ предлагалъ миръ; но требованія союзниковъ были таковы, что Наполеону надлежало въ одно мгновеніе лишиться всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ. Немедленно по прибытіи Императора Александра въ Ольмюцъ, Наполеонъ прислалъ своего адъютанта Савари, поздравить Государя съ пріѣздомъ, и предложилъ миръ, и даже передъ самымъ начатіемъ движенія союзной арміи повторилъ предложенія, и просилъ личнаго свиданія съ Государемъ на аванпостахъ. Наполеону во всемъ отказали, и его миролюбивыя предложенія приняты были за сознаніе въ невозможности противостоятъ Русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Наполеона, въ случаѣ проиграннаго сраженія, въ отдаленіи отъ всѣхъ своихъ вспомогательныхъ средствъ, было опасное. Государь послалъ къ Наполеону генералъ-адъютанта князя Долгорукаго, требовать немедленнаго выступленія изъ Германіи, и князь раздражилъ его смѣлыми рѣчами и слишкомъ вольнымъ обращеніемъ. — «И такъ, будетъ драться!» сказалъ Наполеонъ князю Долгорукову, который, не отвѣчая ни слова, сѣлъ на лошадь,

и ускакалъ. Рѣшено съ обѣихъ сторонъ кончить споръ оружіемъ.

Всѣ писатели, говорившіе объ аустерлицкомъ сраженіи, приписываютъ неслышность къ битвѣ и уклоненіе наше отъ мира князю Долгорукову, пользовавшемуся особенною благосклонностію Государя. Мнѣ кажется, что князь Долгоруковъ былъ только представителемъ общаго мнѣнія. Горячіесть его къ борьбѣ съ Наполеономъ раздѣляла съ нимъ не только вся русская армія, но и вся Россія. Въ солдатахъ и въ офицерахъ былъ одинъ духъ, и нельзя было драться съ большимъ ожесточеніемъ и мужествомъ, какъ дрались Русскіе подъ Аустерлицемъ. Французы также дрались отчаянно, но при равенствѣ силъ (по А. И. Давилевскому, у Французовъ было около 90, а у союзниковъ 80 тысячъ человекъ подъ ружьемъ *) перевѣсъ опыта, соображеній и увѣренности въ гениі полководца былъ на сторонѣ Французовъ, а это, и при мѣньшемъ числѣ, доставляетъ побѣду.

Въ русской главной квартирѣ были увѣрены, что Наполеонъ намѣренъ ускользнуть отъ сраженія. Только одинъ опытный Кутузовъ молчалъ и былъ мраченъ, видя всеобщую самонадѣльность и торопливость, и зная гениі Наполеона.

Наконецъ насталъ достопамятный въ исторіи день 20 ноября (2 декабря) 1805 года! Въ 8 часовъ утра Русскіе двинулись къ нападенію на Французовъ, по составленной съ вечера диспозиціи. Наполеонъ стоялъ на курганѣ, и смотрѣлъ на движенія Русскихъ. При немъ были Дюрокъ, Бертъе, Мюратъ, Ланнъ и Сультъ. Изъ всѣхъ ихъ одинъ только Сультъ остался въ живыхъ! Видя, что Русскіе исполняютъ движеніе, которое онъ предвидѣлъ, а именно: тянутся на правый флангъ французской арміи, Наполеонъ не могъ скрыть своей радости, и воскликнулъ: «Попались въ мои руки!» (Ils sont à moi!) Маршалы поскакали къ своимъ мѣстамъ. Началась битва.

* Нѣкоторые французскіе писатели утверждаютъ, что у Наполеона подъ Аустерлицемъ было только 42,000 человекъ. См. Histoire des batailles, sièges et combats des Français, depuis 1792 jusqu'en 1815, par une société de militaires et de gens de lettres, et publiée par Pierre Blanchard. Paris 1818. Обыкновенно число войска въ разказахъ о битвахъ или уменьшается, или увеличивается по обстоятельствамъ, и вѣрить всему нельзя. Биньонъ (см. Histoire de France depuis le 18 Brumaire jusqu'à la paix de Tilsit (1799—1807), говоритъ что у Наполеона было подъ Аустерлицемъ 65,000 человекъ. Кому вѣрить?

Невзирая на позднее время года, солнце взошло во всей красѣ своей и во всемъ своемъ величїи. До смерти своей Наполеонъ не могъ забыть этого солнца, и даже передъ Бородинскимъ сраженїемъ сказалъ: «Voilà le soleil d'Austerlitz! Вотъ аустерлинское солнце!» Притворился ли Наполеонъ суевѣрнымъ, или въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ предзнаменованїямъ, но всемъ извѣстно, что онъ часто говорилъ о *своей звѣздѣ*. Прекрасный восходъ солнца въ день Аустерлинской битвы, онъ почелъ счастливымъ предзнаменованїемъ, и старался внушить это своимъ воинамъ. Ктому же, это былъ день годовщины коронаціи Наполеона. Обожавшіе его солдаты еще съ-вечера торжествовали тотъ день, и когда онъ проѣзжалъ по биванамъ, зажгли солону по всей линїи, вѣсто иллюминаціи, оглашая воздухъ кликами: vive l'Empereur! Весело пошли Французы въ битву, ободренные своимъ гениальнымъ вождемъ, предсказывавшимъ имъ побѣду. Въ прокламаціи къ войску, наканунѣ сраженїя, Наполеонъ даже открылъ всему войску планъ сраженїя. — «Когда Русскїе двинутся, чтобъ обойти мое право крыло, они обнажатъ свой флангъ,» и прочая (Pendant que les Russes marcheront pour tourner ma droite, ils me prêteront leur flanc, etc). Какимъ образомъ Наполеонъ зналъ, что Русскїе начнутъ сраженїе съ атаки праваго его фланга? Ужели по соображенїю мѣстностей? Быть можетъ! Тогда, впрочемъ, по-сились слухи, что Наполеонъ зналъ нашу диспозицію. Если это правда, то ужъ вѣрно онъ узналъ это не отъ Русскихъ! Много было толковъ, но ничего не открылось въ теченїи сорока лѣтъ, и должно вѣрить, что Наполеонъ расположилъ свое войско на позиціи такимъ образомъ, что по правиламъ стратегїи надлежало атаковать его съ праваго фланга. Вѣдь генїи больше всего берутъ тѣмъ, что сбиваютъ съ толку людей методическихъ отступленїемъ отъ правилъ. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ, осмотрѣвшїй лично всѣ мѣста, гдѣ долженствовало быть сраженїе, и распорядившись прежде, имѣя отличнѣйшихъ исполнителей въ своихъ маршалахъ и генералахъ, восторжествовалъ надъ нашею неопытностью и нашимъ пылкимъ мужествомъ, отдавъ намъ, однако жъ, полную справедливость. Въ изгнанїи, на островѣ Св. Елены, Наполеонъ, говоря объ Аустерлицѣ, сказалъ: «Le succès à la guerre tient tellement au coup d'oeil et au moment, que la bataille d'Austerlitz, gagnée si complètement, eût été perdue si j'eusse attaqué six heures plus tôt. Les Russes s'y montrèrent des troupes excellentes, etc., то есть: Успѣхъ въ войнѣ до такой степени зависитъ отъ одного взгляда (*глазольтра* полководца) и отъ одной минуты,

что я бы проигралъ Аустерлицское сраженіе, если бь атаковалъ шестью часами прежде. Русскіе доказали, что они превосходные воины» и прочая. (Смотри *Mémoires de Ste Hélène*, Т. 2, стр. 210). Биньонъ (смотри *Histoire de France*, etc., стр. 470), основываясь на мѣншіи французскихъ маршаловъ, говоритъ: «Ainsi, il n'y avait plus, du côté de l'ennemi, une armée unique, agissant dans un seul système et dont les parties se soutiennent entre elles. C'étaient trois armées différentes, isolées, ayant les Français en tête et sur leur flanc, et ne pouvant plus opposer qu'une bravoure sans calcul, qu'une résistance locale et sans ensemble. Du côté des Français, au contraire, tout était lié, tout marchait d'accord et s'entraidait pour le résultat commun.» то есть. «Такимъ образомъ со стороны непріятели (то есть Русскихъ и Австрійцевъ) не было соединенной арміи, дѣйствующей по одной системѣ, которой части поддерживали бы другъ друга. Тутъ были три различныя непріятельскія арміи, разобщенныя, имѣвшія Французовъ въ головѣ и на флангѣ, могшія только дѣйствовать личною храбростію, безъ всякаго разчета, и сопротивляться мѣстно, безъ общей цѣли; со стороны Французовъ, напротивъ, все было связано между собою, все двигалось въ согласіи, и все помогало одно другому для общаго послѣдствія.» — Это самое слышалъ я, въ 1811 году, изъ устъ знаменитаго маршала Сюшета; участвовавшаго въ Аустерлицскомъ сраженіи: «Русскимъ надлежало фланговымъ движеніемъ заставить Наполеона переменить позицію, и тогда уже начать сраженіе, а если бь имъ это не удалось, въ такомъ случаѣ должно было дѣйствовать сжато, и не отдѣлять вовсе кавалеріи отъ пѣхоты, но дѣйствовать ими такимъ образомъ, чтобъ онѣ подкрѣпляли другъ друга.» Кто-то спросилъ маршала, кака я была бы цѣль фланговаго движенія, если бь Наполеонъ, воспользовавшись этимъ, вовсе уклонился отъ сраженія, и обратился къ своимъ резервамъ и сикурсамъ? — «Или соединеніе съ эрцъгерцогомъ Карломъ въ Венгріи, или съ Пруссакими, отвѣчалъ маршалъ: и во всякомъ случаѣ преимущество было бы на сторонѣ союзниковъ.» Предоставляю стратегикамъ обсудить это мнѣніе.

Улавскій Егѳ Высочества полкъ находился въ отрядѣ австрійскаго генерала князя Лихтенштейна. Пока отрядъ успѣлъ пробраться на мѣсто, назначенное ему по диспозиціи — мѣсто это было занято Французами, которые, вытѣснивъ Русскихъ изъ деревни Блазовицъ, открыли сильный пушечный огонь по русской гвардіи, не попавшей также на назначенное ей мѣсто, и выслали противъ нея стрѣлковъ. Въ эту минуту прибывъ, на

рысяхъ, отрядъ князя Лихтенштейна, и примкнулъ къ лѣвому флангу гвардіи. Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ прискакалъ къ уланскому Его Высочества полку, въ бѣломъ колетѣ и каскѣ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, поздоровался съ солдатами, обнялъ и поцѣловалъ Генерала Егора Ивановича Меллера-Закомельскаго, и обратясь къ фронту, сказалъ: «Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!» — «Ради умереть!» воскликнули всѣ въ одинъ голосъ — и сдержали слово.

Сраженіе кипѣло въ русскомъ центрѣ и на правомъ флангѣ. Французы подвигались впередъ. Стрѣлки русской гвардіи, оставившейся на высотахъ деревень Блазовица и Круга, перестрѣливались съ французскими застрѣльщиками дивизіи генерала Ригб, и передъ русскою гвардіею двигалась французская кавалерійская колонна, состоявшая изъ трехъ полковъ конныхъ егерей и гусарь, поддерживаемая слѣва пѣхотою маршала Бернадотта, а справа пѣхотою маршала Ланна. Этою колонною командовалъ генералъ Келлерманъ. За французскою конницею выстроены были нѣсколько баталіоновъ легкой пѣхоты, съ артиллеріею. Князь Лихтенштейнъ рѣшился удержать напоръ Французовъ на русскую гвардію, и даже отбросить ихъ. Рѣшена кавалерійская атака, и уланскій Его Высочества полкъ первый бросился на французскую кавалерію.

Съ крикомъ ура! стремглавъ понесся уланскій Его Высочества полкъ за генераломъ своимъ и офицерами, которые скакали передъ фронтомъ. Французская кавалерія, хотя и превосходная числомъ, обратилась въ тылъ, проскакала черезъ интервалы, между баталіонами пѣхоты, и построилась за пушками. Уланы бросились на пѣхоту, и, невзирая на жестокій ружейный огонь, пробились черезъ нее. Французская пѣхота бросилась бѣгомъ направо и налѣво, и выстроилась, а артиллерія, стоявшая за пѣхотою, встрѣтила уланъ картечью. И это не удержало геройскаго порыва полка! Уланы смѣло поскакали на пушки, и стали рубить французскихъ артиллеристовъ. Дошло до ручной схватки. Ротмистра Ганнемана, замахнувшася саблею на одного изъ нихъ и нагнувшася, другой артиллеристъ сбилъ съ лошади ударомъ банника въ голову. Нѣкоторые уланы даже соскакивали съ лошадей, и съ саблею въ рукѣ бросались на артиллеристовъ. Ожесточеніе равнялось мужеству. Но при атакѣ пѣхоты и при картечныхъ выстрѣлахъ, сжатый фронтъ уланскаго полка разстроился, и уланы сражались или по-одиночкѣ, или ма-

лыми толпами, а кромѣ-того, донскія лошади, неспособныя все къ мундштуку; закусивъ удила, завесели множество улановъ въ средину непріятелей. Видя, что уланы уже не могутъ опереться фронтомъ, Келлерманъ бросился на нихъ съ тремя отличнѣйшими полками французской конницы — и уланы должны были обратиться въ тылъ. Тутъ приняла ихъ съ обонхъ фланговъ ружейнымъ огнемъ та самая пѣхота, чрезъ которую они прежде проскакали, и уланскій полкъ совершенно разстроился.— «Ils péchèrent, dans cette affaire par excès de courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire», то есть, «они погрѣшили въ этомъ дѣлѣ отъ избытка храбрости и отъ незнанія военного ремесла (то есть, отъ неопытности), говорятъ французскіе писатели» *. Совершенная правда! Вся бѣда, не только уланскаго Его Высочества полка, но и всей арміи, произошла отъ избытка храбрости и неопытности!

Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, въ своей Исторіи Войны 1805 года, показываетъ, что въ Уланскомъ Его Высочества полку изъ строя выбыло плѣнными и убитыми 400 человекъ рядовыхъ, 16 офицеровъ и командиръ полка, Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, раненный и взятый въ плѣнъ. Полкъ имѣлъ болѣе 1,000 человекъ, но послѣ этой атаки едва двѣсти человекъ примкнули къ корпусу князя Багратиона. Прочіе разсѣялись въ разныя стороны, бывъ отрѣзанными и не зная, гдѣ соединиться. Генералъ Меллеръ-Закомельскій оказалъ чудеса храбрости, и, быть-можетъ, спасъ бы полкъ, если бъ не былъ раненъ въ самую критическую минуту. Пуля ударила въ грудь ему, и скользнула по владимірскому кресту. Ударъ лишилъ его дыханія, и въ это время на него наскочили французскіе гусары, и стали рубить. Нѣсколько уланскихъ офицеровъ защищали его до послѣдней крайности, и вмѣстѣ съ нимъ были взяты въ плѣнъ.

Генералъ А. И. Михайловскій-Данилевскій превосходно и вѣрно описалъ несчастное отступленіе послѣ Аустерлицкаго сраженія, и ужасную картину, когда, послѣ обрушенія моста на рѣкѣ Литавѣ и по тѣснотѣ узкой плотины, между озерами, русская пѣхота, кавалерія и артиллерія бросилась на замерзшее озеро, надѣясь сократить путь. Страшно ревѣли французскія орудія; ядра прысали рикошетами между русскими воинами, и вѣдутъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздались вопли отчаянія.... Ледъ на озерѣ началъ проламываться и проваливаться во многихъ мѣстахъ; пѣшіе и конные воины, пушки и зарядные ящики погружались въ

* См. Histoire des batailles, sièges et combats, etc. T. III, page 317.

воду, а между-тѣмъ напонада со стороны Французовъ усиливалась, и надъ утѣпавшими стали трескаться гранаты и ядра, пришибавъ спавшихся. Со всѣхъ сторонъ смерть, подъ ногами и надъ головою! Эта участь постигла корпусъ неустрашимого Доктурова. Въ общемъ смятеніи раздавались голоса офицеровъ: «Спасай пушки! береги ружья!» — и солдаты слушали офицеровъ, помогали на мѣстныхъ мѣстахъ вытаскивать орудія, и всѣ вышедшіе на берегъ солдаты сохранили ружья, и выстроились немедленно въ колонну. Французы замѣтили эту удивительную черту русской дисциплины, и отдали справедливость рѣдкой храбрости русскаго солдата! Всѣ французскіе военные историки говорятъ объ этомъ съ удивленіемъ.

Я уже сказывалъ, что русскіе офицеры носили тогда огромнѣйшія шляпы съ султаномъ и съ широкою петлицею. Это было причиною смерти многихъ храбрыхъ офицеровъ русскихъ. Въ русскихъ рядахъ даже слышно было, какъ французскіе офицеры кричали своимъ застрѣльщикамъ: «tirez aux chapeaux! то есть, стрѣльте въ шляпы!» и отличные французскіе стрѣлки прицѣливались, какъ въ мишень, въ колоссальную шляпу. Не всѣ офицеры были перебиты, но почти всѣ шляпы были по нѣскольکو разъ прострѣлены.

Кто не знаетъ такъ называемой *тактики Суворова*, то есть, его наставленія воинамъ, читавшаго передъ фронтомъ войску, находившемуся подъ командою Суворова? Въ этой тактикѣ непобѣдимый полководецъ запрещаетъ солдатамъ грабить въ неприятельской землѣ, но говорить: «взялъ городъ, взялъ лагерь — все ваше!» Тогда былъ обычай, что взятый съ бою городъ отдавался на грабежъ. Если бъ только брали пожитки.... но тутъ и жизнь, и болѣе еще — честь отдавалась на произволъ развирѣвѣлаго солдата! Въ русскомъ войскѣ это называлось: «поднять на Царя». Императоръ Александръ приобрѣлъ неопровергаемое право на безсмертіе въ вѣкахъ и на благословеніе народовъ уничтоженіемъ этого правила. Однако жъ, однажды въ жизни, въ первый и послѣдній разъ, самъ Императоръ Александръ прибѣгнулъ къ этому средству. На другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія, Государь увидѣлъ нѣсколько гвардейскихъ баталіоновъ и толпы армейскихъ солдатъ почти безъ огней, лежавшихъ на мокрой землѣ, голодныхъ, усталыхъ, измученныхъ.... Верстахъ въ двухъ была деревенька, но въ ней нельзя было занять квартиръ и достать помощи обыкновенными средствами. Надлежало отступать.... Императоръ Александръ, тронутый положеніемъ сво-

ихъ воиновъ, дозволяя имъ взять все съѣстное изъ деревни. — «Ребята, *поднимай на Царя!*» раздался голосъ флигель-адъютанта — и солдаты устремились въ деревню, и выбрали все, что можно было взять и что было даже ненужно, только для потѣхи. Государь записалъ названіе этой деревни, и послѣ вознаградилъ вдесятеро за все взятое. Послѣ этого случая, *поднимай на Царя* — исчезло въ русскомъ войскѣ, которое во всѣхъ походахъ, даже при штурмахъ, было всегда образцомъ военной дисциплины и порядка.

Послѣ несчастной ретирады и перемирія, уланскій Его Высочества полкъ собрался въ Краковъ, въ числѣ 300 человекъ, и въ Россію повелъ его полковникъ Чаликовъ. На пути и при распредѣленіи полковъ по квартирамъ, прибыло въ полкъ еще до полутора ста, остававшихся въ госпиталяхъ или спѣшенныхъ уланъ, примкнувшихъ къ пѣхотнымъ полкамъ и отдѣльнымъ командамъ. Штабъ-квартира уланскаго полка назначена въ имѣніи Его Высочества, *Стрѣльной Мысль*, а помѣщеніе въ Стрѣльной, въ Петергофѣ и въ Петербургѣ. Прибывъ на мѣсто своего назначенія послѣ Аустерлицкаго сраженія, полкъ началъ комплектоваться офицерами и солдатами, и полковымъ командиромъ назначенъ полковникъ Чаликовъ. Приобрѣвъ славу храбраго полка, уланскій Его Высочества полкъ удостоился получить серебряныя трубы за отличіе. Его Высочество самъ занялся устройствомъ, преобразованіемъ и обученіемъ полка. Нѣсколько прежнихъ офицеровъ переведены въ другіе кавалерійскіе полки, и на мѣсто ихъ выбраны Его Высочествомъ новыя. Къ этому числу принадлежалъ и я. Служба была не легкая, потому что надлежало и обучать солдатъ, и смотрѣть за выѣзкою лошадей, и Его Высочество самъ входилъ во всѣ подробности.

По возвращеніи гвардейскаго корпуса изъ-подъ Аустерлица въ Петербургъ, вся столица встрѣчала его. Единственный трофей этого сраженія, въ которомъ Русскіе дрались съ истинно геройскимъ мужествомъ, принадлежалъ гвардіи. Передъ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ вели французское знамя, отнятое полковникомъ Оленинымъ у 4-го французскаго пѣхотнаго полка, въ который онъ врубился съ двумя эскадронами. Вообще въ этомъ несчастномъ сраженіи гвардейская кавалерія чрезвычайно отличилась. Кавалергарды, конная гвардія и лейбъ-казаки отчаянными атаками спасли гвардейскую пѣхоту, но за то кавалергардскій полкъ былъ истребленъ почти на половину.

Вѣсть объ аустерлицкомъ сраженіи быстро прочтлась по

всей Европѣ, и произвела горестное впечатлѣніе во всѣхъ народахъ, надъ которыми тяготѣло или которымъ угрожало могущество Франціи и самовластіе Наполеона. Особенно въ Англіи общее мнѣніе, имѣя сильнаго двигателя въ свободѣ книгопечатанія, грозно возстало противу министерства знаменитаго Питта, который всю власть свою, всѣ свои способности и всѣ огромныя средства употреблялъ на поддержаніе войны съ Франціей и на побужденіе къ войнѣ сильныхъ сухопутнымъ европейскимъ державамъ, предлагая каждому врагу Франціи и Наполеона денежную помощь. Не думаю, чтобъ личная ненависть къ Наполеону (какъ писали тогда во французскихъ журналахъ) заставляла Питта поступать такимъ образомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ немъ дѣйствовало убѣжденіе, что правительство, возникшее изъ кровавой революціи, на обломкахъ законнаго престола, не можетъ представить достаточнаго ручательства за спокойствіе Европы, за уваженіе монархическихъ началъ, въ чужѣ, и за твердость правительства внутри Франціи. Питтъ, какъ глубокой политикъ, не могъ дѣйствовать по побужденію страстей, но слѣдовалъ единственно системѣ, хладнокровно обдуманной и взвѣшенной на вѣсахъ разума, хотя онъ и употреблялъ ипогда средства, не одобряемыя строгою нравственностью. Онъ былъ убѣжденъ, что хотя Наполеонъ и старался утвердить новую свою Имперію на монархическихъ правилахъ, но будучи самъ въ существѣ воинномъ и завоевателемъ, онъ только военною славою и военнымъ величіемъ можетъ держаться на высотѣ; что только громомъ побѣдъ онъ въ состояніи заглушить вопли революціонныхъ страстей, и только штыками можетъ удержать ихъ поры вы. Питтъ совѣтовалъ до-тѣхъ-поръ продолжать борьбу, всѣми возможными средствами, пока во Франціи не утвердятся сильное и миролюбивое правительство, хотя бы на новыхъ демократическихъ началахъ. * Предвидѣнія Питта сбылись, но самъ

* Французскіе писатели, напротивъ, утверждаютъ, что Питтъ руководствовался только ненавистью къ Франціи, и имѣлъ одну цѣль — вредить ей. Даже умный Биньонъ (въ своей *Histoire de France etc.*, на стр. 528) говоритъ: *Ce système, tant préconisé, de M. Pitt, il faut le répéter pour la dernière fois, ne se composait que de l'idée la plus simple: abattre, ruiner la France, ne voir de grandeur possible pour l'Angleterre, que dans la misère et l'humiliation de la France, voilà M. Pitt sous le rapport de la pensée politique. То-есть: Система Питта, столь выхваляемая, скажемъ въ послѣдній разъ, заключалась въ самой простой идеѣ — унижить, разорить Францію и почтять единственное средство къ величію Англіи въ униженіи и бѣдствіи Франціи — вотъ основная мысль политики Питта.* При всѣхъ моихъ ува-

онъ не выдержалъ, и, въ борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ, умеръ послѣ аустерлицкаго сраженія. Противники его, особенно знаменитый Фоксъ, говорили, что Питтъ «убиенъ аустерлицкимъ ядромъ», поразившимъ его прямо въ сердце *.

Англія чрезвычайно страдала отъ войны, и хотя слава ея флота возрасла побѣдами надъ флотами Французовъ и ихъ союзниковъ, и хотя она забрала почти всѣ ихъ колоніи, но эти выгоды, долженствовавшія принести великія послѣдствія въ будущемъ, въ настоящемъ нанесли большой ущербъ торговлѣ и промышленности. Національный долгъ возросъ до баснословныхъ цифръ! Рабочій классъ въ Англіи совершенно обѣдѣлъ. Общее мнѣніе требовало мира — и новое министерство Фокса склонилось къ нему, но не могло заключить его на тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ Наполеонъ не отступалъ, особенно послѣ Аустерлица. — Ожесточеніе обоихъ народовъ дошло до высшей степени, и со стороны Англіи вся ненависть сосредоточилась на Наполеонѣ. Англичане расположили различныя оскорбительныя выдумки на счетъ Наполеона, и притомъ почти на всѣхъ языкахъ, чтобъ посеять во всѣхъ народахъ ненависть и презрѣніе къ главѣ французскаго правительства. — Множество этихъ пасквилей переведено на русскій языкъ, и, въ свое время, все это съ жадностью было прочитано. Съ этихъ-то поръ утвердилась у тогдашнихъ молодыхъ людей ненависть къ Наполеону, которая, укоренившись съ лѣтами, останется въ нихъ до гроба! Многие изъ моихъ искреннихъ пріятелей въ Россіи до-сихъ-поръ воображаютъ себя Наполеона такимъ, какъ описывали его англійскіе пасквилисты, страшнымъ чудовищемъ, въ родѣ Минотавра!

Я не раздѣляю и не раздѣляю этого несправедливаго мнѣнія о Наполеонѣ. Съ дѣтства привыкъ я отдавать справедливость великимъ мужамъ и галантамъ, независимо отъ личныхъ моихъ выгодъ и побужденій сердца. — Такой-то человекъ можетъ быть непримиримымъ врагомъ монъ, и быть отличнымъ писателемъ,

живя къ уму, познаніямъ и дипломатическимъ дарованіямъ Биньона, я не раздѣляю на этотъ счетъ его мнѣнія, хотя и не одобряю всѣхъ поступковъ Питта, особенно егѡ сношеній съ заговорщиками и интригантами. Почтенный господинъ Биньонъ слишкомъ увлекается народнымъ чувствомъ. Надобно быть справедливымъ и съ непріателемъ.

* Послѣднія слова Питта, на смертномъ одрѣ, были: «Oh! what times! oh! my country! то есть: «О, какія времена! о, мое отечество!» См. Memoirs of the Lady Hester Stanhope, as related by herself, in conversation with her physician.

генераломъ или чиновникомъ. Большая часть враговъ не знаютъ другъ друга, а если бѣ узнали, то подружились бы. Клевета, какъ ядъ, отравляетъ жизнь! Великіе мужи древней Греціи и Рима были ужасны непріятелямъ своего отечества, и если враги Греціи и Рима проклинали ихъ, то не могли повредить ихъ славы. Кто желаетъ славы и могущества собственному отечеству, тотъ по-неволѣ долженъ созидать ихъ насчетъ другихъ народовъ. Такъ еозданъ свѣтъ! Наполеонъ велъ честно свои войны, выводилъ войско въ чистое поле, и дрался. Честолюбіе его и властолюбіе, конечно, выходили иногда за предѣлы, но этимъ онъ доказалъ, что и величайшій геній есть человѣкъ, и что человѣкъ не можетъ быть безъ слабостей и недостатковъ. Наставникъ мой, Лантингъ, былъ сильнымъ приверженцемъ Наполеона, разумѣется, не желая ему успѣховъ въ столкновеніяхъ съ Россіей, и душевно жаждая мира съ Наполеоновскою Франціею. Мы съ Лантингомъ восхищались Первымъ Консуломъ, и хотя досадовали, когда онъ принялъ императорское званіе, но извиняли его обстоятельствами. Съ наслажденіемъ читали мы прокламаціи Наполеона къ его войску. Это совершенство военнаго краспорѣчія! Не много такихъ полководцевъ, какъ Наполеонъ и Суворовъ, которые бы, подобно имъ, умѣли двигать сердцами своихъ подчиненныхъ, каждый въ духъ своего народа. Наполеонъ и Суворовъ знали, что не восламенивъ человѣка, не тронувъ его за сердце, нельзя ожидать отъ него великихъ дѣлъ! Переберите всю исторію человѣчества, и вы удостовѣритесь, что всѣ великіе мужи дѣйствовали на народъ правственно (moralement), обращаясь къ сердцу и разуму. Чувство обязанности охлаждается въ противностяхъ и страданіяхъ — энтузіасмъ побѣждаетъ всѣ трудности. Вообще я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ патріотизмъ въ ненависти къ непріятелю и въ оскорбленіи его бранью и клеветою. Можно уважать непріятеля и сражаться съ нимъ до послѣдней капли крови, за честь и благо своего отечества; и что можетъ быть славнѣе, какъ сражаться съ врагомъ, достойнымъ уваженія, и побѣдить героевъ! Сознаюсь откровенно, что съ первыхъ лѣтъ моей юности я почиталъ Наполеона великимъ мужемъ, не вѣрилъ, по инстинкту, вымышляемымъ на него клеветамъ, и когда увидѣлъ собственными глазами Францію, созданную имъ изъ революціоннаго хаоса, когда наслушался рассказовъ очевидцевъ о томъ, что было во Франціи до Наполеона и даже до революціи, тогда убѣдился, что въ Наполеонѣ были два генія: военный и правительственный, или административный,

которые весьма рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ. Объ этомъ я буду имѣть случай поговорить подробнѣе.

Послѣдствія Аустерлицкаго сраженія были чрезвычайно важны, и совершенно переѣнили положеніе Европы. Пресбургскій миръ начертанъ окровавленнымъ мечомъ побѣдителя! Наполеонъ до-вольствовался только денежною контрибуціею, для раздачи своему войску, и въ первый разъ послѣ революціи Франція заключила миръ съ побѣжденнымъ непріятелемъ, не приобрѣтая областей. Но Австрія всё же лишилась до двухъ милліоновъ осьми сотъ тысячъ подданныхъ, населявшихъ прекрасныя страны южной Германіи и Италіи, которыя отданы были курфирстамъ баварскому и виртембергскому, принявшимъ титулъ королевскій, и великому герцогу баденскому, союзникамъ Наполеона. Владѣнія Австріи въ Италіи, съ Венеціей, присоединены къ новому Италіянскому Королевству. Императоръ германскій лишился прежняго титула, и сталъ называться императоромъ австрійскимъ. Король Неаполитанскій лишенъ всѣхъ своихъ владѣній, и удаленъ въ Сицилію, подъ покровительство Англіи. Пруссія, хотя и не союзной съ Франціею, но не участвовавшей въ войнѣ, предоставлено занять принадлежавшій Англіи Ганиверъ. Замѣчательно, что когда прусскій министръ Гаугвицъ, отправленный изъ Берлина къ Наполеону до полученія извѣстія объ Аустерлицкомъ сраженіи, съ самыми жесткими предложеніями, явился къ побѣдителю въ Бриеннѣ, и не считая нужнымъ объяснять настоящей причины своего посольства, поздравлялъ его съ побѣдою, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «Это такое привѣтствіе, котораго назначеніе (или адресъ) переѣнено счастьемъ.» (*C'est un compliment, dont la fortune a changé l'adresse!*)

Не требовалось много предвидѣнія и высокихъ соображеній въ политикѣ, чтобъ постигнуть, что всѣ трактаты, заключенные первоклассными европейскими державами съ Наполеономъ, послѣ Аустерлицкаго сраженія, не прочны, и что возстановленный миръ на твердой землѣ, есть только перемиріе. Жестокое наказаніе Австріи и страшный для Европы перевѣсъ силы Франціи, заставляли cadaго помышлять о средствахъ къ утверженію равновѣсія въ Европѣ, для общаго спокойствія и безопасности, и эта великая идея, чуждая всѣхъ корыстныхъ видовъ, родившаяся въ умѣ Императора Александра, руководила имъ постоянно, къ предназначенной цѣли, до которой онъ достигнулъ втеченіе десяти лѣтъ, дѣйствуя съ величайшимъ самоотверженіемъ

я не страшась ни какихъ опасностей. Наполеонъ нашелъ достойнаго себѣ соперника въ Императорѣ Александрѣ, съ тою между ими разницею, что Александръ зналъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, а Наполеонъ, при всей своей гениальности, не постигнулъ Александра, и былъ въ совершенномъ заблужденіи на его счетъ!

Императоръ Александръ не выслалъ въ Парижъ полномочнаго посла для заключенія мирнаго трактата, какъ желалъ того Наполеонъ. Статскому совѣтнику Убри (Oubril), посланному будто бы для разбѣна плѣнныхъ, поручено было войти въ сношенія съ французскимъ правительствомъ по этому предмету. Господинъ Убри подписалъ въ Парижѣ мирный договоръ (20 іюля 1806 года), и когда Наполеонъ торжествовалъ, что Россія соглашается на лишеніе неаполитанскаго короля престола и всѣ предложенія Франціи, и напечаталъ трактатъ въ Монитерѣ — Императоръ Александръ не утвердилъ трактата! Это былъ ударъ прямо въ сердце Наполеона! Къ довершенію его горести и досады, во Франкфуртскомъ журналѣ, бывшемъ тогда органомъ нашей политики, напечатана статья, въ которой было сказано, что посланный въ Парижъ русскимъ правительствомъ для заключенія мирнаго трактата, отдался отъ своей инструкціи, и дѣйствовалъ въ духѣ совершенно противоположномъ, и что Россійскій Императоръ готовъ возобновить сношенія о мирномъ трактатѣ, котораго бы основанія согласовались съ его достоинствомъ. Эта журнальная статья была бомба, пущенная въ политическій міръ! Статью перепечатали въ нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ, и Европа съ восторгомъ узнала, что Аустерлицкое сраженіе не покорило ее совершенно волѣ Франціи, и что еще есть благодѣтельный гений, пекущійся о ея независимости. Имя Императора Александра произносилось вездѣ съ благоговѣніемъ, вездѣ выставляли его портреты, и всѣхъ Русскихъ принимали отличнымъ образомъ за границы. Однако жъ, Наполеонъ, желая мира, чтобъ утвердить могущество Франціи и свое собственное на прочныхъ основаніяхъ, скрылъ свое неудовольствіе, и дипломатическія сношенія объ утвержденіи европейскаго мира продолжались въ Парижѣ. Императоръ Александръ повторилъ, съ тою же твердостью и настойчивостью, прежнія свои требованія, какъ-будто не бывало Аустерлицскаго сраженія. Онъ снова объявилъ, что Французы должны выступить изъ Германіи, не соглашаясь на лишеніе престола неаполитанскаго короля, и требовалъ даже, чтобъ Наполеонъ не присоединялъ Далмаціи къ Французской Имперіи. Кроме того, Императоръ Александръ не соглашался вывести рус-

скихъ войскъ изъ Бокка ди-Катаро, пока Французы останутся въ Германіи. Эти условія были тѣ же, что передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Наполеонъ казался уступчивымъ, отдавалъ Россіи Корфу, соглашался даже рѣшить умѣреннѣе неанолитанскій вопросъ, и требовалъ только, чтобъ Россія не вмѣшивалась въ дѣла Германіи и Западной Европы, и содѣйствовала къ заключенію мира съ Англіею. Императоръ Александръ оставался непоколебимымъ, и старался тѣснѣе сблизиться съ Пруссіей, для которой учрежденія Рейнскаго Союза и власть Наполеона въ Германіи были достаточною причиною къ сопротивленію его видамъ. Пруссія была на военной ногѣ, имѣла многочисленное войско, несмѣтные запасы военныхъ потребностей и крѣпости въ отличномъ состояніи. Россія вооружалась и комплектовала войско. По смерти начальника англійскаго кабинета, Фокса, англійское министерство склонялось болѣе къ войнѣ, нежели къ миру съ Франціею—и, наконецъ, трактатіи между Англіею и Франціею все прекратились. Каждую минуту ожидали взрыва, и только не знали еще, съ какой стороны начнется война. Наконецъ, втораго октября 1806 года, Пруссія внезапно издала манифестъ о войнѣ съ Франціею, и въ то же время стотысячная армія вошла въ Саксонію, и, соединившись съ двадцатью тысячами войска курфюрста саксонскаго, начала наступательныя движенія къ Рейну. Вся Европа удивилась этой внезапной рѣшительности Пруссіи. Пламя вспыхнуло!

IV.

ХАРАКТЕРЪ И ТЕМПЕРАМЕНТЪ. — НѢМЦЫ И ФРАНЦУЗЫ. — ПОРЫВЫ ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА ВЪ БЕРЛИНѢ КЪ ВОЙНѢ. — ПОЛОЖЕНІЕ ПРУССІИ И ФРАНЦИИ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ПРУССКАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО, ГЕРЦОГА ФЕРДИНАНДА БРАУНШВЕЙГСКАГО. — ПРЕВЫВАНІЕ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВЪ ЕВРОПѢ. — ВАСЛУГИ ПРУССІИ ВЪ ЭТОМЪ ОТНОШЕНІИ. — ТАКТИКА ФРИДРИКА ВЕЛИКАГО. — ПРУССКОЕ ВОЙСКО ВЪ 1806 ГОДУ. — ТАКТИКА НАПОЛЕОНА. — ДУХЪ ФРАНЦУЗСКАГО ВОЙСКА. — ДОСТОПАМЯТНЫЯ СЛОВА НАПОЛЕОНА НА ВЫЗОВЪ ПРУССІИ. — НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — УСПѢХИ ФРАНЦУЗОВЪ. — СМЕРТЬ ПРИНЦА ЛУДОВИКА ПРУССКАГО. — ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА И ОШИБКИ ГЕРЦОГА БРАУНШВЕЙГСКАГО. — СОВЕРШЕННОЕ ПОРАЖЕНІЕ И УНИЧТОЖЕНІЕ ПРУССКОЙ АРМІИ ПРИ ІЕНѢ И АУЭРШТАДТѢ. — СВИДѢТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДИЦѢ. — РѢЧЬ НАПОЛЕОНА ПЕРЕДЪ ВОЙСКОМЪ. — УНЫНІЕ И РАЗСТРОЙСТВО ПРУССКОЙ АРМІИ. — СДАЧА КРѢПОСТЕЙ. — ВСТУПЛЕНІЕ НА-

ПОДРОБА ВЪ БЕРЛИНѢ. — ВПЕЧАТЛЕНІЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ВЪ РОССИИ НЕСТАСІЕМЪ ПРУССІИ. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ОБЪЯВЛЯЕТЪ ВОЙНУ ФРАНЦІИ. — РЕАРУТСІЙСІЙ НАБОРЪ. — МИЛІЦІА. — ВОСПЛАМЕНЕНІЕ УМОВЪ ВЪ РОССИИ. — ПАТРИОТИЧЕСКІЯ ЧУВСТВА. — ДВѢ РУССКІЯ АРМІИ И ДВѢ ВОЙНЫ ВЪ ОДНО ВРЕМЯ, СЪ ФРАНЦІЕЮ И ТУРЦІЕЮ. — ФОРМИРОВАВІЕ БАТАЛІОНА ИМПЕРАТОРСКОЙ МИЛІЦІИ. — ТОГДАШНІЕ ПЕТЕРГОФЪ И СТРЕЛЬНА. — ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СТРЕЛЬНѢ И ПЕТЕРГОФѢ. — РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ТРАГЕДІИ ОЗЕРОВА. — ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ *Дмитрій Домовой*. — ХАРАКТЕРИСТИКА ОЗЕРОВА И ТРАГІЧЕСКАГО АКТЕРА ЛЮБЛЕВА.

Весьма несправедливо и даже безразсудно поступаетъ тотъ, кто какія-нибудь дурныя качества приписываетъ *цѣлому* народу. Народъ не порода звѣрей, не волки и не лисыцы, чтобъ быть подвластнымъ какому-нибудь особенному природному инстинкту. Образъ правленія, метода воспитанія, политическія событія, устройство гражданскаго общества и географическое положеніе страны имѣютъ вліяніе на характеръ цѣлаго народа, менѣе или болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Съ переменною этихъ условій измѣняется и характеръ народа, всегда, однако жъ, подчиняясь *темпераменту*. Не надобно никогда смѣшивать *характера* съ *темпераментомъ*. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ объясненіе словъ *характера* и *темперамента* въ нашихъ лексиконахъ! Одни ихъ смѣшиваютъ, другіе говорятъ такой вздоръ, что уши вянутъ! Характеръ есть, такъ-сказать, *нравственное сложеніе* чело^вчка (constitution morale), образованное волею, убѣжденіемъ, разумомъ, образованностью, а темпераментъ физическое сложеніе (constitution physique), механическое устройство чело^вчка, сооруженное одною природою. Иногда характеръ подчиняетъ себѣ темпераментъ, а иногда самъ ему подчиняется. Движеніе крови, болѣе или менѣе быстрое, гибкость мускуловъ, сила пищеварительныхъ органовъ, и ббльшая или меньшая дѣятельность нервной системы, составляютъ различіе темпераментовъ. Климатъ и пища играютъ первыя роли въ темпераментѣ; умъ и воспитаніе господствуютъ въ характерѣ. Мы вообще называемъ Французовъ *вътряпчатыми* и *веселыми* народомъ, а Нѣмцевъ народомъ *честнымъ*, *основательнымъ*, но *холоднымъ*. Живость Французовъ и ихъ воспріимчивость суть послѣдствія ихъ легкаго, пріятнаго климата и ихъ пищи. Французскій превосходный супъ (pot au feu), ихъ пряныя приправы, трюфели, чеснокъ и, наконецъ, вино способствуютъ этой живости; когда, напротивъ, и самый климатъ Германій, здоровый, но слишкомъ однообразный, иногда угрюмый, грубый, тяжелая нѣмецкая пища и неумѣренное употребленіе пива,

способствуютъ къ сгущенію крови и какой-то неподвижной холодности. Нѣмецъ выходитъ изъ себя тогда только, когда жестоко разсерженъ, а Французъ бѣснуется и въ гнѣвѣ и въ радости. Нѣмецкая пословицная (proverbial) честность началась только со времени реформациі, и поддерживается тихою, рациональною нѣмецкою набожностью. Въ средніе вѣки Германія была разбойничье гнѣздо, и самая ужасная безнравственность окружала рыцарскіе замки и католическіе монастыри. Время измѣнило характеръ народа, не измѣнивъ его темперамента.

Въ Сѣверной Германіи, то есть въ Пруссіи, народный характеръ сильно измѣнился въ царствованіе Фридриха Великаго. Блистательныя побѣды, въ Семилѣтнюю Войну, надъ господствовавшимъ тогда народомъ въ Германіи, Австрійцами, разбитіе Французовъ при Росбахѣ, успѣхи надъ Русскими при Кунерсдорфѣ и Цорндорфѣ, и скорое, блистательное возвышеніе Пруссіи изъ незначительной державы на степень первокласснаго европейскаго государства, давали Пруссакамъ права на гордость. Но отъ гордости, даже справедливой, одинъ только шагъ къ высокомерию, тщеславію и фанфаронству. Прусское юношество, взлелеянное воспоминаніями славной эпохи Фридриха Великаго, сохранившее преданія о чудныхъ подвигахъ мужества отцовъ и дѣдовъ своихъ, присвоило себѣ ихъ славу, думая, что получило въ наслѣдство и ихъ качества, и переступило за предѣлы позволенной народной гордости. Съ негодованіемъ говорили въ Пруссіи о неудачахъ Австрійцевъ противъ Французовъ, умалчивая однако жъ о несчастномъ походѣ во Францію въ 1792 году, и чрезвычайно легко судили о кампаніи 1805 года и несчастномъ Аустерлицкомъ сраженіи, вѣря, что этого никогда не могло бы случиться съ Пруссаками. Въ Пруссіи также существовали, какъ и въ Россіи, двѣ партіи, мирная и военная. Король, весьма благоразумно склонялся на сторону мирной партіи, желая выждать, пока обстоятельства не укажутъ ему пути, по которому должно слѣдовать, и опасаясь рисковать тогдашнимъ выгоднымъ положеніемъ Пруссіи, къ которой Франція чрезвычайно ласкалась, обѣщала большія выгоды, требуя одного нейтралитета. Но партія, желавшая войны, имѣя приверженцевъ даже въ королевскомъ семействѣ, была гораздо сильнѣе партіи мирной. Женскій полъ, какъ водится, раздѣлялъ мнѣніе юнаго поколѣнія, и, наконецъ, въ народѣ составилось убѣжденіе, что Пруссія должна непременно вступить за честь Европы и Германіи, прогнать Французовъ за Рейвъ и заключить ихъ въ прежнихъ предѣлахъ Фран-

щип, не дозволяя вмѣшиваться въ дѣла Европы. Съ Россією уже заключенъ былъ тайный союзъ, подъ названіемъ Потсдамской Конвенціи; Австрія обѣщала присоединиться къ союзникамъ, какъ только позволятъ стѣпенныя ея обстоятельства; Англія явно приглашала всѣхъ къ возстанію противъ Франціи. Курфирсты гессенскіи и саксонскій и герцогъ веймарскій отдавали войска свои въ распоряженіе Пруссіи, а другіе владѣльцы германскіе обѣщали присоединиться при первомъ успѣхѣ Пруссіи. Надежды были огромныя и блистательныя, и предвѣщали успѣхъ въ войнѣ. И точно, надлежало надѣяться успѣховъ, если бѣ война начата была во-время и съ расчетомъ. Но партія, желавшая войны, воспламененная какимъ-то дивнымъ энтузіасмомъ, отвергала всякое замедленіе и горя нетерпѣніемъ сразиться, требовала немедленно начать войну, чтобъ не дать французскимъ войскамъ поправиться и укомплектоваться послѣ блистательной, но трудной аустерлицкой кампаніи, которая и Французамъ стоила не дешево. Слава Наполеона и французскихъ войскъ, такъ-сказать, разила взоры прусскаго юношества, и оскорбляла его самолюбіе, заслоняла славу Семилѣтней Войны. Весь прусскій дворъ, исключая благоразумнаго короля, былъ на сторонѣ приверженцевъ войны.... Наконецъ король уступилъ совѣтамъ и просьбамъ партіи, которая выдавала свое собственное мнѣніе за общее, и вызвалъ на бой Наполеона!...

Главнокомандующимъ прусскою армією назначенъ былъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій (Braunschweig-Lüneburg). Имя брауншвейгское озарено было военною славою въ XVIII вѣкѣ. Фердинандъ, герцогъ брауншвейгскій, былъ въ числѣ отличнѣйшихъ генераловъ Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю Войну, и избранный англійскимъ королемъ Георгомъ Вторымъ, для начальствованія англо-ганноверскою армією, онъ нѣсколько разъ жестоко билъ Французовъ, одержавъ знаменитыя побѣды подъ Кревельтомъ въ 1758 году, подъ Минденомъ въ 1759 году, и выгналъ ихъ изъ герцогства Гессенскаго въ 1763 году. Но онъ скончался въ 1792 году, имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ рожденія, и слава его озарила племянника его, также Фердинанда, котораго многіе смѣшивали съ дядею. Назначенный, въ 1806 году, главнокомандующимъ прусскою армією, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій былъ въ это время семидесяти одного года отъ рожденія (родился 1735 года). Онъ также снискалъ блистательное имя въ Семилѣтнюю Войну (отъ 1756 до 1763), въ первой своей молодости, но не какъ полководецъ, а какъ храбрый и пылкій офи-

перъ. Въ первый разъ начальствовалъ онъ, на правахъ главнокомандующаго, отдѣльнымъ тридцати тысячнымъ прусскимъ корпусомъ, въ 1787 году, при усмирении Голландіи, возставшей противъ своего штатгудера, зятя короля прусскаго. Голландію покорилъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, такъ-сказать, нѣсколькими выстрѣлами. Въ 1792 году, во время самаго сильнаго разгара французской революціи, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной австрійско-прусской арміи, которая долженствовала въ самой Франціи дѣйствовать для спасенія несчастнаго Людовика Шестнадцатаго, но былъ разбитъ при Вальми, французскимъ генераломъ Келлерманомъ (получившимъ впослѣдствіи званіе герцога Вальмійскаго (Duc de Valmy)), и заключивъ конвенцію съ республикой, возвратился въ Германію. Военная репутація герцога Фердинанда чрезвычайно пострадала послѣ этой кампаніи, и онъ даже вышелъ въ отставку изъ прусской службы. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій былъ человекъ отлично образованный, свѣтскій, одаренный краспорѣчіемъ, человекъ храбрый и знавшій подробно тактику Фридриха Великаго, но самъ онъ не имѣлъ дарованій полководца, хотя и обучался военному ремеслу, на практикѣ, у перваго вождя своего времени, и участвовалъ въ великихъ подвигахъ. Не всякому таланту дается творческая сила!

Незадолго до войны, герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій пріѣзжалъ въ Петербургъ, для дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ совѣщаній, и я нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ былъ низкаго роста и сухощавый. Лицо его до такой степени покрыто было морщинами, что казалось мозаикой. Носъ у него былъ длинный, губы небольшія, глаза живые, и вообще онъ былъ быстръ въ движеніяхъ, по своимъ лѣтамъ. Онъ былъ въ мундирѣ точно такого покроя, какой былъ въ русской арміи, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, съ тою разницею, что мундиръ былъ снѣгаго цвѣта. Въ Петербургѣ тогда поговаривали, будто герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій вступаетъ въ русскую службу, въ званіи генералиссимуса, и что ему будетъ поручено предводительство русскихъ войскъ противъ Французовъ. Не знаю, было ли это въ проектѣ, но таковъ былъ слухъ. Герцогъ Брауншвейгскій посѣщалъ всѣ наши военно-учебныя заведенія, военную коллегію, комиссаріатъ, арсеналъ, бывалъ на парадахъ войскъ, и входилъ во всѣ подробности высшаго управленія. Быть-можетъ, это самое подало поводъ къ слухамъ.

Военное искусство до Тридцатилѣтней Войны въ Европѣ нахо-

длюсь въ плохомъ положеніи. Въ каждомъ войскѣ сперва десятую, потомъ пятую и четвертую часть составляла конница. Шведы, подь предводительствомъ Густава-Адольфа и Карла Двѣнадцатаго, первые доказали преимущество пѣхоты и силу штыковъ (изобрѣтенныхъ въ Байоннѣ, во Франціи, въ половинѣ семнадцатаго вѣка), въ сомкнутой линіи; но при устройствѣ пѣхоты, во всей Европѣ обращали болѣе вниманія на цѣлое, обучали построеніямъ, переменамъ фронта и движеніямъ въ массѣ, и прибрегали частностями. Отъ солдата требовалось только, чтобъ онъ умѣлъ стрѣлять, держаться линіи и дѣйствовать совокупно въ рядахъ. Солдаты были неуклюжи и неповоротливы; одѣвались какъ кто умѣлъ, и только цвѣтъ одежды отличалъ солдата отъ крестьянина или горожанина. Покрой былъ почти тотъ же какъ и въ гражданской одеждѣ. Изъ всѣхъ европейскихъ державъ Пруссія первая завела въ войскѣ своемъ дисциплину и такъ называемую выправку, еще въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія (съ 1714 года), и военные люди изъ всѣхъ государствъ, прїѣзжали въ Берлинъ любоваться и удивляться гвардіи прусскаго короля Фридриха-Вильгельма Перваго (das grosse Leibregiment) состоявшей почти изъ великановъ, одѣтыхъ однообразно и выправленныхъ до совершенства. Ружейныя пріемы, для пріученія солдатъ владѣть ловко ружьемъ, заряданіе ружья на двѣнадцать темповъ, залпы плутонами, ротами, баталіонами и цѣлыми полками, по одному слову, батальный огонь, маршировка тихимъ шагомъ, построенія скорымъ шагомъ и быстройя переменны фронта и линій, все это было доведено въ прусскомъ войскѣ до совершенства, а кромѣ-того учреждена единообразная служба во всей арміи; заведены вахтпарады, правильные караулы, строгая подчиненность. Словомъ, прусская армія сдѣлалась образцовою для всей Европы, и всѣ государства брали съ нея примѣръ. Король Фридрихъ Великій, которой въ молодости своей насмѣхался надъ этимъ, считая выправку мелочностью, вступивъ на престолъ, убѣдился въ превосходствѣ выправленнаго солдата передъ неуклюжимъ вонномъ, успилъ все начатое и оставленное ему родителемъ его семидесяти-пятитысячное войско умножилъ до двухъ сотъ тысячъ (въ 1789 году). Фридрихъ Великій былъ творцомъ новаго военного искусства, основаннаго на *маневрированіи*. Это искусство состояло въ томъ, чтобъ движеніями своего войска оставлять непріятеля въ невѣдѣніи на счетъ своихъ намѣреній, заставляя его переменять позиціи, атаковать тамъ, гдѣ непріятель не ожидаетъ, и отступать стѣмъ

путями, о которыхъ онъ не предполагаетъ. Война была почти то же, что игра въ шахматы, и воевать можно было на маломъ пространствѣ, имѣя въ крѣпостяхъ запасы. Въ самомъ сраженіи искусное маневрированіе, то есть движеніе массами, доставляло хорошо обученному войску выгоды предъ превосходнымъ числомъ и храбрымъ неприятелемъ. Обстоятельства заставили Фридриха Великаго изобрѣсть, такъ называемую, *малую войну*, то есть, войну партизанскую. Онъ первый почувствовалъ важность хорошо обученной конницы, для поддержанія пѣхоты и артиллеріи, и изобрѣлъ *конную артиллерію*. Семилѣтняя Война доказала превосходство его военнаго искусства и пользы отъ арміи хорошо обученной и выправленной. Предводительствуемая искусными полководцами, прусская армія торжествовала надъ двойнымъ и даже тройнымъ числомъ мепрителя. Храбрые Венгерцы, отчаянные Пандуры, Кроаты и Словаки, которыми славилось Австрійское войско, должны были уступать Пруссакамъ, предводительствуемымъ Фридрихомъ Великимъ и генералами его школы. Французы, пользовавшіеся всегда военною славою, особенно при Лудовикѣ Четырнадцатомъ, были непрерывно биты Пруссаками, и ихъ союзниками Ганноверцами и Брауншвейгцами, въ Семилѣтнюю Войну. Сраженіе при Росбахѣ, было какъ-бы народнымъ пятномъ въ Военной Исторіи Франціи. Въ этомъ знаменитомъ сраженіи ($\frac{5}{12}$ ноября 1757 года), Фридрихъ Великій съ 22,000 Пруссаковъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство 60,000 союзниковъ, болѣею частію Французовъ. Сраженіе продолжалось не болѣе полутора часа, и съ прусской стороны въ дѣйствіи была только одна конница, подъ начальствомъ знаменитаго генерала Зейдлица, и семь баталіоновъ пѣхоты. Французы лишились выбывшими изъ фронта, 10,000 человекъ (изъ которыхъ 7,000 сдались въ плѣнъ на полѣ сраженія), 63 пушки и 23 знамя, и вся Французская армія разбѣжалась. У Пруссаковъ убито до ста человекъ и до 300 ранено. Эта блистательная побѣда, въ числѣ многихъ другихъ одержанныхъ Пруссаками надъ Французами генералами Фридриха Великаго, особенно герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскомъ, совершенно уронила военную репутацію Французовъ. Въ Германіи распѣвали пѣсни насчетъ ихъ трусости и привычки бѣгать съ поля сраженія, воткнувъ ружье въ землю. Особенно въ Пруссіи сильно утвердилось мнѣніе насчетъ малодушія Французовъ, и съ ними вообще обходились съ какимъ-то презрѣніемъ. Внуки героевъ Семилѣтней Войны, будучи свидѣтелями успѣховъ Французовъ въ революціонную войну, приписывали ихъ побѣды или ошиб-

камъ или трусости непріятели, горя нетерпѣніемъ повторить росбахское торжество. Неудачу похода въ 1792 году во Францію, Пруссаки приписывали слабому содѣйствію Австрійцевъ и болѣзнямъ, открывшимся въ прусской арміи, что отчасти было и справедливо.

Но время все измѣняетъ. Не тѣ уже были Пруссаки, и не тѣ Французы, каковыми они были въ Семилѣтнюю Войну. Въ прусскомъ войскѣ сохранились и прежнія отличная выправка, и прежнее искусство въ маневрированіи, но въ челѣ войска не было военнаго генія, который бы, подобно Фридриху Великому и его знаменитымъ ученикамъ, умѣлъ пользоваться этимъ искусствомъ; а въ войскѣ не было надлежащей дисциплины и военнаго духа. Прусское войско, во время продолжительнаго мира, отвыкло отъ военныхъ трудовъ и изнѣжилось, какъ войско Аннибала въ Кануѣ. Полки стояли все на однихъ безсмѣнныхъ квартирахъ, и пользуясь всеми удобствами жизни, привязаны были къ ея выгодамъ. Армейскіе офицеры, безъ производства старѣли въ однихъ чинахъ, и живя на одномъ мѣстѣ занимались болѣе хозяйствомъ, нежели военными помыслами. Армейскіе штабъ-офицеры и капитаны болѣею частію были люди пожилые и даже старые. Именемъ *пруссака майора*, означали въ то время, въ шутку, стараго, дороднаго пузана! Солдаты занимались ремеслами или полевыми работами. Въ пѣхотѣ большая часть офицеровъ и солдатъ были жепаты. Полки имѣли огромные обозы и выступали съ квартиръ съ полнымъ хозяйствомъ, съ женами и дѣтьми. Мы сами видѣли, въ 1807 году, прусскіе отряды, за которыми тянулись ряды фуръ, втрое длиннѣе фронта. На этихъ фурахъ солдатки везли постели, кухонные снаряды и даже живыхъ куръ, гусей и тому подобное. Русскіе солдаты называли Пруссаковъ, въ насмѣшку: *кукуреки*, то есть пѣтухами. Въ прусской конницѣ, также отлично обученной и выправленной, было болѣе порядка и дисциплины; но какъ большая часть солдатъ въ конныхъ и пѣхотныхъ полкахъ были вербованные люди не въ одной Пруссіи, а изъ разныхъ нѣмецкихъ владѣній и изъ славянскихъ племенъ, то войско не было одушевлено тѣмъ патріотизмомъ и тою народною гордостью, которыя возвышаютъ душу и заставляютъ предпочитать смерть униженію отечества. Весьма многіе изъ солдатъ, вербованныхъ обманомъ (какъ то случилось и съ нашимъ знаменитымъ Ломопосовымъ), даже рады были побѣдамъ Французовъ, что я самъ слышалъ отъ прусскихъ солдатъ. Въ арміи было вѣсколько генераловъ Семилѣтней Войны, какъ, на примѣръ,

Молледорфъ, Калькрейтъ и другіе, но они уже устарѣли и слабо сохранили преданіе великой науки побѣждать. Съ виду эта армія была безподобная, и сверху кипѣло и пѣнилось, какъ шампанское вино, но въ цѣломъ не было силы и крѣпости, а на днѣ были дрожжи.

Энтузіазмъ кипѣлъ только при дворѣ, въ высшемъ обществѣ и между гвардейскими офицерами. Гвардейскіе прусскіе офицеры, въ противоположность армейскимъ, были большею частію люди молодые, изъ аристократическихъ фамилій не только Пруссіи, но всей протестантской Германіи и даже изъ владѣтельныхъ домовъ. Военный духъ, оживлявшій эту блистательную молодежь, принимали за духъ всего войска, и миѣніе аристократическихъ салоновъ, за миѣніе народное. Въ этомъ состояла важная ошибка! Энтузіазмъ въ военной молодежи дошелъ до высшей степени, и, наконецъ, превратился въ несносное фанфаронство. Передъ окнами французскаго посла, въ Берлинѣ, молодые офицеры острили свои сабли и шпаги, подъ звуки знаменитаго дессаускаго марша, играннаго во время росбахской битвы. Ежедневно бросали въ домъ посланника каррикатуры и эниграммы на счетъ Французовъ и Наполеона. На театрахъ и въ журналахъ были повторяемы ежедневно самыя жестокія выходки противъ Французовъ и Наполеона, и болѣе всѣхъ отличался своею неустрашимостью и запальчивостью знаменитый Коцебу, издававшій тогда въ Берлинѣ журналъ der Freymüthige. Никто не помышлялъ о томъ, что и Пруссія и Европа уже не тѣ, что были при Фридрихѣ Великомъ.

Французы, народъ воинственный отъ природы, удобовоспаленный, легко забывающій величайшія бѣдствія и неудачи, въ эту эпоху былъ точно такой, каковъ надобенъ былъ величайшему военному гению, какой только былъ на землѣ послѣ Цесаря и Александра Великаго, Наполеону, для чудныхъ его подвиговъ. Революціонныя войны, въ которыхъ надлежало побѣдить или умереть, умереть на полѣ битвы или на эшафотѣ, образовали превосходныхъ солдатъ, отличѣйшихъ офицеровъ и искусныхъ полководцевъ. Наполеонъ, сообразуясь съ вѣкомъ и обстоятельствами, совершенно пересоздалъ военное искусство, положивъ его основаніемъ суворовскія правила: *быстроту* и *патискъ*. Онъ усилилъ артиллерию, и такъ-сказать, соединялъ конницу съ пѣхотою, заставляя ихъ всегда дѣйствовать, опираясь одна на другую или подкрѣпляя другъ друга. Умѣя пользоваться мѣстоположеніемъ, вслѣдствіе особеннаго дара природы, надѣляющей великихъ

полководцевъ превосходнымъ глазомѣромъ и-быстротою соображеній въ самомъ пылу сраженія, Наполеонъ дѣйствовалъ всегда сжатыми массами, колоннами, не растягивая своей боевой линіи и стараюсь всегда имѣть подъ рукою всю свою силу. Воспользовавшись изобрѣтеніемъ Фридриха Великаго, Наполеонъ довелъ до совершенства конную артиллерію въ своемъ войскѣ и ввелъ *застрѣльщиковъ* (*tirailleurs*), впервые появившихся въ Американскую Войну, за независимость колоній, въ 1775 году, въ войскѣ Вашингтона. Американскіе застрѣльщики набираемы были изъ людей, занимавшихся охотою въ лѣсахъ и степяхъ Америки, и составляли главную силу войска Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Наполеонъ набиралъ своихъ волтижеровъ (такъ назывались стрѣлковыя роты во французскомъ войскѣ) изъ самыхъ ловкихъ рекрутъ, изъ лѣсныхъ и горныхъ странъ Франціи, и приказывая ихъ непрерывно обучать стрѣльбѣ, награждая искуснѣйшихъ, держалъ вообще всѣхъ ихъ въ почетѣ. Своими волтижерами Наполеонъ прикрывалъ обыкновенно движеніе своихъ массъ, какъ громоносною тучею, подкрѣпляя стрѣлковыя цѣпи конницею въ полѣ и колоннами легкой пѣхоты въ мѣстахъ, гдѣ конница не могла дѣйствовать. Все перемѣнилось во французскомъ войскѣ со времени росбахской битвы, и люди, и вооруженіе, и тактика, и духъ войска и народа — и Французы, которые прежде бѣгали подъ предводительствомъ своихъ маркизовъ отъ непріятеля, теперь, съ полною увѣренностью въ побѣдѣ, отважно шли на встрѣчу смерти! Слава побѣдъ, блистательныя завоеванія, гений полководца, многочисленность войска и убѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ, внушенное почти невѣроятными успѣхами, все это давало Французамъ значительный перевѣсъ надъ другими народами въ эту эпоху. Французское войско, согрѣтое прокламаціями Наполеона, выступило въ походъ противъ Пруссаковъ съ ожесточеніемъ и жаждою мести, усиливавшими его мужество, а Пруссаки, кажется, не знали, или не хотѣли знать всего этого, и толковали только о Росбахѣ! Они думали встрѣтиться снова съ французскими маркизами и съ ихъ поварами и парикмахерами, какъ изображали французское войско въ каррикатурахъ, которыя Англичане, вмѣсто военной помощи высылали въ Пруссію кипами изъ Лондона! *

Прокламація Пруссіи о войнѣ съ Франціею, содержащая въ

* Секретарь короля прусскаго Ломбаръ (Lombart) написалъ: «A Londres on n'eut pas sacrifié une hutte de nègres pour sauver des couronnes.» — То есть: «Въ Лондонѣ не пожертвовали бы хижиною негра, для спасенія царскихъ вѣнцовъ.»

себѣ косвенный упрекъ въ убійствѣ герцога Ангенскаго, весьма разгнѣвала Наполеона. Письмо къ нему короля прусскаго, на двадцати страницахъ, въ которыхъ рѣшительно требовалось, чтобъ Наполеонъ отрекся отъ плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ и вывелъ войско изъ Германіи — оскорбило его гордость. Последняго и рѣшительнаго отвѣта отъ Наполеона требовали на $\frac{8}{20}$ октября, съ поясненіемъ, что этотъ отвѣтъ должно доставить въ главную квартиру короля прусскаго.

Наполеонъ получилъ письмо короля прусскаго въ Бамбергѣ. Скрывъ свою досаду, онъ обратился къ начальнику своего главнаго штаба Бертиѣ (князю Невшательскому) и сказалъ: «Намъ * назначаютъ срокъ поединка на 8-е октября. Никогда Французъ не уклонялся отъ честной раздѣлки. Но, какъ слышно, что прекрасная королева желаетъ быть свидѣтельницею битвы: будемъ вѣжливвы, и пойдемъ немедленно безъ отдыха въ Саксонію!» Французская армія, бывшая уже на походѣ, двинулась ускоренными маршами навстрѣчу Пруссакамъ.

Наполеонъ, по своему обычаю, передъ рѣшительною минутою еще предложилъ миръ, и подавивъ свое огорченіе, написалъ письмо къ королю прусскому, приглашалъ къ союзу, предоставлялъ ему не только Ганноверъ, но и полное вліяніе въ Сѣверной Германіи. Письмо это было послано съ адъютантомъ Наполеона Монтескью, котораго умышленно удержали на прусскихъ аванпостахъ, и до того медлили, что король получилъ письмо уже по началу военныхъ дѣйствій!

Герцогу Фердинанду Брауншвейскому было предоставлено составить планъ военныхъ дѣйствій. Въ началѣ сентября былъ сочиненъ планъ, въ концѣ сентября другой — и оба оказались непригодными, потому что Пруссакки наступательными движеніями къ Франконіи не только не удерживали Французовъ, но открывали имъ путь въ сердце Саксоніи, въ Дрезденъ, Лейпцигъ и Наумбургъ, гдѣ собраны были огромные запасы продовольствія и военныхъ снарядовъ прусской арміи и союзниковъ; третій планъ принять уже по обстоятельствамъ, вслѣдствіе движеній французскихъ войскъ. Два первые плана были наступательные, — и Наполеонъ своимъ внезапнымъ и быстрымъ движеніемъ заставлялъ герцога Брауншвейгскаго избрать планъ оборонительный,

* *Maréchal! on nous donne un rendez-vous d'honneur pour le 8; jamais un Français n'y a manqué; mais, comme on dit qu'il y a une belle reine qui veut être témoin des combats, soyons courtois, et marchons, sans nous coucher, pour la Saxe.*; Бивонъ, стр. 588.

который надлежало выполнять почти въ виду непріятеля. Въ-сто-того чтобъ перейти Турингскій Лѣсъ, первымъ начать военныя дѣйствія, Пруссаки, удостовѣрясь только 10 октября, что Наполеонъ самъ дѣйствуетъ наступательно, остановились. Главная армія, при которой находился самъ король и герцогъ Брауншвейгскій, сосредоточилась у Эрфурта; корпусъ генерала Рюхеля остановился въ Готѣ; корпусъ принца Гогенлоэ близъ Гохдорфа, резервъ, подъ начальствомъ принца Евгенія Виртембергскаго, въ Галѣ.

Французская армія шла впередъ. Правое крыло составляли корпуса маршаловъ Сульта и Нея; центръ — корпуса маршаловъ Даву и Бернадотта; императорская гвардія, подъ начальствомъ маршала Бессіера, резервная кавалерія Мюрата. Лѣвое крыло образовали корпуса Ланна и Ожеро.

8-го октября (въслѣдствіе словъ Наполеона, сказанныхъ въ Бамбергѣ) впервые раздался выстрѣлы. Мюратъ, являсь на берегахъ рѣки Саале, противъ Саальбурга, заставилъ Пруссаковъ ретироваться. 9-го октября Сульта вступилъ въ Гофъ и завладѣлъ огромными магазинами, не давъ Пруссакамъ времени ни снасти ихъ, ни истребить; того же числа, Бернадоттъ атаковалъ городъ Шлейцъ, разбивъ прусскаго генерала Таусинца, командовавшаго девяти-тысячнымъ отрядомъ, принудилъ къ отступленію, взявъ у него нѣсколько пушекъ, казенныхъ ящиковъ и фуръ. Маршалъ Ланнъ, 10 числа, встрѣтилъ авангардъ князя Гогенлоэ при Саальфельдѣ, подъ начальствомъ принца Лудовика Фердинанда прусскаго. Завязалось жаркое дѣло. Принцъ Лудовикъ, двоюродный братъ короля прусскаго, молодой человекъ, неполненный блистательныхъ дарованій, страстный къ военной славѣ, уже отличившійся мужествомъ въ кампанію 1792 года, и получившій честную рану, ержааясь въ переднихъ рядахъ, былъ однимъ изъ главныхъ начинщиковъ войны. Красавецъ и молодецъ собою, краснорѣчивый и увлекательный въ обществѣ, неустрашимый на полѣ битвы—онъ былъ обожаемъ войскомъ и царемъ, и имѣлъ сильное вліяніе на умы, воспламенялъ ихъ жаждою славы. Не зная, что Шлейцъ уже занятъ Французами, принцъ Лудовикъ почелъ обязанностью защищать Саальфельдъ до послѣдней крайности, чтобъ снасти огромные магазины. Послѣ двухъ-часовой канонады, дивизія генерала Сюшѣ ударила въ штыки на прусскую пѣхоту и смявъ ее, отбросила въ лѣсъ и загнала въ болота. Французскіе гусары, въ то же время бросились на прусскую и саксонскую конницу, которою лично начальствовали

принцъ Лудовикъ: Пруссаки и саксонцы не устояли. Въ преслѣдованіи, французскій гусарскій унтеръ-офицеръ Гендѣ (Guindé) наскочилъ на принца Лудовика, и не зная его замахнулся саблею, крича: «Сдайся, полковникъ — или убью!» — Принцъ отвѣчалъ ему — сабельнымъ ударомъ. Принужденный защищаться, французскій гусаръ отпарировалъ ударъ и произвелъ юнаго героя.... онъ упалъ мертвый съ лошади.... Смерть принца послала ужасъ въ сердцахъ Пруссаковъ, и они обратились въ бѣгство, лишившись 800 человекъ убитыми, 1,200 человекъ пленными, тридцатипять пушекъ, и такъ-сказать, лучшаго украшенія Двора и войска — принца Лудовика!

Эти двѣ первыя неудачи при встрѣчѣ съ Французами навели уныніе на прусское войско, и возбудили въ нихъ недобвѣрчивость къ собственнымъ силамъ и къ искусству ихъ генераловъ. Кромѣ-того, лишеніе магазиновъ на первой операціонной линіи, водворило недостатокъ и почти голодъ въ арміи, принужденной быстро отступать послѣ столь блистательныхъ предсказаній!

Прусское войско раздѣлено было на двѣ арміи. Одною, при которой находился самъ король, начальствовалъ главнокомандующій, герцогъ Брауншвейгскій; другою престарѣлый фельдмаршалъ Моллендорфъ — два воина Семилѣтней Войны, ученики Фридриха Великаго. Но Моллендорфъ начальствовалъ болѣе для вида, а войскомъ распоряжалъ князь Гогенлоэ. Одна армія, при которой находился король, сосредоточилась при Веймарѣ, другая при Іенѣ. Князь Гогенлоэ предлагалъ: или соединить обѣ арміи, для выдержанія генеральнаго сраженія, или отступить вмѣстѣ къ Эльбѣ. Но его не послушали, и сдѣлали большую ошибку. Распоряженіемъ герцога Брауншвейгскаго, прусское войско, имѣвшее сто тысячъ пѣхоты подъ ружьемъ, двадцать тысячъ отличной конницы и болѣе 400 орудій, было растянута на пространствѣ двадцати верстъ!....

Наполеонъ въ эту кампанію раскрылъ всю силу своего военнаго генія. Передвигая какъ шахматы, свои корпуса, предводимые опытными и знающими военное дѣло маршалами, онъ фланговыми движеніями довелъ прусскую армію до того, что она, въ противность всѣмъ прежнимъ планамъ и расчетамъ, должна была перемѣнить фронтъ, и въ день сраженія, 14/26 октября, очутилась тыломъ къ Рейну, къ которому прежде шла фронтомъ, а Французы стояли тыломъ къ Эльбѣ и къ Рейну лицомъ.

Наполеонъ былъ сильнѣе Пруссаковъ, имѣя, по малой мѣрѣ, 150,000 человекъ въ строю, закаленныхъ въ бояхъ воиновъ. Самъ

онъ съ отборнымъ войскомъ (въ составъ котораго входила его непобѣдимая фаланга: гвардія) устремился къ Галле, противъ князя Гогенлоэ, а противъ герцога Брауншвейскаго, къ Веймару, выслалъ корпуса Даву и Бернадотта. По странному недоразумѣнію, Бернадоттъ, ссылаясь на изустныя приказанія Наполеона, не хотѣлъ содѣйствовать маршалу Даву, предоставивъ ему опасности и славу побѣды!

Не мое дѣло описывать подробности несчастнаго для Пруссіи дня, $\frac{1}{2}$ октября, въ который произошли двѣ кровопролитныя битвы, подъ Іеной и при Ауэрштадтѣ, близъ Веймара. Всѣ мы читали объ этомъ, а кромѣ-того я слышалъ рассказы очевидцевъ, маршала Сюшета и одного изъ лучшихъ прусскихъ офицеровъ, любимца знаменитаго Блюхера, маіора Коломба, начальствовавшего прусскимъ партизанскимъ отрядомъ, въ 1813 и 1814 годахъ. Маршалъ Сюшетъ отдавалъ полную справедливость Пруссакамъ, а Коломбъ превозносилъ Французовъ. Оба были только справедливы. Такъ поступаютъ честные воины! Они никогда не умижаютъ, вопреки истинѣ, своихъ непріятелей. Коломбъ говорилъ, что Французы были въ какомъ-то восторженномъ состояніи: кидались съ воплями на прусскіе ряды и защищались отчаянно въ отступленіи. При всемъ превосходствѣ своей конницы, Пруссаки не могли врубиться ни въ одно французское карре. Наполеонъ, зная духъ французскаго солдата, открылъ войску, передъ сраженіемъ, свои предположенія (какъ было подъ Аустерлицомъ), для водворенія въ солдатахъ увѣренности въ побѣдѣ и разсѣянія всѣхъ впечатлѣній, произведенныхъ рассказами о превосходствѣ прусской конницы. Онъ сказалъ передъ фронтомъ: «Прусская армія отрѣзана, какъ за годъ передъ симъ была армія генерала Макка, въ Ульмѣ. Пруссаки будутъ драться ддятого только, чтобъ очистить себѣ путь къ отступленію. Корпусъ французскихъ войскъ, который дастъ ей пробиться, подвергнется вѣчному безчестію! Что же касается до этой превосходной конницы, которую столько прославляютъ, противопоставьте ей сомкнутые карен и штыки.» Въ отвѣтъ на эту рѣчь французскіе солдаты кричали какъ изступленные: «впередъ! впередъ!» и бросились въ сраженіе, какъ на пиръ. Весьма замѣчательна привычка Наполеона, обращаться всегда къ солдатамъ передъ сраженіемъ, и говорить имъ о своихъ видахъ и предположеніяхъ, какъ въ совѣщаніяхъ съ генералами! Но онъ испыталъ, какое дѣйствіе производятъ эта довѣренность въ солдатахъ французскихъ, которые обожали его и вѣрили, что подъ его начальствомъ они непобѣдимы.

Пруссаки дрались отлично. Генералы, офицеры и солдаты шли мужественно на смерть, и употребляли всё усиліе къ одержанію побѣды. Примѣръ короля и принцевъ королевской крови одушевлялъ всѣхъ; но ни какія усилія не могли спасти ихъ отъ пораженія. Когда герцогъ Брауншвейгскій былъ убитъ, фельдмаршалъ Моллендорфъ, принцъ прусскій Гейнрихъ и множество другихъ генераловъ и офицеровъ были переранены или убиты — обѣ прусскія арміи дрогнули и въ безпорядкѣ оставили поле сраженія. Въ этотъ день прусская армія потеряла 20 тысячъ убитыми, 30,000 плѣнными, 300 пушекъ и 60 знаменъ. Но что всего важнѣе, прусское войско упало духомъ, и, почитая все погибшимъ, разбрелось. Гдѣ только собирались отряды, они были разбиваемы Французами, преслѣдующими ихъ по пятамъ. Резервъ прусской арміи разбитъ совершенно при Галле, Бернадоттомъ; князь Гогенлоэ съ герцогомъ Мекленбургскимъ капитулировали въ Пренцау, съ 16,000 пѣхоты, шестью полками конницы и 64 орудіями. Остатки арміи, съ фельдмаршаломъ Калькрейтомъ, наступившіе маршаломъ Сультомъ, претерпѣвъ пораженіе, спаслись въ горахъ Гарца. Только Блюхеръ, съ четырьмя или пятью тысячами конницы, увѣривъ преслѣдующаго его генерала Клейна, что заключено перемиріе, прошелъ невредимо сквозь французское войско, намѣреваясь пробиться до Любека и на судахъ уйти въ Англію; но и онъ долженъ былъ наконецъ сдаться. Словомъ, прусская армія была совершенно уничтожена. Крѣпости, снабженныя всѣмъ нужнымъ къ сильной защитѣ, сдавались одна послѣ другой, безъ выстрѣла, при приближеніи Французовъ, и нѣкоторые комманданты высылали нарочныхъ съ ключами крѣпости, для отписканія французскихъ войскъ, чтобъ предупредить атаку добровольною сдачею! Магдебургъ сдался 8 ноября, имѣя 30,000 гарнизона, отдавагося въ плѣнъ. Въ Гаммельнѣ также 9,000 гарнизона сдались безъ выстрѣла. Кистринъ, Штетинъ, Шпандау безъ боя поддались Французамъ, и Наполеонъ съ торжествомъ вступилъ въ Бѣрлинъ, 25 октября, кончивъ кампанію въ семь недѣль, уничтоженіемъ войска и покореніемъ большей части государства, поставленнаго въ первый разрядъ европейскихъ державъ успѣхами и славою Семилѣтней Войны! Дѣла чудныя и почти невозможныя!

Письмо Наполеона съ предложеніемъ мира, писанное въ Бамбергѣ, король прусскій прочелъ на другой день несчастной битвы, и на основаніи его послалъ къ нему просить о заключеніи перемирія. Наполеонъ отказалъ въ этомъ и объявилъ, что намѣ-

рентъ вполне воспользоваться плодами побѣды. Изъ-за Одера король прусскій предложилъ миръ Наполеону; но онъ отвѣчалъ, что Пруссія не можетъ приобрести мира иначе, какъ большими пожертвованіями. Королю ничего не оставалось дѣлать, какъ искать спасенія по близости русской границы и онъ поселился, со всею семьей своею, въ Кеннигсбергъ. До начатія кампаніи, король прусскій имѣлъ до 200,000 войска, со всею гарнизономъ — а теперь между Вислою и Нѣманомъ, то есть, за чертою, занимаемою Французами, у него было не болѣе 20,000 разныхъ командъ. Вся надежда была на Россію и на великодушіе Императора Александра!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ вышелъ я въ офицеры! Въ Петербургъ сперва не хотѣли вѣрить въ такое быстрое разрушеніе всѣхъ силъ прусской монархіи; но когда это непостижимое событіе подтвердилось, все пришло въ движеніе, и вся Россія начала вооружаться.

Шестнадцатаго ноября изданъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Французами. 30 ноября обнародованъ манифестъ объ учрежденіи милиціи. Всѣ отставные офицеры приглашались въ службу; въ западныхъ губерніяхъ, и на югъ открыли вербунки, для формированія конныхъ полковъ изъ охотниковъ. Пущено въ свѣтъ родъ объявленія, безъ подписи, для воспламененія народа противъ нарушителя общаго спокойствія, Наполеона Бонапарте, котораго не щадили, разбирая всю жизнь его съ того времени, какъ онъ защищалъ въ Парижѣ директорію противъ разъяренной черни. Объявленіе было напечатано славянскими буквами и прибито къ стѣнамъ церквей и повсюду, гдѣ собирается народъ. Этотъ современный актъ чрезвычайно любопытенъ и рѣдокъ. Я удержалъ въ памяти нѣсколько выраженій. Начинался онъ словами: «Неистовый врагъ Наполеонъ Бонапарте, уподобился сатанѣ!» Упрекали Наполеона въ томъ, что онъ въ Парижѣ «совершалъ беззаконія съ непотребницами, а потомъ поклонялся имъ, какъ божеству.» Намекъ на праздники богини *Разума*, которые, впрочемъ, какъ теперь извѣстно, были не по душѣ Наполеону Бонапарте! Упрекали его въ томъ, яко бы онъ въ Египтѣ поклонялся Магомету, и, накопецъ, представивъ его какимъ-то Каргущемъ, объявляли, что онъ идетъ на Россію, и приглашали ополчиться за домъ Пресвятыя Богородицы и за Царя Православнаго. Это объявленіе было написано искусно, въ духъ простаго народа — и было предшественникомъ знаменитыхъ прокламацій и

бесѣдъ графа Ростопчина съ московскимъ народоваселеніемъ въ 1812 году. Всѣ русскіе полки комплектовались, и въ разныхъ мѣстахъ учреждались депо, для приѣма и обученія рекрутъ. Миліція также быстро устроивалась.

Двѣ арміи были въ Россіи на ногахъ. Одна, подъ начальствомъ осьмидесяти-лѣтняго фельдмаршала графа Каменскаго, въ составъ которой входили корпуса генераловъ Беннингсена и графа Буксегвена, поспѣшала къ Вислѣ, на помощь Пруссіи и для удержанія движенія французскихъ войскъ къ предѣламъ Россіи; другая армія, подъ начальствомъ генерала Михельсона, вторгнулась въ Молдавію (въ началѣ ноября), потому что Порта, побуждаемая къ войнѣ французскимъ посломъ въ Константинополь, генераломъ Себастьяни, нарушила договоры смѣпою господарей молдавскаго и валахскаго и отказалась отъ всякихъ объясненій съ Россіею. Очевидно было, что Турція намѣревается начать войну; надлежало предупредить непріятеля, и 14 ноября, генералъ Михельсонъ вступилъ въ Яссы. И такъ, Россія принуждена была вести двѣ войны въ одно время: съ всемогущимъ повелителемъ Франціи, который, смиривъ Австрію и уничтоживъ Пруссію, самовластно повелѣвалъ въ Европѣ, — и съ Турціею, которая могла дѣйствовать всѣми своими силами противъ раздѣленныхъ силъ Россіи. Императоръ Александръ съ удивительною твердостью и необыкновенною рѣшительностью вступилъ въ эту борьбу, чтобъ сохранить честь и славу Богомъ ввѣреннаго ему царства, которое предокъ его, Петръ Великій, ввелъ въ семью европейскихъ государствъ. Если бъ Россія осталась тогда спокойною зрительницей всѣхъ присвоеній Франціи и уступила Турціи — то лишилась бы, навсегда, вліянія своего въ Европѣ, которая на одну ее полагала надежду своего избавленія. Вооруженіе Россіи произвело самое благодѣтельное дѣйствіе въ умахъ, доказавъ, что одно проигранное сраженіе не можетъ лишить ее всѣхъ силъ и средствъ къ опору. Трудное время было для Россіи, но и блистательное! Россія обожала своего Государя, Государь полагался твердо на свой храбрый и преданный ему народъ. Этотъ сердечный союзъ былъ точно трогателенъ! Все прішло въ движеніе по слову царскому: всѣ охотно ставили людей въ миліцію, жертвовали на ея обмундировку и содержаніе, и кто только могъ, вступалъ въ военную службу.

Въ Стрѣльной Мызѣ, гдѣ была штабъ-квартира уланскаго Его Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича полка, сформировался тогда баталіонъ императорской мили-

ціи, изъ собственныхъ крестьянъ Императорской Фамиліи санкт-петербургской губерніи. Исключая Краснословъ, всѣ солдаты въ баталіонѣ были изъ Чухонъ. Самъ Цесаревичъ занимался устройствомъ этого баталіона, въ которомъ всѣ офицеры были или изъ корпусныхъ офицеровъ, или изъ кадетъ Перваго и Второго кадетскихъ корпусовъ. Баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Андрей Андреевичъ Трошинскій. Всѣ члены Высочайшей Фамиліи утѣшались этимъ баталіономъ, который, невзирая на то, что весьма немногіе солдаты разумѣли по-русски, вскорѣ сравнялся въ выправкѣ съ старыми солдатами гвардіи. Офицеры баталіона должны были учиться по-чухонски, чтобъ понимать своихъ солдатъ и быть ими понимаемы. Замѣчательно, что какъ ни трудно было обучить и выправить этихъ солдатъ, все сдѣлано было одною ласкою, и съ ними обходились какъ съ добрыми дѣтьми. Баталіонъ этотъ дрался чрезвычайно храбро въ кампанію 1807 года, и за это поступилъ въ гвардію и послужилъ основаніемъ нынѣшняго лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.

Не только Стрѣльпа была тогда не то, что теперь, но и всѣ окрестности Петербурга имѣли другой видъ. Лѣвая сторона петергофской дороги, только до Колоній и дачи, принадлежащей нынѣ графу Витгенштейну, была застроена дачами; далѣе было пусто. Между Стрѣльною и Петергофомъ было нѣсколько деревень, но дачъ вовсе не было. Дворецъ и деревянные казармы, съ госпиталемъ, существовали въ Стрѣльнѣ, но самая слобода состояла изъ лачугъ или маленькихъ домиковъ, въ которыхъ для найма было не болѣе одной комнатки. Двѣ или три комнаты была бы роскошь. Домшники эти, болѣею частию принадлежали старымъ служителямъ Его Высочества Цесаревича, и отставнымъ семейнымъ унтеръ-офицерамъ конной гвардіи, жившимъ получаемымъ отъ Цесаревича пенсіономъ и вспоможеніемъ. Во всей Стрѣльнѣ былъ одинъ только порядочный домъ (принадлежавшій Англичанину, служившему при Дворѣ Его Высочества), занимаемый поручикомъ конной-гвардіи графомъ Станиславомъ Феликсовичемъ Потоцкимъ, проживавшимъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ дохода. Ни одной изъ нынѣшнихъ дачъ не было, и даже дача Энгельмана, главнаго управителя вотчинами Его Высочества начала строиться позже. Нельзя себѣ представить, какая перемена произошла во всемъ, въ тридцать осемь лѣтъ! — Петергофъ, нынѣ прекрасный городъ, немногимъ былъ лучше Стрѣльны! Дворецъ и сады существовали, хотя и были содержимы не такъ щегольски какъ теперь, но селенія были са-

мыя бѣдныя, а между верхнимъ и нижнимъ селеніемъ, гдѣ нынѣ чудесный англійскій садъ, было дикое мѣсто, какъ его созда-ла угрюмая здѣшняя природа. Отъ петербургской заставы до дворца еще были кой-какіе домики, но въ дальнемъ Петергофѣ, со стороны Ораніенбаума, было селеніе, какія могутъ существовать теперь гдѣ-нибудь въ глуши, въ захолустѣ Россіи! Въ этомъ селеніи домики и лачуги, принадлежали или отставнымъ придворнымъ лакеямъ, или ремесленникамъ Императорской гранильной фабрики, существовавшей тогда въ полномъ блескѣ и въ большомъ размѣрѣ. Бумажной фабрики вовсе тогда не было. Каменные зданія были: церкви, гранильная фабрика и конюшни, гдѣ помѣщались уланскія лошади. Ни одного вѣмецкаго трактира, или такъ-называемаго ресторана не было въ Петергофѣ, а въ Стрѣльнѣ одинъ только трактиръ былъ на почтовой станціи, гдѣ собирався весь народъ, любившій, какъ говорилъ въ шутку нашъ полковникъ, графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ: «сушить хрусталь и попотѣть на листѣ». Тутъ былъ безсмѣнный совѣтъ царя Фараона, то есть, металъ банкъ съ одного утра до другаго! Тогда это не было еще запрещено, какъ я уже сказалъ прежде. Одинъ или два эскадрона нашихъ стояли постоянно въ конно-гвардейскихъ казармахъ въ Петербургѣ, а остальные помѣщались въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ, то есть полкъ расположенъ былъ на тридцати верстахъ разстоянія, и всѣ мы, однако жъ, весьма часто видались между собою. Я уже сказывалъ, что между офицерами все было общее. У эскадронныхъ командировъ всегда былъ открытый столъ для своихъ офицеровъ — но какъ молодежи пріятнѣе было проводить время между собою, безъ сѣдыхъ усовъ, то кто изъ насъ былъ при деньгахъ, тотъ и велѣлъ стряпать дома. Эти корнетскіе обѣды не отличались гастрономическимъ изяществомъ, но были веселѣе стотысячныхъ пировъ. Щи, каша, битокъ или жаркое, составляли нашу трапезу; стаканъ французскаго вина, или рюмка мадеры, а иногда стаканъ пивца — и болѣе нежели довольно! Но сколько было тутъ смѣха и хохота, для приправы обѣда! сколько веселости, шутокъ, остротъ! Блаженное корнетское время! Фанфаронство, надутость, чванство, важничанье почитались между нами смертными грѣхами, которые и при жизни не прошли бы безъ кары. Изъ Стрѣльни и изъ Петергофа нельзя было ѣздить въ Петербургъ, безъ дозволенія Его Высочества и безъ билета, за собственноручнымъ Его подписаніемъ, вотъ что было нашимъ камнемъ преткновенія. Проситься въ Петербургъ нельзя было иначе, какъ по оче-

реди, и то въ свободное время, да и нельзя было проситься часто, и этимъ условіямъ весьма трудно было подчиниться буйнымъ корнетскимъ головушкамъ и сердцу, черезъ которое переливалась пламенная юношеская кровь. Жажда наслажденій терзала насъ! Тысячи магнитовъ притягивали насъ въ Петербургъ: то даютъ прекрасную піесу на одномъ изъ петербургскихъ театровъ, то маскарадъ у Фельета, то балъ въ знакомомъ домѣ, на который привлекаетъ сердце какая-нибудь занозушка (какъ говорили тогда) и молодежь, отслуживъ день, скакала на вечеръ въ Петербургъ, часто безъ спроса. Удалось — хорошо; узнали или увидѣли,—маршъ на гауптвахту! Я былъ самый страстный любитель театра, какъ только можно быть, и дорого заплатилъ за эту страсть!

Въ это время въ полной славѣ былъ Владиславъ Александровичъ Озеровъ. Послѣ языка Сумарокова, языкъ Княжнина, въ *Рославль*, уже пріятенъ былъ слуху, но языкъ Озерова, который теперь кажется намъ жесткимъ и устарѣлымъ — былъ музыкою, и трагедіи его привлекали въ театръ всѣхъ образованныхъ людей. *Смерть Олега*, представленная въ первый разъ въ 1798 году, хотя и обратила на сочинителя общее вниманіе, но не произвела сильнаго эффекта — и піеса была почти забыта. — Возвысила поэта и дала ему блескъ трагедіи его: *Эдипъ въ Аоннахъ*, представленная въ первый разъ 25 Ноября 1805 года. Трагедія эта, исполненная высокаго чувства и драматическихъ эффектовъ, имѣла самый блистательный успѣхъ: въ ложахъ рыдали; рукоплесканія, восклицанія, вызовы автора повторялись при каждомъ представленіи, и публика не уставала наслаждаться этимъ истинно прекраснымъ созданіемъ. — *Фингалъ*, представленный ѣтъ томъ же году, 8 декабря—трагедія, исполненная нѣжности и геройства, съ прекрасною музыкою О. А. Козловскаго, съ хорами, балетами, сраженіями, приближаясь къ романтическому роду, имѣла бѣльшій успѣхъ нежели *Эдипъ*, и довершила торжество поэта. Имя Озерова было въ устахъ каждаго, и все молодое поколѣніе затвердло наизусть не только лучшіе стихи, но цѣлыя тирады изъ этихъ трагедій. Не быть въ представленіи *Эдипа* или *Фингала*, для любителя театра было несчастіемъ! И вдругъ, среди полнаго разгара патріотическаго чувства въ народѣ, при всеобщемъ воспламененіи сердець и умовъ, объявленіи войны гордому повелителю Франціи и Европы, угрожающему Россіи уничтоженіемъ, при тяжкомъ страданіи народной гордости, послѣ первой неудачи подъ Аустерлицемъ—появилась трагедія *Димитрій Дон-*

ской! Представляюся ей ждали всё, какъ народнаго праздника! Я былъ въ первое ея представленіе, 17 января 1807 года, и сознаюсь, что не въ-силѣхъ описать того восторга, того изступленнаго энтузіазма, которые обуяли зрителей! Это было не театральное представленіе, а римскій форумъ, на которомъ мысли и чувства всёхъ сословіи народа слышались въ одно общее чувство, въ одну мысль! Обожасмый Государь, любезное Отечество, опасность предстоящей борьбы, будущія надежды и слава, тогдашнее положеніе наше, которое можно выразить словами Гамлета — *быть или не быть* (to be or not to be) — все это сжимало сердце и извлекало изъ него сильные порывы. Каждый стихъ, каждую тираду, припоминающіе настоящее положеніе Россіи (а вся трагедія наполнена этими примѣненіями), были ударъ въ сердце! Въ одномъ мѣстѣ театра раздавались радостныя восклицанія, въ другомъ рыданія и вопли мести... Тогда еще умѣли жить сердцемъ! Тогда не стыдно было выказывать чувства, и жалкая холодность *ко всему*, еще не была принадлежностью хорошаго тона!...

Здѣсь кстати вспомнить о двухъ тогдашнихъ знаменитостяхъ, съ которыми я хотя и не былъ въ особенныхъ связяхъ, но которыхъ видалъ въ обществахъ, слышалъ ихъ рѣчи и смотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Это были Владиславъ Александровичъ Озеровъ и истинно великій трагическій артистъ, Адексій Семеновичъ Яковлевъ.

Я уже сказывалъ, что В. А. Озеровъ воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ родился въ 1770 году, слѣдовательно, въ первое представленіе *Димитрія Донскаго* ему былъ тридцать-седьмой годъ отъ рожденія. Изъ корпуса выпущенъ онъ прямо въ Поручики въ армию (въ гвардію тогда не выпускали), въ 1788 году, то есть при графѣ Ангальтѣ, и награжденъ, за усѣхи въ наукахъ, первую золотою медалью.— Биографы наши не могли отыскать никакихъ подробностей о службѣ и частныхъ случаяхъ жизни Озерова. Известно только, что онъ былъ сперва адъютантомъ при графѣ де-Бальменѣ, потомъ былъ въ отставкѣ, снова поступилъ въ военную службу, имѣлъ наконецъ чинъ генералъ-маіора, находился въ статской службѣ — членомъ Лѣснаго Департамента, вышелъ въ отставку въ 1808 году, уѣхалъ въ деревню, на родину, въ тверскую губернію — заболѣлъ, страдалъ долго, и наконецъ помирался въ уѣздѣ, и умеръ въ Ноябрь 1808 года. — Не будь Озеровъ поетомъ, о немъ нечего было бы сказать, какъ развѣ повторить са-

терическую эпитафію И. И. Дмитріева, которую прикрываются цѣлыя «академіи» отправляющіеся въ вѣчность именитыхъ мужей:

«Жилъ, жилъ — и только что въ газетахъ
Осталось — выхалъ въ Ростовъ!»

Но Озеровъ жилъ, въ краткій свой вѣкъ, умомъ и сердцемъ, слѣдовательно, оставилъ послѣ себя слѣды на землѣ. Озеровъ дѣйствовалъ съ немощною силою на своихъ современниковъ, и хотя сочиненія его, по духу времени, уже не имѣютъ теперь тѣхъ самыхъ достоинствъ, какими они отличались въ *свое время*, но всё же они занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ, и имя Озерова останется незабвеннымъ въ исторіи русской славы и въ исторіи русской литературы. Озеровъ принадлежалъ къ знаменитостямъ своей эпохи — и ни какая критика не затмитъ блеска его заслугъ, оказанныхъ въ свое время, кстати и въ пору.

Озеровъ былъ средняго, хорошаго роста, довольно плотенъ, и имѣлъ пріятную наружность. По портрету, приложенному къ его сочиненіямъ, я бы не узналъ его: портретъ снятъ съ бюста и нѣсколько идеализированъ. Въ натурѣ у него лицо было болѣе обвислое, и губы толще.

Въ пребываніе свое въ Петербургѣ, Озеровъ былъ обласканъ Государемъ Императоромъ и всеми членами Августѣйшаго Семейства, отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, а особенно у Александра Львовича Нарышкина и Александра Сергѣевича Строгонова. Знаменитый Державинъ ласкалъ его и обходился съ нимъ какъ съ другомъ, и въ домѣ Алексея Николаевича Оленина онъ былъ какъ родной. Объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ я буду говорить послѣ, въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что этотъ истинно благородный и добрый члвкъ, пылая искреннею любовью къ отечеству, радовался каждой народной славою и прилѣплялся душою ко всемъ дароватымъ людямъ. Видя въ Озеровѣ члвка, способнаго къ славою Россіи, онъ подружился съ нимъ и пребылъ ему вѣрнымъ до гроба.

Знавшіе хорошо Озерова: знаменитый баснописецъ Н. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ и археологъ Ермолаевъ сказывали мнѣ, что Озеровъ былъ добрый и благородный члвкъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ подозрителенъ, недоверчивъ, щекотливъ, раздражителенъ въ высшей степени, притомъ мнительнъ и самонадѣянъ до послѣдней крайности. Онъ олицетворялъ собою извѣстный латинскій стихъ:

Irritabile genus vobis.

Съ такимъ характеромъ невозможно быть счастливымъ ни въ какомъ поприщѣ, а на литературномъ этотъ характеръ сущее бѣдствіе! Ни въ комъ люди не ищутъ столько слабостей и недостатковъ, какъ въ челоѣкѣ, объявившемъ притязанія на славу, то есть на умъ! Люди все прощаютъ, но превосходства ума — никогда! Это относится, однакожъ, къ счастливымъ и талантливымъ прозаикамъ, а вовсе не къ поэтамъ. Умный и даровитый прозаикъ страшенъ для насъ: онъ можетъ занять мѣсто въ гражданской іерархіи, можетъ быть употребленъ въ важныхъ дѣлахъ, гдѣ надобно краснорѣчивое перо, и потомъ выказать свои познанія и искусство въ управленіи. Есть тысячи примѣровъ вездѣ, что люди, принявшіе страсть свою къ авторству за талантъ, бросились на литературное поприще, и, имѣя столько благоразумія, чтобъ послѣ претерпѣнныхъ неудачъ перейти на поприще службы, синьскани почести, богатство и значеніе въ свѣтѣ, когда, напротивъ, въ литературномъ мѣрѣ они остались бы навсегда въ послѣднихъ рядахъ. Качества, необходимыя хорошему писателю: чувство и воображеніе, не только не нужны въ дѣлахъ, напротивъ, вредны. Въ дѣлахъ нужны только здравый умъ, ясное сужденіе и искусство изложенія, а въ литературѣ все это не составляетъ еще того, что мы называемъ *дарованіемъ*, которое должно опираться на творческой силѣ, питаться чувствомъ и носиться въ области фантазій. Даже историческаго творенія нельзя создать, не обладая этими качествами, потому что и *правда*, не согрѣтая *чувствомъ*, не расцвѣтшая воображеніемъ, будетъ мертвая буква. И такъ вся вражда посредственности, зависти и искательства устремлена всегда противъ прозаиковъ, которымъ вездѣ жить тѣсно, *вне* своего круга. Напротивъ, поэтовъ вездѣ и всегда баловали и балуютъ, если они только не шли и не идутъ путемъ сатиры. Гражданское общество смотритъ на поэтовъ или какъ на дѣтей, забавляющихъ его своими играми и трогających дѣтскимъ простодушіемъ, или какъ на пѣвцовъ и музыкантовъ, потрясающихъ душу очаровательными звуками и возбуждающихъ въ умѣ идеи отголосками возвышеннаго и изящнаго. Проризателями и вѣщунами называли сами себя поэты. Они, правда, жители надъоблачнаго міра, постижимаго только душамъ пивтическимъ, и изображаютъ землю только въ *отраженіи*, въ миражахъ. Кому они могутъ быть страшны? Соперникамъ? Но вѣдь каждый поэтъ почитаетъ себя первымъ, выше всѣхъ другихъ поэтовъ! Они могутъ враждовать только между собою, а все гражданское общество даетъ имъ дорогу, и

каждый свѣдѣтъ посторониться передъ поэтомъ, зная, что онъ идетъ своимъ путемъ къ своей цѣли. Вліяніе ихъ было благотѣльно, если они были воспламенены высокими чувствами, любовью къ отечеству и къ человѣчеству; но въ нашу элкъ, требующій *убѣжденія*, это вліяніе почти вовсе исчезло. Поэты всегда сами составляютъ свое несчастіе, сами создаютъ себѣ горести, требуя отъ свѣта болѣе, нежели можно и должно требовать, а именно первенства и вниманія тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть поэзіи — въ обществѣ и по службѣ. Въ обществахъ, иногда пріятный хотя и пустой болтуны или хорошій карточный игрокъ, пріятнѣе возвышеннаго поэта, а по службѣ исправный и опытный дѣлецъ важнѣе творца Илиады. Порода, званіе, богатство, если и не цѣнятся выше геніяльности, но имѣютъ всегда высшее мѣсто въ обществѣ. Такъ было и будетъ всегда въ мірѣ! Желать ниспроверженія этого устройства, значитъ желать невозможнаго, а идти на переکورъ мнѣніямъ и обычаямъ, есть то же, что стремиться пробить кораблемъ каменную скалу. Кораблекрушеніе вѣрное! Жалокъ не только поэтъ, но даже и прозаикъ, который домогается въ свѣтѣ того, чего онъ никогда получить не можетъ, то есть первенства таланта передъ свѣтскими преимуществами! На каждомъ шагу онъ встрѣтитъ горе, тоску, терзанія оскорбленнаго самолюбія, и, наконецъ, или самъ долженъ пасть подъ бременемъ горести, или погребсти свой талантъ подъ спудомъ свѣтскихъ условій!

До какой степени былъ самолюбивъ Озеровъ! Однажды онъ заболѣлъ съ горя, что его не пригласили къ А. Л. Нарышкину, когда Августѣйшему Семейству благоугодно было посѣтить его дачу, хотя всѣмъ извѣстенъ этикетъ, что при подобныхъ случаяхъ приглашаются только люди по выбору Высокихъ посѣтителей. Каждый разъ, когда въ какомъ-нибудь знатномъ домѣ, гдѣ Озеровъ былъ обласканъ, было какое-нибудь собраніе, на которое его не пригласили, онъ почиталъ себя обиженнымъ! Кто, встрѣчаясь съ нимъ, не восхищался его сочиненіями и не осыпалъ его похвалами, тотъ былъ врагъ его, то есть, того онъ почиталъ врагомъ. Это почти общая болѣзнь всѣхъ поэтовъ, болѣзнь воображенія, которая, какъ и каждый недугъ, отравляетъ жизнь и сводитъ въ могилу. Озеровъ въ высшей степени страдалъ этимъ недугомъ.

Разумѣется, чѣмъ блистательнѣе былъ успѣхъ трагедій Озерова, тѣмъ виднѣе были въ нихъ черныя пятна. Между стихами счастливыми и благозвучными, въ трагедіяхъ Озерова есть сти-

ли слабые, вялые, патянутые и даже смѣшныя; между мыслями высокими, благородными, есть мысли самыя обыкновенныя (*lieux communs*), доходящія даже до тривіальности, и между нѣжными, трогательными чувствами, есть приторности или, какъ говорятъ Французы: *Marivaudage à l'eau de rose*. Все это было въ свое время замѣчно умною, острою, насмѣшливою молодежью, которая рада каждому случаю похохотать и позабавиться, и все это радовало тѣхъ, которые воображали, что торжество Озерова стѣсняетъ путь ихъ талантамъ, и тѣхъ, которымъ несносны были притязанія Озерова. Если бъ онъ имѣлъ болѣе твердости и болѣе самостоятельности въ характерѣ, то не обращалъ бы вниманія на эти отдаленныя брызги, не могшія запятнать его славы, и, какъ умный человѣкъ, самъ долженъ былъ бы признать великую истину, что человѣкъ не можетъ создать *совершенства*. А Озеровъ мучился! Въ свѣтѣ и въ литературѣ есть всегда услужливые пріатели, которые изъ *усердія* извѣщаютъ васъ о всемъ непріятномъ для васъ, повторяютъ передъ вами, изъ дружбы, что говорено было дурнаго на вашъ счетъ, доставляютъ вамъ писанныя противъ васъ критики и эпиграммы! Это мухи и комары, которые мучатъ и терзаютъ васъ, потому что вы имъ правитесь. Эти-то мухи и комары безпрестанно раздражали Озерова и доводили его до отчаянія. Онъ вообразилъ, что онъ гонимъ, преслѣдуемъ завистью, а на дѣлѣ этого вовсе не было. Никто не гналъ и не преслѣдовалъ его. Всѣ люди, достойные уваженія, оказывали ему свое вниманіе и уваженіе, и если были насмѣшки, то въ отдаленіи, и вовсе не вредили поэту.

Помню и я эти насмѣшки. Напримѣръ, въ концѣ прекрасной трагедіи *Фингалъ*, герой Морвена, указывая Улиану на трупъ убитой Старномъ Монны, говорить:

«Возьми ты сей предметъ, чтобы я каждый день
Изъ гроба вызывалъ Монны легку тѣнь.»

и съ сими словами упадетъ на руки Улиана. Назвать трупъ обожаемой невесты *предметомъ* и велѣтъ *взять* его, какъ какую-нибудь вещь, право, смѣшно! Молодежь подхватила это слово, и *предметъ* сдѣлался забавою. Если кто умеръ, говорили: стагъ *предметомъ*; кто выздоровѣлъ, тотъ вышелъ изъ *предметовъ*, и тому подобное. А сколько шуточныхъ примѣненій произвели эти стихи въ *Эдипѣ*:

Эдипъ (сѣвъ на камень).

«Спокойно. И мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.»

Но это были дѣтскія шутки и нисколько не вредили славѣ Озе-

рова. Тѣ же люди, которые народировали плохіе стихи поэта, восхищались его піесами и рукоплескали ему; но капля горечи отравляла всѣ сладости, представляемыя ему въ жизни всѣми его окружающими. Не многіе изъ современниковъ знаютъ причину и смыслъ приведенныхъ здѣсь стиховъ Озерова, въ посланіи къ В. В. Капнисту, въ отвѣтъ на стихи въ похвалу трагедіи: *Эдипъ отъ Лоизахъ* *.

«Теперь, хотя бѣ Эдипъ за скорбной слезотой,
Не можъ меня вести къ безсмертью, въ путь надежный,
Стиховъ твоихъ согласьемъ, красотой
Стиховъ, перу Капнистову приличныхъ,
Къ безсмертью я дойду въ досаду злоязыжныхъ.»

Я помню это время, и даже до-сихъ-поръ удержалъ въ памяти эпиграмму, породившую эти стихи Озерова, эпиграмму, которая, какъ ядовитая стрѣла, воткнулась въ сердце раздражительнаго поэта и довела его до такого отчаянія, что друзья его опасались, чтобъ онъ не рѣшился на что-нибудь необыкновенное. Эдипъ представленъ на сценѣ слѣпымъ и одинъ изъ тогдашнихъ остряковъ написалъ:

«Нашъ Озеровъ во храмъ безсмертія идетъ.
Но скоро ли дойдетъ?
Слѣпой его ведетъ!»

Вотъ и все! Шутка и только. Не тронута ни честь поэта, ни даже его талантъ. То ли вытерпѣли другіе? Эпиграмму эту одиѣ приписывали тогда князю А. А. Ш., другіе капитану С. П. М.; но кто подлинно написалъ, неизвѣстно. Озеровъ былъ неутѣшенъ, мраченъ, еще болѣе недоувѣрчивъ, жаловался одному приятелю на другаго, безъ всякой причины, подозрѣвалъ всѣхъ въ недоброжелательствѣ, въ заговорѣ противъ его славы, и многіе повѣрили его жалобамъ и перенесли нѣбылицы въ потомство. Не только биографы, но и поэты (смотри посланіе В. А. Жуковскаго къ князю Вяземскому и Пушкину) рѣшили, что Озеровъ погибъ отъ стрѣлъ зависти, хитрости, вѣроломства и всего злаго, что пошло кстати и подъ риѣму! А въ-самомъ-дѣлѣ никто не сдѣлалъ Озерову существеннаго зла, а всѣ старались дѣлать ему добро. Нѣтъ сомнѣнія, что у него были завистники, потому что это необходимыя спутники въ жизни истиннаго таланта, но если бѣ у Озерова не было клеветниковъ и завистниковъ, то это означало бы, что піесы его не имѣли никакого достоинства и успѣха. Но вѣдь эти завистники всегда такъ ничтожны, такъ мелки, что человѣку съ умомъ и характеромъ не стѣитъ даже обращать на нихъ вни-

манія! Уже ли за нѣсколько эпиграмъ и пустыхъ шутокъ не могла вознаградить Озерова любовь къ нему публики и уваженіе всѣхъ дорожившихъ народною славой! Самая заманчивая слава— это слава драматическаго писателя, и ни Расинъ, ни Кребльзонъ, ни даже Шиллеръ и Гёте не наслаждались такимъ торжествомъ, какъ нашъ Озеровъ. Все это не могло, однако жъ, успокоить его и составить его счастья. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это расположение завистлю отъ состоянія его здоровья. Біографы его и поэты, завѣщавшіе исторіи свое состраданіе объ участи поэта, погибшаго отъ *стрѣлъ зависти*, были бы болѣе правы, если бы сказали, что онъ лишился жизни отъ болѣзни печени!

Выше уже сказано о восторгѣ, произведенномъ трагедіею *Димитрій Донской*, въ первое представленіе. Ее играли тогда по два и по три раза въ недѣлю, и восторгъ не только не охладѣвалъ, но возвысился, когда всѣ сильныя стихи, имѣвшіе отношеніе къ тогдашнему положенію Россіи, были выучены наизусть почти всѣми грамотными людьми, когда трагедія, такъ-сказать, слылась съ общимъ чувствомъ. Я помню, что однажды весь партеръ единогласно повторилъ послѣдній стихъ:

«Языки въдайте: великъ Россійскій Богъ!» —

и вслѣдъ за этимъ раздалось общее громогласное *ура!* —

Надобно сказать по справедливости, что и великій тогдашній трагическій артистъ много содѣйствовалъ къ успѣху трагедій Озерова. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, сынъ разорившагося ярославскаго купца, торговавшаго въ Петербургѣ, въ Гостинномъ Дворѣ, родился въ 1773 году, слѣдовательно, въ это время былъ въ полномъ цвѣтѣ возраста, будучи только тридцати четырехъ лѣтъ. На седьмомъ году отъ рожденія онъ остался круглымъ сиротою. Послѣ родителей осталось весьма мало, и бѣдный сирота отданъ былъ въ опеку зятю своему, купцу Шапошникову, который посылалъ его въ народную школу, благотѣльное учрежденіе Императрицы Екатерины Второй. На тринадцатомъ году отъ рожденія кончилось воспитаніе Яковлева, и его опредѣлили сидѣльцемъ въ лавку (галантерейную), по обыкновенію тогдашнихъ купцовъ и большей части нынѣшнихъ гостинодворцевъ, въ той увѣренности, что купцу больше ничего не нужно знать, какъ грамоту, разумѣется, кое-какъ, и *цифирь!* Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на этихъ мальчиковъ по лавкамъ, которыхъ съ дѣтства, дрессируютъ, какъ искусно заманивать прохожихъ, показывать товаръ казовымъ концомъ, запрашивать въдесятеро дороже, словомъ, употреблять всѣ способности ума своего на то, чтобы

кунить какъ возможно дешево и продать какъ можно дороже. Изъ этихъ сидѣльцевъ едва тысячный выйдетъ въ люди — прочіе погибаютъ въ ничтожество, безъ пользы для себя и для отечества. Природа отказала Яковлеву въ этомъ пуделевомъ проищаніи, но надѣлила любовью къ просвѣщенію: онъ ненавидѣлъ торговлю и страстно любилъ чтеніе, и потому прослылъ *позимъ* сидѣльцемъ. На осемнадцатомъ году отъ рожденія (именно въ 1791) познакомился онъ съ Григоріемъ Ивановичемъ Жебелевымъ *, сидѣльцемъ въ шляпной лавкѣ, находившейся неподалеку отъ лавки, въ которой сидѣлъ Яковлевъ, и, нашедъ въ немъ то же отвращеніе отъ торговли и ту же любовь къ словесности, подружился съ нимъ. Дружба эта имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу Яковлева. Жебелевъ, побывавъ въ театрѣ, пристрастился къ нему, и вскорѣ та же страсть овладѣла Яковлевымъ. Оба они учили наизусть тогдашнія трагедіи и разыгрывали втроемъ; присоединивъ меньшаго брата Жебелева. Наконецъ и Яковлеву удалось побывать въ театрѣ, что тогда для сидѣльца было сопряжено съ трудностью, потому что посѣщеніе театра ставилось на ряду съ посѣщеніемъ трактировъ и означало небрежнаго кучину. Увидѣвъ сценическое представленіе, Яковлевъ предался душою поэзіи и театру. Онъ самъ началъ сочинять трагедіи, и писалъ стихи на разные случаи *. Зять его, Шапошниковъ, не могъ болѣе держать сидѣльца-книжника и Яковлевъ, взявъ

* Бывшимъ потомъ комическимъ актеромъ; онъ особенно былъ хорошъ въ роли *Тришв*, въ модной лавкѣ, И. А. Крылова.

* Смотри *Сочиненія Алексѣя Яковлева, Придворнаго Россійскаго актера*. Санктъ-Петербургъ, въ типографіи А. Смирдина. 1827, съ портретомъ. Книгу эту издалъ А. Ф. Смирдинъ и подарилъ мнѣ *рукописъ* Яковлева, которая и теперь хранится у меня. Поэзіи въ этихъ сочиненіяхъ не много, но есть умъ и благородныя чувства. Весьма замѣчательны стихи, подъ заглавіемъ: *Трагныя мысли*, въ которыхъ Яковлевъ описываетъ свое сиротство и горестъ жизни:

«Ахъ! я двухъ лѣтъ отъ рожденія
 Былъ несомъ за гробомъ отческимъ;
 На осьмомъ за доброй матерью
 Шель покрыть ее сырой землей.
 Горько, горько сиротою жить,
 И рукою холодной, чуждою
 Быть взращаему, питаему;
 И на лонѣ нѣжной матери
 Не слышать названій ласковыхъ, и прочая.»

Это не поэзія, но чувство, написанное прямо изъ души!

своей наследственной капиталъ, всего 1800 рублей, снялъ оно въ Гостинномъ Дворѣ и началъ торговать галантерейнымъ товаромъ. Торговля шла плохо — и Яковлевъ скорѣ сдѣлался въ Гостинномъ Дворѣ *притчею во языцехъ!* Когда подъ сводами Гостиннаго Двора раздавались визги, вопли и шарканья сидѣльцевъ, запрашивавшихъ и даже насильно тащившихъ въ лавку покупателя (такъ-то было встарину), Яковлевъ и не глядѣлъ на нихъ, а читалъ книгу, или писалъ стихи! Это поразило одного любителя словесности, Н. И. Перепечина (Директора Банка), который поговоривъ съ Яковлевымъ и открывъ въ немъ необыкновенный умъ и пламенную любовь къ просвѣщенію, познакомился съ нимъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ и руководствовалъ въ порывахъ его къ стихотворству и декламациі. Въ домѣ Перепечина узналъ Яковлева патріархъ русской сцены Н. А. Дмитревскій, любилъ и взялся быть его наставникомъ, и наконецъ убѣдилъ поступить на театр. Яковлевъ дебютировалъ перваго іюня, 1794 года, какъ трагическій актеръ, въ роли *Оскольда* (въ трагедіи Сумарокова: *Селица*), и 21 іюня, въ роли Доранта, въ комедіи: *Ревнивый*; въ третій разъ въ роли *Синава*, 29 іюля — и принятъ въ придворные актеры. Съ перваго появленія его на сцену онъ былъ принятъ превосходно публикою, и съ тѣхъ поръ любовь къ нему публики непрерывно возрастала, и наконецъ, когда появились трагедіи Озерова, и для таланта Яковлева открылось поприще во сто разъ обширнѣе прежняго, онъ достигъ высшей степени славы, и любовь публики къ нему не имѣла уже предѣловъ. При каждомъ появленіи его на сцену, онъ принимаемъ былъ съ громкими рукоплесканіями, и во время игры, каждая тирада, каждый стихъ, счастливо сказанные, каждый приличный жестъ и игра фязіономіи возбуждали восторгъ въ зрителяхъ. Когда игралъ Яковлевъ — театръ былъ всегда полонъ.

Яковлевъ былъ прекрасный мужчина, довольно высокаго роста (однако жъ ниже В. А. Каратыгина), стройный. Черты лица его имѣли правильный очеркъ, и съ перваго взгляда онъ похожъ былъ на Тальму. Движенія его и позы, когда онъ не слишкомъ горячился, были благородны и величественны; взоръ пламенный и игра фязіономіи одушевленная. Въ римской тогѣ, въ греческомъ костюмѣ или въ латахъ, онъ былъ, какъ говорится, загляденье. Но лучше всего въ немъ былъ звукъ голоса, громкій, звонкій, какъ говорится, серебрястый, настоящій грудной голосъ, исходившій изъ сердца и проникавшій въ сердце. Этотъ необыкновенный даръ природы болѣе всего способствовалъ его успѣху. Яковлевъ былъ

одаренъ сильнымъ чувствомъ, часто проникался своею роллю, и когда самъ былъ тронутъ, то трогалъ до глубины души зрителей. Главный его недостатокъ состоялъ въ томъ, что зная вкусъ большинства зрителей, онъ жертвовалъ имъ изящною стороною искусства — и для возбужденія рукоплесканій и восклицаній слышнкомъ горячился, кричалъ, топалъ ногами и размахивалъ руками. Для истинныхъ знатоковъ и любителей драматическаго искусства это было несносно, но толпа была въ восторгѣ и ревъла въ испущеніи! Эти продѣлки употреблялъ Яковлевъ въ тѣхъ пьесахъ, которыя не могли возбудить сильныхъ порывовъ въ публикѣ; но въ трагедіяхъ Озерова, особенно когда Яковлевъ не былъ въ тотъ день на пирушкѣ, онъ игралъ важно, съ надлежащимъ приличіемъ и глубокимъ чувствомъ. Въ *Эдипъ*, *Фингалъ*, *Дмитрій Донской* онъ былъ превосходенъ! Но мнѣ онъ гораздо болѣе нравился въ драмахъ. Сколько прошло лѣтъ, а я никакъ не могу забыть Яковлева въ роли отца семейства, Вольфа, въ драмѣ Коцебу: *Гусситы подъ Наумбургомъ*. Жители Наумбурга рѣшились выслать дѣтей своихъ въ станъ свирѣпаго предводителя Гусситовъ, Прокопія, просить пощады и помилванія городу, которому онъ угрожалъ совершенною погнibelю. У Вольфа нѣсколько человѣкъ дѣтей — должно выслать одного: онъ выбираетъ — и не можетъ рѣшиться на выборъ! Всѣ они равно милы, равно драгоценны его родительскому сердцу! Каждый изъ нихъ въ глазахъ отца имѣетъ свои прекрасныя качества. Эта сцена (которую онъ разыгрывалъ съ матерью Василья и Петра Андреевичей Каратыгинныхъ, Александрю Дмитриевною Каратыгиной, отличною актрисою въ драмахъ) всегда извлекала у меня слезы и теперь живо предстаетъ моею памяти. Неумѣренныя похвалы, всегдашнія рукоплесканія и восторги публики избаловали Яковлева. Самолюбіе ослѣпило его — и онъ не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ, воображая, что достигъ высшей степеніи искусства. Даже и совѣты друга и учителя его, Дмитревскаго, уже не дѣйствовали на него — и Яковлевъ, не получивъ въ юности надлежащаго образованія и пренебрегая наукою, но вступленіи на сцену, руководствуясь однимъ умомъ своимъ и полагаясь на свое природное вдохновеніе, не пошелъ впередъ, путемъ усовершенствованія, и остановился на той точкѣ, на которой остановилъ его Дмитревскій. Купечество подхватило знаменитаго артиста, бывшаго собрата, и различными угощеніями повредило и талантъ его и здоровью. И теперь купечество любитъ покутить въ свободное время, а тогда было въ тонѣ и въ модѣ мещу

кунцами, угостить до-пьяна известнаго человека. Слѣдствіи разгульной жизни Яковлева часто отзывались на сценѣ — и публика терпѣливо переносила уклоненія своего любимица отъ сценической обязанности. Наконецъ онъ впасть въ изнурительную болѣзнь, которою страдалъ нѣсколько лѣтъ, не покидая, однако жъ, сцены. Яковлевъ игралъ въ послѣдній разъ въ 1817 году, 4 октября (не помню въ какой пьесѣ, кажется въ драмѣ: *Смерть Рамлы*), уже больной и не могъ кончить пьесы. На другой день онъ слегъ въ постель и скончался, 3 ноября, 1817 года. Онъ былъ человекъ честный, благородный, благодѣтельный, вѣрный въ дружбѣ, чрезвычайно набожный и пламенный патріотъ. Последнимъ рублемъ дѣлился онъ съ бѣдными и, при деньгахъ, выкупалъ изъ тюрьмы несчастныхъ должниковъ. Другъ его, Г. И. Жебелевъ, говорилъ, что послѣднія слова Яковлева, на смертномъ одрѣ были:

«Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!»

Въ обществахъ В. А. Озеровъ былъ, какъ говорятъ Нѣмцы, zurückhaltend, то есть, осторожный, непредупредительный, холодный. Подобно гениальному Пушкину, Озеровъ въ обществахъ любилъ говорить болѣе по-французски, думая этимъ придерживаться *высшаго тона* и весьма дорожилъ вниманіемъ, такъ-называемыхъ, аристократовъ и людей высшаго круга. Похвала какого-нибудь князя для Озерова была выше похвалы Державина. Въ этомъ Озеровъ и Пушкинъ совершенно равны. Слыхалъ я, что въ дружеской бесѣдѣ, при хорошемъ расположеніи духа, Озеровъ былъ очень любезенъ. Этого я не видалъ. Но мнѣ случалось нѣсколько разъ быть въ дружескихъ обществахъ, гдѣ находился Яковлевъ. Онъ былъ довольно разговорчивъ, вѣжливъ, но въ кругу, къ которому онъ не принадлежалъ, онъ всё смахивалъ на героя, рисовался и говорилъ мѣрно и важно. Но когда лишняя рюмка перепадала въ голову, тогда онъ устранялъ всякую принужденность. Онъ любилъ церковное пѣніе и охотно въ обществѣ пѣлъ изъ Бортианскаго обѣдни или изъ его концертовъ и очень радъ былъ, когда находилъ въ обществѣ людей, которые могли ему вторить. Зная наизусть всю русскую обѣдню (бывъ самъ пѣвчимъ въ корнусѣ), я, однажды, такъ угодилъ ему, пропѣвъ съ нимъ херувимскую пѣснь, что онъ обнялъ меня, расцѣловалъ и не отходилъ отъ меня во весь вечеръ. Это было у адъютанта лейбъ-егерскаго батальона князя Голицына. Давно уже лежатъ въ могилѣ и Озеровъ и Яковлевъ, и всѣ житейскія дразги, критики, зинграммы, мелкія страстишки погребены съ ними; но

память ихъ должна быть и будетъ всегда драгоценна русскому сердцу! Яковлева замѣнилъ намъ и даже превзошелъ его Василій Андреевичъ Каратыгинъ, человѣкъ, усовершенствовавшій свой природный даръ наукою и размышленіемъ объ искусствѣ — но нѣкто Озерова осталось пустымъ. Есть у насъ драмы и даже нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошія, но русской трагедіи въ новомъ вкусѣ и въ новомъ духѣ — нѣтъ! Нѣтъ ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступени, за Валленштейномъ, Орлеанскою Дѣвою, Вильгельмомъ Телемомъ; Донъ-Карлосомъ Шиллера; Эгмонтомъ и Гецемъ фонъ Берлихингенъ — Гете! Терпѣнье — подождемъ!

Между-тѣмъ, какъ мы въ Петербургѣ наслаждались жизнью, среди приготовленій къ войнѣ, ожидая ежедневно повелѣній *выступить*, и когда юныя сердца наши томилась жаждою битвы — братья наши уже дрались съ Французами на равнинахъ Польши, издревле упитанныхъ кровью различныхъ народовъ. Ни одинъ страстный любовникъ не ожидаетъ съ такимъ нетерпѣніемъ нѣжнаго письма отъ своей возлюбленной, какъ мы ожидали релицій изъ дѣйствующей арміи!... Образованное общество не было погружено въ расчеты и спекуляціяхъ — и слова: Россія, слава, народная честь звучали пріятнѣе золота въ ухахъ и пробуждали чувство, не уснувшее глубокимъ сномъ на лонѣ эгоизма. — Наконецъ пришло радостное извѣстіе изъ арміи!... Полилось шампанское въ стаканы — радостное ура раздалось повсюду...

Э П И Л О Г Ъ.

МАРШЪ РУССКОЙ ГВАРДІИ, 1807 ГОДА. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДѢ.

Вся сила механики основана на трехъ существенныхъ началахъ: точкѣ опоры, рычагѣ и колесѣ (вертикальномъ или горизонтальномъ). Архимедъ утверждалъ, что онъ рычагомъ сдвинетъ съ мѣста Земной Шаръ, если только дадутъ ему точку опоры. На основаніи этихъ началъ сооружаются огромныя машины, движущія непомерныя тяжести. Но рѣдко который механикъ вспомнитъ, что есть *сила невидимая*, безъ которой и рычагъ и колесо были бы не дѣйствительны. Это сила неосезаемая, неразгаданная умомъ, тайна природы: *сила тяготѣнія* (gravitation)! — Точно также и въ человѣчествѣ есть сила, безъ которой ничто не подвинется впередъ. Это *сила нравственная* (force morale), дѣйствующая на умъ и на сердце, какъ *сила тяготѣнія* дѣй-

ствуешь на рычагъ и колесо, то есть, на силу грубую (*force brute*). Всѣ великіе мужи дѣйствовали на массы людей *силою нравственною*, зная, что безъ душевнаго участія массъ невозможно произвести ничего великаго, и что все величіе состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть подчинить волю и страсти массъ своей волѣ. Такъ дѣйствовалъ Наполеонъ, какъ уже выше сказано объ этомъ, и такъ дѣйствовалъ Императоръ Александръ, въ борьбѣ съ Наполеономъ. Все было устремлено, въ 1807 году, къ воспламененію умовъ въ Россіи къ этой гигантской борьбѣ и употреблено единственное и *спеціальное средство* къ этой цѣли: *литература или письмена*. Литература для нравственной силы, есть то же, что рычагъ и колесо для силы *тяжелыя*, то есть, средство къ двиганію тяжестей. Кто не понимаетъ меня, о томъ я крайне сожалею!

Манифесты, прокламація, театр, журналы, брошюры возмущали умы и сердца. Въ полкахъ русской гвардіи ибсемники пѣли стихи, сочиненные Сергіемъ Никифоровичемъ Маринимъ и подъ голосъ этой музыки, не зная къмъ сочиненной, войско маршировало на парадахъ и ученьяхъ. Самъ удивляюсь, какъ я, по прошествіи столькихъ лѣтъ, сохранилъ твердо въ памяти и стихи и музыку эго марша! У брата Сергія Никифоровича, генералъ-майора Аполлона Никифоровича Марина нашелся списокъ этихъ стиховъ искаженный и безъ трехъ послѣднихъ куплетовъ. О музыкѣ ни слуху, ни духу! Ее забыли! Я возстановилъ, изъ памяти, настоящій текстъ стиховъ, а даровитый господинъ Кажинскій, съ голоса моего, написалъ ноты для фортепiano. Вотъ этотъ знаменитый въ свое время, маршъ:

Маршъ русской гвардіи, съ 1807 году.

«Ийдемъ, братцы, за границу,
Бить отечества враговъ.
Вспомини матушку - Царицу,
Вспомини вѣкъ Ея каковъ!

Славный вѣкъ Екатерины,
Намъ напомнить каждый шагъ,
Вотъ поля, лѣса, долины,
Гдѣ бѣжали отъ Русскихъ врагъ!

Вотъ Суворовъ гдѣ сражался!
Вотъ Руминовъ гдѣ раздалъ!
Каждый воинъ отданъ,
Путь ко славѣ находилъ.

Каждый воинъ духъ геройскій,
Среди мѣсть спихъ доказалъ,
И какъ славны наши войски,
Идемъ свѣтъ объ этомъ зналъ.

Между славными мѣстами,
Устремился дружно въ бой!
Съ лошадиными хвостами,
Побѣдить Французъ домой!

За Французомъ, мы дорогу
И къ Парижу будемъ знать,
Тамъ начальникъ, повеленю
Каждому позволить брать.

Тамъ-то мы обогатимся,
Въ прахъ разбивъ богатыря,
И тогда повеселимся,
За народъ свой и Царя!

==

Стихи эти удивительно характеризуютъ тогдашнюю эпоху. С. Н. Маринъ намекаетъ на французскіе лошадиные хвосты, которыми осынены были каски французскихъ кирасировъ и драгуновъ и придавалъ имъ ужасный видъ, когда они неслись въ атаку, производили сильное впечатлѣніе въ противномъ войскѣ.— Добыча, въ со время, еще входила въ расчетъ война; но С. Н. Маринъ, предсказавъ, что Русскіе узнаютъ дорогу къ Парижу, не угадалъ, что великодушный Александръ не позволитъ никому брать, и что русское войско, по волѣ своего Государя, подастъ благородный примѣръ, всѣмъ народамъ, воинской дисциплины, безкорыстія и уваженія собственности мирнаго гражданина, въ не-приятельской землѣ.

Наконецъ мы дождались блаженной минуты выступленія въ походъ и уланскій Его Высочества полкъ вышелъ изъ Стрѣльной 2 февраля, 1807 года, по рижскому тракту. Его Высочество Цесаревичъ хотя командовалъ всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ,

но въ званіи шефа нашего полка, шелъ съ нами, верхомъ передъ полкомъ, не оставляя полка до самой прусской границы.

Началась для меня *новая жизнь* — и самостоятельность! Одно существо въ мірѣ пролило слезы при прощаніи со мною: добрая сестра моя Антонина, которую я любилъ болѣе всей моей родни, потому что жилъ съ ней вмѣстѣ, почти неразлучно, отъ перваго дѣтства, до выпуска моего въ офицеры и потому что у нея была ангельская душа. — «Береги себя, другъ мой! сказала она мнѣ, сквозь слезы: «ты еще такъ молодъ!» И точно, я былъ дитя: мнѣ было только *семнадцатый* годъ отъ роду! Школьные идеи вертѣлись у меня въ головѣ и я отвѣчалъ переважно, спартанскимъ выраженіемъ: *съ щитомъ или на щитѣ!* — Теперь мнѣ смѣшно, когда я подумаю объ этомъ! Бѣдный корнетъ, я думалъ, что и мой мечъ долженъ имѣть свое значеніе на вѣсахъ всемірной политики! Все же лучше, если человѣкъ принимается съ любовью за дѣло! Одинъ энтузіастъ искра, а сто тысячъ энтузіастовъ, — Везувій!

ТОСКА.

Сынъ дикой природы — здоровъ я и молодъ,
Безпечная жизнь моя силой крѣпка;
Но въ юной груди уже кроется холодъ,
Но въ трепетномъ сердцѣ змѣнится тоска.

Предъ тайнымъ престоломъ Всевышняго Бога
Молюся о мирѣ и счастьи я;
Но грудь беспокоитъ всё злая тревога,
Но свѣтлое счастье бѣжитъ отъ меня!

На брата роднаго, на недруга злаго
Книжала коварнаго я не точу;
Но какъ-то въ кругу ихъ не молвится слово,
Но какъ-то средь пѣсень ихъ всё я молчу.

Вверху надо мною лучъ солнца играетъ,
И звѣзды трепещутъ, и мѣсяцъ блеститъ;
Но сердце инаго чего-то жаждаетъ,
О чемъ-то тоскуеть, о чемъ-то груститъ.

Весна одѣваетъ перстами ээира
Воставшую землю въ цвѣтнюю парчу;
Но всё отъ временнаго здѣшняго міра
Куда-то умчаться я выше хочу.

Туда, въ океанъ безпредѣльной эмали,
 Въ пріютъ безпріютныхъ, въ таинственный свѣтъ,
 Туда, гдѣ ни слезъ, ни потерь, ни печали,
 Ни дикаго ропоту на душу нѣтъ!

Л. Р.

РОМАНСЪ.

Не утѣшай души больной,
 Души отравленной печалью;
 Не общай за темной далью
 Награды вѣрной и прямой.

Какъ знать! Быть-можетъ эта даль
 Готовить новыя несчастья,
 Быть-можетъ тамъ шумитъ ненастье,
 Лежитъ глубокая печаль. . . .

Не говори: исчезнетъ тѣнь
 Съ высотъ роднаго небокрая,
 И тамъ, гдѣ мгла была густая,
 Опять взойдетъ прекрасный день!

Какъ знать! Быть-можетъ эта тѣнь —
 Мой жребій страшный и суровый;
 Быть-можетъ мигъ, и — узникъ новый,
 Я встрѣчу въ гробъ этотъ день.

Не утѣшай же, не забудь:
 Твои святыя утѣшенья
 Вливаютъ горькія мученья
 Въ разочарованную грудь!

Л. Р.

КЪ МОРЮ.

=

Я не видалъ тебя, о море!
 Твоихъ гранитныхъ береговъ,
 Твоихъ разливовъ на просторѣ,
 Твоихъ крутящихся валовъ!
 Мнѣ чуждъ неистовый твой ропоть,
 И дикій вопль волны съдой,
 И въ тишинѣ чуть внятный шопоть
 Предвѣстникъ бури роковой!

Но въ часъ сердечнаго томленья,
 Но въ часъ тоски и черныхъ думъ,
 Мнѣ часто видится волнение,
 Мнѣ часто слышится твой шумъ....
 Вотъ, мнится, буря завываетъ,
 Трещитъ корабль въ твоихъ волнахъ,
 И смертный небо умоляетъ
 Съ нѣмой слезою на глазахъ!...

Но въ часъ таинственной полночи,
 Когда усталая земля
 И люди спать, смеживши очи, —
 Всѣ о тебѣ мечтаю я.
 И мнится мнѣ, среди молчанья,
 При блескѣ трепетномъ луны,
 Слился въ звонкія лобзанья
 Двѣ перекатныя волны!...

Когда жъ, о море, въ самомъ дѣлѣ
 Мой жадный взоръ, мои мечты,
 Потонуть въ дѣвственной купели
 Твоей волшебной красоты?
 Когда, исполненъ вдохновенемъ,
 Я душу сирую свою
 Съ твоимъ торжественнымъ теченьемъ,
 Съ твоей безбрежностью солю?

О, ту плѣнительную встрѣчу,
 Какъ счастья первую зарю,
 Я буйной радостью отмѣчу,
 Я въ самомъ сердцѣ затаю;
 Чтобы ничто — ни заблужденье,
 Ни сонъ, ни смуты бытія,
 Ни безошадное забвенье
 Не уничтожили ея!

Л. Р.

=

ДВѢ ПЕЧАЛИ.

=

Есть печаль,—слезой рыданья,
 Безпокойнымъ бредомъ сна,
 Крикомъ дикаго роптанья
 Выражается она!

Есть другая,—безмятежно,
 Безотвѣтно, какъ гранить,
 Безотрадно, безутѣшно
 На душѣ она лежитъ.

Есть печаль,—ея стрѣлами
 Пораженный человекъ
 Выбираетъ межъ гробами
 Уголокъ себѣ на вѣкъ.

Есть другая,—терпѣливо,
 Гордо выдержавъ ее,
 Смертный празднуетъ на-диво
 Всемогущество твое!

Л. Р.

=

ЛЮБОВЬ И ЭГОИЗМЪ.

==
ПОВѢСТЬ.
==

Грустно видѣть молодаго человѣка, съ такою радостью покидающаго свою свѣтлую, веселую, безпечную студенческую жизнь! Полный надеждъ, которыя внушили ему его школьные товарищи, онъ безъ оглядки стремится къ жизни неизвѣданной, къ цѣли неопредѣленной. Онъ отрывается отъ домашняго крова, отъ крѣпкаго, задушевнаго поцѣлуя матери: смотрите, онъ молится на прощаньи, молится съ вѣрою, жарко; онъ принимаетъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ благословеніе матери, прощается съ каждымъ изъ домочадцевъ, съ каждымъ кустомъ своего садика, потому что каждый изъ нихъ напоминаетъ ему какое-нибудь отрадное событіе: въ его возрастѣ каждое ничтожное обстоятельство считается событіемъ; бѣдный юноша рыдаетъ горько, сокрушительно, и всё-таки добровольно покидаетъ этотъ мирный кровъ, гдѣ протекли счастливѣйшіе годы его жизни! Онъ не знаетъ что ждетъ его впереди, что будетъ тамъ, а ужъ вѣрно будетъ не такъ хорошо, какъ было. Кто изъ васъ, читатель, не испыталъ этого на себѣ! Гораздо больнѣе, горьче, видѣть того же молодаго человѣка въ первое время его пріѣзда въ Петербургъ, который онъ промѣнялъ на мирный кровъ своей деревни или своего провинціального городка. Вотъ онъ здѣсь, въ мірѣ ему незнакомомъ и чуждомъ. Первая его мысль, первая забота, сдѣлаться какъ-можно скорѣе чиновникомъ. Онъ воображаетъ, какъ представится главному начальнику, — неопытный юноша думаетъ, что имъ непременно займется самъ главный начальникъ: вѣдь онъ былъ первымъ воспитанникомъ университета; въ умѣ своемъ онъ комментируетъ пандекты Юстиніана и надѣется поразить своими знаніями. Еще усталый отъ долгаго

пути, онъ уже торопится итти съ визитомъ къ людямъ близкимъ начальнику, къ старымъ сослуживцамъ отца, къ которымъ заботливая мать снабдила его не рекомендательными, а умоляющими письмами. Сочиняя ихъ, она думала: «Кто жъ не приласкаетъ моего сынишку? Онъ такой добрый, такой кроткій, богобоязливый, такъ любить, такъ нѣжно любить свою мать». А тотъ мечталъ: «Кто же не исполнитъ просьбы моей матери, которую уважаетъ вся провинція, самъ губернаторъ!» Горько ошибались мать и сынъ!...

Но вотъ нашъ будущій Вико или Бекарія, въ приѣмной важной чиновной особы. Онъ стоитъ въ кругу просителей униженныхъ, безъ робости, смѣло осматриваетъ окружающіе его предметы и лица, или обращается съ вопросомъ къ дежурному; онъ еще полонъ вѣры къ себѣ и думая, что другіе также раздѣляютъ ее, надѣется, что ему на первый разъ предложить мѣсто, крайней-мѣрѣ секретаря; скромный, онъ приметъ это мѣсто, тѣмъ болѣе, что тутъ представится ему вся возможность выказать свои знанія и свою неусыпную дѣятельность. О, работать онъ будетъ день и ночь, за это я ручаюсь! Молодой человѣкъ отослалъ письмо своей матери, съ дежурнымъ, въ кабинетъ чиновной особы, сказавъ напередъ, что оно большой важности, иначе тотъ не рѣшился бы нарушить покой своего начальника. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, что его позовутъ въ кабинетъ; онъ еще не знаетъ, какъ недоступно это святилище труда или бездѣйственности, смотря потому, кто его занимаетъ. Но вотъ, дверь отворилась, явился дежурный, сердитый, нахмурившійся; отрывисто отвѣчаетъ онъ молодому человѣку «ждите!» и садится на свое мѣсто; безмолвный какъ сѣнѣкъ, лежащій близъ академіи. Долго, долго спустя, вошла чиновная особа. Обойдя по порядку просителей, она остановилась противъ нашего провинціала, сухая и холодная, такая холодная, что сердце юноши скоробилось, какъ мокрое полотно на морозѣ. — «Я читалъ письмо вашей матушки и передалъ его въ канцелярію: мы будемъ имѣть васъ въ виду, современемъ». Чиновная особа, сказавъ это, отошла къ другимъ, съ такими же словами утѣшенія и надежды, и скрылась. Такъ небесное свѣтло совершаетъ свое обычное теченіе и равнодушно взираетъ съ высоты своего величія и на скорбную нищету и на сокрушенную надежду, которая еще накауцѣ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ ожидала его появленія. Бѣдный молодой человѣкъ, что онъ чувствовалъ въ это время!

Всѣ разошлись изъ приѣмной, а нашъ провинціалъ все еще че-

го-то ожидалъ; нельзя же, чтобы это тѣмъ и кончилось: дѣло шло о его судьбѣ. Дежурный подошелъ къ нему съ вопросомъ, что ему нужно?

— Въ письмѣ была изложена просьба.... я полагаю... я надѣлся.... что его превосходительство будетъ отвѣчать.

— Вы слышали отвѣтъ его превосходительства: чего жъ вамъ еще?

— По-крайней-мѣрѣ скажите, когда я могу прійти навѣдаться, принять ли я въ службу?

— Вамъ не для чего беспокоиться, — васъ увѣдомитъ начальство.

— Но вы не знаете гдѣ я живу.

— Хотите, оставьте свой адресъ.

— Кому?

— Хоть сторожу.

И дежурный, видимо скучая отъ такого нелѣпаго разговора, отошелъ всторону и занялся дѣломъ болѣе важнымъ.

Тутъ чувство горькое, колющее, чувство оскорбленнаго честолюбія вливается впервые въ сердце молодого человѣка. Въ одну эту минуту онъ изживаетъ больше жизни, чѣмъ во всѣ истекшіе годы и быстро, безъ переходовъ, опускается изъ того свѣтлаго, радужнаго надеждами міра, который создало его воображеніе, въ міръ существенный, полный горя, житейскихъ заботъ, и всякаго рода лишеній, міръ темный, какъ осенній петербургскій день и непривѣтный, какъ лицо инаго секретаря въ докладной день.

Таково начало служебнаго поприща бѣльшей части нашей молодежи, которая вся стремится сюда, какъ-будто бы Петербургъ иудоль счастья, и съ такимъ горькимъ разочарованіемъ обращаетъ взоры свои назадъ къ своему родинному крову, куда возвратъ такъ труденъ и даже часто невозможенъ. Счастливъ, если кто послѣ такого начала сумѣетъ совладать съ собою и со свѣтомъ и пробьется на гладкій путь жизни или, какъ обыкновенно выражаются, сумѣетъ сдѣлать свою каррьеру; но сколько такихъ, которые послѣ первыхъ неудачъ погибали, тѣсными нуждами, отчаяніемъ и, наконецъ, климатомъ; сколько такихъ, о которыхъ и вспоминать горько, а рассказывать страшно. Таковъ былъ первый шагъ въ службѣ, первый шагъ въ свѣтъ, въ Петербургъ, что все почти одно и то же, — героя нашей непреложной повѣсти.

Звали этого героя, до пріѣзду его въ Петербургъ, Самой, Са-

шевской, именами нѣжными, дорогими для тѣхъ, кто ихъ произносилъ; а теперь онъ былъ извѣстенъ подъ общимъ фамильнымъ именемъ Невзгодина; весьма немногіе знали, что онъ не только Невзгодинъ, но Александръ Петровичъ Невзгодинъ, обстоятельство всѣмъ извѣстное и даже очень близкое въ его провинціальномъ городѣ.

Александръ Петровичъ, недоумѣвая чему приписать такой пріемъ чиновной особы, рѣшился еще посѣтить нѣкоторыхъ старыхъ сослуживцевъ своего отца и родныхъ.

— Съ чего этотъ чудакъ навязывается намъ въ родню? спросила какая-то пожилая дѣва князя Петра, отъ котораго только что вышелъ Невзгодинъ.

— Съ того, что онъ пріѣхалъ сюда искать мѣста, а въ такомъ случаѣ назовешься роднымъ племянникомъ колоколу Ивана Великаго, только бы онъ вызволилъ ему мѣстечко. Впрочемъ, говорятъ, у Невзгодина богатая мать, да крайне скупа: я знавала ее когда-то.

Александръ Петровичъ, не привычный къ холодному пріему, а такимъ пріемомъ въ Петербургѣ встрѣчаютъ каждого, отъ котораго нечего надѣяться или на котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя спекулировать, возвратился домой сокрушенный, уничтоженный въ своихъ надеждахъ. Молча опустился онъ на стулъ и не замѣчалъ съ какою заботливостью ходилъ около него Иванъ. Иванъ былъ прежде его дядькой, сталъ слугою и готовъ сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно было приказать его господину—хоть пологою щеткой. Онъ принадлежалъ еще къ тѣмъ вѣрнымъ слугамъ стараго времени, которые, къ несчастью, почти переводятся нынче въ свѣтъ и очень распложаются въ романахъ. Иванъ по-часту посматривалъ на своего господина: на юномъ, не измятомъ ни страстями, ни горькимъ опытомъ, лицѣ его изображалось ясно состояніе души, взволнованной, убитой; глаза были влажны и, казалось, готовились брызнуть слезами; мысли его въ это время, можетъ-быть, вились вокругъ изголовья матери, на которомъ столько разъ поклонялся и его русая головка, чуждая всякихъ заботъ, охраняемая отъ всякой черной мысли.

— Служба не свой братъ, думалъ Иванъ: вишь какъ она намурила брови моего дитятки; точь-въ-точь какъ бывало у покойника стараго барина—царство ему небесное! — Иванъ навѣрное думалъ, что его молодой господинъ, котораго онъ мысленно все еще называлъ своимъ дитятей, теперь уже важный чиновникъ.

— Мы вѣдь за тѣмъ и пріѣхали сюда, говаривалъ онъ: такъ

какъ же быть иначе. Мой изъ столбовыхъ, да еще какихъ!

Ивану, однако жъ, больно было видѣть своего господина въ такомъ положеніи, хотя онъ и не придавалъ ему настоящаго зловѣщаго значенія. Да и какъ было не сообщить по-сю-пору ему, старому дядкѣ, всѣхъ подробностей приему важной особы, — а приемъ былъ, конечно, хорошій. Иванъ рѣшился допытаться слова отъ своего господина и расшевелить его разговоромъ о предметахъ, близкихъ сердцу обоихъ.

— Въ этомъ Питѣнбургѣ все дѣлается на-оборотъ: у насъ, въ Крутоярѣ, уже вечерни отошли, а тутъ люди еще не обѣдали. Чай, матушка теперь думаетъ: чтѣ-то мой Сашенька подѣлываетъ; а Александръ Петровичъ отъ министровъ, да отъ енараловъ разныхъ воротился.

Невзгодинъ старался улыбнуться, а сердце болѣло невыносимо: а лицо, привыкшее дѣйствовать за-одно съ сердцемъ, выразило вмѣсто улыбки такую гримасу, которой бы испугался самъ Александръ Петровичъ, если бы въ это время взглянулъ въ зеркало. Иванъ, не дождавшись отвѣту, обидѣлся не на-шутку. — Чтѣ жъ я, паемщикъ какой, чтѣ ли! пробормоталъ онъ: словомъ не уважить; но вскорѣ прибавилъ: власть господская!... И опять началъ возиться около платья и мебели, которые служили ему только предлогомъ, чтобы оставаться въ комнатѣ, и наблюдать за своимъ господиномъ, за здоровье котораго онъ начиналъ не шутя бояться. Иванъ покашлялъ, почесалъ затылокъ и опять началъ:

— Я вѣдь вамъ еще не сказывалъ сударь: письмо и посылку барыни къ Ивану Андреевичу я снесъ.

— Чтѣ жъ? спросилъ разсѣянно Невзгодинъ.

— Ничего. Слава Богу, все благополучно. А ужъ какъ обрадовались всѣ; пошли разспросы и объ васъ, и объ барынь, и обо мнѣ. Правду сказать, разспрашивалъ большею частью не самъ Иванъ Андреевичъ, а пріятель его, чтѣ живетъ съ нимъ: ну, да старикъ-то и съ-молоду не былъ разговорчивъ, а теперь и подавно. Ужъ какъ они просили васъ побывать у нихъ! Чтѣ бы вамъ теперь, для прогулки.

— Есть люди, которые будутъ мнѣ рады, которые, можетъ-быть, примутъ во мнѣ участіе, думалъ Невзгодинъ. О, какъ бы онъ желалъ въ это время кинуться на шею Ивану и рассказать ему о своей неудачѣ; но Иванъ былъ въ глазахъ его хололъ; высказать униженіе свое слугѣ, привыкшему почитать въ немъ созданіе высшей породы, у Александра Петровича не достало

на это рѣшимости, хотя, конечно, ни одно сердце не откликнулось бы такъ скоро, такъ звучно на голосъ его, какъ сердце этого слуги. Видите ли, Невзгодинъ воспитывался въ строгихъ правилахъ дворянина-помѣщика: обнимать крестьянокъ—это можно, почему же? — но крестьянина, слугу, и безъ всякой важной причины — ѣи!

— Такъ Иванъ Андреевичъ не забылъ насъ?

— Гдѣ ему забыть: вѣдъ онъ былъ правою рукой у покойнаго барина; говорить: слава Богу, что приведется увидѣть и сына его. Утѣшите старика. И пріятель его хочетъ свести знакомство съ вами; и Лизавета Андреевна, его дочь, кланяется вамъ.

Говоря такимъ образомъ, Иванъ подавалъ уже шинель своему господину. — Пускай немного поразгуляется, думалъ онъ: а то жутко за службу принялся.

Было воскресенье. Андрей Ивановичъ Посошковъ, начальникъ какой-то канцеляріи или отдѣленія, ходилъ мѣрными шагами у себя въ залѣ, заложивши назадъ руки и не зная, что ему дѣлать съ временемъ, которое у него оставалось послѣ обѣди до обѣда, что затрудняло его обыкновенно каждый праздникъ, потому что Андрей Ивановичъ, рачительный и прилежный къ службѣ, считалъ грѣхомъ заниматься дѣлами въ праздники. Нѣсколько разъ покушался онъ сократить время невинною бесѣдой съ двумя особами, бывшими тутъ же въ комнатѣ, но тѣ ни какъ не поддавались увлекательной снѣ краснорѣчія Андрея Ивановича и разговоръ, имъ начатый, тотчасъ обрывался. Одна изъ этихъ особъ, старикъ, лѣтъ шестидесяти, почтеннаго виду, молчаливый, съ лицомъ выражавшимъ тоску души или просто апатическое состояніе, какъ это бываетъ часто у людей его лѣтъ, предчувствующихъ или угадывающихъ близость смерти. Онъ сидѣлъ у окна и, казалось, прилежно смотрѣлъ на улицу, хоть тамъ ничего не происходило замѣтельнаго, развѣ только-то, что будочникъ отдавалъ аллебардой честь квартальному надзирателю, проходившему мимо; но тутъ ничего не было необыкновеннаго и старикъ это видѣлъ, конечно, въ сотый разъ, потому что проводилъ большую часть дня въ своихъ креслахъ, у окна; для него было трудно переходить изъ комнаты въ комнату, а изъ дому онъ выходилъ не больше двухъ разъ въ годъ, въ церковь, и это путешествіе считалось эпохой въ домѣ Посошкова. Андрей Ивановичъ повременамъ относился къ нему почтительно, съ вопросомъ или подавалъ какую либо вещь, стараясь предупредить его желанія, которыя такъ рѣдко высказывалъ старикъ. Это былъ

Иванъ Андреевичъ, нѣкогда служившій вмѣстѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, можетъ-быть бывшій его начальникомъ, связаннѣй съ ними какими-то тѣсными узами — родствомъ ли, дружбой или службой. Объ этомъ за давностью времени никто не помнилъ, да и не заботились узнать. Можетъ-быть и дружбой, дружбой стараго времени, этой крѣпкой, сильной дружбой, которая, подобно вороненному желѣзу, не блеснуть, но зато противостоятъ претивъ ржавчины, посылаемой временемъ или обстоятельствами. Двадцать лѣтъ жили они вмѣстѣ и, несмотря на разность характеровъ, даже тѣни неудовольствія не промелькнуло между ними. Въ углу, за фортепяно, сидѣла Лизавета Андреевна и извлекала изъ нихъ отрывистые, унылые звуки, а мысли ея тѣснились роємъ и, казалось, не находили исхода изъ груди шестнадцатилѣтней дѣвушки, неопытной, взрослой въ совершенномъ отчужденіи отъ свѣта и волновали и тѣснили эту роскошно развившуюся грудь и наводили грусть на свѣжее, прекрасное и, казалось, созданное для счастья личико Лизаньки. Въ комнатѣ были порядокъ и довольство средней руки.

Раздался звонъ колокольчика у дверей. Андрей Ивановичъ не безъ замѣтнаго удовольствія услышалъ его и ускорилъ шаги свои къ передней. Двое другихъ лицъ какъ-бы не слышали звука колокольчика и оставались въ прежнихъ положеніяхъ.

— Не Палочкинъ ли, или можетъ-быть Климъ Сидоровичъ: тотъ обыкновенно такъ громко звонитъ, что всегда испугаетъ Ивана Андреевича, говорилъ Андрей Ивановичъ; но, къ удивленію его, это былъ не Палочкинъ и не Климъ Сидоровичъ: въ комнату вошелъ молодой человѣкъ вовсе ему не знакомый; онъ спрашивалъ Ивана Андреевича. — Прошу пожаловать, отвѣчалъ Посошковъ, болѣе и болѣе удивленный тѣмъ, что спрашивали объ Иванѣ Андреевичѣ, о которомъ никогда никто не спрашивалъ, развѣ только друзья самого Посошкова и то для формы, какъ спрашиваютъ о погодѣ.

Незнакомецъ робко подошелъ къ старику. — Матушка желала, чтобъ я познакомился съ вами, и лично передалъ вамъ, что она вспоминаетъ объ васъ всегда, какъ объ лучшемъ другѣ своего семейства. Я Невзгодинъ....

— Александръ Петровичъ!... И лицо старика оживилось, просіло. — Да, точно, произнесъ онъ тихо, съ разстановкой, какъ-бы припоминая себѣ давно бывшее, дорогое сердцу: ея черты лица, ея голубые, кроткіе глаза, высокій, открытый лобъ.... Я радъ васъ

видѣть, молодой человѣкъ!...—и голосъ старика выражалъ внутреннее волненіе: — счастливъ, что Богъ привелъ васъ увидѣть.

— Они веселы, они счастливы ворчалъ Андрей Ивановичъ: Лизанька, посмотри, видала ль ты когда, чтобы они были такъ веселы, такъ разговорчивы? Обнимите же меня, молодой человѣкъ: не даромъ мы съ такимъ нетерпѣніемъ васъ ожидали, обнимите Лизаньку: это дочь моя. Будьте въ нашемъ домѣ семьяниномъ, вы внесли въ него радость и мы не знаемъ какъ отблагодарить васъ.

Добрый Посошковъ былъ въ восторгѣ. Александръ Петровичъ нѣсколько оторопѣлъ отъ такого взрыву радости хозяина; но такъ какъ Посошковъ рѣдко дождалъ отвѣта на предлагаемые вопросы и привыкъ отвѣчать самъ себѣ, то Невзгодинъ успѣлъ оправиться и вскорѣ, дѣйствительно, освоился въ этомъ семействѣ. Лизанька обращалась съ нимъ просто и далеко не такъ внимательно, какъ того требовалъ ея отецъ; притомъ же они окружали постоянною заботливостію Ивана Андреевича.

— Вотъ, видите, говорила она, ласкаясь къ нему: вы опять призадумались, а мы было думали, что вы навсегда повеселѣли, что намъ только и доставало Александра Петровича, прибавила она со всею наивностію дѣвушки, не знавшей притворства.

— Да.... мнѣ очень пріятно его видѣть. Онъ напоминаетъ мнѣ.... своихъ родителей.

— А вы ихъ очень любили?

— Очень любилъ! сказалъ съ глубокимъ вздохомъ старикъ, и съ непривычною ему скоростью отвернулся отъ Лизаветы Андреевны.

Посошковъ совершенно овладѣлъ Александромъ Петровичемъ. Теперь время шло для него скоро и онъ очень удивился, когда часы пробили четыре. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ, на цыпочкахъ, человѣкъ самой обыкновенной наружности, одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ вы дюжинами встрѣчаете повсюду. Придерживая полы своего фрака, можетъ-быть за тѣмъ, чтобы онъ не шумѣли, и прокрадываясь вдоль стѣны на цыпочкахъ, онъ низко кланялся на всѣ стороны, хоть его едва-ли кто замѣтилъ, кромѣ доброй Лизаньки. Вслѣдъ за тѣмъ подали обѣдать, какъ-будто появленіе этого лица служило условленнымъ знакомъ. Оно помѣстилось въ концѣ стола. Называли его Титомъ Поликарповичемъ, а назначеніе его было замѣнять собою перочинную машинку для Андрея Ивановича. Случается, что иной начальникъ

какого-нибудь канцелярскаго мѣста имѣеть при себѣ такую холодную машинку, въ видѣ чиновника, безглаваго и безответнаго; на немъ сгоняеть онъ гнѣвъ свой, возбужденный строптивымъ начальникомъ или ревнивой женой; надъ нимъ подшучиваетъ въ рѣдкія минуты веселаго расположенія духа. Начальникъ посылаетъ его на почту, жена начальника гъ модисткѣ, дочь въ бібліотеку, и такъ далѣе; но всё-таки главнѣйшею его обязанностию остается чиненіе перьевъ для начальника, что онъ исполняетъ не только съ удивительною точностію, но даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Если участь Тита Поликарповича была нѣсколько лучше, чѣмъ другихъ, ему подобныхъ людей, если къ нему обращались чаще со словомъ ласки, чѣмъ съ упреками или выговорами, то это надобно отнести къ особенностямъ начальника, а не подчиненнаго, который былъ точь-въ-точь таковъ, какъ прочая его братія.

Должно думать, что канцелярскій людъ получаетъ отъ природы свое предназначеніе, что при самомъ рожденіи каждаго изъ нихъ, судьба сурово ткнетъ его въ лобъ пальцемъ, произнеся роковыя слова: «Ты будешь мелкій чиновникъ», и онъ получаетъ сообразныя тому формы и развитіе: иначе, какъ объяснить это повсемѣстное сходство лицъ, привычекъ, даже образа мыслей канцелярскихъ чиновниковъ отъ Петербурга до Чукотскаго Носа; ни климатъ, ни обстоятельства, ни Александринскій Театръ не измѣняетъ ихъ!

Въ домѣ Посошкова все шло обыкновеннымъ порядкомъ, почти безъ измѣненій, съ незапамятныхъ временъ. За обѣдомъ, послѣ втораго блюда, когда первый аппетитъ былъ утоленъ и Андрей Ивановичъ чувствовалъ потребность разговора, онъ обыкновенно обращался къ Титу Поликарповичу съ вопросомъ—А что новенькаго у васъ? хотя оба служили въ одной канцеляріи и только сидѣли въ разныхъ комнатахъ. Титъ Поликарповичъ болѣею частію отвѣчалъ:—Слава Богу, все благополучно,—и Андрей Ивановичъ принимался разсказывать департаментскія новости. Несмотря на присутствіе новаго лица, для котораго не совсѣмъ интересны подобнаго роду разговоры, Посошковъ не измѣнилъ своей привычкѣ. Титъ Поликарповичъ значительно откашлянулся, оправился, какъ человекъ, готовый сказать нѣчто очень важное, и на этотъ разъ отвѣчалъ:—Новости неприятныя-съ.

—Что, что такое? спросилъ съ любопытствомъ Андрей Ивановичъ, вовсе не ожидавшій такого отвѣта.

— Вчера его превосходительство «изволили» прїѣхать въ департаментъ недовольными и огорченными.

— Знаю.

— Войдя въ переднюю и снимая шубу, они «изволили» значительно несмотрѣть на потолокъ, потомъ по сторонамъ, потомъ съ непрїятнымъ видомъ три раза понюхали, покачали головой и тогда уже пошли къ себѣ въ комнату.

— Я ожидалъ, что это когда-нибудь случится, сказалъ съ торжественностью Посошковъ: этотъ злодѣй экзекуторъ, хочетъ въ одно время угодить и прежней начальницѣ и нынѣшней. Равно ли, поздно ли, это должно открыться, непременно открыться.—И потомъ втеченіи всего обѣда Андрей Ивановичъ повторалъ съ озбоченнымъ видомъ: «Три раза понюхалъ, покачалъ головой; быть худу! сломить себѣ шею экзекуторъ» и прочее.

Иванъ Андреевичъ въ разсѣянности слушалъ что говорятъ и ѣлъ, что ему клали на тарелку. Изрѣдка поднималъ онъ свои мутные, потускнѣлые глаза на гостя и торопливо опускалъ ихъ, какъ-бы боясь, чтобы не подмѣтили этихъ взглядовъ. Послѣ обѣда онъ уличилъ время, когда Александръ Петровичъ оставался одинъ и подошедши къ нему спросилъ:

— Такъ ваша матушка еще не забыла меня, вспоминаетъ обо мнѣ?

— О, очень часто, увѣряю васъ.

— И такъ.... безъ всякой особенной причины.

— Когда заходитъ разговоръ объ отцѣ, о его сослуживцахъ.

— Поручая вамъ повидаться со мною, матушка не дѣлала никакихъ наставленій, замѣчаній....

Александръ Петровичъ вовсе не понималъ, къ чему клонятся такіе вопросы, но онъ уже отчасти приглядѣлся къ маленькимъ странностямъ Ивана Андреевича и потому отвѣчалъ, какъ могъ: — Она приказывала мнѣ сохранять къ вамъ возможное уваженіе....

— Онъ ничего не знаетъ, тѣмъ лучше, произнесъ Иванъ Андреевичъ, пристально поглядѣвъ на Александра Петровича. Я старъ и не могу васъ руководить въ жизни, да и не сумѣлъ бы, если бъ и хотѣлъ; мое происхожденіе, мое воспитаніе не то что ваше. Да руководить васъ Богъ и ваша совѣсть! Располагайте моими маленькими средствами, какъ знаете.

Вскорѣ Александръ Петровичъ Невзгодинъ поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ отдѣленіе Посошкова. Надежды его занять какое-нибудь значительное мѣсто, играть ролью въ службѣ, разсѣялись: разочарованіе было полное. Вступивши въ этотъ по-

ный для него миръ, онъ сначала дичился его, но мало-по-малу привыкъ, и его, подобно другимъ, занимали—и переищны заголовки на бумагѣ и красный носъ департаментскаго сторожа и тѣ, что регистраторъ всегда нусалъ свое перо, въ томъ мѣстѣ гдѣ нужно держать его пальцами, ддятого, говорилъ онъ, чтобы пальцы не скользили; его даже веселили остроты товарищей, во все впрочемъ не веселыя. Въ домѣ Посошкова, Александръ Петровичъ былъ какъ свой: его ласкали, баловали и онъ въ свою очередь подшучивалъ надъ Титомъ Поликарповичемъ и помыкалъ имъ больше другихъ. Нечего и говорить, какое дѣйствіе имѣли ежедневныя посѣщенія молодого, красиваго собою, пылкаго любовѣка на сердце Лизаньки. Бѣдная дѣвушка лишилась матери во четвертомъ году своей жизни; она не помнила ея ласкъ, она не знала задумчивой, пламенной страсти дочери, которой одной достаточно, чтобы наполнить все существованіе дѣвушки до извѣстнаго возраста. Нѣтъ, ея любовь хранилась почти непочатая и готова была при первомъ случаѣ вспыхнуть, пылая, всеокрушающая. Правда, она любила своего отца, заботилась объ Иванѣ Андреевичѣ съ нѣжностію, какъ о существѣ слабѣйшемъ, но могла ли она мѣняться съ нимъ своими мыслями, не говорю сердцемъ! Сама она не постигала этого сердца, потому что не было ни опыта жизни, который бы помогъ ей разгадать, ни заботливой подруги, которая бы указала на него. Лизанька иногда чувствовала, что это сердце бьется сильно, но не постигала чего ему надо, чего просить оно такъ неотступно. Она иногда мечтала, но мысли ея, неопредѣленныя, мутныя, носились па-угадъ. Лизанька росла, воспитывалась какъ направляла природа и ея собственныя желанія. Андрей Ивановичъ любилъ ея нѣжно, но не умѣлъ руководить ею; ктому же у него было другое дѣтище — его канцелярія, которой онъ посвящалъ большую часть своей жизни.

Лизанька полюбила Невзгодина всею пылкою страстью, не удерживаемою ни разсудкомъ, ни совѣтами друга. Въ томительномъ ожиданіи оставалась она до его прихода и воскресала для новой жизни въ его присутствіи. Уходилъ онъ, и она опять опускала на грудь свою опечаленную головку, словно увядающей цвѣтокъ; но сердце подскажетъ: «онъ придетъ», и лицо Лизаньки вновь просвѣтлѣетъ. Александръ Петровичъ не могъ не любить этой дѣвушки, но онъ еще не зналъ сколько самоотверженія, сколько счастья въ такой любви!....

Лизанька развилась, повеселѣла, похорошѣла подъ благотворнымъ вліаніемъ любви; ея голубые глазки блестяли ярко и вы

сказывали полноту счастья. Впрочемъ, молодые люди никогда не говорили другъ другу о любви и едва-ли рѣшились сознаться въ томъ сами себѣ. Да и что имъ было до опредѣленія чувствъ, были бы они полны счастья и радости, вотъ и все. Но отецъ Лизаньки, какъ ни близорукъ былъ въ этомъ отношеніи, не могъ не замѣтить этой страсти. Андрей Ивановичъ, не привыкшій разсуждать ни о чемъ, что выходило изъ круга его канцеляріи, говорилъ своему другу, указывая на молодыхъ людей: — Славная парочка, право, славная; не стыдно будетъ пригласить ея превосходительство въ посаженныя. Какъ вы объ этомъ думаете? Иванъ Андреевичъ обыкновенно ничего не отвѣчалъ на это, а Посошковъ прибавлялъ: — Да, вы раздѣляете мое мнѣніе, я это знаю.

Иванъ Андреевичъ, нѣсколько ожившій съ появленіемъ Александра Петровича въ домѣ, опять впалъ въ прежнее апатическое состояніе: передъ нимъ текла и играла счастливая, полная любви жизнь молодыхъ любовниковъ, появлялись и уходили канцелярскіе чиновники, надъ нимъ неслись дни и мѣсяцы, — онъ ничего и никого не замѣчалъ и не видѣлъ — и даже нерѣдко оставлялъ безъ вниманія ласку своей доброй Лизаньки.

Разъ, какъ-то, Андрей Ивановичъ проговорился, что у него въ канцеляріи открывается вакансія помощника столоначальника.

— Кто же будетъ назначенъ на это мѣсто? спросилъ какъ-бы мимоходомъ Александръ Петровичъ.

— Надобно подвинуть Дубинина: малый прилежный, исправный, двѣнадцать лѣтъ въ службѣ; ему давно приходилось быть помощникомъ столоначальника, да все какъ-то не счастливо: то не было вакансій, то сажали къ намъ со стороны, а теперь его превосходительство объявилъ, чтобы я представилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ.

Александръ Петровичъ въ этотъ день оставилъ ранѣе обыкновеннаго семейство Посошкова, извиняясь нездоровьемъ. На другой день онъ вовсе не показывался у нихъ, на третій тоже; между-тѣмъ, Андрей Ивановичъ, видалъ его по-прежнему каждый день въ канцеляріи и, слѣдовательно, отсутствія его нельзя было приписать болѣзни. Лизанька знала это. Она не жаловалась, не стѣновала, старалась даже скрыть при другихъ, какъ сильно болѣю ея сердце, но ночью, запершись въ своей комнатѣ, она плакала на-взрыдъ. Бѣдная дѣвушка была увѣрена, что она какъ-нибудь подала поводъ къ негодованію на нее Александра Петровича. Вѣдь она только и думала, что объ немъ: такъ о чемъ же

и ему больше думать? Кто другой можетъ его радовать или огорчать, кромѣ нея?

Отсутствіе Невзгодина смутило весь домъ и Андрей Ивановичъ рѣшился навѣстить его, хотя и считалъ это немножко щекотливымъ для собственнаго достоинства; ему было жаль дочери и самого мучило любопытство узнать, что было причиною такого страннаго поведенія Невзгодина. Александръ Петровичъ только этого ожидалъ, и когда Посошковъ началъ его допрашивать, отвѣчалъ, нѣсколько не останавливаясь:

— Я не смѣлъ бывать у васъ въ домѣ, потому что видѣлъ явное доказательство вашего неудовольствія ко мнѣ и къ моей службѣ.

— Что вы, Александръ Петровичъ, Богъ съ вами! Я не нахваюсь вашей службой и вашъ столоначальникъ также. Да съ чего вы это взяли, да чѣмъ я могъ оскорбить васъ?... И не было конца разпросамъ и восклицаніямъ Посошкова.

— Вы предпочли мнѣ человѣка безъ всякаго образованія, не имѣющаго не только университетскаго аттестата, но даже гимназическаго; не умѣющаго написать двухъ строкъ безъ грамматической ошибки....

— Да кого же, какъ же?

— Дубинина. Я, конечно, не могу искать этой чести, я слишкомъ далекъ отъ этого.... мои способности....

— Не то, любезнѣйшій! никто не отнимаетъ у васъ способностей; но двѣнадцать лѣтъ службы....

— Сторожъ нашъ тридцатый годъ въ службѣ и, конечно, не моя кратковременная служба, а моя неспособность къ службѣ причиною такого предпочтенія.

— Ахъ, нѣтъ, Александръ Петровичъ. И какъ вамъ не стыдно говорить подобныя вещи! Впрочемъ, дѣло еще не кончено и можно его поправить. Успокойтесь, мой любезнѣйшій, вы слишкомъ взволнованы.

— Да, я не могу вамъ выразить, какъ сильно поразило меня это.... Не то, чтобы я былъ честолюбивъ....

— Ну, полно, полно, благородное честолюбіе похвально.

Не будемъ передавать дальнѣйшаго ихъ разговора и замѣтимъ только, что онъ кончился обѣщаніемъ Посошкова представить Александра Петровича на мѣсто помощника столоначальника и обѣщаніемъ послѣдняго, прійти въ тотъ же вечеръ къ Посошкову.

Отдавая отчетъ въ этихъ переговорахъ, Андрей Ивановичъ

Нессомновъ замѣтилъ: — Что, каковъ? Далеко пойдеть наша Александръ Петровичъ.

— Бѣдная Лизанька! прозвись печально старикъ.

— Да, бѣдная! отвѣчала Андрой Ивановичъ, не зная къ чему относятся эти слова и не изглаголюя ихъ. Она очень приуныла; но вотъ придетъ Александръ Петровичъ и она повеселѣетъ: вѣдь это всегда такъ случается.

Дѣйствительно, хотя Лизанька крѣпко хотѣла показать Невзгодну, что сердита на него, но никакъ не сумѣла этого сдѣлать. Все-таки она принудила себя начать съ нимъ разговоръ, надувши свои розовенькія губки и нахмуривъ брови. — Значить ты можешь прожить не видавши меня нѣсколько дней, когда отъ тебя зависѣло только пожелать быть здѣсь; значить ты можешь обойтись безъ меня, безъ моей любви. Нѣтъ, нѣтъ, подкватила она, довольная однимъ движеніемъ головы Невзгодина, одною его улыбкой: я знала, что ты это скажешь; зачѣмъ же ты добровольно обрекалъ мученію себя и меня?

Бѣдная дѣвушка уже была весела и счастлива по-прежнему. Александръ Петровичъ не безъ удовольствія замѣтилъ, что она безъ него и похудѣла и поблѣднѣла. Онъ также скучалъ, оставаясь дома одинъ.

— Есть обязанности въ свѣтѣ, обязанности по службѣ... есть чувство обиженнаго честолюбія, которое требуетъ удовлетворенія въ ущербъ всѣмъ другимъ страстямъ.

— Какъ! есть другое чувство, сильнѣе, святѣ нашей любви? У тебя есть обязанности, которыя крѣпче тѣхъ, которыя существуютъ между нами, которыми ты, можетъ-быть, готовъ пожертвовать иной.

— Дитя! дитя! ты многого еще не понимаешь... но оставимъ этотъ разговоръ, довольно съ тебя того, что я тебя люблю. Ты вѣдь вѣришь этому?

— О, вѣрю, вѣрю! когда слышу отъ тебя...

И Лизанька дѣйствительно этому вѣрила.

Вскорѣ постигло Невзгодина горе другое, глубокое, которое онъ много чувствовалъ. Онъ получилъ извѣстіе о смерти своей матери. Онъ любилъ свою мать по воспоминанію, тою горячею любовью дѣтяти, тою пылкою страстью юности, которыя на всю жизнь оставляютъ слѣды въ человѣкѣ и пробуждаются особенно сильно, когда предметъ любви умираетъ. Онъ любилъ въ ней существо, готовое жертвовать для него жизнью и ничего не требующее отъ него въ замѣнъ; онъ любилъ въ ней часть самого

себя, лучшую часть. Горестъ безсчетная бываетъ сокрушительна и продолжительна; но горестъ, которая въ самомъ началу своемъ можетъ разсуждать, доходить, иногда до отчаяннiя, потому что постигаетъ всю силу свою, и потому же самому убѣжденно скорѣе онадеаетъ. Невзгоднѣе, въ первыя минуты былъ утѣшенъ: онъ не выходилъ изъ комнаты. Лизанька вмѣстѣ съ своимъ отцомъ посѣщала Александра Петровича и если не могла его утѣшить, то плакала вмѣстѣ съ нимъ. Иванъ не отходилъ отъ своего питомца и выражалъ скорбь свою глубокими вздохами, приговаривая: — Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Когда порывы первой скорби нѣсколько утихли, Невзгоднѣе увидѣлъ себя въ необходимости заняться своими дѣлами при пособіи Андрея Ивановича. Тутъ только онъ узналъ, какое огромное состояніе доставалось ему послѣ смерти матери, между тѣмъ какъ при жизни ея онъ перѣдко нуждался въ необходимѣйшемъ. Въ духовномъ завѣщаніи покойницы между прочимъ было сказано, что она назначаетъ исполнителемъ этой духовной, согласно волѣ и завѣщанію покойнаго мужа, Ивана Андреевича N, и по собственному своему выбору, князя Петра. Эти немногія слова заставляли предполагать, что есть другое завѣщаніе отца Александра Петровича; но по всѣмъ розысканіямъ такого не оказалось; завѣщаніе, волѣ покойнаго супруга, — могли быть словесныя, которыя жена поставила непремѣннымъ долгомъ исполнить. Тѣмъ не менѣе однако законники неприняли сдѣлать нѣсколько придирокъ; но Александръ Петровичъ и безъ духовнаго завѣщанія матери былъ единственнымъ, законнымъ наследникомъ: такъ по крайней мѣрѣ доказывало существо настоящее дѣла, и потому это обстоятельство представляло только нѣкоторое промедленіе. Александръ Петровичъ рѣшился ѣхать къ князю Петру, тѣмъ болѣе, что въ содѣйствіи Ивана Андреевича не было никакой надежды. Смерть ли старухи Невзгодной или просто время имѣло въ послѣдніе дни сильное вліяніе на его здоровье; онъ впалъ почти въ дѣтское слабоуміе: не ѣлъ, пока его не накормятъ; не ложился спать, пока его не уложатъ въ постель. Сидя въ своихъ креслахъ, онъ повторялъ часто, но почти всегда въ то время, когда никого не было въ комнатѣ: — «Они умерли, а я еще буду жить..... буду видѣть какъ Лизанька станетъ страдать и чахнуть».... Но если кто-либо заставлялъ его на этихъ словахъ, онъ быстро прерывалъ фразу и нашенывалъ какія-нибудь безсвязныя слова. Иногда онъ говорилъ, что пора перенести

его кресла въ комнату Лизаньки, что ему придется просиживать у ея изголовья дни и ночи.

— Богъ знаетъ, что такое вздумалось Ивану Андреевичу, какъ таки нѣтъ можно почевать въ комнатѣ дѣвушки? говорилъ Посошковъ, стараясь вразумить своего друга, хотя онъ теперь уже рѣшительно не показывалъ никакой понятливости къ словамъ Посошкова.

Александръ Петровичъ Невзгодинъ не былъ у князя Петра со дня перваго знакомства, которое было не по-сердцу обоимъ. Теперь его ввели прямо въ кабинетъ, какъ-скоро слуга доложилъ объ немъ.

На диванѣ полулежала женщина, высокая, стройная, съ чудными изгибами и выпуклостями, полная той южной, брызжущей сладострастіемъ и нѣгой красоты, которая такъ рѣдка у насъ на Сѣверѣ.

При входѣ Невзгодина въ кабинетъ, старикъ сидѣвшій возлѣ ея на диванѣ лѣниво приподнялъ голову и далъ знакъ женщины удалиться; та съ покорностію исполнила его волю.

— Садитесь, сказалъ онъ дружески протягивая руку. Вашей покойной матушкѣ угодно было назначить меня исполнителемъ ея духовнаго завѣщанія: потолкуемъ объ дѣлахъ. Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ?

— Признаюсь вамъ откровенно, что при жизни матушки, я былъ совершенно чуждъ нашихъ дѣлъ по нѣбнію и даже не предполагалъ, чтобы оно было такъ огромно.

— Да, покойница умѣла вести свои дѣла, и не вы одни не знали вполнѣ ея состоянія: едва-ли кто его зналъ, потому, что оно главнѣйше состояло въ деньгахъ, пріобрѣтенныхъ, конечно, еще покойнымъ вашимъ батюшкой.

— Теперь же я чувствую себя совершенно неспособнымъ заняться дѣлами: потеря моя такъ велика, такъ неожиданна, что я по-сю-пору не могу опомниться отъ нея.

— Надобно быть благоразумнымъ..... покориться обстоятельствамъ.....

— О, никогда не прошу я себѣ, что оставилъ ее, больную, старую,—а она такъ просила меня не покидать ее!—что не былъ тамъ, у ея постели, когда она страдала: а она страдала вдвое безъ меня; что не принялъ ея послѣдняго вздоху, ея предсмертнаго благословенія.....

— Да, жаль, что не приняли ея благословенія..... Надобно од-

нако вамъ послать отъ себя расторопнаго довѣреннаго, чтобы васъ ввели во владѣніе имѣніемъ.

— Передъ глазами моими непрерывно рисуется ея страдальческое лицо, полное скорби, и эта скорбь была по мнѣ; мнѣ то-и-дѣло слышатся слова ея: гдѣ сынъ мой, зачѣмъ нейдетъ проститься со мною?... О, я пожертвовалъ бы всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы возвратить прошедшее и присутствовать при ея кончинѣ.

— Конечно, можно бы пожертвовать своимъ состояніемъ.....

— И для чего оно мнѣ будетъ теперь! Кто будетъ радоваться моимъ успѣхамъ въ свѣтѣ, по службѣ..... для чего мнѣ теперь жизнь, когда некому посвятить ее!...

И между-тѣмъ, какъ горестъ Невзгодина лилась сильная, непритворная, князь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы шутите, молодой человѣкъ?

Невзгодинъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на князя.

— Вы говорите, что пожертвовали бы своимъ состояніемъ, только бы находиться при кончинѣ вашей матушки: чувства, конечно, похвальные, но вы не знаете еще, что такое состояніе, богатство! Вы его не имѣли и потому такъ говорите. Вы спрашиваете, на что вамъ теперь жизнь? Это ясно, что вы еще не жили и потому не знаете, что такое жизнь. Да, не жили: человѣкъ безъ состоянія не живетъ, а прозябаетъ, подставляя голову свою на произволъ всѣмъ бурямъ и непогодамъ. Вы говорите, для кого вамъ теперь жить? Мой милый! только бѣдники и несчастные дѣлятся своей жизнью и навязываютъ другимъ свое горе, потому что имъ нечѣмъ больше дѣлиться. Теперь вы богаты — и желаете жить собственно для одного себя, а это, повѣрьте, самая веселая, самая покойная жизнь. Оно и натурально: кто же можетъ быть дороже и милѣе самого себя, и между-тѣмъ, какъ другимъ вы не отрываете ничего отъ себя собственно, отъ своихъ завѣтныхъ чувствъ, вы получаете отъ нихъ, конечно, за деньги, дружбу и любовь; люди окружаютъ васъ нѣжными ласками, заботливостью родительскою, или сыновнею — *ad libitum*. Наскучили они вамъ, — и вы бросаете ихъ какъ свой старій, истасканный халатъ, безъ раскаянія, безъ сожалѣнія. Вы недавно еще учились политической экономіи и, конечно, знаете, что называется обмѣномъ вещественнаго капитала на нравственный: вотъ это-то оно и есть.

Невзгодинъ съ ужасомъ слушалъ слова князя. Онъ нѣсколько

разъ хотѣлъ остановить его, но новость предмета такъ сильно поразила его, что ему хотѣлось непременно дослушать до конца.

— Вы видѣли эту хорошенькую женщину? видѣли какъ она была нѣжна со мною, — а между-тѣмъ, что она мнѣ? Ни жена, ни дочь, ни другъ; она мнѣ чужая, и по образу мыслей, и по рожденію, и по языку: она Гречанка—и мы не понимаемъ одинъ другаго. Вы скажете, она меня не любитъ; но развѣ она это показываетъ хоть однимъ словомъ, однимъ взглядомъ, развѣ она не предалась мнѣ вся, безусловно и безгранично? Лучше ль мнѣ любовь, ревнивая, неотвязная, преслѣдующая съ упрекомъ и раскаяніемъ, — Богъ съ нею, съ такою любовью! Отъ нея не спится и желудокъ не варитъ. А друзья — они такъ неотвязчивы со своими горестями, заботами и всегдашнимъ недостаткомъ денегъ! Въ свѣтъ своего горя и своихъ нуждъ не обернешься; по-мнѣ гораздо лучше веселые и беззаботные товарищи, между которыми жизнь идетъ шутя и непримѣтно. И такъ, будемъ благоразумны, — вы плакали и горевали больше чѣмъ это нужно: теперь займитесь дѣлами: я пришлю къ вамъ своего повѣреннаго; потомъ самъ введу васъ въ свѣтъ; надобно занять въ немъ мѣсто, какое вамъ слѣдуетъ по рожденію и по состоянію; надобно также васъ подвинуть по службѣ: ваше образованіе и ваши способности даютъ всю возможность къ тому. Но мнѣ пора одѣваться! Прощайте! Будьте въ домѣ моемъ какъ въ своемъ собственномъ: воля покойницы, вашей матушки, для меня священна. А, кстати, кто этотъ другой, назначенный покойницей быть исполнителемъ ея духовнаго завѣщанія?

— Это бывший сослуживецъ моего отца и его другъ: онъ такъ старъ и слабъ, что не можетъ ни во что мѣшаться, и, назначая его, матушка, конечно, хотѣла только показать, что и на смертномъ одрѣ она не забыла друга своего мужа.

— Благодородныя чувства! Мой повѣренный явится къ вамъ завтра утромъ. Прощайте.

Невзгодникъ не могъ отдать себѣ отчета въ мысляхъ, въ чувствованіяхъ, возбужденныхъ въ немъ словами князя. Нельзя сказать, чтобъ онъ поддался ихъ искустельной силѣ, — о, нѣтъ, онъ былъ еще не довольно испорченъ для этого; но онъ уже не осуждалъ князя безусловно, не смѣялся надъ его правилами; они зашли глубоко въ его сердце и уже, такъ-сказать, записало столько же отъ его собственной природы, которая могла ихъ развить или подавить въ самомъ началѣ, сколько и отъ обстоятельствъ жизни.

Для по наследству мало-по-малу разошлись Невзгодина и отпущенная его отъ дому Посошкова. Потомъ вступилъ онъ въ свѣтъ, вскорѣ и робко, предпочитая ему мирный уголь, гдѣ глаза-на-глазъ со своею Лизанькой проводилъ онъ столько радостныхъ часовъ. Но вкорѣ свѣтъ овладѣлъ имъ и увлекъ совершенно въ свой всеограбительный водоворотъ. Александръ Петровичъ былъ молодецъ, хорошъ собою, и что всего важнѣе, — богатъ: его вездѣ ласкали, опутывали лестью. Соблазнъ игры, шумъ оргій, имѣли для него всю прелесть новости. Невзгодинъ посѣщалъ Посошковыхъ всё рѣже, и то по понужденію своей совѣсти, а не сердца. Теперь ему было не до нихъ: онъ слишкомъ былъ занятъ, развлеченъ. Князь Петръ выразился однажды, что въ Невзгодинѣ хотя и замѣтно еще провинціальное начало, но въ немъ есть всѣ элементы, чтобы образовать изъ него, современемъ, человека *comme il faut*. Одна изъ племянницъ князя, княжна Биби, болѣе другихъ перезрѣвшая, нашла это замѣчаніе весьма основательнымъ и рѣшилась, во что бы то ни стало, употребить въ свою пользу эти элементы и соорудить на нихъ чертогъ супружескаго счастья: этотъ чертогъ соблазнительно манялъ и самого Невзгодина. Княжна въ родствѣ, въ связи со всею знатію Петербурга, и онъ уже по праву войдетъ въ ихъ кругъ; правда, другаго приданнаго за нею и не было, но Невзгодинъ самъ богатъ; княжна еще сохранила часть прежней своей красоты и умѣла выказывать ее съ удивительною ловкостью; знаніемъ свѣта, тактомъ, она пользовалась въ совершенствѣ, а Невзгодинъ былъ такъ неопытенъ! Искусно брошенное слово самого князя Петра или кого-нибудь изъ его ближнихъ, задѣло честолюбіе Невзгодина; въ него вселили мысль: какъ велика честь обладать такою рукой, какъ у княжны Биби, какъ огромно счастье быть хранителемъ такого сердца, какъ сердце княжны Биби, и эта мысль какъ демонъ-соблазнитель вцѣпилась ему въ душу. Между-тѣмъ Невзгодинъ занялъ уже какое-то видное мѣсто въ службѣ: все ему улыбалось — и даже сама княжка Биби.

Въ домѣ Посошкова шло все иначе, чѣмъ прежде. Лизанька тосковала горько; днемъ она не отходила отъ окна, всё-еще думая, не придетъ ли? Ночью, бѣдная, плакала одна, и безъ утѣшенія. Иванъ Андреевичъ твердилъ: «Худо! Спаси Богъ Лизаньку.... а его.... на его семьѣ немилость Божія! Господи, не приведи меня прибѣгнуть къ послѣдней крайности». Напрасно добрый Посошковъ старался утѣшить дочь и друга, говоря, что Невзгодинъ, конечно, занятъ службой, что его успѣхъ въ свѣтѣ дол-

женъ радовать его друзей, что, Богъ дастъ, все измѣнится; самъ онъ мало вѣрилъ надеждамъ, которыя подавалъ другимъ. Ивану Андреевичу приходили въ голову самыя странныя идеи: то онъ твердилъ: «вѣронъ кричить, вѣронъ кричить!» то спрашивалъ: «зачѣмъ такъ заранѣе дѣлають гробъ, да еще подъ самыми окнами комнаты Лизаньки?...» Хотя онъ всячески старался скрывать свои замѣчанія отъ Лизаньки,—на столько у него сохранилось самосознанія,—но она не могла не слышать ихъ и это пугало его еще больше. Наконецъ сильная ея натура не вынесла столько горя; она не могла устоять противъ этого всесокрушительнаго страданія сердца. Лизанька заболѣла. Въ жару лихорадки, въ сердечномъ волненіи, бѣдная билась и металась на своей постелѣ и заботливныя руки отца и друга то и дѣло поправляли на ней одѣяло, изъ-подъ котораго выставлялись то обнаженное колѣно, то ноги. Лизанька страдала невыносимо; она не могла сдружиться съ мыслью, что могли разлюбить ее. За чтò? Она съ такимъ самоотверженіемъ предалась избраннику своего сердца, что за него, для него отдала бы все, забыла бы весь свѣтъ и думала бы только о немъ одномъ и жила имъ однимъ. Насталъ часъ, когда Посошковъ обыкновенно облакался въ свой вице-мундиръ и уходилъ къ должности, но онъ не могъ рѣшиться оставить больную. Наконецъ, послѣ долгаго колебанія, всталъ съ мѣста и видимо озабоченный какою-то важною мыслию, побрелъ въ свой кабинетъ. Тамъ, возлѣ стола, лицомъ къ свѣту, стоялъ Титъ Поликарповичъ, весьма походившій въ это время, на букашку, воткнутую на двѣ кривыхъ булавки; склонивъ голову на бокъ и прикусивъ нижнюю губу, онъ срѣзывалъ конецъ пера, чтò, какъ извѣстно, составляетъ окончательную и важнѣйшую операцію очинки пера.

— Титъ Поликарповичъ, произнесъ Посошковъ, потирая себѣ рукою лобъ и какъ-бы стараясь чтò-то припомнить: Титъ Поликарповичъ, чтò я вамъ хотѣлъ сказать?... нѣчто, отмѣнно-важное.... Не знаете?

— Не знаю-съ!

— Да! Повидайтесь, пожалуйста, съ этимъ проклятымъ Титомъ Поликарповичемъ, — охъ, виновать! — съ этимъ проклятымъ экзекуторомъ, да попросите, чтобъ онъ доложилъ Лизанькѣ.... Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ какъ помѣшанный.... столько почей не спалъ, а пуше—это безпокойство.... Такъ пусть онъ доложитъ его превосходительству, что я нѣсколько времени оста-

пущь дома, по случаю-де моей болѣзни. Придумайте, Титъ Поликарповичъ, болѣзнь, какую знаете.

— Никакой не знаю-съ; никогда не былъ боленъ.

— Какіе вы, право! Ну, скажите, страдаетъ почечуемъ, чтò ли? Но смотрите, не проговоритесь, что я пересталъ являться къ должности, по-случаю болѣзни Лизаньки.... Экзекуторъ вѣдь не знаетъ, чтò такое для отца, болѣзнь дочери! Подумаешь—штуки, отговорки, лѣность; а вы знаете, лѣнился ли я въ тридцать лѣтъ службы? пропустилъ ли я хоть одинъ день, чтобъ не явиться къ должности, еще иногда раньше канцелярскихъ чиновниковъ, не говорю, что всегда раньше самого экзекутора. Да притомъ же, знаете, какъ-то неловко передъ нимъ произносить имя моей Лизаньки!... Охъ, охъ, если бъ онъ зналъ, что для меня собственная болѣзнь, какъ бы тяжка ни была, что всякое другое Божье наказаніе было бы много легче болѣзни моей дочери!... Да, какая это болѣзнь!... какъ мучится, моя сердечная! охъ, тяжело, тяжело! Не такъ я думалъ доживать вѣкъ свой!...

И даже на неподвижномъ лицѣ Тита Поликарповича показались чтò-то похожее на выраженіе грусти.

Посошковъ пересталъ ходить въ канцелярію и даже не спрашивалъ у Тита Поликарповича, чтò тамъ дѣлается, а между-тѣмъ экзекуторъ, давно мѣтившій на его мѣсто, не переставалъ строить козни, во вредъ Посошкова. Сокрушительная горестъ Лизаньки, казалось, имѣла какую-то таинственную связь съ приходою Ивана Андреевича и сильно потрясала ее. Иванъ Андреевичъ вполне возвратился къ сознанію своего положенія, по-крайней-мѣрѣ во всемъ, чтò относилось къ Лизанькѣ. Онъ уже переставилъ свои кресла къ изголовью бѣдной страдальцы и не отходилъ отъ ея постели. Докторъ между-тѣмъ продолжалъ свое дѣло: онъ объявилъ, что болѣзнь Лизаньки называется febris catarrhalis и прописывалъ ей каждый день новое лекарство. А Лизанька всё хилѣла, хилѣла и приводила въ отчаяніе отца и друга. Разъ, ночью, когда Посошковъ дремалъ возлѣ нее, а съ другой стороны Иванъ Андреевичъ сидѣлъ безмолвный и неподвижный, предаваясь потоку своихъ сбивчивыхъ мыслей, Лизанька приподняла свою изнеможенную горемъ и болѣзнію голову и лицо ея, тускло освѣщенное одною лампадой, висѣвшей подъ образомъ Богоматери, выразило незъяснимую скорбь!... она горько заплакала и голова ея склонилась, какъ свинець, опять на подушку. Боже, Боже мой, какъ я несчастна! вскричала Лизанька, въ порывѣ всеокрушающей горестя, и этотъ вопль, вырвавшійся

нѣ глубины сердца, въ такой часъ, въ такомъ положеніи, быть невыразимо поразителенъ. Иванъ Андреевичъ слышалъ его. Утѣшить ее онъ не могъ. Онъ взялъ ей пахудалую, желтую руку и цѣловалъ ее; крупныя слезы его орошали эту руку: долго не могъ онъ ничего сказать. Наконецъ Лизанька обратилась къ нему. — Спасите меня, спасите.... Я не могу такъ жить... у меня нѣтъ силы переносить столько горя.... Я сдѣлаю ужасное преступленіе.... Я убью себя!

— Бѣдное, бѣдное дитя, успокойся! и частыя восклицанія прерывали слова старика.

— Если бы я его еще разъ увидѣла.... Я знаю, что ожила бы на нѣсколько дней; въ эти немногіе дни, можетъ-быть, я успѣла бы совладать съ собою, обратиться къ Богу, молиться.... вѣдь теперь я даже не могу молиться, и сколько времени не молюсь.

— Но его видъ разстроитъ тебя еще больше, дитя мое.

— О, нѣтъ, нѣтъ! и на краю могилы я утѣшусь, если его увижу. Пусть онъ измѣнитъ мнѣ, невѣренъ.... пусть все это будетъ, только вы не говорите мнѣ, если это уже дѣйствительно случилось: я все-еще люблю его и, кажется, не перестану любить.

— А если онъ недостойнъ этой любви, если....

— Что бы ни было, что бы ни случилось, только бы его увидѣть.

— Но докторъ запретилъ тебѣ сильныя потрясенія, — я, право, боюсь...

— А, такъ вы, значитъ, можете заставить его прійти сюда, и вы по-сю-шору этого не сдѣлали, и говорите, что меня такъ любите!... А я васъ такъ нѣжно люблю.

— Лизанька, чего бы я не сдѣлалъ, чтобъ облегчить твои страданія, чтобъ только успокоитъ тебя!...

— Сдѣлайте такъ, чтобъ я его увидѣла сегодня же. О, умоляю васъ, умоляю.... И бѣдная дѣвушка готова была кинуться къ ногамъ старика и просить его. Иванъ Андреевичъ едва могъ успокоить это взволнованное, кипящее страстію существо.

— Успокойся, Лизанька, ты его увидишь.... можетъ-быть, я поступлю не хорошо.... но я не могу противиться твоей просьбѣ. Ты его увидишь такимъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Будь же тверда и благоразумна....

— О, я соберу все свои силы, все благоразуміе....

И уже отъ одной надежды на свиданіе, лицо ея блеснуло улыбкой....

— Да, думалъ старикъ, я полагаю, что мнѣ никогда не придется

употребить этой праймой игры; я надѣялся, что тайна умретъ со мной, но теперь дѣло не обо мнѣ, а объ моей Лизанькѣ. Я молчалъ и терпѣлъ когда отъ этого зависѣло мое собственное счастье, но не погублю ее.... не испытать всѣхъ средствъ. Пускай за вину родителей отвѣчаютъ дѣти, если они заслужили такой отвѣтъ передъ Богомъ и людьми.

На другой день Лизанька была вѣсколько покойнѣе; только по-часту обращалась къ Ивану Андреевичу со взоромъ, полнымъ мольбы. Старикъ старался ее ободрить и утѣшить, хотя, казалось, самъ не находилъ утѣшенія. Съ ранняго утра онъ былъ взволнованъ. Прежде всего онъ послалъ къ Невзгодину за его Иваномъ, потомъ приказалъ готовить себѣ свой нарядный сюртукъ, бѣлый галстухъ, бѣлый жилетъ и длинныя сапоги съ шелковыми кисточками.... что все онъ надѣвалъ только раза два въ годъ, въ торжественные праздники, когда отправлялся въ церковь. Посошниковъ смотрѣлъ на все съ большимъ удивленіемъ, не смѣя спросить, что значать эти приготовления. Пришелъ Иванъ, привыкшій исполнять волю друга покойнаго своего барина, какъ собственную его.

— Что у васъ? спросилъ его Иванъ Андреевичъ.

— Ничего. Слава Богу все благополучно.

— Веселитесь? сказалъ старикъ, стиснувъ зубы отъ гнѣву, и мысленно прибавилъ: а о томъ и не думаете, какое горе забросали въ мирное и честное семейство.

— Извѣстно, дѣло молодое; Александръ Петровичъ не беретъ конѣйки, какъ бывало покойникъ баринъ; ну, да вѣдь женится, перемѣнится.

— А развѣ близко дѣло?

— Какъ же! Сегодня, говорятъ, и иврушку длятого затѣвалъ, чтобъ порѣшить какъ слѣдуетъ съ дядею невѣсты.

— Тѣмъ лучше, подумалъ Иванъ Андреевичъ. Ну, а много гостей будетъ?

— Да, такъ довольно.

— Не мѣшало бъ ему вспомнить и о старинномъ другѣ его отца и душеприказчикѣ.

— Охъ, ужъ не говорите, батюшка, Иванъ Андреевичъ. Хоть, признательно сказать, и грѣхъ что-нибудь такое молвить о своемъ баринѣ.... А ей-же-ей, не хорошо! Ну, да кто ему скажетъ, что то или это не хорошо. Бывало, день-деньской тренься у него передъ глазами и толкуешь-себѣ съ нимъ на досугѣ, — а теперь приступу вѣтъ, завелъ какихъ-то Нѣмецъ, швейцаровъ, жокеевъ,

одѣлъ ихъ какъ скороходовъ какихъ; и нашъ братъ старыи слуга покойнаго барина, дядька его самого, сиди-себѣ въ передней, да штопай чулки отъ нечего дѣлать: еще того смотри, что тебя же эта наемная погань на смѣхъ подыметъ.

Иванъ Андреевичъ не могъ долго слѣдить за одною мыслью, если она выходила изъ круга его обыкновенныхъ дѣйствій; умственные способности его ослабѣли, и потому отступленіе Ивана совсѣмъ сбило его съ настоящей цѣли разговора; онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на слугу стараго своего друга: ему вообразилось, что онъ въ Крутоярѣ, что старыи Невзгодинъ боленъ, на смертномъ одрѣ, стонетъ и вопитъ, терзаемый болѣзнію, что за нимъ пришли, зная вліяніе его надъ старикомъ, который не допускалъ къ себѣ ни кого, и особенно своей жены и сына. Такъ было дѣйствительно нѣкогда, и Иванъ Андреевичъ живо представлялъ себѣ эти картины.

— А что же барыня, что барыня? спросилъ онъ заботливо Ивана.

— Да барыни еще нѣтъ, а говорятъ барыня будетъ хорошая, княжеской породы; племянница князя Петра Михайловича, знаете?

Тутъ только Иванъ Андреевичъ сообразилъ свое настоящее положеніе и сердце его заболѣло еще больше, чѣмъ болѣло оно тогда... въ Крутоярѣ.

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло, говорилъ онъ, потирая себѣ лобъ и сообразивъ обстоятельства. Скажи барину, что я буду у него и непрощенный; что я вспомнилъ объ немъ, хоть онъ и забылъ обо мнѣ. Да пускай приготовится встрѣтить меня; пускай приготовится хорошенько, потому что услышитъ такія вѣсти, отъ которыхъ не поздоровится ни ему, ни его невѣстѣ.

Иванъ слушалъ съ удивленіемъ эти слова и потомъ, сомнительно покачивая головою, произнесъ указывая себѣ пальцомъ въ лобъ: — Плохъ старикъ. А всё-таки онъ былъ другомъ покойнаго барина и надобно бы Александру Петровичу уважить его.

Шумно пировало нѣсколько человѣкъ въ квартирѣ Невзгодина, убранной барски и со вкусомъ. Они окружили молодаго хозяина и съ тысячею разнородныхъ пожеланій привѣтствовали его именемъ счастливаго жениха: ужъ такъ принято въ свѣтѣ, чтобы жениха и невѣсту называть счастливыми. Невзгодинъ поднялъ бокалъ и готовился благодарить своихъ друзей. Въ это время дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ худой старикъ, высокій, съ суровымъ выраженіемъ лица; толпа невольно разступилась передъ нимъ и онъ медленно, опираясь на свою

трось, подошелъ къ Невзгодину и удержалъ уже поднятую вверхъ руку.

— Стойте, сказалъ онъ, не торопитесь благодарить: друзья ваши поздравляютъ васъ съ тѣмъ, чего ни одинъ изъ нихъ не можетъ осуществить.

Невзгодинъ стоялъ нѣмъ и недвижимъ. Присутствовавшіе перешептывались между собою, спрашивая одинъ другаго, кто этотъ старикъ; но его никто не зналъ. Князь Петръ наконецъ рѣшился прервать общее недоумѣніе и прекратить эту неумѣстную, какъ онъ говорилъ, сцену.

— Если изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь никто безъ вашего позволенія не долженъ смѣть назвать Александра Петровича женихомъ княжны Бибі, несмотря на согласіе невѣсты и ея родныхъ, то, конечно, вы на то имѣете большія права, сказалъ иронически улыбаясь князь Петръ: и мы охотно передаемъ вамъ первый задравный бокалъ.

Старикъ взялъ бокалъ изъ рукъ князя и бросилъ его на полъ. Не обращая никакого вниманія на общіе знаки негодованія, онъ продолжалъ тѣмъ же повелительнымъ голосомъ:

— Да, права мои велики, дѣроги: они куплены цѣною всего моего счастья. Въ слухъ этихъ правъ, я объявляю, что браку Александра Петровича съ княжной Бибі не бывать, пока на это не будетъ согласія еще одного лица; а такого согласія еще нѣтъ.

Эти слова вывели наконецъ Невзгодина изъ оцѣпенѣнія.

— Желалъ бы я знать, вскричалъ онъ, кто осмѣлится препятствовать моему браку?

— На этотъ разъ я, и этого довольно!

Трудно было узнать въ этомъ старикѣ грознаго, повелительнаго вида, того самаго Ивана Андреевича, который, грустный, молчаливый, проводилъ дни въ своихъ креслахъ и съ дѣтскою благодарностью принималъ ласки своей Лизаньки.

— Вы? спросилъ Невзгодинъ, глядя съ презрѣніемъ на старика, какъ-будто между ними не было никакой прежней связи, какъ-будто у него на совѣсти не было никакого отвѣта передъ этимъ старикомъ: но кто станетъ васъ объ этомъ спрашивать?

— Вы видите, я пришелъ сюда безъ спросу и приглашенія: такъ же остановлю и бракъ вашъ.

— Первое было не трудно исполнить.

— А послѣднее еще легче.

— Какимъ образомъ?

— Нѣсколькими словами.

Старик склонился къ Невзгодину и что-то ему сказалъ такъ; отъ чего Невзгодинъ подался на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ-будто его кто сильно толкнулъ въ грудь.

— Я замѣчаю этакъ нетерпѣнія почтеннаго общества и спѣшу оставить его, но долженъ просить прошенія, что уможу съ собою хозяина: его присутствіе въ это время въ другомъ мѣстѣ необходимѣе чѣмъ здѣсь.

Съ этими словами Иванъ Андреевичъ взялъ подъ руку Невзгодина и увезъ его съ собою.

Гости стали расходиться, скрывая свою досаду притворнымъ смѣхомъ и веселостью.

— Кто же этотъ таинственный незнакомецъ? спрашивалъ одинъ.

— «Вѣчный Жидъ», отвѣчалъ другой.

— Кто бы онъ ни былъ, замѣтилъ възвышенный князь Петръ: я только знаю то, что связывался съ этими выходцами провинцій или того свѣта, что почти одно и то же, всегда окомпрометируешь себя.

— А что сдѣлаетъ княжна Бибѣ, узнавъ исторію?

— Можетъ-быть, ея злости помолодѣеть.

— Что мудренаго! Такія ли чудеса бываютъ на свѣтѣ: вѣтъ хоть бы эта исторія съ Невзгодинимъ, котораго чортъ живо унесъ ни въѣтъ куда.

— Чудная исторія!

— Воображаю, что стало бы съ княжвою, если бъ она была здѣсь.

— Бибѣ отдѣлалась бы и отъ чорта.

Такъ толковали между собою друзья Невзгодина у подѣзда его дома и дордогой. Между-тѣмъ самъ Невзгодинъ прѣбывалъ къ давно знакомому ему дому, въ которому прежде никогда не приближался безъ сердечнаго трепету, и теперь сердце его билось, но не радостно, не надеждой, а страхомъ. Въ коннаты встрѣтилъ его Титъ Поликарповичъ, несмотря на позднюю пору ночи, и торопливо и робко кланялся ему. Александръ Петровичъ не обратилъ на него вниманіе, хотя ему пришлось остаться съ нимъ одинъ на одинъ, потому что Иванъ Андреевичъ воспѣшилъ въ спальню больной. Тутъ, подъ бѣлымъ канцелярскимъ одѣяломъ, трепетала бѣдная дѣвушка; въ ожиданіи, въ страхѣ, въ томленіи она прислушивалась къ малѣйшему шороху, къ шелесту науки на его ткани. — Придетъ ли онъ? «Это была ея единственная мысль, а о томъ, что будетъ изъ этого, на радость ли, на

горе ли это свиданіе, — она не думала: только бы пришелъ! Дверь открыла.

— Что? вскричала она, приветавъ съ постели и устремивъ взоръ къ Ивану Андреевичу; все лицо ея, можно сказать, все тѣло было въ судорожномъ напряженіи.

— Онъ здѣсь.

— О, благодарю Тебя, Боже, благодарю!

И глубокой вздохъ облегчилъ тоскующую грудь.

— Лизанька, соберись съ силами, укрѣпись.

Старикъ былъ взволнованъ отъ тѣснившихся въ немъ чувствъ и отъ непривычнаго движенія: онъ едва могъ говорить.

— Я готова: пускай войдетъ.—Ахъ, постойте.... И она схватила себя за голову, поправляла волосы и спустившуюся рубашку —Боже! Я такъ похудѣла, такъ подурнѣла!... Онъ не узнаетъ меня, онъ разлюбитъ меня!... Но скажите, ради Христа, за что жъ онъ меня разлюбилъ? Развѣ не онъ—а я виновата въ своей болѣзни? Скажите, могли ли бы вы разлюбить свою Лизаньку, если бы она не провинилась передъ вами.....

И бѣдная дѣвушка съ лицомъ полнымъ страданія, обращалась къ старику.

— Тебя разлюбить, мое милое дитя! О, пусть Богъ накажетъ того, кто будетъ несправедливъ къ тебѣ.

— Какъ вы добры, какъ вы прекрасны.... я бы васъ любила еще больше, если бъ могла.... И она сжимала его старческія руки въ своихъ пламенныхъ рукахъ и прижимала къ груди, которая дышала тяжело и прерывисто: — Я выздоровлю, и буду счастлива, непременно.... и тогда передамъ часть своего счастья вамъ; вы увидите, я съумѣю это сдѣлать. Лизанька старалась улыбнуться. Сердце старика страдало невыразимо: — Теперь пускай онъ войдетъ: я весела, а горе къ моему лицу нейдетъ: я это знаю.

Иванъ Андреевичъ вышелъ и остановился за дверью: онъ плакалъ какъ дитя; этотъ старикъ еще нашелъ довольно слезъ въ своемъ сердцѣ, чтобъ вышлать къ горе. Лизанька, оставшись одна, хотѣла нѣсколько оправить свой туалетъ, но дрожащія руки ея торопливо переходили отъ предмета къ предмету и не въ силахъ были что-нибудь сдѣлать: едва прикрывала она концы ногъ своихъ, какъ палиное зноеть крови, мучное внутреннимъ волненіемъ тѣло ея, искало прохлады, свободы и разметывало одѣяло, тяготѣвшее на немъ. Вошелъ Невзгодный. Она стремительно, радостно простерла къ нему руки; онъ принялъ ихъ робко, и припавъ къ постели поднесъ ихъ къ своимъ холоднымъ, безстрастнымъ устамъ.

— Вы простите меня, Лизанька!

Лизанька не могла говорить. Руки ея судорожно сжимали руки Невзгодина; она глядѣла на него горящими глазами; казалось, хотѣла войти въ душу его и безгранично, безусловно предаться ему.... Молчаніе длилось нѣсколько мгновеній.... Наконецъ она не выдержала.... обвила руками вокругъ его шеи и прильнувъ устами къ челу его, цѣловала и плакала, плакала отъ радости, отъ полноты счастія. Вскорѣ, однако, по врожденному въ дѣвущкѣ инстинкту стыдливости, она опустила свои руки и нѣсколько отодвинулась назадъ, можетъ-быть для того, чтобы лучше взглядѣться въ лицо Александра Петровича, какъ любитель живописи отступаетъ отъ изящнаго произведенія, чтобы полюбоваться имъ съ другой точки зрѣнія. Невзгодинъ стоялъ передъ нею съ глазами сухими, съ лицомъ разсѣяннымъ, видимо занятый другою мыслію. Возлѣ стоялъ Иванъ Андреевичъ, уже не плачущій, но суровый, грозный. Далѣе Посошковъ, грустный, утирающій рукавомъ обильно льющіяся слезы. У ногъ Лизаньки стояли Титъ Поликарповичъ и священникъ....

— Пора, сказалъ Иванъ Андреевичъ, какъ-бы боясь, чтобы силы не оставили его преждевременно: — Лизанька, ты можешь сказать Александру Петровичу: будь моимъ мужемъ, и онъ исполнитъ твою волю, онъ мнѣ это обѣщалъ; но я согрѣшилъ бы передъ Богомъ и передъ тобою, если бы скрылъ, какой цѣною ты покупаешь себѣ это повиновеніе. Слушайте, продолжалъ онъ обращаясь къ священнику и Титу Поликарповичу: и если я не въ состояніи буду повторить другой разъ, чтѣ говорю теперь, вы засвидѣтствуете истину словъ моихъ, и, если бы понадобилось, приведете въ исполненіе волю мою, которая есть воля Лизаньки. »При жизни покойнаго отца Александра Петровича, я былъ его единственнымъ другомъ и повѣреннымъ всѣхъ его тайныхъ мыслей; онъ не любилъ людей; къ жепѣ своей, на которой женился по страсти, онъ скорѣ охладѣлъ; но когда лѣтъ пять послѣ этого брака, она родила ему сына, — онъ возненавидѣлъ ее и не хотѣлъ видѣть сына. Я не стану тревожить памяти покойницы: она для меня такъ же священна, какъ и для васъ, Александръ Петровичъ. Семейныя скорби, разладъ съ людьми, вѣчно тревожившее его сомнѣніе, сломило желѣзное здоровье старика; онъ заболѣлъ отчаянно. Передъ своею смертію онъ призывалъ меня: — «Послушай, сказалъ онъ, нельзя не любить мою жену: она смотреть ангеломъ. Не въ моей власти располагать ея сердцемъ, но въ моей располагать ея особой. Это духовное завѣ-

щаніе покажетъ тебѣ, что я не забылъ тебя». Вотъ оно, это духовное завѣщаніе, говорилъ Иванъ Андреевичъ, указывая на пожелтѣвшую отъ времени бумагу: о немъ не могла умолчать покойница, ваша матушка; оно облечено законными формами и имѣетъ всю законную силу: въ завѣщаніи же между прочимъ сказано: «Мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя воля, чтобы супруга моя по смерти моей сочеталась законнымъ бракомъ съ моимъ единственнымъ другомъ, Иваномъ Андреевичемъ, сыномъ N; которому я обязанъ всѣмъ въ этой жизни. Буде же она, моя супруга, воспротивится такой моей волѣ, и особенно если вступитъ она въ бракъ съ другимъ, то въ первомъ случаѣ, онъ, Иванъ Андреевичъ N, въ правѣ, а въ другомъ въ обязанности все имѣніе мое, движимое и недвижимое, яко благопріобрѣтенное мною, передать одному изъ ближайшихъ моихъ родственниковъ, кого найдетъ достойнымъ, считая въ этомъ случаѣ вдову мою послѣднею; если жъ онъ все-таки избретъ наслѣдницей ее, то не иначе, какъ только по смерти ея, а потомъ, если Богъ пошлетъ ему живота, назначаетъ новаго наслѣдника изъ моихъ ближайшихъ родственниковъ, принимая въ такомъ случаѣ сына жены моей, за послѣдняго, удостоиваемаго къ такому выбору.» Онъ умеръ. Когда все въ домѣ успокоилось, если не отъ горести, то отъ суеты, и дошло дѣло до завѣщанія покойнаго Невзгодина, я обратился съ вопросомъ къ вдовѣ, какъ она предполагаетъ поступить въ этомъ случаѣ? — «Выйти за васъ замужъ», отвѣчала она. — Любите ли вы меня? спросилъ я. — «Нѣтъ!»! отвѣчала она. — А я любилъ ее и какъ любилъ! Собака, что умираетъ на могилѣ своего господина, не больше привязана къ нему, какъ я былъ привязанъ къ ней; и теперь когда вспоминаю объ этомъ, сердце мое болитъ невыносимо, голова горитъ, какъ было тогда, и мнѣ нужно ваше присутствіе, мысль, что отъ моего показанія зависить счастье Лизаньки, чтобы собрать разстроенный мой разумъ и договорить остальное. Оно не длинно. Я оставилъ покойницѣ свободу и достояніе, чтобы не нарушить ея покоя, даже мысля о томъ, что она можетъ лишиться той или другаго, оставилъ ее навсегда и переѣхалъ въ Петербургъ. А мнѣ только бы видѣть ее хоть изрѣдка, только бы слышать ее голосъ и то было бы уже счастье!... Теперь это духовное завѣщаніе передаетъ опять въ мои руки все огромное состояніе покойнаго Невзгодина. Александръ Петровичъ, вы знаете, воспользовался ли я имъ вторично, послѣ смерти вашей матушки; я даже не вспомнилъ объ немъ и, вѣрно, никогда бы не вспомнилъ, но теперь

отъ него зависить не моя судьба, — ея! И онъ указалъ на Лизаньку. — Посмотрите, что вы сдѣлали съ нею? Вы любили ее, нельзя было знать ее и не любить; вы зажгли въ ней ту сильную, все сокрушающую страсть, которой достаточно было для счастья всей настоящей и будущей жизни человѣка, — и потомъ бросили ее, нашу сердечную Лизаньку. За что? чѣмъ она провинилась передъ вами? Вы сдѣлались богаты, а она осталась при прежнемъ состояніи и вотъ вамъ кажется, что уже цѣлая бездна раздѣляетъ васъ. На кого промѣняли вы ее, прекрасную, ангелообразную? На бездушную княжну Бибі, которая не любитъ васъ, которая не можетъ васъ любить, потому что создана и образована для свѣта, а не для любви! Я не для упрековъ призываю васъ сюда.... Но видъ этой страдалицы, но глубокая скорбь, которую вы принесли въ домъ нашъ.... о, да простить вамъ Богъ все это зло!...

— Александръ Петровичъ, вѣрно, раскаивается въ своемъ поступкѣ, произнесъ священникъ, и Елизавета Андреевна по долгу христіанки простить его....

Невзгодникъ стоялъ, какъ осужденный, въ этомъ грозномъ, нравственно судилищѣ; но глазъ болѣе опытный или досужій, чѣмъ людей, присутствовавшихъ тутъ, замѣтилъ бы, что не раскаяніе, а чувство менѣе достойное волновало его: онъ не сводилъ глазъ съ духовнаго завѣщанія, которое старикъ передалъ Лизанькѣ, какъ исполнительницѣ приговора. Посошковъ стоялъ у изголовья постели и старался подавить всхлипыванія свои, чтобы не обезпокоить дочери. Иванъ Андреевичъ, обезсиленный, изнеможенный, опустился въ свои кресла и едва переводилъ дыханіе; только лицо Тита Поликарповича по-прежнему было холодно и ничего не выражало, — развѣ только удивленіе. А Лизанька, бѣдная Лизанька, что дѣлалось съ нею въ это время? При первыхъ словахъ Ивана Андреевича, лицо ея просіяло надеждой и при всей своей матовой бѣлизнѣ и болѣзненномъ выраженіи было прекрасно. Но когда она узнала, что онъ измѣнилъ ей, что ее, любящую безусловно, безгранично, промѣнилъ на другую, ради какихъ-то расчетовъ; что Невзгодникъ готовъ былъ жениться на ней, не для нея, не изъ-за ея любви, которую она ставила выше всего на свѣтѣ, но для возвращенія своего состоянія, — о, что совершалось тогда въ сердцѣ бѣдной дѣвушки, того нельзя высказать..... Ни люди, ни адъ не изобрѣтутъ такихъ мученій, такихъ пытокъ, какія создаетъ всесокрушительная любовь въ сердцѣ неопытной, шестнадцатилѣтней дѣвушки. Лицо ея по-

дернулось судорогами; тонкія голубыя жилки, выдавшіяся изъ-подъ прозрачной кожи, налились кровью; красныя, багровыя пятна выступали и исчезали на щекахъ; холодный потъ пробивался на челѣ. Она страдала невыразимо. Судя по движенію губъ, она хотѣла что-то сказать, но не могла; пальцы ея судорожно впились въ бумагу, которую передать ей Иванъ Андреевичъ.

Была минута торжественнаго молчанія; казалось, дыханіе замерло у присутствовавшихъ и сердца ихъ перестали биться; взоры всѣхъ устремились къ Лизанькѣ, ожидая ея приговора. Невзгодникъ приклонился къ ея постели и хотѣлъ взять ея руку, вымаливая прощеніе: прикосновеніе змѣи не сдѣлало бы такого вліянія на Лизаньку, какъ прикосновеніе этой холодной руки. Лизанька съ такою силою отпрянула назадъ, что вѣрно бы упала съ постели, если бы отецъ не поддержалъ ее.

— Прочь! подите прочь! вскрчала она, напрягнувъ всѣ свои силы: я ненавижу, я васъ презираю. Вамъ надобно отъ меня одно богатство — возьмите его! И съ этими словами она изорвала въ клочки духовное завѣщаніе и бросила ихъ къ ногамъ Невзгодина: — Теперь идите къ своей княжнѣ, она васъ найдетъ достойнѣе прежняго ея любви, потому что состояніе ваше уже не подвержено ни какому спору. Тамъ явитесь вы рыцаремъ благородства, а здѣсь вы низки, гадки.... Вы станете рассказывать ей, какъ одна бѣдная дѣвочка любила васъ, какъ мучилась, умирала въ глазахъ вашихъ, узнавши, что вы женитесь на другой; какъ выпрашивала у васъ хоть состраданія, если не любви, — вы солжете: во мнѣ нѣтъ и капли любви къ вамъ, и я, добровольно, съ радостью, выбираю себѣ въ женихи — не васъ, другаго, гораздо достойнѣйшаго васъ..... я отдаю свою руку Титу Поликарповичу, котораго..... люблю..... Бѣдная дѣвушка не могла долѣе говорить; тщетно она старалась подавить въ себѣ любовь, бурно прорывавшуюся изъ ея сердца и переполнившую весь организмъ ея существованія. Она безъ чувствъ упала на постель.

— Вамъ болѣе нечего здѣсь дѣлать, сказалъ грозно Иванъ Андреевичъ, обращаясь къ Александру Петровичу, неподвижно и безмолвно стоявшему у постели: вы уже окончили свое дѣло, полюбовались имъ: оставьте насъ.

— Прочь! воскликнулъ въ отчаяніи Посошковъ: гоните, выбросьте эту змѣю и да будетъ проклятъ....

Священникъ остановилъ потокъ его отчаянія; но всѣ утѣшенія его были тщетны.

Бѣдный Посошковъ предался весь своей горести и горькій ропоть не-разъ смущалъ его душу..... И за чтò страдалъ этотъ старикъ, за чтò терпѣлъ онъ, ни разу никого не оскорбившій, даже въ помышленіяхъ своихъ, и такъ жестоко страдалъ!

Вскорѣ у постели умирающей остались только ея отецъ и Иванъ Андреевичъ. Къ-утру, Лизанька очнулась; она протянула къ нимъ свои руки и тихо, тихо склонила головы ихъ къ своей груди и обвилась вокругъ нихъ своими изсохшими руками. Говорить она уже не могла. Казалось, она боялась оторваться отъ этихъ предметовъ, столь близкихъ ея сердцу, или хотѣла удержаться за эту слабую опору отъ увлекающей ее смерти или передать имъ свою отходящую душу. Однако видно было по ея просіявшему лицу, что ей было легко умирать въ этомъ положеніи, въ объятіяхъ отца и друга..... Еще минута..... еще одинъ глубокій, тяжелый вздохъ..... и ея не стало! Два старика остались въ опустѣлой квартирѣ доживать свой горькій вѣкъ.

— А чтò случилось съ Невзгодинымъ? спросите вы.

— Извѣстно чтò!

— Но неужели исторія о пирушкѣ, съ которой Невзгодинъ былъ такъ внезапно похищенъ, не надѣлала скандалу и не скомпрометировала невѣсту?

— Да, объ этомъ говорили въ городѣ очень двусмысленно, но князь Петръ объяснилъ ее чрезвычайно просто: «Чудакъ Невзгодинъ, говорилъ онъ, хотѣлъ испытать свою невѣсту и подучилъ какого-то старика прийти къ нему во время пира и объявить, что онъ разоряетъ совершенно..... Вѣсть, конечно, скоро дошла до невѣсты, но Бибѣ не только не измѣнила своему жениху, но पुше прежняго захотѣла выйти за него замужъ — такая вѣрная! Только послѣ брака узнала она, что все это было испытаніе и сильно сердилась на своего мужа за то, что онъ такъ богатъ: теперь они примирились и живутъ какъ голубки.»

— Какъ кошка съ собакой, прибавлялъ обыкновенно племянникъ князя, которому жизнь молодыхъ была очень коротко извѣстна.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО.

=

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

=

Съ перваго взгляду отѣльскій домъ графа Монте-Кристо не представлялъ ничего особеннаго, ничего такого, чего можно было ожидать отъ жилища человѣка, который обладаетъ несмѣтными богатствами. Но зато за порогомъ зрѣлище перемѣнилось совершенно. Бертуччо превзошелъ самъ себя въ ловкомъ и быстромъ исполненіи приказаній своего прихотливаго и взыскательнаго господина. Домъ, который въ продолженіи двадцати лѣтъ стоялъ въ заустѣни, мрачный и печальный, наполненный затхлымъ воздухомъ, такъ сказать, запахомъ времени, — этотъ домъ въ четыре дня переродился совершенно, украсился самою утонченною роскошью, наполнился свѣтомъ, благоуханіемъ и жизнью.

Въ пять часовъ Монте-Кристо прѣхалъ и молча прошелъ по всему дому, осмотрѣлъ каждый уголъ. Бертуччо съ трепетомъ и безпокойствомъ ходилъ за нимъ, взглядывалъ на каждую вещь и потомъ на графа. Но, осмотрѣвшись наконецъ въ своемъ кабинетѣ, Монте-Кристо сказалъ: — Хорошо. И лицо управителя просіяло.

Ровно въ шесть часовъ прѣхалъ Морель. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ стали съѣзжаться другіе: сперва Шато-Ренѵ и Дебрѣ, потомъ Данглъръ, потомъ оба Кавальканти и, наконецъ, Вильфоръ. Данглъръ былъ блѣденъ и очевидно разстроенъ. Жена его, всходя на крыльцо и въ комнаты, безпокойно, но быстро озиралась, потомъ такъ же быстро и непримѣтно передала Дебрѣ записочку. Замѣтилъ это одинъ только Монте-Кристо. Мадамъ Вильфоръ смотрѣла только съ любопытствомъ, но прокурору, очевидно, стоило большаго труда казаться спокойнымъ. Нѣжный отецъ, маіоръ Бартоломео Кавальканти, въ новомъ, блестящемъ мундирѣ, съ нѣсколькими ордѣнами на груди, тщательно причесанный и чистенько выбритый, казался очень порядочнымъ отцомъ. Почтительный сынъ его, Андреа, также былъ весь новенькій, прямо съ иголочки.

Морель, Шато-Ренѵ и Дебрѣ стояли у окна и разговаривали между собою, когда вслѣдъ за громкимъ докладомъ Батиста вошли Кавальканти. Шато-Ренѵ и Дебрѣ взглянули на отца и на сына и, естественно, долѣе остановились на послѣднемъ.

— Кавальканти! повторилъ Дебрѣ.

— Звучное имя, замѣтилъ Морель.

— Да, сказалъ Шато-Ренѵ, правда, Италіяны хорошо называются, зато дурно одѣваются.

— Вы слишкомъ взыскательны, Шато-Ренѵ, сказалъ Дебрѣ: портной его, очевидно, одинъ изъ лучшихъ, и платья совершенна новыя.

— Про это-то я и говорю. Этотъ господинъ точно въ первый разъ сегодня одѣлся.

— Кто эти господа? спрашивалъ между-тѣмъ Данглъръ у Монте-Кристо.

— Вы слышали: снѣдоры Кавальканти.

— Это знакомитъ меня съ именемъ и только.

— Ахъ, да! правда. Вы не знаете италіянскаго дворянства. Кавальканти, изъ княжескаго роду.

— Хорошее состояніе?

— Бѣснословное.

— Чтѵ они съ нимъ дѣлаютъ?

— Пытаются прожить и не могутъ. Они прѣѣзжали ко мнѣ третьягодня и, кажется, говорили, что у нихъ есть кредитивъ на вашъ домъ. Я пригласилъ ихъ для васъ. Я вамъ представлю ихъ.

— Но мнѣ кажется, они очень чисто говорятъ по-французски.

— Да, сынъ воспитывался въ южной Франціи, въ Марсели, кажется, или гдѣ-то въ окрестностяхъ, не помню. Онъ въ совершенномъ восторгѣ.

— Отчего? спросила баронесса.

— Отъ Француженокъ. Онъ непремѣнно хочетъ съискать себѣ невѣсту въ Парижѣ.

— Хороша мысль! сказалъ Данглъръ, пожавъ плечами.

Мадамъ Данглъръ посмотрѣла на мужа съ выраженіемъ, которое во всякое другое время могло служить началомъ буря. Но тутъ она ничего не сказала. Мадамъ Данглъръ въ этотъ день была чрезвычайно кротка.

— Баронъ, кажется, очень мраченъ сегодня? сказалъ Монте-Кристо, когда Данглъръ отошелъ: ужъ не дѣлаютъ ли его министромъ?

— Нѣтъ еще, кажется. Онъ просто не въ духѣ, потому что немножко проигралъ на биржѣ, и не знаетъ, во комъ вымѣстить.

Въ эту минуту пріѣхали Вильфоры. Принявъ ихъ, какъ должно внимательному хозяину, графъ примѣтилъ, что въ сосѣдную комнату тихонько вошелъ Бертуччо, и пошелъ къ нему.

— Ну, что скажешь?

— Ваше сіятельство еще не изволили сказать, сколько будетъ гостей.

— Ахъ, да! правда. Ну, пересчитай самъ.

— Всѣ пріѣхали?

— Всѣ.

Бертуччо взглянулъ въ полу-отворенную дверь и вздрогнулъ. Монте-Кристо не спускалъ съ него глазъ.

— Боже мой! вскричалъ Бертуччо.

— Что такое? спросилъ графъ.

— Эта женщина!.... эта женщина!....

— Которая?

— Въ бѣломъ платьѣ.... на которой такъ много брилліантовъ.... бѣлокурая!...

— Мадамъ Данглъръ?

— Я не знаю, какъ ее зовутъ, но это она!.... это она!

— Кто она?

— Та, что ходила по саду!.... что была беременна.... и дожидалась.... дожидалась....

Бертуччо остановился, съ открытымъ ртомъ, блѣдный, съ воднятыми въ гору волосами.

— Кого же она дожидалась? спросилъ графъ.

Бертуччо, не отвѣчая указалъ на Вильфора, съ такимъ же движеніемъ какъ Макбетъ указывалъ на Банко.

— О!.... о!.... бормоталъ онъ: вы видите?

— Кого? что?

— Его?

— Кого же? королевскаго прокурора, де-Вильфора? Безъ-смиѣнія, вижу.

— Такъ я не убилъ его!

— О-го! да ты, кажется, съума сходишь, любезный снѣборъ Бертуччо.

— Такъ онъ не умеръ. повторялъ Бертуччо.

— Какъ видишь. Въмѣсто-того, чтобы ударить между шестымъ и седьмымъ лѣвымъ ребромъ, какъ это водится у твоихъ земляковъ, ты, вѣроятно, ударилъ повыше или пониже, а у этихъ блюстителей правосудія, сердце кованное. Или, еще вѣроятнѣе, все, что ты мнѣ рассказывалъ, пустяки, небывальщина, мечта твоего воображенія. Ты, можетъ-быть, заснулъ, худо сваривши свою метительность и она отяготила тебѣ желудокъ; тебѣ представился домово́й, вотъ и все. Образумься же и пересчитай гостей. Ну.... господинъ и госпожа де-Вильфоръ, двое; баронъ и баронесса Данглъръ, четверо; Шато-Ренъ, Дебрё и Морель, семь; маіоръ Кавальканти, осемь.

— Осемь, повторилъ Бертуччо.

— Погоди же! погоди. Куда ты торопишься! Еще есть девятый. Посмотри.... вонъ тамъ.... у окна.... Вотъ, оглянулся.... снѣборъ Андреа Кавальканти.

Бертуччо началъ-было крикъ, который однако жъ подъ взоромъ Монте-Кристо замеръ у него на губахъ.

— Бенедетто! прошепталъ онъ съ ужасомъ..

— Слышишь, Бертуччо? Половина седьмаго, строго сказалъ графъ: пора садиться за столъ. Ты знаешь, я не люблю дожидаться.

Монте-Кристо воротился къ гостямъ. Бертуччо, шатаясь и опираясь о стѣны, пошелъ въ столовую.

Черезъ пять минутъ потомъ обѣ половинки двери въ гостиной растворились, Бертуччо сдѣлалъ послѣднее геройское усиліе и сказалъ:

— Ваше сіятельство, кушать готово!

Монте-Кристо предложилъ руку прокуроршѣ.

— Мосье де-Вильфоръ, сказалъ онъ: не угодно ли вамъ быть кавалеромъ баронессы Данглъръ? Пожалуйста, Digitized by Google

Они пошли въ столовую.

Малю сказать, что пиръ былъ роскошенъ, что каждый взглядъ гостей выражалъ изумленіе и восхищеніе, такъ, что даже встревоженные и обезпокоенные забыли тревогу и безпокойство. Монте-Кристо хотѣлъ не только поразить и изумить своихъ гостей, но и доказать имъ, что онъ не даромъ родился осьмнадцатую столѣтіями позже Лукулла. Онъ дѣлалъ все невозможное возможнымъ.

Отъ дорогихъ винъ и рѣдкихъ ястъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ свѣта, разговоръ перешелъ на пышность убранства и въ-особенности на удивительную скорость, съ какою все это явилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Шато-Ренѵ: изъ ветхаго дому сдѣлать такой великолѣпный дворецъ, въ четыре дня! Это истинное чудо! Домъ этотъ былъ очень старъ и мраченъ. Я помню, что, по порученію матери, пріѣзжалъ смотрѣть его, когда маркизь де-Сенъ-Меранъ объявилъ, что продаетъ его, года три или четыре тому назадъ.

— Такъ этотъ домъ принадлежалъ маркизу де-Сенъ-Меранъ? спросилъ Дебрѣ у Монте-Кристо.

— Да, кажется, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ, кажется? Вы не знаете у кого купили домъ?

— Нѣтъ; это мой управляющій занимается этими подробностями.

— Я думаю, онъ уже лѣтъ тридцать слишкомъ стоялъ пустой, продолжалъ Шато-Ренѵ: грустно было видѣть его затворенныя ставни, заколоченныя двери и высокую траву на дворѣ. Право, если бъ онъ принадлежалъ не тестю королевскаго прокурора, можно бы было подумать, что надъ нимъ тяготѣетъ какое-нибудь проклятіе, что въ немъ совершено какое-нибудь преступленіе. Вильфоръ, который дотолъ не прикасался къ стоявшимъ передъ нимъ четыремъ или пяти полнымъ рюмкамъ вина, взялъ одну на-удачу и проглотилъ разомъ.

— Это странно, отвѣчалъ Монте-Кристо послѣ полуминутнаго молчанія, которое послѣдовало за рѣчью Шато-Ренѵ: странно! По мнѣ пришла та же самая мысль, когда я въ первый разъ вошелъ въ этотъ домъ. Онъ показался мнѣ такимъ мрачнымъ, что я никогда не купилъ бы его, если бы мой управляющій не купилъ. Впрочемъ, плутъ сорвалъ взятку съ комиссіонера.

— Впрочемъ, сказалъ Вильфоръ, стараясь улыбнуться: но помните, что не я его подкупилъ. Маркизь вздумалъ продать этотъ

домъ, потому что онъ принадлежитъ къ приданому его внучки, Валентины. А простоявши еще три или четыре года пустымъ, онъ развалился бы. Вначалѣ онъ еще отдавался въ-наемъ, но въ послѣднее время долго не было ни какихъ жильцовъ.

— Оттого никто и не нанималъ, что онъ такой мрачный былъ! пояснилъ Шато-Ренд.

— Особенно есть одна комната, сказалъ Монте-Кристо: правда, очень простая.... комната, какъ комната.... обитая красною камкой. Но, не знаю, отчего, она показалась мнѣ чрезвычайно драматическою.

— Отчего такъ? спросилъ Дебрё: отчего же драматическою?

— Я вамъ говорю, что не знаю отчего. Развѣ можно отдать себѣ отчетъ въ вещахъ инстинктивныхъ? Развѣ вамъ не случалось видѣть мѣста, гдѣ, кажется, вдыхаешь печаль? Отчего? и самъ не знаете.... Можетъ-быть, по сцѣпленію воспоминаній, по прихоти мысли, которая переноситъ васъ въ прошедшія времена, въ другія мѣста, которыя, иногда, не имѣютъ ничего общаго съ настоящими. Точно такъ и эта комната живо напоминаетъ мнѣ какъ-будто комнату маркизы Деганжъ или комнату Дездемоны. Да вотъ, я вамъ покажу ее. Обѣдъ конченъ. Не угодно ли прійти? Кофе прикажемъ подать въ саду.

Монте-Кристо вопросительно взглянулъ на гостей. Мадамъ Вильфоръ встала и всѣ за нею. Только прокуроръ и мадамъ Данглъръ на минуту остались на своихъ мѣстахъ, какъ-будто пригвожденные, и смотрѣли другъ на друга, молча и съ трепетомъ.

— Вы слышали? шепнула баронесса.

— Надобно птти, отвѣчалъ Вильфоръ, подавая ей руку.

Монте-Кристо повелъ гостей черезъ всѣ покон, чтобы они могли вполнѣ удовлетворить свое любопытство. Лаксн отворили всѣ двери настежь. Вильфоръ и мадамъ Данглъръ немножко отстали отъ другихъ. Монте-Кристо обождалъ ихъ и заключилъ шествіе съ улыбкою, которая вмигъ разогнала бы всѣхъ, если бы гости увидѣли и разгадали ее.

Они прошли рядъ комнатъ, убранныхъ бѣльшею частью повосточному, со всею роскошью и вкусомъ, какихъ можно было ожидать отъ соперника Лукулла. Наконецъ пришли въ знаменитую комнату. Въ ней не было ничего особеннаго. Она была только немножко темнѣе другихъ, во-первыхъ, отъ темно-алыхъ устарѣлыхъ обоевъ, тогда какъ въ другихъ все блистало свѣжестью и новизной; во-вторыхъ, потому что, будучи довольно

велика, освѣщалась только однимъ окномъ. Но этого уже достаточно было, чтобы придать ей таинственный, мрачный характеръ.

— О! вскричала мадамъ Вильфоръ: это въ самомъ дѣлѣ страшно!

Мадамъ Данглъръ тоже что-то сказала, но никто не разслышалъ. Всякой дѣлалъ свое замѣчаніе и всѣ согласились, что комната мрачна.

— Не правда ли? сказалъ Монте-Кристо. Взгляните только, какъ эта кровать странно поставлена. Какая мрачная, кровавая драпировка! А эти два акварельные портрета, полипьявшие отъ сырости.... Посмотрите! какъ дико смотреть эти тусклые глаза, а блѣдныя губы точно говорятъ: Мы видѣли!

Вильфоръ поблѣднѣлъ. Мадамъ Данглъръ упала на диванъ, подлѣ камна.

— О! сказала мадамъ Вильфоръ: какъ это вамъ не страшно сѣсть на этотъ диванъ? Можетъ-быть, преступленіе тутъ и совершилось.

Баронесса вскочила.

— Но это еще не все, сказалъ Монте-Кристо.

— Не все? Что же еще есть? спросилъ Дебрѣ.

— Покажите, покажите, что еще? сказалъ Данглъръ: до-сихъ-поръ, признаюсь, я не много вижу. А вы, синьоръ Кавальканти?

— Э! отвѣчалъ маіоръ: это что! У насъ, въ Цизѣ, есть башня Уголино, въ Феррарѣ темница Тассо, въ Римпни комната Франчески и Паоло.

— Да, но у васъ нѣтъ такой лѣстницы, сказалъ Монте-Кристо, отворивъ потаенную дверь въ обояхъ: посмотрите, господа, и скажите, что вы думаете объ этой лѣстницѣ?

— Какая темная яма! точно могила! сказалъ Шато-Ренд.

— Не знаю, хюсское ли вино располагаетъ къ меланхоли, сказалъ Дебрѣ: но то вѣрно, что весь этотъ домъ начинается производить на меня какое-то мрачное впечатлѣніе.

Морель ничего не говорилъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ за столомъ упомянули о приданомъ Валентины, онъ былъ молчаливъ и задумчивъ.

— Представьте себѣ, продолжалъ Монте-Кристо, какого-нибудь Отелло или аббата Деганжа, который шагъ-за-шагомъ, въ темную, бурную ночь, спускается по этой лѣстницѣ съ какою-нибудь таинственною ношей, которую спѣшитъ скрыть отъ взора челоуѣческихъ.... но не отъ Божьихъ.

Мадамъ Данглъръ обмерла и повисла на рукѣ Вильфора, который самъ принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Дебрѣ: баронесса, что съ вами? Вы поблѣднѣли!

— Это очень естественно! возразила прокурорша: графъ Монте-Кристо рассказываетъ намъ такія ужасныя исторіи, вѣроятно, съ намѣреніемъ уморить насъ страхомъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, графъ, сказалъ Вильфоръ: вы пугаете дамъ.

— Что съ вами? украдкою шепнулъ Дебрѣ баронессѣ Данглъръ.

— Ничего, ничего; мнѣ нуженъ воздухъ, и только.

— Хотите сойти въ садъ? спросилъ Дебрѣ, предлагая ей руку и указывая на потасенную лѣстницу

— Нѣтъ, нѣтъ; ничего.... Оставьте.

— Неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ страшно стало, баронесса? спросилъ Монте-Кристо.

— Нѣтъ, графъ, отвѣчала она: но у васъ такое воображеніе.... вы сочиняете такія исторіи....

— Что жъ? можно сочинить и въ другомъ родѣ, возразилъ Монте-Кристо съ улыбкой: можно также представить себѣ эту комнату какъ спальню доброй и почтенной матери семейства, мирнымъ пріютомъ священной любви; эту постель съ алымъ занавѣсомъ — ложемъ, которое посѣтила богиня плодородія; эту потасенную лѣстницу — невиннымъ ходомъ, по которому, тихомъ, чтобы не нарушать благодѣтельнаго сна родильницы, сходитъ заботливый врачъ, или кормилица, или отецъ, который несетъ на рукахъ спящаго ребенка....

При этой картинѣ мадамъ Данглъръ, вмѣсто-того, чтобы опрариться, застонала и упала въ обморокъ.

— Баронессѣ дурно! съ трудомъ проговорилъ Вильфоръ: не лучше ли будетъ отвести ее въ карету?

— Ахъ, Боже мой, а я забылъ свой флаконъ! вскричалъ Монте-Кристо.

— У меня есть, возразила мадамъ Вильфоръ.

И она поспѣшила на помощь къ пріятельницѣ. Баронесса скоро пришла въ себя и, тяжело вздохнувъ, сказала:

— О! какой ужасный сонъ!

Вильфоръ крѣпко сжалъ ей руку, чтобы напомнить дѣйствительность.

Между-тѣмъ Данглъръ, очень мало расположенный къ поэти-

теснымъ впечатлѣніемъ, уже отправился въ садъ и жарко разсуждалъ съ старикомъ Кавальканти о предполагаемой желѣзной дорогѣ между Ливорно и Флоренціей.

Монте-Кристо былъ въ отчаяніи, что такъ напугалъ дорогую гостью. Онъ предложилъ баронессѣ руку и повелъ ее въ садъ.

— Неужели мой разсвѣтъ въ самомъ дѣлѣ такъ страшенъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, графъ, но вы знаете, что вещи производятъ на насъ впечатлѣніе, смотря потому, въ какомъ мы расположеніи духа.

Вильфоръ старался разсѣяться.

— И тогда, вы понимаете, сказалъ онъ: достаточно одного какого-нибудь предположенія, одной фантазіи....

— Какъ вамъ угодно, возразилъ Монте-Кристо: вы можете вѣрить или не вѣрить, а я убѣжденъ, что въ этомъ домѣ совершено какое-нибудь преступленіе.

— Остерегитесь, графъ, сказала мадамъ Вильфоръ: королевскій прокуроръ здѣсь.

— Такъ чтѣ же? и къ-статя, отвѣчалъ Монте-Кристо: такъ и быть, я воспользуюсь случаемъ и сдѣлаю свое показаніе.

— Показаніе? спросилъ Вильфоръ.

— Да, и въ присутствіи свидѣтелей.

— О! да это очень любопытно! вскричалъ Дебрѣ: неужели тутъ и въ самомъ дѣлѣ совершено преступленіе?

— Въ самомъ дѣлѣ совершенно, отвѣчалъ Монте-Кристо: пожалуйста сюда, господа; пожалуйста, господинъ прокуроръ.

Монте-Кристо, держа мадамъ Данглъръ подъ руку, другую подалъ Вильфору и повелъ ихъ къ куртинѣ, посреди луга. Тамъ, подъ самымъ большимъ деревомъ, онъ остановился и, ударивъ ногой въ землю, сказалъ:

— Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ.... Чтобы оживить нѣсколько эти старыя деревья, я приказалъ вырыть старую землю и насыпать новой. И работники, вотъ здѣсь, открыли сундукъ или, лучше сказать, желѣзныя скобки и обручи отъ сундука и скелетъ новорожденного ребенка. Это ужъ не фантазія.

— Новорожденного ребенка! повторилъ Дебрѣ.

— Ну, вотъ! сказалъ Шато-Рендъ: не правду ли я говорилъ давеча, когда утверждалъ, что дома имѣютъ также каждый свою душу и свое лицо, какъ и люди, и что они на «физиономіи» своей носятъ отпечатокъ внутренности. Домъ этотъ былъ печаленъ и мраченъ, потому что у него были угрызенія совѣсти: онъ скрывалъ преступленіе.

— Но кто же говорить, что это преступленіе? сказалъ Вильфоръ, испытывая послѣднія средства.

— Какъ! вскричалъ Монте-Кристо: ребенокъ за-живо скороненный въ сѣду не преступленіе? Какъ же вы назовете этотъ поступокъ, господинъ прокуроръ?

— Кто же знаетъ, что онъ скороненъ за-живо?

— А зачѣмъ хоронить здѣсь мертваго? Развѣ здѣсь кладбище?

— А какъ во Франціи наказываютъ дѣтубійца? простодушно спросилъ майоръ Кавальканти.

— Просто рубятъ голову, отвѣчалъ Данглъръ.

— О! рубятъ голову! повторилъ Кавальканти.

— Кажется.... не правда ли, мосьё де-Вильфоръ? сказалъ Монте-Кристо.

— Да, точно такъ, графъ, отвѣчалъ Вильфоръ не своимъ голосомъ.

Монте-Кристо видѣлъ, что тѣ, для которыхъ онъ приготовилъ всю эту сцену, больше уже не вынесутъ.

— А о кофе мы и забыли! сказалъ онъ: господа, не угодно ли кофе?

И онъ повелъ гостей къ столу, на лугу, гдѣ былъ подакъ кофе.

— Право, графъ, сказала мадамъ Данглъръ: мнѣ стыдно признаться, но всѣ эти ужасныя исторіи совершенно разстроили меня. Дайте мнѣ сѣсть, пожалуйста.

Она упала на стулъ. Монте-Кристо поклонился ей и подошелъ къ мадамъ Вильфоръ.

— Кажется, баронессѣ опять нуженъ вашъ флаконъ, сказалъ онъ.

Но прежде нежели прокурорша успѣла подойти, Вильфоръ шепнулъ на-ухо баронессѣ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Когда?

— Завтра.

— Гдѣ?

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ канцелярію.

Тутъ подошла мадамъ Вильфоръ.

— Благодарю васъ, моя милая, сказала мадамъ Данглъръ, стараясь улыбнуться: теперь ничего, прошло. Я чувствую себя совершенно хорошо.

Ночь приближалась. Мадамъ Вильфоръ изъявила желаніе отправиться домой, чего мадамъ Данглъръ не смѣла сдѣлать, по-

смотря на явное свое разстройство. Все поднялись. Прокурорша предложила баронессѣ мѣсто въ своей каретѣ, чтобы, въ случаѣ новаго припадка, подать помощь. Банкиръ, занятый интереснымъ промышленнымъ вопросомъ, почти вовсе не принималъ, что вокругъ него происходило. Отъ маіора Кавальканти онъ былъ въ такомъ восхищеніи, что вызвался отвезти его въ своемъ экипажѣ въ Hôtel des Princes, для того, чтобы дорогою кончить прерванный разговоръ. Съ молодымъ Кавальканти онъ хотя мало говорилъ, однако жъ и тотъ, очевидно, понравился ему. Онъ убѣдительно приглашалъ обоихъ къ себѣ.

На другой день, Данглъръ, послѣ засѣданія въ палатѣ, заѣхалъ къ Монте-Кристо съ намѣреніемъ подробнѣе развѣдать о новыхъ своихъ знакомцахъ. Онъ завелъ рѣчь издалека, говорилъ о разныхъ предметахъ, о своихъ дѣлахъ, жаловался на несчастную годину, потому что въ одинъ день потерялъ два милліона, одинъ проигралъ на испанскихъ облигаціяхъ, другой потерялъ черезъ банкротство въ Триестѣ. Монте-Кристо слушалъ его со вниманіемъ и участіемъ, и замѣтилъ ему, что пять шесть такихъ дней могутъ совершенно уничтожить состояніе третьяго разряда. Банкиръ поблѣднѣлъ, однако жъ увѣрялъ, что можетъ выдержать даже шесть такихъ ударовъ и не разориться, если на то пойдетъ. Графъ пустился въ длинное финансовое разсужденіе о томъ, сколько у капиталиста, при извѣстномъ кредитѣ и при извѣстныхъ оборотахъ, можетъ быть дѣйствительнаго собственнаго капитала и сколько воображаемаго. Эту статью Данглъръ старался скорѣе обойти и своротилъ разговоръ на Кавальканти. На все вопросы его, Монте-Кристо отвѣчалъ, что вовсе не знаетъ ни маркиза ни его сына, что познакомился съ ними только по рекомендаціи своего пріятели и видѣлъ ихъ всего два раза, однако жъ слышалъ, что они обладаютъ колоссальнымъ богатствомъ. Данглъръ припомнилъ мелькомъ брошенное графомъ замѣчаніе о намѣреніи графа Андрея Кавальканти жениться въ Парижѣ и продолжалъ разпросы о молодомъ Италіянцѣ. Монте-Кристо подтвердилъ то, что говорилъ прежде и прибавилъ, что старикъ Кавальканти намѣренъ, кажется, отдѣлить сыну часть капиталовъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ пустилъ ихъ въ какой-нибудь оборотъ.

— Да ужъ вы не хотите ли сосватать молодого графа? вдругъ спросилъ Монте-Кристо, разсмѣявшись: вы что-то очень подробно и обстоятельно спрашиваете объ этомъ интересномъ семействѣ.

— Что жъ? отвѣчалъ Данглъръ: спекуляція эта, кажется, была бы не дурная, а я спекулянтъ, дѣло извѣстное.

— Но неужели вы захотите, чтобы виконтъ Альберъ задумалъ бѣднаго Андрея Кавальканти?

— Альберъ? возразилъ Данглъръ, пожимаая плечами: да! много онъ заботится объ этомъ!

— Но вѣдь онъ женихъ вашей дочери, кажется?

— То есть, Морсеръ и я, мы иногда говорили объ этомъ бракѣ, но мадамъ Морсеръ и Альберъ....

— Ужъ не хотите ли вы сказать, что партія эта не хороша?

— Что партія! Мадмоазель Данглъръ стѣбитъ мосьё Морсеръа.

— Конечно, приданое у нея будетъ хорошее, если только телеграфъ не надѣлаетъ новыхъ глупыхъ ошибокъ.

— О! я говорю не только о приданомъ.... Но, кстати, скажите, графъ, отчего вы не пригласили Морсеръа на вашъ обѣдъ?

— Я приглашалъ, но онъ отговорился поѣздкою въ Трепюръ съ матерью, которой докторъ предписали морской воздухъ.

— О! да, да! вскричалъ Данглъръ со смѣхомъ: морской воздухъ долженъ быть очень полезенъ ей.

— Отчего такъ?

— Оттого, что это тотъ воздухъ, которымъ она дышала въ молодости.

Монте-Кристо пропустилъ эти эпиграмму безъ вниманія, какъ будто не понималъ.

— Но, наконецъ, если Альберъ не такъ богатъ какъ мадмоазель Данглъръ, сказалъ онъ, зато вы должны согласиться, что онъ носитъ прекрасное имя.

— Да, но и мое имя не хуже.

— Конечно, ваше имя извѣстно и оно украсило титулъ, которымъ его думали украсить, однакожъ вы человекъ умный и очень хорошо понимаете, что по извѣстнымъ нескореннымъ предубѣжденіямъ пяти-вѣковая знатность породы всегда предпочитается двадцати-лѣтней.

— Именно поэтому-то я предпочитаю графа Кавальканти графу Морсеръу, отвѣчалъ Данглъръ съ улыбкою, которой старался придать замысловатость.

— Какъ такъ? Я полагаю, что Морсеръы не уступаютъ фамиліи Кавальканти.

— Морсеръы!... Послушайте, графъ, взгляните, пожалуйста на мой гербъ.

— Ну, что же?

— Вы, какъ знатокъ, увидите, что цвѣта его прочтѣе нежели у Морсерфа.

— Отчего такъ?

— Оттого что, если я не природный баронъ, такъ зато по-крайней-мѣрѣ дѣйствительно называюсь Данглъромъ, тогда какъ онъ вовсе не Морсерфъ.

— Какъ! онъ носитъ чужое имя?

— Именно.

— Полноте!

— Я вамъ говорю. Меня сдѣлали барономъ, и я дѣйствительно баронъ, тогда какъ онъ самъ себя сдѣлалъ графомъ, и онъ вовсе не графъ.

— Быть не можетъ!

— Выслушайте, любезный графъ, продолжалъ Данглъръ: я Морсерфа знаю болѣе тридцати лѣтъ. Я, вы знаете, не дорого цѣню свои гербы: я всегда помнилъ, откуда пришелъ.

— Это доказываетъ или великую скромность или великое тщеславіе, возразилъ Монте-Кристо.

— Какъ хотите. Когда я былъ простымъ приказчикомъ, Морсерфъ былъ простымъ рыбакомъ.

— Какъ же онъ тогда назывался?

— Фернандомъ.

— Только?

— Фернандъ Мондего.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Я перекупилъ у него столько рыбы, что не могу не помнить.

— Такъ зачѣмъ же вы выдаете дочь за его сына?

— Потому что Фернандъ и Данглъръ, будучи оба облагороженными выскочками, въ сущности одинъ другаго стоятъ, за неключеніемъ нѣкоторыхъ вещей, какія говорили объ немъ и какихъ никогда не говорили обо мнѣ.

— Чтò же это такое?

— Ничего, такъ.

— А! да, я понимаю! Теперь я вспомнилъ, по поводу имени Фернанда Мондего. Я слышалъ это имя въ Греціи.

— По дѣлу Али-Паша?

— Именно.

— Ну, вотъ и тайна. Признаюсь, я много бы далъ, чтобы узнать ее подробно.

— Чтò жъ? Это не трудно, если вамъ такъ хочется.

— Какъ же узнать?

— У васъ, вѣрно, есть корреспонденты въ Греціи?

— У меня вездѣ есть корреспонденты.

— Хорошо, такъ напишите вашему корреспонденту въ Янниѣ и спросите его какую роль игралъ Французъ Фернандъ Мондего въ исторіи Али-Тобелина.

— Правда! правда! вскричалъ Данглъръ, вскочивъ: сегодня же напишу.

— Напишите, и узнаете.

— Непремѣнно напишу.

— И если узнаете что-нибудь забавное....

— Сообщу, сообщу; не премѣнно сообщу.

Они разстались.

Въ то же самое время экзекуторъ канцеляріи королевскаго прокура, мимо толпы просителей провелъ совершенно закрытую воалемъ даму прямо въ кабинетъ, отворилъ дверь, впустилъ посетительницу и опять затворилъ. Эта дама была мадамъ Данглъръ.

Вильфортъ сидѣлъ за бумагами. Баронесса откинула воаль, но онъ не трогался съ мѣста: онъ прислушивался къ шагамъ уходящаго экзекутора. Потомъ онъ вскочилъ, заперъ дверь на задвижку, опустил сторы, осмотрѣлъ каждый уголъ кабинета и, убѣдившись въ совершенной безопасности, воротился на свое мѣсто.

— Благодарю за точность, баронесса, сказалъ онъ, предлагая ей кресло.

Мадамъ Данглъръ съѣла, но не говорила ни слова: сердце у нея билось такъ сильно, что она задыхалась.

— Давно, сказалъ Вильфортъ, садясь противъ нея: давно я не имѣлъ случая поговорить съ вами глазъ-на-глазъ и, къ сожалѣнію, намъ приходится теперь говорить о вещахъ тягостныхъ.

— Однако жъ, вы видите, что я явилась по первому вашему зову, хотя этотъ разговоръ гораздо тягостнѣе для меня, нежели для васъ.

Вильфортъ горько улыбнулся.

— Видно, правда, сказалъ онъ, отвѣчая болѣе на собственную свою мысль нежели на слова баронессы: видно, правда, что всѣ наши поступки оставляютъ слѣдъ въ прошедшемъ, одни черныи, другіе свѣтлыи! Видно, правда, что всѣ наши шаги въ жизни подобны ходу пресмыкающагося, которое оставляетъ извѣстную тропинку на песокъ! Да! И многіе пробиваютъ этотъ слѣдъ слезами.

— Мосьё Вильфоръ, возразила баронесса: вы понимаете мое волненіе, неправда ли? Пощадите меня. Въ этой комнатѣ, на этомъ креслѣ, можетъ-быть, сидѣло такъ много трепещущихъ и пристыженныхъ преступниковъ.... и я сижу.... О! пощадите! Мнѣ нужно много твердости. Не дайте мнѣ вообразить, что я стою передъ грознымъ судьей.

Вильфоръ склонилъ голову и глубоко вздохнулъ.

— А я! сказалъ онъ: я прямо говорю себѣ, что мое мѣсто не на сѣдалищѣ судьи, а на скамьѣ подсудимаго!

— Ваше? спросила мадамъ Данглъръ съ изумленіемъ.

— Да, мое.

— Кажется, вы преувеличиваете! сказала мадамъ Данглъръ, и въ прекрасныхъ глазахъ ея мелькнулъ минутный свѣтъ: слѣды, о которыхъ вы сейчасъ говорили, болѣе или менѣе, но остаются всѣми, кто былъ молодъ. За страстями и удовольствіями всегда слѣдуетъ угрызенія. За тѣмъ-то Евангеліе, эта вѣчная ошора несчастныхъ, и представляетъ намъ, бѣднымъ женщинамъ, дивныя притчи о грѣшницахъ. Вспоминая иногда мою молодость, я не теряю надежды, что Богъ проститъ меня, потому что я страдала и до-сихъ-поръ проливаю слезы раскаянія. А вы? Какія у васъ могутъ быть угрызенія?

— Вы знаете меня, Эрминія, возразилъ Вильфоръ: вы знаете, что я не лицемеръ; по-крайней-мѣрѣ я не лицемерию безъ нужды. Если лобъ мой мраченъ, такъ оттого, что его помрачили несчастія; если сердце мое окаменѣло, такъ оттого, что оно сбито ударами. Я былъ не таковъ въ молодости; я былъ не таковъ въ тотъ день, когда вы сидѣли со мной за однимъ столомъ на вечеръ сговорѣ въ Марселѣ. Но съ-тѣхъ-поръ все перевишилось и во мнѣ и вокругъ меня. Я живъ, слѣдовательно, страдалъ и заставлялъ страдать другихъ; меня тѣснили и преслѣдовали и я преслѣдовалъ и тѣснилъ другихъ. Если человекъ пламенно желаетъ чего-нибудь, то рѣдко случается, чтобы это желанное не было такъ же горячо защищено и отбиваемо другими. Поэтому большая часть дурныхъ воступковъ сами навязываются человеку подъ благовидною личною необходимостію. Потомъ, совершивъ дурное дѣло въ минуту увлеченія, страху или ослѣпленія, увидишь, что могъ бы миновать его, но уже поздно. Хорошее средство, котораго прежде не видалъ, представляется очень простымъ и легкимъ, когда уже пройдетъ время. Тогда спрашиваешь себя, зачѣмъ я не поступилъ такъ, вмѣсто-того, чтобы поступить такъ. Вы, женщины, напротивъ.... васъ рѣдко могутъ тер-

зять угрызения совести, потому что решение редко зависит отъ васъ: ваши несчастія почти всегда нанесены вамъ; ваши проступки почти всегда бываютъ слѣдствіемъ преступленій мужчины.

— Да! сказала мадамъ Данглъръ: и согласитесь, что если я виновата, если мой проступокъ — принадлежитъ мнѣ одной, то я вчера получила очень строгое наказаніе.

— Бѣдняжка! отвѣчалъ Вильфоръ, взявъ ее за руки: строгое, слишкомъ строгое для вашихъ силъ, и между-тѣмъ....

— Между-тѣмъ?....

— Я долженъ вамъ сказать.... Соберите все ваше мужество, Эрминія, потому что вы еще не дошли до конца.

— Боже мой! вскричала Эрминія съ ужасомъ: что же еще?

— Вы видите только прошедшее, и оно, конечно, мрачно. Но представьте себѣ будущность, еще болѣе мрачную, будущность.... на-вѣрное, ужасную.... можетъ-быть, кровавую!....

Баронессѣ извѣстно было обыкновенное хладнокровіе Вильфора. Его тревожное состояніе такъ ужаснуло ее, что она хотѣла вскрикнуть, но голосъ замеръ у нея въ горлѣ.

— Какимъ образомъ воскресло это страшное прошедшее? продолжалъ Вильфоръ: какимъ образомъ оно поднялось со дна могилы, изъ глубины нашихъ сердецъ, гдѣ было схоронено, и явилось, какъ привидѣніе, чтобы заставить насъ краснѣть и блѣднѣть отъ стыда и отъ ужасу?

— Конечно.... случай! сказала Эрминія, тяжело вздохнувъ.

— Случай? Нѣтъ! нѣтъ, случай не существуетъ!

— Какъ же нѣтъ? Развѣ это не случай.... роковой, конечно, но случай.... Развѣ это не случай, что Монте-Кристо купилъ этотъ домъ? развѣ это не случай, что онъ перерылъ землю и нашелъ этого несчастнаго ребенка, бѣдное, невинное существо, которому я не могла дать даже материнскаго поцѣлуя, но которому я отдала много, много слезъ?

— Въ этомъ-то и заключается весь ужасъ того, что мнѣ нужно сказать вамъ, отвѣчалъ Вильфоръ глухимъ голосомъ: нѣтъ, Монте-Кристо не отрывалъ, не находилъ этого ребенка! Нѣтъ, надобно не плакать, надобно трепетать!

— Что вы говорите? вскричала Эрминія, вздрогнувъ и поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Я говорю, что Монте-Кристо не могъ найти ни сундука ни дѣтскаго скелета подъ тѣми деревьями, потому что тамъ не было ни того ни другаго.

— Не было ни того ни другаго! вскричала баронесса съ ужасомъ, неподвижно уставивъ глаза на прокурора: не было ни того ни другаго! повторила она, стараясь звукомъ своихъ словъ удержать память и мысли, которыя готовы были покинуть ее.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вильфоръ, опустивъ голову на руки: нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!....

— Но развѣ вы не тамъ похоронили моего бѣднаго ребенка? Зачѣмъ же было обманывать меня? говорите!

— Я тамъ похоронилъ. Но выслушайте, выслушайте меня, и вы пожалѣете обо мнѣ. Я двадцать лѣтъ одинъ носилъ всю тяжесть этой тайны. Теперь и вы должны взять свою долю.

— Боже мой!.... вы ужасаете меня.... Но говорите, говорите!

— Вы помните эту ужасную ночь, когда вы едва не умерли въ той красной комнатѣ. Вы помните, какъ я уложилъ въ сундукъ младенца, котораго мы считали мертвымъ....

Мадамъ Дангларъ сдѣлала быстрое движеніе, какъ-будто хотѣла вскочить, но Вильфоръ удержалъ ее за руки.

— Мы считали его мертвымъ, повторилъ онъ: я схоронилъ его. Вы знаете, что потомъ случилось. Мстительный Корсиканецъ поразилъ меня кинжаломъ въ грудь, лишь-только я кончилъ свое дѣло. Я упалъ за-мертво. Потомъ, пришедши въ себя, я съ немощными усиліями дождавшись до вашего порогу. Ваши люди отнесли меня домой и сверхъ нашего ожиданія, сохранили тайну. Рану мою въ Парижѣ сочли слѣдствіемъ дуэли. Я прохворалъ нѣсколько мѣсяцевъ, ѣздилъ на воды. Полагая на-вѣрное, что Корсиканецъ видѣлъ мое дѣло въ саду, узналъ что я схоронилъ и можетъ воспользоваться этимъ, если не противъ меня, такъ противъ васъ, я успѣшилъ уничтожить всякій слѣдъ, отправивъ-ся однажды ночью на роковое мѣсто, перерылъ всю землю кругомъ въ десять разъ больше нежели нужно, и ничего не нашелъ! Поденщикъ въ цѣлый день не перероетъ столько земли, сколько я перерылъ въ одинъ часъ. Я едва не сошелъ съ ума. Корсиканецъ, очевидно, открылъ сундукъ въ надеждѣ найти деньги. Потомъ я обыскалъ весь садъ, полагая, что разбойникъ, не найдши ожидавшаго, бросилъ сундукъ куда-нибудь въ уголь. Но нигдѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда. Онъ унесъ его. Но к чему? зачѣмъ? вотъ чего я не могъ понять.

— Но вы сами сказали, что онъ могъ воспользоваться этимъ, какъ доказательствомъ.

— Доказательствомъ? Но вспомните, что тогда дѣлу уже минулъ годъ! Кто станетъ такъ долго беречь трупъ и кто выроетъ

его, ддятого чтобы унести и представить въ судъ. Показанія не такъ дѣлаются. Нѣтъ, нѣтъ! тутъ что-нибудь по-бѣдственнѣе, по-ужаснѣе для насъ. Ребенокъ, можетъ-быть, былъ живъ и убійца спасъ его.

Мадамъ Дангляръ страшно вскрикнула, вскочила и въ свою очередь схватила Вильфора за руки.

— Мой ребенокъ былъ живъ! вскричала она: и вы за-живо похоронили его? О!....

Она была грозна и ужасна въ эту минуту.

— Почему я знаю? Я говорю вамъ это, какъ всякое другое предположеніе, отвѣчалъ Вильфоръ съ неподвижностью взгляда, которая показывала, что этотъ твердый и хладнокровный человекъ уже стоялъ на предѣлахъ отчаянія и сѣумасшествія.

— О! мое дитя! мое бѣдное дитя! вскричала баронесса, унавъ назадъ въ кресло и платкомъ заглушая рыданія.

Вильфоръ пришелъ въ себя и понялъ, что для отвращенія материнской грозы, которая собиралась надъ его головой, нужно передать баронессѣ страхъ, тревожившій его самого.

— Вы понимаете, сказалъ онъ, что, если это такъ, то мы погибли. Этотъ ребенокъ живъ и есть человекъ, который знаетъ объ немъ, знаетъ нашу тайну. Монте-Кристо говоритъ при насъ, будто нашли островъ ребенка: слѣдовательно, онъ знаетъ нашу тайну.

— Боже! Боже правосудный! Боже мститель! шептала мадамъ Дангляръ.

Вильфоръ отвѣчалъ глухимъ стономъ.

— Но вы не искали этого ребенка? вы не искали? снова спросила баронесса.

— О! я искалъ!.... Нѣсколько лѣтъ искалъ. Я употреблялъ всѣ зависящія отъ меня средства, судебныя и полицейскія. Я сдѣлалъ больше нежели вы можете вообразить, и все напрасно! Ни какого слѣда.

— Ни какого слѣда! повторила мадамъ Дангляръ.

Наступило продолжительное молчаніе. Мадамъ Дангляръ рыдала.

— Теперь я снова примусь искать, продолжалъ Вильфоръ, когда баронесса утихла: и теперь я найду слѣдъ. Я узнаю по-крайней-мѣрѣ откуда взялъ эту тайну Монте-Кристо.

— Но откуда бы онъ ни узналъ ее, неужели онъ захочетъ вредить намъ? Чтѣ ему за польза?

— О! злоба человѣческая глубока! возразилъ Вильфоръ: видѣли вы глаза этого человека, когда онъ говорилъ съ нами?

— Нѣтъ.

— И вы никогда прежде не всматривались въ него?

— У него, конечно, есть странности, но что жъ изъ этого? Одно только поразило меня вчера. Впродолженіи роскошнаго обѣда, которымъ онъ угощалъ насъ, онъ самъ ничего не тронулъ, ни куска въ ротъ не взялъ.

— Да, да! я примѣтилъ это. И если бы я тогда зналъ, что узналъ послѣ, я тоже не взялъ бы куска въ ротъ. Я подумалъ бы, что онъ хочетъ отравить насъ.

— И вы видите, что вы ошиблись бы.

— Да, конечно; но, повѣрьте мнѣ, у этого человѣка есть какіе-нибудь замыслы. Вотъ почему я хотѣлъ видѣть васъ, говорить съ вами. Я хотѣлъ предупредить васъ, чтобы вы были осторожны со всѣми и въ-особенности съ нимъ. Скажите мнѣ, прибавилъ Вильфоръ, пристально глядя баронессѣ въ глаза: говорили вы кому-нибудь о бывшей нашей связи?

— Никогда, никому.

— Вы понимаете меня, продолжалъ онъ: никому въ мірѣ?

— Понимаю, понимаю, отвѣчала баронесса, краснѣя: никому, клянусь вамъ.

— Вы не имѣете привычки вечеромъ записывать того, что происходитъ днемъ? Вы не ведете журнала?

— Нѣтъ.

— Вы не говорите во снѣ?

— Нѣтъ, никогда.

— Ну, хорошо. Теперь я знаю, что мнѣ остается дѣлать. Я узнаю, кто этотъ Монте-Кристо, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ. Я узнаю, откуда онъ взялъ нашу тайну.

Эти слова Вильфоръ произнесъ съ такимъ выраженіемъ, что баронесса невольно затрепетала. Потомъ онъ пожалъ ей руку и почтительно проводилъ до двери.

Около того же времени, когда эта сцена происходила въ кабинетѣ королевскаго прокурора, къ графу Монте-Кристо, тотчасъ послѣ Данглара, пріѣхалъ Виконтъ Альберъ де-Морсеръ, только что воротившійся съ матерью изъ Трепѳра.

— Ну, расскажите же мнѣ, любезный графъ, какъ у васъ было за обѣдомъ? кто былъ? о чемъ говорили? Все это чрезвычайно интересно для меня.

— Были Дангларты, вы знаете.

— Знаю, я вѣдь изъ-за нихъ и уѣхалъ съ маменькой дышать морскимъ воздухомъ.

— Былъ Андрей Кавальканти.

— А! вашъ итальянскій принцъ?

— Не станемте преувеличивать. Синьоръ Андреа даетъ себѣ только титулъ графа.

— Даетъ себѣ, говорите вы?

— Даетъ себѣ, говорю я.

— Стало-быть онъ не дѣйствительно имѣетъ его?

— Почему я знаю! Онъ себѣ даетъ, я ему даю, вы ему даете.... Развѣ это не значить дѣйствительно имѣть?

— Странный вы человѣкъ!.... Ну, дажѣ.

— Что жъ далѣе?

— Такъ Дангларъ обѣдалъ у васъ?

— Обѣдалъ.

— Съ графомъ Андреа Кавальканти?

— Съ графомъ Андреа Кавальканти и съ его отцомъ, маркизомъ Кавальканти, и мадамъ Дангларъ и съ мосьё и мадамъ де-Вильфоръ, и съ Дебрё, и съ Морелемъ, и.... еще съ кѣмъ.... да! съ Шато-Ренё.

— Говорили обо мнѣ?

— Ни слова.

— Тѣмъ хуже.

— Отчего такъ? Мнѣ кажется, если о васъ забыли, такъ тѣмъ самымъ исполнили ваше желаніе.

— Я говорю тѣмъ хуже, оттого что, если обо мнѣ ничего не говорили, значить тѣмъ больше думали.

— Почему же такъ? мадамозель Дангларъ вовсе не была у меня. Правда, она могла думать о васъ у себя дома.

— О! на этотъ счетъ я спокоенъ! Если она думала обо мнѣ, такъ, вѣроятно, точно такъ же какъ и я объ ней.

— Какая трогательная симпатія! Такъ вы ненавидите другъ друга?

— Нѣтъ, я не ненавижу ее. Но я не желалъ бы жениться на ней. Когда я подумаю о женитьбѣ, то всегда мечтаю о вещи невозможной.

— О какой же?

— О томъ, что и я, можетъ-быть, найду себѣ такую же жену, какъ отецъ мой нашелъ себѣ.

У Монте-Кристо задрожали вѣки.

— Такъ вашъ отецъ очень счастливъ? спросилъ онъ.

— Вы знаете мое мнѣніе о матушкѣ, графъ, отвѣчалъ Альберъ: это ангелъ. Посмотрите только какъ она прекрасна, какъ

она умна. Съ каждымъ днемъ она кажется лучше вчерашняго. Я сейчасъ прѣхалъ изъ Трепѳра. Для всякаго другаго сына провозитъ мать значить оказывать услугу, исполнять обязанность. А я провелъ съ нему четыре дня съ такимъ удовольствіемъ, съ такимъ наслажденіемъ и такъ поэтически, какъ-будто бы возилъ въ Трепѳръ волшебницу Мабъ, или царицу Титанію.

— Это отчаянное совершенство, и вы у всѣхъ, кто васъ слушаетъ, не шутя отбиваете охоту жениться на обыкновенныхъ женщинахъ.

— Вотъ отчего я запрыгаю отъ радости въ тотъ день, когда мадамъзель Евгенія Данглъръ примѣтитъ, что я ей не пара, потому что у меня едва найдется столько сотенъ тысячъ, сколько у нея милліоновъ. Я думалъ-было женить на ней Франца и пустился на романтическую продѣлку, посылая ему самыя поэтическія описанія, для того чтобы онъ влюбился въ прекрасную Евгенію заочно. Но Францъ остался непобѣдимъ. Онъ не хочетъ нарушить слова, даннаго Вильфору.

— Вотъ, именно дружеская преданность! замѣтилъ Монте-Кристо: уступать другу невѣсту, которой самъ себя не желаешь!

— Кстати, возразилъ Альберъ, улыбувшись: Францъ скоро прѣдетъ.... Но вы, кажется, не любите его?

— Я? Что вы, любезный виконтъ! Съ чего вы взяли, что я не люблю барона д'Эппинѣ? Я люблю всѣхъ.

— И я тоже въ числѣ всѣхъ?... Покорно благодарю.

— Все различіе только въ степеняхъ, одного немножко поменьше, другаго немножко побольше. Но возвратимся къ барону д'Эппинѣ. Вы говорите, что онъ скоро прѣдетъ?

— Да, по приглашенію Вильфора, который, кажется, помѣшался на идеѣ женить его на Валентинѣ, точно такъ же какъ Данглъръ помѣшался на желаніи сочетать меня законнымъ бракомъ съ Евгеніей. Видно, что состояніе отцовъ, имѣющихъ взрослыхъ дочерей, одно изъ самыхъ тягостныхъ состояній, похожее на лихорадку: пульсъ у нихъ бьется девяносто разъ въ минуту, покуда они не избавятся отъ своего бремени.

— Но баронъ д'Эппинѣ не похожъ на васъ: онъ, кажется, сноситъ свою участь терпѣливо.

— Лучше этого. Онъ смотритъ на это дѣло серьезно, ходитъ въ бѣлыхъ галстукахъ и уже говоритъ о своемъ семействѣ. Притомъ онъ очень уважаетъ Вильфора.

— И не даромъ, конечно?

— Я думаю. Вильфортъ всегда слылъ человѣкомъ строгимъ, но справедливымъ.

— И вы, я вижу, цѣните его не такъ какъ бѣднаго Данглара.

— Это, можетъ-быть, оттого что я не принужденъ жениться на его дочери, отвѣчалъ Альбертъ со смѣхомъ.

— Послушайте, любезный виконтъ, возразилъ Монте-Кристо: ваше чванство рѣшительно выходитъ изъ границъ.

— Мое чванство?

— Да, ваше. Чтò жъ вы не курите? Возьмите сигару.

— Очень охотно. Но въ чемъ же вы находите мое чванство?

— Въ томъ, что вы такъ отчаянно отбиваетесь отъ женитьбы на дочери Данглара. Помилуйте! предоставьте дѣло времени. Пусть оно себѣ идетъ само, и, можетъ-быть, случится, что не вы первые возьмете назадъ свое слово.

— О! сказалъ Альбертъ, выпучивъ глаза.

— Безъ-сомнѣнія! Насильно вамъ не надѣнуть петлю на шею, будьте увѣрены. Скажите не шутя: вы въ самомъ дѣлѣ желаете, чтобы эта свадьба разошлась?

— Я сто тысячъ далъ бы за это.

— Ну, такъ поздравляю васъ. Дангларъ готовъ дать вдвое, чтобы достигнуть той же цѣли.

— Неужели это счастье не сонъ? вскричалъ Альбертъ, однако жъ не могъ предупредить, чтобы по лицу не пробѣжала тѣнь: неужели это правда? Но чтò жъ за причина?... Неужели Дангларъ имѣетъ причины?...

— А-га! вскричалъ Монте-Кристо: вотъ она, тщеславная и эгоистическая натура человѣческая! Вотъ онъ, человѣкъ, который топоромъ рубитъ самолюбіе другаго, и вскрикиваетъ, когда его собственное самолюбіе уколятъ булавкой.

— Нѣтъ! но мнѣ кажется, что Дангларъ....

— Долженъ быть въ восторгѣ отъ васъ, не правда ли? Ну, Дангларъ человѣкъ безвкусный, это извѣстно, и онъ еще болѣе восхищается другимъ.

— Кѣмъ же?

— Не знаю. Смотрите сами, примѣчайте, схватывайте намеки на-лету и пользуйтесь ими.

— Хорошо; я понимаю. Но послушайте, графъ, маменька.... нѣтъ, виновать, отецъ мой вздумалъ дать балъ.

— Балъ? въ это время года?

— Лѣтніе балы въ модѣ.

— Если бы и не были, графиня стоить захотѣть и лѣтніе балы войдутъ въ моду.

— Не дурно. Такъ у насъ будетъ балъ. Не потрудитесь ли пригласить синьоровъ Кавальканти?

— Когда будетъ вашъ балъ?

— Въ субботу.

— Старикъ Кавальканти въ пятницу уѣзжаетъ.

— Ну, такъ молодой Кавальканти останется. Привезите его къ намъ.

— Послушайте, виконтъ, вѣдь я не знаю его.

— Вы не знаете его?

— Нѣтъ. Я видѣлъ его въ первый разъ три или четыре дня назадъ и не отвѣчаю за него.

— Но вы принимаете его?

— Я, это дѣло другое. Мнѣ рекомендовалъ его одинъ почтенный аббатъ, который самъ могъ поддаться обману. Пригласите его сами и прекрасно. Но не требуйте, чтобы я представилъ его вамъ. Если онъ потомъ женится на мадмоазель Дангляръ, вы обвините меня въ проделкахъ и пожалуй еще вздумаете драться со мной. Впрочемъ, я еще не знаю, буду ли самъ.

— Гдѣ?

— На вашемъ балу.

— Отчего же вамъ не быть?

— Во-первыхъ, оттого что вы еще не пригласили меня.

— Какъ не пригласилъ? Да я нарочно затѣмъ пріѣхалъ!

— О! вы очень любезны; но можетъ встрѣтиться препятствіе.

— Когда я вамъ скажу одну вещь, вы будете такъ милы, что пожертвуете всѣми препятствіями.

— Говорите.

— Маменька проситъ васъ.

— Графиня де-Морсеръ? спросилъ Монте-Кристо, и вѣки у него опять дрогнули.

— Послушайте, графъ, продолжалъ Альберъ: я долженъ вамъ сказать, что маменька говоритъ со мною откровенно и если вы не чувствовали ни какого электрическаго потрясенія въ симпатическихъ нервахъ, то это значитъ, что у васъ такихъ нервовъ вовсе не имѣется, потому что мы въ эти четыре дня ни о чемъ больше не говорили кромѣ васъ.

— Вы говорили обо мнѣ? О! это, просто, учтивость!

— Ни сколько. Мы действительно большею частью говорили о васъ, и это не удивительно, потому что вы живая задача.

— О! неужели я также задача и для вашей матушки. Я считалъ ее слишкомъ разсудительною, для того, чтобы давать полетъ своему воображенію.

— Вы проблема, вы задача для всѣхъ, любезный графъ, задача принятая, но неразрѣшенная. Вы всегда останетесь въ состояніи загадки; на этотъ счетъ вы можете быть спокойны. Маменька, не знаю почему, все удивляется, что вы такъ молоды. Графиня Г***, которую вы знали въ Римѣ и которая недавно пріѣхала въ Парижъ, называетъ васъ лордомъ Рутвенемъ, а маменька принимаетъ васъ за Кальдстро или за графа Сень-Жермена. Когда вы будете у насъ, поддержите ее въ этомъ мнѣніи. Это вамъ не трудно будетъ: вы обладаете философскимъ камнемъ одного и умомъ другаго.

— Благодарю васъ, что предупредили; отвѣчалъ графъ улыбаясь: я постараюсь быть достойнымъ этихъ предположеній.

— Такъ вы пріѣдете въ субботу?

— Если графиня де-Морсеръ проситъ....

— Вы любезнѣйшій человѣкъ.

— А Дангларъ?

— Дангларъ уже получилъ тройное приглашеніе. Мы стараемся также залучить великаго судью, Вильфора, но отчаиваемся.

— Не должно отчаиваться ни въ чемъ, говоритъ пословица.

— Вы танцуете, графъ?

— Я?

— Да, вы. Развѣ это было бы удивительно, если бъ вы танцовали?

— Нѣтъ. Но я не танцую.

— Маменька тоже никогда не танцуетъ. Такъ вы будете разговаривать. Ей такъ хочется потолковать съ вами!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Честное слово. И я объявляю вамъ, что вы первый человѣкъ, на котораго мать моя обращаетъ такое вниманіе.

Альберъ взялъ шляпу и всталъ. Графъ проводилъ его до дверей.

— Меня совѣсть немощно мучитъ, сказалъ Морсеръ, остановившись на порогѣ.

— Зачтò?

— Я былъ нескроменъ. Мнѣ не слѣдовало говорить вамъ о Дангларѣ:

— Напротивъ, говорите мнѣ еще, говорите всегда, но въ томъ же духѣ.

— Вы успокаиваете меня.

— Кстати, когда пріѣдетъ баронъ д'Эпине? спросилъ Монте-Кристо.

— На будущей недѣлѣ, я думаю.

— А когда онъ женится?

— Тотчасъ, когда пріѣдутъ маркизь и маркиза де-Сенъ-Меранъ.

— Привезите его ко мнѣ, когда онъ будетъ въ Парижѣ. Хотя вы и полагаете, что я не люблю его, однако жъ я очень желаю видѣть его. Вы мнѣ доставите большое удовольствіе.

— Хорошо. Ваше приказаніе будетъ исполнено.

— До свиданія.

— Въ субботу непременно, неправда ли?

— Непременно: слово дано.

Альберъ уѣхалъ.

Черезъ минуту потомъ къ графу явился Бертуччо.

— Ну, что? спросилъ графъ.

— Она была въ судебной палатѣ.

— Долго пробыла?

— Полтора часа.

— Потомъ?

— Потомъ поѣхала домой, до половины дороги въ наемной каретѣ, а тамъ въ своей.

— Хорошо. Теперь, сеньоръ Бертуччо, я дамъ тебѣ совѣтъ. Поѣзжай въ Нормандію, на ту мызу, о которой я тебѣ говорилъ.

Бертуччо поклонился, и, какъ желанія его совершенно согласовались съ этимъ совѣтомъ, то онъ отправился въ тотъ же вечеръ.

Де-Вильфоръ сдержалъ слово баронессѣ Дангларъ и себя. Онъ старался развѣдать, какимъ образомъ графъ Монте-Кристо могъ узнать исторію отѣльского дому. Онъ въ тотъ же день написалъ къ де-Бовиллю, бывшему инспектору темницъ, который, будучи повышенъ, занималъ значительное мѣсто въ тайной полиціи. Де-Бовиль черезъ два дня, въ запискѣ, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія :

«Человѣкъ, который называется графомъ Монте-Кристо, крѣпко знакомъ лорду Вильмору, богатому Англичанину, который иногда бываетъ въ Парижѣ и въ настоящее время также проживаетъ въ столицѣ. Его знаетъ также итальянскій аббатъ, Бусони, который на Востокъ очень прославился многими благодѣяніями.

«Лордъ Вильморъ живетъ въ улицѣ Фонтенъ-Сенъ-Жоржъ. Это одинъ изъ англійскихъ туристовъ, которые проживаютъ свои кнѣнія въ путешествіяхъ. Онъ нанимаетъ квартиру съ мебелью; проводитъ въ ней часа два въ день, а ночуетъ очень рѣдко. Одна изъ главныхъ его странностей состоитъ въ томъ, что онъ никогда не хочетъ говорить по-французски, хотя пишетъ очень правильно.

«Аббатъ Буссони живетъ позади больницы Saint-Sulpice, въ маленькомъ двухъ-этажномъ домѣ, совершенно одинъ, со своимъ слугою, который исполняетъ всѣ должности, слѣдовательно, и должность привратника. Дома аббатъ проводитъ все время посреди груды книгъ и рукописей въ своей библіотекѣ, которая составляетъ главный покой во всемъ домѣ. По простотѣ и малочисленности старой мебели видно, что онъ очень мало заботится объ удобствахъ жизни. Дома онъ никогда не обѣдаетъ. На стукъ въ дверь съ улицы, отворяется сперва небольшая форточка, черезъ которую выглядываетъ слуга, и если лицо посѣтителя ему не понравится, или если оно незнакомо, онъ отвѣчаетъ, что аббата нѣтъ дома, или вовсе нѣтъ въ Парижѣ, чѣмъ многіе и довольствуются, потому что аббатъ дѣйствительно очень часто путешествуетъ и бываетъ въ отлучкѣ довольно долго. Но гдѣ бы онъ ни находился, въ Парижѣ или въ Каирѣ, привратникъ черезъ форточку всегда раздаетъ бѣднымъ щедрую милостыню.»

На другой день, послѣ-того какъ королевскій прокуроръ получилъ эти драгоценныя свѣдѣнія, какой-то человекъ вышедъ изъ извозничьяго «іакра, на углу улицы Феру, подошелъ къ небольшому дому съ темно-зеленою дверью и, постучавшись, спросилъ аббата Буссони.

— Аббатъ съутра ушелъ со двора, отвѣчалъ привратникъ черезъ форточку.

— Этого отвѣту мнѣ мало, возразилъ посѣтитель: я посланъ отъ особы, для которой люди всегда бываютъ дома. Отдай господину аббату вотъ эту карточку и этотъ пакетъ.

— Но я уже сказалъ вамъ, что его дома нѣтъ, повторилъ слуга.

— Такъ отдай, когда вернется. Будетъ ли онъ дома нынче вечеромъ, часовъ въ восемь?

— Въ восемь часовъ будетъ непремѣнно.... если только не будетъ завять: когда онъ работаетъ, то это всё-равно, что его дома нѣтъ.

— Я приѣду въ восемь часовъ.

— Хорошо, я скажу.

Посѣтитель удалился. Въ назначенный часъ онъ опять прѣхалъ въ томъ же самомъ экипажѣ, но на этотъ разъ остановился уже не на углу улицы, а у самаго дому. Онъ постучался. Темно-зеленая дверь отворилась. По вѣзливости слуги посѣтитель прикрикнулъ, что письмо произвело желанное дѣйствіе.

— У себя господинъ аббатъ? спросилъ онъ.

— У себя, занимается, однако ожидаетъ васъ, отвѣчалъ слуга и проводилъ незнакомца.

Посерединѣ библіотеки стоялъ столъ, котораго поверхность, заваленная книгами, была облита яркимъ свѣтомъ лампы съ широкимъ бумажнымъ колпакомъ, тогда какъ вся комната оставалась въ полумракѣ. За столомъ сидѣлъ человекъ въ костюмѣ аббата и въ капюшонѣ, подъ которымъ прятался ученый голова среднихъ вѣковъ. Онъ всталъ.

— Я имѣю честь говорить съ господиномъ аббатомъ Буссономъ? спросилъ посѣтитель.

— Да, сударь, отвѣчалъ аббатъ: а вы тотъ господинъ, котораго де-Бовиль посылаетъ ко мнѣ по требованію префекта полиціи?

— Точно такъ, сударь.

— Полицейскій чиновникъ?

— Да, отвѣчалъ посѣтитель съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Аббатъ поправилъ большіе очки, которые закрывали ему не только глаза, но и виски, и снова усѣвшись на свое мѣсто, указалъ посѣтителю единственный порожній стулъ, на противоположномъ концѣ стола.

— Чтò вамъ угодно? сказалъ аббатъ съ самымъ рѣзкимъ итальянскимъ произношеніемъ.

— Возложенное на меня порученіе, отвѣчалъ посѣтитель, ударя на каждомъ словѣ, какъ-будто съ трудомъ выговаривалъ: есть такое порученіе, для котораго нужно было большое довѣріе, какъ къ исполнителю, такъ и къ тому, у кого его надлежитъ исполнить.

Аббатъ поклонился.

— Да, продолжалъ посѣтитель: ваме прамодушіе, господинъ аббатъ, такъ извѣстно префекту полиціи, что онъ, по своей обязанности хранителя общественной безопасности, желаетъ узнать отъ васъ нѣчто такое, чтò очень близко касается этой безопасности. Мы надѣемся, господинъ аббатъ, что ни слава дружбы и ни какія

человѣческія отношенія не помѣшаютъ вамъ открыть правосудію все, что вы знаете.

— Лишь бы дѣло, о которомъ вы говорите, не касалось моей совѣсти, отвѣчалъ аббатъ: вы знаете, что я, по званію моему, могу знать вещи, которыя должны оставаться между мною и Богомъ, во имя Котораго я слушаю несовѣдь. Такихъ тайнъ я не въправѣ открывать человѣческому правосудію.

— О! будьте спокойны, господинъ аббатъ, возразилъ посѣтитель: мы во всякомъ случаѣ пощадимъ вашу совѣсть.

Тутъ аббатъ прижалъ бумажный колпакъ лампы на своей столѣ, такъ, что онъ приподнялся на противоположной, и яркій свѣтъ ударился прямо въ лицо гостя.

— Извините, господинъ аббатъ, сказалъ тотъ, встревожившись: свѣтъ ужасно рѣжетъ мнѣ глаза.

Аббатъ оправилъ бумажный колпакъ.

— Продолжайте, сказалъ онъ.

— Такъ я приступлю прямо къ дѣлу. Вы знаете графа Монте-Кристо?

— То есть, сеньора Дзакконе, вы разумѣете?

— Дзакконе!... Такъ развѣ его зовутъ не графомъ Монте-Кристо?

— Монте Кристо — титулъ по владѣнію, а не фамильное прозваніе.

— Ну, хорошо; не ставемъ разсуждать о словахъ. Если Монте-Кристо и сеньоръ Дзакконе одно лицо....

— Совершенно одно.

— Такъ будемъ говорить о сеньорѣ Дзакконе.

— Извольте.

— Вы знаете его?

— Очень коротко.

— Кто онъ?

— Онъ сынъ богатаго мальтійскаго кораблехозяина.

— Да, это намъ извѣстно: это такъ говорятъ. Но вы понимаете, что полиція не можетъ удовольствоваться только тѣмъ, что говорятъ.

— Однако жъ, возразилъ аббатъ съ простодушною улыбкой: когда то, что *говоримъ*, правда, то все, кажется, должны этимъ удовольствоваться, и полиція такъ же какъ и все.

— А вы увѣрены въ томъ, что говорите?

— Какъ! увѣренъ ли я?

— Замѣйте, господинъ аббатъ, что я ни сколько не сомнѣ-

ваюсь въ вашей правдивости. Я только спрашиваю, [увѣрены ли вы?

— Я зналъ отца Дзакконе.

— А!

— Да, и будучи мальчикомъ, я не-разъ игралъ съ молодымъ Дзакконе на корабельной верфи его отца.

— Но откуда же этотъ графскій титулъ?

— Вы знаете, что титулы покупаются.

— Въ Италіи?

— И во многихъ другихъ странахъ.

— И богатства его, говорятъ, огромны?...

— Чтò до этого касается.... именно огромны. Это настоящее слово.

— Сколько, вы полагаете, онъ имѣеть?

— Да я думаю, около полутора ста или двухъ-сотъ тысячъ годову есть.

— А! вотъ это резонно! Но говорили о трехъ или четырехъ милліонахъ.

— Двѣсти-тысячъ годову доказываютъ ровно четыре милліона капитала.

— Но говорили о трехъ или четырехъ милліонахъ годову.

— О! это невѣроятно.

— Конечно, невѣроятно. А вы знаете островъ Монте-Кристо?

— Разумѣется. Его знаетъ всякій, кто прїѣзжалъ во Францію моремъ изъ Палермо, Неаполя или Рима. Ёдемъ мимо.

— Это, говорятъ, очаровательное мѣсто?

— Просто, голая скала.

— Для чего же Дзакконе купилъ эту скалу?

— Для того чтобъ быть графомъ Монте-Кристо. Чтòбъ быть графомъ въ Италіи, нужно имѣть графство.

— А вамъ извѣстно какъ Дзакконе провелъ молодость?

— Который? Отецъ?

— Нѣтъ, сынъ.

— Объ этомъ я ничего не могу сказать. Я зналъ его въ дѣтствѣ и потомъ на долгое время совершенно потерялъ изъ виду.

— Онъ былъ въ военной службѣ?

— Служилъ, кажется.

— Въ какой?

— Кажется, во флотѣ.

— Не вы его духовникъ?

— Нѣтъ; онъ, кажется, лютеранинъ.

— Какъ, лютеранинъ?

— Я говорю, что мнѣ такъ кажется. Я не утверждаю. Впрочемъ, я полагалъ, что во Франціи господствуетъ вѣротерпимость.

— Безъ-сомнѣнія. Мы теперь и не занимаемся вѣрованіями снѣ-ора Дзакконе, а поступками его. Именемъ господина префекта полиціи приглашаю васъ сказать, что вы знаете въ этомъ отношеніи.

— Онъ слыветъ за человѣка очень благотворительнаго. Нантъ святѣйшій отецъ папа пожаловалъ его кавалеромъ ордена Спасителя. Это почетъ, котораго удостоиваются только князья. Дзакконе оказалъ важныя услуги христіанамъ на Востокѣ. Сверхъ-того онъ имѣетъ пять или шесть орденовъ, которые также получилъ за услуги, оказанныя разнымъ государямъ и государ-ствамъ.

— И онъ носитъ ихъ?

— Нѣтъ; но онъ гордится ими. Онъ всегда говорилъ, что глубоко уважаетъ награды, данныя благодѣтелямъ человѣчества.

— У него есть друзья?

— Есть, потому что его друзья — всѣ, кто его знаетъ.

— И нѣтъ враговъ?

— Есть только одинъ.

— Кто же это?

— Лордъ Вильморъ.

— Гдѣ онъ теперь находится?

— Въ Парижѣ.

— Онъ можетъ сообщить мнѣ какія-нибудь подробности?

— О, конечно! Онъ былъ въ Индіи въ одно время съ Дзакконе.

— А гдѣ онъ живетъ, вы не знаете?

— Гдѣ-то около Шоссэ д'Антена. Номера дому не знаю.

— Вы знакомы съ этимъ Англичаниномъ?

— Я люблю Дзакконе, а онъ ненавидитъ его. Поэтому мы съ нимъ не ладимъ.

— А не знаете ли вы: графъ Монте-Кристо нынче въ первый разъ пріѣхалъ во Францію или бывалъ и прежде?

— О! на это я могу отвѣчать рѣшительно. Нѣтъ, онъ никогда прежде не бывалъ здѣсь и потому, съ полгода назадъ, просилъ меня доставить ему нѣкоторыя свѣдѣнія. Я, съ своей стороны, не зналъ навѣрное, когда опять пріѣду въ Парижъ, и потому адресовалъ къ нему снѣ-ора Кавальканти.

— Андрея?

— Нѣтъ, майора Бартоломео, старика.

— Хорошо. Теперь мнѣ остается спросить васъ только объ одной вещи и я прошу васъ именемъ чести, человечества и религiи, отвѣчайте мнѣ откровенно.

— Спрашивайте.

— Вы знаете, съ какою цѣлью Монте-Кристо купилъ домъ въ Отѣль?

— Конечно; онъ сказывалъ.

— Съ какою же?

— Для того, чтобы основать тамъ больницу ума лишенныхъ въ родѣ той, которую баронъ Пизани основалъ въ Палермо. Вы знаете это заведенiе?

— Да, по слухамъ знаю.

— Превосходное заведенiе!

И, сказавъ это, аббатъ всталъ и поклонился, какъ человѣкъ, который даетъ замѣтить, что желаетъ продолжать свои прерванные занятiя.

Посѣтитель понялъ это желанiе, и притомъ не находя больше вопросовъ, тоже всталъ. Аббатъ проводилъ его до дверей.

— Вы раздаете щедрую милостыню, сказалъ посѣтитель, оставившись на порогѣ: и хотя вы, какъ слышно, богаты, однако жъ я осмѣлюсь предложить вамъ небольшую сумму для вашихъ бѣдныхъ. Вы примете, господинъ аббатъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ аббатъ: я желаю, чтобы добро, которое я дѣлаю, было мое собственное.

— Однако жъ....

— Нѣтъ, сударь, это рѣшенiе непоколебимое. Впрочемъ, ищите и обращайтесь. Увы! на пути всякаго богача множество встрѣчной нищеты.

Посѣтитель поклонился и вышелъ.

Фиакръ отвезъ его прямо въ домъ королевскаго прокурора.

Черезъ часъ потомъ, тотъ же самый человѣкъ, въ томъ же фиакрѣ, отправился въ улицу Фонтенъ-Сенъ-Жоржъ и остановился передъ номеромъ пятымъ. Тутъ жилъ лордъ Вильморъ, который, вслѣдствiе предварительной записки, назначилъ полицейскому чиновнику свиданiе въ десять часовъ вечера. Чиновникъ явился десятью минутами раньше и ему сказали, что лордъ Вильморъ, олицетворенная точность, еще не воротился домой, но непременно воротится ровно въ десять часовъ. Просилъ подождать въ гостиной.

Гостинная лорда Вильмора не представляла ничего особеннаго: она была такая, какъ обыкновенно бываютъ гостиныя въ квартирахъ, которыя отдаются съ мебелью. Сѣрые обои, мебель обитая краснымъ драдедамомъ съ черными узорами; на каминѣ двѣ модныя севрскія вазы; столовые часы съ амуромъ, который натягиваетъ лукъ; зеркало изъ двухъ кусковъ; двѣ гравюры — Гомеръ, который несетъ своего вожатаго на плечахъ, и Велисарій съ мальчикомъ, который проситъ милостыню. Освѣщалась она лампою съ матовымъ стекломъ, такъ, что этотъ полусвѣтъ, казалось, былъ приготовленъ нарочно для глазъ полицейскаго чиновника.

Часы пробили десять. Съ послѣднимъ ударомъ дверь отворилась, и лордъ Вильморъ вошелъ.

Это былъ человѣкъ высокаго росту, съ рѣдкими, рыжими бакенбардами, блѣдный и очень бѣлокурый. Одѣтъ онъ былъ со всею англійскою страшностью: синій фракъ съ свѣтлыми пуговицами, высокимъ воротникомъ и длинными узкими фалдами, какъ носили въ 1811 году; бѣлый жилетъ; нанковыя панталоны, на три дюйма короче нежели нужно и притянутые узкими штрипками, чтобы не взлѣзли до колѣнъ.

Первымъ словомъ его было:

— Вы знаете, сударь, что я не говорю по-французски.

— Я знаю, по-крайней-мѣрѣ, что вы не любите говорить на нашемъ языкѣ, отвѣчалъ посѣтитель.

— Однако жъ, вы можете говорить на немъ, продолжалъ лордъ Вильморъ: я хотя не говорю, однако жъ понимаю по-французски.

— А я, возразилъ посѣтитель по-англійски: довольно хорошо знаю англійскій языкъ, для того чтобы поддержать разговоръ. И такъ не извольте беспокоиться, милордъ.

— *Хоо!* произнесъ лордъ Вильморъ съ такою интонаціей, которая свойственна только Британцамъ самой чистой крови.

Полицейскій чиновникъ подалъ лорду Вильмору письмо отъ преемника полиціи, которое тотъ прочиталъ съ совершеннѣйшею англійскою флегмой.

— Понимаю, сказалъ онъ прочитавши: понимаю очень хорошо.

Начались разспросы совершенно въ томъ же родѣ, какъ и у аббата Буссоии. Но только лордъ Вильморъ, въ качествѣ врага графа Монте-Кристо, былъ не такъ остороженъ, какъ аббатъ: онъ рассказывалъ гораздо подробнѣе; рассказалъ всю исторію молодости Дзакконе, который, по его словамъ, десять лѣтъ отъ роду вступилъ на службу къ одному изъ мелкихъ владѣльцевъ

Индій, которые воюють съ Англіей. Тамъ онъ, Вильморъ, встрѣтилъ его въ первый разъ, въ сраженіи. Дзакконе былъ захваченъ въ плѣнъ, отправленъ въ Англію, посаженъ на понтоны и бѣжалъ оттуда. Тогда начались его путешествія, любовныя походы и дуэли. Потомъ Греки возстали за свою независимость. Онъ служилъ у Грековъ. Въ это время онъ открылъ въ горахъ Фессаліи серебряный рудникъ, но никому не сказывалъ объ этомъ открытіи. Послѣ наваринской битвы, когда греческое правительство утвердилось, онъ выпросилъ у короля Оттона привилегію на разработку открытаго рудника, и оттуда пошло все его богатство, которое составляетъ милліона полтора или два дохода; но оно можетъ вдругъ уменьшиться, какъ-скоро рудникъ истощится.

— Но вы не знаете, зачѣмъ онъ пріѣхалъ во Францію? спросилъ чиновникъ.

— Онъ намѣренъ пуститься въ спекуляціи на желѣзныя дороги, отвѣчалъ лордъ Вильморъ. Сверхъ-того, будучи искуснымъ химикомъ и отличнымъ физикомъ, онъ изобрѣлъ новаго роду телеграфъ, который хочетъ ввести въ употребленіе.

— Сколько онъ проживаетъ въ годъ? спросилъ чиновникъ.

— О! пять или шесть сотъ тысячъ франковъ, не больше: онъ скупъ.

Очевидно было, что это у лорда Вильмора говорила ненависть: не будучи въ состояніи сказать ничего дурнаго о графѣ въ другихъ отношеніяхъ, онъ старался представить его скрягой.

— Вы знаете что-нибудь объ его отѣльскомъ домѣ?

— Да, конечно.

— Что же вы знаете?

— То есть, вы хотите знать, зачѣмъ онъ купилъ его?

— Да.

— Разумѣется зачѣмъ, что графъ спекуляторъ и непременно когда-нибудь долженъ разориться на предпріятіяхъ и утопіяхъ. Онъ утверждаетъ, что въ окрестности его дома, въ Отѣлѣ, долженъ быть минеральный ключъ, который можетъ соперничествовать съ водами бапіерскими и котретскими, и хочетъ устроить купальню, *бадгаусъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Онъ уже два или три раза перерылъ весь свой садъ, чтобы найти этотъ дивный источникъ, но напрасно. Вотъ, увидите, скоро онъ примется откупать сообщиія владѣнія. Пусть себѣ, пусть! Я надеюсь, что онъ непременно разорится: если не отъ желѣзныхъ дорогъ и элентрическихъ телеграфовъ, такъ ужъ навѣрное отъ минераль-

ныхъ ключей. Я ужъ воображаю, какъ его миллионы разметаю-
ся паромъ.

— Зачтѣ же вы его такъ не любите? спросилъ посѣтитель.

— За чтѣ? За то, что онъ проѣздомъ черезъ Англiю оболь-
стилъ жену моего короткаго прiятеля.

— Но если вы ненавидите его, отчего же вы не ищете слу-
чая отомстить?

— Я уже три раза дрался съ нимъ, отвѣчалъ Англичанинъ:
разъ на пистолетахъ, другой на шпагахъ, третiй на эспадронахъ.

— И результатомъ этихъ дуелей было?...

— Въ первый разъ онъ прострѣлилъ мнѣ руку, во второй про-
ткнулъ брюхо, а въ третiй нанесъ вотъ эту рану.

И Англичанинъ отворотилъ крѣпко накрахмаленный воротникъ
рубашки, который подпиралъ ему уши, и показалъ на шеѣ кра-
сный рубецъ недавней раны.

— Я такъ ненавижу его, продолжалъ лордъ Вильморъ, что онъ
непремѣнно долженъ умереть отъ моей руки.

— Но вы, кажется, избрали не совсѣмъ надежный путь, что-
бы достигнуть этой цѣли, замѣтилъ гость.

— *Хоо!* возразилъ Англичанинъ: я каждый день ѣзжу стрѣлять
въ цѣль, а черезъ день у меня бываетъ фехтовальный учитель.

Больше нечего было разспрашивать. Полицейскiй чиновникъ
всталъ и откланялся. Лордъ Вильморъ отвѣчалъ совершенно ан-
глiйскимъ, тугимъ поклономъ.

Когда дверь затворилась за посѣтителемъ и колеса fiакра за-
стучали по мостовой подъ окнами, Англичанинъ ушелъ въ свою
спальню и тамъ въ полминуты вынулъ вставную челюсть, сбросилъ
бѣлокурый парикъ, рыжіе бакенбарды и наклеивной рубецъ,
и освободилъ черные волосы, блѣдное лицо и жемчужные зубы
графа Монте-Кристо.

Правда, что и въ извозничьемъ fiакрѣ въ домъ королевскаго
прокурора воротился самъ Вильморъ. Этотъ двойной визитъ нѣ-
сколько успокоилъ его; онъ не узналъ ничего важнаго, однако жъ
и ничего такого, что могло бы увеличить тревогу. Изъ этого
последовало, что онъ въ первый разъ послѣ обѣда въ Отѣлѣ
проспалъ ночь довольно спокойно.

Настала суббота, въ которую назначенъ былъ балъ у графа
Морсерра. Утромъ, до полудня, была сильная гроза. Въ десять
часовъ вечера въ саду графа темная зелень большихъ деревьевъ
рѣзко отдѣлялась отъ ясной лазури, усѣянной золотыми звѣзда-
ми. Въ залахъ нижняго этажа гремѣла музыка и крутилась вихрь

ваьса и галопя, между-тѣмъ какъ слуги на широкомъ лугу накрывали столъ, по распоряженію хозяйки, которая долго не рѣшалась на выборъ между крытою галереей и открытымъ небомъ. Но ясная погода и золотыя звѣзды наконецъ взяли верхъ. Аллеи сада освѣтились разноцвѣтными фонарями; столъ уставили множествомъ свѣчъ и цвѣтовъ въ дорогихъ вазахъ. Отдавъ послѣднія приказанія, Мерседа воротилась въ залы въ минуту самаго сильнаго приливу гостей.

Мадамъ Дангларъ, встревоженная послѣдними пріключеніями, сначала не рѣшалась-было явиться на этомъ балѣ, но наканунѣ ея карета встрѣтилась съ каретою королевскаго прокурора. Вильфортъ сдѣлалъ знакъ и экипажи съѣхались. Черезъ дверцы произошло слѣдующій разговоръ:

— Вы будете у Морсерфовъ?

— Нѣтъ, я нездорова.

— Напрасно, возразилъ прокуроръ съ значительнымъ взглядомъ: вамъ очень не мѣшаетъ быть тамъ.

— Вы думаете?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, буду.

И кареты разъѣхались въ разныя стороны.

И такъ мадамъ Дангларъ явилась не только цвѣтущая собственною красотой, но еще ослѣпительная отъ роскоши. Альберъ тотчасъ подошелъ къ ней на встрѣчу, сказалъ приличное количество комплиментовъ насчетъ наряда и предложилъ руку, чтобы отвести на мѣсто.

Потомъ Альберъ оглянулся.

— Вы ищете моей дочери? спросила баронесса съ улыбкой.

— Да. Неужели вы такъ жестоки, что не привезли ее?

— Успокойтесь, она встрѣтила мадамозель де-Вильфортъ и взяла ее подъ руку. Вотъ онѣ идутъ. Обѣ въ бѣлыхъ платьяхъ. У одной букетъ камелій, у другой букетъ незабудокъ.... Но скажите, пожалуйста....

— А вы кого ищете? спросилъ Альберъ съ улыбкой.

— У васъ сегодня не будетъ графъ Монте-Кристо?

— Семнадцать! отвѣчалъ Альберъ.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать? спросила баронесса съ удивленіемъ.

— Я хочу сказать, что дѣло идетъ хорошо и что вы семнадцатая особа, которая сегодня спрашиваетъ о графѣ Монте-Кристо. Онъ хорошо успѣваетъ въ свѣтѣ; я поздравляю его....

— И вы всѣмъ даете такой же отвѣтъ какъ мнѣ?

— Ахъ! вѣнчать. Я не отвѣчалъ вамъ. Успокойтесь, баронесса: модный человѣкъ будетъ сегодня у насъ: мы принадлежимъ у него къ числу привилегированныхъ.

Молодой человѣкъ подвелъ баронессу къ своей матери, а самъ подошелъ къ мадамъ де-Вильфоръ, которая смотрѣла на него съ явнымъ желаніемъ поговорить.

— Я готовъ держать закладъ, что знаю, о чемъ вы хотите спросить меня! сказалъ онъ, подходя.

— Неужели? возразила прокурорша.

— Вы сознаетесь, если я угадаю?

— Извольте.

— Вы хотѣли спросить, пріѣхалъ ли или пріѣдетъ ли графъ Монте-Кристо.

— Вовсе нѣтъ. Я хотѣла спросить, не получали ли вы извѣстій отъ Франца.

— Получилъ, вчера.

— Что онъ пишетъ?

— Что отправляется въ дорогу въ одно время съ письмомъ.

— Хорошо. Теперь о графѣ...

— Пріѣдетъ, будьте спокойны.

— А вы знаете, что у него есть другая фамилія кромѣ Монте-Кристо?

— Нѣтъ, не знаю.

— Монте-Кристо титулъ по имѣнію. По фамиліи, его зовутъ Дзакконе.

— Можетъ быть.

— Онъ Мальтіецъ.

— Тоже можетъ быть.

— Сынъ кораблехозяина.

— О! да вамъ бы слѣдовало рассказывать эти вещи во всеуслышаніе. Вы имѣли бы величайшій успѣхъ.

— Онъ служилъ въ Индіи, разработываетъ серебряный рудникъ въ Фессаліи и пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы основать заведеніе минеральныхъ водъ въ Отѣль.

— О! вотъ новости, такъ новости! Вы позволите мнѣ повторять ихъ?

— Можете, но по-немножку, по одной, и не говорите, что узнали отъ меня.

— Отчего такъ?

— Оттого, что это почти перехваченная тайна.

— У кого же она перехвачена?

— У полиціи.

— Такъ эти новости рассказывались....

— Вчера вечеромъ, у префекта полиціи. Вы понимаете, что Парижъ не могъ не взволноваться при видѣ этой необычайной роскоши, и полиція сочла нужнымъ развѣдать....

— Хорошо! Недостаетъ только, чтобы графа арестовали какъ бродягу, зато что онъ слишкомъ богатъ.

— Да, право, это могло бы случиться, если бы извѣстія не были такъ выгодны.

— Бѣдный графъ! А знаетъ ли онъ объ опасности, которой подвергался?

— Не думаю.

— Въ такомъ случаѣ изъ челоуѣколюбія надобно увѣдомить его. Я непременно скажу ему, какъ-скоро онъ пріѣдетъ.

Въ эту минуту красивый молодой брюнетъ, съ черными усами и прекрасными блестящими глазами, вѣжливо поклонился мадамъ де-Вильфоръ. Альберъ подаль ему руку.

— Позвольте, мадамъ де-Вильфоръ представить вамъ капитана Максимилиана Мореля, сказалъ онъ обращаясь, къ ней же: одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ нашихъ офицеровъ.

— Я уже имѣла удовольствіе видѣть капитана у графа Монте-Кристо, холодно отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ и отвернулась.

Этотъ отвѣтъ и въ-особенности тонъ, съ которымъ онъ былъ произнесенъ, стѣснилъ сердце бѣднаго Мореля. Но его ожидало вознагражденіе: обернувшись, онъ увидѣлъ въ дверяхъ сосѣдней залы прекрасное бѣленькое личико, котораго большіе голубые глаза были устремлены на него, хотя и безъ видимаго выраженія, между-тѣмъ какъ букетъ незабудокъ медленно поднимался къ губамъ.

Привѣтствіе это было такъ хорошо понято, что Морель точно такъ же медленно поднесъ къ губамъ свой носовой платокъ и обѣ живыя статуи, отдѣленные другъ отъ друга пространствомъ залы, на мгновеніе забыли всю окружавшую ихъ толпу, однако жъ мраморъ лицъ не измѣнялъ сильному и согласному біенію ихъ сердець.

Они могли бы долго простоять такимъ образомъ и никто не замѣтилъ бы этого, потому что въ эту минуту пріѣхалъ графъ Монте-Кристо.

Мы уже говорили, что графъ обладалъ свойствомъ привлекать всеобщее вниманіе вездѣ, гдѣ бы ни появлялся, и привлекала, конечно, не одежда, которая разумѣется всегда была чрезвычай-

но изящна и чрезвычайно проста, и даже не красота лица и стана, хотя и они сами по себѣ уже были примѣчательны. Черные волнистые волосы, спокойное, чистое лицо, глубоко задумчивый взгляд и рѣдкая тонкость очертаній рта, къ которому удивительно шла надменная улыбка, — все это могло уже привлечь взоръ. Но все это можно найти и у другихъ: могутъ быть люди даже красивѣе его, но у него все имѣло какое-то особенное значеніе, особенную важность. Привычка къ полезной мысли придавала всѣмъ чертамъ его, выраженію лица и даже самому малѣйшему тѣлодвиженію, какую-то особенную гибкость и вмѣстѣ несравненную твердость, рѣшительность. Впрочемъ, все это, можетъ-быть, становилось очень замѣтнымъ и потому еще, что заключало въ себѣ таинственную исторію, позолоченную огромнымъ богатствомъ.

Онъ, подъ цѣлою массою взглядовъ, обмѣниваясь па пути привѣтствіями во всѣ стороны, медленно подходилъ къ графинѣ де-Морсеръ, которая въ зеркалѣ увидѣла, какъ онъ вошелъ, успѣла приготовиться и приняла его почтительный поклонъ съ привѣтливою улыбкой.

Вѣроятно, она ожидала, что графъ скажетъ что-нибудь, а онъ, съ своей стороны, конечно, ожидалъ, что она первая заговоритъ. Но оба молчали; такъ обыкновенныя мелочи казались обимъ пошлыми и недостойными. Графъ, послѣ поклона, тотчасъ обратился къ Альберу и пошелъ съ нимъ далѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ Монте-Кристо почувствовалъ, что кто-то положилъ руку на его плечо. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ Дангляръ.

— А! это вы, баронъ.

— Зачѣмъ вы называете меня барономъ, отвѣчалъ банкиръ: вы знаете, что я не дорожу моимъ титуломъ, неправда ли?

— Разумѣется, отвѣчалъ Альберъ, потому что если бы я не былъ виконтъ, я былъ бы ничто; тогда какъ вы можете пожертвовать своимъ титуломъ барона и всё-таки останетесь миллионеромъ.

— Хорошо сказано, возразилъ Дангляръ: и этотъ титулъ я, дѣйствительно, считаю самымъ лучшимъ.

— Къ-несчастью, однако жъ, замѣтилъ Монте-Кристо, никто не можетъ поручиться, что останется на всю жизнь миллионеромъ, такъ, какъ люди остаются на всю жизнь баронами, графами, пэрами Франціи и академиками. Пригѣръ — миллионеры Франкъ и Пульманъ, въ Франкфуртѣ, которые нынче обанкрутились.

— Неужели? вскричалъ Дангларъ, поблѣднѣвъ.

— Могу васъ увѣрить. Я сегодня вечеромъ получилъ извѣстiе, черезъ нарочнаго курьера. У меня было около миллона въ этомъ домѣ; но будучи въ-время предупрежденъ, я, съ мѣсяцъ тому назадъ, вытребовалъ свои деньги.

— Ахъ, Боже мой! а у меня есть ихъ векселя на двѣсти тысячъ франковъ!

— Ну, такъ вы теперь знаете: ихъ подпись стѣнитъ пять за сто.

— Да! Знаю, но слишкомъ поздно! Я уже заплатилъ деньги.

— О! значить, еще двѣсти тысячъ пошли вслѣдъ за....

— Ст! перебилъ Дангларъ: не говорите же объ этихъ вещахъ.... въ-особенности передъ молодымъ Кавальканти, прибавилъ онъ шопотомъ, и потомъ съ улыбкою обратился къ молодому чело-вѣку.

Морсеръ пошелъ поговорить съ матерью. Дангларъ обратился къ Андрею Кавальканти. Монте-Кристо на-минуту остался одинъ. Жаръ въ комнатахъ чрезвычайно усилился. Слуги ходили взадъ и впередъ съ плодами и мороженымъ на большихъ подносахъ. Монте-Кристо утиралъ платкомъ лицо, орошенное потомъ, однако жъ отступилъ, когда передъ нимъ явился подносъ. Онъ не хотѣлъ ни чѣмъ освѣжиться.

Мерседа не спускала глазъ съ графа. Она примѣтила движенiе, съ какимъ онъ отступилъ отъ подносу.

— Замѣтилъ ли ты, Альберъ?... спросила она.

— Чтò, маменька?

— Замѣтилъ ли ты, что графъ Монте-Кристо никогда не соглашался принять приглашенiе на обѣдъ у насъ?

— Да, но онъ завтракалъ у меня. За этимъ завтракомъ онъ, такъ-сказать, вступилъ въ парижскiй свѣтъ.

— У тебя еще не значить у насъ, возразила Мерседа: съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, я наблюдаю за нимъ.

— И чтò же?

— Онъ еще ничего не взялъ.

— Графъ чрезвычайно умѣренъ къ пищѣ.

Мерседа печально улыбнулась.

— Подойди къ нему, сказала она, и при первомъ подносѣ, который явится, настанвай.

— Для чего?

— Сдѣлай мнѣ это удовольствiе, Альберъ.

Альберъ поцѣловалъ у матери руку и черезъ минуту очутился

подлѣ графа. Когда мимо ихъ проходилъ слуга съ подносомъ, Мерседа видѣла, какъ Альберъ убѣждалъ графа, самъ взялъ мороженого и поднесъ, но Монте-Кристо рѣшительно отказался.

Альберъ воротился къ матери. Она была очень блѣдна.

— Ну, чтò? сказала она: видишь, онъ отказывается.

— Да; но почему это такъ занимаетъ васъ?

— Ты знаешь, Альберъ, что у женщинъ бываютъ свои странности. Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно видѣть, что графъ скушаетъ у меня чтò-нибудь, хоть бы одно гранатовое зерно. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ еще не свыкъ съ французскими обычаями.... можетъ-быть, онъ не находитъ вещей, которыя любить.

— О, нѣтъ! я видѣлъ, какъ онъ въ Италіи ѣлъ все, что попадалось. Онъ, вѣроятно, сегодня нерасположенъ.

— Притомъ, прибавила Мерседа, проживши долгое время на Востоку, онъ, можетъ-быть, легче другихъ переноситъ жаръ.

Мерседа вышла изъ залы и черезъ минуту потомъ рѣшетчатые ставни въ окнахъ отворились. Окна уже прежде были отворены. Въ рамкахъ явился иллюминированный садъ и великолѣпно накрытый столъ. Танцовавшіе, игравшіе и бесѣдовавшіе гости вскрикнули отъ радости и жадно принялись вдыхать прохладный воздухъ, который волнами вливался въ раскаленную атмосферу комнаты. Мерседа снова явилась и прямо подошла къ группѣ, въ которой сидѣлъ ея мужъ.

— Не угодно ли пройтись по саду, господа, кто не занятъ игрою, сказала она: здѣсь такъ душно!

— О! мы одни не пойдѣмъ въ садъ, графиня! вскричалъ одинъ старый генералъ, который лѣтъ тридцать назадъ слылъ болѣшимъ любезникомъ.

Мерседа, угадавъ, что послѣдуетъ кака-нибудь любезность, не дала ему кончить и возразила:

— Мы не отстанемъ. Я первая подамъ примѣръ. Графъ, сдѣлайте мнѣ честь, пожалуйста вашу руку, прибавила она, быстро обратившись къ Монте-Кристо.

Тотъ чуть не зашатался отъ этихъ простыхъ словъ. Потомъ онъ взглянулъ на Мерседу. Это мгновеніе, короткое какъ молнія, показалось ей однако жъ цѣлою вѣчностью: столько Монте-Кристо вложилъ мыслей въ одинъ этотъ взглядъ.

Онъ подавъ руку, Мерседа оперлась на нее, лучше сказать, чуть-чуть опустила на нее кончики пальцевъ и оба сошли съ крыльца, усталеннаго цѣлтами.

За ними съ шумнымъ весельемъ тѣснилась цѣлая толпа.

Графиня де-Морсерфъ съ своимъ кавалеромъ пошла подъ зеленый сводъ липовой аллеи, которая вела въ теплицу.

— Въ залахъ было очень жарко, неправда ли, графъ? сказала она.

— Да, графиня; и ваша мысль открыть окна и двери — прекрасная мысль.

Оканчивая эти слова, Монте-Кристо примѣтилъ, что рука графини вздрогнула на его рукѣ.

— Но вамъ, продолжалъ онъ, въ этомъ легкомъ платьѣ и съ воздушнымъ шарфомъ на шеѣ, кажется, будетъ холодно?

— Знаете, куда я васъ веду, графъ? спросила Мерседа, не отвѣчая на его замѣчаніе.

— Нѣтъ, графиня, отвѣчалъ онъ: но вы видите, что я не сопротивляюсь.

— Въ теплицу, которую вы видите въ концѣ этой аллеи, сказала она.

Графъ посмотрѣлъ на нее; но она молча продолжала идти дальше. И онъ ничего не сказалъ.

Они пришли въ стеклянное зданіе, наполненное роскошными плодами юга и востока, для которыхъ искусно размѣренная температура печей замѣняла часто невѣрное и слабое западное солнце.

Мерседа оставила руку графа и пошла сорвать кисть винограду.

— Неудобно ли, графъ? сказала она съ такою грустною улыбкой, что можно было бы примѣтить, какъ на глазахъ зарождалась слезы: я знаю, что нашъ виноградъ не можетъ сравниться съ вашимъ сицилійскимъ и кипрскимъ, но вы будете снисходительны къ нашему блѣдному солнцу.

Монте-Кристо поклонился и отступилъ на шагъ.

— Вы мнѣ отказываете? спросила Мерседа дрожащимъ голосомъ.

— Графиня, отвѣчалъ онъ, я покорно прошу извиненія; но я никогда не ѣмъ винограду.

Мерседа уронила гроздь и вздохнула.

На ближней шпалерѣ висѣлъ великолѣпный, спѣлый персикъ. Мерседа сорвала его.

— Такъ возьмите это, сказала она.

Монте-Кристо точно такъ же поклонился и отступилъ.

— О! тоже! сказала она тѣмъ же прискорбнымъ тономъ, въ которомъ очевидно подавлялось рыданіе: право, мнѣ не състѣняется.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Персикъ, такъ же какъ и виноградъ, упалъ на песокъ.

— Графъ, сказала наконецъ Мерседа, устремивъ на него умоляющій взоръ: у Арабовъ есть трогательный обычай, по которому люди становятся на вѣкъ друзьями, если раздѣляютъ хлѣбъ-соль подъ одною кровлей.

— Я знаю этотъ обычай, графиня, отвѣчалъ Монте-Кристо: но мы здѣсь во Франціи, а не въ Аравіи. Во Франціи вѣчная дружба не хранится и раздѣлить хлѣбъ-соль ничего не значитъ.

— Но, наконецъ, сказала графиня трепеща всѣмъ тѣломъ, не спуская глазъ съ глазъ Монте-Кристо и почти судорожно схвативъ обѣими руками его руку: вѣдъ мы друзья, неправда ли?

Кровь прилила къ сердцу графа. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть. Потомъ, поднявшись отъ сердца къ головѣ, кровь зарумянила щеки, и глаза его нѣсколько секундъ блуждали, какъ у человѣка, у котораго кружится голова.

— Разумѣется, мы друзья, графиня, отвѣчалъ онъ наконецъ: почему же намъ не быть друзьями!

Тонъ его былъ такъ далекъ отъ того, какого желала Мерседа, что она отворотилась, чтобы освободить вздохъ, который походилъ на стонъ.

— Благодарю, сказала она.

Они вышли изъ теплицы и обошли садъ, не говоря ни слова.

— Графъ, сказала вдругъ Мерседа послѣ безмолвной прогулки: правда это, что вы такъ много путешествовали, такъ много страдали?

— Правда, графиня: я много страдалъ! отвѣчалъ Монте-Кристо.

— Но теперь вы счастливы?

— Безъ-сомнѣнія: никто, кажется, не слыхалъ, чтобы я жаловался.

— И это настоящее счастье дѣлаетъ душу вашу кроткою?

— Мое настоящее счастье равняется моему прошедшему бѣдствію, отвѣчалъ графъ.

— Вы женаты? спросила графиня, помолчавъ.

— Я! женатъ! возразилъ Монте-Кристо, вздрогнувъ: кто вамъ это сказалъ?

— Никто; но васъ видѣли нѣсколько разъ въ театрѣ съ молодую и прекрасною дамой.

— Это невольница, которую я купилъ въ Константинополѣ;

княжеская дочь, которую я сдѣлалъ своею дочерью, потому что у меня нѣтъ другой привязанности въ мірѣ.

— Такъ вы одиноки?

— Одинокъ.

— У васъ нѣтъ сестры.... сына.... отца?

— У меня никого нѣтъ.

— Какъ же вы можете жить такимъ образомъ, не имѣя ничего, что привязывало бы васъ къ жизни?

— Это не моя вина, графиня. Въ Мальтѣ я любилъ дѣвушку, и собрался на ней жениться, но война вдругъ въ своемъ вихрѣ увлекла меня отъ нея. Я думалъ, что невѣста моя столько любитъ меня, что подождетъ моего возвращенія.... Я воображалъ даже, что она умретъ, если я умру. Когда я возвратился, она была замужемъ. У меня сердце, можетъ-быть, было слабѣе нежели у другихъ, оттого я пострадалъ больше нежели другой на моемъ мѣстѣ. Вотъ и все.

Графиня остановилась на минуту. Ей нужно было отдохнуть.

— И эта любовь осталась въ вашемъ сердцѣ? сказала она: да! любить.... любить можно только одинъ разъ.... Видѣли вы потомъ эту женщину?

— Никогда! Я не возвращался въ тотъ край гдѣ она была.

— Въ Мальту?

— Да, въ Мальту.

— Такъ она живетъ въ Мальтѣ?

— Я думаю.

— А вы простили ей страданіе, которое она вамъ причинила?

— Ей, да.

— Но только ей? Вы всё-еще ненавидите тѣхъ, которые разлучили васъ съ нею?

— Я? вовсе нѣтъ. К чему мнѣ ихъ ненавидѣть?

Графиня стала противъ Монте-Кристо. Въ рукахъ у нея была маленькая вѣтка душистаго винограду, которую она мимоходомъ въ третій разъ сорвала въ теплицѣ.

— Возьмите, сказала она.

— Благодарю васъ, я никогда не ѣмъ винограду, отвѣчалъ Монте-Кристо такимъ тономъ, какъ-будто между ними не было рѣчи ни о чемъ другомъ кромѣ этого.

Графиня съ движеніемъ отчаянія бросила виноградъ въ ближній кустъ.

— Непреклонный! прошептала она.

Монте-Кристо оставался такъ равнодушенъ, какъ-будто упрекъ вовсе до него не касался.

Въ эту минуту прибѣжалъ Альберъ и торопливо разсказалъ, что у Вильфоровъ случилось несчастіе, что прокуроръ пріѣхалъ и поспѣшно увезъ жену и дочь, потому что получилъ извѣстіе о смерти маркиза де-Сенъ-Мерапа, который умеръ на дорогѣ изъ Марсея въ Парижъ.

— Чтò жъ онъ имъ, родня? спросилъ Монте-Кристо.

— Дѣдъ Валентины, по матери, отвѣчалъ Альберъ: онъ ѣхалъ выдавать свою внуку за Франца д'Эпиннѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Да, и вотъ свадьба Франца отложена. Ахъ! чтò бы этому маркизу быть также дѣдушкой мадмоазель Дангларъ?

— Альберъ! Альберъ! сказала графиня де-Морсерфъ съ вѣж-нымъ упрекомъ: какъ тебѣ не стыдно? Ахъ, графъ! Альберъ такъ уважаетъ васъ.... Скажите ему, что онъ не хорошо гово-рять.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Монте-Кристо задум-чиво смотрѣлъ ей вслѣдъ. Вдругъ она воротилась, взяла обоихъ за руки, сложила ихъ и сказала.

— Вѣдъ мы друзья, неправда ли?

— О! помилуйте, графиня! возразилъ графъ: быть вашимъ дру-гомъ слишкомъ много чести для меня. Но, во всякомъ случаѣ, я вашъ почтительный слуга.

Графиня ушла съ невыразимымъ стѣсненіемъ сердца. Не ото-шедши десяти шаговъ, она закрыла глаза платкомъ.

— Чтò вы, не поладили съ маменькой? спросилъ Альберъ съ удивленіемъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ графъ: вѣдъ вы слышали, она при васъ сказала, что мы друзья.

Они воротились въ залу, откуда Валентина и мадамъ де-Вильфоръ только-что вышли. Само собою разумѣется, что и Морель уѣхалъ вслѣдъ за ними.

Въ домѣ Вильфора дѣйствительно случилась мрачная сцена. По отъѣздѣ дамъ на балъ, куда всѣ убѣжденія жены не могли увлечь Вильфора, прокуроръ по обыкновенію заперся въ своемъ кабинетѣ, но не затѣмъ, чтобы работать. Огромныя стопы дѣловыхъ бумагъ лежали передъ нимъ праздно. Онъ сидѣлъ, погружившись въ кресла, и перебиралъ въ памяти все, чтò уже дней семь или осемь переполняло до разливу чашу мрачныхъ его скорбей и горькихъ воспоминаній.

Потомъ онъ выдвинулъ одинъ ящикъ въ копторкъ, открылъ другой, секретный, и вынулъ тетрадь своихъ записокъ, драгоценную рукопись, въ которой подъ цифрами, ему одному известными, значились имена всѣхъ тѣхъ, которые сдѣлались его врагами, на политическомъ поприщѣ, по службѣ, въ денежныхъ дѣлахъ или въ таинственныхъ любовныхъ похожденияхъ. Число ихъ было огромно, и онъ примѣтилъ это тогда, когда уже начиналъ трепетать. Однако жъ, прочитавъ всѣ эти имена, припомнивъ и внимательно разсмотрѣвъ прошедшія и настоящія обстоятельства, онъ покачалъ головой и прошепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! ни одинъ изъ этихъ враговъ не сталъ бы терпѣливо дожидаться до-сихъ-поръ, чтобы теперь прійти и разбить меня этою тайной. Коренканецъ, вѣроятно, рассказалъ эту исторію какому-нибудь монаху; монахъ пересказалъ далѣе; Монте-Кристо узналъ и чтобы объяснить себѣ... Но для чего объяснить? продолжалъ Вильфоръ послѣ нѣкотораго размышленія: какая надобность этому Монте-Кристо, этому Дзакконе, сыну мальтійскаго торговца, чловѣку, который въ первый разъ пріѣзжаетъ во Францію... какая ему надобность объяснять себѣ такое темное, таинственное и бесполезное дѣло? Изъ всѣхъ несогласныхъ свѣдѣній, которыя я получилъ отъ аббата Буссони и отъ лорда Вильмора, отъ друга и отъ недруга, я вижу ясно только то, что между мною и графомъ Монте-Кристо, ни въ какое время, ни при какихъ обстоятельствахъ, никогда не было ничего общаго.

Вильфоръ говорилъ это, однако самъ не вѣрилъ словамъ своимъ. Самое ужасное для него заключалось не въ обнаруженіи тайны, отъ которой онъ могъ отречься или которую могъ даже признать и объяснить. Его тревожило не самое *Мане, текель, вавель*, которое вдругъ въ кровавыхъ письменахъ явилось на стѣнѣ; ему хотѣлось знать тѣло, которому принадлежала рука, начертавшая грозную надпись.

Между-тѣмъ какъ онъ напрасно бился надъ рѣшеніемъ этого роковаго вопросу, на дворѣ раздался стукъ экипажа. Вслѣдъ за тѣмъ по корридорамъ забѣгали люди; послышались стоны и рыданія. Вильфоръ отворилъ дверь и въ ту же минуту вошла плачущая женщина. Она несла свою шляпку въ рукѣ и волочила паль по полу. Сѣдые волосы ея разсыпались по желтому, морщинистому лбу; ввалившіеся глаза опухли отъ слезъ.

— О, Вильфоръ, Вильфоръ! какое несчастіе! вскричала она: я тоже умру! о! я не переживу этого! Я тоже умру!

Она упала въ первое кресло, которое нашла близъ дверей, и зарыдала.

Слуги, столпившись за порогомъ, смотрѣли на эту сцену, кто съ участіемъ, кто съ любопытствомъ. Позади всѣхъ стоялъ старшій слуга господина Ноартіе, Барроа, который тоже прибѣжалъ на шумъ:

— Боже мой! чтò съ вами, маркиза? спросилъ Вильфоръ. Вы оды? Гдѣ же маркизъ?

— Умеръ! отвѣчала маркиза безъ всякаго приготовленія, безъ выраженія, въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Вильфоръ отступилъ и всплеснулъ руками.

— Умеръ! повторилъ онъ: умеръ! такъ неожиданно? такъ скоропостижно?

— Недѣлю назадъ, продолжала маркиза, мы виѣстѣ, послѣ обѣда сѣли въ карету. Маркизъ былъ нездоровъ уже нѣсколько дней передъ тѣмъ. Однако жъ желаніе видѣть Валентину придавало ему силы; онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать. Въ шести миляхъ отъ Марселя, принявъ по обыкновенію свои лепешки, онъ уснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, который тотчасъ показался мнѣ ненатуральнымъ. Лицо очень краснѣло, виски сильно блились. Стало темнѣть. Я ничего больше не могла видѣть, но не рѣшалась разбудить его по-напрасну. Вдругъ онъ ужасно вскрикнулъ, глухо, какъ человѣкъ, который страдаетъ во снѣ, и быстро откинулъ голову назадъ. Я приказала остановить экипажъ, кликала мужа, давала ему нюхать спиртъ. Все напрасно. Онъ былъ уже мертвъ! Я съ мертвымъ тѣломъ пріѣхала въ Э.

— Вы призывали доктора? спросилъ Вильфоръ.

— Призывала, но уже было поздно.

— Но по-крайней-мѣрѣ докторъ узналъ, отчего маркизъ умеръ?

— Да, онъ сказалъ: отъ сильнаго апоплексическаго удара.

— Чтò же вы потомъ сдѣлали?

— Маркизъ всегда желалъ, — въ случаѣ, если умереть въ Парижѣ, — чтобы его привезли сюда и поставили въ фамильномъ склепѣ. Я приказала сдѣлать свинцовый гробъ и уѣхала впередъ. Дня черезъ три его привезутъ.

— Бѣдная! Такія заботы, послѣ такого удара и въ ваши лѣта!

— Богъ даровалъ мнѣ силы до конца. Ктому же, мой бѣдный мужъ, конечно, сдѣлалъ бы и для меня все, чтò я дѣлаю для него. Но съ-тѣхъ-поръ какъ я оставила его тамъ, мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Я уже не могу плакать. Правду говорятъ,

что въ мои лѣта уже нѣтъ слезъ. Однако жъ, мнѣ кажется, куда страдаешь, надобно и плакать. Гдѣ Валентина? Мы вѣдь для нея поѣхали. Я хочу видѣть Валентину.

Вильфортъ разсудилъ, что было бы ужасно отвѣчать—Валентина на балу. Онъ просто сказалъ, что она уѣхала съ его женою со двора, и вызвался послать за ними.

— Пошлите тотчасъ же! тотчасъ! прошу васъ, сказала старушка.

Вильфортъ взялъ маркизу подъ руку, проводилъ въ обыкновенные ея покои, приказалъ женской прислугѣ заботиться объ ней и самъ поѣхалъ за женою и дочерью. Старикъ Барроа побѣжалъ къ своему господину, до крайности встревоженный. Ничто такъ не смущаетъ стариковъ, какъ смерть, которая на минуту покидаетъ ихъ, чтобы пойти, поразить другаго старика.

Валентина нашла свою бабушку въ постелѣ. Безмолвныя ласки, рыданія, вздохи и слезы, вотъ всѣ подробности этой сцены свиданія, при которой присутствовала и мадамъ де-Вильфортъ. Она, по виду по-крайней-мѣрѣ, оказывала бѣдной вдовѣ глубокое уваженіе. Но видя, что на нее не обращаютъ вниманія, вскорѣ ушла. Маркиза не любила ее, потому что слишкомъ любила свою дочь, послѣ которой у нея единственною отрадой осталась Валентина.

Маркиза всю ночь пролежала въ жару, который не прекращался и на другой день. Въ глазахъ у нея горѣлъ мрачный огонь. Всѣ нервы были въ сильномъ раздраженіи. Она съ нетерпѣніемъ дождалась приходу Валентины и Вильфора и тотчасъ завела рѣчь о предположенномъ бракѣ.

— Поторопитесь окончить дѣло, Вильфортъ, сказала она, потому что мнѣ не долго осталось прожить.

— Вамъ! что вы, матушка, бабушка! полноте! вскричали Вильфортъ и Валентина вмѣстѣ.

— Я знаю, что я говорю, возразила маркиза: поторопитесь, дядюго, чтобы, не имѣя матери, Валентина могла получить благословеніе на бракъ по-крайней-мѣрѣ отъ бабки.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, какъ-скоро баронъ пріѣдетъ, отвѣчалъ Вильфортъ: мы ждемъ его съ часу на часъ.

— Милая бабушка, возразила Валентина: какъ же можно такъ снѣзнить, когда у насъ такой трауръ.... Неужели вы хотите, чтобы я вышла замужъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ?

— Милая моя, пожалуйста, не дѣлай такихъ пустыхъ возраженій, съ живостью отвѣчала маркиза: это причины, которыя

только людямъ слабоумнымъ могутъ препятствовать устроить свою будущность. Я сама вышла замужъ у смертнаго одра моей матери и ни сколько не была несчастна отъ этого.

— Опять о смерти! сказалъ Вильфортъ: полноте жъ, маркиза....

— Опять! опять! перебила старуха: я вамъ говорю, что я скоро умру. Но передъ смертію я хочу видѣть мужа Валентины. Я хочу наказать ему, чтобы онъ ошастливилъ мою внучку; хочу прочитатъ у него въ глазахъ, исполнитъ ли онъ мое приказаніе! Если же онъ не исполнитъ, прибавила она съ страшнымъ, восторженнымъ выраженіемъ: я изъ могилы встану и приѣду напомнить ему его обязанности!

— Матушка, возразилъ Вильфортъ: перестаньте, пожалуйста, раздражать себя этимъ мыслями. Вы терзаете сами себя. Мертвые не встаютъ изъ могилы.

— Да, да, бабушка.... милая бабушка, успокойтесь! прибавила Валентина.

— Не встаютъ? Какъ, не встаютъ! продолжала маркиза. Нынешнюю ночь я спала страшнымъ сномъ: я какъ-будто видѣла что я сплю; душа моя какъ-будто носилась надъ оставленнымъ тѣломъ. Я напрасно силсилась открыть глаза: не могла пошевелить вѣки, а между-тѣмъ.... вы не повѣрите.... особенно вы, Вильфортъ.... но это правда.... глаза мои были закрыты, а между-тѣмъ я видѣла, какъ оттуда, изъ угла, гдѣ дверь въ уборную мадамъ де-Вильфортъ, къ моей кровати подошла бѣлая тѣнь.

Валентина вскрикнула.

— Это вамъ въ горячкѣ почудилось, сказалъ Вильфортъ.

— Сомнѣвайтесь, если хотите, но я знаю, что говорю. Я видѣла бѣлую тѣнь. Мало этого, я слышала какъ она шевелила стаканъ.... вотъ этотъ, на столкѣ.

— Это былъ сонъ, и только.

— Какой сонъ! Я протянула руку къ колокольчику и отъ этого движенія тѣнь пропала. Горничная пришла со свѣчою.

— И она никого не нашла?

— Привидѣнія показываются только тѣмъ, кому должно видѣть ихъ. Это была тѣнь моего мужа. Я увѣрена. Если же мужъ можетъ приѣти, звать меня, то почему же мнѣ нельзя будетъ приѣти, защититъ мою внучку?

Всѣ возраженія и успокоенія на этотъ счетъ оказались бесполезными и только больше раздражали маркизу. Она потребовала нотариуса, чтобы убѣдиться въ точности исполненія записанія въ пользу Валентины. Вильфортъ ушелъ, чтобы послать за но-

таріусомъ. Валентина тихонько послала за докторомъ, потомъ молча усѣлась подлѣ постели большой. Бѣдняжкѣ самой нуженъ былъ врачъ. Щеки ея горѣли лихорадочнымъ огнемъ; дыханіе было затруднительно и прерывисто; пульсъ бился съ необыкновенною скоростію. Она воображала себѣ отчаяніе Максимилиана, когда онъ узнаетъ, что маркиза де-Сенъ-Меранъ тоже дѣйствуетъ противъ него съ настойчивостью злаго врага.

Неразъ Валентина намѣревалась все открыть бабкѣ, и она сколько не задумалась бы, если бы Максимилианъ Морель носилъ имя Альбера де-Морсерфа или Рауля де-Шато-Ренд. Но Морель былъ сынъ купца, а Валентина знала гордое презрѣніе маркизы ко всему что происходитъ не отъ равнаго ей роду. Поэтому дѣвушка не рѣшилась выдать свою тайну напрасно, чтобы не потерять хоть тѣнь невѣрной надежды, куда было можно.]

Когда пришелъ нотаріусъ, маркиза выслала внучку и занялась распоряженіями. Валентина сошла внизъ и встрѣтила доктора д'Авриньи. Онъ былъ давнишій врачъ и другъ Вильфора, видѣлъ рожденіе Валентины и любилъ ее какъ свою дочь.

Валентина рассказала доктору о скоропостижной смерти дѣда и о состояніи бабки, объ ея убѣжденіи въ скорой своей смерти и о призракѣ, который будто бы она видѣла.

— Это странно! сказалъ докторъ: я никогда не думалъ, чтобы маркиза могла быть расположена къ подобному бреду. Посмотримъ, что это такое.

Валентинѣ пришли сказать, что нотаріусъ ушелъ, и она попросила доктора идти навѣрхъ.

— А вы? спросилъ д'Авриньи.

— Я не смѣю, отвѣчала она: я противъ воли бабушки послала за вами. Ктому же, я сама, какъ вы видите, взволнована, раздражена. Я хочу пройтись по саду.

Докторъ пожалъ Валентинѣ руку и пошелъ къ маркизѣ. Валентина отправилась въ садъ. Сдѣлавъ круга два по дорожкамъ около дому, она повернула въ боковую аллею и поспѣшила къ завѣтному забору. Максимилианъ уже давно дождался. Время было вовсе не обыкновенное, но Валентина какъ-будто знала, что онъ на этотъ разъ прійдетъ нѣсколькими часами раньше, а Морель, по инстинкту, свойственному въ-особенности влюбленнымъ и матерямъ, угадалъ, что вслѣдствіе смерти маркиза и пріѣзду маркизы, въ домѣ Вильфоровъ должно совершиться нѣчто очень близко касающееся до его любви къ Валентинѣ.

— Вы здѣсь? такъ рано? вскричала она.

— Да, моя милая, отвѣчалъ онъ: я пришелъ узнать, что у васъ дѣлается, и самъ принесъ дурныя вѣсти.

— Что еще? говорите. Кажется, и безъ того уже довольно!

— Скажите мнѣ напередъ, когда васъ хотять выдать замужъ?

— Сегодня утромъ опять была рѣчь объ этомъ. Бабушка, на которую я надѣялась,—правда, не много, но всё-таки надѣялась,—бабушка до такой степени настоятельно требуетъ этого брака, что дѣло стоитъ только за барономъ д'Эпиннѣ. Какъ-скоро онъ прійдетъ, меня принудятъ подписать свадебный договоръ.

— Стало-быть, вамъ не долго прійдется ждать, сказалъ Морель глухимъ, прерывистымъ голосомъ: онъ прійхалъ.

Валентина вскрикнула.

— Прійхалъ! повторила она: баронъ д'Эпиннѣ прійхалъ?

— Да; нынче утромъ, часа три назадъ.

Валентина сложила руки и опустила голову на грудь.

Милая Валентина, сказалъ Морель послѣ долгаго молчанія, выродженіи котораго старался оправиться отъ волненія: выслушайте меня внимательно. Вѣдь вы уже не въ первый разъ думаете о положеніи, въ которомъ мы теперь находимся. Это положеніе важно, опасно и требуетъ полнаго присутствія духа. Теперь не время предаваться безплодной скорби, которая годится только для тѣхъ, кто самъ на досугъ привязывается къ страданію, и съ наслажденіемъ пьетъ собственныя слезы. Такіе люди тоже есть. И это люди самые несчастные, именно потому, что у нихъ не достаетъ воли быть счастливыми. Чтобы быть счастливымъ, не должно терять драгоценнаго времени; надобно бороться; надобно немедленно отражать удары судьбы. Хотите ли вы бороться съ вашей судьбой, Валентина? Говорите, потому что я пришелъ спросить васъ именно объ этомъ.

Валентина вздрогнула и блуждающими глазами взглянула на Мореля. Онъ, въ ожиданіи этого свиданія, отворотилъ край одной доски въ заборѣ и сдѣлалъ такое отверзтіе, что они могли свободно видѣть другъ друга.

— Что вы говорите, Максимилианъ! сказала Валентина: что вы называете борьбою? О! скажите, назовите это лучше преступленіемъ! Мнѣ! мнѣ бороться противъ воли отца, противъ воли умирающей бабки! Возможно ли это?

Морель сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— У васъ слишкомъ благородное сердце: вы не можете не понять меня, милый Максимилианъ! продолжала Валентина: вы знаете, что мнѣ невозможно бороться. Сохрани меня Богъ! Нѣтъ,

нѣтъ! Я поберегу всѣ мои силы на борьбу съ самой собой. Мнѣ суждено пить свои слезы, какъ вы говорите. Огорчить отца, потревожить послѣднія минуты умирающей бабушки, я не могу. Нѣтъ, нѣтъ!

— Да, конечно, вы правы, холодно сказалъ Морель.

— Какъ вы мнѣ говорите это, Боже мой! вскричала уязвленная Валентина.

— Я вамъ говорю это, какъ человѣкъ, который удивляется вамъ, сударыня, отвѣчалъ Морель.

— Сударыня! вскричала Валентина: сударыня! О, эгоизмъ! онъ видитъ, что я въ отчаяніи, и притворяется, будто не понимаетъ меня.

— Вы ошибаетесь. Напротивъ, я совершенно понимаю васъ. Вы не хотите огорчить своихъ родныхъ непокорностью и завтра подпишете договоръ, который свяжетъ васъ съ вашимъ мужемъ.

— Но.... Боже мой! развѣ я могу поступить иначе?

— Объ этомъ не меня надобно спрашивать. Я плохой судья въ этомъ дѣлѣ. Мой эгоизмъ можетъ ослѣпить меня, отвѣчалъ Морель голосомъ, въ которомъ обнаруживалось возраставшее раздраженіе.

— Скажите же, что бы вы предложили мнѣ? Говорите! Мало того сказать: ты не хорошо дѣлаешь. Надобно дать совѣтъ.

— Вы не шутя говорите это, Валентина? Вы хотите, чтобы я далъ вамъ совѣтъ?

— Хочу, хочу, Максимилианъ. Если совѣтъ вашъ будетъ хорошимъ, я послѣдую ему. Вы знаете, что я не шучу моими чувствами.

— Валентина, сказалъ Морель, отодвинувъ доску въ заборѣ еще далѣе: дайте мнѣ вашу руку, въ знакъ, что вы извинили мою вспыльчивость. У меня голова кружится. Впродолженіи трехъ часовъ въ ней перебивали самыя сумасбродныя, самыя нелѣпыя мысли....

— Хорошо, хорошо. Вотъ вамъ рука. Давайте же совѣтъ.

— Вотъ онъ, Валентина, сказалъ Морель, сжавъ дѣвушкѣ руку и глядя ей въ глаза: я независимъ, я богатъ достаточно для насъ обоихъ. Подите ко мнѣ, я свезу васъ къ моей сестрѣ, которая достойна быть вашею сестрой. Сегодня же обвѣнчаемся, а завтра уѣдемъ въ Англію, въ Алжиръ, въ Америку, — куда хотите, — и выждемъ, пока наши друзья побѣдятъ сопротивленіе вашей родни.

— Я такъ и ожидала, отвѣчала Валентина, покачавъ головой: это безразсудный совѣтъ, Максимилианъ. И я тоже была бы безумна, если бы не остановила васъ однимъ словомъ: невозможно, Морель, невозможно!

— Такъ вы хотите покориться судьбѣ безъ малѣйшей попытки къ прекословію? спросилъ Морель, нахмурившись.

— Да, хотя бы мнѣ это стоило жизни.

— Хорошо, Валентина. Въ такомъ случаѣ я опять повторю вамъ, что вы правы. Въ самомъ дѣлѣ, я сѹмасшедшій. Страсть ослѣпляетъ меня и увлекаетъ къ глупостямъ. Благодарю васъ, что вы удерживаете меня отъ глупостей. Вы разсуждаете безстрастно и потому разсудительно. И такъ, дѣло рѣшено. Завтра вы невозвратно будете принадлежать барону д'Эпиннѣ, не въ силу формальности, которую называютъ подписаніемъ брачнаго договора, а по собственной вашей волѣ.

— Вы приводите меня въ отчаяніе, вы терзаете меня, Максимилианъ. Скажите, что бы вы сдѣлали, если бѣ ваша сестра послушалась такого совѣта, какой вы мнѣ даете?

— Вы сами сказали, сударыня, отвѣчалъ Морель съ горькою улыбкой: я эгоистъ. И, какъ эгоистъ, я не думаю о томъ, что стали бы дѣлать другіе на моемъ мѣстѣ. Я думаю только о томъ, что мнѣ дѣлать. Я думаю, что я уже знаю васъ впродолженіи года; что съ того дня, какъ узналъ васъ, все мое счастье состояло въ вашей любви; что наконецъ насталъ день, когда вы сказали мнѣ люблю; что съ того дня все будущее блаженство мое, вся жизнь моя въ обладаніи вами. Теперь все это становится [невозможнымъ] и я ничего больше не думаю. Я вижу только, что я могъ приобрѣсть счастье, блаженство, жизнь, все, и что я все это потерялъ. Это не рѣдкость: каждый день случается, что игроки теряютъ не только все, что имѣютъ, но и то, чего не имѣли.

Морель сказалъ все это съ совершеннымъ спокойствіемъ. Валентина съ минутою поглядѣла на него своими большими глазами и старалась притомъ скрыть смятеніе, которое уже шевелилось въ глубинѣ ея души.

— Но, наконецъ, что же вы станете дѣлать? спросила она.

— Я буду имѣть честь проститься съ вами, сударыня, и призываю Бога въ свидѣтели, что желаю вамъ жизнь спокойную, счастливую и дотога полную, чтобы въ ней не было мѣста воспоминавію обо мнѣ.

Валентина вздохнула.

— Прощайте, Валентина, прощайте! сказалъ Морель.

Валентина чувствовала, что спокойствіе ея милого не могло быть дѣйствительное.

— Куда вы идете? вскричала она вдругъ, протянувъ руку сивозъ отверзтіе въ заборъ и схвативъ Мореля за платье: куда вы идете?

— Къ чему вамъ знать? Я самъ не знаю.

— Не уходите! скажите мнѣ напередъ, что вы хотите дѣлать?

Молодой человекъ грустно улыбнулся.

— О! говорите, говорите! прошу васъ! продолжала Валентина.

— Вы перемѣнили ваше намѣреніе? спросилъ Морель.

— Я не могу перемѣнить его, несчастный! вскричала дѣвушка: вы очень хорошо знаете, что не могу.

— Такъ прощайте, Валентина.

Морель пошелъ. Валентина совершенно обезумѣла и принялась шатать заборъ съ такою неимовѣрною силой, что доски затрепали.

— Что вы намѣрены дѣлать? я хочу знать! вскричала она видя себя: куда вы идете?

— О! будьте спокойны, отвѣчалъ Морель, остановившись въ трехъ шагахъ: я не намѣренъ вымещать на другихъ обиду, нанесенную мнѣ судьбой. Другой, на моемъ мѣстѣ, можетъ-быть, пошелъ бы къ барону д'Эпиннѣ и принудилъ бы его драться. Это безумно. Баронъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ меня вовсе не знаетъ, слѣдовательно, не могъ оскорбить меня. Клянусь вамъ, что я оставлю его въ покоѣ.

— Но кому же вы хотите отомстить за свою обиду? мнѣ?

— Вамъ, Валентина? Сохрани Богъ!

— Такъ самому себѣ, несчастный! самому себѣ!

Морель молчалъ.

— Максимилианъ, подите сюда! вскричала Валентина: подите сюда, я вамъ приказываю!

Морель подошелъ съ нѣжною улыбкой. Если бы онъ былъ не такъ блѣденъ, то даже, можно бы подумать, что онъ въ обыкновенномъ своемъ состояніи.

— Выслушайте меня, милая, обожаемая Валентина! сказалъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, нѣжно и вмѣстѣ важно: такіе люди какъ мы, люди никогда не имѣвшіе мысли, за которую бы должно было краснѣть передъ другими и передъ Богомъ; такіе лю-

ди могутъ читать въ сердцахъ другъ у друга какъ въ открытой книгѣ. Я никогда не былъ романтическимъ героемъ, никогда не выставялъ себя ни Манфредомъ, ни Антони. Но безъ словъ, безъ вѣдствъ, безъ увѣреній, я въ васъ заключилъ всю мою жизнь. Вы меня покидаете.... вы не можете иначе поступить, и вы правы, я уже сказалъ вамъ.... вы меня покидаете и жизнь моя гибнетъ. Съ той минуты какъ вы удалитесь отъ меня, я останусь одинъ на свѣтѣ, совершенно одинъ. У сестры есть мужъ. Она счастлива. Я никому не нуженъ. Существованіе мое становится бесполезнымъ. Вотъ, что я сдѣлаю. Я подожду еще до послѣдней секунды, до-тѣхъ-поръ пока вы дѣйствительно выйдете замужъ, потому что я не хочу жертвовать даже тѣнью какой-нибудь возможности или неожиданной надежды: баронъ д'Эпиннѣ можетъ умереть; для осужденнаго на смерть все вѣроятно и возможно. Я подожду до послѣдней минуты, когда несчастіе мое будетъ совершенно вѣрно, когда жизнь моя будетъ невозвратно потеряна.

— И тогда? спросила Валентина съ ужасомъ.

— Прощайте, Валентина, отвѣчалъ Морель.

Судорожный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Валентины. Она отпустила доску забора, за которую держалась, и руки ея повисли какъ у мертвой. Двѣ крупныя слезы покатались по щекамъ. Молодой челоѣкъ стоялъ передъ нею мрачный и рѣшительный.

— О! ради Бога! ради Бога! вы будете жить! вскричала она: вы будете жить! не правда ли?

Морель молчалъ. Валентина упала на колѣни и руками сдвинула сердце, которое разрывалось.

— Максимилианъ, сказала она: Максимилианъ, другъ мой! умоляю тебя, послѣдуй моему примѣру, страдай, но живи: можетъ-быть, судьба когда-нибудь соединитъ насъ.

— Нѣтъ, Валентина, этого ждать было бы безумно. Прощайте.

— О! Боже мой, Боже мой! сказала Валентина, поднявъ глаза и руки къ небу: Ты видѣлъ, что я все сдѣлала, что могла. Я просила, убѣждала, умоляла, плакала. Все напрасно! Хорошо же, прибавила она съ твердостью, отеревъ слезы: я не хочу умереть отъ угрызеній совѣсти. Лучше умру отъ стыда. Вы будете жить, Максимилианъ, и я не буду принадлежать никому кромѣ васъ.

Когда вы хотите? въ которомъ часу? въ какую минуту? сейчасъ что ли? Говорите, приказывайте: я готова.

Морель уже сдѣлалъ-было нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться, но тутъ опять воротился. Блѣдное лицо его сияло отъ восторгу. Онъ протянулъ обѣ руки, черезъ отверстіе въ заборѣ, къ Валентинѣ.

— Валентина! сказалъ онъ: милый другъ мой, не такъ надобно сказать мнѣ это, или ужъ лучше отпустить меня на смерть. Зачѣмъ же я долженъ овладѣть вами насильно, когда вы любите меня столько же, сколько я васъ? Неужели вы только изъ челоуколюбія принуждаете меня жить? Въ такомъ случаѣ лучше смерть.

— Въ самомъ дѣлѣ, прошептала Валентина: кто въ мірѣ любить меня? онъ. Кто утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ страданіяхъ? онъ. Въ комъ всѣ мои надежды? въ немъ. На комъ останавливается блуждающій взоръ мой и къ кому стремится больное мое сердце? на немъ, къ нему! Вездѣ онъ, всё онъ! Хорошо же; ты правъ, Максимиліанъ, ты правъ: я должна за тобой слѣдовать, и послѣдую. Я оставлю родительскій домъ, все оставлю, все!... даже моего добраго дѣдушку! вскричала она, и зарыдала.

— Нѣтъ, возразилъ Морель: ты не оставишь его. Ты говоришь, что Ноартіе расположенъ ко мнѣ; онъ помнитъ моего отца; онъ былъ доволенъ, когда услышалъ, что меня произвели въ капитаны и дали крестъ. Передъ побѣгомъ открой ему все. Его согласіе будетъ тебѣ щитомъ, и лишь-только обвиняемся, мы возьмемъ его къ себѣ. У него будетъ двое дѣтей вмѣсто одного. Ты рассказывала мнѣ, какъ ты говоришь съ нимъ и какъ онъ отвѣчаетъ тебѣ. Я скоро научусь этому языку, Валентина, и, клянусь тебѣ, мы будемъ счастливы!

— О! посмотри, Максимиліанъ, посмотри, какъ велика твоя власть надо мною! отвѣчала Валентина: я почти вѣрю тому, что ты говоришь, а между-тѣмъ твоя рѣчь безразсудна. Батюшка проклянетъ меня, я его знаю. Сердце его непреклонно, онъ никогда не проститъ. Поэтому, выслушай меня, Максимиліанъ. Если я хитростью, просьбами или какимъ-нибудь случаемъ, чѣмъ бы то ни было, успѣю замедлить назначенный бракъ, ты подождешь, не правда ли?

— Подожду; клянусь, какъ ты клянешься мнѣ, что этотъ ненавистный бракъ никогда не совершится; что хотя бы тебя силою повлекли къ столу нотариуса и къ алтарю, ты скажешь: нѣтъ.

— Клянусь, Максимиліанъ! клянусь самымъ священнымъ для меня предметомъ въ мірѣ, клянусь прахомъ моей матери.

— Такъ подождемъ, сказалъ Морель.

— Да, подождемъ, повторила Валентина, вздохнувъ свободнѣе при этомъ словѣ: мало ли что можетъ спасти насъ! Подождемъ, Максимилианъ.

— Но если тебѣ не удастся отсрочить, если твой отецъ и маркиза де-Сенъ-Меранъ, завтра или послѣ-завтра, захотятъ заключить контрактъ....

— Я дала тебѣ слово, Максимилианъ.

— Вмѣсто-того, чтобъ подписать....

— Я приѣду къ тебѣ, сюда, и мы убѣжимъ. Но до-тѣхъ-поръ не станемъ искушать Бога, Максимилианъ, не станемъ видѣться. Это чудо, это милосердіе Божіе, что насъ еще не застали. Если насъ застанутъ, если узнаютъ, какъ мы видимся, мы лишимся всякой надежды.

— Правда, мой другъ. Но какъ я узнаю....

— Черезъ потариуса, Дешана.

— А! я знаю его.

— Впрочемъ, я сама напишу записку. Повѣрь, что мнѣ этотъ бракъ точно такъ же ненавистенъ, какъ и тебѣ.

— Хорошо, хорошо! благодарю, обожаемая моя Валентина! И такъ, рѣшено. Когда ты скажешь мнѣ часъ, я приѣду сюда, на рукахъ отнесу тебя въ карету и увезу къ сестрѣ. Тамъ, въ тишинѣ, если хочешь, или открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ, мы освятимъ нашъ союзъ и будемъ поступать по совѣсти и съ сознаниемъ своей воли; не дадимъ себя зарѣзать какъ ягнятъ, которые защищаются только стономъ.

— Я на все согласна. Теперь скажи, доволенъ ли ты своею женой?

— О! Валентина! обожаемая моя! какъ мало я скажу, если скажу: да!

— Всѣ-равно, скажи.

Валентина тѣмъ прижалась къ отверзтію въ заборѣ, что слова ея вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ долетали до лица Мореля, который опирался на другую сторону холоднаго, неумолимаго забора.

— До свиданія, сказала Валентина, отрываясь отъ своего счастья: до свиданія!

— Такъ ты напишешь мнѣ?

— Напишу.

— Благодарю, милая жена! До свиданія....

Послѣднее слово замерло въ звукѣ короткаго, невиннаго поцѣлуя и Валентина исчезла.

Морель прождалъ весь тотъ день и другой, но напрасно. Отъ Валентины не было вѣстей. На третій день, часу въ десятомъ утра, онъ собрался сходить къ нотаріусу Дешану, когда получилъ по городской почтѣ записку. Морель съ перваго взгляду узналъ почеркъ Валентины, хотя никогда не видывалъ его.

Записка была такого содержания :

«Слезы, просьбы, мольбы, ничтò не помогло. Вчера я впро-долженія двухъ часовъ молилась Богу въ церкви Святаго Фн-липпа. Но вѣрно и Богу угодно, чтобы люди были неумолимы. «Подписаніе договора назначено сегодня вечеромъ, въ девять часовъ.

«У меня только одно сердце и одно слово, Морель. Слово я тебѣ дала, сердце давно твое. Сегодня вечеромъ, въ три чет-верти девятого, я буду у заборау.

«Твоя жена, Валентина де-Вильфоръ.

«P.S. Бѣдной бабушкѣ всё хуже и хуже. Вчера ея горячка до-ходила до бреда; сегодня бредъ доходитъ до помѣшательства.

«Ты очень будешь любить меня, неправда ли, Максимилианъ?
«Я забуду, что покинула ее въ такомъ состояніи?

«Отъ дѣдушки Ноартіе, кажется, хотять скрыть, что заклю-ченіе договора назначено сегодня.»

Можно представить, какъ Морель провелъ день. Въ половинѣ осьмаго онъ уже былъ у завѣтнаго заборау. Всѣ часы казались ему невѣрными, кромѣ тѣхъ, которые стучали у него въ сердцѣ.

Наконецъ на ближней башнѣ часы пробили три четверти де-вятаго. Морель уже съ полчаса не отклонялъ головы отъ отверз-тія въ заборѣ. Пробило и девять часовъ. Каждая секунда свин-цовымъ молотомъ падала на сердце молодаго чловѣка. Малѣй-шій шелестъ въ листьяхъ, малѣйшій шорохъ въ окрестности про-бывалъ у него холодный потъ на лбу. Онъ, то прохаживался взадъ и впередъ, то опять прислонялся головой надъ отверзтіемъ въ заборѣ. Наконецъ онъ схватилъ одну изъ двухъ пригото-вленныхъ лѣстницъ, приставилъ къ забору и ступилъ одною ногой на первую жердочку. На башнѣ пробило десять.

— О! это невозможно! проговорилъ Морель съ ужасомъ: не-возможно, чтобы она подписала! невозможно, чтобы она ея при-нудила! Тутъ чтò-нибудь случилось.

Онъ прошелся еще нѣсколько разъ взадъ и впередъ по огороду.

Или Валентина упала въ обморокъ передъ договоромъ, или

ее остановили въ побѣгѣ. Вотъ единственныя два предположенія, на которыхъ онъ могъ остановиться, и оба только увеличивали его отчаяніе. Но вдругъ мелькнула новая мысль. Валентина, можетъ-быть, выбѣжала въ садъ и тамъ силы оставили ее. Можетъ-быть, она упала въ обморокъ гдѣ-нибудь въ аллеѣ. Самъ демонъ нашепталь ему эту мысль и она въ одинъ мигъ превратилась въ убѣжденіе. Глаза его, блуждавшіе въ темнотѣ, уже примѣчали вдаль, на дорожкѣ, лежащій предметъ и до слуху его уже долетали глухіе стоны.

— О! если такъ! вскричалъ онъ, то я вѣдь могу лишиться ея по собственной винѣ!

Въ одинъ мигъ онъ очутился въ саду. Тутъ онъ на-минуту опомнился, что ворвался въ чужой домъ черезъ заборъ, и подумалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ такого поступка. Но возвратиться ему было невозможно. Онъ пробѣжалъ нѣсколько аллей и остановился на такомъ мѣстѣ, откуда могъ обозрѣть домъ. Въ окнахъ вовсе не было того освѣщенія, какое можно предполагать во время торжественной церемоніи или на семейномъ праздникѣ. Только одна свѣча нѣсколько разъ пронеслась взадъ и впередъ, какъ-будто въ тревогѣ, мимо трехъ оконъ во второмъ этажѣ. Это были окна маркизы де-Сень-Меранъ. Другая свѣча горѣла неподвижно за краснымъ занавѣсомъ. Это была спальня госпожи де-Вильфоръ.

Морель угадалъ все это. Валентина часто описывала ему все расположеніе дома, чтобы онъ могъ мысленно слѣдовать за нею во всякое время дня.

Это безмолвіе, этотъ мракъ еще болѣе ужаснули его. Онъ поспѣшно перебѣжалъ черезъ открытый лугъ и скрылся въ куртину, которая находилась въ недалекомъ разстояніи отъ крыльца. Пробираясь между кустами, Морель хотѣлъ выйти въ другую аллею, чтобы подойти ближе къ окнамъ, какъ-вдругъ вѣтеръ принесъ ему звукъ голосовъ. Онъ опять скрылся въ густотѣ листьевъ и придержалъ дыханіе. Намѣреніе его было рѣшено: если это Валентина и одна, онъ осторожно окликнетъ ее. Если она не одна, онъ по-крайней-мѣрѣ увидитъ ее и удостовѣрится, что она невредима. Если это слуги или посторонніе, онъ изъ рѣчей постарается разгадать тайну, которая его терзала.

Въ это время луна показалась изъ-за тучъ и освѣтила крыльцо. Морель увидѣлъ Вильфора и еще какого-то человѣка въ черномъ фракѣ. Они сошли съ лѣстницы и приблизились къ куртинѣ.

Въ двухъ шагахъ отъ нея они остановились. Морель узналъ доктора д'Авриньи.

— Боже мой, какое бѣдствіе обрушилось на мой домъ! сказалъ прокуроръ: ударъ за ударомъ! Какъ быстро! и какая ужасная смерть!... О! не утѣшайте меня, докторъ; не говорите ничего; дайте мнѣ опомниться.

Холодный потъ выступилъ на лбу Мореля и зубы его застучали. Кто умеръ въ этомъ домѣ?

— Любезный другъ, отвѣчалъ д'Авриньи съ выраженіемъ, которое удвоило ужасъ молодого человѣка: я привелъ васъ сюда не за тѣмъ, чтобы утѣшать; напротивъ....

— Чтò вы хотите сказать? спросилъ прокуроръ въ испугѣ.

— Я хочу сказать, что за несчастіемъ, которое васъ постигло, можетъ-быть, кроется еще другое, ужаснѣйшее.

— О, Боже мой! чтò еще? вскричалъ Вильфортъ, всплеснувъ руками.

— Одни ли мы здѣсь?

— Здѣсь? конечно, одни. Но чтò значать эти предосторожности?

— Мнѣ нужно сообщить вамъ ужасную вещь. Садитесь.

Вильфортъ больше упалъ нежели сѣлъ на скамью. Докторъ стоялъ передъ нимъ и положилъ руку ему на плечо. Морель, оледѣвѣвшій отъ ужасу, одну руку приложилъ ко лбу, другую сжалъ сердце, чтобы не слышно было его біенія.

— Говорите, докторъ, я слушаю, сказалъ Вильфортъ: поражайте, я на все готовъ.

— Мадамъ де-Сенъ-Меранъ, конечно, была уже въ лѣтахъ, однако жъ она была здорова.

Морель въ первый разъ впродолженіи десяти минутъдохнулъ свободнѣе.

— Горе убило ее, сказалъ Вильфортъ: горе, докторъ! Она въ сорокъ лѣтъ такъ привыкла къ маркизу....

— Нѣтъ, не горе, любезный Вильфортъ, возразилъ докторъ: горе можетъ убить человѣка, но не въ одинъ день, не въ одинъ часъ.

Вильфортъ не отвѣчалъ. Онъ только поднялъ голову и съ бессмысленнымъ видомъ посмотрѣлъ на доктора.

— Вы сами были при копчинѣ? продолжалъ д'Авриньи.

— Конечно, былъ. Вы велѣли мнѣ остаться.

— Вы примѣтили признаки болѣзни, которою маркиза умерла?

— Примѣтилъ. У нея было три припадка. Первый я счелъ за

простой первическій припадокъ, но при второмъ я ужаснулся, когда маркиза приподнялась, и вытянула шею и руки. Третій сопровождался еще ужаснѣйшими корчами, въ которыхъ она и скончалась. Уже при первомъ я догадался, что это столбнякъ. Когда кончилось, вы утвердили меня въ этомъ мнѣніи.

— Да, при всѣхъ, возразилъ докторъ: но теперь мы одни.

— Боже мой! что вы хотите сказать?

— Что припадки столбняка и признаки отравленія растительными ядами совершенно одинаковы.

Вильфоръ вскочилъ и, простоявъ съ минуту неподвижно, безмолвно, опять упалъ на скамью.

— О! Боже мой! докторъ, подумайте! вскричалъ онъ: подумайте, что вы говорите!

Морель не зналъ, на-яву или во снѣ онъ это видитъ.

— Выслушайте, продолжалъ докторъ: я знаю всю важность моего объясненія и званіе человѣка, которому даю его.

— Съ прокуроромъ или съ другомъ вы говорите? спросилъ Вильфоръ.

— Съ другомъ, только съ другомъ въ эту минуту. Сходство признаковъ отравленія растительными веществами съ припадками столбняка до такой степени поразительно, что если бы мнѣ пришлось подписать то, что я говорю вамъ, я поколебался бы. Поэтому повторяю вамъ: я говорю теперь не съ королевскимъ прокуроромъ, а только съ другомъ. Другу я говорю: послушайте, въ продолженіи трехъ четвертей часа, пока продолжалось смертное томленіе маркизы де-Сенъ-Меранъ, я изучалъ припадки ея болѣзни со всѣми ихъ признаками и дошелъ до убѣжденія, что маркиза умерла отъ яду. Я скажу даже, отъ какого.

— Докторъ!.... докторъ!

— Все тутъ есть: и сонливость, прерываемая первическими припадками, и раздраженіе мозга, и онѣмѣніе центровъ. Мадамъ де-Сенъ-Меранъ умерла отъ сильнаго приему растительнаго яду, котораго ей дали, вѣроятно, случайно; можетъ-быть по ошибкѣ.

Вильфоръ схватилъ доктора за руку.

— О! это невозможно! вскричалъ онъ. О, нѣтъ! Все это сонъ! страшный сонъ! Это ужасно, слышать подобныя вещи отъ такого человѣка какъ вы, докторъ! Ради Бога! умоляю васъ, другъ мой, докторъ! скажите, что вы могли ошибиться!

— Безъ-сомнѣнія, могъ. Но.... не думаю, чтобы я ошибся.

— Докторъ, сжальтесь надо мной! Въ продолженіи нѣсколькихъ

дней со мной случаются такія неслыханныя вещи, что я боюсь сойти съума!

— Кто-нибудь кромѣ меня пользовалъ маркизу де-Сенъ-Меранъ?

— Можетъ-быть посылали въ аптеку за какимъ-нибудь лекарствомъ, котораго мнѣ не показали.

— У маркизы были враги?

— Никого нѣтъ, кажется. По-крайней-мѣрѣ я никого не знаю.

— Однако жъ кому-нибудь полезна ея смерть?

— Нѣтъ, Боже мой! нѣтъ! Моя дочь — единственная наследница; Валентина одна... О! если бы такая мысль пришла мнѣ въ голову хоть на одно мгновеніе, я разможилъ бы эту голову.

— Любезный другъ! вскричалъ въ свою очередь д'Авринья: сохрани меня Богъ, чтобы я сталъ обвинять кого-нибудь. Поймите меня, я говорю только о случайности, объ ошибкахъ. Но случайность ли или ошибка это, а дѣло сдѣлано; оно громко говорить моей совѣсти и совѣсть моя требуетъ, чтобы я также громко сказалъ это вамъ. Разберите это дѣло, развѣдайте.

— У кого? какимъ образомъ?

— Пойдите. Барроа, какъ-нибудь ошибкою, не принесъ ли маркизъ лекарство приготовленное для его господина?

— Для моего отца?

— Да.

— Какимъ же образомъ лекарство, приготовленное для моего отца, могло отравить маркизу де-Сенъ-Меранъ?

— Нѣтъ ничего проще. Вы знаете, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ яды становятся лекарствами. Испытавши надъ мосьё Ноартіе всевозможныя средства, чтобы возвратить ему движеніе, я теперь лечу его послѣднимъ, по моему мнѣнію. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ уже онъ принимаетъ настой растительнаго вещества, котораго шесть сентиграммовъ могутъ убить всякаго другаго кромѣ его.

— Но между покоями Ноартіе и маркизы де-Сенъ-Меранъ нѣтъ ни какого непосредственнаго сообщенія, и Барроа никогда не бывалъ у моей тѣщи. Наконецъ, послушайте, любезный докторъ, вы человекъ самый искусный и, главное, самый добросовѣстный, какого я знаю на свѣтѣ; ваше слово для меня всегда служило свѣтиломъ, путеводителемъ во мракѣ, но несмотря на это, мнѣ нужно въ настоящемъ случаѣ опереться на аксіому — *erga e humanum est*, всякій человекъ можетъ ошибиться.

— Скажите, Вильфортъ, возразилъ докторъ: есть въ числѣ моихъ собратьевъ человѣкъ, на котораго вы полагаетесь столько, сколько на меня?

— Почему вы объ этомъ спрашиваете?

— Призовите его; я ему скажу, что видѣлъ; мы вскрыемъ тѣло.

— И найдете слѣды яду?

— Нѣтъ, не яду: этого я не говорю. Но мы найдемъ раздраженіе нервной системы, узнаемъ задушеніе, явное, неопровержимое, и скажемъ вамъ: любезный Вильфортъ, если это случилось по небреженію, присмотрите за вашими слугами; если по ненависти, остерегитесь враговъ.

— О! Боже мой! что вы предлагаете мнѣ, д'Авриньи! Если кто-нибудь другой кромѣ васъ узнаетъ тайну, надобно будетъ произвести.... слѣдствіе! у меня въ домѣ! Это невозможно! Впрочемъ, продолжалъ прокуроръ, съ безпокойствомъ глядя на доктора: если вы требуете, если вы непремѣнно хотите, я сдѣлаю, я произведу слѣдствіе. Я непремѣнно долженъ разыскать это дѣло: мое званіе требуетъ этого. Но вы можете себя представить, съ какимъ чувствомъ я долженъ сдѣлать это! Превратить мой домъ въ такое позорище, послѣ такого горя! О! моя жена и дочь умрутъ отъ этого удара. А я! я, докторъ! Вы знаете, что человѣкъ не можетъ достигнуть такой степени, на какой я нахожусь, безъ того, чтобы не нажить себѣ враговъ. У меня втеченіи двадцати-пяти лѣтъ ихъ набралось много. Огласка этой исторіи будетъ для нихъ торжествомъ; они затрепещутъ отъ радости, а меня это покроетъ стыдомъ. Докторъ, простите мнѣ эти мысли. Если бы вы были священникъ, я не посмѣлъ бы опираться на такія мірскія причины, я не смѣлъ бы сказать вамъ этого, но вы сами человѣкъ мірской, вы знаете другихъ людей. Докторъ, докторъ! вы ничего не говорили мнѣ? неправда ли?

— Любезный другъ, отвѣчалъ докторъ съ видимымъ волненіемъ: первый мой долгъ — челоѣколюбіе. Я спасъ бы маркизу де-Сенъ-Меранъ, если бы наука была въ силахъ спасти ее. Но она умерла, и я долженъ исполнять мои обязанности въ отношеніи къ живымъ. Схоронимъ эту страшную тайну въ глубинѣ нашего сердца. Если кто-нибудь разглядитъ это дѣло, такъ и быть, пусть мое молчаніе припишутъ невѣжеству. Но между тѣмъ ищите, любезный другъ, разыскивайте дѣятельно, потому что этимъ дѣло, можетъ-быть, еще не кончилось.... И когда вы

найдете преступника, тогда я вамъ скажу: вы судья, дѣлайте, что хотите.

— О! благодарю, благодарю, докторъ! вскричалъ Вильфоръ съ глубокою радостью: у меня никогда не было друга лучше васъ.

Они ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ Морель высунулъ голову изъ куртки, какъ-будто за тѣмъ, чтобы вдохнуть въ себя побольше воздуха, и луна освѣтила его лицо. Оно было такъ блѣдно, что его можно бы было принять за привидѣніе.

— Судьба покровительствуетъ мнѣ очевиднымъ, но ужаснымъ образомъ! сказалъ онъ: а Валентина! Валентина! бѣдная моя Валентина! устоитъ ли она противъ такихъ горестей?

Говоря это, онъ смотрѣлъ на освѣщенные окна. Въ окнахъ съ красными занавѣсами свѣтъ убавился и едва мерцалъ. Лампа или свѣчи, очевидно, были погашены и оставался одинъ ночникъ. Въ окнахъ съ бѣлыми сторами по-прежнему было свѣтло. Вдругъ, въ одномъ изъ нихъ стора поднялась и свѣтъ, черезъ отворенное окно, длиннымъ блѣднымъ лучомъ упалъ въ садъ. Какая-то бѣлая тѣнь на минуту прислонилась къ подоконницѣ, потомъ опять исчезла.

Морель вздрогнулъ. Ему послышался вздохъ.

Неудивительно, если его обыкновенно мужественная и твердая душа, взволнованная и раздраженная двумя сильнѣйшими человѣческими страстями, любовью и ужасомъ, ослабѣла до такой степени суевѣрія, что ему стали грезиться призраки. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, Валентина, конечно, не могла видѣть его, однако жъ ему показалось, что она манитъ, зоветъ его. Встревоженное воображеніе говорило ему это, а сердце повторяло. Это двойное заблужденіе превратилось въ неодолимую дѣйствительность и Морель, по одному изъ необъяснимыхъ порывовъ молодости, выскочилъ изъ своего убѣжища, не обращая вниманія на то, что его могутъ увидѣть, что онъ можетъ испугать Валентину, что она можетъ вскрикнуть, взбѣжалъ на крыльцо, отворилъ дверь, прошелъ черезъ залу, въ переднюю, нашелъ лѣстницу и отправился наверхъ. Ковры, конечно, заглушали его шаги, но впрочемъ Морель былъ въ такомъ состояніи, что даже присутствіе Вильфора не испугало бы его. Онъ въ такомъ случаѣ рѣшился во всемъ признать отцу Валентины и просить его согласія на любовь, которую ничто не можетъ уничтожить. Онъ былъ совершенно сунамешдшій.

Къ-счастію, никто не видалъ его. Взшедши на верхъ лѣстницы,

Морель остановился. Тутъ глухое рыданіе указало ему дорогу въ полуотворенную дверь, черезъ которую пробивался свѣтъ на корридоръ. Онъ отворилъ эту дверь и вошелъ.

Въ глубинѣ алькова лежала покойница, накрытая бѣлымъ полотномъ, сквозь которое рисовались угловатыя основанія формы мертвого тѣла. Подлѣ, на полу, лежала Валентина, на колѣняхъ, зарывъ голову въ подушки широкой бержерки, и рыдала. Морель на минуту остановилъ взоръ на этой печальной картинѣ, потомъ осторожно прошепталъ имя Валентины.

Валентина медленно приподнялась и обратила къ нему орошенное слезами лицо, безъ испугу и безъ удивленія. Второстепеннымъ чувствованіямъ не было мѣста въ сердцѣ, наполненномъ великимъ горемъ.

Морель протянулъ къ ней руку. Она вмѣсто отвѣта на безмолвный вопросъ, почему не явилась на свиданіе, указала на покойницу и снова залилась слезами. Оба молчали. Они боялись нарушить безмолвіе въ присутствіи смерти. Наконецъ Валентина первая осмѣлилась.

— Какимъ образомъ вы попали сюда, другъ мой? Ахъ! я сказала бы вамъ: добро пожаловать, если бы не смерть отворила вамъ двери этого дому.

— Валентина, отвѣчалъ Морель дрожащимъ голосомъ: я былъ тамъ съ осьмью часовъ, дождался васъ. Безпокойство овладѣло мной; я перескочилъ черезъ заборъ, прошелъ черезъ садъ и тамъ голоса разговаривавшихъ открыли мнѣ, чтó случилось....

— Какіе голоса? спросила Валентина.

Морель затрепеталъ. Весь разговоръ доктора съ Вильфоромъ живо представился его воображенію и ему показалось, что онъ сквозь бѣлое полотно видитъ скорченныя руки, вытянутую шею и посиѣвшія губы.

— Голоса вашихъ слугъ, отвѣчалъ онъ.

— Но войти сюда значило погубить насъ, сказала она безъ негодованія.

— Простите, я уйду, отвѣчалъ Морель.

— Нѣтъ; васъ могутъ встрѣтить. Оставайтесь.

— А если сюда прійдутъ?

Валентина покачала головой.

— Никто не прійдетъ, будьте спокойны: вотъ наша защита, сказала она указавъ на мертвую: она, или лучше, ея смерть остановила и совершеніе договора. Она скончалась въ ту самую минуту, когда пріѣхалъ баронъ д'Эпиннѣ.

На лицѣ Морели выразилась радость, только не на долго.

— Но, продолжала Валентина, какъ-будто съ намѣреніемъ наказывая его за эгонистическое чувство: умирая, она приказала заключить этотъ бракъ какъ-можно скорѣе, несмотря ни на какія приличія. Думая, что оказываетъ мнѣ покровительство, что дѣлаетъ мнѣ добро, она тоже вооружилась противъ меня!

— Ст! слушайте! сказалъ Морель.

Молодые люди притихли. Внизу отворилась дверь. Кто-то прошепелъ по корридору и вышелъ въ переднюю.

— Это папенька вышелъ изъ своего кабинета, сказала Валентина.

— И проводилъ доктора, прибавилъ Морель.

— Почему вы знаете, что доктора? спросила Валентина съ удивленіемъ.

— Я полагаю такъ, отвѣчалъ Морель.

Они услышали какъ затворилась дверь на подъездѣ. Потомъ Вильфортъ вошелъ въ залу и самъ замкнулъ дверь на садовое крыльцо и опять вышелъ въ переднюю. Тутъ онъ остановился, какъ-будто не рѣшаясь, зайти ли ему наверхъ, къ покойницѣ, или идти прямо въ кабинетъ. Морель кинулся за драпировку. Валентина не сдѣлала ни малѣйшаго движенія. Горестъ какъ-будто ставила ее выше всякаго страху.

Вильфортъ ушелъ въ кабинетъ.

— Теперь, сказала Валентина, вы уже не можете выйти ни въ садъ ни черезъ подъездъ.

Морель посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Теперь остался только одинъ вѣрный и позволительный выходъ, черезъ покои дѣдушки. Пойдемте.

— Куда?

— Къ дѣдушкѣ Ноартіе.

— Но подумали ли вы, Валентина?

— Думаю давно. Онъ у меня теперь единственный другъ на землѣ и онъ обонимъ намъ необходимъ. Пойдемте.

— Остерегитесь, Валентина, остерегитесь. Повязка съ моихъ глазъ упала: я вижу, что уже сдѣлалъ одно безуміе, вошедши сюда. Хорошо ли и вы помните, что дѣлаете?

— Не бойтесь, помню. Меня только одно беспокоитъ, что я должна покинуть бѣдную бабушку, которую взялась стеречь.

— Смерть священна, Валентина. Она сама себя охранитъ.

— Да. Притомъ, я не надолго.

Валентина вышла въ корридоръ и спустилась по другой лѣст-

ницѣ, которая вела къ покоямъ Ноартіѣ. Морель слѣдовалъ за нею на цыпочкахъ. Въ передней у Ноартіѣ они нашли стараго камердинера.

— Барроа, сказала Валентина, запри дверь и не пускай никого.

Валентина первая вошла къ дѣду. Походка и весь видъ ея имѣли въ себѣ что-то такое важное и торжественное, что старикъ съ удивленіемъ устремилъ на нее глаза.

— Дѣдушка, сказала Валентина, ты знаешь, что бабушка Сень-Меранъ умерла и что у меня теперь кромѣ тебя никого нѣтъ на свѣтѣ, кто бы любилъ и защищалъ меня.

Въ глазахъ старика выразилась безпредѣльная нѣжность.

— Не правда ли, что я тебѣ одному могу довѣрить мои горести и мои надежды?

— Да, отвѣчали глаза.

Валентина взяла Максимиліана за руку.

— Такъ вотъ, посмотри на этого господина.

Старикъ съ удивленіемъ и любопытствомъ посмотрѣлъ на незнакомца.

— Это Максимиліанъ Морель, сынъ того честнаго марсельскаго негоціанта, котораго ты зналъ.

— Да, отвѣчали глаза.

— Безукоризненное имя своего отца Максимиліанъ современемъ можетъ прославить: въ тридцать лѣтъ отъ-роду онъ уже капитанъ снаговъ и кавалеръ почетнаго легіона. Слушай же, дѣдушка, продолжала Валентина, ставъ передъ нимъ на колѣни и указывая на Марсея: я люблю его и не хочу принадлежать никому кромѣ его. Если меня принудятъ выйти за другаго, я умру или убью себя.

Въ глазахъ параличнаго загорѣлся цѣлой міръ бурныхъ мыслей.

— Ты любишь Мореля, неправда ли, добрый дѣдушка?

— Да.

— Ты будешь намъ, твоимъ дѣтямъ, защитникомъ противъ жестокой воли моего отца?

— Можетъ-быть.... увидимъ, отвѣчали глаза, устремленные на Максимиліана.

Морель понялъ.

— У васъ есть священная обязанность у вашей бабушки, Валентина, сказалъ онъ, ступайте. Я между-тѣмъ буду имѣть честь поговорить съ мосьѣ Ноартіѣ.

— Да, да, да! отвѣчали глаза, и потомъ съ сомнѣніемъ остановились на Валентинѣ.

— Какъ онъ будетъ объясняться съ тобою? спросила Валентина.

— Да.

— О! будь спокоенъ: мы такъ часто говорили о тебѣ, что онъ очень хорошо знаетъ нашъ языкъ. Онъ знаетъ все, что я знаю, прибавила она съ очаровательною улыбкой на грустномъ лицѣ.

Нѣжно простившись съ дѣдомъ, Валентина ушла и еще разъ подтвердила камердинеру приказаніе никого не впускать и неприимтно выпустить гостя. Морель, чтобы доказать старикку свое знаніе, тотчасъ взялъ со стола словарь, придвинулъ свѣчу и усѣлся подлѣ него.

— Прежде всего, сказалъ онъ, позвольте вамъ рассказать, кто я, какъ я полюбилъ Валентину и въ чемъ теперь заключаются мои надежды.

Ноартіе слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Странно и поразительно было зрѣлище этого немощнаго старика, по-видимому совершенно бесполезнаго, который однако жъ остался единственнымъ покровителемъ, единственною опорой и единственнымъ судьей двоихъ любовниковъ, молодыхъ, прекрасныхъ и только-что вступающихъ въ жизнь.

Морель подробно объяснилъ ему свои дѣла, свое состояніе и положеніе въ свѣтѣ; рассказалъ какъ познакомился съ Валентиною на балѣ, какъ потомъ старался встрѣтить ее на прогулкахъ и въ театрахъ, какъ и она полюбила его, какъ они видѣлись. Дошедши до рѣшительной минуты, когда назначенъ былъ стговоръ Валентины за д'Эпиннѣ, Морель остановился и взглянувъ старикку въ глаза, спросилъ:

— Теперь сказать вамъ, что мы намѣрены были сдѣлать?

— Да, отвѣчали глаза.

Тогда Морель рассказалъ, какъ они хотѣли бѣжать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! съ живостью возразили глаза.

— Не такъ должно дѣйствовать?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я вижу одно только средство.

— Какое? спросили глаза.

— Я пойду къ барону д'Эпиннѣ, объясню ему наше положеніе и заставлю его отказаться отъ Валентины. Тогда онъ найдетъ во мнѣ друга, преданнаго до могилы. Если же онъ захочетъ

доняться на Валентинѣ противъ ея воли, я вызову его на дуэль и убью или онъ меня убьетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ я буду увѣренъ по-крайней-мѣрѣ, что Валентина не будетъ его женой.

Глаза параличнаго съ удовольствіемъ смотрѣли на благородное, открытое лицо молодого человѣка, однако жъ нѣсколько разъ повторили отрицательный отвѣтъ.

— Нѣтъ? сказалъ Морель: вы и этого не одобряете?

— Не одобряю, отвѣчали глаза.

— Но что жъ въ такомъ случаѣ дѣлать? Последнія слова маркизы де-Сенъ-Меранъ выразили ея желаніе какъ-можно скорѣе совершить бракъ ея внучки. Неужели я долженъ все дѣло оставить на произволъ судьбы?

Глаза остановились неподвижно.

— Понимаю, сказалъ Морель: я долженъ ждать?

— Да.

— Но всякое промедленіе можетъ погубить насъ! вскричалъ молодой человѣкъ: одна Валентина слаба: ее принудать ко всему, чего захотятъ. Я ничего не могу сдѣлать. Откуда же ждать помощи?

Неподвижное лицо старика озарилось улыбкою глазъ.

— Отъ случая? продолжалъ Морель.

— Нѣтъ.

— Отъ васъ?

— Да.

— Отъ васъ!

— Да, повторили глаза съ такою твердостью, что невозможно было сомнѣваться по-крайней-мѣрѣ въ дѣйствительности желанія.

— О! благодарю васъ! вскричалъ Морель: благодарю тысячу разъ! Но какимъ образомъ, если Богъ не возвратитъ вамъ чувствъ и движенія, какимъ образомъ вы поможете намъ?

Странная улыбка опять явилась.

— Такъ вы велите ждать? спросилъ молодой человѣкъ.

— Да.

— А договоръ.... если его подпишутъ?

— Нѣтъ.

— Не подпишутъ? О! простите, почтенный благодѣтель мой.... но въ извѣстїи о великомъ счастьи можно сомнѣваться. Договоръ не будетъ подписанъ?

— Нѣтъ.

Несмотря на это утвержденіе, Морель не рывался вѣрить.

Объщаніе немощнаго старика казалось дотогу страшнѣмъ, что не доказывать столько же твердую волю, сколько слабость разсудка.

Ноартіе, казалось, понялъ мысль молодаго человѣка: онъ строго устроилъ на него неподвижный взоръ.

— Чего вы хотите? спросилъ Морель: чтобы я вамъ повторилъ общаніе ничего не предпринимать?

Взглядъ оставался неподвиженъ и твердъ, какъ-будто хотѣлъ сказать, что общанія недостаточно. Потомъ взоръ съ Морелева лица уналъ на руку.

— Вы хотите, чтобы я поклялся? спросилъ молодой человѣкъ.

— Да.

— Клянусь честью, сказалъ Морель, поднявъ руку: клянусь, что не предприму ничего безъ вашего согласія.

— Хорошо, сказали глаза.

— Теперь прикажете мнѣ удалиться? спросилъ Морель.

— Да.

Морель всталъ и поклонился, потомъ спросилъ:

— Вы позволите второму вашему сыну поцѣловать васъ такъ, какъ цѣлуетъ дочь? .

Въ смыслѣ выраженія глазъ невозможно было ошибиться. Морель поцѣловалъ старика въ лобъ, въ то самое мѣсто, куда поцѣловала Валентина, потомъ еще разъ поклонился и вышелъ. Барроа проводилъ его черезъ особый ходъ въ садъ, откуда онъ прежнею дорогою выбрался на улицу, сѣлъ въ свой кабриолетъ и пріѣхалъ домой ровно въ полночь. Онъ былъ измученъ тревогами, которыя выдержалъ, но сердце его облеглося. Онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Черезъ два дня потомъ, въ домѣ королевскаго прокурора былъ большой съѣздъ. Безконечная цѣпь экипажей тянулась за дрогами маркизы де-Сенъ-Меранъ въ церковь, откуда взяли дроги маркиза и проводили вѣсѣтъ на кладбище. Смерть обоихъ стариковъ въ такое короткое время, составляла обильный источникъ разговоровъ о продолжительномъ и счастливомъ ихъ супружествѣ и о богатой наслѣдницѣ. Многіе завидовали также барону д'Эпиннѣ.

Вильфортъ до такой степени уважалъ волю покойницы, что, не смотря ни на какія возраженія, въ тотъ же день, тотчасъ послѣ похоронъ, все приготовилъ къ совершенію брачнаго договора. Въ назначенный часъ Францъ пріѣхалъ съ своими свидѣтелями, Альбертомъ де-Морсерфомъ и Раулемъ де-Шато-Ренд. Нотариусъ уже дождался. Черезъ минуту вошла мадамъ де-Вильфортъ съ Эдуар-

домъ. Она сѣла, посадила сына къ себѣ на колѣни и по временамъ сильно прижимала его къ груди. Въ этомъ мальчикѣ, очевидно, сосредоточивалась вся ея жизнь. Она казалась очень утомленною и не обращала почти никакого вниманія на то, что происходило и приготовлялось вокругъ нея. Вильфоръ самъ пошелъ за Валентиной.

Приказаніе поразило ее какъ громомъ. Она не ожидала его такъ скоро. Она хотѣла-было бѣжать въ дѣду, но отецъ взял ее подъ руку и повелъ въ гостиную. На дорогѣ имъ встрѣтился Барроа. Валентина бросила на стараго слугу отчаянный взглядъ.

Всѣ собрались. Постороннихъ никого не было. Нотариусъ разложилъ свои бумаги на столѣ; усѣвшись на стулъ и поправивъ очки, онъ обратился къ Францу съ обыкновеннымъ формальнымъ вопросомъ :

— Вы, милостивый государь, Францъ де-Кенель, баронъ д'Эпннѣ?

— Я, отвѣчалъ Францъ.

Нотариусъ поклонился.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ: я отъ имени господина де-Вильфора долженъ предупредить васъ, что ваше бракосочетаніе съ мадамозель Валентиною де-Вильфоръ измѣнило волю и распоряженіе господина де-Ноартіе насчетъ наслѣдства, которое онъ прежде намѣренъ былъ отказать своей ввучкѣ....

— Знаю, знаю, перебилъ Францъ и повторилъ уже прежде данное Вильфору увѣреніе, что нисколько не жалѣеть объ этомъ ограниченіи имѣнія, и во всякомъ случаѣ почитаетъ за счастье получить руку мадамозель Валентины.

Валентина принуждена была благодарить за эту рѣчь. Она чуть примѣтно кивнула головой, и двѣ слезы скатились по блѣднымъ щекамъ на взволнованную грудь. Нотариусъ принялся читать контрактъ, но едва успѣлъ произнести нѣсколько словъ, какъ отворилась дверь и явился Барроа.

— Господинъ Ноартіе де-Вильфоръ желаетъ сейчасъ поговорить съ господиномъ Францомъ де-Кенелемъ, барономъ д'Эпннѣ.

И Барроа, такъ же какъ нотариусъ, давалъ жениху полный титулъ, чтобы не было никакой ошибки въ лицѣ. Притомъ, онъ онъ сказалъ это тономъ немножко черезъ-чуръ рѣшительнымъ для слуги. Вильфоръ вздрогнулъ; мадамъ Вильфоръ спустила сына съ колѣнъ на полъ; Валентина встала, блѣдная и нѣмая, какъ статуя. Альбертъ и Шато-Ренѣ съ удивленіемъ переглянулись. Нотариусъ посмотрѣлъ на Вильфора.

— Это невозможно, отвѣчалъ прокуроръ: баронъ д'Эппиэ теперь не можетъ уйти отсюда: онъ занятъ.

— Но господинъ Ноартиэ де-Вильфоръ непремѣнно, сію-минуту, хочетъ говорить съ барономъ д'Эппиэ о весьма важномъ дѣлѣ, повторилъ Барроа съ прежнею твердостью.

— Такъ дѣдушка Ноартиэ нынче разговариваетъ? спросилъ Эдуардъ съ обыкновенною своей дерзостью.

Но мадамъ Вильфоръ даже не улыбнулась на эту выходку, такъ всё умы были заняты, такъ важны, казалось, были обстоятельства.

— Скажи господину Ноартиэ, что онъ требуетъ невозможнаго, отвѣчалъ Вильфоръ.

— Въ такомъ случаѣ мой баринъ прикажетъ принести себя сюда, возразилъ Барроа.

Изумленіе Вильфора достигло крайней степени. Мадамъ Вильфоръ улыбнулась. Валентина украдкою обратила благодарный взоръ къ небу.

— Валентина, сказалъ Вильфоръ, сходи, посмотри, что это за новая фантазія у твоего дѣдушки.

Валентина повиновалась и пошла къ двери, но Вильфоръ передумалъ.

— погоди, сказалъ онъ: я пойду съ тобой.

— Извините, мосѣ де-Вильфоръ, сказалъ Францъ, но мнѣ кажется, что скорѣй всѣхъ мнѣ слѣдуетъ идти, потому что господинъ Ноартиэ именно-меня желаетъ видѣть. Ктому же я за счастье почитаю случай засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, случай, котораго я до-сихъ-поръ, къ сожалѣнію, еще не имѣлъ.

— Ахъ, Боже мой, не безпокойтесь, пожалуйста! возразилъ Вильфоръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Извините, мосѣ де-Вильфоръ, отвѣчалъ Францъ рѣшительно: я не хочу упустить случая доказать господину Ноартиэ, что онъ неправъ, если имѣетъ противъ меня какое-нибудь предубѣжденіе. Я хочу побѣдить это предубѣжденіе моею преданностью и искренностью.

Онъ, не слушая больше возраженій, пошелъ вслѣдъ за Валентиной, которая бѣжала по корридору съ радостью утопающаго, нечаянно выкинутаго волною на берегъ. Вильфоръ тоже пошелъ.

Ноартиэ сидѣлъ, по обыкновенію, въ своихъ креслахъ, но противъ обыкновенія былъ совершенно одѣтъ, весь въ черномъ.

Когда Валентина, Францъ и Вильфортъ вошли, онъ взглянулъ на дверь. Барроа затворилъ ее.

— Смотри, шеннулъ Вильфортъ Валентинѣ, которая не умѣла скрыть своей радости: если онъ будетъ говорить тебѣ такія вещи, которыя могутъ пренятствовать твоему браку, я запрещаю тебѣ понимать.

Валентина покраснѣла, но не отвѣчала. Вильфортъ подошелъ къ Ноартіе.

— Вотъ баронъ Францъ д'Эпиннѣ, сказалъ онъ: вы желали его видѣть. Мы давно желаемъ этого свиданія и мнѣ будетъ очень пріятно, если вы теперь убѣдитесь, какъ неосновательно было ваше сопротивленіе счастью Валентины.

Ноартіе отвѣчалъ такимъ взглядомъ, отъ котораго трепеть пробѣжалъ по жиламъ Вильфорта, потомъ сдѣлалъ Валентинѣ знакъ, чтобы подошла. Въ нѣсколько секундъ она, по обыкновенному своему способу, отыскала слово *ключъ*. Потомъ взглядъ параличнаго устремился на небольшой коммодъ, стоявшій между окнами. Валентина выдвинула верхній ящикъ и нашла ключъ. Потомъ, по указанію другаго взгляда, отворила старую конторку, которая уже нѣсколько лѣтъ стояла въ углу безъ употребленія, выдвинула въ конторкѣ средній ящикъ и вынула всѣ бумаги. Глаза параличнаго всё требовали дальнѣйшихъ поисковъ. Валентина догадалась, что есть секретъ въ ящикѣ и что Барроа знаетъ этотъ секретъ. Ноартіе сдѣлалъ каммердинеру знакъ, тотъ отворилъ потайное дно и вынулъ конвертъ запечатанный черною печатью. Ноартіе приказалъ отдать его Францу.

Францъ съ удивленіемъ принялъ и прочелъ подпись:

«Въ случаѣ моей смерти передать для храненія другу моему, генералу Дюрану. Чрезвычайно важныя бумаги».

— Что же мнѣ дѣлать съ этими бумагами? въ недоумѣніи спросилъ Францъ.

— Вѣроятно, господинъ Ноартіе хочетъ, чтобы вы сберегли ихъ, запечатанныя, какъ есть, сказалъ Вильфортъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! съ живостью возразили глаза.

— Вы желаете, чтобы баронъ д'Эпиннѣ прочиталъ эти бумаги? спросила Валентина.

— Да, отвѣчали глаза.

— Баронъ, мой дѣдушка проситъ васъ прочитатъ эти бумаги.

— Въ такомъ случаѣ садитесь, потому что на это потребуется время, сказалъ Вильфортъ съ нетерпѣніемъ.

Онъ сѣлъ, но ни Валентина ни Францъ не послѣдовали примѣру. Францъ распечаталъ таинственный конвертъ, вынулъ бумагу и посреди глубокаго молчанія прочелъ вслухъ:

«Выписка изъ протокола засѣданія клуба Бонапартистовъ, въ улицѣ Жанъ-Жакъ, отъ 5 февраля 1815 года».

Францъ остановился.

— Пятое февраля 1815! вскричалъ онъ: это день, когда убить мой отецъ! Валентина и Вильфортъ оставались нѣмы. Глаза Нортіе сказали — продолжай.

Францъ продолжалъ читать.

«Мы нижеподписавшіеся, полковникъ артиллеріи Людовикъ-Жакъ Борепёръ, бригадный генералъ Дюшанпъ и директоръ лѣснаго вѣдомства Клавдій Лешапраль, объявляемъ, что 4 февраля 1815, съ острова Эльбы прибыло письмо, поручавшее благосклонности и довѣрію членовъ клуба Бонапартистовъ генерала Флавія де-Кенёля, который служилъ у императора съ 1804 по 1814 и долженъ быть преданъ Наполеону, несмотря на баронскій титулъ полученный отъ Людовика Осмнадцатаго. Вслѣдствіе этого къ генералу де-Кенёлю отправлена пригласительная записка и генералъ согласился присутствовать въ собраніи. Въ девять часовъ вечера двое членовъ клуба и самъ президентъ [пріѣхали за нимъ въ каретѣ и требовали, чтобы онъ позволилъ завязать себѣ глаза. Генералъ на это согласился. Въ экипажѣ для этого былъ приготовленъ платокъ. Садясь въ карету, генералъ съ удивленіемъ примѣтилъ, что она наемная, и спросилъ, какъ мы, при такихъ таинственныхъ условіяхъ въ отношеніи къ нему, не боимся ѣхать съ извозчикомъ? Ему отвѣчали, что насъ везетъ одинъ изъ членовъ клуба, государственный совѣтникъ. — Въ такомъ случаѣ мы очень легко можемъ опрокинуться! вскричалъ генералъ со смѣхомъ. Мы приводимъ эту шутку какъ доказательство, что генералъ де-Кенель ни мало не былъ принужденъ присутствовать въ собраніи клуба и что онъ находился въ совершенно беззаботномъ расположеніи духа. Въ каретѣ ему завязали глаза и поѣхали. Когда прибыли на мѣсто, всѣ члены уже присутствовали. Собраніе было полнѣе обыкновеннаго, именно по случаю принятія новаго члена. Засѣданіе началось. Генералу предложили снять повязку. Онъ снялъ и очень удивился, увидѣвши множество знакомыхъ лицъ въ числѣ членовъ общества, о существованіи котораго дотолѣ вовсе не зналъ ничего положительнаго. Его стали разспрашивать насчетъ его мнѣнія, но онъ

не хотѣлъ дать ни какого рѣшительнаго отвѣту, отзываясь, что мѣнѣя его должны быть извѣстны....»

Францъ остановился.

— Отецъ мой былъ роялистъ, сказалъ онъ: это, конечно, всѣмъ было извѣстно.

— Оттого-то и я былъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, сказалъ Вильфоръ: согласіе образа мыслей всего легче сближаетъ людей.

— Продолжайте читать! сказали глаза параличнаго.

Францъ продолжалъ:

«Президентъ не довольствовался отвѣтомъ генерала де-Кенеля и требовалъ положительнаго объясненія. Генералъ возразилъ, что прежде всего желаетъ знать, чего отъ него требуютъ. Тогда ему прочитали письмо съ Эльбы, въ которомъ членовъ клуба Бонапартистовъ увѣдомляли о предположенномъ возвращеніи императора и обѣщали подробнѣйшихъ извѣстій съ прибытіемъ въ Марсель купеческаго судна «Фараонъ», котораго капитанъ былъ совершенно преданъ партіи Наполеона. Во время этого чтенія генералъ де-Кенель, котораго клубъ считалъ своимъ, напротивъ, обнаружилъ явные знаки неудовольствія. Наконецъ по окончаніи чтенія, на вопросъ президента онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ участвовать въ дѣлѣ, которое называлъ просто возмущеніемъ. Тогда ему напомнили, что онъ напередъ зналъ, что онъ могъ видѣть и слышать въ собраніи, куда пріѣхалъ добровольно, съ соблюденіемъ всѣхъ условій осторожности, и что, слѣдовательно, не долженъ былъ являться, если на островѣ Эльбѣ ошибались насчетъ его образа мыслей. Президентъ заключилъ тѣмъ, что общество ни въ какомъ случаѣ не требуетъ помощи отъ своихъ противниковъ и никого не ставитъ въ свои ряды противъ доброй воли и только проситъ генерала де-Кенеля дать клятву, что онъ будетъ молчать насчетъ всего, что видѣлъ и слышалъ въ этотъ вечеръ. Генералъ отказался. Предложеніе было повторено съ угрозою. Онъ продолжалъ отказываться и разгорячился, дотога что схватился за ефесъ своей шпаги.

«— Не троньте оружія! спокойно и строго сказалъ президентъ: это добрый совѣтъ.

«Генералъ окинулъ безмолвное собраніе взглядомъ, въ которомъ обнаружилось нѣкоторое смущеніе, однако жъ повторилъ:— Не хочу клясться!

«— Въ такомъ случаѣ вы умрете! сказалъ президентъ.

«Де-Кенель поблѣдвѣлъ и опять осматрѣлся вокругъ. Члены хранили глубокое молчаніе.

«— Будьте спокойны, продолжалъ президентъ: вы здѣсь между честными людьми, которые испытаютъ всѣ миролюбивыя средства, прежде нежели возмутся за крайности. Но вы овладѣли нашею тайной и неизмѣнно должны представить намъ ручательство въ вашей скромности. Отвѣчайте!

«Генералъ молчалъ.

«— Запереть двери! крикнулъ президентъ сторожамъ.

«И опять наступило мертвое молчаніе. Черезъ минуту генералъ, сдѣлавъ усиліе надъ собою, сказалъ:

«— У меня есть сынъ. Я долженъ объ немъ подумать, коли ужъ попалъ въ шайку разбойниковъ.

«— Генералъ, возразилъ президентъ, одинокій человекъ всегда можетъ безнаказанно оскорбить цѣлое собраніе благородныхъ людей: это преимущество слабого. Но напрасно вы пользуетесь этимъ преимуществомъ. Послушайте моего совѣту, не оскорбляйте насъ и клянитесь. Мы вѣдь не требуемъ отъ васъ ничего кромѣ молчанія.

«Де-Кенель поколебался еще съ минуту и потомъ спросилъ формулу клятвы. Ему сказали и онъ произнесъ ее, но такъ тихо и нерѣшительно, что собраніе потребовало повторенія. Вслѣдъ за тѣмъ ему опять завязали глаза и повезли.

«— Гдѣ вы желаете, чтобы васъ высадили? спросилъ дорѣгою президентъ, который съ тѣми же тремя членами провожалъ генерала обратно.

«— Всюду, гдѣ я скорѣй избавлюсь отъ вашего присутствія отвѣчалъ баронъ д'Эпиппѣ.

«— Остерегитесь, милостивый государь, возразилъ на это президентъ: вы теперь уже не въ собраніи. Вы теперь имѣете дѣло съ частными лицами. Не оскорбляйте ихъ, если не хотите отвѣчать за оскорбленія.

«Но вмѣсто-того, чтобы послѣдовать этому совѣту, д'Эпиппѣ вскричалъ:

«— Вы, милостивый государь, столько же храбры въ вашей каретѣ, сколько въ вашемъ клубѣ. Четверо сильнѣе одного.

«Президентъ приказалъ остановить карету. Это было на набережной Сены, неподалеку отъ спуска.

«— Это что значитъ? спросилъ генералъ.

«— Вы оскорбили человека, отвѣчалъ президентъ, и этотъ

человѣкъ не поѣдетъ далѣе, не получивъ благороднаго удовлетворенія.

«— Еще способъ убійства! возразилъ генералъ ножа въ длечамн.

«— Не шумите, милостивый государь, сказалъ президентъ, если не хотите, чтобы мы приняли васъ самихъ за одного изъ тѣхъ людей, на какихъ вы сейчасъ намѣкали, то есть за малодушнаго, который изъ своей слабости дѣлаетъ себѣ и щитъ и палицу. Вы один; одинъ и отвѣчать вамъ будетъ. У васъ есть своя шпага у боку; у меня своя въ этой трости. У васъ нѣтъ свидѣтеля. Одинъ изъ этихъ господъ будетъ вашимъ секундантомъ. Теперь, если вамъ угодно, можете снять повязку.

«Генералъ въ ту же минуту сорвалъ платокъ, которымъ у него были завязаны глаза. Всѣ четверо вышли изъ кареты....»

Францъ опять остановился и отеръ выстунившій на лбу холодный потъ. Ужасно было видѣть сына, трепещущаго и блѣднаго, читающаго неизвѣстныхъ дотолѣ подробности смерти своего отца. Валентина стояла сложа руки на молитву. Ноартіе съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на Вильфора, который отъ нетерпѣнія и досады грызъ ногти.

«Президентъ и генералъ первые спустились съ лѣстницы къ рѣжѣ. Секунданты послѣдовали за ними. Площадка между оледѣлою лѣстницей и рѣкою была сыра отъ снѣгу и слякоти. Ночь была темная и холодная. Одинъ изъ секундантовъ снялъ каретный фонарь и при этомъ свѣтъ освидѣтельствовали оружіе. Шпага президента оказалась тремя дюймами короче шпаги генерала, и притомъ безъ ефеса. Д'Эпиннѣ предложилъ кинуть жребій, кому она достанется, но президентъ не согласился. Фонарь поставили на землю. Поединокъ начался. Генералъ былъ извѣстенъ въ арміи за хорошаго бойца, однако жъ президентъ съ первыхъ ударовъ такъ загналъ его, что онъ споткнулся и упалъ. Противникъ подаль ему руку и пособилъ встать. Это обстоятельство не только не смягчило, но еще больше озлобило его. Онъ съ яростью напалъ и три раза принужденъ былъ отступить. Въ третій разъ онъ опять упалъ. Секунданты думали, что онъ споткнулся или поскользнулся, какъ первый разъ. Но генералъ не вставалъ. Они подошли поднять, и тотъ, который охватилъ его около груди, ощущалъ теплую влажность. Это была кровь.

«— А! вскричалъ генералъ, пришедши въ себя отъ полуобмороку: противъ меня нарочно выслали головорѣза! какого-нибудь полковаго фехтмейстера!

«Президентъ, вмѣстѣ отиѣту, подошелъ къ тому секунданту,

который поднялъ съ земли фонарь, и разстегнувшись и засучивъ рукавъ, показалъ двѣ раны на рукѣ и третью парашину на груди. Между тѣмъ, получивъ ихъ, онъ даже не дохнулъ тяжелѣе обыкновеннаго.

«Генералъ д'Эпиннѣ впалъ въ смертное томленіе и черезъ пять минутъ умеръ....»

Францъ прочитавъ послѣднія слова такимъ глухимъ голосомъ, что ихъ едва можно было слышать, и провелъ рукою по глазамъ, какъ-бы за тѣмъ, чтобы прогнать туманъ. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

«Президентъ вложилъ свою шпагу въ трость и сѣлъ въ карету. Секунданты удостовѣрились въ смерти генерала и бросили тѣло въ рѣку.

«И такъ генералъ де-Кенель баронъ д'Эпиннѣ погибъ въ честной дуэли, а не отъ рукъ убійцы, какъ въ то время говорили.

«Это свидѣтельство мы подписали затѣмъ, чтобы опредѣлить, какъ было дѣло по истинѣ, на случай, если кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ этой страшной сцены будетъ несправедливо обвиненъ въ злостномъ убійствѣ и преступленіи противъ законовъ чести.

«Подписали: Берсеръ Дюшанни и Лешанраль.»

Дочитавъ, Францъ еще нѣсколько разъ перевернулъ и со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ бумагу. Блѣдная Валентина утирала слезы. Вильфоръ напрасно устремлялъ умоляющіе взгляды на парализнаго старика.

— Милостивый государь, сказалъ д'Эпиннѣ, обращаясь къ Ноартиѣ: такъ-какъ вы знаете всѣ подробности этого ужаснаго происшествія, и какъ вы, кажется, принимаете во мнѣ участіе, то умоляю васъ, скажите мнѣ имя этого президента клуба Бонапартистовъ, чтобы я наконецъ узналъ того, кто убилъ моего отца.

Валентина угадала, что отвѣтитъ старикъ. Она не-разъ видывала у него на правой рукѣ два шрама отъ шпажныхъ ранъ. Она отступила.

— Ради Бога, мадамозель де-Вильфоръ, помогите мнѣ вымолить у вашего дѣдушки имя того, кто лишилъ меня отца! прибавилъ Францъ, обращаясь къ Валентинѣ.

Валентина не отвѣчала.

— Сдѣлайте милость, баронъ, не продолжайте этой ужасной сцены, сказалъ Вильфоръ: имя, которое вы спрашиваете, скрыто съ намбрениемъ. Мой отецъ и самъ не знаетъ этого президента,

а если бы и зналъ, то не могъ бы сказать. Фамильныхъ прозваній въ лексиконѣ нѣтъ.

— О, какое несчастіе! вскричалъ Францъ: единственная надежда, которая поддерживала меня въ этомъ чтеніи, которая помогла мнѣ дойти до конца, была та, что я увижу по-крайней-мѣрѣ ния убійцы моего отца!... Ради Бога! умоляю васъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Ноартіе: сдѣлайте, что можете.... попытайтесь.... укажите мнѣ, объясните мнѣ....

— Да, отвѣчалъ Ноартіе.

— О! Валентина! Валентина! вашъ дѣдушка дастъ знать, что можетъ назвать мнѣ этого человѣка.... Помогите мнѣ.... вы умѣете объясняться.... пособите....

Ноартіе устремилъ взоръ на лексиконъ.

Францъ дрожащими руками взялъ книгу и послѣдовательно произнесъ всѣ буквы алфавита, потомъ въ томъ же порядкѣ провелъ пальцомъ по всѣмъ словамъ указанной буквы, покуда старикъ не остановилъ его на словѣ Я.

— Да! сказали глаза.

— Вы! вскричалъ Францъ, и волосы его встали дыбомъ на головѣ: вы, господинъ Ноартіе? Вы убили моего отца?

— Да! отвѣчалъ Ноартіе.

Францъ въ изнеможеніи упалъ въ кресло. Вильфоръ бросился къ дверямъ и убѣжалъ, потому что ему пришло на мысль задуть бѣдную тѣнь жизни, которая еще оставалась въ сердцѣ страшнаго старика.

Свадьба Валентины съ барономъ д'Эпиннѣ разстроилась. Въ то же самое время и Альберъ де-Морсеръ съ наслажденіемъ и вмѣстѣ всё-таки съ сожалѣніемъ видѣлъ, что и его свадьба съ мадам-оазель Евгеніей Дангларъ также легко можетъ разстроиться. Сеньоръ Андреа Кавальканти рѣшительно вытѣснилъ его и со всѣмъ завоевалъ сердце Данглара, который только и говорилъ о князѣ Кавальканти, о любезности князя Кавальканти, да о богатствѣ князя Кавальканти. И гордая Евгенія также очевидно отдавала предпочтеніе Италіянцу: она нашла въ немъ человѣка, который понималъ страсти ея художнической души и, будучи одаренъ отъ природы довольно пріятнымъ голосомъ, хорошо пѣлъ съ нею дуэтты. Альберъ однажды засталъ ихъ въ такомъ домашнемъ концертѣ и очень восхищался согласнымъ пѣніемъ. Дангларъ подхватилъ это слово и, чтобы уязвить молодаго человѣка, подтвердилъ, что Евгенія и князь Кавальканти дѣйствительно очень согласны между собою. Онъ желалъ возбудить до-

саду, ревность, зависть, но Альберъ шутыгъ и восхищался музыкой.

Монте-Кристо также былъ при этомъ. Онъ посѣщалъ Дангларовъ какъ обыкновенно. Мадамъ Дангляръ, послѣ сцены въ отѣльскомъ домѣ, не могла безъ тремету слышать имени графа, но когда онъ являлся, то своею любезностью и совершенно непринужденнымъ обращеніемъ умѣлъ заставить позабыть обо всѣхъ неприятныхъ впечатлѣніяхъ, и удивительно успокоивалъ банкиршу. Онъ пугалъ ее только изъ-дали. Глазъ на глазъ она была отъ него въ восторгѣ.

На прощанье Дангляръ шепнулъ графу Монте-Кристо:

— Вы правду сказали. Въ Янниѣ многое знаютъ.

— Вы получили извѣстія?

— О! ужасныя! я расскажу вамъ.

Альберъ и Монте-Кристо уѣхали вмѣстѣ. Это было утромъ. Едва карета отъѣхала отъ дому, Альберъ обратился къ графу съ хохотомъ, который былъ немножко черезъ-чуръ шуменъ для хохота непринужденнаго.

— Ну, что, графъ! вскричалъ онъ: я спрошу васъ, какъ Карлъ Девятый послѣ Варооломеевской Ночи спросилъ Екатерину Медичи: каково я сыгралъ мою маленькую роль?

— Какую? спросилъ Монте-Кристо.

— А по случаю торжества моего соперника у Дангларовъ.

— Какого соперника?

— Боже мой, какого! синьора Андреа Кавальканти, котораго вы покровительствуете.... князя Кавальканти, какъ говорить и твердить Дангляръ.

— О! пожалуйста, оставьте неумѣстныя шутки, виконтъ. Я вовсе не покровитель синьору Кавальканти, особенно у Данглара.

— За это-то я и упрекнулъ бы васъ, если бы молодой чело-вѣкъ нуждался въ покровительствѣ. Но, къ-счастью для меня и для него, онъ можетъ обойтись безъ васъ.

— Такъ вы думаете, что онъ ухаживаетъ за Евгеніей?

— Я вамъ ручаюсь за это. Онъ испускаетъ такіе нѣжные вздохи и такъ трогательно подкатываетъ глаза подъ лобъ, что его намѣреніе поразить сердце гордой красавицы сладостною отравой и завладѣть ея рукой, не можетъ подлежать ни какому сомнѣнію.

— Что за дѣло до его намѣреній, когда она думаетъ только о васъ!

— Какъ бы не такъ! Посмотрѣли бы вы, какъ со мною обращаются!

— Какъ же?

— Мадмоазель Евгенія сегодня едва удостоила меня отвѣта, а ея подруга и новѣрренная швейцарка, мадмоазель д'Аришль, вовсе не отвѣчала. Вы понимаете, что это значить.

— Не зато отецъ обомаеъ васъ.

— Дангларъ? Напротивъ, онъ вознилъ мнѣ тысячу ножей въ сердце, кожей театральныхъ, правда, ножей такихъ, которые входятъ въ рукоятку, но которые онъ однако жъ считаетъ настоящими, истинными ножами.

— Ревность доказываетъ страсть.

— Да, но я не ревную.

— Онъ ревнуетъ.

— Къ кому? къ Дебрѣ?

— Нѣтъ, къ Кавальканти, за васъ.

— За меня? Я ручаюсь, что не пройдетъ недѣли, какъ онъ хлопнетъ мнѣ дверь передъ носомъ.

— Вы ошибаетесь, любезный виконтъ.

— Докажите.

— Извольте. Мнѣ поручено просить графа де-Морсерфа, чтобы онъ въ качествѣ женихова отца сдѣлалъ рѣшительное и окончательное предложеніе.

— Кто вамъ поручилъ?

— Самъ баронъ.

— О! вы этого не сдѣлаете! неправда ли, графъ?

— Вы ошибаетесь, Альберъ. Я сдѣлаю. Я обѣщалъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ намѣрены женить меня?

— Я намѣренъ жить въ добромъ согласіи со всѣми моими пріятелями. Но, кстати о Дебрѣ. Его что-то не видно у баронессы.

— Онъ немножко поссорился.

— Съ баронессой?

— Нѣтъ, съ барономъ.

— Такъ Дангларъ замѣтилъ что-нибудь?

— Забавно!

— Такъ вы полагаете, что онъ и прежде зналъ? спросилъ Монте-Кристо съ удивительнымъ простодушіемъ.

— Помогите! Да откуда вы пріѣхали, любезный графъ?

— Съ Конго, если угодно.

— Это еще не довольно далеко.

— Почему мнѣ знать вашихъ парижскихъ мужей!

— Помилуйте, любезный графъ. Мужья вездѣ одни и тѣ же. Изучите одинъ экземпляръ въ какой вамъ угодно странѣ, и вы знаете цѣлую породу.

— Но по какому поводу Дангларъ могъ поссориться съ Дебрѣ? Они, казалось, жили такъ дружно, сказалъ Монте-Кристо съ прежнимъ простодушіемъ.

— А! вотъ это ужъ тайны Изиды, въ которыя я не посвященъ, отвѣчалъ Альберъ: когда сеньоръ Кавальканти будетъ принадлежать къ ихъ семейству, спросите у него.

— Можетъ-быть Дебрѣ принималъ участіе въ денежныхъ оборотахъ банкира и потерялъ что-нибудь на испанскихъ облигаціяхъ?

— Можетъ-быть.

Карета остановилась.

— Вы зайдете ко мнѣ? спросилъ графъ.

— Охотно, отвѣчалъ виконтъ.

— Еще рано. Моя карета потомъ отвезетъ васъ.

— Благодарю. Мой кабріолетъ, вѣрно, ѣдетъ вслѣдъ за нами.

— Въ самомъ дѣлѣ, вотъ онъ, сказалъ графъ, соскочивъ съ подножки.

Они вошли. Монте-Кристо предложилъ гостю сигару. Въ тишинѣ, которая наступила при закуриваніи, Морсеръ вдругъ встрепенулся и вскричалъ:

— Что я слышу? это что такое?

Онъ наклонился къ дверямъ, черезъ которыя слышались звуки гитары. Монте-Кристо разсмѣялся.

— Вы сегодня обреченная жертва музыки, виконтъ, сказалъ онъ: вы убѣжали отъ роля мадмоазель Евгеніи только затѣмъ, чтобы попасть на лютю Гаидѣ.

— Гаидѣ! какое очаровательное имя! Неужели кромѣ поэмъ Байрона есть женщины, которыя дѣйствительно носятъ имя Гаидѣ?

— Конечно. Гаидѣ имя очень рѣдкое во Франціи, но очень обыкновенное въ Албаніи и въ Эпирѣ. Оно значитъ почти то же, что ваши слова — непорочность, скромность, невинность.

— О! какъ это мило! вскричалъ Альберъ: какъ бы я желалъ, чтобы наши Парижанки назывались мадмоазель Доброта, мадмоазель Молчаливость. Если бы мадмоазель Дангларъ, напримѣръ, вмѣсто Клары-Маріи-Евгеніи называлась мадмоазель Скромность-Кротость-Невинность Дангларъ, какой бы это произвело эффектъ на свадебномъ билетѣ!

— Насмѣшникъ! не шутите такъ громко: Гандѣ можетъ услышать.

— Она разсердится?

— Нѣтъ, не разсердится! гордо отвѣчалъ графъ.

— Такъ она добра? спросилъ Альберъ.

— Это не доброта, а долгъ. Раба не сердится на своего господина.

— Полноте! вы шутите! Неужели она въ самомъ дѣлѣ невольница?

— Безъ-сомнѣнія. Вѣдь я говорилъ вамъ, что купилъ ее въ Константинополь.

— Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у васъ все не такъ какъ у другихъ! Невольница графа Монте-Кристо! Это порядочное состояніе во Франціи. Смотри по тому какъ вы разгребаете золото, это мѣсто должно давать сотъ-пять-тысячъ въ годъ.

— Пять-сотъ-тысячъ! Она, бѣдняжка, имѣла больше этого. Она родилась посреди сокровищъ, въ сравненіи съ которыми сокровища Тысячи и Одной Ночи ничего не значать.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ княжна?

— Княжна, и притомъ одна изъ знатнѣйшихъ въ своемъ краѣ.

— Но какимъ же образомъ, такая знатная княжна Юнона въ невольницы?

— Какимъ образомъ Тирапъ Денисъ попалъ въ школьные учителя? Случайности войны, любезный виконтъ, прихоти счастья.

— А ея имя — тайна?

— Для всѣхъ, но не для васъ, любезный виконтъ, потому что вы мой другъ, потому что вы будете молчать, когда дадите обѣщаніе?

— О, честное слово!

— Вы знаете исторію янинскаго паши?

— Али-Тебелина? Безъ-сомнѣнія: отецъ мой служилъ у него.

— Да, я и забылъ.

— Какое же отношеніе Гандѣ имѣеть къ Али-Тебелину?

— Она его дочь.

— Какъ! дочь Али-Паши?

— И прекрасной Василики.

— И она ваша невольница?

— Да, да.

— Какимъ же образомъ?

— Очень просто. Проходя однажды по константинопольскому рынку, я купилъ ее.

— Просто! Но у васъ, любезный графъ, конечно, все просто, даже самыя небывалыя чудеса. Теперь послушайте, я предложу вамъ очень нескромный вопросъ.

— Ничего, говорите.

— Но вы вѣдь выѣзжаете съ нею, вы возите ее въ оперу.

— Ну такъ что же?

— Поэтому я могу попросить этой милости.

— Вы можете требовать отъ меня всего, что вамъ угодно.

— Хорошо же, любезный графъ! представьте меня вашей княжнѣ.

— Охотно, но съ условіемъ.

— Съ какимъ угодно!

— Во-первыхъ, вы никому не скажете объ этомъ свиданіи.

— Хорошо, клянусь.

— Во-вторыхъ, вы не скажете ей, что вашъ отецъ служилъ у Али-Паши.

— И въ этомъ клянусь, хотя мнѣ чрезвычайно пріятно было бы слышать имя моего отца, изъ устъ вашей удивительной невольницы. Но вы не хотите, извольте, я не спрошу и ничего не скажу объ немъ.

— Ну, хорошо.

Монте-Кристо ударилъ въ гонгъ; Али явился.

— Доложи Гандѣ, сказалъ графъ, что я иду къ ней, нить кофѣ, и скажи, что я прошу позволенія представить ей одного изъ моихъ друзей.

Али поклонился и вышелъ.

— Еще я васъ попрошу, любезный виконтъ, продолжалъ Монте-Кристо, не дѣлайте ей ни какихъ прямыхъ вопросовъ. Если вы пожелаете узнать что-нибудь, спросите у меня, я спрошу у нея.

— Извольте.

Али воротился и приподнялъ драпировку двери, въ знакъ, что Гандѣ просить пожаловать. Монте-Кристо пошелъ впередъ; Альберъ оправилъ прическу, закрутилъ усы и пошелъ за нимъ. Гандѣ ожидала ихъ черезъ двѣ комнаты въ третьей, и несмотря на предварительный докладъ, посмотрѣла на Морсерфа съ удивленіемъ. Никогда еще Монте-Кристо не приводилъ къ ней чужаго мужчину.

Она сидѣла, поджавши ноги, на софѣ, посерединѣ подушекъ, изъ самыхъ дорогихъ восточныхъ шелковыхъ тканей. Передъ нею лежала лютия. Когда Монте-Кристо подошелъ, она привстала и

съ очаровательною улыбкою дочери, по обыкновенію, поцѣловала у него руку. Альберъ остановился на порогѣ. Гандѣ, въ своемъ живописномъ домашнемъ костюмѣ, окруженная всею роскошью Востока и притомъ вблизи, была несравненно прекраснѣе нежели въ театрѣ. Альберъ былъ ослѣпленъ.

— Кого ты привелъ ко мнѣ? спросила Гандѣ по-ромайски: друга, простаго знакомца, или врага?

— Друга, отвѣчалъ Монте-Кристо на томъ же языкѣ; того самого, котораго я выручилъ у бандитовъ, въ Римѣ.

— На какомъ языкѣ я могу говорить съ нимъ?

— Вы знаете ново-греческій языкъ? спросилъ Монте-Кристо у Морсерфа.

— Увы! отвѣчалъ тотъ: ни ново-греческаго, ни древне-греческаго! Никогда Гомеръ и Платонъ не имѣли болѣе лѣнливаго и болѣе небрежнаго ученика.

— Ты не хочешь, чтобы я говорила по-французски? опять спросила Гандѣ.

— Нѣтъ, говори по-италіянски. Жаль, что вы не знаете по-гречески, продолжалъ графъ обращаясь къ Морсерфу: Гандѣ принуждена будетъ говорить съ вами по-италіянски, а это можетъ дать вамъ не совѣтъ вѣрное понятіе объ ней.

Онъ сдѣлалъ ей знакъ.

— Добро пожаловать, другъ, пришедшій съ моимъ господиномъ и повелителемъ, сказала Гандѣ очень чисто по-тоскански. Али! кофе и трубки!

Али пошелъ исполнить приказаніе своей госпожи. Монте-Кристо указалъ Альберу табуретъ и самъ сѣлъ на другой, подлѣ столика, уставленнаго цвѣтами и заваленнаго нотами, гравюрами и дорогими альбомами. Пубіецъ принесъ кофе и трубки. Альберъ отказался отъ трубки.

— О! курите, курите! сказалъ Монте-Кристо: Гандѣ почти столько же образована какъ Парижанка. Ей только гаванскій табакъ непріятенъ, потому что она вообще дурнаго запаху не любитъ, но турецкій благовонный. Вотъ ея собственный кальянъ.

Кофе подали въ чашкахъ японскаго фарфору, приготовленный по-восточному. Только для Альбера подали сахару. Монте-Кристо и Гандѣ пили его совершенно по-турецки, безъ сахару. Вслѣдъ затѣмъ двѣ женщины принесли шербету и мороженаго и поставили на назначенныхъ для этого маленькихъ столикахъ.

— Любезный хозяинъ и вы, синьора, извините мое замѣшательство, сказалъ Альберъ: я совершенно неожиданно нахожу здѣсь

весь Востокъ, не тотъ Востокъ, который я видѣлъ, но тотъ, о которомъ мечталъ. О, какъ я сожалею, синьора, что не могу говорить съ вами по-гречески! Ваша бесѣда при всей этой волшебной обстановкѣ, совершенно заставила бы меня забыть, что я въ Парижѣ.

— Я очень буду рада, если могу доставить вамъ пріятную минуточку, отвѣчала Гандѣ: мы можемъ по-крайней-мѣрѣ говорить о Востокѣ, если вамъ угодно.

— О, говорите, говорите, пожалуйста! вскричалъ Альберъ.

Гандѣ взглянула на Монте-Кристо.

— Говори, о чемъ хочешь, сказалъ онъ по-романски: расскажи исторію твоего отца, но не называй измѣнника по имени и ничего не говори объ измѣнѣ.

— Какихъ лѣтъ синьора оставила Грецію? спросилъ Альберъ у Монте-Кристо, вспомнивъ свое обѣщаніе.

— Она сама скажетъ вамъ, отвѣчалъ графъ и повторилъ вопросъ по-итальянски.

— Пяти лѣтъ, отвѣчала Гандѣ.

— И вы помните ваше отечество?

— Когда я закрою глаза, я вижу все, что тогда видѣла. Есть два зрѣнія, зрѣніе тѣла и зрѣніе души. Тѣлесное зрѣніе иногда забываетъ видѣнное, но душевное всегда помнить. Я помню время, когда мнѣ было не больше трехъ лѣтъ, когда мать моя, Василика... *Василика* значитъ Царственная, прибавила дѣвушка поднимая голову... я помню, какъ мать моя брала меня съ собою когда, бывало, накрывшись большимъ покрываломъ, отправлялась въ темницы подавать милостыню заключеннымъ.

— Стало-быть, вы помните все, что происходило у васъ съ тѣхъ-поръ какъ вамъ было три года отъ-роду?

— Помню. Я часто вижу себя въ тѣни смоковницъ, на берегу свѣтлаго озера, вижу, какъ я играла съ сѣдою бородой моего отца и осыпанною алмазами рукояткою его канжара. Я вижу, какъ по-временамъ приходитъ Албанецъ и говорить ему нѣсколько словъ, на которыя я не обращала ни какого вниманія и онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ отвѣчалъ: Убить! или Помиловать!

— Какъ странно слышать подобныя вещи отъ молодой женщины, не на театрѣ, и сказать себѣ: это не призракъ, не обманъ! вскричалъ Альберъ; но какъ же вы, съ этимъ поэтическимъ горизонтомъ, съ этою удивительною далью, находите вашу Францію?

— Хорошая страна, отвѣчала Гандѣ: но я вижу Францію такую, какова она дѣйствительно, потому что я смотрю на нее

глазами женщины, тогда какъ, мнѣ кажется, родина моя, на которую я смотрѣла глазами ребенка, навсегда останется для меня облеченною въ туманъ, свѣтлый или мрачный, смотря по воспоминаніямъ счастливыхъ дней или години тяжкихъ страданій.

— Вы такъ молоды, синьора! сказалъ Альберъ съ искреннимъ участіемъ: неужели вы могли много пострадать?

Ганде взглянула на Монте-Кристо, который чуть примѣтно кивнулъ и шепнулъ:

— Рассказывай!

Ганде грустно улыбнулась и мрачная тѣнь быстро скользнула по ея прекрасному лицу.

— «Мнѣ было четыре года, сказала она, когда, однажды вечеромъ, мать разбудила меня и подняла съ постели. Открывъ глаза, я увидѣла, что она плачетъ. Она понесла меня, не говоря ни слова. Видя ея слезы, я тоже заплакала. — Молчи, дитя! сказала она. Будучи балованнымъ ребенкомъ, я, часто, несмотря на увѣщанія и угрозы матери, продолжала плакать. Но на этотъ разъ въ голосъ бѣдной матери звучалъ такой ужасъ, что я въ ту же минуту замолчала. Она поспѣшно бѣжала со мною. Это было въ янинскомъ замкѣ. Мы спускались по широкой лѣстницѣ. Впереди и за нами всѣ женщины моей матери бѣжали толпою, унося сундуки, корзинки, наряды, драгоценности и деньги. За нами шла стража, человекъ двадцать Албанцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками и пистолетами. Смятеніе полусонныхъ женщинъ и рабовъ было ужасно. По лѣстницѣ мелькали огни факеловъ и длинные черныя тѣни. — Скорѣй! вскричалъ голосъ позади насъ, въ глубинѣ темнаго корридора.

«Отъ этого голосу всѣ вздрогнули, и я тоже. Это былъ голосъ моего отца. Онъ шелъ позади всѣхъ, съ винтовкою въ рукахъ, опираясь на плечо своего любимца, Селима, и, охраняя, гналъ насъ какъ пастухъ свое стадо. Мой отецъ, прибавилъ Ганде, поднявъ голову, былъ Алн-Тебелинъ, паша янинскій, передъ которымъ трепетала Турція.»

Альберъ, самъ не зная почему, вздрогнулъ при этихъ словахъ, произнесенныхъ съ невыразимою гордостью и достоинствомъ. Ему показалось, будто что-то мрачное, ужасное сверкнуло въ глазахъ дѣвушки, когда она, подобно пионѣ, вызывающей тѣни усоншихъ, будила воспоминаніе о человекѣ, котораго кровавая, ужасная смерть возвеличила въ глазахъ современной Европы.

— «Скоро толпа остановилась, продолжала Ганде: мы пришли къ берегу озера. Мать прижала меня крѣпче къ взволнованной

грудн. Отецъ стоялъ позади насъ и осматривался кругомъ. Передъ нами были четыре мраморныя ступени. У ступеней покачивалась лодка, а вдали на озерѣ чернѣлъ островокъ съ кіоскомъ. Мы сѣли въ лодку, я съ матерью, наши женщины, отецъ и Селимъ. Паликары остались на берегу. Я примѣтила, что весла не производили ни малѣйшаго шума, такъ осторожно гребцы работали. Однако жъ лодка неслась быстрѣе вѣтру. Куда мы ѣдемъ такъ скоро? спросила я у матери.— «Молчи, дитя! отвѣчала мать: мы бѣжимъ». Я не поняла, что это значило. Я не понимала, почему отецъ бѣжитъ, онъ, могущественный, котораго всѣ такъ боялись и который избралъ себѣ девизомъ «Они ненавидятъ меня, стало-быть бояться!» Но мы дѣйствительно бѣжали. Впослѣдствіи я узнала, что гарнизонъ Янины, утомленный продолжительною службой, договаривался съ сераскиромъ, котораго султанъ послалъ схватить моего отца. Тогда отецъ, отправивъ къ султану одного франкскаго офицера, къ которому питалъ полное довѣріе, рѣшился удалиться въ убѣжище, которое давно приготовилъ себѣ».

— Вы помните имя этого офицера, синьора? спросилъ Морсеръ.

Монте-Кристо бросилъ на Гандѣ взглядъ, быстрый какъ молнія.

— Нѣтъ, сказала она, не помню. Если вспомню такъ скажу. Мы плыли къ кіоску. Снаружи это была простая двухъ-этажная бесѣдка на берегу озера. Но подъ нею находилось обширное подземелье. Туда спрятали всѣхъ насъ. И отецъ остался съ нами. Тутъ же въ одной кучѣ лежали шестдесятъ тысячъ мѣшковъ и двѣсти боченковъ. Въ мѣшкахъ было на двадцать пять миллионъ золота; въ боченкахъ — тридцать-тысячъ фунтовъ пороху. Подлѣ этихъ боченковъ стоялъ Селимъ, съ зажженнымъ фитилемъ, прикрѣпленнымъ къ концу копья. Ему приказано было взорвать все, кіоскъ, стражу, женщинъ и золото, по первому знаку моего отца. Я помню, какъ невольницы, знавшія объ этомъ ужасномъ приказаніи, дни и ночи проводили въ рыданіяхъ и молитвѣ. Я какъ теперь вижу молодаго солдата, блѣднаго, съ черными глазами, съ курящимся фитилемъ въ рукахъ, и я увѣрена, что, когда ангелъ смерти прійдетъ за мною, я узнаю Селима.

«Не знаю навѣрное, сколько дней мы провели такимъ образомъ. Иногда, но очень рѣдко, отецъ вызывалъ меня съ матерью на террасу кіоска. Это послѣ душнаго подземелья были праздники для меня. Тогда отецъ обыкновенно сидѣлъ передъ какою-то

большою аркой и устремлялъ мрачный взоръ въ глубину горъ-зонпта, вглядывался въ каждую черную точку, появившуюся на озерахъ, между-тѣмъ какъ мать моя, полулежа подлѣ него, приклоняла голову къ его плечу, а я играла у его ногъ и съ безпечнымъ любопытствомъ смотрѣла на высившіеся вдали утесы Пинда, на бѣлыя, угловатыя башни Янины, которыя какъ-будто плавали на синихъ водахъ озера, и на темную зелень, которая гѣпилась по бокамъ горъ и издали казалась мхомъ или травою, а вблизи превращалась въ вѣковые кедры и огромные мирты.

«Однажды утромъ, когда мы сидѣли такимъ образомъ на террасѣ, отецъ былъ мрачнѣе и блѣднѣе обыкновеннаго; мать всю ночь проплакала.

— Потерпи, Василика, сказалъ онъ: сегодня все кончится. Сегодня придетъ султанскій фирмапъ и участь моя рѣшится. Если помилованіе будетъ полное, мы съ торжествомъ воротимся въ Янпу; если вѣсть дурна, мы бѣжимъ выпѣшною ночью.

— Но если намъ не дадутъ бѣжать? возразила Василика.

— О, будь спокойна! отвѣчалъ Али съ улыбкой: Селимовъ фитиль ручается мнѣ за нихъ. Имъ хочется моей смерти, однако не хочется умереть со мною.

«Василика вздохнула и припаялась готовить воду со льдомъ, которую отецъ мой со времени удаленія въ кіоскъ пилъ почти безпрестанно, потому что его сжигала горячка. Потомъ она умастила его сѣдую бороду благовоннымъ масломъ и закурила ему трубку, съ которою онъ часто сиживалъ по нѣскольку часовъ въ раздумьѣ и разсѣянно слѣдилъ глазами за струями исчезающаго въ воздухѣ дыму.

«Вдругъ онъ встрепенулся, такъ что я испугалась, и не сводя глазъ съ точки, которая привлекла его вниманіе, потребовалъ подозрннй трубы. Василика подала трубу. Сама она была блѣднѣе мраморной колонны, къ которой прислонялась. Я примѣтила, что руки у отца дрожать.

— Лодка!... двѣ!... три!... четыре! пробормоталъ отецъ.

«И онъ всталъ, схватилъ свое оружіе и насыпалъ порошу на полки пистолетовъ.

— Василика, сказалъ онъ съ видимымъ трепетомъ: вотъ рѣшительная минута. Черезъ полчаса мы узнаемъ отвѣтъ султана. Возьми Гайдѣ и ступай въ подземелье.

— Али! господинъ мой! я не оставлю тебя! вскричала Василика: если ты умрешь, я хочу умереть съ тобою!

— Ступай къ Селиму! умереть, такъ умремъ всѣ вмѣстѣ! от-

вѣчалъ отецъ и, поцѣловавъ меня въ лобъ, приказалъ паликарамъ проводить насъ.

«Этотъ поцѣлуй былъ послѣдній. Онъ у меня еще горитъ здѣсь, на лбу.

«Когда мы спускались изъ кіоска въ подземелье, человѣкъ двадцать паликаровъ, съ ружьями на-готовѣ, съ налитыми кровью глазами, припавъ на колѣни, сквозь рѣшетки вглядывались въ лодки, которыя быстро приближались. Мы ушли въ мрачное убѣжище.

«Селимъ всё стоялъ на своемъ мѣстѣ. Онъ печально улыбнулся намъ. Мы взяли наши подушки и сѣли подлѣ него. Въ большой опасности преданныя другъ другу сердца сблизаются. Какъ ни мала я была, однако жъ чувствовала, что надъ нами носится великое несчастье».

Альберъ часто слышалъ, не отъ отца, который никогда не говорилъ объ этомъ, но отъ постороннихъ, рассказы о послѣднихъ минутахъ янинскаго паши и читалъ многія описанія его трагической смерти; но это повѣствованіе, ожившее въ лицѣ и въ голосѣ Гандѣ, эта живая элегія вмѣстѣ очаровывала его и поражала неизъяснимымъ ужасомъ.

Гандѣ, подавленная тяжестью вызванныхъ страшныхъ воспоминаній, на минуту умолкла. Голова ея, какъ цвѣтокъ въ бурю, склонилась на руку и блуждающіе глаза, казалось, еще видѣли зеленѣющіе утесы Пинда на горизонтѣ и сиянія воды янинскаго озера, съ отраженіемъ мрачной картины, которую она рисовала.

Монте-Кристо смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ безпредѣльнаго участія и состраданія.

— Продолжай, дочь моя, сказалъ онъ по-ромайски.

Гандѣ, какъ-будто пробудившись отъ сна, подняла голову и продолжала рассказъ.

— «Былъ пятый часъ вечера. Хотя солнце еще стояло высоко, однако жъ насъ окружалъ мракъ подземелья. Только Селимовъ фтиль мерцалъ одиноко, какъ красная звѣзда на черномъ небѣ. Матъ моя была христіянка. Она молилась. Селимъ отъ времени до времени повторялъ священныя слова:

— Аллахъ великъ!

«Услышавъ шумъ, Василика подошла къ лѣстницѣ и стала прислушиваться.

— Приближаются! сказала она съ трепетомъ: дай Богъ, чтобы онѣ принесли миръ и жизнь!

— Чего ты боишься, Василика? отвѣчалъ Селимъ: если они

не принесутъ миру, мы отвѣтимъ имъ войной; если не принесутъ жизни, мы дадимъ имъ смерть.

«И онъ завертѣлъ фитилемъ, чтобы раздуть огонь. Мнѣ стало страшно. Это мужество казалось мнѣ дикимъ и безумнымъ; я боялась страшной смерти въ воздухѣ и огнѣ. Мать, вѣроятно, то же чувствовала: я видѣла, какъ она затреникала.

— Боже мой! Боже мой! Маменька, неужели мы умремъ? вскричала я.

«И голосъ мой удвоилъ громкія молитвы и рыданія невольницы.

— Дитя, отвѣчала Василика: оборони тебя Богъ, чтобы тебѣ не пришлось потомъ желать этой смерти, которой ты такъ боишься теперь.... Селимъ! шепнула она потѣмъ: что приказалъ тебѣ Алі?

— Если онъ пришлетъ мнѣ свой кинжалъ, значить султанъ не дастъ пощады, и я взорву кіоскъ. Если пришлетъ перстень, значить султанъ прощаетъ и мы будемъ жить.

— Другъ! сказала Василика: если повелитель нашъ пришлетъ кинжалъ, убей насъ сперва тѣмъ кинжаломъ. Смерть отъ взрыву слишкомъ ужасна.

— Хорошо, спокойно отвѣчалъ Селимъ.

«Вдругъ надъ головами у насъ, въ кіоскъ, раздались крики. Мы стали прислушиваться. Это были крики радости. Паликары вторяли имя Франка, котораго отецъ мой посылалъ въ Константинополь. Очевидно было, что онъ принесъ благопріятный отвѣтъ отъ султана».

— И вы не помните имени этого Франка? спросилъ Альберъ, забывъ свое обѣщаніе.

Монте-Кристо сдѣлалъ ему знакъ.

— Не знаю.... не помню, отвѣчала Гандѣ.

«Шумъ усилился. Послышались шаги на лѣстницѣ. Селимъ приготовилъ фитиль. Скоро въ отверстіи лѣстницы, куда проникалъ слабый, отраженный дневной свѣтъ, показалась черная тѣнь.

— Кто ты? вскричалъ Селимъ; но кто бы ты ни былъ, не подходи.

— Слава Аллаху и да здравствуетъ султанъ! сказала тѣнь: Алі-Пашѣ дарована не только жизнь, но и свобода и богатство.

«Василика вскрикнула и крѣпко прижала меня къ груди.

— Стой! сказалъ Селимъ, видя, что она уже готова выбѣжать: ты знаешь, что мнѣ нуженъ перстень.

— Правда, отвѣчала она и, унавъ на колѣни и поднимая меня къ небу, читала благодарственную молитву».

И Ганде вторично остановилась. Потъ градомъ выступалъ на блѣдномъ лбу, и задушенный голосъ съ трудомъ вырывался изъ засыхающаго горла.

Монте-Кристо подагъ ей стаканъ воды, и сказалъ съ нѣжностью, но нѣскольکو повелительно:

— Мужайся, дочь моя!

Ганде отерла глаза и лобъ, и продолжала:

— «Между-тѣмъ глаза наши, привычныя къ мраку, разглядѣли посланнаго. Это былъ другъ. Селимъ узналъ его, однако жъ не довѣрялъ ни кому и строго исполнялъ приказаніе паша.

— Чтѣ ты принесъ отъ господина нашего? спросилъ онъ.

— Перстень, отвѣчалъ посланный, поднявъ руку надъ головой. «Но было такъ темно, что Селимъ не могъ разглядѣть.

— Положи его на землю и отойди, сказалъ онъ.

«Посланный исполнилъ требованіе и отступилъ на нѣскольکو шаговъ. Мы трепетали. Селимъ въ свою очередь подошелъ, поднялъ положенное и поцѣловалъ.

— Перстень господина моего, Али-Паши! сказалъ онъ, и затопталъ фтиль.

«Посланный дико вскрикнулъ отъ радости и захопалъ въ ладоши. По этому сигналу вбѣжали четверо солдатъ сераскира Хуршида и Селимъ упалъ подъ пятью ударами кинжаловъ. Потомъ убійцы, онянѣвшіе отъ радости, однако жъ еще блѣдные отъ страху, побѣжали искать по всѣмъ угламъ подземелья, нѣтъ ли еще огня, и какъ безумные валялись на мѣшкахъ съ золотомъ.

«Между-тѣмъ мать схватила меня на руки и, скрывшись въ темнотѣ, побѣжала на другую потайную лѣстницу, которая также вела въ кіоскъ, гдѣ господствовала страшная тревога. Нижний этажъ весь былъ наполненъ солдатами Хуршида, то есть, нашими врагами. Мы прошли въ верхъ, во второй этажъ, и остановились у запертой рѣшетчатой двери. Страшно и грозно гремѣлъ голосъ Али-Паши. Мы приникли къ рѣшеткѣ и смотрѣли въ узкія скважины.

— Чего вы хотите? кричалъ отецъ людямъ, которые держали передъ нимъ большой листъ съ золотыми письменами.

— Мы передаемъ тебѣ волю великаго падишаха, отвѣчали они: видишь фирманъ?

— Вижу.

— Ну, читай. Онъ требуетъ твоей головы.

«Отецъ съ страшнымъ, насмѣшливымъ хохотомъ откатнулся назадъ и разомъ выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ. Двое враговъ

унали. Въ то же время стоявшіе позади его паликары дали ружейный залпъ. Враги отвѣчали тѣмъ же. Кіоскъ наполнился громомъ, огнемъ и дымомъ. Пули на-вылетъ пробивали доски вокругъ насъ. О! какъ хорошъ, какъ великъ былъ Али-Тобелинъ посреди этихъ пуль, съ ятаганомъ въ рукахъ, съ почернѣвшимъ отъ пороху лицомъ! Какъ враги его оробѣли и побѣжали.

— Селимъ! Селимъ! огня! кричалъ мой отецъ.

— Селимъ убить! Али, ты погубъ! отвѣчалъ какой-то голосъ, какъ-будто изъ-подъ земли.

«И въ то же время раздался сильный, глухой залпъ. Половицы вокругъ отца моего разметѣлись въ щепы. Нѣсколько паликаровъ пали мертвые. Солдаты Хуршида выстрѣлили сквозь досчатый полъ изъ нижняго этажа. Отецъ взревѣлъ отъ ярости и, запустивъ руки въ дыры отъ выстрѣловъ, вырвалъ цѣлую половицу. Въ то же время раздался второй залпъ. Ружейный огонь сверкнулъ въ отверстіи, какъ изъ жерла волкана. Обои и занавѣсы вспыхнули.

«Посреди этой ужасной суматохи, посреди этого страшнаго крику, раздались два стопа, ужаснѣе всѣхъ прочихъ; два выстрѣла, громче всѣхъ другихъ: я оледенѣла отъ ужасу. Эти два выстрѣла смертельно поразили моего отца; это онъ испустилъ два пронзительные стопа. Между-тѣмъ онъ устоялъ на ногахъ, ухватившись за раму окна. Мать моя съ крикомъ ломилась въ запертую дверь. Она хотѣла умереть съ мужемъ. Вокругъ Али-Паши всѣ паликары валялись въ смертныхъ судорогахъ. Только двое или трое, которые были полегче ранены, выскочили въ окна. Въ то же время подломленный снизу полъ затрещалъ. Отецъ упалъ на одно колѣно. Въ отверстіи явилось двадцать ятагановъ, ружей и кинжаловъ, и всѣ устремились на моего отца! Онъ упалъ и совсѣмъ исчезъ въ вихрѣ дыму и огня, посреди неистовыхъ воплей враговъ. Мать моя безъ чувствъ покатила съ лѣстницы и увлекла меня въ паденіи...»

Гандѣ опустила руки и, простонавъ, взглянула на Монте-Кристо, какъ-бы спрашивая доволенъ ли онъ ея твердостью и повиновеніемъ. Графъ всталъ, взялъ ее за руки и сказалъ по-ромайски:

— Отдохни, милое дитя мое, ободрись и помни, что есть Богъ, который караетъ измѣнниковъ.

— Какая ужасная исторія! сказалъ Альберъ, испуганный бѣдностью Гандѣ: я жалѣю, что былъ такъ жестоко нескромненъ.

— Ничего, пройдетъ, отвѣчалъ Монте-Кристо, положивъ руку

на лобъ невольницы: Ганде женщина твердая. Она нерѣдко находила утѣшеніе въ томъ, что рассказывала повѣсть своихъ скорбей.

— Оттого, повелитель мой, что мои скорби напоминаютъ мнѣ твои благодѣянія, съ живостью возразила Ганде.

Альберъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ: онъ еще не слыхалъ того, что ему въ-особенности хотѣлось знать, то есть какимъ образомъ она стала рабою Монте-Кристо. Ганде поняла этотъ взглядъ и продолжала:

«Когда мать моя пришла въ себя отъ обмороку, ее привели къ сераскиру Хуршиду.

— Убей меня! вскричала она: но пощади честь вдовы Али-Паши!

— Объ этомъ ты не меня должна просить, отвѣчалъ сераскиръ.

— Кого же?

— Вотъ твой новый господинъ, сказалъ онъ, указавъ на чело-вѣка, который больше всѣхъ былъ виновенъ въ гибели моего отца.

— Но измѣнникъ не посмѣлъ держать насъ у себя, продолжала Ганде съ мрачнымъ гнѣвомъ: онъ продалъ насъ торговцу невольниками, который отправлялся въ Константинополь. Мы прибыли въ султанскую столицу, окруженные толпою любопытныхъ, изнуренные горемъ и стыдомъ. Вдругъ мать моя пронзительно вскрикнула и, указавъ мнѣ на городскія ворота, упала: надъ воротами торчала отрубленная голова моего отца. Я со слезами бросилась на грудь матери. Она была мертва! Меня выставили на базаръ. Одинъ богатый Армянинъ купилъ меня, воспиталъ и тринадцати лѣтъ отъ-роду продалъ султану Махмуду».

— У котораго я выкупилъ ее за изумрудъ, подобный тому, какой вы видѣли у меня, прибавилъ Монте-Кристо.

— О! ты добръ, ты великъ, господинъ мой! вскричала Ганде, цѣлуя руку графа: я счастлива, что принадлежу тебѣ.

Альберъ не могъ прійти въ себя отъ этихъ рассказовъ.

— Чтò же вы не допиваете вашего кофе? сказалъ графъ: исторія кончена.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, графъ де-Морсерфъ надѣлъ свой генеральскій мундиръ со всѣми орденами и поѣхалъ къ барону Данглору. Банкиръ принялъ своего стариннаго друга, очень величественно развалился въ креслахъ. Съ нѣкоторыхъ поръ трудно было застать его въ веселомъ и разговорчивомъ расположеніи духа, которымъ онъ отличался прежде. Графъ де-

Морсеръ, напротивъ, оставилъ свое обыкновенное, брюзгливое выраженіе и вошелъ въ гостиную съ сіяющимъ лицомъ. Рассчитывая несомнѣнно на хорошій пріемъ, онъ оставилъ дипломатію въ сторонѣ и приступилъ прямо къ дѣлу.

— Баронъ, сказалъ онъ: мы давно уже ходимъ кругомъ и около прежнихъ нашихъ рѣчей....

Морсеръ ожидалъ, что лицо банкира просіяетъ при этихъ словахъ, но оно, напротивъ, по непостижимой причинѣ, стало еще холоднѣе и суровѣе. Оттого Морсеръ и не договорилъ своей фразы.

— Какихъ рѣчей, графъ? спросилъ банкиръ съ притворнымъ удивленіемъ.

— О! какой же вы формалистъ, любезный баронъ! Вы напоминаете мнѣ, что я не по всей формѣ дѣлаю предложеніе. Хорошо! Но извините меня: у меня только одинъ сынъ и я впервые собираюсь женить его, поэтому еще только-что учусь ремеслу свата. Извините, если нескучно выполняю.

И Морсеръ съ принужденною улыбкою всталъ, низко поклонился Данглару и сказалъ:

— Баронъ, я имѣю честь просить руки вашей дочери, мадам-зель Евгении Дангларъ, для моего сына, виконта Альбера де-Морсеръа.

Но Дангларъ, вмѣсто-того чтобы принять эту рѣчь такъ, какъ могъ ожидать отъ него графъ де-Морсеръъ, нахмурилъ брови и даже не попросилъ снова сѣсть.

— Прежде нежели я дамъ отвѣтъ, мнѣ нужно подумать, графъ, сказалъ онъ.

— Подумать! вскричалъ Морсеръ съ крайнимъ изумленіемъ: развѣ вы не имѣли времени подумать втеченіи осьми лѣтъ, съ тѣхъ-поръ, какъ мы въ первый разъ говорили объ этомъ бракѣ?

— Что жъ дѣлать, графъ! возразилъ Дангларъ: каждый день случаются вещи, которыя заставляютъ снова передумывать то, что считалось уже обдуманымъ.

— Я васъ не понимаю, баронъ.

— Я хочу сказать, что на этихъ дняхъ новыя обстоятельства.....

— Позвольте, перебилъ Морсеръ: не комедію ли мы играемъ?

— Какъ, комедію?

— Не угодно ли вамъ объясниться положительно, баронъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы видѣлись съ графомъ Монте-Кристо? by Google

— Я вижу съ нимъ очень часто, отвѣчалъ Дангларъ, поправивъ жабо: мы съ нимъ друзья.

— Хорошо! На-дняхъ вы видѣлись съ нимъ и сказали ему, что примѣчаете мою забывчивость и нерѣшительность насчетъ этого брака.

— Правда.

— Ну, такъ вотъ, я и являсь. Вы видите, что я не забывчивъ и не нерѣшителенъ. Я пришелъ напомнить вамъ ваше обѣщаніе.

Дангларъ не отвѣчалъ.

— Вы такъ скоро перемѣнили ваше намѣреніе? прибавилъ Морсеръ: или вы вызвали меня на предложеніе, для того чтобы оскорбить меня отказомъ?

Дангларъ понялъ, что продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ опасно.

— Я понимаю, графъ, что моя осторожность должна удивлять васъ, сказалъ онъ, зато повѣрьте мнѣ, она меня первого огорчаетъ; повѣрьте, что къ этой осторожности побуждаютъ меня самыя важныя обстоятельства.

— Это, баронъ, всё рѣчи загадочныя, которыя разгадывать вы можете заставить кого-нибудь другаго, но не графа де-Морсеръа. Графъ де-Морсеръа имѣетъ право требовать положительнаго отвѣту и ясныхъ причинъ.

Дангларъ былъ трусъ, однако не хотѣлъ казаться трусомъ. Тонъ Морсеръа уязвилъ его.

— За ясными причинами дѣло не станетъ, отвѣчалъ онъ, но...

— Что вы хотите сказать?

— Что ясная причина у меня есть, но что трудно объявить ее.

— Вы понимаете однако, что я не могу удовольствоваться такимъ отвѣтомъ, хотя и вижу ясно, что вы отказываетесь отъ родства со мною.

— Нѣтъ, графъ, я только откладываю мое рѣшеніе, вотъ и все.

— Но неужели же вы думаете, что я до такой степени подчинюсь вашимъ капризамъ, что терпѣливо стану дожидаться возвращенія милостиваго вашего расположенія?

— Если вамъ неугодно подождать, то будете смотрѣть на наше предположеніе какъ-будто бы объ немъ никогда и рѣчи не было.

Графъ де-Морсеръа укусилъ себѣ губу до-крови, чтобы не надмать шуму, какъ побуждалъ его гордый и раздражительный характеръ. Ктому же онъ понялъ, что въ такихъ обстоятельствахъ сѣшонъ будетъ онъ, а не Дангларъ. Онъ уже сталъ-

было приближаться къ дверямъ, но одумался и воротился. По лицу его скользнула тѣнь, которая вмѣсто оскорбленной гордости оставила слѣдъ неопредѣленнаго безпокойства.

— Послушайте, любезный баронъ, сказалъ онъ, мы знаемъ другъ друга очень давно и, слѣдовательно, должны нѣсколько уважать одинъ другаго. Объясните же мнѣ, по какому несчастному обстоятельству мой сынъ лишился вашего добраго расположенія?

— Это обстоятельство лично до виконта не касается, вотъ все, что я могу сказать, отвѣчалъ Дангларъ, который тотчасъ снова сталъ дерзокъ, лишь-только увидѣлъ, что Морсеръ смягчается.

— До кого же касается? спросилъ графъ, встревожившись.

Дангларъ примѣтилъ это смущеніе и устремилъ на друга взглядъ тверже нежели на всякаго другаго.

— Поблагодарите меня, что я не объясняюсь подробнѣе, сказалъ онъ.

Нервическій трепеть, вѣроятно отъ подавленнаго негодованія, пробѣжалъ по всѣмъ членамъ Морсеръа.

— Я имѣю право требовать объясненія, сказалъ онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе: кѣмъ вы недовольны? моею женой? или имѣніе мое недостаточно? Или, наконецъ, политическія мнѣнія мои...

— Нѣтъ, ничего этого нѣтъ. Мнѣ было бы не извинительно представлять эти предлоги: я все это зналъ, когда вступалъ въ первый совѣщанія. Но и настоящей причины сказать вамъ не могу. Сдѣлайте одолженіе, оставимте дѣло какъ есть; примемъ среднее положеніе, котораго нельзя назвать ни разрывомъ ни обязательствомъ. Повременимъ. Между-тѣмъ время пойдетъ своимъ чередомъ и приведетъ съ собой и объясненіе и рѣшеніе. Вещи темныя сегодня, иногда становятся слишкомъ ясными завтра. Иногда отъ одного слова, въ одинъ часъ падаютъ самыя жестокия клеветы.

— Клеветы, говорите вы, баронъ? вскричалъ Морсеръ, блѣднѣя: клеветы на меня?

— Оставимте объясненія, графъ, прошу васъ.

— Такъ я спокойно долженъ перенести этотъ отказъ?

— Прискорбный именно для меня, графъ, истинно прискорбный, потому что союзъ съ вашимъ семействомъ сдѣлалъ бы мнѣ честь. Кромѣ-того разошедшаяся свадьба всегда больше вредитъ невѣстѣ чѣмъ жениху.

— Хорошо, хорошо; не станемъ больше говорить объ этомъ, сказалъ Морсеръ и, разорвавъ отъ бѣшенства перчатку, ушелъ.

Дангларъ примѣтилъ, что его старинный другъ ни разу не

воспѣлъ спросить, не онъ ли самъ причиною тому, что получаетъ отказъ.

Вечеромъ у банкира было продолжительное совѣщаніе со многими друзьями. Андреа Кавальманти постоянно оставался въ дамской гостиной и уѣхалъ послѣ всѣхъ.

Наутро Дангларъ, получивъ газеты, поспѣшно отбросилъ двѣ или три и развернулъ «Безпристрастный»; журналъ, котораго отвѣтственнымъ редакторомъ былъ Бошанъ. Дангларъ поспѣшно пробѣжалъ столбцы и остановился на маленькой статейкѣ, которая начиналась словами: «Намъ пишутъ изъ Янины...

— Хорошо, сказалъ онъ съ злобною радостью: это маленькое извѣстіе избавитъ меня отъ необходимости подробно объясняться съ его сіятельствомъ графомъ де-Морсерфомъ.

Извѣстіе было такого содержания:

«Намъ пишутъ изъ Янины:

«До нашего свѣдѣнія дошелъ фактъ, донынѣ неизвѣстный или по крайней мѣрѣ нигдѣ ненапечатанный. Укрѣпленія города Янины сда ны Туркамъ однимъ французскимъ офицеромъ, къ которому паша Али-Тобелинъ питалъ полную довѣренность. Этого офицера звали Фернандомъ.»

Въ то же самое время, то есть часу въ десятомъ утра, виконтъ Альберъ де-Морсеръ пріѣхалъ къ Бошану. Онъ смотрѣлъ мрачно, говорилъ отрывисто. Бошанъ сначала не примѣтилъ этого и встрѣтилъ пріятеля восклицаніемъ радостнаго удивленія.

— Альберъ! Какими это судьбами? такъ рано! Садитесь, пожалуйста, я сейчасъ кончу, сказалъ журналистъ, собирая рукописи и корректурные листы.

— Я пріѣхалъ поговорить съ вами о вашемъ журналѣ, сказалъ Альберъ.

— Вы? Это въ какомъ отношеніи?

— Я желаю напечатать поправку.

— Поправку? Вы? Но по какому же поводу? Да садитесь же.

— Благодарю, отвѣчалъ Альберъ вторично, слегка кивнувъ головой.

— Объяснитесь.

— Я желаю, чтобы была напечатана поправка извѣстія, которое касается чести одного изъ членовъ моей фамиліи.

— Что за чудеса? возразилъ Бошанъ съ изумленіемъ: какое же это извѣстіе?

— То, что сегодня сообщено изъ Янины.

— Изъ Янины?

— Да, изъ Янины. Перестаньте же удивляться. Вы должны знать, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Клянусь честью.... Батистъ! сегодншній номеръ! вскричалъ Бошанъ.

— Не нужно, возразилъ Альберъ; я привезъ свой экземпляръ. Бошанъ прочиталъ шопотомъ:

«Намъ пишутъ изъ Янины», и прочая.

— Вы понимаете теперь, что это дѣло важное? спросилъ Альберъ, когда Бошанъ кончилъ.

— Такъ этотъ офицеръ вамъ родня? спросилъ журналистъ.

— Да, отвѣчалъ Альберъ, покраснѣвъ.

— Чтѣ же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ? спросилъ Бошанъ съ участіемъ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы опровергли это извѣстіе, любезный Бошанъ.

Журналистъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка со вниманіемъ, въ которомъ несомнѣнно было много благорасположенія.

— Позвольте, сказалъ онъ: это вовлечетъ насъ въ разговоръ довольно продолжительный. Поправка въ газетѣ вещь всегда довольно важная. Сядьте, пожалуйста, я еще разъ прочитаю эти строки.

Альберъ сѣлъ и Бошанъ еще разъ прочелъ извѣстіе.

— Вы видите, сказалъ Альберъ съ твердостью и даже съ суровостью: вы видите, что въ вашемъ журналѣ оскорбили одного изъ моихъ родныхъ и что я не безъ основанія требую опроверженія этого ложнаго извѣстія.

— Вы требуете?

— Да, требую.

— Такъ позвольте вамъ замѣтить, любезный виконтъ, что вы не имѣете права требовать.

— Я имѣю это право и потому требую, и непремѣнно вытребую. Вы мнѣ столь короткій другъ, — прибавилъ Альберъ сжимая губы, когда увидѣлъ, что Бошанъ съ своей стороны надмѣнно подымаетъ голову: вы столько знаете меня, я надѣюсь, что поймете мою настойчивость въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Если я вашъ другъ, Морсерфъ, такъ вы подобными рѣчами можете заставить меня позабыть это.... Но, полно, не станемъ горячиться.... Вы безпокойны, взволнованы, раздосадованы.... Кто же этотъ родственникъ, скажите?

— Этотъ родственникъ мой отецъ, отвѣчалъ Альберъ: Фернандъ Мондего, графъ де-Морсерфъ — старый генералъ, который

былъ въ двѣнадцати сраженіяхъ и котораго благородныя равны клевета хочеть закидать грязью.

— Вашъ отецъ! А! это другое дѣло! Теперь я понимаю ваше негодованіе, любезный Альберъ: но почему вы видите въ этомъ извѣстіи, что рѣчь идетъ о вашемъ отцѣ?

— Я это очень хорошо знаю. Но другіе увидятъ, и поэтому-то я хочу чтобы извѣстіе было опровергнуто.

При словѣ *хочу*, Бошанъ устремилъ глаза на Морсерфа и, тотчасъ же опять опустивъ ихъ, задумался.

— Вы опровергнете это извѣстіе, неправда ли, Бошанъ? спросилъ Альберъ съ возрастающимъ, хотя всё-еще сдерживаемымъ гнѣвомъ.

— Да, опровергну, отвѣчалъ журналистъ. Но тогда только, когда удостовѣрюсь, что оно ложное. Дѣло стоитъ разъясненія и я разъясню его.

— Но чего, тутъ объяснять, милостивый государь? вскричалъ Альберъ, вышедъ изъ себя: если вы думаете, что рѣчь идетъ не о моемъ отцѣ, скажите это тотчасъ же; если вы думаете, что объ немъ, дайте мнѣ отвѣтъ за такое мнѣніе.

— Милостивый государь, возразилъ Бошанъ съ небрежною улыбкой: если вы пришли требовать у меня удовлетворенія, такъ объ этомъ надобно было сказать раньше, а не толковать предварительно о дружбѣ и тому подобныхъ двусмысленныхъ вещахъ, какія я имѣю терпѣніе слушать уже около получасу. Такъ вы хотите, вы требуете, чтобы я опровергъ извѣстіе о французскомъ офицерѣ Фернандѣ?

— Хочу, требую!

— Безъ чего мы будемъ стрѣляться?

— Да!

— Хорошо. Вотъ мой отвѣтъ, милостивый государь. Это извѣстіе не я напечаталъ. Фактъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Но вы привлекли мое вниманіе и я постараюсь разъяснить его. Онъ останется напечатаннымъ, покуда не будетъ подтвержденъ или опровергнутъ основательно, кѣмъ слѣдуетъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду имѣть честь прислать къ вамъ моихъ секундантовъ, сказалъ Альберъ вставая: вы съ ними назначите мѣсто и оружіе.

— Извольте, милостивый государь.

— Такъ сегодня вечеромъ или по-крайней-мѣрѣ завтра утромъ мы увидимся?

— О! нѣтъ, нѣтъ! Я явлюсь на мѣсто, когда придетъ время.

Въ качествѣ вызваннаго, я имѣю право назначить время, а я полагаю, что оно еще не пришло. Я знаю, что вы очень хорошо деретесь на шпагахъ; я тоже дерусь изрядно. Я знаю, что вы изъ шести разъ три раза попадаете въ точку; я стрѣляю почти такъ же. Я знаю, что дуэль между нами будетъ дуэль не шуточная, потому что вы храбры я и тоже.... не трусь. Поэтому я не хочу ни васъ убить, ни быть убитымъ вами безъ причины. Вотъ мой отвѣтъ. Я согласенъ стрѣляться съ вами, но мнѣ нужно три недѣли сроку. Черезъ три недѣли я скажу вамъ или: да, извѣстіе ложно и вотъ опроверженіе, или нѣтъ, я не могу его опровергнуть, и мы стрѣляемся.

— Три недѣли! вскричалъ Альберъ: да вѣдь это три вѣчности! Впродолженіи трехъ недѣль имя мое можетъ быть тридцать разъ опозорено! Неужели я долженъ сносить это?

— Если бы вы остались моимъ другомъ, я сказалъ бы вамъ: потерпите, мой другъ. Вы сдѣлались моимъ врагомъ, я говорю: мнѣ какое дѣло, милостивый государь!

— Ну, хорошо. Такъ черезъ три недѣли. Но тогда уже ни какой срокъ ни отговорка не избавятъ васъ....

— Виконтъ де-Морсеръ! перебилъ Бошанъ, вставая въ свою очередь: раньше нежели черезъ три недѣли я не имѣю права выкинуть васъ за окно, точно такъ же и вы раньше этого сроку не имѣете права говорить мнѣ дерзости. Черезъ двадцать четыре дня, то есть двадцать-перваго сентября, мы увидимся. А до-тѣхъ-поръ не станемъ подражать собакамъ, которыя лаются на привязи.

Бошанъ съ важностью поклонился и ушелъ въ другую комнату. Альберъ выбѣжалъ на под'ѣздъ, вскочилъ въ кабріолетъ и выместилъ досаду на невинной лошади.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, онъ увидѣлъ Мореля, который куда-то шелъ пѣшкомъ очень торопливо, но съ сіяющимъ лицомъ.

— Ахъ! вотъ счастливый человекъ! сказалъ Альберъ про-себя.

На этотъ разъ Альберъ не ошибался: Морель въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ.

Старикъ Ноартіе послалъ за нимъ своего камердинера и онъ такъ спѣшилъ узнать причину, что не хотѣлъ дожидаться пока заложатъ кабріолетъ и, болѣе полагаясь на свои ноги нежели на извозничью клячу, побѣжалъ пѣшкомъ. Барроа слѣдовалъ за нимъ какъ могъ. Морелю было тридцать лѣтъ, Барроа насчитывалъ до шестидесяти; Мореля распалила любовь, Барроа изжарился на солнцѣ. Раздѣленные такимъ образомъ лѣтами и интере-

сами, эти два человѣка походили на два бока треугольника: различныя основаніемъ, они сходились на вершинѣ. Вершиною былъ Ноартіе, который желалъ увидѣться съ Морелемъ какъ можно скорѣе, и Морель, къ отчаянію Барроа, исполнялъ это желаніе буквально.

Ноартіе встрѣтилъ его веселымъ, пріятнымъ взоромъ, которому онъ обрадовался почти столько же, сколько улыбка Валентины.

Потомъ Ноартіе взглянулъ на свою внучку.

— Ты хочешь, чтобы я повторила ему, что ты сказала, дѣдушка? спросила Валентина.

— Да, отвѣчали глаза.

— Мосье Морель, продолжала Валентина, добрый дѣдушка впродолженіи трехъ дней наставлялъ мнѣ тысячу вещей, которыя не лишены занимательности и для васъ. Теперь онъ призвалъ васъ съ тѣмъ, чтобы я передала вамъ его мысли. Я исполню его порученіе слово въ слово.

— Говорите, говорите! я слушаю съ нетерпѣніемъ.

Валентина потупила глаза. Это предвѣщало Морелю доброе: Валентина была слаба только въ счастіи.

— Дѣдушка хочетъ оставить этотъ домъ, сказала она: Барроа уже пріискиваетъ ему приличную квартиру.

— А вы? спросилъ Морель съ безпокойствомъ.

— Я не оставаю дѣдушку: это у насъ съ нимъ уже рѣшено. Я буду жить у него и съ нимъ, по-прежнему. Папенька или позволитъ или не позволитъ. Въ первомъ случаѣ мы тотчасъ же выѣдемъ переѣзжаемъ. Въ послѣднемъ я подожду моего совершеннѣйшаго, которое наступитъ черезъ десять мѣсяцевъ. Тогда я буду свободна, у меня будетъ независимое состояніе и....

— И?..

— И съ согласія дѣдушки, я сдержу слово, которое дала вамъ.

Послѣднія слова Валентина произнесла такъ тихо, что ихъ могъ слышать только человѣкъ очень пристрастный.

— Видь это твоя мысль, дѣдушка? спросила Валентина: ты мнѣ велѣлъ это сказать?

— Да.

Можно себѣ представить, въ какомъ восхищеніи былъ Морель. Барроа присутствовалъ при этомъ какъ человѣкъ, отъ котораго нечего было скрывать. Добрый старикъ улыбулся и отиралъ лысый лобъ.

— Ахъ, Боже мой! какъ Барроа разогрѣлся! замѣтила Валентина.

— Это оттого, что я шибко бѣжалъ, сударыня, отвѣчалъ старикъ: но капитанъ Морель бѣжалъ еще шибче; надо отдать ему справедливость.

Ноартіе взглянулъ на початый графинъ съ лимонадомъ, который онъ самъ пилъ за полчаса до того.

— Это не холодное питье, Барроа, напейся, сказала Валентина, и сама налила стаканъ.

— Да, правда, очень пить хочется. Покорно благодарю, сказалъ Барроа, и выпилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ Валентина и Морель стали прощаться, какъ послышался звонокъ, возвѣщавшій о новомъ посетителѣ.

— Это, вѣрно, докторъ, сказала Валентина взглянувъ на часы: поспѣшите, Морель.... Неправда ли, дѣдушка?

— Да, отвѣчали глаза.

Валентина кликнула Барроа, который между-тѣмъ вышелъ въ переднюю.

— Иду, сударыня, отвѣчалъ Барроа, однако не шель.

Валентина снова кликнула.

— Иду, иду! отвѣчалъ камердинеръ и явился на порогъ шатаясь, едва держась да ногахъ.

— Барроа! что съ тобой? вскричала Валентина.

Барроа не отвѣчалъ. Онъ устремлялъ блуждающіе глаза на своего господина и старался руками уцѣпиться за дверь.

— Онъ упадетъ! вскричалъ Морель.

Дрожь старика постепенно усиливалась; черты лица судорожно искривились и доказывали самый сильный нервическій припадокъ. Въ глазахъ Ноартіе выразилось безпокойство и изумленіе.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Господи! сказалъ Барроа, сдѣлавъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ: что это такое?... Я ужасно страдаю.... Я ничего не вижу!... Въ глазахъ, нескри.... голову колетъ, словно тысячи иголокъ.... Не троньте меня, не троньте!

Глаза у него закатились, голова опрокинулась назадъ. Онъ сдѣлавъ еще два шага, перевернулся и упалъ къ ногамъ Ноартіе, у котораго глаза искрились отъ нетерпѣнія и испугу. Валентина съ ужасомъ вскрикнула и также упала бы, если бъ Морель не поддержалъ.

— Докторъ! докторъ! сюда! помогите! кричала Валентина.

Послышались поспѣшные шаги. Морель бросился за драпировку. На порогъ явился Вильфортъ. Барроа въ страшныхъ судорогахъ, казалось, уже испускалъ духъ. На губахъ его выступила

шва. Это зрѣлище такъ поразило Вильфора, что онъ, блѣдный какъ смерть, съ минутой простоялъ неподвижно, какъ-будто приросъ къ порогу. Волосы у него поднялись дыбомъ.

— Докторъ! докторъ! вскричалъ онъ потомъ, выбѣжавъ въ переднюю: сюда! сюда! скорѣе!

Валентина побѣжала навстрѣчу къ мадамъ Вильфору и кричала:

— Вашъ флаконъ! вашъ флаконъ! пожалуйста скорѣе вашъ флаконъ!

— Чтò случилось? спросила мадамъ Вильфору своимъ металлическимъ голосомъ, медленно сходя съ лѣстницы.

Валентина схватила у нея флаконъ. Въ флаконѣ была англійская соль.

Первый взглядъ мадамъ Вильфору при входѣ въ комнату упалъ на Ноартиѣ, котораго видъ, кромѣ очень понятнаго въ подобныхъ обстоятельствахъ волненія, обнаруживалъ обыкновенное здоровье. Второй взглядъ обратился на умирающаго. Мадамъ Вильфору поблѣднѣла и опять взглянула на парализаго.

— Ради Бога, скажите, гдѣ же докторъ? говорила Валентина: къ вамъ чтò ли онъ пошелъ? Это ударъ. Поспѣшное кровопусканіе, можетъ-быть спасетъ его.

— Онъ ѣлъ чтò-нибудь недавно? спросила прокурорша.

— Нѣтъ, онъ, кажется, еще не завтракалъ, отвѣчала Валентина: но онъ много ходилъ и потомъ выпилъ стаканъ лимонаду.

— Вспотѣвши? это не хорошо. Зачѣмъ же онъ не выпилъ вина?

— Лимонадъ былъ тутъ, подъ руками. Барроа пилъ изъ этого графина.

Мадамъ Вильфору вздрогнула. Ноартиѣ глазъ не спускалъ съ нея.

— У него шея такая короткая! сказала она: докторъ сейчасъ прійдетъ. Онъ у Эдуарда.

Вильфору побѣжалъ за докторомъ.

— Ему, вѣроятно, пустять кровь, продолжала мадамъ Вильфору, взглянувъ на Барроа: я уйду. Я не могу видѣть крови.

Она вышла. Морель также вышелъ изъ своей засады.

— Уходите скорѣе, Максимилианъ! сказала Валентина: прощайте.

Морель взглянулъ на Ноартиѣ и, получивъ утвердительный знакъ, пожалъ Валентинѣ руку и поспѣшно ушелъ. Вслѣдъ затѣмъ воротился Вильфору съ докторомъ. Барроа начиналъ приходить въ себя. Кризисъ прошелъ. Дыханіе возстановилось. Онъ приподнялся. Вильфору и д'Авринь подняли его на кресло.

— Дайте скорее воды и эфиру, сказалъ докторъ: есть ли эфиръ?

— Есть.

— Подайте. Да пошлите въ аптеку за рвотнымъ.

Вильфоръ сдѣлалъ знакъ одному изъ сбѣжавшихся слугъ.

— Теперь прикажите всемъ выйти отсюда, прибавилъ докторъ.

— И мнѣ тоже? робко спросила Валентина.

— Да, сударыня, вамъ въ-особенности, отвѣчалъ д'Авринь сурово.

Валентина посмотрѣла на доктора съ удивленіемъ, ноцѣловала дѣда въ лобъ и вышла. Д'Авринь съ мрачнымъ видомъ затворилъ за нею дверь.

— Посмотрите, докторъ, онъ оправляется, сказалъ Вильфоръ, когда Барроа выпилъ воды съ эфиромъ: это былъ не опасный припадокъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Барроа? спросилъ докторъ.

— Немножко лучше.

— Можешь выпить еще эту воду?

— Попытаюсь. Но не троньте меня.

— Отчего?

— Оттого что, мнѣ кажется, если меня тронуть, хоть пальцемъ, припадокъ возобновится.

— Пей.

Барроа поднесъ стаканъ къ посинѣвшимъ губамъ и выпилъ.

— Гдѣ у тебѣ болитъ? спросилъ докторъ.

— Всюду. Я чувствую какъ-будто судороги по всему тѣлу.

— Голова кружится?

— Да.

— Въ ушахъ звѣнитъ?

— Ужасно!

— Когда это началось?

— Сейчасъ.

— Быстро?

— Какъ молнія.

— Вчера и третьяго дня ничего не было? не было сонливости, тяжести?

— Нѣтъ.

— Чтѣ ты ѣлъ сегодня?

— Я ничего не ѣлъ. Я только выпилъ стаканъ лимонаду изъ барридова графина.

— Гдѣ этотъ графинъ? есть въ немъ еще чтò-нибудь?

Немножко, на донышкѣ еще есть, кажется.

— Гдѣ этотъ графинъ?

— Я отнесъ его въ кухню.

— Прикажете принести, докторъ? спросилъ Вильфоръ.

— Нѣтъ, оставайтесь здѣсь и давайте ему пить эту воду. Я самъ схожу.

Д'Авринь опрометью побѣжалъ черезъ корридоръ и чуть не опрокинулъ мадамъ Вильфоръ, которая тоже шла въ кухню. Она вскрикнула. Д'Авринь не обратилъ на это вниманія. Онъ былъ слишкомъ занятъ своею мыслью. Онъ вбѣжалъ въ кухню, бросился къ графину съ лимонадомъ какъ коршунъ на добычу и задыхаясь воротился въ комнату Ноартіе. Въ графинѣ еще оставалось съ полстакана лимонаду.

Мадамъ Вильфоръ медленно воротилась въ свои покои.

— Изъ этого графина ты пилъ? спросилъ д'Авринь камердинера.

— Да.

— Какой вкусъ ты нашелъ въ этомъ лимонадѣ?

— Немножко горьковатый.

Докторъ налилъ нѣсколько капель на ладонь, попробовалъ и выплюнулъ въ каминъ.

— Вы тоже пили этотъ лимонадъ, мосьё Ноартіе? спросилъ онъ, обращаясь къ параличному.

— Да, отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ! ахъ! докторъ! докторъ!..... опять!... Господи, помилуй меня! вскричалъ Барроа.

— Рвотное! рвотное! скоро ли? скоро ли? вскричалъ докторъ, подбѣгая къ больному.

— Рвотное! рвотное! закричалъ Вильфоръ и выбѣжалъ въ переднюю.

Никто не отвѣчалъ. Во всемъ домѣ господствовалъ безмолвный ужасъ.

— Если бы у меня было средство вдуть ему воздуху въ легкія, сказалъ докторъ озираясь, можетъ-быть, я успѣлъ бы предупредить задушеніе. Но нѣтъ ничего такого... ничего нѣтъ!

— О! докторъ!... умираю!... Боже мой, умираю! стоналъ Барроа.

— Перо! перо! дайте мнѣ перо! вскричалъ докторъ и увидѣвъ перо на столѣ, схватилъ.

Онъ старался просунуть перо въ ротъ больному, но челюсти

Были так стиснуты, что не было никакой возможности. Второй припадок был еще сильнее первого. Барроа соскользнул съ кресель на полъ и катался въ ужасныхъ судорогахъ. Докторъ оставилъ его, потому что не могъ помочь. Когда пароксизмъ кончился, онъ спросилъ :

— Можешь говорить, Барроа?

Барроа пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Попытайся, мой другъ.

Барроа открылъ налитые кровью глаза.

— Кто приготовлялъ лимонадъ?

— Я.

— Ты принесъ его своему барину тотчасъ, какъ изготовилъ?

— Нѣтъ.

— Оставлялъ гдѣ-нибудь?

— Въ кухнѣ. Меня кликнули.

— Кто же принесъ сюда?

— Мадмоазель Валентина.

— Валентина! повторилъ докторъ съ страннымъ выраженіемъ.

Барроа застоналъ; потому что припадокъ опять возвращался.

— Скоро ли же рвотное! вскричалъ докторъ.

— Вотъ стаканъ, совсѣмъ приготовленный, отвѣчалъ Вильфоръ.

— Кѣмъ приготовлено?

— Аптекарскій мальчикъ принесъ.

— Хорошо. Пей, Барроа.

— Невозможно, докторъ... не могу... горло затянуло... задыхаюсь. Боже мой! задыхаюсь... О! долго ли мнѣ такъ страдать, докторъ.

— Не долго, мой другъ, не долго.

— А!... понимаю!... вскричалъ несчастный: Господи! помилуй меня!

Онъ вскрикнулъ и опрокинулся навзничь. Судороги усилились. Докторъ положилъ руку ему на сердце и поднесъ стаканъ къ запыненнымъ губамъ.

— Ну, чтѣ? спросилъ Вильфоръ.

— Прикажете носкорѣй принести фіалковаго сироу.

Вильфоръ вышелъ.

— Не пугайтесь, мосье Ноартіе, сказалъ д'Авриньи: я перенесу больнаго въ другую комнату, чтобы пустить кровь. Давно бы надо вынести вонъ. Эти припадки — слишкомъ неприятное зрѣлище.

Онъ схватилъ умирающаго поперегъ тѣла, и вынесъ въ другую комнату, потомъ послѣнно воротился и взялъ графинъ съ остаткомъ лимонаду. Ноартіе закрылъ правый глазъ.

— Валентину? вы хотите, чтобы позвал Валентину? я прикажу позвать.

Вильфоръ воротился. Д'Авриньи встрѣтилъ его въ корридорѣ.

— Ну, что? спросилъ прокуроръ.

— Пойдите, отвѣчалъ докторъ.

И онъ увелъ его въ комнату, гдѣ лежалъ Барроа.

— Въ обморокъ?

— Умеръ.

Вильфоръ отскочилъ и всплеснувъ руками надъ головой, съ ужасомъ устремилъ глаза на покойника.

— Умеръ! такъ скоро!

— Да, очень скоро, неправда ли? Но это не должно удивлять васъ. Маркизь и маркиза де-Сенъ-Меранъ умерли точно такъ же скоро. О! въ вашемъ домѣ скоро умираютъ, мосьё де-Вильфоръ!

— Какъ! вскричалъ прокуроръ съ ужасомъ и отчаяніемъ: вы опять возвращаетесь къ этой чудовищной мысли, докторъ?

— Опять, опять! отвѣчалъ д'Авриньи торжественно: эта чудовищная мысль еще не оставляла меня. И, чтобы совершенно убѣдиться, что на этотъ разъ я не ошибаюсь, выслушайте меня со вниманіемъ, мосьё де-Вильфоръ.

Вильфоръ затрепеталъ.

— Есть ядъ, который убиваетъ, не оставляя почти ни какого слѣда. Я хорошо знаю этотъ ядъ. Я изучилъ всѣ явленія, какія онъ производитъ. Этотъ ядъ я нашелъ у Барроа точно такъ же какъ у мадамъ де-Сенъ-Меранъ. Есть средство убѣдиться въ его присутствіи: онъ возстанавливаетъ голубой цвѣтъ покрасѣвшей отъ кислоты лакмусовой бумаги и окрашиваетъ фіалковый сиропъ въ зеленый цвѣтъ. Бумаги у насъ здѣсь нѣтъ, но мы сдѣлаемъ опытъ надъ сиропомъ, котораго я потребовалъ.

Въ корридорѣ послышались шаги. Докторъ выглянулъ за дверь и принялъ отъ горничной стеклянную банку, въ которой было на донышкѣ нѣсколько ложекъ сиропу.

— Посмотрите, сказалъ онъ прокурору, заперевъ дверь на замкъ: вотъ, въ этой банкѣ, фіалковый сиропъ. Видите, какого онъ цвѣту? А вотъ лимонадъ, который пилъ Барроа и вашъ отецъ. Если лимонадъ чистъ и безвреденъ, сиропъ сохранитъ свой цвѣтъ; если же въ немъ есть ядъ, сиропъ позеленѣтъ.

Докторъ осторожно влилъ нѣсколько капель лимонаду въ банку съ сиропомъ и въ ту же минуту на днѣ банки образовался паръ, который принялъ, сначала синеватый цвѣтъ, потомъ изъ синеваго перешелъ въ опаловый и, наконецъ, превратился въ изумрудный. Опытъ не оставлялъ ни какого сомнѣнія.

— Несчастный Барроа умеръ отъ яду, сказалъ д'Авриньнъ: теперь я за это ручаюсь передъ людьми и передъ Богомъ.

Вильфоръ не сказалъ ни слова. Онъ только поднялъ руки и глаза къ небу и, разбитый, упалъ въ кресло.

— Смерть! смерть поселилась въ моемъ домѣ! вскричалъ онъ потомъ, пришедши въ себя.

— Скажите лучше, убійство! возразилъ докторъ.

— Д'Авриньнъ! я не могу вамъ выразить всего, что происходитъ во мнѣ въ эту минуту!... Это ужасъ... отчаяніе... безуміе...

— Вѣрю, отвѣчалъ докторъ съ поразительнымъ спокойствіемъ: но я полагаю, что теперь пора дѣйствовать, пора загородить дорогу этому потоку смертности. Что касается до меня, я не могу долге хранить эту тайну и не призвать на нее мщенія за общество и за погибшія жертвы.

Вильфоръ озирался съ мрачнымъ видомъ.

— Въ моемъ домѣ! прошепталъ онъ: въ моемъ домѣ!

— Вы прокуроръ, вы судья, Вильфоръ. Исполняйте вашу обязанность. Мужайтесь. Почтите себя и свой санъ справедливымъ судомъ.

— Судомъ, докторъ! вы убиваете меня!

— Судъ необходимъ. Я сказалъ.

— Вы подозрѣваете кого-нибудь?

— Я никого не подозрѣваю. Смерть стучится въ вашу дверь, входитъ и идетъ, не слѣпо, а разсудительно, предусмотрительно, идетъ изъ покоя въ покой и поражаетъ свои жертвы. Я слѣжу ею шагъ за шагомъ. Я уважаю васъ, я люблю ваше семейство. Это уваженіе, эта любовь въ прошлый разъ завязали мнѣ глаза; я упустилъ слѣдъ. Но теперь....

— О! говорите, говорите, докторъ! Вы видите, я твердъ.

— Теперь я вижу ясно, что въ вашемъ домѣ, въ вашемъ семействѣ, можетъ-быть, скрывается одинъ изъ тѣхъ чудовищныхъ выродковъ, какіе производитъ почти каждый вѣкъ; одно изъ тѣхъ чудовищъ, которыя, подобно Локустѣ и Агриппинѣ, носить преступленіе въ сердцѣ и головѣ и живую предельность виновности на молодомъ и прекрасномъ лицѣ.

Вильфоръ вскрикнулъ и устремилъ на доктора умоляющій взоръ.

— Ищи, кому преступленіе полезно, говоритъ юридическая аксіома, неутомимо продолжалъ д'Авринья.

— Докторъ! вскричалъ Вильфоръ: докторъ!... Боже мой! вы знаете, сколько разъ человѣческое правосудіе было введено въ заблужденіе этими ужасными словами! Я не знаю, но мнѣ кажется, что это преступленіе....

— А! вы сознаётесь, наконецъ, что это — преступленіе?

— Да, сознаюсь.... Но дайте мнѣ кончить. Мнѣ кажется, говоря, что это преступленіе падаетъ на меня одного, а не на погибшія жертвы. Я подозреваю, что всѣ эти бѣдствія имѣютъ цѣлью меня одного, мою погнбель.

— О, человѣкъ! возразилъ докторъ: самое себялюбивое изъ животныхъ! самая эгоистическая изъ тварей! Человѣкъ, который воображаетъ, что земля для него вертится, что солнце для него свѣтитъ и смерть для него одного коситъ! Муравей, который считается съ Провидѣніемъ съ вершины былинки! А тѣ, которые лишились жизни, развѣ ничего не потеряли? Маркизь де-Сенъ-Меранъ, маркиза де-Сенъ-Меранъ и Ноартіе....

— Какъ! мой отецъ?

— Разумѣется! Неужели вы думаете, что убійцы мѣтили въ этого несчастнаго слугу? Нѣтъ, нѣтъ; повѣрьте, онъ, какъ Шекспировъ Половій, умеръ за другаго. Лимонадъ назначался для Ноартіе. Ноартіе и пилъ его по логическому порядку вещей. Барроа пилъ его случайно. Барроа умеръ; но не ему слѣдовало умереть, а его господину.

— Но какими же образомъ мой отецъ остался живъ?

— Я уже говорилъ вамъ однажды, что лечу москѣ Ноартіе растительнымъ ядомъ, и что онъ уже можетъ вынести такое количество, которое неминуемо убьетъ всякаго другаго. Этого ваши убійцы, конечно, не знаютъ: иначе они употребили бы другое средство.

— Боже мой! Боже мой! говорилъ Вильфоръ, ломая руки.

— Слѣдуйте за ходомъ убійцы. Сперва умираетъ маркизь де-Сенъ-Меранъ.

— О, докторъ!

— Мнѣ слѣдуетъ хорошо описать признаки. Я клянусь, что маркизь умеръ точно такъ же.

Вильфоръ отиралъ потъ, который катился съ него градомъ.

— Выслушайте хорошенько.

— О! слышу, слышу!.... къ-небѣстїю!

— Ноартїе, неумолимо продолжалъ докторъ: Ноартїе недавно дѣлалъ завѣщаніе противъ васъ, въ ущербъ вашему семейству, въ пользу бѣдныхъ. Тогда его пощадили. Смерть его была безволезна. Но три дня тому назадъ, онъ уничтожилъ это завѣщаніе и сдѣлалъ другое. Его поражаютъ, для того чтобы ему не вздумалось снова перемѣнить мысли. Неправда ли, что онъ третьяго дня сдѣлалъ второе завѣщаніе? Вы видите, что времени не теряютъ.

— О! пощадите, д'Авриньи!

— Нѣтъ пощады! Врачъ исполняетъ священное назначеніе на землѣ. Чтобы исполнить это назначеніе, онъ восходитъ къ источникамъ жизни и спускается въ таинственный мракъ смерти. Когда преступленіе совершено и когда ослѣпленное человѣческое правосудіе не видитъ виновнаго, тогда врачъ, по долгу совѣсти, долженъ выступить и сказать: вотъ онъ!

— Пощадите! пощадите дочь мою, д'Авриньи!

— Вотъ видите! вы сами назвали ее, вы, отецъ!

— Пощадите!... Выслушайте!... Валентина!... Это невозможно. Я скорѣе обвиню самого себя. Валентина! Эта честная душа! этотъ цвѣтъ невинности!

— Нѣтъ пощады, господинъ прокуроръ. Преступленіе явно. Мадмоазель де-Вильфоръ завертывала и укладывала лекарства, которыя по моему предписанію посылались маркизу де-Сенъ-Меранъ: маркизъ де-Сенъ-Меранъ умеръ. Мадмоазель де-Вильфоръ почти одна ходила за больною маркизой, и маркиза умерла. Мадмоазель де-Вильфоръ принесла приготовленный для ея дѣда лимонадъ; Барроа нашелъ этого отравленного лимонаду и умеръ. Мадмоазель Валентина де-Вильфоръ отравительница! Я обвиняю ее и доношу вамъ на нее, господинъ королевскій прокуроръ. Исполняйте вашъ долгъ.

— Докторъ! я не сопротивляюсь больше, я не возражаю; я вѣрю вамъ. Но, изъ состраданія, пощадите мою жизнь, мою честь!

— Мосьё де Вильфоръ! продолжалъ д'Авриньи съ возрастающею силой: если бы ваша дочь совершила только одно первое преступленіе и я увидѣлъ бы, что она замышляетъ второе, я сказалъ бы вамъ: предостерегите ее, накажите ее; пусть она проведетъ остатокъ жизни въ какомъ-нибудь монастырѣ; пусть она плачетъ и кается. Если бы она совершила второе преступленіе, я бы сказалъ вамъ: Вильфоръ, вотъ ядъ, котораго отравительница не знаетъ, который убиваетъ быстро, какъ молнія. Дайте ей этотъ

ядъ, поручивъ ея душу Богу и спасите честь вашего имени и собственную вашу жизнь, потому что иначе она убьетъ и васъ. Но она убила троихъ, она видѣла три смерти, она становилась на колѣни подлѣ трехъ труповъ и проливала притворныя слезы надъ тремя жертвами. Къ палачу отравительницу! къ палачу убійцу! Вы говорите о вашей чести. Исполняйте, что я вамъ говорю, и васъ ожидаетъ безсмертіе!

Вильфоръ упалъ на колѣни.

— Выслушайте! сказалъ онъ: вы хотите, чтобы у меня была твердость, которой у васъ тоже не было бы, если бъ на мѣстѣ Валентины была ваша дочь, ваша Магдалина!

Докторъ поблѣднѣлъ.

— Докторъ! продолжалъ Вильфоръ: человекъ рожденъ на то, чтобы страдать и умереть. Докторъ! я буду страдать и ждать смерти.

— Но прежде вамъ прійдется видѣть смерть своего отца, своей жены, своего сына, можетъ-быть.

Вильфоръ, задыхаясь и двинувшись на колѣняхъ, схватилъ доктора за руки.

— Выслушайте меня! вскричалъ онъ; пожалѣйте обо мнѣ, помогите мнѣ.... Нѣтъ! дочь моя не преступна! Тащите меня передъ судилище, я скажу: Нѣтъ, дочь моя не преступна!... Преступленія нѣтъ въ моемъ домѣ!... Я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ было преступленіе, потому что если оно войдетъ когда-нибудь, такъ оно войдетъ не одно! Выслушайте! Какая вамъ надобность, если меня отравятъ?... Другъ ли вы мнѣ? человекъ ли вы? Есть ли у васъ сердце?... Нѣтъ! вы врачъ. Ну, хорошо, я вамъ скажу, что я не потащу дочери моей на эшафотъ!... О! вотъ мысль, которая пожираетъ мой мозгъ! которая побуждаетъ меня ногтями растерзать свою грудь!... Что, если вы ошибаетесь, докторъ! Если это кто-нибудь другой, а не дочь моя?... Если я потомъ прійду къ вамъ, блѣдный какъ привидѣніе, и скажу: Убійца! ты напрасно сгубилъ мою дочь! О! если это случится!... Слушайте, докторъ, о тогда я убью и васъ и себя!

— Хорошо, сказалъ докторъ, помолчавъ: я подожду.

Вильфоръ посмотрѣлъ на него, какъ-будто сомнѣваясь въ смыслѣ его словъ.

— Но только, продолжалъ д'Авриньи медленно и торжественно: если еще кто-нибудь захвораетъ въ вашемъ домѣ, — хотя бы вы сами, — не призывайте меня, я не прійду. Я сохраню вашу страшную тайну, но я не хочу, чтобы стыдъ и угроженія совѣсти по-

селились у меня, выросли и расплодился въ моемъ доми, такъ, какъ преступленія и несчастія растутъ и плодятся въ вашемъ.

— Такъ вы покидаете меня, докторъ?

— Да. Я не могу долѣе слѣдовать за вами. Пусть другой кто-нибудь развяжетъ конецъ этой страшной трагедіи. Прощайте.

— Докторъ, умоляю васъ!

— Горе всякому, кто останется въ вашемъ домѣ! Онъ обреченъ на преступленіе и смерть. Прощайте.

— Одно слово! одно слово еще, докторъ! Что скажутъ люди о скоропостижной смерти этого несчастнаго слуги?

— Правда, отвѣчалъ д'Авриньи: проводите меня.

Они вышли вмѣстѣ и, проходя по корридору мимо толпы слугъ, докторъ громко сказалъ, что Барроа умеръ отъ апоплексическаго удара, и исчислилъ всѣ вѣроятныя причины.

— Кстати, прибавилъ онъ шопотомъ: бросьте сиропъ, надъ которымъ я дѣлалъ опытъ.

И докторъ, не тронувъ руки Вильфора, вышелъ. Слуги молча и со страхомъ проводили его на подъѣздъ.

Въ тотъ же вечеръ всѣ слуги, послѣ долгаго совѣщанія въ кухнѣ, пришли къ мадамъ де-Вильфоръ и потребовали увольненія. Ни увѣщанія, ни просьбы, ни прибавка жалованья не могли удержать ихъ. Всѣ отвѣчали однимъ словомъ:

— Мы уходимъ, потому что смерть поселилась въ вашемъ домѣ.

Всѣ ушли, хотя всѣ сожалѣли о потерѣ мѣста у добрыхъ господъ, и въ-особенности о разлукѣ съ доброю, кроткою и любезною мадамозель Валентиной.

Вильфоръ при этомъ посмотрѣлъ на Валентину. Она плакала. Вильфоръ не видалъ мрачной, мгновенной улыбки, которая мелькнула на губахъ его жены, какъ роковая молнія между тучами грознаго неба.

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО. .

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Вечеромъ того самаго дня, когда графъ де-Морсерфъ, получивъ неожиданный отказъ, вышелъ отъ банкира со стыдомъ и яростью, синьоръ Андреа Кавальканти, отлично завитый, съ изящно-отдѣланными усами, раздушенный и въ бѣлыхъ перчаткахъ, почти стоя въ своемъ фазтонѣ, влетѣлъ на дворъ банкира.

Пробывъ минуту десять въ гостиной со всѣми, онъ нашелъ средство увести Данглара въ амбразуру окна, и тамъ, послѣ ловкаго вступленія, изложилъ ему сладостныя терзанія и мечты своего сердца. Будучи принятъ въ прекрасномъ и добромъ семействѣ банкира почти какъ родной, какъ сынъ, онъ нашелъ всѣ ручательства за счастье, которыхъ человѣку всегда должно искать прежде прихотей страсти. Что же касается до самой страсти, то онъ такъ счастливъ, что уже встрѣтилъ эту страсть въ глазахъ мадмоазель Евгениі.

Дангларъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ уже нѣсколько дней ждалъ этого объясненія и, когда оно наконецъ настало, глаза его прояснились на столько же, на сколько брови хмурились за предложеніемъ Морсерфа. Однако жъ онъ не хо-

тѣмъ принять сватовства молодого человѣка съ перваго слова, безъ всякаго замѣчанія.

— Не слишкомъ ли вы молоды, синьоръ Андреа, чтобы думать о женитьбѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, баронъ, отвѣчалъ Кавальканти: по-крайней-мѣрѣ я не нахожу этого. У насъ, въ Италіи, знатные люди вообще женятся очень рано. Это обычай очень разсудительный: жизнь такъ невѣрна, что надобно хватать счастье, какъ-скоро оно попадется подъ руки.

— Да, это правда, сказала Дангларъ. Положимъ, князь, что ваше лестное для меня предложеніе будетъ принято моею женою и дочерью. Съ кѣмъ же мы станемъ договариваться о денежныхъ статьяхъ? Это, мнѣ кажется, дѣло, которое только отцы могутъ приличнымъ образомъ устроить для блага своихъ дѣтей.

— Мой отецъ человѣкъ умный, разсудительный и предусмотрительный, отвѣчалъ Андреа: онъ одобрилъ мое желаніе поселиться во Франціи и предвидѣлъ настоящее обстоятельство. Поэтому, уѣзжая отсюда, онъ оставилъ мнѣ всѣ документы, свидѣтельствующіе о моемъ происхожденіи, и письмо, въ которомъ, въ случаѣ пристойной женитьбы, общааетъ мнѣ полтора-ста тысячъ дохода со дня свадьбы. Это, сколько мнѣ извѣстно, четверть всего нашего дохода.

— А я, возразилъ Дангларъ, я всегда былъ намѣренъ дать моей дочери пятьсотъ-тысячъ франковъ въ приданое. Сверхъ-того, она единственная моя наслѣдница.

— Значить, если предположить, что мое предложеніе не будетъ отвергнуто баронессой и мадамозель Евгеніей, дѣло можно считать устроеннымъ и мы, съ женою, будемъ имѣть на первый случай сто семьдесятъ пять тысячъ франковъ доходу. Предположимъ еще, что батюшка, вмѣсто выдачи доходовъ, разомъ выдастъ мнѣ капиталъ, — что, конечно, немощно сомнительно, однако жъ возможно, — тогда вы возьметесь пустить для насъ этотъ капиталъ въ оборотъ, а два или три милліона въ хорошихъ рукахъ всегда могутъ принести по десяти на сто.

Эта рѣчь была Данглару какъ-нельзя болѣе по душѣ. Надежда залучить себя въ товарищи знатнаго зятя съ колоссальнымъ имѣніемъ, пустить это колоссальное имѣніе въ оборотъ, расширить предѣлы своихъ операцій и устроить собственные капиталы, была главною и почти единственною побудительною при-

жиной поступковъ банкира съ первой минуты знакомства съ синьорами Кавальканти.

— И такъ, сказалъ Андреа, почтительно кланяясь банкиру: и могу надѣяться....

— Надѣйтесь, князь, и вѣрьте, что если дѣло не встрѣтитъ никакого препятствія съ вашей стороны, то оно кончено.

— О! вы восхищаете меня, баронъ! вскричалъ Андреа.

— Но, возразилъ банкиръ, подумавъ: какъ это графъ Монте-Кристо, можно сказать, вашъ опекунъ, не пришелъ съ вами сдѣлать намъ это предложеніе?

Андреа слегка покраснѣлъ.

— Я сейчасъ отъ графа, отвѣчалъ онъ: графъ человекъ прекрасный, но притомъ удивительный оригиналъ. Онъ вполне одобрилъ мое намѣреніе и полагаетъ даже, что батюшка ни минуты не задумается отдать мнѣ капиталъ вмѣсто доходовъ, и общается замолвить слово съ своей стороны, но притомъ объявилъ, что лично никогда не бралъ и не возьметъ на себя отвѣтственности свата. Официально онъ не сдѣлаетъ ни шагу: это его правило. Впрочемъ, онъ былъ очень любезенъ со мною, какъ всегда, и сказалъ, что лучшей и болѣе приличной партіи мнѣ и желать нельзя. Онъ сказалъ даже, что готовъ отвѣчать вамъ, если вы спросите его мнѣнія.

— А! хорошо.

— Теперь, сказалъ Андреа съ самою пріятною своей улыбкой: я кончилъ рѣчь съ тестемъ и начинаю другую, съ банкиромъ.

— Говорите, князь. Чтò вамъ угодно отъ банкира? спросилъ Дангларъ, также смѣясь.

— Послѣ-завтра мнѣ приходится получить у васъ тысячи четыре, кажется. Но графъ Монте-Кристо замѣтилъ, что въ наступающемъ мѣсяцѣ потребуются расходы, на которые моего маленькаго пансіону, конечно, не доставить, и потому одолжилъ мнѣ двадцать тысячъ франковъ.... и далъ вотъ этотъ вексель. Вы согласны, баронъ?

— О! принесите мнѣ такихъ бумажекъ на миллионъ, я возьму, отвѣчалъ Дангларъ, кладя вексель въ карманъ: въ которомъ часу васъ можно застать завтра? Я пришлю вамъ эти двадцать тысячи.

— Часовъ въ десять утра, если вамъ угодно. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Мнѣ хочется завтра съѣздить за городъ.

— Очень хорошо; къ десяти часамъ непременно пришлю.

Къ назначенному времени деньги были присланы. Вслѣдъ за тѣмъ Кавальканти уѣхалъ на дачу, къ одному изъ своихъ парижскихъ друзей, и воротился поздно вечеромъ.

Когда онъ ступилъ на подъездъ гостиницы, въ которой жилъ, швейцаръ почтительно поклонился и подступилъ ближе.

— Ваше сіятельство, человекъ тотъ приходилъ.

— Какой человекъ? небрежно спросилъ Андреа.

— Тотъ, которому ваше сіятельство, черезъ мои руки, изволили давать по двѣсти франковъ въ мѣсяцъ пенсіюу.

— А! старый слуга моего отца. Ну, что же?

— Да онъ нынче не хотѣлъ взять денегъ.

— Какъ, не хотѣлъ взять? вскричалъ Андреа испугавшись.

Къ счастью, было темно и швейцаръ не примѣтилъ, какъ его сіятельство изволили поблѣднѣть.

— Долго не бралъ, ваше сіятельство. Онъ хотѣлъ видѣть васъ самихъ. Я отвѣчалъ, что вы не скоро будете; онъ настаивалъ. Наконецъ, однако жъ, онъ согласился, взять деньги и оставилъ письмо, которое принесъ совсѣмъ запечатанное.

Пришедши въ свою комнату, Андреа поспѣшно распечаталъ записку и прочелъ:

«Ты знаешь, гдѣ я живу. Я жду тебя завтра утромъ, къ девяти часамъ. *Кадрусъ*».

Андреа тотчасъ же сжегъ это лаконическое посланіе и позволилъ.

Лакеи явился.

— Ты, Пьеръ, одного со мною расту.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Тебѣ вчера принесли новую ливрею?

— Принесли, ваше сіятельство.

— У меня есть дѣло до одной гризетки, которой я не хочу сказать своего имени и званія. Дай мнѣ свое платье и свой паспортъ, чтобы я въ случаѣ нужды могъ переночевать въ загородномъ трактирѣ.

Пьеръ исполнялъ приказаніе.

Черезъ пять минутъ потомъ, Андреа, совершенно переодѣтый и ни кѣмъ не узнаанный, по черной лѣстницѣ вышелъ изъ дому, нанялъ фіакръ и поѣхалъ въ гостиницу Краснаго Коя, въ Пикпусъ. Тамъ онъ переночевалъ и рано утромъ вышелъ изъ Сентъ-Антоанскаго Предмѣстья, спустился по бульвару

до улицы Меньильмонтанъ и остановился у третьяго дому по лѣвой рукѣ. Привратника не было. Андреа озирался, у кого бы спросить.

— Кого вы ищете? спросила торговка изъ противоположнаго дому.

— Мосьё Пельтѣна, тѣтушка.

— Бывшаго булочника?

— Точно такъ.

— Во дворѣ, въ самый задъ: налево, въ третій этажъ.

Андреа пошелъ по указанному пути. Въ третьемъ этажѣ онъ нашелъ колокольчикъ, который мелкою дробью зазвенѣлъ въ неперпѣливой рукѣ. Черезъ секунду дверь отворилась и на порогѣ явился мосьё Пельтѣнъ, онъ же и Кадрусъ.

— А! ты очень исправенъ! сказалъ онъ.

— Дьяволъ! пробормоталъ Андреа и бросилъ фуражку, которая, миновавъ стулъ, покатила по полу, между-тѣмъ какъ Кадрусъ опять запираетъ дверь на замокъ.

— Полно же, полно, душенька, не сердись, сказалъ бывший хозяинъ гостинницы Гардскаго Моста, переименованный въ бывшаго булочника: посмотри-ка, видишь, какой у насъ будетъ завтракъ: всё вещи, которыя ты любишь! Помнишь, какъ ты, бывало, у меня, на Гардскомъ Мосту, кушалъ, да похваливалъ? Въ то время у тебя славный былъ аппетитъ. И платилъ ты исправно.... благодарностью. Тогда ты не былъ такой спѣсивый какъ нынче.... Ну, да что объ этомъ толковать! Что за счеты между друзьями. Садись-ка, лучше, позавтракаемъ.

— Хорошо, хорошо, возразилъ Андреа съ досадою: но ты, конечно, не для завтрака заставилъ меня прогуляться такъ не кстати.... Чортъ тебя возьми!

— Любезный другъ, сказалъ Кадрусъ съ важностью: можно и ѣсть и толковать вмѣстѣ. Ктому же... неблагодарный ты этакой!... Развѣ тебѣ не весело свидѣться съ стариннымъ пріятелемъ? Я такъ чуть не плачу отъ удовольствія.

— Полно лицемѣрить. Ты любишь меня? ты?

— Люблю, чортъ возьми! Это, конечно, слабость, но что жъ дѣлать! Одолѣваетъ.

— Эта любовь однако жъ не мѣшаетъ тебѣ придумывать для друга каждый день новую пытку.

— Какой вздоръ! Если бы я не любилъ тебя, сталъ ли бы я переносить жалкую жизнь, которую веду по твоей милости? Посмотри-ка ты: на тебѣ ливрея твоего лакея, слѣдовательно, у те-

бя есть лакей, а у меня его нѣтъ; я самъ долженъ исполнять при себѣ лакейскую должность. Ты пренебрегаешь моимъ столомъ, потому что каждый день обѣдаешь въ Гостинницѣ Князей или въ Парижскомъ кафѣ. А я то что же? Вѣдь и я тоже могъ бы имѣть лакея; я тоже могъ бы развѣзжать къ кабріолетѣ и обѣдать, гдѣ мнѣ угодно. Зачѣмъ же я лишаю себя всего этого? Зачѣмъ, чтобы не обременять моего милаго Бенедетто. Ну, признайся только, вѣдь я могъ бы, неправда ли?

Кадрусъ окончилъ смыслъ фразы взглядомъ, котораго Андреа не могъ не понять.

— Ну, хорошо, положимъ, что ты любишь меня, отвѣчалъ мнимый синьоръ Кавальканти: зачѣмъ же ты сегодня призвалъ меня?

— Чтобы повидаться съ тобой, голубчикъ мой.

— Повидаться! Къ чему, когда мы уже заключили всѣ условія?

— О! любезный другъ! Гдѣ же виданы условія безъ оговорокъ?... Но прежде всего позавтракаемъ. Вѣдь ты, вѣрно, еще не завтракалъ сегодня? Садись же, садись. Начнемъ съ сардинокъ, которыя я приготовилъ нарочно для тебя.... А! ты поглядываешь на убранство моей комнаты, на мои четыре соломенные стула, на трехъ-франковыя картины? Да! что жъ дѣлать? Вѣдь это не княжеская гостинница.

— Скоро же ты соскучился. Вѣдь ты самъ желалъ себѣ жизни отставнаго будочника и почиталъ такую жизнь счастьемъ.

Кадрусъ глубоко вздохнулъ.

— Что жъ тебѣ еще надобно? Вѣдь мечта твоя осуществилась?

— Нѣтъ, мечта всё-еще остается мечтой. Будочникъ оставляетъ дѣла тогда только, когда разбогатѣетъ, когда можетъ жить доходами съ своего капитала.

— Да вѣдь у тебя есть доходы.

— У меня?

— Да. Вѣдь я даю тебѣ по двѣсти франковъ въ мѣсяцъ.

Кадрусъ пожалъ плечами.

— Это унизительно, сказалъ онъ, получать такимъ образомъ деньги, которыя даются не по доброй волѣ; пользоваться невѣрнымъ доходомъ, который не сегодня такъ завтра можетъ прекратиться. По моему образу жизни ты можешь видѣть, что я принужденъ беречь копѣйку на черный день, на случай, если твое счастье измѣнитъ тебѣ и мнѣ. Другъ мой, счастье непосто-

живо!.... говаривалъ какой-то мудрецъ. Я знаю, что счастье твое огромно, плуть ты этакой! Ты женишься на дочери Данглара.

— Какъ! Данглара?

— Конечно, Данглара. Не прикажешь ли говорить — барона Данглара? Вѣдь это то же, что между друзьями сказать — князь Бенедетто.... Вѣдь мы съ Дангларомъ-то были друзья. Если бы у него память была не такъ коротка, онъ пригласилъ бы меня на твою свадьбу. Вѣдь онъ былъ же на моей свадьбѣ. Да, да, на моей, чортъ возьми! Въ ту пору онъ не спѣсивъ былъ.... когда служилъ приказчикомъ у старика Мореля, я не-разъ обѣдывалъ съ нимъ и съ графомъ де-Морсерфомъ.... Видишь, что у меня есть хорошее знакомство и что если бы я хотѣлъ немножко позапяться, чтобы возобновить его, то мы съ тобой встрѣтились бы въ однихъ гостинныхъ.

— Полно, Кадрусъ, у тебя отъ зависти въ глазахъ рябить.

— Нѣтъ, душенька Бенедетто, Кадрусъ знаетъ, что говорить. Погоди, придетъ время, можетъ-быть, и мы когда-нибудь надѣнемъ праздничный кафтанъ и пожалуемъ въ гости къ старымъ знакомцамъ. А теперь покуда садись, позавтракаемъ.

Кадрусъ сѣлъ, принялся ѣсть и расхваливать свою стряпню. Андреа дѣйствительно еще не завтракалъ и, будучи одаренъ отъ природы здоровымъ желудкомъ, на-минуту забылъ всѣ неприятности передъ обильнымъ и привлекательнымъ, хотя и не утонченнымъ завтракомъ. Онъ храбро налилъ себѣ стаканъ краснаго вина и пошелъ по стопамъ хозяина.

— Ну что, дружище, ты, кажется, миришься со своимъ старымъ метръ-дотелемъ? спросилъ Кадрусъ.

— Конечно, отвѣчалъ Андреа, дожсавъ кусокъ курицы.

— И ты находишь, что соусы мои вкусны, разбойникъ?

— Такъ вкусны, что я не понимаю, какъ человекъ, который стряпааетъ и ѣсть такія вещи, можетъ находить жизнь скучною.

— Да что жъ дѣлать! Жизнь-то мою, видишь ты, портятъ одна мысль.

— Какая же?

— Мысль, что я живу на счетъ друга.... Когда я во всю жизнь самъ добывалъ себѣ хлѣбъ.

— О! это пустяки. Объ этомъ не безпокойся. У меня довольно для насъ обоихъ.

— Нѣтъ, право; ты не повѣришь, но подъ конецъ каждаго мѣсяца меня совѣсть мучить.

— Добрый Кадрусъ!

— Да. Такъ-то мучить, что я вчера не хотѣлъ взять твоихъ двухъ сотъ франковъ.

— И ты хотѣлъ видѣться со мною, только потому, что тебя совѣсть мучить?

— Именно. Сверхъ-того мнѣ пришла въ голову идея.

Андреа вздрогнулъ. Онъ всегда вздрагивалъ отъ идей Кадруса.

— Согласись, что вѣдь это скучно, каждый разъ дожидаться конца? продолжалъ Кадрусъ.

— Чтò жъ дѣлать! отвѣчалъ философскимъ тономъ Андреа: вся жизнь человѣка проходитъ въ ожиданіяхъ. Вѣдь и я тоже ожидаю, и ожидаю терпѣливо, какъ велитъ благоразуміе и умѣренность.

— Да, потому что вмѣсто жалкихъ двухъ-сотъ франковъ ты ожидаешь пяти или шести тысячъ; можетъ-быть, и десяти, можетъ-быть двѣнадцати: вѣдь ты всегда былъ скрытенъ. И тамъ тоже.... помнишь?.... Ты всегда былъ себѣ на-умѣ; у тебя всегда водились разныя потайныя штучки, которыя ты старался припрятывать отъ твоего друга-Кадруса. Но, къ счастью, у друга-Кадруса хорошее чутье: его не вотъ тотчасъ проведешь.

— Ну, опять пошелъ старое переворачивать! возразилъ Андреа: кчему это, скажи пожалуйста? чтò тебѣ за охота, я не понимаю!

— Ты не понимаешь! Тебѣ двадцать одинъ годъ, ты можешь забывать прошедшее; а мнѣ, видишь ты, пятьдесятъ стукнуло: по-неволѣ вспомнишь старое. Но полно объ этомъ. Приступимъ къ дѣлу. Я хотѣлъ сказать, что если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ....

— Чтò же?

— Я покончилъ бы дѣла разомъ....

— Какъ покончилъ бы дѣла разомъ?

— Да; я потребовалъ бы свои доходы за треть впередъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, и убрался бы по-добру по-здорову.

— Э! Да это въ самомъ дѣлѣ, кажется, не дурно придумано! вскричалъ Андреа.

— Любезный другъ, отвѣчалъ Кадрусъ: кушай моей стряпни и слушай моихъ совѣтовъ: будетъ спасительно и для души и для тѣла.

— Хорошо, но почему же ты самъ не пользуешься совѣтомъ, который даешь? Почему ты не берешь свой доходъ за треть и даже за годъ впередъ и не уѣзжаешь, напримѣръ, въ Брюссель?

— Съ доходомъ за годъ? Да что мнѣ прикажешь дѣлать съ тысяча двумя-стами франковъ?

— О! да какой ты сталъ нынѣ ненасытный, Кадрусъ! Вѣдь ты мѣсяца два тому назадъ умиралъ съ-голоду.

— Да что прикажешь дѣлать! Чѣмъ больше ѣшь, то больше хочется, отвѣчалъ Кадрусъ, оскалнивъ зубы: поэтому-то я и обдурмалъ планъ.

Кадрусовы планы пугали Андреа еще больше нежели идеи. Идеи составляли только цвѣтки, планы были ягоды.

— Говори, что за планъ... должно-быть хорошъ.

— А ты думаешь, нѣтъ? Планъ, по милости котораго мы съ тобой оставили благотворительное-то заведеніе, то же, кажется, вѣдь я придумалъ. Что же онъ, дурень, что ли былъ?

— Я не спорю, тебѣ иногда приходятъ счастливыя мысли. Но говори же, что ты теперь придумалъ?

— А вотъ что, слушай. Можешь ты доставить мнѣ франковъ тысячъ пятнадцать, не трогая своего кармана?... Или нѣтъ, пятнадцати мало: я не могу сдѣлаться честнымъ человѣкомъ меньше нежели съ тридцатью тысячами.

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ Андреа: не могу.

— Ты, кажется, не понялъ меня, Бенедетто, спокойно возразилъ Кадрусъ: я сказалъ—не трогая своего кармана.

— Не хочешь ли ты, чтобы я укралъ, и чтобы испортилъ свое и твое дѣло.... чтобы насъ опять отправили туда же, откуда мы пришли?

— О! что касается до меня, мнѣ всё-равно, отвѣчалъ Кадрусъ: пожалуй, пусть отправятъ, я, видишь ты, скромный человѣкъ: я иногда скучаю по товарищамъ. Я не таковъ какъ ты: не забываю друзей.

На этотъ разъ Андреа не только содрогнулся, но и поблѣднѣлъ.

— Полно вздоръ-то городить, Кадрусъ, сказалъ онъ.

— Самъ ты вздоръ городишь, душенька-Бенедетто. Пойми меня хорошенько, мой милый. Я требую только, чтобы ты указалъ мнѣ средство добыть тысячу тридцать. Дѣло я беру на себя, вотъ и все.

— Хорошо, отвѣчалъ Андреа: увидимъ.... постараюсь.

— Хорошо; а между-тѣмъ ты пазначишь мнѣ, вмѣсто двухъ-сотъ, по пяти-сотъ франковъ въ мѣсяцъ. Мнѣ скучно жить одному, я хочу взять ключницу.

— Хорошо, ты получишь пятьсотъ франковъ , но это тяжело для меня, Кадрусъ: ты во зло употребляешь....

— Ба! ты черпаешь въ бездонномъ сундукѣ ! перебилъ Кадрусъ.

— Это, конечно, правда, сказалъ Андреа, и глаза его невольно сверкали: мой покровитель очень милостивъ ко мнѣ.

— Безцѣнный покровитель! А сколько онъ даетъ тебѣ въ мѣсяцъ?

— Пять-тысячъ.

— Столько тысячь, сколько ты дашь мнѣ сотенъ. Этакой ты счастливецъ , Бенедетто ! Пять тысячь франковъ въ мѣсяцъ ! Да куда это дѣвать!

— Ахъ, Боже мой! много ли пять тысячь франковъ ? Вѣдь зато и расходы я принужденъ дѣвать соразмѣрные. Поэтому и мнѣ тоже, какъ тебѣ, хочется имѣть капиталъ.

— Капиталъ.... о , конечно! всякому хочется имѣть капиталъ.

— И у меня будетъ.

— Будетъ? Кто жъ тебѣ даетъ? Твой князь?

— Да, мой князь. Къ-печасію, надобно подождать.

— Чего?

— Его смерти.

— Смерти твоего князя?

— Да.

— Какъ-такъ?

— Потому что онъ включилъ меня въ свое завѣщаніе.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Честное слово.

— Сколько же онъ тебѣ отказываетъ?

— Пятьсотъ тысячь.

— Только? Ну, и за то спасибо.

— Увѣрю тебя.

— Полно! Быть не можетъ!

— Кадрусъ, ты мнѣ другъ?

— На жизнь и на смерть, ты давно знаешь.

— Такъ слушай же , я открою тебѣ тайну. Но.... ты понимаешь....

— Разумѣется! Я нѣмъ какъ рыба.

Андреа безпокойно осмотрѣлся вокругъ.

— Не бойся , не бойся , мы совершенно одни , сказалъ Кадрусъ.

— Знаешь что, продолжалъ Андреа вполголоса: мнѣ кажется, я нашелъ своего отца!

— Настоящаго отца?

— Да.

— Не отца Кавальканти?

— Нѣтъ, не Кавальканти.

— Кто же это?

— Графъ Монте-Кристо. Да, Кадрусъ, графъ Монте-Кристо.

— Полно!

— Право. Ты понимаешь, что послѣ этого все объясняется какъ-нельзя лучше. Онъ, по-видимому, не можетъ признать меня открыто и потому заплатилъ маіору Кавальканти пятьдесятъ тысячъ, чтобы тотъ меня усыновилъ.

— Пятьдесятъ тысячъ, за то чтобъ быть твоимъ отцомъ! Да я согласился бы усыновить тебя и за пол-цѣны, за двадцать тысячъ, даже за пятнадцать тысячъ франковъ. Какъ это ты не вспомнилъ обо мнѣ, неблагодарный?

— Да развѣ я этимъ распоряжался? Вѣдь все это обдѣлывалось въ то время, когда мы еще были тамъ.

— Да, правда. И ты говоришь, что въ завѣщаніи?...

— Онъ отказываетъ мнѣ пятьсотъ тысячъ.

— Ты увѣренъ?

— Онъ показывалъ мнѣ завѣщаніе. И это еще не все.

— Что еще?

— Въ томъ же завѣщаніи онъ признаетъ меня своимъ сыномъ,

— О! какой добрый папенька! какой безцѣнный папенька! какой честнѣйшій папенька! кричалъ Кадрусъ, повертывая и подбрасывая тарелку на большомъ пальцѣ.

— Ну, вотъ, говори послѣ этого, что я отъ тебя скрытничалъ, сказалъ Андреа.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты честный и добрый малый, Бенедетто. И твой папенька богатъ? богатъ какъ чортъ?

— Кажется, онъ самъ счету не знаетъ своему богатству. Каждый разъ, когда я бываю у него, деньги вокругъ него такъ и сыплются: то изъ банка принесутъ тысячу пятьсотъ билетами, то, какъ вчера, напримѣръ,—собственный его кассиръ принесетъ сто тысячъ золотомъ.

Кадрусъ разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза: ему казалось, что

онъ въ словахъ молодаго человѣка слышитъ металлическій звонъ, цѣлые каскады червонцевъ.

— И ты бываешь въ этомъ домѣ? вскричалъ онъ съ простодушнымъ удивленіемъ.

— Очень часто.

Кадрусь задумался. Видно было, что въ глубину души его заронилась темная мысль.

— Эхъ, кабы все это намъ! вскричалъ онъ вдругъ: какъ бы это было хорошо!

— Да, не штъ, не дурно бы, замѣтилъ Андреа.

— И онъ живетъ на Елисейскихъ Поляхъ?

— Номеръ тридцатый.

— А! номеръ тридцатый!

— Да, прекрасный домъ, совершенно отдѣльный, между дворомъ и садомъ.

— Хороша мебель должна быть, не правда ли?

— Ты бывалъ когда-нибудь въ Тюильри?

— Нѣтъ.

— Ну, у него еще лучше.

— А что, небойсь, хорошо поклониться, когда графъ Монте-Кристо уронитъ свой кошелекъ?

— О! что этого дожидаться! Деньги и такъ валяются безъ счету, какъ плоды въ фруктовомъ саду.

— Послушай-ка, Бенедетто, возьми меня когда-нибудь съ собою.

— Какъ можно! Подъ какимъ предлогомъ?

— Правда. Но ты подстрекнулъ мое любопытство. Я непремѣнно хочу побывать у этого богача и такъ побываю.

— Не дурачься, Кадрусь.

— Я приду, будто полотѣрь.

— У него вездѣ ковры. Притомъ своихъ людей тѣма и перемѣнь никакихъ не бываетъ, потому что всѣмъ не житье, а маэллища.

— Этакая досада! Неужели я увижу все это богатство только въ воображеніи? Объясни мнѣ по-крайней-мѣрѣ мѣстоположеніе.

— Какъ же тебѣ это объяснить? Надобно начертить.

— Ну, такъ вотъ и перо и бумага! вскричалъ Кадрусь, вскочивъ и подавая другу письменный приборъ:— Начерти мнѣ, душенька, начерти подробный планъ.

Андреа чуть примѣтно улыбнулся, взялъ перо, началъ чертить планъ, подробно объясняя всѣ входы и выходы, высоту оконъ,

расположеніе мебели и въ-особенности мѣсто конторки, въ которой у графа Монте-Кристо обыкновенно хранились деньги. Кадрусъ весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Между прочимъ, искусно влетая разспросы въ общій разговоръ, онъ вывѣдалъ у друга; когда графъ Монте-Кристо уѣдетъ за-городъ. Потомъ Андреа отсчиталъ ему триста франковъ прибавочныхъ и они разстались въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

Едва гость вышелъ за порогъ, Кадрусъ поспѣшно заперся на замокъ и какъ искусный архитекторъ принялся изучать начерченный планъ.

— Голубчикъ мой, Бенедетто! говорилъ онъ про себя: я думаю тебѣ не досадно будетъ по-раньше получить наследство. Ты, вѣрно, скажешь спасибо тому, кто укоротитъ срокъ ожиданія.

На другой день послѣ этого свиданія двухъ друзей, графъ Монте-Кристо въ самомъ дѣлѣ собирался ѣхать въ Отель съ Али и нѣсколькими другими слугами и съ лошадьми, которыхъ хотѣлъ попробовать. Кромѣ этой причины отъѣзда оказалась еще другая, о которой не только Андреа не могъ знать, но и самъ Монте-Кристо не думалъ наканувѣ. Бертуччо, которому графъ не велѣлъ являться въ Парижъ, воротился изъ Нормандіи и привезъ извѣстія о купленномъ имѣніи и о корветтѣ, которому Монте-Кристо приказалъ готовиться къ отплытію.

Графъ похвалилъ усердіе Бертуччо и приказалъ и ему тоже быть готовымъ на всякій случай къ отъѣзду. По дорогѣ изъ Парижа въ Трепюръ, на осьми мѣстахъ стояли приготовленные лошади, такъ, что можно было проскакать пятьдесятъ миль въ десять часовъ.

Монте-Кристо уѣхалъ въ Отель и располагалъ остаться тамъ два дня. Но только-что Бертуччо кончилъ свой отчетъ, какъ явился Батистъ, весь покрытый пылью. Онъ прискакалъ изъ Парижа по слѣдамъ графа, съ письмомъ, которое принесли черезъ минуту по отъѣздѣ.

— Это что значить? спросилъ Монте-Кристо съ удивленіемъ.

— Очень важное и очень нужное, отвѣчалъ Батистъ, подавая письмо на серебряномъ подносѣ.

Графъ распечаталъ и прочелъ:

«Графа Монте-Кристо предупреждаютъ, что нѣкто намѣренъ въ высшнюю же ночью забраться въ его домъ, на Елисейскихъ Поляхъ, чтобы похитить бумаги, находящіяся, вѣроятно, въ конторкѣ, что стоитъ въ кабинетѣ. Графъ Монте-Кристо, конечно, столько храбръ, что не станетъ прибѣгать къ помощи полиціи,

помощи, которая может поставить пишущаго въ весьма неприятное положеніе. Скрывшись въ своемъ кабинетѣ, графъ можетъ самъ управиться съ похитителемъ. Присутствіе многихъ слугъ и видимыя предосторожности, конечно, удалятъ его, такъ, что графъ можетъ лишиться случая узнать своего врага, котораго пишущій открылъ совершенно случайно. Очень вѣроятно, что другой такой случай уже не представится, если воръ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ отложить свое покушеніе до другаго разу».

Въ первую минуту Монте-Кристо подумалъ, что это грубая западня, воровская хитрость, которая грозитъ ему посредственною опасностью, для того чтобы вѣрнѣе вовлечь въ большую. Поэтому онъ тотчасъ хотѣлъ отослать письмо въ полицію, несмотря на совѣтъ безымяннаго друга или, лучше сказать, именно вслѣдствіе этого совѣта. Но вдругъ передумалъ. Ему пришло на мысль, что тотъ, кто намѣревался вломиться къ нему въ домъ, ищетъ не денегъ, а жизни его. Онъ догадывался, что это такой врагъ, котораго только самъ онъ можетъ узнать и, не только одолѣть, но, въ нужномъ случаѣ, даже употребить въ свою пользу.

Мы уже знаемъ графа, такъ, что не нужно и говорить объ его мужествѣ и смѣлости. Онъ никогда не отступалъ ни передъ какою опасностью. Онъ столько боролся и съ природою и съ людьми, что никакой врагъ уже не могъ устрашить его. Батисту приказано было немедленно скакать опять въ Парижъ и воротиться въ Отѣль со всѣми людьми, которые остались въ городскомъ домѣ, за исключеніемъ одного привратника. Монте-Кристо обѣдалъ, какъ обыкновенно. Потомъ приказалъ осѣдлатъ лошадей и поѣхалъ съ Али прогуливаться, въ Булонскій Лѣсъ. Съ наступленіемъ ночи, онъ очутился передъ своимъ домомъ, на Елисейскихъ Поляхъ.

Кругомъ все было темно: тусклый огонѣкъ мерцалъ въ окнѣ у привратника, жилище котораго было въ сорока шагахъ отъ дому. Монте-Кристо прислонился къ дереву и зоркимъ глазомъ высматривалъ двойную аллею и ближнія улицы, чтобы увѣриться, что за нимъ не наблюдаютъ; потомъ поспѣшно вошелъ черезъ маленькую садовую калитку, отъ которой ключъ находился у Али, и по черной лѣстницѣ пробрался въ свою спальню, такъ, что даже привратникъ не зналъ, что онъ воротился.

Въ спальнѣ и въ кабинетѣ все было въ обыкновенномъ порядкѣ и на своихъ мѣстахъ. Монте-Кристо удостовѣрился, что

конторка заперта, и положилъ ключъ въ карманъ, потомъ приказалъ снять коробку отъ замка въ дверяхъ кабинета и, ушедши въ спальню, затворилъ ихъ за собою. Али привнесъ два двустольныхъ пистолета и карабинъ, посредствомъ которыхъ графъ могъ держать въ рукахъ жизнь пяти человѣкъ. Самъ Чубиецъ былъ вооруженъ коротенькою арабскою сѣкирой. Черезъ окно спальни они видѣли все что дѣлалось на улицѣ, а черезъ потайную щель въ дверяхъ могли обозрѣвать кабинетъ.

Прошло два часа. Было совершенно темно, а между-тѣмъ Али и Монте-Кристо, оба одаренные необыкновенною зоркостью, различали малѣйшія трепетанья листьевъ на деревьяхъ. Свѣтъ въ каморкѣ привратника давно уже погасъ. Пробыло три четверти двѣнадцатаго. Все было тихо. Вдругъ послышался шорохъ, какъ-будто кто-то парашаетъ стекло. Потомъ въ другой разъ; потомъ въ третій. При четвертомъ Монте-Кристо догадался въ чемъ дѣло. Твердая, опытная рука алмазомъ обрѣзала четыре края стекла въ окнѣ кабинета. Чубиецъ приблизился на шагъ къ своему господину. Монте-Кристо сдѣлалъ ему запретительный знакъ и приложился глазомъ къ щели. Передъ окномъ обрисовывалась тѣнь, нѣсколько по-чернѣе ночной темени. Потомъ одно стекло тѣмъ-то заслонилось. Потомъ оно треснуло, выломилось, но не упало. Въ это отверзтіе просунулась рука, которая отыскала задвижки, и черезъ секунду окно отворилось; влѣзъ человѣкъ. Онъ былъ одинъ.

— Вотъ дерзкій мошенникъ! подумалъ Монте-Кристо.

Въ эту минуту Али тихонько коснулся плеча графа и указалъ черезъ окно на улицу. Монте-Кристо подошелъ къ окну и увидѣлъ человѣка, который стоялъ на тумбѣ, по другую сторону улицы, и, казалось, старался подсморгнуть, что дѣлается въ домѣ графа. Монте-Кристо сдѣлалъ Али знакъ, чтобы не терять изъ виду этого сторожеваго, а самъ воротился наблюдать за тѣмъ, который влѣзъ въ кабинетъ и, протянувъ руки, осторожно обходилъ его вокругъ, ощупалъ конторку, потомъ подошелъ къ двери. Монте-Кристо вообразилъ, что разбойникъ намѣренъ войти въ спальню, и приготовилъ пистолеть. Но ночной гость только задвинулъ задвижку, потомъ поступилъ точно также и съ другою дверью, которая вела къ передніе покои, и полагалъ, разумеется, что совершенно заперся въ кабинетъ и можетъ дѣйствовать безопасно. Принявъ эти мѣры предосторожности, онъ воротился къ конторкѣ, вынулъ изъ кармана связку крючковыхъ, которые слесари употребляютъ вмѣсто ключей, и принялся отпирать замокъ.

— А! это просто воров! прошепталъ Монте-Кристо съ улыбкой разочарованнаго.

Нѣсколько минутъ посреди ночной тишины въ кабинетѣ раздавалось только бряцанье ключковъ, и скрипъ желѣза объ желѣзо въ замкѣ. Воръ въ темнотѣ не могъ подобрать инструмента, какой былъ нуженъ, и потому взялъ потаенный фонарь, которымъ запасся на такой случай, развернулъ его и поставилъ на конторку, такъ-что красноватый, но довольно яркій свѣтъ упалъ ему прямо на руки и на лицо.

Монте-Кристо съ изумленіемъ отступилъ и чуть не вскрикнулъ. Али подвѣялъ сѣкиру.

— Оставь! шепнулъ Монте-Кристо: тутъ оружіе не нужно.

Потомъ онъ прибавилъ нѣсколько словъ еще тише, потому что невольное движеніе изумленнаго и первый шопоть уже испугали ночнаго гостя. Онъ вздрогнулъ и остановился въ положеніи античнаго точильщика.

Али тихонько пошелъ по мягкому ковра въ альковъ, снялъ со стѣны долгополую черную одежду, треугольную шляпу и парикъ и подаль графу, который снялъ скюртку и жилетъ и въ одну минуту преобразился въ аббата. Между-тѣмъ воръ оправился отъ испугу и продолжалъ трудиться надъ замкомъ, въ которомъ очевидно заключалась какая-нибудь механическая хитрость. Монте-Кристо подслушалъ и улыбнулся.

— Стереги того, что на улицѣ, тихонько шепнулъ онъ Али: в, что бы ты ни услышалъ, не являйся, покуда я не кликну тебя по имени.

Потомъ онъ вынулъ изъ шкафа заранѣе приготовленную зажженную свѣчу и, безъ шума, но внезапно отворивъ дверь, вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуйте, любезный Кадрусъ! вскричалъ онъ: какъ это вы пожаловали сюда въ такую пору?

Кадрусъ оглянулся, уронилъ свои инструменты и оттолбенѣлъ отъ изумленія и ужаса. Онъ не могъ понять, какъ это странное явленіе могло очутиться передъ нимъ, когда онъ замкнулъ двери.

— Аббатъ Буссони!

Монте-Кристо сталъ передъ окномъ, чтобы отрѣзать озадаченному вору дорогу.

— Аббатъ Буссони! повторилъ Кадрусъ, заикаясь и вытаращивъ глаза.

— Ну, да, конечно, аббатъ Буссони самъ, собственною своею особой, сказалъ Монте-Кристо: и мнѣ очень приятно, что вы

узнаете меня, любезнѣйшій мосьё Кадрусъ. Это доказывать, что у васъ хорошая память, потому что, если не ошибаюсь, уже лѣтъ десять будетъ какъ мы видѣлись.

Это сиюминутное, это могущество и насмѣшливый тонъ навели на Кадруса такой ужасъ, что у него въ глазахъ помутнѣло.

— Аббатъ! аббатъ! повторялъ онъ, ломая пальцы и стуча зубами.

— Вы пожаловали съ намѣреніемъ обокрасть графа Монте-Кристо? продолжалъ мнимый аббатъ.

— Господинъ аббатъ.... почтеннѣйшій отецъ, твердилъ Кадрусъ, стараясь пробраться какъ-нибудь къ окну, которое графъ неумолимо загораживалъ: право, господинъ аббатъ.... я не знаю.... повѣрьте.... клянусь вамъ....

— Вы пришли не съ тѣмъ, чтобы воровать, любезнѣйшій мосьё Кадрусъ, продолжалъ графъ: это ясно. Вырѣзанное стекло, воровской фонарь, связка отмычекъ и полувыломленный замокъ доказываютъ ваше доброе намѣреніе.

Кадрусъ душилъ себя шейнымъ платкомъ и искалъ угла, гдѣ бы спрятаться, отверзтія, въ которое бы провалиться.

— Полно, сказалъ графъ, я вижу, что ты всё тотъ же разбойникъ, всё тотъ же убійца.

— Аббатъ, помилуйте! Аббатъ!... ужь если вы все знаете, такъ вы знаете также, что не я убилъ бриллианщика, а Карконта... Вѣдь и судъ такъ призналъ.... За то вѣдь меня и осудили только на галеры.

— Такъ ты кончилъ свой срокъ, что уже готовъ на новый?

— Нѣтъ, господинъ аббатъ, мнѣ добрый человѣкъ помогъ бѣжать.

— Добрый человѣкъ, нечего сказать! хорошую же онъ оказалъ услугу обществу.

— Ахъ!... я столько клялся!...

— Такъ ты бѣжалъ съ галеръ? спросилъ Монте-Кристо.

— Да, отвѣчалъ Кадрусъ съ безпокойствомъ.

— Плохо. Это, если я не ошибаюсь, можетъ повести тебя на эшафотъ. Плохо, плохо, чортъ возьми!

— Ахъ, почтеннѣйшій аббатъ! я увлекся.... ослѣпленіе....

— Всѣ воры такъ говорятъ.

— Нужда....

— Полно лгать! перебилъ аббатъ съ отвращеніемъ: нужда можетъ довести до необходимости просить милостыни; нужда можетъ заставить украсть хлѣбъ у пекаря, но не заставить вло-

миться въ чужой домъ и разломать замки въ конторахъ. А когда бриллианщикъ Іоаннесъ отсчиталъ тебѣ сорокъ пять тысячъ франковъ за алмазъ, который я тебѣ далъ, и когда ты убилъ его, чтобы завладѣть и деньгами и алмазомъ, тогда что? тоже нужда заставила?

— Простите! помилуйте! отвѣчалъ Кадрусъ: вы уже спасли меня однажды, спасите и въ другой.

— Стоить, стоить, нечего сказать!

— Вы одни, господинъ аббать? спросилъ Кадрусъ, сложивъ руки съ умоляющимъ видомъ и ступивъ на шагъ ближе: или жандармы уже здѣсь и возьмутъ меня?

— Я одинъ, отвѣчалъ аббать: и я еще столько сострадаю къ тебѣ, что отпущу тебя, если ты выскажешь мнѣ всю правду.

— Ахъ! добрый аббать! спаситель мой! вскричалъ Кадрусъ, всплеснувъ руками и ступивъ еще на шагъ ближе.

— Ты говоришь, что тебѣ помогла бѣжать?

— О! это правда! клянусь, правда!

— Кто же?

— Одинъ Англичанинъ, лордъ Вильморъ.

— Лордъ Вильморъ? А! я знаю лорда Вильмора. Я спрошу его и узнаю, если ты лжешь.

— Божусь вамъ, я не лгу. Спросите.

— Такъ этотъ Англичанинъ покровительствуетъ тебѣ?

— Не мнѣ, а одному молодому Корсиканцу, моему товарищу, съ которымъ я ходилъ на одной цѣпи, на галерахъ.

— Какъ звали этого Корсиканца?

— Бенедетто.

— А фамилія?

— Онъ самъ не знаетъ своей фамиліи: онъ подкидывшъ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Не знаю.

— Кому же знать, если ты не знаешь?

— Право, не знаю. Мы разстались на Герскихъ Островахъ, отвѣчалъ Кадрусъ и, чтобы придать болѣе выраженія своему увѣренію, подступилъ еще на шагъ.

— Ты лжешь! грозно и спокойно возразилъ аббать, не трогаясь съ мѣста.

— Помилуйте, господинъ аббать!...

— Ты лжешь! Этотъ человекъ и теперь въ дружбѣ съ тобой, быть-можетъ сообщникъ твой.

— О! господинъ аббать!...

— Чѣмъ ты жилъ съ тѣхъ-поръ какъ оставилъ Тулонъ?
Отвѣчай.

— Жилъ.... какъ попадаю....

— Лжешь! крикнулъ Монте-Кристо еще грознѣе прежняго.

Кадрусь затрепеталъ.

— Ты жилъ деньгами, которыя онъ тебѣ давалъ, прибавилъ .

Монте-Кристо.

— Да.... правда, Бенедетто сдѣлался сыномъ знатнаго барина.

— Какъ же онъ могъ сдѣлаться сыномъ знатнаго барина?

— То есть, оказалось, что онъ побочный сынъ.

— Чей же?

— Графа Монте-Кристо.

— Бенедетто сынъ графа Монте-Кристо! вскричалъ аббатъ съ дѣйствительнымъ изумленіемъ.

— Да, ужъ видно такъ, коли графъ нашелъ ему подставнаго отца и даетъ ему по пяти тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, да еще въ завѣщаніи назначаетъ пять сотъ тысячъ наслѣдства.

— А! а! вскричалъ мнимый аббатъ, начавъ по-видимому понимать дѣло: какъ же теперь называется этотъ молодой человѣкъ?

— Княземъ Андреа Кавальканти.

— Такъ это тотъ молодой человѣкъ, котораго мой другъ, графъ Монте-Кристо, принимаетъ у себя и который собирается жениться на мадамозель Дангларъ?

— Тотъ самый.

— И ты допускаешь это, негодяй? Когда ты знаешь его жизнь и его позоръ?

— Помилуйте! неужели же я стану мѣшать товарищу, когда ему везетъ? возразилъ Кадрусь.

— Справедливо. Не тебѣ, а мнѣ слѣдуетъ предупредить Дангларя.

— Ахъ, нѣтъ, не дѣлайте этого, господинъ аббатъ!...

— Отчего?

— Оттого что вы этимъ лишите насъ хлѣба!

— Неужели ты думаешь, что, для того, чтобы не отнять хлѣба у двоихъ негодяевъ, я соглашусь скрывать мошенничества, сдѣлаться сообщникомъ воровъ.

— Аббатъ!....

— Все скажу.

— Кому?

— Данглару.

— Такъ врешь же, не скажешь! вскричалъ Кадрусъ и, хвативъ изъ-за пазухи ножъ, поразилъ аббата прямо въ грудь.

Но къ великому изумленію убійцы, ножъ отпрянулъ отъ груди съ переломленнымъ концомъ. Монте-Кристо всегда носилъ подъ платьемъ тонкую, гибкую, но чрезвычайно прочную стальную кольчугу. Минимый аббатъ въ ту же минуту схватилъ оторопѣвшаго злодѣя за руку и такъ стиснулъ, что ножъ выпалъ изъ онѣмѣвшихъ пальцевъ и Кадрусъ вскрикнулъ отъ боли. Но Монте-Кристо продолжалъ сжимать и выворачивать злодѣю руку, такъ что онъ сперва упалъ на колѣно, потомъ лицомъ въ землю. Графъ наступилъ ему на затылокъ.

— Раздавить тебя, подлая тварь?

— Охъ! умилосердитесь! простите! кричалъ Кадрусъ, задыхаясь.

Графъ отнялъ погу.

— Встань! сказалъ онъ.

Кадрусъ всталъ.

— Чортъ возьми, какая рука у васъ, господинъ аббатъ! сказалъ Кадрусъ потирая измятую руку: словно желѣзные клещи!

— Молчать! Богъ даетъ мнѣ силу усмирить такихъ дикихъ звѣрей какъ ты. Именемъ этого Бога я дѣйствую, помни это, негодяй.

— Охъ! простоналъ Кадрусъ, продолжая выправлять руку.

— Возьми перо и бумага. Напиши, что я тебѣ прикажу, сказалъ Монте-Кристо, указавъ на письменный столъ.

— Я не умѣю писать, господинъ аббатъ.

— Лжешь! Пиши.

Кадрусъ, поработанный неодолимымъ могуществомъ аббата, съ блѣднымъ и дрожащею рукою съ трудомъ написалъ:

«Милостивый государь, человекъ, котораго вы принимаете у себя и за котораго намѣреваетесь выдать свою дочь, — бывший каторжникъ. Онъ бѣжалъ со мною съ тулонскихъ галеръ, гдѣ числился подъ номеромъ пятьдесятъ-девятимъ, а я подъ пятьдесятъ-осьмымъ. Его зовутъ Бенедетто, но онъ и самъ не знаетъ настоящаго своего имени, потому что никогда не знавалъ своихъ родителей.»

— Подписывай! продолжалъ графъ.

— Да вы хотите погубить меня?

— Глупецъ! Если бы я хотѣлъ погубить тебя, такъ стащилъ бы просто въ первую караульню. Ктому же, когда эта

записка будетъ отдана, кому слѣдуетъ, тебѣ, вѣроятно, уже ничего будетъ опасаться. Подписывай.

Кадрусъ подписалъ.

— Адресъ: Барону Данглару, банкиру, въ улицу Шоссё-д'Антенъ.

Кадрусъ написалъ адресъ. Аббатъ взялъ записку.

— Теперь ступай, сказалъ онъ.

— Куда же?

— Откуда пришелъ.

— Вы хотите, чтобы я выгѣзъ черезъ окно?

— Вѣдь ты влѣзъ, такъ можешь и выгѣзъ.

— У васъ есть умыселъ противъ меня, господинъ аббатъ!

— Какой же умыселъ?

— Отчего вы не хотите выпустить меня черезъ дверь?

— На что же будить привратника?

— Скажите мнѣ, поклянитесь мнѣ, что вы не хотите моей смерти.

— Я хочу того, чего Богъ хочетъ.

— Поклянитесь, что вы не убьете меня, когда я погѣзу.

— Жалкій трусъ!

— Что вы хотите со мной сдѣлать?

— Теперь ничего. Я уже попытался однажды сдѣлать изъ тебя счастливаго человѣка и сдѣлалъ убійцу.

— Ахъ, господинъ аббатъ, попытайтесь еще разъ! въ послѣдній разъ!

— Хорошо; быть такъ. Слушай. Ты знаешь, что мое слово крѣпко?

— Знаю.

— Ну, если ты дойдешь до дому цѣлъ и невредимъ.а.

— Кого же мнѣ опасаться, кромѣ васъ?

— Если ты дойдешь до дому цѣлъ и невредимъ, покинь Парижъ, покинь Францію и всюду, гдѣ бы ты ни находился, покуда будешь жить честно, будешь получать отъ меня небольшое содержаніе, потому что, если ты дойдешь до дому невредимъ, то....

— То? спросилъ Кадрусъ съ трепетомъ.

— То я повѣрю, что Богъ тебя простилъ, и я прощу.

— Вы меня пугаете! сказалъ Кадрусъ, отступая задомъ и со страхомъ оставивъ глаза на аббата.

— Ступай! возразилъ тотъ, указывая на окно.

Кадрусъ нерѣшительно выгѣзъ за окно и, ступивъ на под-

ставленную лѣстницу, опять остановился и съ недовѣрчивостью посмотрѣлъ на аббата. Но видя, что съ этой стороны опасности нѣтъ, началъ наконецъ спускаться. Тогда Монте-Кристо подошелъ къ окну со свѣчою, такъ, что и его и Кадруса можно было видѣть съ другой стороны улицы.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ Кадрусъ: если пройдетъ патруль, меня увидятъ!

И Кадрусъ задулъ свѣчу. Потомъ онъ продолжалъ спускаться, но совсѣмъ успокоился тогда только, когда ощутилъ землю подъ ногами.

Монте-Кристо между-тѣмъ остался у окна и смотрѣлъ черезъ дворъ на улицу. Онъ видѣлъ, какъ Кадрусъ приставилъ свою лѣстницу къ забору, какъ взобрался, сѣлъ, осмотрѣлся, переташилъ лѣстницу на другую сторону и началъ спускаться задомъ. Въ то же самое время подстерегавшій его человекъ тихонько подкрадываясь перешелъ черезъ улицу.

Вдругъ Кадрусъ ужасно вскрикнулъ:

— Ой! помогите!

Въ то самое мгновеніе, когда онъ спустился на землю, его поразили кинжаломъ въ спину и вслѣдъ затѣмъ вторично въ бокъ.

— Рѣжутъ! рѣжутъ! вскричалъ онъ и повалился навзничь.

Убийца схватилъ его за волосы и въ третій разъ всадилъ кинжалъ въ грудь. Несчастный хотѣлъ еще вскрикнуть, но только простоналъ. Кровь тремя ручьями хлынула изъ глубокихъ ранъ. Видя, что онъ уже не кричитъ, убійца приподнялъ голову. Зубы были стиснуты, глаза закрыты. Убийца счелъ его мертвымъ, бросилъ и исчезъ.

Тогда Кадрусъ приподнялся на локтѣ и, собравъ послѣднія силы, опять закричалъ умирающимъ голосомъ:

— Помогите, аббать! помогите!... сюда! сюда!... держите!

Этотъ зловѣщій крикъ далеко разнесся посреди ночной тишины. Черезъ минуту садовая калитка отворилась. Аббать Буссони и Нубіецъ прибѣжали со свѣчами.

Кадрусь продолжалъ кричать жалобнымъ голосомъ:

— Помогите! помогите!

— Что такое? что случилось? спросилъ аббать.

— Меня убили! меня зарѣзали! простоналъ Кадрусъ и лишился чувствъ.

Монте-Кристо съ помощію Али отнесъ его въ домъ и приказалъ раздѣть, чтобы осмотрѣть раны.

— Разбуди привратника и пошли его за докторомъ, сказалъ онъ потомъ Нубійцу, а самъ бѣги за королевскимъ прокуроромъ. Пусть сейчасъ прїѣдетъ.

Али успѣшилъ исполнить приказаніе.

Когда Кадрусъ очнулся отъ обмороку, аббатъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ и смотрѣлъ на него съ мрачнымъ состраданіемъ.

— Доктора, аббатъ! доктора! сказалъ слабымъ голосомъ Кадрусъ.

— За докторомъ пошли, отвѣчалъ аббатъ.

— Я знаю, что это будетъ бесполезно: мнѣ уже не жить. Но, можетъ-быть, докторъ столько поддержитъ мои силы, что я успѣю сдѣлать показаніе.

— О чемъ?

— О моемъ убійцѣ.

— Такъ ты знаешь его?

— О! конечно, знаю! Это Бенедетто!

— Твой товарищъ? Корсиканецъ?

— Да. Онъ далъ мнѣ планъ этого дому, въ надеждѣ, вѣроятно, что я убью графа и тѣмъ скорѣе доставлю ему наслѣдство. Потомъ самъ онъ намѣревался убить меня, чтобъ избавиться отъ сообщника, и для того подстерегъ, злодѣй! разбойникъ!

— Успокойся, я послалъ вмѣстѣ и за докторомъ и за прокуроромъ, сказалъ аббатъ.

— Опоздаютъ! опоздаютъ! возразилъ Кадрусъ: я чувствую, какъ тѣло мое холодѣетъ. Охъ!... умираю!

Равенный съ ужасомъ замигалъ блуждающими глазами и, казалось, готовъ былъ снова лишиться чувствъ. Тогда Монте-Кристо вынулъ изъ кармана флаконъ и пустилъ Кадрусу нѣсколько капель красной жидкости на губы. Кадрусъ глубоко вздохнулъ.

— О! сказалъ онъ: это жизнь! это жизнь!... Дайте еще! еще!

— Довольно. Больше нельзя, отвѣчалъ аббатъ.

— О! какъ бы кто пришелъ скорѣй, чтобы я могъ сдѣлать показаніе!

— Хочешь, я напишу, ты подпишешь?

— Да... да! вскричалъ Кадрусъ и глаза у него засверкали отъ радости, что онъ успѣетъ и по смерти отмстить врагу.

Монте-Кристо написалъ :

«Я умираю, зарѣзанный Корсиканцемъ Бенедетто, который былъ

моня товарищемъ въ Тулонѣ и числился подъ номеромъ пятьдесятъ-девятымъ.»

— По-скорѣе! по-скорѣе! говорилъ Кадрусъ: я не успѣю написать.

Монте-Кристо подаль ему перо. Онъ собралъ все свои силы, подписалъ и упалъ назадъ на диванъ, говоря:

— Вы расскажете остальное, аббатъ.... Вы скажете, что онъ называетъ себя Андреємъ Кавальканти, что онъ живетъ въ Гостинницѣ Князей.... что.... Ахъ! ахъ, Боже мой!.... я умираю!

И Кадрусъ вторично впалъ въ обморокъ. Монте-Кристо далъ ему понюхать изъ флакона. Онъ открылъ глаза. Жажда мести не оставила его во время безпамятства.

— Охъ!... Вы все скажете, господинъ аббатъ, неправда ли? вы все скажете?

— Все, все; больше нежели ты знаешь.

— Что же вы скажете?

— Я скажу, что онъ далъ тебѣ планъ этого дому, вѣроятно, въ надеждѣ, что графъ убьетъ тебя. Онъ предупредилъ графа запискою, которую, за отсутствіемъ графа, получилъ я, и я подстерегъ тебя.

— И его казнятъ, неправда ли?... ему отрубить голову? Объясните мнѣ, что его казнятъ! Мнѣ легче будетъ умереть.

— Я скажу, продолжалъ графъ, что онъ пришелъ вслѣдъ за тобою и подстерегъ тебя за заборомъ. Я видѣлъ его.

— Вы видѣли его! вы знали, что онъ подстерегаетъ меня, и не предупредили!

— Вспомни мои слова: «Если ты дойдешь до-дому невредимъ, я повѣрю, что Богъ простилъ тебя, и я прощу».

— Вы знали, что меня убьютъ, когда я выйду отсюда, и не предупредили! повторялъ Кадрусъ, стараясь приподняться на локтѣ.

— Не предупредилъ, потому что въ лицѣ Бенедетто я видѣлъ орудіе Божіе правосудія. Я не смѣлъ и не хотѣлъ сопротивляться опредѣленіямъ Провидѣнія.

Кадрусъ судорожно сжалъ кулаки и застоналъ отъ ярости.

— Ты нераскаивный злодѣй, Кадрусъ, прибавилъ аббатъ: ты не вѣришь въ правосудіе Божіе. Ты не вѣришь, что Онъ не только судитъ, но и отецъ.

Кадрусъ посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

— Выслушай, продолжалъ аббать, протянувъ руку, чтобы остановить богохульную рѣчь злодѣя: выслушай, я скажу тебѣ, что Богъ сдѣлалъ для тебя. Онъ далъ тебѣ здоровье, силы, надежную работу и даже друзей; Онъ далъ тебѣ все, что нужно, для того чтобы съ чистою совѣстію провести жизнь въ спокойствіи и довольствѣ. Что же ты сдѣлалъ, вмѣсто-того чтобы воспользоваться этими дарами, которые такъ рѣдко достаются человеку вполнѣ? Ты предался лѣни и пьянству, а въ пьянствѣ ты сдѣлался предателемъ одного изъ лучшихъ твоихъ друзей.

— Помогите! вскричалъ Кадрусъ: мнѣ не нужно проповѣдника: мнѣ нуженъ докторъ! Быть-можетъ, я еще не смертельно раненъ; быть-можетъ, я еще не умру; быть-можетъ, меня еще можно спасти!

— Ты такъ смертельно раненъ, что безъ капель, которыя я далъ тебѣ, давно бы уже умеръ. Такъ слушай же!

— Ахъ!... по какой вы странный духовникъ! вы приводите умирающаго въ отчаяніе, вмѣсто-того чтобы утѣшить!

— Выслушай, продолжалъ аббать: когда ты предалъ своего друга, Богъ началъ не карать тебя, но только предупреждать. Ты впалъ въ нищету и испыталъ голодъ. Но вмѣсто-того чтобы прибѣгнуть къ труду, ты проводилъ жизнь въ зависти и уже готовъ былъ покуситься на преступленіе, извиняя себя необходимостью, когда Богъ сотворилъ для тебя чудо и черезъ меня послалъ тебѣ, нищему, богатство, блестящее богатство, какого ты никогда не могъ ожидать. Но этого тебѣ было мало: ты хотѣлъ удвоить незаслуженное и чѣмъ же? убійствомъ. Тогда Богъ отнялъ у тебя все и предалъ тебя въ руки человѣческаго правосудія.

— Это не я!... не я хотѣлъ убить Жида! Карконта!

— Можетъ-быть, что она тебя подстрекнула. Зато Богъ не по правосудію, а по милосердію своему смягчилъ сердца судей твоихъ и тебѣ оставилъ жизнь.

— Да! и послали на вѣкъ на галеры! Хороша милость!

— Однако жъ ты смотрѣлъ на это, какъ на великую милость въ то время, когда тебѣ угрожала смертная казнь. Твое подлое сердце, трепставшее передъ смертью, запрыгало отъ радости при извѣстїи о пожизненномъ позорѣ, потому что ты думалъ: въ тюрьмѣ каторжниковъ есть дверь; въ могилѣ нѣтъ двери. И ты былъ правъ: дверь тюрьмы твоей неожиданно отворилась. Небо

вторично посылаетъ тебѣ счастье, деньги и спокойствіе, тебѣ, осужденному провести жизнь на каторгѣ. На что ты употребилъ свою свободу? Ты въ третій разъ задумалъ искушать Бога, ты покусился на третье преступленіе, безъ всякаго повода, безъ всякой нужды, и Богъ покаралъ тебя.

Кадрусъ видимо ослабѣвалъ.

— Пить! сказалъ онъ: мнѣ пить хочется..... я сгараю!

Монте-Кристо подаль ему стаканъ воды.

— Разбойникъ Бенедетто! сказалъ Кадрусъ, отдавая стаканъ: онъ, не бойсь, уйдетъ!

— Никто не уйдетъ. Я тебѣ ручаюсь. Бенедетто будетъ наказанъ.

— Такъ, стало, и вы будете наказаны, возразилъ Кадрусъ: вы не исполнили своего долга.... Зачѣмъ вы допустили Бенедетто до убійства?

— Зачѣмъ? спросилъ аббатъ съ улыбкою, отъ которой Кадруса обдало холодомъ: зачѣмъ я не помѣшалъ Бенедетто убить тебя? Ты спрашиваешь объ этомъ, послѣ того, что переломилъ ножъ о кольцо на моей груди?.... Да, можетъ-быть, если бы я нашелъ тебя покорнымъ и кающимся, я не допустилъ бы Бенедетто убить тебя. Но ты былъ зломъ и кровожаденъ, и воля Провидѣнія совершилась. При всѣмъ томъ Богъ ждетъ только одной молитвы, одного слова, одной слезы, чтобы помиловать тебя!.... Провидѣніе могло направить ножъ убійцы такъ, чтобы ты умеръ съ-разу, во тѣмъ грѣховъ твоихъ; однако сжаилось надъ тобой и далъ тебѣ четверть часа на покаяніе. Войди же въ себя, несчастный, и покайся.

— Но кто же ты? спросилъ Кадрусъ, устремивъ смущенный взоръ на аббата.

— Посмотри на меня хорошенько, отвѣчалъ Монте-Кристо взявъ свѣчу и освѣтилъ свое лицо.

— Аббатъ..... аббатъ Буссони!

Монте-Кристо снялъ парикъ и освободилъ прекрасные черные волосы, которые отбѣняли его блѣдное лицо.

— О! вскричалъ Кадрусъ съ ужасомъ: не будь черные волосы, я сказалъ бы, что вы тотъ Англичанинъ.... лордъ Вильморъ!

— Я не аббатъ Буссони и не лордъ Вильморъ. Смотри пристальнѣе, смотри дагѣ: нищи между воспоминаніями молодости.

Магическій звукъ этихъ словъ еще разъ оживилъ исчезавшія силы умирающаго.

— О! въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ онъ: мнѣ кажется, я гдѣ-то видѣлъ васъ, я нѣкогда знавалъ васъ.

— Да, Кадрусъ, ты видѣлъ, ты знавалъ мея.

— Но кто же вы? и зачѣмъ же, если я знавалъ васъ, зачѣмъ вы даете мнѣ умереть?

— Затѣмъ, что раны твои смертельны, Кадрусъ; затѣмъ, что ничто уже не можетъ спасти тебя. Если бъ было возможно спасти твою жизнь, я увидѣлъ бы въ этомъ послѣднее милосердіе Божіе и, клянусь гробомъ отца моего, еще разъ попытался бы воротить тебя къ жизни и покаянію.

— Гробомъ твоего отца! вскричалъ Кадрусъ, приподнявшись, чтобы ближе посмотрѣть на того, который произнесъ эту священную для всякаго человѣка клятву: гробомъ твоего отца! Но кто же ты?

Монте-Кристо, наблюдая за послѣдовательнымъ ходомъ смертнаго томленія, понялъ, что этотъ порывъ жизни былъ послѣдній. Онъ подошелъ къ умирающему и устремилъ на него спокойный и грустный взоръ.

— Я... сказалъ онъ ему на-ухо: я....

И чуть-чуть открытыя уста произнесли имя, но такъ тихо, что, казалось, графъ самъ страшился услышать его.

Кадрусъ рванулся-было, чтобы отскочить и опрокинулся на-взничъ.

— О! Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ всплеснувъ руками: да! да! Ты отецъ праведныхъ на небесахъ и судія преступныхъ на землѣ!... Господи, Владыко, помилуй меня! Господи, не карай меня!... Господи, помилуй!...

Кадрусъ жалобно застоналъ, закрылъ глаза и заломилъ руки. Кровь съ новою силой хлынула изъ ранъ. Онъ потянулся, тяжело вздохнулъ и умеръ.

— *Одинъ!* таинственно сказалъ Монте-Кристо, устремивъ взоръ на окровавленный трупъ.

Черезъ десять минутъ потомъ явился докторъ и королевскій прокуроръ. Они застали аббата Буссони за молитвой надъ покойникомъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней, весь Парижъ говорилъ о дерзкомъ покушеніи воровъ въ домъ графа Монте-Кристо. Полиція дѣятельно отыскивала слѣды мошенника, который, по письменному показанію умирающаго, убилъ своего сообщника. Кадрусовъ ножъ, потайной фонарь, связка отмычекъ и платье, — кро-

мъ жилета, котораго не нашли,—какъ уличительныя доказательства хранились въ полицейской канцеляріи.

Монте-Кристо на разпросы отвѣчалъ, что знаетъ объ этомъ происшествіи только черезъ аббата Буссони, который въ его отсутствіе занимался въ библиотекѣ, гдѣ хранились многія драгоцѣнныя рукописи и книги.

Вильфортъ принялся за слѣдствіе со всѣми тѣми страстными жаромъ, который обыкновенно доставлялъ его краснорѣчиво торжество въ судахъ. Но прошли три недѣли, а слѣдовъ убійцы не нашлось. Въ обществѣ давно забыли объ этомъ происшествіи. Рѣчь шла о скорой свадьбѣ мамзель Евгении Дангларъ съ графомъ Андреа Кавальканти. Союзъ этотъ былъ уже почти объявленъ. Молодаго человѣка въ домѣ банкира принимали какъ жениха. Нѣкоторые добрые люди предостерегали его, старались внушить сомнѣніе насчетъ прочности состоянія его будущаго тестя, который съ нѣкоторыхъ поръ терпѣлъ значительныя неудачи на биржѣ, но князь Кавальканти съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и великодушнымъ довѣріемъ отвергъ всѣ эти навѣты и былъ такъ деликатенъ, что даже не сказалъ объ нихъ ни слова Данглару. Зато и баронъ обожалъ князя Андреа Кавальканти.

Между-тѣмъ прошелъ также срокъ, котораго потребовалъ Бошанъ для окончательнаго объясненія съ Альберомъ де-Морсерфомъ. Когда Альберъ говорилъ объ этомъ съ графомъ Монте-Кристо, тотъ совѣтовалъ ему предоставить дѣло времени и увѣрялъ, что оно упадетъ само собою. Въ самомъ дѣлѣ, никто не обратилъ особеннаго вниманія на замедленное извѣстіе изъ Явны; никому и въ голову не приходило искать измѣнника, Фернандо въ лицѣ благороднаго графа, который засѣдалъ въ палатѣ перовъ. Однако жъ, Альберъ тѣмъ не менѣе считалъ свое имя оскорбленнымъ. Онъ въ тѣхъ строкахъ видѣлъ по-крайней-мѣрѣ намѣреніе оскорбить его отца и полагалъ, что дуэль съ Бошаномъ неизбежна, если тотъ не согласится признать извѣстіе ложнымъ.

Что касается до Бошана, то со дня свиданія съ Морсерфомъ, его не видали въ Парижѣ. Всѣ спрашивавшіе объ немъ получали отвѣтъ, что онъ уѣхалъ на нѣсколько дней, неизвѣстно куда.

Однажды утромъ Альберъ только-что всталъ, какъ ему доложили о Бошанѣ. Молодой человѣкъ поспѣшно кончилъ одѣванье и вышелъ въ гостиную.

— Вы пришли сами! не дождался посѣщенія, которое я навѣренъ былъ сдѣлать вамъ сегодня, сказалъ Альберъ: въ этомъ

я вижу доброе предвѣстіе. Говорите же скорѣй, что мнѣ дѣлать? Подать вамъ руку и сказать: Бошанъ, признайтесь въ ошибку и сохранили себѣ друга? Или я долженъ просто спросить: какое вамъ угодно выбрать оружіе?

— Альберъ, сказалъ Бошанъ съ грустью, которая поразила молодого человѣка: сядемъ напередъ и поговоримъ откровенно.

— Но мнѣ кажется, напротивъ, вы сперва должны отвѣчать мнѣ!

— Альберъ, бываютъ обстоятельства, въ которыхъ подобный отвѣтъ всего затруднительнѣе.

— Я вамъ облегчу затрудненіе, милостивый государь. Я повторю вопросъ: намѣрены вы опровергнуть извѣстіе? да, или нѣтъ?

— А я вамъ скажу, что въ вопросахъ, которые касаются чести, общественнаго положенія и жизни человѣка, подобнаго генералъ-лейтенанту графу де-Морсеру, перу Франціи, нельзя удовольствоваться однимъ: да или нѣтъ!

— Что же въ такомъ случаѣ дѣлають?

— То, что я сдѣлалъ, Альберъ. Говорять: деньги и трудъ ничего не значать, когда дѣло идетъ о добромъ имени и благосостояніи цѣлаго семейства; говорить: нужно по-больше одной вѣрности, нужна достовѣрность, для того чтобы принять вызовъ на смертный поединокъ съ другомъ; говорить: если готовишься поднять шпагу или спустить курокъ пистолета на человѣка, которому впродолженіи трехъ лѣтъ пожималъ руку, то нужно по крайней-мѣрѣ знать, за что это дѣлаешь, для того чтобы можно было явиться на мѣсто съ спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстью, необходимыми человѣку, который своею рукою защищаетъ свою жизнь.

— Что же вы этимъ хотите сказать? спросилъ Морсеръ съ потеряннѣемъ: что это значить?

— Это значить, что я только-что воротился изъ Янины.

— Изъ Янины? вы?

— Да, я.

— Невозможно!

— Вотъ мой паспортъ. Взгляните на прописки: Женева, Миланъ, Венеція, Триестъ, Дельвино, Янина.

Альберъ посмотрѣлъ на паспортъ и опять съ удивленіемъ устремилъ глаза на журналиста.

— Вы были въ Янинѣ? спросилъ онъ.

— Альберъ, если бы вы были мнѣ чужой человѣкъ, какой-

внбудь встрѣчный, который потребовалъ бы удовольствешя за печальный толчокъ локтемъ, я немедленно согласился бы стрѣляться и убилъ бы васъ, чтобы избавиться отъ докучнаго. Я не потратилъ бы трехъ недѣль времени и трудовъ. Но съ вами я почелъ долгомъ поступить иначе. Я употребилъ три недѣли на то, чтобы лично справиться объ этомъ дѣлѣ. Я никому не хотѣлъ довѣрить его, а самъ ѣздилъ въ Янну. Ныгѣшнюю ночью я воротился и вотъ, я здѣсь.

— Да, вы здѣсь, однако жъ всё-еще не говорите мнѣ того, что нужно!

— Это оттого что.... право, Альберъ....

— Вы, кажется, всё-еще затрудняетесь?

— Да, мнѣ страшно.

— Вамъ страшно признаться, что вашъ корреспондентъ обманулъ васъ? Полноте, Бошанъ! оставьте это газетное самолюбие. Признайтесь въ ошибкахъ. Мужество ваше отъ этого нисколько не подвергается сомнѣнню.

— О! не въ этомъ дѣло! возразилъ Бошанъ.

Альберъ ужасно поблѣднѣлъ; хотѣлъ говорить, но слова застряли на губахъ.

— Другъ мой, сказалъ Бошанъ съ глубокимъ чувствомъ: повѣрьте, что я былъ бы счастливъ, если бъ долженъ былъ извиниться передъ вами. Я съ радостью извинился бы.... Но, какъ несчастью....

— Что же, что?

— Извѣстiе справедливо, другъ мой.

— Какъ! этотъ французскiй офицеръ?... Фернандъ?...

— Да.

— Этотъ предатель, который за деньги продалъ жизнь Али-паши....

— Простите мнѣ то, что я долженъ вамъ сказать, другъ мой. Этотъ человекъ — вашъ отецъ.

Альберъ въ ярости вскочилъ, чтобы броситься на Бошана, но тотъ остановилъ его болѣе кроткимъ взглядомъ, нежели простертою рукой.

— Вотъ, другъ мой, сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана бумагу: вотъ доказательство.

Альберъ развернулъ бумагу. Это было свидѣтельство, подписанное четырьмя именитыми жителями Янны, въ томъ, что полковникъ Фернандо Мондого, бывший на службѣ у Али-Тобеллина,

сдасть укрѣпленія Янины Туркамъ за миллионъ піастровъ. Подписи были засвидѣтельствованы консуломъ.

Альберъ зашатался и упалъ въ кресло.

На этотъ разъ уже не оставалось никакого сомнѣнія: имя и фамилія были прописаны всѣми буквами.

Бошанъ съ искреннимъ состраданіемъ смотрѣлъ на безмолвное терзаніе молодаго человѣка и дождался, когда оно облегчилось слезами; потомъ подошелъ.

— Альберъ, сказалъ онъ, вы понимаете теперь, что мнѣ трудно было отвѣчать вамъ. Вы вѣрите, что я предпринялъ эту поѣздку съ искреннимъ желаніемъ и въ надеждѣ доставить вашему отцу полную справедливость. Но, къ несчастію, вышло иначе. Тогда я вспомнилъ о васъ, о вашей прежней дружбѣ ко мнѣ, и поспѣшилъ къ вамъ.

Альберъ всё лежалъ въ креслахъ и держалъ руки на глазахъ, какъ-будто укрываясь отъ дневнаго свѣту.

— Я поспѣшилъ сюда, продолжалъ Бошанъ, чтобы сказать вамъ, Альберъ, что грѣхи отцовъ, въ наши времена всеобщихъ смутъ, не могутъ падать на дѣтей. Немногіе изъ видѣвшихъ перевороты, среди которыхъ мы родились, вышли изъ нихъ безъ всякаго пятна грязи или крови на одеждѣ. Теперь, когда я владѣю всѣми доказательствами вашей тайны, Альберъ, теперь никто въ мірѣ не можетъ принудить меня къ дуэли, которую, я увѣренъ, и ваша собственная совѣсть не допуститъ. Но я самъ теперь предложу вамъ то, чего вы уже не можете требовать отъ меня. Хотите ли, чтобы эти доказательства, мнѣ одному извѣстныя, исчезли? Хотите ли, чтобы эта ужасная тайна осталась между мною и вами? Будучи ограждена моимъ честнымъ словомъ, она никогда не сорвется съ моего языка. Хотите ли, Альберъ? Скажите, другъ мой.

Альберъ бросился на шею къ Бошану.

— О! благородная душа! вскричалъ онъ.

— Возьмите! сказалъ журналистъ, подавая ему бумаги.

Альберъ дрожащею рукою схватилъ ихъ и смѣлъ; хотѣлъ разодрать, но, вспомнилъ, что малѣйшій ключокъ, унесенный вѣтромъ, можетъ когда-нибудь удариться ему въ лицо; подошелъ къ свѣчѣ, которая горѣла для сигаръ, и сжегъ все до-тла.

— Дорогой другъ! лучшій другъ мой! повторялъ Альберъ, сжигая бумаги.

— Пусть все это забудется, какъ страшный сонъ, сказалъ

Бошанъ : пусть исчезнетъ какъ эти искры , убѣгающія по торопному пеплу , и разлетится какъ этотъ дымъ .

— Да , да ! прибавилъ Альберъ : и пусть останется только вѣчная дружба моя къ забавителю ; дружба , которую дѣти мои передадутъ твоимъ дѣтямъ ; дружба , которая всегда будетъ напоминать мнѣ , что сохраненіемъ крови въ моихъ жилахъ , живя въ моемъ тѣлѣ и чести моего имени я обязанъ тебѣ , потому что , если бы такая исторія огласилась.... Ф ! Бошанъ , идущий , я застрѣлся бы.... Иди нѣтъ , я не захотѣлъ бы тѣмъ же ударомъ убить бѣдную мать мою.... я бѣжалъ бы куда-нибудь на край свѣта .

Альберъ считалъ себя совершенно забавленнымъ отъ напасти , но эта поверхностная и слишкомъ поспѣшная радость скоро превратилась въ печаль , хуже прежняго .

— Что съ тобою , другъ мой ? спросилъ Бошанъ .

— Вотъ тутъ , въ сердцѣ , что-то разорвалось , отвѣчалъ Альберъ : ахъ , Бошанъ ! трудно въ одну секунду отказаться отъ уваженія , довѣренности и гордости , какія внушаетъ сыну безпорочное имя отца.... Какимъ образомъ я теперь встрѣчусь съ моимъ отцомъ ? Отвернуться мнѣ , когда губы его захотятъ прикоснуться къ моему лбу ? Отступитъ , когда его рука захочетъ пожать мою руку ?... Ахъ , другъ мой ! я несчастливѣйшій изъ людей.... Матушка ! матушка ! вскричалъ онъ , глядя сквозь слезы на портретъ Мерседы : если бы ты знала это , какъ бы ты пострадала !

— Ободрися , мужайся , другъ мой ! сказалъ Бошанъ .

— Но кто доставилъ тебѣ первое , проклятое извѣстіе ? вскричалъ вдругъ Альберъ : откуда оно ? Подъ этимъ скрывается какая-нибудь неизвѣстная ненависть , какой-нибудь невидимый врагъ .

— Можетъ-быть . Тѣмъ болѣе тебѣ нужно мужество и твердость . Берегись , чтобы не было слѣда волненія на твоихъ лицѣ ; носи эту скорбь и роковую тайну въ сердцѣ , какъ туча носитъ въ себѣ разрушеніе и смерть . Сохрани твои силы на ту пору , когда разразится гроза .

— Такъ ты думаешь , что еще не кончено ? вскричалъ Альберъ съ испугомъ .

— Я ничего не думаю , другъ мой . Но мало ли что можетъ случиться . Кстати.... ты женишься на мадамозель Дангларъ ?

— Что тебѣ вздумалось спросить меня объ этомъ теперь ?

— Это потому , что , мнѣ кажется , разрывъ или довершеніе этого союза могутъ имѣть связь съ предметомъ , который занимаетъ насъ въ настоящую минуту .

— Какъ! ты думаешь, что Данглартъ....

— Я только спрашиваю, до чего дошло ваше дѣло о женитьбѣ. Не ищи въ моихъ словахъ того, чего я въ нихъ не подразумеваю.

— Нѣтъ, я не женюсь, отвѣчалъ Альберъ.

— А!... хорошо, сказалъ Бошанъ.

Потомъ, видя, что молодой человѣкъ опять впадаетъ въ мрачную задумчивость, прибавилъ:

— Послушай меня, Альберъ, поѣдемъ прогуляться; поѣдемъ въ Булонскій Лѣсъ, въ фазтонѣ или верхами. Это развлечетъ тебя. Потомъ воротимся и вмѣстѣ позавтракаемъ гдѣ-нибудь.

— Охотно. Но лучше пойдѣмъ пѣшкомъ. Миѣ кажется, что нѣкоторое утомленіе будетъ миѣ еще полезнѣе.

— Хорошо.

Они вышли на бульваръ и шли нѣсколько времени молча.

— Кстати, сказалъ вдругъ Бошанъ: отсюда недалеко до дому Монте-Кристо. Поѣдемъ къ нему: онъ тебя развлечетъ. Онъ удивительный человѣкъ на этотъ счетъ: онъ никогда не спрашиваетъ, а по-моему, люди, которые не спрашиваютъ, — самые лучшіе утѣшители.

— Пожалуй, отвѣчалъ Альберъ: пойдѣмъ къ нему; я люблю его.

Монте-Кристо отъ самого Альбера зналъ о предположенной дуали и очень обрадовался, увидѣвъ молодыхъ людей въ добромъ согласіи. Впрочемъ, онъ дѣйствительно ни полусловомъ не покусился разобрать ни поводъ къ ссорѣ, ни причину примиренія. Онъ замѣтилъ только мрачное расположеніе Альбера и спросилъ, не боленъ ли онъ. Альберъ сталъ жаловаться на мигрень. Монте-Кристо пустился расхваливать путешествіе, какъ самое превосходное и лично на опытѣ извѣданное лекарство, и пригласилъ Альбера вмѣстѣ ѣхать въ Нормандію, куда уже совершенно собрался, чтобы черезъ три часа отправиться. Альберъ безъ труда согласился, и они поѣхали.

Одинъ проѣздъ уже произвелъ на Альбера благопріятное впечатлѣніе и заставилъ почти совершенно забыть горе. Они, на собственныхъ лошадяхъ Монте-Кристо, заранѣе приготовленныхъ управителемъ, неслись съ невѣроятною, волшебною быстротой. Альберъ впервые испыталъ и насладился истинно-сладостнымъ упоеніемъ стремительнаго полета, въ просторномъ, но легкомъ дорожномъ экипажѣ, который четверня рьяныхъ лошадей, отъ станціи до станціи, на-подхватъ перебрасывала другою четверкѣ. Али, безсѣбно исправляя должность ямщика,

былъ, по-видимому, въ настоящей своей сферѣ. Сидя на козлахъ и по-временамъ вскрикивая, онъ, въ крѣпкихъ, желѣзныхъ рукахъ, держалъ и какъ-будто самъ несъ и лошадей и экипажъ съ сѣдоками. Черное лицо его сіяло; глаза горѣли; бѣлый бурнусъ развѣвался по вѣтру. Нубіецъ казался демономъ вихрей и урагановъ пустыни.

Въ окрестностяхъ Тренора, куда Монтс-Кристо привезъ Альбера на новую свою дачу, они провели два дня въ непрерывныхъ развлеченияхъ, на охотѣ, на рыбной ловлѣ или въ прогулкахъ. На третій утрое, прибылъ нарочный изъ Париза, съ пакетомъ отъ Бошана. Въ пакетѣ были номеръ газеты и записка. Прочитавъ записку и нѣсколько строкъ въ газетѣ, Альберъ, разстроенный, блѣдный, поспѣшно простился съ гостеприимнымъ хозяиномъ и въ ту же минуту поскакалъ въ Парижъ.

Въ газетѣ было напечатано:

«Находившійся на службѣ у Али-Паши французскій офицеръ, о которомъ три недѣли тому назадъ говорилъ почтенный нашъ собратъ, журналъ «Безпристрастный», и который не только сдалъ укрѣпленія Янны, но и благодѣтеля своего продалъ Туркамъ, дѣйствительно назывался въ ту пору Фернандомъ. Но впоследствии онъ прибавилъ къ этому имени дворянскій титулъ и прозваніе по имѣнію. Нынче его зовутъ графомъ де-Морсерфомъ и онъ засѣдаетъ въ палатѣ перовъ.»

Газета принадлежала къ партіи враждебной Бошану.

Было семь часовъ утра, когда Альберъ какъ безумный въбѣжалъ въ кабинетъ журналиста.

— Ну, вотъ! вотъ и гроза! вскричалъ онъ упавъ въ кресла.

— Бѣдный другъ мой! тихо сказалъ журналистъ.

— Бошанъ, возразилъ Альберъ, я не стану увѣрять, что считаю невозможнымъ, чтобы ты говорилъ кому-нибудь объ этомъ дѣлѣ. Я знаю, я чувствую, что ты мнѣ другъ. Поэтому, не станемъ терять времени. Расскажи мнѣ, расскажи подробно, какъ это было. Я не хочу слышать объ этомъ ни отъ кого кромѣ тебя.

И Бошанъ рассказалъ ему весь ходъ дѣла, которое мы сейчасъ изложимъ.

«Въ тотъ день, когда появилась роковая статья, въ палатѣ перовъ господствовало сильное волненіе. Всѣ члены пріѣхали ранѣе обыкновеннаго и разговаривали о непріятномъ происшествіи, которое необходимо должно было занять публику и обратить общее вниманіе на одного изъ самыхъ извѣстныхъ членовъ знаме-

итаго собранія. Почти у всѣхъ была въ рукахъ газета. Кто перечитывалъ вполголоса, кто припоминалъ и пояснялъ давно забытыя обстоятельства, которыя почти всѣ служили къ подтвержденію факта. Товарищи не любили графа де-Морсерфа. Онъ, какъ и всякій «выскачка», чтобы удержаться на уровнѣ пріобрѣтеннаго званія, принужденъ былъ вдаваться въ крайнюю надменность и тѣмъ самымъ нажилъ множество враговъ и между тѣми, до которыхъ тянулся, и между тѣми, надъ которыми возвышался. Поэтому, едва онъ пошатнулся, всѣ возстали разомъ, чтобы низвергнуть его совершенно и затоптать въ грязь. Гроза готовилась ужасная.

Одинъ только Морсерфъ, казалось, ничего не зналъ. Онъ явился въ палату въ обыкновенное время, съ надменнымъ взглядомъ, съ гордою поступью; не примѣтивъ ни замѣшательства престоавовъ, ни принужденныхъ отвѣтовъ товарищей, онъ занялъ свое мѣсто. Засѣданіе было уже начато. Гордость Морсерфа, хотя и обыкновенная, на этотъ разъ показалаcя всѣмъ крайне неприличною и оскорбительною дерзостью. Всѣ, очевидно, съ нетерпѣніемъ ждали объясненія, но, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, никто не хотѣлъ первый начать рѣчь. Наконецъ нашелся человекъ. Одинъ изъ почтенныхъ перовъ, отъявленный врагъ Морсерфа, взошелъ на ораторскую кафедру съ торжественною важностью, которая показывала, что ожидаемая минута настала.

Воцарилась страшная тишина. Одинъ Морсерфъ, казалось, не понималъ причины усерднаго вниманія къ оратору, котораго обыкновенно слушали вовсе не охотно.

Ораторъ началъ съ короткаго вступленія, которымъ предвѣрилъ, что намѣренъ говорить о вещи до такой степени важной, священной и близкой сердцу и чести всего собранія, что онъ находитъ нужнымъ просить полнаго вниманія товарищей.

При первыхъ словахъ о Янинѣ и о полковникѣ Фернандѣ, графъ де-Морсерфъ такъ страшно поблѣднѣлъ, что по всему собранію пробѣжалъ электрической трепетъ и всѣ глаза устремились на него. Ораторъ прочелъ статью и продолжалъ свою рѣчь при томъ же всеобщемъ безмолвіи; онъ изложилъ свои сочѣтнія насчетъ справедливости извѣстія и принялся доказывать необходимость назначенія слѣдственной комиссіи и основательнаго изслѣдованія дѣла, какъ для защиты добраго имени графа де-Морсерфа, такъ и для чести всего собранія.

Этотъ ужасный ударъ такъ поразилъ Морсерфа, что онъ

съ трудомъ могъ проговорить нѣсколько несвязныхъ словъ и блуждающими глазами поглядывалъ то на того, то на другаго товарища. Впрочемъ, это замѣшательство могло быть столько же приписано изумленію невиннаго, сколько стыду преступнаго. Оно въ нѣкоторыхъ членахъ возбудило участіе. Люди, истинно благородные, всегда готовы къ состраданію, если несчастіе врага превосходитъ мѣру ихъ ненависти.

Президентъ сталъ собирать голоса. Положили назначить слѣдственную комиссію. Потомъ спросили Морсерфа, сколько времени ему нужно на приготовленіе, чтобы отразить этотъ страшный ударъ. Морсерфъ оправился. Мужество его воротилось.

— Господа перы, сказалъ онъ: не временемъ отражается подобное нападеніе тайныхъ и злобныхъ враговъ, которые, конечно и останутся въ своей засадѣ. Теперь же, сейчасъ, громовымъ ударомъ надобно отвѣчать на молнію, которая на минуту ослѣпила меня. Я сожалею, что мнѣ не дано, вмѣсто такого оправданія, пролить кровь мою, чтобы доказать благороднымъ товарищамъ, что я достоинъ идти на ряды съ ними.

Этотъ отвѣтъ произвелъ выгодное впечатлѣніе. По желанію подсудимаго, первое изслѣдованіе назначено въ тотъ же вечеръ, въ осемь часовъ. Морсерфъ вызвался доставить всѣ документы и доказательства, необходимыя къ оправданію и объясненію.

Назначенный часъ насталъ. Члены слѣдственной комиссіи сидѣли на своихъ мѣстахъ за особымъ столомъ. Прочіе перы также всѣ собрались. Наконецъ явился и Морсерфъ. Онъ казался спокойнымъ и держалъ себя просто, скромно, совершенно прилично обстоятельствамъ, такъ, что поддержалъ выгодное впечатлѣніе, которое произвелъ первымъ отвѣтомъ. Комиссія была во все не недоброжелательна. Многіе члены подошли къ нему и пожимали ему руку.

Въ это время вошелъ приставъ и подалъ президенту записку.

— Вы можете говорить, графъ Морсерфъ, сказалъ президентъ, распечатывая записку.

Морсерфъ началъ исторію своего пребыванія на Востокѣ. Онъ говорилъ съ большимъ искусствомъ и чрезвычайно краснорѣчиво; показалъ перстень, который Али-Паша обыкновенно употреблялъ вмѣсто печати и который былъ данъ любимцу, для того, чтобъ онъ могъ проникать къ нему даже въ гаремъ во всякое время дня и ночи; представилъ письма, которыя свидѣтельствовали, что паша яинскій до послѣдней своей минуты питалъ къ нему полную довѣренность, потому что вручалъ ему и жизнь и

смерть свою, когда посылалъ для послѣднихъ переговоровъ къ султану. Но мирные переговоры, къ-несчастью, не удались, и, воротившись защищать своего благодѣтеля, онъ уже не засталъ его въ-живыхъ. Но Али-Паша и умирая почтилъ своего любимца, ввѣривъ ему попеченіе о своей вдовѣ и дочери.

Когда Бошанъ, рассказывая, дошелъ до этихъ обстоятельствъ, Альберъ затрепеталъ: ему живо представился весь рассказъ Гавдѣ; онъ вспомнилъ все, что Гречанка говорила о посольствѣ къ султану, о перстнѣ и о томъ, какъ она была продана въ неволю. Бошанъ не примѣтилъ этого трепету или приписалъ его другой причинѣ, и продолжалъ рассказывать.

Президентъ небрежно развернулъ полученную записку, но, едва взглянувъ на первыя строки, обратилъ на нея все свое вниманіе и перечиталъ два раза; потомъ уставилъ глаза на Морсерфа.

— Графъ, замѣтилъ онъ: вы, кажется, сказали, что Али-Паша поручилъ вамъ свою вдову и дочь?

— Да, отвѣчалъ Морсерфъ: но и въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ, несчастіе преслѣдовало меня. Васлика и Гавдѣ исчезли также до моего возвращенія, такъ что я не могъ исполнить воли завѣщателя.

— Вы знали ихъ лично?

— Я былъ такъ близокъ къ пашѣ и такъ часто бывалъ у него во всякое время, что видѣлъ ихъ больше двадцати разъ.

— И вы вовсе не знаете, что съ ними случилось?

— Я слышалъ только, что онѣ погибли отъ горя, можетъ-быть и отъ нищеты. Я и самъ былъ не богатъ, долженъ былъ страшиться за свою жизнь и, къ-сожалѣнію, не могъ предпринимать поисковъ.

Президентъ нѣсколько нахмурилъ брови.

— Господа, сказалъ онъ: вы выслушали объясненія графа де-Морсерфа. А вы, графъ, можете ли представить намъ какихъ-нибудь свидѣтелей, когорые бы подтвердили ваше показаніе?

— Къ-несчастью нѣтъ, отвѣчалъ Морсерфъ: всѣ знавшіе меня при дворѣ паша или убиты во время взятія Янины или разсѣяны. Изъ соотечественниковъ моихъ, кажется, я одинъ пережилъ эту ужасную войну. У меня остались только письма и перстень Али-Тобелина, которыя я имѣлъ честь представить. Наконецъ, у меня есть самое убѣдительное доказательство, какое я могу представить: это—отсутствіе всякаго открытаго обвинителя, кромѣ тайнаго безыменнаго нападенія на доброе имя человека, котораго жизнь всѣмъ извѣстна.

Въ собраніи послышался одобрительный говоръ. Морсеръ, казалось, одержалъ побѣду. Оставалось приступить къ собиранію голосовъ. Но вдругъ дѣло приняло другой оборотъ.

— Господа, сказалъ президентъ, и вы, графъ, я полагаю, вы не откажетесь выслушать очень важнаго свидѣтеля, который является по собственному, какъ видно, побужденію. Вотъ записка, которую я сейчасъ получилъ отъ этого свидѣтеля.

И президентъ прочелъ:

«Я могу представить слѣдственной комиссіи самыя положительныя свѣдѣнія о жизни и поведеніи графа де-Морсерфа въ Эпирѣ. Я была на мѣстѣ кончины Али-Паши и видѣла его послѣднія минуты. Мнѣ извѣстна также, судьба Василики и Гандѣ. Я готова отвѣчать на всѣ вопросы комиссіи и даже покорнѣйше прошу позволенія сдѣлать показаніе. Когда господинъ президентъ получитъ эту записку, я буду ждать въ пріемной».

Морсерфъ поблѣднѣлъ и страшно измѣнился въ лицѣ. Президентъ позвонилъ и приказалъ ввести того, кто подалъ записку.

Черезъ минуту вошла женщина въ изящномъ полу-греческомъ костюмѣ, съ большимъ покрываломъ на головѣ. По стройному стану, легкимъ движеніямъ и окружающему ее благоуханію можно было догадаться, что она молода. Президентъ попросилъ ее откинуть покрывало и незнакомка открыла лицо рѣдкой красоты. Ей предложили кресло, но она отвѣчала знѣкомъ, что желаетъ стоять. У Морсерфа подкосились ноги. Онъ смотрѣлъ на Гречанку съ изумленіемъ и ужасомъ. Онъ чувствовалъ, что жизнь и смерть его въ ея очаровательныхъ устахъ. Для всѣхъ прочихъ явленіе было такъ странно и любопытно, что спасеніе или погибель графа де-Морсерфа казались въ этомъ происшествіи уже дѣломъ второстепеннымъ.

На вопросъ, по какимъ отношеніямъ и по какому поводу она является свидѣтельницею въ дѣлѣ графа де-Морсерфа, незнакомка отвѣчала:

— Имя мое—Гандѣ. Я дочь Али-Тебелина, паши янинскаго, и жены его, Василики.

Эти слова и румянецъ, вмѣстѣ скромный и гордый, когда она произносила ихъ, огонь взгляда и величественная осанка красавицы произвели невыразимое впечатлѣніе на собраніе.

Морсерфа не столько оглушилъ бы громъ, который бы у него подъ ногами раскололъ землю и открылъ бездонную пропасть.

Президентъ почтительно поклонился Гречанкѣ и спросилъ, имѣеть ли она документы, для подтвержденія своего показанія.

— Имѣю, отвѣчала Гандѣ и подала нѣсколько бумагъ: вотъ свидѣтельство о моемъ рожденіи, составленное моимъ отцомъ и подписанное первыми его сановниками; вотъ свидѣтельство о крещеніи, потому что отецъ позволилъ воспитать меня въ вѣрѣ моей матери; вотъ купчій актъ, которымъ также засвидѣтельствовано мое происхожденіе и по которому я съ матерью продана армянскому купцу Эль-Кебиру тѣмъ самымъ французскимъ офицеромъ, который продалъ моего отца и своего благодѣтеля, и вотъ, наконецъ, другой купчій актъ, по которому я перепродана вторично.

Зеленоватая блѣдность покрыла лицо Морсерфа; глаза его налились кровью. Въ собраніи господствовала мрачная тишина. Гандѣ казалась тѣмъ грознѣе, что была совершенно спокойна.

Коммиссія уже предполагала, что будутъ представлены нѣкоторые документы, писанные по-арабски или по-турецки, и потому заранѣе пригласила служащаго при палатѣ переводчика. Одинъ изъ перовъ, изучившій арабскій языкъ во время знаменитаго египетскаго походу, свѣрилъ переводъ съ подлинникомъ, и бумагу прочтали вслухъ. Купчая была слѣдующаго содержанія:

«Я, Эль-Кебиръ, продавецъ невольниковъ и поставщикъ гарема его высочества султана, расписываюсь въ полученіи отъ франкскаго господина, графа Монте-Кристо, большого изумруда цѣною въ миллионъ піастровъ, для передачи его высочеству султану, за молодую невольницу, тринадцати лѣтъ, по имени Гандѣ, дочь покойнаго Али-Тебелина, паши янинскаго; и жены его Василики, которую, вмѣстѣ съ матерью ея, умершею по прибытіи въ Константинополь, семь лѣтъ тому назадъ, продалъ мнѣ французскій полковникъ Фернандъ Мондѣго. Сказанная покупка была мною совершена насчетъ его высочества султана, и заплачено полковнику Фернанду Мондѣго пятьсотъ тысячъ піастровъ. Настоящая же продажа совершается также съ соизволенія его высочества султана.

Подписано: *Эль-Кебиръ*.

«Чтобы настоящему акту дать полную дѣйствительность и необходимую достовѣрность, продавецъ обязывается засвидѣтельствовать его гдѣ слѣдуетъ, и снабдить султанскою печатью».

Подлѣ подписи купца дѣйствительно была приложена большая султанская печать.

За чтеніемъ этого акта послѣдовало продолжительное безмолвіе.

— Нельзя ли спросить также графа Монте-Кристо? Онъ, кажется, въ Парижѣ? спросилъ президентъ, обращаясь къ Ганде.

— Графъ три дня тому назадъ уѣхалъ въ Нормандію, отвѣчала она.

— Кто вамъ присовѣтовалъ поступокъ, за который палата благодаритъ васъ, и который, впрочемъ, очень естественъ въ вашемъ положеніи?

— Меня побуждаетъ скорбь моя и уваженіе къ отцу. Я никогда не покидала мысли и надежды отмстить за моего достойнаго отца. Вступивъ на землю Франціи и узнавъ, что предатель его живетъ въ Парижѣ, я стала постоянно слѣдить за нимъ. Въ домѣ моего благороднаго покровителя, моего втораго отца, я живу уединенно, потому что я люблю тѣнь и тишину, которыя позволяютъ мнѣ жить въ моей мысли и въ воспоминаніяхъ. Но графъ Монте-Кристо окружаетъ меня такими попеченіями, что ни малѣйшее истинное наслажденіе свѣта не остается мнѣ чуждымъ. Читая журналы, я имѣю также средство слѣдить за дѣйствіями и движеніями другихъ. Три недѣли тому назадъ, я прочитала въ одной газетѣ извѣстіе, которое показалось мнѣ упрекомъ за мою медленность. Я рѣшилась тоже дѣйствовать и послала напечатать подтвержденіе этого извѣстія. Потомъ, узнавъ о назначенномъ слѣдствіи, написала записку и явилась сюда.

— Стало-быть, графъ Монте-Кристо не принималъ никакого участія въ вашемъ поступкѣ?

— Онъ вовсе не знаетъ объ этомъ.

Морсерфъ во все это время не произнесъ ни одного слова. Товарищи поглядѣли на него и, безъ-сомнѣнія, уже сожалѣли о его судьбѣ и жизни, разбитой благоуханнымъ дуновеніемъ женщины. Несчастіе мрачными чертами рисовалось на его лицѣ.

— Графъ де-Морсерфъ, сказалъ президентъ: признаете ли вы эту даму за дочь Али-Тобелина, паши янинскаго?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морсерфъ: это козни моихъ враговъ.

Ганде страшно вскрикнула.

— А! ты не узнаешь меня?... Но, къ-счастію, я узнаю тебя. Ты Фернандъ Мондэго, ты французскій офицеръ, который обучалъ солдатъ моего отца. Ты за деньги сдалъ укрѣпленія Янины. Ты былъ посланъ въ Константинополь, рѣшить съ султаномъ дѣло о жизни и смерти твоего благодѣтеля, ты привезъ ложную вѣсть о прощеніи, посредствомъ которой выманилъ у моего отца пер-

стеня, чтобы обмануть Селима; ты убилъ Селима! Ты въ предательской сдѣлкѣ своей выговорилъ себѣ завладѣть мною и моею матерью; ты продалъ насъ купцу Эль-Кебиру! Убийца! убійца! убійца! Кровь твоего господина и до-сихъ-поръ у тебя на лбу. Посмотрите на него!

Слова эти были произнесены съ такимъ восторженнымъ убѣжденіемъ, что всѣ глаза невольно обратились на Морсерфа и самъ онъ схватилъ себя за лобъ и отеръ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ ощутилъ теплую кровь Али.

— Такъ вы положительно признаете графа де-Морсерфа за того самого офицера Фернанда Мондго? спросилъ президентъ.

— Какъ же мнѣ не знать его? вскричала Ганде: мать моя говорила мнѣ: Ганде, ты была свободна, у тебя былъ отецъ, котораго ты любила, ты рождена быть царицей! Посмотри же хорошенько на этого человѣка: онъ сдѣлалъ тебя рабою, невольницей; онъ поднялъ на копьѣ голову твоего отца; онъ продалъ насъ въ неволю; онъ нашъ измѣнникъ и убійца! Посмотри хорошенько на правую его руку, на которой у него широкій рубецъ: если ты когда-нибудь забудешь лицо, такъ можешь узнать его по этой рукѣ, въ которую одинъ по одному упали червонцы султана и червонцы Эль-Кебира! Узнаю ли я его!.... о! пусть онъ самъ теперь скажетъ, узнаетъ ли онъ меня!

Каждое слово острымъ топоромъ падало на Морсерфа и каждое отрубало часть его твердости. Онъ съ невольною поспѣшностью спряталъ свою, дѣйствительно, испорченную руку въ пазуху и въ изнеможеніи упалъ на кресло.

Эта сцена вскружила умы присутствующихъ, какъ вихрь крутить листья сорванные съ деревьевъ.

— Графъ де-Морсерфъ, сказалъ президентъ: не поддавайтесь унынію: поставленный надъ вами судъ правдивъ какъ судъ Божій. Онъ не позволитъ вашимъ врагамъ поразить васъ не давая вамъ средства къ оборонѣ. Хотите ли, чтобы было наряжено новое слѣдствіе? Хотите ли, чтобы мы послали двоихъ членовъ комиссіи въ Янну? Говорите.

Морсерфъ не отвѣчалъ.

Члены комиссіи переглянулись.

— Графъ де-Морсерфъ! повторилъ президентъ: судъ ждетъ отъбту. Что вы намѣрены дѣлать?

— Ничего, глухо отвѣчалъ графъ вставая.

— Стало-быть, дочь Али-Тебелина показала справедливо? Ста-

ло-быть, вы дѣйствительно виновны въ безчестныхъ поступкахъ, въ которыхъ васъ обвиняютъ?

Морсеръ блуждающимъ, отчаяннымъ взоромъ осмотрѣлся вокругъ и, не найдя участія, обратилъ глаза къ небу, но тотчасъ же опять опустилъ. Вѣроятно онъ побоялся, что сводъ вскрыется и явится другое судилище, — небо, и другой судія, — Богъ. Графъ насильственно оторвалъ пуговицы мундира, который душилъ его, и поспѣшно вышелъ изъ залы. Вслѣдъ затѣмъ оконницы задрожали отъ стука кареты.

— Господа, сказалъ президентъ: уличенъ ли графъ де-Морсеръ въ недостойной продажности, измѣнѣ и вѣроломствѣ?

— Уличенъ, отвѣчали въ одно слово члены комиссiи.

Гандѣ присутствовала до конца засѣданія, выслушала приговоръ суда надъ графомъ, но ни одною чертою лица не обнаружила ни радости, ни состраданія; потомъ опустила покрывало, съ достоинствомъ поклонилась членамъ и вышла тою поступью, какую Виргилій видѣлъ у богинь олимпійскихъ.

Кончивъ разсказъ, Бошанъ старался утѣшить несчастнаго друга, но напрасно.

— Благодарю, благодарю тебя, любезный Бошанъ, сказалъ Альберъ, отерѣвъ слезы съ горѣвшаго лица: благодарю тебя за твое доброе намѣреніе. Но ты, конечно, понимаешь, что я не могу смотрѣть на это дѣло съ такой же точки какъ ты. Чтò тебѣ кажется дѣломъ Провидѣнія, приговоромъ неба, то по мѣму происходитъ изъ менѣ чистаго источника. И это, къ счастью, потому что вмѣсто невидимаго и неосязаемаго посланника небеснаго, я найду видимаго и осязаемаго врага, которому отомщу, отомщу за все, чтò я выстрадалъ втеченіи цѣлаго мѣсяца. А ты, Бошанъ, если ты еще другъ мнѣ, какъ говоришь, если ты не презираешь сына за грѣхъ отца, — ты долженъ помочь мнѣ отыскать руку, которая панесла ударъ.

— Конечно, конечно; я понимаю тебя, Альберъ, и, какъ другъ, обязанъ помогать тебѣ, отвѣчалъ Бошанъ пожимая ему руку.

— Ты понимаешь также, что нужно начать немедленно, сейчасъ, теперь же. Каждая минута для меня вѣчность!

Бошанъ задумался.

— О! говори, говори скорѣе! вскричалъ Альберъ: я вижу, что ты чтò-то знаешь.

— Послушай, Альберъ, я могу сообщить тебѣ только догадку, которой не выдаю за истину. Но по-крайней-мѣрѣ это бу-

детъ хотъ слабымъ путеводемъ свѣтомъ во мракѣ. Можетъ-быть этотъ свѣтъ я приведетъ насъ къ цѣли.

— Говори, говори. Ты видишь мое нетерпѣнiе.

— Я тебѣ расскажу то, чего прежде не хотѣлъ сообщать. Будучи въ Янинѣ и собирая свѣдѣнiя, я очень естественно былъ также у одного тамошняго банкира. Съ перваго слова, которое я сказалъ о взятiи Янины, банкиръ вскричалъ:

« — А! я знаю, знаю, что вамъ нужно.

« . Это почему?

« — Потому что, двѣ недѣли тому назадъ, меня уже спрашивали объ этомъ предметѣ.

« — Кто же спрашивалъ?

« — Одинъ изъ вашихъ парижскихъ банкировъ.

« — Кто же именно?

« — Баронъ Дангларъ.»

— Дангларъ! вскричалъ Альберъ: да! быть можетъ: дружба его къ моему отцу всегда была двуличная. Онъ всегда старался чѣмъ-нибудь узвѣить его и, самъ будто бы пренебрегая титулами, всегда завидовалъ графу де-Морсерфу и перу Франци. О! теперь понятенъ и отказъ его! Онъ, онъ все это устроилъ!

— Освѣдомься, узнай напередъ, Альберъ, но не поступай опрометчиво. Узнай, и если правда...

— О! да, да! если правда, то онъ заплатитъ мнѣ за все, что я перенесъ.

— Будь остороженъ, Альберъ: онъ человекъ уже пожилой.

— Я уважу его старость столько же, сколько онъ уважилъ честь моего семейства. Если онъ врагъ моему отцу, зачѣмъ онъ не поразилъ одного отца? зачѣмъ онъ опозорилъ всѣхъ насъ? Онъ трусъ, онъ подлецъ! Ему странно было стать лицомъ къ лицу съ старымъ солдатомъ.

— Альберъ, я не осуждаю тебя, я только предостерегаю. Дѣйствуй благоразумно.

— О! не безпokoйся. Ктому же, ты проводишь меня, Бошанъ. Такое важное дѣло дѣлается при свидѣтеляхъ. Прежде нежели наступитъ вечеръ, Дангларъ долженъ умереть или я умру! О! я хорошую справлю тризну по чести моего имени.

Остановить Морсерфа было невозможно. Бошанъ долженъ былъ согласиться проводить его къ Данглару. Они тотчасъ же поѣхали.

У подъѣзду банкира стоялъ фаэтонъ Андреа Кавальканти.

— А! вотъ кстасти! сказалъ Альберъ съ дикою радостью: если Дангларъ не захочетъ драться со мной, я убью его зятя. Тотъ, ужъ вѣрно, будетъ драться.... Кавальканти!

Когда банкиру доложили о Морсерфѣ, онъ не велѣлъ принимать, но было уже поздно. Альберъ шелъ слѣдомъ за лакеемъ и насильно ворвался въ дверь. За нимъ вошелъ Бошанъ.

— Это чтò значитъ? вскричалъ Дангларъ: развѣ нынче люди уже не имѣютъ права принимать или не принимать у себя, кого имъ угодно? Мнѣ кажется, что вы забываете принципія, милостивый государь.

— Нѣтъ, баронъ, бываютъ положенія, когда люди необходимо должны быть дома для нѣкоторыхъ посѣтителей, если не хотятъ быть поддѣцами, а вы именно въ такомъ положеніи.

— Чтò же вамъ угодно, милостивый государь?

— Мнѣ угодно, отвѣчалъ Альберъ подходя ближе и не обращая никакого вниманія на Кавальканти, который стоялъ прислонясь къ камину: мнѣ угодно предложить вамъ свиданіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ насъ никто не потревожитъ впродолженіи десяти минутъ. Больше намъ не нужно. Съ этого свиданія, надѣюсь, только одинъ воротится домой.

Дангларъ поблѣднѣлъ. Кавальканти сдѣлалъ движеніе. Альберъ обратился къ молодому человѣку.

— О! если вамъ угодно, вы также можете пожаловать, сеньоръ Кавальканти. Вы имѣете право: вѣдь вы почти свой въ семействѣ. А я готовъ встрѣтить всѣхъ и всякаго, кто захочетъ явиться.

Кавальканти въ остолбенѣніи посмотрѣлъ на Данглара. Тотъ вскочилъ и сталъ между молодыми людьми. Нападеніе Альбера на Андреа, породило въ немъ мысль, что причиною этого посѣщенія было не то, чтò онъ предполагалъ сначала.

— Позвольте, позвольте! сказалъ онъ Альберу: если вы пришли сюда нескать ссоры съ княземъ Кавальканти, зато что я предпочелъ это вамъ, то я предупреждаю васъ, что я королевскаго прокурора попрошу разобрать это дѣло.

— Вы ошибаетесь, возразилъ Альберъ съ презрительною улыбкой: дѣло идетъ вовсе не о сватовствѣ. Я обратился къ господину Кавальканти потому только, что мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ вмѣшаться въ нашъ разговоръ. Впрочемъ, вы правы: я въ самомъ дѣлѣ сегодня въ такомъ расположеніи, что придираюсь ко всякому. Но будьте спокойны, мосье Дангларъ: первое мѣсто — ваше.

— Милостивый государь, сказалъ Давгларъ, блѣднѣя отъ гнѣву и страху: предвараю васъ, что, если мнѣ, по несчастію, случится встрѣтить бѣшеную собаку, я убью ее и вовсе не сочту этого за преступленіе. Напротивъ, я полагаю оказать этимъ услугу обществу. Такъ, если вы бѣшены и хотите укусить меня, берегитесь! я васъ убью безъ пощады.... Развѣ я виноватъ, что вашъ отецъ озорился?

— Конечно, ты виноватъ, негодяй! вскричалъ Морсеръ.

Давгларъ отскочилъ.

— Я? я виноватъ? Да вы съ ума сошли! Развѣ я знаю греческую исторію? Развѣ я путешествовалъ по тѣмъ краямъ? Развѣ я совѣтовалъ вашему отцу продать янинскую крѣпость, измѣнить....

— Ни слова больше! сказалъ Альберъ глухимъ голосомъ: нѣтъ, не вы прямая причина этого несчастія, но вы тайно, лицемѣрно подняли эту позорную тревогу.

— Я?

— Да, вы! Откуда пришло извѣстіе?

— Это, кажется, газета уже сказала вамъ. Изъ Янины.

— А кто писалъ въ Янину?

— Въ Янину?

— Да. Кто писалъ и требовалъ свѣдѣній о моемъ отцѣ?

— Мнѣ кажется, что всякій имѣетъ право писать въ Янину.

— Однако жъ, зачѣмъ вы писали?

— Но... мнѣ кажется, кто выдаетъ замужъ свою дочь, тотъ имѣетъ нѣкоторое право собирать свѣдѣнія о семействѣ жениха. Это не только право, но даже обязанность всякаго отца.

— Когда вы писали, вы очень хорошо знали, какой получите отвѣтъ.

— О! клянусь вамъ, я не зналъ. Я даже никогда и не подумалъ бы написать въ Янину. Какая мнѣ надобность до Янины и до Али-Паши? Я и не зналъ вовсе объ этомъ происшествіи.

— Стало-быть, васъ подбучили написать?

— Да, конечно, присовѣтовали.

— Кто же присовѣтовалъ? Кто?.... говорите!

— Это случилось очень просто. Я говорилъ о вашемъ отцѣ, говорилъ, что начало его богатства всегда оставалось тайною. Человѣкъ, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, спросилъ: извѣстно ли по-крайней-мѣрѣ, гдѣ состояніе приобрѣтено? Я отвѣчалъ: въ Греціи. Въ такомъ случаѣ напишите въ Янину, сказа-

— Кто же вамъ сказалъ это?

— Кто?... Да самъ графъ Монте-Кристо, вашъ другъ.

— Графъ Монте-Кристо совѣтовалъ вамъ написать въ Яннину?

— Да, и я написалъ. Хотите видѣть мою переписку? Я вамъ покажу.

Альберъ и Бошанъ переглянулись.

— Баронъ, замѣтилъ Бошанъ, который до того времени молчалъ: вы, кажется, обвиняете человѣка, который будучи въ отсутствіи не можетъ теперь же оправдаться.

— Я никого не обвиняю: я рассказываю и готовъ при самомъ графѣ Монте-Кристо повторить то, что сейчасъ сказалъ.

— И графъ знаетъ, какой вы получили отвѣтъ?

— Я показывалъ ему.

— Зналъ онъ до этого, что моего отца звали Фернандомъ Мондого?

— Да; объ этомъ я давно уже говорилъ ему. Впрочемъ, я въ этомъ дѣлѣ поступилъ, какъ поступилъ бы всякій на моемъ мѣстѣ и даже снисходительнѣе всякаго другаго. Когда я получилъ это извѣстіе и когда потомъ графъ де-Морсеръ пріѣхалъ просить руки моей дочери для своего сына, я просто отказалъ и не вдавался ни въ какія объясненія. И въ самомъ дѣлѣ, к чему мнѣ было бы заводить шумъ? Какая мнѣ надобность до чести или безчестія графа де-Морсеръа? Отъ этого курсъ вѣдь не упадетъ и не повысится!

Альберъ покраснѣлъ отъ стыда. Не оставалось никакой возможности придаться къ Данглару. Онъ защищался, правда, нѣдолго, но съ увѣренностью человѣка, который по-крайней-мѣрѣ, чистію, говоритъ правду. Ктому же, Альберъ доискивался не того, кто больше виноватъ, Дангларъ или Монте-Кристо: ему только нуженъ былъ человѣкъ, готовый дать отвѣтъ за оскорбленіе, а Дангларъ, очевидно, не хотѣлъ стрѣляться.

Сверхъ-того, всё прежде не примѣченные обстоятельства и даже мелочи вдругъ прояснились для Альбера. Монте-Кристо, очевидно, все зналъ, потому что купилъ дочь Али-Паши. Знал все, онъ совѣтовалъ Данглару написать въ Яннину; онъ представилъ и его самого своей Гречанкѣ и навелъ разговоръ на смерть Али-Паши, предупредивъ, разумѣется, Гайдѣ, чтобы не называла его отца по имени. Онъ же просилъ его, чтобы не спрашивалъ объ отцѣ и не упоминалъ объ немъ при Гайдѣ. Наконецъ, онъ увезъ его въ Нормандію въ ту самую минуту, когда готовился спустить ударъ. Все это былъ расчетъ. Монте-

Кристо, несомнѣнно, дѣйствовалъ за-одно съ врагами графа де-Морсерфа.

Альберъ отвелъ Бошана къ сторонѣ и сообщилъ ему всѣ эти мысли.

— Правда, отвѣчалъ журналистъ; Данглару въ этомъ дѣлѣ принадлежить только грубая, матерiальная часть. Объясненiя ты долженъ требовать отъ Монте-Кристо.

Альберъ оборотился къ банкиру и сказалъ:

— Милостивый государь, вы понимаете, что я не окончательно прощаюсь съ вами. Мнѣ напередъ нужно знать, правду ли вы сказали. Я сейчасъ же отправляюсь къ графу Монте-Кристо.

Поклонившись Данглару, онъ вышелъ съ Бошаномъ, и даже не взглянувъ на Кавальканти.

Дангларъ проводилъ ихъ до дверей и тамъ еще разъ повторилъ Альберу увѣренiе, что самъ лично не питаетъ къ графу де-Морсерфу никакого непрiязненнаго чувства.

Графъ Монте-Кристо былъ дома, но не приказалъ никого принимать. Ворваться къ нему было не такъ легко, какъ къ Данглару. Отъ камердинера Морсерфъ узналъ только, что графъ вечеромъ будетъ въ Оперѣ, и этимъ удовольствовался.

Потомъ онъ взялъ съ Бошана слово, увидѣться въ театрѣ, и они разстались.

Прiѣхавъ домой, Альберъ написалъ записки къ д'Эпинѣ, Шатон-Ренд, Дебрѣ и Морелю, прося ихъ также прiѣхать въ театрѣ. Потомъ пошелъ къ матери, которая со времени ужаснаго происшествiя не выходила изъ своей комнаты.

Видъ Альбера произвелъ на Мерседу впечатлѣнiе, какого можно было ожидать. Она подала сыну руку и зарыдала. Альберъ съ минуту простоялъ молча. На блѣдномъ лицѣ и нахмуренныхъ бровяхъ его можно было разгадать, что ему трудно согласить свою жажду мести съ любовью и состраданiемъ къ матери.

— Матушка, сказалъ онъ, вы знаете какихъ-нибудь враговъ графа де-Морсерфа?

Мерседа вздрогнула. Она примѣтила, что Альберъ говорилъ уже объ отцѣ, какъ о чужомъ.

— Другъ мой, отвѣчала она: люди въ положенiи графа обыкновенно имѣютъ многихъ враговъ, которыхъ вовсе не знаютъ. Впрочемъ, ты знаешь, не тѣ враги самые опасные, которые извѣстны.

— Да, я это знаю, и потому прошу васъ употребить всю ва-

шу проницательность. Матушка, вы такъ умны и наблюдательны, что отъ васъ, конечно, никто не укроется.

— Для чего ты говоришь мнѣ это теперь?

— Потому что вы, напримѣръ, конечно, примѣтили, какъ въ тотъ вечеръ, когда у насъ былъ балъ, графъ Монте-Кристо ничего не хотѣлъ ѣсть у насъ.

Мерседа затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Монте-Кристо! вскричала она: какое же отношеніе это имѣетъ къ вопросу, который ты мнѣ предлагаешь?

— Вы знаете, матушка, что Монте-Кристо человѣкъ почти восточный, а восточные, для сохраненія полной свободы въ ищени, никогда ничего не ѣдятъ въ домѣ своего врага.

— Монте-Кристо нашъ врагъ, говоришь ты, Альберъ! продолжала Мерседа, блѣднѣя какъ полотно: кто тебѣ сказалъ?... почему? зачѣмъ?... Ты съума сошелъ, Альберъ! Монте-Кристо былъ всегда такъ любезенъ съ нами. Монте-Кристо спасъ тебѣ жизнь и ты самъ ввелъ его въ нашъ домъ. О! сдѣлай милость, Альберъ, если тебѣ пришла такая мысль, отбрось ее. Я прошу тебя, умоляю, не ссорься съ графомъ Монте-Кристо.

— Матушка, сказалъ Альберъ съ мрачнымъ взглядомъ: я вижу, вы не безъ причины велите мнѣ щадить этого человѣка.

— Я! вскричала Мерседа и вдругъ покраснѣла, но тотчасъ же опять поблѣднѣла больше прежняго.

— Вѣроятно, вы думаете, что онъ не можетъ сдѣлать намъ зла, продолжалъ Альберъ.

Мерседа устремила на сына испытующій взглядъ.

— Ты говоришь мнѣ непонятныя вещи, сказала она: и у тебя, я вижу, странныя предубѣжденія. Чѣмъ тебѣ сдѣлалъ графъ? Вчера еще ты былъ у него. Четыре дня тому назадъ и ты и я, мы смотрѣли на него какъ на лучшаго нашего друга.

На губахъ Альбера мелькнула язвительная улыбка. Мерседа примѣтила эту улыбку и по двойному инстинкту женщины и матери все угадала, но, будучи тверда и благоразумна, скрыла свое смущеніе и трепеть. Разговоръ прекратился. Черезъ минуту графиня опять возобновила его.

— Ты пришелъ узнать, каково я чувствую себя? Я откровенно скажу тебѣ, другъ мой, не хорошо. Остался у меня, другъ мой; ты бы этимъ развлекъ меня; мнѣ тяжело оставаться одной.

— Матушка, я былъ бы готовъ къ вашимъ услугамъ, и вы знаете съ какииъ удовольствіемъ.... Но, важное и спѣшное дѣло принуждаетъ меня отлучиться на весь вечеръ.

— Ну, хорошо, сказала Мерседа вздохнувъ: ступай, Альберъ; я не хочу, чтобы сыновняя привязанность становилась тебѣ въ тягость.

Альберъ притворился, будто не разслышалъ, поклонился и ушелъ.

Едва онъ затворилъ дверь за собою, Мерседа призвала довѣреннаго слугу и приказала слѣдовать за Альберомъ всюду, куда онъ пойдетъ въ тотъ вечеръ, и немедленно увѣдомить ее обо всемъ, что онъ станетъ дѣлать. Потомъ она позвала горничную и одѣлась, чтобы быть готовою на всякій случай.

Порученіе, данное лакею, не трудно было исполнить. Альберъ до вечера пробылъ дома. Въ половинѣ осьмага пріѣхалъ Бошанъ, и, когда они вмѣстѣ вышли и сѣли въ коляску. Альберъ, не считая нужнымъ скрываться, громко крикнулъ кучеру:

— Въ оперу!

Они пріѣхали слишкомъ рано. Нетерпѣливый Альберъ бродилъ по всему театру въ надеждѣ встрѣтить Монте-Кристо въ корридорѣ или на лѣстницѣ. Но звонокъ призвалъ его на мѣсто. Онъ занялъ свое кресло между Бошаномъ и Шато-Ренѣ. Делбрѣ также пріѣхалъ. Занавѣсъ поднялся, но Альберъ почти не спускалъ глазъ съ ложи, которая впродолженіи всего перваго акта оставалась пустою.

Наконецъ, когда Альберъ уже въ пятый разъ посмотрѣлъ на часы, въ началѣ втораго акта, дверь ложи отворилась, Монте-Кристо вошелъ и, опершись на барріеръ, взглянулъ въ залу. За нимъ вошелъ Морель.

Окинувъ залу медленнымъ взглядомъ, графъ увидѣлъ блѣдное лицо и горячіе глаза, которые, казалось, насильно хотѣли привлечь его взоръ; онъ узналъ Альбера, но не подалъ ни какого виду, что примѣтилъ его; сѣлъ, вынулъ изъ футляра двойной лорнетъ и сталъ смотрѣть въ другую сторону. Ни малѣйшее движеніе не обнаружило тайной его мысли. Онъ, казалось, не смотрѣлъ на Альбера, однако жъ не упускалъ его изъ виду и, когда занавѣсъ опустился, вѣрный взглядъ его послѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ, который вышелъ изъ залы съ двумя товарищами. Потомъ, когда повернулся ключъ въ дверяхъ ложи, онъ уже зналъ, что приближается буря и былъ совершенно готовъ на все, хотя очень весело смѣялся, разговаривая съ Морелемъ.

Дверь отворилась. Альберъ вошелъ блѣдный, дрожащій. За нимъ стояли Бошанъ и Шато-Ренѣ. Монте-Кристо обернулся.

— А! здравствуйте, виконтъ! сказалъ онъ съ добродушною и изыщною вѣжливостію, которою всегда отличался.

Морель взглянул на лицо Альбера и тогда только вспомнив о запискѣ, которою былъ приглашенъ въ театръ, догадался, что должно произойти вѣчто страшное.

— Мы пришли не затѣмъ, чтобы мѣняться лицемѣрными учтивостями, и ложными изъявленіями дружбы, отвѣчалъ Альберъ: мы пришли требовать объясненія, графъ.

Дрожавшій голосъ молодаго человѣка съ трудомъ пробивался сквозь зубы.

— Объясненія? въ оперѣ? спросилъ графъ спокойно, устремивъ на него твердый, пронзительный взглядъ: я, правда, мало знакомъ съ парижскими обычаями, однако жъ никакъ не полагалъ, что здѣсь можетъ быть мѣсто для объясненій.

— Чтò жъ дѣлать! возразилъ Альберъ: кто дома запирается на замокъ, съ тѣмъ по-неволѣ объяснишься тамъ, гдѣ прежде всего встрѣтишь.

— Меня не трудно встрѣтить, кажется, потому что вчера еще, если не ошибаюсь, вы были у меня.

— Вчера! вчера я былъ у васъ, потому что еще не зналъ, кто вы.

Эти слова Альберъ съ умысломъ произнесъ такъ громко, чтобы было слышно въ сосѣднихъ ложахъ и на корридорѣ. Сосѣди въ самомъ дѣлѣ оглянулись и проходившіе по корридору оставались позади Бошана и Шато-Ренò.

— Откуда вы пожаловали, милостивый государь? спросилъ Монте-Кристо безъ малѣйшаго видимаго волненія: голова ваша, кажется, не вполне наслаждается добрымъ здоровьемъ.

— Лишь бы я понималъ ваше коварство и лишь бы сумѣлъ дать вамъ уразумѣть, что я хочу отмстить, такъ и довольно съ меня будетъ разсудку! кричалъ Альберъ въ бѣшенствѣ.

— Я не понимаю васъ, возразилъ Монте-Кристо: а если бы и понималъ, такъ вы говорите слишкомъ громко. Я здѣсь у себя и я одинъ имѣю право въ моей ложѣ говорить громче другихъ. Извольте выйти, сударь!

И Монте-Кристо повелительно указалъ на дверь.

— А! ты у себя! погоди же, я заставлю тебя выйти! вскричалъ Альберъ, судорожными руками скрутивъ перчатку.

— Хорошо, хорошо, хладнокровно сказалъ Монте-Кристо: я вижу, вы ищете ссоры. Но примите добрый совѣтъ, виконтъ, и помните его: не подымайте шума, когда дѣлаете вызовъ: это дурной обычай. Шумъ не всякому здоровъ, мосьё де-Морсеръ.

При этомъ пмещи ропотъ изумленія, подобно трепету про-

бѣжалъ между свидѣтелями сцены. Имя Морсерфа уже два дня повторялось на всѣхъ перекресткахъ. Альберъ лучше и скорѣе всѣхъ понялъ намѣкъ и замахнулся, чтобы бросить перчатку графу въ лицо, но Морель схватилъ его за руку, а Бошанъ и Шато-Рендъ удержали сзади.

Монте-Кристо, не вставая, а только наклонившись вмѣстѣ со стуломъ, протянулъ руку и взялъ смятую, влажную перчатку изъ стиснутаго кулака молодого человѣка.

— Милостивый государь, сказалъ онъ съ страшнымъ выраженіемъ: я считаю вашу перчатку брошенною и пошлю ее вамъ обратно, обернувъ вокругъ пули. Теперь извольте выйти отсюда, или я кликну моихъ людей и прикажу выкинуть васъ за дверь.

Видъ себя, въ ярости, съ налитыми кровью глазами, Альберъ отступилъ на два шага.

Морель воспользовался этимъ и заперъ дверь.

Монте-Кристо снова взялъ лорнетъ и принялся смотрѣть въ противоположный конецъ залы, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Лицо его было спокойно какъ мраморное.

Морель наклонился къ нему и тихонько спросилъ:

— Чтò вы ему сдѣлали?

— Я? ему? Ничего.

— Однако жъ эта страшная сцена имѣетъ какую-нибудь причину.

— Приключеніе графа де-Морсерфа выводитъ несчастнаго молодого человѣка изъ себя.

— Развѣ это до васъ касается сколько-нибудь?

— Гайдё открыла палатъ измѣну Фернанда Мондѣго.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ! Миѣ сказывали, что ваша Гречанка—дочь Али-паши, но я не хотѣлъ вѣрить.

— Вѣрьте; это правда.

— О! теперь я все понимаю. Эта сцена была заранѣе приготовлена.

— Какимъ образомъ?

— Да. Альберъ просилъ меня непременно быть сегодня въ оперѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать меня свидѣтелемъ вызова.

— Вѣроятно, сказалъ Монте-Кристо съ своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ.

• — Но чтò же вы сдѣлаете съ нимъ? спросилъ Морель.

— Съ кѣмъ?

— Съ Альберомъ?

— Убью его завтра утромъ.

Морель обѣими руками взялъ руку Монте-Кристо и содрогнулся, когда почувствовалъ, что эта рука холодна и спомойна.

— Ахъ, графъ! сказалъ онъ: несчастный отецъ такъ любить его!

— Не говорите мнѣ такихъ вещей, Морель! вскричалъ Монте-Кристо, впервые разгорячившись: а нето я заставляю его страдать.

Морель, въ изумленіи, опустилъ руку Монте-Кристо.

— Графъ! графъ! сказалъ онъ.

— Любезный Максиммианъ, перебилъ графъ, слушайте же какъ восхитительно Дюпрё поетъ эту фразу: «О Матильда, вдоль моего сердца!» Я вамъ скажу, что я первый отгадалъ Дюпрё. въ Неаполь; я первый аплодировалъ ему. Bravo! bravo!

Морель понялъ, что тутъ уже нечего говорить.

Занавѣсъ третьяго акта опустился. Кто-то постучался въ дверь ложи.

— Войдите! сказалъ Монте-Кристо.

Вошелъ Бошанъ.

Монте-Кристо привѣтствовалъ его и просилъ садиться, такимъ тономъ, какъ-будто еще не видалъ его въ тотъ вечеръ. Бошанъ сѣлъ.

— Графъ, сказалъ онъ: вы, можетъ-быть, замѣтили, что я былъ здѣсь съ виконтомъ де-Морсерфомъ.

— Это значитъ, что вы, вѣроятно, вмѣстѣ обѣдали сегодня, замѣтилъ Монте-Кристо смѣясь: мнѣ очень пріятно видѣть, мосьё Бошанъ, что вы умѣреннѣе его.

— Графъ, отвѣчалъ журналистъ, я согласенъ, что Альберу не слѣдовало такъ горячиться. И мнѣ непріятно, что я былъ тутъ свидѣтелемъ: Поэтому я и извиняюсь. Но, разумѣется, вы понимаете, я извиняюсь только за себя. Кончивъ это, я скажу вамъ, графъ, что считаю васъ человѣкомъ благороднымъ и деликатнымъ, который не откажется дать нѣкоторые объясненія насчетъ извѣстія изъ Янны и насчетъ вашей Гречавки...

— Полноте! полноте, мосьё Бошанъ! перебилъ Монте-Кристо: вы хотите, чтобы я пустился въ объясненія! Вы шутите!

— Я вовсе не шучу, графъ, возразилъ Бошанъ надменно: бываютъ случаи, когда честь велитъ....

— Мосьё Бошанъ, графу Монте-Кристо можетъ велѣть только графъ Монте-Кристо. И такъ, ни слова больше объ этомъ, сдѣлайте милость. Я дѣлаю чтò хочу, мосьё Бошанъ, и, повѣрьте мнѣ, дѣлаю всегда, чтò слѣдуетъ.

— Милостивый государь, возразилъ Бошанъ: порядочнымъ людямъ такую монетой не платять. Нужна какая-нибудь порука за честь.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Монте-Кристо холодно, но со взглядомъ, въ которомъ уже начинала сверкать грозная молнія: я вамъ живая порука. У насъ у обонхъ въ жилахъ есть кровь, которой намъ хочется отцѣдить. Вотъ наша взаимная порука. Передайте этотъ отвѣтъ виконту де-Морсерфу и скажите ему, что завтра утромъ я увижу цвѣтъ его крови.

— Такъ мнѣ остается только условиться насчетъ подробностей дуэли?

— Это можете устроить, какъ вамъ угодно: мнѣ всё-равно. Изъ-за такихъ пустяковъ не стоило беспокоить меня во время спектакля. Во Франціи дерутся на шпагахъ или на пистолетахъ; въ колоніяхъ употребляютъ карабины; въ Аравіи кинжалы. Скажите вашему другу, что я уступаю ему мое право выбрать оружіе и безъ малѣйшаго возраженія напередъ соглашаюсь на все, что онъ выберетъ; на все, слышите ли? на все, даже на поединокъ по жеребью, хотя это самый глупый изъ всѣхъ возможныхъ поединковъ. Но я — другое дѣло: я увѣренъ, что выиграю.

— Увѣрены, что выиграете? повторилъ Бошанъ, глядя на графа съ изумленіемъ.

— Разумѣется! сказалъ графъ, слегка пожавъ плечами: безъ этого я не сталъ бы драться съ Морсерфомъ. Я убью его. Такъ нужно, такъ будетъ. Только, пожалуйста, о времени и оружіи дайте мнѣ знать сегодня вечеромъ. Я не люблю дожидаться.

— На пистолетахъ, въ осемь часовъ утра, въ Венсенскомъ Лѣсу, отвѣчалъ Бошанъ, сбитый съ толку.

Онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, съ пошлымъ ли хвастуномъ или съ существомъ сверхъестественнымъ.

— Хорошо, сказалъ Монте-Кристо: теперь все въ порядкѣ и я попрошу у васъ позволенія дослушать оперу. Вашему другу, Альберу, посоветуйте также оставить меня въ покоѣ. Онъ только себѣ самому повредитъ своими безвкусными грубостями. Пусть онъ отправится домой и уснетъ.

Бошанъ ушелъ изумленный.

— Теперь, сказалъ Монте-Кристо, обращаясь къ Морелю: я могу падѣяться на васъ?

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ Морель: располагайте мною, графъ. Однако жъ....

— Чтѣ?

— Не мѣшало бы знать настоящую причину....

— Это значитъ, вы мнѣ отказываете?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ.

— Настоящую причину, Морель? Этотъ молодой человѣкъ самъ идетъ слѣпо и не знаетъ ея. Настоящая причина извѣстна только мнѣ и Богу. Но я даю вамъ честное слово, Морель, что Богъ, которому она извѣстна, будетъ за насъ.

— Этого довольно, графъ, сказалъ Морель: кто у васъ второй секундантъ?

— Я не знаю никого въ Парижѣ, кому хотѣлъ бы сдѣлать эту честь, кромѣ васъ, Морель, и вашего брата, Эммануэля. Какъ вы думаете: Эммануэль окажетъ мнѣ эту услугу?

— Я вамъ отвѣчаю за него, графъ.

— Хорошо. Только мнѣ и нужно. И такъ, завтра въ семь часовъ вы у меня.

— Будемъ.

— Ст! вотъ четвертый актъ начинается. Будемъ слушать. Я привыкъ не терять ни одной ноты изъ этой оперы. Я обожаю очаровательную музыку «Вильгельма Телля».

Монте-Кристо дослушалъ оперу до конца и тогда только уѣхалъ, еще разъ, на прощанье, взявши съ Мореля слово, что явится въ семь часовъ съ Эммануэлемъ.

Онъ казался совершенно спокойнымъ и улыбался.

Черезъ пять минутъ онъ былъ дома.

— Али! пистолеты съ слововой костью! сказалъ онъ, входя въ комнаты.

Али принесъ ящикъ и Монте-Кристо принялся осматривать оружіе со вниманіемъ, довольно естественнымъ у человѣка, который готовился доверить свою жизнь нѣсколькимъ золотникамъ желѣза и свинца.

Это были особеннаго рода пистолеты, которые Монте-Кристо заказалъ себѣ для стрѣльбы въ цѣль, въ комнатахъ. Одной капсулы достаточно было, для того чтобы метнуть пулю, и въ соседней комнатѣ никто не догадался бы, что графъ, какъ говорить охотники, набиваетъ руку.

Монте Кристо зарядилъ пистолеть и прицѣлился въ черную точку на небольшомъ кускѣ листового желѣза, который служилъ ему мишенью, когда вошелъ Батистъ. И прежде нежели камердинеръ успѣлъ сказать слово, графъ увидѣлъ позади его, въ дверяхъ, женщину подъ покрываломъ.

Она увидѣла въ рукахъ графа пистолеть, а на столѣ шпаги, и вбѣжала.

Батистъ вопросительно взглянулъ на господина, тотъ сдѣлалъ знакъ и овъ вышелъ.

— Кто вы, сударыня? спросилъ графъ, обратясь къ таинственной посѣтительницѣ.

Незнакомка оглянулась, чтобы убѣдиться что постороннихъ никого нѣтъ, потомъ поклонилась такъ низко, какъ-будто хотѣла упасть на колѣни, и сложивъ руки, сказала съ выраженіемъ отчаянія:

— Эдмонъ! вы не убьете моего сына!

Монте-Кристо отступилъ, вполголоса вскрикнулъ и уронилъ пистолеть.

— Какое имя вы произносите, графиня де-Морсеръ! сказалъ овъ.

— Ваше! вскричала она, откинувъ воаль: ваше имя, которое я одна, можетъ-быть, не забыла. Эдмонъ! не графиня де-Морсеръ пришла къ вамъ, а Мерседа.

— Мерседа умерла, графиня, отвѣчалъ Монте-Кристо: и я не знаю никого, кто бы носилъ это имя.

— Мерседа жива, Эдмонъ, и Мерседа все помнить: она узнала васъ съ перваго взгляду, и даже до взгляду, по одному голосу, по одному звуку вашего голоса. И съ-тѣхъ-поръ она слѣдитъ за вами, шагъ за шагомъ; она наблюдаетъ за вами; она страшится васъ. Ей не нужно было искать руки, которая поразила Морсерфа.

— Вы хотите сказать: Фернанда! замѣтилъ Монте-Кристо. Ужъ если мы начали вспоминать прежнія наши имена, такъ вспомнимъ всё.

Овъ произнесъ имя Фернандъ съ такимъ выраженіемъ ненависти, что Мерседа затрепетала отъ ужасу.

— Вы видите, Эдмонъ, что я не ошиблась, сказала она, и что я не даромъ прошу: пощадите моего сына!

— Кто же вамъ сказалъ, что я дерусь съ вашимъ сыномъ?

— Никто, Боже мой! Но мать одарена двойнымъ зрѣніемъ. Я все угадала; я послѣдовала за Альберомъ въ оперу и, скрываясь въ углу беноара, все видѣла.

— Если вы все видѣли, такъ видѣли также, что сынъ Фернанда Мондѣго оскорбилъ меня при всемъ народѣ, сказалъ Монте-Кристо съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— О! умилосердитесь!

— Вы видѣли, продолжалъ графъ, что онъ бросилъ бы мнѣ свою перчатку въ лицо, если бы одинъ изъ моихъ друзей, Морель, не остановилъ его руку.

— Выслушайте меня, Эдмонъ. Мой сынъ также отгадалъ васъ. Онъ вамъ приписываетъ несчастіе поразившее его отца.

— Вы ошибаетесь, графиня, вы смѣшиваете выраженія: это не несчастіе, это наказаніе. Не я поражаю графа де-Морсерфа, Провидѣніе караетъ его.

— А зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ дѣло Провидѣнія? вскричала Мерседэ: зачѣмъ вы вспоминаете, когда оно забываетъ? Какое вамъ, Эдмонъ, дѣло до Янны и яннискаго взрыва? Чѣмъ Фернандъ Мондэго оскорбилъ васъ, когда измѣнилъ Алн Тебеллу?

— Конечно, это до меня не касается: это — дѣло франческаго офицера и дочери Васплики, отвѣчалъ Монте-Кристо, я поклялся отомстить не франкскому офицеру и не графу де-Морсерфу, а только рыбаку Фернанду, мужу Каталонки Мерседы.

— О! какое ужасное мщеніе за проступокъ, которому причиною мое несчастное предопредѣленіе! Въ этомъ вѣдь я преступница, Эдмонъ! Если вы должны мстить кому-нибудь, такъ мстить мнѣ, потому что я не могла устоять противъ вашего отсутствія и своего одиночества.

— Но отчего я былъ въ отсутствіи, а вы въ одиночествѣ? вскричалъ Монте-Кристо.

— Оттого, что васъ арестовали, Эдмонъ, оттого что васъ посадили въ тюрьму.

— А за что меня арестовали? за что меня посадили въ тюрьму?

— Не знаю.

— Да, вы не знаете, я надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, что вы не знаете. Такъ слушайте же, я вамъ скажу. Меня арестовали, меня посадили въ тюрьму, потому что наканунѣ того дня, когда я собирался жениться на Каталонкѣ Мерседѣ, ибкто по имени Дангларъ написалъ, а рыбаку Фернандъ отнесъ это письмо на почту.

Монте-Кристо подошелъ къ конторкѣ, вынулъ пожелтѣвшую бумагу, на которой чернила приняли цвѣтъ ржавчины, и подалъ Мерседѣ. Это былъ Дангларовъ доносъ королевскому прокурору на мнимаго бонапартиста.

Мерседэ съ недоумѣніемъ и ужасомъ прочитала.

— О, Боже мой! сказала она отирая рукою лобъ, овлаженный потомъ: и это письмо...

— Это письмо я купилъ за двѣсти тысячъ франковъ, графиня. Но это еще дешево, потому что оно помогаетъ мнѣ сегодня оправдаться въ вашихъ глазахъ.

— И результатъ этого письма?...

— Вы его знаете: меня арестовали. Но вы не знаете, сколько времени продолжалось мое заключеніе. Вы не знаете, что я четырнадцать лѣтъ сидѣлъ, въ четверти милн отъ васъ, въ замкѣ Ифъ. Вы не знаете, что каждый день, въ продолженіи этихъ четырнадцати лѣтъ, я повторялъ клятву мщенія, которую далъ въ первый; а между-тѣмъ я не зналъ, что вы вышли за Фернандо и что отецъ мой умеръ... умеръ съ-голоду!

— Боже мой! вскричала Мерседа и зашаталась.

— Я узналъ это, когда вышелъ изъ тюрьмы, черезъ четырнадцать лѣтъ. И тогда я, вмѣстѣ живой Мерседы и умершаго отца, поклялся отмстить Фернанду, и... и я мщу.

— И вы увѣрены, что несчастный Фернандъ сдѣлалъ это?

— Клянусь Богомъ, онъ! Впрочемъ, развѣ это хуже чѣмъ будучи французскимъ гражданиномъ, перейти къ Англичанамъ; родившись Испанцемъ сражаться противъ Испанцевъ; находясь въ службѣ Али, предать и зарѣзать его? Что противъ такихъ вещей значить письмо, которое вы сейчасъ читали? Ловкая шутка, невинная хитрость, которую, безъ-сомнѣнія, должна простить женщина, вышедшая замужъ за этого человѣка, но которой не простить тотъ, за кого ей слѣдовало выйти. Французы не отметили измѣннику; Испанцы не разстрѣляли измѣнника; зарѣзанный Али слегъ въ могилу и не наказалъ измѣнника. Зато я, преданный, убитый и также схороненный въ могилу, я, по милосердію Божию, вышелъ изъ этой могилы и долженъ метить: Богъ велитъ; онъ затѣмъ послалъ меня, и вотъ я здѣсь.

Бѣдная женщина склонила голову и опустила руки; ноги у ней подкосились; она упала на колѣни.

— Простите, Эдмонъ! сказала она: простите для меня, которую вы некогда любили, прибавила она тихо.

Лобъ ея почти касался ковра на полу.

Графъ поднялъ ее.

Тогда, сядя въ креслахъ, она сквозь слезы могла разсмотрѣть мужественное лицо графа Монте-Кристо, на которомъ страданіе и ненависть еще отпечатывали грозное выраженіе.

— Чтобы я не раздавилъ этого проклятаго племени! говорилъ

онъ: чтобы я ослушался Бога, который воскресилъ меня для кары своей! Невозможно, графиня! невозможно!

— Эдмонъ! возразила бѣдная мать, испытывая всѣ средства: Боже мой! когда я называю васъ Эдмономъ, зачѣмъ же вы не называете меня Мерседой?

— Мерседа! повторилъ Монте-Кристо: Мерседа! Да! конечно, вы правы: мнѣ еще пріятно произносить это имя и вотъ въ первый разъ, послѣ долгаго времени, я произношу его такъ ясно. О! Мерседа! это имя я произносилъ со вздохами грусти и тоски, съ рыданіями скорби и со стопами отчаянія! Я произносилъ его, окоченѣлый отъ стужи и сырости, на соломѣ узника, и произносилъ катаясь въ жару горячки на каменномъ помостѣ моей темницы. Мерседа, я долженъ мстить. Четырнадцать лѣтъ страдалъ я, четырнадцать лѣтъ я плакалъ и проклиналъ свою судьбу. Теперь, Мерседа, я долженъ мстить.

И графъ, страшась уступить просьбамъ той, которую столько любилъ, призывалъ свои воспоминанія на помощь ненависти.

— Мстите, Эдмонъ! вскричала несчастная мать: но мстите виновнымъ; мстите ему, мстите мнѣ, но пощадите моего сына!

— Въ Писаніи сказано: грѣхи отцовъ надуть на дѣтей до третьяго и четвертаго колѣна, отвѣчалъ Монте-Кристо: это самъ Богъ сказалъ черезъ своего пророка.

— Богъ! Богъ сказалъ это потому, что Богъ владѣетъ временемъ и вѣчностью, которыя не подчиняются человѣку.

Монте-Кристо застоналъ и обѣими руками схватилъ себя за прекрасные волосы.

— Эдмонъ, продолжала Мерседа, протянувъ къ нему руки. Эдмонъ, съ-тѣхъ-поръ какъ знаю васъ, я обожаю ваше имя, я чту вашу память. Эдмонъ, другъ мой, не помрачайте благороднаго и чистаго образа, который безпрестанно отражается въ зеркалѣ моего сердца. Эдмонъ, если бы вы знали, сколько я молилась Богу за васъ, покуда надѣялась, что вы живы, и съ-тѣхъ-поръ какъ почитала васъ умершимъ! Да, умершимъ! Я полагала, что ваше тѣло схоронено гдѣ-нибудь въ глубинѣ темной башни; я думала, что кости ваши лежатъ гдѣ-нибудь на днѣ пропастей, куда тюремщики низвергаютъ своихъ покойниковъ, и я плакала. Что я могла сдѣлать для васъ, Эдмонъ? Я могла только плакать и молиться..... Выслушайте меня. ed by Десять лѣтъ я каждую ночь видѣла одинъ и тотъ же сонъ. Я узнала, что вы

были живы. Рассказывали, что вы хотѣли бѣжать, что вы заняли мѣсто покойника въ парусинномъ гробу и что васъ, живаго мертвеца, сбросили съ высотъ мѣскаго замка, и что только крикъ, который вы испустили разбиваясь о скалы, открылъ могильщикамъ, что они сдѣлались вашими палачами. Слушайте же, Эдмонъ! клянусь вамъ головою сына, за котораго умоляю васъ: десять лѣтъ съ-ряду, каждую ночь я видѣла людей, которые, стоя на высокой скалѣ, раскачивали что-то темное и тяжелое; десять лѣтъ съ-ряду, каждую ночь я слышала страшный вопль, отъ котораго я вскакивала съ содроганіемъ и ужасомъ. И я тоже, Эдмонъ... о! повѣрьте мнѣ, и я тоже много страдала!

— А чувствовал ли вы, какъ вдали отъ васъ умираетъ вашъ отецъ? вскричалъ Монте-Кристо: видѣли ли вы, какъ женщина, которую вы любите, подастъ руку вашему врагу, между-тѣмъ какъ вы задыхаетесь въ мрачной темницѣ?...

— Нѣтъ, прервала Мерседа: но я видѣла, какъ тотъ, котораго я любила, готовился сдѣлаться убійцей моего сына.

Мерседа произнесла эти слова съ такою могущественною скорбію, съ такимъ глубокимъ выраженіемъ отчаянія, что Монте-Кристо онѣмѣлъ и склонилъ голову.

Левъ былъ укрощенъ; мститель побѣжденъ.

— Чего же вы требуете? спросилъ онъ: чтобы сынъ вашъ жилъ? Хорошо, онъ будетъ жить.

Мерседа вскрикнула, такъ, что на глазахъ у Монте-Кристо навернулись двѣ слезы. Но эти слезинки тотчасъ же исчезли. Безъ-сомнѣнія, Богъ послалъ своего ангела, подобрать ихъ, потому что они въ глазахъ его были драгоценнѣе самыхъ роскошныхъ перловъ Индіи.

— О! вскричала она, схвативъ его руку и поднося къ губамъ: о! благодарю, благодарю, Эдмонъ! Вотъ тотъ Эдмонъ, о которомъ я всегда мечтала, котораго я всегда любила. О! теперь я могу признаться въ этомъ.

— Тѣмъ больше, отвѣчалъ Монте-Кристо, что бѣдному Эдмону уже не долго быть любимымъ вами. Мертвецъ воротится въ могилу, привидѣніе исчезнетъ во тмѣ.

— Чтò вы говорите, Эдмонъ?

— Я говорю: вы хотите, чтобы я умеръ, стало-быть, должно умереть.

— Умереть! Кто же это говорить? Почему же вы должны умереть? Чтò за мысль?

— Неужели же вы думаете, что оскорбленный всенародно, въ присутствіи цѣлаго театра, въ присутствіи вашихъ знакомыхъ и друзей вашего сына, вызванный мальчикомъ, который будетъ хвалиться мопмъ прощениемъ какъ побѣдою, я перенесу все это и захочу жить хоть одну минуту? Послѣ васъ, Мерседъ, я больше всего любилъ себя, то есть, мое достоинство, мою силу, которая возвышала меня надъ другими людьми. Эта сила была жизнь моя. Вы однимъ словомъ сломили ее, и я умираю.

— Но вѣдь этой дуэли не будетъ, Эдмонъ, когда вы прощаете!

— Дуэль будетъ, графиня, торжественно сказалъ Монте-Кристо: только вмѣсто крови вашего сына, которая должна была напоить землю, прольется моя кровь.

Мерседъ вскрикнула и бросилась къ графу, но вдругъ остановилась.

— Эдмонъ, сказала она: надъ нами есть Богъ, когда вы живы, когда я снова впущу васъ, и я уповаю на Него всемъ сердцемъ. Въ ожиданіи Его помощи, я полагаюсь на ваше слово. Вы сказали, что мой сынъ будетъ жить... онъ будетъ жить, неправда ли?

— Да, онъ будетъ жить, отвѣчалъ Монте-Кристо удивляясь, что Мерседъ такъ спокойно принимаетъ его великую жертву.

— Эдмонъ, сказала Мерседъ, подавая ему руку, между тѣмъ какъ глаза ея наполнились слезами: какъ прекрасно, какъ дивно то, что вы дѣлаете; какъ велики вы, когда страдаете къ бѣдной женщинѣ, когда воскрешаете погибшія надежды несчастной матери! Увы! я уже устарѣла, больше отъ горя нежели отъ лѣтъ; я уже ни улыбкою, ни взглядомъ не могу напомнить Эдмону той Мерседы, на которую онъ нѣкогда любовался по цѣлымъ часамъ. Ахъ! повѣрьте мнѣ, Эдмонъ: я говорила и повторяю вамъ, что и я тоже много страдала. Вѣрьте, тяжело видѣть, какъ жизнь проходитъ, и не вспоминать ни одной радости, не сохранять ни одной надежды. Но это доказываетъ, что не все оканчивается на землѣ. Нѣтъ! не все кончено: я это чувствую потому, что остается еще въ моемъ сердцѣ. О! повторяю вамъ, Эдмонъ, это прекрасно, это дивно, это велико — прощать такъ, какъ вы прощаете.

— Вы думаете, Мерседъ? Что же бы вы сказали, если бы знали всю цѣну жертвы, которую я приношу вамъ? Предположите же, что верховный Владыка, создавъ міръ, оплодотворивъ хаосъ, остановился на пол-пути творенія, для того, чтобы без-

смертнымъ глазамъ ангеловъ не довелось современемъ проливать слезы надъ преступленіями людей; предположите, что почти все уже приготовлено, все устроено, такъ, что остается только послѣднее довершить и любоваться на созданіе, и вдругъ Богъ погасилъ бы солнце и пятою толкнулъ бы міръ опять въ вѣчную ночь.... предположите это, и тогда вы составите себѣ понятіе.... или, нѣтъ, нѣтъ! и тогда вы не поймете, что я теряю лишаясь жизни въ эту минуту!

Мерседа смотрѣла на графа глазами, въ которыхъ выражались вмѣстѣ и изумленіе, и восторгъ, и признательность.

Монте-Кристо склонилъ горящую голову на руки, какъ-будто она уже не могла одна вынести бремени мыслей.

— Эдмонъ, сказала Мерседа: мнѣ остается сказать вамъ только еще одно слово.

Графъ горько улыбнулся.

— Эдмонъ, продолжала она, вы увидите, что хотя лобъ мой поблѣднѣлъ, глаза потускли, красота увяла, что хотя Мерседа по чертамъ лица уже не похожа на ту, которую вы знали прежде, зато сердце осталось всё то же. Прощайте же, Эдмонъ. Я видѣла васъ.... я снова увидѣла васъ, такого же благороднаго, такого же великаго, какъ прежде.... Больше мнѣ нечего просить у Бога. Прощайте, Эдмонъ.... прощайте, благодарю васъ.

Графъ не отвѣчалъ.

Онъ тогда только пробудился отъ тяжелой думы, въ которую погрузила его утрата надеждъ, когда на мостовой подъ окнами застучала карета уѣзжавшей графини де-Морсервъ.

— Безумный я! вскричалъ онъ: зачѣмъ я собственными руками не вырвалъ свое сердце изъ груди въ тотъ день, когда далъ клятву мщенія!.... Какъ! это огромное зданіе, такъ терпѣливо приготовленное, съ такимъ трудомъ воздвигнутое, разрушается, падаетъ отъ одного удара, отъ одного слова, отъ одного дупленія! И это я, которое я почиталъ за ничто; это я, которымъ я столько гордился, которое я видѣлъ въ такомъ ничтожествѣ въ подземельѣ несакаго замка, и которое потомъ такъ возвеличено, такъ украшено, — это я завтра превратится въ горсть земли!... Но я не о смерти тѣла жалѣю: это разрушеніе животнаго организма не что иное какъ отдыхъ, на который надѣются всѣ несчастные; это спокойствіе материн, о которомъ я такъ долго вздыхалъ, къ которому шелъ по мучительной дорогѣ голоду, когда Фарія явился въ моей темницѣ. Что значить смерть для меня?

Одною степенью больше спокойствія и, можетъ-быть, двумя степенями больше тишины. Нѣтъ! я жалѣю не о существованіи: я жалѣю о моихъ погибшихъ трудахъ, о разрушенныхъ планахъ, которые стоили мнѣ такъ много времени и заботъ. Такъ Провидѣніе, которое, я полагалъ, стоитъ за нихъ.... Провидѣніе противится имъ? Богу не угодно, чтобы намѣренія мои исполнились? Это бремя, грузное почти какъ міръ, это бремя, которое я поднималъ и надѣялся донести до конца, было мнѣ по желанію, но не по силамъ; соразмѣрно съ моею волей, но не соразмѣрно съ мощью, и я долженъ сложить его, не достигнувъ и половины пути? О! да, я опять сдѣлаюсь фаталистомъ... я, котораго четырнадцать лѣтъ отчаянія и десять лѣтъ надежды укрѣпили въ вѣрѣ въ Провидѣніе! И все это, Боже мой! все это, потому что мое сердце, которое я считалъ умершимъ, было только усыплено; потому что это сердце пробудилось; потому что оно снова затрепетало; потому что я поддался этому трепету, возбужденному въ глубинѣ души моею голосомъ женщины!

— Однако жъ, продолжалъ графъ, болѣе и болѣе вдаваясь въ предвидѣніе страшнаго завтра, которое такъ спокойно приняла Мерседа: однако жъ невозможно же, чтобы эта женщина, со своимъ благороднымъ сердцемъ, такъ, изъ одного эгоизма, согласилась убить меня.... меня, полного силы и жизни! Невозможно, чтобы она до такой степени довела неистовство материнской любви. Есть и добродѣтели, которыхъ крайности становятся преступленіями. Нѣтъ, она придумала какую-нибудь трогательную сцену, она прибѣжитъ, бросится между клинками шпагъ, между дулами пистолетовъ и.... то, что здѣсь было велико, тамъ будетъ смѣшно!

И гордый лобъ графа Монте-Кристо покраснѣлъ.

— Смѣшно! повторилъ онъ: и этотъ смѣхъ обратится на меня!... Я! я буду смѣшонъ!... О! нѣтъ, лучше же смерть. Глупо! глупо! глупо было играть такого великодушнаго и ставиться какъ деревянная мишень противъ пистолета этого мальчика. Никогда онъ не повѣритъ, что моя смерть — самоубійство, а между-тѣмъ это нужно для чести моего имени.... Это не тщеславіе; Боже мой, не правда ли, это не тщеславіе, а только простительная и позволительная гордость?... Для чести моего имени нужно, чтобы люди знали, что я самъ, добровольно, остановилъ мою руку, уже запесенную для удара, и что этою рукой, сильною и твердою, я самъ себя поражаю. Такъ нужно; такъ я и сдѣлаю.

Онъ схватилъ перо, вынулъ изъ конторки свое завѣщаніе, которое составилъ тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, и припи-

сая въ концѣ объясненіе причины своей смерти. Покуда онъ писалъ и боролся съ своими сомнѣніями, началъ свѣтать. Прошло пять часовъ. Вслѣдъ затѣмъ графу послышался какъ-будто легкій шорохъ. Онъ оглянулся. Никого не было, все тихо. Заклучивъ, что ему только такъ почудилось, онъ продолжалъ пересматривать и дополнять свое завѣщаніе.

На одной страницѣ было написано :

«Максимиліану Морелю, капитану спаговъ, сыну бывшаго моего хозяина, марсельскаго купца Петра Мореля, завѣщаю и дарю алмазами и драгоценными каменьями цѣною на двадцать милліоновъ. Хранятся эти алмазы и каменья въ пещерѣ, на островѣ Монте-Кристо. Мѣсто укажетъ мой управитель, Бертуччо. Изъ этой суммы предоставляю самому Морелю, по благоусмотрѣнію, отдѣлить часть сестрѣ своей, Юліи, и зятю, Эммануэлю.»

Подъ этимъ Монте-Кристо написалъ :

«Если сердце Мореля свободно и если онъ хочетъ жениться на Гайдѣ, дочери Али-Тебелина, паши явнискаго, которую я воспитывалъ съ любовью отца и брата и которую этимъ завѣщаніемъ утверждаю главною наследницей моей, то онъ тѣмъ исполнитъ, не скажу волю, но послѣднее мое желаніе.»

Потомъ онъ опять развернулъ первую страницу и сталъ перечитывать и дополнять статьи, въ которыхъ, за исключеніемъ части, отдѣленной Морелю, и суммъ, назначенныхъ въ награду слугамъ, завѣщалъ своей пріемной дочери, Гайдѣ, все имѣніе, движимое и недвижимое, и наличныя суммы, положенныя въ банки Англій, Австрій и Голландій, — всего на шестьдесятъ милліоновъ.

Монте-Кристо оканчивалъ приписки на этой страницѣ, когда вдругъ позади его кто-то вскрикнулъ. Онъ уронилъ перо и оглянулся.

— Гайдѣ!... Ты читала? спросилъ онъ.

Это была она. Она давно уже стояла за дверьми и старалась подслушать, что дѣлаетъ ея второй отецъ. Она знала, что онъ не ложился, и сама всю ночь не могла уснуть. Хотя Монте-Кристо нерѣдко просиживалъ ночи за работой, однако жъ на этотъ разъ сердце Гайдѣ предчувствовало что-то недоброе. Простоявъ долго понапрасну за дверьми, она наконецъ рѣшилась войти, подошла по мягкому коврику такъ тихо, что онъ не слышалъ, и въ самомъ дѣлѣ прочитала почти все его завѣщаніе.

— О! повелитель мой, отецъ мой! зачѣмъ ты пишешь это? сказала она: зачѣмъ ты завѣщаешь мнѣ свое имѣніе? Развѣ ты покидаешь меня?

— Я отправляюсь въ дорогу, милое дитя мое, отвѣчалъ Монте-Кристо съ грустнымъ и безпредѣльно-нѣжнымъ выраженіемъ: и если со мной случится несчастье....

Графъ остановился.

— Что же? спросила дѣвушка почти повелительно.

— Если со мной случится несчастье, продолжалъ Монте-Кристо, то я хочу по-крайней-мѣрѣ, чтобы дочь моя была счастлива.

Гандѣ печально улыбнулась и покачала головой.

— Ты думаешь о смерти, повелитель мой? спросила она.

— Дочь моя, это мысль благотворная, говорить мудрецъ.

— О! если ты хочешь умереть, такъ отдай свое имѣніе другимъ.... Миѣ тогда ничего не нужно будетъ.

Она схватила бумагу, разорвала на-четверо и бросила на погъ. Но этотъ порывъ непривычнаго своеволия, вмѣстѣ съ страшною мыслью о возможной потерѣ благодѣтеля, разомъ подлюмилъ слабыя силы дѣвушки. Она безъ чувствъ упала на коверъ.

Монте-Кристо поднялъ ее. Она была блѣдна, прекрасные глаза закрыты, нѣжное тѣло какъ-будто покинуто душою. Тутъ графу въ первый разъ пришла на мысль, что Гандѣ любить его, можетъ-быть, иначе нежели дочь любить отца.

— О! неужели я еще могъ быть счастливъ? проропталъ онъ съ отчаяніемъ.

Потомъ онъ отнесъ Гандѣ въ ея комнаты и поручилъ женщинамъ, а самъ воротился и снова переписалъ разорванное завіщаніе.

Когда онъ оканчивалъ эту работу, на дворѣ раздался стукъ кабриолета.

— Хорошо, что готово! сказалъ Монте-Кристо, запечатавъ конвертъ тремя печатами, и пошелъ самъ отворить дверь.

На порогѣ явился Морель. За нимъ Эммануэль.

Недоставало еще двадцати минутъ до назначеннаго срока.

— Мы пріѣхали, можетъ-быть, слишкомъ рано, графъ, сказалъ Морель: но, откровенно признаюсь вамъ, я во всю ночь не могъ уснуть. Да и всѣ мы не спали. Миѣ нужно было поскорѣ увидѣть васъ, вашу твердость и увѣренность, чтобы подкрѣпить сердце.

Монте-Кристо не выдержалъ. Онъ не руку подалъ такому другу, а распростеръ объятія и прижалъ Мореля къ груди.

— Морель, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: прекрасенъ для меня тотъ день, когда я чувствую, что меня любить такой че-

ловѣкъ, какъ вы. Здравствуйте, Эммануэль. Такъ вы тоже идете со мной?

— Неужели вы сомнѣвались, графъ? отвѣчалъ Эммануэль.

— Благодарю, благодарю, друзья мои, сказалъ Монте-Кристо.

Потомъ онъ ударилъ въ гонгъ и Алп тотчасъ явился.

— Отправь это къ моему нотаріусу, сказалъ Монте-Кристо, отдавая Нубийцу запечатанный пакетъ. Это мое завѣщаніе, Морель. Когда я умру, вы должны присутствовать при вскрытіи его.

— Какъ! когда вы умрете? вскричалъ Морель.

— Чтò жъ? развѣ не должно готовиться на всякій случай? Развѣ меня не могутъ убить?... Впрочемъ, погодите. Скажите, видѣли вы когда-нибудь, какъ я стрѣляю?

— Никогда.

— Ну, такъ посмотрите.

Монте-Кристо взялъ пистолеты, которые держалъ въ рукахъ, когда вошла Мерседъ, и прикрѣпивъ на жестяной бляхѣ треновый тузъ, четырьмя выстрѣлами къ-ряду снялъ четыре вѣтви треноваго знака.

При каждомъ выстрѣлѣ Морель блѣднѣлъ отъ удивленія.

Онъ разсмотрѣлъ пули, которыми графъ стрѣлялъ. Это была крупная дробь.

— Это непостижимо! сказалъ онъ: посмотри, Эммануэль!... Графъ, прибавилъ онъ обращаясь къ Монте-Кристо: ради Бога, не убивайте Альбера! У несчастнаго есть мать.

— Справедливо. А у меня никого нѣтъ.

Эти слова были произнесены голосомъ, отъ котораго Морель содрогнулся.

— Вы оскорбленный, графъ.

— Конечно. Чтò жъ изъ этого?

— То, что вы первый стрѣляете.

— Я первый стрѣляю?

— Да, безъ-сомнѣнія. Вы и такъ уже слишкомъ много сдѣлали уступокъ. Этому послѣдняго права мы, секунданты, не позволимъ уступить.

— Во сколькихъ шагахъ мы стрѣляемся?

— Въ двадцати.

Страшная улыбка мелькнула на губахъ графа.

— Морель, сказалъ онъ: не забудьте, чтò вы сейчасъ видѣли.

— Не забуду. Оттого-то я для спасенія Альбера и надѣюсь только на ваше волненіе.

— Мое волненіе? спросилъ Монте-Кристо.

— Или, лучше, на ваше великодушіе, другъ мой. Будучи увѣренъ въ вашемъ ударѣ, я могу сказать вамъ вещь, которая въ отношеніи ко всякому другому можетъ показаться смѣшною.

— Чтò такое?

— Прострѣлите ему руку, раньте его, но не убивайте.

— Морель, выслушайте еще это, отвѣчалъ графъ съ важностью: меня не нужно просить о пощадѣ виконту де-Морсерфу. Я напередъ говорю вамъ, Морсерфъ будетъ пощаженъ. Онъ спокойно воротится домой, тогда какъ я...

— Вы?... чтò же вы?

— О! я другое дѣло. Меня принесутъ.

— Полноте! вскричалъ Морель вѣ себя.

— Вѣрите, такъ; я вамъ говорю: Морсерфъ убьетъ меня.

Морель посмотрѣлъ на графа съ видомъ челоуѣка, который уже ничего не понимаетъ.

— Чтò же съ вами случилось со вчерашняго вечера, графъ?

— То, чтò случилось съ Брутомъ наканунѣ послѣдней его битвы: я видѣлъ привидѣніе.

— И это привидѣніе?...

Это привидѣніе, Морель, сказало мнѣ, что я довольно живъ.

Максимиліанъ и Эммануэль переглянулись. Монте-Кристо посмотрѣлъ на часы.

— Пора! сказалъ онъ: поѣдемте. Намъ остается ровно столько времени, сколько нужно, чтобы доѣхать.

Четверомѣстная карета была уже подана.

Проходя по корридору, Монте-Кристо останоуился у одной двери и Морель, уходя съ Эммануэлемъ впередъ, услышалъ, какъ графъ вздохнулъ.

Ровно въ осемь часовъ они явились на мѣсто свиданія. Въ нѣкоторомъ отдаленіи уже стояла другая карета.

Вышедши изъ экипажа, Монте-Кристо взялъ Мореля за руку и отвелъ къ сторонѣ.

— А! вотъ, это хорошо! сказалъ Морель, придерживая руку Монте-Кристо: вотъ рука, въ которой безопасно покоится правое дѣло.

Монте-Кристо улыбнулся.

— Максимиліанъ, скажите мнѣ откровенно: ваше сердце свободно? спросилъ онъ.

Морель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я не требую, чтобъ вы открыли мнѣ ваши тайны, любез-

ный другъ. Я предлагаю вамъ только простой вопросъ. Отвѣчайте мнѣ: да или нѣтъ. Больше мнѣ не нужно.

— Я люблю дѣвушку, графъ.

— Очень?

— Больше жизни.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ Монте-Кристо: еще надежда рушилась. Бѣдная Гайдэ! прибавилъ онъ со вздохомъ, но такъ, что Морель уже не слышалъ.

— Право, графъ, сказалъ Морель: если бы я меньше зналъ васъ, я могъ бы подумать, что вы не такъ мужественны, какъ кажется.

— Почему это? потому что я думаю о тѣхъ, кого оставляю и потому что вздыхаю при этой мысли? Полноте, Морель! Солдату нужно бы лучше знать толкъ въ мужествѣ. Развѣ я о жизни жалую? Чтò значить умереть для меня, который двадцать лѣтъ провелъ на краю жизни и смерти? Впрочемъ, будьте спокойны, Морель, если и есть во мнѣ слабость, такъ только одни вы увидите ее. Я знаю, что свѣтъ—гостинная, изъ которой должно выходить учтиво и добропорядочно, то есть, расклавявшись и заплативъ свои карточные долги.

— Bravo! вотъ это хорошая рѣчь, сказалъ Морель и пошелъ къ секундантамъ Морсерфа, Бонану и Шато-Ренò.

Самого Альбера еще не было. Онъ рано утромъ прислалъ сказать своимъ товарищамъ, что прїѣдетъ прямо на мѣсто свиданїи.

Осемь часовъ пробило, Альберъ не прїѣзжалъ. Секундантовъ это начало смущать. Тутъ прискакала коляска и въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась.

— Э! да это не Морсерфъ! вскричалъ Шато-Ренò: это Францъ д'Эннвè и Дебрè!

Въ самомъ дѣлѣ это были они.

— И вы сюда пожаловали? продолжалъ Шато-Ренò, пожимая руки тому и другому: это какимъ образомъ?

— Альберъ просилъ, отвѣчалъ Дебрè.

Бонанъ и Шато-Ренò съ удивленїемъ переглянулись.

— Господа, сказалъ Морель: я, кажется, понимаю.

— Говорите.

— Вчера, послѣ обѣда, я получилъ отъ виконта записку, въ которой онъ просилъ меня быть въ оперѣ.

— И я тоже, сказалъ Дебрè.

— И мы также, сказали Шато-Ренò, Францъ и Бонанъ.

— Онъ хотѣлъ, чтобы вы присутствовали при вызовѣ, такъ хочеть также, чтобы присутствовали и при дуэли.

— Вѣроятно, вѣроятно! вскричали молодые люди.

— Однако жъ, со всѣмъ этимъ Альберъ не прѣзжаетъ, замѣтилъ Шато-Ренѵ: вотъ, десять минутъ уже просрочено.

— Вотъ онъ! сказалъ Бошанъ: верхомъ скачетъ. Смотрите, какъ несется! И только съ однимъ слугой.

— Какое безразсудство! вскричалъ Шато-Ренѵ: хочеть стрѣляться на пистолетахъ и скачетъ верхомъ! А я еще ему давалъ наставленія!

— Мало этого, прибавилъ Бошанъ: съ бѣлымъ воротничкомъ на черномъ галстухѣ; въ открытомъ сюртукѣ; въ бѣломъ жилетѣ. Кстати ужъ нарисовалъ бы лучше пятно на груди: вѣрнѣе и скорѣе.

Между-тѣмъ Альберъ прискакалъ и, остановившись въ десяти шагахъ отъ пріятелей, бросилъ поводья слугѣ, соскочилъ съ лошади и подошелъ. Лицо его было блѣдно, глаза красны и опухли. Видно было, что онъ не смыкалъ ихъ во всю ночь. Во всей наружности его выражалась печальная важность.

— Благодарю, господа, что исполнили мою просьбу, сказалъ онъ: будьте увѣрены, что я признателенъ какъ-нельзя болѣе за это доказательство дружбы.

Морель при приближеніи Морсерфа, удалился шаговъ на десять и стоялъ всторонѣ.

— И васъ тоже благодарю, мосье Морель, продолжалъ Альберъ: подойдите, пожалуйста. Вы не лишній здѣсь.

— Виконтъ, вы можетъ-быть не знаете, что я секундантъ графа Монте-Кристо? сказалъ Морель.

— Я не зналъ навѣрное, но я полагалъ что такъ. Тѣмъ лучше. Чѣмъ больше здѣсь будетъ честныхъ и храбрыхъ людей, тѣмъ я буду довольнѣе.

— Капитанъ, сказалъ Шато-Ренѵ: вы можете извѣстить графа Монте-Кристо, что виконтъ де-Морсерфъ прѣѣхалъ и что мы готовы къ его услугамъ.

Морель хотѣлъ итти. Бошанъ въ то же время вынулъ изъ коляски ящикъ съ пистолетами.

— Погодите, господа, сказалъ Альберъ: мнѣ нужно сказать пару словъ графу Монте-Кристо.

— Наединѣ? спросилъ Морель.

— Нѣтъ, при воѣхъ.

Секунданты Альбера, съ удивленіемъ переглянулись. Францъ

и Дебре шопотомъ что-то замѣтилъ другъ другу. Морель поспѣшно пошелъ къ Монте-Кристо, который прохаживался по аллеѣ съ Эммануэлемъ.

— Что ему нужно? спросилъ Монте-Кристо.

— Не знаю, но онъ хочетъ говорить съ вами.

— Я не совѣтовалъ бы ему искушать Бога и судьбу свою какою-нибудь новою дерзостью, сказалъ Монте-Кристо.

— Нѣтъ, у него, кажется, нѣтъ такого намѣренія, возразилъ Морель.

Они пошли. Спокойное и торжественно-ясное лицо графа составляло рѣзкую противоположность съ разстроенными чертами Альбера, который съ своей стороны также приближался въ сопровожденіи четырехъ свидѣтелей. Въ трехъ шагахъ другъ отъ друга графъ и Альберъ остановились.

— Господа, подойдите ближе, сказалъ Морсерфъ: я желаю, чтобы вы не проронили ни одного слова изъ того, что я буду имѣть честь сказать графу Монте-Кристо, потому что, какъ бы странно ни показались вамъ эти слова, вы должны будете повторять ихъ всякому, кому угодно слышать.

— Я жду, виконтъ, сказалъ Монте-Кристо.

— Графъ, продолжалъ Альберъ голосомъ, который сначала дрожалъ, но потомъ мало-по-малу утвердился: графъ, я упрекалъ васъ за разглашеніе поведенія графа де-Морсерфа въ Эпирѣ, потому что, какъ бы ни былъ преступенъ графъ де-Морсерфъ, я не считалъ васъ въ правѣ наказывать его. Но теперь я знаю, что вы имѣете это право. Не измѣна Фернанда Мондго въ отношеніи къ Али-Пашѣ побуждаетъ меня сказать это, а вина рыбака Фернанда въ отношеніи къ вамъ и неслыханныя несчастія, которыя были слѣдствіемъ этой измѣны. Поэтому я говорю теперь во всеуслышаніе: да, графъ, вы имѣли право отметить моему отцу и я, сынъ его, благодарю васъ, что вы не отомстили еще ужаснѣе.

Ударъ молніи въ кружокъ зрителей этой неожиданной сцены, это не столько поразило бы ихъ какъ слова Морсерфа.

Монте-Кристо медленно обратилъ глаза къ небу, съ выраженіемъ безпредѣльной признательности. Между тѣмъ онъ дивился также быстрому перелому пылкаго Альбера, котораго отважность видѣлъ посреди итальянскихъ бандитовъ, и не могъ не замѣтить вліянія Мерседы, которой благородное сердце не позволило допустить бесполезную жертву.

— Теперь, графъ, продолжалъ Альберъ, если вы находите мон

извиненія достаточными, дайте мнѣ вашу руку. Послѣ неогрѣшимости, самаго рѣдкаго достоинства, которымъ вы, кажется, обладаете, я первымъ считаю умѣнье сознаться въ своемъ заблужденіи. Я сознался и смѣю гордиться этимъ. Я поступаю хорошо передъ судомъ людей, а вы, графъ, вы поступаете хорошо передъ судомъ Божиимъ. Только ангелъ могъ спасти одного изъ насъ отъ смерти. И этотъ ангелъ явился съ неба, если не затѣмъ, чтобы сдѣлать насъ друзьями.... роковая судьба, къ несчастію, не допускаетъ этого.... такъ по-крайней-мѣрѣ, людьми, которые бы уважали другъ друга.

Монте-Кристо, съ влажными глазами, съ взволнованной грудью, съ полу-открытымъ ртомъ подавъ виконту руку, которую тотъ схватилъ и пожалъ съ чувствомъ, похожимъ на почтительный ужасъ.

— Господа, сказалъ Альберъ, вы видите, графъ Монте-Кристо припимаетъ мое извиненіе. Я поступилъ съ нимъ неосторожно и дурно. Теперь моя ошибка исправлена. Надѣюсь, что свѣтъ не назоветъ меня малодушнымъ, зато что я поступаю, какъ мнѣ велитъ совѣсть. Но во всякомъ случаѣ, прибавилъ онъ, гордо поднявъ голову, какъ-будто вызывая всѣхъ своихъ друзей и недруговъ: если кто-нибудь усомнится на мой счетъ, то я постараюсь доказать, какое мнѣніе должно считать справедливымъ.

— Чтò же такое случилось въ эту ночь? спросилъ Шато-Ренъ у Бошана: мнѣ кажется, что мы играемъ здѣсь довольно жалкую роль.

— Правда. Альберъ поступилъ или страшно-пошло или страшно-прекрасно, отвѣчалъ Бошанъ.

Монте-Кристо, подавленный тяжестью двадцати-четырехъ-лѣтнихъ воспоминаній, не видѣлъ никого изъ окружающихъ и не заботился объ ихъ мнѣніи. Онъ думалъ о мужественной жепнице, которая приходила вымолить у него жизнь своего сына, и той, которой онъ предложилъ свою жизнь и которая возвратила ему эту жизнь, открытіемъ страшной семейной тайны, способной навсегда убить въ ея сынѣ всякую привязанность къ отцу.

— Всею Провидѣніе! прошепталъ онъ: сегодня..... сегодня только я убѣжденъ вполне, что я посланъ отъ Бога!

Черезъ полтора часа послѣ этого Альберъ стоялъ посерединѣ своего кабинета и окидывалъ взоромъ все богатство, которое такъ украшало и облегчало ему жизнь съ самаго дѣтства. Онъ взглянулъ на картины, и лица, казалось, улыбались ему, пейзажи какъ-будто оживлялись певымъ свѣтомъ и движеніемъ.

Онъ выпнулъ портретъ матери изъ золоченой рамы и свернулъ, а пустую раму опять повѣсилъ на мѣсто. Потомъ привелъ въ порядокъ свое прекрасное турецкое и англійское оружіе, японскій саффоръ, художественныя бронзы; осмотрѣлъ шкафы, и оставилъ всѣ ключи въ замкахъ; бросилъ свои карманныя деньги въ ящикъ своей конторки; собралъ туда же всѣ свои золотыя вещи и дорогія бездѣлки, которыя были размѣщены по столамъ и этажеркамъ; составилъ точный списокъ всѣмъ вещамъ и положилъ на столѣ.

Въ началѣ этой работы, камердинеръ, несмотря на запрещеніе, вошелъ въ комнаты.

— Что тебѣ надо? спросилъ Альберъ, больше печально чѣмъ гнѣвно.

— Извините, виконтъ; вы не приказали входить, но меня графъ зоветъ.

— Такъ что жъ?

— Я не посмѣлъ птти безъ вашего позволенія.

— Отчего?

— Графъ знаетъ, что я провожалъ васъ на свиданіе. Онъ, вѣроятно, хочетъ спросить, какъ что было. Что прикажете отвѣчать?

— Говори правду.

— Такъ я ему скажу, что дуэль не состоялась.

— Скажи, что я извинился передъ графомъ Монте-Кристо. Ступай.

Слуга поклонился и вышелъ. Альберъ снова принялся за работу.

Когда онъ оканчивалъ ее, стукъ экипажа на дворѣ привлекъ его вниманіе. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ, какъ отецъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Тогда Альберъ пошелъ къ матери. На порогѣ ея спальни онъ съ удивленіемъ и со слезами въ сердцѣ остановился.

Въ тѣлахъ матери и сына жила какъ-будто бы одна душа. Мерседъ дѣлала у себя то же самое, что Альберъ у себя. Все было приведено въ порядокъ, кружева, уборы, ожерелья, бѣлье, серебро, — все уложено въ коммоды; всѣ ключи собраны. Альберъ не могъ не понять этихъ приготовленій.

— Матушка! вскричалъ онъ и кинулся къ Мерседѣ на шею.

Живописецъ, который бы могъ передать выраженіе этихъ двухъ лицъ, конечно, создалъ бы прекрасную картину.

— Что вы дѣлаете? спросилъ молодой человѣкъ.

— А ты что дѣлаешь? отвѣчала Мерседа.

— О! матушка! вскричалъ Альберъ, отъ сильнаго чувства, съ трудомъ выговаривая слова: что я! я—другое дѣло!.... Но вы!... вамъ нельзя рѣшиться на то, на что я рѣшился. Я пришелъ сказать вамъ, что я прощаюсь съ этимъ домомъ....

— И я тоже, Альберъ, я тоже покидаю его. Я надѣялась, что сынъ мой побѣдетъ со мною. Неужели я ошиблась?

— Матушка! возразилъ Альберъ съ твердостью. Я не могу заставить васъ раздѣлять участь, которую назначаю себѣ. Я долженъ отнынѣ жить безъ состоянія и безъ имени. Для начала этого труднаго существованія я хочу у одного изъ друзей моихъ занять столько хлѣба, сколько мнѣ нужно, пока я буду въ состояніи добыть свой собственный. Я хочу сейчасъ идти къ Францу и просить его, чтобы одолжилъ мнѣ небольшую сумму, которая мнѣ нужна по моему расчету.

— Тебѣ, дитя мое! вскричала Мерседа: тебѣ терять нужду, голодь! О! не говори этого, не говори! ты разрушишь послѣднюю мою твердость.

— Я рѣшился, матушка, отвѣчалъ Альберъ: я молодъ, смелъ; мнѣ кажется, что я мужественъ, а вчера я испыталъ, что можетъ твердая воля. Матушка, есть люди, которые не только не умерли, но еще осповали новое состояніе на развалинахъ своего прежняго счастья, на обломкахъ всѣхъ прежнихъ своихъ надеждъ. Я узналъ это, матушка, я видѣлъ такихъ людей. Я знаю, что изъ глубины пропасти, въ которую ихъ низвергли враги, они подвинулись съ такою силою и славой, что побѣдили своихъ прежнихъ притѣснителей и въ свою очередь низвергли ихъ. Нѣтъ, матушка, я сегодня же прерываю всякую связь съ прошедшимъ. Ничего не беру съ собою, ни даже имени, потому что,—вы понимаете, матушка,—вашъ сынъ не можетъ носить имени человѣка, который долженъ краснѣть передъ другими людьми.

— Альберъ, сынъ мой, сказала Мерседа, если бы сердце у меня было по-тверже, я сама подала бы тебѣ этотъ совѣтъ. Твоя совѣсть говорила тебѣ, чего я не смогла сказать. Дѣлай, что тебѣ велитъ совѣсть, сынъ мой. У тебя были друзья, Альберъ. Разстанься съ ними на-время, но не отчаявайся, ради жизни твоей матери! Твоя жизнь еще прекрасна въ твои лѣта: тебѣ еще всего двадцать-второй годъ. Сердцу, такому чистому какъ твое, нужно и имя незапятнанное. Прими имя моего отца. Онъ назывался Геррера. Я знаю тебя, мой Альберъ: какою бы дорогой

ты ни пошелъ, ты скоро украсишь это имя. Тогда, мой другъ ты снова явнись въ свѣтъ и нынѣшнее несчастіе придастъ тебѣ больше блеску. Если этого не будетъ и не можетъ быть, несмотря на мое предчувствіе, такъ оставь мнѣ по-крайней-мѣрѣ надежду: у меня вѣдь ничего не остается кромѣ этой мысли; для меня на порогъ этого дому начинается могилла.

— Я раздѣляю ваши надежды, матушка. Небо не станетъ преслѣдовать невинныхъ. Мы еще можемъ найти счастье. Но, если ужъ мы рѣшились, кончимте дѣло скорѣе. Графъ де-Морсеръ съ-полчаса назадъ уѣхалъ со двора. Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы избѣжать шуму и объясненій.

— Я готова, Альберъ, отвѣчала Мерседъ.

Альберъ побѣжалъ на бульваръ и воротился съ нанятымъ фiakромъ, чтобы ѣхать въ улицу де-Сенъ-Перъ, гдѣ знавалъ небольшой домикъ и гдѣ намѣренъ былъ занять съ матерью скромную, но пристойную квартиру.

Когда Альберъ вышелъ изъ фiakра, на своемъ дворѣ, къ нему подошелъ человекъ съ письмомъ. Альберъ узналъ управителя графа Монте-Кристо.

— Отъ графа, сказалъ Бертуччо.

Альберъ взялъ письмо и распечаталъ.

Прочитавъ, онъ оглянулся, но Бертуччо уже исчезъ. Тогда Альберъ, со слезами на глазахъ, съ взволнованной грудью, вошелъ къ матери и не говоря ни слова подалъ развернутое письмо.

Мерседъ прочтала:

«Альберъ,

«Показывая вамъ, что я проникъ ваше теперешнее намѣреніе, я показываю вамъ также, что понимаю ваши чувства. Слава Богу, вы теперь свободны, вы оставляете домъ графа и берете съ собою вашу мать, свободную такъ же какъ и вы. Но подумайте, Альберъ, вы должны ей больше чѣмъ можете заплатить, бѣдная благородная душа! Берите себя на борьбу, берите на себя страданіе, но избавьте ее отъ первой нужды, которая неизбѣжно должна сопровождать ваши первыя усилія. Она не заслуживаетъ и тѣни того несчастія, которое нынче постигаетъ ее. Провидѣніе не хочетъ, чтобы невинные терпѣли за виновныхъ.

«Я знаю, что вы оба оставляете домъ графа Морсеръа и ничего не берете съ собой. Не старайтесь узнать, какъ я это провѣдалъ. Я знаю, вотъ и все.

«Выслушайте, Альберъ.

«Двадцать четыре года тому назадъ, я возвращался на родину, веселый и гордый. У меня была невѣста, Альберъ; прекрасная, чистая дѣвушка, которую я обожаю. Я везъ моей невѣстѣ три тысячи франковъ, собранныхъ неустомимымъ трудомъ. Эти деньги были назначены ей. Зная, какъ коварно море, я не хотѣлъ держать ихъ при себѣ и зарылъ въ саду дома, гдѣ жилъ мой отецъ въ Марселѣ, въ улицѣ Мельянгъ.

«Ваша мать хорошо знаетъ этотъ домъ, Альберъ.

«Пынче, прѣхавъ въ Парижъ, я былъ въ Марселѣ, былъ въ домѣ, въ которомъ для меня хранится такъ много грустныхъ воспоминаній. Вечеромъ, съ заступомъ въ рукахъ, я отправился въ садикъ и разрылъ уголокъ, гдѣ схоронилъ свое маленькое сокровище. Желѣзная кубышка осталась на томъ же мѣстѣ; никто ея не тронулъ. Она зарыта въ томъ углу, гдѣ стоитъ прекрасное фиговое дерево, которое мой отецъ посадилъ въ день моего рожденія.

«Альберъ! эти деньги когда-то были назначены для поддержанія жизни и спокойствія женщины, которую я обожаю. Пусть они исполняютъ свое назначеніе. О, поймите хорошенько мысль мою. Вы знаете, что я могъ бы предложить этой женщинѣ милліоны, а я предлагаю только кусокъ чернаго хлѣба, забытый подъ моимъ бѣднымъ кровомъ съ того дня, когда меня разлучили съ жизнью и счастьемъ моего сердца.

«Вы человѣкъ благородный, Альберъ; но, можетъ-быть, вы тѣмъ не менѣе ослѣплены гордостью или минутною досадой. Если вы откажете мнѣ, если вы у другаго пойдете просить того, что я имѣю право предложить вамъ, то я скажу: не великодушно, не хорошо было отказываться отъ жизни матери, предложенной человѣкомъ, у котораго вашъ отецъ убитъ отца ужасами голоду и отчаянія».

Покуда оканчивалось это чтеніе, Альберъ стоялъ блѣдный, неподвижный, и ждалъ рѣшенія матери. Мерседа обратила къ нему взглядъ, исполненный невыразимой покорности.

— Я принимаю, сказала она: онъ имѣетъ право заплатить приданое; которое я принесу въ монастырь.

И, спрятавъ письмо на груди, она подала руку сыну и вышла изъ своихъ покоевъ съ твердостью, какой сама не ожидала.

Монте-Кристо возвращался изъ Венсенскаго Лѣсу, такъ же, какъ поѣхалъ, съ Морелемъ и Эммануэлемъ. Всѣ были очень

веселы и не таяли этого. Графъ приглашалъ обонхъ друзей къ себѣ, на завтракъ; но Эммануэль просился домой, чтобы скорѣе успокоить Юлію. Морель также отговорился надобностью повидаться съ человѣкомъ, которому назначилъ свиданіе, однако жъ согласился доѣхать съ графомъ до Елпсейскихъ Полей, потому что и ему нужно было въ тѣ края.

На Королевской-Площади Эммануэля высадили и карета продолжала путь.

— Однако жъ это въ самомъ дѣлѣ похоже на чудо! сказалъ Морель, помолчавъ и отвѣчая на собственную свою мысль.

— Чтò? спросилъ Монте-Кристо.

— Да сегодняшнее происшествіе.

— Правда, сказалъ графъ съ улыбкой: вы вѣрно опредѣлили, Морель: это, дѣйствительно, чудо!

— Вѣдь Альберъ человѣкъ храбрый, продолжалъ Морель.

— Очень храбрый, прибавилъ Монте-Кристо: я видѣлъ какъ онъ спокойно спалъ подъ книжалами бандитовъ.

— А я знаю, что у него были двѣ вешуточныя дуэли. Согласите же это съ его сегодняшнимъ поведеніемъ. Счастье еще, что онъ не военный.

— Отчего такъ?

— Извинитесь, подошедши къ барьеру! сказалъ Морель, и покачалъ головой.

— Полноте, любезный другъ, возразилъ графъ съ кротостію: неужели и вы вдаетесь въ такіе предразсудки? Согласитесь же, что Альберъ не можетъ быть трусомъ, когда онъ храбръ; что онъ имѣетъ какую-нибудь основательную причину поступить такъ, какъ поступилъ сегодня, и что, слѣдовательно, его поступокъ скорѣе героическій нежели малодушный.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ Морель: однако жъ я скажу, какъ сказалъ одинъ Испанецъ: онъ сегодня былъ менѣе храбръ нежели вчера.

— Отчего вы не хотите завтракать у меня? спросилъ Монте-Кристо, чтобы прервать этотъ разговоръ: ваше свиданіе назначено за завтракомъ?

Морель улыбнулся и покачалъ головой.

— Но вы будете же гдѣ-нибудь завтракать?

— Нѣтъ, не хочется.

— О! вскричалъ графъ: я знаю только два чувства, которыя отнимаютъ у человѣка ащетить: горестъ и любовь. Но я вижу,

вы слава Богу, веселы, слѣдовательно.... изъ того, что вы мнѣ давеча сказали, я могу заключить....

— Я и не отпираться, графъ! весело сказалъ Морель.

— И вы ничего не говорите мнѣ объ этомъ, Морель? сказалъ графъ съ живостью, въ которой выразилось все его участіе къ молодому человѣку.

— Я вамъ показаль сегодня утромъ, что у меня есть сердце, неправда ли, графъ?

Монте-Кристо вмѣсто отвѣта подавъ ему руку.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ это сердце не при васъ, въ Венсенскомъ Лѣсу, продолжалъ Морель, оно уже улетѣло въ другое мѣсто.

— Идите, идите, любезный другъ, медленно сказалъ графъ: но помните, пожалуйста, если вы встрѣтите какое-нибудь препятствіе, помните, что я имѣю нѣкоторую силу въ этомъ мірѣ; что я счастливъ, когда могу употребить эту силу въ пользу людей, которыхъ люблю, и что я люблю васъ, Морель.

— Хорошо, отвѣчалъ молодой человѣкъ: я вспомню объ этомъ, какъ дѣти-эгоисты вспоминаютъ о своихъ родныхъ, когда имѣютъ въ нихъ надобность. Когда вы мнѣ понадобится.... можетъ-быть, придетъ время.... тогда я обращусь къ вамъ, графъ.

— Хорошо, вы дали слово. Такъ до свиданія.

— До свиданія.

Они доѣхали до дому, на Елисейскихъ Поляхъ. Монте-Кристо приказалъ кучеру остановиться за воротами. Морель вышелъ изъ кареты и исчезъ за угломъ улицы Мариньей, а графъ поспѣшно пошелъ навстрѣчу къ Бертуччо, который сбѣжалъ съ подѣзду.

— Ну, что? спросилъ графъ.

— Она выѣзжаетъ изъ дому, отвѣчалъ Бертуччо.

— А сынъ?

— Виконтъ, кажется, тоже. По-крайней-мѣрѣ Флорентинъ, его камердинеръ, такъ говорить.

— Пойдемъ.

Монте-Кристо увелъ управителя въ кабинетъ, написалъ письмо, которое мы видѣли, и приказалъ отнести.

— По-скорѣе, прибавилъ онъ: да, кстати, вели сказать Ганде, что я воротился.

— Я здѣсь, я давно жду, сказала дѣвушка, входя изъ гостиной.

Она сіяла отъ радости. Бертуччо ушелъ. Гандѣ испытала все восхищеніе дочери, встрѣчающей отца, весь восторгъ любовницы, встрѣчающей обожаемаго друга, котораго ожидала со страхомъ и нетерпѣніемъ. Радость Монте-Кристо была хотя менѣе выразительна, однако же не менѣе глубока. У людей, которые много страдали, радость похожа на дождь въ засуху: сердце и земля такъ поглощаютъ благодѣтельную влагу, что ничего не остается на поверхности. Нѣсколько часовъ назадъ Монте-Кристо понялъ то, о чемъ прежде не смѣлъ и думать: онъ понялъ, что на свѣтѣ есть двѣ Мерседы и что онъ еще можетъ найти счастье.

Пламенный взоръ его съ жадностью погружался въ влажные глаза Гандѣ, какъ-вдругъ отворилась дверь. Графъ нахмурилъ брови.

— Мосье де-Морсерфъ! сказалъ Батистъ, какъ-будто въ одномъ этомъ словѣ заключалось его оправданіе.

Въ самомъ дѣлѣ, лицо Монте-Кристо прояснилось.

— Который? спросилъ онъ: виконтъ или графъ?

— Графъ.

— Боже мой! вскричала Гандѣ: еще не кончено?

— Не знаю, кончено ли, милая моя, сказалъ Монте-Кристо, взявъ дѣвушку за руки: знаю однако жъ, что тебѣ нечего опасаться.

— О! но вѣдь это тотъ....

— Этотъ человѣкъ не имѣетъ никакой силы надо мной, Гандѣ. Опасаться надобно было тогда только, когда бы я имѣлъ дѣло съ его сыномъ.

— Зато я и страдала.... о! ты не знаешь, какъ я страдала!

Монте-Кристо улыбнулся.

— Клянусь тебѣ, Гандѣ, сказалъ онъ, положивъ руку ей на голову: клянусь тебѣ гробомъ моего отца, что не меня постигнетъ несчастье, если быть несчастью.

— Я вѣрю тебѣ, повелитель мой, вѣрю, какъ-будто самъ Богъ говоритъ черезъ тебя, тихо отвѣчала дѣвушка, подставляя ему лобъ.

На этомъ чистомъ, прекрасномъ лбу Монте-Кристо напечатлѣлъ поцѣлуй, отъ котораго оба сердца затрепетали.

— О! Боже мой, пошли мнѣ еще возможность любить! прошептала графъ.... Проси графа де-Морсерфа, сказалъ онъ Батисту, провожая Гандѣ къ другой двери.

Графъ де-Морсеръ, со времени возвращенія изъ палаты не выходилъ изъ своего кабинета, однако жъ зная все что дѣлалось въ домѣ и, поутру, съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидать возвращенія Альбера изъ Венсенскаго Лѣсу. Когда онъ увидѣлъ, что Альберъ воротился невредимъ, въ черной душѣ его блеснула лучъ радости: онъ надѣялся, что избавился отъ врага. Но онъ напрасно ожидалъ, что Альберъ придетъ и расскажетъ о слѣдствіяхъ дуэли. Что молодой человекъ не пришелъ проститься передъ отправленіемъ на такое свиданіе, это было понятно; но что сынъ не пришелъ возвѣстить отцу о своей побѣдѣ, это привело Морсерфа въ недоумѣніе. Прождавъ нѣсколько минутъ, онъ послалъ звать Альберова камердинера, которому, какъ мы знаемъ, виконтъ приказалъ говорить всю правду. Тутъ же Морсеръ узналъ и о сборахъ Альбера и Мерседы. Тогда онъ поѣхалъ къ Монте-Кристо. Въ карету онъ приказалъ положить свой ящикъ съ пистолетами и двѣ шпаги.

Онъ въ третій разъ проходилъ залу изъ конца въ конецъ, когда отворилась дверь и явился Монте-Кристо.

— А! въ самомъ дѣлѣ графъ де-Морсеръ, сказалъ онъ спокойно: а я думалъ, что мнѣ не такъ доложили.

— Да, это я! съ трудомъ произнесъ Морсеръ сквозь судорожно стиснутые зубы.

— Такъ мнѣ осталась только узнать причину, которая доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть графа де-Морсерфа у себя, продолжалъ Монте-Кристо съ тѣмъ же спокойствіемъ.

— У васъ сегодня было свиданіе съ моимъ сыномъ, графъ.

— А вы знали объ этомъ?

— Я знаю также, что мой сынъ имѣлъ основательную причину драться съ вами и сдѣлать все, что можно, чтобы убить васъ.

— Можетъ-быть онъ имѣлъ причины, однако жъ вы видите, что онъ не убилъ меня и даже не дрался со мной.

— Между-тѣмъ онъ долженъ смотрѣть на васъ какъ на причину гибели своего отца, страшнаго бѣдствія, которое теперь постигаетъ мой домъ.

— Правда, но только какъ на причину второстепенную, а не главную.

— Вы, конечно, извинились передъ нимъ или дали какое-нибудь объясненіе?

— Напротивъ, я не давалъ никакого объясненія и не извинился передъ нимъ, а онъ передо мной извинился.

— Онъ?

— Да. Вѣроятно по убѣжденію, что во всемъ этомъ есть человѣкъ болѣе виновный чѣмъ я.

— Кто же этотъ человѣкъ?

— Его отецъ.

— Положимъ такъ, возразилъ Морсеръ поблѣднѣвъ: но вы знаете, что и самые виновные не любятъ сознаваться въ своей винѣ.

— Знаю, и потому ожидаю того, что теперь вижу.

— Вы ожидаете, что мой сынъ окажется трусомъ! вскричалъ Морсеръ.

— Альберъ не трусъ, отвѣчалъ Монте-Кристо.

— Не трусъ?... человѣкъ, который держитъ въ рукахъ шпагу, а передъ концомъ этой шпаги видитъ смертельнаго врага и не дерется съ нимъ! Такой человѣкъ не трусъ!...

— Графъ, я не думаю, чтобы вы пришли занимать меня разсказами о вашихъ домашнихъ дѣлахъ, холодно возразилъ Монте-Кристо: поговорите объ этомъ съ Альберомъ. Можетъ-быть онъ найдетъ что отвѣчать вамъ.

— О! вѣтъ, вѣтъ! вскричалъ Морсеръ: вы правы, я не затѣмъ пришелъ; я пришелъ сказать вамъ, что я тоже смотрю на васъ какъ на смертельнаго врага! Я пришелъ сказать вамъ, что я ненавижу васъ по инстинкту! Мнѣ кажется, что я всегда зналъ и всегда ненавидѣлъ васъ! И что, наконецъ, если молодые люди нынѣшняго вѣка уже не дерутся, такъ приходится драться старикамъ. Такъ ли вы думаете?

— Совершенно такъ. Я говорилъ вамъ что предвидѣлъ, что случится, и разумѣлъ подъ этимъ именно ваше лестное посѣщеніе.

— Тѣмъ лучше. Стало-быть, ваши приготовленія сдѣланы?

— Я всегда готовъ.

— Вы знаете, что мы будемъ драться на-смерть? прибавилъ Морсеръ, скрежеща зубами отъ ярости.

— На-смерть, повторилъ Монте-Кристо, медленно и внявая голосомъ.

— Такъ поѣдемте, намъ не нужно свидѣтелей.

— Разумѣется! отвѣчалъ Монте-Кристо: мы такъ хорошо знаемъ другъ друга.

— Напротивъ, возразилъ Морсеръ: мы вовсе не знаемъ другъ друга; но это и не нужно.

— Ба! пожалуй? сказалъ Монте-Кристо съ тою же отчужденною

«легмой: посмотримъ хорошенько, неужели мы не знакомы? Развѣ не вы солдатъ Фернандъ, дезертеръ, который бѣжалъ съ своего караула наканунѣ ватерлооскаго сраженія? Развѣ не вы поручикъ Фернандъ Мондѣго, который служилъ французской арміи проводникомъ и лазутчикомъ въ Испанію? Развѣ не вы полковникъ Фернандъ Мондѣго, который предалъ и зарѣзалъ своего благодѣтеля, Али-Тобелпна? И всѣ эти Фернанды вмѣстѣ развѣ не составляютъ генераль-лейтенанта и пѣра Франціи, графа де-Морсерфа?»

— О! вскричалъ Морсерфъ, корчась подѣ этими словами какъ подѣ ударами раскаленнымъ желѣзомъ: о, низкій человекъ! ты можешь попрекать мнѣ мой позоръ въ ту самую минуту, когда, быть-можетъ, убьешь меня! Нѣтъ, я не говорилъ, что ты не знаешь меня. Я знаю, демонъ, что ты проникъ въ ночь минувшаго, что ты читалъ каждую страницу моей жизни, Богъ знаетъ при какомъ свѣтильникѣ! Но, можетъ-быть, во мнѣ, въ моемъ позорѣ, еще больше осталось чести нежели когда-нибудь было подѣ твоею блестящею маскою. Да, да, я знаю, что ты меня знаешь, но я не знаю тебя, бродягу, залитаго золотомъ и алмазами. Ты въ Парижѣ называешься графомъ Монте-Кристо, въ Италіи Снябодомъ-Мореходомъ, въ Мальтѣ еще какъ-то..... я забылъ. Но теперь я хочу знать твое настоящее, подлинное имя изъ числа сотни твоихъ подложныхъ именъ, для того чтобы я могъ назвать тебя въ ту минуту, когда клинокъ моей шпаги вопьется тебѣ въ сердце.

Монте-Кристо страшно поблѣднѣлъ; глаза его засверкали пожирающимъ огнемъ. Онъ кинулся въ кабинетъ и меньше нежели въ минуту сорвалъ съ себя сюртукъ, жилетъ и галстукъ, надѣлъ простой матросскій камзолъ и соломенную шляпу, изъ подѣ которой распустялъ свои длинные черные волосы.

Превращенный такимъ образомъ, онъ медленно вышелъ, скрепивъ руки на груди, грозный, неумолимый.

У Морсерфа зубы застучали во рту, ноги подкосились. Онъ сталъ отступать задомъ и остановился тогда только, когда дрожащею рукою нашелъ столъ, на который могъ опереться.

— Фернандъ! вскричалъ Монте-Кристо: изъ сотни моихъ именъ мнѣ стѣдуетъ назвать только одно, чтобы разгромить тебя. Но ты уже угадываешь это имя, не правда ли? или, лучше сказать, ты вспоминаешь его, потому что, несмотря на все мое горе, не смотря на всѣ мои страданія, я сегодня показываю тебѣ лицо, помолодѣвшее отъ блаженства ищенія, лицо, которое ты долженъ

былъ довольно часто встрѣчать въ сновидѣнiяхъ со времени твоей женитьбы на моей невѣстѣ!

Морсеръ, закинувъ голову назадъ, протянувъ руки и вытаращивъ глаза, нѣсколько времени молча смотрѣлъ на это страшное видѣнiе, потомъ, — все отступая задомъ, — добрался до стѣны, чтобы было обо что опереться и вышелъ такимъ образомъ за дверь. На порогѣ уже онъ испустилъ одинъ глухой, страшный, гробовый стоиъ :

— Эдмонъ Дантесъ!

Потомъ онъ схватилъ себя за голову, выбѣжалъ какъ безумный на дворъ, бросился въ карету и задыхаясь закричалъ :

— Домой! домой!

Дорогой свѣжій воздухъ и стыдъ передъ своими людьми привели его въ состоянiе собрать свои мысли. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому онъ остановилъ экипажъ и вышелъ. Ворота его дома стояли настежь. На дворѣ дождался фiakръ. Графъ съ испугомъ взглянулъ на него, но не осмѣлился спросить, зачѣмъ онъ тутъ, и поспѣшно пошелъ въ свои покои. Кто-то на встрѣчу сходилъ съ лѣстницы. Онъ только успѣлъ кинуться въ боковой кабинетъ, чтобы не встрѣтиться. Это Мерседа, опираясь на руку сына, покидала домъ. Они прошли въ двухъ шагахъ отъ несчастнаго, который скрывался за дверною драпировкой. Мерседа задѣла за него своимъ шелковымъ платьемъ. Онъ почти ощутилъ дыханiе Альбера, который говорилъ :

— Смѣлѣе, смѣлѣе, маменька! мы здѣсь уже не дома.

Они прошли.

Морсеръ вѣспился руками въ драпировку, чтобы не упасть, и задушилъ въ груди своей самый страшный стоиъ, какой когда-нибудь вырывался у человѣка, покинутого женою и сыномъ. Вскорѣ онъ услышалъ, какъ захлопнулись дверцы фiakра, какъ крикнулъ извозчикъ и застучали колеса на мощеномъ дворѣ. Тогда онъ бросился въ свой кабинетъ и подбѣжалъ къ угловому окну. Но ни Мерседа ни Альберъ не выглянули, не бросили послѣдняго прощальнаго взгляда на покинутый домъ.

Стукъ уѣзжающаго экипажа еще былъ слышенъ въ отдаленiи, когда раздался выстрѣлъ и облако дыму вырвалось изъ угловаго окна, разбитаго силою взрыва.

Морель, разставшись съ Монте-Кристо, пошелъ къ дому Вильфора. Валентина и Ноартiе назначили ему два дня въ недѣлю

для свиданія, въ тотъ часъ, когда внучка присутствовала при завтракѣ дяди и когда они всего безопаснѣе могли видѣться. Валентина ждала его со страхомъ и трепетомъ. Она слышала объ исторіи Морсерфа, о приключеніи въ театрѣ, догадывалась, что Морель будетъ секундантомъ Монте-Кристо и страшилась, что онъ не ограничится этимъ и приметъ болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ своего друга. Послѣ этого понятно, что она и по приходѣ Мореля съ нетерпѣніемъ желала знать всѣ подробности; понятна и радость ея, когда она узнала о неожиданно счастливымъ окончаніи дуэли.

— Теперь, сказала Валентина, когда Морель кончилъ: теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ. Вы знаете, Максимилианъ, что дѣдушка вздумалъ-было выѣхать изъ этого дому.

— Да, и я очень радовался, по...

— Радуйтесь, радуйтесь еще. Дѣдушка и теперь хочетъ исполнить это намѣреніе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И знаете, какою причиною дѣдушка думаетъ оправдать свой выѣздъ?

Ноартіе взглянулъ на внучку, чтобы заставить ее молчать, но Валентина не смотрѣла на дѣда: ея глаза, ея улыбка, все было обращено къ Морелю.

— О! вскричалъ Морель: какова бы ни была эта причина, я объявляю, что она прекрасна и совершенно основательна.

— Онъ утверждаетъ, что воздухъ въ предмѣстіи Сентъ-Онорэ вреденъ мнѣ!

— Чтò жъ? Въ самомъ дѣлѣ, Валентина, это правда. Я уже недѣли двѣ замѣчаю, что ваше здоровье значительно разстроивается.

— Да, нешюжко, правда. Зато дѣдушка взялся быть моимъ докторомъ, и какъ онъ хорошо знаетъ мое состояніе, то я питаю къ этому доктору самое неограниченное довѣріе.

— Такъ вы дѣйствительно больны, Валентина? спросилъ Морель съ безпокойствомъ.

— Э, Боже мой! Чтò это за болѣзнь! Я такъ, вообще, чувствую себя не совсѣмъ хорошо, и только. Я потеряла аппетитъ и мнѣ иногда кажется, что желудку моему трудно совладать съ пищей.

Ноартіе не проронилъ ни одного слова изъ того, чтò говорила Валентина.

— Чтò же, вы употребляете чтò-нибудь противъ этой болѣзни?

— Да, я каждое утро принимаю дежюкъ, который приносятъ

для дѣдушки. Я начала съ одной чайной ложки и теперь уже дошла до четырехъ. Дѣдушка говоритъ, что это удивительный эликсиръ отъ всѣхъ болѣзней.

Валентина улыбалась, но въ улыбки ея было что-то грустное, страдальческое. Максимилианъ, въ обаяніи любви, смотрѣлъ на нее молча. Она была прекрасна, но блѣдность ея какъ будто еще потуснѣла; глаза горѣли болѣе обыкновеннаго; руки, прежде бѣлыя, какъ алебастръ, походили на воскъ, который отъ времени принимаетъ желтоватый оттѣнокъ. Ноартіе тоже смотрѣлъ на нее съ пронзительнымъ вниманіемъ и отъискивалъ слѣды тайныхъ страданій, непримѣтные ни для кого, кромѣ истиннаго отца и жениха.

— Что же вы чувствуете, когда принимаете дѣдушкино лекарство? спросилъ Морель.

— О! во-первыхъ, я нахожу, что оно очень горько. Все, что я потомъ пью, отзывается тою же горечью.

Ноартіе вопросительно взглянулъ на внучку.

— Да, дѣдушка, право, такъ, отвѣчала Валентина: сейчасъ, отправляясь сюда, я пила воду съ сахаромъ и эта вода оказалась мнѣ такою горькою, что я не могла выпить больше половины стакана.

Въ глазахъ парализаго показалось безпокойство. Онъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Валентина встала, чтобы взять лемсионъ. Ноартіе съ видимымъ страхомъ слѣдовалъ за нею глазами. Въ самомъ дѣлѣ, у дѣвушки кровь приливала къ голови; щеки ея зарумянились.

— Ахъ! вскричала она, не теряя своей веселости: какъ странно!... Вдругъ точно ослѣпело! Солнце что ли ударило прямо въ глаза?

Она оперлась на столъ.

— Солнца вовсе нѣтъ! вскричалъ Морель, больше испуганный взглядомъ старика, нежели состояніемъ самой Валентины. Онъ вскопчилъ и подошелъ къ ней. Валентина улыбнулась.

— Успокойтесь, Максимилианъ, сказала она: успокойся, дѣдушка: это ничего; ужъ прошло.... но.... слышите?... карета подъѣхала.

Она выбѣжала въ корридоръ, чтобы тамъ выглянуть изъ окна на дворъ, и черезъ минуту поспѣшно воротилась.

— Да, это мадамъ Даугларъ пріѣхала, съ дочерью. Прощайте;

я побѣгу, чтобы за мной не пришли.... Вы подождете меня, Морель. Я ворочусь. Я думаю, онъ не долго пробудеть.

Морель проводилъ ее глазами и слышалъ, какъ она взошла по маленькой деревянной лѣстницѣ, которая вела въ ея комнату и въ комнаты мадамъ де-Вильфоръ.

Когда Валентина ушла, Ноартиѣ сдѣлалъ Мореликъ знакъ, чтобы онъ взялъ лексиконъ. Морель уже очень ловко владѣлъ этимъ способомъ сообщенія мыслей, однако жъ на этотъ разъ ему пришлось перебрать довольно много буквъ и словъ въ лексиконѣ, прежде нежели составила слѣдующая фраза:

«Достаньте стаканъ съ водою и графинъ изъ Валентининой комнаты.»

Морель позвонилъ слугѣ, который заступилъ мѣсто покойнаго Барроа, и передалъ приказаніе. Черезъ минуту слуга воротился. Графинъ и стаканъ были совершенно пусты. Опять обратились къ лексикону и употребили еще пять минутъ на составленіе вопроса:

— Отчего стаканъ и графинъ пусты? Валентина сказала, что она отпила только половину стакана.

— Не знаю, отвѣчалъ слуга: но горничная теперь убираетъ комнату барышни. Можеть-быть она знаетъ.

— Спроси ее, сказалъ Морель, отгадавъ мысль Ноартиѣ.

Слуга ушелъ и опять воротился.

— Барышня черезъ свою комнату прошла въ покои мадамъ де-Вильфоръ и, по пути, допила воду, которая осталась въ стаканѣ, а воду изъ графина Эдуардъ вылилъ за окно, на голову дворовой собакѣ.

Ноартиѣ взглядомъ выслалъ слугу. Безпокойство его усилилось и глаза почти не отвращались отъ двери, въ ожиданіи Валентины, которая вмѣстѣ съ своею мачихой принуждена была принимать гостей.

Въ фizioноміи баронессы Дангларъ было на этотъ разъ нѣчто важное, торжественное. Видно было, что визитъ ея имѣетъ оффиціальнѣйшій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ первыхъ привѣтствій, она тотчасъ же обратилась къ мадамъ де-Вильфоръ и сказала:

— Милая моя, я прѣѣхала увѣдомить васъ о близкомъ бракосочетаніи моей Евгеніи съ княземъ Кавальканти.

Титулъ князя такъ и упрочили за Андреемъ въ домѣ банкира.

Либеральный и популярный депутат Дангларъ находилъ, что князь звучнѣ графа.

— О! такъ позвольте мнѣ отъ всего сердца поздравить васъ, отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ: князь Кавальканти, кажется, молодой человекъ съ рѣдкими достоинствами.

— Да, сказала баронесса съ улыбкой: если признаться, по-дружески, между нами, я должна сказать вамъ, что князь еще не таковъ, какимъ я современемъ падѣюсь его видѣть. Онъ еще не совсѣмъ освободился отъ нѣкоторыхъ странностей и угловатостей, по которымъ мы, Французы, съ перваго взгляду узнаемъ нѣмецкаго или итальянскаго аристократа. Впрочемъ, это современемъ сгладится. А сердце у него предобро, умъ острый. Чтò же касается до обстоятельствъ, Дангларъ говорить, что состояніе его величественно.... это его выраженіе.

— Ктому же, прибавила Евгенія, перелистывая альбомъ: маленька очень расположена къ этому молодому человеку.

— И, само собою разумѣется, вы раздѣляете это расположеніе? замѣтила мадамъ де-Вильфоръ, шутя.

— Я? возразила Евгенія съ обыкновенною своею смѣлостью: о! нисколько! У меня нѣтъ никакого призванія носить бремя хозяйства и оковы прихотей какого бы то ни было мужа. Мое призваніе — быть артисткою и, слѣдовательно, сохранить совершенную свободу своего сердца, своей особы и своей мысли.

Евгенія произнесла эти слова съ такою твердостью, что Валентина покраснѣла. Скромная, робкая ввучка Ноартіе пкогда не могла понять мужественнаго и вовсе не женскаго характера своей свѣтской пріятельницы.

— Впрочемъ, продолжала Евгенія, если ужъ мнѣ, волей-неволей, приходится выйти замужъ, такъ я благодарю Провидѣніе, что оно избавило меня по-крайней-мѣрѣ отъ Альбера де-Морсерфа. Безъ этого я теперь носила бы имя, покрытое позоромъ.

— Да, нечего сказать, слава Богу, что избавились, прибавила баронесса: къ-счастію нашему, самъ виконтъ Альберъ былъ не очень страстенъ. Онъ все медлилъ. А графу очень хотѣлось заключить этотъ союзъ. Онъ уже и пріѣзжалъ къ Данглару съ формальнымъ предложеніемъ, но, къ-счастію, въ такое время, когда мужъ мой уже зналъ его исторію и предвидѣлъ скандалъ.

— Но развѣ стыдъ отца падаетъ на сына? робко замѣтила Валентина: мнѣ кажется, Альберъ не виноватъ въ измѣнахъ герала.

— Извините, ма сёге, возразила Евгенія: вѣконтъ требуетъ и заслуживаетъ своей доли. Кажется, что, вызвавши вчера графа Монте-Кристо на дуэль, онъ сегодня на мѣстѣ свиданія просилъ прошенія.

— Не можетъ быть! вскричала мадамъ де-Вильфоръ.

— Право, такъ, ма сёге, сказала баронесса: мнѣ сказывалъ Дебрё, который былъ при этомъ.

Валентина тоже знала правду, но ничего не сказала. Слово о свидѣтеляхъ увлекло ея мысль въ комнату дѣда, гдѣ одинъ изъ нихъ дожидался ея. Она нѣсколько минутъ проспала и не только не принимала участія въ разговорѣ, но даже не слышала, о чемъ шла рѣчь. Вдругъ рука баронессы Давгларъ, упавъ на ея руку, извлекла ее изъ задумчивости.

— Чтò прикажете, баронесса? сказала Валентина, вздрогнувъ.

— Мнѣ кажется, моя милая, вы нездоровы, сказала баронесса.

— Я? отвѣчала Валентина, проведя рукою по горящему лбу.

— Да. Посмотритесь въ зеркало: вы три или четыре раза краснѣли и блѣднѣли впродолженіи одной минуты.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты блѣдна! вскричала Евгенія.

— О! не безпокойся, Евгенія, возразила Валентина: мнѣ уже нѣсколько дней невозможно нездоровится.

Валентина воспользовалась случаемъ уйти. Впрочемъ, мадамъ де-Вильфоръ сама помогла ей.

— Въ самомъ дѣлѣ, Валентина, тебѣ, кажется, не хорошо. Ступай въ свою комнату. Баронесса и мамзель Евгенія извинятъ тебя. Выпей стаканъ воды съ сахаромъ: это успокоитъ тебя.

Валентина поцѣловала Евгенію, поклонилась баронессѣ и ушла.

— Бѣдняжка, сказала потомъ мадамъ де-Вильфоръ: я не шутя опасаюсь за нее. Мнѣ кажется, что у ней начинается какая-нибудь важная болѣзнь.

Между-тѣмъ Валентина, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, въ которомъ сама не могла дать себѣ отчету, прошла черезъ свою комнату на лѣстницу и начала спускаться. Она уже слышала голосъ Мореля, какъ-вдругъ въ глазахъ у нея помутилось, ноги подкосились и она упала съ трехъ послѣднихъ ступенекъ на полъ корридора. Морель въ то же мгновеніе выскочилъ. Быстрѣе молніи онъ схватилъ ее и посадилъ въ кресла протѣвъ дѣда. Валентина открыла глаза.

— Ахъ, какая я неловкая! сказала она съ лихорадочною то-

роилвостью: на ногахъ не умѣю держаться!.... или не примѣтила, что не дошла трехъ ступенекъ, и оступилась.

— Вы ушиблись, Валентина? вскричалъ Морель: Валентина? говорите, ради Бога!

Валентина осмотрѣлась и примѣтила ужасъ въ глазахъ Нортіе.

— Успокойся, дѣдушка, сказала она: это ничего... у меня голова немножко закружилась, вотъ и все.

— Опять голова закружилась? вскричалъ Морель: о! не пренебрегайте этимъ, умоляю васъ.

— Да, полпоте, это ничего! возразила Валентина: вѣдь я вамъ говорю, что уже все прошло. Слушайте лучше, я вамъ расскажу новость. Черезъ недѣлю будетъ свадьба Евгеніи Дангларъ съ графомъ или княземъ Кавальканти. Папенька, мадамъ де-Вильфоръ и я, уже прошены на сговоръ, который будетъ черезъ три дня, кажется....

— А когда прійдетъ паша очередь заниматься этими подробностями? О, Валентина! вы имѣете такую власть надъ дѣдушкой? Заставьте его сказать: *скоро*.

— Вы думаете, что я могу поторопить дѣдушку?

— Я думаю, что вамъ все возможно. Поторопитесь, ради Бога поторопитесь! Потому что покуда вы не моя, Валентина, мнѣ все кажется, что я совсѣмъ потеряю васъ.

— О! возразила Валентина съ судорожнымъ движеніемъ: о! право, Максимілианъ, вы ужъ слишкомъ боязливы.... А еще офицеръ, солдатъ, который, говорятъ, никогда не знавалъ страху.... Ха, ха, ха!

Она захохотала рѣзко, болѣзненно; руки ея вытянулись и заворотились; голова опрокинулась на спинку кресель. Она осталась безъ движенія. Крикъ ужасу, замкнутый въ устахъ парализаго, брызнулъ изъ глазъ. Морель бросился къ звонку и позвонилъ изъ всей силы. Горничная и камердинеръ прибѣжали. Валентина была такъ блѣдна, такъ холодна и неподвижна, что они съ перваго взгляду поняли опасность. Страхъ, который безвыходно таился въ этомъ проклятомъ домѣ, одолѣлъ ихъ. Они съ крикомъ бросились бѣжать черезъ корридоръ.

Баронесса Дангларъ и Евгенія выходили въ это время и еще могли узнать причину тревоги.

— Ну, вотъ! вскричала мадамъ де-Вильфоръ: я говорила, что она захвораетъ. Бѣдняжка!

Въ то же время послышался голосъ Вильфора, который изъ своего кабинета кричалъ :

— Что случилось?

Морель посмотрѣлъ на Ноартіе, который, казалось, возстановилъ уже свое хладнокровіе. Старикъ взглядомъ указалъ на кабинетъ, который однажды, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже служилъ Морелю: убѣжищемъ. Молодой человѣкъ едва успѣлъ схватить шляпу и скрыться, какъ вбѣжалъ Вильфоръ.

— Доктора! доктора!... Д'Авриный! вскричалъ прокуроръ, схвативъ дочь за руки: или нѣтъ.... я самъ, я самъ побѣду.

Онъ выбѣжалъ. Морель вышелъ черезъ другія двери. Имя д'Авриный поразило Мореля въ сердце страшнымъ воспоминаніемъ. Онъ припомнилъ разговоръ доктора съ прокуроромъ, въ саду, въ ту ночь, когда умерла маркиза де-Сенъ-Меранъ. Припадокъ Валентины, хотя не столь страшный и сильный, походилъ однако жъ на припадокъ, въ которомъ скончался Барроа. Въ то же время ему какъ-будто послышались слова Монте-Кристо, который за часъ назадъ говорилъ ему: — Приходите ко мнѣ, если у васъ случится какая-нибудь нужда или препятствіе: я имѣю большую силу на землѣ.

Онъ побѣжалъ къ Монте-Кристо.

Между-тѣмъ Вильфоръ, въ наемной коляскѣ, прискакалъ къ д'Авриный. Онъ позвонилъ съ такою силой, что слуга прибѣжалъ перепуганный. Вильфоръ, не говоря ни слова, бросился въ комнаты. Слуга зналъ прокурора и потому не остановилъ его, а закричалъ вслѣдъ:

— Въ кабинетъ! Въ кабинетъ пожалуйста!

Вильфоръ была уже въ кабинетъ.

— А! сказалъ докторъ: это вы?

— Да, отвѣчалъ прокуроръ, затворяя дверь за собою: да, докторъ, это я. Я въ свою очередь долженъ спросить васъ, одинъ ли вы? Докторъ! на моемъ домѣ лежитъ проклятіе!

— Какъ! возразилъ докторъ, по наружности холодно, но съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ: у васъ опять кто-нибудь захворалъ?

— Да, докторъ! отвѣчалъ Вильфоръ судорожно, запустивъ себѣ руку въ волосы: да!

Взглядъ доктора значилъ:

— Я вамъ предаказывалъ.

Потомъ уста медленно произнесли:

— Кто же умираетъ у васъ? Кто новая жертва, которая передъ Богомъ обвинитъ насъ въ слабости?

Изъ сердца Вильора вырвался болѣзненный стоиъ. Онъ подошелъ къ д'Авриньи и, схвативъ его за руки, сказалъ:

— Валентина!.... Очередь дошла до Валентины!

— Ваша дочь! вскричалъ докторъ съ ужасомъ и изумленіемъ.

— Да. Вы видите, что вы ошиблись, глухо проговорилъ прокуроръ: подите къ ней и молитесь прощенія за жестокое подозрѣніе.

— Каждый разъ, когда вы увѣдомляли меня, было уже поздно. Но всё-равно. Поѣдьте. Поспѣшимъ. Съ врагами, которые опустошаютъ вашъ домъ, времени терять нельзя.

— О! на этотъ разъ, докторъ, вы не станете упрекать меня въ слабости. На этотъ разъ я отыщу убійцу и уничтожу его.

— Попытаемся прежде спасти жертву; потомъ успѣемъ мстить, сказалъ д'Авриньи, хватаясь за шляпу. Поѣдьте.

Они сѣли въ ту же наемную коляску и прискакали къ дому прокурора въ ту самую минуту, когда Морель позвонилъ у дверей графа Монте-Кристо.

Графъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, очень озабоченный, и читалъ записку отъ Бертуччо.

— Что съ вами, Морель? спросилъ онъ съ удивленіемъ, встрѣчая молодаго человѣка.

Морель не сѣлъ, а упалъ въ кресла.

— Миѣ нужно поговорить съ вами, отвѣчалъ онъ.

— Всѣ ли здоровы въ вашемъ семействѣ? спросилъ Монте-Кристо съ искреннимъ участіемъ.

— Благодарю, графъ, благодарю.... въ моемъ семействѣ всѣ здоровы.

— Однако жъ.... что съ вами? спросилъ графъ съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Я сейчасъ вышелъ изъ другаго дому, въ которомъ поселилась смерть.

— Вы были у Морсеровъ? спросилъ графъ.

— Нѣтъ. Развѣ у Морсера кто-нибудь умеръ?

— Генералъ застрѣлился, холодно отвѣчалъ Монте-Кристо.

— О! какой ужасъ! какое несчастіе! вскричалъ Морель.

— Только не для графини и не для Альбера, возразилъ Монте-Кристо: для нихъ лучше, что опозоренный отецъ и мужъ застрѣлился. Кровь смоешь стыдъ.

— Бѣдная графиня! сказалъ Морель: мнѣ ея всего больше жаль. Она такая благородная и прекрасная женщина!

— Пожалуйте и объ Альберѣ, Максимилианѣ, потому что, повѣрите, онъ достойный сынъ графини. Но... вы хотѣли поговорить со мной? неужели я такъ счастливъ, что вы имѣете нужду во мнѣ?

— Да, вы мнѣ нужны.... то есть, я какъ помѣшанный хватаюсъ за все.... мнѣ вдругъ представилось, что вы можете помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ, въ которомъ только одинъ Богъ властенъ.

— Всѣ-равно, говорите.

— О! я, право, не знаю, долженъ ли я открыть кому-нибудь изъ людей такую тайну.... Но судьба и страшная необходимость принуждаютъ меня.... Графъ....

Морель остановился.

— Вы вѣрите, что я люблю васъ? спросилъ Монте-Кристо, вѣжко взявъ молодаго человѣка за руки.

— О! вѣрю, вѣрю! вскричалъ Морель: притомъ здѣсь (онъ указалъ на сердце), здѣсь что-то говоритъ мнѣ, что я не долженъ имѣть ничего тайнаго отъ васъ.

— Правда, Морель. Это Богъ говоритъ вашему сердцу, а сердце говоритъ вамъ. Слушайте его. Говорите.

— Напередъ.... графъ, вы позволите мнѣ послать кого-нибудь изъ вашихъ людей освѣдомиться о здоровьѣ.... въ одинъ домъ, который и вы знаете?

— Я самъ въ вашемъ распоряженіи, слѣдовательно, о слугахъ и спрашивать нечего. Хотите, чтобы я позвалъ Батиста?

— Нѣтъ, я самъ пойду скажу.

Морель вышелъ и сказалъ что-то камердинеру. Батистъ побѣжалъ.

— Ну, говорите же. Я съ нетерпѣніемъ жду, сказалъ Монте-Кристо, когда Морель воротился.

— Однажды вечеромъ, началъ говорить Морель, я былъ въ одномъ саду. Я стоялъ за кустами, гдѣ никто не подозрѣвалъ моего присутствія. Мимо меня проходили два человѣка.... позвольте мнѣ до времени умолчать объ именахъ. Они разговаривали тихо, но до меня рѣчи ихъ касались такъ близко, что я не проронилъ ни одного слова.

— Это что-то страшно начинается. Вы блѣдны, вы трепещете, Морель!

— Да, да! очень страшно, другъ мой. У хозяина того сада былъ покойникъ въ домѣ. Хозяинъ говорилъ съ докторомъ о своихъ страданіяхъ и опасеніяхъ. То былъ второй покойникъ въ его семействѣ, въ короткое время. Смерть поражала это семейство быстро и неожиданно: какъ-будто оно отмѣчено перстомъ ангела-истребителя, посланнаго гнѣвомъ Божиимъ.

— А! вскричалъ Монте-Кристо, уставивъ глаза на Мореля и повернувъ свое кресло, чтобы скрыть свое лицо въ тѣни.

— Да, продолжалъ Морель: смерть тогда уже два раза въ одинъ мѣсяць заходила въ тотъ домъ.

— И что же говорилъ докторъ?

— Онъ говорилъ.... онъ говорилъ, что эта смерть естественная, что ее должно приписать.... яду.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Монте-Кристо съ тѣмъ легкимъ кашлемъ, которымъ обыкновенно прикрывалъ или внутреннее волненіе, или краску въ лицѣ или даже вниманіе, съ которымъ слушалъ другихъ: и вы слышали эти вещи?

— Да, графъ, слышалъ. И докторъ прибавилъ, что, если нѣчто подобное случится еще разъ, онъ принужденъ будетъ требовать суда.

Монте-Кристо слушалъ, по-видимому, съ полнымъ спокойствіемъ.

— Но, продолжалъ Максимилианъ: смерть явилась въ третій разъ, а ни докторъ ни хозяинъ ничего не сказали. Теперь, смерть, можетъ-быть, явится въ четвертый разъ. Графъ, скажите, къ чему обязываетъ меня знаніе этой тайны?

— Любезный другъ, возразилъ Монте-Кристо: вы, кажется, рассказываете мнѣ тайную исторію, которую все мы давно знаемъ наизусть. Я знаю домъ, въ которомъ вы это слышали, или по-крайней-мѣрѣ я знаю подобный домъ, домъ, въ которомъ въ короткое время умерли три человѣка самымъ страннымъ, самымъ печальнымъ образомъ. Я никого не подслушивалъ, а между-тѣмъ знаю все это точно такъ же, какъ и вы. Посмотрите, мучитъ ли меня совѣсть? Нѣтъ. Это до меня не касается. Вы говорите, что ангель-истребитель, кажется, отмѣтилъ этотъ домъ гнѣвомъ Божиимъ? Почему же вы можете предполагать, что это не дѣйствительно такъ? А если это не гнѣвъ, но правосудіе Божіе нисходитъ на этотъ домъ? Вѣдь и это можетъ быть. Тогда, Максимилианъ, тогда отворотитесь и дайте дорогу Божіему правосудію.

Морель затрепеталъ. Въ тонѣ графа было вмѣстѣ что-то таинственное, торжественное и страшное.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, перемѣнивъ голосъ и тонъ до того, что можно было подумать, будто совѣтъ другой человекъ говоритъ: почему же вы полагаете, что это еще разъ повторится?

— Повторяется, графъ, повторяется! вскричалъ Морель: потому-то я и прибѣгаю къ вамъ.

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ, Морель? Хотите, чтобы я увѣдомилъ королевскаго прокурора?

Монте-Кристо произнесъ послѣднія слова такъ ясно, съ такимъ звонкимъ удареніемъ, что Морель вскопился и вскричалъ:

— Графъ! графъ! вы знаете, о комъ я говорю, неправда ли?

— Безъ-сомнѣнія, любезный другъ, и, чтобы доказать вамъ, я самъ назову имена. Вы однажды, вечеромъ, прогуливались въ саду мосье де-Вильфора. Соображаясь съ тѣмъ, что вы мнѣ сказали, я полагаю, что это было въ тотъ вечеръ, когда умерла маркиза де-Сенъ-Меранъ. Вы подслушали разговоръ прокурора съ докторомъ д'Авриньи о смерти маркиза и маркизы, о кончинахъ въ самомъ дѣлѣ очень странныхъ. Д'Авриньи говорилъ, что подозрѣваетъ отраву, и вотъ вы, честнѣйшій человекъ, вы съ той минуты шупаете свое сердце зондомъ, испытываете свою совѣсть, чтобы рѣшить, должны ли вы открыть эту тайну или молчать объ ней. Послушайте, любезный другъ: мы уже не въ среднихъ вѣкахъ: у насъ уже нѣтъ тайныхъ судилищъ ни вольныхъ судей. Какое вамъ дѣло до этого народу! «Совѣсть, что ты ко мнѣ привязалась?» какъ говоритъ Стернъ. Полноте, любезный другъ, оставьте ихъ въ покоѣ, если они покоятся; пусть ихъ блѣднѣютъ въ бессонницѣ, если у нихъ бессонница, и, ради любви Божіей, спите вы спокойно, вы, у котораго нѣтъ никакихъ угрызений совѣсти.

Морель поблѣднѣлъ и схватилъ графа за руку.

— Но это повторяется, говорю я вамъ!

— Такъ что же? возразилъ Монте-Кристо, удивленный непонятною его настойчивостью: это—семейство Атридовъ. Богъ осудилъ ихъ и они должны нести кару. Они все исчезнутъ, какъ карточные монахи, разставленные ребенкомъ, падаютъ одинъ за другимъ подъ дуповеніемъ своего творца, хотя бы ихъ было двѣ сотни. Три мѣсяца назадъ палъ маркизь де-Сенъ-Меранъ, два мѣсяца назадъ маркиза, потомъ Барроа, теперь старикъ Поартиѣ или Валентина.

— Вы знали? вскричалъ Морель съ такимъ ужасомъ, что самъ Монте-Кристо вздрогнулъ: вы знали и ничего не сказали?

— Какое же мнѣ дѣло! отвѣчалъ Монте-Кристо, пожавъ плечами: я не знаю этихъ людей и не обязанъ погубить одного, чтобы спасти другаго. И виновный и жертва мнѣ совершенно чужіе.

— Но мнѣ, мнѣ она не чужая! вскричалъ Морель съ отчаяніемъ: я люблю ее!

— Вы любите! кого? вскричалъ Монте-Кристо, вскочивъ и хватая Мореля за руки, которыя тотъ ломая простиралъ къ небу.

— Я люблю невыразимо, люблю безумно, люблю какъ человѣкъ, который готовъ отдать всю свою кровь за одну ея слезу.... Я люблю Валентину де-Вильфоръ, которую въ эту минуту убиваютъ.... Слышите ли? я люблю ее, и спрашиваю у Бога и у васъ, какимъ образомъ спасти ее!

Монте-Кристо испустилъ вопль, о которомъ только тотъ можетъ составить себѣ понятіе, кто слышалъ ревъ раненаго льва.

— Несчастный! вскричалъ онъ въ свою очередь ломая руки: несчастный! ты любишь Валентину! ты любишь дѣвушку изъ этого проклятаго племени!

Никогда Морель не видывалъ подобнаго выраженія; никогда передъ нимъ не горѣли такіе страшные глаза; никогда геній ужасовъ, котораго онъ столько разъ видѣлъ на поляхъ сраженій и въ убійственныхъ ночахъ Алжира, не приводилъ его въ такое содроганіе.

Онъ отступилъ.

Монте-Кристо, послѣ этого взрыву, закрылъ глаза, какъ-будто ослѣпленный собственною молніей. Онъ успокоивался съ такимъ могуществомъ надъ самимъ собою, что движеніе взволнованной груди видимо утихало, какъ послѣ бури замираютъ и уравниваются вспѣванныя волны океана.

Это молчаніе, эта борьба и успокоеніе продолжались около двадцати секундъ. Потомъ графъ приподнялъ блѣдный лобъ свой.

— Видите, сказалъ онъ почти совершенно ровнымъ голосомъ: видите, любезный другъ, какъ Богъ можетъ наказывать за равнодушіе людей самыхъ заносчивыхъ и самыхъ холодныхъ передъ

страшными зрѣлищами, которыя онъ даетъ намъ. Я смотрѣлъ на развитіе этой мрачной драмы какъ безстрастный и любопытный зритель; я какъ духъ тмы сѣлся надъ зломъ, которое дѣлають люди и, пританчившись, холодно слѣдилъ за извѣстнымъ путемъ ядовитой змѣи и вотъ эта змѣя меня самого уязвила въ сердце!

Морель глухо простоналъ.

— Полно! продолжать графъ, полно вздыхать. Мужайтесь, крѣпитесь и надѣйтесь, потому что я тутъ, я охраняю васъ.

Морель печально покачалъ головой.

— Я вамъ говорю, надѣйтесь! понимаете ли вы меня? вскричалъ Монте-Кристо: знайте, что я никогда не лгу, что я никогда не ошибаюсь. Теперь полдень, Максимилианъ. Благодарите Бога, что вы пришли въ полдень, а не вечеромъ сегодня и не завтра. Выслушайте же, чтò я вамъ скажу, Морель. Теперь полдень. Если Валентина еще не умерла, она не умретъ.

— О! Боже мой, Боже мой! вѣдь она уже умирала!

Монте-Кристо приложилъ руку ко лбу.

Чтò происходило въ этой головѣ, отягченной страшными тайнами? Чтò говорилъ этой неумолимой и вмѣстѣ человѣколюбивой душѣ: ангелъ свѣта или демонъ тмы? Богъ одинъ знаетъ.

Монте-Кристо опять поднималъ голову. и въ этотъ разъ онъ уже былъ спокоенъ, какъ проспавшееся дитя.

— Максимилианъ, сказалъ онъ: подите спокойно домой, не предпринимайте ничего, не дѣлайте ни шагу, не показывайте никому и тѣни заботы на вашемъ лицѣ. Вы получите извѣстія черезъ меня. Подите.

— Вы.... вы пугаете меня, графъ, вашимъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ съ смущеніемъ Морель: развѣ вы вѣстны надъ смертью? Развѣ вы больше нежели человѣкъ? Кто же вы? ангелъ или демонъ?

И молодой человѣкъ, который никогда не отступалъ ни передъ какою опасностью, съ невольнымъ ужасомъ отступилъ передъ графомъ Монте-Кристо.

Но графъ смотрѣлъ на него и улыбался такъ грустно и такъ нѣжно, что у Максимилиана навернулись слезы.

— Я много могу сдѣлать, другъ мой, отвѣчалъ графъ: подите, мнѣ нужно остаться одному.

Покоренный удивительнымъ могуществомъ Монте-Кристо, Мо-

рель не покушался уже сопротивляться, пожалъ ему руку и ушелъ. Только у воротъ онъ остановился, чтобы подождать Батиста, который появился изъ-за угла улицы Матиньонъ и побѣжалъ бѣгомъ.

Между-тѣмъ д'Авриньи осматривалъ Валентину, со всеѣмъ вниманіемъ, какого требовали обстоятельства. Валентина всё-еще была въ обморокѣ. Вильфортъ со страхомъ впился глазами въ губы доктора и ждалъ рѣшенія. Ноартіе, такой же блѣдный какъ Валентина, съ такимъ же страхомъ какъ и Вильфортъ, ждалъ, что скажетъ д'Авриньи.

— Она еще жива, шепнулъ докторъ про себя.

— Еще! вскричалъ Вильфортъ: о! докторъ! какое страшное слово вы произнесли.

— Да, отвѣчалъ д'Авриньи, я повторю это слово: она еще жива и это очень удивляетъ меня.

— Такъ она спасена? спросилъ отецъ.

— Да, потому что она жива.

Въ эту минуту взоръ д'Авриньи встрѣтился съ глазами Ноартіе. Въ нихъ сіяла такая необыкновенная радость, отражалась такая богатая, обширная мысль, что это поразило доктора.

— Мосье Вильфортъ, сказалъ онъ, потрудитесь позвать горничную.

Вильфортъ вышелъ. Когда онъ затворилъ дверь, докторъ обратился къ парализованному.

— Вы имѣете что сказать мнѣ? спросилъ онъ.

— Да, выразительно отвѣчали глаза.

— Мнѣ одному?

— Да.

— Хорошо, я поговорю съ вами.

Въ эту минуту воротился Вильфортъ съ горничною. За ними вошла мадамъ де-Вильфортъ.

— Что же такое случилось съ Валентиной? спросила прокурорша: она вышла отъ меня и жаловалась на нездоровье; однако я не полагала, что это такъ важно.

И молодая женщина, со слезами на глазахъ и со всѣми признаками любви истинной матери, подошла къ Валентинѣ и взяла ее за руку.

д'Авриньи смотрѣлъ на Ноартіе и видѣлъ, какъ глаза старика увеличивались и округлялись, какъ щеки блѣднѣли и трепетали и какъ на лбу выступилъ потъ.

— А! сказалъ онъ, невольно слѣдуя за направлеиёмъ взора Ноартіе, то есть, взглянувъ на мадамъ де-Вильфоръ, которая повторяла :

— Надобно бы ее, бѣдняжку, положить по-скорѣе въ постель.... покойнѣе будетъ. Пойдемъ, Фанни, уложимъ ее.

Д'Авриньи изъявилъ согласіе на это распоряженіе, но строго запретилъ давать больной чего бы то ни было безъ его приказанія.

Валентину подвигли, чтобы отвести. Она пришла въ чувство, но была такъ слаба, что не могла ни пошевелинуться, ни говорить, и только взглядомъ простилась съ дѣдомъ, которому казалось, что унося внучку, отрываютъ его душу.

Д'Авриньи послѣдовалъ за больной, окончилъ предписанія, велѣлъ Вильфору самому ѣхать въ аптеку за лекарствомъ и, воротившись, дожидаться его въ комнату дочери. Потомъ повторилъ горничной приказаніе ничего не давать больной, а самъ воротился къ Ноартіе и заперся съ нимъ.

— Вы знаете что-нибудь о болѣзни вашей внучки? спросилъ докторъ.

— Да, отвѣчалъ старикъ, по обыкновенію, закрывая глаза.

— Хорошо. Время дорого. Я буду спрашивать, отвѣчайте.

Ноартіе выразилъ, что готовъ отвѣчать.

— Вы предвидѣли то, что случилось сегодня съ Валентиной?

— Да.

Д'Авриньи подумалъ, потомъ подошелъ ближе.

— Вы видѣли, какъ умеръ Барроа?

Ноартіе поднялъ глаза къ небу.

— Вы знаете, отчего онъ умеръ?

— Да.

— Вы полагаете, что смерть его естественна?

— Нѣтъ.

— Такъ вамъ тогда же пришло на мысль, что Барроа отравленъ?

— Да.

— Вы думаете, что ядъ, отъ котораго онъ умеръ, былъ назначенъ ему?

— Нѣтъ.

— А теперь, вы думаете, что та же рука, которая поразила вашего слугу, поражаетъ и Валентину?

— Да.

— И она тоже погибнетъ? спросилъ д'Авриньи и, устремивъ пронизательный взоръ на старика, ждалъ дѣйствія этого вопроса.

— Нѣтъ! отвѣчали глаза парализаго съ такимъ торжествомъ, которое привело доктора въ совершенное недоумѣнiе.

— Такъ вы надѣетесь? спросилъ онъ.

— Да.

— На что же вы надѣетесь?

Ноартиѣ не могъ отвѣчать.

— Ахъ, да! правда, продолжалъ докторъ: что же, вы надѣетесь, что убійца утомится, отстанетъ?

— Нѣтъ.

— Такъ вы думаете, что ядъ не подѣйствуетъ на Валентину?

— Да.

— Вѣдь вы знаете, не правда ли? Вы понимаете, что ее хотѣли отравить?

— Да.

— Такъ какимъ же образомъ вы надѣетесь спасти ее?

Ноартиѣ уставилъ глаза въ одну сторону и не сводилъ съ мѣста. Д'Авриньи послѣдовалъ направленію и увидѣлъ, что они устремлены на бутылку съ декоктомъ.

— А!... вскричалъ докторъ, внезапно пораженный мыслью: неужели вамъ пришло въ голову....

— Да! отвѣчалъ Ноартиѣ, не давъ кончить.

— Предохранить ее противъ яду....

— Да!

— Приучая мало-по-малу....

— Да, да, да! отвѣчалъ Ноартиѣ въ восторгѣ, что его понимаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вы вѣдь слышали, что въ декоктѣ, который я вамъ даю, входитъ растительный ядъ?

— Да.

— И приучая Валентину къ этому яду постепенно, вы хотѣли охранить ее отъ подобнаго?

— Да! отвѣчалъ Ноартиѣ съ тѣмъ же восхищеніемъ.

— Ну, слава Богу! сказалъ д'Авриньи: безъ этой предосторожности, Валентина была бы убита сегодня, убита безошадно, невозвратно. Потрясеніе было сильно, однако на этотъ разъ она не умретъ.

Ноартіе возвелъ глаза къ небу съ невыразимою радостью и безпредѣльною признательностью. Тутъ вошелъ Вильфортъ.

— Вотъ лекарство, докторъ, сказалъ онъ.

— Оно при васъ приготовлено?

— При мнѣ.

— И не выходило изъ вашихъ рукъ?

— Нѣтъ.

Д'Авриньи взялъ стклянку, налилъ нѣсколько капель микстуры себѣ въ ладонь и схлебнулъ.

— Хорошо, сказалъ онъ: пойдите къ Валентинѣ. Я отдамъ нужныя приказанія людямъ, а вы, мосье Вильфортъ, смотрите, чтобы они были съ точностью выполнены.

Въ ту минуту, когда д'Авриньи съ Вильфортомъ входили въ комнату Валентины, какой-то итальянскій аббатъ, съ важною поступью, съ покойною и рѣшительною рѣчью, занималъ сосѣдній домъ.

Неизвѣстно было, вслѣдствіе какихъ сдѣлокъ три жильца этого дому черезъ два часа потомъ выѣхали, но въ кварталѣ вообще носился слухъ, будто домъ не прочно стоитъ на фундаментѣ и угрожаетъ паденіемъ. Это однако жъ не помѣшало новому жильцу поселиться въ немъ около пяти часовъ пополудни. Онъ нанялъ его на пять или на шесть лѣтъ, заплатилъ деньги за годъ впередъ и въ тотъ же вечеръ созвалъ плотниковъ и каменщиковъ, для поправки ветхаго дома.

Этого жильца звали аббатомъ Джакмо Буссо́ни.

Мы видѣли, какъ баронесса Дангларъ увѣдомила прокуроршу о наступающемъ бракосочетаніи Евгенія съ Андреа Кавальканти. Этому оффиціальному визиту однако жъ предшествовала домашняя сцена, которой мы не можемъ скрыть отъ читателей и потому просимъ воротиться на шагъ назадъ.

Въ десять часовъ утромъ того самаго дня, когда съ Валентиной случился припадокъ, баронъ Дангларъ, безпокойный, видимо озабоченный, ходилъ изъ угла въ уголъ по великолѣпной бѣлой гостиной, которою такъ гордился и которая составляла его славу въ цѣломъ кварталѣ. Онъ безпрестанно поглядывалъ на всѣ двери и прислушивался ко всякому шороху. Наконецъ, когда зашла его терпѣнія истощилась, онъ позвонилъ. Лакей явился.

— Узнай, сказалъ баронъ, длячего мадамозель Евгенія просила меня дожидаться ее въ бѣлой гостиной и длячего она заставляетъ меня дожидаться такъ долго.

Изливъ свою досаду, банкиръ немножко успокоился.

Въ самомъ дѣлѣ, мадмоазель Дангларъ, проснувшись, приказала просить у папеньки аудіенціи и назначила мѣстомъ свиданія бѣлую гостиную. Странность этого требованія и въ-особенности оффиціальныи его характеръ, не мало удивили банкира, однако жъ онъ немедленно изъявилъ свое согласіе, и первый явился въ бѣлую гостиную.

Лакей воротился изъ посольства съ полученнымъ черезъ горничную отвѣтомъ, что мадмоазель Дангларъ одѣвается и скоро будетъ. Дангларъ кивнулъ головой.

Дангларъ передъ лицомъ свѣта и даже передъ своими слугами прикидывался добрякомъ и слабымъ отцомъ: это была одна изъ сторонъ роли, которую онъ разыгрывалъ въ общественной комедіи; это была принятая его фizioномія, которая казалась ему необходимою, какъ на древнихъ театрахъ почиталось необходимымъ, чтобы правая сторона отцовской маски имѣла поднятую губу, съ улыбкой, а лѣвая опущенную, плаксивую. Надобно однако жъ замѣтить, что у Данглара, въ тѣсномъ семейномъ кругу, веселая губа всегда опускалась до уровня брюзгливой, такъ, что добрякъ совершенно уступалъ мѣсто мужу грубіяну и отцу деспоту.

— На кой чортъ эта глупая дѣвчонка назначаетъ мнѣ такое торжественное свиданіе? ворчалъ Дангларъ: и о чемъ она хочетъ говорить со мною? Отчего она не пришла ко мнѣ въ кабинетъ?

Онъ въ двадцатый разъ оборачивалъ эту безпокойную мысль въ своемъ мозгу, когда дверь отворилась и Евгенія вошла. Она была одѣта такъ парадно, какъ-будто готовилась сѣсть въ свою ложу въ италіанской оперѣ.

— Что же это значитъ, Евгенія? спросилъ отецъ: к чему это торжественное свиданіе и почему ты не пришла ко мнѣ въ кабинетъ?

— Любезный папенька, отвѣчала Евгенія, давая знакъ, чтобы онъ сѣлъ: вы предлагаете мнѣ два вопроса, въ которыхъ уже заключается весь предстоящій нашъ разговоръ. Я сейчасъ буду отвѣчать вамъ и, противъ общепринятаго порядку, сперва на второй, потому что онъ менѣе сложенъ нежели первый. Я для свиданія выбрала эту залу, затѣмъ чтобы избѣжать непріятныхъ впечатлѣній и вліянія банкирскаго кабинета. Спуровыя и счетныя книги; ящики, замкнутые какъ крѣпости; груды банковыхъ

билетовъ и векселей и кипы писемъ изъ Англїи, Голландїи, Испанїи, Индіи и Китая вообще удивительно дѣйствуютъ на душу отца и заставляютъ его забывать, что есть въ мірѣ интересы священнаго положенія въ обществѣ и мнѣнія его товарищей и корреспондентовъ. Поэтому я выбрала гостиную, гдѣ вы видите въ великолѣпныхъ рамкахъ улыбающіяся и счастливыя лица портретовъ,—вашего, маменькинаго и моего,—и всякіе пастушескіе пейзажи и умиротворяющія идилліи. Я очень полагаюсь на могущество вѣтшиныхъ впечатлѣній. Это, особенно въ отношеніи къ вамъ, можетъ-быть, ошибка, но что же дѣлать? Я не была бы артисткой, если бы не прилѣплялась къ мечтамъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Дангларъ, съ непоколебимымъ хладнокровіемъ выслушавъ эту тираду: далѣе.

— И такъ второй пунктъ объясненъ, продолжала Евгенія съ совершенно мужскою вольностью и самоувѣренностью: теперь воротимся къ первому. Вы спрашиваете, для чего я просила этого свиданія? Я отвѣчу вамъ двумя словами: я не хочу итти замужъ за Кавальканти.

Дангларъ вскочилъ.

— Боже мой, продолжала Евгенія съ неизмѣннымъ спокойствіемъ: да; я вижу, что это удивляетъ васъ, потому что, съ тѣхъ-поръ какъ этотъ проектъ обрабатывается, я не оказала ни малѣйшаго сопротивленія? Но вы знаете, что мнѣ можно было молчать, потому что я въ случаѣ нужды всегда успѣла бы открыто и рѣшительно сказать *нѣтъ*, людямъ, которые меня не спросились, и отзергнуть вещи, которыя мнѣ не нравятся. Однако жъ на этотъ разъ мое молчаніе, моя пассивность, какъ говорятъ философы, происходила изъ другаго источника. Она происходила изъ того, что я, будучи покорною и послушною дочерью... (легкая улыбка мелькнула на губахъ дѣвушки) пыталась учиться повиновенію.

— И что же? спросилъ отецъ.

— Пыталась до конца силъ моихъ, и вотъ, когда наступила рѣшительная минута, я, несмотря на все мое усиліе надъ собою, должна сказать, что я неспособна повиноваться.

— Но, наконецъ, почему же? возразилъ Дангларъ, смущенный твердостью дочери: что за причина?

— Причина! повторила дѣвушка: Боже мой! Причиною тому, конечно, не Кавальканти. Онъ не безобразнѣе и не глупѣе другихъ. Напротивъ, для тѣхъ, кто смотритъ на лицо и на станъ

мужчины, графъ Андреа Кавальканти можетъ служить даже хорошимъ образцомъ. И не въ томъ причина, что онъ сердце мое тронулъ меньше чѣмъ кто-нибудь другой: это былъ бы предлогъ пансионерки, предлогъ, который недостойнъ меня. Вамъ извѣстно, что я никого не люблю. Поэтому я не вижу, къ чему мнѣ, безъ крайней необходимости, запутать и обременить мою жизнь вѣчнымъ товарищемъ. Одиъ мудрецъ сказалъ: *Бойся лишнего*; другой прибавилъ: *Поси все свое съ собою*. Меня заставили назидать выучить эти афоризмы, по-латышъ и по-гречески. И такъ, любезный папенька, въ кораблекрушеніи жизни.... жизнь — вѣчное крушеніе нашихъ надеждъ.... я намѣрена бросить весь бесполезный багажъ въ море; я хочу жить совершенно одна и совершенно свободно.

— Несчастная! несчастная! пробормоталъ Дангляръ.

— Несчастная! повторила Евгенія: несчастная, говорите вы? Ираво, любезный папенька, это восклицаніе, мнѣ кажется, припущенное и совершенно театральное. Скажите лучше, напротивъ, счастливица. Чего мнѣ недостаетъ? Свѣтъ находитъ меня красавицей, а это не бездѣлица: это доставляетъ хорошій пріемъ въ свѣтъ, а я люблю хорошій пріемъ. Отъ хорошаго пріему лица проясняются и тогда всѣ окружающіе кажутся мнѣ менѣе гадкими. У меня есть немножко ума и столько чувства, сколько нужно, чтобы не казаться безчувственною; я богата, потому что у васъ одно изъ лучшихъ состояній во Франціи и потому что я ваша единственная дочь. Вы же не будете такъ упрямы, какъ водевильные отцы, которые лишаютъ своихъ дочерей наслѣдства за то только, что онѣ не хотятъ дать имъ впучать. Впрочемъ, предусмотрительный законъ уже отнялъ у васъ право лишить меня наслѣдства, по-крайней-мѣрѣ всего, точно такъ же, какъ отнялъ право силою выдать за кого вамъ угодно. И такъ я хороша, я умна, украшена нѣкоторыми талантами, — какъ говорятъ въ комическихъ операхъ, — и богата. Да вѣдь это счастье, любезный папенька! Почему же вы называете меня несчастною?

Дангляръ, оскорбленный дерзкою улыбкой и насмѣшливымъ тономъ дочери, хотѣлъ вскрикнуть, хотѣлъ дать волю природной своей грубости, но удержался.

— Правда, дочь моя, сказалъ онъ съ улыбкою: у тебя есть все, чѣмъ ты хвалишься, за исключеніемъ одной вещи, которой я не хочу назвать, потому что желаю лучше, чтобы ты сама догадалась.

Евгенія посмотрѣла на отца съ удивленіемъ. Она не постигала, какъ онъ могъ оспорить у нея хоть одинъ листокъ вѣнца, которымъ она такъ гордо украсила свою голову.

— Евгенія, продолжалъ банкиръ: ты превосходно объяснила мнѣ чувства и побужденія дочери, такой какъ ты, которая рѣшилась не выходить замужъ. Теперь позволь же, я тебѣ объясню чувства и побужденія отца, такого какъ я, который рѣшился выдать свою дочь замужъ.

Евгенія поклонилась, не какъ покорная дочь, которая готова слушать, но какъ противница, которая готова защищаться.

— Милая моя, продолжалъ Данглъ: когда отецъ предлагаетъ своей дочери жениха, то онъ всегда имѣетъ на то какія-нибудь причины. Одни дѣлаютъ это по смѣшной прихоти, которую ты сейчасъ назвала, то есть, желаютъ видѣть свое возрожденіе во внучатахъ. У меня этой слабости нѣтъ: я очень мало дорожу такими семейными радостями. Въ этомъ я могу признаться дочери, которая столько тверда въ философіи, что пойметъ это равнодушіе и не назоветъ его преступленіемъ.

— А! вотъ это дѣло! вскричала Евгенія: будемте говорить откровенно: это я люблю.

— Будемте, любезная дочь моя. Я предложилъ вамъ мужа не для васъ собственно, потому что, признаться, вовсе не думалъ о такъ-называемомъ счастьи вашемъ. Вы любите откровенность. Извольте. Это, кажется, откровенно. Я говорю вамъ, мнѣ нужно, чтобы вы вышли какъ-можно скорѣе замужъ, потому что отъ этого обстоятельства зависить успѣхъ нѣкоторыхъ коммерческихъ оборотовъ, которые я теперь предпринимаю.

Евгенія сдѣлала движеніе.

— Именно такъ, какъ я имѣю честь докладывать вамъ, любезная дочь моя, перебилъ Данглъ: не извольте гнѣваться, потому что вы сами принуждаете меня къ откровенности. Вы, конечно, понимаете, что я противъ воли вдаюсь въ эти арнометическія объясненія съ такою артисткою, какъ вы, которая боятся войти въ кабинетъ банкира, чтобы не воспринять... такъ кажется, говорятъ философы?... чтобы не воспринять не-пріятнаго и антипоэтическаго впечатлѣнія отъ суровыхъ книгъ и банковыхъ билетовъ... въ кабинетъ, въ который вы однако жъ удостоиваете заглянуть иногда, — какъ наприимѣръ третьяго дня, — когда получили изъ рукъ банкира тысячу франковъ, которые банкиръ ежесмысленно даетъ вамъ на булавки. Но въ этомъ каби-

нетъ у банкира, можно научиться многимъ вещамъ, которыя пригодны даже дѣвушкамъ, не желающимъ выходить замужъ. Тамъ, напримѣръ, можно узнать.... и, соображаясь съ чрезвычайно вашею чувствительностью, я, пожалуй, скажу вамъ это здѣсь, въ гостиной.... тамъ можно узнать, что кредитъ банкира составляетъ его нравственную и физическую жизнь, что кредитъ поддерживаетъ человѣка, какъ дыханіе оживляетъ тѣло. Графъ Монте-Кристо однажды говорилъ длинную рѣчь, которой я никогда не забуду. Да, тамъ, въ кабинетѣ у банкира, можно узнать, что по-иhrъ-того какъ убываетъ кредитъ, тѣло банкира становится трупомъ, и что это можетъ очень скоро случиться съ банкиромъ, который пмѣетъ честь и счастье называть своею дочерью такую философку и артистку, какъ вы, сударыня.

Но Евгенія не оробѣла, а выпрямилась.

— Разорилась! вскричала она.

— Вы нашли настоящее выраженіе, дочь моя; хорошее выраженіе, отвѣчалъ Данглэръ, ошупывая свою грудь ногтями, однако жъ стараясь сохранить на лицѣ улыбку: точно такъ, разорилась.

— О!

— Да, разорилась. И такъ, вотъ она раскрыта роковая тайна, исполненная ужасу, — какъ говорятъ трагическіе поэты. Теперь, дочь моя, выслушай меня и узнай, какимъ образомъ это несчастіе можетъ быть исправлено, не для меня, а для тебя самой.

— О! вскричала Евгенія: неужели вы полагаете, что я стану горевать объ этомъ несчастіи? Ошибаетесь, любезный панелька. Я разорена? Чтѣ жъ за бѣда? Развѣ у меня не остается мой талантъ? Развѣ я не могу, какъ Паста, какъ Малибранъ, какъ Гриси, сама добыть себѣ столько, сколько вы никогда не дадите мнѣ, при всемъ вашемъ богатствѣ? Развѣ я не могу приобрести себѣ сто или полтора ста тысячъ дохода, которымъ буду обязана себѣ одной и который достанется мнѣ не такъ, какъ какіе-нибудь двѣнадцать тысячъ въ годъ, которые вы даете мнѣ съ придачею кислыхъ гримасъ и выговоровъ за расточительность, а въ сопровожденіи восторженныхъ криковъ, рукоплесканій и цвѣтовъ. А если у меня и не будетъ этого таланта, въ которомъ вы, я вижу по вашей улыбкѣ, сомнѣваетесь, то развѣ у меня не останется страсти къ независимости, которая замѣнитъ мнѣ ваши сокровища и которая господствуетъ во мнѣ наравнѣ съ истиннымъ самосохраненіемъ. Нѣтъ; я о себѣ не тужу: я не пропаду, но

безпокойтесь. Мои книги, мои карандаши, мое фортепiano — все вещи, которыя не дорого стоятъ и всегда со мной останутся. Вы, можетъ-быть, тоже думаете, я стану горевать за маменьку? Опять ошибаетесь. Если я не ошибаюсь, маменька была такъ благоразумна, что приняла всѣ мѣры на случай катастрофы, которая угрожаетъ вамъ и которая, конечно, минуетъ ее. Она, я надѣюсь, обезпечила себя. Мое воспитаніе, разумѣется, не помѣшало ей въ этихъ занятіяхъ своимъ благосостояніемъ. И, слава Богу, не обременила ее: она предоставила меня совершенно на произволъ судьбы и гувернантокъ. Я съ самаго дѣтства видѣла вокругъ себя столько вещей, столько примѣровъ доброй нравственности, что не могла остаться неопытною, и, благодаря нѣкоторой природной проницательности, я рано поняла эти вещи, такъ, что счастье или несчастіе уже не можетъ произвести на меня впечатлѣнія болѣе чѣмъ должно. Съ-тѣхъ-поръ какъ я запомню себя, меня никто не любилъ. Тѣмъ хуже! Это, естественно, повело меня тоже не любить никого. Тѣмъ лучше! Теперь вы знаете всю мою философію.

— Стало-быть, сказалъ Дангларъ, блѣдный отъ гнѣву, который происходилъ не изъ оскорбленнаго родительскаго чувства: стало-быть вы, сударыня, непременно хотите докончить мое разореніе?

— Ваше разореніе? я? докончить ваше разореніе? что вы хотите сказать? я не понимаю.

— Тѣмъ лучше: такъ я еще могу надѣяться. Выслушай, Евгенийя.

— Я слушаю, отвѣчала она, устремивъ на него глаза такъ пристально, что Данглару стоило большаго труда выдержать этотъ взглядъ.

— Кавальканти женится на тебѣ и женившись принесетъ вамъ три милліона, которое я пушу въ оборотъ.

— Прекрасно! отвѣчала Евгения съ презрѣніемъ, продолжая натягивать перчатки.

— Ты думаешь, что я отпиму у тебя эти три милліона? Напротивъ, эти три милліона произведутъ по-крайней-мѣрѣ десять. Я съ однимъ товарищемъ, также банкиромъ, составляю компанію желѣзной дороги, единственную промышленность, которая въ наши дни представляетъ возможность быстрого и вѣрнаго обогащенія. Владѣніе одною милліонною долей рельса, значитъ то же, что нѣкогда значило владѣніе одною квадратною саженью

земли по берегамъ Огіо и Миссисиппи. На будущей недѣлѣ я долженъ внести за свой пай четыре милліона. Эти четыре милліона, я тебѣ говорю, должны произвести по-крайней-мѣрѣ десять или двѣнадцать....

— Но третьяго дня, возразила Евгенія: во время посѣщенія, о которомъ вы вспоминали, вы, кажется, приняли, — такъ, кажется, говоритъ кассиръ, — приняли пять съ половиною милліона. Вы еще показывали мнѣ эту сумму въ видѣ двухъ билетовъ государственнаго банка и еще удивлялись, что такая дорогая бумага не ослѣпляетъ меня подобно молніи.

— Да, но эти пять съ половиною милліоновъ не мои: они только доказываютъ довѣріе, которымъ я пользуюсь. Эти пять съ половиною милліоновъ принадлежатъ госпиталю. Во всякое другое время я не усомнился бы употребить ихъ; но теперь, когда всѣ знаютъ о большихъ потеряхъ, которыя я потерпѣлъ въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ, теперь, какъ я тебѣ сказалъ, кредитъ мой начинаетъ падать. Правленіе больницы можетъ всякую минуту потребовать свой капиталъ обратно. Если же я употреблю его на другое, то принужденъ буду объявить себя несостоятельнымъ. Хорошо еще, если бы я этимъ могъ обогатиться, но.... напротивъ, въ-конецъ разоришься. Поэтому нужно, чтобы ты вышла за Кавальканти, чтобы я получилъ его три милліона или по-крайней-мѣрѣ, пусть думаютъ, что я получалъ ихъ. Это опять утвердить и поддержать мой кредитъ и мое состояніе, которыя втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ точно валятся въ пропасть, вырытую подъ моими ногами какимъ-то роковымъ, непостижимымъ стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Понимаешь ты меня теперь?

— Совершенно. Вы отдаете меня подъ залогъ за три милліона.

— Чѣмъ больше сумма, тѣмъ лестнѣе для тебя. Это подаетъ тебѣ понятіе о твоей цѣнности.

— Покорно благодарю. Одно слово еще. Вы обѣщаете мнѣ пользоваться сколько вамъ угодно, цифрою этого придаваго, которое долженъ принести Кавальканти, но не трогать суммы? Это — дѣло не зговзма, а дѣло деликатности. Я готова служить къ возстановленію вашего состоянія, но не хочу быть вашею сообщницей въ разореніи другихъ.

— Но, вскричалъ Дангляръ, я вѣдь тебѣ говорю, что съ этими тремя милліонами....

— А можете вы оборотиться, не трогая этихъ трехъ миліоновъ?

— Я надѣюсь, но всё-таки тогда только, когда этотъ бракъ упрочитъ мой кредитъ.

— Можете вы выдать снѣору Кавальканти пять сотъ тысячъ франковъ, которые назначаете мнѣ въ приданое?

— Могу. Онъ получитъ ихъ какъ-скоро подпишетъ свадебный договоръ.

— Хорошо.

— Какъ, хорошо? Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что требуя моей подписи на контрактъ, вы оставляете свободу моего лица неприкосновенною?

— Совершенно.

— Такъ я повторяю, *хорошо*. Я готова выйти замужъ за Кавальканти.

— Такъ ты готова сдѣлать нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ, которые совершенно необходимы?

— Готова.

— И черезъ три дня подписать контрактъ?

— Хоть теперь.

— Ну, такъ и я говорю: хорошо!

И Дангларъ взялъ дочь за руку. Но при этомъ рукопожатіи ни отецъ не смѣлъ сказать дочери: Благодарю, дитя мое, ни дочь не нашла улыбки для своего отца.

— Совѣщаніе кончено? спросила Евгенія, вставая.

Дангларъ кивнулъ головою, въ знакъ, что ничего больше не имѣетъ сказать. Черезъ пять минутъ потомъ рояль зазвучалъ, подъ пальчиками мадамозель д'Армилій и мадамозель Дангларъ, проклятіе Брабанціо Десдемонѣ. Потомъ вошелъ лакей и доложилъ, что карета готова и что баронесса ждетъ, чтобы ѣхать съ визитами.... Онѣ поѣхали къ прокуроршѣ де-Вильфоръ.

Черезъ три дня послѣ этой сцены, въ тотъ самый день, когда назначено было подписаніе брачнаго договора у Дангларовъ, Андреа Кавальканти пріѣхалъ къ Монте-Кристо и увидѣлъ, что тотъ бирается ѣхать со двора. Экипажъ уже стоялъ у крыльца. Это однако жъ не остановило Андреа Кавальканти: его ничто не останавливало. Онъ, какъ свой человѣкъ, взбѣжалъ на лѣстницу и очутился въ гостиной въ ту самую минуту, когда Монте-Кристо брался за шляпу.

— Здравствуйте, любезнѣйшій графъ! сказалъ онъ самиліарно.

— А! синьоръ Андреа! отвѣчалъ Монте-Кристо съ полунасмѣшливой улыбкой: какъ поживаете?

— Превосходно, какъ видите. Я пріѣхалъ поговорить съ вами о тысячѣ вещей. Но прежде всего скажите, вы пріѣхали или уѣзжаете со двора?

— Я хотѣлъ ѣхать.

— Такъ, чтобы не задерживать васъ, я сяду съ вами, въ вашу коляску, если позволите, а Томъ поѣдетъ съ моимъ кабріолетомъ за нами слѣдомъ.

— Нѣтъ, сказалъ Монте-Кристо съ едва примѣтною презрительною улыбкой,—ему вовсе не хотѣлъ сидѣть въ одномъ экипажѣ съ княземъ Кавальканти: нѣтъ, я могу поговорить съ вами здѣсь, синьоръ Андреа. Въ комнатѣ гораздо лучше толковать: по-крайней-мѣрѣ нѣтъ кучера, который перехватываетъ слова налету.

Графъ сѣлъ, скрестилъ ноги и указалъ гостю стулъ. Андреа принялъ самое восхищенное выраженіе.

— Вы знаете, любезный графъ, что сегодня у насъ сговоръ? сказалъ онъ: въ девять часовъ у тестя подпишемъ контрактъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ! развѣ вы не слышали? Развѣ баронъ Дангларъ не увѣдомилъ васъ?

— Да, я вчера получилъ приглашеніе, но не помню, былъ ли назначенъ часъ.

— Можетъ-быть.... можетъ-быть, баронъ разсчитывалъ на то, что это обстоятельство по важности своей и безъ того всѣмъ извѣстно.

— Конечно. Ну, вотъ вы и счастливы, синьоръ Кавальканти! Вы составляете прекрасную партію. Ктому же, мадамозель Дангларъ красавица.

— О, да! скромно отвѣчалъ Кавальканти.

— Но, главное, она очень богата: по-крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

— Очень богата? вы думаете? повторилъ молодой человекъ.

— Безъ-сомнѣнія. Говорятъ, Дангларъ скрываетъ по-крайней-мѣрѣ половину своего состоянія.

— О!...А онъ признается уже въ пятнадцати или двадцати милліонахъ, сказалъ Андреа, съ блестящими отъ радости глазами.

— Не считая того, прибавилъ Монте-Кристо, что онъ теперь

еще пускается въ предпріятіе, которое доставляетъ несомнѣнные барыши.

— Да, да, онъ получилъ позволеніе составить компанію для построенія новой желѣзной дороги.

— Именно. Въ этомъ предпріятіи онъ выиграетъ по-крайней-мѣрѣ миллионъвъ десять.

— Десять миллионъвъ! Неужели? Да это великолѣпно! вскричалъ Кавальканти, упиваясь металлическимъ звукомъ золотистыхъ словъ.

— И все это состояніе современемъ достанется вамъ, потому что мадмоазель Данглартъ единственная дочь у банкира. Сверхъ-того ваше собственное имѣніе, какъ говорилъ мнѣ вашъ батюшка, почти равняется имѣнію вашей невѣсты. Вы ловко вели это дѣло, москѣ Андреа!

— Да, недурно, недурно! отвѣчалъ молодой человѣкъ: я рожденъ дипломатомъ.

— Чтò жъ? можно въ самомъ дѣлѣ пустить васъ по дипломатической части. Дипломатіи, вы знаете, не учатся: это вещь инстинктивная.... Такъ вы завоевали сердце прекрасной Евгеніи?

— Право, не знаю.... боюсь, отвѣчалъ Андреа тономъ, который подмѣтилъ въ отвѣтъ Доранта или Валеріа Альцестъ, на театрѣ.

— Васъ немножко любить?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Андреа съ улыбкой побѣдителя: выходить за меня, стало-быть.... Но не должно забывать важнѣйшихъ обстоятельствъ.

— Какихъ?

— Во всемъ этомъ мнѣ удивительно помогали....

— Обстоятельства?

— Нѣтъ, вы.

— Я? Полноте, князь! возразилъ Монте-Кристо съ особеннымъ удареніемъ на титулѣ: чтò я могъ сдѣлать для васъ? Развѣ вашего имени, вашего положенія въ обществѣ, вашего богатства не довольно?

— Нѣтъ, нѣтъ; чтò ни говорите, графъ, а я утверждаю, что вы больше сдѣлали нежели мое имя, мое положеніе въ обществѣ и мое богатство.

— Вы ошибаетесь, холодно сказалъ Монте-Кристо, который почувствовалъ коварную ловкость молодого человѣка и понялъ смыслъ его словъ: мое воровство досталось вамъ тогда уже, когда сдѣлаюсь извѣстнымъ вліяніе и богатство вашего отца.

Кто доставилъ мнѣ счастье познакомиться съ вами, когда я прежде никогда не видывалъ ни васъ, ни почтеннаго вашего батюшку? Вы знаете, что это были мои друзья, лордъ Вильморъ и аббатъ Буссонн. Чтò побудило меня, не ручаться за васъ, а покровительствовать вамъ? Конечно, только имя вашего отца, имя столь известное и почтенное въ Италіи. Лично я вовсе не знаю васъ.

Это хладнокровіе, это совершенное спокойствіе доказали Андреа, что его покуда еще держала рука по-тверже и по-мускулистѣе его рукѣи и что эти тиски не легко сломать.

— Такъ мой отецъ въ самомъ дѣлѣ очень богатъ, графъ? спросилъ онъ.

— Кажется.

— А вы знаете, скоро ли онъ пришлетъ то чтò обѣщалъ мнѣ по случаю свадьбы?

— Я уже получалъ объ этомъ извѣщеніе отъ вашего отца.

— Три милліона?

— Да, три милліона. Они, вѣроятно, теперь въ дорогѣ.

— И я дѣйствительно получу ихъ?

— Кажется, до-сихъ-поръ у васъ не было недостатка въ деньгахъ?

Андреа такъ изумился, что не могъ не задуматься на минуту.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ потомъ, мнѣ остается обратиться къ вамъ еще съ одною просьбой и эту просьбу вы, конечно, поймете, хотя бы она была вамъ неприятна.

— Говорите.

— Я, благодаря моему состоянію, свелъ знакомство со многими знатными людьми и теперь у меня толпа друзей. Но когда человѣкъ женится, какъ я теперь, передъ лицомъ всего парижскаго общества, то нужно, чтобы его поддержало какое-нибудь знатное имя. За неимѣніемъ руки отцовской, надобно, чтобы рука сильная повела меня къ вѣнцу. Отецъ мой вѣдь не придетъ въ Парижъ, неправда ли?

— Онъ старъ, весь въ ранахъ и, какъ говорятъ, ужасно страдаетъ всякій разъ, когда приходится ѣхать въ дорогу.

— Я понимаю, и потому хочу попросить васъ....

— О чемъ?

— Замѣнить его.

— О! любезнѣйшій мосье Андреа! какъ! послѣ такого продолжительнаго знакомства со мною вы еще такъ мало знаете меня, что дѣлаете мнѣ подобное предложеніе! Попросите у меня по-

лумиліона въ долгъ и, хотя такое одолженіе довольно важно, однако жъ, честное слово! оно менѣе обременитъ меня. Я, кажется, ужъ говорилъ вамъ, и не-разъ, что въ нравственномъ отношеніи, особенно въ дѣлахъ, подобныхъ вашему, графъ Монте-Кристо никогда не могъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ и, признаюсь, даже суевѣрій чловѣка совершенно восточнаго. У меня одинъ сераль въ Смирнѣ, другой въ Канрѣ, третій въ Константинополѣ, и чтобы я былъ посаженнымъ отцомъ на европейской свадьбѣ!

— Такъ вы отказываете мнѣ?

— На-отрѣзъ, хотя бы вы были мой сынъ или братъ.

— О! вскричалъ Андреа съ огорченіемъ: но какъ же быть?

— У васъ сотни друзей, вы сами сказали.

— Правда, но вы познакомили меня съ Дангларами.

— О, нѣтъ! Разберемъ дѣло по истинѣ, какъ было: вы обѣдали у меня въ Отѣлѣ, и баронъ Дангларъ обѣдалъ. Вы съ нимъ познакомились и онъ самъ пригласилъ васъ къ себѣ. Что же я тутъ сдѣлалъ?

— Правда; но вы мнѣ помогли въ сватовствѣ.

— Это какимъ образомъ? Помните ли вы что я вамъ сказалъ, когда вы просили меня сдѣлать Данглару предложеніе? О! я никогда не беру за сватовство, любезный князь: это у меня непоколебимое правило.

Андреа закусылъ губы.

— Но, наконецъ, вы будете по-крайней-мѣрѣ сегодня?

— Весь Парижъ будетъ?

— О, конечно!

— Ну, такъ и я буду тамъ, гдѣ весь Парижъ.

— Вы подпишетесь свидѣтелемъ на контрактъ?

— Пожалуй. Это не касается до моихъ предубѣжденій.

— Ну, если ужъ вы не хотите сдѣлать для меня больше, такъ я и этимъ долженъ довольствоваться. Но еще слово, графъ. Дайте мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ? Берегитесь, совѣтъ хуже услуги.

— О! этотъ совѣтъ вы можете мнѣ дать безъ всякаго затрудненія.

— Говорите.

— Приданое моей невѣсты составляетъ пятьсотъ тысячъ ливровъ....

— Да, такъ говорилъ мнѣ Дангларъ.

— Взять ихъ или оставить въ рукахъ нотаріуса?

— Вообще, отвѣчалъ Монте-Кристо, вотъ какъ эти дѣла дѣлаются, когда люди хотятъ поступить деликатно. Оба нотаріуса, жениховъ и невѣстинъ, назначутъ себѣ свиданіе на другой или на третій день по подписаніи контракта; сойдутся, обмѣняются придаными, взаимно дадутъ другъ другу росписки въ полученіи и потомъ, по совершеніи бракосочетанія, отдадутъ милліоны въ ваше распоряженіе.

— Кажется, сказалъ Андреа съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: мой будущій тесть намѣренъ пустить наши капиталы въ оборотъ въ этомъ предпріятіи, о которомъ вы сейчасъ упоминали?

— Такъ что же? Это вѣдь значитъ, что ваши капиталы утратятся въ одинъ годъ, какъ онъ увѣряетъ.

— Хорошо, сказалъ Андреа опять весело: все идетъ хорошо, кромѣ вашего отказа, который чрезвычайно огорчаетъ меня.

— Что же дѣлать! Припишите его моимъ предубѣжденіямъ, очень натуральнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Ну, пусть будетъ по-вашему. Такъ до вечера... въ девять часовъ?

— До свиданія.

И несмотря на сопротивленіе Монте-Кристо, у котораго губы немножко поблѣднѣли подъ улыбкой, Андреа съ живостью схватилъ, пожалъ ему руку, вскочилъ въ фаэтонъ и исчезъ.

Въ половинѣ девятаго, большая зала у Данглара, примыкающая къ этой залѣ галерея и три гостинныя были наполнены раздуженною толпой, которую привлекала пышность и которая сама составляла пышность банкира. Участіе и привязанности тутъ, разумѣется, было немного. Одни пріѣхали затѣмъ, что тамъ будутъ другіе, другіе затѣмъ, что будутъ всѣ, а всѣ бывали у Данглара, потому что онъ признавался, что имѣетъ около пятнадцати или двадцати милліоновъ.

Само собою разумѣется, что свѣтъ потоками обливалъ шелковыя обои, золото и дорогую мебель.

Евгенія была одѣта съ изящною простотой: бѣлое шелковое платье и одна бѣлая роза, полускрытая въ черныхъ какъ смоль волосахъ, составляли весь нарядъ ея. Ни одного алмаза, ни одной дорогѣй вещицы. Только въ глазахъ можно было прочесть увѣренность, которой назначено было выручить то, что этотъ скромный нарядъ могъ имѣть слишкомъ обыкновеннаго дѣвчяго.

Въ двадцати шагахъ отъ нея, мадамъ Дангларъ разговаривала съ Десбрё, Бошаномъ и Шато-Рено. Въ другой сторонѣ Дангларъ, окруженный нѣсколькими депутатами и капиталистами, объяснялъ свою теорію новыхъ налоговъ, которую думалъ предложить, когда правительство принуждено будетъ сдѣлать его импестромъ. Кавалькантти, взявшись подъ-руку съ однимъ изъ самыхъ модныхъ денди, съ дерзостью объяснялъ ему предположенія свои насчетъ будущаго образа жизни и успѣха роскоши, которую опъ своимъ доходами намѣренъ былъ порядочно подвинуть въ слѣдующую зиму.

Толпы двигались по заламъ какъ приливъ и отливъ бирюзы, яхонтовъ, изумрудовъ, опаловъ и алмазовъ. Старыя, какъ и вездѣ, были всѣхъ наряднѣе; безобразныя, какъ и всегда, всѣхъ безсовѣстнѣе выставлялись на-показъ. Если и случалась кое-гдѣ бѣлая, нѣжная лилія и благоухающая роза, то ее надобно было отыскивать спрятанную позади какой-нибудь маменьки въ турбанъ или тѣтушки съ райскою птичкой.

Посреди этого говору, шуму и смѣху, лакей каждую минуту металъ въ залу какое-нибудь имя, извѣстное въ финансахъ, уважаемое въ арміи или знаменитое въ литературѣ. И каждое имя производило движеніе сообразно своему вѣсу. Но, конечно, не многіе пользовались преимуществомъ производить волненіе въ водахъ этого океана: гораздо большому числу доставался на долю пріемъ холоднаго равнодушія или презрительной гримасы.

Когда стрѣлка столовыхъ часовъ въ подножій спящаго Эдмюна указала на золотой доскѣ девятую цифру и звонкій серебряный колоколъ, вѣрный воспроизводитель механической мысли, прозвучалъ девять разъ, лакей произнесъ имя графа Монте-Кристо и вся толпа, какъ-будто пробужденная электрическимъ огнемъ, обратилась къ двери.

Графъ былъ одѣтъ съ обыкновенною своею простотой. Бѣлый жилетъ подъ чернымъ фракомъ обрисовывалъ широкую, благородную грудь, черный галстухъ казался необыкновенно свѣжимъ, такъ опъ отличалъ отъ мужественной блѣдности лица; жилетная цѣпочка была такъ тонка, что золотая нитка едва мерцала на бѣломъ пикѣ.

На-мигнуту около двери образовался кружокъ. Графъ съ одного взгляду примѣтилъ мадамъ Дангларъ въ одномъ углу залы, Данглара въ другомъ и Евгенію прямо противъ себя. Опъ подошелъ сначала къ баронессѣ, которая разговаривала съ прокурор-

шей; оттуда къ Евгени, которой сказалъ такое короткое и умеренное привѣтствіе, что гордая артистка изумилась. Подлѣ нея стояла мадамъазель д'Армильи. Она благодарила графа за рекомендательныя письма въ Италію, которыя онъ ей далъ и которыми она намѣревалась немедленно воспользоваться. Потомъ онъ обернулся и пожалъ руку подошедшему Данглару.

Исполнивъ эти три общественныя обязанности, Монте-Кристо остановился медленно и окинувъ залу взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Я сдѣлалъ свое. Теперь пусть другіе дѣлаютъ, что обязаны, въ отношеніи ко мнѣ.»

Кавальканти былъ въ сосѣдней комнатѣ, однако жъ почувствовалъ движеніе, произведенное графомъ, и поспѣшилъ привѣтствовать его. Онъ нашёлъ Монте-Кристо уже совершенно окруженнаго. Толпа на-подхватъ ловила его слова, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, которые говорятъ мало и никогда не скажутъ пустаго слова.

Тутъ вошли нотаріусы и разложили бумаги на бархатной, шитою золотомъ скатерти, которою былъ покрытъ назначенный для этого столъ. Стали читать контрактъ. Нѣкоторые обступили, другіе, болѣе равнодушныя къ краснорѣчивому слогу, остались всторонѣ. Одни слушали, другіе тихонько дѣлали примѣчанія на лихорадочную подвижность снѣбора Кавальканти, на вниманіе банкира, на хладнокровіе Евгени и на веселую небрежность, съ какою баронесса обращалась съ этимъ важнымъ дѣломъ.

Капитальныя статьи контракта прочитали при глубокой тишинѣ. Но едва чтеніе кончилось, шумъ и говоръ снова поднялся вдвое противъ прежняго. Блестящія суммы, милліоны, катившіяся въ будущность молодыхъ людей и дополнявшіе пышную выставку невѣстныхъ свадебныхъ нарядовъ и брилліантовъ въ особо отведенной комнатѣ, могущественно прозвучали въ ушахъ завистливой толпы. Прелести мадамъазель Дангларъ стали вдвое выше въ глазахъ молодыхъ людей и, въ ту минуту по-крайней-мѣрѣ, совершенно помрачили солнце.

Что касается до женщины, то онъ, разумѣется, завидовали банкирской дочкѣ въ милліонахъ, однако не считали эти милліоны необходимыми, для того чтобъ быть очаровательными.

Андреа, окруженный друзьями, поздравляемый, нянчимый, начиналъ вѣрять въ дѣйствительность своей мечты и чуть-чуть не потерялъ голову.

Нотариус торжественно поднялъ перо выше головы и сказалъ:
— Господа! не угодно ли приступить къ подписанію?

Дангларъ подошелъ и подписалъ. За нимъ подписалъ нотариусъ Кавальканти-отца. Потомъ подошла баронесса объ-руку съ прокуроршею.

— Вообрази, другъ мой! сказала она мужу, взявъ перо: какое несчастіе? Какое-то неожиданное происшествіе по дѣлу объ убійствѣ и покражѣ, которыхъ графъ Монте-Кристо чуть не сдѣлался жертвою, лишаетъ насъ удовольствія видѣть мосьё де-Вильфора!

— Ахъ, Боже мой! сказалъ Дангларъ такимъ же тономъ, какимъ сказалъ бы: — Право, это меня несколько не беспокоитъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Монте-Кристо: и представьте себя! вѣдь я невольная причина этого отсутствія.

— Какъ! вы, графъ? возразила баронесса подписывая: если такъ, берегитесь! Этого я вамъ никогда не прощу.

Кавальканти слушалъ обими ушами.

— Впрочемъ, я не виноватъ. Это я готовъ доказать.

Все притихли и стали слушать, потому что Монте-Кристо собирался говорить.

— «Вы помните, сказалъ онъ, что у меня въ домѣ и умеръ несчастный, который пришелъ съ тѣмъ, чтобы обокрасть меня, и который, какъ надобно полагать, убить своимъ же сообщникомъ».

— Помню, сказалъ Дангларъ.

— «Чтобы подать ему помощь, его раздѣли и бросили платье въ уголъ, гдѣ правосудіе подняло его потомъ и сохранило какъ уликъ. Но дѣло въ томъ, что верхнее и исподнее платье взяли, а жилетъ забыли».

Андреа видимо поблѣднѣлъ и осторожно пробрался поближе къ двери.

— «Этотъ несчастный жилетъ сегодня нашелся, продолжалъ Монте-Кристо: онъ весь въ крови и проколотъ около сердца.»

Дамы вскрикнули и двѣ или три приготовились унасть въ обморокъ.

— «Мнѣ принесли его. Никто не могъ догадаться, откуда явилась эта тряпка. Я одинъ вспомнилъ, что этотъ жилетъ, вѣроятно, принадлежалъ убитому вору. Вдругъ мой лакей, осторожно и съ отвращеніемъ ощупывая эту страшную находку, нашелъ въ

карманѣ записку. Записка была адресована... къ кому бы вы думали? Къ вамъ, баронъ».

— Ко мнѣ? вскричалъ Дангляръ.

— «Да, къ вамъ. Я прочиталъ ваше имя сквозь кровь, которою была запятнана бумага;» отвѣчалъ Монте-Кристо среди восклицаній всеобщаго изумленія.

— Но, возразила мадамъ Дангляръ, съ безпокойствомъ глядя на мужа: какимъ же образомъ это мѣшаетъ мосье де-Вильфору....

— «Очень просто, баронесса, отвѣчалъ Монте-Кристо: этотъ жилетъ и эта записка—что называется, уличительныя доказательства. Я и послалъ ихъ къ королевскому прокурору.. Вы понимаете, любезный баронъ, это путь законный—путь самый вѣрный въ уголовныхъ дѣлахъ. Это былъ, можетъ-быть, какой-нибудь замыселъ противъ васъ».

Андреа пристально посмотрѣлъ на Монте-Кристо и ушелъ въ приемную.

— Можетъ-быть, сказалъ банкиръ: этотъ человекъ былъ, говорятъ, бѣглый каторжникъ.

— «Да, отвѣчалъ Монте-Кристо: бѣглый каторжникъ, по имени Кадрусь.»

Дангляръ слегка поблѣднѣлъ. Андреа вышелъ изъ приемной въ переднюю.

— Но подписывайте же, подписывайте, сказалъ Монте-Кристо: я, кажется, моимъ рассказомъ, не во-время всѣхъ взволновалъ. Простите, баронесса; извините, мадамозель Дангляръ.

Баронесса подписала и отдала перо нотаріусу.

— Князь Кавальканти, сказалъ нотаріусъ, чтобы напомнить, кому очередь.

— Князь! князь! Гдѣ же вы? кликнулъ Дангляръ.

— Андреа! Андреа! повторяли нѣкоторые молодые люди, уже стоявшіе съ благороднымъ Италіянцемъ на совершенно короткой ногѣ.

— Гдѣ же князь? Позовите его, сказалъ Дангляръ лакею.

Но въ ту же минуту толпа гостей съ ужасомъ хлынула въ главную залу, какъ-будто чудовище какое-нибудь подступало, пожирая встрѣчныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ было отчего испугаться.

Жандармскій офицеръ ставилъ у двери каждой залы по два жандарма, съ приказаніемъ никого не выпускать и потомъ пошелъ

къ Данглару. Передъ нимъ шелъ полицейскій комиссаръ, опоясанный бѣлымъ шарфомъ, знакомъ своего достоинства.

Мадамъ Дангларъ вскрикнула и упала въ обморокъ.

Дангларъ.... нѣкоторыя совѣсти никогда не бываютъ спокойны.... Дангларъ полагалъ, что полиція до него добирается, и представилъ своимъ гостямъ зрѣлище лица, — совершенно искаженнаго ужасомъ.

— Что такое? что случилось, господинъ комиссаръ? спросилъ Монте-Кристо.

Комиссаръ не отвѣчалъ на вопросъ, а спросилъ:

— Кто изъ васъ, господа, называется Андреа Кавальканти?

Крикъ изумленія раздался во всѣхъ углахъ залы.

Стали искать, спрашивать.

— Но кто жъ этотъ Андреа Кавальканти? спросилъ Дангларъ, почти обезумѣвъ.

— Каторжникъ, бѣжавшій изъ Тулона, отвѣчалъ комиссаръ.

— Что жъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ обвиненъ въ убійствѣ нѣкоего Кадруса, бывшаго своего галернаго товарища, при выходѣ изъ дому графа Монте-Кристо. Монте-Кристо окинулъ залу взглядомъ.

Кавальканти давно уже не было.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

НОГА И РУКА ЧЕЛОВѢКА.

=

Въ статьѣ о *Лафатеръ и Галль* * мы видѣли, что фیزیономическая система перваго основана исключительно на безотчетной наблюдательности, а краниоскопія втораго составлена изъ точнаго наблюденія наружныхъ формъ головы талантливыхъ людей, и изъ идей о значеніи мозга и его частей, идей вѣрныхъ вообще, но совершенно ложныхъ въ частныхъ примѣненіяхъ. Однимъ словомъ, мы убѣдились, что ни одна изъ этихъ двухъ наукъ не дастъ намъ вѣрнаго средства узнавать изъ наружности человѣка о его внутреннемъ значеніи. Послѣ этого насъ, конечно, спросить, неужели огромные успѣхи, сдѣланные съ временъ Галля въ наукѣ естествопознанія, нисколько не прояснили этотъ важный предметъ? Безъ-сомнѣнія, много сдѣлано важныхъ открытій, многое объяснено, но такой легкой, механической науки, отъ которой въ восторгѣ былъ Галль и его современники, и въ которую рады вѣрвать современные намъ аматёры, этакой науки, говорю, еще не придумано, и едва-ли когда-нибудь будетъ она на свѣтѣ. Галлю, съ ничтожными средствами, которыя тогда представляла наука, легко было мечтать о томъ, что онъ нашелъ на мозгѣ и черепѣ бугорки, въ которыхъ сидятъ всѣ нравствен-

* Библиотека для Чтенія, 1845 года, № 10.

ныя и умственные способности человѣка; точно такъ, какъ въ младенчествѣ химинъ, алхимики воображали, что можно дѣлать золото, серебро и алмазы. Было же время, когда на рынкахъ и всѣхъ сборищахъ народа продавались папскія индульгенціи, и папы были увѣрены, что эти бумажки въ самомъ дѣлѣ дѣйствительны, что предъавителю ихъ непремѣнно, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разспросовъ, отпущаютъ грѣхи; да и народъ, въ простотѣ сердца своего, былъ радъ такому легкому средству на-вѣрное застраховать свое блаженство въ будущей жизни. Таковъ былъ ходъ развитія ума человѣческаго.

Въ наше время, для того чтобъ быть въ состояніи судить о человѣкѣ по его наружности, требуется непремѣнно методическое изученіе цѣлаго организма его, потому что всѣ его органы дѣйствуютъ вмѣстѣ, и только этимъ совокупнымъ, согласнымъ дѣйствіемъ проявляютъ всю природу человѣка.

Касательно понятія о значеніи человѣка были философы двухъ сортовъ: одни становили и духовную и тѣлесную сторону человѣка въ одинъ разрядъ со всѣми животными; для нихъ человѣкъ былъ не что иное, какъ особая форма между прочими звѣрями; отъ него до другихъ составляли переходъ, точный и постепенный, обезьяны. Ламаркъ, натуралистъ впрочемъ точный и дѣльный, даже полагалъ, что люди произошли отъ обезьянъ, по закону постепеннаго перерожденія. По его понятію, не всѣ тѣ животныя, которыя теперь населяютъ землю, существовали съ самаго начала, но первоначально созданы были немногіе, такъ-сказать первообразы, отъ постепеннаго перерожденія которыхъ произошли всѣ другіе и самый человѣкъ. Вотъ какъ это было. Обезьяны живутъ на деревьяхъ и къ этому принаровлена вся ихъ организація; чтобъ имъ можно было держаться на вѣтвяхъ, какъ птицамъ, у нихъ на заднихъ лапахъ большой палецъ отдѣльный, да и прочіе пальцы длинные, а ступня похожа на кисть руки. Представьте себѣ, говоритъ Ламаркъ, что въ какой-нибудь странѣ, населенной обезьянами, истребились лѣса; бѣдные звѣри не знали сначала что дѣлать: нельзя прыгать съ вѣтки на вѣтку; нельзя ловить птицъ, отыскивать ихъ янца, срывать кокосы; но голодъ не шутка; обезьяны сначала съ большимъ трудомъ добрались до ближняго мѣста, гдѣ росли овощи; потомъ мало-помалу попривыкли къ хожденію, для нихъ дотошъ неслыханному, стараясь приспособлять для этого свои заднія лапы, похожія на руки. Эта привычка дошла наконецъ дотого, что если бы пустить ихъ въ лѣсъ, то имъ снова надо было бы учиться лазить, потому что

нѣхъ заднія лапы *сдѣлались* похожими на ноги. У этихъ обезьянъ родились дѣтеныши съ задними лапами, еще болѣе похожими на ноги, и болѣе способными для ходьбы. У третьяго поколѣнія еще болѣе, такъ что, наконецъ, вышли животныя съ задними ногами и передними руками; однимъ словомъ, явились — люди.

Ламаркъ превосходно распознавалъ и описывалъ животныхъ; но тамъ, гдѣ онъ начиналъ строить теоріи безъ положительныхъ данныхъ, и увлекался, какъ и со всѣми бываетъ, разочарованнымъ направленіемъ своего времени, тамъ и люди происходили отъ обезьянъ, и не одинъ онъ такъ думалъ; и теперь еще найдутся умники-неучи, которые, собственно, ничего не знаютъ, но тѣмъ болѣе стараются выказать свой умъ рѣзкими, какъ-бы небыдаемыми сужденіями о сущности человѣка, о ничтожествѣ его и о прочихъ неосязаемыхъ, неуловимыхъ предметахъ.

Другаго роду философы высокаго мнѣнія о духовной сторонѣ человѣка, и ни во что не ставятъ тѣло его; у нихъ также обезьяны составляютъ переходъ отъ организма человѣка до строенія прочихъ скотовъ. Это положеніе едва-ли не самое общее и до нашего времени; оно льститъ въ нѣкоторой мѣрѣ самолюбію человѣка, и не утруждаетъ философа изученіемъ организма. Онъ презираетъ въ ученіяхъ своихъ физическую жизнь, несколько не забывая однако жъ «благъ міра сего». Впрочемъ, и большая часть натуралистовъ не находили ничего особеннаго въ строеніи человѣка; даже и самъ знаменитый Бюффонъ говорилъ, что человѣка отличаетъ только умъ, но что даже мозгъ его нельзя распознать отъ мозга обезьянъ. Кто читаетъ старыя книги, не зная новыхъ, можетъ прійти въ восторгъ отъ этой замѣтки Бюффона и пустится въ дальнѣйшія умствованія, не вѣдая, что въ то же время всякой студентъ-натуралистъ скажетъ въ двухъ словахъ разность формъ мозга человѣка и обезьянъ.

Совершенно другаго роду выводы даетъ намъ наука естествопознанія въ теперешнемъ ея состояніи: не говоря уже о психической сторонѣ человѣка, которой ничего нѣтъ подобнаго на землѣ. Организмъ человѣка устроенъ такъ, что между нимъ и животными пропасть неизмѣримая, разстояніе ни чѣмъ невыполнимое; есть только одинъ человѣкъ и скоты, и эти послѣдніе начинаются обезьянами.

Сходство между человѣкомъ и животными заключается только въ томъ, что для нихъ тѣла одинъ и тотъ же общій матеріалъ, и тѣ же общія формы. При этомъ мы должны замѣтить, что какъ во всей природѣ, такъ и въ природѣ животныхъ въ-особенно-

сти, общихъ, главныхъ формъ очень не много; напримѣръ, всѣ животныя построены не болѣе какъ по четыремъ главнымъ образцамъ, которые натуралисты называли *позвоночными*, *членистыми*, *слизнями* и *лучистыми*. Все видимое разнообразіе есть не что иное, какъ измѣненія главныхъ формъ, измѣненія по-видимому часто ничтожныя, но ведущія за собою важныя слѣдствія для значенія организмовъ. Цѣль этихъ измѣненій въ отношеніи къ животнымъ состоитъ въ томъ, чтобъ каждое изъ нихъ сдѣлать способнымъ къ одному какому-либо чрезвычайно ограниченному кругу дѣйствій; отчего онѣ представляютъ существа въ высшей степени ограниченные, близорукіе, постигающіе немногіе предметы, съ которыми они находятся въ соотношеніи только съ одной какой-либо стороны, а потому очень неполно и неясно. Поэтому-то животныя и не имѣютъ никакого яснаго понятія и о самихъ себѣ.

Для человѣка, напротивъ-того, та же общая форма животныхъ *позвоночныхъ млекопитающихъ* такъ измѣнена, что вышло существо, не носящее на себѣ отпечатковъ односторонности и ограниченности; существо, поставленное посредствомъ своихъ органовъ въ разнообразнѣйшія соотношенія со всѣмъ окружающимъ его міромъ, постигающее всестороннимъ образомъ всѣ предметы, и въслѣдствіе этого, получающее ясное понятіе и о самомъ себѣ. Таково величіе человѣка даже и со стороны тѣлесной его организаціи.

Теперь понятно, отчего прежніе натуралисты не находили разности между человѣкомъ и животными. Частности строенія нашего тѣла, теперь извѣстныя, для нихъ были недоступны; они видѣли только общія формы, а эти послѣднія, какъ мы сказали, малочисленны и общи для человѣка и для многихъ животныхъ. При слабомъ свѣтѣ утреннихъ сумерекъ, уравниваются чрезвычайно разнообразныя формы, всѣ предметы сливаются въ цѣлыя группы, и трудно бываетъ отличить человѣка отъ дерева.

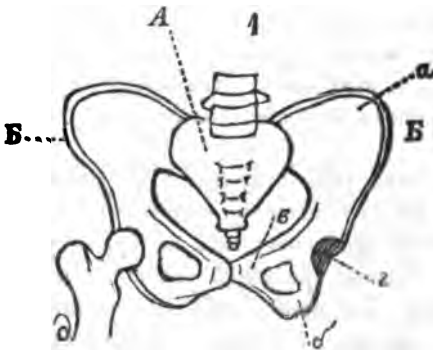
Все это необходимо должно было сказать, для того, чтобы развернуть передъ читателемъ настоящій путь изученія человѣка, и въ этомъ-то смыслѣ разберемъ, для перваго разу, ногу и руку, какъ органы простѣйшіе въ тѣлѣ нашемъ, и потому болѣе удобныя для того, чтобъ ими начать изученіе наружнаго человѣка. Для большей ясности мы будемъ сравнивать эти органы съ строеніемъ ихъ у другихъ животныхъ, и по преимуществу у млекопитающихъ, то есть, у собственно такъ-называемыхъ звѣрей; потому что всѣ прочіе, начиная съ птицъ, пресмыкающихся и

НОГА И РУКА ЧЕЛОВѢКА.

рыбъ, слишкомъ далеки отъ человѣка, и такъ очевидно спеціальны и ограниченны, что всякому, безъ дальнѣйшаго разбору и поясненія, очень понятны.

Н О Г А.

Ноги и руки, или какъ натуралисты ихъ называютъ общимъ терминомъ, заднія и переднія конечности, есть только у первыхъ трехъ классовъ позвоночныхъ животныхъ, то есть, у млекопитающихъ, птицъ и амфибій, и вездѣ между ихъ формою и дѣйствіемъ есть большая или меньшая разность, то есть, переднія устроены такъ, что въ различной степени могутъ служить для схватыванія постороннихъ предметовъ, а заднія для двиганія всего тѣла впередъ; но ни у одного изъ звѣрей не выражена эта разность совершенно и рѣшительно; у нихъ и переднія помогаютъ заднимъ, во время хожденія, и на нихъ также покоится часть тяжести тѣла; только у человѣка ноги исключительно поддерживаютъ всю тяжесть тѣла и служатъ для поступательнаго движенія. Это выражается формою таза, въ которомъ укрѣпляются ноги: у животныхъ онъ такъ узокъ, что обѣ ноги дотого сближены между собою, что если поставить любое животное дыбомъ, на заднія ноги, то большая часть туловища была бы въ плоскости, заключенной между ступнями ихъ ногъ, и животное

не-необходимости должно бы было упасть. У человѣка, напротивъ-того, тазъ (фиг. 1) обширный и поставленъ почти перпендикулярно

къ хребту. На его широкой крестцовой кости (А), плотно ущемленной въ видѣ широкаго клина между двумя безъмянными костями таза (Б, Б) безопасно покоится весь хребетъ, а съ нимъ и прочія части скелета. Въ полости таза, образуемой этими тремя костями, запрятана часть брюшныхъ внутренностей, а эти поддерживаютъ тѣ, которыя лежатъ сверху. Такимъ образомъ всѣ части тѣла находятъ въ тазѣ достаточную опору. Поэтому одинъ только человѣкъ можетъ сидѣть, давая при этомъ разнообразныя положенія своему тѣлу, необходимыя для разнообразныхъ дѣйствій его рукъ, головы, и туловища. Звѣри не могутъ присѣсть для спокойнаго размышленія, не могутъ, сидя, прямо держать голову и туловище для внимательнаго выслушиванія; тѣло сидящей ученой обезьяны безпрестанно падаетъ на переднія лапы, и она, проведя разъ смычкомъ по скрипкѣ, десять разъ упрется имъ объ землю, такъ что хозяинъ-ея принужденъ безпрестанно поднимать ее палочными ударами, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ обезьянъ стараго свѣта, то есть, изъ Африки и Азии, сѣдалищныя части безъмянныхъ костей очень толсты, и расширены, подложены упругимъ хрящомъ и снаружи прикрыты толстою какъ подошва, и голою кожею. Это устройство имъ необходимо для того, чтобъ присѣдать на вѣткѣ, въ то время когда они держатся за нее задними лапами.

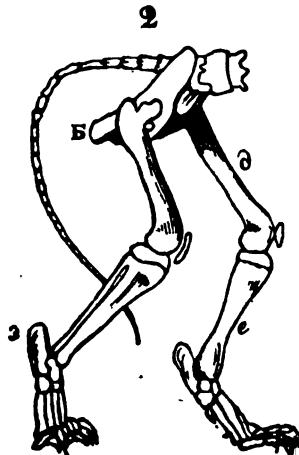
Снаружи костей прикрѣпляются мускулы (по-просту мясо), которые движутъ ими какъ рычагами, и чѣмъ болѣе обширную плоскость прикрѣпленія представляютъ эти рычаги, тѣмъ болѣе бываютъ ихъ мускулы. Такимъ образомъ на весьма широкія безъмянныя кости человѣческаго таза, налегаютъ въ такой же мѣрѣ толстыя и сильныя мускулы, движущіе бедренную кость, а вмѣстѣ съ нею и всю ногу. Эти мускулы, увеличивая собою объемъ таза, дѣлаютъ его еще болѣе способнымъ къ сидячему положенію.

Въ женскомъ полѣ тазъ находится въ тѣсной связи съ половыми органами; въ его полости начинается первое развитіе дитяти, черезъ него проходитъ онъ во время рожденія, и проходитъ такъ что, большіе размѣры головы, плечъ и таза, попеременно становятся въ наибольшіе поперечники полостей таза, чтобъ удобнѣе пройти. Случайная несоответственность этихъ поперечниковъ таза съ размѣрами дитяти, влечетъ за собою трудныя роды или рѣшительную невозможность ихъ. Такимъ образомъ, большой, обширный тазъ, покрытый снаружи большими упругими мышцами, составляетъ неотъемлемую, необходимую

принадлежность женщины; безъ него она не можетъ быть матерью, она не вполнѣ женщина. Вотъ почему большой тазъ составляетъ красоту женскаго организма. Въ предисловіи мы видѣли, что человѣкъ, одинъ между всѣми животными ясно понимаетъ самого себя, всѣ свои принадлежности, все то что составляетъ естественную красоту его; поэтому ему одному свойственно стараніе возвышать эту красоту по-возможности, сообразно со степенью своего умственнаго развитія, и съ особенностью организациі каждого лица. Вотъ источникъ разнообразія одеждъ, ихъ безпрестанной измѣнчивости, модъ, необходимыхъ въ обществѣ высоко развитомъ, точно такъ какъ необходимы пища и питье. Вотъ причина, почему, во всѣ времена, женщины не забываютъ устроить свою одежду такъ, чтобы она не скрывала, но еще болѣе возвышала естественныя округлости таза. Сила природы, естественности, жизни вѣчно юной и гибкой неодолима, она не обращаетъ вниманіе на крики близорукихъ стариковъ, и книжныхъ правоучителей сухошавой мудрости, открыто ненавидящихъ моды, а въ-тихомолку улыбающихся красотѣ.

Съ каждой стороны таза, тамъ гдѣ сталкиваются между собою, въ молодомъ возрастѣ еще не сросшіяся части безъимянной кости, и именно: *подвздошная* (а), *спѣдалищная* (б) и *лобковая* (в), находится по одной глубокой впадинѣ (г); въ эти впадины вставляется шарообразная верхняя головка бедренной кости (д), и такъ какъ впадины стоятъ почти на срединѣ горизонталь-

ной длины безымянныхъ костей, поэтому тазъ и все члѣно легко удерживаются въ равновѣсїи на бедренныхъ костяхъ, какъ на подпоркахъ. У всѣхъ четвероногихъ животныхъ бедро стоитъ подъ угломъ къ направленію ихъ хребта и ихъ таза, вытянутаго также вдоль хребта. Такое положеніе необходимо было для того, чтобъ облегчить дѣйствіе ихъ слабыхъ тазовыхъ мускуловъ, которые должны попеременно то притягивать ногу къ переднему, то забрасывать ее къ заднему концу хребта, а ихъ мускулы слабы въ сравненїи съ нашими, потому что тазъ ихъ несравненно уже нашего. Чтобъ яснѣе понять это, представимъ себѣ, что бревно однимъ концомъ подвижно прикрѣплено посрединѣ какой-нибудь стѣны, и что намъ надобно, для известной цѣли, двигать это бревно, то къ одному, то къ другому концу стѣны. Для этого мы привязываемъ двѣ веревки какъ-можно ближе къ свободному концу бревна, и тянемъ попеременно то ту, то другую, то къ одной, то къ другой сторонѣ стѣны, замѣчая при этомъ, что намъ тѣмъ легче тянуть, чѣмъ острѣе уголъ, составляемый бревномъ и тою стороною стѣны, къ которой мы тянемъ.

Изъ этой необходимости направленія бедра подъ угломъ къ хребту, выходитъ еще другая особенность этой кости у звѣрей, а именно та, что бедро у нихъ такъ коротко, что спрятано подъ кожей и его не видно. Если бъ оно было длиннѣе, то заднія ноги (потому что бедра откинута къ переду туловища) были бы до того двинуты впередъ, что вся задняя половина туловища осталась бы безъ подпоры.

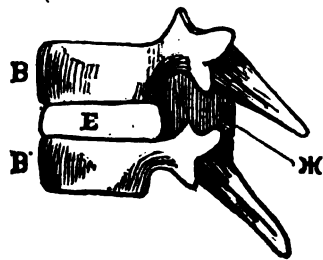
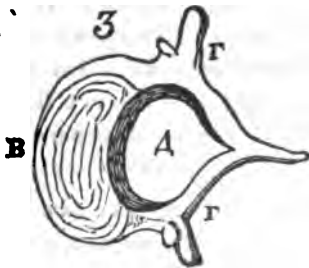
На широкомъ тазу человѣка лежатъ въ такой степени огромныя и сильныя мускулы, что они удобно и легко въ состоянїи двигать бедромъ, находящимся въ одномъ и томъ же отвѣсномъ направленїи съ хребтомъ; а чтобъ еще болѣе облегчить мускуламъ ихъ работу, рычагъ, ими движимый, берцовая кость, удлинена такъ, какъ ни у одного изъ четвероногихъ. Съ этою длиною бедра соединено еще одно важное удобство: верхнія головки этихъ двухъ костей, широкимъ тазомъ далеко раздвинуты одна отъ другой, и оттого, что бедра длинны, голени, (состоящія изъ большой (е) и малой берцовой кости (ж) и вмѣстѣ съ ними ступни, также значительно отдалены одна отъ другой, а этимъ самымъ плоскость, занимаемая ступнями на землѣ, такъ велика, что надъ нею помѣщается и покоится безопасно, тяжесть всего отвѣсно стоящаго тѣла.

Замѣтить, что между четвероногими животными есть и такія, у которыхъ заднія ноги лежатъ въ одномъ направленіи съ хребтомъ, и именно у морскихъ, у тюленей и моржей, для которыхъ такое особенное устройство необходимо было длятого, чтобъ удобнѣе отталкиваться задними ногами въ водѣ въ то время какъ передними они дѣйствуютъ какъ короткими веслами. Это движеніе, въ-особенности въ водѣ, очень легко, не требуетъ большой силы мускуловъ; поэтому ихъ тазъ узокъ, и бедренная кость коротка, даже уже и короче чѣмъ у сухопутныхъ звѣрей.

Изъ того, что мы сказали о тазѣ и бедренной кости, кажется яснѣе дня видно, что отвѣсное хожденіе на двухъ ногахъ, свойственно одному только человѣку; но было время, когда люди, сбросивъ свои пренія вѣрованія, и не имѣя еще новыхъ по недостатку опытности и по несовершенству наукъ, придумывали теоріи, для насъ теперь смѣшныя, тщеславились тѣмъ, что будто бы постигли ничтожество человѣка, и съ самодовольствіемъ становили его въ рядъ съ животными. Тогда писались цѣлыя диссертациі о томъ, что человѣку свойственно, вмѣстѣ со скотами, хожденіе на-четверенькахъ; такъ начинаютъ ходить дѣти, говорили они, и остались бы навсегда въ такомъ положеніи, если бы взрослые съ большимъ трудомъ, и изъ одного тщеславія отличиться отъ звѣрей, не приучали ихъ ходить на ногахъ, вопреки природѣ. Въ подтвержденіе этихъ разумныхъ рѣчей приводили исторіи о какихъ-то одичалыхъ, брошенныхъ съ дѣтства въ лѣсу, и ходившихъ на-четверенькахъ. Опирались даже на реліціи путешественниковъ, которые въ глубокихъ долинахъ Луниныхъ Горъ Африки будто бы видѣли цѣлый народъ дикихъ Каверлаковъ, съ бѣлыми волосами и красными глазами, прыгавшихъ не иначе какъ на-четверенькахъ. Не станемъ разбирать всѣхъ этихъ хитросплетеній: онѣ только-что забавны; рассмотримъ однако жъ дитя въ первые два года его жизни, длятого, чтобъ увѣриться, что оно никогда не ходитъ на-четверенькахъ.

Мышцы, выпрямляющія весь хребетъ нашъ, лежатъ вдоль его, на задней сторонѣ: одни на шейныхъ позвонкахъ, другіе на спинныхъ, на поясничныхъ и на крестцовой кости. У новорожденного младенца всѣ эти мускулы еще очень тонки и слабы, впоследствии постепенно развиваются и крѣпнутъ, и только тогда въ состояніи поднимать голову, выпрямлять шею, спину и, наконецъ, поясицу. Къ этому значительно способствуютъ, еще такъ-называемыя желтыя связки, развивающіяся съ возрастомъ и въ такой же постепенности.

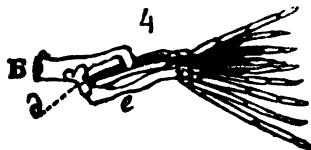
Чтобъ понять положеніе и дѣйствіе ихъ, надобно познакомиться съ позвонками. Каждый позвонокъ (фиг. 3) состоитъ изъ тѣла (В) и

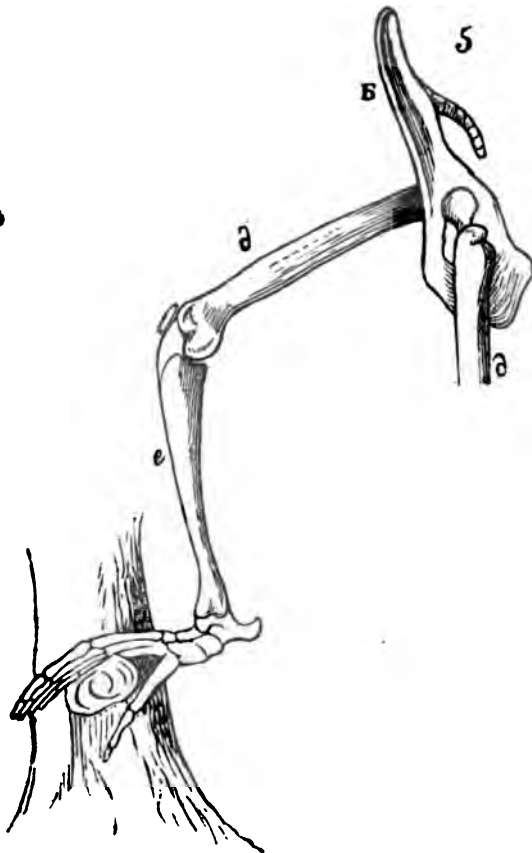
дуги (Г, Г.). Тѣло обращено впередъ и лежитъ на тѣлѣ сосѣднихъ двухъ позвонковъ такъ, что между ними всегда есть особая связка, въ видѣ плоскаго упругаго кружка, на которомъ каждый позвонокъ, какъ-будто бы на упругой подушкѣ, можетъ наклоняться во всѣ стороны; только между черепомъ и первымъ шейнымъ позвонкомъ, и между первымъ и вторымъ, нѣтъ такого кружка, поэтому-то, голова скользитъ по первому позвонку впередъ и назадъ, а вмѣстѣ съ первымъ движется вкругъ надъ вторымъ позвонкомъ. Дуга позвонка замыкаетъ собою кольцеобразную полость (А), а полости всѣхъ позвонковъ составляютъ, совокупностью своею, цилиндрическую трубку, въ которой лежитъ *хребтовой мозгъ*, въ общепитіи называемый *становою жилою*. — Отъ дуги одного позвонка, до дугъ сосѣднихъ, натянуты *связки желтаго цвѣта* (Ж); онѣ выполняютъ весь промежутокъ двухъ сосѣднихъ дугъ, и закрываютъ въ этихъ промежуткахъ хребтовый каналъ. Связки эти упруги, и потому растягиваются когда позвонки наклоняются впередъ, и снова стягиваются, когда позвонки приходятъ въ прежнее положеніе, и этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ значительно помогаютъ мускуламъ держать голову, шею, спину и поясницу, въ прямомъ положеніи. Желтыя связки развиваются и крѣпнутъ, постепенно отъ шеи къ тазу; то есть, сначала развиваются онѣ между шейными позвонками, потомъ, между спинными и позже всѣхъ между поясничными. Теперь понятно, почему новорожденное дитя первая недѣля лежитъ спокойно, потомъ приподымаетъ голову и шею, за этимъ спину, и, наконецъ, можетъ держать прямо на поясницѣ все туловище, можетъ выпрямить поясницу, однимъ словомъ, можетъ одно се-

дѣтъ. Мускулы тазовые у него еще слабы, и того слабые мускулы, движущіе голенью и ступнею, поэтому ребенокъ не можетъ, съ силою гнуть и выпрямлять ноги, не можетъ подняться на нихъ; а потому сидя перебираетъ ногами и скользитъ впередъ, или иногда приподымается слабо на колѣняхъ, и цѣпляется за разные предметы. Однимъ словомъ, собственно на-четверенькахъ, то есть опираясь на ладони и ступни, какъ ходятъ звѣри, дитя въ это время не можетъ ходить; для этого потребовалась бы очень значительная сила мускуловъ рукъ и ногъ, какій у нихъ еще нѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что мальчики тогда только начинаютъ играть въ звѣрей и показывать какъ ходятъ медвѣди и волки, когда уже очень крѣпки на ногахъ и хорошо бѣгаютъ, да и тогда не выдерживаютъ долго этихъ представлений, противныхъ натуральному направленію ногъ, и потому очень утомительныхъ.

У всѣхъ звѣрей, ступня сочленяется съ большою и малою берцовою костями, такъ, что *пяточная кость* (3) выставляется назадъ, а вся остальная часть, ступни, впереди; отъ этого выходитъ рычагъ, называемый въ механикѣ *рычагомъ перваго рода*, то есть, такой, у котораго точка сопротивленія будетъ на одномъ концѣ, у пальцевъ; сила мускуловъ, составляющихъ у насъ такъ называемыя *икры*, дѣйствуетъ на другой его конецъ, на пятку, къ которой прикрѣпляется общій всѣхъ этихъ мускуловъ *тяжъ Ахиллесовъ*; наконецъ между этими двумя точками, въ сочлененіи, лежитъ точка опоры. Такой рычагъ дѣйствуетъ тѣмъ съ болѣею силою, чѣмъ длиннѣе его заднее плечо-пятка, и тѣмъ скорѣе чѣмъ длиннѣе передній конецъ, между тѣмъ, какъ въ то же самое время, для мускуловъ икръ тѣмъ легче тянуть къ верху пятку, чѣмъ она косвеннѣе стоитъ къ голени, или, другими словами, чѣмъ острѣе уголъ, составляемый пяткою и голенью. Сочлеуясь съ этими главными законами, у каждаго животнаго, смотря по надобности, длина передняго и задняго конца ступни бываетъ очень различная, и пятка, а вмѣстѣ съ нею и вся ступня, стоитъ или подъ прямымъ угломъ къ голени, или косвенно, или составляетъ съ нею почти одну прямую линію. Отъ

этого способъ хожденія каждаго животнаго дѣлается болѣе или менѣе спеціальнымъ, ограниченнымъ. У тюленей и моржей вся ступня лежитъ въ прямой линіи съ голенью, и его пятка очень коротка, потому что для этихъ животныхъ достаточно очень небольшая сила, чтобы отталкивать ступнями воду и управлять ими во время своего плаванія какъ рулемъ. У

обезьянъ вся ступня въ одномъ направленіи съ голенью, большой палецъ на ней отдѣльный, отброшенный назадъ, и про-

чѣ пальцы длинны какъ на переднихъ нѣ лапахъ, средній всѣхъ длиннѣе, прочіе убываютъ къ наружи. Этии ступнями, совершенно особаго роду, онѣ превосходно обхватываютъ древесныя вѣтви и крѣпко держатся на нихъ, но по землѣ ходятъ съ необычайнымъ трудомъ; направленіе ступни и отдѣльный большой палецъ, не позволяютъ твердо на нихъ опираться. Обезьяна безпрестанно озирается кругомъ, не найдетъ ли чего, чтобъ зацѣпиться и вскарабкаться наверхъ. У всѣхъ прыгуновъ, каковы зайцы, тушканчики, кенгурѣ, нятка и передній конецъ ступни, очень длинны; кенгурѣ съ такою силою бьетъ переднимъ концомъ своей ступни объ землю, что съ необыкновенною легкостью перепрыгиваетъ черезъ кусты въ двѣ сажени вышиною.

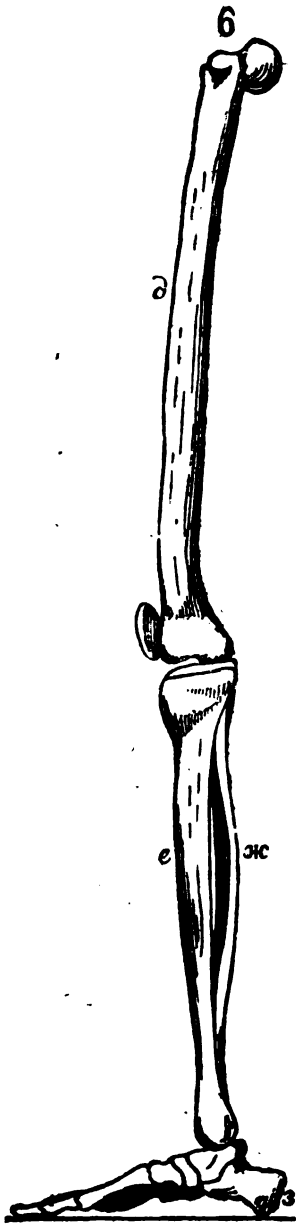
Прыткіе бѣгуны бываютъ и между животными въ высшей степени хищными, и между беззащитными травоядными; для первыхъ быстрота необходима для того, чтобъ догонять свою добычу, для вторыхъ чтобъ избѣгать преслѣдованія; для тѣхъ и другихъ некогда терять времени: бѣгъ ихъ долженъ быть непрерывный, быстрый и легкій; поэтому-то ихъ пятка коротка и почти прилегаетъ къ голени; передній конецъ ступни длинный и въ прямомъ направленіи съ голенью, чтобъ не ступать всюю дивною ступнею, а только концами пальцевъ. Гіены, кошки, рыси, тигры, львы, бѣгаютъ легко, плавно и быстро, на кощахъ пальцевъ своихъ, и ногти ихъ, чтобъ не иступиться, заворачиваются наверхъ. Лошади представляютъ бѣгуновъ, свойственныхъ степямъ, съ гладкою и крѣпкою каменистою почвою, и согласно съ этою мѣстностью, гдѣ имъ надобно пробѣгать безъ-устали огромныя пространства, ихъ ноги ступаютъ послѣднимъ суставомъ только одного пальца и этотъ суставецъ защищенъ отъ ударовъ объ камни, сильнымъ и широкимъ ногтемъ, — копытомъ. Медвѣди, питающіеся и мясомъ и растеніями, ходятъ гораздо медленнѣе и неуклюже, потому что опираются о землю всюю длиною и широкою ступнею своею, на которой даже могутъ приподыматься нѣсколько на дыбы. Звѣри собачьяго роду, каковы собаки, волки, лисицы, хищнѣе медвѣдей, но менѣе кровожадны чѣмъ кошечьи породы; по быстротѣ бѣга онѣ занимаютъ средину между ними, и это зависитъ отъ того, что онѣ ступаютъ на всѣ суставцы пальцевъ, а не на концы ихъ, и не на всю ступню.

Вотъ спеціальности, ограниченности устройства ступни животныхъ. Вслѣдствіе ихъ, однѣ могутъ только плавать, другія

защиты по деревьямъ, либо прятать по землѣ; одѣя, быстро и безшуму, ловко преслѣдуютъ свою добычу по всѣмъ извилинамъ дѣсу и кустарниковъ, другія какъ вихрь мчатся отъ опасности по неизмѣримымъ степямъ Средней Азіи.

Совершенно иное представляетъ намъ ступня человѣка. Она сочленена съ голенью подъ прямымъ угломъ, отчего мы ходимъ на всей ступнѣ, и по этому насъ слѣдовало бы причислить къ животнымъ плюсно-ходящимъ, и сравнить походку нашу съ медвѣжьею; но если обратимъ вниманіе на особенность нашей ступни, только-что намъ однимъ свойственной, то легко убѣдимся, что мы вовсе не плюсно-ходящіе. Эта особенность состоитъ въ томъ, что задній конецъ нашей пятки оттянуть внизъ въ видѣ подставки, какъ-бы каблука, и вся передняя часть ступни выгнута дугою, такъ что вся ступня касается земли только пяткою и пальцами, какъ дуга моста касается двухъ береговъ рѣки, между-тѣмъ какъ ступни медвѣдей совершенно плоскія, и онѣ касаются земли всею поверхностью. Дуга нашей ступни чрезвычайно упруга, въ особенности же передній конецъ ея, пальцы, а эти послѣдніе расположены такъ, что внутренней длиннѣе, сильнѣе и упруже прочихъ четырехъ, уменьшающихся постепенно до короткаго и слабаго мизинца. Приподымая пятку, человѣкъ плавно выпрямляетъ дугу своей ступни, и упирается сначала на слабѣйшіе наружные, потомъ на болѣе сильные средніе, и наконецъ на самый сильный и упругій большой палецъ. Отъ этого поступъ его въ высокой степени легка, плавна и вѣрна, и приравливается ко всѣмъ возможнымъ поверхностямъ; на гладкомъ паркетѣ плавно, и едва замѣтно приподымается пятка и потомъ пальцы, начиная съ мизинца, до большого; на улицѣ, устланной неровнымъ, острымъ булыжникомъ, мы переносимъ передній конецъ своей ступни съ одного камня на другой, и пальцы упругостью своею отражаютъ остроту камней. Становя объ ноги всё въ одномъ направленіи, мы можемъ идти по направленію совершенно прямому и измѣняя направленіе попеременно то той, то другой ступни, съ такою же легкостью пройдемъ по самымъ извилистымъ тропинкамъ. Разнообразная степень упругости различныхъ частей нашей ступни даетъ намъ средство распознавать твердость, мягкость, жесткость, хрупкость и ломкость той поверхности, на которой мы движемся.

Пяточная кость и передній конецъ ступни челоуѣка средней, почти малой длины, и при всемъ томъ онъ можетъ превосходно прыгать. Чрезвычайно сильныя мускулы (икры) могутъ быстро и сильно поднять пятку, для того чтобъ передній конецъ ступни съ такою же силою опустился, и ударивъ въ землю, бросилъ все тѣло впередъ. Сила этого прыжка увеличивается еще и тѣмъ, что хребетъ нашъ въ спокойномъ состояніи согнутъ въ видѣ латинской буквы S, и когда мы приготовляемся къ прыжку, то изгибы эти становятся еще круче, и потомъ быстро выпрямляются одновременно съ ударомъ передняго конца ступни.

Разнообразіе движеній челоуѣческой ноги увеличивается сверхъ-того особенностями формъ у различныхъ половъ и національностей. Такимъ образомъ, къ характеру женскаго организма принадлежитъ между прочимъ и то, что ноги его короче чѣмъ у мужчинъ; поэтому и ступня также короче, и уже, и верхняя, выпуклая часть дуги ея также гораздо выше. Эта выпуклость въ дѣтскомъ возрастѣ незначительна, едва замѣтна, и развивается постепенно, начиная съ отроческаго возраста и вполнѣ достигаетъ своей формы въ юношескомъ. Голенъ въ такомъ же отношеніи короче, отчего икры женской ноги круглѣе и полнѣе. Такія формы составляютъ естественную принадлежность женщины въ цвѣтъ лѣтъ; онѣ придаютъ всѣмъ движеніямъ ея характеръ быстроты, торопливости, измѣнчивости и гибкости,

и вотъ естественная причина, почему маленькая, круглая ножка, и полныя, упругія икры почитаются красотою у женщины;

вотъ почему намъ не нравится женщина съ огромною ногою и тощими икрами; насъ ужасаетъ уже одна мысль, что у этой ноги такая же серьезная и сильная поступь какъ у мужчины, и что въ порывѣ гнѣва и негодованія она такъ сильно и повелительно можетъ топнуть, что мужъ на минуту усомнится въ ея женской натурѣ. Китайцы правы, что любятъ маленькія ножки, но очень некстати запираютъ еще дѣтскія ножки въ тѣсные башмачки; онѣ не растутъ въ длину, зато чудовищно, въ видѣ какого-то пня, поднимаются къ верху.

По походкѣ отличаемъ мы также націи: всѣ рычаги ногъ желчнаго, подвижнаго организма Француза-Парижанина, средней величины, потому и походка ихъ легка, жива и измѣнчива. У разсчетливаго, важнаго Англичанина, рычаги ногъ длинны, мускулы сильны и упруги, поэтому каждый изгибъ рычага замѣтенъ и размѣренъ; Англичане ходятъ какъ-бы на пружинахъ, плавно приподымаясь на сочлененіяхъ ступни и колѣнъ, подпрыгивая. Ноги Нѣмцевъ Сѣверной Германіи представляютъ рычаги длинные и тонкіе, мускулы сухіе, и ихъ ноги всегда изогнуты въ колѣнѣ и въ ступнѣ; Русскіе очень справедливо дразнятъ ихъ *козлыными ногами*. Походка Великороссовъ очень похожа на походку Французовъ; Малороссы тяжело тащитъ по мостовой огромныя ступни своихъ длинныхъ и толстыхъ ногъ, а Бѣлороссы никакъ не могутъ твердо ступать своими слишкомъ узкими ступнями, и безъ порядку и такту склоняется то на ту, то на другую сторону. Походка Жидовъ частая, живая, но вовсе безъ размѣру, безъ всякой силы и безпорядочная; этотъ народъ принадлежитъ къ щедушнымъ, слабымъ натурамъ: мускулы ихъ ногъ очень слабы, не могутъ выносить долгой дѣятельности, и Еврей безпрестанно переступаетъ съ ноги на ногу, чтобы дать роздыхъ то той, то другой, и любитъ торопливо расхаживать. Мускулы, выпрямляющіе поясицу, у нихъ также слабы, а потому въ раздумьѣ они чаще ходятъ забросивъ обѣ руки на поясицу, или подпершись ими въ тазы.

Въ организмѣ все находится въ тѣсной зависимости и въ строгомъ согласіи, и ни одна особенная черта не бываетъ безъ причины и слѣдствій. Превосходное устройство ногъ челоуѣка, ихъ разнообразныя движенія, предполагаютъ въ цѣломъ организмѣ необходимость совершенства и разнообразія движеній, съ которыми должны гармонировать движенія ногъ. Такимъ образомъ, мысль сильно занимающая насъ, стремящаяся къ извѣстной цѣли, въ минуту, когда она становится ясною, требуетъ непременно до-

стиженія этой цѣли, требуетъ движенія, и мы идемъ по направленію, указанному этою мыслию, тѣмъ быстрѣе, чѣмъ живѣе сама мысль; останавливаемся, когда она затемняется какимъ-либо сомнѣніемъ, или перемѣняемъ направленіе, когда она указываетъ намъ другую цѣль. Хитрецъ, у котораго всегда на умѣ какъ бы прокрасться незамѣченнымъ и обойти людей, ходить } согнувъ ноги и гибко виляя туловищемъ, какъ хорѣкъ. До безконечности разнообразны настроенія, пріятныя и непріятныя, тихая или живая радость, покойное умиленіе или необузданный восторгъ, всегда сопровождаются соответственными движеніями ногъ и всего тѣла. Вотъ источникъ танцевъ, которые подъ звуки музыки улаждаютъ человѣка въ часы свободные отъ занятій, въ часы, когда онъ предается пріятнымъ мечтамъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ старается выразить своими движеніями силу, стройность и благородство мужа, въ противоположность къ которымъ такъ усладительно рисуется дѣвственная красота, съ ея гибкостью, легкостью и обворожающею, какъ жизнь, безпрестанно новою измѣчивостью. Поэтому танцы такъ же разнообразны, какъ характеры народовъ. Живой характеръ Великокоросса заставляетъ быстро и живо двигаться всё сочлененія ногъ, и изъяслять удовольствие раскрытыми для объятій руками, въ то время, какъ его скромная красавица плаваетъ лебедью противъ него и слегка *говоритъ съ нимъ плечами*. Плавный и граціозный контръ-дансъ точно такъ же выражаетъ свѣтскость и гибкую натуру Француза, какъ сомкнутые круги вальса характеризуютъ Нѣмца, никогда не выходящаго изъ предѣловъ самого себя, живущаго только домашнею жизнью и погруженнаго въ созерцаніе своего я.

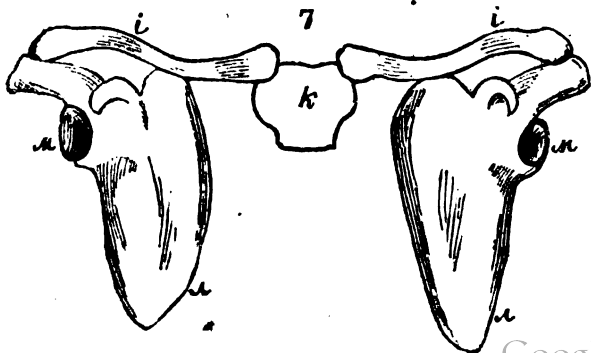
Въ танцахъ балетныхъ, гдѣ присоединяется еще и мимика, должно выразиться все идеальное совершенство, до котораго только въ состояніи достигнуть нога человѣка, чтобъ выразить легкость, эфирность, почти совершенное отчужденіе свое отъ грубаго соприкосновенія съ землею. Талиѣни быстро выпрямляетъ ступню, легко и съ увѣренностью становится на кончикъ большаго пальца, и обернувшись на немъ какъ Зефиръ, привѣтствуетъ другою ногою, которой гибкость и свобода напоминаютъ идеальную свободу — руку, и прямо вытянутая ступня — недостигаемое совершенство кисти рукъ. Для этого надобно родиться такимъ же талантомъ, какъ Талиѣни, надобно имѣть такія же длинныя ноги и большую ступню, которыя, не выходя изъ размѣровъ женской ноги, представляютъ сильные рычаги, совокупностью своею образующіе гибкую, съ плавными движеніями ногу. Поэтому-то Талиѣни

они превосходна въ элементахъ балетныхъ танцевъ, называемыхъ *ballonné*, и которыхъ сущность составляютъ легкость, гибкость и плавность; между-тѣмъ какъ маленькія ножки Фанни Эльслеръ, дѣлають ее несравненно въ исполненіи другаго элемента, *taqueté*, отличающагося живостью, быстротою и разнообразіемъ движеній.

Р У К А.

Рука есть исключительная принадлежность человѣка, органъ въ высшей степени свободный, точный и чувствительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, доставляющій намъ понятія о разстояніяхъ, объ объемѣ предметовъ, о содержаніи ихъ матеріальныхъ частицъ; передающій съ математическою точностью всѣ возможныя формы предметовъ и всѣ тончайшіе оттѣнки строенія ихъ поверхности. У животныхъ могутъ быть только переднія конечности, построенныя по плану въ высшей степени специальному, способныя къ немногимъ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, входящимъ въ составъ ограниченнаго круга жизненной дѣятельности животнаго. На натуральномъ, вѣрномъ, общежитейскомъ языкѣ значително, что у звѣрей есть переднія лапы, переднія ноги, крылья (у летучихъ мышей, птицъ), плавники (у рыбъ), и только вычурная, кажется, ученость могла, наперекоръ натурѣ, сказать, что у обезьянъ есть руки.

Совершенство руки идетъ возрастая отъ верхнихъ частей къ свободному ея концу. На туловищѣ она укрѣпляется подвижною скобою (фиг. 7), которой задній конецъ образуется лопаткою, а перед-

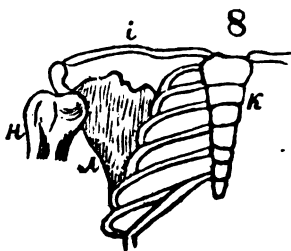

ной ключицею. Первая (л) лежитъ свободно надъ задними частями реберъ, и на ея наружную и внутреннюю поверхность налегаютъ мышцы, изъ которыхъ однѣ притягиваютъ ее къзади, къ хребту, другія тянутся по ребрамъ, внизъ, иныя впередъ, и, наконецъ, вверхъ къ шеѣ и къ головѣ, и за всѣми этими движеніями слѣдуетъ плечо, и вмѣстѣ съ нимъ, въ известной степени, и цѣлая рука. Ключица (i) однимъ концомъ опирается въ передній отростокъ лопатки, а другимъ въ верхній конецъ грудной кости, и съ обѣими этими костями соединяется подвижно. Изъ этого видно, что должность ключицы состоитъ въ томъ, что она раздвигаетъ оба плеча одно отъ другаго, доставляетъ каждому плечу твердую, и въ то же время подвижную опору.

Отъ различія формы и относительнаго положенія лопатки и ключицы, зависитъ различіе въ разстояніи плечъ, и въ способѣ движенія ихъ и подвижности всей руки. У каждаго животнаго, и форма и положеніе, всегда бываютъ спеціальны, приаровнены къ немногимъ опредѣленнымъ движеніямъ. Такимъ образомъ, у многихъ, и именно хорошихъ бѣгуновъ, каковы лошади, олени, козы, быки, вовсе нѣтъ ключицы; вся сила ихъ бѣга зависитъ отъ заднихъ ногъ, а переднія служатъ только къ тому, чтобъ поддерживать собою тѣло, удерживать его отъ паденія, въ то время, когда ударъ заднихъ ногъ объ землю, бросаетъ его впередъ: если бъ у нихъ была ключица, то она неминуемо ломалась бы при сильномъ бѣгѣ съ горы, гдѣ каждую минуту переднія ноги должны выдерживать весь напоръ заднихъ и тяжесть всего тѣла. Съ нашею ключицею бываетъ то же, когда мы, сбѣгая съ горы, падаемъ и упираемся на руки, желая поддержать нѣмъ тѣло. У животныхъ огромной величины, у носороговъ, тапировъ, слоновъ, гдѣ переднія ноги должны поддерживать значительную часть тяжести ихъ тѣла, также не бываетъ ключицы. У всѣхъ ихъ плечи мало отодвигаются отъ грудной кости, очень сближены одно къ другому, а поэтому и обѣ ноги также стоятъ близко, и кругъ дѣйствія ихъ чрезвычайно ограниченный, состоящій только въ томъ, чтобъ вынести ногу впередъ и отставать назадъ. Морскимъ животнымъ переднія ноги служатъ для самаго простаго дѣйствія, какъ коротенькія весла, а поэтому у нихъ также нѣтъ ключицы.

Ключица является у звѣрей тамъ, гдѣ для переднихъ ногъ необходимо въ какой-либо степени свободное дѣйствіе. У хищныхъ животныхъ, медвѣдей, кошекъ, рысей, тигровъ, львовъ, эти ноги поддерживаютъ тѣло, только-что во время ихъ бѣга, а когда

настигнута добыча, то имъ надобно схватить, придержать и раздрать ее. Для этого ногамъ должна быть въ некотораго рода свобода, большій кругъ дѣйствія, чѣмъ у травоядныхъ бѣгуновъ; плеча и переднія ноги должны быть болѣе раздвинуты, однимъ словомъ, необходима ключица такая, которая, исполняя все это, не была бы въ то же время лишнею на бѣгу; и вотъ, здѣсь мы видимъ ключицу короткую, неполную, которой концы не достаютъ ни лопатки ни грудной кости. Эти ключицы раздвигаютъ плеча достаточно для того, чтобъ животныя, приподнявшись на мигъ на дыбы, могли раскинуть переднія ноги столько, чтобъ обхватить ими дерево и вскарабкаться на него при помощи острыхъ когтей своихъ. У бѣлокъ ключица полная, обѣими концами упирающаяся твердо, и это даетъ имъ средство хорошо лазить по деревьямъ, и даже схватывать передними лапами еловыя шишки, орѣхи и подносить ихъ ко рту. Впрочемъ, этимъ и оканчивается вся хитрость ихъ переднихъ лапокъ, а почему нейдетъ она далѣе, увидимъ когда будетъ рѣчь о человѣческой ключицѣ; здѣсь скажемъ только то, что ихъ ключица прямая, слабая, и незначительной длины.

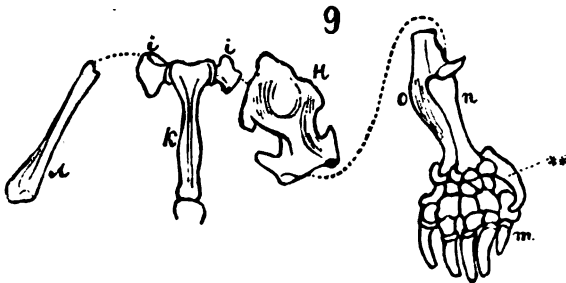
Обезьяны въ высшей степени лазуны. Онѣ хватаются передними лапами за сучья, стоящія въ различномъ разстояніи одинъ отъ другаго, а потому ключицы ихъ (фиг. 8. i) не только что полныя, но крѣпче и сильнѣе чѣмъ у бѣлокъ; но онѣ гораздо прямѣе чѣмъ человѣческія, и потому позволяютъ плечамъ далеко не всѣ тѣ

движенія, къ какимъ способны человѣческія.

Вотъ какъ многозначительна ключица въ организмѣ животного. Она даетъ ногѣ, смотря по степени развитія и по формѣ своей, большее или меньшее сходство съ руками человѣка. Передняя нога лошади, никогда не напоминтъ намъ руки человѣка; но намъ пріятно видѣть гибкую лапку кошки, когда она, послѣ сытнаго обѣда, обтираетъ ею свою мордочку; лапка игривой бѣлки занимаетъ насъ еще болѣе; и, наконецъ, представимъ себѣ, что путешественникъ-натуралистъ гонится съ ружьемъ за обезьяною, что она быстрѣе мысли всползла на вершину дерева, ломаетъ сухіе сучья, рветъ плоды, и швыряетъ ими въ своего преслѣдователя. Не вспадетъ ли при этомъ натуралисту на мысль, что онъ посягаетъ на жизнь существа очень близкаго къ нему,

не опуститъ ли онъ въ раздумьи направленное дуло ружья своего, чтобъ удержаться отъ преступленія? Въ самомъ дѣлѣ, всѣ натуралисты, посѣщавшіе лѣса тропическихъ странъ, рассказываютъ объ этомъ тягостномъ чувствѣ; но сомнѣніе ихъ скоро исчезало, когда, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, они замѣчали, что обезьяны вовсе не цѣлились въ него, а бросали сучья и плоды наудачу; они тотчасъ замѣчали, что это не человѣческая рука, что это лапа обезьяны, у которой прямая ключица не позволяетъ плечу и рукѣ всѣхъ тѣхъ движеній, которыя необходимы для того, чтобы становить ее во всякое мгновеніе противъ своего непріятели, и мѣтко бросать въ него.

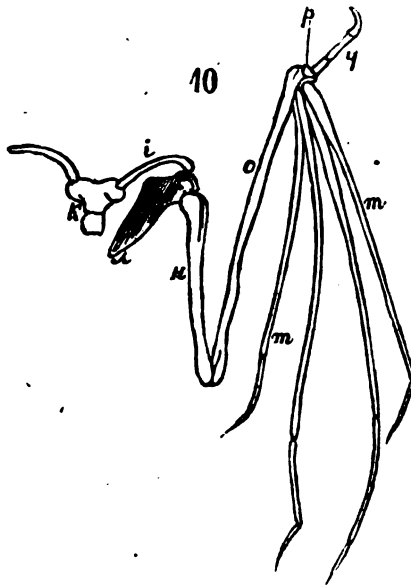
Чтобы болѣе пояснить понятіе о ограниченности формъ ключицы у животныхъ, возьмемъ еще два примѣра, животныхъ роющихся и летающихъ, крота и летучую мышь.

Кругъ дѣйствія переднихъ лапокъ крота (фиг. 9) чрезвычайно ограниченный, но зато онѣ дѣйствуютъ съ большою силою; поэтому ключица (i) его должна представлять для плечъ сильную опору, не раздвигая ихъ далеко. И въ самомъ дѣлѣ, короче ея нѣтъ ни у кого изъ животныхъ и она въ то же время почти кубической формы, и такъ толста, что плечо, упирающееся на нее, осталось бы вовсе безъ движенія, если бъ не было особеннаго устройства въ грудной кости. Особенность эта заключается въ слѣдующемъ: грудная кость у всѣхъ звѣрей состоитъ изъ нѣсколькихъ плоскихъ косточекъ, лежащихъ въ одномъ прямомъ ряду спереди изади, такъ что вся грудная кость похожа нѣсколько на мечъ, отъ этого ея верхнюю составную косточку называютъ рукоятью. Эта рукоятъ (к) у кротовъ длинная, широкая, и подвижно сочленена съ слѣдующею книзу частью грудной кости. Ключица упирается

со стороны въ верхній конецъ рукоятки, и вмѣстѣ съ нею движется на обѣ стороны и впередъ; а такъ какъ плечо упирается на ключицу, то и его кротъ столько можетъ двигать въ обѣ стороны и впередъ, сколько необходимо для его простой рудокопной работы.

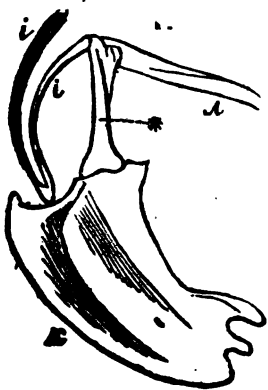
Рѣшительную противоположность представляетъ намъ ключица летучихъ мышей (фиг. 10): она тонка, изогнута въ видѣ дуги или коромысла и относительно къ величинѣ животнаго очень длинна:

она распираетъ плеча далеко, и позволяетъ крылу ихъ большой размахъ. Потому, что она тонка, плечо не находитъ въ ней сильной опоры, и потому полетъ летучихъ мышей слабый; его скорѣй можно назвать порханьемъ. Чтобъ представить примѣръ, какова должна быть ключица для настоящаго полета, и чтобъ въ то же время оправдать сказанное нами въ началѣ, а именно, что мы беремъ въ примѣръ только млекопитающихъ, потому что специальность птицъ, амфибій и рыбъ слишкомъ велика, для этого возьмемъ въ примѣръ плечо птицы. Для крыла этихъ воздушныхъ животныхъ, дѣлающаго простыя, но сильныя движенія, необходимо всего чрезвычайно сильная опора въ плечѣ, чтобъ сопротивленіе воздуха, при ударѣ въ него крыломъ, не могло побѣ

дѣть смѣлу грудныхъ мускуловъ, тянущихъ его внизъ. Поэтому условно, плечо укрѣплено слѣдующимъ образомъ: съ переднимъ

концомъ ихъ длинной и узкой лопатки (А), плотно, совершенно неподвижно соединяется очень толстая кость (*), та самая, которая на лопаткѣ млекопитающихъ составляетъ только-что коротенькій отростокъ, называемый клювообразнымъ отросткомъ. Эта сильная кость, широкимъ нижнимъ концомъ своимъ упирается въ передній конецъ грудной кости (к). Эта подпорка сдѣлала бы плечо неподвижнымъ; но такъ какъ она лежитъ въ прямомъ направленіи съ грудною костью, то и укрѣпляетъ плечо только-что въ этомъ направленіи, и при сильномъ ударѣ крыла внизъ, могла бы повихнуться и тѣмъ ослабить полетъ. Это неудобство поправляютъ обѣ ключицы (i, i'): отъ передняго конца лопатки онѣ идутъ вкось впередъ къ высокому гребню грудной кости; ихъ передніе концы сходятся между собою и сростаются въ одну кость, похожую на V, называемую дужкою. Дужка упирается вкось на гребень грудной кости, и до-полняетъ то, чего не могла сдѣлать вполнѣ клювообразная кость, то есть, подпираетъ плечо почти совершенно неподвижно.

У человѣка ключица такъ длинна, что его плеча раздвигаются совершенно, грудь дѣлается свободною и открытою, и руки такъ далеко стоятъ одна отъ другой, что кругъ дѣйствія ихъ становится неизмѣримо огромнымъ, даже въ сравненіи съ передними лапами обезьянъ. Мы можемъ свободно положить руку на плечо другой стороны, на всю грудь, и такъ можемъ описать передъ собою полкруга, такъ что всѣ предметы на разстояніи руки, ровно на половинѣ горизонта, находятся въ ея полномъ распоряженіи. Эта свободная рука можетъ превосходно нарисовать кругъ, овалъ и всякую фигуру, и другая рука нисколько ей въ этомъ не мѣшаетъ. Ключица наша крѣпка, и изогнута въ видѣ лежачей буквы *σ*, отчего способы подвижности на ней плеча становятся необыкновенно разнообразными: желая бросить дротикъ или камень въ извѣстную цѣль, мы можемъ поставить плечо такъ, что предметъ, пущенный движеніемъ руки, непременно попадетъ туда, куда мы мѣтили. Обнимая предметы обѣими руками, мы получаемъ понятіе обѣ ихъ общей формѣ, сопротивленіи и силѣ, и сравнивая употребленное при этомъ разстоя-

ніе рукъ, съ разстояніемъ между плечами, судимъ о поперечникѣ и объемѣ предметовъ; руки въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ какъ двѣ ножки циркуля. Касаясь рукою вершины стоящаго передъ нами предмета, и относя разстояніе ея отъ земли къ нашему росту, мы получаемъ понятіе о высотѣ. Поэтому-то дѣти, желая выразить величину предмета или совокупное количество чего-либо, разводятъ обѣ руки, приговаривая: вотъ такой большой, вотъ столько, и предѣломъ наибольшей мѣры всегда бываютъ руки прямо распростертыя, то есть, высота всего тѣла. О разстояніи предметовъ научаемся мы судить также помощію руки, протягивая ее сначала къ предметамъ близкимъ, и сравнивая ихъ разстояніе съ длиною цѣлой руки; при этомъ глазъ, уривыкая болѣе и болѣе къ близкимъ разстояніямъ, получаетъ наконецъ навыкъ точно сравнивать разстояніе предметовъ отдаленныхъ, съ длиною руки, такъ что впослѣдствіи измѣряетъ ихъ вѣрно, даже и безъ помощи руки. Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, стоитъ только наблюдать за дѣтьми, съ того времени, когда они могутъ твердо сидѣть и свободно дѣйствовать руками. Глазъ ихъ видитъ все на одной плоскости, безъ всякаго разстоянія; имъ кажется, что всѣ предметы касаются прямо ихъ глазъ, составляютъ часть ихъ самихъ, и потому изъявляютъ свое неудовольствіе крикомъ, если отодвигаютъ что-либо находящееся передъ ними. Они хватаются руками безъ различія за все что видятъ, и сначала безъ всякаго глазо мѣра, вытягивая руку безъ сравненія разстояній, и потому рѣдко попадаютъ въ цѣль. Проходитъ много времени, пока дитя научится узнавать разстоянія предметовъ, и пока пойметъ наконецъ, что эти предметы стоятъ отдѣльно отъ него. Уже послѣ этой науки привыкаетъ оно къ формамъ предметовъ, притягивая къ себѣ и обинмая пріятныя для него, и отталкивая отъ себя непріятныя. Въ совершенномъ возрастѣ намъ также случается повѣрять эти давно уже забытые опыты дѣтства. Представьте, что вы заснули въ комнатѣ, спиною къ окошку, и лицомъ противъ бѣлой стѣны или блестящей изразцовой печки; вы заснули такъ крѣпко, что всякое отношеніе органовъ чувствъ къ виѣшнему міру, на это время прекратилось, и глазъ забылъ на мгновеніе опытность, доставленную ему рукою. Вы просынаетесь, и въ испугѣ отбрасываете назадъ голову и вытягиваете впередъ руки, чтобы отдалить что-то бѣлое, блестящее, лежащее прямо на глазахъ; руки ваши не встрѣчаютъ ничего на пути этого движенія, и вы тогда же видите, какъ блестящій предметъ отодвигается отъ васъ все далѣе

и далѣе; рука, какъ-бы для большаго увѣренности, хватается за глаза и протираетъ ихъ, и въ одно мгновеніе, испугавшая васъ блестящая бѣлизна, стоитъ передъ вами неподвижною стѣною или печкою, освѣщенною лучами солнца сквозь окошко. Точно то же бываетъ съ нами, когда мы, погрузившись въ думы, идемъ по дорогѣ, съ опущенными глазами и не обращаемъ ни на что вниманія. Къ намъ подходитъ знакомецъ, такъ близко, что мы ясно слышимъ шумъ его шаговъ, поднимаемъ глаза, и въ испугѣ отступаемъ назадъ, а руками дѣлаемъ движеніе впередъ. Если неожиданно слышимъ за плечами чей-либо голосъ, то мы быстро обращаемся туда лицомъ и за этимъ невольно слѣдуетъ шагъ назадъ и руки впередъ. Въ сильной страсти человѣкъ теряетъ понятіе о разстояніяхъ; охотникъ навѣрно дастъ промахъ, если при видѣ дичи у него слишкомъ сильно забьется отъ радости сердце; точно такъ какъ разсерженный, разозлившійся, никогда не бьетъ мѣтко, и даже часто не замѣчаетъ, что предметъ его мести ускользнулъ, и колотитъ другаго случайно ему попавшагося, или даже вымещаетъ кулаками на стѣнѣ.

Перейдемъ теперь къ задней части той скобки, которою рука утверждается на туловищѣ. Лопатка, какъ мы видѣли выше, представляетъ собою рычагъ, которымъ мускулы движутъ тѣмъ съ большою легкостію, чѣмъ онъ длиннѣе и уже, и чѣмъ онъ косвеннѣе поставленъ къ хребту. Потому у всѣхъ животныхъ, гдѣ для плеча необходима быстрота движенія, лопатка бываетъ узка, длинна и стоитъ косвенно къ хребту. Такія формы въ высшей степени, представляетъ намъ лопатка летучихъ мышей, крота и землероекъ; у лошадей она также узка и косвенна къ хребту, такъ что знатоки бѣгуновъ и скаковыхъ лошадей, узнаютъ ихъ по большаго или меньшаго наклона лопатки. Для этого слегка проводятъ рукою по шеѣ, внизъ до туловища, и когда переходъ этотъ окажется постепеннымъ, слегка волнистымъ, то говорятъ, что лошадь хорошаго бѣгуна; если же рука ошупаетъ одинъ толстый бугоръ, то лошадь не годится для скачки. Въ первомъ случаѣ лопатка очень косвенно наклонена свободнымъ концомъ назадъ, и мускулы налегающіе на нее и ею движущіе, образуютъ также косвенно лежащую, волнистую поверхность, нечувствительный переходъ отъ шеи къ туловищу. Наоборотъ, чѣмъ менѣе косвенность лопатки, тѣмъ замѣтнѣе выпуклость, образуемая ея мускулами. У хищныхъ, ходящихъ на пальцахъ, бѣгъ слабѣе лошадиного, и ихъ лопатка менѣе косвенна и, относительно къ

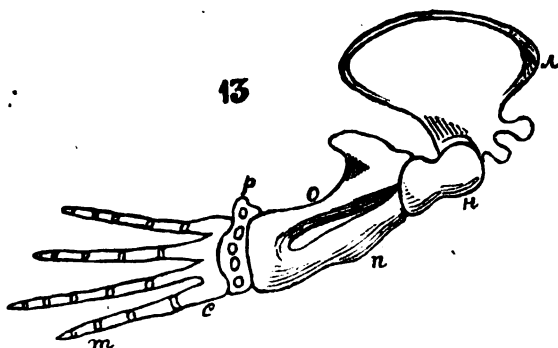

величинѣ ихъ, шире. У слона ноги (фиг. 12) должны поддерживать огромную тяжесть ихъ тѣла, и для этого всѣ рычаги переднихъ ногъ чрезвычайно толсты, всѣ въ одномъ направленіи, и лопатка широка и стоитъ въ томъ же отвѣсномъ положеніи къ хребту. Человѣкъ ходитъ отвѣсно на двухъ ногахъ, его руки вовсе не участвуютъ, ни въ поддержаніи тѣла, ни въ бѣгѣ, ни въ полетѣ, и потому лопатка его не представляетъ ни одной изъ упомянутыхъ особенностей, ни касательно формы, ни въ положеніи.

Собственно руку составляютъ три главныхъ части: плечо, предплечіе и кисть руки. Въ составъ перваго входитъ одна плечевая кость (на всѣхъ фигурахъ н), и такъ, какъ у большей части животныхъ переднія ноги поддерживаютъ тѣло и вмѣстѣ съ задними служатъ для поступательнаго движенія, то формы плечевой кости измѣняются у нихъ по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и формы бедренной; поэтому намъ остается говорить здѣсь о немногихъ только специальностяхъ локтевой кости. На этой кости, какъ и на всѣхъ длинныхъ цилиндрическихъ костяхъ, надобно замѣтить три части: верхнюю головку, среднюю, цилиндрическую часть, и нижнюю головку. Мышцы, идущія къ плечу отъ лопатки и отъ груди, прикрѣпляются въ близи самой верхней головки; точно такъ какъ тѣ мускулы, которые движутъ предплечіемъ, сгибая и выпрямляя локоть, верхними концами своими прикрѣплены въ близи нижней головки.

Отъ этого и происходитъ, что чѣмъ сильнѣе и толще упомянутые мускулы, тѣмъ шире обѣ головки плечевой кости, и тѣмъ короче средняя, цилиндрическая часть. Превосходный примѣръ тому представляетъ кротъ (фиг. 9). Для того, чтобы съ силою, быстро и удобно рыться въ землѣ, его переднія лапы широки, коротки, ихъ мускулы чрезвычайно сильны, и обѣ головки пле-

человой кости такъ вытянуты въ ширину, что средняя часть кости почти совершенно исчезаетъ. У бѣгуновъ, для облегченія дѣйствія мускуловъ, плечевая кость отодвинута нижнимъ концомъ косвенно изади; но чтобъ при этомъ случаѣ и вся нога неслишкомъ отодвинулась назадъ, плечевая кость до того укорочена, что не выходитъ изъ-подъ кожи, и представляетъ простой рычагъ, движущійся только впередъ и назадъ. Для свободнаго

движенія морскихъ животныхъ (фиг. 13), необходимы были переднія лапы въ видѣ короткихъ веселъ, поэтому плечевая кость ихъ и предплечіе такъ коротки, что скрыты подъ кожей, а снаружи видна только лапка (кисть), которою онѣ такъ же удобно плавають, какъ рыбы плавниками. Эту лапку тюленей, моржей и дельфиновъ, наши моряки-промышленники называютъ *ластами*. Переднія лапы обезьянъ, для большаго удобства забрасывать ихъ за сучья деревьевъ, очень длинны; у нѣкоторыхъ почти до пятокъ, почему и плечевая кость ихъ неуклюжей длинны.

Плечевая кость человѣка (фиг. 14), средней величины, короче нежели у обезьянъ, и длиннѣе чѣмъ у бѣгуновъ; ея верхняя головка представляетъ гладкій, весьма правильный полушаръ, которымъ она такъ свободно сочленяется съ лопаткою, что вся рука движется на немъ безъ всякаго затрудненія во всѣ стороны. Свобода этого сочлененія понятна уже изъ того, что вывихи чаще всего случаются съ верхнею головкой плечевой кости. У всѣхъ другихъ животныхъ, эта гладкая плоскость сочлененія несравненно меньше, и вся верхняя головка угловатая, и уже этимъ самымъ движенія необыкновенно затрудняются, и ихъ разнообразіе уменьшается значительно, даже у обезьянъ. Стоитъ однажды только взглянуть на обезьяну, приученную держать на голомъ саблю или ружье, чтобы убѣдиться въ неуклюжествѣ всѣхъ ея экзерцицій, въ неповоротливости плечевой кости и всей лапы ихъ.

Въ составъ предплечія входятъ двѣ кости, локтевая (o) и лучевая (n); первая предназначена для того, чтобы сочленить предплечіе съ плечомъ, а вторая всунута въ предплечіе для того, чтобы доставить собою твердую опору кисти руки, которая покоится на нижнемъ концѣ ея; отъ этого у первой болѣе развитъ верхній конецъ, а у второй шире и толще нижній. Разсмотрѣвъ поближе верхній конецъ локтевой кости, мы увидимъ, что онъ сочленяется съ нижнею головкою плечевой, очень похоже на то, какъ если бы

мы большимъ и указательнымъ пальцами обняли другую нашу руку, напримѣръ, хотъ при основаніи кисти; такое сочлененіе называется *блокомъ*, и позволяетъ локтевой кости, а вмѣстѣ съ нею и всему предплечію съ кистью, двигаться въ одной только плоскости, то есть, приближаясь къ плечевой, или отдѣляясь отъ нея. Нижняя головка той же локтевой кости обточена со стороны наподобіе тонкаго цилиндра, около котораго ходитъ вокругъ

широкій нижній конецъ лучевой кости; а такъ-какъ на этомъ послѣднемъ утверждается кисть руки, то и она вращается вмѣстѣ съ лучомъ, описывая кругъ, обращая ладонью то къверху, то книзу: въ это время верхняя головка луча, обточенная въ видѣ цилиндра, вращается около самой себя, въ небольшой вырѣзкѣ со стороны верхняго конца локтевой кости. Такова механика

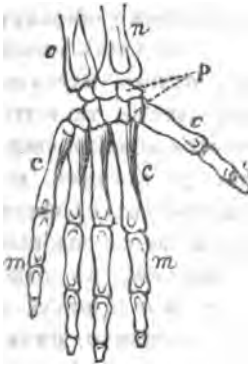
предплечія человѣческой руки; у всѣхъ животныхъ, напротивъ-того, она представляетъ какую-нибудь специальную принаровку, основанную на большей или меньшей степени подвижности, или рѣшительной неподвижности луча. Такимъ образомъ у обезьянъ (фиг. 15) лучевая кость (*n*), по длинѣ своей, выгнута наподобіе дуги, отчего мускулы вращаютъ ее быстро, отрывисто, такъ-что кисть быстро перекидывается ладонью къверху и книзу; для лазенья по вѣтвямъ деревь,—это превосходно: покидая вѣтку, кисть обезьяны тотчасъ опрокидывается ладонью къверху, и достигнувъ высшей, въ одно мгновеніе оборачивается на нее ладонью, и обхватываетъ ее. Путешественники, имѣвшіе случай охотиться на островѣ Борнео за оранг-утангами, рассказываютъ, что когда удастся выгнать этихъ животныхъ на открытое мѣсто, то онѣ съ остервененіемъ нападаютъ на охотника и бьютъ его какъ ни пошло, по головѣ и по плечамъ, своими передними лапами, подымая и опуская ихъ съ немовѣрною быстротой, всегда въ одномъ направленіи, и обращая длинныя кисти свои, при всякомъ ударѣ, ладонью книзу. Это быстрое вращеніе дѣлаетъ кисть обезьяны неспособною ко всѣмъ искусственнымъ работамъ, къ которымъ способна кисть человѣка, вращающаяся вмѣстѣ съ лучомъ, плавно, размѣрно, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ.

У хищныхъ животныхъ съ неполною ключицею, лучевая кость такъ широка, что сдѣлавъ едва замѣтный оборотъ, она длиною своею уже касается локтевой кости, и налегаетъ на нее непо-

движно; поэтому оборотъ ихъ переднихъ ланъ едва замѣтенъ. У бѣлки лучъ отставленъ нѣсколько дальше, не такъ широкъ, и вращается свободнѣе. У травоядныхъ, въ-особенности у бѣгуновъ, каковы лошади, олени, быки, лучъ лежитъ передъ локтевою костью, и накрѣпко срастается съ нею, отчего та часть ноги, которая соответствуетъ нашей кисти, можетъ только изгибаться и выпрямляться въ одномъ и томъ-же направленіи. У летучихъ мышей лучъ представляетъ тоненькую, короткую косточку, приросшую къ верхнему концу локтевой кости.

16

Разсмотримъ наконецъ кисть руки. У человека она (фиг. 16) построена изъ восьми косточекъ запястья (*p*), изъ пяти костей пястья (*c*) и изъ суставцевъ пяти пальцевъ (*m*). Кости запястья расположены въ двухъ рядахъ, изъ которыхъ одинъ передній, а другой задній; онѣ неправильной формы, касаются одна другой многими плоскостями, и, сверхъ-того, соединены между собою крѣпкими связками; поэтому онѣ составляютъ основу кисти, въ малой степени гибкую. На переднемъ ряду запястья сидятъ пять длинныхъ, почти цилиндрической формы, костей пястья, изъ которыхъ четыре сидятъ въ одномъ ряду, а пятая, на которой большой палецъ (*y*), стоитъ отдѣльно; первыя могутъ очень незначительно наклоняться къ запястью, и гораздо свободнѣе вращаться верхними головками внутрь ладони, образуя совокупностью своею, то прямую, то вогнутую плоскость ладони. Пястная кость большого пальца можетъ быть поставлена, сильными, большими мускулами, и внутрь ладони, и въ одну съ нею плоскость. Верхнія головки всѣхъ костей пястья представляютъ головки цилиндрическія, спущенныя, или округленныя съ обѣихъ сторонъ, отчего каждый палецъ можетъ двигаться на своей подставкѣ — пястной косточкѣ, и оверху книзу приподнимаясь и опускаясь, и описывая своею длиною коусъ; но такъ-какъ четыре наружныхъ пальца стоятъ близко одинъ къ другому, то они мѣшаютъ одинъ другому въ этомъ послѣднемъ родѣ движенія: одинъ только указательный свободнѣе другихъ; зато большой палецъ безпрепятственно можетъ описывать коусъ, и можетъ быть поставленъ противъ каждого пальца и противъ середины ладони. Всѣ суставцы пальцевъ сочленены между собою посредствомъ цилиндрическихъ поверхностей своихъ головокъ,

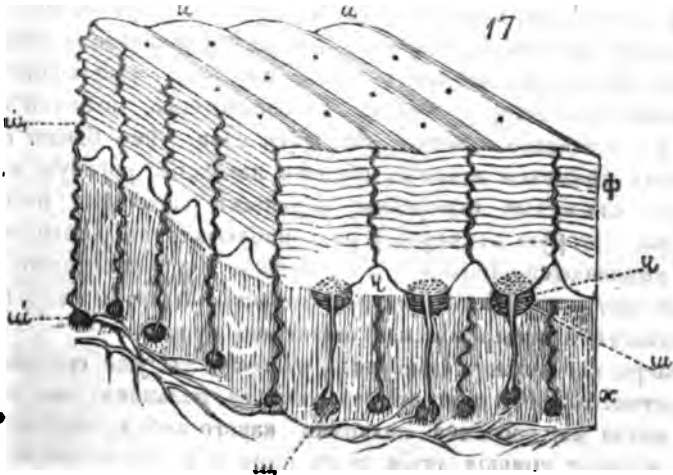
которыя дозволяютъ имъ одинъ только родъ движенія: они могутъ складываться и выпрямляться. Средній палецъ самый длинный, а прочіе убываютъ въ различной степени на ту и на другую сторону.

Изъ всего этого видно, что кисть руки составлена изъ частей подвижныхъ въ различной степени и въ различномъ направленіи, изъ частей разнаго измѣренія и различной силы; поэтому-то кисть гибка и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ и въ цѣлости. Она можетъ всѣми точками своей внутренней поверхности обхватить предметы всѣхъ возможныхъ формъ: цилиндра, конуса, шара, куба. Когда мы обхватываемъ цилиндръ, концы четырехъ наружныхъ пальцевъ становятся въ одну прямую линію, лежащую вдоль этого цилиндра. Если у насъ въ рукахъ шаръ, то они обрисовываютъ собою его экваторъ, точно такъ, какъ на конусѣ они лежатъ въ прямой линіи, протянутой отъ основанія до вершины его; наконецъ мы можемъ всѣ эти четыре пальца положить концами на поверхности прямыя, и въ различной степени выпуклыя и вогнутыя. Все это возможно для пальцевъ, вслѣдствіе ихъ различной длины и разной степени подвижности. При этихъ дѣйствіяхъ, свободный большой палецъ дѣйствуетъ какъ вѣрный и необходимый помощникъ всей кисти; онъ съ различною силою, смотря по надобности, прижимаетъ осязаемый предметъ внутрь ладони, чтобъ она всѣми своими точками обхватила поверхность предмета, и чтобъ такимъ образомъ передала нашему глазу ясное и точное понятіе объ его формѣ. Безъ большаго пальца скульпторъ не могъ бы владѣть рѣзцомъ, живописецъ кистью, писатель перомъ. Только съ его помощью мечъ страшитъ въ рукѣ воина, и кавалеристъ можетъ по произволу затягивать уздечку и владѣть конемъ, во сто разъ сильнѣйшимъ его. Чтобъ совершенно ослабить сильно сжатую руку, стѣнитъ только отворотить большой палецъ. Однимъ словомъ, большой палецъ составляетъ какъ-бы другую руку при нашей рукѣ; извѣстный анатомъ Альбинъ, назвалъ его *меньшою рукой, помощницею большой*. Лишиться большихъ пальцевъ, значитъ почти то же, что лишиться обѣихъ рукъ, сдѣлаться несчастнѣйшимъ изъ людей, существомъ, совершенно зависящимъ отъ другихъ. Всѣмъ извѣстно, что Азіатцы необыкновенно находчивы въ придумываніи мукъ себѣ подобнымъ; такъ Адони-безекъ, приказавъ семидесяти королямъ отрѣзать большіе пальцы на ногахъ и рукахъ, сказалъ съ самодовольствіемъ и гордостью: «Они подбираютъ теперь крошки подъ мои столы.»

Пальцы руки составляют своими концами тонкій и чувствительный органъ осязанія, съ помощію котораго мы узнаемъ всѣ качества поверхностей предметовъ, всѣ возможные оттѣнки шероховатости, гладкости, неровности, упругости, твердости, мягкости; для этого мягкія наружныя части внутренней стороны послѣдняго суставца, образованы въ видѣ конусовъ съ широкимъ основаніемъ, весьма нѣжныхъ и упругихъ, уступающихъ слабѣйшему давленію, и снова принимающихъ прежнюю свою форму. Ими мы можемъ ощупать малѣйшую песчинку, едва замѣтную для глаза неровность поверхности, и разъяснить тончайшую степень сопротивленія. Опытному ювелиру стѣнитъ только провести пальцемъ по полированной поверхности ошлифованнаго рубина, сафира и изумруда, чтобъ отличить ихъ, вовсе не смотря. Широкіе и плоскіе ногти служатъ для чувствительныхъ концовъ пальцевъ какъ-бы крышечкою и опоромъ, безъ которой они много утратили бы своего совершенства. Чтобъ яснѣе понять это, вспомните, что медикъ пальцами ощупываетъ пульсъ, то есть, біеніе лучевой артеріи, идущей на внутренней сторонѣ лучевой кости, по направленію къ большому пальцу. Въ біеніи пульса онъ отличаетъ много разностей, пульсъ ровный, неровный, перемежающійся, умолкающій, медленный, скорый, плавный, скачущій, полный, низкій, нитчатый. Каждый изъ нихъ означаетъ вѣрно состояніе кровеносной системы и всего организма. Попробуйте мягкимъ и подвижнымъ языкомъ ощупать пульсъ, и вы въ немъ не только не откроете ни одной изъ этихъ особенностей, но даже не почувствуете біенія артеріи, пока не прижмете къ ней языка чѣмъ-нибудь твердымъ, котораго сопротивленіе также необходимо, какъ сопротивленіе упругаго ногтя надъ мягкими концами пальцевъ.

Ко всему здѣсь сказанному, мы должны еще прибавить, что пальцы вполне достигаютъ своего совершенства, какъ органы осязанія, только при помощи *нервныхъ сосочковъ*, приподнимающихъ наружную кожу въ видѣ возвышенныхъ линій или валиковъ, разнообразно изогнутыхъ, и кружащихся по поверхности нѣжныхъ конусовъ концовъ пальцевъ, и всей ладони. Чтобъ понять ихъ устройство, намъ необходимо начать рѣчь нѣсколько издалика. Изъ той части хребтнаго мозга, которая лежитъ въ шейныхъ позвонкахъ, выходятъ на каждую сторону шемъ осемь нервовъ. Изъ нихъ четыре верхнихъ снабжаютъ вѣтками шейныя мышцы, а четыре нижнихъ идутъ внизъ по шѣѣ; къ нимъ присоединяется еще одинъ нервъ, выходящій между двумя верхни-

на синеватыми позвонками, и всѣ пять нервовъ, переплетаются между собою и дѣлаютъ на боковой, нижней сторонѣ шеи, такъ называемое *плечевое сплетеніе*, изъ котораго въ руку входятъ семь нервовъ. Изъ нихъ важны для нашего предмета три нерва, *средній, локтевой и лучевой*, потому что они даютъ, между прочимъ, вѣточки къ кожѣ, покрывающей пальцы и всю ладонь. Каждый нервъ состоитъ изъ большаго числа нервныхъ нитей или *фибръ*, лежащихъ одна подлѣ другой пучками, точно такъ какъ въ моткѣ лежатъ пасмы нитокъ, съ тою разницею, что каждый пучокъ нервныхъ нитей лежитъ въ особенной оболочкѣ, и всѣ пучки въ одной общей. Если говорится, что нѣсколько нервовъ составляютъ сплетеніе, то это значить, что изъ одного нерва отдѣляется одинъ или нѣсколько пучковъ, и идутъ къ другому нерву, въ его оболочку, и эту мѣну повторяетъ каждый нервъ нѣсколько разъ. Нервы *средній, локтевой и лучевой*, даютъ вѣтки въ кожу ладони, другими словами, значить, что отъ нихъ отдѣляются пучки нервныхъ волоконъ и входятъ въ кожу.

Разсмотримъ теперь строеніе кожи (фиг. 17). Ее составляютъ два пласта, *внутренній* (*) толстый, плотный, тягучій, тотъ самый, который дѣлаетъ кожу лошадей, быковъ, телятъ, пригодную для обуви и разныхъ издѣлій, и *наружный* (ф), состоящій самъ изъ нѣсколькихъ тончайшихъ пластовъ, изъ которыхъ нижніе (слизистые и жидкіе, а тѣмъ ближе къверху тѣмъ плотнѣе, такъ что самыя на-

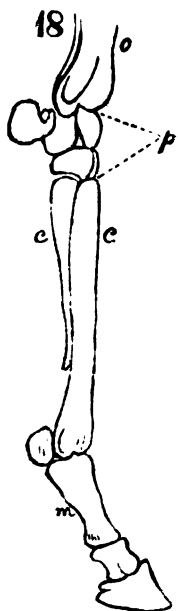
ружные составляют тонкую, безцвѣтную, роговую наружную кожицу. Нервы, дошедши до внутренняго пласта кожи, прободают его на-подобіе коническихъ столбиковъ, и приподнявъ надъ собою его верхнюю часть въ видѣ шапочки, приподнимаютъ также всѣ тоненькіе слои наружнаго пласта кожи, до самыхъ поверхностныхъ, до роговой кожицы. Эти коническіе концы нервовъ, съ ихъ шапочками, называются нервными сосочками (ч); они входятъ въ кожу правильно, по направленію изогнутыхъ, концентрическихъ линій, и потому приподымаютъ наружную роговую кожицу, въ видѣ изогнутыхъ линій или валиковъ (ц).

Въ толщѣ кожи лежатъ желѣзки трехъ родовъ (ш): однѣ приготавливаютъ потъ, и проводятъ его длиннымъ спиральнымъ каналомъ (ш) до поверхности роговой кожицы, открывающимся на возвышенной линіи, маленькимъ отверстіемъ, которое называютъ *поромъ*. Въ другихъ желѣзкахъ (ш) готовится слизь, и проводится почти прямымъ каналомъ на поверхность внутренняго пласта кожи. Отъ цвѣта этого слизистаго вещества зависитъ цвѣтъ кожи различныхъ племенъ; у насъ оно безцвѣтное, у Монголовъ желтое, у Американцевъ мѣдно-краснаго, а у Негровъ чернаго. Наконецъ, изъ третьяго роду желѣзокъ (ш) выходитъ роговое вещество, которое, вмѣстѣ съ слизистымъ, ложится слоями поверхъ основнаго пласта кожи, и эти слои, чѣмъ ближе къ верху, тѣмъ дѣлаются плотнѣе, образуя наконецъ роговую кожицу. Нижніе слизистые перерывы нервными сосочками на-подобіе сѣточекъ, которую въ первый разъ наблюдалъ Мальпиги, а потому и называются *Мальпигиевою сѣткою*. Ее превосходно можно видѣть, когда снимается роговая кожица, поднятая какъ пузырь нарывнымъ пластыремъ, или шанскою мушкою.

Теперь мы можемъ прибавить къ тому, что уже сказано было о чувствительности внутреннихъ концовъ пальцевъ, еще слѣдующее: когда мы касаемся пальцами какого-нибудь предмета, то возвышенныя кривыя линіи, и съ ними и нервныя сосочки, ихъ приподымающіе, касаются всѣхъ малѣйшихъ неровностей предмета, и передаютъ нервамъ, и ихъ центру, хребтному мозгу, тончайшіе оттѣнки строенія поверхностей предметовъ.

Кисть переднихъ ногъ животныхъ составлена изъ тѣхъ же элементовъ, но въ формахъ специальныхъ, ограниченныхъ, способныхъ только къ немногимъ, и то самымъ простымъ дѣйствіямъ. У всѣхъ быстрыхъ бѣгуновъ кости пястья длинныя, вытянутыя въ одномъ направленіи съ голенью, вовсе почти неподвижныя, и на нихъ короткіе пальцы сочленяются посредствомъ

цилиндра, такъ что могутъ только сгибаться и выпрямляться. У хищныхъ и прыгуновъ бываетъ еще по пяти и по четыре пальца, но у оленей, козъ, быковъ, только по два большихъ, которыми онѣ ступаютъ, и хотя есть еще по два на каждой ногѣ, но они заброшены назадъ, повсе неподвижны, и такъ коротки, что не касаются земли. Лошади (фиг. 18) ступаютъ послѣднимъ суставцомъ одного только пальца.

Этотъ суставецъ одѣтъ огромнымъ, толстымъ когтемъ, копытомъ; въ него также входятъ подкожные нервы, и образуютъ нервные сосочки, углубляющіеся въ копыта такъ, что если осторожно снимать его, то можно видѣть какъ вытягиваются изъ него сосочки. При всемъ томъ, нога лошади можетъ расзнать посредствомъ сихъ послѣднихъ, не болѣе какъ только очень небольшое число отбѣнокъ твердости почвы; она можетъ только чувствовать, стоитъ ли она на мягкой землѣ, или на твердомъ каменномъ помостѣ, или на доскахъ; нервные сосочки не приподымаютъ поверхность толстаго копыта, и не выказываются на немъ въ видѣ изогнутыхъ линій. Нога лошади превосходна для быстрого, неутомительнаго бѣга; она касается земли только однимъ пальцемъ, котораго суставцы сочленены между собою и съ пястною костью,

посредствомъ стропилъ блоковъ, и потому могутъ только подыматься и опускаться, и никакъ не могутъ свихнуться въ стороны, отъ этого нога лошади крѣпка и упруга, и, какъ говорится, хорошо чувствуетъ подъ собою землю.

У летучихъ мышей одинъ только большой палецъ свободенъ; онъ вооруженъ загнутымъ, сильнымъ когтемъ, которымъ онѣ цѣпляются, ползая по землѣ, и на которомъ вѣшаются во время дѣя въ ущеліяхъ, дуплахъ, или подъ кровлями. Остальные четыре пальца очень тонки и чрезвычайно длинны, и между ними натягивается перепонка, которою онѣ летаютъ.

Кости передней лапки крота (9 т.) коротки и широки, соединены между собою очень плотно, и изъ нихъ составляется органъ, похожій на широкую, сильную лопатку, которой рѣжущій передній край, образуется широкими, острыми и плотными когтями.

У морскихъ животнымъ, изъ-подъ кожи выставляется наружу только лапка, ластъ, которой пальцы плотно лежатъ одинъ подъ

лѣ другаго, запрятаны до самыхъ ногтей въ плотную кожу, и образуютъ очень удобное для гребли весло.

Кисть обезьяны (15. p, c, m), на первый взглядъ, можетъ показаться очень сходною, едва-ли не тождественною съ рукою человека. У шимпанзе большой палецъ (у) также отдѣльный и свободный, но онъ у обезьянъ очень коротокъ, даже въ видѣ бородавки, у другихъ очень длиненъ и тонокъ, и, следовательно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ исполнять всего того, къ чему способствуетъ нашъ большой палецъ. Остальные четыре пальца весьма тонки и длинны, отчего вся лапа безобразно длинна и узка, такъ что обезьяна можетъ ею обхватить только цилиндрическіе предметы, можетъ очень хорошо цѣпляться длинными пальцами за вѣтви деревь, но никакъ не въ состояніи вливаться во всѣ изгибы наружной формы предметовъ. У большей части обезьянъ даже плоскіе ногти, но они очень узки, подъ ними лежитъ мякоть пальцевъ, покрытыхъ кожей, несравненно грубѣйшею, чѣмъ на нашихъ пальцахъ. Однимъ словомъ, у обезьянъ не рука, а лапа своего рода, цѣпкая лапа. Ихъ большой палецъ для чего же отдѣленъ отъ прочихъ, для чего отброшенъ назадъ короткій палецъ на ногахъ птицъ, т. е., чтобъ лучше захватывать ими вѣтви, и держаться на нихъ.

До сихъ-поръ мы говорили о превосходствѣ руки человека вообще; скажемъ еще нѣсколько словъ объ особенностяхъ, отличающихъ руку женскую отъ руки мужчины. Въ развитіи всего женскаго организма, проявляется несравненно менѣ силы, чѣмъ въ мужескомъ, и это особенно замѣтно въ органахъ наружныхъ, въ костяхъ и мышцахъ, степень дѣятельности и силы которыхъ находится въ прямомъ содержаніи съ дѣятельностью внутренняго организма. Кости ихъ скелета гораздо тоньше и мягче; выпуклости и неровности, къ которымъ прикрѣпляются мускулы, короче и часто едва замѣтны, отчего каждая кость менѣ угловата, болѣе округлена. Такимъ образомъ, изгибы женской ключицы не такъ рѣзки какъ у мужчины; они постепенно и нѣжно выливаются одинъ изъ другаго, и точно въ такой же степени гибки и нѣжны всѣ движенія цѣлой руки, на этой граціозной женской ключицѣ. Взявъ въ руку ключицу мужскую, анатомъ съ гордостью видитъ въ ней тотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ сдвинуть весь земной шаръ; ключица женщины заставляетъ его любоваться ею, какъ малою, уютною игрушкою. Сильный и быстрый смычокъ, рѣшительная кисть и смѣлый рѣ-

зодѣ также идутъ къ рукѣ мужчины, какъ плавный вѣтеръ на гибкая сталь иглы, къ рукѣ женщины.

Плечевая кость представляетъ по длинѣ своей три грани, отдѣленные одна отъ другой тремя ребрами; на этихъ граняхъ располагаются три партіи мышцъ, движущихъ плечевую кость къ туловищу и предплечіе къ плечу. У женщины грани округлены, ребра едва замѣтны, и вслѣдствіе этого, мускулы равномерно облегаютъ кость, образуя около ея пріятную для глаза округлость. Точно въ такой же степени округлены и тонки объ кости предплечія; лучевая менѣе выгнута чѣмъ у мужчины, лежитъ ближе къ локтевой, отчего все предплечіе уже, и будучи покрыто мускулами, получаетъ форму почти коническую. Задній отростокъ локтевой, къ которому прикрѣпляются мышцы выпрямляющія, коротокъ, менѣе замѣтенъ, и локоть такъ округленъ, что женская рука, только сверху обхваченная коротенькимъ рукавомъ, представляетъ одну непрерывную, легкую дугу, всегда готовую свитъ въ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ такъ безопасно и безпечно покоится дитя на груди матери, и въ границахъ котораго левъ дѣлается ягненокъ, геркулесъ забываетъ о своей силѣ.

Кисть руки вращается вмѣстѣ съ лучевой костью, и такъ какъ эта послѣдняя у женщины менѣе выгнута, то вращенія всей кисти не могутъ быть такъ рѣзки, быстры и сильны, какъ у мужчины. Ктому же, вслѣдствіе общаго закона, о которомъ мы уже говорили, кисть руки женщины гораздо уже, и пальцы тонки и гибки, что особенно замѣтно на большомъ пальцѣ, потому что его силою мѣряется сила всей кисти; у мужчины онъ толстъ и крѣпокъ, у женщины тонокъ, длинень и гибокъ; достаточно взглянуть на большой палецъ, чтобъ узнать женскую руку. Прибавьте ко всему этому еще и то, что нѣжный, упругій жиръ скругляетъ все промежутки костей запястья, пястья и суставцевъ пальцевъ, и что кожа женщины несравненно тоньше и нѣжнѣе, ногти уже и мягче, и вамъ будетъ вполне понятно, почему женскіе пальчики прозрачны какъ алебастръ, почему пурпуръ крови такъ нѣжно просвѣчиваетъ сквозь нихъ. — Противникъ блѣднѣетъ при видѣ силы, съ которою хочетъ схватить его желѣзная скобка руки мужчины; говоръ и противорѣчія умолкаютъ, когда повелитель грозно ударяетъ объ столъ тяжелой рукою, и между зрителями подымается громкій хохотъ, при видѣ слабого кулака или дѣятельной ладони разсерженной жен-

щины. Только то хорошо и прекрасно, что не выходит из предѣловъ естественности.

Въ заключеніе коснемся еще нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отношеній нашей руки къ цѣлому организму нашему.

Всѣмъ извѣстно общее повѣрье, что когда у человѣка отъ рожденія недостаетъ какого-либо органа, то другой органъ, болѣе или менѣе съ нимъ сродный, развивается гораздо сильнѣе, совершеннѣе, и замѣняетъ собою недостатокъ перваго. Незнакомые съ естественными науками даже объясняютъ себѣ этотъ будто бы правдивый фактъ, слѣдующимъ образомъ: если на вѣткѣ дерева есть три отпрыска, и если отрѣзать два, то остальной питается болѣе и растетъ сильнѣе; если на одномъ стебелькѣ вырастаетъ два яблока, то одно всегда гораздо меньше, и отнимаетъ питаніе отъ другаго. Чтобы убѣдиться въ обманчивости этого объясненія, и что въ организмѣ нашемъ не случается такихъ простыхъ явленій съ органами разной природы, возьмемъ только два примѣра:

Цвѣта постигаемъ мы только глазомъ, но про родившихся слѣпыми, рассказываютъ, будтобы они осязаніемъ пальцевъ различаютъ ихъ. Что такое цвѣтъ, слѣпой никогда не пойметъ, а мнимая способность ихъ пальцевъ вотъ на чемъ основана: цвѣта сообщаемъ мы матеріямъ и инымъ предметамъ, погруженіемъ ихъ въ растворъ различныхъ окрашивающихъ веществъ; частицы этихъ послѣднихъ проникаютъ ткань и остаются между частицами ея волоконъ. Если мы беремъ между пальцами еще неокрашенный шелкъ, то осязаніе наше передаетъ намъ понятіе только о самомъ шелкѣ; но касаясь окрашеннаго шелку, палецъ ощущиваетъ и шелкъ и пропитавшую его краску, и потому, во второмъ случаѣ, чувство будетъ несходно съ первымъ. Если назвать первое ощущеніе бѣлымъ, а второе напримѣръ краснымъ, то, пожалуй, можетъ выйти заключеніе, что у слѣпо-рожденныхъ пальцы особымъ образомъ развиты, и что ими они получаютъ понятіе о цвѣтахъ точно такъ же, какъ зрячіе глазомъ. Дамы очень хорошо знаютъ, что одна и таже превосходная берлинская шерсть, употребляемая для шитья по канвѣ, мягка и нѣжна въ свѣтлыхъ, и жестка въ темныхъ и черныхъ цвѣтахъ.

Бѣтъ пятнадцать тому назадъ, показывалъ себя въ Петербургѣ, какой-то Венгерецъ. Онъ родился безъ всякаго слѣда рукъ, и на своихъ представленіяхъ увѣрялъ зрителей, что ножные пальцы его длиннѣе и глубче чѣмъ обыкновенно, и совершенно замѣняютъ ему руки. И въ самомъ дѣлѣ, онъ держалъ довольно

крѣпко маленькую палочку, ущемляя стаканъ между большимъ пальцемъ и слѣдующимъ за нимъ, и поднося его ко рту, даже править на ремнѣ бритву. Зрители были въ восторгѣ, и имъ казалось, что пальцы его въ самомъ дѣлѣ были если не совѣмъ, то почти такъ же длинны, какъ у нихъ на рукѣ. Впечатлѣніе, или говоря театрално, эффектъ, былъ тѣмъ сильнѣе, что на ступень надѣта была коротенькая перчатка безъ пальцевъ, обыкновенные пальцы этой ноги были чисто вымыты, надушены, изукрашены блестящими кольцами, и ногти на нихъ подстрижены, какъ у щеголей, остриемъ впередъ.

Въ Парижѣ я видѣлъ бѣдняка безъ обѣихъ кистей. Онъ довольно забавно всовывалъ себѣ въ зубы ножичекъ, и очинивалъ имъ перья, придерживая ихъ обрубками своихъ рукъ. Онъ даже выводилъ ими, съ большою заботливостью, свое имя. Очинъ его перьевъ не могъ бы служить для каллиграфіи, да и зубы его не были ни длиннѣе, ни гбче обыкновеннаго. Было однако жъ время, когда и ученые, извѣстные подъ именемъ *натуръ философовъ*, увѣряли и были сами въ томъ убѣждены, что челюсти наши суть ничто иное, какъ тѣ же руки, только сросшіяся между собою передними концами пальцевъ, на которыхъ даже остались нѣсколько преобразованные ногти — зубы.

Мы убѣдились, что только при помощи рукъ, мы приобретаемъ понятія о разстояніяхъ, объ объемѣ и высотѣ предметовъ, о всѣхъ существующихъ на землѣ формахъ, и о строгости поверхностей тѣлъ во всѣхъ тончайшихъ отгѣнкахъ, и что только одною рукою мы въ состояніи выполнять множество движеній, необходимыхъ для искусствъ и ремеселъ. Для пріобрѣтенія всѣхъ сихъ понятій, рука, во всемъ своемъ объемѣ, или только кистью, складывается въ формы и величины соответствующія формамъ и величинамъ предметовъ. Этотъ навыкъ такъ рѣзко вкореняется въ насъ, что если мы сильно заняты какою-нибудь мыслию, если образы, роящіеся въ нашей головѣ, чрезвычайно ясны и точны, то мы непремѣнно ставимъ все тѣло въ соответственное положеніе, и даемъ рукамъ такой складъ, что онѣ изображаютъ формы предметовъ, входящихъ въ составъ цѣлой картины нашей думы. Не произнося словъ, мы говоримъ движеніемъ головы, рукъ, и перемѣняя положеніе всего тѣла. Этотъ способъ выраженія мыслей, называется мимикою. Онъ, конечно, неточенъ, и не совершенно понятенъ, потому что такими средствами можно выразить только движеніе, величину, объемъ, и формы предметовъ, существующихъ въ самой природѣ, и отнюдь не отвлечен-

ныхъ, понятій; даже, все это выражается очерками несовершенно точными, болѣе общими; но не менѣе того, нѣмая миимка для насъ привлекательна, потому что она развертываетъ передъ нами картину, полную борьбы страстей и сцѣпленія мыслей; картину, въ которой мы обязаны еще много гадать, и о многомъ догадываться. Она не столько занимаетъ нашъ мозгъ ясными представленіями, сколько тревожитъ сердце не вполне ясными, часто загадочными образами.

Бюффонъ сказалъ, что одна только рука дѣлаетъ [человѣка тѣмъ, что онъ есть—человѣкомъ; что ей одной онъ обязанъ, и совершенствомъ своего организма, и высокимъ, уместившимъ, развитіемъ. Мы должны къ этому прибавить, что рука столь превосходнаго устройства, не могла быть иначе, какъ у человѣка; мы видимъ, что ноги развиваются въ тѣсномъ согласіи съ руками, и точно въ такомъ же согласіи развитія, находятся руки съ прочими органами тѣла. Рука могла развиться только на человѣческомъ туловищѣ, а это послѣднее могло поддерживать только человѣческую голову. Если бѣ можно было обезьянѣ дать человѣческую руку, то она нисколько и никогда не сдѣлалась бы умнѣе, и съ этимъ драгоценнымъ подаркомъ была бы несчастнѣе всѣхъ своихъ лѣсныхъ подругъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

На всѣхъ рисункахъ, одноименныя части обозначены одними и тѣми же буквами:

A крестцовая кость, *B* безъименная кость, *B*, тѣло позвонка, *ГГ* дуга его, *Д* каналъ, въ которомъ лежитъ хребетный мозгъ, *E* связка въ видѣ кружка, между тѣлами двухъ сосѣднихъ позвонковъ, *Ж* желтая связка.

a подвздошная кость, *b* сѣдалищная, *в* лобковая, *г* круглая впадина, въ которую вставляется головка бедренной кости.

д бедренная кость, *e* большая берцовая, *ж* малая берцовая, *з* пяточная кость.

i ключица, *к* рукоять грудной кости, *л* лопатка, *м* впадина для сочлененія верхней головки плечевой кости.

н плечевая кость, *о* локтевая, *п* лучевая кость, *пл* лучъ, *р* два ряда костей запястья, *с* кости пальца, *т* четыре наруж-

пять пальцев, каждый о трехъ суставахъ, у большой палецъ, у человека о двухъ суставахъ.

Рисунки 1. Женскій тазъ, $\frac{1}{6}$ натуральной величины.

2. Тазъ и заднія ноги льва.

3. Позвонки изъ хребта человекъ, верхняя фигура представляетъ позвонокъ съ верху, нижняя—два позвонка со стороны, нѣсколько оттянутые одинъ отъ другаго, чтобъ можно было видѣть (здѣсь также растянутую) желтую связку Ж.

4. Тазъ и заднія ноги обыкновеннаго тюленя, заходящаго изъ моря и въ Неву, $\frac{1}{6}$ натуральной величины.

5. Тазъ и правая нога обезьяны троглодита, достигающаго величины трехъ-лѣтняго дитяти.

6. Правая нога человекъ.

7. Лопатки, ключицы и рукоять грудной кости человекъ.

8. Тѣ же части, съ ребрами на правой троглодита сторонѣ.

9. Части правой передней лапы крота, ладонью книзу. Соединительныя черточки показываютъ какъ прикладываются кости одна къ другой, въ естественномъ положеніи

10. Особая, такъ называемая полугунная косточка, противъ большаго пальца, увеличивающая ширину лапки.

11. Крыло летучей мыши (*Vespertilio serotinus*).

12. Грудная кость (к), дужка (ii), клювовидная кость (*), и лопатка (.i), морской ласточки (*Glareola torquata*).

13. Правая передняя нога азіятскаго слона.

14. Передняя правая нога (ласть) кита.

15. Лѣвая рука человекъ.

16. Передняя лѣвая лапа троглодита.

17. Кисть правой руки человекъ, положенная ладонью книзу.

18. Небольшая частица кожи человекъ, съ пальца, неопредѣленно увеличенная для большей ясности составныхъ частей. Передній разрѣзъ слѣдуетъ поперегъ возвышенныхъ извилинь (и, и), на которыхъ черныя точки показываютъ поры для

выхода поту. Разрѣзь налѣво сдѣланъ вдоль извидишь, *б* верхній слой кожи, состоящій изъ тоненькихъ пластовъ, *х* нижній, плотный слой кожи, подъ которымъ нарисованы вѣточки сосудовъ и нервовъ, входящихъ въ кожу, *ч* нервные со-сочки, *ш* желѣзка отдѣляющая роговыя пластинки, сквозь ее проходитъ прямой каналъ желѣзки, *щ* приготавлиющей слизистое вещество, *ш'* желѣзка отдѣляющая потъ, *щ'* ея спиральный каналъ, выводящій потъ на поверхность кожи.

18. Ступень передней ноги лошади.

С. КУТОРГА.

KOSMOS.

(МИРОЗДАНИЕ.)

=

БАРОНА АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДАТА.

=

I.

Введение.

О РАЗЛИЧНЫХ РОДАХЪ НАСЛАЖДЕНІЯ ПРИРОДОЮ. НАУКОВОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ
ЗАКОНОВЪ МИРА.

Приступая къ изложенію сущности всеобщихъ физическихъ явленій Земнаго Шара, и взаимнаго дѣйствія силъ вселенной, я чувствую, что во мнѣ возникаетъ два рода опасеній. Съ одной стороны, какъ предметъ, о которомъ я намѣреваюсь разсуждать, необъятенъ, и время, назначенное мнѣ для этого, очень коротко; то я боюсь или сдѣлаться энциклопедически поверхностнымъ, или, стараясь излагать только общія черты своего предмета, утомить своихъ слушателей афористическою короткостью. Съ другой стороны, странническая жизнь, которую я велъ, лишила меня возможности получить привычку къ публичнымъ чтеніямъ, а врожденная робость характера заставляетъ опасаться, что рѣчь моя не всегда будетъ имѣть ту опредѣлительность и ясность, которыхъ требуетъ величіе и разнообразіе избраннаго мною предмета. Природа — царство свободы: для начертанія живой картины того что мы видимъ и чувствуемъ, необходимо чтобы движеніе рѣчи совершалось съ достоинствомъ и свободою; а это — принадлежность высокаго искусства.

Тотъ, кто оцѣниваетъ важность результатовъ изслѣдованія природы не по одному отношенію ихъ къ отдѣльнымъ ступенямъ созданія, или по индивидуальнымъ потребностямъ общественной жизни, а по ихъ связи съ жизнію цѣлаго человѣчества, въ такомъ взглядѣ на общую связь всѣхъ явленій находитъ усладительную награду и даже выгоду — возможность усилить и облагородить наслажденіе, дѣлаваемое созерцаніемъ природы. Такое облагороживаніе есть однако жъ дѣло наблюдательности, ума и времени, въ которыхъ отражаются всѣ направленія нашихъ духовныхъ силъ. Только тотъ, кто сквозь толстые слои, положенные временемъ, умѣетъ преслѣдовать до послѣднихъ корней дѣленіе древняго ствола нашего знанія, только тотъ можетъ увидѣть изъ исторіи, какіе труды втеченіи тысячелѣтій должно было употребить человѣчество, чтобы, въ вѣчно измѣняющемся образѣ вселенной, открыть неизмѣняемые законы и, такимъ образомъ, силою ума, постепенно достигнуть до отдаленныхъ предѣловъ мірозданія. Вопросать прошедшее значитъ доискиваться какимъ образомъ совершился таинственный ходъ идей, посредствомъ котораго то, что нѣкогда представлялось чувствамъ нашимъ въ неясныхъ очеркахъ гармонически расположеннаго цѣлага, или Козмоса, черезъ долги и утомительныя наблюденія приняло наконецъ ясныя, опредѣленныя формы.

Въ каждой изъ этихъ двухъ эпохъ возрѣнія на міръ, то есть, и въ той когда впервые пробудилось въ людяхъ самопознаніе, и въ той, когда, наконецъ, въ одно время начали обрабатываться всѣ отрасли просвѣщенія, заключаются два рода наслажденія. Одинъ родъ наслажденія возбуждается, при дѣтскихъ, простодушныхъ чувствахъ человѣка, первымъ шагомъ его въ область свободной природы и неяснымъ сознаніемъ гармоніи, господствующей въ непрерывно измѣняющемся, но тихомъ, ходѣ ея. Второй — принадлежность человѣчества, котораго образованіе достигло довольно высокой степени совершенства и отражается въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Онъ проистекаетъ изъ глубокаго убѣжденія въ существованіи неизмѣннаго порядку во вселенной и во взаимномъ со-дѣйствіи физическихъ силъ. Съ того самаго времени какъ человѣкъ сталъ готовить орудія чтобы вопрошать природу, и переступить за тѣсныя предѣлы своего скоротечнаго существованія; съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ, не только наблюдать явленія, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и самъ вызывать ихъ; съ тѣхъ поръ, наконецъ, какъ философія природы, сбросивъ съ себя древнюю поэтическую одежду, приняла до-

особенный характеръ мыслящей науки, мѣсто туманныхъ идей и несовершенныхъ изведеній, въ немъ начали развиваться ясныя понятія о бытїи вселенной. Догматическія точки предѣльныхъ вѣковъ о природѣ живуть еще и теперь, въ предразсудкахъ народныхъ и въ тѣхъ ученїяхъ, которыя, чувствуя свое ничтожество, находятъ удовольствіе облекаться мракомъ. Они сохранились, какъ тяжелое наслѣдіе прошедшаго, въ языкахъ человеческихъ, которые обезображиваютъ себя символическими, искусственными, словами и бездушными формами. Только немногія чувственныя изображенія фантази, дошедшія до насъ, въ облачной одеждѣ древности, приняли теперь опредѣленные очертанія и обновленную форму.

Для мыслящаго созерцателя, природа есть единство въ многообразїи; соединеніе различнаго по формѣ и сложенію; совокупность тѣла и снѣгъ; живое цѣлое. Поэтому, главнѣйшимъ результатомъ разсудительнаго изслѣдованія физической природы для естествоиспытателя должно быть открытіе въ многообразїи единства, представленіе себѣ, въ массѣ, всего, что открытія новѣйшихъ вѣковъ обнаружили въ каждомъ недѣльномъ въ особенности; распределеніе повѣренныхъ наблюденїемъ частей, такимъ образомъ, однако жъ, чтобъ масса ихъ не подавляла собою мысли изслѣдователя; и, наконецъ, постиженіе того, къ чему должно вести человѣка сознаніе высокаго своего назначенія, именно, духа природы, таящагося подъ покровомъ явленій. Только этимъ путемъ духъ человѣческій переносится за предѣлы чувственнаго міра и, постигая природу, овладѣваетъ грубымъ матеріаломъ, доставляемымъ эмпирическими воззрѣніями.

Размышляя о различныхъ степеняхъ наслажденія, производимаго воззрѣніемъ на природу, мы находимъ, что наслажденіе перваго роду не зависитъ, ни отъ того, что мы постигаемъ сущность дѣйствія силъ, ни даже отъ собственнаго характера мѣста, въ которомъ мы находимся. И тамъ, гдѣ взоръ нашъ покоится на безконечной дали равнины, покрытой однообразнымъ густымъ ковромъ зелени, и тамъ гдѣ волны моря, медленно разбиваясь о берега, означаютъ предѣлы пути своего зеленѣющими морскими травами и водорослями, вездѣ проникаетъ насъ ощущеніе свободной природы, неясное сознаніе, что она существуетъ по вѣчнымъ внутреннимъ своимъ законамъ. Въ этомъ ощущенїи кроется таинственная сила, которая просвѣтляетъ и успокоиваетъ, усиливаетъ и освѣжаетъ духъ, укрощаетъ болѣзнен-

но встревоженную душу, иногда буруемаемую неистовыми побужденіями страстей. Все что въ насъ кроется важнаго и торжественнаго, прорастаетъ изъ безсознательнаго ощущенія высшаго порядку, существующаго въ природѣ, и зависимости явленій отъ внутреннихъ законовъ; всё впечатлѣнія, производимыя на насъ непрерывно возобновляющимися образами, отраженіемъ во всёхъ частностяхъ организма цѣлой природы, происходятъ изъ противоположности между видимою безконечностью природы и нашею ограниченностію, которой тяжкіе оковы мы всячески стараемся свергнуть съ себя. Каждая точка земли, гдѣ только взору представляются безконечно разнообразныя формы животной или растительной жизни, въ каждой степени умственнаго образованія, есть доказательство существованія этого благодѣтельнаго наслажденія.

Другой родъ наслажденія, также дѣйствующій только на чувство, доставляетъ намъ не простое воззрѣніе на природу, а индивидуальный характеръ виду какого-нибудь мѣста, и фізіономическое выраженіе поверхности нашей планеты. Впечатлѣнія этого роду живѣе, опредѣленнѣе, и поэтому производятъ своего роду душевныя движенія. То поражаетъ насъ огромность массъ въ дикой битвѣ возмущенныхъ стихій; то неподвижная оконечность и пустынный видъ неизмѣримо зеленѣющихъ луговъ и голыхъ степей, которые мы находимъ въ Новомъ Свѣтѣ и Сѣверной Азіи; то плѣдетъ насъ зрѣлище обработанной почвы, перваго признаку поселенія человѣка, окруженной скалами, лежащей при берегѣ пѣнистаго источника. Тутъ могущество очарованія зависитъ уже не столько отъ силы возбужденія, означающаго различныя степени индивидуальнаго наслажденія природою, сколько отъ извѣстнаго роду идей и чувствъ, пробуждаемыхъ въ насъ этими предметами, и отъ ихъ продолжительности.

Увлекаясь воспоминаніями о видѣнныхъ мною величественныхъ картинахъ, я невольно привожу себя на мысль океанъ, когда, въ тихую тропическую ночь, небесный сводъ проливаетъ на пѣжно зыблущіяся волны его, свой планетный, не искрящійся свѣтъ; лѣсистыя долины Кордильеръ, гдѣ высокіе стволы пальмъ пробиваютъ своими вершинами мрачный лиственный сводъ и возвышаются надъ нимъ подобно колоннадѣ, «образуя лѣсъ надъ лѣсомъ»¹; или пикъ Генерифа, когда горизонтальные слои облаковъ отдѣляютъ покрытую пепломъ вершину отъ поверхности острова, и когда сквозь отверстіе, образовавшееся стремленіемъ воздуху, взоръ вдругъ падаетъ на увѣчанные и

поградиками холмы Оротавы и разбросанные по берегу моря сады Гесперидъ.

Въ этихъ сценахъ на насъ дѣйствуетъ, уже не тихая, создающая жизнь природы, и не спокойная дѣятельность ея, а индивидуальный характеръ ландшафта; очерки облаковъ, моря, береговъ, острововъ, сливающиеся въ утреннемъ туманѣ въ одну очаровательную картину; красота формъ растеній и ихъ группировка. Необъятное, и даже ужасное, являющіяся въ природѣ, все что выше нашего понятія, дѣлается источникомъ наслажденія, какъ-скоро мы видимъ его въ романтическомъ мѣстоположеніи: творческая сила фантазіи дополняетъ то, что ускользнуло отъ чувства ея. При каждомъ измѣненіи духа наблюдателя, измѣняется и его фантазія. Мы обманываемъ сами себя, воображая будто во внѣшнемъ мірѣ, дѣйствительно существуетъ то, что творитъ наша фантазія.

Радостное чувство, возникающее въ насъ при взглядѣ на отвѣсныя стѣны утесовъ, когда послѣ долгаго странствованія по морю, вдали отъ роднаго края, мы первый разъ выходимъ на берегъ какой-нибудь тропической страны, зависитъ отъ того, что мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же самыя горвыя породы (глинистый шиферъ и базальтовидный мандельштейнъ), которыя оставили на европейскихъ берегахъ, и которыхъ распространеніе по всей землѣ, кажется, можетъ служить доказательствомъ, что древняя кора земли образовалась независимо отъ внѣшняго вліянія нынѣшняго ея климату. Но эта знакомая намъ кора земнаго шара, покрыта здѣсь незнакомыми намъ формами растеній. Въ это-то время мы, обитатели сѣвернаго пояса, окруженные здѣсь растеніями необыкновенныхъ формъ, поражаемые на каждомъ шагѣ чрезвычайною величиною тропическихъ организмовъ и иноземною природою, замѣчаемъ впервые чудную способность челоуѣческаго духа, свыкаться со всякомъ мѣстомъ. Чувство родственной связи между нами и всѣми органическими существами такъ сильно, что если сначала намъ и кажется, будто отечественные ландшафты и языкъ нашихъ соотечественниковъ должны производить на насъ болѣе сильное впечатлѣніе нежели чужая роскошная растительность, однако жъ вскорѣ начинаемъ чувствовать, что становимся гражданами странъ климату пальмъ, жаркаго пояса. По причинѣ таинственной связи, находящейся между всѣми органическими созданіями (внутри насъ существуетъ безознательное ощущеніе необходимости этой связи), фантазія придаетъ этимъ иноземнымъ формамъ болѣе возвышен-

ный, благороднѣйшій видъ нежели тотъ, который имѣли предметы, окружавшіе насъ въ дѣтствѣ. Темныя ощущенія, и сдѣлаемые чувственныхъ явленій между собою, точно такъ же какъ послѣдствіи совокупное дѣйствіе различныхъ умственныхъ свободностей, приводятъ насъ къ убѣжденію, которое свойственно всѣмъ степенямъ образованности человѣчества, что все живое въ природѣ соединено общими, повинующимися однимъ законамъ и, слѣдственно, вѣчными узами.

Трудное дѣло—разложить на основныя начала волшебную прелесть чувственного міра. Величественность какого-нибудь мѣста зависитъ преимущественно отъ того, что самыя разительныя явленія природы представляются душѣ вдругъ, и въ то же время порождаютъ въ ней множество идей и чувствованій. Чувство это тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ душою, тѣмъ съ большимъ единствомъ дѣйствуетъ на насъ ощущаемый предметъ. Чтобы объяснить себѣ силу общаго ощущенія посредствомъ объективнаго разнообразія явленій, для этого необходимо рассмотреть, отдѣльно, каждый естественный образъ и каждую дѣйствующую силу. Изобильнѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ для такого роду изслѣдованія представляетъ живописная природа южной Азій и Новаго Свѣта, гдѣ громадныя горныя массы образуютъ дно воздушнаго океана и гдѣ, до-сихъ-поръ еще, продолжаютъ дѣйствовать вулканическія силы, выдвинувшія изъ расщелинъ земли длинныя кряжи Андъ, поражая ужасомъ жителей близлежащихъ земель.

Картины природы, расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ во одной главной идеѣ, назначены не для того только чтобы занимать духъ нашъ пріятными впечатлѣніями: послѣдовательность ихъ показываетъ еще и постепенность впечатлѣній, производимыхъ природою. Постепенно увеличивающуюся силу этихъ впечатлѣній мы можемъ преслѣдовать отъ однообразнаго растлающихся, выжженныхъ солнцемъ, степей, до роскошныхъ долинъ жаркаго пояса, кипящихъ растительною силою. Возволимъ воображенію взгромоздить Пилатову гору на Шрекгоргъ, или судетскую снѣговую вершину на Монбланъ: но и тогда высота ихъ не сравнится съ величайшею горою Андъ, Чимборасо, которая вдвое выше Этны. Поставимъ Риги или Ассискую гору на Чимборасо, и мы получимъ высочайшую точку тибетскаго хребта, Давалагири. Индѣйскія горы высотою далеко превосходящія Анды, въ разнообразіи видовъ уступаютъ однако жъ величественнымъ Кордильерамъ Южной Америки. Но на-

вная сила впечатлѣній природы не зависить отъ одной высоты. Цѣпь гималайскихъ горъ лежитъ далеко за предѣлами тропика. Пальма едва достигаетъ до прекрасныхъ долинъ Гарвалаа или Кумаона; между 28 и 34 градусами широты, на скатахъ древняго Парапамиза, растительная природа не производитъ уже роскошныхъ деревopodobныхъ папоротниковъ и злаковъ, огромноцвѣтныхъ боярышниковъ и банановъ, которые подъ тропиками распускаютъ свои широкіе листья на самыхъ высокихъ горныхъ долинахъ. Подъ тѣнью кедровидныхъ деодварскихъ елей и широко-лиственныхъ дубовъ, на гранитной почвѣ, живутъ растенія Европы и сѣверной Азіи. Виды ихъ различны, но строеніе то же. Это можжевельники, альпійскія березы, генціаны, парассии и усѣянные иглами различныхъ видовъ крыжовники ⁴. На Гималаѣ природа не представляетъ тѣхъ разнообразныхъ вулканическихъ явленій, которыя на индѣйскомъ архипелагѣ служатъ постояннымъ доказательствомъ внутренней жизни нашей планеты. На южныхъ скатахъ гималайскаго хребта, гдѣ влажный воздухъ Индустана отлагаетъ содержащуюся въ немъ воду, начинаютъ появляться вѣчные снѣга уже на высотѣ отъ одиннадцати до двадцати тысячъ футовъ, и полагаютъ предѣлъ растительной жизни гораздо прежде нежели въ равноденственныхъ странахъ Южной Америки, гдѣ предѣлы растительной жизни простираются почти двумя тысячами футовъ выше ⁵.

Горныя цѣпи, лежащія ближе къ экватору, имѣютъ другое преимущество, на которое не было обращено достаточнаго вниманія. Въ такомъ небольшомъ уголкѣ земли, въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, разнообразіе впечатлѣній достигаетъ самой высокой степени. Въ глубоко изрытыхъ Андахъ Новой Гренады и Кито, человекъ можетъ созерцать въ одно время и всѣ виды растеній и всѣ созвѣздія неба. Взоръ его обнимаетъ геликоніи, пальмы съ широко раскинутыми вершинами, и бамбуки, и, подъ этими произведеніями тропическихъ странъ, европейскіе дубы, боярышники и зонтичныя растенія. Онъ видитъ и Южный Крестъ и Магеллановы Облачности на южномъ небѣ и путеводныя звѣзды Медвѣдицы, которыя вращаются около сѣвернаго полюса. Здѣсь и земля и небо обонхъ полушарій открываетъ человеку сокровищницу своихъ явленій и разнообразныхъ созданий. Здѣсь климаты и свойственныя имъ формы растительной жизни лежатъ сломы одинъ на другомъ. Здѣсь, на гранитныхъ утесахъ андскаго хребта и на скатахъ горъ, внимательный глазъ наблюдателя видитъ начертанные неизгладимыми буквами законы понижающейся тем-

пературы. Чтобъ не утомить моихъ слушателей идеями, изложенными въ моей «Географіи растений», я возьму только нѣсколько воспоминаній изъ «Очерковъ природы тропическихъ странъ». Предметъ, который производитъ въ чувствѣ лишь неясное, темное какъ горный воздухъ, ощущение, для ума доискивающегося причинной связи между явленіями, становится выраженіемъ индивидуальнаго характера природы только по разможеніи на отдѣльные элементы. Въ наукѣ, какъ въ описательной поэзіи и въ ландшафтной живописи, изображеніе является тѣмъ яснѣе и живѣе, чѣмъ рѣзче и отчетливѣе обдѣланы частности.

Роскошная природа тропическихъ странъ производитъ на душу сильное впечатлѣніе. Но однообразная правильность въ метеорологическихъ измѣненіяхъ атмосферы и въ періодическомъ развитіи организмовъ, и рѣзкое разграниченіе твореній на различныхъ высотахъ отвѣсно возвышающейся почвы, доказываютъ уму, что въ земной жизни, какъ въ зеркалѣ, отражается порядокъ, вѣрный мировымъ законамъ, господствующимъ въ небесныхъ пространствахъ. Остановимся на этомъ явленіи правильности, которая можетъ быть изображена математическими числами.

Въ жаркихъ равнинахъ, лежащихъ немного выше уровня Южнаго Моря, растутъ въ изобиліи бананы, широколиственные пальмы и цикади; за ними слѣдуютъ защищенные высокими стѣнами долины древовидные папоротники, и роскошные, безпрестанно наполняемые и освѣжаемые влажными облачными туманами, хикконы, доставляющія знаменитую противохорадочную корку. Тамъ, гдѣ перестаютъ расти деревья, расцвѣтаютъ, тѣсясь другъ къ другу, тибодии, араліи, и миртолиственные андромеды, и пурпуровую полосу образуютъ на Кордильерахъ альпійская роза и смолістая бифарія. Въ бурныхъ предѣлахъ Паромоса начинаютъ исчезать постепенно и высокіе кустарники и высокоцвѣтныя травы. Колосистые стволы однодольныхъ растений однообразною массою покрываютъ землю: взору представляется необозримый издали, желтый, блистающій лугъ, одиноко пасется здѣсь и вилгоны и привезенный изъ Европы быкъ. Тамъ, гдѣ изъ-подъ дерновой пелены, выдаются только голыя гранитныя скалы, и гдѣ уже нѣтъ чернозему, почву покрываютъ только растенія низшей организаціи, разноцвѣтныя лепраріи, питаемая густымъ, но бывшимъ углеродомъ воздухомъ. Острота свѣже-выпавшаго свѣгу подавляетъ послѣдніе отблески растительной жизни. Наконецъ, начинается рѣзко отдѣляющійся поясъ вѣчныхъ свѣговъ. Подземныя силы напрасно стараются пробиться сквозь бѣлыя, вѣ-

роятно внутри пустыя, колоколообразныя вершины горъ. Тамъ, гдѣ имъ представляется возможность, черезъ круглыя котлы кратеровъ или длинныя трещины проложить себѣ дорогу въ атмосферу, тамъ они извергаютъ уже не лаву, а углекислыи и сѣро-водородный газы и горячіе водяные пары.

Такія величественныя картины должны были производить въ обитателей тропическихъ странъ только чувство удивленія и нѣмое изумленіе.

Внутренняя связь великихъ, періодически возобновляющихся, явленій, и простые законы, по которымъ эти явленія группируются извѣстными полосами, конечно, представляются здѣсь чело-вѣку въ изумительной ясности. Но обстоятельства, которыя во многихъ частяхъ этой благословенной страны препятствовали мѣстному возрожденію цивилизаций, въ то же время, сколько можно судить по историческимъ, дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, были причиною, что это удобство къ узнаванію простыхъ законовъ природы небыли употреблены въ пользу. Основательныя изысканія повѣйшаго времени почти доказываютъ, что колыбель индійской образованности, одного изъ величественнѣйшихъ цвѣт-ковъ чело-вѣческаго рода, образованности, которой распределеніе на юго-востокъ доказалъ Вильгельмъ Гумбольдтъ въ своемъ обширномъ сочиненіи объ языкѣ Кави, находилось между тропиками. Айріяна-Вааджо, страна древнихъ Зевдовъ, лежала на сѣверо-западъ верхняго Инда. По раздѣленіи религій, отложенія Иранцевъ отъ браминскаго ученія, и отдѣленія ихъ отъ Индѣйцевъ, языкъ послѣднихъ, спачала общій обоимъ народамъ, принялъ соб-ственные формы, какъ знакъ другаго гражданскаго бытія, въ Магадѣ или Мадіа-Десѣ, между малою цѣпью Вивдией и Гималаемъ.

Несмотря на препятствія, которыя въ высшихъ широтахъ безпрерывно представляются изыскателю общаго закона, въ мѣст-ныхъ нарушеніяхъ процессовъ атмосферы, или въ распределеніи климатовъ, глубокой взглядъ на дѣйствіе физическихъ силъ раз-вился, хотя и поздно, у народовъ, обитавшихъ въ умѣренныхъ поясахъ нашего полушарія. Отсюда этотъ взглядъ былъ перене-сенъ въ тропическія страны, и ближайшія земли, при движеніи народовъ и переселенцами, и такимъ образомъ совершилось пере-селеніе науковой образованности, которая произвела на умствен-ную жизнь и промышленное благосостояніе колоній, такое же благотворное вліяніе, какъ на государство откуда оно вышло.

Здѣсь мы касаемся той точки, гдѣ къ наслажденію, произво-димому соприкосновеніемъ съ чувственнымъ міромъ, присоеди-няет-

ся новое наслажденіе, пріостекающее изъ идей, именно то, когда человекъ, въ борьбѣ стихій, не только предчувствуетъ, но уже сознаетъ разумомъ существованіе порядку и законовъ въ природѣ, гдѣ, онъ, какъ говоритъ безсмертный поэтъ:

Sucht den ruhenden Pol in der Erscheinungen Flucht.

Чтобъ преслѣдовать это наслажденіе природою, пріостекающее изъ идей, до его зародыша, нуженъ только поверхностный взглядъ на исторію развитія философіи природы или на древнее ученіе о Козмосѣ.

Тайное, тревожное чувство единства силъ природы, таинственной связи между видимымъ и невидимымъ, какъ я замѣтилъ во время своихъ путешествій, свойственно даже дикимъ народамъ. Міръ, который человекъ обнимаетъ своимъ чувствами, сливается безсознательно съ міромъ, созданнымъ имъ подъ вліяніемъ внутренняго голоса и внутри себя, какъ огромный міръ чудесъ. Этотъ міръ, однако жъ, не отблескъ міра физическаго: вѣдшее не можетъ быть само собою отдѣлено отъ внутренняго; но можно замѣтить, что и у самыхъ необразованныхъ народовъ, существуетъ непреодолимое стремленіе фантазіи къ угадыванію символическаго значенія явленій.

То, что у нѣкоторыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями, является зачаткомъ философіи природы, разумнымъ созерцаніемъ, у цѣлыхъ поколѣній народовъ бываетъ произведеніемъ инстинктивной воспримчивости. Такимъ-то образомъ, въ глубинѣ этого темнаго чувства возникаетъ первое побужденіе къ обожанію, обоготворенію воспринятыхъ естественныхъ силъ. Въ человекѣ, который пробѣжалъ различныя степени своего образованія и менѣе уже привязанъ къ землѣ, образуется стремленіе къ духовной свободѣ; его уже не удовлетворяетъ темное чувство, тихое предугадываніе единства силъ въ природѣ. Мысль его, одаренная способностью разлагать на части и приводить въ порядокъ; вступаетъ въ свои права. Подобно образованію человѣческаго рода, при взглядѣ на избытокъ жизни, которая проявляется въ цѣломъ мірозданіи, въ немъ рождается непреодолимое пробужденіе глубже и глубже проникнуть въ причинную связь явленій.

Скоро и вѣрно удовлетворить это желаніе — трудно. Отъ несовершеннаго способу наблюденія, и еще болѣе отъ неправильныхъ наведеній, возникаютъ ошибочныя взгляды на сущность силъ природы. А эти взгляды, воплотясь и окрѣпнувъ въ знаме-

нательныхъ формахъ языковъ, какъ общее достояніе фантазмъ, разливаются между всѣми классами и народами. На-ряду съ ученою физикою развивается другая физика, — система недоказанныхъ, частію совершенно непонятныхъ, опытныхъ знаній. Обнимая только ограниченное число частныхъ, этотъ родъ эмпирическаго знанія становится тѣмъ дерзостиѣе, чѣмъ меньше знаетъ фактовъ, которые бы могли поколебать его. Онъ дѣлается недоступнымъ, неизмѣннымъ въ своихъ аксіомахъ, и дерзкимъ, какъ все ограниченное. Напротивъ, ученое знаніе природы, изслѣдующее все, и потому склонное къ сомнѣнію, отдаляетъ доказанное отъ вѣроятнаго, и съ каждымъ днемъ становится совершеннѣе, чрезъ расширеніе и повѣрку своихъ взглядовъ.

Грубо накопленные физическіе догматы, передаваемые и навязываемые однимъ вѣкомъ другому — вредны, не потому только, что питаютъ нѣкоторыя заблужденія, или свидѣтельствуютъ о дурномъ наблюденіи фактовъ; нѣтъ, они препятствуютъ развитію общаго, величественнаго возрѣвія на мірозданіе. вмѣсто того чтобъ изслѣдовать среднее состояніе, гдѣ при кажущемся отсутствіи зависимости въ природѣ, всѣ явленія колеблются между тѣсными предѣлами, грубый эмпиризмъ обращаетъ вниманіе только на исключенія изъ законовъ; въ явленіяхъ и формахъ онъ ищетъ другаго чуда, а не чудесъ, заключающихся въ правильномъ, постоянномъ, процессѣ развитія. Онъ всегда воображаетъ, будто можно разорвать цѣпь естественныхъ событій; отвергаетъ аналогію между настоящимъ и будущимъ, и думаетъ, будто, играя, можно открыть, и въ отдаленныхъ предѣлахъ неба, и во внутренности земнаго шару, причину мнимыхъ неправильностей въ порядкѣ вселенной. Онъ не допускаетъ насъ до правильныхъ взглядовъ сравнительнаго ученія о землѣ, которое, какъ доказало знаменитое сочиненіе Карла Риттера, тогда только становится основательнымъ, когда цѣлая масса фактовъ, собранныхъ подъ различными широтами, объята однимъ взглядомъ, подчиняется власти связывающаго разума.

Цѣль моя — исправить часть заблужденій, которыя произошли изъ грубаго, неправильнаго, эмпирическаго возрѣвія и живутъ преимущественно въ высшихъ классахъ народа, получившихъ даже высокое литературное образованіе; я хочу, черезъ болѣе глубокой взглядъ на внутреннее бытіе, усилить наслажденіе природою. Потребность такого облагороженнаго наслажденія ощущается всѣми. Настоящій характеръ нашего времени выражается въ

стремленіи всѣхъ образованныхъ сословіи украситъ жизнь изобиліемъ идей.

Поэтому я нахожу, что напрасно опасеніе, къ которому ведетъ ограниченность и какая-то унылость духа, будто отъ изслѣдованія сущности силъ, природа утрачиваетъ свое волшебное, таинственное величіе. Безъ-сомнѣнія, дѣйствіе силъ, въ собственномъ значеніи слова, тогда кажется магическимъ, какъ-бы облеченнымъ мракомъ какого-то таинственного могущества, когда оно является внѣ области вообще признанныхъ усилій природы. Правда, фантазія наблюдателя, измѣряющаго діаметръ планетъ посредствомъ гелиометра или призматическаго двойнаго шпату, слѣдящаго втеченіи многихъ лѣтъ возвышенія надъ меридіаномъ какой-нибудь звѣзды, отыскивающаго телескопическія кометы, между сплошныхъ облачныхъ пятенъ, вѣроятно, разпыргивается столь же мало, какъ и воображеніе ботаника, который высчитываетъ, сколько вырѣзокъ или пыльниковъ имѣетъ цвѣтокъ, или разбираетъ какіе семянные мѣшечки имѣетъ онъ, простые или двойные, съ свободными или вызубренными краями. Но измѣреніе и отыскиваніе числовыхъ отношеній, тщательное наблюденіе частныхъ ведетъ къ высшему познанію цѣлости природы и міровыхъ законовъ. Для физиковъ, каковы Томасъ Юнгъ, Араго, Френель, которые измѣряютъ неравномѣрные потоки свѣту черезъ усиліе или исчезаніе ихъ при интерференціи; для астронома, наблюдающаго посредствомъ телескопа спутниковъ Урана на крайнемъ предѣлѣ нашей солнечной системы; или, подобно Гершелю, Соуту и Струве, разлагающихъ мерцающія свѣтлыя точки, на двойныя звѣзды; для ботаника, слѣдующаго взоромъ за движеніемъ шарикомъ питательнаго соку въ различныхъ породахъ лунницъ (шага), подмѣчающаго единство въ строеніи, сдѣвленіе формъ въ родахъ и естественныхъ семействахъ; и небесныя пространства, и цвѣтистый покровъ земли представляютъ воображенію ихъ болѣе великаго, нежели такому изслѣдователю, который не изощрилъ еще ума своего наблюденіемъ связей, существующихъ между явленіями. Поэтому нельзя согласиться съ остроумнымъ Боркомъ, который говоритъ, что «изумленіе и чувство высокаго пронестекаютъ изъ незнанія предметовъ природы».

Между тѣмъ какъ обыкновенному человѣку кажется, что блистающія созвѣздія, расположены на кристалльной плоскости небесной тверди, астрономъ увеличиваетъ отдаленіе границъ нашего міра, и за нимъ указываетъ намъ другіе, безчисленные міры. Чувство высокаго, пронестекающее изъ простаго взгляда на

обширность природы, близко къ пламенному настроенію духа, зависящему отъ выраженія безконечности и свободы въ сферахъ идеальной субъективности. На этомъ-то средствѣ, на этой-то относительности чувственныхъ впечатлѣній основывается волшебное могущество безконечности, гдѣ бы она ни являлась намъ, въ окаменѣлости, въ морѣ воздуха, когда онъ объемлетъ единенную вершину горы; или въ необозримомъ пространствѣ вселенной, въ область которой мы глубоко проникаемъ нашимъ воображеніемъ съ чувствомъ угадыванія, при помощи большихъ телескоповъ, заставляющихъ проявляться туманы.

Одностороннее обработываніе физическихъ наукъ, и накопленіе безчисленнаго множества грубыхъ матеріаловъ, конечно, могло привести къ предубѣжденію, теперь уже устарѣлому, будто знаніе необходимо должно охладить чувство, убивать творящую силу фантазіи, и такимъ образомъ разстроивать наслажденіе природою. Питать въ наше время подобный предразсудокъ, значить не умѣть цѣнить наслажденія, которыя, при всеобщемъ развитіи человѣческаго образованія, ощущаетъ высокій умъ, сводящій разнообразіе къ единству, и стремящійся къ общему и возвышенному. Кто желаетъ сдѣлать такое наслажденіе вполне высокимъ, тотъ долженъ изъ массы, съ тягостнымъ трудомъ изслѣдованныхъ естественныхъ формъ и явленій, вытѣснить все частности, и даже тщательно скрыть ихъ отъ себя, хотя бы признавалъ ихъ важное значеніе, и хотя бы онѣ повели его къ великимъ взглядамъ на природу.

Къ этимъ опасеніямъ, относительно къ уtratѣ чистаго наслажденія природою отъ вліянія мыслящаго изслѣдованія, присоединяются еще другія, протекающія отъ того, что не всемъ доступна масса или объемъ свѣдѣній, доставляемыхъ наукою. Каждое глубокое изслѣдованіе таинственныхъ тканей организма, или дѣйствія живыхъ силъ, приводитъ насъ къ новому лабиринту. Но это-то именно разнообразіе неизвѣданныхъ, перепутанныхъ путей и производитъ въ насъ на каждой ступени знанія радостное изумленіе. Каждый законъ природы, подмѣченный наблюдателемъ, порождаетъ мысль о другомъ, высшемъ, но еще неизвѣстномъ законѣ, потому что природа, какъ превосходно сказалъ Карусъ, и какъ собственно значило это слово у Римлянъ и Грековъ «есть вѣчно растущее, постоянно продолжающееся твореніе и развитіе».

Область органическихъ типовъ становится обширнѣе по-мѣрѣ того, какъ отважные путешественники дальше и глубже проникаютъ въ неизвѣстныя страны, по-мѣрѣ того какъ совершен-

ствуется сравненіе живущихъ породъ, съ породами уже вымершими, по-мѣрѣ-того какъ совершенствуется микроскопъ. Въ разнообразіи и періодическомъ измѣненіи формъ жизни возобновляется непрерывно, съ начала міра существующая тайна образопріятія или, лучше сказать, проблема метаморфоза, такъ удачно обработанная Гёте, разрѣшеніе которой удовлетворило потребности приведенія идеальнаго разнообразія къ извѣстнымъ основнымъ типамъ.

Чѣмъ больше увеличивается кругъ знанія, тѣмъ обширнѣе становится чувство необъятности жизни природы; мы ясно понимаемъ, что какъ на землѣ, такъ и въ атмосферѣ окружающей землю, въ глубинѣ океана и въ глубинѣ небесъ, для смѣлаго ученаго завоевателя (12), даже черезъ нѣсколько тысячелѣтій, «въ мірѣ не будетъ недостатка въ пространствѣ».

Общіе взгляды на созданія міра, — на вещество, изъ котораго устроены отдаленныя небесныя тѣла, на близкія къ намъ земныя явленія, гораздо привлекательнѣе и возвышеннѣе, нежели изученіе частностей, составляющихъ предметъ отдѣльныхъ отраслей естествознанія; они особенно привлекательнѣе тѣхъ, которые не имѣютъ много свободнаго времени для такихъ занятій. Заниматься естественно историческими науками могутъ съ удовольствіемъ люди, находящіеся въ извѣстныхъ положеніяхъ. Эти науки доставляютъ удовольствіе однако жъ не во всякое время года и не въ каждомъ мѣстѣ. Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, мы часто бываемъ лишены возможности производить непосредственныя наблюденія надъ естественными тѣлами. Если наше вниманіе обращено исключительно на извѣстный классъ предметовъ, въ такомъ случаѣ, самые превосходные рассказы естествоиспытателей-путешественниковъ, о предметахъ, которыми мы занимаемся, не доставляютъ намъ никакого наслажденія, если мы не видимъ ихъ передъ собою.

Подобно исторіи, которая, изображая истинную причинную связь между происшествіями, разрѣшаетъ многія загадки въ судьбѣ народовъ и ихъ умственномъ, то задержанномъ, то ускоренномъ развитіи, физическое мірописаніе, основанное на глубокомъ познаніи всего открытаго изслѣдователями, уничтожаетъ часть противорѣчій, которыя, повидимому, существуютъ между дѣйствіемъ естественныхъ силъ. Общіе взгляды придаютъ понятію о природѣ болѣе достоинства и величія; они очищаютъ и успоковаютъ душу, потому что такъ-сказать, примиряютъ кажущуюся борьбу между элементами, открывая законы, господ-

ствующіе и въ жѣзвннхъ земныхъ веществахъ, и въ архипелагѣ тѣсно сплоченныхъ между собою туманныхъ пятенъ и въ пустынномъ пространствѣ небесъ, приводящемъ въ содроганіе воображеніе.

Общіе взгляды приучаютъ насъ взирать на каждый организмъ какъ на часть цѣлаго, смотрѣть на каждое растеніе и каждое животное, не какъ на недѣлимое или отдѣльное существо, а какъ на естественную форму, составляющую звено въ общей цѣпи созданія. Они расширяютъ предѣлы нашего умственного бытія, приводятъ насъ въ сопротивленіе съ цѣлымъ земнымъ шаромъ, несмотря на то, что мы занимаемъ на немъ ограниченное пространство. Черезъ нихъ наука, получая отъ путешественниковъ къ отдаленнымъ полюсамъ, или съ воздвигнутыхъ, почти во всѣхъ широтахъ, станцій, свѣдѣнія о одновременномъ появленіи магнитныхъ бурь, получаетъ невыразимую прелесть. Черезъ нихъ мы быстро угадываемъ связь, существующую между результатами новѣйшихъ наблюденій и давно открытыми явленіями.

Возьмемъ для примѣру предметъ, обратившій на себя въ послѣднее время всеобщее вниманіе. Можно ли, не имѣя общихъ свѣдѣній объ обыкновенномъ движеніи кометъ, представить себѣ, какъ важно послѣдствіями открытіе Энке, что законъ, по которому комета, движущаяся по своему эллиптическому пути, никогда не выходитъ изъ предѣловъ нашей планетной системы? А это ясно доказываетъ существованіе жидкости, противодѣйствующей ея стремленію въ безконечность.

II.

ГРАНИЦЫ И УЧЕНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ФИЗИЧЕСКАГО МИРООПИСАНІЯ.

Въ общихъ разсужденіяхъ, которыми я началъ свое введеніе въ міроописаніе, я старался показать и объяснить примѣрами, какимъ образомъ наслажденіе природою, разнообразное по своимъ внутреннимъ источникамъ, дѣлается возвышеннѣе, когда мы имѣемъ ясныя понятія о связи явленій и о гармоніи оживляющихъ силъ. Теперь постараюсь ближе опредѣлить духъ и главную идею ученыхъ изслѣдованій, къ которымъ намѣреваюсь приступить, постараюсь устранить изъ нихъ все постороннее и, наконецъ, изложить, для лучшаго обзрѣнія, въ возможной крат-

кости, понятіе и содержаніе *ученія о Козмосѣ*, въ томъ значеніи, какое я себѣ о немъ составилъ, изучая природу въ продолженіи многихъ лѣтъ и въ различныхъ полясахъ. Да будетъ мнѣ позволено надѣяться, что такое изложеніе оправдаетъ неосторожное заглавіе моего сочиненія и избавитъ его отъ упрека въ самонадѣянности. На основаніи сказаннаго мною прежде объ изученіи законовъ міра, введеніе въ науку о Козмосѣ будетъ содержать, въ четырехъ отдѣленіяхъ:

1, *Понятіе и границы физическаго міроописанія*, какъ отдѣльнаго ученія.

2, *Объективное содержаніе*, реальное, эмпирическое воззрѣніе на вселенную, какъ цѣлое природы; *картины природы* въ ученой формѣ.

3, *Впечатлѣніе природы на воображеніе и чувство*, условія и средства, по которымъ одушевленные описанія отдаленныхъ поясовъ (климатовъ), и природоописательная поэзія (вѣтвь новѣйшей литературы), облагороженная пейзажная живопись, разведеніе и расположеніе въ разныхъ противоположныхъ грунтахъ экзотическихъ растеній, возбуждаютъ въ насъ желаніе изучать природу.

4, *Исторію воззрѣнія на природу*, то есть, постепенное развитіе и распространеніе понятія о Козмосѣ, какъ о цѣломъ природы.

Чѣмъ выше точка зрѣнія, съ которой разсматриваются въ этомъ сочиненіи явленія природы, тѣмъ положительнѣе должны быть опредѣлены границы основываемой науки и тѣмъ вѣрнѣе должна быть она отдѣлена отъ всѣхъ сродныхъ ученій. *Физическое міроописаніе* разсматриваетъ все созданное, все существующее въ пространствѣ (естественныя тѣла и естественныя силы), какъ одновременно существующее цѣлое природы. Она раздѣляется для обитателей земли на два главныхъ отдѣленія, *теллурическое и сидерическое* (уранологическое). Чтобы опредѣлить ученую самостоятельность физическаго міроописанія и изобразить отношенія его къ другимъ отраслямъ знанія, собственно къ *физикѣ* или естествознанію, къ *естественной исторіи* или частному описанію природы, къ *геогнозису* и *сравнительной географіи*, прежде всего должно обратиться къ *теллурическому* (земному) отдѣленію (физическаго) міроописанія. Какъ исторія философіи не состоитъ въ простомъ вычисленіи различныхъ философическихъ мнѣній, такъ точно и теллурическая часть физическаго міроописанія не есть *энциклопедическій сборникъ истинъ* изъ только что наз-

ванныхъ естественныхъ наукъ. Границы, существующія между такими сродными ученіями, чрезвычайно невѣрны, потому что издавна привыкли обозначать цѣлыя группы опытныхъ знаній названіями, которыхъ значеніе слишкомъ обширно, или слишкомъ тѣсно. Сверхъ-того многія изъ этихъ названій въ языкахъ классической древности, откуда мы ихъ заимствовали, имѣли совсѣмъ не то значеніе, какое мы имъ даемъ теперь. Названіе отдѣльныхъ наукъ, *антропологи́и*, *физиоло́ги*, *физи́ки*, *естественной исторіи*, *геогно́зи* и *географіи*, возникли и вошли въ общее употребленіе, когда понятіе о разнообразіи предметовъ не было еще приведено въ надлежащую ясность и когда наука не успѣла еще положить между ними надлежащихъ границъ. Въ языкѣ одного изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы, въ языкѣ англійскомъ, физика означаетъ также и врачебную науку, между-тѣмъ какъ техническая химія, геологія и астрономія, обрабатываемыя совершенно эмпирически, причисляются къ *философическимъ трудамъ* (*transactions*) академіи, пользующейся всемірною извѣстностью.

Люди, занимавшіеся классификаціею всѣхъ отраслей человѣческихъ знаній, начиная съ издателя обширной энциклопедіи «*Maggarita philosophica*», картгейзерскаго монаха Григорія Рейна ¹, до Бэка, отъ Бэка до д'Аламбера и, въ новѣйшее время, до остроумнаго геометра и физика Ампера ², нѣсколько разъ пытались замѣнять старыя, хотя и неопредѣленные, но для всѣхъ понятныя, названія, новыми; однако жъ всѣ ихъ попытки имѣли самый ничтожный успѣхъ. Неудачный подборъ греческихъ словъ кажется больше повредилъ этому предпріятію, нежели слишкомъ большое дробленіе и размноженіе группъ.

Вспомогательныя науки, необходимыя для физическаго міроописанія, объемлющаго цѣлую вселенную, какъ предметъ наружныхъ чувствъ: общая физика и естественная исторія; но разсматриваніе вещественныхъ тѣлъ въ видѣ цѣлаго природы, получающаго жизнь и движеніе отъ внутреннихъ силъ, имѣетъ, какъ отдѣльная наука, совершенно особенный характеръ. Физика занимается только общими свойствами матерій; предметъ ея — отвлеченіе силъ, проявляющихся въ матеріи, даже въ колыбели этой науки, въ осьми книгахъ *физическихъ чтеній* Аристотеля ³, всѣ явленія природы приписываются движущей жизнедѣятельности общей силы міра. *Теллурическая* часть физическаго міроописанія или, удерживая прежнее выразительное названіе, *физическое землеописаніе*, рассуждаетъ, напримѣръ, о распредѣленіи магнетизма на нашей планетѣ, въ отношеніи его напряженія

и направленія, но не о законахъ магнитнаго притяженія и отталкиванія, не о средствахъ вызывать могущественныя, то преходящія, то постоянныя электро-магнитныя дѣйствія. Физическое землеописаніе изображаетъ раздѣленіе материковъ и распредѣленіе ихъ массъ на обоихъ полушаріяхъ, раздѣленіе имѣющее вліяніе на различіе климатовъ и важнѣйшіе метеорологическіе процессы атмосферы; оно схватываетъ главный теллурической характеръ горныхъ хребтовъ, и, замѣчая параллельное или пересѣкающееся ихъ направленіе, относитъ ихъ къ различнымъ эпохамъ происхожденія и системамъ; отыскиваетъ среднее возвышеніе материковъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ моря, положеніе центра тяжести ихъ толщи, отношеніе высочайшихъ вершинъ большихъ горныхъ отроговъ къ ихъ хребту, къ близости моря или къ минералогическому характеру горныхъ породъ; объясняетъ намъ: данная порода выдвинулась ли сама, проламывая и разбивая другія породы, или была только приподнята и приняла различное направленіе и наклонность въ своихъ слояхъ; рассматриваетъ связь или отдѣльное положеніе огнедышащихъ горъ, относительную ихъ силу и границы, до которыхъ простирается производимое ими сотрясеніе и какъ пространство такого сотрясенія съ уживается или расширяется въ продолженіи столѣтій. Далѣе, оно показываетъ общія свойства большихъ рѣкъ въ верховьяхъ и устьяхъ; наклонность ихъ къ развѣтвленію (*bifurcatio*) въ обѣихъ частяхъ ихъ теченія, показываетъ какъ онѣ, то пересѣкаютъ подъ прямымъ угломъ волюссальныя цѣпи горъ, то текутъ съ ними параллельно, то близко подлѣ скатовъ горъ, то въ значительномъ отъ нихъ отдаленіи; смотря по вліянію, какое имѣло возвышеніе горныхъ системъ на поверхность цѣлыхъ областей, или на подошвенную почву лежащей равнины. Къ наукѣ, границы которой я теперь назначаю, принадлежатъ только главные результаты сравнительной *географіи* и *гидрографіи*, а не росписи горныхъ вершинъ, дѣйствующихъ нынѣ вулкановъ или величины рѣчныхъ системъ, которыя, по моимъ понятіямъ, относятся къ частной географіи (землеводѣдѣнію) и къ замѣчаніямъ, служащимъ къ поясненію моего сочиненія. Вычисленіе разпорядныхъ или близкихъ отношеній природы, общій обзоръ теллурическихъ явленій, по ихъ распредѣленію въ пространствѣ, или отношенію къ земнымъ поясамъ, не должно смѣшиваться съ разсматриваніемъ отдѣльныхъ предметовъ твореній природы, минераловъ, оживленныхъ организмовъ физическаго хода земной жизни, въ которомъ предметы приводятся въ систему только по внутренней своей аналогіи.

Частныя землеописанія составляютъ, конечно, самый употребительный материалъ для общей физической географіи, но и самое тщательное собраніе такихъ землеописаній точно такъ же не составило бы характеристической картины земли,—цѣлаго природы, какъ и простое совокупленіе всѣхъ отдѣльныхъ флоръ земнаго шара не составило бы *географіи растений*. Изъ частныхъ органическаго образованія (*морфологія, естественная исторія растений животныхъ*) выводить общее имъ по климатическому распредѣленію; изслѣдывать нумерическіе законы (опредѣленные содержанія въ числѣ извѣстныхъ формъ или естественныхъ семействъ, къ общему числу животныхъ и растений высшаго образованія); наконецъ, показывать, въ какомъ поясѣ каждая изъ главныхъ формъ достигаетъ до maximum числа видовъ и органическаго развитія, доказывать, что пейзажное впечатлѣніе, производимое на душу растительнымъ царствомъ въ различныхъ растояніяхъ отъ экватора, болѣею частью зависить отъ законовъ географіи растений, есть дѣло соображенія.

Расположенныя систематически росписи всѣхъ органическихъ твореній, которымъ мы прежде давали слишкомъ пышное названіе «системъ природы», могутъ, конечно, представить намъ изумительное сцѣпленіе существъ по внутреннимъ ихъ отношеніямъ, сходству въ формѣ (строенію), по постепенному развитію своему въ листь и чашечку, въ окрашенные цвѣты и плоды, по сцѣпленію ихъ по группамъ, въ отношеніи къ пространству, то есть, по полосамъ земли, по возвышенію надъ поверхностью моря, по вліянію температуры, которое ощущается всею поверхностью планеты. Высшая цѣль *физическаго землеописанія* состоитъ, какъ уже прежде было сказано, въ постиженіи единства въ многообразіи, въ изслѣдованіи того, что есть общаго между всѣми теллурическими явленіями и внутренней ихъ связи. Упомянутіе о частностяхъ, служитъ только для приведенія въ согласіе законовъ *органическаго дробленія* съ законами *географическаго распредѣленія*. Органическія творенія, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, являются распредѣленными болѣе по *земнымъ поясамъ*, по различію искривленій изотермическихъ линій, нежели по внутреннему сходству или по свойственному всей природѣ началу *возвышенія* и самостоятельному индивидуальному развитію органовъ.

Слѣдовательно, *естественный порядокъ* (последовательность) растительныхъ и животныхъ твореній будетъ здѣсь разсматриваемъ, какъ нѣчто данное, заимствованное изъ описательной бо-

таинки и зоологія. Физическая географія изслѣдуетъ также, какимъ образомъ весьма разнообразныя формы состоятъ въ тѣсномъ генетическомъ отношеніи (въ отношеніи взаимнаго *зависима и исключенія*), между-тѣмъ какъ семейства и виды повидимому разбросаны на поверхности земли; какимъ образомъ организмы составляютъ теллурическое цѣлое природы; какимъ образомъ они дыханіемъ и процессами медленнаго старанія измѣняютъ атмосферу и, какимъ образомъ, будучи поддерживаемы въ своемъ существованіи свѣтомъ, оказываютъ, несмотря на незначительность своей массы, вліяніе на всю наружную земную жизнь (*жизнь коры земной*).

Способъ изложенія, предлагаемый мною здѣсь, исключительно приличный для *физическаго землеописанія*, становится еще проще, будучи примененъ къ уранологической части космоса, къ физическому описанію пространства міра и небесныхъ тѣлъ. Если мы, какъ это, къ несчастію, до-сихъ-поръ дѣлаемся, чего однако жъ, со временемъ, при болѣе глубокомъ познаніи природы, не должно будетъ уже дѣлать, допустимъ разницу между *естествоученіемъ* (физикою), общимъ изслѣдованіемъ матеріи, силъ и движенія — и между химією, то есть изслѣдованіемъ различныхъ свойствъ веществъ, ихъ стихіологической разнородности, ихъ соединеній и перемѣнъ при смѣшеніяхъ по собственнымъ притягательнымъ силамъ, необъяснимымъ простымъ соотношеніемъ массъ, то должны признать одновременное существованіе процессовъ въ земныхъ пространствахъ физическихъ и химическихъ. Кромѣ основной силы матеріи, притяженія (тяготѣнія), дѣйствуютъ въ земныхъ тѣлахъ еще и другія силы; такъ, напричѣмъ, между частицами, находящимися или въ непосредственномъ между собою соприкосновеніи, или въ чрезвычайно маломъ разстояніи другъ отъ друга. Какъ въ неорганической природѣ, такъ и въ живыхъ организмахъ постоянно дѣйствуютъ силы такъ называемаго *химическаго сродства* и, въ свою очередь, находятся въ зависимости отъ электричества, теплоты и отъ веществъ, возбуждающихъ своимъ прикосновеніемъ химическіе процессы, не принимая въ нихъ участія (*Contact-Substanzen*). Въ небесныхъ пространствахъ постигаемъ мы до-сихъ-поръ только *физическіе процессы*, дѣйствіе матеріи, зависящее отъ распределенія массъ, подлежащее динамическимъ законамъ. Такія дѣйствія считаются независимыми отъ качественныхъ различій (разнородности или видоваго различія) основныхъ веществъ.

Обитатель земли находится въ сношеніи съ массами, собран-

ными въ сферическія тѣла или разбѣянными въ пространствахъ отдаленнаго міра только чрезъ явленіе свѣта и черезъ вліяніе общаго тяготѣнія (взаимнаго притяженія массъ). Вліяніе солнца и луны на періодическія измѣненія земнаго магнетизма покрыты еще мракомъ; о качественномъ свойствѣ основныхъ веществъ, движущихся въ пространствахъ вселенной, или, быть можетъ, его наполняющихъ, мы не имѣемъ еще непосредственныхъ наблюденій, если не принять падающихъ аэролитовъ, этихъ разгоряченныхъ и парами облеченныхъ массъ за малыя небесныя тѣла, понавшія въ своемъ пути черезъ небесныя пространства въ сферу притяженія нашей планеты, что, судя по скорости и силѣ ихъ паденія, дѣлается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Сходство ихъ составныхъ частей съ нашими земными веществами, поразительно. По аналогіи, мы можетъ составить предположеніе о свойствѣ тѣхъ планетъ, которыя принадлежатъ къ одной группѣ и образовались подъ вліяніемъ центральнаго тѣла черезъ осѣданіе изъ крутящихся колецъ паробразной матеріи.

Вѣрность аксіомы Ньютона, что при паденіи скорость движенія самыхъ разнообразныхъ тѣлъ (воды, золота, кварцу, известяку, аэролитныхъ массъ) увеличивается отъ притяженія земли въ совершенно одинаковой степени, подтвердилась необыкновенно точными опытами Бесселя надъ маятникомъ; наконецъ, разнообразные, чисто астрономическіе выводы, напримѣръ, вычисленіе массы Юпитера, изъ вліянія ея на движеніе спутниковъ Юпитера, на комету Энке, на малыя планеты (Весту, Юнону, Цереру и Палладу), показываютъ, что сила притяженія всюду зависитъ только отъ количества матеріи ⁵.

Устраненіе изъ астрономическаго вычисленія качественного различія между основными веществами удивительно упрощаетъ сущность небесной механики: она подчиняетъ необъятную область вселенной единственному владычеству динамики; *астрогностическая* часть физическаго міроописанія занимаетъ свои данныя изъ твердыхъ основаній теоретической астрономіи, какъ *теллурическая* изъ физики, химіи и органической морфологіи. Эти послѣднія науки обнимаютъ столь запутанныя и столь неподчинимыя математическимъ изслѣдованіямъ явленія, что *теллурическая* часть ученія о Козмосѣ, не можетъ быть обработана съ такою же точностью и простотою, какъ астрономическая. Означенное тутъ различіе между двумя ученіями показываетъ, нѣкоторымъ образомъ, причину, почему со времени греческой образованности натуральная философія Пифагора болѣе

занималась *вселенною* вообще, нежели *землею*, и почему творенія Филолая и потомъ Аристарха Самосскаго и Селевка Элитрійскаго принесли гораздо болѣе пользы настоящему познанію нашей солнечной системы, чѣмъ іоническая натуральная философія — познанію физики земли. Итальянская школа, съ дорическою строгостью обращающая вниманіе лишь на правильность образованія, на форму и мѣру ⁶, была равнодушна къ специфическому свойству тѣлъ, наполняющихъ пространство, и къ качественному различію веществъ; между-тѣмъ какъ іоническіе физиологи преимущественно обращали вниманіе на основное вещество, на его возможныя измѣненія и генетическія отношенія. Могучему, истинно философическому духу Аристотеля суждено было съ равною любовью проникнуть мыслию и въ міръ отвлеченностей и въ необъятную сокровищницу разнообразныхъ веществъ, составляющихъ основу органическихъ твореній. Во многихъ, весьма хорошихъ, физико-географическихъ сочиненіяхъ во введеніи заключается часть, въ которой земля разсматривается въ ея планетарной зависимости, въ ея отношеніи къ солнечной системѣ; этотъ путь совершенно противоположенъ избранному мною.

Въ міроописаніи астрогностическая часть, названная Кантомъ *естественною исторіею* неба, не должна быть подчинена *теллурической*; въ Козмосѣ, солнце съ его спутниками, какъ выразился уже Коперниканецъ Аристархъ Самосскій, есть звѣзда между безчисленными звѣздами. Общій взглядъ на міръ долженъ слѣдовательно, начинаться описаніемъ наполняющихъ его небесныхъ тѣлъ, такъ сказать, графическимъ изображеніемъ вселенной, начертаніемъ настоящей карты міра, какъ это первый сдѣлалъ Гершель отецъ. Если, несмотря на малость нашей планеты, теллурическая часть и занимаетъ въ міроописаніи больше мѣста и обработана съ болѣею отчетливостью, то это зависитъ отъ неравномѣрности массъ дознаннаго и только эмпирически-доступнаго. Впрочемъ, примѣръ тому, что урамографическая часть занимаетъ низшее мѣсто, мы находимъ уже у знаменитаго географа Бергарда Вареніуса ⁷, писавшаго въ половинѣ семнадцатаго столѣтія. Онъ весьма остроумно различаетъ *общее* землеописаніе отъ частнаго и раздѣляетъ первое на *безусловно теллурическое* и *планетарное*, смотря по тому, разсматриваются ли *отношенія земной поверхности къ различнымъ поясамъ*, или отношенія нашей планеты къ солнцу и лунѣ. Неувядаемую славу Вареніуса составляетъ то, что начертаніе его *общаго* и *сравнительнаго землеописанія* обратило на себя въ высокой степени

вниманіе Ньютона, несмотря что несовершенство вспомога-
тельныхъ наукъ того времени не позволило автору довести от-
дѣлку своего сочиненія до совершенства, которое соответствова-
ло бы великости предпріятія. Нашему времени предоставлено
было подвинуть до чрезвычайно высокой степени совершенства
сравнительное землеводіе въ самомъ обширномъ значеніи сло-
ва, въ его вліяніи на исторію человѣчества, на отношенія формы
земли къ направленію переселеній народовъ и на успѣхи обра-
зованности ⁹.

Исчисленіе множества лучей, соединяющихся въ общемъ по-
знаніи природы какъ въ фокусѣ, можетъ оправдать заглавіе со-
чиненія, которое я рѣшился издать въ свѣтъ на закатѣ моей
жизни. По границамъ, которыя я предначерталъ себѣ, заглавіе
моей книги быть-можетъ отважнѣе, нежели самое предпріятіе.
Въ изложеніи специальныхъ ученій я избѣгалъ, по-возможности,
новыхъ названій для обозначенія общихъ понятій. Умноженіе
помоклатуры я позволялъ себѣ только когда нужно было на-
зывать недѣлимыя изъ царства растений и животныхъ. Слово,
физическое *міроописаніе*, употребленное мною, составлено по об-
разцу давно уотребительному, физическое *землеописаніе*. Вве-
деніе новаго слова необходимо въ книгѣ такого обширнаго со-
держанія, гдѣ изображается цѣлое природы, отъ отдаленной не-
бесной области, до климатическаго распространенія органическихъ
тѣлъ, окрашивающихъ наши скалы.

Хотя въ обыкновенной рѣчи по причинѣ ограниченности чело-
вѣческихъ знаній, понятія *земля* и *свѣтъ* (міръ) смѣшиваются, на-
примѣръ въ выраженіяхъ: путешествіе вокругъ свѣта, карта
свѣта, Новый Свѣтъ, тѣмъ не менѣе однако же необходимо въ
ученомъ сочиненіи ясно различать слово свѣтъ, міръ, отъ слова
земля. Прекрасно и вѣрно составленное выраженіе — мірозданіе,
для означенія совокупности и происхожденія всей матеріи, какъ
земной такъ и отдаленнѣйшихъ созвѣздіи, оправдываютъ это
раздѣленіе. Стараясь избрать выраженіе болѣе опредѣлительное,
оному болѣе торжественное, которое соответствовало бы старин-
ному обычаю, я назвалъ свое сочиненіе *Козмосамъ*, словомъ, ко-
торое означало первоначально, во времена Гомера, *убранство*
и *красу*, впоследствии же сдѣлалось техническимъ терминомъ,
для ученаго выраженія *благоустройства* природы и даже всей
массы, наполняющей пространство, то есть *Вселенной*.

Трудности, которыя умъ человеческій встрѣтилъ, стараясь от-
крыть правильность и порядокъ въ безпрерывной перемѣнчивости

земныхъ явленій, заставили его преимущественно обратить вниманіе на однообразное, гармоническое движеніе небесныхъ тѣлъ. По свидѣтельству Филолая, котораго отрывки такъ остроумно обработаны Бёкомъ (Voeskh), и по единогласному свидѣтельству всей древности⁹, Пифагоръ первоначально употреблялъ слово Козмосъ для обозначенія міроваго порядку, міра и небеснаго пространства. Изъ философскаго языка италійской школы, слово это перешло въ языкъ поэтовъ природы (Парменидъ и Эмпедоклъ) и, наконецъ, позже и медленнѣе, къ прозаикамъ.

По пифагорейскимъ понятіямъ слово это употреблялось иногда и во множественномъ числѣ, для означенія планетъ, описывающихъ круговой путь около центра міра, или для означенія группъ созвѣздій (острововъ міра); Филолай въ одномъ мѣстѣ даже дѣлаетъ различіе между *Олимпомъ*, *Козмосомъ* и *Ураносомъ*, но все это не подлежитъ здѣсь дальнѣйшему разбору. Въ моемъ начертаніи *міроописанія*, слово Козмосъ употреблено для совокупнаго обозначенія земли и неба, всего міроздавія, въ значеніи, которое вошло въ общее употребленіе послѣ Пифагора, согласно опредѣленію, данному этому слову неизвѣстнымъ сочинителемъ книги *de Mundo*, долго приписываемой Аристотелю. Римляне, начавши поздно заниматься философіею, для выраженія вселенной, по страсти къ подражанію избрали слово *mundus*, не значившее у нихъ даже *порядокъ*, а только *убранство*. Введеніе такого техническаго термина въ латинскій языкъ, буквальный переводъ греческаго *κοσμος*, въ двойномъ смыслѣ употребляемаго, должно кажется приписать Эннію¹⁰, приверженцу италійской школы и переводчику пифагорейскихъ *философическихъ разсужденій Эпигариса* или одному изъ его подражателей.

Физическая исторія міра, если бъ имѣлись матеріалы, должна бы была изображать, въ обширнѣйшемъ значеніи слова, всѣ перемѣны, претерпѣнныя Козмосомъ втеченіи временъ, начиная отъ новыхъ звѣздъ, внезапно явившихся на тверди небесной и туманныхъ звѣздныхъ пятенъ, распускающихся или въ среднѣ своей сгущающихся, до тончайшей растительной ткани, постепенно и послѣдовательно одѣвающей голую, охлажденную земную кору или возвысившійся коралловый рифъ; напротивъ-того, физическое *міроописаніе* изображаетъ настоящую дѣятельность естественныхъ силъ и настоящее положеніе тѣлъ, источниковъ этихъ силъ. Впрочемъ въ природѣ, настоящій моментъ никакъ не можетъ быть отдѣляемъ отъ предъидущихъ и послѣдующихъ, потому что не только въ органическихъ тѣлахъ

видимъ мы безпрерывное возниканіе и уничтоженіе, но и вся жизнь земная, въ каждомъ періодѣ своего существованія напоминаетъ о состояніяхъ, въ которыхъ она нѣкогда находилась. Такимъ образомъ каменистые слои, лежащіе другъ надъ другомъ и составляющіе наибольшую часть наружной земной коры, содержатъ въ себѣ слѣды твореній, почти совершенно прекратившихся; они являютъ рядъ образованій, группами замѣнявшихъ однѣ другія, открываютъ взору наблюдателя въ одно и то же время, виды животныхъ и растений истекшихъ тысячелѣтій. Въ этомъ смыслѣ *описаніе* природы, и исторія природы не могутъ быть вполне отдѣлены другъ отъ друга. Геогность не можетъ постигнуть настоящаго, не зная прошедшаго. То и другое сливается въ естественномъ образѣ земнаго тѣла, подобно тому, какъ этимологъ, разсматривая обширную область языковъ, видитъ происхожденіе ихъ и постепенное образованіе въ прежнемъ состояніи грамматическихъ формъ; видитъ отраженіе всего прошедшаго (относительно образованія языковъ) въ настоящемъ. Въ матеріальномъ мірѣ это отраженіе бывшаго тѣмъ яснѣе, что въ глазахъ нашихъ довершается образованіе подобныхъ произведеній. Такія горныя породы какъ трахитъ, базальтъ, слои пемзы и остеклованнаго мандельштейна, особеннымъ образомъ оживляютъ мѣстность: онѣ дѣйствуютъ на воображеніе подобно преданіямъ древности. Въ формѣ ихъ заключается ихъ исторія.

Мы познаемъ существующее въ полномъ его объемѣ и внутренней сущности, только когда оно совершилось. Это первоначальное сліяніе понятій видимъ мы въ значеніи созданнаго, въ классической древности, Греками и Римлянами слова. Исторія. Въ зоологическихъ сочиненіяхъ Аристотеля, слово «исторія» принимается въ значеніи повѣствованія объ извѣданномъ, чувствами постигнутомъ; хотя опредѣленіе этого слова у другихъ было иное. Плиніи Старшій называетъ свое физическое міроописание «*Historia naturalis*»; въ письмахъ Плинія-Младшаго она названа благороднѣе, «исторією природы». Историки самой глубокой древности почти не раздѣляютъ описанія странъ или земель, отъ изложенія событій въ нихъ случившихся. Физическая географія и исторія долго смѣшивались другъ съ другомъ, доколѣ возрастающій политическій интересъ и измѣняющаяся гражданственность не вытѣснили перваго элемента, составившаго наконецъ отдѣльное ученіе.

Подведеніе множества явленій Козмоса подъ единство мысли, подъ форму чисто рациональной связи, при теперешнемъ состо-

ни нашихъ эмпирическихъ знаній, по моему мѣнью, не можетъ быть исполнено.

Эмпирическія науки никогда нельзя считать оконченными; бездна предметовъ познаваемыхъ чувствами неисчерпаема, ни одно поколѣніе не можетъ сказать, что оно обозрѣло рѣшительно все явленія. Только располагая явленія въ группы, видимъ мы въ отдѣльныхъ одинаковыхъ группахъ господствованіе великихъ и простыхъ законовъ природы. Кругъ этого господствованія становится обширнѣе по мѣрѣ усовершенствованія физическихъ наукъ. Блестательныя доказательства тому мы видимъ въ новоприобрѣтенныхъ понятіяхъ о процессахъ, зависящихъ, какъ въ самомъ матеріи такъ и въ атмосферѣ, отъ электро-магнитныхъ силъ, отъ лучистой теплоты и распространенія волнъ свѣта; и сверхъ-того въ процессѣ развитія организмовъ, въ которыхъ предварительно означено все имѣющее быть; гдѣ изъ размноженія и преобразованія клѣточекъ образуется ткань животнаго и растительнаго міра. Сліянніе частныхъ законовъ, господствовавшихъ сначала, повидимому только, въ тѣсныхъ кружкахъ, въ изолированныхъ группахъ явленій, въ одинъ общій законъ, совершалось постепенно.

Предѣлы владычества и изслѣдованныхъ законовъ становятся обширнѣе а идеальная связь — яснѣе, пока мы занимаемся изслѣдованіемъ сродныхъ между собою массъ. Но, когда наши динамическія возрѣнія, которыя ктому еще основываются на предполагаемомъ существованіи атомовъ, оказываются недостаточными, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ специфическими свойствами матеріи и ея разнородностію, въ такомъ случаѣ, при нашемъ стремленіи къ приведенію въ единство понятій, мы встрѣчаемъ неизмѣримыя пропасти. Тутъ проявляется дѣйствіе особеннаго роду силъ. Законы численныхъ содержаній, которыхъ счастливое открытіе сдѣлано остроумными новѣйшими химиками, хотя подъ старою одеждою въ символахъ атомистическаго способа представленія, остаются покуда отдѣльными, не подчиненными законамъ чистаго ученія о движеніи.

Частности, на которыя непосредственно направляется дѣйствіе чувствъ, могутъ быть, логически, раздѣлены на классы и роды. Такое распределеніе на группы, какъ я и прежде уже замѣтилъ, поумѣсто названы *системами природы*. Они, конечно, облегчаютъ изученіе органическихъ созданій и сдѣлываютъ ихъ между собою, по линейному направленію, но, какъ каталоги, они представляютъ предметы только въ связи по формѣ; она вводитъ единство

богѣ въ изложеніи, чѣмъ въ познаніи сущности. Въ распространеніи законовъ природы на массу явленій, есть степени, зависящія отъ того, объемлютъ ли они собою большія или меньшія группы явленій, большіе или меньшіе круги органическаго образованія и дробленія, но точно такія же степени находятся и въ эмпирическихъ изысканіяхъ. Изысканія эти начинаются отдѣльными воззрѣніями, располагаемыми на однородныя группы; отъ наблюденія мы переходимъ къ опытамъ; начинаемъ вызывать явленія при опредѣленныхъ условіяхъ, подъ руководствомъ гипотезъ, то есть, подъ вліяніемъ предчувствія внутренней связи между тѣлами и силами природы. То что пріобрѣтено наблюденіемъ и опытомъ, ведетъ, посредствомъ аналогіи и наведенія, къ открытію эмпирическихъ законовъ. Вотъ фазисы, такъ сказать, моменты, пробѣгаемые наблюдающимъ умомъ и означающія особыя эпохи въ исторіи естествознанія народовъ.

Надъ всею массою познанія владѣютъ двѣ формы отвлеченія, *количественная*, опредѣленіе содержаній по числу и величинѣ и *качественная*, свойства основныхъ элементовъ. Первая богѣ доступная форма принадлежитъ къ математикѣ, вторая къ химіи. Чтобъ подчинить явленіе вычисленію, предполагается, что матерія составлена изъ атомовъ, отъ числа, формы, положенія и полярности которыхъ зависятъ явленія. Многи о невѣсомыхъ веществахъ и собственныхъ силахъ организмовъ только запутываютъ и затмѣваютъ понятіе о природѣ. Между такими разнообразными условіями и формами познанія лѣниво движется накопившееся втеченіи времени и теперь такъ быстро нарастающая громада эмпирическаго знанія. Мудрствующій разумъ бодро, но съ переменнымъ счастіемъ, пытается разбить старыя формы, которыми мы, какъ механическими орудіями и эмблемами, привыкли ограничивать сопротивляющееся вещество.

Мы еще весьма далеки отъ той эпохи, когда будетъ можно привести всѣ наши чувственныя воззрѣнія въ единство понятія о природѣ. Наступитъ ли когда-нибудь это время, не извѣстно. Сложность задачи и необъятность *Козмоса* уничтожаютъ почти всякую надежду. Но если цѣлое должно остаться для насъ недостижимымъ, то рѣшеніе части задачи, стремленіе къ пониманію мировыхъ явленій, будетъ всё-таки высочайшею и вѣчною цѣлью всякаго естествоиспытанія. Вѣрный характеру прежнихъ моихъ сочиненій и моихъ занятій, которыя посвящены были опытамъ, измѣреніямъ и изученію фактовъ, я въ этомъ сочиненіи ограничусь эмпирическими соображеніями. Это единственный путь, на ко-

торомъ я позволяю себѣ дѣйствовать съ нѣкоторою увѣренностью. Такое обработываніе эмпирической науки или, лучше, сборника познаній, не исключаетъ расположенія данныхъ по руководящимъ идеямъ; приведенія частныхъ законовъ къ общему; постоянного изысканія *эмпирическихъ законовъ природы*. Конечно, постигнутое вселенной, посредствомъ умствования, представило бы цѣль болѣе возвышенную. Я вовсе не думаю охуждать тѣхъ стремленій, которыхъ я самъ не дѣлалъ, потому только, что результаты ихъ были до-сихъ-поръ сомнительны. Системы натуральной философіи, ложно понятыя, и совершенно несогласныя съ намѣреніями глубокомысленныхъ мужей, воскресившихъ эти стремленія, существовавшія уже въ древности, грозили-было, но, къ счастью, не на долгое время, отвлечь умы отъ серьезныхъ математическихъ и физическихъ наукъ, столь тѣсно связанныхъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ государствъ. Отуманивающая мечта достигнутаго обладанія, особенный, странно-символическій языкъ, шематизмъ, болѣе сжатый, чѣмъ въ средніе вѣка, ознаменовали, въ юношескомъ злоупотребленіи благородныхъ силъ, веселья и краткія сатурналіи чисто идеальнаго естествознанія. Повторяю выраженіе — злоупотребленіе силъ, потому что люди серьезные, посвятившіе себя въ одно и то же время философіи и наблюденію, не участвовали въ такихъ сатурналіяхъ. Между совокупностью опытныхъ знаній и усовершенствованіемъ во всѣхъ частяхъ *философіи природы* (если впрочемъ такое усовершенствованіе можетъ когда-либо быть достигнуто) нѣтъ мѣста противорѣчію, если философія природы, согласно обѣщанію ея, есть на разумѣ основанное постиженіе дѣйствительныхъ явленій вселенной. Если же гдѣ и является противорѣчіе, то причиною тому или пустота умствованій или заносчивость эмпириі, которая полагаетъ, что опытностью дознано болѣе нежели подтверждается на самомъ дѣлѣ.

Если теперь противопоставимъ *природу* области *духовнаго*, — какъ-будто бы духовнаго не заключалось въ цѣломъ природы, — или *искусству*, разсматривая послѣднее въ значеніи высшемъ простой совокупности всей духовной производительной силы человечества, то разности всё-таки не должны вести къ такому разлученію физическаго отъ умственнаго, чтобы *физику міра* можно было назвать простымъ совокупленіемъ эмпирически собранныхъ частныхъ. Наука начинается тамъ, гдѣ духъ покрываетъ матерію, гдѣ мы пытаемся подчинить массу опытовъ разумному постиженію; она есть умъ, направленный къ природѣ.

Но наружный мир существует для насъ, потому что мы воспримлемъ его въ себя, потому что онъ организуется въ насъ *въ воззрѣніе на природу*. Наружный миръ сливается, безъ нашего сознанія, съ внутреннимъ бытіемъ человѣка, съ мыслью и ощущеніемъ, подобно тому, какъ существуетъ тайная, неразрывная связь между *душою и рѣчью*, между мыслью и плодотворяющимъ словомъ. «Такимъ образомъ наружныя явленія, какъ говоритъ Гегель въ своей *философіи исторіи*, переносятся къ внутреннему представленію». Объективный миръ, нами представляемый, въ насъ отражающійся, подвергается вѣчнымъ, необходимымъ, все опредѣляющимъ формамъ нашего духовнаго существованія. Умственная дѣятельность упражняется тогда надъ матеріею, приобрѣтенною чувственнымъ познаніемъ. Поэтому, уже въ юношескомъ возрастѣ человѣчества, въ простѣйшемъ воззрѣніи на природу, въ первомъ познаніи, заключается побужденіе къ натурально-философическимъ наблюденіямъ. Побужденіе это бываетъ различно, болѣе или менѣе дѣятельно, смотря по расположенію духа, національнымъ свойствамъ и степени образованности народовъ. *Умственная дѣятельность* наступаетъ тогда, когда мышленіе, побуждаемое внутреннею необходимостью, воспринимаетъ матеріалъ чувственныхъ познаній.

Въ исторіи находимъ мы много попытокъ *понять* миръ физическихъ явленій въ ихъ многочисленности, понять единственную, всю вселенную пронизающую, *силу міра*. Въ классической древности опыты эти восходятъ къ *физиологіямъ* и наукамъ о стихіяхъ ионической школы, гдѣ при ограниченной эмпири (при скудномъ запасѣ фактовъ) преобладало идеальное стремленіе къ объясненію природы и законовъ ума. Впрочемъ, тѣмъ богаче становился запасъ матеріаловъ точныхъ эмпирическихъ знаній, во время блистательнаго распространенія всѣхъ естественныхъ наукъ, тѣмъ болѣе охолодѣвало постепенно стремленіе къ объясненію сущности явленій и ихъ единства, какъ цѣлаго природы, черезъ построеніе понятій, извлекаемыхъ изъ законовъ ума. Математическая часть натуральной философіи достигла въ послѣднее время значительнаго развитія. Въ одно и то же время усовершенствованы, какъ способъ, такъ и орудіе (анализъ).

Понятія, приобрѣтенныя такими разнообразными средствами, черезъ благоразумное примѣненіе атомистическихъ предположеній, черезъ общее и непосредственное соприкосновеніе съ природою, черезъ вызовъ и образованіе новыхъ орудій, какъ общее достоинствіе человѣчества, теперь, какъ и въ древности, должны

составлять предметъ свободнаго занятія философіи во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Конечно, такая обработка грозила иногда исказить матеріалы. Не удивительно, что при постоянномъ измѣненіи идеальныхъ взглядовъ, многіе, какъ говоритъ Бруно ¹², «считаютъ философію способною производить лишь метеоры и имѣютъ объ ней такое же мнѣніе, какъ простой народъ о кометахъ, которыя онъ принимаетъ не за постоянныя творенія природы, а за проходящія огненные явленія.»

Впрочемъ злоупотребленіе или ложное направленіе умственной дѣятельности не должно вести къ заключенію, не дѣлающему чести разуму, будто бы міръ мыслей по-своему есть область фантастическихъ призраковъ, будто философія страшный врагъ накопленному втеченіи столѣтій сокровищу эмпирическихъ воззрѣній. Духу нашего времени не свойственно возставать какъ противъ пустой гипотезы, противъ каждаго распространенія понятій, каждой попытки, основанной на аналогіи и наведеніи, проникнуть глубже въ сцѣпленіе явленій; ему не свойственно накладывать печать отверженія на благороднѣйшія изъ способностей, которыми природа надѣлила человѣка, на умъ, доказывающій причины связи между явленіями, и на воображеніе, котораго дѣятельность необходима для изобрѣтенія и творчества.

=

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

=

1. *Margarita philosophica* настоятеля Картезіанскаго монастыря, Григорія Рейша, издана была сперва подъ заглавіемъ *Epitome omnis philosophiæ, alias Margarita philosophica tractans de omni genere scibili*. Подъ этимъ-же заглавіемъ вышло и гейдельбергское изданіе 1486 и страсбургское 1504. Въ фрейбургскомъ же изданіи того же года и въ слѣдующихъ двѣнадцати, вышедшихъ до 1535 года, первая часть заглавія выпущена. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія сочиненіе это имѣло большое вліяніе на распространеніе математическихъ и физическихъ знаній и Шаль (Chasles) учивый сочинитель книгъ: *Aperçu historique des méthodes en géométrie* (1837) показалъ, сколь важна энциклопедія Рейша для исторіи математики среднихъ временъ. Отрывкомъ, находящимся только въ одномъ изданіи *Margarita philosophica* (1513 г.) старался я объяснить важныя отношенія географа St.-Dié, Нилакомилуса (Martin Waldseemüller), давшаго новой части свѣта названіе «Америка», къ Америго Веспуччи, королю Ренатуеу Иерусалимскому, герцогу Лотарингскому и къ знаменитымъ издателямъ Штолона, 1513 и 1522 г. См. сочиненіе мое «*Examen critique de la géo-*

graphie du Nouveau Continent et des progrès de l'astronomie nautique aux 15 et 16 siècles. T. IV., p. 99—125.

2. Ampère, Essai sur la Phil. des sciences 1834. p. 25. Whewell, Induct. Phil. T. II., pag. 277. Poik, Pantology p. 87.

3. Всѣ перемѣны въ состояніи вещественнаго міра объясняются движеніемъ. Arist. Phys. ausc. III, 1 и 4. p. 200 и 201. Bekker, VIII, 1, 8 и 9. p. 250, 262 и 265. De gener. et corr. II, 10. p. 336. Pseudo-Aristot. de Mundo. cap. 6., p. 398.

4. Касательно вопроса о различіи притяженія массами и молекулярными частицами, на который уже Ньютонъ обратилъ вниманіе, см. Laplace въ его Exposition du Syst. du Monde. p. 384 и въ Supplément au livre X. de la Mécanique Cél. p. 3 и 4. (Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft, in sämtlichen Werken. 1839. Bd. 5. S. 300. Lect. Physique 1838. T. I. p. 59 — 63).

5. Поассонъ въ Conn. des tems pour l'année 1836, p. 64—66. Бессель въ Poggend. Annalen der Physik. Bd. XXV. S. 417. Энке въ Abhandlungen der Berliner Academie 1826. S. 257. Мичерлихъ, Lehrbuch der Chemie. 1837. Bd. I. S. 352.

6. Срав. Otfried Müller, Dorier, Bd. I. S. 365.

7. Geographia generalis in qua affectiones generales telluris explicantur. Первое амстердамское (зльзевирское) изданіе вышло въ 1650 г.; второе въ 1672 и третье Ньютонское, въ Кембриджѣ (1681 г.). Чрезвычайно важное сочиненіе Варениуса есть, въ настоящемъ значеніи слова, *Физическое землеописаніе*. Послѣ прекраснаго естествоописанія «Новаго Материка» езуита Юсефа д'Акоста (Historia natural de las Indias, 1590), никто еще не разсматривалъ теллурическихъ явленій въ такой всеобщности. Акоста богатъ собственными наблюденіями; Варениусъ — мыслени, потому что онъ, находясь въ Голландіи, центрѣ большой всемірной торговли, бывалъ въ сношеніяхъ со многими знающими путешественниками. «*Generalis sive universalis geographia dicitur, quae tellurem in genere considerat atque affectiones explicat, non habita particularium regionum ratione.*» *Общее землеописаніе* Варениуса (Pars absoluta, cap. 1—22) есть во всемъ его объемѣ *сравнительное*, хотя сочинитель и употребляетъ слово Geographia comparativa въ гораздо тѣснѣйшемъ значеніи. Замѣчательны вычисленія горныхъ системъ и наблюденіе содержащихъ ихъ направленія къ виду цѣлыхъ материковъ (p. 66—76, ed. Cantabr. 1691); списокъ горящихъ и угасшихъ вулкановъ; сводъ результатовъ о распредѣленіи острововъ отдѣльныхъ и цѣлыхъ группъ (p. 220); о глубинѣ океана въ отношеніи въ высотѣ ближайшихъ береговъ (p. 103); объ одинаково высокой поверхности всѣхъ открытыхъ морей (p. 97); о зависимости теченій отъ преобладающихъ вѣтровъ, о неодинаковомъ насыщеніи солью водъ морей и наружномъ видѣ береговъ (p. 139); о направленіи вѣтровъ какъ слѣдствіи различій температуры, и т. д. Прекрасны также разсужденія о всеобщемъ равноденственномъ теченіи водъ съ востока на западъ, какъ причинѣ начинающагося у мыса Святаго Августина и обнаруживающагося между Флоридою и Кубою заливаго теченія.

Весьма подробно также описываются направлеція теченія вдоль западнаго африканскаго берега между Зеленымъ Мысомъ и островами Фернанда По въ Гвинейскомъ Заливѣ. Спорадическіе острова Варениусъ считаетъ «возвысившимся дномъ морскимъ»: *Magna spirituum inclusorum vi, sicut aliquando montes e terra protrusos esse quidam scribant* (p. 215). Ньютоновское изданіе 1681 г. (*auctior et emendatior*) къ сожалѣнію, не содержитъ въ себѣ никакихъ замѣчаній великаго мужа. О сферондальной формѣ и сплюснутіи земли нигдѣ не упоминается, хотя опыты Рихера надъ маятниками девятью годами старѣе кембриджскаго изданія; но Ньютоновы *Principia mathematica philosophiae naturalis* были сообщены въ рукописи королевскому обществу въ Лондонѣ лишь въ апрѣлѣ 1686 г. Отечество Варениуса не довольно извѣстно. По Лехеру онъ родился въ Англии, по *Biographie universelle* (Т. 47. p. 495) въ Амстердамѣ, но изъ посвященія *Общей географіи* бургомистрамъ этого города видно, что оба предположенія несправедливы. Варениусъ ясно говоритъ, что онъ бѣжалъ въ Амстердамъ, потому что «родной его городъ отъ долговременной войны былъ совершенно разоренъ и сожженъ». Эти слова кажется указываютъ на Сѣверную Германію и на опустошенія Тридцати-лѣтней Войны. Въ посвященіи своей *Descriptio regni Japonia* (Amst. 1649) сенату гамбургскому, онъ замѣчаетъ также, что первыя математическія познанія приобрѣлъ онъ въ Гамбургской Гимназій. Кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ остроумный географъ былъ Германецъ и именно Люнебургецъ. (Witten, *Mem. Theol.* 1685. p. 2142. Zedler, *Universal-Lexikon*. Th. XLVI. 1745. S. 187).

8. Карла Риттера *Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie*.

9. *Κόσμος*. Древнее и подлинное значеніе этого слова было, просто, *украшеніе* (мужское, женское или лошадиное); переносное же — *благоустройство*, вмѣсто *εὐταξία*, и *украшеніе рыги*. Древніе единогласно утверждаютъ, что Писвагоръ первый началъ употреблять это слово для означенія *порядку въ мірѣ и міра*. Такъ какъ онъ самъ не писалъ, то древнѣйшія доказательства находимъ въ отрывкахъ Филолая (*Stab. Eclug.*, p. 360 и 460. Heeren, *Philolaos von Böckh*. S. 62 und 90). Мы не приводимъ вмѣстѣ съ Немецемъ Тимеемъ Локрійскаго, потому что подлинность его подлежитъ сомнѣнію. Плутархъ говоритъ положительно, что Писвагоръ первый назвалъ Козмосомъ совокупность вселенной, по причинѣ царствующаго въ ней порядку. (Также и Галенъ. *Hist. Phil.* p. 429.) Въ новомъ значеніи, слово это перешло изъ философской школы въ языкъ поэтовъ и прозаиковъ природы. Платонъ продолжаетъ называть вещественныя міры словомъ Ураносъ; порядокъ же міра также называетъ Козмосомъ, а въ Тимееѣ (p. 30. В.) вселенная называется одушевленнымъ животнымъ (*Κόσμος ζῷον ἑμψυχον*). Сравн. о мироуправляющемъ духѣ, отдѣленномъ отъ всего вещественнаго, Анаксаг. *Claz. ed. Schaubach*. p. 111 и *Plut. de plac. phil.* II. 3. У Аристотеля (*de Caele* I. 9.) Козмосъ значитъ также «міръ и порядокъ міра»; но онъ рассматривается какъ подраздѣляющійся въ пространствѣ на подлунный міръ и высшій, надлунный (*Meteor.* I. 2, 1. и I. 3, 13., p. 339, в. и 340,

b. Bekk). Приведенное мною въ текстѣ опредѣленіе Козмоса изъ Pseudo-Aristoteles de Mundo, cap. 2. (p. 391) есть слѣдующее: *Κόσμος ἐστὶ σύστημα ἐξ βρανοῦ καὶ γῆς, καὶ τῶν ἐν τούτοις περιχομένων φύσεων. Λέγεται δὲ καὶ ἑτέρος Κόσμος ἢ τῶν ὄλων τάξις τε καὶ διατάξις, ὑπὸ Θεῶν τε καὶ διὰ Θεῶν φυλαττομένη.*

Большая часть замѣчаній греческихъ писателей о Козмосѣ собрана 1) въ диссертациі Ричарда Бентли (Bentley) противъ Чарльза Воуле (Ornseula philologica 1781, p. 347, 445; Dissertation upon the Epistles of Phalaris 1817., p. 254) о историческомъ существованіи Залевка, законодателя локрійскаго; 2) въ прекрасныхъ Sched. crit. Нека 1812., p. 9—15 и 3) въ Theoph. Schmidt ad Cleom. cycl. theog. met. I, 1. (p. IX, 1 и 99.). Въ тѣснѣйшемъ значеніи употребляли *космосъ* и въ множественномъ числѣ (Plut. I, 5). потому что то называется такимъ образомъ каждая звѣзда, (Weltkörper) (Stab. I. p. 514. Plut. II. 13), то принимаются въ безпредѣльномъ пространствѣ міра многія отдѣльныя системы міровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ солнце и луну (Anaxag. Claz. Fragm. p. 89, 93, 120. Brandis Gesch. der griechisch-römischen Philosophie, Bd. I., S. 252).

Такъ какъ тогда каждая группа составляетъ Козмосъ, то вселенная, τὸ πᾶν, есть понятіе высшее и отъ космоса различное (Plut. II, 1.). Для обозначеніе земли, послѣднее слово начали употреблять спустя долгое время послѣ Птолемея. Бекъ вдалѣ надписи въ похвалу Траяну и Адриану (Corpus Inscr. graec. T. I., nr. 334 и 1306), въ которыхъ *Κόσμος* употребляется вмѣсто *οἰκουμένη*, точно также какъ мы часто подъ словомъ *міръ*, разумѣемъ лишь *землю*. Странное, выше сказанное раздѣленіе пространства міра на *Олимпъ*, *Козмосъ* и *Ураносъ* (Stab. I., p. 488. Philolaos, p. 94 и 102.) относится къ различнымъ странамъ, окружающимъ центръ *Вселенной*, Пифагорова *Ἐστία τοῦ πλῦτός*. Самая внутренняя область между землею и луною, область *измѣняющагося*, называется *Ураносомъ*. Средняя — область въ неизмѣнномъ порядкѣ обращающихся планетъ, по вѣщна частному взгляду на міръ, называется исключительно *космосомъ*. Наружная, огненная, есть *Олимпъ*. «Если, замѣчаетъ глубокомысленный изслѣдователь сродства языковъ, Боппъ, производить *Κόσμος* отъ санскритскаго корня *s'ud'*, *purificari*, какъ то сдѣлалъ уже Поттъ (Etymolog. Forschungen. Ч. I., p. 39 и 252), то въ отношеніи къ звукамъ должно замѣтить, 1) что греческое *Κ* (въ *Κόσμος*), произошло изъ нѣбнаго *s'*, «которое Боппъ выражаетъ чрезъ *s'*, а Поттъ чрезъ *ς*, подобно какъ *δέκα*, «desec», по -готски *taihun*, произошло отъ индѣйскаго *da's'an*; 2) что индѣйское *d'* обыкновенно (Vergleichende Grammatik. § 99.) соответствуетъ греческому *θ*, чѣмъ объясняется отношеніе *Κόσμος* (вмѣсто *Κόθ-μος*) къ санскритскому корню *s'ud'*, а также и *Καθαρός*. Другое индѣйское выраженіе для слова *міръ*, есть *g'agat* (гов. *dachagat*), что собственно означаетъ *ходящее*, какъ причастіе отъ *g'agāmi*, я хожу (отъ корня *gā*).»

По внутреннему свойству греческаго языка, по Етум. М. р. 532, 12, *Κόσμος* присоединяется прежде всего къ *κᾶς* или лучше *κακός* (откуда *κακώριτος* или *κακώριτος*). Съ этимъ соединяютъ Вѣлькеръ (Bine, Кге-

macho Col. in Theben, p. 23) и название *Κάδμος*, какъ у Гесхія *Κάδμος* означаетъ критское вооруженіе. — Римляне, при введеніи философической и художественной терминологіи Грековъ, преобразовали, подобно нитъ, первоначально съ *Κάμος* (женское украшеніе) совершенно однозначущее слово *mundus* въ *міръ* и *оселенную*. Кажется Эній первый ввелъ въ употребленіе эту перемѣну. Въ отрывкѣ, дошедшемъ до насъ о сюрѣ Макробія (Sat. VI, 2.) съ Виргиліемъ, говоритъ онъ: «*Mundus coeli vastus conatit silentio*,» какъ Цицеронъ: «*Quem nos luculentum mundum vocamus*.» (Titmaeus s. d. Univ. cap. 10.) Санскритскій корень *mand*, отъ котораго Ноттъ (Etym. Försch. Ч. I. p. 240) производитъ латинское *mundus*, соединяетъ оба понятія: *блестать* и *украшать*. *Lōka* означаетъ на санскритскомъ *міръ* и *лоди*, какъ французское *monde*, и происходитъ, по Боппу, отъ *lōk*, видѣть и свѣтить; подобнымъ же образомъ славянское *свѣтъ* означаетъ *свѣтило* и *міръ*. Слово *Welt* нынче на древнѣмъ діалектѣ южной Германіи *Wëralt*, по древнему саксонскому *Worold*, по англо-саксонскому *Vërwald*, означаетъ первоначально, по Якову Гримму, только понятіе времени, *saeculum* (человѣчeskій вѣкъ), а не пространство міра. По извѣстнѣмъ Этрусковъ, *открытый mundus* представлялъ опрокинутый сводъ, куполомъ вверхъ, къ преисподней и образованный по подобію верхняго, *небеснаго свода* (Otf. Müller, Etrusker. Ч. II., p. 97, 98 и 143). На готскомъ языкѣ въ тѣснѣйшемъ теллурическомъ смыслѣ, *міръ* представляетъ окруженный моремъ (*marei, meri*) шаръ земли, какъ *merigard, садъ морской*.

10. Объ Эній, см. остроумныя изслѣдованія Летольда Краенера въ его *Grundlinien zur Geschichte des Verfalls der römischen Staats-Religion* 1837, p. 41—45. Эній вѣроятно замѣтвовался не изъ сочиненій самаго Эпихарма, но изъ стихотвореній, написанныхъ подъ именемъ Эпихарма и въ духѣ его системы.

11. Gell. Noct. att. V, 18.

12. Шеллинга Бруно о божественномъ и естественномъ началѣ вещей, p. 181.

Знать и понимать, есть наслажденіе и право человѣчества; часть національнаго богатства; вознагражденіе за тѣ дары, которыми природа надѣлила его слишкомъ скудно. Народы, которые отстали въ общей дѣятельности промышленности, въ приложеніи механики и технической химіи, въ тщательномъ выборѣ и отдѣлкѣ естественныхъ матеріаловъ, у которыхъ уваженіе къ такой дѣятельности не проникнуло всѣ сословія, непремѣнно упадутъ въ своемъ благосостояніи. И упадутъ тѣмъ ниже, тѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаютъ сосѣднія государства, гдѣ науки и ремесла находятся въ живомъ взаимномъ отношеніи.

Стремленіе къ оживленію промышленности, и къ изученію тѣхъ отраслей естественной науки, которыя оказываютъ на нее большое вліяніе (характеристическій призывъ нашего времени), не можетъ оказывать вреднаго дѣйствія на изысканія въ области философіи, археологіи и исторіи, ни лишить оживляющаго вліянія фантазіи высокихъ произведеній свободныхъ искусствъ. Гдѣ подъ покровомъ мудрыхъ законовъ и постановленій, усильно развиваются всѣ дѣятели образованности, тамъ мирная бор-

ба одного направленія духовной дѣятельности съ другими не можетъ быть вредна. Каждое изъ нихъ приноситъ государству свои собственные разнообразныя питательныя плоды, которые доставляютъ человѣку все нужное для поддержанія жизни и благоденствія, плоды творческаго воображенія, которые еще продолжительнѣе первыхъ переносятъ похвальную вѣсть о народахъ позднѣйшему потомству. Спартацы, несмотря на строгость дорического права, умоляли боговъ, «чтобы они даровали имъ вѣсть съ хорошими и прекрасное».

Какъ въ высшемъ кругѣ идей и чувствъ, въ изученіи исторіи, философіи и краснорѣчія, такъ и во всѣхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ, первая главная цѣль духовной дѣятельности, — цѣль внутренняя, то есть, открытіе законовъ природы, изслѣдованіе систематическаго раздѣленія произведеній, понятіе о необходимой связи между всими измѣненіями во вселенной. То, что изъ этого знанія переходитъ въ промышленную жизнь народовъ, то происходитъ изъ счастливой связи между человѣческими дѣйствіями, по которымъ истинное, высокое и прекрасное входятъ какъ бы невольнo во взаимное отношеніе. Усовершенствованіе земледѣлія процвѣтаніе мануфактуръ, освобожденныя отъ тягостнаго вліянія цѣховъ, умноженіе торговыхъ сношеній и безпрепятственное усовершенствованіе умственной образованности человѣчества (великая картина новѣйшей всемірной исторіи принуждаетъ вѣрвать въ это и самыхъ заклятыхъ противниковъ), выходятъ во взаимномъ, безпрестанномъ отношеніи.

Достаточно поверхностнаго взгляда на благоденствіе народовъ и на нынѣшнее состояніе Европы, чтобъ убѣдиться въ этомъ вліяніи естественныхъ наукъ. Трудъ, который я предпринимаю, такъ безконеченъ, что увеличеніе его нарочно, значило бы отклоняться отъ главной моей цѣли дать понятіе о природѣ. Привычки къ далекимъ странствованіямъ, я можетъ быть, описалъ бы какъ снотункамъ предстоящій путь въ болѣе пріятномъ и безопасномъ видѣ нежели они найдутъ его на самомъ дѣлѣ. Таковъ обычай тѣхъ, которые посылаютъ другихъ на вершину горы. Они хвалятъ виды, хотя часто цѣлыя части ихъ покрыты туманомъ. Они знаютъ, что въ этомъ туманномъ покровѣ находится какое-то таинственное очарованіе, что глубокая даль производитъ впечатлѣніе чувственно-безконечнаго, впечатлѣніе, которое, какъ я уже выше замѣтилъ, повторяется темно въ умѣ и въ ощущеніяхъ. Но и эта высокая точка зрѣнія, къ которой насъ приводитъ основанное на опытахъ науки, понятіе о вселенной, не вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Въ естественной наукѣ, нынѣшнее состояніе которой я намѣреваюсь показать, есть еще очень много неопредѣленнаго. Многое можетъ показаться неяснымъ и несовершеннымъ, потому что смущеніе такое вреднѣе для преподавателя, когда онъ чувствуетъ, что не знаетъ вполне всѣхъ подробностей предмета.

Цѣлью этой предварительной лекціи было не столько показаніе важности естественныхъ наукъ, которая уже давно всими признана и можетъ обійтись безъ похвалы, сколько желаніе объяснить, какими образомъ, не дѣлая вреда спеціальному изученію частныхъ отраслей естествознанія, естествоописательныя науки можно возвести на высшую точку зрѣнія отку-

да уму нашему всё произведёнія и силы природы представляются какъ одно естественное цѣлое, оживленное внутреннимъ движеніемъ. Природа не мертвый агрегатъ: для мыслящаго наблюдателя, какъ выражается Шеллингъ въ своей превосходной рѣчи объ искусствахъ, она — священная, всегда дѣйствующая сила міра, которая сама изъ себя, и длительно производитъ предметы. Физическая географія, которая до-сихъ-поръ нигда неопредѣленное значеніе, созерцая и обнимая все сотворенное на землѣ и въ небесахъ, становится физической космографіею. Но, физическая космографія или наука о Космосѣ какъ я ее понимаю, не есть простое энциклопедическое собраніе самыхъ общихъ и важныхъ результатовъ, которые берутся изъ естествоиспытательныхъ, физическихъ и астрономическихъ сочиненій. Такие результаты употребляются въ космографіи только какъ матеріалъ: она пользуется ими какъ средствами для объясненія взаимнаго дѣйствія силъ во вселенной, взаимнаго произведенія и уничтоженія естественныхъ явленій. Наука о распредѣленіи органическихъ типовъ въ известныхъ мѣстахъ и въ известныхъ климатахъ (географія животныхъ и растений) столько же отлична отъ описательной зоологіи и ботаники, какъ геогностическое знаніе земли отъ ориктогнозіи. И такъ не должно сгибывать физической космографіи съ такъ называемою энциклопедіею естественныхъ наукъ (многособъемлющее названіе для плохо опредѣленной науки). Въ ученіи о Космосѣ недѣлимое разсматривается только въ его отношеніи къ цѣлому, какъ часть всемірныхъ явленій; и чѣмъ выше эта точка зрѣнія, тѣмъ болѣе это ученіе дѣлается способнымъ къ особеннаго рода обработыванію и къ оживляющему преподаванію.

Мысль и слово находятся въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ. Слово придаетъ изложенію ясность и легкость, своею природною гибкостью и своимъ органическимъ составомъ, способствуетъ рѣзкому очертанію общности природы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, незаметно сообщаетъ міру мыслей свое продолжительное дыханіе. Поэтому-то слово болѣе нежели простой знаніи или форма: его таинственное вліяніе обнаруживается преимущественно тамъ, гдѣ оно развивается на собственной почвѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1. Это выраженіе заимствовано изъ прекраснаго описанія горы въ сочиненіи Бернарденъ-де-Севъ-Пієрра, «Павелъ и Виргинія».

2. Эти сравненія только приблизительныя. Точнѣйшія измѣренія слѣдующія: *Шнее* или *Ризенкоппе* въ Силезіи, 824 тоаза выше поверхности моря, по измѣренію Галашка; *Рим* 923 тоаза, если принимать поворхность Фирвальдштеттскаго озера въ 223 тоаза. (*Ergebnisse der trigonometrischen Vermessungen der Schweiz*, Eschmann 1840, стр. 230); *Авонская гора*, по Готіѣ имѣетъ 1060; *Пилатова гора* — 1180; Этна 1700,4 тоаза или 10874 английскихъ фута по Шмиту; (по барометрическому измѣренію сэръ Джона

Гершеля, которое онъ именно сообщилъ мнѣ въ 1825 году, 10876 англійскихъ футовъ или 1700,7 тоазовъ; по угламъ высоты, измѣренныхъ въ Палермо Каччаторе, если принимать преломленіе земныхъ лучей въ 0,076, Этва имѣетъ 10898 англійскихъ футовъ, или 1704 тоаза; *Шрекклерн* 2603 тоаза; *Юнзбру* 2145; по Траллессу; *Монбланъ* по измѣреніямъ Рожера 2467 (*Bibl. Univ. Май*, 1828 р. 24 — 53), по Карлини; по опредѣленію съ горы Коломбе въ 1821 году, 2460 тоазовъ, по измѣреніямъ австрійскихъ инженеровъ съ Трелода и Альбевскаго Ледника — 2463 тоаза; настоящая высота швейцарскихъ снѣговыхъ горъ измѣняется по причинѣ измѣненія толстоты снѣговой оболочки, по господицу Эшману на 3¹/₂ тоазовъ; *Чимборазо*, по вѣсному тригонометрическому измѣненію имѣетъ 3350 тоазовъ; (*Humboldt, Rec. d'Obs. astr. T. 1. p. LXXIII*); *Давалагири* 4390 тоазовъ. Всѣ эти горныя высоты выражены въ тоазахъ, считая въ нихъ по 6 парижскихъ футовъ. Какъ между показаніями Блага и Веба — 70 тоазовъ разницы, то нужно здѣсь замѣтить, что показаніе высоты Давалагири (или Бѣлой Горы; по-санскритски Давала, значить бѣлый и гири гора), не выражено съ такою точностію, какъ показаніе высоты Явагира (4027 тоазовъ или = 24160 парижскихъ футовъ или 25749 англійскихъ футовъ или 7848 метровъ), основывающееся на точномъ тригонометрическомъ измѣреніи (см. Герберта и Годсона въ *Asiat. Res. vol. XIV. p. 189* и *Suppl. to Encycl. Brit. vol. IV. p. 643*). Я показалъ въ другомъ мѣстѣ (*Ann. des sciences nat. mars 1825*), сколько измѣреніе Давалагири (4391 тоазовъ = 26345 парижскихъ футовъ = 28077 англійскихъ футовъ = 8558 метрамъ) зависитъ отъ многихъ не совсемъ опредѣленныхъ элементовъ (астрономическихъ опредѣленій мѣста и азимутовъ) (*Humboldt, Asie centrale T. III., p. 282*). Еще неосновательнѣе догадка, будто въ Тарарской цѣпи (на сѣверѣ Тибета, противъ горной цѣпи Куэнь-луня) нѣкоторыя снѣжныя вершины достигаютъ высоты 30,000 англійскихъ футовъ (4691 тоазъ почти вдвое выше Монблана) или по-крайней-мѣрѣ 29000 англійскихъ футовъ, (4535 тоазовъ). (*Capt. Alexander Gerard's and John Gerard's Journey to Boogendo Pass, 1840, vol. I. p. 143 и 311*). Чимборазо названа въ текстѣ только одною изъ высочайшихъ вершинъ Андской цѣпи, тогда какъ богатый свѣдѣніями и талантливый путешественникъ, господинъ *Пентландъ*, во время своей замѣчательной экспедиціи въ верхній Перу (Боливію) въ 1827 измѣрилъ двѣ горы, лежащія на востокъ отъ озера Титикака, Сорату (3948 тоазовъ = 23688 парижскихъ футовъ = 7696 метровъ) и Иллиани (3753 тоазовъ = 22518 парижскихъ футовъ = 7315 метрамъ), которыя многими превосходятъ высоту Чимборазо (3350 тоазовъ = 20100 парижскихъ футовъ = 6530 метровъ) и высотой приближались къ Явагиру (4027 тоазовъ), величайшей изъ всѣхъ доселѣ точно измѣренныхъ Гималайскихъ Горъ. Поэтому Монбланъ (2467 тоазовъ = 14,802 парижскихъ футовъ = 4,808 метрамъ) ниже Чимборазо, а Чимборазо 593 тоазами ниже Сораты, Сората 79 тоазами ниже Явагира, и вѣроятно 442 тоазами ниже Давалагири. Въ этомъ исчисленіи горныя высоты показаны уже точнѣе и отчасти въ различныхъ мѣрахъ; потому что во многихъ новѣйшихъ картахъ и разрѣзахъ, отъ ложныхъ переводовъ этихъ мѣръ, наприимѣръ тоазовъ на футы, показаны весьма оши-

бочные численные результаты. По новейшему измѣренію (1838) Нилкиши, слѣдующему Пенгландоу гора имѣетъ 7275 метровъ (3732 тоазы), разницы едва 21 тоазъ отъ измѣренія 1827 года.

3. О недостаткѣ пальмъ и древообразныхъ папоротниковъ на Гималайскихъ вершиннахъ умереннаго пояса говорится въ сочиненіи Дона «*Flora Nepalensis*» (1835), равно какъ въ литографированномъ, очень замѣчательномъ каталогѣ Веллика «*Flora Indica*»; въ этомъ каталогѣ содержится огромное число (7683), конечно, недостаточно еще изслѣдованныхъ двубратныхъ Гималайскихъ растений. Въ Непалѣ (подъ $26\frac{1}{2}^{\circ}$ — $27\frac{1}{2}^{\circ}$ широты) доселѣ мы знаемъ только одну породу пальмъ, *Chamaecrops martiana*, Wall. (*Plantae Asiaticae*, T. III, p. 5, f. 211), на высотѣ 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ тѣнистой долинѣ Бунипа. Великолѣпный древообразный папоротникъ *Azophila Bignonioides*, котораго стволъ имѣетъ 45 футовъ высоты, находится въ Британскомъ Музее съ 1831. Онъ не изъ Нипала, а изъ горъ Сиаота, на сѣверо-востокѣ отъ Калькутты, подъ $24^{\circ}50'$ широты. Нипальскій папоротникъ *Paganeta cyathoides*, Дона, иногда *Sphaeropteris barbata* Wall. (*Pl. Asiaticae*, T. I, p. 42 f. 48), имѣетъ очень близкое сходство съ *Ciathea*, которой породу я видѣлъ въ южно-американскихъ мѣстахъ Карипе, длиною въ 30 футовъ; но это, собственно, не дерево.

4. *Ribes pubicola*, *R. glaciale*, *R. grossularia*. Гималайская растительность заключаетъ въ себѣ семь породъ ели, вопреки изреченію древнихъ о «восточной Азій» (*Strabo*, lib. XI, p. 510 *Clav.*), 25 дуба, 4 березы, 2 каштана; кашемирскій дикій каштанъ имѣетъ въ вышину до 100 ф.; онъ простирается до 33 ств. широты. На немъ обыкновенно живутъ бѣлая, чернолицыя обезьяны. (Карлъ фонъ-Гюгель. Кашемиръ 1840, ч. II, стр. 243), 7 породъ клѣна, 12 ивы, 14 розы, 3 земляничныя породы, 7 альпійскихъ розъ (*Rhododendra*); изъ нихъ одна порода вышнюю въ 20 футовъ; и многия другія сѣверныя породы. Между конусообразными *Pinus deodara* или *deodara* (на санскритскомъ собственно *déua-dāru*, по переводу значить «Божіе дерево») имѣетъ близкое родство съ *Pinus cedrus*. Вблизи вѣтвяхъ сѣвговъ красуются большія цвѣтами *Gentiana venusta*, *G. moorecroftiana*, *Suertia purpurascens*, *S. speciosa*, *Ragnassia armata*, *P. pubicola*, *Racoma Aemodi*, *Tulipa stellata*; даже подлѣ породъ европейскихъ, свойственныхъ индійскому горному хребту, находятся также чисто европейскіе виды, какъ-то: *Leontodon taraxacum*, *Frunella vulgaris*, *Galium Aparine*, *Thlaspi argense*. Степное растеніе, о которомъ упоминалъ уже Зондерсъ въ путешествіи Турнера и которое обыкновенно сличиваютъ съ *Calluna vulgaris*, есть Андромеда, — фактъ, который въ отношеніи къ географіи азіатскихъ растений, имѣетъ большую важность. Если я въ этомъ призываніи употребляю не философское выраженіе: «европейскія формы или европейскія породы, дикорастущія въ Азій», то это — слѣдствіе употребленія древняго ботаническаго языка, котораго идея о распространеніи или, лучше о козказдственціи органическаго очень догматически допускаетъ историческую гипотезу о переселеніи, дѣйствительно, изъ привязанности къ европейскому образованію, предполагая переселеніе съ западу на востокъ.

5. Сильный предѣлъ на южномъ склонѣ Гималайской цѣпи начинается

на высотѣ 2,030 тоазовъ (12180 фут.) надъ поверхностью моря, а на сѣверномъ склонѣ, или лучше на вершинахъ, возмншающихся на тибетской (Татарской) плоской возмншенности, на 2,600 тоазовъ (15600 фут.) отъ 30½° до 32° широты, если только въ Канткой цѣпи Андовъ снѣговая линія лежитъ на высотѣ 2470 тоаз. (14820 футовъ). Это результатъ, извлеченной мною изъ многихъ данныхъ Вебба, Жерара, Герберта и Муркрофта. Сметрикомъ оба *Mémoires sur les montagnes de l'Inde*, отъ 1816 и 1820, въ *Annales de Chimie et de Physique*, T. III, p. 303; T. XIV, p. 6, 22, 50. Наибольшая высота, до которой простирается на Тибетскомъ склонѣ вѣчная снѣговая линія, есть слѣдствіе одновременнаго дѣйствія слѣдующихъ условий: отраженія теплоты отъ снежныхъ плоскихъ возмншенныхъ равнинъ, ясности неба, рѣдкости образованія снѣгу въ этомъ очень холодномъ и сухомъ воздухѣ (Humboldt, *Asie centrale*, T. III., p. 281—326). Измѣреніе снѣговой линіи, которое я выдавалъ только за вѣроятное, Коленбрукъ принялъ за дѣйствительное. «И я, писалъ онъ мнѣ въ июнѣ 1824 года: нахожу, что линія вѣчныхъ снѣговъ, по собраннымъ мною материаламъ, на южномъ склонѣ подъ 31° широты, начинается на 13000 англійскихъ футовъ, или 2,037 тоазовъ. Измѣренія Вебба дали бы мнѣ 13500 англ. ф. (2111 тоаз.), слѣдовательно, 500 ф. болѣе, противъ наблюденій капитана Годжсона. Измѣренія Герарда совершенно подтверждаютъ ваше показаніе, что снѣговая линія на сѣверѣ лежитъ выше, чѣмъ на югѣ». Только въ этомъ (1840) году получилъ я наконецъ черезъ господина Ллойда отпечатанное собраніе записокъ братьевъ Джерардовъ (*Narrative of a Journey from Caunpore to the Boorendo Pass in the Himalaya*, by Capt. Alexander Gerard and John Gerard, edited by George Lloyd, Vol. 1., p. 291, 311, 320, 327 и 341). Многое о частныхъ мѣстностяхъ изложено въ *Visit to the Shatool*, for the purpose of determining the line of perpetual snow on the southern face of the Himalaya, въ авг. 1822 г.; но, къ сожалѣнію, путешественники всегда снѣживаютъ высоту, на которой случайно выпадаетъ снѣгъ, съ крайнею точкою высоты, гдѣ снѣговая линія начинаетъ возмншаться надъ Тибетскою плоскою возмншенностью. Капитанъ Джерардъ упоминаетъ о вершинѣ, *посерединѣ сплошной возмншенности*, которой вѣчный снѣговой предѣлъ полагаетъ онъ на высотѣ 16000 и до 19000 англ. фут. (2815 до 2971 тоазовъ) и сѣверные склоны Гималайской цѣпи, которые ограничиваютъ предѣлы Сетледжа и гдѣ плоская возмншенность глубоко прорѣзана и, слѣдовательно, можетъ отдѣлать мало лучистой теплоты. Деревня Тамгно показана только на 9300 англ. фут. или 1454 тоаза, тогда какъ плоская возмншенность около Святаго озера Манаса должна находиться на высотѣ 17000 англ. фут. или отъ 2685 до 2971 тоаза. При ущельяхъ цѣпи Джерардъ находилъ снѣгъ на сѣверномъ склонѣ, ниже чѣмъ на южномъ, обращенномъ въ Индію, и именно почти на 500 англ. фут. или 78 тоазовъ ниже. На южномъ склонѣ снѣговой предѣлъ онъ полагаетъ на высотѣ 15000 англ. футовъ или 2,346 тоазовъ. Въ отношеніи распредѣленія растительности между Тибетскою плоскою возмншенностью и южнымъ индійскимъ склономъ Гималайской цѣпи находится разительная разниа. На южномъ склонѣ Гималайской цѣпи, хлѣбные посѣвы простираются только до высоты 1560

туазовъ; верхній предѣлъ лѣсу высокнхъ дубовъ и девадурскихъ сосенъ на 1870 туазовъ; низкія приземистыя березы на 2030 тоаз. На плоской возвышенности капитанъ Джерардъ видѣлъ нвовыя лѣса на высотѣ 2,660 туазовъ; колосовыя растенія прозябаютъ отъ 2200 до 2900 тоаз.; березы съ высокими стволами на 2200 тоаз.; малый кустарникъ, служащій для топлива, до 2660 тоаз., то есть 200 туазовъ выше вѣчнаго снѣговаго предѣла въ Квнто подъ экваторомъ. Очень желательно, чтобы средняя высота Тибетской плоскости, когорыя по моему мнѣнію, между Гималаемъ и Куевъ-люемъ имѣетъ только 1800 туазовъ а равно и отношеніе снѣжныхъ высотъ на сѣверномъ и южномъ склонахъ, была нова изслѣдована и именно привычными къ общимъ взглядамъ путешественниками. Доселѣ часто смѣшивали предположенія съ дѣйствительными измѣреніями, высоту отдѣльно надъ плоскостію воздымающихся вершинъ съ окружающею равниною (сравни остроумныя гипсометрическія замѣчанія Карла Циммермана въ его *Geographischen Analyse der Koche von Inner-Asien* 1841, стр. 98). Лордъ обращаетъ вниманіе на противоположность между высотами вѣчнаго снѣга на обѣихъ отлогостяхъ Гималая и Альпійской цѣпи Гиндукуша. «Въ послѣдней цѣпи, говоритъ онъ на югѣ лежитъ плоская возвышенность, и потому снѣжная высота на южномъ склонахъ больше, на-оборотъ, чѣмъ на Гималаѣ, который на югѣ ограниченъ равнинами, какъ Гиндукушъ на сѣверѣ. Многіе изъ представленныхъ здѣсь гипсометрическихъ данныхъ въ частности требуютъ еще практической оптики. Но всё-таки — фактъ, что по странному образованію земной поверхности, во внутренней Азій есть мѣста, гдѣ человѣкъ находитъ нищу, топыню, жилище на такой высотѣ надъ поверхностію моря, которая почти во всѣхъ другихъ частяхъ обнихъ материковъ покрыта вѣчными снѣгами за исключеніемъ сухой, бѣдной снѣгоизъ, Боливія, гдѣ Пентландъ нашелъ снѣговой предѣлъ подъ 16° 17' южной шпроты, въ 1838 году, въ средней высотѣ 2450 туазовъ. Казавшіяся мнѣ только второстепенныи, различія сѣвернаго и южнаго склоновъ Гималайской цѣпи въ отношеніи къ вѣчному снѣгу, совершенно подтвердились барометрическими измѣреніями Виктора Жакмона, который такъ равно сдѣлался жертвою своей благородной и неутомимой дѣятельности (смотри его *Correspondance pendant un Voyage dans l'Inde* 1833. T. I, p. 291, и *Voyage dans l'Inde pendant les années 1828 à 1832*, Lion 23, p. 290. 296, 299. «Les neiges perpétuelles, говоритъ Жакмонъ, descendent plus bas sur la pente méridionale de l'Himalaya que sur pentes septentrionales. et leur limite s'élève constamment à mesure que l'on s'éloigne vers le nord de la chaîne qui borde l'Inde. Sur le col de Kloubrong à 5581 mètres (2863 t.) de hauteur selon le capitaine Gerard, je me trouvai encore bien au-dessous de la limite des neiges perpétuelles que dans cette partie de l'Himalaya je croirais (уже слышкомъ высоко оцѣнено!) de 6000 mètres ou 3078 t.» Къ какой вышнвѣ, говоритъ выше упомянутый путешественникъ, мы не поднялись бы на южномъ склонахъ, всегда климатъ удерживаетъ тотъ же характеръ, тоже снѣженіе времени года, какъ въ индійскихъ равнинахъ. «Лѣтнее солнцестояніе тамъ сопровождается тѣми же потоками дождей, которые безпрестанно продолжаются до осенняго равноденствія.» Только отъ Кашмира.

(который я напелъ возвышеннымъ на 5350 англ. футовъ, и 637 т., и такъ почти какъ города: Мерва и Попализъ), начинается новый, совершенно «разнородный климатъ.» (Jacquesmont Congrès. Т. II. р. 58 и 74). Муссоны, какъ остроумно замѣчаетъ Леопольдъ фонъ-Бухъ, не гонятъ сыраго и теплаго морскаго воздуха индѣйской ниваменности чрезъ переднюю ограду Гималаевъ лежащую по ту сторону Любетанскую область Ладака и Ахассы. Карлъ фонъ-Гюгеель, судя по кривой воды полагаетъ высоту кашмирской долины, надъ уровнемъ моря, въ 5818 англ. фут. или 810 т. (Ч. II. стр. 155 и Journal of the Geogr., Т. 6. р. 215). Въ этой, совсѣмъ безвѣтренной и никогда почти не подверженной грозамъ долинѣ, подъ 34, широты, снѣгъ лежитъ съ декабря до марта въ нѣсколько футовъ вышины.

6. (Стр. 12.) Смотри вообще, мое сочиненіе *Essai sur la géographie des plantes et Tableau physique des régions équinoxiales* 1807, р. 80—88; о колебаніяхъ температуры днемъ и ночью карты 9-я моего Atlas géogr. et phys. du Nouveau Continent и таблицы моего сочиненія *De distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium* 1817, р. 90—116, метеорологическую часть моихъ *Asie centrale*, Т. III., р. 212—242; наконецъ, новѣйшее и гораздо точнѣе нѣе наложеніе наблюденій надъ уменьшеніемъ температуры по мѣрѣ возвышенія Андскаго хребта въ запискахъ Буссенго *Sur la profondeur à laquelle on trouve la couche de température invariable sous les tropiques* (Ann. de Chimie et de physique 1833 Т. LIII. 2. 225—247.) Это разсужденіе содержитъ въ себѣ опредѣленіе высоты и средней температуры 28 точекъ, начиная съ уровня моря до склона Антисана, въ 2900 тоазахъ высоты, между 27°, 5 и 1,7 степеней термометра, воздушной теплоты.

7. *Ueber die Kawi- Sprache auf Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die Entwicklung des menschlichen Geschlechts, von Wilhelm v. Humbolt.* 1836 Th I. 5. — 310.

8. (Стр. 15) О настоящей Madjadeca см. превосходную индѣйскую археологію Лассе. Ч. 1. Стр. 92. У Китайцевъ Mo-ki-thi есть южный Бахарь, часть, которая лежитъ на югѣ Гангеса. См. *Foe-kong-ki par Chu-Fahian* 1836, р. 256 Djambu-dwira есть вся Индія, но содержитъ также иногда въ себѣ четыре буддѣйскія материка.

9. (Стр. 16.) Элегія Шиллера, которая въ первый разъ появилась въ *Forst* въ 1795 году.

Aber im stillen Gemach entwirft bedeutende Zirkel
Sinnend der Weise, beschleicht forschend den schaffenden Geist,
Prüft der Stoffe Gewalt, der Magnate Hassen und Lieben,
Folgt durch die Lüfte dem Klang, folgt durch den Aether dem Strahl,
Sucht das vertraute Gesetz in des Zufalls grausenden Wandern,
Sucht den ruhenden Pol in der Erscheinungen Flucht.

10. *Aparé ocularyный микроскопъ—счастливое усовершенствованіе Рокочова micromètre prismatique или à double réfraction.* см. *Note de Mr. Mathieu dans Delambre, Hist. de l'Astr. au 18me siècle* 1827, р. 651.

11. Каруса, Urstellen des Knochen-und Schalen-Genieses. 1828. 3. 6.
12. Plut. in Vita Alexandri Magni, cap. 7,
13. Обыкновенная данья о точкѣ плавленія весьма трудно расплавляющихся веществъ слишкомъ высоки. По точнымъ опытамъ Мичерлиха, точка плавленія графита находится не выше 1300° стоградуснаго термометра.
14. Классическое сочиненіе о допотопныхъ рыбахъ Луи Агасиса. Besch. sur les poissons fossiles 1834. Vol. I. p. 38; Vol. II., p. 3, 28, 34. Addit. p. 6. Весь родъ *Amblypterus* Ag., очень близкій къ *Palaeoniscus* (иногда *Palaeothrinax*), лежитъ погребеннымъ подъ формациями Юры въ древнихъ горахъ каменнаго угля. Чешуя, которая подобно зубамъ образуется слоеобразно и покрывается глазурью какъ семейства *Lepidodermis* (разрядъ Гапондовъ), принадлежатъ къ Шланкодамъ и къ древнѣйшимъ формамъ рыбъ допотопнаго міра, изъ которыхъ есть еще живые представители въ двухъ породахъ, *Bichir* (Ниль и Сенагалъ) и *Lepidosteus* (Осйо).
15. Гёте объ афоризмахъ естественной исторіи. Italic 1833, часть I; стр. 155.)
16. Открытіе Араго въ 1811-мъ году. (Delambre. Hist. de l'Astr. p. 652.)
17. (Стр. 35.) Гёте, Aphoristisches über die Natur. (Часть I. стр. 4.)
18. (Стр. 39.) Pseudo-Plato, Allib. II. p. 148 ed. Steph. Plut. Institutio p. 353 ed. Hatten.'

Пыль, когда быстро распространяющаяся погубованность избираетъ предметомъ для разговоръ въ обществѣ, результаты ученыхъ изслѣдованій, но, къ несчастью, обезображиваетъ ихъ, снова рождается прежній страхъ о возможности пагубной встрѣчи небесныхъ тѣлъ, о космическихъ причинахъ дивной порчи климата, и принимаетъ новый, но еще болѣе зловѣщій видъ. Ясное воззрѣніе на природу, даже просто историческое, предохраняетъ насъ отъ притязанія догматизирующей фантазіи. Оно показываетъ намъ, что комета Энке, совершающая свое обращеніе около солнца только въ 1200 дней, по фигурѣ и положенію своей орбиты, такъ же безопасна для обитателей земли, какъ большая комета Галлея, 1759-го и 1835-го годовъ что другая комета, совершающая свое теченіе въ короткій промежутокъ времени, именно шесть лѣтъ, — комета Бюкк, — хотя и совершаетъ орбиту Земли, однако только тогда можетъ приблизиться къ намъ, когда ея перигелий бываетъ во время зимняго солнцестоянія.

Количество теплоты, поглощаемое небесными тѣлами, и распредѣленіе ея, отъ которой зависятъ великіе метеорологическіе процессы въ атмосферѣ, измѣняется въ одно и то же время свѣтопронизводительною силою солнца (свойствомъ поверхности) и относительнымъ положеніемъ солнца и планеты. Но периодическія измѣненія, которые, по общему закону тиготвія, подвергается видъ земной орбиты и наклонности эклиптики (наклоненіе земной орбиты) такъ измѣняемы, и совершаются въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, что дѣйствія ихъ носятъ многія тысячелѣтій едва-ли будутъ ощутительны для измѣненій нашихъ термометрическихъ инструментовъ. Слѣдова-

тѣлѣ, космическія причины пониженія температуры, уменьшенія воды и эвденсій, о которыхъ упоминается въ новѣйшее время, какъ нѣкогда уменьшалось въ средніе вѣка, во этому находятса совершенно въ области нашего опыта.

Для прѣдѣлу, что безъ общаго знанія всего что сокрыто до нашего времени, физическая астрономія не можетъ возбудить никакаго интереса, я упомяну только объ эллиптическомъ движеніи многихъ тысячъ равноцѣтныхъ двойныхъ звѣздъ одной около другой или, лучше сказать, около общаго ихъ центра тяжести; о странномъ периодическомъ появленіи пятнышъ на солнцѣ, о правильномъ, уже съ давнихъ лѣтъ, появленіи безчисленнаго множества падающихъ звѣздъ, которыя вѣроятіе образуются на подобіе планетъ и въ своихъ орбитахъ перерѣзываютъ земную орбиту 12-го и 13-го ноября или, какъ доказано повѣйшими наблюдателями, 10-го или 11-го августа.

Подобнымъ же образомъ только общіе взгляды на космосъ приводять насъ къ догадкамъ о существованіи связи между усовершенствованною, остроуміемъ Бесселя, теорією качаній маятника въ воздухѣ и внутренней плотностію, лучше сказать, степенью отверденія нашей планеты; между образованіемъ зернистыхъ горныхъ породъ въ лентообразныхъ потокахъ лавы, на скатахъ еще нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ, и между первичными массами гранита, порфиру и амфибика, массаи, которыя, бывъ вытѣснены изъ внутренности земли, прорвали нѣкогда флечовыя (вторичныя) горныя породы и дѣйствовали на нихъ различнымъ образомъ (привода въ твердое состояніе, превращая ихъ въ кремль, доломиты, кристаллизуя ихъ; между эластическими силами, поднимающими изъ нѣдръ океана острова и коническихъ скалы, и образованіемъ цѣлыхъ цѣпей горъ и материковъ, — связь, которую открылъ и доказалъ рядомъ остроумныхъ наблюденій величайшій геогностъ нашего времени, Леопольдъ фонъ-Бухъ. Такія подвигія горъ состоящихъ изъ зернистыхъ породъ и слоевъ второстепенныхъ породъ, недавно случившіяся на берегахъ Хили при землетрясеніи на большомъ протяженіи показываютъ намъ, что окаменѣлыя морскія раковины, которыя мы съ Бопланомъ собрали на вершинахъ Андесскаго хребта, лежащихъ на 14,000 футовъ выше поверхности моря, занесены туда не при всемірномъ потопѣ, но дѣйствіемъ вулканическихъ силъ.

Вулканизмомъ въ обширѣйшемъ смыслѣ слова я называю дѣйствіе внутренности планеты на ея кору, гдѣ бы то ни было, на землѣ или на ея спутникѣ, лунѣ. Кто незнакомъ съ опытами, доказывающими, что температура земли возвышается по мѣрѣ углубленія, съ опытами, на основаніи которыхъ фанатики предполагають, что въ глубинѣ пяти географическихъ миль подъ поверхностію земли гранитъ находится въ расплавленномъ состояніи, тотъ не пойметъ многихъ новѣйшихъ наблюденій надъ современностію вулканическихъ изверженій въ мѣстахъ отдаленныхъ одно отъ другаго огромными пространствами земли, надъ предѣлами землетрясеній, надъ постоянствомъ температуры горячихъ минеральныхъ ключей, надъ различіемъ температуры въ артезианскихъ колодцахъ различной глубины. Между-тѣмъ это знаніе о внутренней температурѣ зем-

ли бросает тусклый свѣтъ на первобытное состояніе нашей планеты. Оно показываетъ, что вѣроятно на всей землѣ никогда была тропическій климатъ, слѣдствіе издававшихся теплоту открытыхъ разсѣяныя находившихся въ только-что отвердѣвшей окисленной земной корѣ. Оно показываетъ состояніе, въ которомъ теплота атмосферы болѣе зависѣла отъ этихъ истеченій, отъ дѣйствія внутренности на внѣшность, нежели отъ положенія планеты относительно центральнаго тѣла (солнца).

Холодный поясъ открываетъ испытующему геогносту различныя произведенія тропическаго міра, погребенныя въ его провастяхъ: въ древнихъ каменно-угольныхъ горахъ мы находимъ хвойныя деревья, поднятыя стволы пальмъ, древообразныя паноротики, гониатиты и рыбу съ ромбоидальнымъ чешуею; колоссальныя остовы крокодиловъ, плезиозавровъ, раковины планулитовъ и стволы цикадъ въ урскомъ известнякѣ; въ мѣлу — полифалами и бриозои, частью однородныя съ нынѣ живущими морскими животными; агломераты окаменѣлыхъ инфузорій, какъ открываетъ ихъ всеоживляющій микроскопъ Эренберга, въ огромныхъ слояхъ трепела и кремня; кости гіенъ, львовъ и словообразныхъ толстокожихъ, разсѣяныя въ пещерахъ или покрытыя новѣйшими черепомъ. При совершенномъ познаніи другихъ естественныхъ явленій, эти произведенія не остаются простыми предметами любопытства и удивленія, а дѣлаются источникомъ многостороннихъ размышленій.

Разнообразныя предметы, которые я здѣсь собралъ съ намѣреніемъ, сами собою составляютъ поводъ къ вопросу, можно ли безъ глубокаго и серьезнаго занятія частными отраслями естественной науки, описательною естественною исторіею, физикою или математическою астрономіею, довести общіе взгляды на природу до извѣстной степени ясности? Большая разница между человѣкомъ, который берется выбрать и изложить результаты, и тѣмъ, который пріемлетъ представленное за данное, не подлежащее изслѣдованію. Первому необходимо самое точное знаніе частныхъ, необходимо предварительно пройти всю область отдѣльныхъ наукъ; имѣть собственный запасъ наблюденій; необходимо, чтобы онъ самъ измѣрялъ, изслѣдовалъ, упражнялся въ опытахъ, прежде нежели отважится приступить къ изображенію единая природы. Объемъ проблемъ, которыхъ изслѣдованіе придаетъ такой интересъ физической космографіи, никогда не можно довести до совершенной ясности, если нѣтъ специальныхъ предварительныхъ познаній; но и безъ нихъ можно удовлетворительно разрѣшить большую часть этихъ вопросовъ. И если даже огромную картину природы нельзя во всѣхъ частяхъ отдѣлить рѣзкими чертами, то всё-таки въ ней будетъ довольно правды и интересу, чтобы обогатить духъ нашъ идеями и раздражить живо наше воображеніе.

Ученыя произведенія нѣмецкой литературы можно по всей справедливости упрекнуть въ томъ, что они не отдѣляютъ достаточно общаго отъ частнаго, обзорнія уже познанаго отъ изложенія средствъ, которыми достигнуто извѣстныхъ результатовъ. Этотъ упрекъ побудилъ величайшаго поэта нашего времени къ юмористическому восклицанію: «Нѣтъмъ имѣютъ даръ дѣлать науки недоступными». Если оставить тѣса, который былъ

необходимы для постройки, то они будут скрывать от взору самое здание. Кто усомнится, что можно очень ясно понять физический закон распределения континентальных масс, которая к югу принимают вид пирамидальный, между-тѣмъ, какъ къ сѣверу онѣ разстилаются въ ширину (законъ, который имѣетъ такое вліяніе на распределение климата, главное направленіе вѣтровъ, и на далекое распространіе тропическихъ растений въ южныхъ угѣренномъ поясѣ), не прибѣгая къ геодезическимъ и астрономическимъ опредѣленіямъ мѣстности морскихъ береговъ, которыми опредѣляются эти пирамидальныя формы въ ихъ главныхъ направленіяхъ? Такии образоиъ физическа козмографія показываетъ намъ сколькои илліи ось экватора нашей планеты больше полярной оси, что южное полушаріе не болѣе сплюснуто какъ сѣверное, не поставля насъ въ необходимость знать въ подробности, какии образоиъ посредствоиъ градусныхъ мѣрении и опытовъ надъ маятниками, физики опредѣлили, что видъ земли — неправильный эллиптический сферондъ, и что этотъ видъ отражается въ движеніи луны, спутника земли.

Французы имѣютъ безсмертно твореніе Лапласа, «Изложеніе системы міра», гдѣ изображены результаты самыиъ глубокомысленныхъ математико-астрономическихъ изслѣдованіи прошедшихъ столѣтій, отдѣльно отъ частныхъ доказательствъ. Стростіе неба является въ немъ какъ простое рѣшеніе большой механической проблемы. И, кажется, никогда еще ни кто не обвинялъ «Exposition du système du monde» въ несомнательности формы. Отдѣленіе разнородныхъ взглядовъ, общаго отъ частнаго, не только способствуетъ къ ясности познанія, но и придаетъ возвышенный и важный характеръ занятіямъ естественною наукою. Мы, какъ-бы съ высшей точки зрѣнія обозрѣваемъ вдругъ большія массы. Мы находимъ наслажденіе обнимая умомъ то, что ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ. Счастливое развитіе всѣхъ отраслей естественной науки, которымъ могутъ гордиться послѣдніа десятилѣтіа прошедшаго столѣтіа, чрезвычайно много способствовало къ распространенію занятій специальными частями химическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ. Но въ то же время оно сдѣлало въ высокой степени легче и короче изложеніе общихъ результатовъ.

Чѣмъ глубже мы вникаемъ въ сущность естественныхъ силъ, тѣмъ яснѣе становится для насъ связь между явленіями, которыа, будучи прежде разсматриваемы порознь и поверхностно, долгое время не могли быть приведены въ правильную послѣдовательность и тѣмъ возможноиъ дѣлается простота и краткость изложенія. Вѣрный признакъ, что въ данной наукѣ можно сдѣлать множество взаимныхъ открытій, что разбираемая ею явленія стоятъ еще отдѣльно, почти безъ всякаго отношенія другъ къ другу и даже несмотря на равную точность наблюденій противорѣчатъ, по-видимому, одно другому. Такого роду ожиданіе обѣщаетъ оправдать нынѣшная метеорологіа, нынѣшная оптика и въ-особенности, благодаря трудамъ Меллона и Фареде, теорія лучистой теплоты и электро-магнетизма. Тутъ еще не кончается кругъ блестящихъ открытій, хотя вольтовъ столбъ обнаруживаетъ уже чудную связь, существующую между электрическими, магнитичес-

скими и химическими явлениями. Кто поручится, что мы определяли число существующих и действующих сил во вселенной!

Взносъ взглядъ на науковое изложение космографіи штъ и рѣчи о единствѣ, выведенномъ изъ началъ созданныхъ разумомъ. Следовательно, то, что я называю физическою космографіею, сравнительнымъ описаніемъ земли и неба, не лижетъ притязанія на значеніе рациональной науки о природѣ: оно — простое умственное созерцаніе явленій, доставляемыхъ опытомъ, въ видѣ единого цѣлаго. Только въ этой ограниченной формѣ, при совершенно объективномъ направленіи моего образа мыслей, физическая космографія могла сдѣлаться предметомъ многолѣтнихъ моихъ трудовъ на ученомъ поприщѣ. Я не дерзаю вступать на поприще, которое мнѣ чуждо и которое, можетъ-быть, обрабатывается другими съ большимъ успѣхомъ. Единство, до котораго можетъ быть доведено изложеніе физическаго міроописанія, въ тѣхъ границахъ въ какихъ я его понимаю есть, именно, то единство, которое мы находимъ въ изложеніи исторіи. Частности дѣйствительности, гдѣ бы мы не встрѣчали ихъ, — въ различныхъ формахъ или въ сдѣленіи естественныхъ тѣлъ, въ борьбѣ челоуѣка съ природою или однихъ народовъ съ другими, все что принадлежитъ къ области измѣнчивости или вещественной случайности, все это не можетъ быть выведено изъ понятій. Поэтому міроописаніе и исторія — науки въ одинаковой степени эмпирическія. Но обработываніе той и другой мыслящимъ умомъ, глубокомысленное приведеніе въ связь явленій природы и историческихъ событій, возбуждаетъ глубокое вѣрованіе во внутренній законъ существующей природѣ неизбѣжности, которая управляетъ всѣми дѣйствіями умственныхъ и матеріальныхъ силъ въ безпрестанно возобновляющихся и только періодически то расширяющихся то суживающихся кругахъ. Оно ведетъ, и это опять неизбѣжность, — сущность природы, сама природа въ обихъ сферахъ ея существованія, въ матеріальной и умственной, — ведетъ къ ясности и простотѣ понятія, къ открытію законовъ, которые въ опытныхъ наукахъ составляютъ крайнюю цѣль челоуѣческихъ изслѣдованій.

Изученіе всякой новой науки, особенно такой, которая обнимаетъ неизмѣримыя пространства вселенной, цѣлый міръ, — подобно путешествію въ отдаленныя страны. Кто намѣренъ предпринять путешествіе, тотъ спрашиваетъ сначала, возможно ли оно; измѣрять свои силы и недовѣрчиво смотритъ на силы своихъ сотоварищей, опасаясь, можетъ-быть и несправедливо, что они будутъ ему помѣхою. Время, въ которомъ мы живемъ, уменьшаетъ трудности предпріятія. Моя увѣренность въ успѣхъ основывается на блестящемъ состояніи естественныхъ наукъ, которыхъ богатство состоитъ уже не въ изобиліи, а во взаимномъ сдѣленіи всего, что намъ показываютъ наблюденія. Общія результаты, интересныя для всякаго образованнаго челоуѣка, удивительнымъ образомъ размножились съ конца осьмнадцатаго столѣтія. Факты не стоятъ уже уединенно, какъ прежде, промежутки между существами наполняются. То, что испытующій умъ въ тѣсномъ кругу дѣйствія, вблизи отъ себя, находилъ долго непонятнымъ, часто объясняется теперь наблюденіями, собранными путешественниками въ отдаленнѣйшихъ странахъ. Животныя и растительныя формы долго оставал-

шіяся разьединенными, примыкають одно къ другому черезъ вновь откры-
тыхъ посредниковъ или переходныя формы. Изыскательному уму посте-
пенно представляется въ природѣ общее сцѣпленіе, не въ простой послѣ-
довательности одного творенія за другимъ, по линейному направленію, а въ
видѣ сѣточной ткани, сцѣпленіе, ведущее къ развитію или уничтоженію из-
вѣстныхъ органовъ, послѣ колебанія по разнымъ направленіямъ въ относи-
тельномъ преобладаніи извѣстныхъ частей. Относительное положеніе слоевъ
трахитообразнаго сіенскаго порфира, грюнштейна, змѣевика, которое оста-
валось сомнительнымъ въ Венгріи богатой серебромъ и золотомъ, или въ
странахъ уральскихъ изобилующихъ платиной, или глубже въ Азіи, въ
юго-западной части Алтая, неожиданно объясняется теперь геогностически-
ми наблюденіями на сплошныхъ возвышенностяхъ Мексики и Антіокіи,
двѣ рѣчныхъ ложбинахъ Чоко. Матеріалы, которыми пользуется всеобщая
географія, собраны случайно. Наше время, слѣдуя направленію, которое при-
даетъ ему его отличительный характеръ, убѣдилось, что факты тогда толь-
ко приносятъ плоды, когда путешественникъ знаетъ настоящее состояніе
и недостатки науки, область которой онъ хочетъ расширить, когда идеи,
то есть выкаіаніе въ духъ природы, благоразумно руководятъ наблюденіемъ
и собираніемъ фактовъ.

Подобное направленіе въ изученіи природы, такое счастливое, но часто,
слишкомъ легко удовлетворяемое стремленіе къ общимъ результатамъ,
можетъ значительную часть естествознанія сдѣлать общимъ достояніемъ
образованнаго человѣчества. Оно можетъ даже возродить основательное
знаніе по содержанію и по формѣ, по величію и достоинству изложенія,
совершенно отличному отъ того что до конца послѣдняго столѣтія назы-
вали популярнымъ знаніемъ. И такъ, тотъ, кому обстоятельства позволя-
ютъ иногда выступить изъ частныхъ предѣловъ общественной жизни
кто краснѣя сознается, «что онъ долго чуждался природы и безчувственно
проходилъ мимо ея», тотъ найдетъ въ разсматриваніи свободной и великой
жизни естества самое высокое наслажденіе, какое только можетъ доста-
вить человѣку усиленная дѣятельность ума. Изученіе всеобщей естественной
науки пробуждаетъ органы, которые, такъ сказать, долго въ насъ дремали.
Мы вступаемъ въ тѣсныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ; не остаемся рав-
нодушны къ тому, что въ одно время означать и промышленные успѣхи
и умственное обогащеніе человѣчества.

Чѣмъ яснѣе приобретаемыя нами понятія о связи явленій, тѣмъ легче
мы освобождаемся отъ ложной мысли, что для благосостоянія и образован-
ности народовъ не всѣ отрасли естественной науки равно важны, будетъ ли
ихъ составлять описательная или математическая часть, химическое изслѣдо-
ваніе составныхъ частей тѣлъ, или отыскиваніе повсюду распространен-
ныхъ физическихъ силъ матерій. Въ наблюденіи надъ какими-нибудь явле-
ніемъ сначала изолированнымъ, часто скрывается зародышъ важныхъ от-
крытій. Когда Гальвани раздражилъ чувствительный нервъ лягушки, при-
касаясь къ нему двумя разнородными разными металлами, ближайшіе его
современники не могли и вообразить, чтобы электричество, возбуждаемое
черезъ прикосновеніе, обнаруживающееся въ Вольтовомъ столбѣ, открыло

намъ въ щелочахъ металлы серебристаго блеску, плавающие на водѣ, сами собою воспаменяющіеся, чтобы самый столбъ могъ сдѣлаться важнѣйшимъ орудіемъ аналитической химіи, термоскопомъ и магнитомъ. Когда Хейгенсъ сталъ доискиваться причины двойнаго преломленія свѣту въ двойномъ шпате, вѣрно никто не думалъ, чтобы, благодаря изумительной проницательности одного изъ знаменитѣйшихъ физиковъ нашего времени, явленія разносвѣтной поляризаціи сдѣлаютъ изъ маленькаго обломка минерала орудіе для опредѣленія, изливается ли солнечный свѣтъ изъ твердой его массы или изъ газообразной его оболочки, свѣтятся ли кометы своимъ собственнымъ свѣтомъ или заимствуютъ его отъ другаго свѣтла. Равное уваженіе по всемъ отраслямъ естествознанія, есть особенная потребность нынѣшняго времени, когда матеріальное богатство и возрастающее благоденствіе народовъ основано на умѣнн пользоваться естественными произведеніями и естественными силами. Самый поверхностный взглядъ на нынѣшнее состояніе Европы показываетъ, что при всеобщей войнѣ или при продолжительномъ застояніи, необходимо должно послѣдовательно уменьшеніе и, наконецъ, уничтоженіе національнаго богатства. Въ судьбѣ государствъ, то же что и въ природѣ, въ движеніи и развитіи которой, какъ остроумно замѣчаетъ Гёте, нѣтъ остановки, «она обременяетъ своимъ проклятіемъ неподвижность». Только дѣятельное оживленіе химическихъ, математическихъ и естествоиспытательныхъ наукъ можетъ воспрепятствовать распространенію этого зла въ государствахъ. Человѣкъ не можетъ дѣйствовать на природу, не можетъ присвоить себѣ ея силу, если онъ не снѣрилъ и не вычислялъ естественныхъ законовъ. Въ этомъ-то заключается сила національной образованности. Сила народа увеличивается и уменьшается въ одно время съ его образованностью.

III.

КАРТИНА ПРИРОДЫ. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЯВЛЕНІЙ.

Умъ человѣческій, дерзающій овладѣть матеріею, то есть, міромъ физическихъ явленій, стремящійся, при мыслящемъ наблюденіи существующаго, проникнуть роковую полноту жизни природы, дѣйствіе свободныхъ и соединенныхъ силъ, чувствуетъ себя вознесеннымъ на такую высоту, откуда на безпредѣльномъ отдаленіи горизонта, всѣ частности творенія представляются ему соединенными въ группы, округенныя, какъ-бы легкимъ туманомъ. Я употребилъ такое метафорическое выраженіе для того, чтобъ указать точку, съ которой намѣреваюсь разсматривать вселенную и изображать ее наглядно въ обѣихъ ея сферахъ, небесной и земной. Постигаю вполнѣ всю смѣлость такого предпріятія.

Начертаніе общей картины природы чрезвычайно трудно, потому что мы должны всячески стараться, не потеряться въ подробностяхъ, стремиться только за большими массами, которыхъ дѣлвіе можетъ быть основано на дѣйствительныхъ ихъ свойствахъ, или только на субъективныхъ нашихъ понятіяхъ. Разъединяя явленія, подчиняя ихъ одно другому, выводя въ игру таинственно дѣйствующихъ силъ, употребляя живыя выраженія, въ которыхъ вѣрно отражалось бы чувственное воззрѣніе на природу,—мы попытаемся объять и описать *есе (τὸ πᾶν)*, какъ

того требуетъ достоинство величественнаго слова *космосъ*, въ значеніи вселенной, порядка міра, украшенія, приведеннаго въ порядокъ.

Дай Богъ, чтобы необъятное разнообразіе элементовъ, входящихъ въ составъ картины природы, не разстроило гармоническаго спокойствія и единства впечатлѣнія—конечной цѣли всякаго литературнаго или чисто художественнаго произведенія.

Мы начнемъ съ глубины вселенной, и отъ отдаленнѣйшихъ областей туманныхъ пятенъ, сквозь звѣздный слой, къ которому принадлежитъ наша солнечная система, постепенно низойдемъ къ Земному Шару, одѣтому воздухомъ и морями, къ его формѣ, температурѣ, магнитному напряженію, къ полнотѣ жизни, которая, подъ вліяніемъ свѣта, разливается на его поверхности. Такимъ образомъ, картина природы обниметъ въ немногихъ очеркахъ и неизмѣримыя пространства небесъ и мелкіе микроскопическіе организмы животнаго и растительнаго царствъ, обитающіе въ нашихъ стоячихъ водахъ и въ вывѣтривающейся корѣ скалъ. Матеріалъ, который послужитъ намъ для начертанія этой величественной картины—все что доступно чувствамъ, изслѣдовано строгимъ изученіемъ природы, во всѣхъ направленіяхъ. Этотъ же матеріалъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ручательствомъ въ вѣрности изображенія. Въ описательное изображеніе природы не должны входить подробности: для полноты картины не нужно вычислять всѣхъ живыхъ формъ, всѣхъ тѣлъ, всѣхъ процессовъ природы. Мыслитель, желающій противодействовать стремленію, которое безконечно раздробляетъ все узнанное, долженъ стараться не увлекаться эмпирическимъ изобиліемъ фактовъ. Большая часть качественныхъ силъ матеріи или, говоря языкомъ натуральной философіи, качественныхъ проявленій силъ ея, еще не открыта. Слѣдовательно, въ отыскиваніи единства въ цѣлости поэтому уже не можетъ быть совершенства. Въ пытливой душѣ, неудовлетворяемой настоящимъ, вмѣстѣ съ радостью производимою пріобрѣтеніемъ познанія, пробуждается тоскливое влеченіе въ неотгаданныя, неизвѣстныя еще области знанія. Такое влеченіе крѣпче стягиваетъ узелъ, связывающій постигаемое чувствами съ тѣмъ, что для нихъ непостижимо: оно придаетъ жизнь сношенію между тѣмъ, «что душа воспринимаетъ отъ міра и тѣмъ, что она изъ глубины своей передаетъ ему».

Природа (совокупность вещей и явленій природы), по своему объему и содержанію безпредѣльная, не можетъ быть постигнута умственными способностями; общая, причинная связь между

естественными силами, для человека — неразрешимая загадка. Въ этомъ мы должны сознаться особенно тогда, когда предметъ непосредственнаго наблюденія есть существующее и происходящее, когда мы не имѣемъ возможности не держаться эмпирическаго пути и строгой методы наведенія. Стремленіе наше объять общность природы остается неудовлетворительнымъ, зато исторія міросозерцанія, которая будетъ рассмотрѣна въ другой части этой книги, показываетъ намъ, какимъ образомъ человѣчество, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, приобрѣло часть познанія объ относительной зависимости явленій. Мой долгъ изобразить извѣстное въ его нынѣшнемъ видѣ, мѣрѣ и границахъ.

Физическіе законы переменчиваго (движущагося и измѣняющагося въ пространствѣ) всего лучше могутъ быть выражены въ среднихъ числахъ; эти числа показываютъ постоянное въ измѣчивыхъ и быстро текущихъ явленіяхъ; успѣхи новѣйшей физики, которая все мѣряетъ и все взвѣшиваетъ, преимущественно выражаются тѣмъ, что она открываетъ и исправляетъ среднія выраженія извѣстныхъ величинъ: числа эти, единственные въ нашемъ письмѣ сохранившіеся іероглифы, начинаютъ играть опять ту же роль, только въ болѣе обширномъ значеніи, какую они играли нѣкогда въ италіанской школѣ, то есть, опять становятся выраженіемъ силъ козмоса.

Строгого наблюдателя радуется простота нумерическихъ содержаній, которыми означаются протяженія, небесныя пространства, величина міровъ и ихъ періодическія неправильности, троякіе элементы земнаго магнетизма, среднее давленіе воздуха и количество теплоты, ежегодно и въ каждую часть года изливаемой солнцемъ на отдаленныя точки твердыхъ или жидкихъ покрововъ нашей планеты. Но поэтъ природы остается ими недоволенъ; еще недовольнѣе ими любопытная толпа. Наука кажется имъ теперь опустѣвшею, потому что она во многомъ сомнѣвается, не беретъ разрѣшать множества такихъ вопросовъ, на которые прежде давала мнимо-удовлетворительныя объясненія: заключенная въ болѣе строгія формы, въ болѣе тѣсныя границы, она утратила обольстительную прелесть, посредствомъ которой прежняя догматическая и символизирующая физика умѣла обманывать умы и занимать воображеніе.

Задолго до открытія Новаго Свѣта, Канарійскіе или Азорскіе Острова казались западнымъ материкомъ. То были лжеобразы, порожденные не обыкновенными преломленіями лучей свѣта, а просто, страстнымъ влеченіемъ въ чужь. Такую обманчивую

прелесть представляла натуральная философия Грековъ, и физика средних вѣковъ, и даже позднѣйшаго времени. Съ рубежа, гдѣ оканчивается знаніе, какъ съ высокаго берега острова, взоръ охотно стремится въ отдаленныя области. Вѣра въ необыкновенное и чудесное, даетъ каждому порожденію идеальнаго творчества опредѣленные очерки, а область фантазій, это лоно космологическихъ, геогностическихъ и магнетическихъ мечтаній, неодолимо сливается съ областью дѣйствительнаго.

Природа, въ многообразномъ значеніи этого слова, будучи разсматриваема, то какъ совокупность существующаго и совершающагося, то какъ внутренняя движущая сила, то какъ таинственный первообразъ всѣхъ явленій, представляется простому смыслу и чувству человѣка тѣмъ-то земнымъ, ему болѣе роднымъ. Только въ оживленныхъ предѣлахъ органической жизни чувствуемъ мы себя, такъ сказать, дома. Картина природы представляется намъ живѣе тамъ, гдѣ земля производитъ цвѣты и плоды, гдѣ она питаетъ безчисленныя породы животныхъ. Мы обращаемъ свое вниманіе сперва на земное; блестящій звѣздный коверъ, отдаленныя небесныя пространства принадлежать картинѣ міра, въ которой насъ удивляетъ величина массъ, число скученныхъ солнць или разсвѣтающихъ свѣтлыхъ облаковъ; но гдѣ мы чувствуемъ себя какъ-бы на чужбинѣ, потому что насъ поражаетъ кажущееся запустѣніе и совершенное отсутствіе непосредственнаго впечатлѣнія, производимаго органическою жизнью. Вотъ почему въ самыхъ первоначальныхъ понятіяхъ чело-вѣчества о физикѣ, небо и земля (верхъ и низъ), были всегда раздѣлены. Поэтому, если картина природы долженствовала быть написана соотвѣтственно однимъ потребностямъ чувственнаго возрѣнія, то мы были бы обязаны начать ее описаніемъ родной почвы. Она была бы должна изобразить сперва земной шаръ, его величину и форму, его плотность и теплоту, усиливающіяся по мѣрѣ углубленія, его твердые и жидкіе слои лежащіе другъ надъ другомъ, разлученіе моря и земли, жизнь, которая разлита въ томъ и другомъ, подъ видомъ клетчатой ткани растений и животныхъ; волнующійся и богатый теченіями воздушный океанъ, съ дна котораго поднимаются покрытые льдами горныя цѣпи, въ видѣ скалъ и отмелей. Послѣ такого изображенія теллурическихъ условій, взоръ поднялся бы къ небеснымъ пространствамъ. Землю, это знакомое намъ мѣстопробываніе органическихъ образовательныхъ процессовъ, мы стали бы разсматривать тогда какъ планету. Она вошла бы въ число мі-

ровъ, вращающихся около одной изъ бесчисленныхъ самосвѣтлящихся звѣздъ.

Такая послѣдовательность идей обозначаетъ путь первоначальнаго чувственнаго способа воззрѣнія; она напоминаетъ нѣкоторымъ образомъ древнее понятіе о Фигурѣ Земли, которую считали плоскимъ кругомъ, окруженнымъ моремъ и поддерживавшимъ небо. Здѣсь отъ чувственнаго, отъ знакомаго и близкаго, умъ переходитъ къ неизвѣстному и отдаленному. Онъ слѣдуетъ здѣсь похвальной, въ математическомъ отношеніи, методѣ нашихъ учебныхъ астрономическихъ книгъ, которыя отъ кажущихся движениій небесныхъ тѣлъ переходятъ къ дѣйствительнымъ.

Въ сочиненіи, котораго цѣль — изобразить только извѣстное, даже только то, чтò считается вѣрнымъ, или въ различныхъ степеняхъ вѣроятнымъ, при настоящемъ состояніи нашихъ познаній, а не доказывать правильность приобретенныхъ результатовъ, въ такомъ сочиненіи должно слѣдовать иному порядку идей. Здѣсь нельзя начинать съ субъективныхъ ощущеній, съ того, чтò близко къ интересамъ человѣка. Земное, какъ часть, должно быть подчинено цѣлому. Воззрѣніе на природу должно быть общее, великое и свободное; оно не должно быть стѣсняемо ни близостью, ни сердечнымъ участіемъ, ни относительною пользою. Слѣдовательно, физическое міроописаніе, картина міра, должна начинаться не съ описанія земли, а съ описанія того, чтò наполняетъ небесныя пространства. По мѣрѣ уменьшенія объема сферъ воззрѣнія, увеличивается индивидуальное богатство частныхъ, полнота физическихъ явленій, познаніе качественной разнородности веществъ. Отъ областей, въ которыхъ мы познаемъ только владычество законовъ тяготѣнія, мы переходимъ къ нашей планетѣ, къ запутанной игрѣ силъ земной жизни.

Изложенная здѣсь естествоописательная метода совершенно противоположна той, которая подтверждаетъ найденные результаты. Одна вычисляетъ то, чтò доказываетъ другая.

Человѣкъ воспринимаетъ внѣшній міръ органами чувствъ. Явленія свѣта свидѣтельствуютъ о существованіи матерій въ отдаленнѣйшихъ небесныхъ пространствахъ. Глазъ, органъ міросозерцанія. Изобрѣтеніе телескопа за два съ половиною столѣтія, доставило позднѣйшимъ поколѣніямъ могущество, которой границы еще не постигнуты. Въ Козмосѣ, въ общихъ чертахъ изображается сначала содержаніе мировыхъ пространствъ, разсматривается распредѣленіе матерій, всего созданнаго, какъ обыкновенно называютъ существующее и происходящее. Матерія пред-

ставляется намъ то сплоченною въ шарообразныя, вращающіяся въ пространствѣ небесныя тѣла, различной плотности и величины; то въ видѣ самобытно свѣтящихся тумановъ. Разсматривая сначала облачности, міровой туманъ, заключенный въ опредѣленныя формы, мы замѣчаемъ, что въ состояніи его происходятъ постоянныя измѣненія. Этотъ міровой туманъ становится видимымъ, въ малыхъ размѣрахъ, въ образѣ круглыхъ или эллиптическихъ дисковъ, одиночныхъ или парныхъ, иногда соединенныхъ свѣтовою нитью; въ большихъ размѣрахъ онъ принимаетъ разнообразныя формы: представляется то растянутымъ въ длину, то раздѣленнымъ на многія вѣтви, подобно вѣеру, то рѣзко ограниченнымъ кольцомъ съ темною серединою.

Думаютъ, что въ этихъ туманныхъ пятнахъ совершаются разнообразныя, прогрессивныя образовательныя процессы, смотря по тому, сгущается ли міровой туманъ по законамъ притяженія около одного или около многихъ ядеръ.

До-сихъ-поръ насчитано и опредѣлено мѣстное положеніе почти двухъ съ половиною тысячъ такихъ сплошныхъ, неразрѣшенныхъ туманныхъ пятенъ, въ которыхъ самыя сильныя телескопы не открыли еще звѣздъ.

Генетическое развитіе, вѣчно подвигающееся впередъ образованіе, въ которыхъ по-видимому находится эта часть небесныхъ пространствъ, заставила мыслящихъ наблюдателей допустить въ нихъ жизнь аналогическую съ органическими явленіями. Какъ въ лѣсахъ нашихъ мы находимъ въ одно время одну и ту же породу деревъ во всѣхъ степеняхъ возраста, и заключаемъ изъ того о безпрестанномъ развитіи жизни, точно такъ же и въ великомъ *садѣ міра*, мы видимъ различныя степени постепеннаго образованія звѣздъ. Процессъ сгущенія, который проповѣдывали Анаксименъ и вся Іонійская Школа, происходитъ здѣсь, такъ сказать, передъ нашими глазами. Этотъ предметъ для изысканій и темныхъ догадокъ, особенно сильно дѣйствуетъ на воображеніе.

Въ кругѣ жизни и производительныхъ силъ природы, наше вниманіе приковывается не столько знаніе существующаго, сколько знаніе совершающагося, несмотря на то, что самый процессъ совершенія, быть-можетъ, есть ни что иное какъ новое состояніе, уже матеріально существующаго; потому что о настоящемъ созиданіи, какъ дѣйствіи, о происхожденіи, какъ «началѣ бытія послѣ небытія» мы не имѣемъ ни понятія, ни свѣдѣній.

Догадка о существованіи такого образовательнаго процесса основана не на одномъ только наблюденіи различныхъ моментовъ

размѣта, въ которыхъ показываются, болѣе или менѣе сгущенныя около центра туманныя пятна, но и на непосредственныхъ, повторенныхъ наблюденіяхъ надъ измѣненіемъ формы сначала въ Андромедѣ, а потомъ въ кораблѣ, и изолированной волокнистой части Орианова облака. Впрочемъ, неравнобѣрная способность оптическихъ инструментовъ преломлять свѣтъ, различныя состоянія нашей атмосферы, и другія оптическія условія заставляютъ сомнѣваться въ исторической справедливости этихъ наблюденій.

Не должно смѣшивать настоящихъ, очень различныхъ по наружному виду и въ отдѣльныхъ частяхъ не одинаково ровно блестящихъ туманныхъ пятенъ, которыя уменьшаясь въ объемѣ, можетъ быть превращаются наконецъ въ истинныя звѣзды, и такъ-называемыхъ, *планетарныхъ облаковъ*, которыхъ круглыя, даже нѣсколько овальныя диски изливаютъ во всѣхъ точкахъ умѣренный свѣтъ совершенно одинаковый, съ туманными звѣздами. Въ нихъ звѣзды, на отдаленномъ облачномъ грунтѣ, появляются по случайно; парообразная матерія, свѣтлый туманъ образуетъ одну массу съ окружаемымъ имъ созвѣздіемъ. Планетарныя туманныя пятна и туманныя звѣзды, судя по значительнымъ размѣрамъ ихъ кажущагося діаметра и по отдаленности, въ которой они мерцаютъ, должны имѣть огромную величину. Основываясь на новѣйшихъ, остроумныхъ (1) наблюденіяхъ надъ вліяніемъ какое разстояніе оказываетъ на силу свѣта, испускаемаго дисками съ измѣреннымъ діаметромъ, и отдѣльными самосвѣтящимися точками, можно съ вѣроятностью заключить, что планетарныя туманныя пятна — чрезвычайно отдаленныя отъ насъ, туманныя звѣзды, въ которыхъ однако жъ самыми сильными телескопами нельзя отличить центральной звѣзды отъ окружающей ея дымчатой оболочки.

Великолѣпные поясы южнаго неба, находящіеся между 50° и 80° южной широты, чрезвычайно богаты облачными звѣздами и сплошными неразрѣшенными туманными пятнами. Изъ двухъ обращающихся около беззвѣзднаго, запустѣлаго южнаго полюса Магеллановыхъ облаковъ, большее — самое великолѣпное; по новѣйшимъ наблюденіямъ (2) оно представляетъ чудесное скопленіе шаровидныхъ гроздьевъ облачныхъ звѣздъ различной величины и непрерывныхъ туманныхъ пятенъ, которыхъ свѣтъ, разливаясь по всему полю зрѣнія, составляетъ какъ-бы грунтъ картины. Эти облака, Сіяющій Корабль, млечный путь между Скорпіономъ, Центавромъ и Крестомъ, однимъ словомъ, *пейзажная* прелесть всего южнаго неба, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе. Зодіакальный свѣтъ, (пирамидально возвышающійся сѣвѣжный свѣтъ

этотъ также составляетъ всегдашнее украшеніе тропическихъ ночей) есть или большое туманное кольцо, вращающееся между Землею и Марсомъ или, что менѣе вѣроятно — самый наружный слой солнечной атмосферы. Кромѣ этихъ свѣтлыхъ облаковъ и тумановъ, имѣющихъ опредѣленную форму, точныя и всегда согласныя между собою наблюденія обнаруживаютъ существованіе чрезвычайно тонкой, но, вѣроятно, не самосвѣтящейся, матеріи, которая, составляя сопротивляющуюся средину, обнаруживаетъ свое дѣйствіе уменьшеніемъ эксцентриситета и сокращеніемъ срока обращенія кометы Энке и, можетъ-быть, кометы Бѣлы. Эта оказывающая сопротивленіе зѣрная космическая матерія, вѣроятно, движется и тяготѣетъ, несмотря на ея первоначальную тонкость, сгущается приближаясь къ большому солнечному тѣлу, и наконецъ, съ незапамятныхъ временъ увеличивается въ количествѣ отъ присоединенія къ ней парообразной матеріи кометныхъ хвостовъ.

Если мы отъ парообразной матеріи, разлитой въ необъятныхъ пространствахъ небесъ *ὕλην ἁπλοῦν* (3) то въ видѣ космическаго зѣбра, то въ видѣ сгущенныхъ туманныхъ пятенъ, перейдемъ теперь къ отвердѣлой образованной въ шарообразныя тѣла части вселенной, то мы вступимъ въ область явленій; который называется созвѣздіями или звѣзднымъ міромъ. Здѣсь также отвердѣлость и плотность матеріи, образованной въ шаръ, имѣютъ различныя степени. Въ нашей солнечной системѣ являютя всѣ степени *средней плотности*, отношенія *объема къ массѣ*. Сравнивая наши планеты, начиная отъ Меркурія до Марса съ Солнцемъ и Юпитеромъ, и послѣднія двѣ звѣзды съ менѣе плотнымъ Сатурномъ, мы увидимъ, что между плотностью ихъ существуетъ такое же отношеніе (возьмемъ для примѣра земныя вещества) какое находится между плотностями сурьмы, меду, воды и соснового дерева. Сквозь головы или ядра, самыя плотныя части кометъ, составляющихъ наибольшую часть *индивидуализированныхъ естественныхъ формъ* нашей солнечной системы, свѣтъ звѣздъ проходитъ преломляясь. *Масса кометъ* можетъ-быть никогда не достигнетъ пяти-тысячной части *земной массы*. Въ такомъ-то разнообразіи представляются образовательные процессы въ первоначальномъ, а можетъ-быть и продолжающемся еще превращеніи въ шаръ матеріи.

Какъ мы рѣшились начать съ самаго общаго, то намъ нужно было указать здѣсь на это разнообразіе не какъ на возможное, но какъ дѣйствительное явленіе, существующее во вселенной.

Основанныя на умозаключеніяхъ догадки Райта (Wright), Канта и Ламберта объ устройствѣ міроаданія, о распредѣленіи матеріи, сэръ Вильямъ Гершель подтвердилъ своими точными наблюденіями и измѣреніями. Этотъ великій, гениальный и въѣстъ о тѣмъ осторожный наблюдатель, первый бросилъ лотъ въ глубину небесныхъ пространствъ, въ намѣреніи опредѣлить границы и форму звѣзднаго слоя, въ которомъ мы обитаемъ; онъ первый дерзнулъ разъяснить положеніе и разстояніе отдаленныхъ туманныхъ пятенъ отъ нашего звѣзднаго слоя. Вильямъ Гершель (такъ говоритъ прекрасная надгробная надпись въ Унтоуѣ) разбилъ границы неба (suegum reggiruit claustra); подобно Колумбу, онъ проникъ въ неизвѣстный океанъ міра, устремляя взоръ на берега и группы острововъ, которыхъ положеніе предоставлено опредѣлить грядущимъ поколѣніямъ.

Наблюденія надъ различною силою свѣта, измѣняемаго звѣздами и надъ ихъ относительнымъ числомъ, то есть, надъ большимъ или меньшимъ количествомъ звѣздъ, представляющихся взору на одинаковомъ полѣ зрѣнія телескоповъ, привели къ заключенію, что въ пространствѣ звѣзднаго слоя, звѣзды находятся не на равномъ разстояніи и неравномѣрно распредѣлены. Такой выводъ, гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи границъ отдѣльныхъ частей міроаданія, разумѣется, не можетъ имѣть той математической точности, какой достигли всѣ выводы, относящіеся къ нашей солнечной системѣ, къ неравномѣрному скорому кругообращенію двойныхъ звѣздъ около общаго центра тяжести, наконецъ къ тому, что касается до кажущагося или дѣйствительнаго движенія всѣхъ созвѣздіи. Физическое міроописаніе, которое начинается съ отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятенъ, можно сравнить съ баснословною частью всемірной исторіи. Обѣ науки берутъ свое начало въ сумракѣ древности: гдѣ начинается исчезать дѣйствительность, тамъ фантазія, почерпая въ глубинѣ своей орудства, даетъ очеркъ и постоянство неопредѣленнымъ измѣняющимся образамъ.

Если сравнить вселенную съ моремъ, усѣяннымъ островами, то можно представить себѣ матерію распредѣленною группами или сгущенію, около одного или многихъ ядеръ, въ неразрѣшенныхъ на звѣзды туманныхъ пятна, различныхъ возрастовъ, или свернутою въ шаръ, въ видѣ то звѣздныхъ гроздьевъ, то изолированныхъ спорадовъ. Звѣздный *Островъ міра*, къ которому мы принадлежимъ, образуетъ чеповицеобразно сложенный, со всѣхъ сторонъ отдѣленный слой, котораго большая ось имѣетъ отъ осей до осей почти, а малая до ста-пятидесяти разстояній Спирюса.

Предполагая, параллаксъ Сириуса не болѣе точно вымѣреннаго параллакса самой блистательной звѣзды въ Центаврѣ (0,"9128), мы находимъ, что лучъ свѣту пробѣгаетъ разстояніе отъ Сириуса до Земли въ три года; между-тѣмъ какъ, основываясь на измѣреніи параллакса замѣчательной шестидесять-первой звѣзды въ Лебедѣ (0,"3483), произведенномъ Бесселемъ (*), судя по сильному собственному движенію которой, должно бы думать, что она очень близка къ намъ, выходитъ, что свѣтъ отъ той звѣзды доходитъ до Земли въ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ. Нашъ звѣздный слой, дискъ незначительной толщины, въ одной трети своей раздѣленъ на два рукава. Полагаютъ, что мы находимся вблизи отъ этого раздѣленія. Сириусъ ближе къ нему чѣмъ къ созвѣздію Орла, почти въ срединѣ матеріальнаго протяженія слоя, относительно его толщины или малой оси.

Опредѣленіе мѣста, занимаемаго нашею солнечною системою, и форма всей этой чечевицы, выведены изъ перечисленія звѣздъ (Stern-Aichungen), о которыхъ было сказано выше, и которыя были произведены посредствомъ опредѣленія числа звѣздъ, являющагося на одинаковой величинѣ поляхъ зрѣнія телескоповъ. Большее или меньшее число звѣздъ опредѣляетъ глубину слоя во всѣхъ его направленіяхъ. Перечисленіе звѣздъ даетъ понятіе о длинѣ радіусовъ зрѣнія, такъ-сказать, опредѣляетъ постоянную длину брошеннаго лота, который долженъ достигнуть *дна* звѣзднаго слоя или, говоря правильнѣе, наружныхъ границъ его, потому что въ пространствѣ небесъ нѣтъ ни верху ни низу. Когда мы смотримъ по направленію длинной оси, въ глубину небесъ, гдѣ звѣзды лежатъ одна за другою, то эти свѣтила небесныя представляются намъ плотно сближенными, другъ съ другомъ, какъ-будто соединенными мерцающимъ млечнаго свѣта, свѣтовымъ туманомъ и перспективно расположенными на поясъ, окружающемъ мнимый небесный сводъ. Этотъ узкій, развѣтвленный поясъ, изливающий прекрасный, хотя и не вездѣ ровный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерываемый темными пятнами свѣтъ, кажется будто уклоняется на нѣсколько градусовъ *отъ большаго круга*, пустой сферы, потому что мы находимся близъ самой середины нашей звѣздной кучи и почти на самой плоскости млечнаго пути. Если бы планетная система наша находилась далеко *внѣ* этой звѣздной кучи, въ такомъ случаѣ млечный путь представлялся бы вооруженному глазу кольцомъ, а на еще большемъ разстояніи, дискомъ туманнаго пятна, разложившагося на звѣзды.

Изъ множества, блистающихъ собственнымъ свѣтомъ, перемѣ-

вляющихъ мѣсто солнць (ошибочно называемыхъ неподвижными звѣздами), которыя составляютъ нашъ островъ міра, Солнце есть единственное *небесное тѣло*, которое мы можемъ назвать центральнымъ, судя по доказанному наблюденіями отношенію къ нему, непосредственно отъ него зависящей и около него обращающейся свернутой въ шаръ матеріи, подъ различными формами планетъ, кометъ и аэролитобразныхъ астероидовъ. Въ сложныхъ звѣздахъ (двойныхъ солнцахъ или двойныхъ звѣздахъ), не замѣчено по-крайней-мѣрѣ, въ настоящее время, той планетарной зависимости въ отношеніи движенія и освѣщенія, которая составляетъ характеристическую принадлежность нашей солнечной системы. Безъ-сомнѣнія, два или нѣсколько самосвѣтящихся созвѣздій, которыхъ планетъ или лунъ (если онѣ существуютъ) невозможно усмотрѣть посредствомъ теперешнихъ нашихъ телескоповъ, обращаются около общаго центра тяжести; но этотъ центръ тяжести находится въ пространствѣ, наполненномъ можетъ-быть необразовавшеюся еще въ шаръ матеріею, мировымъ туманомъ; между-тѣмъ какъ, въ нашемъ солнцѣ, онъ заключается часто въ самыхъ внутреннихъ границахъ *видимаго* центрального тѣла. Если допустить, что Солнце и Земля, или Земля и Луна *двойныя звѣзды*, а вся наша планетная солнечная система, сложная звѣздная группа, въ такомъ случаѣ аналогія эта можетъ касаться только до движеній, свойственныхъ *притягательнымъ системамъ различнаго разряда*, совершенно независимымъ отъ процессовъ свѣта и способа освѣщенія.

Бросая такой общій взглядъ на космическія явленія, совершенно приличный для начертанія картины природы или вселенной, можно разсматривать солнечную систему, къ которой принадлежитъ и Земля, въ двоякомъ отношеніи: съ начала въ отношеніи къ различнымъ классамъ индивидуализированной, образованной въ шаръ, матеріи, къ величинѣ, къ формѣ, къ плотности и взаимному разстоянію небесныхъ тѣлъ этой системы; потомъ въ отношеніи къ другимъ частямъ нашего звѣзднаго гряда и къ перемѣщенію совершаемому солнцемъ внутри этого гряда.

Солнечная система, то есть, матерія, обращающаяся около Солнца и имѣющая весьма различныя формы, состоитъ, по теперешнимъ нашимъ свѣдѣніямъ, изъ одиннадцати *главныхъ планетъ*, осьмнадцати лунъ или *спутниковъ*, прибавочныхъ *планетъ*, и безчисленнаго множества *кометъ*, изъ которыхъ, три (планетарныя) не покидаютъ тѣсной области главныхъ планетъ. Весьма вѣроятно, что къ области нашего Солнца, къ непосредствен-

ной сферѣ его центральной силы, можно причислить во-первыхъ, кружащееся кольцо парообразной матеріи, лежащее, можетъ-быть, между орбитами Венеры и Марса, но вѣрно выходящее за предѣлы земной (5) орбиты, и являющееся намъ въ пирамидальной формѣ, зодіакальнаго свѣта, во-вторыхъ, толпу весьма малыхъ *астероидовъ*, которыхъ орбиты пересѣкаютъ орбиту нашей Земли или, по-крайней-мѣрѣ, лежатъ въ очень близкомъ отъ нея разстояніи и производятъ явленія аэролитовъ и падающихъ звѣздныхъ кучъ. Обнямая мыслию сложныя формы тѣлъ обращающихся около Солнца, по такимъ различнымъ, болѣе или менѣе эксцентрическимъ орбитамъ, и не принимая, вмѣстѣ съ безсмертнымъ авторомъ *Mécanique celeste*, большую часть кометъ за туманныя звѣзды переходящія отъ одной центральной системы въ другую (6), должно допустить, что собственно такъ-называемая *планетная система*, то есть группа небесныхъ тѣлъ обращающихся вмѣстѣ съ сопутствующими имъ лунами, около Солнца, по очень слабо эксцентрированнымъ орбитамъ, составляетъ, судя не по массѣ, а по числу недѣлимыхъ, только весьма малую часть всей системы.

Нѣкоторые астрономы хотѣли доказать, что *телескопическія планеты*, Веста, Юнона, Церера и Паллада, съ ихъ переплетенными, очень наклоненными, и болѣе, нежели у другихъ планетъ, эксцентрированными орбитами, составляютъ поясъ, раздѣляющій пространство въ нашей планетной системѣ, — на двѣ части; что они образуютъ такъ сказать, среднюю группу. Смотри съ этой точки, мы находимъ между *внутреннею* группою планетъ (Меркуріемъ, Венерою, Землею и Марсомъ) и *наружною* (Юпитеромъ, Сатурномъ и Ураномъ) множество разительныхъ противоположностей. (7) Внутреннія ближайшія къ Солнцу планеты, имѣютъ умеренную величину, очень плотны, обращаются около всей оси довольно ровно и медленно (въ 24 часа), менѣе сплющены и, кромѣ Земли, всѣ безлунны. Наружныя, отдаленныя отъ солнца планеты, напротивъ, значительно велики, вѣятеро менѣе плотны, обращаются около своей оси болѣе чѣмъ вдвое скорѣе, очень сплющены, и окружены семнадцатью лунами, если только на долю Урана дѣйствительно приходятся шесть спутниковъ.

Эти общія соображенія объ извѣстныхъ характеристическихъ свойствахъ цѣлыхъ группъ, не могутъ быть однако жъ примѣнены съ равною основательностью къ отдѣльнымъ планетамъ каждой группы, ни въ отношеніи къ *разстоянію отъ центрального тѣла* ни въ отношеніи къ *абсолютной величинѣ, плотности, вре-*

иши обращенія около оси, къ эксцентрицитету, наклоненію орбитъ и осей кружащихся небесныхъ тѣлъ. Мы, до-сихъ-поръ, не знаемъ ни какой внутренней необходимости, ни какого механическаго закона природы, который бы (подобно прекрасному закону, связывающему квадраты времени кругообращенія съ кубами большихъ осей) приводилъ въ зависимость другъ отъ друга или отъ среднихъ разстояній, исчисленные нами шесть элементовъ планетныхъ тѣлъ и формы ихъ орбитъ. Марсъ, болѣе нежели Земля отдаленный отъ Солнца, меньше Земли и Венеры, но своему діаметру болѣе прочихъ приближается къ Меркурію, планетѣ ближе прочихъ находящейся къ Солнцу; Сатурнъ меньше Юпитера, но гораздо больше Урана. Въ ряду разстояній, который начинается отъ Солнца, поясъ телескопическихкихъ, по объему столь малыхъ планетъ, лежитъ непосредственно передъ Юпитеромъ, самымъ большимъ изъ всѣхъ планетныхъ тѣлъ, несмотря на то однако же, поверхность многихъ изъ этихъ мелкихъ астерондовъ, которыхъ дисковъ почти невозможно измѣрить, равняется едва половинѣ поверхности Франціи, Мадагаскара или Борнео. Несмотря на разительную, чрезвычайно малую плотность колоссальныхъ планетъ, которыя наиболѣе отдалены отъ Солнца, мы всё-таки и здѣсь не видимъ никакой правильной послѣдовательности (а): Уранъ кажется плотнѣе Сатурна, даже если принять его самую меньшую плотность (по Ламону) въ $\frac{1}{24,605}$, и несмотря на незначительное различіе плотности между самыми внутренними планетами (б); Венера и Марсъ совершаютъ свое обращеніе около своей оси медленнѣе нежели Земля, а Сатурнъ медленнѣе чѣмъ Юпитерь. Изъ всѣхъ планетъ, сильнѣйшій эксцентрицитетъ имѣютъ эллиптическія орбиты Юноны, Паллады и Меркурія, а наименьшій—Венера и Земля, двѣ непосредственно другъ за другомъ слѣдующія планеты. Поэтому въ Меркуріи и въ Венерѣ мы видимъ тѣ же самыя противоположности, какія замѣчаются и въ четырехъ, путями своими тѣсно переплетенныхъ астероидахъ. Эксцентрицитеты Юноны и Паллады, втрое болѣе эксцентрицитета Цереры и Весты. То же самое должно сказать и о наклоненіи планетныхъ орбитъ къ плоскости эклиптики и о наклоненіи поворотныхъ осей къ плоскости планетныхъ орбитъ: условія климата, время года и долготы дня зависятъ отъ этого наклоненія болѣе чѣмъ отъ эксцентрицитета. У планетъ, имѣющихъ самую длинную эллиптическую орбиту, Юноны, Паллады и Меркурія, замѣчаемъ мы, хотя не въ той же пропорціи, и сильнѣйшія наклоненія орбитъ къ эклиптикѣ.

У Паллады это наклоненіе подобно наклоненію кометы, и почти въ 26 разъ больше наклоненія Юпитера; между-тѣмъ какъ у небольшой Весты, столь близкой къ Палладѣ, уголъ наклоненія едва въ-шестеро превосходитъ уголъ наклоненія орбиты Юпитера. Въ положеніяхъ осей не многихъ (4 до 5) планетъ, которыхъ плоскость вращенія намъ довольно подробно извѣстна, также не представляется ни какой правильной послѣдовательности. Судя по положенію спутниковъ Урана, изъ которыхъ два (2 и 4) въ послѣднее время были явственно видимы снова, ось этой самой внѣшней изъ всѣхъ планетъ, наклонена едва-ли на 11° къ своей орбитѣ. Сатурнъ находится между Юпитеромъ, котораго ось стоитъ почти вертикально къ орбитѣ, и Ураномъ, ось котораго почти совпадаетъ съ орбитою.

Міръ образовъ въ этомъ исчисленіи пространственныхъ условій, представленъ какъ нѣчто фактическое, дѣйствительно существующее въ природѣ, а не какъ предметъ умственного воззрѣнія, или внутренняго причиннаго спѣвленія. Въ абсолютной величинѣ и относительномъ положеніи осей нашей планетной системы, въ ея плотности, времени обращенія и различныхъ степеняхъ эксцентрицитета орбитъ, мы замѣчаемъ также мало неизбежно-необходимыхъ условій, какъ и въ распредѣленія водъ и суши на нашей Землѣ, и въ очеркъ материковъ и въ высоты горъ. Въ этомъ отношеніи невозможно отыскать постоянныхъ законовъ, ни въ пространствѣ небесъ, ни въ неровностяхъ близкой къ намъ земной коры. Это факты природы, вызванные къ жизни столкновеніемъ силъ, дѣйствовавшихъ нѣкогда подъ вліяніемъ условій намъ неизвѣстныхъ. Въ образованіи планетъ, человекъ называетъ случайнымъ все чего не можетъ объяснить себѣ генетически. Если планеты образовались изъ парообразнаго вещества отдѣльныхъ колець, кружащихся около Солнца, то причиною разнообразія въ формѣ шаровъ, могли быть различная толщина, неравномѣрная плотность, температура и напряженіе электромагнитизма этихъ колець, также сила верженія и небольшой уклоненія отъ направленія верженія, могли имѣть вліяніе на разнообразную форму и наклоненіе эллиптическихъ орбитъ. Законы притяженія и тяготѣнія дѣйствовали и здѣсь, какъ и въ геогностическихъ явленіяхъ возвышенныхъ материковъ; но на вышнѣмъ состоянію тѣмъ нельзя судить о родѣ состоянія, въ какомъ они постепенно находились, до окончательнаго своего происхожденія. Даже такъ-называемый законъ отстоянія планетъ отъ Солнца, прогрессія, изъ которой уже Кеплеръ вывелъ за-

влеченіе о существованіи промежутокъ между Марсомъ и Юпитеромъ, нумерически повѣренъ въ отношеніи разстояній между Меркуріемъ, Венерою и Землею.

Одннадцать доселѣ открытыхъ главныхъ планеть, обращающихся вокругъ нашего Солнца, окружены, какъ извѣстно, четырнадцатью, и вѣроятно даже осемнадцатью прибавочными планетами (лунами или спутниками). Главныя планеты, поэтому, служатъ въ свою очередь центрами для второстепенныхъ системъ. Мы видимъ, что, такимъ образомъ, въ устройствѣ вселенной какъ-бы повторяется тотъ же самый процессъ образованія, который въ разнообразіи развитіи органической жизни, обнаруживается такъ часто типическимъ повтореніемъ, въ сложныхъ группахъ растеній и животныхъ, формъ низшихъ сферъ. Прибавочныя планеты, или луны, встрѣчаются чаще во внѣшнихъ предѣлахъ нашей планетной системы, по ту сторону орбитъ такъ-называемыхъ малыхъ планеть. Планеты находящіяся по сю сторону малыхъ планеть, не имѣютъ лунъ, исключая Земли, спутникъ которой, относительно, очень великъ. Поперечникъ нашей Луны, составляетъ четвертую часть поперечника Земли. Поперечникъ наибольшей изъ прочихъ лунъ нашей планетной системы, поперечникъ шестаго спутника Сатурна, составляетъ только одну семнадцатую долю поперечника своей центральной планеты; поперечникъ же наибольшей изъ лунъ Юпитера, то есть, третьей, только одну двадцать-шестую своей центральной планеты. Самыя отдаленныя отъ Солнца и вмѣстѣ самыя большія, наименѣе плотныя и очень сплюснутыя планеты, имѣютъ наибольшее число лунъ. По новѣйшимъ измѣреніямъ Меддера, Уранъ сплюснутъ болѣе всѣхъ прочихъ планеть, именно на $\frac{1}{91.91}$.

Разность между массами и поперечниками Земли и ея Луны, которыхъ среднее разстояніе другъ отъ друга составляетъ 51,800 географическихъ миль ⁽¹⁰⁾, гораздо менѣе нежели разности, какія, въ этомъ отношеніи, мы находимъ у другихъ главныхъ планеть нашей солнечной системы и ихъ спутниковъ. Плотность Луны равняется $\frac{5}{8}$ плотности Земли; напротивъ-того, плотность втораго спутника Юпитера, если только вѣрить астрономамъ, превосходитъ плотность его центральной планеты.

Изъ четырнадцати лунъ, которыхъ относительная величина вымѣрена довольно вѣрно, система семи спутниковъ Сатурна составляетъ разительный примѣръ противоположности въ абсолютной величинѣ ихъ и въ ихъ разстояніи отъ главной планеты. Шестой спутникъ Сатурна, вѣроятно, немного менѣе Марса,

между тѣмъ какъ поперечникъ нашей Луны составляетъ немного половины поперечника Марса. За самыми вѣшними спутниками Сатурна, шестымъ и седьмымъ, слѣдуетъ, по объему, третій, блистательнѣйшій изъ прочихъ, спутникъ Юпитера. Напротивъ, къ самымъ малымъ лунамъ нашей солнечной системы, принадлежать два внутреннiе спутника Сатурна, и, можетъ-быть, спутники Урана, видимые только при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ въ чрезвычайно сильные телескопы. Внутреннiя луны Сатурна были открыты, въ 1789 году, Вильямомъ Гершелемъ, въ сорока футовой телескопъ. Ихъ видѣли также Дмонъ Гершель, на Мысѣ Добрая Надежды, Вико въ Римѣ, и Ламонъ въ Мюнхенѣ. Опредѣленiе истинныхъ поперечниковъ спутниковъ, чрезъ измѣренiе видимой величины ихъ малыхъ дисковъ, сопряжено съ многими оптическими трудностями. Математическая астрономiя, нумерически предсказывающая движенiе небесныхъ тѣлъ въ прѣстранствѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется намъ съ Земли, опредѣляетъ только ихъ пути и массы, а не объемы. Абсолютно большее разстоянiе спутника отъ главной своей планеты, находится между самымъ вѣшнимъ или седьмымъ спутникомъ Сатурна и этою планетою. Они отдалены другъ отъ друга болѣе нежели на полмилліона географическихъ миль, то есть, въдесятеро болѣе нежели Земля отъ своей Луны.

Разстоянiе между вѣшнимъ, четвертымъ, изъ спутниковъ Юпитера и планетою, простирается только на двѣсти шестьдесятъ тысячъ миль; между Ураномъ и шестымъ его спутникомъ, если онъ дѣйствительно существуетъ, находится триста сорокъ тысячъ миль разстоянiя. Сравнивая въ каждой изъ этихъ второстепенныхъ системъ объемъ главной планеты съ разстоянiемъ самаго вѣшняго ея спутника, мы открываемъ совершенно новое численное отношенiе. Припная за единицу радиусъ главной планеты, мы находимъ, что разстоянiя между вѣшними лунами Урана, Сатурна, Юпитера и самыми планетами могутъ быть выражены какъ 91, 64 и 27. Изъ этого слѣдуетъ, что самый вѣшній спутникъ Сатурна отдаленъ отъ центра своей планеты не многими мѣнѣе, (одною пятнадцатою), нежели Луна отъ Земли. Самый ближайшій къ своей главной планетѣ спутникъ есть, безъ сомнѣнiя, первая или внутренняя луна Сатурна. Она также замѣчательна тѣмъ, что совершаетъ свое обращенiе около Сатурна мѣнѣе нежели въ двадцать четыре часа. Ея разстоянiе отъ центра планеты, по вычисленiямъ Медлера и Вильгельма Бера, равняется 2,47 радиуса Сатурна или 20,022 миль. Поэтому

разстояніе ея отъ поверхности Сатурна не можетъ быть болѣе 11,870 миль; разстояніе же отъ вѣшной поверхности кольца не болѣе 1,229 миль. Каждый путешественникъ легко можетъ представить себѣ, какъ незначительно это пространство, особенно если припомнить изреченіе отважнаго моряка капитана Бича, который рассказываетъ, что втеченіи трехъ лѣтъ онъ оставилъ за собою 18,200 географическихъ миль. Теперь, если взять за мѣру уже не абсолютное разстояніе, а полупоперечникъ главной планеты, то мы находимъ, что первый, то есть, ближайшій спутникъ Юпитера, отстоящій отъ центра его 6,500 милями дальше нежели Луна отстоитъ отъ Земли, удаленъ отъ центра своей главной планеты только на шесть радіусовъ Юпитера, между-тѣмъ какъ Луна отдалена отъ Земли на цѣлыхъ шестьдесятъ съ третью земныхъ полупоперечниковъ.

Въ устройствѣ второстепенныхъ системъ спутниковъ или прибавочныхъ планетъ, принимая въ разсмотрѣніе отношенія ихъ къ главнымъ своимъ планетамъ и другъ къ другу, повторяются всѣ законы тяготѣнія, которые господствуютъ въ главной планетѣ, вращающейся около Солнца. Всѣ двѣнадцать лунъ Земли, Юпитера и Сатурна движутся, какъ и главные ихъ планеты, отъ запада къ востоку, по эллиптическимъ орбитамъ, которыя мало разнятся отъ настоящаго круга. Только наша Луна, и, вѣроятно первый ближайшій къ Сатурну спутникъ его (0,068) имѣютъ эксцентриситетъ превосходящій нѣсколько Юпитера. Эксцентриситетъ шестаго спутника Сатурна (0,029), который такъ точно вычисленъ Бесселемъ, больше эксцентриситета Земли. На самой вѣшной границѣ нашей планетной системы, въ тѣхъ пространствахъ, гдѣ центральная сила Солнца, на девятнадцати земныхъ разстояніяхъ, дѣйствуетъ уже значительно слабо, система спутниковъ Урана представляетъ самыя странныя противоположности. Между-тѣмъ, какъ всѣ другія луны и ихъ главные планеты весьма мало наклонены къ эклиптикѣ, и всѣ, не исключая и Сатурновыхъ колець, какъ-бы сплошныхъ или нераздѣленныхъ спутниковъ; движутся отъ запада къ востоку; луны Урана имѣютъ почти перпендикулярное положеніе относительно эклиптики и движутся; какъ показали долготѣнія наблюденія сэръ Джона Гершеля, наоборотъ, отъ востока къ западу. Если главные и прибавочныя планеты образовались посредствомъ стягиванія старыхъ солнечныхъ и планетныхъ атмосферъ изъ кружащихся паровыхъ колець, то въ паровыхъ кольцахъ, обращавшихся около Урана, должны были встрѣтиться странныя, намъ неизвѣстныя отно-

женіи ретардаціи или *conige-sour*, чтобы дать второму и четвертому спутникамъ Урана направленіе кругообращенія, противное кругообращенію центрального тѣла.

Всѣ прибавочныя планеты, вѣроятно, обращаются около своей оси въ такое же время, въ какое она совершаютъ свое обращеніе около главной планеты, такъ, что всегда остаются обращенными къ ней одною и тою же стороною. Неровности, какъ слѣдствія небольшихъ перемѣнъ въ обращеніи около главной планеты, производятъ колебанія отъ 6 до 8 градусовъ (кажущуюся либрацію) какъ по долготѣ, такъ и по широтѣ. Такимъ образомъ, на примѣръ, мы можемъ видѣть въ Лунѣ болѣе нежели половину ея поверхности, именно, то небольшую часть восточнаго и сѣвернаго, то западнаго и южнаго ея края. Черезъ либрацію ⁽¹¹⁾ мы можемъ видѣть ясное кольцообразныя горы Малаперта, которыя иногда закрываютъ южный полюсъ Луны, арктической ландшафтъ около кратерной горы Джоіа и огромную сѣрую равнину близъ Эндиміона, которой поверхность превосходитъ поверхность «Моря паровъ», «*Magne varogum*». Вообще отъ нашего взору совершенно скрыто болѣе трехъ седьмыхъ поверхности Луны и, можетъ-быть, навсегда, если не появится новыхъ, неожиданныхъ разрушающихъ слѣдъ.

До-сихъ-поръ мы рассматривали главныя планеты, ихъ спутниковъ и концентрическія кольца, которыя замѣчаются по-крайней-мѣрѣ на одной изъ самыхъ вѣнншихъ планетъ, какъ продукты силы верженія, удерживаемые въ общей связи взаимнымъ притяженіемъ. Намъ остается упомянуть о безчисленномъ соимѣ кометъ, вращающихся около Солнца, по собственнымъ путямъ, и освѣщаемыхъ этимъ свѣтиломъ. Если, по теоріи вѣроятностей, принять въ соображеніе неравномѣрное распределеніе ихъ путей, границы ихъ перигелій (ближайшихъ разстояній отъ Солнца), и то, что онѣ могутъ оставаться невидимыми для обитателей Земли, то мы находимъ, что ихъ должны быть міриады. Уже Кеплеръ, съ свойственною себѣ живостію выраженія, замѣтилъ, что во вселенной болѣе кометъ нежели рыбъ въ глубинѣ океана. Число кометъ, которыхъ пути вычислены, простирается едва до ста пятидесяти, число же тѣхъ, о которыхъ появленіи и прохожденіи чрезъ извѣстныя созвѣздія мы имѣемъ только неточныя свѣденія, — простирается отъ шести до семи сотъ. Между-тѣмъ какъ такъ-называемыя классическія народы запада—Греки и Римляне, упоминаютъ только о томъ мѣстѣ неба, гдѣ впервые была ими замѣчена какая-нибудь комета, и ничего не говорятъ объ ея

видимомъ пути, въ литературѣ наблюдающихъ природу и всезамѣчающихъ Китайцевъ, находятся обстоятельныя замѣчанія о тѣхъ созвѣздіяхъ, мимо которыхъ пролетала какая-нибудь комета. Такія замѣчанія были сдѣланы за пять сотъ лѣтъ до нашей эры, и многія изъ нихъ даже въ наше время съ пользою употребляются астрономами (12).

Изъ всѣхъ планетныхъ тѣлъ, кометы, при очень малой толщѣ своей (по нѣкоторымъ до сего времени сдѣланнымъ наблюденіямъ толща ихъ гораздо менѣе $\frac{1}{5000}$ толщи Земли), съ своими хвостами, простирающимися на нѣсколько миллионновъ миль, занимаютъ въ небесномъ пространствѣ наиболѣе мѣста.

Длина хвоста, который отъ нихъ тянется, и отъ котораго отражается свѣтъ, иногда (въ 1680 и 1811 годахъ) равнялась разстоянію Земли отъ Солнца, линія, которая пересѣкаетъ пути двухъ планетъ, Венеры и Меркурія. Весьма вѣроятно даже, что въ 1819 1823 годахъ наша атмосфера была смѣшана съ парами кометныхъ хвостовъ.

Видъ кометъ очень разнообразенъ; почти каждая комета имѣетъ свою собственную форму; поэтому, описаніе одного изъ этихъ свѣтоносныхъ странствующихъ свѣтлыхъ облаковъ, какъ ихъ называли уже Ксенофанъ и Феонъ Александрійскій, современникъ Навуса, съ большою осторожностью должно прилагать къ другому. Самые слабыя телескопическія кометы большою частію не имѣютъ видимаго хвоста, и походятъ на гершелевскія туманныя звѣзды. Онѣ образуютъ круглыя, слабо мерцающія пятна, болѣе свѣтлыя къ центру нежели на окружности. Это самый простой типъ кометъ, однако жъ онъ вовсе не рудиментарный, какъ и типъ небеснаго тѣла, чрезъ испареніе истощившагося и состарѣвшагося.

Въ большихъ кометахъ различаются голова или, такъ-называемое ядро, и простой или сложный хвостъ, который китайскіе астрономы весьма характеристически называютъ метлою (sai). Обыкновенно, ядро не имѣетъ опредѣленныхъ рѣзкихъ границъ; несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, оно кажется звѣздою первой или второй величины, которая, какъ было замѣчено въ кометахъ 1402, 1532, 1577, 1744 и 1843 годовъ свѣтится даже днемъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ (13). Это послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что нѣкоторыя кометы имѣютъ плотную массу, способную отражать свѣтъ. И действительно, чрезъ большіе гершелевскіе телескопы видны были только двѣ кометы (одна открытая въ Сициліи въ 1807 го

ду, другая прекрасная комета 1811 года), которыя имѣли видъ явственно, рѣзко очерченныхъ дисковъ (14); одна подъ угломъ 1", другія — 0",77, откуда должно заключить, что ихъ истинный діаметръ равнялся 134 и 107 милямъ. Менѣе рѣзко ограниченныя ядра кометъ 1798 и 1805 годовъ имѣли едва 6 или 7 миль въ поперечникѣ. Во многихъ хорошо изслѣдованныхъ кометахъ, особенно въ кометѣ 1811 года, которая очень долгое время оставалась на горизонтѣ, ядро и его облачная оболочка совершенно отдѣлялись отъ хвоста темнымъ промежуткомъ. Свѣтъ въ ядрѣ кометы равномерно усиливается, начиная отъ окружности къ центру: сильно свѣтящіеся поясы бывають отдѣлены нѣскольکو разъ одинъ отъ другаго концентрическими облачными оболочками. Хвосты кометъ болѣею частью бывають простые, рѣдко двойные. Въ послѣднемъ случаѣ длина обѣихъ вѣтвей бываетъ весьма различна, какъ это было замѣчено въ кометахъ 1807 и 1843 годовъ. Одна только комета 1744 года имѣла шесть хвостовъ (крайнїе хвосты образовали уголъ въ 6°). Хвосты кометъ бывають прямыя или изгибающїеся въ противоположныя стороны какъ въ кометѣ 1811, или изогнутыя въ ту сторону, куда стремится комета, какъ въ кометѣ 1618 года, и даже иногда извитыя, пламенеобразныя. Китайскїе астрономы, по свидѣтельству Эдуарда Біо, замѣтили уже въ 837 году, а въ Европѣ только въ шестнадцатомъ столѣтїи Фракасторо и Петръ Анїанъ совершенно убѣдились, что хвосты всегда такъ отклонены отъ Солнца, что ихъ продолженная ось проходитъ черезъ центръ его. Эти, истеченїя, кажется, не что иное какъ коническія оболочки болѣе или мѣнѣе толщены. Смотри на нихъ съ этой точки зрѣнїя можно объяснить себѣ легко весьма замѣчательныя оптическія явленїя.

Такиа характеристическія различїя въ наружномъ видѣ (нѣкоторыя не имѣють хвоста, у другихъ онъ бываетъ чрезвычайно длиненъ, въ 104°, какъ въ третьей кометѣ 1618 года), мы находимъ не только между отдѣльными кометами, но есть примѣры, что одна и та же комета очень быстро измѣняла свою форму. Такое измѣненїе формы, очень подробно и хорошо описанное, было замѣчено въ кометѣ 1744, которую въ Петербургѣ наблюдалъ Гензіусъ, и въ галлеевой кометѣ, при послѣднемъ появленїи, въ 1835 кенигсбергскимъ астрономомъ Бесселемъ. На передней части ядра, обращенной къ Солнцу, замѣчено было болѣе или менѣе пучкообразное истеченїе. Загнутыя назадъ лучи образовали часть хвоста. «Ядро галлеевой кометы и ея истеченїя

имѣло видъ ракеты, которой хвостъ движеніемъ вѣтра былъ отнесенъ въ сторону». Лучи, выходящіе изъ головы кометы, которую вмѣстѣ съ Араго я наблюдалъ на парижской обсерваторіи втеченіи нѣсколькихъ ночей сряду, очень часто измѣняли свой видъ. (15) Знаменитый кенигсбергскій астрономъ изъ множества измѣреній и теоретическихъ наблюденій вывелъ заключеніе, «что вытекающій свѣтовой конусъ значительно уклонялся отъ направленія къ Солнцу, какъ въ право такъ и влѣво, но всякій разъ опять возвращался къ этому направленію, чтобъ перейти на другую его сторону; что поэтому вытекающій свѣтовой конусъ, какъ и тѣло самой кометы, которая его испускаетъ, имѣлъ кружащееся или, лучше сказать, колеблющееся движеніе въ плоскости орбиты». Онъ полагаетъ, «что обыкновенной притягательной силы, оказываемой Солнцемъ на тяжелыя тѣла, не достаточно для объясненія такихъ колебаній, а потому думаетъ, что эти колебанія доказываютъ существованіе полярной силы, которая одинъ полуперечникъ кометы обращаетъ къ Солнцу, а другой, противоположный, старается отъ него отклонить. Магнитная полярность земли представляетъ нѣчто подобное; в если можно примѣнить противоположности этой земной полярности къ солнцу, то не трудно было бы показать вліяніе ея на колебаніе равноденствій». Здѣсь не мѣсто изъяснять, на чемъ основано такое объясненіе сказанныхъ явленій, но мы не могли не упомянуть въ нашемъ начертаніи общей картины природы о такихъ достопримѣчательныхъ наблюденіяхъ (16), о такихъ величественныхъ взглядахъ на самый чудный изъ всѣхъ классовъ небесныхъ тѣлъ, принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ.

Несмотря на правило, по которому хвосты кометъ становятся больше и блистательнѣе по мѣрѣ приближенія своего къ Солнцу и бывають обращены въ противоположную сторону отъ этого центрального тѣла, комета 1823 года представляла замѣчательный примѣръ кометы съ двумя хвостами, изъ которыхъ одинъ былъ направленъ къ Солнцу, другой былъ обращенъ въ противоположную сторону. Эти два хвоста образовали уголъ въ 160°. Вѣроятно какое-нибудь особенное водозмѣненіе полярности, неравновременное раздѣленіе и направленіе ея, въ этомъ рѣдкомъ случаѣ, были причиною раздвоеннаго безпрепятственно продолжавшагося истеченія туманной матеріи (17).

На этихъ истеченіяхъ натуральная философія Аристотеля основывала свое мнѣніе о связи кометъ съ млечнымъ путемъ. Безчисленное множество звѣздъ, образующихъ млечный путь, достав-

ляют массу, которая способна сама собою воспалиться (сгнть). Туманная полоса, разделяющая сводъ небесный, поэтому считается стагиритами за большую комету, которая безпрестанно воспроизводитъ самую себя (18).

Заслоненіе неподвижныхъ звѣздъ такъ - называемыми ядрами кометъ или его ближайшими парообразными оболочками, могло бы въ нѣкоторой степени служить для объясненія физическихъ свойствъ этихъ чудныхъ небесныхъ тѣлъ; къ-несчастію, намъ недостаетъ наблюденій (19), которыя доказывали бы положительно, что заслоненія были совершенно центральныя; а мы уже выше замѣтили, что ближайшая къ ядру оболочка состоитъ изъ концентрическихъ слоевъ попеременно густаго и весьма не густаго пара. Напротивъ, тщательныя наблюденія Бесселя, надъ десятой величины звѣздою, которая 29-го сентября 1835 года, прошла въ разстояніи 7",78 отъ центра головы галлеевой кометы свозъ густой туманъ, показали, что свѣтъ этой звѣзды не отклонился отъ своего прямолинейнаго направленія (20). Судя по такому отсутствію преломляющей способности, если это въ самомъ дѣлѣ свойственно центру ядра, трудно допустить, чтобы кометы были тѣла составленныя изъ газообразной жидкости. Естьли этотъ недостатокъ простое слѣдствіе безконечной тонкости кометной жидкости, или комета состоитъ изъ «раздѣльныхъ частицъ», образующихъ *космическія облака*, которыя оказываютъ на проходящій сквозъ нихъ лучъ свѣту, такъ же мало вліянія какъ и облака нашей атмосферы, которыя также не измѣняютъ зенитныхъ разстояній звѣздъ или солнечныхъ краевъ? Замѣчено, что во время прохожденія кометъ мимо какой-нибудь звѣзды, свѣтъ ихъ болѣе или менѣе тускнѣетъ. Это ослабленіе весьма основательно приписываютъ тому свѣтлому грунту, отъ котораго звѣзды во время заслоненія какъ-бы отдѣляются. Самымъ важнымъ и самымъ рѣшительнымъ наблюденіемъ надъ свойствами кометнаго свѣту, мы обязаны опытамъ Араго надъ поляризациею. Его полярископъ знакомитъ насъ съ физическимъ устройствомъ Солнца, и кометъ. Помощію этого прибора можно рѣшить, естьли свѣтовой лучъ, доходящій до насъ изъ разстоянія многихъ милліоновъ миль, свѣтъ прямой или отраженный, и въ первомъ случаѣ источникъ свѣту естьли тѣло твердое, капельно жидкое, или только газообразное. Этимъ приборомъ на парижской обсерваторіи былъ изслѣдованъ свѣтъ Канеллы, и свѣтъ большой кометы 1819 года.

Свѣтъ кометы 1819 года оказался поляризованнымъ, слѣдователь-

но, отраженнымъ, между-тѣмъ какъ неподвижная звѣзда, чего и надобно было ожидать, оказалась самостоятельно свѣтящимъ солнцемъ (21). Существованіе поляризованнаго свѣту въ кометахъ доказано не только неравенствомъ изображенія, но было еще подтверждено, при возвращеніи галлеевой кометы въ 1835 году, рѣзкою противоположностью дополнительныхъ цвѣтовъ; по *громаматической* поляризаціи, открытой Араго въ 1811 году. Имѣютъ ли кометы кромѣ этого отраженнаго солнечнаго свѣту и собственный свѣтъ, — этого прекрасные опыты Араго еще не разрѣшили. Весьма вѣроятно также, что настоящія планеты, напримеръ Венера, имѣютъ самостоятельный свѣтъ.

Измѣнчивость смлы свѣту въ кометахъ нельзя всегда объяснить положеніемъ ихъ орбитъ и разстояніемъ отъ Солнца. Эта измѣнчивость въ нѣкоторыхъ кометахъ служитъ доказательствомъ совершающихся въ нихъ внутреннихъ процессовъ сгущенія и возвышенія или уменьшенія способности отражать заимствованный свѣтъ. Гевелій и талантливый астрономъ Вальцъ, въ Нимѣ, нашли, что у кометъ 1618 года, равно какъ и у кометы 3-хъ годичнаго обращенія ядро въ перигелии уменьшается, а въ апогелии увеличивается. Правильность въ измѣненіи виду великихъ кометъ, по мѣрѣ разстоянія ихъ отъ Солнца, очень замѣчательна. Некая физическаго объясненія этого явленія въ слояхъ зенра вселенной, которыя становятся гуще по мѣрѣ приближенія къ Солнцу, по моему мнѣнію нельзя, потому что трудно представить себѣ, чтобъ атмосфера кометнаго ядра была похожа на пузырь, непроницаемый для зенра вселенной (22). Новѣйшія наблюденія (1819) надъ разнообразнымъ эксцентриситетомъ эллиптическихъ кометныхъ орбитъ послужили къ обогащенію нашихъ свѣдѣній о солнечной системѣ. Энке открылъ существованіе кометы, которая обращается около Солнца въ такое короткое время, что остается всегда внутри нашихъ планетныхъ орбитъ; въ самомъ большомъ своемъ разстояніи отъ Солнца она проходитъ только между орбитою малыхъ планетъ и орбитою Юпитера. Эксцентриситетъ ея, поэтому 0,845, между-тѣмъ какъ эксцентриситетъ Юноны (величайшей изъ всѣхъ эксцентриситетовъ планетныхъ орбитъ) составляетъ 0,255. Комета Энке съ большимъ трудомъ видима простыми глазами, была однако жъ видима въ Европѣ въ 1819, въ Новой-Голландіи (по Рюнкеру въ 1822). Время обращенія ея, около $3\frac{1}{2}$ лѣтъ. Изъ тщательнаго сравненія возвращенія ея въ перигелии оказывается, что съ 1786 до 1838, время ея обращенія сокращалось каждый разъ самымъ правильнымъ обра-

зомъ, именно, въ 52 раза на однѣ сутки и осемь десятыхъ. Чтобы согласовать наблюдение надъ неправильностями движеній планетъ съ вычисленіями, астрономы, основываясь на этомъ замѣчательномъ явленіи уменьшенія времени обращеній энкевой кометы, рѣшились допустить существованіе въ пространствѣ вселивной парообразной матеріи, оказывающей противодѣйствіе на движеніе планетныхъ массъ: съ ослабленіемъ тангенціальной силы должна уменьшиться и большая ось кометной орбиты. Постоянная величина сопротивленія кажется, поэтому, должна не много измѣняться передъ прохожденіемъ кометы черезъ перигелій, и послѣ него; причину этого, кажется, слѣдуетъ приписать измѣненію въблизи Солнца, формы малой туманной звѣзды и вліянію неравно густыхъ слоевъ зенру вселивной. Эти факты и ихъ изслѣдованіе принадлежатъ къ самымъ занимательнымъ результатамъ повѣйшей астрономіи. Первое появленіе кометы Энке поддало поводъ подвергнуть болѣе строгому разсмотрѣнію массу Юпитера, имѣющую столь важное вліяніе на всѣ исчисленія замедленій; вносимое же движеніе доставило намъ возможность сдѣлать первое, хотя и приблизительное опредѣленіе уменьшенной массы Меркурія.

Вслѣдъ за этою кометою *кратковременнаго обращенія*, то есть, кометою $3\frac{1}{3}$ годичнаго обращенія, открыта была въ 1826, вторая также планетная комета, которой отдаленнѣйшая точка разстоянія отъ Солнца, хотя находится по ту сторону Юпитера, однакожъ далеко не доходитъ еще до орбиты Сатурна. Комета Бѣлы совершаетъ свое обращеніе около Солнца въ $6\frac{3}{4}$ года; она слабѣе свѣтомъ нежели комета Энке и, подобно ей, движется правильно, между-тѣмъ какъ движеніе галлеевой кометы противоположно направленію всѣхъ постоянныхъ планетъ. Она есть первый неоспоримый примѣръ кометы, пересекающей орбиту Земли. Движеніе кометы Бѣлы, по-этому можетъ казаться опаснымъ, если опасенъ всякій необыкновенный, въ историческія времена еще не видѣнный и, вслѣдствіяхъ своихъ не точно опредѣленный феноменъ природы. Правда, что малыя массы, движущіяся съ подавляющею воображеніе быстротою, дѣйствительно могутъ обнаруживать значительную силу, но Лапласъ доказалъ, что даже масса кометы 1770 года составляетъ менѣе нежели $\frac{1}{5000}$ массы Земли; и потому вообще съ великою вѣроятностію полагаетъ, что *средняя* масса кометъ гораздо ниже (24) $\frac{1}{100,000}$ массы земной (почти около $\frac{1}{1200}$ массы лунной). Не должно смѣшивать прохожденіе кометы Бѣлы, черезъ нашу земную орбиту, со

встрѣчу ея съ Землею и приближеніемъ къ ней. Двадцать - девятаго октября 1832 года, когда комета Бѣлы проходила черезъ земную орбиту, для Земли нуженъ былъ еще цѣлый мѣсяць, чтобы достигнуть точки пересѣченія обѣихъ орбитъ. Орбиты этихъ двухъ кометъ кратковременнаго обращенія, пересѣкаются также и между собою. Астрономы справедливо замѣчаютъ, что, если вслѣдствіе пертурбацій, производимыхъ планетами въ движеніи такихъ малыхъ небесныхъ тѣлъ, эти двѣ кометы встрѣтятся когда-нибудь, то жителямъ Земли представится величественное зрѣлище борьбы между небесными тѣлами, именно, или одна комета пронизаетъ другую, или онѣ сольются другъ съ другомъ, или обѣ уничтожатся, превратясь въ паробразныя истеченія. Въ неизмѣримыхъ пространствахъ небесъ в теченіи мѣсяца въковъ, вслѣдствіе пертурбаціоннаго волненія планеты или первоначальнаго пересѣченія орбитъ совершилось, можетъ быть, множество подобныхъ происшествій, но они имѣли такое же ничтожное вліяніе на общее благоустройство вселенной, какое оказываютъ изверженіе или разрушеніе волкана на крошечное небесное тѣло—Землю.

Третья внутренняя комета, планетарная, кратковременнаго обращенія, есть комета, открытая двадцать - третьяго ноября 1843 Файе съ парижской обсерваторіи. Эллиптическая ея орбита приближается къ кругу гораздо болѣе нежели орбиты всѣхъ извѣстныхъ до нынѣ кометъ. Орбита этой кометы заключается между орбитами Марса и Сатурна. Комета Файе, выходящая по мнѣнію Гольдсмита, за орбиту Юпитера, принадлежитъ къ небольшому числу кометъ, которыхъ перигелій находится по ту сторону Марса. Время ея обращенія семь лѣтъ и двадцать девять сотыхъ; нынѣшнимъ видомъ своей орбиты она обязана, можетъ быть, чрезвычайному приближенію своему къ Юпитеру въ концѣ 1839 года.

Если кометы, судя по длинѣ большой оси, эксцентриситету заключенныхъ эллиптическихъ орбитъ, и времени обращенія, можно считать членами нашей солнечной системы, то по времени обращенія за этими тремя планетными кометами Энке, Бѣлы и Файе, должны слѣдовать: комета, открытая Мессіе въ 1766 году, (которую Клаузенъ считаетъ за одну и ту же съ третьею кометою 1819 года) и четвертая комета того же 1819 года, открытая Бланшеномъ, которую Клаузенъ считаетъ однакожъ за комету 1743 года. Въ ея орбитѣ, также какъ и въ орбитѣ кометы Лекселя, произошли большія перемѣны отъ близости и притяженія

Юпитера. Эти двѣ кометы совершаютъ свое обращеніе, кажется, не болѣе какъ въ пять или шесть лѣтъ; ихъ отдаленнѣйшее разстояніе отъ солнца (апогелій) почти касается орбиты Юпитера. Семидесяти-лѣтняго и семидесяти-шести-лѣтняго обращенія кометы слѣдующія: комета Галлеева, оказавшая такое важное вліяніе на теоретическую и физическую астрономію; ея послѣднее появленіе въ 1835 году было менѣе блистательно, нежели прежнія; комета Ольберса (6 марта 1815 года) и комета открытая въ 1812 году Понсомъ, которой эллиптическая орбита опредѣлена была Энке. Двѣ послѣднія не были видны простымъ глазами. Намъ теперь достоверно извѣстно, что большая Галлеева комета возвращалась уже девять разъ. Ложіе⁽²⁶⁾ доказала, что орбита кометы 1738 года, о которой упоминается въ китайской таблицѣ, доставленной намъ Эдуардомъ Бид, одна и таже съ орбитой Галлеевой кометы. Время обращенія послѣдней колебалось съ 1378 по 1835 годъ между 74, 91 и 77, 58 годами, среднее число было 76, 1.

Въ противоположность исчисленнымъ нами небеснымъ тѣламъ, въ пространствахъ вселенной блуждаютъ многія кометы, которыхъ съ большимъ трудомъ и то не точно опредѣленное время обращенія простирается за нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Великолѣпная комета 1811 года, по Аргеландеру, совершаетъ свой путь около Солнца въ 3,065 лѣтъ; ужасной величины комета 1680 года, по Энке, — болѣе 8,800 лѣтъ. Слѣдовательно, эти тѣла уходятъ отъ Солнца въ 21 и 44 раза далѣе, нежели Уранъ отстоитъ отъ центра нашей системы, то есть, на 8,400 и 17,600 милліоновъ миль. На столь огромномъ разстояніи притягательная сила Солнца еще дѣйствуетъ, но, разумѣется, очень слабо: комета 1680 года пробѣгаетъ въ меркеліи, 53 миль (болѣе 1,200,000 футовъ) въ секунду, то есть, въ 13 разъ скорѣе Земли, въ апогеліи, напротивъ, едва 10 футовъ въ секунду. Эта скорость движенія только въ три раза превосходитъ скорость теченія водъ самыхъ лѣвивыхъ европейскихъ рѣкъ; она составляетъ половину скорости, найденной мною въ одномъ рукавѣ Ореноко, — Каскивиари. Въ безчисленномъ множествѣ вычисленныхъ или неотысканныхъ еще кометъ, весьма вѣроятно, много такихъ, у которыхъ длина большой оси орбиты далеко превышаетъ длину оси орбиты кометы 1680 года. Чтобы послѣ этого составить себѣ хоть нѣкоторое численное понятіе, не говорю объ области тяготѣнія, но хоть о пространственномъ разстояніи какой-нибудь неподвижной звѣзды, другого Солнца, отъ апогеліи кометы 1680

года, самого отдаленнѣйшаго тѣла, принадлежащаго къ нашей солнечной системѣ, для этого надобно замѣтить, что по повѣншимъ опредѣленіямъ параллаксомъ, ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда отстоитъ отъ нашего Солнца слишкомъ въ 250 разъ далѣе, чѣмъ комета 1680 года въ апогелии. Разстояніе кометы въ апогелии составляетъ только 44 разстоянія Урана, между-тѣмъ какъ α Центавра отстоитъ отъ Солнца на 11,000, а съ болѣею еще достовѣрностію, по измѣреніямъ Бесселя β Лебеда на 31,000 разстояній Урана.

Разсмотрѣвъ наибольшее разстояніе кометъ отъ ихъ центральнаго тѣла, намъ остается представить примѣры наименьшихъ, донинѣ измѣренныхъ, разстояній. Болѣе всѣхъ кометъ приблизилась къ Землѣ комета Лексея и Бургардта, 1770 года сдѣлавшаяся столь славною замедленіями своими, произведенными вліяніемъ Юпитера. Двадцать-осьмого іюня она отстояла отъ Земли только на шесть лунныхъ разстояній. Та же самая комета прошла дважды, въ 1787 и 1799 годахъ, чрезъ систему четырехъ Юпитеровыхъ лунъ, не производя ни малѣйшей примѣтной перемѣны въ ихъ столь хорошо опредѣленной орбитѣ. Большая комета 1680 года подошла къ Солнцу въ осемь или девять разъ ближе нежели Лексеева комета подходила къ Землѣ. Семнадцатаго декабря она отстояла отъ Солнца только на одну шестую поперечника этого свѣтила, то есть, на семь десятыхъ разстояній Луны отъ Земли. По причинѣ слабаго свѣту отдаленныхъ кометъ, жителямъ Земли рѣдко представляется возможность наблюдать перигелии ихъ, лежащіа за предѣлами орбиты Марса. Изъ всѣхъ донинѣ вычисленныхъ кометъ, одну только комету 1729 года, прошедшую въ перигелии между Палладою и Юпитеромъ, можно было слѣдить за предѣлами орбиты послѣдней планеты.

Съ того времени какъ нѣкоторые ученые познанія начали разливаться въ обществѣ на-ряду съ полусвѣдѣніями стали возрастать и заботы объ опасностяхъ, которыми кометы угрожаютъ Землѣ. Въ наше время эти опасенія приняли опредѣленное направленіе. Паническій ужасъ, который возбуждали въ народѣ огненные мечи, волосатыя звѣзды (comatae), угрожавшія міру всеобщимъ пожаромъ, уступили мѣсто убѣжденію, что внутри извѣстныхъ намъ планетныхъ орбитъ блуждаютъ кометы, въ краткіе періоды времени посѣщающія нашу область; что Юпитеръ и Сатурнъ производятъ въ орбитахъ кометъ такіа измѣненія, черезъ которыя эти небесныя тѣла, кажущіяся безвредными, могутъ сдѣлаться опасными; что орбита Бѣловой кометы пересѣкаетъ нашу зем-

ную орбиту, что космическій туманъ, — сопротивляющійся движенію, постепенно стремится стѣснить кометныя орбиты; что кометныя тѣла, столь разнообразныя по своему виду, должны имѣть значительную разницу и въ отношеніи количества массы.

Какъ причины, выведенныя изъ теоріи вѣроятностей, успокаиваютъ только умы мыслящіе и разсудительные, а не людей, подчиняющихся бессознательному ужасу, то повѣйшей наукѣ весьма основательно дѣлаютъ упрекъ въ томъ, что она старается уничтожить опасенія, которыя сама же она возбуждаетъ. По свойственной человѣческому духу мрачности, неожиданное чрезвычайно возбуждаетъ въ немъ только страхъ, а не радость или надежду (27). Чудная форма огромной кометы, ея тусклый туманный блескъ, внезапное появленіе на сводѣ небесномъ — все это, казалось людямъ всегда и вездѣ какою-то новою, страшною силою, непріязненною для всего существующаго. Кратковременное существованіе подобныхъ явленій, порождало вѣрованіе, будто они должны отражаться во всемірныхъ происшествіяхъ, современныхъ ему или послѣдующихъ; при такомъ убѣжденіи въ фаталистическомъ сцѣпленіи происшествій, легковѣріе всегда найдетъ нѣчто, что можно счесть за предвѣщанное бѣдствіе. Только въ наше время народныя умы приняли болѣе свѣтлое, веселое направленіе. Жители прелестныхъ долинъ Рейна и Мозеля, приписываютъ одному изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, бывшихъ столь долгое время предвѣстниками войнъ и несчастій, живительное, благодѣтельное вліяніе на произращеніе винограда. Опыты, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ наше время, богатыя кометами, не могли поколебать вѣрованіе въ существованіе этихъ метеорологическихъ мнѳовъ, въ существованіе блуждающихъ звѣздъ, испускающихъ лучи, разливающіе теплоту.

Отъ кометъ я перехожу къ другому, еще болѣе загадочному классу матеріи, образованной въ шаръ, къ наименьшимъ изъ всѣхъ астероидовъ, которые, въ видѣ обломковъ, попадаютъ въ нашу атмосферу и называются *аэролитами* или *воздушными камнями*. Я имѣю свою цѣль, посвящая имъ столько же времени какъ и кометамъ и исчисляя подробности, не принадлежащія собственно къ всеобщей картинѣ природы. Объ индивидуальномъ характеристическомъ разнообразіи кометъ, я уже говорилъ выше. Наші свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ этихъ небесныхъ тѣлъ, слишкомъ ограничены, для того, чтобы мы могли, какъ того требуетъ предпріятіе наше, изъ многихъ, но не съ

одинакою точностію произведенныхъ наблюдений, схватить общія черты предмета, и отдѣлать существенное отъ случайнаго.

Астрономія сдѣлала удивительные успѣхи, только въ отношеніи измѣренія и вычисленія кометъ. Потому мы невольно должны довольствоваться изученіемъ измѣненія формъ кометныхъ ядеръ и хвостовъ, примѣрами наибольшихъ приближеній ихъ къ другимъ тѣламъ вселенной, наблюдениемъ крайнихъ точекъ ихъ орбитъ и продолжительности времени ихъ обращенія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ быть вѣрны природѣ тогда только, когда будемъ точно описывать частности, и живо, наглядно выражать дѣйствительность.

Падающія звѣзды, огненные шары и воздушные камни — весьма вѣроятно, малыя массы, обращающіяся во вселенной около Солнца по кривымъ коническимъ сѣченіямъ, съ планетною скоростью, по законамъ всеобщаго тяготѣнія. Эти массы на пути своемъ встрѣчаясь съ Землею, и будучи притягиваемы въ предѣлахъ нашей атмосферы, дѣлаются свѣтящимися и въ это время часто сбрасываютъ съ себя болѣе или менѣе раскаленные каменные обломки, покрытые черною, блестящею корою. Внимательное разсмотрѣніе наблюдений, сдѣланныхъ въ то время когда группы падающихъ звѣздъ падали періодически (въ Кумахъ въ 1799, въ Сѣверной Америкѣ въ 1833 и 1834) показываетъ намъ, что огненныхъ шаровъ и падающихъ звѣздъ нельзя раздѣлять однихъ отъ другихъ. Эти оба феномена происходятъ часто не только въ одно время, но и переходятъ одно въ другое: чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоить только сравнить между собою величины ихъ дисковъ, бросаемаыя ими искры и скорость движенія. Между-тѣмъ какъ лопашущіеся съ трескомъ, испускающіе дымъ, и обливающіеся свѣтомъ, даже при блескѣ тропическаго солнца ⁽²⁸⁾, огненные шары бываютъ величиною съ нашу Луну, падающія звѣзды, являющіяся на небесномъ сводѣ въ безчисленномъ множествѣ, бываютъ иногда такъ малы, что образуютъ только *фосфорическую линію* передвигающихся точекъ ⁽²⁹⁾. Свѣтящія тѣла, мелькающія по небу въ видѣ звѣздообразныхъ искръ, имѣютъ ли свои отдѣльныя свойства—это донынѣ остается нерѣшеннымъ. Тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ равноденственнаго пояса, мнѣ показалось сначала, будто между тропиками, на самыхъ жаркихъ равнинахъ, какъ и на высотахъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ футовъ, падающія звѣзды являются чаще, бываютъ цвѣтнѣе и сопровождаются болѣе длинными, блестящими, огненными путями, нежели въ умѣренномъ и холодномъ поясѣ, — однако я впослед-

ствѣ убѣдился, что причина этому только прекрасная, прозрачная, тропическая атмосфера ⁽³⁰⁾. Сэръ Александръ Борнетъ также находитъ, что причина восхитительной картины множества цвѣтныхъ падающихъ звѣздъ въ Бомбарѣ, есть ясность неба.

Связь воздушныхъ камней съ величественнымъ и болѣе блестящимъ феноменомъ, *огненными шарами*, уже доказана; и даже то, что воздушные камни падаютъ изъ огненныхъ шаровъ и иногда проникаютъ въ землю на глубину отъ десяти до пятнадцати футовъ. Между многими примѣрами замѣчательны паденія аэролитовъ, въ Барботанѣ, въ департаментѣ де-Ландъ (24 июля 1790), въ Сіенѣ (съ іюня 1784), въ Вестонѣ, въ Коннектикутѣ (14 декабря 1807) и въ Жювенасѣ, въ департаментѣ Арденъ (15 іюня 1821). Другаго рода падающіе камни тѣ, гдѣ эти массы низвергаются изъ маленькихъ, весьма темныхъ облаковъ, внезапно образующихся на яркомъ небѣ и сопровождаются шумомъ, похожимъ на отдаленные пушечные выстрѣлы.

Есть цѣлыя пространства земли, усѣянные низвергнувшимися изъ такихъ посящихя облаковъ обломками, весьма различной величины, но одинаковыхъ свойствъ. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при паденіи большаго аэролита, упавшаго съ громкимъ трескомъ, шестнадцатаго сентября 1843 въ Клейнвенденѣ, близъ Мюльгаузена, эти аэролиты падаютъ изъ совершенно чистаго, яснаго неба, безъ малѣйшаго слѣда облаковъ. Средства между *огненными шарами* и *падающими звѣздами* обнаруживается еще тѣмъ, что у первыхъ, низвергающихся на землю воздушные камни, (9 іюня 1822 въ Ангерѣ) діаметръ иногда даже равенъ діаметру малыхъ римскихъ огней въ нашихъ фейерверкахъ.

Намъ неизвѣстны еще ни сила, дающая форму этимъ метеорамъ, ни физическіе и химическіе процессы въ нихъ совершающіеся. Мы не знаемъ, частицы, образующія плотную массу воздушнаго камня въ первоначальномъ своемъ состояніи находятся ли въ парообразномъ видѣ, и тогда ли только начинаютъ свѣтиться, когда начнутъ сжиматься въ пламенѣющіе огненные шары; мы не знаемъ, что происходитъ въ черномъ облакѣ, въ которомъ слышится громъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, до низверженія камней; выпадаетъ ли также и изъ малыхъ падающихъ звѣздъ дѣйствительно что-то плотное, или только туманнообразная, метеорная пыль ⁽³¹⁾, содержащая въ себѣ желѣзо и никель. Намъ известна величина, изумительно-быстрая, совершенно *мгновенная* скорость движенія падающихъ звѣздъ, *огненныхъ шаровъ*,

и воздушныхъ камней; мы знаемъ общія свойства этихъ явленій, замѣчаемъ въ нихъ единообразіе, но не знаемъ геологическаго, космологическаго процесса, слѣдствія преобразованій. Если воздушные камни, восящіеся въ пространствѣ, образуютъ (32) уже сжатую густую массу (которой плотность однако жъ менѣе средней плотности Земли), то они, вѣроятно, образуютъ внутри этихъ огненныхъ шаровъ, у самыхъ большихъ еудя по высотѣ и видимому ихъ диаметру (истинный диаметръ бываетъ отъ 500 до 2,600 футовъ) весьма незначительное ядро, облеченное горючими парами и газообразными жидкостями. Извѣстныя намъ донынѣ наибольшія метеорныя массы, то есть, бразильская въ Багін и отуинская въ Чаю, описанныя Руби-де-Целисомъ бывають длиною въ семь до семи съ половиною футовъ. Аэролитъ, славный въ древности и обозначенный ужъ въ Паросской мраморной хроникѣ, извѣстный подъ именемъ эгость-потамосскаго, упавшій въ самый годъ рожденія Сократа, былъ величиною въ два жерновыя камня и въсилъ полный грузъ телѣги. Несмотря на тщетныя розыски африканскаго путешественника Брауна, я не перестаю надѣяться, что эта еракійская метеорная масса столь трудно разрушающаяся, когда-нибудь найдется (спустя 2312 лѣтъ), въ странѣ, теперь весьма доступной для Европейцевъ. Огромный аэролитъ, упавшій вначалѣ десятаго столѣтія при Наринъ въ рѣку, возвышался какъ свидѣтельствуеетъ найденный Перцомъ документъ, на цѣлый локоть надъ поверхностію воды. Также полезно замѣтить, что всѣ эти массы, древнихъ и новыхъ временъ, надобно считать собственно только главными отломками того, что раздроблено было взрывомъ огненнаго шара или мрачныхъ облаковъ. Если взять во вниманіе математически доказанную чрезвычайную скорость, съ какою аэролиты падаютъ на Землю изъ самыхъ крайнихъ предѣловъ атмосферы, или быстроту, съ которою они въ видѣ огненныхъ шаровъ пролетаютъ огромныя пространства въ атмосферѣ и самыя плотныя слои ея, то мнѣ кажется почти невозможнымъ, чтобы каменная, содержащая металлъ масса съ ея раздробленными совершенно образованными кристаллами оливина, лабрадора и пироксена могла въ такое короткое время изъ парообразной жидкости превратиться въ твердое ядро.

Вещества, низпадающія изъ атмосферы, несмотря на химическія различія состава, почти всегда имѣютъ свойственный отломку характеръ — призматическую или сдвинутую пирамидальную форму съ широкими, нѣсколько загнутыми, поверхностями и окру-

гленными углами. Здѣсь, какъ и въ сферѣ органической жизни все относящееся до исторіи развитія, окружено мракомъ. Массы метеоровъ начинаютъ свѣтиться и воспламеняться въ высотахъ, которыя мы должны считать почти безвоздушными, или содержащими едва ли $\frac{1}{100,000}$ кислорода. Новыя изслѣдованія Біо надъ важными явленіями сумерекъ (33) доказываютъ, что линія, которую можетъ-быть немного смѣло называютъ предѣломъ атмосферы, гораздо ближе къ поверхности Земли нежели прежде думали. Но процессы свѣту могутъ совершаться безъ присутствія кислорода. По мнѣнію Поассона воспламененіе аэролитовъ происходитъ далеко за предѣлами нашей воздушной оболочки. Объ аэролитатахъ, какъ и большихъ небесныхъ тѣлахъ, намъ извѣстно только то, что подлежитъ вычисленіямъ и измѣреніямъ: [уже Галлей принималъ большой огненный шаръ 1686 года, котораго движеніе было противоположно (34) движенію Земли, за космоическое явленіе; но только Хладни, первый, самымъ остроумнымъ образомъ открылъ существованіе связи между огненными шарами и ниспадающими изъ атмосферы камнями (35) и доказалъ движеніе первыхъ въ пространствѣ вселенной. Денисонъ Ольмстедъ въ Ньюгавенѣ (Массачузетъ) еще болѣе подтвердилъ мнѣніе о космоическомъ происхожденіи этихъ явленій, доказавъ, что во время паденія пріобрѣтшей такую извѣстность группы падающихъ звѣздъ, въ ночи съ двѣнадцатаго на тринадцатое ноября въ 1833 году, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, огненные шары и падающія звѣзды выходили въ одно время изъ одного и того же мѣста на небесномъ сводѣ, именно вблизи отъ Льва и не удалились отъ исходнаго пункта, несмотря на то что звѣзда, въ продолженіи наблюденія перемѣнила свою видимую высоту и свой азимуть. Такая независимость падающихъ звѣздъ отъ вращенія Земли около своей оси, доказываетъ, что свѣтящіяся тѣла попадаютъ въ нашу атмосферу *извнѣ*, изъ пространствъ вселенной. Энке, сдѣлавъ сводъ (36) всѣхъ наблюденій, произведенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки между 35 и 42° широты, нашелъ, что всѣ падающія звѣзды выходили изъ того пункта вселенной, куда въ то время было направлено движеніе Земли. Доказано также, что группы падающихъ звѣздъ, явившіяся въ Сѣверной Америкѣ, въ ноябрѣ 1834 и 1837 года, и сходныя съ ними падающія звѣзды, замѣченныя въ Бременѣ въ 1838 году, имѣли общій параллелизмъ орбитъ, и что всѣ эти метеоры выходили изъ созвѣздія Льва. Такъ какъ періодически и группами падающія звѣзды вообще имѣютъ направленіе болѣе параллельное, чѣмъ звѣзды, падающія

спорадически, то полагають, что и періодически возвращающіеся въ августѣ метеоры (рѣка Святаго Лаврентія), въ 1839 побольшей части выходили изъ одного пункта между Персеємъ и Тельцомъ, куда въ то время стремилась Земля. Это свойство явленія, направленіе обратныхъ орбитъ въ ноябрѣ и августѣ, въ особенностяхъ заслуживаетъ быть подтвержденнымъ, или опровергнутымъ будущими, вѣрными наблюденіями.

Высота падающихъ звѣздъ, то есть начало и окончаніе ихъ видимаго пути на небѣ, бываетъ чрезвычайно различна. Безенбергъ и Брандесъ, производившіе свои наблюденія надъ падающими звѣздами въ одно время въ двухъ различныхъ пунктахъ, посредствомъ опредѣленія параллакса конечныхъ точекъ линіи стоянія, нашли, что падающія звѣзды появляются въ высотѣ отъ четырехъ до тридцати одной мили, и что длина пробѣгаемаго ими пути простирается до 46,000 футовъ. Относительная скорость ихъ движенія — отъ $4\frac{1}{2}$ до 9 миль въ секунду, слѣдовательно, равна скорости планетъ. Такая планетная скорость⁽³⁸⁾, и направленіе огненныхъ шаровъ и орбитъ падающихъ звѣздъ, противоположное направленію движенія Земли, служатъ главными основаніями для опроверженія мнѣнія объ изверженіи аэролитовъ изъ такъ-называемыхъ дѣйствующихъ будто бы *волканоновъ Луны*. Допущеніе болѣе или менѣе важной силы на маломъ, не окруженномъ воздухомъ небесномъ тѣлѣ, слишкомъ произвольно. Можно допустить, что реакція внутренности небеснаго тѣла на его кору, можетъ быть представлена въ десять, даже во сто разъ сильнѣе, чѣмъ у нашихъ нывѣшнихъ земныхъ вулкановъ; можно допустить, что направленіе массъ, извергаемыхъ нашимъ спутникомъ, обходящимъ Землю отъ запада на востокъ, кажется обратнымъ, потому что Земля въ своей орбитѣ позже достигаетъ того пункта орбиты, котораго касаются эти массы. Однако жъ, если взять въ соображеніе все условія, которыя я долженъ былъ вычислить въ этомъ изображеніи природы, чтобъ избѣжать упрека въ неосновательности моихъ доводовъ, то гипотеза о лунномъ происхожденіи⁽³⁹⁾ аэролитовъ окажется зависимою отъ такого множества условій, которыхъ случайное соединеніе одно можетъ только возможному придать видъ дѣйствительнаго. Проще и приблизительнѣе къ другимъ догадкамъ объ образованіи солнечной системы та гипотеза, которая полагаетъ, что въ пространствѣ вселенной существуютъ издревле небольшія планетныя массы.

Весьма вѣроятно, что большая часть этихъ космическихъ тѣлъ безпрестанно проходятъ вблизи нашей атмосферы, совершая около Солнца свой путь, котораго эксцентриситетъ измѣняется притяженіемъ Земли. Должно предполагать, что они, совершивъ въ теченіи многихъ лѣтъ нѣсколько новыхъ обращеній, опять будутъ видны на Землѣ. Причиною такъ-называемыхъ *сверхъ поднимающихся* падающихъ звѣздъ и огненныхъ шаровъ, которые Хладни неудачно старался объяснить *отраженіемъ* сильно сжатого воздуха, сначала считали загадочный толчокъ, который будто бы отдаляетъ отъ Земли падающее на него тѣло; но Бессель теоретически доказалъ и его доказательства подтвердились тщательными исчисленіями Фельдта, что при недостаткѣ совершенной современности въ замѣченномъ исчезаніи, въ числѣ сдѣлавшихся извѣстными наблюденій нѣтъ ни одного, которое придавало бы нѣкоторую вѣроятность этому мнѣнію о подниманіи, и позволяло бы смотрѣть на это мнѣніе какъ на результатъ наблюденій (40). Разметаніе ли падающихъ звѣздъ, какъ думаетъ Ольберсъ, и дымно пламенѣющія, не всегда прямолинейно движущіеся огненные шары причиною явленія метеоровъ, стремящихся въ высоту наподобіе ракетъ, и *можетъ ли* это въ извѣстныхъ случаяхъ имѣть вліяніе на направленіе ихъ орбиты, это должно быть предметомъ новыхъ наблюденій.

Падающія звѣзды являются или по одиночкѣ и рѣдко, следовательно, спорадически, или *группами* по нѣскольку тысячъ вдругъ. Дожди падающихъ звѣздъ (арабскіе писатели сравниваютъ ихъ съ стаями саранчи), бываютъ *періодическіе* и движутся по большей части параллельными потоками. Изъ *періодическихъ*, самые извѣстные: такъ называемый *ноябрскій феноменъ* (12—14 ноября) и феноменъ Святаго Лаврентія (10 августа), объ «огненныхъ слезахъ» о которыхъ въ одномъ древнемъ церковномъ календарѣ въ Англійи и въ преданіяхъ (41) упоминается какъ о возвращающемся метеорологическомъ происшествіи. Хотя огромныя количества падающихъ звѣздъ и огненныхъ шаровъ были замѣчены въ ночи съ 12—13 ноября, 1823, по увѣренію Кледена, въ Потсдамѣ; и въ 1832 году по всей Европѣ отъ Портсмута до Оренбурга при Уралѣ, и даже въ южномъ полушаріи, на Иль-де-Франсѣ; однако жъ только замѣченное въ Сѣверной Америкѣ Олишtedомъ и Пальмеромъ въ ночи съ 12 на 13 ноября 1833, явленіе падающихъ звѣздъ, которыя стѣснившись на одномъ мѣстѣ, наподобіе снѣжныхъ хлопьевъ, въ продолженіи девяти

часовъ выпали по-крайней-мѣрѣ въ числѣ 240,000, навело на мысль о *периодичности* этого явленія, на идею, что появленіе группъ падающихъ звѣздъ тѣсно связано съ известными днями. Пальмеръ въ Нью-Гавенѣ вспомнилъ объ описанномъ прежде ⁽⁴²⁾ мною и Элликотомъ, метеорѣ 1792 году, который какъ оказалось изъ составленнаго мною слѣженія всѣхъ доселѣ известныхъ наблюдений, былъ видѣнъ въ Новомъ-Свѣтѣ въ одно и то же время на пространствѣ отъ экватора до Нью-Герригута въ Гренландіи (64° 14' шир.) между 46 и 82° долготы. Торжественность этого явленія поразила всѣхъ удивленіемъ. Потокъ видѣнный на всемъ небесномъ сводѣ 12—13 ноября 1833, отъ Ямайки до Бостона (40° 21' шир.), повторился въ 1834 году ночью 13—14 ноября въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, однако нѣсколько съ меньшею силой. Съ-тѣхъ-поръ правильная периодичность этого феномена признана въ Европѣ.

Вторая, столь же правильно, какъ ноябрьскій феноменъ, выступающая группа падающихъ звѣздъ, есть августовскій феноменъ, *потокъ Св. Лаврентія* (9—14 августа). Мушенбрукъ ⁽⁴³⁾ въ средніи прошедшаго столѣтія обратилъ вниманіе на множество метеоровъ, появляющихся въ августѣ; но ихъ точное периодическое возвращеніе въ эпоху праздника Святаго Лаврентія впервые доказали Кетле, Ольберсъ и Бенценбергъ. Современей, конечно будутъ открыты еще другіе периодически возвращающіеся потоки ⁽⁴⁴⁾, можетъ быть, около 22—25 апрѣля, равно какъ между 6—12 Декабря, и на основаніи вычисленныхъ Капоччи дѣйствительныхъ паденій аэролитовъ, 27—29 ноября, или 17 іюля.

Несмотря на такую независимость всѣхъ доселѣ рассмотренныхъ явленій отъ полярной высоты, отъ температуры воздуха и другихъ климатическихъ условій, нельзя однако жъ, не сказать здѣсь объ одномъ, можетъ быть, только случайно *сопровождаящемъ* ихъ явленіи. Сѣверное сіяніе имѣло сильную напряженность въ продолженіи великолѣпнѣйшаго изъ всѣхъ такихъ естественныхъ проишествій, въ продолженіи явленія (12—13 ноября 1833), описаннаго Ольмштедомъ. То же было замѣчено и въ Бременѣ, въ 1838 году, но тамъ периодическое паденіе метеоровъ было менѣе разительно, чѣмъ въ Ричмондѣ, близъ Лондона. Въ одномъ изъ моихъ сочиненій я упомянулъ также объ удивительномъ явленіи, замѣченномъ адмираломъ Врангелемъ ⁽⁴⁵⁾: онъ видѣнъ на

сибирскихъ берегахъ Ледовитаго Моря, что во время сѣвернаго сїянїя нѣкоторыя не свѣтящїя страны небеснаго свода безпрестанно воспламенялись, если чрезъ нихъ проходила падающая звѣзда и потомъ оставались въ свѣтящемъ состоянїи.

Различныя потоки метеоровъ, изъ которыхъ каждый составляетъ изъ мириадъ маленькихъ небесныхъ тѣлъ, вѣроятно, перерѣзываютъ орбиту нашей Земли, подобно кометѣ Бѣлы; по этому можно представить себѣ, что астерониды падающихъ звѣздъ образуютъ сжикнутое кольцо и движутся въ немъ по одной общей орбитѣ. Орбиты, такъ-называемыхъ *малыхъ* планетъ, находящихся между Марсомъ и Юпитеромъ, за исключенїемъ Паллады, представляютъ нѣчто подобное. До-сихъ-поръ не рѣшено еще, зависятъ ли измѣненїя въ эпохахъ появленїя потоковъ, и ихъ замедленїе, о которыхъ я уже выше упомянулъ, отъ правильнаго подвиганїя или отъ колебанїя узловъ (точекъ пересѣченїя земной орбиты и колецъ), или отъ того, что земля употребляетъ нѣсколько дней на прохожденїе чрезъ значительной ширины поясъ, образуемый орбитами малыхъ планетъ неравномѣрно сгруппированныхъ и расположенныхъ въ неравныхъ разстоянїяхъ одна отъ другой.

Лунная система Сатурна также представляетъ намъ чрезвычайной ширины группу мировъ, соединенныхъ между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Въ этой группѣ сатурновыхъ лунъ, орбита самой внѣшней (седьмой) Луны, имѣетъ такой огромный диаметръ, что земля въ своемъ пути около Солнца прошла бы подобное пространство не ранѣе, какъ въ три дня. Если въ сжикнутомъ кольцѣ, которое, по нашему мнѣнїю, образуютъ орбиты періодическихъ *потоковъ*, астерониды будутъ расположены, такъ не равно, что въ немъ будетъ только немного тѣсно сближенныхъ и образующихъ кучу группъ, то понятно почему блестящїе феномены, напримѣръ, ноябрскїе 1799 и 1833 годовъ, бывають весьма рѣдки. Остроумный Ольберсъ полагалъ, что возвратъ великаго явленїя, въ которомъ падающїя звѣзды въ смѣшенїи съ огненными шарами, падали наподобїе снѣжныхъ хлопьевъ, совершится не ранѣе двѣнадцатаго и четырнадцатаго ноября 1867 года.

Иногда потокъ ноябрскихъ астеронидовъ былъ видѣнъ только на узкомъ пространствѣ Земли. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1837 году, въ Англїи былъ видѣнъ великолѣпный meteoric shower; между-тѣмъ какъ очень внимательный браунсбергскїй

наблюдатель въ Пруссіи, въ ту же самую очень ясную ночь, отъ семи часовъ вечера до восхода солнца, замѣтилъ только нѣсколько малыхъ отдѣльныхъ падающихъ звѣздъ. Изъ этого Бессель заключилъ ⁽⁴⁶⁾: «Что мало протяженная группа такими тѣлами наполненнаго кольца въ Англіи достигла до земли въ то время, какъ полоса земель лежащая на востокъ проходила по относительно пустой сторонѣ метеорнаго кольца». Если наблюдения подтверждать вѣроятность правильнаго подвиганія или колебанія линіи узловъ, производимаго пертурбаціей, то отысканные въ наше время памятники древнѣйшихъ астрономическихъ наблюдений пріобрѣтутъ особенный интересъ. Китайскія лѣтописи, въ которыхъ, наряду съ появленіями кометъ, упоминается также и о большихъ группахъ падающихъ звѣздъ, простираются за времена Тиртея, или второй Мессенской Войны. Въ нихъ описаны два потока, случившіеся въ мартѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ нихъ былъ за 687 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Уже Эдуардъ Бид замѣтилъ, что въ числѣ пятидесяти-двухъ феноменовъ, о которыхъ упоминается въ китайскихъ лѣтописяхъ, чаще прочихъ повторялись феномены 20 — 22 іюля (по старому стилю), и потому легко могли быть нынѣшнимъ подвинувшимя немного впередъ потокомъ святаго Лаврентія ⁽⁴⁷⁾. Если случившійся среди бѣлаго дня феноменъ падающихъ звѣздъ 21 октября 1366 (по старому стилю), о которомъ, какъ увѣряетъ Богуславскій (сынъ) упоминается въ «*Venessii de Horovic Chronicon Ecclesiae Pragensis*» есть нашъ теперешній ноябрьскій феноменъ, въ такомъ случаѣ ускореніе появленія феномена въ продолженіи 477 лѣтъ показываетъ, что эта система падающихъ звѣздъ (то есть, ея общій центръ тяготѣнія) описываетъ обратную орбиту около Солнца. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ также, что если и будутъ годы, въ которые два до-сихъ-поръ изслѣдованные потока (ноябрьскій и святаго Лаврентія) не будутъ замѣчены нивъ какомъ мѣстѣ Земли, то причина этого будетъ заключаться или въ разрывѣ кольца (то есть промежуткахъ между слѣдующими одна за другою группами астерондовъ) или, какъ полагаетъ Поассонъ, влияніе оказываемое большими планетами ⁽⁴⁸⁾ на видъ и положеніе кольца.

Между твердыми массами, которыя выпадаютъ ночью изъ огненныхъ шаровъ, а днемъ, и болѣею частію при ясной погодѣ, изъ маленькихъ темныхъ облаковъ, съ сильнымъ трескомъ, и бываютъ очень разгорячены (но не раскалены до-красна) по ихъ

главныхъ составныхъ частей, есть большое сходство. Воздушные камни, собранные въ разныя столѣтїя, и въ различныхъ странахъ, имѣли всегда однѣ и тѣ же наружныя качества и внутреннїй составъ. Несмотря на такое удивительное и давно доказанное фїзіономическое однообразіе, плотныя метеорныя массы, въ частности, представляютъ нѣкоторыя исключенїя. Какъ различныя формѣ, по свойству ихъ коры и по химическому соединенїю ихъ удобно-ковкія желѣзныя массы, упавшія въ Градіанѣ, въ аграмскомъ комитетѣ, въ Кроацин или желѣзныя массы съ береговъ Сисима въ енисейской губерніи, прославленныя Палласомъ, или привезенныя мною изъ Мексики (49), содержащїя въ себѣ 0,96 желѣза, отъ сїенскихъ аэролитовъ, содержащихъ въ себѣ едва 0,02 желѣза, отъ землистаго, распадающагося въ водѣ метеорнаго камня, найденнаго въ Але (въ департаментѣ дю-Гарь) и отъ камней упавшихъ въ Жонсакѣ и Жювена, которые, не заключаая въ себѣ металлическаго желѣза, представляютъ смѣшенїе ориктогностически по кристаллизацин различныхъ, отдаленныхъ составныхъ частей. На основанїи этого различїя космическія массы дѣлятся на два класса, на *метеорное желѣзо*, содержащее въ себѣ никкель и на мелко-зернистыя или крупно-зернистыя метеорныя камни. Кора ихъ чрезвычайно характеристическая (50), имѣющая въ толщину не болѣе нѣсколькихъ десятыхъ линїи, часто блеститъ какъ смола, и иногда бываетъ покрыта жилками; этой коры, сколько мнѣ извѣстно, не было, только на метеорномъ камнѣ найденномъ въ Шаптоннѣ въ Вондѣѣ. Этотъ камень, что также рѣдкость, имѣетъ поры и продушины, какъ метеорный камень.

Во всѣхъ аэролитахъ черная кора также рѣзко отдѣляется отъ свѣтло-сѣрой внутренней массы, какъ и черная свинцоваго цвѣта оболочка бѣлыхъ гранитныхъ эратическихъ камней, которые (61) я привезъ съ собою изъ водопадовъ Ореоко, и которые попадаютъ во многихъ водопадахъ другихъ странъ Свѣта (напримѣръ въ водопадахъ Нила и Конго). Самый сильный жаръ въ фарфоровыхъ печахъ не въ состоянїи произвести ничего подобнаго корѣ аэролитовъ, такъ чisto отдѣляющейся отъ неизмѣнной главной массы. Нѣкоторые признаки даютъ поводъ думать, что обломки находились въ тѣстообразномъ состоянїи; однако жъ общее свойство основной массы, недостатокъ сплюсненїя отъ паденїя на землю и не очень значительная степень теплоты, оказывающаяся при первомъ прикосновенїи къ только-что низпавшему воздуш-

ному камню, не позволяютъ думать, что бы внутренность аэролита могла находиться въ расплавленномъ состояніи во время быстраго прохожденія его отъ предѣловъ атмосферы до земли.

Химическія составныя части метеорныхъ массъ, которыя такъ хорошо опредѣлены Берзеліусомъ, тѣ же самыя, какія мы встрѣчаемъ разсѣянными въ земной корѣ: восемь металловъ: желѣзо, никкель, кобальтъ, марганецъ, хромъ, мѣдь, мышьякъ и олово; пять породъ земель: кали и натръ, сѣра, фосфоръ и уголь; вообще треть всѣхъ доселѣ извѣстныхъ *простыхъ* веществъ. Вопреки такой однородности элементовъ, на которые разлагаются химически неорганическія тѣла, видъ метеорныхъ массъ черезъ совокупленіе ихъ составныхъ частей, вообще получаетъ нѣчто чуждое, не похожее на земныя горныя породы. *Самородное* желѣзо, содержащееся почти во всякомъ аэролитѣ, сообщаетъ имъ собственный, во по той же самой причинѣ *не лунный* характеръ; потому что и въ другихъ пространствахъ вселенной, на небесныхъ тѣлахъ, кромѣ Луны, вода легко можетъ не быть и процессы окисленія могутъ быть рѣдки.

Космическіе слизистые пузыри органическія *ностостокоподобныя* массы, которыя со времени среднихъ вѣковъ считаются произведеніями падающихъ звѣздъ; сѣрные колчеданы Стерлитамака (на западѣ отъ Уральскихъ Горъ), которые будто составляютъ внутренность зеренъ града⁽⁵²⁾, принадлежать къ мнѣшамъ метеорологіи. Только мелкозернистый составъ, только примѣсъ оливина, авгита и лабрадора⁽⁵³⁾ придали нѣкоторымъ аэролитамъ (напримѣръ долеритоподобнымъ аэролитамъ Жювена въ Департаментѣ Ардешъ), какъ показалъ Густавъ Розе, болѣе земной видъ. Они содержатъ въ себѣ кристаллическія вещества, совершенно подобныя кристаллическимъ веществамъ нашей земной коры; и въ сибирской метеорной желѣзной массѣ, отысканной Палласомъ, оливинъ отличается только недостаткомъ никкеля, замѣненнаго⁽⁵⁴⁾ оловянною окисью. Какъ метеорный оливинъ, подобно оливинамъ нашихъ базальтовъ, содержитъ въ себѣ отъ 47 до 49 сотыхъ талковой земли и составляетъ въ метеорныхъ камняхъ, по изслѣдованіямъ Берзеліуса, половину земляныхъ составныхъ частей, то нѣсколько не удивительно, что въ этихъ *козмическихъ* массахъ содержится такое количество силикатовъ талковой земли. Если аэролитъ Жювена содержитъ въ себѣ удобоотдѣляемые кристаллы авгита и лабрадора, то по численному отношенію составныхъ частей покажется слишкомъ мало вѣроят-

нымъ то, что метеорныя массы Шатò-Ренàра суть состоящій изъ роговой обманки и альбита, діоритъ; метеорныя массы Бланско и Шатоннè суть смѣсь роговой обманки и лабрадора. Доказательства, которыя хотять принять на основаніи только-что показаннаго ориктогностическаго сходства въ пользу *земнаго и атмосфернаго* происхожденія аэролитовъ, кажутся мнѣ не очень сильными. Почему бы вещества, (и я могу сослаться на замѣчательный разговоръ Пьютона съ Кондюнтомъ въ Кенсингтонѣ⁽⁶⁵⁾), принадлежащія къ одной группѣ небесныхъ тѣлъ, къ одной планетной системѣ, по большей части не могли быть однѣ и тѣ же? Почему же имъ и не быть однѣми и тѣми же, когда можно думать, что эти планеты, подобно всѣмъ другимъ большимъ и малымъ образованнымъ въ шаръ массамъ, обращающимся вокругъ Солнца, отдѣлились или изъ одной и той же, нѣкогда далеко распространенной солнечной атмосферы, или изъ парообразныхъ колецъ, которыя сначала описывали свое круговое обращеніе около центрального тѣла? Мнѣ кажется, мы такъ же мало въ правѣ считать никкель и желѣзо, оливинъ и пироксенъ (аугитъ) находямыя въ метеорныхъ массахъ исключительно земными веществами, какъ считать растенія свойственныя германской почвѣ, по находямыя по ту сторону Оби, за европейскія породы сѣверо-азиатской флоры. Если группы различной величины небесныхъ тѣлъ состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же элементарныхъ веществъ — то какая причина можетъ воспрепятствовать этимъ элементарнымъ веществамъ, слѣдуя законамъ взаимнаго притяженія, образоваться по опредѣленнымъ условіямъ смѣшенія: въ полярномъ поясѣ Марса принять видъ бѣлаго блестящаго снѣгу и льду, а въ другихъ меньшихъ козмическихъ массахъ — видъ горныхъ породъ, заключающихъ въ себѣ кристаллы оливина, авгита и лабрадора? Произволь, который не сообразуется ни съ какими правилами и не принимаетъ никакихъ доводовъ, не долженъ властвовать даже и въ области догадокъ.

Кеплеръ думалъ, что чудные помраченія солнечнаго диска, достигавшія до такой степени, что звѣзды можно было видѣть днемъ (напримѣръ, трехдневное затмѣніе Солнца случившееся въ 1547 году во время роковаго сраженія при Мюльбергѣ), зависѣли отъ *materia cometica*, или отъ черныхъ облаковъ, образованныхъ сажистыми испареніями солнечнаго тѣла. Менѣе продолжительныя, не болѣе трехъ или шести часовъ продолжавшіяся затмѣнія Солнца 1090 и 1203 годовъ, по мнѣнію Хладна и Шнур-

рера, были произведены проходившими мимо Солица метеорными массами. Между этими загадочными небесными явлениями и правильнымъ возвращеніемъ группъ падающихъ звѣздъ найдена была замѣчательная связь, въ то время, когда ученые, судя по направленію орбитъ падающихъ звѣздъ, вывели заключеніе, что эти тѣла образуютъ какъ-бы замкнутое кольцо. Чрезвычайно остроумныя и точныя изслѣдованія Адольфа Эрмана, надъ описанными нами фактами, обратили вниманіе ⁽⁵⁶⁾ на совпаденіе соединенія Солнца съ астероидами августа (7 февраля), какъ и съ астероидами ноября (12 мая, во время неблагоприятныхъ по мнѣнію народа, холодныхъ дней (Мамерта, Панкратія и Саватія).

Греческіе натуральные философы, очень плохіе наблюдатели, но неистощимые на объясненія всего полунзвѣстнаго, оставили намъ нѣсколько взглядовъ на падающія звѣзды и аэролиты, разительно согласныхъ съ общепринятыми нынче понятіями о сущности предшествовавшихъ козмическихъ явленій. «Падающія звѣзды, говоритъ Плутархъ ⁽⁵⁷⁾ въ жизни Лизандра, по мнѣнію «нѣкоторыхъ физиковъ не взрывы и истеченія эфирнаго огня, «который погасаетъ въ воздухъ тотчасъ послѣ своего воспламененія, и не загораніе и воспламененіе воздуха, разложившагося въ верхнихъ слояхъ атмосферы; всего вѣроятнѣе, они—падающія съ небесъ тѣла такого рода, что отъ известнаго ослабленія силы верженія и отъ направленія неправильнаго движенія свергаются внизъ, не только на обитаемую землю, но также и въ большое море, почему ихъ и нельзя найти». Еще яснѣе говоритъ Діогенъ Аполлонійскій ⁽⁵⁸⁾. По его мнѣнію «вмѣстѣ съ видимыми звѣздами двигаются и невидимыя, которыя потому и не имѣютъ никакого названія. Послѣднія часто падаютъ на землю и потухаютъ, чему примѣромъ можетъ служить испавшая при Эгосѣ-Потамосѣ огненная каменная звѣзда». Діогенъ Аполлонійскій, почитающій и всѣ прочія звѣзды (свѣтящія) за пемзообразныя тѣла, вѣроятно, основалъ свое мнѣніе о падающихъ звѣздахъ и метеорныхъ массахъ на ученіи Анаксагора Клазоменскаго, который думалъ, что всѣ звѣзды (всѣ тѣла въ пространствѣ вселенной) суть «куски утесовъ, оторванные отъ земли силою стремленія огненнаго зюира, воспламененные послѣднимъ и превращенные въ звѣзды». Такимъ образомъ въ Іонійской школѣ аэролиты и звѣзды, по истолкованію Діогена Аполлонійскаго, по-крайней-мѣрѣ такъ оно намъ передано, составляли од-

но и то же. Тѣ и другіе по происхожденію своему — тѣла земныя, но только въ томъ смыслѣ, что Земля, какъ центральное тѣло, когда-то (59) образовала вокругъ себя все, такимъ образомъ, какъ по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ планеты одной системы образуются изъ распространившейся атмосферы другаго центральнаго тѣла, Солнца. Слѣдовательно, этихъ понятій не должно смѣшивать съ мнѣніемъ, которое приписываетъ метеорнымъ камнямъ, земное или атмосферическое происхожденіе и еще болѣе съ страннымъ предположеніемъ Аристотеля, который считалъ эгосъ-потамосскую метеорную массу, за камень поднятый вихремъ.

Привычка сомнѣваться во всякомъ фактѣ, не давая себѣ труда его изслѣдовать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти вреднѣе нежели некритическое легковѣріе: то и другое мѣшаетъ довести изслѣдованіе до точности. Несмотря на то, что болѣе двухъ тысячъ съ половиною лѣтъ тому назадъ, въ лѣтописяхъ народовъ начали появляться сказанія о паденіяхъ камней, что подобныя примѣры подтверждаются неопровержимыми свидѣтельствами очевидцевъ, что у древнихъ бетилинъ составляли важную часть боготворенія метеоровъ; что спутники Кортаца видѣли въ Холулѣ аэролитъ, упавшій на близкую пирамиду; несмотря на то, что Халифы и монгольскіе князья приказывали выковывать для себя мечи изъ только-что низпавшихъ метеорныхъ камней; несмотря на то, что даже люди были убиваемы низпавшими съ неба камнями (монахъ въ Кремѣ 4 сентября, 1511 года; другой монахъ въ Миланѣ въ 1650; два шведскіе матроса на кораблѣ въ 1674): несмотря на все это, такой важный космоическій феноменъ, почти не обратилъ на себя вниманія ученыхъ, внутренняя связь его съ остальною планетною системою оставалась неизвѣстною до Хладни, который стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ физики открытіемъ звучныхъ фигуръ. Въ умѣ челоуѣка продикнутаго вѣрою въ эту связь, если только душа его открыта для таинственныхъ впечатлѣній природы, не только блестящее явленіе метеорныхъ группъ, каковы напримѣръ, ноябрьскій феноменъ и феноменъ святаго Лаврентія, но даже паденіе каждой одинокой звѣзды можетъ подать поводъ къ множеству важныхъ соображеній. Вотъ внезапно появилось движеніе посреди сцены ночнаго покоя. На мгновеніе является жизнь и дѣятельность въ тихомъ блескѣ тверди. Мгновенно мелькнувшая звѣзда, описала на небесномъ сводѣ путь въ нѣсколько миль. Горящіе

астероиды напоминаютъ намъ о существованіи во вселенной пространства наполненнаго матеріею. Если мы сравнимъ объемъ самаго внутренняго, ближайшаго къ планетѣ спутника Сатурна или объемъ Цереры съ громаднымъ объемомъ Солнца, то въ воображеніи нашемъ исчезаютъ отношенія между малымъ и великимъ. Уже потуханіе внезапно вспыхивающихъ звѣздъ въ Кассіопеѣ, Лебедѣ и Змѣеносцѣ заставляетъ насъ допустить существованіе темныхъ тѣлъ небесныхъ. Скруглившись въ маленькія массы, астероиды падающихъ звѣздъ, кружатся около Солнца, подобно кометамъ перерѣзываютъ орбиты великихъ свѣтящихся планетъ и воспламеняются на поверхности нашей атмосферы, или въ самыхъ верхнихъ ея слояхъ.

Мы сближаемся со всѣми небесными тѣлами, со всею природою, находящеюся за предѣлами нашей атмосферы только чрезъ свѣтъ, лучистый теплородъ, котораго почти невозможно отдѣлить отъ свѣту (60), и таинственныхъ притягательныхъ силъ, посредствомъ которыхъ отдаленныя массы дѣйствуютъ на нашъ Земной Шаръ, на океанъ и на слои воздуха, въ количественномъ содержаніи ихъ матеріальныхъ частицъ. Совершенно другаго рода козмическій, чисто матеріальный фактъ представляетъ намъ явленіе падающихъ звѣздъ и аэролитовъ, если допустимъ, что они — планетные астероиды. Это уже не тѣ тѣла, которыя дѣйствуютъ на нашу землю изъ отдаленія, возбуждая только свѣтовые или теплородныя колебанія, или которыя приводятъ другія тѣла и сама приходятъ въ движеніе черезъ притяженіе: аэролиты — матеріальныя частицы этихъ тѣлъ, поступающія въ нашу атмосферу изъ пространствъ вселенной и остающіяся на нашемъ Земномъ Шарѣ. Только черезъ аэролиты мы приобретаемъ возможность приходить въ матеріальныя сношенія съ чѣмъ то, чуждымъ нашей планетѣ. Привыкнувъ познавать все неземное только посредствомъ измѣренія, вычисленія и умозаключеній, мы съ изумленіемъ оцупываемъ, взвѣшиваемъ, разлагаемъ принадлежащее къ міру намъ чуждому.

Хотя группы астероидовъ, по малой величинѣ своихъ массъ и по разнообразію орбитъ имѣютъ близкое сходство съ кометами, однако жъ они существенно отличаются отъ нихъ тѣмъ, что существованіе ихъ дѣлается намъ извѣстно только въ самый моментъ ихъ разрушенія, когда они, привлеченные Землею, становятся свѣтящимися и воспламеняются. Чтобы пред-

ставитъ себѣ въ цѣлости все, что принадлежитъ къ нашей солнечной системѣ, которой устройство сдѣлалось такъ сложно и такъ разнообразно со времени открытія *малыхъ планетъ, внутреннихъ кометъ съ небольшими орбитами и метеорныхъ астероидовъ*,—намъ остается упомянуть о кольцѣ *зодіакальнаго свѣту*, о которомъ уже было нѣсколько разъ говорено выше. Кто долго жилъ въ поясѣ пальмъ, тотъ навсегда сохранитъ пріятное воспоминаніе о сладостномъ свѣтѣ, которымъ пирамидально воздымающійся зодіакальный свѣтъ озаряетъ часть равно продолжительныхъ тропическихъ почей. Я видѣлъ его блестящимъ гораздо ярче чѣмъ млечный путь, на Стрѣльцѣ не только въ рѣдкой и сухой атмосферѣ Андскихъ вершинъ, на высотѣ двѣнадцати или четырнадцати тысячъ футовъ, но также въ безпредѣльныхъ луговыхъ равнинахъ (льяносъ) Венецуэлы, на морскомъ берегу, подъ вѣчно яснымъ небомъ Куманы. Совершенно особенную прелесть пріобрѣтало это явленіе, когда маленькое паробразное облачко закрывало частицу зодіакальнаго свѣту и рѣзко отдѣлялось отъ свѣтлаго грунта. Вотъ какимъ образомъ описалъ я эту воздушную картину въ одномъ мѣстѣ моего журнала, веденнаго во время плаванія отъ Лимы къ западнымъ берегамъ Мехики: «Уже три или четыре ночи сряду, я вижу (между 1° и 14° сѣверной широты) зодіакальный свѣтъ въ такомъ великолѣпнѣ, въ какомъ я его еще никогда не видалъ. Судя по блеску звѣздъ и туманныхъ пятенъ, въ этой части Южнаго Океана, атмосфера чрезвычайно прозрачна. Съ 14 по 19 марта, ровно три четверти часа послѣ того, какъ солнечный дискъ погрузился въ море, не было видно ни малѣйшаго слѣда зодіакальнаго свѣту, несмотря на совершенную темноту ночи 18 марта. Спустя часъ по закатѣ солнца, онъ вдругъ явился во всемъ своемъ великолѣпнѣ между Альдебараномъ и Плеядами, достигнувъ $39^{\circ} 5'$ высоты. Тонкія, на огромное пространство растянувшіяся облака, раскиданныя по прелестной синеви гори́зонта, кажется, лежатъ на желтомъ коврѣ. Верхнія облака отъ времени до времени переливаются различными цвѣтами. Ждемъ не взойдетъ ли солнце во второй разъ. На этой сторонѣ небснаго свода, ночь кажется, становится такая же ясная какъ при первой четверти луны. Здѣсь, на Южномъ Океанѣ около десяти часовъ вечера, зодіакальный свѣтъ, обыкновенно становится уже очень слабъ; въ полночь оставались только легкіе слѣды его. 16-го марта, когда онъ свѣтилъ самымъ сильнымъ образомъ, на востокъ по-

являлось слабое отраженіе его.» Въ нашемъ пасмурномъ, такъ-называемомъ умѣренномъ сѣверномъ поясѣ, зодіакальный свѣтъ бываетъ ясно видимъ только въ началѣ весны послѣ сумерекъ, надъ западнымъ горизонтомъ, и при концѣ осени передъ тразсвѣтомъ, надъ восточнымъ.

Непонятно, какъ такое разительное явленіе природы не обратило на себя вниманія физиковъ и астрономовъ до средины 17-го столѣтія, и какъ оно могло ускользнуть отъ наблюдательныхъ Арабовъ древней Бактріаны, Эфиопіи и Южной Испаніи. Не менѣе изумительно, почему такъ поздно стали наблюдать туманные пятна на Андромедѣ и Оріонѣ, которые впервые описаны были только Симономъ Маріемъ и Гюйгенсомъ. Первое совершенно ясное описаніе *зодіакальнаго свѣту* находится въ твореніи Чильдри (Childrey) *Britania Vasconica* ⁽⁶¹⁾, изданномъ въ 1661 году; первое наблюденіе надъ этимъ явленіемъ было сдѣлано, кажется, двумя или тремя годами ранѣе; но неоспоримое право на благодарность потомства за первоначальное (весною 1683) изслѣдованіе этого феномена, во всѣхъ его пространственныхъ отношеніяхъ, принадлежитъ Доминику Кассини. То, что онъ видѣлъ въ Болоньи въ 1668 году, и что въ то же время видѣлъ въ Персіи знаменитый путешественникъ Шарденъ (придворные испаганскіе астрономы называли никогда дотоле невиданный ими свѣтъ *пузекъ, маленькимъ копьемъ*), былъ не зодіакальный свѣтъ, какъ утверждали; а ⁽⁶²⁾ чрезвычайной величины хвостъ кометы, которой ядро скрывалось въ туманѣ горизонта, и которая, по своему положенію и явленію имѣла большое сходство съ кометою 1843 года. Съ такою же вѣроятностью можно полагать, что замѣчательный, пирамидально воздымавшійся отъ Земли свѣтъ, который въ 1509 году былъ видимъ во всей плоской мексиканской возвышенности на восточной сторонѣ неба, въ продолженіи сорока ночей, и о которомъ упоминается въ одной древне-азтекской рукописи, хранящейся въ королевской парижской библіотекѣ, въ *Codex Telleriano-Remensis* ⁽⁶³⁾, былъ зодіакальный свѣтъ.

Явленіе, замѣченное въ Европѣ только Чидри и Доминикомъ Кассини, но безъ-сомнѣнія существующее съ начала міра, не есть сама свѣтящая, солнечная атмосфера, потому что, она по законамъ механики не можетъ быть сплюснута, болѣе какъ въ отношеніи 2: 3, и, слѣдовательно, не можетъ разпростираться далѣе какъ до $\frac{2}{20}$ разстояній Меркурія. На основаніи этихъ

же законовъ механики выходитъ, что высота крайнихъ предѣловъ атмосферы надъ экваторомъ какого-нибудь кружащагося небснаго тѣла, то есть, высота точки гдѣ уравниваются центростремительная и центробѣжная сила, находится тамъ, гдѣ спутникъ этого тѣла совершитъ обращеніе около него въ такое время, въ какое это тѣло совершитъ обращеніе около своей оси (64). Такое малое пространство, занимаемое солнечною атмосферою въ ея *теперешнемъ* концентрическомъ состояніи, становится особенно поразительно, если сравнимъ центральное тѣло нашей системы съ зерномъ другихъ туманныхъ звѣздъ. Гершель открылъ много туманныхъ звѣздъ, у которыхъ диаметръ тумана, окружающаго звѣзду, составляетъ уголъ 150". Если принять параллаксъ этого тумана съ Земли по сю и по ту сторону Солнца въ одну секунду, то выходитъ, что самый крайній слой тумана такой звѣзды отстоитъ отъ своего центра въ сто пятьдесятъ разъ далѣе, нежели Земля отъ Солнца. Слѣдовательно, если бъ туманная звѣзда находилась въ томъ мѣстѣ гдѣ наше Солнце, то атмосфера ея включила бы въ себѣ не только орбиту Урана, но еще простиралась (65) бы въ осемь разъ далѣе.

При такой малой обширности предѣловъ солнечной атмосферы, со всей вѣроятностью можно допустить, какъ матеріальную причину зодіакальнаго свѣту, существованіе очень сплюсненнаго кольца парообразной матеріи свободно обращающагося въ пространствѣ вселенной между орбитами Венеры и Марса (66). Объ его размѣрахъ, объ его увеличеніи (67) чрезъ истеченія хвостовъ мириадъ кометъ, проходящихъ вблизи Солнца, о странномъ измѣненіи его обширности, потому что оно иногда, какъ кажется, не простирается далѣе нашей земной орбиты, наконецъ объ его таинственной внутренней связи съ сгустившимся около поверхности Солнца паромъ, теперь ничего нельзя сказать вѣрнаго. Парообразныя частицы, составляющія это кольцо и обращающіяся по планетнымъ законамъ около Солнца, могутъ быть или самосвѣтящимися или заимствовать свой свѣтъ отъ Солнца. Даже земной туманъ (и это обстоятельство очень замѣчательно) въ 1743 году въ полночь, во время новолунія, былъ такой «особорическій», что можно было ясно распознавать предметы на отдаленіи (68) 600 футовъ.

Въ тропическомъ климатѣ Южной Америки перемѣнчивад сила зодіакальнаго свѣту иногда приводила меня въ изумленіе,

хотя я въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ проводилъ свѣтлыя ночи на свободномъ воздухѣ, при берегахъ рѣкъ и на луговыхъ степяхъ (ляносахъ), я имѣлъ случай, тщательно наблюдать это явленіе. Если зодіакальный свѣтъ былъ очень силенъ, то иногда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ примѣтно становился слабѣе, пока снова не проявился вдругъ во всемъ своемъ блескѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ казалось, что я замѣчалъ дрожаніе и мерцаніе, а не покрасненіе или дугообразное потѣмнѣніе въ нижней его части, или, наконецъ, метаніе искръ, какъ въ шетъ Майранъ. Зависитъ ли это явленіе отъ процессовъ, совершающихся въ самомъ парообразномъ кольцѣ, не знаю. Можетъ-быть, и это гораздо вѣроятнѣе, что въ то время, когда метеорологическіе инструменты, находившіеся близъ земной почвы не обнаруживали никакой перемѣны теплоты или сырости, въ нижнихъ слояхъ воздуху, и когда небольшія звѣзды пятой и шестой величины казались мнѣ свѣтящимися съ равною, неослабляющеюся силою, можетъ-быть въ то время верхніе слои воздуху становились гуще, и неизвѣстнымъ образомъ уменьшали прозрачность атмосферы или, лучше сказать, способность ея, отражать свѣтъ? Въ пользу существованія такихъ метеорологическихъ причинъ въ предѣлѣ нашей атмосферы, говорятъ также замѣченныя Ольберсомъ (69) «вспыхиванія и пульсаціи, приводящія на дѣсь сколько секундъ въ дрожаніе хвосты кометъ по всей ихъ длинѣ. При этомъ хвостъ становится то длиннѣе на нѣсколько градусовъ, то короче. Какъ отдѣльныя части хвоста, растянутагося на пространствѣ нѣсколькихъ миллионовъ миль, находятся въ очень неравномъ отдаленіи отъ Земли, то по законамъ быстроты движенія и распространенія свѣту, дѣйствительныя измѣненія въ небесномъ тѣмѣ, наполняющемъ необъятныя пространства, не могутъ быть видны нами въ столь короткіе промежутки времени.» Впрочемъ эти замѣчанія Ольберса отнюдь не исключаютъ дѣйствительнаго существованія измѣненныхъ истеченій, около сгущенныхъ покрововъ ядра кометы, независимости внезапно появляющихся проясненій зодіакальнаго свѣту отъ внутренняго частичнаго движенія, или отъ увеличеннаго или уменьшеннаго отраженія свѣта въ мировомъ эфирѣ свѣтящагося кольца; эти замѣчанія показываютъ только разницу между тѣмъ что совершается въ пространствахъ наполняемыхъ *мировымъ воздухомъ* (самомъ пространствѣ) и тѣмъ, что происходитъ въ предѣлахъ атмосферы сквозь которую мы смотримъ. Что происходитъ въ верхнемъ предѣлѣ

нашей атмосферы, предметъ самоъ по себѣ еще очень спорномъ, того, какъ показываютъ точно наблюдаемыя явленія, никакъ нельзя объяснить хорошо. Чудная ясность цѣлыхъ ночей, во время которыхъ подъ широтою Италиі и сѣверной Германіи, въ 1831 году, можно было въ полночь читать самое мелкое письмо, ясно противорѣчитъ всему что, мы знаемъ (70) по новѣйшимъ и точнѣйшимъ изслѣдованіямъ, о теоріи сумерекъ и высотѣ атмосферы. Феномены свѣту, которыхъ измѣнчивость въ предѣлѣ сумерекъ, равно какъ и въ зодіакальномъ свѣтѣ ставятъ насъ въ недоумѣніе, зависятъ отъ условій, еще не точно изслѣдованныхъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА ДРАМАТИЧЕСКУЮ МУЗЫКУ ВЪ ИТАЛІИ,

ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ДО НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РОССИИ.

=

Опера, зрѣлище, составленное изъ всего изящнаго, имѣеть собственно себѣ принадлежащее разнообразіе и формы, и потому объ оперѣ нельзя судить по правиламъ другихъ сценическихъ произведеній.

Греки, учителя наши въ драматургіи, умѣли подъ руководствомъ вкуса соединять на своей сценѣ все изящно-прекрасное; на театрѣ ихъ, гармонія въ числѣ разныхъ явленій находила всегда свое мѣсто. Трагедія являлась у нихъ на первомъ планѣ; лирической напѣвъ стиховъ сопровождался музыкою; а танцы входили въ составъ цѣлаго произведенія, но впрочемъ въ рамкахъ довольно тѣсныхъ. Театръ Грековъ былъ преимущественно дѣломъ вкуса, гармоніи и роскоши. Римляне, перенимая отъ нихъ все изящное, наследовали и сценическое ихъ искусство; но у Римлянъ проявилось болѣе труда и усмія, сдѣлать что-либо прекрасное, нежели вкуса, и самый геній народа римскаго, образовавшійся подъ вліяніемъ первобытнаго ихъ земледѣльческаго быта и по-

томъ строгой подчиненности, не могъ принять направленія ко всему нѣжному и пріятному въ изящномъ. Циркъ, наполненный дикими звѣрями, которыхъ убивали или которые сами себя терзали и погибали въ страшныхъ судорогахъ, составлялъ любимое наслажденіе народа, не требовавшего ничего другаго, кромѣ рапет et circenses. Этотъ крикъ лучше всего изображаетъ характеръ народа римскаго.

Страшный дилеттантъ, Неронъ, бралъ лиру, когда Римъ пылалъ въ огнѣ, когда море огня его вдохновляло; онъ всходилъ на террасу дворца своего и, окруженный наемными музыкантами, воспѣвалъ пожаръ Тронъ *. Римъ, слѣдственно, не имѣлъ оперы, — онъ имѣлъ циркъ. Византія также не имѣла оперы, ее замѣнялъ гипподромъ. Оперу создали, идя по пути проложенному Греками, Италияицы; она явилась у нихъ, хотя не въ столь строгомъ и чистомъ составѣ, какъ у Грековъ, но зато въ образѣ свѣтломъ и съ ге-

* Во время владычества императоровъ, музыка была въ большомъ уваженіи и музыкантамъ воздавалась достойная честь. Неронъ содержалъ на своемъ пщивеніи пять сотъ музыкантовъ и самъ являлся въ Неаполѣ на сценѣ. Жадный къ рукоплесканіямъ и похваламъ, этотъ императоръ, съ толпою комедіантовъ, объѣхалъ всю Грецію; распѣвая и играя на лирѣ, онъ вызывалъ лучшихъ артистовъ того времени на состязаніе и, какъ само собою разумѣется вездѣ одерживалъ побѣду. За рукоплесканія и восторги толпы онъ впрочемъ всегда щедро платилъ. Дорого покупая такіа наслажденія, онъ унижалъ себя не только передъ зрителями и подкупными судьями, но и передъ такими соперниками, которыхъ преимущества боялся. Неронъ являлся также и на Олимпійскихъ Играхъ, гдѣ также подкупная рука судей вѣнчала его вѣнкомъ побѣды. Светоній рассказываетъ, какія средства употреблялъ Неронъ, чтобы заставить публику рукоплескать ему. — Не одни сенаторы и патриціи приглашались на музыкальнныя увеселенія вѣнчаннаго аматѣра, но и народъ долженъ былъ присутствовать на этихъ увеселеніяхъ, и горе тому, кто осмѣливался уходить, не дождавшсь конца: смерть или заточеніе ожидали тѣхъ, которымъ неосторожное выраженіе лица нзмѣняло, открывая внутреннее ихъ чувство. Покуда усталый Кесарь не уходилъ во дворецъ свой, никто не дерзалъ оставлять мѣсто; а случалось, какъ пишетъ тотъ же Светоній, случалось, что Неронъ держалъ своихъ слушателей весь день и всю ночь! Послѣ смерти этого чудовища, всѣ музыканты, которымъ онъ щедро платилъ, были по единодушному рѣшенію сената, изгнаны изъ Рима. Съ тѣхъ поръ музыка въ Римѣ упала — и произведенія этого искусства, не представляють намъ ничего достойнаго уваженія до самаго введенія музыки въ церкви христіанскія.

ніемъ ей одной двойственнымъ и особенно удобнымъ для раздолья фантазіи. Такимъ образомъ отъ трагедіи греческой, родилась въ Италіи, какъ показываетъ и самое слово, взятое Италіянцами съ латинскаго, опера, опера — *дѣло*, но дѣло прекрасное, заключающее въ себѣ все изящное. Трагическіе поэты въ Италіи рѣдки, въ комікахъ тамъ недостатокъ; а опера италіянская, занимаетъ между произведеніями подобнаго роду первое мѣсто въ мірѣ. Европа, весь свѣтъ, принялъ ее охотно и радушно, какъ прекрасную гостью, и отвелъ ей у себя почти постоянное жилище. Въ Неаполѣ, Одессѣ, въ Дублинѣ, Бостонѣ, Константинополѣ вездѣ найдешь ее, на всѣхъ точкахъ образованнаго міра она сдѣлалась роскошью и потребностью просвѣщеннаго свѣта.

До одиннадцатаго столѣтія музыкальное искусство въ Италіи не представляетъ ничего особенно важнаго. Въ слѣдующіе за тѣмъ вѣка занимала всѣхъ музыка церковная; первое принаровленіе музыки къ свѣтской драмѣ, какъ называли тогда всѣ вообще сценическія представленія, относится къ временамъ весьма отдаленнымъ *. Въ пятнадцатомъ столѣтіи первый изъ знаменитыхъ воскресителей древней греческой музыки былъ извѣстный поэтъ Анджело Полициенъ (Angelo Politien), каноникъ каедральной церкви во Флоренціи.

Онъ сочинилъ, по греческому образцу, драму, подъ названіемъ «Орфей», — твореніе, перемѣшанное музыкою и хорами. Оно представлено было въ первый разъ при дворѣ Лаврентія Медичи въ 1475 году. Само собою разумѣется, что идея религіозная, на которую опирался всегда театръ Грековъ, не служила основою этому произведенію. Цѣль Полициена была: соединить музыку съ поэзіею. Онъ удачно исполнилъ свое намѣреніе, и заслуживаетъ полную признательность, какъ за отважную мысль свою,

* Сульпицій упоминаетъ о музыкальныхъ представленіяхъ въ Италіи, въ 1490 году. Но тогда родъ этой музыки былъ, вѣроятно, слишкомъ неопредѣленный; потому что Рикобони, говоря объ оперѣ, которая была представлена въ 1574 году, по повелѣнію дожа и сената венеціанскаго, по случаю прибытія Генриха Третьяго, бѣжавшаго изъ Польши во Францію, утверждаетъ, что эта опера была первая достойная своего названія.— Борни (Vigney) также упоминаетъ объ оперѣ, сочиненной Эмилиемъ Каваліери, подъ названіемъ *Repprezantatione di Anima e di Corpo*; въ ней всѣ слова были положены на музыку. Эта опера представлена была въ 1600 году, на театрѣ, нарочно устроенномъ для этого въ церкви della Vallicella, во Флоренціи, съ декораціями по образцу стародавнихъ театровъ. Не было ли это что-нибудь въ родѣ прежнихъ мистерій или діалоговъ?

такъ и за ея исполненіе. Но онъ далеко ушелъ отъ типа греческаго, принявъ характеръ мягкій и видимо согласный съ склонностями Италіянцевъ, характеръ рѣзко проявляющійся во всѣхъ изящныхъ произведеніяхъ всѣхъ временъ италіянскаго народа.

Муратори свидѣтельствуесть, что какая-то музыкальная трагедія (*tragedia posta in musica*), была представлена въ Римѣ въ 1480 году; — по свидѣтельству же всѣхъ италіянскихъ писателей, нѣкто Alfonso della Viola, Алфонсъ дела Віола, маэстро капеллы князя д'Эсте Феррарскаго, первый написалъ оперу въ 1541 году — драму чисто музыкальную, въ которой пѣніе было соединено съ декламаціею, оживляемою и поддерживаемою инструментами оркестра, и извѣстною съ-тѣхъ-поръ подъ названіемъ речитатива. Если это свидѣтельство писателей справедливо, то Алфонсъ дела Віола, безъ-сомнѣнія, имѣеть право быть названъ первымъ композиторомъ и изобрѣтателемъ такого драматическаго представленія. Какъ бы то ни было, древнѣйшее, болѣе извѣстное драматическое музыкальное произведеніе, есть піеса подъ заглавіемъ: *Orbecche, tragedia di Giambattista Giraldi Cinthio Ferrarese; in Ferrara, in casa dell'autore dinanzi ad Ercole II d'Este; duca IV di Ferrara: fece la musica Alfonso della Viola: fu l'Architetto e il Dipintore Girolamo Carpi di Ferrara.* Віола написалъ также музыку на драму «Аретуза» въ 1563 году, на драму Августина Беккари «*il Sacrificio*» въ 1565 году и оперу «*lo Sfortunato*» въ 1567 году. Другія музыкальныя драмы того вѣка были слѣдующія: *I Pazzi Amanti* въ 1569 году; «*la Poesia rappresentativa*», представленная въ 1574 году и *Tragedia Frangipani*, — всѣ три сочиненія Клавдія Мерула (*Claudio Merula*), придворнаго органиста герцога Пармскаго *. И также: *il Re Salomone* (1579), *Pace e Vittoria* (1580), *Pallade* (1581) и *Anti-Parnasso*, музыкальная драма сочиненія Горацио Векки, *Orazio Vecchi*, представленная въ 1597 году. Музыка этихъ произведеній, по увѣренію италіянскихъ писателей, была въ стилѣ древнихъ мадригаловъ.

Всѣ эти первыя усилія писателей и музыкантовъ, всѣ неудачныя ихъ попытки сблизить или, лучше сказать, совершенно соединить музыку съ драматическою поэзіею, не удовлетворяли просвѣщенныхъ любителей всего изящнаго въ Тосканѣ. Ученые, литераторы и артисты Италіи, между которыми были: *Vincenzo Galileo, Mei, Caccini, Peri*, а съ ними и вельможи Флоренціи: графъ *di Vernio, Giovanni Bardi, Pietro Strozzi*, и *Giacommo*

* *Claudio Merula* славился съ 1570 по 1604 годъ.

Согла, подали взаимно другъ другу руку, и рѣшились употребить всё свои усилія, чтобы воскресить на италіанской сценѣ древнюю драму Грековъ, въ которой бы декламація пѣнія или, собственно, «декламація на-распѣвъ» замѣнила декламацію, поддерживаемую инструментами. Vincenzo Galileo написалъ въ этомъ родѣ небольшую интермедію, подъ названіемъ: «il Conte Ugolino». Это была только попытка; но этотъ родъ музыки такъ понравился слушателямъ и такъ направилъ духъ артистовъ, что вскорѣ послѣ того, извѣстный въ то время поэтъ Ринуччини написалъ оперу «Дафна» (*Dafné*), для которой тогда же сочинили музыку Пери и Качини и графъ *Джиакомо Корси*, покровитель и знатокъ этого искусства. Вотъ первая опера съ нынѣшнимъ речитативомъ*, составленная по образцу декламаціи драмъ греческихъ. Она была представлена въ 1597 году въ палаццо самого графа, и хотя этой оперѣ недоставало многого такого, что именно отличаетъ этотъ родъ зрѣлищъ, однако же она произвела на слушателей большое впечатлѣніе. Главныя роли занималъ самъ авторъ и его знакомые. Клависинъ, или клавцимбалы, скрипка, альтъ (*Viola di Gamba*) арфа и лютия составляли цѣлый аккомпаниментъ, а мѣрный речитативъ заступалъ мѣсто арій, каватинъ и *могсеаух d'ensemble*, о необходимости которыхъ тогда не имѣли никакого понятія.

Таково было начало оперы.

Ринуччини, ободренный успѣхомъ своего перваго опыта, написалъ «Эвридику», и вскорѣ потомъ «Ариадну», двѣ драмы сходныя между собою, какъ формою такъ и объемомъ сочиненія. Музыку для «Эвридики» сочинили Пери и Джуліо Качини, а для «Ариадны» Клавдій Монтеверде (*Claudio Monteverde*). Въ Эвридикѣ мы находимъ уже анакреонтическіе стансы; ихъ можно почесть какъ-бы предшественниками позднѣйшихъ арій и каватинъ. Передъ каждымъ стансомъ играли нѣчто въ родѣ ритуурнели: басъ слѣдитъ нота въ ноту за переливами голоса; это хотя и придаетъ пѣнію характеръ тяжелый, но для слуху, производитъ явное отличіе отъ акомпанимента баса въ речитативахъ, и сопровождавшаго пѣніе протяжными нотами (*tenuto*). Арія, введенная

* Речитативы эти, какъ свидѣтельствуетъ Борни (*Burney*) были пѣты иногда въ тактъ мѣрнымъ (*recitatif mesuré*), а иногда по желанію и вкусу пѣвца. Они не имѣли ни живости, ни того огня и драматическаго выраженія, которымъ исполнены речитативы новѣйшихъ композиторовъ; но надо вспомнить, что они были тогда новостію и все что имъ предшествовало, не можетъ сравниться съ ними.

въ позднѣйшую оперу, украсилась новою формою; но должно сознаться, что заслуга этого изобрѣтенія принадлежитъ позднѣйшимъ композиторамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ родъ арій, каватинъ и романсовъ, отражался уже въ пѣсняхъ народныхъ, которыя, можно сказать, предупредили всѣ формы и всѣ открытія. «Эвридика» была представлена въ первый разъ во Флоренціи въ 1600 году, по случаю бракосочетанія французскаго короля Генриха Четвертаго съ Марією Медичи и произвела на высокую чету необыкновенное впечатлѣніе*.

Въ музыкальной драмѣ «Il santo Alessio», Стефана Лауди (Laudi), представленной въ 1634 году въ Римѣ, формы нынѣшней оперы уже явственно обрисовываются, и несмотря на свое однообразие, аріи этой оперы довольно пріятны; они не составляютъ нѣчто цѣлое, но раздѣлены на куплеты, подобно французскимъ водевилямъ или романсамъ. Въ этомъ же родѣ писалъ тогда Кавалли, сочинившій сорокъ такихъ оперъ. Въ оперѣ «Язонъ», того же композитора (представленной въ 1649 году въ Венеціи), и во многихъ другихъ современныхъ операхъ, аріи помѣщаются въ началѣ каждой сцены, а не подъ конецъ, какъ это водится и нынѣ.

Кариссими, одинъ изъ старинныхъ италіянскихъ композиторовъ семнадцатаго вѣка, очистилъ и видимо усовершенствовалъ стиль оперной музыки. Речитативы его имѣютъ болѣе связи, болѣе выраженія, болѣе драматическаго характеру; онъ усовершенствовалъ акомпаниментъ баса, который прежде него, какъ мы сказали выше, былъ тяжелъ и монотоненъ. Кариссими придалъ ему легкость, разнообразіе и нѣкоторую степень щегольства, не отнимая впрочемъ прежней его силы и энергіи.

Доминикъ Мазокки (Mazzochi), жившій около 1638 года, ввелъ

* Известный любитель музыки и преисполненный таланта писатель, Signor Pietro della Valle, издавшій любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Историческій разговоръ о музыкальной наукѣ», говоритъ ясно, что первое сценическое представленіе, которое видѣлъ Римъ, было дано во время карнавала въ 1606 году, и поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что драма лирическая, то есть, опера, воспріяла начало свое во Флоренціи, а въ Римѣ и въ Венецію введена была она гораздо послѣ. Мы знаемъ навѣрно, что первая опера - *seria*, давняя въ Неаполѣ, была «*Amor non legge*» въ 1646, въ залѣ нарочно для того устроенной. Несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ отыскать имени автора этой пьесы; думаютъ, что она писана разными авторами, которыхъ имена до насъ не дошли.

также многія улучшенія въ музыку. Онъ первый началъ употреблять термины: *crescendo*, *diminuendo*, *piano*, *forte*, *dieze*, *besaffe* и тому подобныя. Мадригалы его служили образцомъ для всѣхъ сочинителей музыки того времени.

Григорій Аллегри, современникъ Мазокки (1590—1652), ввелъ съ начала въ церкви, а потомъ въ театръ, вокальную музыку безъ всякаго акомпанимента. Онъ написалъ славное «*Miserere*» для папской капеллы. «Невозможно представить себѣ, говорить Борни (*Burney*) *, какое сильное впечатлѣніе произвела тогда на слушателей эта прекрасная композиція, исполненная массою нѣсколькихъ десятковъ голосовъ безъ всякаго инструментальнаго акомпанимента».

Смотрителямъ Ватиканской Библіотеки запрещено было подъ проклятіемъ, показывать кому-либо эту композицію, и она сохранилась тамъ до нашихъ временъ. **

Молодой Моцартъ, путешествуя по Италиі въ 1770 году, слышалъ только два раза это «*Miserere*» въ Великую Среду и Пятницу и написалъ ее съ большою точностію; спустя годъ потомъ, она была напечатана въ Лондонѣ подъ надзоромъ доктора Борни; а въ 1810 году въ Парижѣ, въ «*Collection des classiques*», и въ Лейпцигѣ у Кувеля (*Kuhnela*) въ его «*Musica sacra*».

Во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, опера въ продолженіи нѣкотораго времени скорѣе клонилась къ упадку, чѣмъ приближалась къ совершенству; тогда болѣе занимались обстанокою піесъ, улучшеніемъ машинъ, нежели обработкою музыки и самаго сочиненія. Къ-счастію, это недолго продолжалось; обратили вниманіе на слова драмы, на характеръ дѣйствующихъ лицъ и на положеніе, въ которомъ они на сценѣ находились. Такое благоразумное направленіе служило краеугольнымъ камнемъ, первою основою къ усовершенствованію музыки драматической. Первые аріи, которыхъ мелодія сообразовалась съ характеромъ поющихъ лицъ, появились въ 1694 году, въ операхъ *Francesco di Cavali*, капельмейстера въ Венеціи. Я видѣлъ въ Берлинской королевской библіотекѣ партитуру оперы его «*Язонъ*»; при всѣхъ ея недостаткахъ, въ ней есть прекрасныя мѣста. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ достоинство произведенія какого-либо арти-

* A general history of music. Лондонъ, 1776—1789, 4 тома въ 4-ю долю листа.

** Въ Римѣ въ Папской Капеллѣ, ежегодно поютъ это «*Miserere*» на Страстной Недѣлѣ въ среду и пятницу, въ четыре часа по полудни.

ста, надо умѣть перенестись въ ту эпоху, когда онъ жилъ и писалъ; узнать всѣ тѣ средства, которыя онъ имѣлъ подъ рукою, потомъ посмотрѣть что было прежде него и сличивъ его трудъ съ прожвденіями современниковъ, сравнивать его не съ нынѣшними, а съ тогдашними композиторами, и тогда уже выводить заключеніе о совершенствахъ или погрѣшностяхъ разсматриваемой композиціи. Такимъ образомъ только справедли- вый судья-знатокъ можетъ безошибочно исполнить долгъ своего призванія. Не многіе понимаютъ, какъ трудно настоящимъ обра- зомъ писать исторію какого-либо искусства или науки, какъ трудно въ наше время оцѣнить творенія временъ прошедшихъ, какъ скользокъ путь, ведущій въ край почившихъ, какъ трудно говорить съ ними, для насъ, которымъ языкъ ихъ понятенъ, но выраженія и мысли ихъ чужды, по разстоянію време- ни отдѣляющему насъ отъ нихъ, и, наконецъ, какъ трудно, рас- крывъ бібліотеку партитуръ, понимать и слушать музыку ихъ, глазами!... Я прочелъ неразъ и со вниманіемъ партитуру оперы «Язонъ», и могу увѣрить моихъ читателей, что нашелъ въ этомъ драгоценномъ и забытомъ произведеніи такія мѣста, которыя, несмотря на двухъ-вѣковое пребываніе свое въ гробѣ бібліотекъ, такъ свѣжи, такъ прекрасны, что могутъ нынѣшнимъ композито- рамъ служить примѣромъ, если не по формѣ слишкомъ устарѣлыхъ своихъ оборотовъ, то по-крайней-мѣрѣ по чистотѣ стиля и логикѣ мыслей, излагаемыхъ сообразно предмету. И какъ я уже однаж- ды сказалъ: мысль великая, вѣрная правдѣ, произведетъ всегда на образованные умы каждаго вѣка и края, впечатлѣніе глубо- кое и прекрасное, хотя бы мысль эта была облечена въ формы самыя простыя, и выражена словами столь же обыкновенными. Все, что выливается изъ сердца, найдетъ дорогу къ сердцу!

Не менѣе славился тогда въ Неаполѣ Страделла (Alessandro Stradella), композиторъ, котораго имя, съ 1650 по 1680 годъ, гре- мѣло во всей Европѣ. Онъ былъ отличнымъ композиторомъ, от- личнымъ скрипачомъ и первымъ пѣвцомъ своего времени; пи- салъ для церкви и театра. Джонъ Борни говоритъ, что творе- нія этого артиста выше всего написаннаго въ семнадцатомъ вѣ- кѣ, исключая развѣ композицій Кариссини и Алесандро Скар- латти; изъ нихъ особенно послѣдній, болѣе нежели его предше- ственники, способствовалъ къ усовершенствованію музыки дра- матической.

Scarlatti занимаетъ важное мѣсто въ исторіи драматической музыки. Онъ первый началъ писать увертюры, придавъ имъ

отиль прекраснѣй и высокій *. Онъ значительно усовершенствова-
валъ речитативы и ввелъ повторенія нѣкоторыхъ музыкальныхъ
частей, *Da Capo* **. Геній этого маэстро былъ истинно творче-
скій; а высокія и прекрасныя его мысли часто служили образ-
цомъ для композиторовъ семнадцатаго и осьмнадцатаго вѣка.
Можно сказать, что Скарлатти оказалъ для арій такую же услу-
гу, каковую сдѣлалъ Кариссини для речитативовъ. Онъ распро-
странилъ, такъ сказать, границы арій, увеличилъ объемъ ея, при-
далъ ей характеръ болѣе драматическій, украсилъ ее акомпани-
ментомъ, яснымъ и отчетливымъ. Изъ школы его вышли: Ко-
лонна, Лео, Порпора, Марчелло, Перголезе, Винчи и Дуранте,

* До *Scarlatti* увертюры не знали; ихъ замѣняли нѣкоторыя родъ музы-
кальныхъ прологовъ или, лучше сказать, родъ краткихъ программъ всего
представленія. Объ исторіи увертюры можно бы написать большую
статью; но это вышло бы изъ тѣсныхъ границъ принятаго мною
труда. Скажу только, что мнѣнія знатоковъ о цѣли увертюръ весьма
различны. Одни утверждаютъ, что увертюра должна быть собраніемъ
мотивовъ оперы, чтобы напоминать собою всѣ главныя мѣста драмы;
другіе говорятъ, что увертюра должна заключать въ себѣ вѣчто цѣлое,
полное, написанное въ характерѣ и духѣ всей оперы. Всѣ подобныя
мнѣнія не законъ, потому что всѣ композиторы эту часть оперы излагали
каждый по своему вкусу и фантазіи. У иныхъ увертюра есть вѣчто въ
родѣ симфоніи, и этия самымъ представляетъ одно цѣлое и прекрасное;
таковы увертюры оперъ: *Die Zauberflöte*, *Don Giovanni*, *Le Nozze de Figaro*—
Моцарта; *Les deux Journées*, *Ancréon*, *l'Hôtellerie portugaise*—Керу-
бини; *Armide*, *Ifigenie*—Глука; *Egmont*—Бетговена и тому подобныя. У
иныхъ увертюра составлена въ родѣ арлекинского платья, изъ лоскутковъ опе-
ры; настоящее *Potrourri*; таковы увертюры: *Guillaume Tell*, *Le cheval de
bronze*, *La Muette de Portici* и прочая. Есть также оперы, въ которыхъ
короткая интродукція, изъ нѣсколькихъ тактовъ, соединяется съ первою
сценою и сливается такимъ образомъ съ нею въ одно цѣлое, напримеръ:
въ операхъ *Joseph Aridotant*,—Мегюля; *Robert le diable*, *les Huguenots*—
Мейербергера; *Mosé—Roscini*; *Lucia di Lammermoor*—Донизетти, и прочая.
Иные ввели моду не писать никакихъ увертюръ; а это, конечно, очень для
нихъ выгодно.

** Прежде *Scarlatti*—слово *Da Capo*, не употреблялось въ операхъ, и,
если я не ошибаюсь, то этотъ терминъ является первый разъ въ оперѣ
его «*Theodora*» 1693 года; съ этихъ поръ вошелъ онъ во всеобщее употре-
бленіе. Въ оперѣ Гаспарини *Il Tartaro nella China* мы находимъ *Da Capo*
при каждой аріи.

люди съ большимъ талантомъ, поставившіе музыку церковную и драматическую, на высокую степень совершенства. Имъ начинается осьмнадцатый вѣкъ, который мы считаемъ самою блестящею эпохою музыки въ Италиі.

До половины осьмнадцатаго столѣтія музыка церковная въ Римѣ брала верхъ надъ музыкаю драматическою, потому что общественное стремленіе было управляемо болѣе духомъ религіознымъ; но послѣ смерти славнаго Мартини, въ 1784 *, этого исполнителя музыки церковной, мало кто имѣлъ охоту и смѣлость писать для церкви; ктому же, съ ослабленіемъ религіознаго духа, началъ упадать и геній творчества духовно-музыкальнаго; въ Римѣ, въ Неаполѣ, во Флоренціи и въ Венеціи, возникъ вкусъ къ музыкѣ драматической; композиторы оставили церковь для сцены, и съ того времени драматическая музыка въ Италиі стала на

* Giambattista Martini, известный также подъ именемъ Padre Martini, родился въ 1706 году въ Болоніи. Въ молодости своей мучимый жаждою познаний всякаго рода, онъ долго путешествовалъ по Европѣ и Азій; возвратившись въ отечество, постригся въ монастырѣ францисканскомъ, въ Болоньи, и тамъ совершенно посвятилъ себя музыкѣ. Онъ былъ основателемъ учейшій музыкальной школы въ Италиі. При жизни его Болонская Консерваторія была въ полномъ блескѣ своей славы; знаменитые артисты съѣзжались въ Болонью, чтобы видѣть великаго маэстро и каждый искалъ его одобренія и наставленія. Гендель, Глюкъ и молодой Моцартъ были въ числѣ поклонниковъ патера Мартини. Такъ велика была тогда слава Италиі! Моцартъ, который въ то время уже былъ удивленіемъ всей Германіи, Франціи и Англій, желая въ 1769 году побывать въ Италиі, поѣхалъ туда изъ Вѣны; но возвратился въ Зальцбургъ, и тамъ цѣлый годъ усилненно трудился надъ контрапунктомъ, не дерзая предстать еще передъ величайшимъ контрапунктистомъ того времени, патеромъ Мартини!

Духовныя композиціи Мартини отличаются высокостью мысли и чистотою стѣля. Онъ былъ учейшій человѣкъ своего вѣка, и трактаты его о музыкѣ, болѣе приносятъ ему славы нежели самыя его композиціи. Онъ написалъ: *Saggio fondamentale pratico di contrappunto, sopra il canto fermo*. Болонья, 1774, 2 тома въ листъ; и также славную *Storia della musica*, 3 тома, въ Болоньи (1757—1781). Пѣвецъ Фаринелли, который убѣждалъ его предпринять этотъ трудъ, подарилъ ему всю свою бібліотеку и 7,000 печатныхъ и 300 рукописныхъ произведеній. Исторія музыки Martini и Burney, суть лучшія и полнѣйшія изъ всѣхъ нѣтъ известныхъ.

высшую степень славы и могущества. Оперы писанныя въ это время, принадлежатъ къ наилучшимъ и къ наиболее самостоятельнымъ произведеніямъ итальянской музыки. Онѣ дошли до насъ во всей своей свѣжести и будутъ пользоваться славой, пока будетъ существовать чистый, неиспорченный вкусъ.

Въ этомъ вѣкѣ, особенно изобильномъ знаменитыми композиторами и первостепенными артистами, важнѣйшее мѣсто занимаютъ: Logroscino, которому Неаполитанцы дали прозваніе *Il Dio dell' opera* *Voffa*, Giovanni Bononcini, *Geminiani* * и знаменитый *Pergolese*, родившійся въ 1704, умершій въ 1737 году. Его ораторія «*Stabat Mater*» и опера «*Serva Padrona*», суть наилучшія музыкальныя произведенія того вѣка. Композиціи *Перголезе* не имѣли при жизни его никакого успѣху и, какъ увѣряютъ, даже были освящены его соотечественниками. Такой несправедливый приѣмъ и другія неудачи въ жизни, отравили дни этого знаменитаго человѣка и ускорили, можетъ-быть, смерть его. Спустя два года послѣ кончины *Перголезе*, всеобщее сожалѣніе объ немъ заступило мѣсто зависти въ сердцахъ согражданъ. Оперы его во всей Италіи принимались съ восторгомъ и та же самая публика, которая отвергла *Перголезе* живаго, наградила его, мертваго, прозваніемъ «*divino*», эпитетъ и понынѣ неразлучный съ именемъ этого славнаго композитора.

Nicolo Porpora занимаетъ неменѣе славное мѣсто въ музыкѣ. Его уважаютъ еще и какъ отличваго учителя пѣнія. Знаменитые пѣвцы: *Pistocchi*, *Farinelli*, *Caffarelli*, *Balthasar Ferri*, *Claudagni*, *Senesino*, *Raff*, *Mancini*, *Faustina*, *Bordoni*, *Pasciagotti*, *Tersi* и многіе другіе, вышли изъ школы *Порпоры*. Кантаты его служатъ и понынѣ образцами этого рода музыки. Оперы его: «*Semiramis*», «*Ariadna e Thesé*», «*Syfax*» и другія, имѣли необычайный въ тѣ времена успѣхъ **. *Порпора* умеръ

* *Geminiani*, родившійся въ Луккѣ 1696 года, былъ славнымъ скрипачомъ и композиторомъ. Его церковная и сценическая музыка имѣла постоянный и долгій успѣхъ въ Италіи. Онъ умеръ въ 1762 году.

Въ то же время *Corelli* утвердилъ въ Италіи знаменитую школу скрипичную, изъ которой вышли: *Albinoni*, *Torelli*, *Valentini*, *Mariette* и славный *Tartini*.

** Говоря о музыкѣ драматической въ Англии, я буду имѣть случай сказать нѣчто и о другихъ произведеніяхъ этого композитора, писанныхъ для итальянской оперы въ Лондонѣ (1734—1737).

въ 1750. Онъ и Перголезе большую часть своей музыки писали на слова *Метастазія* *.

Галуцци, ученикъ извѣстнаго Лотти, прозванный Буранелло, по мѣсту своего рожденія въ мѣстечкѣ Вигано, былъ первый писатель хорошихъ оперъ буффа **. Композиціи его служили (какъ утверждаютъ нѣкоторые) образцомъ безсмертному Чимарозѣ, а церковныя произведенія Галуцци отличаются удивительною красотою и приобрѣли ему всеобщую славу. Галуцци родился въ 1703 году, умеръ въ 1805, ста двухъ лѣтъ отъ-роду ***.

Nicolo Jomelli былъ не менѣе извѣстнымъ и славнымъ композиторомъ того вѣка. Творенія его, писанныя частью для церкви, частью для сцены, заслуживаютъ величайшую похвалу, потому что заключаютъ въ себѣ рѣдкое богатство гармоніи, прекрасную, недостигнутую и понынѣ простоту стиля. Одну изъ духовныхъ композицій его я слышалъ въ церквѣ въ Вѣнѣ. Мысли его всегда высоки, всегда изящны, преисполнены рѣдкою оригинальностью. Этотъ великій маэстро родился въ Аверсо, въ 1714 году, умеръ въ 1794.

Piccini жилъ съ 1728 по 1801 годъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ композиторовъ неаполитанской школы; плодovitость его воображенія изумительна: до 1776 года, то есть до переселенія своего въ Парижъ, Пиччини успѣлъ написать триста оперъ, и всѣ онѣ отличаются новостію идей. Въ Парижѣ написалъ онъ также очень много оперъ, а въ одной изъ нихъ «*Cecchina la bionna figliola*» онъ ввелъ *les choréaux d'ensemble* и финалы ****. Пиччини вступилъ нѣкоторое время въ соперничество съ

* *Метастазіо*, справедливо названный послѣднимъ знаменитымъ лирикомъ Италіи, довелъ лирическую драму до совершенства; онъ жилъ съ 1698 по 1782 годъ.

** Рубини сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ въ Венеціи какую-то небольшую оперу буффа, сочиненія *Loggesejo*, писанную будто бы въ 1750 году; но опера эта, если можно ее назвать оперою, не имѣетъ, по словамъ великаго пѣвца, никакого драматическаго достоинства.

*** Императрица Екатерина Великая вызвала его въ Санктпетербургъ, гдѣ онъ долго былъ учителемъ придворныхъ пѣвчихъ. Любопытный читатель можетъ найти подробныя свѣдѣнія о немъ въ сочиненіи моего: *Notatki z Podrózu muzikalnej po Niemczech odbytej w. roku. 1844.*

**** Нѣкоторые приписываютъ славу этого изобрѣтенія *Loggesejo*; впрочемъ, эта важная часть музыки драматической, главная подпора всѣхъ новѣйшихъ оперъ, употреблялась въ то время весьма рѣдко и, можно сказать, съ умѣренностью.

Глукомъ; и борьба эта, впрочемъ весьма неравная, занимала тогда всю Францію; кому не извѣстны споры глукнистовъ съ пиччинистами? Пиччини, однако жъ, несмотря на сильную партію которая его поддерживала, принужденъ былъ уступить превосходству германскаго великана и палъ въ неравномъ бою *. Сартти (1730 — 1802) и (Sacchini) Саккини (1735 — 1786) явились въ то же время. Первому часто недостаетъ глубокости мыслей и порядка жъ развитіи ихъ; но зато формы, въ которыя умѣлъ онъ облекать свои идеи, такъ щеголевато-изящны, что могутъ служить и въ нынѣшнее время образцомъ. Духовныя композиціи Сартти, писанныя большею частію въ Петербургѣ, для придворныхъ пѣвчихъ, и понынѣ ими выполняются; я слышалъ ихъ неоднократно и всегда ими восхищался. Саккини много писалъ для театра; его сочиненія въ свое время долго славилась во всей Италіи. Нельзя довольно похвалить его ловкихъ и богатыхъ акомпаниментовъ оркестра, а также и рѣдкой красоты и простоты мотивовъ **.

* Я буду имѣть случай пространнѣе изобразить красоты твореній этихъ писателей, говоря о драматической музыкѣ во Франціи; потому что долгое пребываніе Пиччини въ Парижѣ, заставило его писать совершенно въ родѣ композиторовъ того края и съ 1777 года Пиччини принадлежитъ Франціи. Распространяться о позднѣйшихъ трудахъ этого композитора, было бы здѣсь неумѣстно.

** Во второй половинѣ осьмнадцатаго вѣка, начали вводить въ оркестръ духовыя инструменты; число ихъ до того времени было весьма ограничено; прежде смычковые инструменты, были главною опорю акомпанимента, какъ въ церквахъ, такъ и на сценѣ. Оперы Перголезе, Лео, Виначи и Порпоры, не имѣютъ другаго акомпанимента, кромѣ скрипокъ, альтовъ и басовъ. Тогда не обращали большаго вниманія на акомпаниментъ; все достоинство композиціи состояло въ удачной, ловкой, красивой и пріятной мелодіи, а также въ искусномъ изображеніи словъ драмы музыкою. Но первые вводители духовыхъ инструментовъ въ оркестръ, не умѣли воспользоваться этою счастливою и богатою новизною. Участіе этихъ инструментовъ было слабое, робкое, часто даже неумѣстное; можно сказать, что до времени Россіи, въ Италіи не знали ихъ настоящаго употребленія. Онъ первый выявлялъ ихъ существенныя свойства, опредѣлялъ каждому инструменту его значеніе и мѣсто. Послѣдователи его, начали безъ мѣры расточать это сокровище гармоніи и въ наше время часто такъ безразсечно и съ такимъ изобиліемъ надѣляются инструментами оркестръ, что оглушая и пресыщая слухъ этою роскошью, заставляютъ иногда

Салиери (Antonio Salieri), безсмертный творецъ оперъ «Ахилъ», «Semiramida», «Palmira», Школа завистливыхъ, «Armida» и другихъ, не менѣ славныхъ, родился 1750 года въ Логано. Стилъ его оперъ всегда возвышенъ и прекрасенъ; а его речитативы, исполненныя выраженія и правды, могутъ служить образцомъ и для нынѣшнихъ композиторовъ драматическихъ. Оперы Салиери въ полномъ смыслѣ слова, суть драматическія; музыка его такъ вѣрно примѣнена къ словамъ, что совершенно изображаетъ положеніе души и сердца, такъ что и самый слабый артистъ, слѣдуя только въ точности и слѣпо за выраженіемъ нотъ, не можетъ совершенно испортить своей роли. Партиція «Аксеура», безъ-сомнѣнія, лучшее произведеніе старой итальянской музыки. Салиери умеръ въ 1825 году *.

Гильельми (Pietro Guglielmi, 1729—1804), Панзіелло (Paistello, 1741 — 1816) и великій, несравненный Чимароза (Cimarosa, 1754 — 1801), заключаютъ собою свѣтлый періодъ итальянской музыки осьмнадцатаго столѣтія. Они, какъ заходящее солнце, оставили на горизонтѣ яркій и прекрасный свѣтъ, предвѣстникомъ еще прекраснѣйшаго дня, который, озарившись блескомъ того же солнца, долженствовалъ согрѣть душу новою теплотою, и щедро надѣлать ее новыми наслажденіями. Во второй статьѣ приступимъ къ важнѣйшей эпохѣ драматической музыки въ Италіи: мы будемъ говорить о великомъ сценическомъ преобразователѣ, о славномъ, удивительномъ геніи между геніями, объ Іоахимѣ Россини!

вдохнуть, о прекрасной, но простой и скромной оркестровкѣ композиторовъ осьмнадцатаго вѣка.

* Смотри любопытное твореніе: Ueber das Leben und die Werke Salieris—Mosella (1828, въ Вѣнѣ). Талантъ Салиери нашелъ достойнаго критика; — Мосель отлично исполнилъ свое дѣло.

ВИКТОРЪ КАЖИНСКІЙ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О БОЛѢЗНИ КАРТОФЕЛЯ.

Болезнь картофеля!... Этотъ прелестный плодъ, питающій столько желудковъ въ подлунной, — роскошь дороднаго, флегматическаго Нѣмца, поджараго, худаго Ирландца, — роскошь русскаго крестьянина, который неохотно привыкаетъ къ заморскому, по слѣ родныхъ щей и каши; — картофель, основа нѣмецкаго объѣда, причина флегмы и страшной плодливости Нѣмца, драгоценный плодъ, доставляющій намъ и хлѣбъ и сахаръ, и водку, ничѣмъ незамѣнимый и всезамѣняющій плодъ, — картофель простудился, захворалъ, заболѣлъ отчаянно. Какое бѣдствіе! Вся Германія, Англія, Франція, даже Америка, его отечество, страдаютъ отъ его болѣзни. Европѣ, бѣдному классу ея обитателей, грозитъ голодъ.

Донинѣ этотъ бѣдный классъ только и питается что картофелемъ. На бѣду и хлѣбные урожан, остановленные дождями, разлитіемъ рѣкъ, суровостью зимы, не общаются ничего утѣшительнаго. Бѣда и бѣда!

Увѣряютъ, что болѣзнь картофеля неизлечима; существованіе его отнынѣ дѣлается проблематическимъ, желудкамъ и карманамъ нашимъ предстоитъ конечное разореніе. Мудрено ли послѣ всего этого, что о картофельномъ недугѣ вездѣ говорятъ и пишутъ! Почти всѣ журналы въ Европѣ толкуютъ объ этомъ предметѣ, толкуютъ впрямь и вкось, по крайнему разумѣнію. Написаны тмы разсужденій, трактатовъ, а всё-еще не дознались настоящихъ причинъ болѣзни, не придумали средствъ исцѣлить бѣдное растеніе, а тѣмъ болѣе предупредить болѣзнь. Это бѣдствіе, къ счастью, не коснулось нашего отечества, что однако жъ ни сколько не уменьшаетъ опасеній нашихъ земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ на счетъ картофельной эпидеміи, которая заставляетъ невольно призадуматься каждаго. Что жъ это за болѣзнь, есть ли возможность отворотить ее? На эти вопросы мы постараемся отвѣтить, вникнувъ въ существо предмета, сообразивъ все то, что было писано о немъ лучшими европейскими агрономами и учеными. Мы представимъ краткій, по-возможности, трактатъ о картофельной эпидеміи, ея началъ и исторію — исторію плачевную и назидательную, которая убѣдитъ насъ въ той непереложной истинѣ, что всё мы съ нашими безконечными знаніемъ и опытностью, не болѣе какъ дѣти, остановившіеся въ наукѣ природы — на азбукѣ.

Первые признаки болѣзни картофеля замѣчены были при прошлогоднемъ осеннемъ сборѣ его. Картофель оказался весь въ пятнахъ, черноватаго цвѣту и съ дурнымъ запахомъ. Первый сигналъ объ опасности былъ поданъ въ Голландіи, классической странѣ картофеля. Оттуда болѣзнь распространилась на югъ, сперва въ сѣверной Франціи, потомъ въ южной и, наконецъ, показала въ прирейнскихъ германскихъ владѣніяхъ. Ирландія, бѣдная, истощенная репшиями и О'Коннелемъ, также ощутила на себѣ всё бѣдствіе этой эпидеміи. Для Ирландіи картофель былъ едва-ли не единственнымъ источникомъ пропитанія и судьба отнимала у нея этотъ драгоценный продуктъ. Отчаяніе стало общимъ и англійское правительство необходимо должно было подумать объ участи народа, обреченнаго на нищету и голодъ. Министерство, постоянно поддерживавшее ту мысль, что гораз-

до лучше и здоровѣе питаться хоть и дорогимъ, но собственнымъ хлѣбомъ, снятымъ съ родной почвы, увидѣло тутъ печальныя слѣдствія своей эгоистической системы. Такою логикою теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нельзя было накормить голодныхъ Ирландцевъ. Это произвело министерскій кризисъ. Кто бы подумалъ, что смиренный овощъ, завезенный изъ Америки и съ трудомъ введенный въ употребленіе, сдѣлается причиной столь поразительной катастрофы, повергнетъ цѣлыя страны въ бѣдствія голода и повлечетъ за собой министерскій переворотъ. Все это, однако жъ, случилось, и слѣдствія можно предугадывать.

О причинѣ и свойствахъ болѣзни картофеля существуютъ два мнѣнія, какъ водится, одно другому противоположныя. Одни приписывали болѣзнь присутствію какого-то гриба, который будто бы производилъ порчу и даже уничтоженіе крахмалу; другіе напротивъ, совершенно отвергали грибную теорію, полагая, что крахмальные начала нисколько не повреждаются даже въ сильномъ періодѣ болѣзни растенія.

Въ силу перваго мнѣнія картофельныя шишки, съ уничтоженіемъ крахмальныхъ частей, становятся бесполезными для человека; на основаніи же послѣдняго мнѣнія большой картофель можетъ служить безвредною пищею людямъ и скоту, и годенъ для добыванія изъ него крахмалу и водки.

Послѣдняго мнѣнія держится, между прочимъ, извѣстный французскій ученый, Декенъ (Decaisne). Онъ первый доказалъ, что болѣзнь картофеля не зависитъ отъ присутствія какой-то грибовидности, называемой *botrytis*; и что эта плесень, точно такъ же какъ вибрионы и акарусы, развивающіеся въ картофелѣ, подверженномъ разложенію, — не причина, а слѣдствіе уже болѣзненнаго состоянія растенія. Подтверженіемъ этого мнѣнія служитъ то, что, ни *botrytis* ни другія грибовидности, не были найдены во внутренности картофелинъ, при самомъ началѣ болѣзни. Сверхъ-того, добросовѣстные развѣсканія Декена привели его къ слѣдующимъ заключеніямъ: онъ полагаетъ, что вообще крахмалъ большого растенія находится почти въ такомъ же количествѣ какъ и въ неподверженномъ болѣзни и, слѣдственно, порчѣ; что причиною пятенъ темнаго цвѣту, замѣченныхъ въ больномъ картофелѣ, особое зернистое вещество, которое вбирается въ промежутки между крахмальными частицами, обгладываетъ ихъ какъ-бы слизистой оболочкою, но не производитъ ни какого измѣненія

внутри самыхъ частицъ, которыя по извлеченіи ихъ изъ попорченныя частей, представляются окрашенными этимъ веществомъ. По мѣрѣ распространенія болѣзни въ картофелѣ, кислотность его соку постепенно уменьшается, изъ чего можно заключить, что главное измѣненіе въ картофелѣ происходитъ въ азотовыхъ составныхъ его частяхъ, и что поэтому картофель, наиболѣе пораженный болѣзнию, еще можетъ быть съ пользою употребляемъ на добываніе крахмалу или при винокуреніи.

Не все ученые согласились съ этимъ утѣшительнымъ для бѣднаго земледѣльца мнѣніемъ, хотя оно совершенно согласно и съ замѣченными явленіями, и съ законами растительной физиологій.

Литтхскій профессоръ Морренъ (Morgen) объясняетъ явленіе иначе. Онъ вообразилъ себѣ, что на картофельную ботву нападаетъ какой-то чужеродный грибокъ, который попортивъ листовые органы растенія, опускается въ подземныя его части, въ шишки, и производитъ ихъ порчу. Грибокъ этотъ называетъ онъ, «*botrytis*.» Другой ученый, господинъ Монтанъ раздѣляя мнѣніе Моррена, даетъ грибу названіе «*botrytis infestans!*»

Чтобы помочь бѣдѣ, господинъ Морренъ предлагаетъ весьма простое средство, которое дѣлаетъ ненужными все остальные и избавляетъ отъ всякихъ хлопотъ и отъ всякой учености: скосить картофельную ботву, и сжечь ее, вмѣстѣ съ больнымъ картофелемъ. Худую траву съ корнемъ вонь, говоритъ пословица.

Такое парадоксальное средство было впрочемъ придумано не Морреномъ: онъ взялъ его изъ сочиненія доктора Марціуса, который, по случаю появленія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другой, особаго рода, болѣзни картофеля, написалъ о ней очень ученое и дѣльное сочиненіе. Одно обстоятельство остановило Моррена: если мы сожжемъ весь картофель, то какъ развести его вновь? Для этого, говоритъ онъ, нужно сѣменной картофелю выписать изъ-за границы; а чтобы зараза снова не появлялась, то нужно тщательно вычистить внутреннія стѣнки въ картофельныхъ погребахъ, выбѣлить ихъ за-ново известкой, чѣмъ легко уничтожатся все зародыши «*botrytis*» которые могли тамъ остаться. Такимъ образомъ Морренъ, болѣзнь картофеля признаетъ чисто повальной болѣзнию, заразою, чумою.

Болѣзнь картофеля, конечно, большое зло, но такъ ли оно ве-

лико, какъ увѣряеть Морренъ и такъ ли думаютъ все тѣ, которые сначала ему повѣрили?

По нашему мнѣнiю, бѣда нѣсколько преувеличена. Напыщенные возгласы объ опустошенiяхъ, производимыхъ какимъ-то грибомъ и объ опасности картофельной чумы, были причиною того, что во многихъ мѣстахъ земледѣльцы бросали свои картофельныя поля, во время уборки, и такимъ образомъ добровольно лишались огромной массы произведенiй, которыя весьма легко могли бы быть употреблены съ пользою.

Для надлежащаго поясненiя такого сложнаго и запутаннаго дѣла необходимо смотрѣть на вещи просто, безъ предубѣжденiй, не мудрствуя лукаво; необходимо, говоримъ, сообразить описанныя нами явленiя съ законами растительной физиологiи. Только при такомъ взглядѣ можно доискаться истины.

Картофельныя шпшки, какъ извѣстно, не суть корни: это раздувшiеся подземные стебли, родъ нароста, образующагося на концѣ ихъ, и заключающаго въ своихъ тканяхъ большое количество крахмалу. Если разрѣзать картофелину по-поламъ, то можно ясно различить на окружности ея ободокъ, отличающiйся особымъ оттѣнкомъ, и сверхъ-того по всей поверхности разрѣза пятна и жилки того же оттѣка. Если разсматривать на свѣтъ тонкiй ломтикъ картофеля, то этотъ ободокъ, такъ же какъ и пятна съ прожилками, кажутся болѣе прозрачными, нежели остальныя части растенiя. Эта прозрачность зависитъ отъ сосудистаго свойства ткани. Дѣйствительно, такъ какъ сосуды, и фибры, ихъ окружающiя, содержатъ въ себѣ жидкость, то они прозрачнѣе, чѣмъ остальныя части картофеля, состоящiя изъ мѣшечковъ или шариковъ, менѣе прозрачныхъ по причинѣ наполняющаго ихъ крахмалу. Просимъ обратить вниманiе на эти прозрачныя пятна: обстоятельство это важно, потому что многiе, писавшiе о болѣзни картофеля, не зная хорошенько анатомiи растенiй, принимали ихъ за шарьки, лишеныя крахмальнаго содержанiя.

Какъ бы ни была постигнута порчею ботва картофельнаго поля, рѣдко находили, чтобы вся куча картофелинъ, находящихса подъ каждымъ кустомъ, состояла изъ однихъ больныхъ плодовъ. Напротивъ, многочисленныя опыты показали, что весьма часто въ кучѣ самыхъ попорченныхъ картофелинъ, есть нѣсколько совершенно здоровыхъ. Относительно расположенiя, въ которомъ

находятся эти здоровыя картофелины къ больнымъ, не замѣчено ничего общаго. Иногда здоровыя находятся у поверхности земли, иногда, на оборотъ, въ самомъ низу кучи; случается даже, что на одномъ и томъ же стеблѣ находятся и здоровыя и поврежденныя картофелины.

Вообще, картофель начинаетъ портиться въ тѣхъ частяхъ, которыя ближе къ стеблю; бываютъ, впрочемъ, исключенія изъ правила. Находили картофелины, въ которыхъ порча начиналась совершенно съ противоположной стороны; чаще же всего случается, что въ картофелинахъ, пятна расположены неправильно, безъ всякаго отношенія къ ихъ глазкамъ. Эти пятна, сначала едва замѣтныя, распространяются въ цѣлой картофелинѣ, и придаютъ ей темный землястый цвѣтъ.

Если разрѣзать такую картофелину, то на окружности разрѣза замѣтенъ темноватый оттѣнокъ, который обозначаетъ первую степень болѣзни. Этотъ оттѣнокъ тѣмъ темнѣе, чѣмъ ближе къ наружности шишки. Впослѣдствіи темный цвѣтъ распространяется и во внутренности картофеля, что легко замѣтить при небольшой наблюдательности. Тогда внутренность плода бываетъ отбѣлена отбѣльными пятнами, окруженными совершенно здоровыми тканями. Это измѣненіе цвѣта обыкновенно останавливается на одинъ или два миллиметра отъ наружной кожицы, эпидермы. Очень рѣдко достигаетъ оно сосудистаго кольца, находящагося во внутренности картофелины. При помощи увеличительнаго стекла можно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ темный цвѣтъ пятенъ гуще и что онъ ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра пятенъ.

Эти-то пятна и принимаются нѣкоторыми учеными за грибовидности особаго роду; но, собственно, онѣ ничто иное, какъ произведеніе порчи соковъ.

Таковы признаки поврежденныхъ картофелинъ во время вынутія ихъ изъ земли, если притомъ онѣ не повреждены и не раздавлены отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ. Въ этомъ состояніи поврежденіе картофелинъ бываетъ не сплошное, а только мѣстами, и потому овощъ можетъ быть еще употребленъ съ пользою, представляя, но-крайней-мѣрѣ на три четверти своего объема, вещества, годныя какъ для пищи, такъ и для другаго употребленія.

Въ этомъ простомъ ходѣ болѣзни различаютъ разные періоды,

но въ подобномъ подраздѣленіи, кажется, нѣтъ ничего положительнаго. Пушѣ, Жирарденъ и Бидаръ признаютъ четыре періода болѣзни; три первые періода представляютъ одинъ и тотъ же общій характеръ, который нами описанъ, то есть, темноватое вещество болѣе и болѣе распространяется по внутренности картофеля, не измѣняя однако же ни мѣшечковъ или шариковъ, ни содержащагося въ нихъ крахмалу.

Совсѣмъ другое явленіе представляютъ картофелины въ послѣднемъ періодѣ болѣзни: тогда онѣ совершенно разрушаются и издаютъ дурной запахъ. Такая порча особенно замѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда картофелины подвергались насильственному поврежденію. Иногда картофелины пустѣютъ внутри; но это случается, тогда только, когда внѣшняя оболочка ихъ была повреждена червями или слизнями. Должно замѣтить, что такая порча не имѣетъ связи съ присутствіемъ темноватаго вещества. Изъ большей части случаевъ, подобная порча замѣчается на такихъ картофелинахъ, въ которыхъ не видно и слѣдовъ предшествовавшаго поврежденія. Такое состояніе гнилости представляетъ большое сходство съ «бѣлымъ мокрецомъ», болѣзнию, замѣчаемою на луковцахъ гіацинта и въ некоторыхъ другихъ растеній.

Остается разсмотрѣть нѣкоторыя особыя явленія въ картофелѣ, подвергшемся гниlostной порчѣ.

Наблюдая въ такихъ картофелинахъ оболочку шариковъ, содержащихъ въ себѣ крахмалъ, можно замѣтить, что она постепенно уничтожается, исчезаетъ. Не измѣняясь нисколько въ своемъ составѣ, стѣнки этой оболочки болѣе и болѣе принимаютъ зернистый видъ и уменьшаются въ толщинѣ, что однако жъ не препятствуетъ имъ сохранить въ себѣ шарики крахмала, которые находились въ нихъ до ихъ порчи. Впослѣдствіи, онѣ разредняются и плаваютъ въ зернистой жидкости. Эти зернышки одарены такимъ дѣятельнымъ движеніемъ, что ихъ легко можно было бы принять, по примѣру господина Пайена, за чрезвычайно мелкія инфузори, если бы наблюденія не открыли во многихъ случаяхъ, подобнаго движенія этихъ зернышекъ, между которыми замѣчались и настоящія колوراتки. Господинъ Декенъ втеченіи нѣсколькихъ дней сохранялъ въ стаканѣ значительныя количества этой гнилой массы картофеля; воиучестъ ея уменьшалась, а зернышки всё-еще сохраняли свои формы и свою подвижность. Іодъ, мышьякъ и нѣкоторыя кислоты, не могли остановить ихъ движенія, тогда какъ тѣ же самыя химическіе дѣятели не

только прекращали движенье инъузурій, но и совершенно ихъ разлагали.

Вообще, большая часть поврежденныхъ картофелинъ, находясь въ сырости и темнотѣ, покрываются, на своей поверхности, плѣсенью, которую часто принимали за «*botrytis*,» но которая принадлежитъ къ другимъ микроскопическимъ грибамъ, какъ-то *fusisporium*, *trichothecium roseum*, *penicillium glaucum*, *verticillium teneum*.

Картофелины въ первомъ періодѣ болѣзни ихъ, узнать легко: эпидерма имѣетъ темноватый, дикій оттѣнокъ, рѣзко отличающійся отъ прилежащихъ здоровыхъ частей. Въ этомъ первомъ періодѣ картофель едва можно признать больнымъ: скорѣе это простое и мѣстное поврежденіе эпидермы. Впослѣдствіи, темный оттѣнокъ распространяется и тутъ уже подъ начинаетъ значительно портить ея.

Вскорѣ послѣ появленія первыхъ признаковъ болѣзни, картофель представляется негладкимъ, сморщеннымъ. Ткань, лежащая подъ эпидермою, сжимается. Впрочемъ, въ этомъ періодѣ болѣзни не замѣчается никакихъ слѣдовъ грибовидностей.

Затѣмъ, темныя пятна быстро распространяются и измѣняются, особенно если картофель хранится въ темномъ и сыромъ мѣстѣ, и только въ послѣднемъ періодѣ является гнилость, и съ нею плѣсневидныя вещества и грибовидности. Но эти послѣднія свойственны не одному картофелю; онѣ встрѣчаются во всѣхъ мясистыхъ плодахъ, подвергшихся порчѣ. Такъ напримѣръ, — Декенъ замѣчалъ грибовидности: *oidium frutigenum*, *penicillium glaucum* и *fusarium* на гнилой красной пеникѣ; эти же самыя грибовидности замѣчаются нынѣ на картофелинахъ въ періодѣ болѣзни, когда онѣ подверглись уже гнилости и разложенію.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ этихъ грибовидностей, ни одной не было открыто на ботвѣ попорченнаго картофеля, такъ что увяданіе и разрушеніе ботвы ужъ никакъ нельзя приписать этимъ грибамъ. Слѣдующія замѣчанія могутъ служить подкрѣпленіемъ сказанному. Найдено, что всѣ вышеисчисленныя грибовидности были замѣчены въ прошломъ году на многихъ мясистыхъ плодахъ, подвергшихся разложенію и порчѣ; и кромѣ того, ежегодно стебли картофельной ботвы, у своего основанія, покрываются особеннымъ, имъ свойственнымъ, чужеяднымъ грибомъ, *verticillari dematicum*, котораго однако же никто до сихъ поръ не открылъ въ самыхъ картофелинахъ, хотя онѣ и находятся въ

непосредственномъ прикосновеніи съ зараженными этимъ грибомъ вѣтвями.

Изъ всѣхъ этихъ наблюдений, мы въ правѣ вывести заключеніе, что такъ-называемая зараза картофеля, приписываемая нападению какого-то гриба, есть совсѣмъ не зараза, а просто химическое измѣненіе соковъ растенія, происшедшее отъ дождливой погоды и вообще атмосферическаго вліянія на овощъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ, писавшихъ доселѣ о болѣз-ни картофеля, оно было губительнѣе въ мѣстахъ низменныхъ, въ долинахъ, нежели въ мѣстахъ сухихъ и возвышенныхъ. Такъ въ окрестностяхъ Парижа, картофель едва пострадалъ, хотя ботва его болѣе или менѣе и была повреждена. Извѣстно, что въ Англій, картофель и фасоль, воздѣлываемые въ долинахъ Темзы, часто истребляются туманами и морозами, которыхъ дѣйствіе не замѣтно на холмахъ Соррея и Миддльсекса.

Но вотъ фактъ, противорѣчащій этому заключенію: господинъ Омалиуэ Галлоа (Omalius d'Halloy) говоритъ, что въ окрестностяхъ Литтиха болѣзнь преимущественно обнаружилась на земляхъ сухихъ и возвышенныхъ. Для поясненія этого противорѣчія, скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи почвы въ этомъ случаѣ.

Нѣкоторые наблюдатели, замѣтивъ, что болѣзнь картофеля обнаруживается, по-видимому, случайно, гдѣ ни попало, заключили изъ этого, что причиною болѣзни худая обработка земли подъ картофель. Не отвергая вполнѣ этого мнѣнія, мы полагаемъ, однако же, что самые явные факты не позволяютъ принимать его безусловно. Мы видимъ, что картофельный недугъ появлялся въ разныхъ странахъ и мѣстахъ, и между прочимъ въ такихъ, гдѣ картофель воздѣлывается весьма тщательно. Извѣстно, что болѣзнь картофеля появлялась именно у тѣхъ агрономовъ, которые слишкомъ тщательно воздѣлывали и удобряли картофельныя поля.

Линдлѣ приводитъ очень любопытный фактъ. Одинъ довольно обширный участокъ земли, который въ предшествовавшемъ году служилъ выгономъ, былъ съ осени обработанъ весьма тщательно, и какъ онъ находился между двумя дорогами, то прилегающія къ нимъ полосы были удобрены навозомъ, который оставили лошади проѣзжихъ; потомъ весь участокъ засѣян картофелемъ. Чтò жъ вышло? въ этомъ картофелѣ болѣзнь появилась именно на тѣхъ полосахъ, которыя были унавожены, тогда какъ и слѣдовъ его не было на остальной части поля. Дѣйствіе азотныхъ веществъ обнаружилось съ здѣсь точно такъ же, какъ въ другомъ при-

мѣръ, приведенномъ аббатомъ Мишо, когда кустъ картофеля, зарытый по-неосторожности въ навозную кучу, покрылся грибовидною плѣсенью отъ цвѣтовъ до корней.

Новѣйшія извѣстія, полученныя изъ Сѣверной Америки, удостовѣряютъ насъ, что тамъ болѣзнь картофеля болѣе свирѣпствовала на земляхъ, которыя уже издавна воздѣлываются и, слѣдовательно, болѣе удобряются навозомъ, чѣмъ на новыхъ.

Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что причиною болѣзни картофеля можно скорѣе принять навозъ, которымъ обкладываютъ кусты и что при менѣе тщательной обработкѣ земли и менѣе заботливомъ попеченіи о картофелѣ, болѣзнь шадить его. На этомъ мы покуда остановимся, общая сказать впоследствии о дальнѣйшихъ усиліяхъ къ прекращенію болѣзни и о результатахъ этихъ усилій.

=

О ГЛАВНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ

КЪ УЛУЧШЕНІЮ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССИИ.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
==

Безчисленные средства къ улучшенію у насъ сельскаго хозяйства, придуманныя и сочиненныя нашими пишущими хозяевами, надобно признаться, не подвинули хозяйство впередъ ни на шагъ, не поставили его на степень, соотвѣтственную современному состоянію и требованіямъ науки сельскаго хозяйства, науки рациональной, основанной на опытѣ, на знаніи почвы, климата, и физиологіи растений. Недовѣрчивость читателей-хозяевъ была весьма естественнымъ слѣдствіемъ этихъ безчисленныхъ продуктовъ русскаго агрономическаго пера и только особенныя усилія людей свѣдущихъ и опытныхъ могли пробудить на минуту ихъ вниманіе. Между-тѣмъ наука сельскаго хозяйства, обогащаясь новыми примѣрами и опытами, идетъ впередъ и вопросъ о средствахъ къ улучшенію хозяйства становится въ наше время однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Земледѣльческая производительность наша уже болѣе столѣтія остается въ одномъ и томъ же положеніи, не сдѣлавъ почти никакихъ замѣтныхъ успѣховъ; доходы владѣльцевъ не возрастаютъ, тогда какъ требованія, какъ говорится, идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, то есть, увеличиваются съ каждымъ годомъ чуть не въ геометрической прогрессіи. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей — разореніе, раздробленіе имѣній, и что еще хуже — продажа съ аукціоннаго торгу. Въ настоящее время едва

ли изъ десяти имѣній съищется одно незаложенное. Причина всему этому извѣстна какъ-нельзя лучше, но никто не хочетъ сознаться въ собственной винѣ.

Мы слышимъ безпрерывныя жалобы на плохіе годы, на дороговизну, на все — кромѣ самихъ себя. Дѣтей, говорятъ намъ, нынче воспитывать какъ-нибудь уже нельзя, а для воспитанія ихъ надобно ѣхать въ столицы, въ Москву, въ Петербургъ. Вотъ начало нашего разоренія. Въ Петербургѣ, извѣстно и вѣдомо каждому, — что шагъ, то развязывай кошелекъ. А кто устоитъ противъ соблазнительныхъ приманокъ—ухищреній промышленности индустриальной и гастрономической!.... Ктому же не забудьте—въ Петербургѣ италіянская опера, въ Петербургѣ комедія, настоящая французская комедія съ госиожомъ Плесси. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, оказывается, что Парижъ — удивительный, очаровательный, всемірный Парижъ — вовсе не такъ далеко отъ Петербурга, какъ увѣряютъ календари. Въ лѣтнее время Парижъ отстоитъ отъ Петербурга всего на осемь дней пути. Вѣдь это ближе чѣмъ въ Казань, или въ Пензу. Ну, какъ не съѣздить въ Парижъ! Кто изъ Русскихъ нынче не ѣздитъ въ Парижъ?... И вотъ нашъ сельскій хозяинъ отправляется съ первымъ весеннимъ пароходомъ въ Парижъ, устроивъ предварительно свои хозяйственныя дѣла, то есть, перезаложивъ имѣніе; вотъ онъ и въ Парижѣ, — туристъ, фланеръ, но уже никакъ не сельскій хозяинъ; онъ бродитъ по улицамъ и бульварамъ Парижа, ѣсть у Вежура, лакомится въ Café de Paris; онъ въ оперѣ, въ водевилѣ, у Франкоини; онъ въ обѣихъ палатахъ, въ ассизномъ судѣ.... Наконецъ онъ вспоминаетъ объ отечествѣ — по поводу пустѣющаго кошелька, — вспоминаетъ о сельскомъ хозяйствѣ и собирается слушать о немъ лекціи, какъ-вдругъ приходитъ къ нему письмо отъ его управителя. вмѣсто вожделѣнныхъ денегъ мошенникъ-управитель присылаетъ реляцію о неурожаѣ, о скотскомъ падежѣ, о рекрутскомъ наборѣ!

Такова, по большей части, плачевная, но достовѣрная исторія улучшения нашихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, сельскаго хозяйства. Хозяйство наше, не оживляемое ни капиталами, ни легкими средствами сбыта сельскихъ произведеній, ни хозяйственными свѣдѣніями, по-неволѣ вязнетъ въ топкой тинѣ бездѣйствія. «Что предпринять, на что рѣшиться! восклицаютъ многіе: хозяйство въ упадкѣ, потому что доходы отъ земли ничтожны. Чѣмъ прикажете поправить, улучшить его, когда нѣтъ денегъ, а есть

одни долги, непрерывно возрастающія требованія, шеголихи жены, да подростки дочки, которыхъ нужно пристроить?».....

Вопросъ этотъ, какъ онъ ни кажется труднымъ сначала, можетъ быть разрѣшенъ весьма просто. Не мудрствуя лукаво, мы выскажемъ по этому предмету свое сильное мнѣніе.

Съ одной стороны намъ говорятъ: хозяйство наше въ упадкѣ, потому что цѣны на земледѣльскія произведенія упали, и затѣмъ предлагаютъ разныя средства къ поднятію цѣнъ. Винкая въ эту жалобу, мы желали бы спросить: дѣйствительно ли цѣны на хлѣбъ у насъ упали, и если упали, то отчего, и полно низкія ли цѣны на хлѣбъ причиняютъ упадокъ нашего земледѣлія? Всѣ эти вопросы, на которые мы готовы отвѣчать отрицательно, не были однако жъ предметомъ дѣльныхъ и толковыхъ изслѣдованій, между-тѣмъ какъ являлось множество трактатовъ о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, объ учрежденіи компаній на акціяхъ для торговли хлѣбомъ, о составленіи запасовъ для хлѣбнаго сбыта, о храненіи хлѣба въ магазинахъ, — и о многомъ, чего и не перескажешь. Для исполненія всѣхъ этихъ великолѣпныхъ проектовъ, прежде всего необходимы были огромные капиталы, которыхъ у насъ нѣтъ, да если бъ и были, то могли бы гораздо съ большею пользою быть употреблены на непосредственное улучшеніе нашего хозяйства.

Другіе предлагаютъ средства болѣе рacionales, указывая на плодоперемѣнное хозяйство, какъ единственный якорь спасенія. Средство не дурно, но какъ его выполнить? Для плодоперемѣннаго хозяйства необходимо, чтобы земля доведена была, при достаточномъ удобреніи, до надлежащей степени плодородія, потому что на истощенной почвѣ плодосмѣнное хозяйство никогда не удастся. Для удобренія, нужно имѣть скоть, а чтобы имѣть скоть, нуженъ капиталъ, нужны большіе запасы корма. Сверхъ-того, для введенія плодоперемѣннаго хозяйства, нужны основательныя познанія науки сельскаго хозяйства, — а многіе ли ихъ имѣютъ? многіе ли даже сознаютъ необходимость науки? Главное же препятствіе заключается въ томъ, что при переходѣ отъ трехпольнаго хозяйства къ многопольному, необходимо на вѣскольکو лѣтъ отказаться отъ полученія доходовъ съ мѣнныя — жертва, на которую рѣшятся немногіе.

Иные, болѣе смиренныя духомъ, не пускаясь въ сферу высшихъ соображеній, предлагаютъ другое средство: «уменьшить свои расходы и жить сообразно доходамъ». Это средство совершенно нравственное и спасительное въ высшей степени, по всей

вѣроятности, приходится въ голову тѣмъ избраннымъ судьбою счастливымъ, на долю которыхъ не досталось ни долговъ, ни «недвижимаго имѣнія съ крѣпостною собственностью», которую нужно въ голодный годъ кормить, и уплачивать подати.

Есть еще мнѣніе о причинахъ упадка нашего земледѣія. Причину эту полагаютъ въ исключительномъ произведеніи зерновыхъ хлѣбовъ, и потому совѣтуютъ разводить красильныя, торговыя и лекарственныя растенія. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ хозяевъ, А. И. Пфеллеръ, разсуждая о состояніи хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ: тульской, рязанской, орловской и курской, выражается такъ: «Кчему служатъ наблюденія и опыты для улучшенія сельской промышленности, когда при употребленіи капиталовъ на этотъ предметъ, они безвозвратно поглощаются, какъ дрова сырыя и гнилыя, которыя, не производя никакой теплоты, оставляютъ одни бесполезныя уголья? Кчему обнаруживать ошибки въ земледѣіи, когда въ настоящемъ положеніи, самое земледѣіе, ограничивающееся произведеніемъ ржи и овса, есть уже ошибка?» Затѣмъ господинъ Пфеллеръ весьма хорошо объясняетъ, что въ этихъ губерніяхъ, составляющихъ, по общему мнѣнію, житницу Россіи, «исключительное воздѣлываніе ржи, овса и даже такъ-называемыхъ красныхъ хлѣбовъ, кромѣ ущерба, ничего не приноситъ, и что тотъ кто будетъ въ нихъ сѣять одну рожь и овесъ, не замедлитъ отъ сапоговъ перейти къ лаптямъ».

Замѣчаніе весьма справедливое, но помогутъ ли тутъ красильныя, торговыя и другія растенія? Для успѣшнаго разведенія такихъ растеній нужны сильныя, плодородныя земли; нужно много удобренія, а безъ скота его взять не откуда; сверхъ-того, растенія эти не могутъ быть разводимы безъ замѣны трехпольной системы плодосмѣнною, а это не бездѣлица. Наконецъ, необходимо знать, установились ли на эти произведенія такія требованія и такія цѣны, которыя и при нынѣшнемъ способѣ предложенія рабочихъ рукъ къ землѣ могли бы вознаграждать труды земледѣльца и доставить хорошій доходъ. Давно уже совѣтуютъ у насъ, стараются всячески поощрять разведеніе красильныхъ растеній, и на зло всѣмъ усиліямъ, эта отрасль земледѣія у насъ никакъ не прививается — фактъ, который можетъ служить лучшимъ основаніемъ тому заключенію, что мы до-сихъ-поръ, какъ говорится, «били не по коню, а по оглоблямъ.»

• Журналъ Сельскаго хозяйства и овцеводства №11, 1845 года стр. 92 и слѣдующія.

Вотъ почти весь итогъ средствъ, предлагаемыхъ къ улучшенію нашего хозяйства. Нѣкоторыя другія, частныя средства, употреблемыя для той же цѣли, подходятъ подъ вышесчисленные и если всѣ эти проекты разнятся между собою, смотря по развитію мозговыхъ органовъ проекторовъ, то сходятся зато въ томъ, что всѣ одинаково-безполезны.

Разрѣшеніе вопроса: каинимъ образомъ поддѣть, улучшить наше хозяйство, тѣсно связано со многими весьма важными обстоятельствами, о которыхъ мы скажемъ ниже. Вопросъ этотъ гораздо тѣснѣе касается до нашихъ общественныхъ отношеній, нежели думаютъ составители пресловутыхъ проектовъ. Нельзя приступать къ разрѣшенію такого вопроса, не зная способу распределенія произведеній земли между землевладѣльцемъ, работникомъ и капиталистомъ и ключъ къ разрѣшенію лежитъ въ основаніи цѣлаго зданія экономическихъ отношеній страны. Свойство всѣхъ хозяйственныхъ явленій въ наше время таково, что ихъ никакъ нельзя разсматривать отдѣльно отъ всего экономического устройства общества. Въ самыхъ обыкновенныхъ общежитейскихъ сдѣлкахъ нашихъ, мы по-необходимости приходимъ ко всѣмъ вопросамъ государственной и частной экономіи. Ничтожный кусокъ сахара, зерно соли, представитъ вамъ собою всѣ вопросы о трудѣ, о заработной платѣ, о требованіяхъ различныхъ классовъ общества, о колоніальныхъ интересахъ, о народонаселеніи. Но задача дѣлается еще сложнѣе, она еще болѣе возбуждаетъ участіе, когда дѣло касается сельскаго хозяйства, сельскаго хозяйства Европейской Россіи, страны по преимуществу земледѣльской, страны занимающей собою почти половину Европы, и представляющей столько разнообразія въ мѣстныхъ условіяхъ климата и почвы, въ населеніи, исторической судьбѣ и торговыхъ отношеніяхъ! Важность этой задачи усиливается обстоятельствами настоящаго времени, когда не только во всѣхъ странахъ Европы, но и въ Америкѣ и Африкѣ обратили вниманіе на усиленіе земледѣльской производительности. Рано или поздно, но наше отечество должно необходимо выступить на новое для него поприще хозяйственныхъ улучшеній, и въ виду совершаемыхъ другими народами успѣховъ, утвердить на прочномъ основаніи механизмъ своихъ производительныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ ему предстоитъ сильное соперничество съ иностранными государствами и, кромѣ-того, оно уже въ самомъ себѣ должно удовлетворять новыя потребности, необходимо возникающія при болѣшемъ развитіи гражданственности.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находятся въ настоящее время производительныя силы земледѣлія или, точнѣе, при нынѣшнемъ способѣ приложенія рабочихъ рукъ къ землѣ, никакія частныя мѣры и техническіе приемы, безъ улучшенія механизма рабочихъ силъ, не произведутъ замѣтнаго улучшенія въ состояніи сельскаго хозяйства. Когда-нибудь, при случаѣ, мы ближе рассмотримъ этотъ предметъ, которымъ еще болѣе подтвердится справедливость нашего заключенія о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, которое втеченіи послѣднихъ полутора ста лѣтъ, говоря вообще, нисколько, или почти ни сколько, впередъ не подвинулось. Десятка два-три имѣній, въ которыхъ введены разныя улучшенія, еще ничего не значать въ сравненіи съ сорока милліонами земледѣльческаго населенія и ста милліонами десятинъ обрабатываемой земли. Не въ томъ ли заключается причина этой застойчивости, что образъ приложенія рабочихъ рукъ къ землѣ остается всё тотъ же, какимъ былъ въ старину, *in illo tempore*, и который теперь нисколько не соотвѣтствуетъ развивающимся потребностямъ къ усиленію производительности?

Однако же, скажете вы, измѣнить этого дѣла въ скоромъ времени невозможно и неужели намъ до тѣхъ-поръ оставаться при старомъ порядкѣ, влекущемъ насъ къ разоренію? Отвѣтъ очевиденъ и мы постараемся въ настоящей статьѣ указать надежнѣйшее къ тому средство, къ которому привели насъ долголѣтнія наблюденія надъ ходомъ и состояніемъ науки, въ приложеніи ея къ практикѣ.

Въ странахъ, въ которыхъ земледѣліе стоитъ на высокой степени совершенства, капиталъ, обращенный на землю, весьма значителенъ, особенно по сравненію съ странами, въ которыхъ земледѣліе въ плохомъ состояніи. Въ Англіи или Бельгіи фермеръ, для успѣшнаго обработыванія земли, долженъ непремѣнно имѣть въ своихъ рукахъ капиталъ по-крайней-мѣрѣ въ десять разъ болѣе, нежели откупная сумма, платимая имъ за наемъ земли. Эта соотвѣтственность огромности капиталовъ употребленныхъ на землю, къ степени совершенства земледѣлія, такъ постоянна, что можно безошибочно сказать: «гдѣ бѣденъ земледѣлецъ, тамъ плохо и земледѣліе». Но изъ этого еще ни какъ не слѣдуетъ заключать, что капиталъ есть «причина», а совершенство земледѣлія есть «слѣдствіе», хотя многіе изъ нашихъ, такъ-называемыхъ «агровомовъ», и статистиковъ именно такъ и думаютъ. По ихъ мнѣнію, есть только одно средство улучшить у насъ сельское хозяйство: «обратить на него по-больше капиталовъ». Нужно ли говорить какъ невѣренъ такой взглядъ? Скажите, какое улучше-

не въ сельскомъ хозяйствѣ произвело капиталы, полученные у насъ владѣльцами подъ залогъ ихъ имѣній? Земледѣльческая промышленность въ отношеніи къ средствамъ производства имѣетъ большія преимущества передъ промышленностью мануфактурною и торговою. Мануфактурная промышленность обрабатываетъ сырыя произведенія, для пріобрѣтенія которыхъ она должна имѣть уже готовые средства, — деньги; земледѣіе не покупаетъ своихъ первообразныхъ матеріаловъ, — оно само ихъ производитъ. Поэтому, первая должна заимствовать извнѣ капиталы, нужные въ производствѣ; они ей необходимы въ самомъ началѣ; съ ними только начинается ея жизнь. Земледѣіе же можетъ находить въ себѣ самомъ большую часть тѣхъ средствъ, которыя ему нужны на первыхъ порахъ. Скажемъ болѣе. Изъ капиталовъ, самые полезныя для земледѣія суть именно тѣ, которые оно заимствуетъ не извнѣ, а изъ самого себя.

Дѣйствительно, всякому, кто вглядывался въ состояніе у насъ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, и особенно сравнивалъ нынѣшнее положеніе съ прошедшимъ, извѣстно, что займы рѣдко приносили прямую пользу земледѣію; чаще они обращались ему въ тягость. Напротивъ, навѣрное можно сказать, что большая часть лучшихъ хозяйствъ приведены въ хорошее состояніе собственными средствами. Изъ этого можно заключить, что недостатокъ капиталовъ, употребленныхъ на земледѣіе, есть не причина, а слѣдствіе плохого состоянія у насъ сельскаго хозяйства.

Земледѣіе, въ самомъ началѣ своего существованія, имѣетъ въ самомъ себѣ достаточно капиталовъ, для того, чтобы создать всѣ тѣ, которые ему нужны будутъ впослѣдствіи. Дѣйствительно, въ чемъ состоятъ потребныя для земледѣія капиталы? Орудія, рабочія руки, сѣмена, рабочіи и гулевой скотъ, навозъ, солома, сѣно и вообще кормъ для скота. На покупку орудій можно много тратить денегъ; земледѣіе имѣетъ также свою роскошь, и часто неопытные люди видятъ въ этой роскоши — богатство. Но, собственно говоря, истинно полезныхъ земледѣльческихъ орудій немного и капиталъ нужный для пріобрѣтенія одного необходимаго и полезнаго количества ихъ, не великъ. Правда, большія хозяйства находятъ выгоду въ употребленіи сложныхъ мельничныхъ механизмовъ, молотильнъ, вѣялокъ, сѣялокъ и тому подобнаго; но такія хозяйства вездѣ, такъ точно какъ и у насъ, исключенія. Хорошая телѣга, хорошій плугъ, или соха, удобная борона, катокъ, — вотъ всѣ орудія, которыя нужны для хорошаго обработыванія земли. Часто плугъ или соха кажутся весьма несовершен-

ными и неудобными для хорошей обработки, но дѣла не въ цѣнности орудія, а въ его «арми» и умѣньи употребленія. Какой-нибудь заморскій плугъ, весьма хорошій въ рукахъ опытныхъ хозяевъ, оказывается мнѣе пригоднымъ въ рукахъ тѣхъ хозяевъ, которые, къ сожалѣнію, составляютъ большинство русскихъ хозяевъ. Чтò, кажется, не совершеннѣе литовской сохи, а между тѣмъ ею отлично обрабатываютъ поля въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Для пріобрѣтенія рабочихъ рукъ, конечно, нуженъ и некоторый капиталъ, тамъ, гдѣ всѣ работы производятся наймомъ. Но у насъ этотъ способъ употребляется только въ южной, степной полосѣ Россіи; въ средней же и сѣверной, сплошь да рядомъ, хозяйство производится у помѣщиковъ — барщиною, а у крестьянъ собственными руками. Двухъ работниковъ, двухъ работницъ и сколько-нибудь дѣтей достаточно для того, чтобы, при надлежащемъ количествѣ скота, обработать отъ десяти до пятнадцати десятинъ земли, и притомъ обработать гораздо лучше нежели досихъ-поръ дѣлается. Такое число рабочихъ найдется вездѣ. Слѣдовательно, недостаетъ не рабочихъ рукъ, а умѣнья употребить съ большою пользою тѣ рабочія силы, которыя вездѣ есть.

На пріобрѣтеніе хорошихъ сѣмянъ не нужно капиталовъ. У порядочнаго хозяина всегда сѣмена хороши, а у плохаго они стары, и дурнаго качества и сорта. Но тутъ ужъ просто недостаетъ умѣнья, и — болѣе всего доброй воли, — а не денегъ.

Наконецъ, одна изъ существенныхъ потребностей сельскаго хозяйства есть скотъ, какъ рабочій, такъ и гулевой, и въ этомъ отношеніи въ хозяйствѣ сѣверной и средней Россіи замѣчается большой недостатокъ. Вездѣ жалуются на малое количество скота, на дурныя его качества, на недостаточность кормовыхъ для него средствъ. Но могутъ ли въ этомъ случаѣ пособить деньги? Положимъ, вы купите скотъ, но гдѣ возьмете для него корму? Если станете и кормъ покупать, то можете смѣло рассчитывать на убытокъ. При недостаткѣ повсемѣстно кормовыхъ средствъ, вы не можете купить ихъ дешево, даже не всегда и съ деньгами можете купить, и потому кушленнымъ кормомъ не доведете скотоводство до хорошаго состоянія. Ктому же можно ли и должно ли расчетливому хозяину покупать нужный ему скотъ разомъ? Безъ-сомнѣнія тутъ была бы простая трата денегъ, которыя ужъ въ такомъ случаѣ лучше проиграть въ преферансъ, чѣмъ бросить на покупку сотни, другой головъ скота, не привыкшаго ни къ мѣстности, ни къ корму и который

поэтому не выживетъ долго. Самое надежное скотоводство тамъ, гдѣ порода разведена и улучшена изъ самой себя, при хорошей случкѣ, при постепенномъ приученіи скота къ данной мѣстности, къ надѣльному, имѣющемуся въ хозяйствѣ корму. Хотите улучшить породу — купите племенныхъ самцовъ и самокъ, въ небольшомъ числѣ, для улучшения крови, это дѣло; — но избави васъ Богъ покупать скотъ цѣлымъ стадомъ, если не хотите быть въ накладѣ.

Какъ бы то ни было, вамъ нуженъ скотъ, рабочій и гулевой, для навоза; а для того, чтобъ былъ скотъ, прежде всего нуженъ для него достаточный кормъ. Какъ эта истина ни кажется ясною для всякаго, даже не хозяина, однако она не признается у насъ на практикѣ большею частью хозяевъ. У насъ принято за основное правило хозяйства — кормить скотъ какъ-можно менѣе; поѣденный скотомъ кормъ, у насъ многіе считаютъ чистымъ убыткомъ. Вся задача кореннаго русскаго хозяина состоитъ въ томъ, чтобы дойти до разрѣшенія задачи, какимъ возможно меньшимъ количествомъ корма поддержать жизнь животнаго? И если скотина кое-какъ дожила до весны, то и дѣло въ шляпѣ. Съ такими хозяевами и толковать нечего. И такъ, мы обращаемся только къ хозяевамъ, понимающимъ свои выгоды, а выгоды хозяина состоятъ въ томъ, чтобы скотъ кормить *какъ можно лучше*. Математическій расчетъ можетъ показать, что меньшее количество скота при хорошемъ кормѣ, даетъ больше выгоды, чѣмъ большее количество при худомъ кормѣ.

И такъ, кормовыя средства составляютъ основную капиталъ въ земледѣліи; но необходимо, чтобы земледѣліе ихъ само произвело. До-тѣхъ-поръ, пока сѣно и другія кормовыя средства не будутъ производиться въ самомъ хозяйствѣ, до-тѣхъ-поръ капиталы, которые вы станете употреблять на ваше хозяйство, будутъ поглощаться безвозвратно. Но какимъ образомъ производить въ хозяйствѣ достаточное количество корму? Завести ли травосѣяніе, ввести ли плодосменное хозяйство, разводить ли порочнолюдиныя растенія? Чтобы дать на этотъ вопросъ отвѣтъ удовлетворительный, разберемъ дѣло по порядку.

Во всей сѣверной и средней Россіи первымъ и необходимымъ условіемъ успѣху въ земледѣліи есть — *навозъ*. Безъ навозу здѣсь невозможно земледѣліе. Только въ одной южной, степной полосѣ Россіи, гдѣ при избыткѣ земель и малочисленности народонаселенія господствуетъ выгонная, или, переложная система хо-

зайства, посѣвы хлѣба могутъ производиться безъ удобренія, и то до-поры до-времени.

Относительно количества навозу, нужнаго на десятину, хозяева не совсѣмъ согласны; но лучшіе изъ нихъ считаютъ, что отъ тысячи-осьмисотъ до двухъ-тысячъ-четырехъ-сотъ пудовъ, весьма достаточно на указную десятину въ двѣ тысячи четыреста квадратныхъ сажень. Если при удобреніи въ тысячу осемьсотъ пудовъ, положить на неслишкомъ истощенной землѣ, средній урожай ржи отъ самъ-осьми до самъ-деяти (то есть, десять четвертей), и овса самъ-четыре съ половиною (то есть, тринадцать четвертей), то, при нынѣ благополучно существующей трехпольной системѣ получится: съ десятины ржи двѣсти пятьдесятъ осемь пудовъ соломы, а съ десятины яроваго хлѣба сто шестьдесятъ четыре пуда. Сверхъ-того можно положить съ десятины пастбищъ въ парѣ пастбищъ по живнью, тридцать пудовъ скотскаго корму. Итого съ трехъ десятинь четыреста пятьдесятъ два пуда корму, изъ котораго выйдетъ девятьсотъ пудовъ навозу. Слѣдовательно, для удобренія одной десятины въ пропорціи тысячи осмисотъ пудовъ, будетъ недоставать девятьсотъ пудовъ. Для полученія этого недостающаго количества навозу, нужно добыть въ хозяйствѣ еще четыреста пятьдесятъ пудовъ корму, то есть, ровно столько, сколько получается съ полей, при трехмѣнномъ хозяйствѣ. Единственное средство къ полученію этого недостающаго количества корму, — луга.

Но что у насъ даютъ луга? Всякому извѣстно, какіе у насъ повсемѣстно луга и какіе съ нихъ получаютъ укусы. Хорошіе, орошаемые луга въ Италіи и Южной Франціи даютъ до пяти-сотъ пудовъ сѣна. У насъ, въ молочанскихъ колоніяхъ, въ таврической губерніи, лѣтъ десять назадъ, луга давали отъ осмидесяти до ста пудовъ сѣна, а теперь, съ введеніемъ, въ 1835 году, орошенія, луга даютъ до трехсотъ пудовъ. Къ-сожалѣнію, это одинъ изъ весьма немногихъ примѣровъ улучшенія луговъ; вообще же у насъ луга въ самомъ запущенномъ положеніи, и наши хозяева не помышляютъ не только объ орошеніи ихъ, но даже о простомъ очищеніи отъ кочекъ и моху и объ огражденіи отъ погравы скотомъ. При такомъ положеніи наши луга даютъ укусу никакъ не болѣе ста и ста десяти пудовъ сѣна, да осеннимъ пастбищемъ около пятнадцати пудовъ. Выговы, какіе существуютъ при большей части хозяйствъ, никакъ не могутъ быть оцѣнены по количеству доставляемаго ими корму, выше половины противъ луговъ, то есть, пятидесяти-пяти пудовъ съ

десятины. И такъ, для полученія четырехъ сотъ-пятидесяти пудовъ корму, нужно имѣть, при трехпольномъ хозяйствѣ, по-крайней-мѣрѣ :

три десятины луга . . . . . 330 пудовъ.
двѣ десятины выгону . . . . . 110 пудовъ.

Итого . . . . . 440 пудовъ.

Изъ этого арифметическаго расчета, основаннаго на опытахъ, выходитъ неопровержимое заключеніе, что для произведенія показанныхъ урожаевъ, въ трехпольномъ хозяйствѣ, необходимо, чтобы на одну десятину трехпольнаго клину, приходилось по одной десятинѣ луга и по двѣ трети десятины выгона. Мы увѣрены, что опытные хозяева никакъ не назовутъ наши расчеты преувеличенными. Для большаго доказательства справедливости нашихъ словъ, мы приведемъ слова извѣстнаго нашего агронома, Е. С. Карновича. Въ 1839 году онъ писалъ слѣдующее : «въ трехпольномъ хозяйствѣ, для поддержанія земли въ средственномъ состояніи и безъ истощенія, нужно, по-крайней-мѣрѣ, столько десятинъ хорошей луговой земли, сколько пахатныхъ десятинъ въ одномъ полѣ: притомъ надобно, чтобы луга давали не менѣе 150 пудовъ сѣна съ десятины.» Это заключеніе почтеннаго хозяина какъ-нельзя лучше подтверждаетъ наши расчеты.

У насъ вездѣ существуетъ трехпольная система, но есть ли притомъ нужное по этимъ расчетамъ количество луговъ? Въ томъ-то вся и бѣда, что нѣтъ! Немногія имѣнія, въ которыхъ есть достаточно луговъ, суть рѣдкія исключенія; а въ общей сложности луговъ гораздо менѣе чѣмъ пахотной земли. По нѣкоторымъ губерніямъ, по которымъ есть хоть сколько-нибудь надежныя числовыя свѣдѣнія *, оказывается :

Въ губерніяхъ :	Количество десятинъ луговъ.	Количество десятинъ пашни.	На одну десятину луговъ приходится пашни.
Московской	284,613	1,102,771	4
Владимірской	270,760	1,165,281	4
Гродненской	336,208	1,339,693	4
Орловской	381,280	2,213,281	5½
Рязанской	277,488	1,708,859	6
Нижегородской	251,173	1,785,030	7

* Эти свѣдѣнія заимствованы изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ 1843 года. Часть IX.

Тульской	213,178	1,889,317	8 $\frac{1}{2}$
Калужской	150,916	1,259,976	8 $\frac{1}{2}$
Могилевской	151,192	1,561,958	10
Витебской	150,256	1,726,737	11 $\frac{1}{4}$

Вотъ ряды цифръ, изъ которыхъ видно, въ какомъ жалкомъ положеніи находится у насъ луговое хозяйство. Вмѣсто-того, чтобы на одну десятину пашни приходилось по десятигѣ и болѣе луговъ, выходитъ, на оборотъ, что на одну десятину луговъ приходится, въ разныхъ губерніяхъ, отъ четырехъ до одиннадцати десятинъ пашни. Замѣьте притомъ весьма любопытное обстоятельство: въ приведенной выше таблицѣ, губерніи размѣщены по количеству въ нихъ луговъ относительно пашень; — вмѣстѣ съ тѣмъ это почти тотъ же порядокъ, въ которомъ слѣдовало бы ихъ размѣстить, если бы мы хотѣли расположить ихъ по степенямъ большаго или меньшаго развитія въ нихъ сельскихъ хозяйственныхъ улучшеній.

V.

К Р И Т И К А.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА. *Изданіе Д. П. Штуккина, 1845 года* *.

Вотъ что было написано для русскаго общества въ
конць семнадцатаго вѣка :

О братія наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь.

Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?

Смѣло дерзайте
Пока живете.
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,

До конкхъ мѣсть сердце въ тѣхъ живетъ.

.....
Братія любимая!
Испійте вина,
Силу бо дастъ,

* Въ одномъ изъ предшествующихъ годовъ, сочиненія державина были разобраны съ Б. для Ч. и теперь по случаю новаго изданія ихъ, мы посвящаемъ имъ новый разборъ, бывъ увѣрены, что повтореніе о Державинѣ никогда не можетъ быть ни лишнимъ, ни скучнымъ.

Внутри укрѣпляетъ,
 Что и смерти не убоятся.
 Вино же творить,
 Да ся веселить
 Человѣкъ во житіи,
 Также при смерти.
 Тамъ же исполнено храбростию.
 Любима братья!
 Прохлаждайтесь,
 Союзъ отженяйте
 Ружьемъ готовьте....

Это писалъ Симеонъ Полотскій, одинъ изъ замѣчатель-
 нѣйшихъ людей своего времени по уму и образованію.

А въ концѣ осмнадцатаго вѣка мы читаемъ, на примѣръ,
 въ описаніи пиршества, устроеннаго Потемкинымъ для Им-
 ператрицы Екатерины Второй:

Богатая Сибирь наклонилась надъ столами
 Разсыпала по нихъ и золото и серебро,
 Восточный, Западный сѣдые океаны,
 Трясая челами, держали рѣдкихъ рыбы;
 Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи
 Украина, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
 Взычанна классами хлѣбъ Волга подавала,
 Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
 Рифей, нагнувшись, въ топазы, аметисты
 Лилъ кубки медь золоты, дровъ искрометный сокъ
 И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
 Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
 Въ сарфюръ, кристалъ чужія питья, свѣди,
 Носила по гостямъ какъ-будто бы стыдась,
 Что потчивать должна такъ прихоть по-неволю.
 Обиле тучное всѣмъ простирало длань.
 Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
 Казалось, ожили, и рданы лица ихъ
 Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
 Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
 Какъ-будто изумясь, сойти со стѣнъ хотѣли
 И спросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
 Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Умственное состояніе общества, ничего не порождавшего кромѣ виршей Полотскаго, должно было подвергнуться чрезвычайному измѣненію, прежде чѣмъ могло увидѣть съ своей средѣ идеи, образы и краски, подобные приведеннымъ нами. Различіе между стремленіями и фактами мысли, воображенія и чувства въ той и другой эпохѣ, столь же неизмѣримо, какъ различіе между порченіемъ прекраснаго дѣла, за которое берутся, совершенно не понимая его и между самымъ дѣломъ. И кто бы могъ надѣяться, что недале, какъ внуки поколѣнія, наслаждавшагося «Навуходоносоромъ» и прочая, будутъ въ состояніи написать и читать оду: «Богъ», «Фелица», «Водопадъ», «На смерть князя Мещерскаго?» Чтобы объяснить *законнымъ порядкомъ* этотъ смѣлый полетъ ума, это пылкое юношеское увлеченіе вопросами великими, всечеловѣческими, это благородное эстетическое воззрѣніе на природу, этотъ языкъ, надобно предположить, что общество, сдѣлавшее все это возможнымъ для себя, прожило огромное достояніе идей и чувствованій, что оно переходило надежными шагами отъ одного умственного успѣха къ другому и, наконецъ, достигло такихъ слѣдствій рядомъ систематически предпринятыхъ и направленныхъ усилій. Известно, что ничего подобнаго не было. Все это произошло *не по историческимъ законнымъ основаніямъ*, хотя и не безъ законнаго основанія: иначе, конечно оно и не могло бы произойти. Основаніе это, кромѣ генія Петра, заключается въ самомъ народѣ, исторгнутомъ имъ у мрака и предразсудковъ: въ его врожденной доступности ко всѣмъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ челоуѣчества, въ его склонностяхъ дѣйствовать не ослабляя своей энергіи вопросами: зачѣмъ надобно дѣйствовать такъ, а не иначе, и что изъ этого выйдетъ? въ свойствѣ его дарованій, которыя могутъ предпринять все, и то, что намѣрены и даже то, чего не хотятъ выполнить, — могутъ успѣть во всемъ, доверяя сперва удачѣ, а потомъ самимъ себя, наконецъ, въ логику его ума, которая не любитъ дѣ-

лать полныхъ силлогизмовъ , а всегда выбрасываетъ изъ него какую-нибудь посылку , чтобы кратчайшимъ путемъ дойти къ цѣли. Народъ съ такими качествами способенъ ознаменоваться порывами и дѣлами , по-видимому не подходящими подлѣ обыкновенныя правила историческаго прагматизма. Отъ Симеона Полоускаго, онъ легко можетъ въ пол-столѣтїе возвыситься до Ломоносова и Державина.

Державинъ , какъ и Ломоносовъ , есть истинный представитель нашего нравственнаго могущества и той глубокой симпатїи ко всемъ великимъ истинамъ науки и искусства , которыя , вопреки всемъ азіатскимъ искушенїямъ , сохранили въ насъ способность къ нравственному перерожденїю и къ европейскому образу существованїа. Оба созданы новою эпохою , новыми потребностями Россїи и оба , на степени указанной имъ судьбою , блистательно выполнили свое призванїе — быть родоначальниками идей и направленїа , какїя оказались для насъ неизбѣжными со времени преобразованїа. Они нашли , такъ - сказать , двери отворенными на поприще науки и искусства ; для высокнхъ инстинктовъ , таившихся въ ихъ благородной натурѣ , уже была , по-крайней-мѣрѣ , возможность проявленїа и дѣятельности. Но это было и все , что дали имъ обстоятельства и время. Удивительно ли , что они дѣйствовали орудїями и способностями , какїя передала имъ чуждая образованность ? Упреки , которые бы можно сдѣлать имъ за ихъ недостатки и за ошибки формъ исчезаютъ въ изумленїи , которое невольно исторгаютъ у потомства ихъ заслуги. Эти недостатки и ошибки принадлежать ихъ положенїю и вѣку , но сила животворной мысли , отъ которой зачерствѣлыя души впервые ощутили въ себѣ святыя человѣческія влеченїа къ истинѣ и красотѣ , была ихъ собственностїю ; за нее они обязаны только русской природѣ и своему гевїю.

Державинъ , безспорно , принадлежитъ къ необыкновеннымъ явленїямъ человеческой , следовательно и нашей ис-

торіи. Одаренный самобытными, великими стремлениями мысли и силою облекать ихъ въ поэтическіе образы, онъ блистательно защитилъ дѣло нравственнаго могущества и принциповъ предъ грубыми матеріальными интересами и впечатлѣніями. Онъ дважды завоевалъ свое мыслительное, поэтическое призваніе, одинъ разъ у судьбы, которая ни на минуту не улыбнулась его юности, когда таланту такъ нужна ободрительная улыбка, и въ другой разъ у общества, которое еще не понимало другого призванія, кромѣ чиновническаго. Посмотрите, какимъ скорбнымъ путемъ шелъ онъ къ своей цѣли, которой даже собственное благоразуміе не могло оправдать, а оправдывала развѣ одна страсть. Сперва школьникъ, лишенный возможности учиться, послѣ солдатъ, сочиняющій письма для женъ своихъ товарищей, въ стѣнахъ казармъ, которыя были его Парнасомъ и жилищемъ, копающій каналы и едва не замерзшій на часахъ, утѣсняемый полковымъ секретаремъ, — какими впечатлѣніями могъ онъ питать свою энергическую душу, жаждавшую великаго и прекраснаго? Не должно ли было все, что его окружало и что она испытывала, поработить сердце его одному желанію — улучшить матеріальный свой жребій, добиться чина, выгоднаго мѣста, жены и горшка шей съ домашняго очага? Державинъ въ терпѣніи стяжалъ свой гений въ такое время, когда подобное терпѣніе не имѣло даже смысла въ глазахъ общества — и благороднѣйшая слава, какою только можетъ украситься человекъ, слава страданія за мысль, не могла воодушевлять его. Никто не понималъ бы, что можно любить истину, искусство, для нихъ самихъ и жертвы, приносимыя умственнымъ цѣлямъ жизни, а не матеріальнымъ выгодамъ, сочли бы скорѣе безуміемъ, достойнымъ дома сумасшедшихъ, чѣмъ правомъ на удивленіе и гражданскую почеть. Державинъ самъ долго не понималъ нравственнаго достоинства своей любви и крѣпости, съ какою сохранялъ онъ это драгоценное перло своей души среди неприязненнаго порядка вещей. Онъ терпѣлъ тихо, безъ жалобъ и

ропоту, считая свою солдатскую жизнь своимъ дѣломъ, а поэзію забавою, утѣшеніемъ въ грустныя минуты и не дерзая признавать въ ней право на вниманіе и снисхожденіе людей. Кто бы могъ подумать, что въ этомъ долготнѣмъ солдатѣ, въ этомъ услужливомъ секретарѣ казарменныхъ дамъ, въ этомъ унтеръ-офицерскомъ остроуміи, осмѣявшемъ любовницу господина полковаго секретаря и за то подвергшемся опасности остаться надолго въ услуженіи своихъ воинственныхъ и дородныхъ красавицъ, — кто бы могъ подумать, что въ этомъ странномъ смѣшеніи разныхъ житейскихъ невгодъ, въ этомъ химическомъ броженіи самыхъ грубыхъ веществъ, вырабатывается и зрѣетъ одно изъ блистательнѣйшихъ умственныхъ величій русскаго народа?...

Наконецъ Державинъ понять и оцѣнить Екатериной Второй, которой величайшая историческая заслуга состоятъ въ томъ, что она умѣла понять и оцѣнить народъ свой и довершая подвигъ Петра, стремилась возвысить въ немъ достоинство національное достоинствомъ человеческимъ. Уважая его, она хотѣла дѣйствовать на него столько же идеями, сколько мѣрами, и въ Державинѣ видѣла одного изъ тѣхъ нравственныхъ дѣятелей, которые вносятъ въ умы животворное начало движенія и развитія. Несмотря на то, что по духу времени, Державинъ не могъ посвятить себя исключительно искусству и долженъ былъ раздѣлять свои силы между заботами административными и начинаніями творчества, онъ однако жъ былъ уже въ состояніи самъ поэта предъявить обществу наравнѣ съ чиномъ по службѣ.

Для Державина поэзія была, если не исключительною, то важнѣйшею задачею его жизни, потому что она составляла врожденную силу его души, способъ, какимъ онъ долженъ былъ осуществить свое нравственное назначеніе въ міръ. Если бъ онъ родился въ такое время, когда для подобнаго призванія не существовало бы вовсе спеціальнаго поприща, онъ выразилъ бы преобладающій въ немъ элементъ въ другой формѣ — онъ былъ бы

лирикомъ въ жизни, въ поступкахъ, можетъ быть, увлекался бы здѣсь не ясными идеальными порывами и, разумѣется, къ собственному вреду. Такъ бываетъ всегда съ этими *чрезвычайными* организаціями души, въ которыхъ природа полагаетъ зародышъ особенныхъ нравственныхъ настроеній и дѣятельности и которымъ отказывается въ соответственныхъ орудіяхъ и пособіяхъ, и бросаетъ ихъ на путь, гдѣ онѣ должны вопреки самимъ себѣ, подвергнуться другому закону развитія. Образованность, между прочимъ, и тѣмъ важна, что она всякому истинному человѣческому призванію даетъ сферу, способъ и побужденія, и, слѣдовательно, такъ-сказать, творитъ дѣятелей для всѣхъ потребностей великаго нравственнаго міростроенія, для всѣхъ видовъ исторіи. Бывъ однимъ изъ такихъ дѣятелей въ благороднѣйшей сферѣ, въ сферѣ искусства, полный высокихъ вѣрованій и стремленій, внутренней силы и воспріимчивости, Державинъ естественно долженъ былъ войти въ живое сочувствіе съ жизнью, со всѣми лучшими интересами человѣчества, не отвлеченнаго, но дѣйствительнаго, осязательнаго, скорбящаго и радующагося, способнаго къ величію и обреченнаго на паденіе. Онъ не могъ быть только стихослагателемъ или исполнителемъ литературныхъ теорій, формалистомъ художникомъ, который думаетъ болѣе о слогѣ, завязкѣ и развязкѣ, чѣмъ объ идеяхъ и истинѣ. Этимъ однимъ уже онъ стоитъ высоко надъ современными ему писателями, изъ которыхъ немногіе видѣли въ литературѣ, въ поэзіи дѣло, силу общественную, и большая часть считала ее слаганіемъ изъ словъ красивыхъ и пріятныхъ вещицъ, годныхъ для забавы пріятелей или для развлеченія покровителей. Формалистическо-художественное направленіе, состоящее въ одной обработкѣ внѣшней стороны произведенія, по извѣстнымъ правиламъ теоріи, было общимъ въ тогдашней нашей литературѣ, слишкомъ юной, чтобы заниматься идеями. Были немногія исключенія изъ этого, впрочемъ естественнаго, хода вещей, и Державинъ составляетъ блистательнѣйшее изъ нихъ. Правда, и онъ

не вполне избѣжалъ вліянія времени; господствовавшія понятія школы нерѣдко опутывали и его смѣлый геній, и у него встрѣчается риторическое убранство рѣчи, фигуральность, очевидно проистекающая отъ ложныхъ понятій объ украшеніяхъ поэтическаго языка, общія мѣста, приводимыя единственно для округленія пьесы, амплификаціи, сентенціи и тому подобное. Но вспомните, съ какими многоразличными препятствіями суждено было сражаться Державину и не укоряйте его, что онъ не изъ всѣхъ вышелъ побѣдителемъ: онъ торжествовалъ надъ сильнѣйшими, и многими и въ вѣнецъ его много лавровъ перевитыхъ терніемъ, купленныхъ дорогою цѣною. Онъ героически превозмогъ свою эпоху въ такой битвѣ, которая была страшнѣе школъ и теорій, одолеваящихъ умы, болѣе вооруженные пособіями внѣшними, болѣе покровительствуемые обстоятельствами, онъ превозмогъ въ этой битвѣ духъ общества, полувраждебный всякой умственной заслугѣ, полупрозрачный, полуготовый для священныхъ манітей искусства.

И это общество однако жъ было живою силою, въ которой надлежало искать стихій для своей мысли, чтобы она не была пустою игрою отвлеченностей; надлежало возвышенные интересы разума и эстетическаго чувства связать съ его нуждами, чтобы они сдѣлались и плодоносящими и существенными. Державинъ не могъ быть поэтомъ грезъ, поэтомъ мечты, личныхъ впечатлѣній, жадныхъ къ зефирамъ, къ лунѣ, къ цветамъ, дѣвамъ и жадность свою считающихъ заслугою, точно такъ же какъ онъ не могъ быть только формалистомъ-писателемъ. Онъ былъ поэтомъ-мужемъ, дѣятелемъ нравственнаго порядка, зиждительнымъ могуществомъ, полнымъ событіемъ, тѣмъ могуществомъ, которое не испаряется въ пустыхъ отвлеченностяхъ, а печатлѣетъ себя знаменіями неизгладимыми на своей эпохѣ. На какихъ же точкахъ опоры онъ утвердился, чтобы вступить съ ней въ соприкосновеніе?

Поэты, современные Екатеринѣ Второй, назвали царствованіе ея на своемъ фигуральномъ нарѣчійъ въкомъ

Астрей. Они были некоторымъ образомъ правы. Россія только-что пережила реформу Петра, которая обѣщала великую будущность, но требовала отъ народа усилій чрезвычайныхъ и шла къ своей цѣли съ шумомъ и тревогами бури, сокрушавшей застарѣлую окрѣпость апатическаго покоя; она пережила Бирона съ его желѣзнымъ эгонизмомъ, съ его грабежами, пытками и презрѣніемъ къ народному чувству. Съ Екатериной Второй она увидѣла расцвѣтающую зарю дня, обѣщаннаго ей Петромъ Великимъ, — первые лучи образованности всеоживляющей, вносящей во все законы, порядокъ, уваженіе къ чело-вѣческому достоинству и начала вѣрить въ ея блага. Въ правительственной системѣ Государыни ума обширнаго, образованности утонченной и сердца великаго, она увидѣла вдругъ и довѣренность къ себѣ и уваженіе, и любовь, и прощеніе невольныхъ грѣховъ своего умственнаго бездѣйствія вмѣстѣ съ признаніемъ своихъ истинныхъ, ничѣмъ не омрачаемыхъ достоинствъ. Общество свободно начало раскрываться къ принятію ощущеній, какія приносятъ съ собою успѣхи разума; оно уже приготавливалось, воспитывалось прямо для сочувствія всему прекрасному, великому, челоувѣческому. Въ мысли пріучались находить цѣну, лично ей принадлежащую, безъ размына ея на мелкія житейскія нужды; начинали чувствовать потребность науки, лучшихъ понятій о челоувѣческихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о нравственности. Все это происходило тихо, непримѣтно, почти безъ сознанія. Многое, такъ-сказать, заключалось еще въ однихъ намѣткахъ, гаданіяхъ, смутныхъ предчувствіяхъ и стремленіяхъ. Но жребій былъ уже брошенъ; общество преобразовывалось съ тѣмъ, чтобы надломленные Петромъ дикія прививки дикихъ татарскихъ понятій и нравовъ, сломать окончательно, бросить и никогда къ нимъ не возвращаться.

Между-тѣмъ какъ челоувѣчественный геній Екатерины дѣйствовалъ такъ благотворно во внутреннемъ составѣ общества, ея геній царственный окружалъ его извнѣ блескомъ и величіемъ. Оружіе ея торжествовало надъ врагами,

идеи были чтимы въ совѣтахъ царей. Подвиги избранныхъ ею вождей и людей государственныхъ отличались какими-то особенными грандіозными видами и ихъ характеры, при всей роскоши, нѣгѣ и утопченности вѣка, носили на себѣ черты мужественной силы и глубокомыслія. Народъ славу эпохи считалъ своимъ достояніемъ, былъ проникнутъ восторгомъ и вѣрилъ счастію.

Среди такихъ-то обстоятельствъ общества, Державинъ явился съ лирою, и по своей величавой природѣ, тотчасъ пришелъ въ сочувствіе съ *тремя* великими двигателями своего времени, съ стремленіемъ къ идеямъ человѣческимъ, съ юношески-расцвѣтающею славою своего отечества и духомъ Екатерины Второй: Отсюда-то проистекаетъ содержаніе его пьесъ. Вы вездѣ встрѣтитесь въ нихъ съ тѣми общими рациональными задачами, которыхъ значеніе начало постигать общество, или съ глубокими чувствами патріотически настроеннаго сердца, или съ благоговѣйнымъ восторгомъ къ Императрицѣ, къ которой онъ сверхъ-того былъ привязанъ лично узами благодарности.

Взгляните на Державина, какъ выполняетъ онъ свое служеніе обществу въ первомъ изъ этихъ направленій. Опершись на его новыя потребности, преисполненный живою вѣрою въ великія истины человѣчества, которыя теперь сдѣлались достояніемъ его народа, съ какою энергіей, съ какимъ могуществомъ мысли объемлетъ онъ ихъ въ своемъ стремительномъ полетѣ къ безконечному! Въ какой полнотѣ поэтическихъ образовъ, съ какимъ блескомъ жизни передаетъ онъ ихъ соотечественникамъ, чтобъ воспрянувшему въ нихъ сознанію дать предметы и цѣли, достойные ихъ возрожденія! Вдохновеннѣйшее слово его принадлежитъ Тому, въ комъ заключается начало всякой истины, всякой мысли и силы, возражающей и возвеличивающей духъ человѣческой — Источнику свѣта, кому должна быть принесена и первая жатва просвѣщенія, — Богу. Поэтъ говорить:

Ты цѣль существъ въ себѣ вмѣщаешь, Google
Ее содержишь и живишь,

Коонецъ съ началомъ сопрягаешь
 И смертію животъ даришь.
 Какъ искры сыплются, стремятся,
 Такъ солныцы отъ тебя рождаются;
 Какъ въ мразный, ясный день зимой,
 Пылинки инея сверкаютъ,
 Вратятся, зыблются, сіяютъ,
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой!

Таковы были однѣ изъ первыхъ идей, которыми привѣтствовалъ великій поэтъ умы своего времени! Таковъ неслыханный между ними образъ сочетанія этихъ идей и таковы дивныя краски, которыя извлечены имъ изъ богатой, но неразработанной еще сокровищницы русскаго языка.

Ставъ на этой высотѣ понятій, до которой онъ достигъ такимъ блистательнымъ и смѣлымъ шествіемъ, онъ, естественно, долженъ былъ уже сознать въ себѣ достоинство и величіе человѣка. Законно, торжественно, съ полнымъ довѣріемъ къ судьбѣ человѣчества, онъ могъ произнести:

— Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ щедротъ;
 Во мнѣ себя изображаешь,
 Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.

— — — — —
 Ты есть — природы чинъ вѣщаетъ,
 Гласить мое мнѣ сердце то,
 Меня мой разумъ увѣряетъ,
 Ты есть — и я ужъ не ничто!
 Частица цѣлой я вселенной
 Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
 Срединѣ естества я той,
 Гдѣ началъ тварей ты тѣлесныхъ,
 Гдѣ кончилъ Ты духовъ небесныхъ,
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
 Я крайня степень вещества,
 Я средоточіе живущихъ —
 Черта начальна Божества.

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю —
 Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ!

Послѣ утвержденной такимъ образомъ въ разумъ первенствующей, непреложной, двоякой, но сливающейся во едино истины о Богѣ и человѣкѣ, какія утѣшительныя, великія възрванія должны были осѣнить душу поэта-мыслителя, столь способную развивать свои представленія и чувствованія послѣ того, какъ они возбуждены одною вдохновенною идеей! Вотъ первое изъ этихъ възрваній — възрваніе въ безсмертіе души человѣческой, раскрытое въ глубокомъ анализѣ ея силъ и свойствъ:

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
 Быстрѣ молніи текущій,
 Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
 Неосезаемый, незримый,
 Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
 Непостижимо содержимый,
 Живущій внутри меня и влѣ:

Духъ чувствовать, внимать способный,
 Все знать судить и заключать,
 Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный,
 Вкругъ мѣрять, вѣсить, исчислять,
 Ревущи отвращать перуны,
 Черезъ бездны преплывать морей,
 Сквозь своды воздуха лазурны
 Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей.

Могущій время скоротечность,
 Прошедше съ будущимъ вязать,
 Вообразать блаженство, вѣчность,
 И съ мертвыми совѣтъ держать,
 Илѣнятся истинъ красотою,
 Надѣяться безсмертнымъ быть —
 Сей духъ возможетъ ли косою
 Пресѣчься смерти и не жить?

Путемъ возвышенныхъ понятій о человѣческой природѣ и ея назначеніи, Державинъ естественно приходилъ къ идеѣ доблестей гражданскихъ, къ идеѣ отечества, которое начало такъ блистательно раскрывать свои нравственныя и политическія силы. Теперь слово отечество имѣло смыслъ истинный и глубокий, потому что съ нимъ сливались понятія о достоинствѣ и чести его членовъ. Каждый чувствовалъ, что въ своихъ силахъ, въ сердце онъ носитъ часть его величія — и каждый въ уваженіи къ самому себѣ, находилъ прочную опору своего святаго союза съ нимъ. Державинъ былъ вѣрнымъ представителемъ такихъ прекрасныхъ движеній души; онъ пламенно сочувствовалъ всякому дотославному событію своей отчизны. Но въ патріотическихъ восторгахъ его, вы всегда находите столько же благородства, нравственного достоинства, сколько истины, любви и поэзіи. Это были не восклицанія и общія мѣста, это былъ мощный кликъ гражданина, одушевленнаго разумною возможностью и дѣйствовать и подавать свой голосъ о дѣйствіяхъ другихъ. И вотъ этотъ голосъ, который услышитъ отдаленное потомство и который отечество всегда будетъ слушать съ восторгомъ, какъ достойное провозвѣщеніе новыхъ судебъ своихъ:

Сквозь тучи вокругъ лежащи черны
 Твой горній кроючи полеть,
 Носящи страхъ нашъ, скорби зѣльны
 Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
 Отъ молвіи твоей горящій
 Сердца Альпійскихъ горъ потрясшій,
 Струей вселенну пролетѣлъ;
 Черезъ неприступны перѣправы
 На высотѣ ты новой славы
 Явился, сѣверный орелъ!

Герой - полководецъ ведетъ своихъ сподвижниковъ:

— Туда, гдѣ вѣтръ не дышетъ
 И въ высотахъ, и въ глубинахъ;
 Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ

Катающихся на крутизнахъ.
 Ведеть — и скрыть уже въ мракъ гроба;
 Ужь съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
 Погибь средь дерзкихъ онъ путей!
 Но Россу гдѣ и что преграда?
 Съ тобою Богъ! — и горь громада
 Раздвиглась силою твоей.

Мы видѣли, чѣмъ была Екатерина для своего вѣка и для поэта. Бывъ представителемъ идей, которыми возраждающаяся Россія вступала въ союзъ со всемірною образованностью, онъ смотрѣлъ на Екатерину, какъ на олицетворенный принципъ новаго положенія своей отчизны, какъ на генія организующаго громадное твореніе Петра съ могуществомъ державнаго властелина и тонкою заботливостью любящаго сердца. Онъ благоговѣлъ передъ нею, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ. Оттого хвалы, произносимыя имъ Монархинѣ, достойны ихъ обонихъ; онъ чужды пошлой лести столько же, сколько и официальныхъ восторговъ; онъ свободны, какъ голосъ чести; важны и серіозны, какъ убѣжденіе; теплы и живы, какъ сердце. Ихъ можетъ принять Россія на свою ответственность — и въ этомъ смыслѣ Державинъ, поэтъ народный. Она можетъ повторить за нимъ, когда онъ проситъ живописца начертать Ея драгоценный образъ:

• Изобрази ея мнѣ точно
 Осанку, возрастъ и черты,
 Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
 Ея и сердца красоты,
 И духа чувства возвышенны
 И разума Ея дѣла.
 Фелица, ангелъ воплощенный,
 Въ твой картинѣ бы жила!

Небесно-голубые взоры,
 И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
 Средь мракъ временъ, стихіевъ споры,
 Блнстади бы какъ ясный день;
 Какъ утрення заря весеня,
 Такъ улыбалась бы она;

Какъ палма въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна.

Представь въ лицѣ Ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премлюсердо, нѣжно свойство
И снисхожденъе напнши.
Не забудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ Ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славу
Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество Ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли влася;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно броды онѣвлялъ,
Чтобъ Нордъ съдой ей удивился
И обладать собой избралъ.

Въ этомъ образѣ уже отражается душа, достойная царствовать. Она царствуетъ:

Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставъ на сорокъ двухъ столпахъ;
Какъ восемь бы зеркаль стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали, —
Вокругъ багряная заря.

Величественная картина безмѣрнаго царства! И Екатерина является среди него въ прекраснѣйшемъ изъ своихъ подвиговъ: Она подаетъ своему народу *скрижали заповѣдей святыхъ*, въ которыхъ каждое слово дышетъ любовью и довѣренностью, каждое слово проливаетъ въ его душу струю животворной силы, укрѣпляющей въ немъ вѣру въ себя, въ свое новое призваніе. Она говорить:

Я вамъ даю свободу, мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,

Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числится
 И въ ноги Миѣ челоуѣ не бить.
 Даю вамъ право собираться,
 И въ думахъ золото копить,
 Ко Миѣ посланья отирадяться
 И не всегда Меня хвалить;
 Даю вамъ право безпристрастно
 Въ судьи другъ друга выбирать,
 Самимъ дѣла свои всевластно
 И начинать и окончать.

Это ея Наказъ, ея учрежденія. Державинъ глубоко постигъ политику этого высокаго царственного ума, который, между немощными средствами своей имперіи, считалъ за главное — моральныя силы народа и потому развитію этихъ силъ старался дать существенное, положительное направленіе, устремивъ ихъ дѣятельность къ важнымъ вопросамъ общаго блага. Не удивительно, что Государыня, прочитавъ Фелицу, сказала объ авторѣ: «Какъ онъ хорошо меня знаетъ!» Державинъ видитъ цѣлое міротвореніе, послѣдовавшее за столь рациональными государственными началами. И въ какихъ грандіозныхъ очертаніяхъ оно представляется ему:

Река, — и взоръ бы озарился
 Величествомъ Ея души,
 Хаосъ на озеры бѣ раздѣлился
 Ея рукою, — напиши;
 Чтобъ солнцы въ путь свой покатились,
 И тысящи вокругъ ихъ планетъ;
 Изъ праха грады возносились,
 Возстали царства, — и былъ свѣтъ.

Если мы принимаемъ, что Екатерина Вторая сдѣлала для внутренняго управленія отечества, — какъ оно отъ Ея личнаго управленія получило новую организацію, новую стройную систему административную, какъ всякому управленію жизни въ огромномъ тѣлѣ были указаны орудія, границы и цѣли — и все это создавалось посреди постоянныхъ попеченій о вѣншемъ величій державы, — если припомнимъ все сдѣланное, то оно, безъ

всякой поэтической идеализации, представится намъ истинно великимъ міротвореніемъ.

Во многихъ своихъ піесахъ Державинъ есть только представитель общихъ всенародныхъ чувствованій къ Екатеринѣ Второй,— и читая его, она могла сказать съ тѣмъ сладостнымъ чувствомъ, которое составляетъ драгоценнѣйшую награду царей: «Народъ мой любитъ меня!» Но Державинъ, кромѣ-того, видѣлъ въ ней своего генія-хранителя и, что всего важнѣе для таланта, находилъ въ ея сердца живое сочувствіе къ своему вдохновенію. Она не только была его вѣнценосною благодѣтельницею, но и просвѣщеннымъ цѣнителемъ его твореній. Одаренная умомъ необыкновеннымъ, способнымъ и царствовать и обнимать задачи наукъ и искусства, съ образованіемъ, какое только было доступно въку ея, многостороннимъ, утонченно-изящнымъ; сама писательница, она, естественно, принимала благородное участіе во всякомъ дарованіи, общавшемъ отечеству какія-нибудь умственные услуги,— Державина же она чтитъ, какъ одно изъ блестящихъ явленій своего царствованія. Правится ей, не значило только правится Монархинѣ, которая могла покровительствовать искусству и изъ государственныхъ видовъ, но значило правится вмѣстѣ и просвѣщенному знатоку, который находитъ собственное удовольствіе въ одобреніи счастливой мысли, занимательной картины и тому подобнаго. Во всѣхъ личныхъ обращеніяхъ Державина къ Императрицѣ вы видите какую-то благоговѣйную довѣренность, сердце его изливается какъ-то легко, свободно, оно видимо раскрывается въ теплоту того царственнаго участія, въ сіяніи того высшренняго ума, которые склонялись къ нему въ особѣ Царицы. Ему легко, отрадно въ ея присутствіи; онъ трепещетъ только отъ восторга и желанія высказаться достойнымъ Ея образомъ. Вотъ, на примѣръ, какъ выражены чувствованія его въ «Видѣніи Мурзы», гдѣ Екатерина Вторая представлена гнѣвающеюся на поэта за расточаемыя имъ похвалы:

— «Кто ты? богиня или жрица?..
 Мечту стоящу я спросилъ.
 Она рекла мнѣ: — «Я Фелица!»
 Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ
 Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
 Божественны Ея черты;
 Куреніе мастикъ безцѣбныхъ
 Мой домъ и мѣсто то цвѣты
 Покрыли, гдѣ она явилась.
 Мой Богъ! мой ангелъ во плоти!...
 Душа моя за ней стремилась,
 Но я за ней не могъ идти:
 Подобно громомъ оглушенный,
 Безчувственъ я, безгласенъ былъ:
 Но токомъ слезнымъ орошенный,
 Пришелъ въ себя и возгласилъ:
 — «Возможно ль, кроткая Царевна!
 И Ты къ Мурзѣ чтобъ своему
 Была сурова столь и гнѣвна,
 И стрѣлы къ сердцу моему
 И Ты, и Ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 Къ Себѣ и Ты не одобрила?...

На самое торжественное, истинно великое изображеніе отношеній и чувствъ Державина къ Екатеринѣ Второй, мы находимъ въ посвяtitельной піесѣ, которая оканчивается слѣдующими стихами, какъ-бы въичающими его поэтическое призваніе:

И алчный червь когда межъ гробовыхъ обломковъ,
 Отставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать;
 Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
 Мой выросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
 Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
 И древнихъ струнъ ея гдѣ голось прозвѣнитъ,
 Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ:
 Ты славою, твоимъ я эхомъ буду жить.
 Героевъ и мѣщцовъ вселенна не забудетъ;
 Въ могилѣ блуду я, но буду говарить!

Эти звуки Екатерина услышала изъ устъ своего пѣвца уже сходя въ могилу. Они достойнымъ образомъ за-

ключили рядъ гимновъ, которыми онъ ознаменовалъ царствованіе, одно изъ самыхъ достопамятныхъ и просвѣщеннѣйшихъ въ Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Державинъ былъ органомъ, провозвѣстникомъ, олицетвореннымъ общественнымъ сознаніемъ всѣхъ великихъ идей своего времени. Но этимъ не ограничилось его живое соприкосновеніе съ обществомъ; повторяемъ сказанное нами прежде: онъ не былъ поэтомъ мечты и сладостныхъ грезъ, но поэтомъ дѣйствительности, потому что онъ былъ мужъ-дѣлатель, для котораго поэзіей были — человекъ, отечество и природа. Если пламенное воображеніе его облекало предметы въ яркія краски, если оно нерѣдко сообщало имъ какіе-то колоссальные размѣры, то ни тѣ, ни другіе однако жъ не были чужды природѣ. Надобно помнить, что эти предметы всегда касались священнѣйшихъ его вѣрованій, идей нераздѣльно слитыхъ съ его существомъ: онъ смотрѣлъ на нихъ не иначе, какъ съ той высокой точки зрѣнія, какой единственно они были доступны и, следовательно они естественно представлялись ему во всемъ своемъ идеальномъ величій. Но по-мѣрѣ-того, какъ энергическая душа его съ таинвымъ энтузіазмомъ предавалась своему естественному влеченію къ высокому, въ ней возбуждалось бурное негодованіе ко всему, что становилось въ противоположность съ одушевленными ее красотами и идеалами. Надобно признаться, что общество державинскихъ временъ, составляя чрезвычайно важное явленіе въ историческомъ развитіи Россіи, имѣло и свои темныя стороны, поражаало многими несообразностями и противорѣчіями частныхъ съ общимъ значеніемъ эпохи. Духъ былъ пробужденъ и кипѣлъ юношескими стремленіями; но европейское начало, поднявшее его съ лежа въковой дремоты, для многихъ было рѣшительнымъ камнемъ преткновенія; съ нимъ не умѣли обращаться, какъ съ нравственною пружиною — видѣли въ немъ какую-то внѣшнюю оболочку и думали, что надѣвши ее на изуклюжіе старинныя нравы и вѣвички, тѣмъ уцѣ-

чивали дань новымъ потребностямъ времени. Контрастъ былъ странный! Формы, наружность были раскрашены, разцвѣчены всевозможными узорами образованности, а внутри глухо шумѣло и отъ-времени-до-времени прорывалось что-то дико ей враждебное. Иные увлекались ими безотчетно, дѣтски, и такимъ образомъ теряли всѣ нравственно-національныя опоры; другіе со страхомъ смотрѣли на самыя полезныя измѣненія общественнаго быта, считая ихъ ниспроверженіемъ народности. Это, впрочемъ, было неизбѣжное, проходящее состояніе, послѣ котораго надлежало новому началу выработаться по народнымъ стихіямъ, чтобы уложиться съ ними дружно въ одномъ и томъ же умѣ, въ однихъ и тѣхъ же нравахъ и, такимъ образомъ, сдѣлаться естественно-внутреннею силою, подобно пищѣ принятой извнѣ, но превращенной здоровымъ тѣломъ въ свою плоть и кровь. Между-тѣмъ высшее общество утопало въ непомерной роскоши; вельможи окружали себя полчищемъ бесполезныхъ туеядцевъ-прислужниковъ и застольныхъ собесѣдниковъ, и считали хлѣбосольствомъ угощать праздныя толпы людей, вожиравшихъ цѣлыя родовыя наслѣдія. Можетъ-быть, было менше эгоизма въ этихъ всенародныхъ, такъ-сказать, выставкахъ пышности, чѣмъ въ нашихъ глубокихъ и уединенныхъ заботахъ объ обогащеніи; но то справедливо также, что здѣсь много было легкомыслія, которое похищало у будущаго его силы и еще больше суетности и чванства, которыя наружнымъ блескомъ прикрывали часто отсутствіе истинныхъ, нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ! Уму и дарованію хотя не воспрещалось рождаться и пролагать себѣ дорогу, но не иначе, какъ заплативъ достаточную дань угожденія и лестн избраннымъ любимцамъ счастья, обладавшимъ могуществомъ созидать всевозможныя счастья. Въ обществѣ не образовалось еще вкуса къ отвлеченнымъ, или рациональнымъ интересамъ, и потому всякая способность, природою назначенная для удовлетворенія имъ, естественно не была признана сама по себѣ, безъ оффиціальнаго харак-

тера. Принципы общественные были иные; они заключали въ себя стихіи будущности, которая должна была настать, какъ настаетъ всякая будущность, то есть, безъ вѣдома трудящихся надъ нею; но эмпирическія подробности, двигавшіяся подъ вліяніемъ этихъ принциповъ, были иногда очень пестры, иногда очень темны и слишкомъ живо напоминали недавнее рожденіе своихъ виновниковъ.

Державинъ, исполненный такой теплою вѣрой во все великое человечества и Россіи, не могъ быть равнодушнымъ при видѣ грубыхъ сценъ, которыя разыгрывалъ порокъ передъ самыми, такъ сказать, глазами образованности, слишкомъ еще юной для того, чтобы состязаться съ нимъ. Державинъ однако жъ, въ качествѣ защитника и представителя всѣхъ благородныхъ вѣрованій, не довольствовался внутреннимъ осужденіемъ того, что заражало ихъ своимъ нечистымъ прикосновеніемъ; онъ ополчился противъ него грозною сатирою, которая, какъ карающая молнія, упала на общество съ тѣхъ же высотъ, откуда летѣло къ нему роскошное, животворное дыханіе весны. Къ чему сатира? говорятъ многіе. Кого исправить она? Развѣ слова изгоняютъ зло? Правда, сатира безсильна противъ порока, уже окрѣпшаго въ своихъ впусныхъ навыкахъ; если его общество терпитъ, пусть онъ и дегниваетъ среди своихъ мерзостей: онъ недостоинъ ни славы, ни выгоды исправленія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что оппозиція добра и таланта не нужна? Что было бы съ обществомъ, въ которомъ зло избѣгающее закона, не встрѣчало бы противодѣйствія и обузданія въ этой страшной управѣ идей, которая преслѣдуетъ его повсюду, въ самыхъ глубокихъ изгибахъ сердца, на самыхъ темныхъ путяхъ общественнаго быта? не вправъ ли бы оно было подумать, что его уполномочиваютъ на новыя и горшія козни? А юныя постыдныя поползновенія, готовыя къ пороку, но еще не твердыя въ немъ? Не должны ли они видѣть, какъ бичъ немолимой Немезиды поражаетъ губителей общественныхъ нравовъ? Послѣдніе много выиграютъ уже, если у страстей отнимется половина ихъ рѣшимости. Да и какъ пред-

ставить себѣ благоустроенное общество, гдѣ бы истина, доблесть, все благородное имѣли друзей столь робкихъ и хилыхъ, что они не осмѣливались бы выйти на честный бой съ ихъ врагами? И возможно ли, чтобы искусство дѣлательное, полное производительнаго могущества, столь властительное надъ умами, чтобы оно довольствовалось какими-то умозрительными результатами и оставалось безмолвнымъ, когда порокъ нагло похищаетъ у него его родовое достояніе — сердце человеческое? Всякая эпоха страдаетъ своими нравственными недугами; но къ чести человечества, среди ней же вырабатываются и пѣлительныя силы, ослабляющія дѣйствіе зла. Общество должно быть благодарно сатиру: она спасаетъ честь его передъ потомствомъ, свидѣтельствуя о его благородномъ негодованіи противу нравственныхъ безпорядковъ; она содѣйствуетъ спасительной силѣ закона, бросая свои стрѣлы туда, куда законъ не въ состояніи проникнуть; она особенно нужна для этой фальшивой образованности, которая, спрятавъ свое невѣжество и свои грубыя или мелкія страсти подъ благовидныя формы и слова, ходитъ въ свѣтъ съ припущенною самоувѣренностію и добивается всего, что принадлежитъ истинной образованности ума и сердца. Мы должны быть благодарны безсмертному Державину, который, оказывая обществу услугу въ его высшихъ требованіяхъ, не оставилъ безъ удовлетворенія и другой насущной его нужды — нужды въ мужественномъ голосѣ противъ современныхъ пороковъ. Этимъ онъ довершилъ свой союзъ съ обществомъ, и, такимъ образомъ, развилъ въ себѣ вполне элементъ поэзіи истины и вещей, поэзіи дѣйствительности.

Сатирическое направленіе Державина проглядываетъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ, но преимущественно выразилось оно въ «Ведьможѣ» и одахъ: «На счастье» и «Къ Фелиць». Сатиры эти однѣ достаточны къ тому, чтобы доказать самобытность его мощнаго таланта. Мы уже имѣли сатиры Кантемира, исполненныя замѣчательныхъ красотъ, кромѣ языка; но форма ихъ заимствованная; даже

рисунокъ многихъ картинъ есть не иное что, какъ копія съ оригиналовъ Горация, Ювенала, Боало. Между-тѣмъ у Державина форма, образы, краски принадлежатъ исключительно ему, точно такъ какъ содержаніе ихъ, то есть, нравы принадлежатъ его вѣку. Онъ даже не увлекся никакой теоріей; напротивъ, съ гениальною смѣлостію отвергъ ее, особенно въ «Фелиць», гдѣ вопреки господствовавшимъ понятіямъ объ одѣ, онъ смѣшалъ высокое съ комическимъ, какъ Шекспиръ смѣшалъ ихъ въ своихъ трагедіяхъ.

Направленіе его сатиръ также оригинально. Этотъ мощный духъ, обнимавшій жизнь только въ огромныхъ размѣрахъ, ихъ же примѣнялъ и къ различнымъ ея явленіямъ, свѣтлымъ и темнымъ. Что ему въ мелкихъ повседневныхъ сплетняхъ страстей, въ которыхъ запутываются люди столь мелкіе, что ихъ ничтожество можетъ въ одно время служить имъ и извиненіемъ и казнію? Его мѣсто тамъ, гдѣ побѣда покупается опасностію пораженія и гдѣ самое пораженіе оставляетъ еще герою своего рода торжество — право сказать: «все потеряно, кромѣ чести». Онъ выходитъ на бой съ порокомъ могучимъ, осыпаннымъ дарами Фортуны, способнымъ приводить въ смятеніе нравственный порядокъ, исторгать стоны и слезы изъ сердца людей и обладающимъ средствами избѣгать заслуженной кары. Онъ долженъ напасть на злоупотребленіе силъ, предназначенныхъ благотворить и распространять на землѣ владычество добра и разума, на безумную гордыню, презирающую все, что ознаменовано преимуществами и самобытностію мысли, гордыню, для которой: «мигъ покоя дороже, чѣмъ въ исторіи вѣки». Онъ призываетъ къ суду разума и нравственнаго чувства этотъ эгоизмъ гнилаго сибаритства, который въ успѣхахъ образованности видитъ только новые способы проматывать свои доходы и въ апатическомъ равнодушіи дремлетъ при кликакъ самыхъ громкихъ вопросовъ современности. Къ нему взываетъ голосъ поэта отъ имени оскорбленнаго человѣческаго достоинства:

На толь тебѣ пространнѣй свѣтъ
 Простерши рабабѣныя длани,
 На прихотливый твой обѣдъ
 Вкуснѣйшихъ яствъ приносить дани;
 Токай густое льеть вино,
 Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
 Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
 Мгновенье бросить ты одно?

«Проснися, сибарить!» Нѣтъ! онъ проснется не иначе, какъ отъ роковаго удара, который погрузитъ его въ новый, непробудный сонъ. Нужды нѣтъ! Сатира исполнила свое дѣло не бесплодно — она заклеимила порокъ предъ лицомъ общественнаго мнѣнія, она ободрила высокія вѣрованія, она отмстила за общество, опозоренное его прикосновеніемъ, за святыя нравственныя истины, имъ поруганныя и за человечество, которое этимъ истинамъ обязано лучшею частію своей славы. Довольно уже и того, что порокъ не укрылся подъ своими драгоценными тканями; онъ сдѣлался гласнымъ — гласность сама по себѣ великая гроза для тайны преступленій.

«Фелица» удивительное созданіе по смѣлому сочетанію идей противоположныхъ, по мастерскому распредѣленію тѣней, по переходамъ отъ одиного изображенія къ другому — быстрымъ, неожиданнымъ, и въ то же время естественнымъ, наконецъ по глубокой истинѣ содержанія. Здѣсь поняты и вылиты въ барельефы характеристическія черты нравовъ, которыми современное общество выражало и незрѣлость своей образованности и наследственные навыки темныхъ временъ. И среди этихъ изображеній, означающихъ слабую сторону эпохи, возвышается лучезарный образъ Екатерины, какъ-бы для того, чтобы ярче, торжественнѣе выказать ея великодушіе, которому недостатки людей придавали новый блескъ, потому что оно умѣло прощать. Мы вполне раздѣляемъ убѣжденіе поэта, когда онъ говоритъ:

Тебѣ единой лишь пристойно
 Царевна! свѣтъ изъ тьмы творить,
 Дѣля хаосъ на сферы стройно

Союзомъ цѣлостъ ихъ крѣпнѣть.

Изъ разногласія согласье

И изъ страстей свирѣпныхъ счастье

Ты можешь только создать.

Такъ кормщикъ черезъ Понть плывущій,

Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,

Умѣетъ судномъ управлять.

Единая Ты лишь не обидишь,

Не оскорбляешь никого;

Дурачества сквозь пальцы видишь,

Лишь зла не терпишь одного.

Мы показали въ твореніяхъ Державина то, что соединяло его съ обществомъ и что ставитъ его въ число призванныхъ и великихъ дѣятелей эпохи. Но у него есть много другихъ произведеній, болѣе, такъ-сказать, личныхъ, выражающихъ поэтическіе моменты, которые рождались изъ разныхъ встрѣчъ его въ жизни, изъ разныхъ обстоятельствъ и отношеній его къ лицамъ. Въ этомъ разрядѣ естественно заключаются слабѣйшія его пьесы; духъ его былъ въ своей сферѣ только посреди предметовъ великихъ и однихъ, вопросы человѣческіе, сливающиеся съ вопросами отчизны, возбуждали въ немъ и истинное поэтическое вдохновеніе, въ которомъ онъ такъ счастливо, такъ удачно, такъ, повидимому, неожиданно находилъ удивительные образы и краски. Поэзія обыкновенныхъ явленій жизни слишкомъ была стереотипна, чтобы орлиный взоръ, привыкшій смотрѣть на солнце, могъ различать и схватывать ея легкія, едва примѣтныя черты. Привыкши шагать по скаламъ, попираетъ стопою гранитъ и льды, онъ не замѣчалъ, что мнетъ цвѣты, которые кой-гдѣ пестрѣли сквозь развалины горъ на пути его. Идеализація его въ этихъ случаяхъ слаба; она или вдается въ напыщенность, потому что опоры ея слишкомъ ничтожны, или исчезаетъ въ вяломъ прозаизмѣ; тутъ видишь напряженіе усилій, а не блистательный, рьяный и свободный порывъ силы великой, столь ему свойственной. Онъ въ борьбѣ съ рисункомъ, изъ коего тщетно старается извлечь образы стройные и изящные;

въ борьбѣ съ красками, которыя худо смѣшиваются и не явственно выступаютъ изъ-подъ кисти; наконецъ и языкъ столь мало имѣтъ изученный, обуздываемый единственно его стремительнымъ гениемъ, который могъ сказать о грамматикѣ, какъ Суворовъ сказалъ о тактикѣ: «я не знаю грамматики, но грамматика меня знаетъ» — и языкъ говоримъ, здѣсь упрямится, не слушается его. Чтò уступаютъ естественному могуществу, всегда побѣдоносному и всегда правому, то не охотно даютъ притязаніямъ безъ права, съ одними желаніями. Но есть у Державина еще одинъ родъ стихотвореній, гдѣ онъ опять торжествуетъ какъ поэтъ, хотя и подъ другимъ знаменемъ. Это стихотворенія, посвященныя любви и красотѣ, конхъ живое дыханіе видимо освѣжаетъ его грудь, усталую въ полетъ среди высшихъ сферъ. Душа поэта, какому бы онъ ни слѣдовалъ призванію, всегда отзовется на сладостный шопотъ устъ, полныхъ розъ и теплоты поцѣлуя; тутъ жизнь жизни, тутъ поэзія поэзии — любовь; тутъ чистѣйшій образъ красоты, составляющей цѣль искусства — женщина. У Державина есть прекрасныя изображенія въ такъ называемомъ эротическомъ родѣ и въ подражаніяхъ Анакреону. Кому неизвѣстны «Хариты», «Спящій Эротъ», «Пляска русскихъ дѣвушекъ» и прочее? Вотъ, на примѣръ, переводъ его (не съ подлинника, потому что онъ не зналъ по-гречески) известнаго отрывка, единственнаго, по мнѣнію филологовъ, который уцѣлѣлъ отъ произведеній Сафо:

Блаженъ, подобится богамъ
 Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
 Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
 Улыбкѣ живкой въ страстныхъ взорахъ.

Увижу ль я тебя — и въ мигъ
 Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
 Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
 И молнія по мнѣ стремится.

Но слуху шумъ, во взорахъ мракъ,
 По жиламъ хладъ я ощущаю;
 Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
 Унавшій, вяну, умираю.

Припомнимъ еще читателямъ милое, граціозное изображеніе дѣвушки, которая впервые почувствовала тревогу любви въ своемъ сердцѣ. Эротъ при ней изсѣкаетъ огонь изъ кремня. Она говоритъ:

Одна тутъ искра отдѣлилась
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась,
Не смѣла я дохнуть.

Стояла бездыханна, мѣла,
Я съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовутъ — любить?

Форма идеѣ дана здѣсь классическая; но идея отъ того не менѣе вѣрна истинѣ, а рисунокъ и краски дышутъ женственною прелестію.

Теперь мы должны заняться оцѣнкою собственно художественной стороны Державина. Онъ былъ отъ природы одаренъ всѣмъ, что составляетъ истиннаго, великаго лирика: глубокою воспримчивостію впечатлѣній, организациею души, которая вся состоитъ изъ симпатіи къ гармоническимъ соотношеніямъ силъ и вещей въ природѣ и человечествѣ, способностью живаго созерцанія, вмѣсто логической способности отвлекать, воображеніемъ вѣждительнымъ, всегда готовымъ все созерцаемое въ себя сдѣлать осязательнымъ, реальнымъ для другихъ, наконецъ богатымъ запасомъ красокъ, которыя сообщаютъ образамъ цвѣтъ и теплоту роскошной жизни. Но это элементы общіе для поэзіи представляющей жизнь въ совокупности съ разумною личностію, въ объятіяхъ, такъ-сказать, другъ друга. Какой особенный характеръ они приняли у Державина? Сфера его была та, гдѣ явленія жизни представляются преимущественно въ актѣ централизаціи, гдѣ разности уступаютъ всеобъемлющему закону единства; въ немъ, говоря философическимъ языкомъ, преобладалъ синтезъ. Духъ его, какъ мы видали выше, всегда отыскивалъ такую точку зрѣнія, въ которой вещи дѣлаются доступными ему больше въ массахъ, чѣмъ въ подробностяхъ, гдѣ обширный горизонтъ съ его далекими, силь-

ющимися окраинами, такъ выразительно говорить сердцу о безконечномъ, великомъ. Оттого въ его картинахъ черты не отдѣлены нѣжными, легкими извивами; его штрихи рѣзки, и не округлены; они пересѣкаютъ другъ друга смѣло, глубоко, но подѣ какими-то прямыми углами. Подробности сливаются подѣ его кистью въ широкія полосы, которымъ онѣ умѣетъ придать яркѣй, блестящѣй колоритъ; онѣ свѣтятся, какъ зарево отдаленнаго пожара и поражаютъ васъ массами огня; но вы чувствуете, что ими поглощено много, можетъ-быть, прекраснаго, которое великолѣпная грозная стихія охватываетъ со всѣхъ сторонъ, не замѣчая его. Этого, впрочемъ, нельзя приписывать одному Державину: его вѣкъ не вмѣщалъ въ себя такой силы, глубины и утонченности анализа, какъ нашъ: умы были склонны болѣе парить, чѣмъ углубляться, болѣе накладывать идеи на идеи слоями и глыбами, чѣмъ развивать ихъ. Самое тогдашнее общество не представляло такого разнообразія интересовъ, вещественныхъ и умственныхъ, какъ нынѣшнее; у насъ есть уже признаки убѣжденій, слѣдовательно, различіе въ понятіяхъ, вкусахъ, видахъ, которое неизбежно является при большей самостоятельности лицъ; у насъ есть уже что-то похожее на школы, на партіи въ наукѣ и литературѣ; бываютъ споры хоть не совсѣмъ за идеи, а за самолюбіе и карманы, однако жъ въ ихъ сверкаютъ иногда искры идей, какъ крупинки золота въ глыбахъ рудокопной грязи. Все это производитъ какую-то игру въ обществѣ, хотя не шумную и не богатую выигрышемъ, но показывающую, по-крайней-мѣрѣ, уже замѣчательное развитіе понятій, нѣкоторую самостоятельность умовъ. Всего этого было очень мало во время Державина. Дарованію, которое изъ тисковъ риторки и піитики выбѣгало какъ-нибудь на волю и вторгалось въ жизнь, въ общество, немного предстояло встрѣчь, которыя бы силою рѣзко обозначенныхъ интересовъ и различій, непременно заставляли его остановиться, всматриваться, наблюдать, изучать. Оно мчалось по гладкому, плоскому полю,

вездѣ видя одни и тѣ же лица, одни и тѣ же вопросы, страсти, недостатки, а кругомъ безпредѣльный горизонтъ.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ въ приемахъ мысли Державина есть сила, стремительность. Крѣпкая, могучая, она не шла ровнымъ шагомъ къ цѣли ясно сознаваемой, она мчалась въ даль, прежде чѣмъ составила себѣ какое-нибудь понятіе о возможныхъ результатахъ; мгновенно охватывала обширный горизонтъ, упала какъ молнія на самыя ощутительныя стороны вещей—и, какъ молнія, нерѣдко потухала внезапно. Въ немъ все изобличаетъ присутствіе гигантской силы, способной поднимать и сбрасывать огромныя тяжести, но не нести ихъ. Полетъ его духа величественъ, но прерывистъ и неровенъ, можетъ—быть оттого, что поэтъ никогда не измѣряетъ предстоящаго ему пути; но оттого, что не измѣряетъ его, онъ и дивитъ насъ красотой смѣлыхъ и неожиданныхъ приемовъ. Въ немъ есть какая-то рѣшимость, происходящая отъ невѣдѣнія опасностей; вы часто видите въ его созданіяхъ не болѣе, кажется, какъ успѣхъ удачи; но пуститься на такую удачу и достигнуть такихъ великихъ слѣдствій, какихъ онъ часто достигаетъ, можетъ только умъ гениальный.

Въ поэзіи, какъ и во всемъ, производительная сила выказывается не въ безплодныхъ порывахъ и покушеніяхъ, а въ фактахъ, въ произведеніяхъ. Ея факты не однѣ идеи и не одна сила, ими движущая; но живые образы, тѣ одному искусству свойственныя сочетанія идей, изъ которыхъ выступаютъ или цѣлыя здація, лица съ ихъ положеніями, цѣлыя судьбы людей и обществъ, или хоть улыбка, взглядъ, сгибъ, трепеть, одинъ легкий, летучій очеркъ существа дышащаго, теплаго, принадлежащаго природѣ и исторіи, а не міру отвлеченностей. Поэзія есть вмѣстѣ и живопись, и пластика, и музыка. Нѣмцы назвали весьма сбивчиво лирическую поэзію субъективною и заставили тѣмъ многихъ думать, что она есть не болѣе, какъ изображеніе личныхъ движеній чьей—либо души. Въ школахъ ее обыкновенно такъ и

опредѣляли, говоря, что она посредствомъ слова выражаетъ чувствованія. Говоря собственно и точнѣе, поэтъ во всякомъ родѣ поэзіи выражаетъ свои идеи и чувствованія, но дѣло въ томъ, будутъ ли идеи его очерпнуты имъ въ дѣйствительномъ мірѣ, или въ своемъ воображеніи, будутъ ли онѣ считаться отпечаткомъ разума, который связуетъ все узами гармоніи и единства — мыслимое и мыслимые предметы, или онѣ будутъ только порожденіемъ его эгоистическихъ притязаній на вещи, отпечаткомъ для него одного интереснаго обстоятельства и положеній. Искусство знаетъ только первыя, то есть, общія представленія; послѣднія оно предоставляетъ друзьямъ поэта, если онѣ ихъ имѣютъ. Обществу и человечеству, для которыхъ онъ подвизается, нѣтъ никакого дѣла до этихъ мелкихъ изліяній мелкой личности, не способной выйти изъ тѣсныхъ границъ своего Я и войти въ гармонію съ общимъ порядкомъ вещей. Но поэтому уже самому искусство въ строгомъ смыслѣ и не можетъ быть только субъективнымъ ни въ какой формѣ. Лирикъ тоже обязанъ отрѣшиться самого себя, ставить себя на общую точку зрѣнія, обязанъ быть, какъ говорится, въ школахъ, объективнымъ, какъ и всякой другой поэтъ и художникъ.

Разница между нимъ и поэтами эпическимъ и драматическимъ состоитъ въ томъ, что послѣдніе, изображая понятый ими міръ, ничего не даютъ знать о лицѣ ихъ коняшемъ, о участіи, которое онѣ принимаетъ въ нихъ; между-тѣмъ поэтъ лирической не скрываетъ своихъ отношеній къ предметамъ, онѣ живетъ, по-видимому, весь въ нихъ, и хочетъ не того, чтобы вы занялись его особой, а чтобы стали съ нимъ на одну точку зрѣнія, съ которой, онѣ увѣренъ, вы должны увидѣть много прекраснаго и занимательнаго. Тутъ, если хотите, личность, но личность, оказывающая вамъ услуги, требующая вашего сочувствія по единству вашихъ и его интересовъ, по общимъ узамъ родства, которыми разумъ соединяетъ все мыслимаго единства въ одно великое цѣ-

дое. Поэтъ эпическій и драматическій, воздвигаютъ образы самостоятельныя, дѣйствующіе свободно по собственнымъ нравственнымъ началамъ — лирикъ представляетъ вамъ тоже образы въ полныхъ ли рисункахъ, или только въ намѣкахъ, очеркахъ, силлуетахъ, предполагая, что вы уже знакомы съ ними и что вамъ нужно уловить одніи интереснѣйшія, можетъ-быть еще вами не замѣченныя черты; но такъ какъ эти образы неразлучны съ воззрѣніемъ, которое на нихъ указываетъ, то они не самостоятельны, подчинены высшему притяженію и потому они не развиваютъ своихъ силъ, не представляются въ разныхъ положеніяхъ; объ нихъ нельзя повествовать, потому что они не имѣютъ воли, следовательно исторіи, ихъ нельзя выставить на театрѣ, потому что они не имѣютъ страстей—также потому, что не имѣютъ воли. Оттого лирическое созданіе заключаетъ въ себя только моменты явленій, а не цѣпь ихъ, прагматически связанную; оно кратко, потому что нельзя же приковать васъ къ одному пункту, съ котораго смотреть на предметы художникъ, да онъ и самъ не можетъ остаться на немъ долго и выдержать приливъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что душа его доступна только впечатлѣніямъ сильнымъ.

Державинъ и въ этотъ смыслъ поэтъ съ великимъ дарованіемъ. Онъ увлеченъ, проникнуть весь предметъ его воодушевишимъ; но онъ не пересказываетъ своихъ впечатлѣній, заставляя васъ вѣрить на-слово, что предметъ этотъ очень хорошъ, потому что ему отъ него хорошо. Онъ представляетъ вамъ образы, сложенные изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ и моментовъ, чувствованіе же изливается изъ полноты его сердца, только какъ сила вмѣ движущая и какъ духъ жизни, оживлявшій образы. И надобно признаться, что многіе изъ нихъ высокаго поэтическаго достоинства. Контуры ихъ столь смѣлы, что невольно изумляешься этой рукъ, которая мететь ихъ на скрижаль, какъ гроза, бросающая въ воздухъ стрело-подобныя молніи; онъ углубляетъ ихъ

съ такимъ натискомъ рѣзца, что они дѣйствительно кажутся вырѣзанными на мѣди. Иногда въ рисунокъ его оказываются неправильности, происходящія отъ того, что онъ вообще слѣдовалъ болѣе инстинкту, чѣмъ ясно-сознаваемымъ идеямъ изящнаго; но часто также вы изумляетесь неолитаншымъ, истинно-прекраснымъ соотношеніямъ подробностей и гармоніи, какъ-будто похищенной у самой природы, снятой съ ея формъ, непокорныхъ условіямъ шепетильной симетріи, раскидистыхъ, но дышущихъ согласіемъ частей въ-единствѣ одного типа и недѣлимаго. Это гармонія, которую мы слышимъ въ шумѣ лѣсовъ, въ ревѣ бури, которую видимъ въ цѣпи синюющихъ вдали горъ, въ яркихъ полосахъ сѣвернаго сіянія. Иногда черты у него ложатся въ роскошныхъ извивахъ, то расходящихся, то сближающихся, иногда въ объемахъ сжатыхъ до того, что мысль, въ нихъ заключенная, какъ бы въ испугъ бросается къ вашему сердцу, обнаженная и ясная, а иногда съ переломленными и вывихнутыми членами. Что, напримѣръ, можетъ сравниться съ этою величественно-прекрасною картиною :

Ударъ во серебряный, священный,
 Далеко-звонкій, Валка! щить :
 Да громъ твой, эхомъ повторенный,
 Въ жилищѣ бардовъ восшумить. —
 Встаютъ. Сто арфъ звучать струнами,
 Предъ ними сто дубовъ горять ;
 Отъ чаши круговой зарями
 Сѣдыя чела въ тмѣ блестять.
 Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
 Покрываетъ по персямъ, по плечамъ,
 Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдямомъ
 Подобно синя моря льдамъ ?
 Кто на копье склоняетъ главою
 Событіе слушаетъ временъ ?

Или :

Ведетъ въ пути непроходимомъ
 По темнымъ дѣбрямъ, по тропамъ
 Ночь заревомъ, отъ молнии зримомъ,
 И по бѣгущимъ облакамъ ;

День—ночь ему среди тумановъ,
 Ночь—день отъ громовыхъ пожаровъ.
 Несется въ бездну по вервямъ,
 По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны
 Мосты ему—дубы зажжены;
 Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

«Воденадъ» одно изъ оригинальнѣйшихъ созданій Державина: Оно, какъ и всѣ большія пьесы его, невыдержано; есть строфы прозаическія, гдѣ сила, воздвигающая образы, изнемогаетъ и теряется въ отвлеченностяхъ; но тутъ же являютъ ся тѣ дивныя изображенія, та сжатость, и полнота, гармонія образовъ, тотъ блескъ, та пурпуровая яркость, та роскошь и вмѣстѣ свѣршая сумрачность колорита, которыми такъ богато раскрашены лучшія его пьесы. Мы не дѣлаемъ выписокъ, потому что и такъ ихъ много сдѣлали и потому что для подтвержденія нашего мнѣнія, надобно было бы переписать все стихотвореніе. Мы считаемъ это излишнимъ: мы увѣрены, что всякій Русскій и сколько-нибудь мыслящій человекъ имѣетъ у себя сочиненія Державина. Мы даже не сомнѣваемся, что въ непродолжительномъ времени потребуются новыя его изданія.

Языкъ Державина отличается также приѣмами, одному ему свойственными. Онъ извлекъ изъ русскаго языка краски и обороты, какіе ни прежде, ни послѣ его никому не удавалось извлекать. Онъ, какъ мы замѣтили уже, не изучалъ законовъ его, и какъ, гдѣ и у кого бы онъ могъ ихъ изучать? Ломоносовъ былъ тогда единственнымъ наставникомъ въ теоріи языка и образцомъ въ практикѣ. Но Державинъ служитъ разительнымъ доказательствомъ всемогущей власти идей во всемъ, куда они ни проникаютъ; ихъ могуществу, ихъ натиску уступаетъ всякая матеріальная сила. Рѣчь у него строится какъ-то сама собою; тутъ не видно ни риторики, ни грамматики; отношенія между словами утаиваются какъ-будто по его собственной волѣ и даже прихоти, но вы видите, что та и другая тутъ же оправдываются гениемъ языка, неволью сложившимся передъ гениемъ мысли. Выраженія его отличаются не логкостью, а ясностью оборотовъ; но сжатостію и силою. Движенія ихъ упруги, быстры

и стремительны. Не ищите у него красивой и тщательной отделки фразы, какую, например, вы находите у Карамзина и Дмитриева; он не мастер соображать, разбирать, утончать, выдѣлывать по предварительно составленнымъ понятіямъ; онъ вооруженъ мечемъ слова не для гимнастической игры, а для нанесенія ударовъ. Онъ и наноситъ ихъ такъ, что нарѣзы его рѣчи остаются неизгладимыми на вашемъ умѣ и сердцѣ. Не забудьте, что всѣ словосочетанія у него основаны на такомъ сближеніи и отношеніяхъ понятій, какихъ никто и предчувствовать не могъ до него. Онъ самъ создалъ рисунокъ и отлилъ формы, которыми должно было осуществитъ ихъ. Слова его не взвѣшены, не обдуманы; они по-видимому болѣе счастливыя чѣмъ избранныя, а между тѣмъ они точны и вѣрны въ отношеніи къ своимъ понятіямъ, какъ восточный рабъ, исполняющій волю своего господина. Говорятъ, что языкъ Державина устарѣлъ. Что этимъ хотятъ сказать? что ему недостаетъ легкости, сладкозвучія, гибкости языка нашего времени? Такъ! но онъ никогда бы и не могъ ихъ имѣть. Его манера, его школа совсѣмъ другія; наши легонькія, завитыя, блѣднорозовыя фразы-попрыгуньи не шли бы къ нему, какъ кокетливая, рѣзвая улыбка нейдетъ къ важной классической богинѣ мудрости. Старѣетъ языкъ какого-нибудь писателя, лишеннаго слогу, потому что онъ выражается общими фразами своей эпохи, а все перемѣняется съ эпохами; но не старѣется физиономія, которую гениальный писатель сообщаетъ языку оригинальностью и силою своей мысли,—не старѣется, потому что онъ создаетъ эту физиономію не условнымъ употребленіемъ языка, а средствами его генія, который если старѣется, такъ только вѣками и тысячелѣтіями. Языкъ Державина мѣстами могъ быть чище, правильнѣе; но слогъ не могъ быть инымъ, какъ не могли быть иными его душа и приемы его мышленія. Этотъ слогъ должно изучать внимательно и глубоко, потому что въ немъ развиты такія богатства силы и красоты русскаго языка, которыя необходимо имѣть предъ собою тому, кто хотѣлъ бы вполне постигнуть его духъ.

Въ Державинѣ есть важные недостатки. Подумаешь, что онъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ человекъ — одного свѣтлаго, выпрепняго, блистательнаго, богатаго дѣла, силою ихъ покоряющаго себя побѣдоносно и форму и языкъ; другаго робкаго, прозаическаго, сухаго и вмѣстѣ напыщеннаго, удрученнаго тяжестью формы, запутывающагося въ фразѣ. Одинъ гений, возвышающійся надъ вкусомъ и заставляющій его невольнѣ мыслить и удивляться себя; другой посредственный стихотворецъ прошедшаго столѣтія, изъ ряду тѣхъ, которыхъ новый порядокъ вещей вырабатывалъ десятками и поглощалъ въ своемъ водоворотѣ. Странное явленіе, которое изъясняется только обстоятельствами неотразимыми и всевластными въ дѣлахъ человѣческихъ! Природа создаетъ людей гениальныхъ, но довершаютъ ихъ судьба и общество. Человекъ, надѣленный великими нравственными силами, ознаменуетъ ихъ непременно *какъ бы то и чѣмъ бы то ни было*; но чтобы силы эти могли вполне развиться и получить надлежащее направленіе на поприщѣ специальномъ, необходимы средства, которыя должны встрѣтить ихъ нигдѣ болѣе, какъ на самомъ этомъ поприщѣ. Безъ нихъ шагъ дарованія какъ бы оно велико ни было, будутъ всегда неровны, будутъ сбиваться то направо, то налево, вдругъ изумятъ васъ быстротою своего движенія впередъ и неожиданнымъ отступленіемъ назадъ. Иначе и быть не можетъ. (дѣлать изъ себя хорошаго человека, можно вездѣ и всегда самимъ собою; но для достиженія какого-нибудь specialнаго назначенія, надобны орудія. Живописцу нужны шкѣлка, мастерская, лѣса, краски, солнце, люди для вспомошествованія въ большихъ работахъ, и прочее. Этого недовольно. Нужно общество съ живою потребностію искусства, съ просвѣщенной критикою. Дарованіе не носитъ всего этого съ собою — и если оно половину своихъ силъ употребить не на созданіе, а на орудія, то и успѣхи его будутъ половинные. Такъ было съ Державинимъ. Онъ былъ обреченъ природою на одно великое и прекрасное; его положеніе и обстоятельства внесли въ нихъ свое парализующее начало и это великое и прекрасное мы видимъ часто въ

судорожномъ трепетаніи; видимъ въхъ блѣднѣющими передъ
неодолимымъ могуществомъ своего жребія. Мы знаемъ какъ
воспитывался Державинъ, гдѣ и какъ провелъ онъ свою
юность; мы знаемъ и общество, среди котораго онъ долженъ
былъ дѣйствовать — и будемъ ли обвинять его за то, что
онъ не сдѣлалъ невозможнаго, не избѣгъ вліянія обстоя-
тельствъ, которыя посредственностью уничтожаютъ, а вели-
кія дарованія колеблютъ? Мы хотѣли бы, чтобы онъ не ке-
лебался, то есть, мы хотѣли бы, чтобы яркій дубъ зажа-
ченный бурей, или холодными объятіями зимы, не только
уцѣлѣвъ въ борьбѣ съ ними, но и не потерялъ ни зелени,
ни свѣжести, даже не покачнулся на корнѣ своемъ. Зачѣмъ
хотѣть того, что противно натурѣ вещей? Державинъ при-
званъ былъ дѣйствовать во имя задачъ и вопросовъ раціо-
нальныхъ въ такой странѣ, гдѣ они были еще очень новы;
онъ призванъ былъ дѣятельность эту проявить въ специаль-
номъ направленіи искусства, которое еще не получило здѣсь
права гражданства, не имѣло самостоятельнаго значенія и
смѣшивалось съ другими, менѣе возвышенными интересами
жизни, а мертво и вовсе заглушалось ими. Что внушало
ему его собственное вдохновеніе, то превосходно; слабо и
не изящно то, что почерпнулъ онъ въ школахъ, въ эстетическихъ
взрваніяхъ или маловѣрнѣмъ образѣ мыслей своего време-
ни, что производилъ онъ въ минуты дремоты, навводимой
этими различными вліяніями.

Зачѣмъ же и въ этомъ отношеніи Державинъ не былъ вы-
ше своего вѣка? вопросъ, который выговорить всегда легко,
представляя себѣ недостатки и ошибки великихъ людей, не-
жели избѣжать всего этого, бывъ на ихъ мѣстѣ. Спросите у
исторіи: зачѣмъ она никогда не хочетъ полного торжества
истины и разума на землѣ?

Впрочемъ, къ чему тщательнѣе и настойчивѣе всматри-
ваться въ слабыя стороны умственныхъ дѣятелей, нежели
въ ихъ безсмертныя заслуги и красоты ихъ твореній?
Взвѣсивъ ихъ ошибки — того требуетъ справедливость и
польза науки и искусства; но исполнять свободно, скром-
но и благородно этотъ долгъ разума и совѣсти, не скры-

вая, покроемъ забвеніемъ пятна, чтобъ насладиться сіяніемъ великаго ума и таланта, столь отраднымъ и столь рѣдко озаряющимъ людей. Да будетъ незабвенна память тѣхъ, кто хоть однимъ лучемъ мысли освѣтилъ наши умы и хоть одинъ разъ заставилъ сердце биться сильнѣе отъ волноты ея святыхъ даровъ! Провиднiю угодно, чтобы не все въ людяхъ до конца было отдано въ жертву низостямъ и пустотѣ, и чтобъ были хоть немногія минуты, когда бы они могли въ потрясенномъ сердцѣ почувствовать, какъ сладостно быть человекомъ въ благороднѣйшемъ и разумнѣйшемъ смыслѣ этого слова! Державинъ много содѣйствовалъ къ образованію насъ для подобныхъ впечатлѣній — и потомство не перестанетъ чтить высоко такой прекрасный подвигъ, потому что успѣхи образованности, безъ-сомнѣнія, будутъ дѣлать его болѣе и болѣе внимательнымъ къ умственнымъ заслугамъ. Прочтемъ же въ твореніяхъ Державина со вздохомъ, безъ упреку, — и забудемъ его прологи, его драмы, его лиро-эпическій гимнъ на прогнаніе Французовъ, почти все, написанное имъ въ преклонныхъ лѣтахъ и въ эпоху душевнаго охлажденія; останется еще многое, что для чести русской литературы и русскаго имени мы должны повторять и изучать, останутся: ода «Богъ», «Фелица», «Изображеніе Фелицы», «Водопадъ», «На смерть князя Мещерскаго», «На переходъ черезъ Альпы», «На побѣды Суворова», «Вельможа» и прочая и прочая. И кто изъ Русскихъ не отзовется торжественнымъ согласіемъ на этотъ звучный голосъ, «говорящій къ намъ изъ глубины могилы:»

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!

Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:

Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный

И времени полетъ не сокрушитъ.

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая

Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,

И слава возрастетъ моя, не увядая,

Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Риеся льетъ Уралъ;

Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
 Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
 Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ,
 О добродѣтеляхъ Феицы возгласить,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
 И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

Изданіе сочиненій Державина, послужившее поводомъ къ этой статьѣ, отличается умной біографіей, которою мы обязаны опытному перу господина Полеваго и полнотою: въ немъ помѣщены все донынѣ извѣстныя произведенія нашего знаменитаго поэта. Не мѣшало бы, однако жъ, бумагѣ и печати быть нѣсколько по-лучше. Державинъ ожидаетъ еще изданія великолѣпнаго, достойнаго его славы, и притомъ очищеннаго, то есть, заключающаго въ себѣ одиѣ избранныя дѣсы.

А. НИКИТЕНКО.

=

ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ ВЪ 1840 И 1843 ГОДАХЪ, Ф. П. Л.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
==

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ явленій въ нашемъ обществѣ—это страсть къ путешествіямъ по Европѣ. Перваго начала ея безъ-сомнѣнія, надобно искать въ легкости, съ какою можно ей удовлетворять, а легкость эта есть плодъ той всемогущей силы пара, которой суждено измѣнить лице земли, подобно пороху, компасу, книгопечатанію. Какъ ни близка къ намъ сдѣлалась, нравственно, Европа со времени Петра Великаго, но физически все-таки она была земля *за-морская*, далекая. Немногіе, то есть, люди богатые и правительственные, могли стать передъ ней лицомъ къ лицу, чтобы собственными глазами убѣдиться въ великихъ результатахъ, до которыхъ доходятъ народы развитіемъ своихъ умственныхъ силъ, наукою и искусствомъ. Правда, послѣ Двѣнадцатаго Гола, мы правомъ крови и побѣды снискали возможность полюбоваться Европою; но въ этомъ триумфальномъ шествіи, среди звука оружія, въ волненіи и тревогахъ вопросовъ, отъ ршенія которыхъ зависѣла судьба міра, умы заняты были интересами событій, болѣе нежели изученіемъ вещей, что должно быть, конечно, главнымъ предметомъ при свиданіи съ Европою. Послѣ этого препятствія разстояній, которыя впрочемъ не должны бы много значить для насъ, такъ хорошо знакомыхъ съ ними въ собственномъ нашемъ

отечество, — препятствія разстоянія, говоримъ, снова остановили покушеніе нашего любопытства и любознанія, глубоко возбужденныхъ разказами путешественниковъ-побѣдителей, какъ-вдругъ изъ глубины той же самой Европы мы услышали могущественный голосъ науки: «Народы! спѣшите въ объятія другъ къ другу, спѣшите не на брань, а на мирное торжество идей, на союзъ вашихъ нравственныхъ силъ во имя разума и человечества; спѣшите оставить грубое, оцѣпляющее, эгоистическое одиночество, чтобъ просвѣщаться и просвѣщать, богатѣть и обогащать, возвышать свою народность общими успѣхами и успѣхамъ общимъ содѣйствовать ея *единственными* незамѣнимыми, самобытными средствами. Спѣшите! Я вынудила у природы силу, которая разрушить два самыя страшныя ограниченія вашего духа — ограниченія пространства и времени. Я дарю вамъ эту силу; — моря съ противоположными вѣтрами, земля со своими грязными или снѣжными протяженіями исчезнуть предъ ея побѣдоноснымъ стремленіемъ; вы будете сообщать другъ другу вещи и мысли съ быстротою самой мысли и проживете на земли не одну жизнь, а нѣсколько человеческихъ жизней».

Что оставалось намъ дѣлать послѣ такого призыва науки? Съѣсть на паромѣ или въ вагонѣ и ѣхать. Такъ и сдѣлали.

Весьма понятно, что при такомъ средствѣ явилось множество желающихъ видѣть Европу. Теперь, когда первая суматоха обыкновенно наступающая при всякомъ новомъ движеніи идей, прошла и поѣздка за границу приняла характеръ опредѣленнаго направленія въ нашемъ общественномъ быту — теперь можно раздѣлить на категоріи нашихъ путешественниковъ. Ихъ, кажется, три: путешествующіе по нуждѣ, для удовольствія и для пользы. Къ первымъ принадлежатъ всѣ больные, которымъ медицина предписываетъ цѣлебныя воды или цѣлебный воздухъ благодатнаго юга. У насъ есть свои подобныя воды и свой югъ; почему бы, кажется, не пользоваться ими? Медики утверждаютъ, что Кавказъ и Крымъ не уступаютъ лучшимъ заграничнымъ средствамъ природы въ этомъ отношеніи; между-тѣмъ они сами же вѣдаютъ ѣхать въ Карлсбадъ, Висбаденъ, въ Италію и прочее. Безъ-сомнѣнія

есть основательныя причины такого предпочтенія, хотя достаточно было бы для этого и одного простаго желанія тѣхъ, до кого это касается и кто въ состояннн удовлетворить ему: ибо почему же и не исполнить безвреднаго желанія даже и тогда, когда оно только-что желаніе, особенно когда его изъясняетъ больной, который и безъ того страдаетъ многими лишеніями? Но кромѣ-того быстрота, многоразличныя удобства жизни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надѣются поддержать ее и продлить, отрадное зрѣлище богатой, цвѣтущей образованности, выработанной вѣками, все это такія обстоятельства, которыя невольно маюгъ къ себѣ и здороваго и больнаго, обещая первому наслажденіе, а другому услажденіе горя вмѣстѣ съ средствами его прекратитъ.

Классъ людей отправляющихся за границу для удовольствія,—самый многочисленный. Онъ еще подраздѣляется на тѣхъ, которые понимаютъ, въ чемъ состоитъ удовольствіе путешествовать по Европѣ и на тѣхъ, которые не понимаютъ. Одни—люди учившіеся сколько нибудь, читавшіе кое-что кромѣ Поль де-Кока, Евгенія Сю и векселей, подлежащихъ къ ихъ подписанію, люди болѣе или менѣе мыслящіе или имѣющіе притязанія на мысль, люди доступные впечатлѣніямъ искусства, или по-крайней-мѣрѣ, чувствующие нужду показывать, что они имъ доступны; понимающіе, что въ Европѣ есть на что взглянуть, кромѣ гризетокъ парижскихъ, есть чѣмъ насладиться кромѣ трюфелей и свѣжихъ устрицъ — словомъ, люди образованные, или такъ называемые образованные. Они путешествуютъ по Европѣ или для того, чтобы набрать въ душу живыхъ освѣжительныхъ впечатлѣній на берегу Рейна, у подножія Альпъ, среди остатковъ коллизея, среди движенія всемірныхъ идей Парижа или для того, чтобы обо всемъ этомъ имѣть удовольствіе говорить, имѣть право вторгаться при словахъ: Рафаэлева Мадонна, дневная Швейцарія, голубое небо Італія и тому подобное.

Чтожь отъ этихъ путешественниковъ пріобрѣтаетъ общество? Можетъ-быть, спроситъ кто-нибудь: кѣму этотъ вопросъ? Развѣ они путешествуютъ для общества? Они путешествуютъ для самихъ себя, для своего удовольствія. И по-

чему же имъ не дѣлать этого, когда у нихъ есть средства и когда сидя дома, они ничего лучшаго не могли бы предпринять? Впрочемъ нельзя же сказать, чтобы общество ничего не выигрывало отъ нихъ: они поддерживаютъ наши моральныя сношенія съ Европой, какъ легкіе вѣтерки, изрѣдка живописно струятъ прикосновеніемъ своихъ идей или полундѣй его сонную и гладкую поверхность и служатъ для него, изъ котораго роду, лагеротипными изображеніями общественнаго вкуса и успѣховъ всей просвѣщенной современности. — Но они ничего не дѣлаютъ, возвратясь въ отечество? Да они ничего не дѣлали бы и не выѣзжая изъ него. Пусть ихъ по-крайней-мѣрѣ меньше скучаютъ и не увеличиваютъ домашней скуки.

Люди солидныя однако же не хотятъ примириться съ этими странствующими искателями впечатлѣній и утверждаютъ, что они положительно вредны, что они, напримѣръ, вводятъ къ намъ изъ-за моря охлажденіе и нерасположеніе ко всему своему и прочее. Это несправедливо. Мы на столько уже просвѣтились, чтобы дѣтски не увлекаться невозможными теоріями, чтобы неиграть пошлой роли восторженныхъ идеологовъ, и не бѣгать за тѣнью, оставляя существенное. Мы знаемъ, что дома насъ ожидаетъ много такого, чего въ другомъ мѣстѣ не найдемъ, что побывать можно вездѣ, а жить только тамъ, откуда природа взяла самыя стихіи для созданія нашей жизни — и вѣрованія, и преданія и логику для мысли, такъ же какъ кровь и хлѣбъ для тѣла, что, слѣдовательно, нерасположеніе ко всему этому будетъ дѣйствительно нерасположеніемъ ко всему *своему*, а это равнялось бы самоубійству или безумію, что одно и то же. Впечатлѣнія впечатлѣніями, а существовавшая существовающею.

Но все это относится къ путешественникамъ, понимающимъ въ чемъ состоитъ удовольствіе поѣздить по Европѣ; а что сказать о тѣхъ, которые не понимаютъ этого, которые, по статистической ошибкѣ, считаютъ Европу огромною кухней или виннымъ погребомъ, гдѣ можно обѣдать и пить лучше чѣмъ дома? Такихъ комфортабельныхъ путешественниковъ между нашими найдется, конечно, довольное число. Ничего

нѣтъ легче, какъ этимъ людямъ обойтись безъ Европы. Желанія ихъ такого роду, что имъ удовлетворить можно вездѣ — въ своей деревнѣ между курными избами, и въ шумномъ, великолѣпномъ городѣ — были бы только деньги. а ими ббольшею частію судьба и надѣляетъ людей, нечувствующихъ ни въ чемъ нужды, кромѣ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что имъ произведенія искусствъ? на что зрѣлище многовѣковой образованности и гражданственности? На что эти великія, блестящія имена, гордость нашего вѣка и предметъ удивленія для потомства — эти имена, которыя называя, вы называете въ то же время новое какое-нибудь открытіе въ наукѣ, новую общественную истину, новый успѣхъ въ промышленности, въ искусствѣ, въ жизни? На что все это тѣмъ, которые и теперь готовы восклицать, по примѣру истиннаго знатока жизни кантемировскихъ временъ:

Землю въ четверти дѣлить, безъ Эвклида смѣслимъ,
Сколько денежекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счѣслимъ.

Это прямые наследники и остатки той эпохи когда многіе изъ нашихъ только-что надѣли на свои кошихинскіе нравы европейскіе парики и кафтаны, когда въ угожденіе новому порядку вещей они завели себѣ французскихъ поваровъ и французскихъ гувернеровъ; но въ душѣ хранили ненарушимо-глубокое презрѣніе ко всему умственному — къ наукѣ, къ искусству, какъ прѣличествуетъ истинно и совершенно темному образу мыслей.

Увы! остатки этихъ мраколюбцевъ и умо-ненавистниковъ еще существуютъ даже въ лицѣ многихъ изъ нашихъ путешественниковъ; можетъ-быть внѣшность ихъ быта, формы измѣнились, но понятія остались тѣ же. Они возвращаются изъ-за границы даже безъ впечатлѣній, безъ денегъ, которыхъ прометали и проиграли въ карты больше чѣмъ могли, съ головою непринявшею ни одной мысли, съ желудкомъ пресыщеннымъ и разстроеннымъ роскошью кухонной цивилизаціи, сердитые, разочарованные образованностію, которая обманула ихъ надежды на вѣчный аппетитъ и на невозможность индигестіи, бранящіе безпощадно Европу за то, что она ничего не даетъ безъ денегъ, что она готова посадить въ

тюрьму всякаго за долги, или за буйство; что въ ней читаютъ больше чѣмъ ѣдятъ, и ѣдятъ больше чѣмъ пьютъ; что въ ней отъ печатныхъ станковъ, отъ картинъ, памятниконъ, машинъ, отъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, отъ ихъ толковъ, отъ ихъ вѣчныхъ заботъ объ усовершенствованіи вещей и быта людей некуда дѣваться, и прочее, и прочее. Одно, что они находятъ довольно сноснымъ и что съ торжествомъ привозятъ въ отечество — это фракъ, сшитый настоящимъ, а не московскимъ парижскимъ портнымъ, пальто послѣдняго брюссельскаго изданія и милую козлиную бородку, которую, впрочемъ, легко можно было бы взять за образецъ у всякаго половаго въ любомъ русскомъ трактирѣ.

Третій разрядъ путешественниковъ состоитъ также изъ двухъ категорій: изъ людей, отправляющихся за границу съ цѣлью спеціальною, изъ ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и людей, не предполагающихъ себѣ никакого опредѣленнаго назначенія, но людей мыслящихъ, чувствующихъ необходимость довершить свое человѣческое и общественное образованіе, готовыхъ и способныхъ наблюдать и изучать все достойное наблюденія и изученія. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы начали — и это очень недавно — отвыкать въ наукѣ и искусствѣ отъ рабскаго подражанія всему созданному другими, какъ въ насъ родилось стремленіе работать и выработать истину и изящное собственными силами, мы почувствовали необходимость изучать все аналитически, исторически, глубоко, лично, прямо и непосредственно изъ источниковъ. Это очевидный признакъ образованности не фальшивой, образованности жизненной, сдѣланной не изъ словъ и грёзъ, а изъ мысли и дѣлъ. Тутъ-то явилась и потребность настоящаго знакомства съ міромъ, съ которымъ искусство и наука родились, воспитались и возродили и воспитали людей, въ которомъ собраны и распределены тысячи-лѣтніе опыты разума человѣческаго и плоды его великихъ усилій. Въ прежнее время для насъ было довольно только слышать отъ пріѣзжающихъ о существованіи всего этого, или получать въ отрывкахъ и блѣдныхъ снимкахъ кое-что изъ богатаго запаса всемірной образованности — и на что было больше? вѣдь мы сами не хотѣли рыть-

ся и отыскивать сокровищъ въ этихъ громадахъ всеобщаго достоянія; мы не хотѣли ни смотрѣть своими глазами, ни трудиться своимъ умомъ; намъ скажутъ: «тò-то сдѣлаю» или «тамъ тò-то и тò-то есть» — и довольно съ насъ. Мы были люди не взыскательные — всему вѣрили, все принимали безъ разбору и собственнаго рѣшенія.

По свойственной дѣтству простотѣ нравовъ, мы даже могли съ маленькими нашими кукольными знаніями, считать себя совершенными, могли вѣрить, что намъ нечему и не у кого учиться, забывъ, что мы ровно ничего еще не сдѣлали. Папыщались мало-по-малу этою невинною, хотя и не безвредною ребяческою спѣсью, надѣвъ свои бумажные умственные доспѣхи, вооружась своими маленькими авторскими перушками и своими учебными тетрадками, переписанными у учителей, которыхъ мало слушались и у которыхъ учились наизусть по вопросамъ и отвѣтамъ больше ради экзамена, мы даже иногда вмѣсто должной благодарности покрикивали на нихъ, восклицая, что ихъ самихъ научимъ всякой мудрости и всякому умъню. Все это исчезло какъ сонъ, или какъ обманчивыя видѣнія при свѣтѣ яснаго дня народной славы и народнаго самопознанія. Мы поняли, что мы народъ призванный къ обширной и всесторонней умственной дѣятельности, что у насъ есть прекрасныя способности и что первое доказательство, какое мы представимъ міру и самимъ себѣ во всемъ этомъ будетъ тѣснѣйшее знакомство съ великими созданіями ума человеческого, опытное, аналитическое, самостоятельное ихъ изученіе. Отсюда уже, естественнымъ, логическимъ путемъ пройдутъ стройно и свободно, какъ изъ живаго органическаго начала живые процессы движенія и дѣятельности, новые выводы и примѣненія, которые образованный міръ называетъ открытіями, художественнымъ творчествомъ. Пары подошли къ намъ какъ-разъ впору! Они дали намъ возможность удовлетворить быстро и легко нашимъ прекраснымъ стремленіямъ трудиться въ той самой лабораторіи истины, гдѣ она привычно выработывалась всегда и трудиться вмѣстѣ съ знатоками, мастерами дѣла, которыхъ самые рабочіе приемы важны и поучительны. Слава

Богу, и насъ лучше стали почитать съ умственной стороны; съ-тѣхъ-цоръ какъ мы не сидимъ дома сложа руки и какъ лагеротинныя пластинки, не принимаемъ всего слѣпо и безъ сознанія, опытные мастера на насъ смотрятъ какъ на товарищей въ великомъ дѣлѣ всемірной образованности, а не какъ на лѣнливыхъ, шаловливыхъ школьничковъ, знакомятся съ нами, принимаютъ насъ дружески, открываютъ намъ свои книгохранилища, музеи, картинныя галереи, объясняютъ на-дѣлѣ способы своихъ опытовъ и наблюденій, и радуются, видя въ насъ новыхъ, бодрыхъ и умныхъ дѣятелей во славу разума человеческого.

Одно изъ важнѣйшихъ явленій европейской образованности, или лучше сказать, одно изъ естественныхъ слѣдствій развитія разума, есть то, что теперь знаніе и искусство представляютъ не только одно стройно-движущееся цѣлое, оживленное однимъ безсмертнымъ духомъ человеческимъ, но и правильно распределенныя, развитыя части этого цѣлага. Здѣсь каждая вѣтвь знанія и искусствъ находитъ достойныхъ дѣятелей, каждая вѣтвь выражаетъ всю полноту своей особенной жизни и обременена, такъ сказать, плодами, которые не только показываютъ ея высокій характеръ и значеніе въ цѣломъ, но и все постепенности, все историческіе переходы ея развитія и процвѣтанія. Такимъ образомъ всякое спеціальное призваніе въ Европѣ находитъ все, чѣмъ себя усовершенствовать и обогатить. Талантъ можетъ понять себя, измѣрить свои силы и поприще, опереться на твердыя начала и исполниться святымъ, высокимъ рвеніемъ тогда только, когда на все свои первоначальныя вопросы, на свои жаркіе объеты, такъ же какъ и на цѣломудренныя сомнѣнія, онъ находитъ отзывъ и рѣшеніе въ томъ самомъ могуществѣ, которому обрекъ себя на служеніе. Ему нужно своего роду приготовленіе и воспитаніе, которыя онъ можетъ получать только въ школѣ самыхъ дѣяній, уже совершенныхъ человечествомъ и судьбою въ пользу возчувствованнаго имъ призванія. Надобно пройти курсъ этой школы, если хотятъ довершить въ себѣ то, чему основаніе положила природа. И вообще, въ наше время нѣтъ возможности служить умственнымъ и нрав-

ственнымъ интересамъ своего народа иначе, какъ войдя въ союзъ съ подобными же интересами всѣхъ образованныхъ націй. И чѣмъ многостороннѣе и вмѣстѣ реальнѣе узлы этого соединенія, тѣмъ яснѣе поймемъ мы ступень, на которой сами находимся въ общей великой сферѣ дѣятельности, тѣмъ яснѣе поймемъ нужды собственной страны.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти спеціальныя путешественники приносятъ большую пользу отечеству, каждый въ томъ кругу, гдѣ предназначено ему дѣйствовать. Они укрѣпляютъ у насъ духъ самостоятельнаго, истинно ученаго и художественнаго направленія въ наукѣ и искусствѣ и нашу дѣятельность въ той и другомъ сближаютъ съ вѣчными и всеобщими основаніями истины. Благодаря успѣхамъ отечественной образованности, требованія наши въ предметахъ науки и искусства сдѣлались взыскательнѣе или, лучше сказать, мы перестали довѣрять случайной, шаткой производительности силъ, что обыкновенно называлось прежде вдохновеніемъ и служило признакомъ таланта; мы требуемъ нынѣ во всемъ дѣлъ умныхъ, основательныхъ, утвержденныхъ на методѣ и правилахъ и оправданныхъ опытомъ вѣковъ. Мы не краснѣя можемъ теперь призвать въ свидѣтели нашихъ трудовъ всякаго знатока, и если не въ состояніи еще удовлетворить его обиліемъ результатовъ, то уже не боимся его двусмысленной улыбки за способы, за приемы, за начала и виды нашей дѣятельности, то есть, за все, чѣмъ обеспечивается успѣхъ и доказывается ея разумность. Всѣмъ этимъ мы обязаны тѣснѣйшей связи со всемірною образованностью, которой достигаемъ постоянными и разнообразными личными съ нею сношеніями.

Желательно, чтобы и прочія спеціальныя назначенія высшаго рода воспользовались подобными средствами истинно рациональнаго развитія.

Какъ было бы хорошо для техническаго усовершенствованія разныхъ родовъ нашей промышленности, если бы не одни ученые, но самыя производители посвящали два-три года на практическое изученіе разныхъ операций и пріемовъ своего дѣла въ странахъ, наиболѣе славящихся процвѣтаніемъ земледѣлія, мануфактуръ, торговли. Почему бы, напримеръ, купцу, отправляющему торговлю на многія сотни тысячъ, или

несколько миллионовъ, не послать своего сына за границу, чтобы онъ вникъ въ способы и производство торговли, руководимой правилами и методою, а не однимъ укоренившимся навыкомъ? Это ни мало не испортило бы его природной смысленности, а напротивъ, дало бы ей новую пищу, введя въ кругъ новыхъ соображеній. Увидявъ, какъ движеніе промышленныхъ силъ рѣшитъ самыя важныя вопросы общественнаго благосостоянія, онъ пересталъ бы думать, какъ это обыкновенно случается, о перемѣнѣ своего званія, столь почтеннаго, столь благороднаго, столь причастнаго всякъ успѣхамъ высшей образованности и напелъ бы въ немъ и побужденіе и возможность служить съ честью отечеству. Мелкое торгашество не имѣетъ нужды въ подобномъ расширеніи своихъ понятій; но купечество высшаго разряда, приводящее въ движеніе большіе массы капиталовъ и направляющее промышленныя силы народа, должно неизменно возвыситься до этой просвѣщенной практики, гдѣ руководствомъ для торговыхъ операций служатъ не одни мѣстные или случайныя соображенія и расчеты, но начала всеобщія, рациональныя и взглядъ на связь событій ближайшихъ съ событіями цѣлаго торговаго и политическаго порядка вещей. Мы не должны опасаться, что *каль* мѣстный специализмъ дѣйствій потерается въ слишкомъ обширномъ кругу того специализма, котораго основаніе заключается въ разумѣ и исторіи народовъ образованныхъ, что обращаясь къ ограниченному и общему, мы выпустимъ изъ виду вопросы ближайшіе, ежедневно возникающіе изъ нашего собственнаго быта, сдѣлаемся идеологами, теоретиками в томъ подобномъ. Такія ребяческія увлеченія въ наше время существуютъ болѣе въ плохихъ нравоописательныхъ повѣстяхъ и сатирическихъ романахъ, чѣмъ на дѣлѣ. У насъ болѣе встрѣчается неудача въ предпріятіяхъ промышленныхъ отъ недостатка образованія и отъ страсти дѣлать все скоро, и жать и жонглировать въ одно время, чѣмъ отъ примененія какихъ-нибудь теорій. Мы скорее просто промотаемъ свои капиталы на какіе-нибудь поэмы, чѣмъ употребимъ ихъ на осуществленіе отвлеченныхъ проектовъ, не обнимающихъ прямыхъ выгодъ. Право мы умные, чѣмъ представляютъ насъ наши добрые право-

блестители, которые въ перемъ въ руки простираютъ заботливость свою о нашемъ счастьи до того, что готовы сомнѣваться съумѣешь ли мы сами отличить горькое отъ сладкаго и черное отъ блага.

Но какую пользу могутъ имѣть въ виду отправляющіеся за границу безъ всякой определенной цѣли, люди умные, просвѣщенные, но не спеціальныя? вопросъ странный, недостойный нашего вкуса! Пусть они сами разсуждаютъ о собственныхъ выгодахъ — на то они люди и притомъ образованные, чтобъ имъ разсуждать. Что касается до общества, оно, безъ-сомнѣнія, тѣмъ уже много выиграетъ, что будетъ имѣть въ кругу своемъ людей, которымъ современная образованность открыла все свои тайны — и свои совершенства и свои недостатки. Люди спеціальныя, совершенствовавшіе свой талантъ и свой способъ разсмотрѣннѣмъ и наблюдѣннѣмъ того, что каждому изъ нихъ нужно разсматривать и наблюдать, дѣйствуютъ на бытъ общественный посредственнѣмъ образомъ; послѣдній имѣетъ свои нужды, которымъ прямо удовлетворить въ-состояніи только люди, не принадлежащіе, такъ сказать, никакому цеху, люди положеннѣмъ своимъ умомъ и образованностнѣю уполномоченныя дѣйствовать на нравы и духъ его. Какимъ же образомъ, спросятъ, можетъ-быть, употребить они у себя дома запасъ собранныхъ ими опытовъ и наблюдѣній? станутъ прилагать ихъ къ своему быту? Совѣтъ имъ! Этотъ способъ въ-отношеніи къ общественнымъ понятіямъ, нравамъ, образу жизни в томъ подобно невозможнѣмъ и былъ бы нелѣпъ, если бъ былъ возможенъ. Измѣненія общественныхъ понятій о вещахъ и бытъ выработываются исторіей и характеромъ страны: И кому изъ умныхъ людей прійдетъ въ голову заводить у себя дома все то, что случалось ему видѣть гдѣ-либо в теченіи жизни? Онъ скажетъ: «я видѣлъ тамъ-то такой-то хорошій обычай, такое-то учрежденіе» — это расширить кругъ понятій его единоземцевъ, наведетъ ихъ на новыя, можетъ-быть, весьма важныя соображенія — вотъ и все. Но это все, то есть, это не многое, очень важно: оно заставитъ думать — а мысль, возбужденная фактами, никогда не останется безъ искуства.

Вообще въ сношеніи народовъ образованныхъ между собою,

есть и кромѣ заимствованій и рабскаго подражанія, много важныхъ выгодъ, и изъ нихъ важнѣйшая та, что они возбуждаютъ другъ друга къ умственной дѣятельности и препятствуютъ застою и закоснѣлости идей, столь противныхъ человѣческому назначенію и столь вредныхъ могуществу и благосостоянію каждаго изъ нихъ.

Самые важные изъ путешественниковъ этого разряда суть тѣ, которые обнародываютъ свои замѣчанія, свои наблюденія; они такимъ образомъ многихъ дѣлаютъ участниками знанія, которое пріобрѣли трудомъ и пожертвованіями. Одно изъ почетныхъ мѣстъ между ними занимаетъ авторъ разбираемой нами книги. Онъ далъ ей названіе *Зимтокъ*; но это не летучія замѣтки обыкновеннаго туриста, который сообщаетъ читателямъ свои взгляды на предметы быстрые, какъ его проѣзды по городамъ и скользящіе, поверхностные, какъ умъ челоуѣка, который только смотритъ, а не наблюдаетъ. Это не впечатлѣнія восторженныхъ обожателей *всего великаго и прекраснаго*, состоящіе изъ обшихъ мѣстъ, возгласовъ, тысячу разъ повторенныя и въ тысячу первый разъ вынужденныя у непослушнаго воображенія, которое тутъ играетъ роль истиннаго вкуса и истиннаго сочувствія къ изображаемымъ красотамъ. Это здравыя, вѣрныя наблюденія челоуѣка мыслящаго, просвѣщеннаго, изучающаго весьма основательно и глубоко. Его занимаетъ бытъ людей съ важнѣйшими задачами общественнаго благосостоянія. Проѣзжая по Германіи, Швейцаріи и Сѣверной Италіи, онъ всегда умѣетъ остановиться на предметахъ, наиболѣе характеризующихъ страну и народъ, изображаетъ ихъ чертами прямыми и вѣрными и дѣлаетъ заключенія умныя и оригинальныя. Можетъ-быть, вы не всегда согласитесь съ послѣдними, но зато всегда признаете въ авторѣ ихъ челоуѣка, знакомаго съ опытами жизни и важнѣйшими пружинами, движущими челоуѣческими обществами.

На этотъ разъ мы ограничиваемся общими замѣчаніями о книгѣ, по справедливости заслуживающей вниманіе просвѣщенной публики. Въ слѣдующемъ номерѣ журнала, мы познакомимъ читателей нашихъ съ любопытнѣйшими ея мѣстами и дадимъ отчетъ о способѣ ея изложенія.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯНВАРЬ, 1846.

НОВЫЯ КНИГИ.

Новый годъ — новый обманъ!... Вчера еще улымый, грустный, измученный скукою, сегодня съ ранняго утра мѣръ засуетился. Каждый поспѣшно выбрасываетъ на дворъ, свои старыя, поблекшія, [неудавшіяся надежды, и набиваетъ пустое сердце новыми, блестящими, которыя также — увь! — не удадутся и надо будетъ выбросить, подобно прошлогоднимъ. Я... у меня надеждъ нѣтъ!... у меня есть только книги.... Я дѣлаю то же что всѣ дѣлаютъ — выбрасываю.... о! съ величайшею радостью выбрасываю всѣ старыя, прошлогоднія книги, и съ величайшею жадностью бросаюсь на новыя. Тутъ-то будетъ умъ!... тутъ-то искусство, слогъ, прелесть, наслаждение!... И что же нахожу?... коварство коварствъ!

коварство. М. Чернявскаго. *С П.-буревъ, въ тип. Праца, 1846, въ-8 стр. 204 — 330.*

Одно изъ самыхъ жестокихъ «Коварствъ» какія только можетъ изобрѣсть коварный умъ человѣческій. Digitized by Google Со времени незаб-
Т. LXXIV. — Отд. VI. 1

венной «Аристократки» почтеннѣйшаго Опыта, еще не являлось подъ русскимъ солнцемъ, такого аристократическаго романа какъ подлежащее «Коварство». Господинъ Чернявскій ставитъ этотъ малелькій большой свѣтъ подъ микроскопъ своего остроумія и анатомируетъ его косаремъ своей неугомонной наблюдательности. Онъ рѣжетъ его такъ немилосердо, что ни въ одномъ лицѣ, выводимомъ на сцену, не остается ни ума, ни сердца, ни даже здраваго смысла.

Романъ начинается въ гостиной, которой самъ авторъ былъ обойщикомъ: онъ убралъ ее по своему удивительному вкусу и наставилъ въ нее чудной мебели своего изобрѣтенія. Это — гостиная князя Александра Бѣльскаго, тирана и мучителя двухъ прелестныхъ существъ, которыя имѣютъ несчастье называться его женой и его дочерью. Въ гостиной у окна, вы видите Елену, «дѣвицу Елену, единственную дочь князя». Она сидитъ въ глубокомъ раздумьѣ. Лицо ея, какъ водится, блѣдное, по положенію, освѣщено *печальнымъ блестящимъ луны*. Но любопытно то, что сказанный *печальный блескъ луны*, сливался съ *слабымъ свѣтомъ нагорныхъ и*, разумѣется, дрянныхъ, сальныхъ *свѣчей*, — да! да! *свѣчей*: о дрянныхъ свѣчахъ говорится всегда *свѣчей*; о хорошихъ, *свѣчъ*, — что, говорю я, *печальный блескъ луны*, сливался съ *слабымъ свѣтомъ нагорныхъ свѣчей*, составлялъ *чудное мерцаніе*. Этого бы никакъ я не подумалъ! Но авторъ «Коварства», страстный живописецъ и отличный знатокъ нагорающихъ *свѣчей*, — можно сказать Рафаэль сальной сажи, — увѣряетъ, что *свѣтъ* такихъ свѣчей, если къ нему прибавить *блескъ луны*, производитъ *чудные эффекты* на расписныхъ плафонахъ, куда — ужъ право не знаю какъ, взбирается луна съ своимъ *печальнымъ блестящимъ*! Но слогъ «Коварства» — непрерывный рядъ *самыхъ чудныхъ картинъ*, самой *дивной живописи*. Читателямъ «Легенды» нельзя не показать хоть образчика этой великолѣпной галереи, освѣщенной *слабымъ свѣтомъ нагорныхъ свѣчей*.

«Елена Бѣльская — существо действительно превосходное, въ полномъ значеніи этого слова. Мы опишемъ по возможности какъ душевные достоинства, такъ и шаржующую ея красоту.

«Съ характеромъ твердымъ и постояннымъ, съ умомъ обогащеннымъ превосходнымъ образованіемъ, она обладала еще въ высшей степени и *утопченную свѣтскостію*. Когда родители ея жили въ столицѣ, то Елена была одною изъ примѣчательныхъ дѣвицъ аристократическаго общества и умѣла привлечь къ себѣ *вниманіе и уваженіе какъ знатныхъ почтенныхъ особъ*,

•такъ и *кавалеровъ высшаго тона*, — чему способствовала удивительная красота *лилейнаго ея лица*, на щекахъ котораго разливался *нѣжный румянецъ*; въ голубыхъ же *бездонныхъ глазахъ* заключалась *неизяснимая томность*; длинныя локоны ея свѣтло-каштановыхъ волосъ *гармонировали* своею *шелковистою мягкостію и прекраснымъ цвѣтомъ съ нѣжнымъ ея тѣломъ*. Елена всегда одѣвалась со вкусомъ; ея чудная талія и маленькія ножки *совершенно дополняли* привлекательность, какую природѣ *удобно было* такъ щедро одарить *милую дѣвицу*.

Глубокая тишина по временамъ нарушалась *вылетающими изъ груди княжны тяжкими вздохами*. Печальный блескъ *луны*, сливаясь съ слабымъ свѣтомъ отъ *нагорѣлыхъ свѣчей*, чудно мерцалъ на яркой позолотѣ *капителей и карнизовъ*, составляя *дивный эффектъ блѣднаго просвѣта на росписномъ плафонѣ*. Тамъ же, дагѣе, въ углубленіи комнаты, по паркету мрачно рисовалась *тѣнь отъ колоннъ*. *Таинственный дракъ*, при царствующей *здѣсь тишинѣ*, *величій роскошной отдѣлки и изяществомъ убранствѣ*, *могъ породить въ душѣ каждаго высокое чувство удивленія*, и, вмѣстѣ съ *тѣмъ*, навѣсть самыя *мрачныя, самыя унылыя думы*; но *вникнемъ*, разсмотримъ *прекрасныя черты Елены* и то, что выражается теперь въ нихъ.

•Я согласенъ съ *тѣмъ правильнымъ и истиннымъ изреченіемъ*, что *лицо есть вывѣска души* и что по *выразительности его* можно заключать о *тѣхъ чувстваваніяхъ*, какія *наполняютъ душу помышлений нашихъ* и всего того, что *испытываемъ мы въ счастіи*, или въ *несчастіи* нашемъ. Взгляните въ *томные, прелестные ея (?) глаза*; вникните въ *задумчивый видъ* и *подслушайте тяжкій вздохъ*,—вы также *вдохнете* и скажете: *она несчастлива — ей грустно!* И тутъ-то *любопытство* ваше *узнать причину ея горя*, конечно, *не будетъ имѣть уже границъ*.

Какъ вы видите, каждая черта въ этомъ *слогѣ*—драгоценность. Прибавьте къ *тому еще*, что *всѣ дѣйствующія лица* «Коварства»—большіе философы и *резонеры*. Когда у нихъ *пѣтъ слушателей*, они *говорятъ сами съ собою*, изъ *чего читатель и узнаеть все ему нужное*. Для *почтву*, *милая дѣвица* Елена *единственная дочь князя*, *разражается монологомъ*, совершенно *шиллеровскимъ*: «О люди, люди, *порожденіе крокодиловъ!*» *Мовологъ* этотъ такъ силенъ и былъ *сказанъ съ такимъ чувствомъ*, что даже *дрожь пробѣжала по нѣжнымъ нервамъ милой дѣвицы*, *тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ шелковистой груди*, *слезы покатались ручьями изъ бездонныхъ глазъ*. Предметомъ *монолога* была *маменька*. *Дѣвица*

жалѣть о маменькѣ и негодуеть на папеньку за его жестокость и странное обращеніе. За что же такое звѣрство? За пустяки!... просто, безъ всякой причины!... за ничтожную ошибку, забывчивость, недосмотръ. Эта маленькая тайна скоро объясняется журналомъ несчастной маменьки, ея воспоминаніями, которыя, послѣ смерти ея, *милая дѣвица* Елена «единственная дочь князя», читаетъ во всеуслышаніе для собственнаго своего назиданія.

Всегда за *милой дѣвицей-дочерью* выходитъ на сцену и маменька, *дѣла лѣтъ сорока*, по словамъ «Коварства». Она сидитъ въ небольшой комнатѣ, освѣщенной нагорѣлою лампою. Собственно, въ этой комнатѣ нѣтъ *ничего такого*... какъ сознается самъ авторъ. Единственная любопытная вещь здѣсь — *черное бархатное одяло* на кровати ея сіятельства. Впрочемъ, чѣмъ же княгинямъ и накрываться въ постели какъ не *чернымъ бархатомъ*? Я согласенъ съ авторомъ, что это — совершенно *бон-тонно*.

«Нарядъ едвѣдшей здѣсь дамы былъ не только не пышенъ, но «даже *умпренъ*: изъ-подъ бѣлаго кружевнаго *цепца* выказывались «черные ея волосы, составляя *удивительный контрастъ* бѣлому, «*нпѣжному ея тѣлу*; темное, *посредственной матеріи* платьѣ «обрисовывало *чудный станъ*. Ни болѣзнь, ни горе не могли «совершенно уничтожить *дивной ея красоты*, не могли потушить «того яркаго огня, который и теперь еще блисталъ въ ея пре-«красномъ *взорѣ*; кротость и страданіе явственно выражались въ «лицѣ этой необыкновенной женщины. *Впрямь, каждый изъ «моихъ читателей узналъ уже въ ней княгиню Бѣльскую, не-«счастную страдалицу, мать Елены*».

Какъ не узнать!... Несчастливая-страдалица начинаетъ вздыхать и разсказывать монологи, и въ промежуткахъ запечатываетъ толстую тетрадь въ конвертъ, который адресуетъ *своей дочери Еленѣ*. Послѣ-того она вдругъ умираетъ, въ присутствіи дочери и мужа, которые, къ счастью, подоспѣли во-время.

«Быстрыми *взорами* окинулъ онъ находящихся здѣсь и тот-«часъ подошелъ къ кровати больной.

«Глаза княгини также устремились въ лицо супруга, безмолвно «нѣсколько минутъ простоявшаго у ея постели.

— «Сожь! сказалъ онъ наконецъ, послѣднія минуты твоей жи-«зни всемяютъ ли въ тебя раскаяніе? Готова ли ты сознаться?»

— «Я невинна! слабо произнесла она, взглянувъ на икону и по-«казавъ на свое сердце; потомъ рука ея упала на кровать, голо-

«ва склонилась всторону, послѣдній вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея.

— «Невинна? сказалъ мрачнымъ голосомъ князь и, схвативъ за руку дочь, увлекъ ее съ собою изъ комнаты».

Все это—только прологъ къ безконечной драмѣ «Коварства», которую авторъ развиваетъ на пяти стахъ страницахъ съ чуднымъ довѣріемъ къ *дивному* терпѣнію читателя. Какъ-скоро маменька умерла, сказавъ что она *невинна*, неутѣшная дѣвица-дочь начинаетъ читать ея журналъ, изъ котораго явствуется, что, во-время-оно, въ одномъ изъ прибрежныхъ городовъ Азовскаго Моря, жилъ-былъ одинъ Иванъ Николаевичъ, который, въ одно свое морское плаваніе, познакомился «съ знаменитымъ банкиромъ Венеціи», синьоромъ Карломъ Джіованни, влюбился въ его дочь, *розу лагуна*, прелестную синьору Элеонору. Съ своей стороны, прелестная синьора Элеонора питала къ прелестному Ивану Николаевичу «неограниченную *расположенность*». Какимъ любовнымъ зельемъ приворожилъ къ себѣ красавицу синьоръ Иванъ Николаевичъ, объ этомъ «Коварство» не упоминаетъ, но приключеніе становится совершенно *чуднымъ*, когда влюбленный синьоръ морякъ похищаетъ прелестную синьору дѣвицу, *розу лагуна*, при помощи своего закадычнаго друга, синьора Роллини, страшнаго злодѣя. Подняли якорь, распустили паруса и — *vogue la galère*

È bizzarra l'avventura!...

Синьоръ Джіованни умеръ съ отчаянія, не забывъ въ своемъ отчаяніи назначить дочь наслѣдницей огромнаго состоянія. Роллини, къ которому синьоръ Иванъ Николаевичъ чувствуетъ неограниченную *расположенность*, становится управителемъ имѣнія его жены. Бѣольшая часть этого имѣнія переходитъ къ нему въ карманъ. вмѣстѣ съ своими братьями, такими же синьорами злодѣями, какъ и самъ онъ, Роллини открываетъ торговый домъ подъ фирмою Роллини и Ко., гдѣ капиталъ Элеоноры играетъ, безъ ея вѣдома, самую важную роль. Между-тѣмъ у Элеоноры съ Иваномъ Николаевичемъ родилась дочь, будущая мать героини романа, сочинительницы «Воспоминаній», о которыхъ идетъ рѣчь. Синьору Роллини поручено ея воспитаніе и онъ принялся за это дѣло съ особеннымъ раченіемъ. Богъ знаетъ чему и какъ училъ онъ воспитанницу, но то вѣрно, что съ своей стороны, она не чувствовала къ нему ничего кромѣ отвращенія. Скоро коварный Роллини убѣдилъ Ивана Николаевича ѣхать вмѣстѣ въ Венецію, гдѣ торговля дѣла требовали ихъ присутствія. Управление дѣлами конторы ввѣрено было секретарю, синьору *Ладзю*, тонко-

му плуту и обманщику, который дѣйствовалъ за-одно съ Роллин-ни. Авторъ описываетъ этого снѣбора такъ:

«Наружность снѣбора Ладзея была *довольно занимательна*. «Вообрази, милая Елена, крошечнаго челоуѣка съ длинными свѣтло-русыми курчавыми волосами, лобъ въ морщинахъ, носъ длинный и горбатый, глаза маленькіе, зрачки въ нихъ зеленовато-сѣрые, надъ которыми красуются густыя и широкія брови, ротъ очень большой, верхняя губа удивительно толстая, а нижняя такъ непропорціональна ей, что почти ею закрыта; за всѣмъ тѣмъ этотъ миленькій ротикъ почти всегда улыбается и черные, гадкіе зубы презанчительно выказывались изъ-подъ толстой губы; когда же снѣборъ Ладзей принималъ на себя видъ серіозный, тогда непріятныя черты его лица явственно выражали господствующій въ немъ характеръ, способный на всѣ роды обмановъ, низостей и злодѣйствъ; въ его злобныхъ минахъ и ядовитыхъ улыбкахъ выказывались, какъ въ самомъ чистомъ зеркаль, пагубныя наклонности, которыми полна была разращенная его душа».

Этого мы вовсе не знали, что въ самомъ чистомъ зеркаль выказываются пагубныя наклонности, которыми наполнена душа зеркала! Хорошо знать, на всякій случай.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ивана Николаевича, Элеонора умерла и оставила дочь круглою сиротою. Бѣдняжка грустила по матери до-тѣхъ-поръ, пока грусть не замѣнилась въ ней другою любовью. Въ это время явилось въ городѣ новое лицо, князь Александръ Бѣльскій, блестящій петербургскій чиновникъ *высшаго слоя*, гроза карантинныхъ смотрителей, красавецъ собой, молодой, ловкій, образованный, словомъ, петербургской чиновникъ *высшаго слоя* въ полной формѣ. По улицамъ онъ разъѣзжалъ въ лондо, шестеркою; квартиру нанималъ въ домѣ «съ колоннами и съ нарядныйя крыльцомъ». О дѣвпцахъ города и говорить нечего: онѣ всѣ сходили по немъ съ ума. Дочери Элеоноры было уже семнадцать лѣтъ, и сердце ея давно искало себѣ идеала въ штатѣ губернскихъ чиновниковъ. Не удивительно, что, при такой *расположенности*, лишь-только увидѣла она блестящаго петербургскаго чиновника высшаго слоя,—увидѣла только съ балкона,—и тутъ же, на-мѣстѣ, и *воспылала* любовною страстію». Случилось такъ, что въ домѣ, гдѣ жила она съ подругою своею, Викториною, воспылалъ еще пожаръ. Шумъ, крикъ, тревога, смятеніе. Геронья лишается чувствъ. «Голова моя закружилась, пишетъ она въ «Воспоминаніяхъ»: члены онѣмѣли, сердце замерло и, съ той минуты я ве

помню что со мною было! Но когда пришла я въ себя и глаза мои открылись, предметъ, увидѣнный мною, былъ князь. (Этотъ предметъ-князь былъ предметъ) стоящій подлѣ дивана, на которомъ приводили меня въ чувство. Онъ такъ же растиралъ крѣпкимъ спиртомъ мои пульсы».

Растираніе пульсовъ кончилось свадьбою, которой не помѣшало даже, ни извѣстіе о смерти отца невесты, привезенное коварнымъ Роллини, ни духовное завѣщаніе, по силѣ котораго дочь не имѣла права выходить замужъ безъ согласія Роллини. Синьоръ Роллини успѣлъ овладѣть довѣренностью и князя Бѣльскаго: по-прежнему управлялъ онъ всѣми дѣлами и даже поѣхалъ съ княземъ въ Петербургъ. Здѣсь рѣдился у князя, милая дѣвица Елена, вторая героиня романа. Роллини вснавидитъ обѣихъ героинь, и мать и дочь, во-первыхъ, за то, что онъ, по званію своему — злодѣй романа, во-вторыхъ, ддятого, что романъ называется «Коварство». Роллини успѣваетъ оклеветать передъ мужемъ бѣдную Софью, которая виновата только въ томъ, что безпрестанно говорить монологи. Но Роллини подкупилъ нѣкоего барона, «молодаго человѣка съ хорошимъ образованіемъ, съ мужественною наружностію и взорами, въ которыхъ пылалъ страстный огонь». Баронъ принялъ на себя роль любовника и явился ночью въ комнату Софьи, гдѣ его и засталъ мужъ ея.

«Три раза уже пробилъ часовый колоколъ въ кабинетъ твоего отца; я разбудила спящую въ гардеробной мою дѣвушку, и раздѣвшись, легла въ постель. Усталость овладѣла всѣмъ моимъ организмомъ и я уснула крѣпкимъ сномъ. Не знаю, долго ли я спала, только вдругъ шорохъ и голосъ твоего отца сквозь сонъ коснулись моего слуха и разбудили меня. Боже! что представилось взорамъ моимъ?! Подлѣ двери, ведущей въ кабинетъ, стоялъ баронъ, а отецъ твой съ кнжаломъ приближался къ ней; Роллини же сзади освѣщалъ комнату, держа въ одной рукѣ подсвѣчникъ съ (нагорѣлою) свѣчою. Какъ стрѣла бросается баронъ въ двери кабинета; это движеніе его я еще могу помнить и ужасныя слова отца твоего врѣзались въ мою душу:—«Злодѣй!» сказалъ онъ, замахнувшись кнжаломъ на барона; но тотъ ускользнулъ отъ пораженія. — «Несчастная, закричалъ тогда твой отецъ, обращаясь ко мнѣ: вотъ награда за мою любовь! Живи! Я дарю тебѣ жизнь для мученій! «О Боже! все, что видѣла я въ этотъ моментъ и что услышала, слышала уже было разительно для моихъ чувствъ!... Тѣло мое охладѣло, языкъ онемилъ, я не могла говорить, оправдываться,

«въ глазахъ померкъ свѣтъ.... И я упала безъ чувствъ на свою «кровать»».

Съ этого *дивнаго* случая начинается *чудная* ненависть князя Бѣльскаго, къ своей княгинѣ, ненависть, прекратившаяся только съ ея смертію. Дочь, которой извѣстна невинность матери, мнрить раздраженнаго папеньку съ покойной маменькой; князь оплакиваетъ свою жестокость. Злодѣй получаетъ наказаніе: обманы и подлоги его скоро открываются; его схватываютъ, сажаютъ въ тюрьму и казнятъ.

Вся эта чепуха — извините, что слово немножко пошлое, но я избираю его потому, что оно гораздо учтивѣе всѣхъ прочихъ, приходящихъ въ голову по прочтеніи «Коварства» — рассказана тѣмъ *чуднымъ* слогомъ, котораго *дивные* образчики вы изволили видѣть. Мы могли бы здѣсь остановиться, но авторъ, по случаю Новаго Года даетъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ, и вмѣсто одного Коварства вы имѣете два. Одно вы уже знаете. Второе коварство его олицетворено въ особѣ графини Вѣры О***, дочери графа Владимира Осиповича, стараго друга князя Бѣльскаго, промотавшагося аристократа. У графа О***, кромѣ Вѣры, есть еще дочь Ксенія, и сынъ *Пьеръ*, юноша только что-окопчившій воспитаніе, поэтъ, и притомъ поэтъ, какихъ мало. *Милая дѣвица* Елена дружится съ сентиментальною дѣвицею Ксеніею и влюбляется въ ея брата, поэта, который воспѣваетъ ее вмѣстѣ съ луною и звѣздами. Съ своей стороны Ксенія влюбляется въ *Жоржа* Пронскаго, сына пріятеля папеньки, бульварнаго льва, отчаяннаго негодяя, который волочится за всѣми провинціальными дѣвицами съ очень дурными намѣреніями, а въ Петербургѣ дѣлитъ свое время съ какою-то Мери, милую дѣвицею неизвѣстнаго ремесла, на обираніе молодыхъ людей весьма искушенною. Графиня Вѣра, старой дѣвушкѣ, кокетливой, безобразной, злой и умной какъ бѣсъ, почему-то очень не нравится любовь своего брата-поэта къ Еленѣ Бѣльской, и она даетъ себѣ слово разстроить ихъ свадьбу, которая уже рѣшена родителями. Не нравится ей также и любовь своей сестры, Ксеніи, къ москѣ Жоржу. И вотъ она дружится съ нимъ, пльняетъ его своимъ умомъ, любезностью, образованностью, слушаетъ его признанія, позволяетъ даже цѣловать себя, даетъ rendez-vous и, въ заключеніе, по отъѣздѣ Жоржа заводитъ съ нимъ ужасно преступную переписку: и все это для того только, чтобъ разстроить свадьбы брата и сестры. Вы понимаете сколько тутъ коварства!... и какого коварнаго коварства!... Поэтъ Пьеръ также увѣжаетъ въ Петербургъ. Отецъ

его очень мудро рѣшилъ, что сыну, прежде чѣмъ жениться, надобно послужить. Въ Петербургѣ есть у него старый пріятель, Старорусовъ, его превосходительство, — директоръ какого-то департамента, — истинный патриотъ и, слѣдственно, цѣнитель талантовъ. Къ нему-то въ качествѣ секретаря поступаетъ поэтъ, и дружится съ его вельможными сыновьями, молодыми людьми *comme-il-faut*, изъ которыхъ одинъ очень скромный, а другой любитъ немножко покутить и посѣщаетъ Жоржа, Мери и компанію. Между-тѣмъ героини, оставшіяся въ деревнѣ, вздыхаютъ по своимъ героямъ, и одна изъ нихъ, Ксенія, уже почти — сумасшедшая. Въ головѣ у ней, очевидно, умъ за разумъ заходитъ. Впрочемъ, можетъ-быть это только чудный эффектъ *дивнаго* слогу господина Чернявскаго. Поводомъ къ этому печальному положенію ума милой дѣвицы, служатъ волокитства и дурное поведеніе москѣ Жоржа; усилія доктора Сасапра сына однако жъ спасаютъ Ксенію отъ гибели и, несмотря на слогъ «Коварства», къ концу романа милая дѣвица начинаетъ разсуждать довольно здраво: вмѣсто коварнаго Жоржа, она выходитъ замужъ, за полковника, квартирующаго съ полкомъ своимъ въ ихъ сосѣдствѣ.

На послѣднихъ страницахъ, всѣ дѣйствующія лица или умираютъ или женятся, — женятся добродѣтельные, — умираютъ коварные. Коварство Вѣры открывается изъ ея писемъ къ Жоржу. Ожесточенный графъ О*** изгоняетъ коварную дочь; съ своей стороны Пренскій изгоняетъ коварнаго сына. Обои коварствамъ, послѣ такой развязки, не остается ничего дѣлать какъ жениться другъ на другѣ или взаимно умереть. Справедливый авторъ наказуетъ ихъ смертью: они умираютъ, одинъ въ Петербургѣ, — другая въ монастырѣ. Пьеръ возвращается изъ Петербурга и женится на милой дѣвицѣ Еленѣ. На придачу, женится и самъ князь Бѣльскій на хорошенькой и богатой вдовѣ, которую лечитъ отъ спазмовъ докторъ Сасапра-синъ.

Романовъ, писанныхъ слогомъ господина Чернявскаго, никто не обязанъ помнить, и мы, можетъ-быть и ошибаемся, утверждая, что авторъ «Коварства» не въ первый уже разъ грѣшитъ передъ русскимъ языкомъ, такими *дивными*, плодами своего *чуднаго* воображенія. Но, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что до-сихъ-поръ онъ еще не былъ извѣстенъ какъ романистъ-философъ. А между-тѣмъ онъ большой философъ. Этотъ фактъ впервые, какъ кажется, обнаруживается

свѣту посредствомъ «Коварства», и мы считаемъ себя обязанными привести одно изъ его тонкихъ философическихъ разсужденій:

«Удивительны свойства души человѣческой! и не намъ разгадывать священныя и глубокия ея тайны и тѣ неизяснимыя чувствованія, какими бываетъ наполнена эта лампа нашей жизни, этотъ свѣтъ и пламень, оживотворяющій весь нашъ организмъ. Они связь всего чувствуемаго, основаніе нашей умственной системы и причина всѣхъ нашихъ желаній: но скажите, всегда ли душевная тоска предвѣщаетъ намъ несчастіе?

Нѣтъ! и передъ радостію мы иногда бываемъ грустны. Намъ дѣлается тяжело, душа занываетъ, мысли омрачаются, — и мы какъ-будто чего-то ожидаемъ очень непріятнаго: иной даже увѣренъ, что это предчувствіе страшнаго несчастія, а выйдетъ совсѣмъ противное; вмѣсто страшнаго съ нимъ случится радостное. Вотъ камень преткновенія для изслѣдованія тѣхъ таинственныхъ дѣйствій душевной организаціи, на которыхъ основана духовная жизнь.

«Я думаю, вамъ случалось видѣть дѣвицу, предавшуюся своимъ мечтаніямъ.—О, судьба! испосли мнѣ даръ проникательности, или просто талисманъ, съ которымъ бы я могъ, взглянувъ на дѣвицу, предавшуюся своимъ мечтаніямъ, тотчасъ изслѣдовать всѣ причины, всю тайну, однимъ словомъ, все и все, о чемъ она мечтаетъ.... Нѣтъ, не буду я имѣть такого талисмана, и вы не хлопчите: вамъ не дастся подобная проникательность. Душмы, мечтанія дѣвушекъ — глубоки, неудобопроницаемы, и таинственны, какъ древняя магія и хотя романы прежнихъ вѣковъ и новѣйшіе англійскіе, нѣмецкіе, французскіе, россійскіе, и даже китайскіе, много уже открыли тайнъ женскаго сердца, но всё-еще остается необъясненнымъ важнѣйшій секретъ, состоящій въ томъ, чтобъ, взглянувъ на дѣвицу, предавшуюся своимъ мечтаніямъ, тотчасъ же узнать о чемъ она мечтаетъ и подробно разсказать всю ея сердечную тайну....»

Ня дать ни взять — египетская мудрость! Но авторъ «Коварства» не только философъ: въ то же время онъ и поэтъ. Въ подлежащемъ романѣ онъ приводитъ два своихъ стихотворныхъ опыта, которые, изъ скромности, приписаны одному изъ героевъ романа, знаменитому поэту Пьеру. Это—два chefs-d'oeuvres «россійскаго стихотворенія». За немнѣніемъ на благополучно наступившій новый годъ другихъ стиховъ, мы представимъ жаждущимъ поэзіи читателямъ дѣльныя вдохновенія чудной музы

господина Чернявскаго. Воспѣваются сперва, *идеаль*, а потомъ *слава* сказаннаго идеала:

И Д Е А Л Ъ.

«Прекрасенъ міръ въ душѣ поэта!
 Радушно жизнь его течетъ,
 Всегда трудится онъ для свѣта,
 Восторгъ и мысль ему даетъ.
 Живить его воображенье;
 Фантазія уносить въ высь;
 Лелѣетъ душу упоенье;
 Родятся думы — вторить мысль.

Поэтъ счастливъ! такъ, это правда;
 Но кто же счастливѣй изъ нихъ;
 Кто заслужилъ признанье свѣта,
 Или кто славы ужъ достигъ?
 Не тотъ, не тотъ, ручаюсь смѣло,
 Все это лишь мечты однѣ.
 Лишь время съ шумомъ пролетѣло, —
 И все утихнеть въ старинѣ.

Поэтъ тотъ счастливъ, кто для лиры
 Въ душѣ имѣетъ идеаль,
 Кто не одинъ блуждаетъ въ мірѣ,
 Кто самъ въ себѣ его созналъ!
 Чьи фантазіи родятся
 Въ созвучіи любви прямой,
 И чьи мечты, носясь, кружатся
 Надъ грудью дѣвы молодой!

Кого живять прелестной взоры,
 Чей духъ возвышенъ, увлеченъ
 Въ прекрасный храмъ чудесной Флоры,
 Кому тамъ розанъ подаренъ.

Кто ясно понялъ вдохновенье
 Ея возвышенныхъ идей,
 И съ ней пропѣлъ ужъ *наслажденье*
 Волшебныхъ думъ, счастливыхъ дней!

О! мой чудесный идеаль,
 Живи въ моемъ воображеніи!
 Въ тебѣ я рай мой испыталъ
 И повѣлъ слухъ вдохновеня!»

Г л а з а .

«Ея глаза,
 Ея глаза васъ очаруютъ
 Блестящею игрой своей;
 Они вамъ вѣрно обрисуютъ
 Ташся что въ душѣ у ней.
 Ея глаза, ея глаза!

Ея глаза игрою дивной
 Блестятъ пріятно, какъ алмазъ;
 Любовью пылкой, вѣжной, сильной
 Зажмутъ вамъ сердце хоть тотчасъ.
 Ея глаза, ея глаза!

Ея глаза добротой блещутъ, —
 Лукавства въ нихъ и тѣни нѣтъ;
 Лучи такъ радужно трепещутъ,
 Когда блестятъ въ нихъ солнца свѣтъ.
 Ея глаза, ея глаза!

Ея глаза!... Я очарованъ
 Пріятной, дивной ихъ красой,
 Любовью вѣжной къ нимъ прикованъ
 И вѣчно дуюмою моею!...
 Ея глаза, ея глаза!

Философія, поэзія, повѣсть... каково «Коварство»!

СОФІЯ, послѣдняя изъ княженъ слѣдующихъ. *Историческая повѣсть изъ временъ царствованія короля Сигизмунда III. Сочиненіе Іозефины О...* Переводъ съ польскаго А. П. .... во. Москва, въ тип. Степанова. 1845, въ-12. Двѣ части, стр. 141—142.

Вотъ утѣшительная книга! Какое сладкое внушеніе, какую бальзамическую радость разливаетъ она въ душѣ! Значить, и на польскомъ языкѣ, и въ этой старой, ученой, богатой литературѣ, пишутъ такіе же плохіе романы, какъ и у насъ, на русскомъ, въ нашей юной литературѣ, образовавшей себя самоучкой? Пріятно убѣдиться, что намъ нечего завидовать другимъ; что и наши соплеменники, усердно учившіеся грамотѣ три съ половиною столѣтія, когда дѣло коснется вымысла, созданія, искусства, не лучше насъ и пишутъ такъ же чудно и дивно какъ и мы.

Въ подлежащей книгѣ есть все и нѣтъ ничего. Исторія, вымыселъ, интрига, картины, все это смѣшано, сбито, перепутано, точно какъ-будто романъ былъ не переводный, а нашъ, ориги-

нальний. Историческая основа повѣсти заключается въ замужствѣ княжны Софіи Слуцкой, послѣдней отрасли дому, знаменитаго огромнымъ богатствомъ и доблестными предками. Софія воспитывается у ближайшихъ родственниковъ своихъ, Ходкевичей, и случайно влюбляется въ молодого Станислава Батори, сына короля Стефана, принимая его за Януша Радзивилла, который, несмотря на неприязнь Ходкевичей, ищетъ руки ея, или лучше, ея богатства. Между-тѣмъ отецъ Януша Радзивилла заводитъ съ Ходкевичами тяжбу объ имѣніи Кошысь. Тяжба и любовь Софіи къ молодому Батори, разумѣется, ставятъ преграды искательствамъ Януша Радзивилла. Между-тѣмъ королевичъ Батори разыгрываетъ роль настоящаго Абеллара: переодѣтый монахомъ, онъ бродитъ около замка Ходкевичей, вздыхаетъ, и ждетъ милосердаго взгляду красавицы, какъ-будто онъ не былъ королевичъ и вовсе не живалъ въ семнадцатомъ столѣтіи. За нимъ слѣдуетъ по пятамъ Марія-Христина, супруга королевича, злая и безобразная принцесса того же столѣтія, которая никому не даетъ покою и является всюду незваная. У Януша Радзивилла есть еще другая обожательница: въ него влюблена *крестьянская дѣвушка*, воспитанная вмѣстѣ съ княжной Слуцкой въ домѣ Ходкевичей. Такое запутанное дѣло не могло обойтись безъ езуитовъ; и, дѣйствительно, тутъ есть и езуитъ. Промскачи члена честной компаніи, коварнаго Иннокентія, дѣйствующаго заодно съ Марією-Христиною, бѣдную дѣвушку осуждаютъ на смертную казнь за убійство слуги Радзивилла Кернашк; но невинность ея открывается, а убійца,—который ужъ, конечно, никто другой какъ езуитъ Иннокентій,—спасается бѣгствомъ. Въ промежуткахъ этихъ *чуждыхъ и дивныхъ событій*, на сцену явятся разныя историческія лица, Острожскіе, Радзивиллы, Замойскіе, Зборовскіе, самъ Сигизмундъ Третій,—этотъ ужъ съ цѣлымъ полкомъ езуитовъ,—является, какъ статисты въ оперѣ, для того, чтобъ сказать три слова, помахать руками и уйти, и повѣсть оканчивается пышною свадьбою княжны Слуцкой: великодушная героиня повѣсти жертвуетъ своимъ сердечнымъ счастьемъ пользамъ фамиліи и выходитъ за Януша Радзивилла. Спустя десять лѣтъ, вѣрный пастушокъ этой идилліи, сентиментальный Станиславъ Батори, который пилъ венгерское бочками и любовницъ водилъ дюжинами, принимаетъ послѣдній вздохъ ея.

Переводъ довольно гладокъ, но какъ весьма сомнительно, чтобы въ подлинникѣ былъ какой-нибудь слогъ, то по всей справедливости нельзя требовать слогу и отъ переводчика.

Записки полковника Дювара, побочного сына Наполеона. *Историческій романъ въ трехъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1845, въ-8., стр. 330.*

Герой этого историческаго романа — самъ Наполеонъ Бонапарте. Въ молодости за эгиптъ Корсиканцемъ водились разные французскіе грѣхи, и однимъ изъ таковыхъ былъ Леонъ Дюваръ — *le petit Léon* — Лёвушка, премиленькій мальчикъ. Въ IV году французской республики, въ славномъ городѣ Парижѣ, проживала вѣрная мадамъ Дюваръ, «молодая, отличной красоты женщина», и къ этой молодой, отличной красоты женщинѣ, очень часто заживалъ генералъ О'Палонъ, Ирландецъ, не знавшій ни слова по-английски. Мистеръ О'Палонъ былъ не кто иной какъ Наполеонъ Бонапарте. Мадамъ Дюваръ была чиновница, но чиновница съ мягкимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ. Мосё Дюваръ былъ чиновникъ, — чиновникъ провіантской части, — человекъ съ сердцемъ черствымъ какъ пудъ сѣна и съ воображеніемъ тяжелымъ какъ кулъ муки. Велѣдствіе чего, мадамъ Дюваръ подарила мосё Дювара ребенкомъ, прекраснымъ какъ солнце и, какъ дѣтъ капли воды похожимъ на генерала О'Палона. Никто этому чуду не удивился, ни мадамъ Дюваръ, ни мосё Дюваръ, ни самъ мистеръ О'Палонъ, и романъ пошелъ своимъ чередомъ. Забѣтательно только то, что всю эту соблазнительную хроніку рассказывалъ родной сынъ о своей родной матери, въ видѣ личныхъ «Записокъ». Гёте сказалъ великую правду, что Французы, которые такъ много толкуютъ о приличіяхъ и вкусѣ — народъ самый чуждый всѣхъ извѣстныхъ чувствъ нравственныхъ приличій и оттѣнковъ хорошаго вкуса.

Между-тѣмъ всѣ дѣйствія О'Палона были покрыты глубокой таинственностью. Онъ зачѣмъ-то ѣздилъ въ Египетъ, и возвратился оттуда благополучно къ великой радости мадамъ Дюваръ. *Ныкая непроищаемая тайна покрывала сего необычайнаго мужа*, сказано въ «Запискахъ» сына, который, какъ вы видите, въ добавокъ къ своей назидательности, переведены еще «высокимъ слогомъ». Но мало-по-малу мадамъ Дюваръ привыкла къ сей непроищаемой тайнѣ, какъ-вдругъ, однажды, уже послѣ 18 Брюмера, идетъ она съ сыномъ своимъ, Лёвучкой, прогуливаться подъ качели, «къ каруселямъ» и на встрѣчу скачетъ карета перваго консула. Мадамъ Дюваръ чуть-чуть не была раздавлена; къ счастью, или на бѣду, первый консулъ выглянулъ изъ кареты; мадамъ Дюваръ «вся оцѣпенѣла» отъ изумленія: «Да это О'Палонъ!... онъ самъ лично!...»

Мадамъ Дюварь въ тотъ же день строго наказано отъ полиціи хранить *хранить сію непроницаемую тайну*. Первый консулъ навѣщаетъ ее. Вѣроятно, ради вѣщей безопасности *сеѣ непроницаемой тайны*, мадамъ Дюварь должна оставить Парижъ и поселиться въ Турени, въ прелестномъ помѣстьѣ Эрневиль, подаренномъ ей первымъ консуломъ. По его же приказанію, аббату Дюрану поручено воспитаніе маленькаго Леона.

Этимъ однако жъ не ограничились благодѣянія перваго консула и потомъ императора. По его отеческой протекціи мадамъ Дюварь, оставивъ провіантскую часть, — мужъ ея очень кетати отправился изъ *сега свѣта на оный*, — отдала свою руку префекту эндрю-лоарскаго департамента, а сына ея приняли на казенный счетъ въ лицей, а оттуда въ сень-сырское училище, откуда и выпущенъ онъ офицеромъ въ двадцать-пятый линейный полкъ, стоявшій въ Далмаціи.

Съ того времени начинаются похождения самого Леона Дювара. Онъ описываетъ свою казарменную жизнь, свои волокитства за туземными графинями и за хуріями гарема турецкаго пашы, и, наконецъ, бѣдствіе московскаго походу, въ которомъ онъ участвовать въ качествѣ адъютанта маршала Нея. Въ Москвѣ ему приходилось плохо, такъ, что если бъ не гениальная предусмотрительность Наполеона, который бдитъ надъ нимъ съ истинно отеческою заботливостью, москѣ Леонъ Наполеоновичъ рисковалъ остаться въ Россіи гувернѣромъ. Къ счастью москѣ Леона, незадолго до выступленія изъ Москвы Великой Арміи, назначили его конвоировать плѣнныхъ, которыхъ онъ и доставляетъ въ исправности смоленскому военному губернатору Шарпантѣ.

Послѣ бѣдственной переправы черезъ Березину, Дюварь очутился въ Кенигсбергѣ плѣнникомъ. Хозяинъ его, Биттергофъ, кенигсбергскій купецъ, доставилъ ему средства къ побѣгу, который, впрочемъ, не удался. Дювара схватываютъ, узнаютъ и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось приключеніе безъ отеческаго содѣйствія Наполеона: Леона Наполеовича вымѣняли на плѣннаго прусскаго генерала.

Съ паденіемъ Наполеона оканчивается политическое поприще полковника Дювара. Во время Ста Дней онъ еще командуетъ полкомъ и участвуетъ въ ватерлооскомъ сраженіи. Но по восстановленіи Бурбоновъ его перечислили на половинное жалованье, потому увидя у него и это и сослали въ Лионъ. Тамъ Дюварь оплакиваетъ потерю отца и матери, и, для впрепровожденія вре-

мени, бранится съ роялистами и дерется на дуэли. Наконецъ, изъ Ліона уѣзжаетъ онъ въ Нью-Йоркъ. Отсюда, томлемъ желаніемъ лично поклониться батюшкѣ, пробирается онъ на Островъ Святой Елены и даже попадаетъ въ Лонгвудъ, подъ именемъ повара. По его скоро узнаютъ и выпроваживаютъ во Францію. Изъ Рошфора, по приказанію военнаго министра, онъ отправленъ въ Безансонъ, подъ приемотръ полиціи, а изъ Безансона снова уѣхалъ въ Америку и поселился въ Балтиморѣ. Тутъ прекращаются его «Записки».

Парижскій издатель минныхъ «Записокъ Дювара», который переводчикъ изъ учтивости назвалъ «историческимъ романомъ», чтобы не называть ихъ на заглавной страницѣ «подложнымъ вздоромъ», сообщаетъ въ нѣсколькихъ словахъ извѣстіе о смерти героя книги: въ припадкѣ хандры, онъ бросился въ море, и на берегу нашли въ его платьѣ бумажникъ съ записочкою: «Иду соединиться съ нимъ».

Вотъ и вся литература новаго года. Бѣдный 1846 годъ! скажете вы. Погодите, не сожалѣйте о 1846 годѣ: увидимъ еще, каковъ будетъ. Сегодня только онъ родился. Правду сказать, многого я отъ него не ожидаю; но нѣтъ ни причины ни пользы портить себѣ кровь заранѣе и приходить въ отчаяніе по случаю «Коварства». Прошло то время, когда русская литература добродушно вѣрила въ новый годъ и наряжалась въ этотъ день въ лучшіе свои алмазы. Въ послѣдніе годы она удивительно просвѣтилась. Юная лицомъ и умомъ, она надѣла чепецъ старыхъ литературъ, поддѣлала себѣ нѣсколько морщинъ, нарумянила щеки, и пошла объ-руку съ своими бабушками и тѣтушками. Она теперь знаетъ, что новый годъ въ образованной Европѣ—праздникъ дѣтскій, а не литературный, эпоха книгъ для подарковъ, а не для чтенія, и дѣлаетъ то же самое что дѣлаютъ бабушки и тѣтушки, — производить для этого великаго дня однѣ только мелочи — игрушки—дѣтскія книжѣнки. Въ этомъ отношеніи, нынѣшній русскій новый годъ не уступитъ заморскому новому году: мелочей, игрушекъ явилась бездна, и въ этой безднѣ есть даже очень милыя мелочи. Напримѣръ:

ЕЛКА. ПОДАРОКЪ НА РОЖДЕСТВО. *Азбука, съ примѣрами постепеннаго чтенія. С П.-буржъ, въ тип. Journal de St-Petersbourg, 1845, въ-8., стр. 112.*

Ничего нѣтъ милѣе по части азбукъ во всей парижской дѣтской литературѣ нынѣшняго года. «Елка»—очень красивая и хо-

рошо составленная книжечка. Сочинительница ея — г-жа Дараганъ. Албука эта посвящена Августейшимъ Дѣтямъ Ея Императорскаго Высочества государыни великой княгини цесаревны.

КАНИКУЛЫ 1844 ГОДА ИЛИ ПОВѢДКА ВЪ МОСКВУ. *Сочиненіе Александры Ишимовой. С П.-буревъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1846, въ-16, стр. 270.*

Также — весьма удачный подарокъ дѣтямъ къ празднику. Это едва-ли не первый малолѣтний путеводитель отъ Петербурга до Москвы и по Москвѣ. Госпожа Ишимова, дѣтская Шехеразада, рассказываетъ своимъ маленькимъ друзьямъ одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые она такъ прекрасно рассказываетъ, о томъ, какъ лѣтомъ 1844 года ѣздила она съ разнаго сорту дѣтymi въ Москву и что интереснаго видѣли они по пути и на-мѣстѣ. Въ Новгородѣ, надо признаться, самая интересная вещь — пастыля. Въ Валдаѣ достойны особеннаго замѣчанія баранки. Въ Торжкѣ, чрезвычайно любопытны котлетки Пожарскаго. Путешествіе не можетъ обойтись безъ приключенія, и приключеніе случается на мосту, въ Твери. Мостъ уступилъ тяжести длинѣжанса первоначальнаго заведенія, въ которомъ находились путешественницы; вода покрыла пастылю; страху было довольно. Но прогулки по Твери и ея окрестностямъ вознаградили путешественницъ за всѣ опасности переправы. Москвѣ посвящена самая большая часть книги. Путешественницы посѣщаютъ знаменитыя московскія достопримѣчательности, публичныя гулянья и прекрасныя окрестности. Тутъ рассказъ становится еще оживленнѣе и занимательнѣе. Между достопримѣчательностями очень достопримѣчательно то, что московскія дѣти не знаютъ ни слова по-русски: они говорятъ всѣ на французскомъ діалектѣ и называются кто *Лолд*, кто *Кокд*, *Бобд*, *Додд*, et caetera. Петербургскимъ дѣтямъ удалось увидѣть тамъ между прочимъ, — московскаго *словенина* и московскаго *космополита*: петербургскія дѣти очень ихъ полюбили и помирали со смѣху, отъ напыщенной рѣчи одного о *гніеніи Запада* вообще и о панславянизмѣ въ-особенности, и отъ философическихъ безсмыслицъ или «высшихъ взглядовъ» другаго. Словомъ, очень было весело!

МЕРИ И ФЛОРА. *Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго, Александры Ишимовой. Сп.-буревъ, въ тип. Академіи Наукъ, въ-8, стр. 270.*

»Мери и Флора» — прелестная дѣтская книга, совершенно въ другомъ родѣ. Это — исторія двухъ маленькихъ сестеръ. Какія милыя дѣвочки! Какъ онѣ натуральны, съ своими мелкими капризами, какъ хороши съ этими крошечными слабостями! Мать дастъ эту книгу читать своей дочери — слогъ прошедшаго столѣтія — вмѣсто «Вѣчнаго Жида» (примѣчаніе нынѣшняго).

ДОНЪ КИХОТЬ ЛАМАНЧСКІЙ. *Разсказъ для дѣтей. С. П.-бургъ, въ типографіи Фишона; 1846, въ-12. Три части. стр. 177—150—180.*

Одна изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ для нынѣшняго новаго года. Нельзя пріятнѣе разсказать дѣтямъ забавную исторію Рыцаря Печальнаго Образа, и его вѣрнаго оруженосца. Текстъ написанъ грамотно. Изданіе очень мило.

1. ПРЕДАНИЕ О ГРАФИНѢ БЕРТѢ, ИЛИ ЗАМОКЪ ВИТСГАУ. *Сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. С. п.-бургъ, во французской типографіи 1846. въ-12., стр. 118.*

2. КАШКА ГРАФИННИ БЕРТЫ. *Сказка для дѣтей. Сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1845, въ-12., стр. 103.*

Объ эти книжки, — переводъ одного и того же сочиненія. Дѣтское твореніе, вышедшее въ Парижѣ подъ именемъ господина Дюма, нашло себѣ въ Петербургѣ, какъ изволите видѣть, двухъ различныхъ издателей, двухъ страшныхъ, непримиримыхъ соперниковъ, которые явственно селятся подорвать и разорить другъ друга. Къ какимъ коварнымъ, отчаяннымъ средствамъ ни прибѣгаютъ они для этого! Одинъ издатель, — издатель No 1, — приобрѣлъ подлинныя парижскія виньетки и, громогласно выставивъ на заглавномъ листѣ — *Сто пятьдесятъ виньетокъ!* — размѣстилъ ихъ въ какой-то макулатурѣ, которая для юныхъ читателей должна замѣнять текстъ; издатель No 2, чтобы показать врагу своему, что онъ парижскія виньетки презираетъ и выше всего ставитъ текстъ, напечаталъ вѣрный переводъ французской сказки, а виньетки вкѣпилъ какія ни попались подъ руку, дотого, что въ числѣ его картинокъ, вы встрѣтите одну старую свою знакомую, на которой изображенъ Суворовъ, читающій Апостола въ деревенской церкви. Издатель No 2 увѣренъ, что для дѣтей всё-равно: были бы картинки!

1. РОБИНСОНЪ. *Разсказъ для дѣтей. С. П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1845, въ-16., стр. 80.*

2. ЖИЗНЬ ЕЗОПА. *Въ пользу юношества. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ шестью раскрашенными картинками. Москва, въ Университетской тип. 1845, въ-12., стр. 74.*

Двѣ отлично полезныя книжки для такихъ дѣтей, которыя, приступая къ чтенію, начинаютъ съ того, что рвутъ книжку въ кусочки. Твореній приличіе для этой цѣли и желать невозможно.

КРАТКАЯ ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ, *принятая для руководства въ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа. Сочиненіе Штейна. Переведена съ нѣмецкаго девятнадцатаго изданія и исправлена по новѣйшимъ извѣстіямъ Соколовымъ. Москва, въ типографіи университетской, 1845. въ-12., стр. 236.*

Эта учебная книга достигла уже четвертаго изданія въ московскомъ университетскомъ округѣ.

ОНАНИЗМЪ. *Сочиненіе доктора Тиссога. Съ французскаго, перевелъ докторъ медицины Александръ Никитинъ. Сп.-бургъ, въ тип. Селезнева, 1845 въ-8., стр. 104.*

Съ нѣкотораго времени, наши ученые, чтобы показаться еще ученѣе, начали писать энтузіазмъ — деспотизмъ — эмпиризмъ — онанизмъ и такъ далѣе смъ употребляя повсюду окончаніе вмѣсто прежняго, обыкновеннаго змъ. По ихъ понятію, это смъ должно производить удивительный эффектъ въ читателѣ и внушать ему благоговѣніе передъ глубокими познаніями ихъ въ произношеніи классическихкихъ терминовъ. Къ сожалѣнію, они не справились съ ученою грамматикою: по ея правиламъ смъ вездѣ и всегда слѣдуетъ произносить какъ зм; такъ дѣйствительно этотъ слогъ и произносится въ цѣломъ свѣтѣ; и выходитъ, что прежніе наши писатели, народъ мало ученый, писали правильно — энтузіазмъ — деспотизмъ — и прочая, а нынѣшніе, отъ избытку учености, дѣлаютъ непростительный промахъ. Вотъ все, что, по существу дѣла, нужно было замѣтить здѣсь объ онанизмѣ.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ. *Сочиненіе Ивана Буттера. Москва, въ тип. Семена, 1845, въ-4. Двѣ части, стр. 140 — 156.*

Всѣ сословія, у которыхъ есть деньги или которыя отъ при-

роды расположены занимать ихъ, найдутъ въ настоящей книгѣ господина Буттера полные расчеты процентовъ по вкладамъ, займамъ, ссудѣ и частнымъ оборотамъ; правила Опекунскаго Совѣта; форму объявленій; способы переложенія русскихъ монетъ на иностранныя; учетъ приходоу, расходоу и выдачи жалованья; устройство сберегательныхъ кассъ; порядокъ операций заемнаго и коммерческаго банковъ; бухгалтерію, образцы счетныхъ книгъ, вѣдомостей и отчетовъ по сельскому хозяйству; коммерческихъ писемъ, векселей и обязательствъ всякаго роду; свѣдѣнія о вексельномъ курсѣ, о таксѣ на гербовую бумагу, о вѣсахъ, мѣрахъ, о почтовой табели, и прочая, и прочая.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

6 Жолтивъ. *Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1845.* — Краткое разсужденіе о необходимости молитвы для каждаго христіанина, подтвержденное текстами Евангелія, Писаній святыхъ отцовъ и книгъ Ветхаго Заветъа. Въ началѣ приложена картинка, изображающая моленіе Спасителя въ вертоградѣ.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Извѣстный санктпетербургскій романистъ, И. И. Штевенъ, обогатилъ литературу новымъ плодомъ своего правдиваго пера: въ исходѣ декабря явился въ свѣтъ новый романъ его, «*Магическія очки*», въ четырехъ частяхъ.

— Въ Одессѣ, которая, благодаря усердію покойнаго Д. М. Княжевича, сдѣлалась въ послѣднее время городомъ, примѣтно литературнымъ, одинъ изъ мѣстныхъ поэтовъ, І. Ш., предпринялъ перевести *Виргиліеву Энеиду* русскими гекзаметрами и издастъ ее пѣснями въ видѣ выпусковъ. Три первыя пѣсни уже изда ны.

— Въ Москвѣ, докторъ Лебедевъ, счелъ за нужное издать въ свѣтъ терапевтическія лекціи покойнаго врача тамошняго, Дядьковскаго. Двѣ первыя книги этихъ чтеній вышли тамъ подъ заглавіемъ «Практическая медицина».

— М. Д. Ольхинъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ книгопродавцевъ, который, желая заставить Русь читать, когда книгъ не покупаютъ, даетъ книги даромъ и, недавно, отъ щедротъ своихъ, подарилъ «Вѣчнаго Жида» читателямъ этого журнала, — онъ же, М. Д. Ольхинъ — даетъ нынче того же «Жида» въ видѣ пародіи, съ весьма забавными карриатурами. На нашъ грѣшный вкусъ, эта пародія, которой вышло уже двѣ части, или двѣ тетрадки, занимательнѣе самаго подлинника. Полное изданіе «Вѣчнаго Жида въ пародіи» будетъ состоять изъ десяти частей съ двумястами тридцатью рисунками. Остро и мило. При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть о новомъ подвигѣ неисчерпаемой любезности М. Д. Ольхина къ читателямъ «Библиотеки для Чтенія», которой изданіе и контора поручены ему владѣльцемъ журнала: новый романъ господина Евгенія Сю, новое его твореніе, котораго печатаніе откроется въ Парижѣ около мая мѣсяца, будетъ, подобно «Вѣчному Жиду», поднесено господиномъ Ольхинымъ подписчикамъ «Библиотеки для Чтенія», также въ видѣ подарка. Черезъ одного изъ редакторовъ «Библиотеки для Чтенія» недавно возвратившагося изъ-за границы, господинъ Ольхинъ получилъ безконечно любезное обѣщаніе великаго французскаго романиста, что новый романъ господина Сю будетъ доставляться въ Петербургъ въ корректурныхъ листахъ, для того чтобы русскій переводъ могъ быть переданъ въ руки читателей «Библиотеки для Чтенія» въ то же самое время, какъ подлинникъ явится въ Парижѣ. Господинъ Сю пишетъ два романа и, въ послѣднее время, онъ и самъ еще не зналъ, который изъ двухъ отдастъ онъ въ печать прежде, такъ, что о заглавіи подарка нельзя еще сказать ничего достовѣрнаго.

— Смирдинъ, благополучно покончившій прежнія дѣла свои, является снова на поприщѣ книжной торговли съ своей прекрасною дѣятельностью и съ тѣмъ патріотическимъ жаромъ къ предпріятіямъ, который нѣкогда согрѣвъ русскую литературу, доставилъ ей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ. Вспоминая счастливые дни-дны, Смирдинъ рѣшился начать съ того же, чѣмъ началъ тогда: его два «Новоселья» произвели настоящее сотрясеніе въ началѣ тридцатыхъ годовъ. «Хаджи Баба» былъ пер-

вый и, можно-сказать, единственный изъ переводныхъ или переложимыхъ романовъ, который воспользовался на Руси настоящимъ успѣхомъ, даже модою: злой Брамбеусъ начиналъ имъ въ русской словесности свое насмѣшливое поприще. «Сто русскихъ литераторовъ» взволновали и восхитили всю читающую Россію. Смирдинъ къ 1846 году изготовилъ прекрасныя новыя изданія своихъ перваго и втораго «*Повоселій*» и въ скоромъ времени издастъ онъ еще свое третье, новое «*Новоселье*». Еще въ началѣ осени возобновилъ онъ продолженіе «*Ста русскихъ литераторовъ*» выпускомъ третьяго тома этого любопытнаго литературнаго памятника. «*Хаджи-Баба*» является теперь, въ четырехъ красивыхъ томахъ, тоже новымъ изданіемъ, и ко всему этому Смирдинъ присоединилъ еще новое изданіе «*Избранныхъ словъ Массильона*», переведенныхъ покойнымъ Ястребцовымъ.

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ НА 1846 ГОДЪ. С. П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1846, въ-8., стр. 280.

На этотъ разъ «Невскій Альманахъ», послѣ долговременнаго отсутствія, является вѣстникомъ благотворительности. Господинъ Егоръ Аладьянъ, ветеранъ стараго альманачнаго времени, издалъ его въ пользу воспитанниковъ Николаевской Школы при Домѣ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ и въ пособіе одному обѣдѣвшему семейству. Такая книга найдетъ всегда читателей въ Россіи, гдѣ, искони, добрыхъ дѣлъ водится несравненно болѣе чѣмъ хорошихъ книгъ. И притомъ нѣтъ сомнѣнія, что гораздо согласнѣе съ личнымъ достоинствомъ каждаго — купить добровольно книгу, изданную въ пользу несчастныхъ, чѣмъ принимать отъ счастливыхъ билеты для благотворительныхъ лотерей. Я зналъ человѣка, который другихъ книгъ не читалъ кромѣ издаваемыхъ съ благотворительною цѣлью: онъ умеръ отъ скуки, но совершенно довольный не только собою, но и литературою; это уже — великое счастье, въ сей юдоли мерзкихъ ежедневныхъ статей и завистливыхъ будничныхъ статейщиковъ.

По древнему обычаю альманаховъ, изданіе господина Аладьяна состоитъ изъ стиховъ и прозы. Между стихами находятся труды покойныхъ Соколовскаго и Хмельницкаго. Изящная форма

и замысловатое содержаніе одной баллады, именно, «Три сна» стихотворенія господина Рудыковскаго, напоминаютъ собою самыя прелестныя въ этомъ родѣ произведенія Мицкевича. Мы выпишемъ эту пьесу:

ТРИ СНА.

I.

«Мой отецъ, мой отецъ!
 Мнѣ всё снится мертвецъ!
 Онъ на бѣломъ конѣ
 Прѣзжаетъ ко мнѣ,
 И меня всё зоветъ;
 Но мнѣ страшно... Ковь рветъ
 Удила, и мертвецъ
 Мнѣ грозитъ... о, Творецъ!
 Пощади Ты меня,
 Хоть до блага дня!»
 Такъ полночной порой
 Пробужденный мечтой,
 Сны отцу говорилъ
 И, рыдая, просилъ
 У Творца, чтобы Онъ
 Разогналъ страшный сонъ.
 — «Богъ съ тобою, дитя,
 Видно кровь у тебя
 Прилилась къ голови;
 Выйди въ садъ; на травѣ
 Можетъ-быть, ты уснешь.
 Ты ужъ мнѣ не даешь
 Даже въ ночь отдохнуть!
 Окрести себя грудью...
 «О, отецъ! я бы радъ
 Выйти въ сумрачный садъ!
 Но одинъ я боюсь,
 Я отъ страху трясусь...
 — «Что жъ мнѣ дѣлать съ тобой?
 Хочешь выйти со мной?» —
 «Бога ради, скорѣй!»
 Петли шаткихъ дверей

Заскрыгли; крихта,
 Вынесъ старецъ дитя,
 И въ прохладѣ ночной,
 Озаренный луной,
 Онъ уснулъ. «Чудный сонъ
 Былъ съ небесъ занесёнъ
 На тебя, о, мой сынъ!
 Только я лишъ одинъ
 Знаю тайну....»

II.

Снова ночь и луна,
 Блѣднымъ свѣтомъ полна,
 Со средины небесъ
 На поля и на лѣсъ
 Льетъ его. Вѣтерокъ
 Оживляетъ потокъ.
 Снова жалостный крикъ,
 Слышите въ полночь старикъ.
 — «Что съ тобою, мой сынъ?»
 «О, отецъ, исполни
 На конѣ предо мной,
 Снова манить рукой,
 Снова онъ грозитъ мнѣ....
 Ковъ его, какъ въ огнѣ —
 И копытами бьеть....
 Отъ меня онъ не йдетъ!
 — «О, мой сынъ! тотъ мертвецъ
 Долженъ быть твой отецъ!
 Разъ въ ненастную ночь
 На конѣ, во всю ночь,
 Прискакалъ онъ съ тобой
 И дрожащей рукой
 Съ страхомъ бросилъ тебя
 Онъ ко мнѣ. И прося,
 Чтобъ тебя я любилъ
 И до смерти хранилъ.
 Вдругъ отъ взоровъ исчезъ
 Будто житель небесъ....
 «Ахъ, такъ я сирота!
 О, мой сонъ не мечта....»

И со страхомъ душа,
Онъ умолкнулъ въ тиши.

III.

Солнце скрылось. Заря,
Золотисто горя,
Исчезаетъ. Во мгль
Тонетъ все на землѣ.
Тайна старца грызетъ,
Что-то будетъ, онъ ждетъ....
Вдругъ пронзительный крикъ
Раздался, — смолкнулъ въ мгль.
Къ сыну онъ подбѣжалъ:
Но тотъ мертвый лежалъ!

Наши сочинители Lieder'овъ, ищущіе повсюду сюжетовъ и словъ для своихъ музыкальныхъ вдохновеній, могутъ взять эту балладу: почему бы имъ не создать изъ нея второй «Wandereg»?...

«Не боги жъ горшки обжигали!»

И не всегда же имъ, нашимъ сочинителямъ Lieder'овъ, воспѣвать тоску по дѣвѣ съ заунывно-отчаяннымъ однообразиемъ!...

Прозанческая часть «Невскаго альманаха», кромѣ прекраснаго разсказу Н. А. Полеваго о смоленской битвѣ въ 1812 году, заключаетъ въ себѣ любопытную статью Н. И. Хмельницкаго, и маленькую повѣсть покойнаго Каргова. Въ двухъ небольшихъ разсказахъ господъ Юрія Юрченко и Ничипора Кулѣша предлагаются читателямъ новые образчики уже знакомаго всѣмъ малороссійскаго юмору: мы увѣрены, что въ благотворительныхъ охотникахъ восхищаться имъ, недостатку не будетъ. Разсказъ господина Оомы Костыги, «Дивныя происшествія въ городѣ Фертѣ, по случаю пріѣзду городничаго», также изобилуетъ веселостью той же школы: господинъ Оома Костыга шутитъ во всю ивановскую, и если ему попадаются навстрѣчу вкусъ и разборчивость, онъ минуетъ ихъ не останавливаясь, даже шляпы не снимая. За это не подлежитъ онъ взысканію: такой родъ веселости!... такая школа! Впрочемъ, сочиненіе господина Оомы Костыги не чуждо и достоинствъ, менѣе сомнительныхъ: оно обнаруживаетъ способность схватывать нѣкоторыя черты уѣздной жизни довольно удачно. Изъ уваженія къ этому призна-

ку дарованія, непринично приводитъ здѣсь образчики шутливаго слогу господина Фомы Костыги: иной благотворительный читатель, пожалуй, скажетъ, что это — слогъ, не шутливый, а шутовской. Неучтивыхъ читателей такъ много на семь благотворительномъ свѣтѣ!

Статья самого издателя, «Николаевская Школа», украшена литографированною картинкою, изображающею воспитанниковъ во время класса.

Къ альманаху приложены ноты польки и галопы господина Кажинскаго и романсъ, слова господина Ленскаго, музыка господина Ломакина.

Изданіе книги очень красиво.

МАГИЧЕСКІЕ ОЧКИ. *Сочиненіе Н. Штевена. Сп.-бургъ, въ тип. Губернакаго Правленія, 1845, въ-8 д. Четыре части.*

Авторъ этихъ «Очковъ» пріобрѣлъ въ русской словесности лестную извѣстность тѣмъ, что онъ, — пиша романъ, — никогда не сочиняетъ, онъ пишетъ дѣло, — излагаетъ происшествіе, казусы, факты, — говоритъ чистую правду — все какъ что было — безъ утайки и безъ прибавленій. Этотъ новый романъ его, нынѣ благополучно оконченный, основанъ, правда, на очень черномъ и гадкомъ фактѣ, но на фактѣ несомнѣнномъ: на чортѣ. Чортъ, котораго господинъ Штевенъ вѣжливо называетъ «духомъ», творитъ отъ себя, въ книгѣ, разные волшебные факты, и такимъ образомъ дѣло, правда, истина, ни сколько не страдаютъ, а занимательность выигрываетъ премногу. Духъ, по чину чортъ, а по фамиліи Мафусъ, отставной за выслугою лѣтъ искусситель и нынѣ одинъ изъ добрѣйшихъ чертей во всемъ аду, духъ опытный, умный, дѣловой, зная всѣ продѣлки людей и всю трудность производить надъ ними слѣдствія и обыски, далъ герою романа, Розальму, магическіе очки, имѣющіе свойство дѣлать того, кто ихъ носитъ, невидимкою, и Розальмъ, надѣвъ таковыя на носъ, принимаетъ на себя званіе блюстителя права. Онъ чужаго добра не жаждетъ, не обираетъ купцовъ, не наживается, не мститъ даже своимъ врагамъ, но только предупреждаетъ ихъ козни, слѣдитъ за вышписанными людьми и ихъ поступками, обнаруживаетъ разныя плутни и мошенничества и, во время этого интереснаго дѣлопроизводства, весьма кстати отыскиваетъ свою возлюбленную, преслѣдуемую новымъ Люгарто, чтобы на ней жениться, на послѣдней страницѣ книги. Дѣйствующихъ лицъ

множество, и нѣкоторые эпизоды, то есть, казусы романа, чрезвычайна любопытны по своей истинѣ, чуждой всякаго сочиненія.

Вообще романъ — нечего сказать! Романъ пренитересный.

Украшенія слогу были бы тутъ излишни; авторъ, занятый дѣломъ, объ этомъ не думалъ: развѣ что благосклонные читатели снисходительно пріймутъ за блески изящнаго «вымышленія», какъ говорилъ Кошкинъ, нѣкоторыя рѣдкія слова, до нынѣ не вошедшія въ русскіе словари, каковы *прилежность, окромля, пуншитъ* и другія не менѣе живописныя.

ПЕРЕВОДЫ АЛЕКСАНДРА СТРУГОВЩИКОВА, статей въ прозу. С.-П. бургъ, съ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1845, въ-8. Книга первая, стр. 214.

Господинъ Струговщиковъ — увы! — уже не *заимствуетъ*. А какъ прекрасно началъ онъ это богатое дѣло! онъ уже просто — *переводитъ*! Великое слово *заимствовать*, показалось ему недостойнымъ презрѣнной прозы. Да впрочемъ кто *заимствуетъ* прозу? Прозу просто берутъ: сгребаютъ перомъ слова съ чужестранной книги и печатаютъ, оставляя слогъ, а иногда смыслъ, въ подлинникѣ.

Господинъ Струговщиковъ — присяжный поклонникъ нѣмецкой музы: это извѣстно всѣмъ и каждому. Нѣмецкая литература — магическій кругъ, изъ котораго онъ не выходитъ. Но заимствованія, подражанія, переводы, передѣлки, все это поочередно, служитъ ему только средствомъ или предлогомъ къ созиданію себѣ чертога русской авторской славы на нѣмецкомъ фундаментѣ. И въ заимствованіяхъ и въ переводахъ, впереди всегда стоитъ онъ, господинъ Струговщиковъ; а Нѣмцы, снявъ шляпы, толпятся за нимъ, позади, и ждуть, пока онъ милостиво оглянется и кое-что скажетъ въ ихъ пользу. Когда онъ даритъ русскому читателю книжку въ стихахъ, сказанному читателю объявляютъ громогласно, съ высоты заглавнаго листка, что это — *Стихотворенія господина Струговщикова*, который — только такъ-себѣ — дѣластъ честь Нѣмцамъ, *заимствуя* кое-что у ихъ Шиллера. Когда онъ переводитъ, знайте, о, читатели! что главное тутъ не въ томъ, кого и что переводитъ, а въ томъ что это господинъ Струговщиковъ *переводитъ* самъ, лично — *переводы господина Александра Струговщикова!* — вниманіе и благоговѣніе! — кланяйтесь чудному подвигу, удивляйтесь снисходительности великаго пера, которое благоводитъ.... *переводитъ* для васъ!

Какая важность знать, кого именно? Господинъ Струговщикова *переводитъ*, и все тутъ. Довольно съ васъ, о читатели! что на заглавномъ листѣ сіяетъ имя господина Струговщикова, какъ переводчика, а въ книгѣ можетъ быть что угодно — и кто угодно — напимѣрь, хоть какой-нибудь Гёте!... или тому подобный Нѣмецъ... мало ли ихъ на свѣтѣ? Оно, собственно, такъ и должно быть. Переводчику, который себя уважаетъ, нельзя же на заглавномъ листѣ, стоять рядомъ съ переводимымъ авторомъ, будь этотъ авторъ хоть даже самъ Гёте.

На этомъ уваженіи, которое мы совершенно одобряемъ, въ первой книгѣ «*Переводовъ господина Струговщикова статей въ прозѣ*» въ самомъ дѣлѣ помѣщены четыре статьи Гёте, — признаніе прекрасной души, — сатира боги, герои и Виландъ, — описаніе морскихъ видовъ живописца Гаккерта, рисованныхъ имъ по заказу Екатерины Великой, для Петергофскаго Дворца, — и знакомство Гёте съ Плессингомъ.

«Призваніе прекрасной души» — исповѣдь нѣмецкой дѣвушки, жизнь ея, рассказанная ею самой. «Прекрасная душа», — страшная мечтательница и родъ *Gélehrter'a* въ юбкѣ. Мечтаніямъ и утопіямъ ея нѣтъ границъ: она приноситъ имъ въ жертву все свое счастье, отвергаетъ нѣсколькихъ жениховъ, остается старою дѣвою, и мечтаетъ еще болѣе прежняго, няньча чужихъ дѣтей. Въ молодости она вертѣлась при дворѣ одного германскаго герцога, въ обществѣ или, какъ господинъ Струговщикова переводитъ весьма изящно, *въ сообществѣ* туземныхъ камергеровъ и оберъ-гофратовъ, о которыхъ «прекрасная душа» — самаго дурнаго мнѣнія. Она безъ церемоній называетъ ихъ «*невѣждами и жалкимъ классомъ, не имѣвшимъ никакого эстетическаго образованія.*» Былъ однако жъ, въ ихъ *сообществѣ*, одинъ молодой сообщникъ изъ иностранцевъ, очень интересный и красивый собою дипломатъ, котораго Нѣмки того герцогства прозвали «Нарцисомъ». Однажды, въ какомъ-то домѣ, на лѣстницѣ, прекраснаго Нарциса, за то что онъ нравился «прекрасной душѣ», приколотили, изъ ревности, по благолѣпнымъ его ланитамъ и, въ-добавокъ, еще тяжело ранили, такъ, что прекрасная душа «вдругъ увидѣла кровь, *въ избытокъ* текущую по спинѣ его.» Сказанная прекрасная душа тотчасъ принялась перевязывать его въ томъ же направленіи и оттирать спиртами, виномъ, а главное — *всякой всячиною.* Господинъ Струговщикова особенно рекомендуетъ это испытанное лекарственное средство,

во-первыхъ, какъ простое, до пошлости, во-вторыхъ, какъ удивительно изящное и вполне достойное античной шеголеватости слогу Гёте, котораго онъ переводить. На это время пришла хозяйка дому. «Она испугалась, увидя Нарциса въ *такомъ положеніи*, и испугалась, прибавляетъ еще прекрасная душа, тѣмъ-же гётевскимъ слогомъ, *заимствованнымъ* у господина Струговщикова, испугалась *крови покрывавшей* обонхъ насъ *съ ногъ до головы*.» Прекрасную душу отвели въ другую комнату, раздѣли и начали смывать съ нея кровь Нарциса, что, по уваженію *крови покрывавшей ее съ ногъ до головы* потребовало весьма сложнаго, омовительнаго производства. Операция происходила передъ зеркаломъ и прекрасная душа съ удовольствіемъ примѣтила, что она была *прекрасна*, отнюдь не хуже Нарциса, по снѣгъ котораго кровь текла *въ избытокъ* въ смежной комнатѣ, вслѣдствіе *неблаговиднаго* поступка противника его. Господинъ Струговщиковъ пощечину называетъ *неблаговиднымъ поступкомъ*, и лучше, кажется, нельзя назвать этого страннаго руководствія, особенно, когда оно еще сопровождается такимъ ударомъ шпагою, отъ которыхъ кровь течетъ *по снѣгъ*, въ дирекціи *съ ногъ до головы*. Коротко сказать, Нарцисъ былъ *онъ*, избранный прекрасной души, *онъ*, о которомъ она бредила на яву и во снѣ :

«Онъ изъ всѣхъ былъ избранный; единственный,

Одной любви его алкала я, —

Лишь для него на свѣтѣ я жила!»

И что жъ вышло! На опытѣ оказалось, что Нарцисъ былъ неблаговидный и измѣнникъ. Измѣна Нарциса необходимо *ослабилась* любовь прекрасной души. Вслѣдствіи мѣсто занялъ другой *онъ*, нѣкто Эдуардъ, съ которымъ прекрасная душа мечтала и читала сентиментальныя книжки.

«Онъ мнѣ сталъ дорогъ. Будь я тогда свободна, властна располагать собою, я бы оставила отечество и друзей, чтобы *соеобщиться* съ нимъ; и мы бы, безъ-сомнѣнія, поняли другъ друга.» Но у прекрасной души были *обязанности исполняемыя во осозданной заботливости и попеченіяхъ* о чемъ-то такомъ. Какая это метода *исполненія*, я право не знаю: должно быть нѣмецкая, очень хитрая, потому что русскимъ умомъ и на русскомъ языкѣ она совсѣмъ не-понятна. Какъ бы то ни было, *онъ*, — *этотъ второй онъ*, — «былъ *тронуть довольно глубоко*, не *не до глу-*

бины сердца и то, что пустило глубокие корни въ прекрасной душѣ, что восприняла она, то только скользнуло по немъ. Вы знаете, что Гёте, это — слогъ, это — высшая степень художественной отдѣлки отечественной рѣчи; и теперь вы, я надѣюсь, имѣете достаточное понятіе о томъ, какъ господинъ Струговщиковъ отдѣливаетъ по-русски чудное искусство Гёте, въ «Перелогахъ Александра Струговщикова статей въ прозѣ».

Вторая любовь также кончилась ничѣмъ, и прекрасная душа по-прежнему осталась въ дѣвическомъ званіи. Въ заключеніе она сдѣлалась изъ синяго чулка — богомолкою. Страданія ея дошли до кризиса. «Я чувствовала ничто, чего не умѣю объяснить словами, но что цѣломудренный читатель легко отгадаетъ: все дѣло въ томъ, что душа старой дѣвы отдѣлилась отъ тѣла и мыслила независимо — мыслила низшеглаголюющее: «я, многознаемое мнѣ я, я есмь.»

«Боги, герои и Виландъ», — острота Гёте противъ Виланда, написанная по случаю односторонняго взгляду тогдашнихъ нѣмецкихъ мудрецовъ на драму, которой образчиковъ искали они у Французовъ. Последняя статья, «Случай изъ жизни Гёте», гдѣ описывается зимняя поѣздка его на Гарцъ и знакомство съ мечтателемъ Плесснигомъ — хорошая характеристика тогдашней литературной эпохи въ Германіи, зараженной чувствительностью и сентиментальностью.

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ, издаваемое Сергѣемъ Глинниою. *Духъ елика Екатерины Второй. СПб.-бургъ, въ тѣм. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1845, въ-8, стр. III и 326.*

Первые выпуски «Русскаго Чтенія» уже всѣмъ извѣстны. Матитый авторъ даетъ намъ новую книжку, которая составляетъ начало второй части труда его. О характерѣ и особенныхъ достоинствахъ творенія Сергѣя Николаевича не нужно вновь распространяться. Выпускъ этотъ посвященъ Екатеринѣ Второй, славнымъ и памятнымъ страницамъ отечественной исторіи. Говоря объ этомъ *добромъ старамъ времени*, авторъ приходитъ въ ювошескій восторгъ, въ краснорѣчіе особеннаго рода, весьма оригинальное и ни съ чѣмъ несравнимое. Это понятно. Сергѣй Николаевичъ имѣлъ уже честь жить въ эту эпоху: онъ восхищался ею, какъ современникъ или, можетъ-быть, восхищеніе пришло къ нему послѣ, потому что современники — вообще народъ на восхищенія тяжелый; но, въ результатъ, это все-равно: дорога и

нензгладимыя воспоминанія остаются всегда отъ былаго на старость, которая изъ нихъ сочиняетъ себѣ посмертную юность и живетъ ею. Этотъ способъ смотрѣть назадъ въ минувшее, не бесполезенъ и для тѣхъ, которые еще не достигли старости и смотреть впередъ, въ будущее. Всякое восхищеніе — счастье. Каждый, кому дорогà отечественная слава, прочтетъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ воспоминанія Сергѣя Николаевича. Идея, системы, строгаго порядку, исторической вѣрности искать тутъ и не должно: Сергѣй Николаевичъ—по преимуществу поэтъ въ исторіи. Онъ не рассказываетъ, но убѣждаетъ, не судитъ, но горячится и старается дѣйствовать на воображеніе. Съ кѣмъ сравнить Сергѣя Николаевича? Съ Титомъ Ливіемъ?... Какъ это можно! Если бы Гомеры не стали у насъ ни почему, такъ, что нынче совѣстно въ порядочномъ слогѣ употреблять это нѣкогда великое имя, мы всего ближе назвали бы Сергѣя Николаевича Гомеромъ русской исторіи. И Гомеръ—тотъ Гомеръ—древній — что написалъ Иліаду—и Сергѣй Николаевичъ—оба сочиняли рапсодіи — да и какія еще рапсодіи! — извѣстно, что пѣсни гомеровыхъ поэмъ въ подлинникѣ называются *рапсодіями*: это — техническій терминъ—оба съ жаромъ воспѣвали отечественную славу, оба были стары, и оба, на старости лѣтъ, одарены были чудеснымъ воображеніемъ—краснорѣчіемъ, восторгомъ, фантазіей — всѣмъ, что дѣлаетъ исторію нѣкогда видѣннаго или слышаннаго былаго вѣчно-юною и безконечно очаровательною. Одно какое-нибудь сближеніе «Иліады» съ «Русскимъ Читеніемъ» — первое, которое намъ навернется — ясно уже покажетъ, что Гомеръ и Сергѣй Николаевичъ—совершенно одно и то же—различить нельзя. Напримѣръ: Гомеръ, въ «Русскомъ Читеніи», представляетъ Аякса бросающимъ во враговъ одной рукою такіе камни, которыхъ вамъ, нынѣшнимъ, говоритъ онъ, не поднять съ земли тридцатью руками. Сергѣй Николаевичъ въ «Иліадѣ», изображаетъ съ своей стороны прежнихъ русскихъ героевъ такими исполнителями гения, что для каждаго изъ нихъ ничего не стоило вертѣть тридцать человѣкъ Наполеоновъ около своего мизинца. И такъ далѣе. На всякомъ шагу можно было бы вывести такое сравненіе и показать такое же сходство въ способахъ, излагать исторію. Точь-въ-точь—Гомеръ! Даже, если сравнить хорошенько, преимущество въ пылкости воображенія и поэтическомъ взглядѣ на дѣла людей и боговъ своей юности едва-ли не окажется на сторонѣ Сергѣя Николаевича передъ Гомеромъ. Гомеръ, какъ кажется, былъ того мнѣнія, что въ его молодость, Греки пло-

хо знали грамоту и писали стихи пренескладныя, а Сергѣй Николаевичъ твердо убѣжденъ, что, когда онъ вышелъ изъ училища, Русскіе были несравненно образованнѣе всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, такъ, что всякій изъ тогдашнихъ литераторовъ могъ заткнуть себѣ тридцать нынѣшнихъ за поясъ — на выборъ.

Благоговѣя передъ Екатериною Второй, Сергѣй Николаевичъ посвящаетъ этотъ новый выпускъ своихъ рапсодій ея памяти. Посвященіе проникнуто живѣйшею признательностью, горячею любовью къ той, которая его облагодѣтельствовала и кому обязанъ онъ своимъ воспитаніемъ. Бѣдшая часть книги занята воспоминаніями о Великой Государынѣ, объ ея качествахъ, о любви ея къ русскому народу, къ его литературѣ, къ его народной славѣ. Далѣе авторъ говоритъ о замѣчательныхъ людяхъ того вѣку, Минихѣ, Потемкинѣ, Суворовѣ, Румянцовѣ, Алексѣѣ Орловѣ, Долгоруковѣ, Бибиковѣ, Репнинѣ, Кутузовѣ, Бецкомѣ, Демидовѣ, Панинѣ, Чернышевѣ, Турчаниновѣ, Вяземскомѣ, Нарышкинѣ, Булгаковѣ и о княгинѣ Дашковой. Разсматриваетъ состояніе литературы, изображаетъ главнѣйшихъ ея дѣйствователей, Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Новикова, и заключаетъ взглядомъ на Москву въ царствованіе Екатерины.

Съ особеннымъ интересомъ читается здѣсь все, что относится къ литературѣ и писателямъ екатерининскаго времени. Императрица, какъ извѣстно, сама участвовала въ словесности и поощряла литераторовъ, изъ которыхъ многіе пользовались особою ея благосклонностью. Доказательствомъ живаго участія служатъ любопытныя подробности, которыя приводятъ Сергѣй Николаевичъ объ изданіи перваго у насъ литературнаго журнала, предпринятомъ Императрицею: *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*.

«Хотите ли знать чѣмъ начала она свое изданіе. Загляните въ первую часть Собесѣдника на статью подъ заглавіемъ: «Извольте прочесть». Видя какимъ образомъ хитрые управители нѣкоторыхъ расточительныхъ бояръ заманивали простодушныхъ гражданъ въ поставщики господамъ своимъ на прихоти роскоши, она препоручила написать разсказъ на основаніи Евангельскаго изрѣченія: *Не изыдеши отсюда, дондеже не воздаси послѣднюю златницу.*»

Въ этомъ разсказѣ, несчастный поставщикъ, уловленный обнадеживаніемъ въ мнимомъ покровительствѣ бояръ по подрядамъ и по другимъ сдѣлкамъ, по слѣпому довѣрью, дошелъ до край-

«ности съ своимъ семействомъ. «Я не могу, говорила Екатерина, «водить всѣхъ и каждаго на помочахъ: каждый самъ долженъ «знать, что для него нужно и полезно въ его домѣ. Я могу «только предостерегать». Въ этомъ смыслѣ Державинъ сказалъ «объ Екатеринѣ-Фелицѣ:

«Развязывая умъ и руки,
Зоветь любить торги, науки
И счастье дома находить.»

«Говоря рѣчью древняго Бояна, Екатерина въ Собесѣдникѣ «свивала обѣ полы времени, сочетавая минувшее съ настоя- «щимъ. Къ опроверженію лживыхъ толковъ о нашихъ отече- «ственныхъ лѣтописяхъ, Екатерина помѣщала въ Собесѣдникѣ «*Записки касательно российской исторіи*; а къ остановленію раз- «лива роскоши и причудъ иноземныхъ, печатала тамъ же остро- «умныя статьи подъ заглавіемъ: *Были и небылицы*. Замѣтимъ «здѣсь, что язва роскоши особенно стала свирѣпствовать у насъ «съ той гибельной годины, когда Биронъ участвовалъ въ пра- «вленіи. По словамъ старика Кантемира, моты и расточители «*вздѣвали тогда на себя по три деревни*. Екатеринѣ оставалось «только противоборствовать этой язвѣ, и Державинъ гозорилъ ей:

«Мурзамъ своимъ не подражал,
По-часту ходишь Ты пѣшкомъ;
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ.»

«Вооружаясь противъ другой язвы, то есть, противъ тогда- «шнихъ клеветъ на нашъ родной край, она говоритъ въ пред- «словіи своемъ къ *Запискамъ касательно российской исторіи*: «Со- «чинитель сихъ записокъ не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за «пазухой; онъ вѣкъ свой тѣмъ же исполнять долгъ сердца *благодарнаго*». Безсмертный также вѣнокъ Екатерины, цвѣтетъ въ «*Быльяхъ и небылицахъ*. Сочинитель «Недоросля», предлагая Го- «сударынѣ около тридцати вопросовъ, включилъ въ число ихъ и «слѣдующій отважный вопросъ: «Имѣя монархическаго честнаго че- «ловѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоивать- «ся ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться «присвоивать ихъ обманомъ и коварствомъ?» Умная, благодушная «Екатерина, какъ-будто отклоня отъ себя державную власть, «скромно отвѣчала какъ честный человѣкъ: «Длятого, что во вся- «кое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится.»

«Въ это время Собесѣдникъ издавался подъ надзираніемъ И. «И. Шувалова и княгини Е. Р. Дашковой. Оба они убѣждали «Фонъ-Визина, не печатать своихъ вопросовъ. Онъ не соглашался, «говоря, что Екатерина любить правду. Истошивъ убѣжденія «свои, Шуваловъ представилъ Императрицѣ вопросы. Прочитавъ «ихъ, она улыбулась и сказала: «Мы отомстимъ ему», шутя «взяла перо и написала отвѣты.

«Вопросы и отвѣты напечатаны были во второй части Со- «бесѣдника. Торжество правды и остроумія на сторонѣ Екате- «рины; и это сказано безъ всякой лести. Каждый можетъ убѣ- «диться въ томъ, прочитавъ ихъ въ Собесѣдникѣ. Фонъ-Визинъ «первый самъ въ этомъ признался и препроводилъ въ третью «часть Собесѣдника письмо, въ которомъ обвинялъ себя въ не- «осторожности. Екатерина тамъ же отвѣчала, что «добросовѣст- «ное раскаяніе все замедлило».

«Екатерина въ мірѣ нравственномъ почитала воспитаніе глав- «нымъ основаніемъ всей жизни человѣка. Своеволіе, говорила «она, подобно половодью, выльется вода изъ береговъ, шумить «въ бурномъ разливѣ, но когда опять войдетъ въ свои берега, «все укротится, все стихнетъ. Берега — воспитаніе.»

«Услышавъ, что въ Москвѣ и отцы семействъ предались пео- «вой охотѣ, она сказала: «Жалю! развѣ у нихъ нѣтъ дѣтей!»

«Вѣнецъ славы Собесѣдника въ томъ, что Екатерина была «ревностнѣйшею въ немъ соучастницею. Къ заботамъ царствен- «нымъ, она присвокупила всю историческую область, облетая «мыслию и русскія и иноземныя событія, она царствовала и въ «вѣкахъ минувшихъ и въ настоящемъ ходѣ своего времени. По- «чти каждая книжка Собесѣдника дышетъ, такъ сказать, бесѣдою «Екатерины съ русскою стариною и съ новыми днями быта «русскаго. И какими живыми, какими рѣзкими чертами изобра- «жала она этотъ бытъ! Зазнавался ли кто изъ баловней счастія? «Изъ пера ея вылеталъ острый, кроткій, добросовѣстный на- «мекъ; намекъ на спѣсь *ходульную*. Увлекалась ли какая барыня «излишнимъ раздобарствомъ? Сочинительница *Былей и небылицъ* «вызывала куму архангелогородскую; и кума, легонько улыбаясь, «съ тихими приговорочками высказывала: «Не садись не въ свои «санц; будь по-скромнѣе — будешь по-умнѣе».

«У предковъ нашихъ были бесѣды, въ которыхъ они, по ихъ «выраженію, *всласть наговаривались*. Были бесѣды радушныя, «бесѣды русскія, гдѣ сердце и мысли, какъ-будто витали по «струямъ свѣтлыхъ водъ, въ которыя смотрится небо голубое.

«А наговорясь всласть, предки наши прибавляли: «слово доброе къ слову, а ладья къ перевозу». Такія бесѣды ожили въ Со-бесѣдникѣ. Фонъ-Визинъ предлагалъ Екатеринѣ смѣлые вопросы; но Яковъ Борисовичъ Княжиниъ, можно сказать, дружески бесѣдуя съ сочинительницею Былей и небылицъ, писалъ къ ней «отъ имени модной щеголихи:

«О, ты, писатель Былей Небылицъ,
Который милымъ, легкимъ слогомъ
Кружишь моихъ по модѣ мнѣ сестрицъ;
Клянусь по чести передъ Богомъ,
• Что я весьма довольна тѣмъ!...
О, если бъ въ сердцѣ ты можешь
Увидѣлъ все, что происходитъ;
Ты тѣмъ бы самъ доволенъ былъ...
По чести — ты мнѣ ужасно милъ!...
Въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, себя увидишь,
И въ тотъ же часъ возненавидишь,
Свою виновину блажь!» и прочая.

«Часы, посвящаемые занятіямъ въ русскомъ словѣ, Екатерина называла: *часами отдыха своего*. Отдыхъ святой и незабвенный въ лѣтописяхъ отечественной нашей словесности!»

«На Парнасъ, названномъ Ломоносовымъ, *хранителемъ героическихъ подвиговъ*, часъ-отъ-часу стихали возгласы громозвучные. «Княжиниъ въ посланіи къ княгинѣ Дашковой, говорилъ:

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать:
Онѣ всегда Екатерину,
За римою безъ ума голясь,
Уподобляли райску крину.»

«Творческою мыслью Екатерина - писательница помогла отстранить это докучливое сравненіе. Этою мыслью открыла она новое поприще, на которомъ не прозвенѣла еще ни одна струна лирическая. Остроумное, живое перо Екатерины изъ области волшебныхъ, очаровательныхъ вымысловъ, вызвало Фелицу, Хлора-Царевича и боярина Рѣшемысла. Въ очахъ Державина исчезъ прежній Парнасъ; разлетѣ мысли осіяновской блеснулъ

«въ его поэзіи; Фелица стала вдохновеніемъ его. По ея слѣдамъ
«нарилъ онъ на ту гору:

«Гдѣ роза безъ шиповъ растеть.»

«У Фелицы спрашивалъ поэтъ:

«Вѣщай, премудрая Фелица!

Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?

Гдѣ старость по-міру не бродить,

Заслуга хлѣбъ себѣ находить?

Гдѣ мечь не гонитъ никого?

Гдѣ совѣсть съ правдой обитають,

Гдѣ добродѣтели сіяють?

У трона развѣ Твоего.»

«Выраженіемъ души Екатерины, поэтъ извлекъ у Нея слезы
«и она сказала: «Онъ понялъ мою душу!»

«Державинъ не былъ творцомъ осіяновскихъ, романтическихъ
«пѣсень. Паря полетомъ орлинымъ, онъ выражалъ только вѣкъ
«Екатерины; онъ изображалъ блистательныя лица того времени.
«Въ Фелицѣ — Екатерина; въ водопадѣ — Румянцевъ и По-
«темкинъ. Державинъ былъ поэтомъ-историкомъ царствованія
«Екатерины Второй. Въ быстромъ кипѣніи новыхъ событій, бу-
«дутъ ли стихать звуки лиры Державина? Не знаю. Въ наше
«время, проза и поэзія — на мигъ. Но какія бы ни были тре-
«бованія нашего XIX вѣка, Державинъ останется поэтомъ-исто-
«рикомъ времени Екатерины Второй. Другое обстоятельство.
«Говорять, будто бы, при Екатеринѣ, не было полного развитія
«русскаго слова? Чтò такое полное развитіе слова? То, чтобы
«въ одномъ словѣ высказать все. Это принадлежитъ одному Богу.
«Слово русское существовало при Екатеринѣ то же самое, какое
«и теперь. Нынче въ большомъ ходу изрѣченіе Бональда, что
«словесность — выраженіе общества». Если это такъ, то пре-
«жніе писатели выражали общество своего времени, а нынѣшніе
«выражаютъ свое. А языкъ всё тотъ же. И до Бональда сказано
«было, что «слово человѣческое — картина общества». Разница
«въ томъ, кто какъ выражаетъ или изображаетъ. Рафаэль и нашъ
«Брюловъ тѣ же употребляютъ краски, какъ и другіе живописцы;
«но у нихъ своя кисть и свое безсмертіе. Намъ наскучили громы
«лирическіе. Это дѣло другое».

По повелѣнію Екатерины изданъ былъ *всенародный букварь*.
«Въ немъ, говоритъ Сергій Николаевичъ, она подарила русскому

народу тѣ самыя правила, которыя первоначально помѣстила въ «Библіотекѣ для Внуковъ» своихъ. Въ 1783 году, въ Собесѣдникѣ, она напечатала правило для русскихъ писателей: *Кто будетъ писать, тому думать по-русски*. Правило, котораго никто не исполняетъ, даже и самъ Сергѣй Николаевичъ.

«Тогдашній большой свѣтъ, въ сѣверной и въ древней нашей столицѣ, раздѣляется на двѣ стороны, на *англомановъ* и *галломановъ*. Англія боролась съ Франціею. За портище стальныхъ модныхъ ея пуговицъ для фраковъ, наши англومانы платили чистымъ золотомъ и потомъ бросали за ничто. Совѣстно припоминать, но и зубочистки, привозимыя изъ Лондона, были въ чести въ домахъ почетныхъ. Прежній Парижъ исчезъ, а наши московскіе вѣтренники всё-еще продолжали жизнь прежнихъ французскихъ *petit-metres*. Странное дѣло! въ то самое время когда отжила старинная Франція, на берега Невы переселилась рулетка и сдѣлалась общею забавою прекраснаго пола. Не та рулетка, которая математическими выкладками, затрудняла умнаго Паскаля. Рулетка моднаго свѣта много унесла звонкости. Объ этой ручной игрушкѣ помѣщена была остроумная статья Броневскаго въ *Санктпетербургскомъ Зритель*, И. А. Крылова. Скажу, что и въ эти кружки, закралась спѣсь и мотовство. У иныхъ рулетки осыпаны были жемчугомъ; у другихъ мелкими брилліантами. И сколько еще было такихъ модныхъ бездѣлицъ, и какъ дорого стоили онѣ сельскому быту: но объ этомъ нѣкогда было думать въ вихрѣ разсѣянностей. Балы, концерты, домашніе театры, маскарады, все это непрестанно чередовалось, особенно въ Москвѣ. Такой же веселый разгулъ жизни былъ и на улицахъ, какой въ палатахъ князей и бояръ. Все кружилось въ разсѣянности, ни о чемъ не заботясь. Я былъ тогда въ Москвѣ, служилъ въ числѣ адъютантовъ у князя Юрія Владиміровича Долгорукова, жилъ въ его домѣ, и никогда однако жъ не слышалъ объ имени того человѣка, который въ древнюю нашу столицу ввелъ въ послѣдствіи двадцать вооруженныхъ народовъ: нигдѣ тогда не произносили имени его. Онъ озабочивалъ одного только Суворова. По отставкѣ князя Юрія Владиміровича, я отправился въ свой баталіонъ. Осемь нашихъ баталіоновъ стояли въ Петербургѣ, подъ Основными Рощами. Полковники наши были люди свѣтскіе, умные, но и въ лагерѣ нашемъ имя героя Италіи было безгласно. Въ числѣ тѣхъ полковниковъ былъ извѣстный острякъ, князь С. Н. Долгоруковъ, который въ нашъ Двѣнадцатый Годъ былъ въ рядахъ Русскихъ

«и французскимъ перомъ шутилъ надъ Наполеономъ подъ Гару-
«тиннымъ, и онъ также забавлялъ тогда въ лагерѣ и въ модныхъ
«обществахъ острыми шутками и первый читалъ мнѣ посланіе
«Н. М. Карамзина къ женщинамъ, которое вмѣстѣ съ «Модною
«женою» И. И. Дмитріева, первенствовали въ нашей словесности.
«Спросятъ, какое же было тогда общее мнѣніе? Ни какого. Но
«чѣмъ болѣе умножались бури на западѣ Европы, тѣмъ болѣе
«усиливалась у насъ безпечность о всемъ томъ, что тамъ дѣ-
«лается. Мои современники почитали Екатерину Вторую без-
«смертною и, подъ щитомъ ея, веселились, не увлекаясь мыслью
«ни въ какую даль. Я говорю это о нашемъ тогдашнемъ боль-
«шомъ свѣтѣ; а чего не видалъ, о томъ и не пишу.

«Екатерина желала, чтобы умѣренность и умное домовод-
«ство побѣждали роскошь и расточительность и длятого вступи-
«ла на одну чреду съ издателями повременныхъ сочиненій. Она
«полагала и думала, что, при общемъ просвѣщеніи, хорошемъ вос-
«питаніи и семейственномъ благоустройствѣ, она доставитъ успѣш-
«ный ходъ внутренней промышленности и умножитъ довольство
«всѣхъ сословій. Но въ этомъ случаѣ голосъ ея раздавался въ
«пустынь. Въ губерніяхъ, кромѣ дворянскихъ выборовъ, долго
«не было никакихъ собраній по образцу Московскаго Благородна-
«го Собранія. Но моды изъ двухъ столицъ перешли и въ гу-
«бернскіе города и въ уѣзды. Отъ наводненія ихъ, семейный
«бытъ сталъ часъ-отъ-часу болѣе разстроиваться. Однимъ изъ
«своихъ указовъ Петръ Первый намѣренъ былъ передать недви-
«жное имѣніе старшему въ родѣ, а младшимъ предоставить пользо-
«ваться доходами, предполагая, что они разорятся, если по раздроб-
«леніи имѣнія, вздумаютъ продолжать такую же роскошную жизнь,
«какую вели ихъ отцы при полномъ владѣніи имѣніемъ своимъ.
«Но тогдашняя роскошная жизнь состояла только въ пиршествахъ
«изъ избытковъ и изобилія домашняго. Тогда еще рѣдко и въ
«столицахъ кипѣли пиры изъ прихотей четырехъ частей свѣта.
«Послѣ Петра и это перешло далѣе въ Россію, и въ вѣкъ Ека-
«терины, доходы съ помѣстій стали истощаться на все модное,
«на наряды, на кареты. Желаніе блеснуть веѣмъ этимъ замани-
«ло губернскіе города, гдѣ и балы, и концерты, и карточная игра,
«отвлекали отъ заботъ семейныхъ, отъ воспитанія дѣтей, и гдѣ
«гибли труды поселянъ.

«По свидѣтельству историка Татищева, Государь, видя безо-
«рядочное правленіе дворцовыхъ вотчинъ, располагалъ 1723 года
«распродать ихъ дворянамъ. Что бы изъ того вышло?» Я объ

«этомъ не разсуждаю; но извѣстно, что при Петрѣ и въ поминѣ «еще не было тѣхъ модъ, которыя впослѣдствіи все заповолнили «у насъ. А что Екатерина сильно боролась противъ губительной «расточительности, какъ писательница и какъ царица, это свидѣ- «тельствуютъ всѣ шаги ея правленія и всѣ произведенія ея пера. «Я непрерывно борюсь съ злоупотребленіями, говорила она: «но и я человѣкъ и я въ обширной Россіи не могу одна всего «усмотрѣть; народъ русскій уменъ; онъ убѣжденъ, что я всѣми «силами стараюсь объ его пользахъ и добрѣ; называя начальни- «ковъ, я усиливаюсь передать имъ и мысли и душу мою; а если «кто изъ нихъ не рачитъ о святомъ долгѣ охраненія народнаго, «тотъ будетъ отвѣчать Богу.»

Вотъ нѣсколько анекдотовъ, которые, вѣроятно, извѣстны цѣ- «многимъ :

«Когда пронеслась молва по Петербургу о схваткѣ приказчи- «ковъ нашего купца Владимірова съ англійскими купцами въ «Лондонѣ, княгиня Дашкова получила отъ Екатерины слѣдую- «щую записку: «Пріѣзжай ко мнѣ. Знаю Англію, но мнѣ нужно «поговорить съ тобою объ Англичанахъ; ты лично наблюдала «ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, умъ хорошъ, а два лучше.»

«Государыня встрѣтила ее словами: «Слышала ли ты, что «задумалъ нашъ проказникъ Владиміровъ? Онъ приказалъ бро- «сить въ море половину своей пеньки, завезенной въ Англію, «сердась за то, что Англичане сбивали на нее цѣну. Я призы- «вала его, и онъ говоритъ: — «Матушка, будьте спокойны, «русская торговля не ударитъ въ грязь лицомъ. Пусть они уп- «рямятся, они ничего не выпраютъ; если за половину не да- «дутъ того, что слѣдовало за все — велю еще утопить часть «пеньки. Пропади все. Не дамъ насмѣяться надъ собою. Дого- «воръ долженъ быть святъ. Будьте спокойны, матушка.»

«Вотъ, что онъ говоритъ, а ты какъ объ этомъ думаешь?» «Княгиня отвѣчала: — «Я думаю, Государыня, что онъ правъ. «Пенька для морской торговли Англии, стоитъ почти на ряду съ «нуждою хлѣба. Купцы англійскіе дѣлаютъ Владимірову пустую «привязку. Неумѣстная ихъ гордость уступить необходимости. «Гдѣ имъ взять на скорую руку такой пеньки? Такъ и сбилось. «Владиміровъ, за остальное выручилъ свое сполна.»

Первымъ лирическимъ поэтомъ былъ у насъ холмогорскій «уроженецъ Ломоносовъ.

«Ломоносовъ безмолвствовалъ во все царствованіе Анны Иоан- «новны. А какъ вновь откликнулась его лира, мнѣ рассказы-

«валъ М. М. Херасковъ: «И. И. Шуваловъ, ожидая скорого возвращенія Елисаветы изъ Москвы, 1742 года, пригласилъ къ себѣ Ломоносова, и спросилъ:—«Будетъ ли у васъ ода на прїѣздъ Императрицы?» — О! возразилъ Ломоносовъ: мнѣ и на мысль не приходилъ оды, съ-тѣхъ-поръ какъ Тредьяковской, изъ рабскаго подобострастія къ Бироу, сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другу на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна, и, чтобъ этимъ реномъ дать ходъ, означилъ подъ нимъ мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ оды.—«Стало-быть, Михайло Васильевичъ, вы не любите Елисаветы?» — Чтò вы говорите? воскликнулъ Ломоносовъ. Я не люблю Елисаветы, дочери Петра Великаго и ангела Россіи!» «Тутъ, въ восторгѣ вдохновенія, схватилъ онъ перо и написалъ три строфы:

«Какой прїятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ!
Какая красота яснѣетъ
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой.
Зарей торжество свѣтящу новой,
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ,
Брега Невы руками плещутъ
Брега Балтійскихъ воль трепещутъ», и т. д.

«Моя Россіяда, продолжалъ Херасковъ, доставила мнѣ листокъ, на которомъ безсмертный Ломоносовъ написалъ эти три строфы. Окончивъ мою поэму, я препроводилъ ее къ И. И. Шувалову и получалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Съ удовольствіемъ и съ жадностію прочиталъ я Россіяду. Чѣмъ васъ за нее благодарить? Препровождаю къ вамъ начало первой оды въ царствованіе Елисаветы, собственной руки Ломоносова. Этой драгоцѣнности приличіе всего быть въ вашихъ рукахъ. Я люблю музъ, а музѣ васъ любятъ».

«Однажды засталъ я княгиню Дашкову за чтеніемъ оды Ломоносова. Не закрывая книги, она сказала мнѣ: выслушайте же меня о нашемъ холмогорскомъ лирикѣ. Не задолго до кончины его, прїѣзжаю во дворецъ, и Государыня, съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ, сказала: — «Нашъ Михайло Васильевичъ что-то закручинился; поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ: а изъ любви

«чего не дѣлаютъ!» Немедленно отправились мы къ поэту и застали его спящимъ въ глубокой задумчивости у большаго «стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ-будто прощаясь съ хозяиномъ, то «вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услышавъ привѣтъ Императрицы: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ!»—онъ вскоцилъ, какъ-будто съ просонокъ. Екатерина повторила: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ, я пріѣхала съ княгинсю посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи, или, лучше сказать, о вашей «грусти»».

«Нѣсколько мннуть уста Ломоносова окованы были безмолвіемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: — Нѣтъ, матушка, нѣтъ Государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя! — «Полечите ее, сказала Екатерина: полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ Новымъ Годомъ, вы сказали, что такъ же усердствуете ко мнѣ какъ и къ дочери Петра Великаго. Чтò же, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?» — «Измѣнить, вамъ, матушка-Государыня? Нѣтъ, не перо — сердце мое писало:

«Твой трудъ для насъ обогащенье;
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неуспѣшность—нашъ покой».

«Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она возразила:—«Вѣрю, вѣрю Михайло Васильевичъ! А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. «Щи у меня будутъ такія же горячія, какими подчивала васъ ваша хозяйка».

При всемъ могуществѣ Екатерины Второй, съ журналомъ ея случилось то же, чтò такъ часто случается и съ нашими частными журналами: сначала, сотрудниковъ было множество, каждый обѣщавъ трудиться, писать, доставлять статьи, а когда дѣло пошло въ ходъ никто ничего не далъ, и августѣйшая Издательница должна была работать одна за всѣхъ. Княгиня Дашкова говорить:

«Вскорѣ по прекращеніи издація «Собесѣдника», я получила «отъ Императрицы записку: «Пріѣзжай ко мнѣ; мнѣ нужно съ тобою поговорить о нашемъ дѣлѣ». Я застала Екатерину чрезвычайно веселою и замѣтила ей это. — «Да, отвѣчала Екатерина:

«я очень весела: но знаешь ли отчего? Оттого, что я наказана: взялась не за своё дѣло, захотѣла быть журналистомъ. Мы думали, что мое участіе заманитъ къ намъ всё перья. Фовъ-Визинъ далъ-было листочка три, четыре, и замолчалъ. Чего онъ испугался? Моихъ отвѣтовъ на его вопросы; но вѣдь онъ самъ покаялся — и этимъ все кончилось. Княжпиль напечаталъ, что мой *Были и небылицы* исправилъ запястныхъ модницъ. Неправда. Въ свѣтѣ все кружится по-прежнему; только нашъ «Собесѣдникъ» упокоился. Сбылось то, что я сказала въ одной изъ моихъ оперъ:

Недобрѣта пѣсенка,

Не донграна игра.

Напишу на досугѣ комедію «Обманутая надежда».

заколдованный принцъ, или Переселеніе душъ. Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго Императорскихъ театровъ, режиссёромъ русской труппы Н. П. Куликовымъ. Сп.-бургъ. 1846, въ-16., стр. 107.

Сюжетъ, веселость, остроуміе—все здѣсь нѣмецкое. Господинъ Куликовъ пересадилъ этотъ чахлый германскій цвѣтокъ на русскую драматическую почву по крайнему своему разумѣнію, отъ чего онъ вовсе не улучшился. Но, на сценѣ, пьеса принята съ великимъ одобреніемъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ путешествуетъ некогнито по своимъ владѣніямъ. Случай или прихоть приводитъ его въ мастерскую сапожника Ганса. Гансъ, по положенію нѣмецкаго сапожническаго цеха, немножко пьянца и немножко влюбленъ. Возлюбленную его, Маргариту, отбиваетъ у него стряпчій, страшный крючокотворъ и кляузникъ, которому, къ довершенію несчастія, Гансъ долженъ пятьдесятъ талеровъ. Какъ помочь горю? Къ кому обратиться съ просьбою?

Тутъ весьма кстати является принцъ, съ любимцемъ и наперсникомъ своимъ, Фовъ-Лаубе, и слушаетъ іереміады Ганса, іереміады въ стихахъ и прозѣ, съ каламбурами господина Куликова, которые такъ нравятся принцу, что онъ принимаетъ намѣреніе позаботиться насчетъ бѣднаго сапожника: приказываетъ напоить его и, пьянаго, перенести въ свой дворецъ, для того чтобъ повторить съ нимъ старую исторію: *Халифа на часъ.*

Во второмъ актѣ сапожникъ просыпается повелителемъ, бѣсть, пѣть, подписываетъ бумаги, и уплачиваетъ долги за Ганса, о

которомъ въ головѣ его еще остались темныя воспоминанія. Возлюбленная его, Маргарита, по приказанію принца, играетъ роль принцессы-невѣсты.

Въ третьемъ актѣ пьянаго Ганса опять переносятъ въ его хижину. Очарованіе исчезло и принцъ-повелитель, по-прежнему, сапожникомъ. Но, по милости принца, долги Ганса заплачены и къ женитьбѣ нѣтъ препятствія. Затѣмъ пьеса оканчивается: сапожники въ полномъ собраніи обоихъ цеховъ, русскаго и пѣмецкаго, апплодируютъ изо всѣхъ угловъ залы. Успѣхъ блистательный.

ГОСТИНЕЦЪ ДЛЯ ДѢТСКОЙ ЪЛКИ. *Книжка въ стихахъ для малютокъ. Сочиненіе автора Дѣтскаго цвѣтника и Дѣтскаго павильона. Съ картинками. Сп.-бургъ, 1846, въ 24, стр. 96.*

Время года отъ Рождества до Святой Недѣли — самое благополучное время для дѣтской литературы. Издатели книжонокъ пользуются имъ и наводняютъ лавки своею грошевою производительностью. Автору «Дѣтскаго цвѣтника» и «Дѣтскаго павильона», двухъ великихъ твореній, которыхъ никто не знаетъ, пришла въ голову богатая мысль создать и напечатать такую книжонку, которая бы могла со славою висѣть на ленточкѣ на ѣлкѣ среди позолоченныхъ грецкихъ орѣховъ. Задумано и сдѣлано. Девяносто шесть сѣрыхъ страничекъ безсмыслицы, украшенной конфетными картинками, торжественно повисли на пѣтербургскихъ ѣлкахъ. Книжка разошлась. Цѣль изданія достигнута, и сочинитель ученые титулы свои *автора Дѣтскаго цвѣтника и Дѣтскаго павильона* къ Святой Недѣлѣ умножить еще славнымъ титуломъ *автора Гостинца для дѣтской ѣлки*.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА, *изданное* *Ө. Студитскимъ. Южная Европа. Съ картинкою, на мѣди, и политипажѣми. Сп.-бургъ, 1846, въ тип. Фишера, въ-16, стр. 113.*

Намѣреніе автора—заставить дѣтей изучить безъ труда географію и въ то же время познакомиться съ замѣчательнѣйшими мѣстами и произведеніями природы и искусства. Эта книга должна служить дополненіемъ къ изданной господиномъ Студитскимъ «Географіи для дѣтей». Господинъ Студитскій обѣщаетъ еще девять книжекъ такого же путешествія и во второй книжкѣ онъ отправится въ Южную Америку. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ десяти книжекъ такого путешествія, дѣти получатъ сильную страсть,

если не къ географіи, такъ по-крайней-мѣрѣ къ туризму, которой уже подвержены ихъ родители.

Книжка составлена грамотно, и издана очень опрятно, съ полтипажами и заглавною картинкою, изображающею Суворова въ альпійскихъ горахъ. Двое «милыхъ малютокъ», два красивые Улиса, Вечеславъ и Людмила, вмѣсто-того чтобъ учиться географіи дома, разѣзжаютъ по всему свѣту съ своими родителями, москѣ и мадамъ Жемчужными. Изъ Франціи ѣдутъ они въ Швейцарію, изъ Швейцаріи въ Италію, а оттуда, черезъ острова Греціи, Константинополь, Молдавію и Валахію, возвращаются въ Россію. Много видѣли они городовъ, и многихъ людей узнали разомъ, какъ говорилъ покойный Гомеръ въ свое время; много обозрѣли чудесъ природы и искусства, и въ совершенствѣ выучились восхищаться. Книга господина Студитскаго—самый полный курсъ восхищенія, какой только былъ когда-либо составленъ географомъ.

ГЕОГРАФІЯ ВЪ ЭСТАМПАХЪ, съ повѣстями и картинами по предметамъ географіи. Сочиненіе Ришома и Альфреда Вангольда. Рисунки Людовика Лассаля. Ш.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1846, въ-8.

То была географія въ путешествіяхъ, а эта географія въ повѣстяхъ. Французскіе педагоги перехитрили господина Студитскаго! На нашъ вкусъ, географія въ повѣстяхъ милѣе географіи въ путешествіяхъ — трогательнѣе — интереснѣе — города, рѣки, горы такъ и ложатся прямо на сердце. Парижскіе соперники господина Студитскаго, собрали полтора десятка коротенькихъ повѣстей и передъ каждою изъ нихъ, для вѣщней ясности дѣла, помѣстили краткую географію той страны, о которой въ повѣсти говорится. Надо сказать правду, что повѣсти вовсе не дурны и могутъ занять не однихъ дѣтей. Господину Студитскому не остается теперь ничего болѣе, какъ рѣшиться на великое средство и приняться писать географическіе романы.

Дѣйствіе шестнадцати повѣстей «Географіи въ эстампахъ» пропеходитъ въ тринадцати государствахъ. Картинки довольно малы. Текстъ напечатанъ на двухъ языкахъ, французскомъ и нижегородскомъ. — *Je ne veux pas abuser de votre attention. — Я не хочу злоупотреблять вашимъ вниманіемъ. — Le royaume Lombardo-Vénitien, est divisé en deux gouvernements dépendant de l'Autriche, celui de Milan, et celui de Venise. — Королевство Ломбардо-Венеціанское, раздѣленное на два губер-*

ни; оно зависитъ отъ Австріи, Милана и Венеціи. Вотъ вамъ — какъ пишутъ географію!

ОПИСАНІЕ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Книга третья. Олонецкая губернія. Издано Геденовымъ и Пушкиревымъ. Съ картою губерніи, гербами, планами городовъ и пятью рисунками. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1845, въ-8., стр. X — 107.

Исполнители этого прекраснаго предпріятія, вполне достойнаго участія отечественной публики, воспользовались сдѣланными имъ при первыхъ «книгахъ» замѣчаніями, чтобы поставить свое изданіе на ту точку совершенства, которая прилична и важности предмета и обширности подобнаго труда. Многіе изъ указанныхъ имъ недостатковъ исправлены. Между прочимъ географическая карта олонецкой губерніи явилась съ раздѣленіями на градусы, долготы и широты. Но всё-еще гидрографія и этнографическая часть требуютъ бѣльшаго развитія и лучшаго употребленія матеріаловъ, уже прготовленныхъ нашими учеными.

Описаніе олонецкой губерніи раздѣлено на два отдѣленія, историческое и географическо-статистическое. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Карелія, въ которой заключалась вся нынѣшняя олонецкая губернія, принадлежала Новгороду, подъ именемъ Онежской Пятинны, и съ того времени исторія ея всегда была связана съ исторіей Великаго Города. Съ паденіемъ Новгорода Онежская Пятинна присоединена къ новгородскому уѣзду, въ которомъ и оставалась до воцаренія Михаила Феодоровича.

Петру Первому олонецкій край обязанъ своимъ возрожденіемъ. Открытіе желѣзной руды на берегахъ Онежскаго Озера побудило его устроить первые на сѣверѣ заводы, которые и послужили основаніемъ Петрозаводску.

При Императрицѣ Екатеринѣ Второй олонецкая область образовала новую олонецкую губернію, съ главнымъ городомъ Петрозаводскомъ. Въ 1796, при Императорѣ Павлѣ Первомъ, олонецкая губернія была учреждена и вошла въ составъ архангельской и новгородской; но при Александрѣ Первомъ восстановлена въ прежнемъ видѣ, кромѣ падаискаго уѣзда, причисленнаго къ кемскому уѣзду архангельской губерніи.

Изъ русскихъ Царей только Петръ и Александръ посѣщали этотъ край. Въ 1844 году Великій Князь Константинъ Николаевичъ обозрѣвалъ Петрозаводскъ, Лодейное Поле и Вытегру.

Олонецкая губернія—одна изъ губерній самыхъ бѣдныхъ хлѣбопашествомъ и самыхъ богатыхъ водою и лѣсомъ въ европейской Россіи. Изъ общей поверхности до 13,000,000 десятинъ, 2,408,660 приходится на рѣки, озера и болота, подъ земледѣліе занято 257,496 десятинъ, а слишкомъ 10,000,000 десятинъ считается подъ лѣсами. Почва страны въ-особенности примѣчательна разнообразіемъ минеральнаго богатства. Кромѣ желѣзной руды изъ болотъ и озеръ, изъ горъ добывается гранитъ, кварцъ, діоритъ, соломенскій камень, слюда, глина различныхъ сортовъ, желѣзный купоросъ, красная желѣзная охра, сѣра, аметисты, антрацитъ, горный хрусталь, дымчатый топазъ, зеленая яшма, мраморъ. Въ рѣкахъ попадаетъ жемчугъ. Открыты даже слѣды золота.

Народонаселеніе олонецкой губерніи было въ прошломъ году до 350,000 душъ обоого пола. Послѣ числа душъ, въ статистикахъ нашихъ губерній первый вопросъ всегда—сколько эти души выпиваютъ вина, потому что отъ этого зависятъ смертность, нравственность и промышленность. Изъ сравненія статистическихъ таблицъ, какъ извѣстно, было уже не однажды выведено, что самая большая смертность между народомъ господствуетъ именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ болѣе всѣхъ прочихъ распространено пьянство. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній, отличающихся любовью къ вину, смертность доходитъ до 1 изъ 20 или 19. Къ счастью, во всемъ олонецкомъ краю питейныхъ заведеній 186, и они продаютъ только около 70,000 тысячъ ведеръ разныхъ горячихъ напитковъ, такъ, что одна душа пропиваетъ въ годъ не болѣе одного рубля серебромъ. Отсюда слѣдуетъ, что олонецкая губернія—одна изъ самыхъ здоровыхъ въ Россіи, несмотря на жестокой климатъ и сырость почвы: въ самомъ дѣлѣ, тамъ умираетъ только 1 изъ 30 и даже 1 изъ 31. Высшей долговѣчности, кажется, не представляетъ ни одна губернія европейской Россіи. Преступленій въ олонецкой губерніи очень мало. Нравственности жителей господинъ Пушкиревъ отдаетъ величайшія похвалы. Это—новая Аркадія. Отличительныя черты характера поселянъ, говоритъ онъ: смѣтливость, твердость въ словѣ, гоетепринимство и честность, такъ, что случаи воровства въ крестьянскомъ быту весьма рѣдки, и большая часть преступленій этого роду совершается въ городахъ. Наружность жителей здорова: они сложенія крѣпкаго, росту невысокаго, болѣею частію блондуры, какъ всѣ жители сѣвернаго края. Выраженіе лица довольно пріятное, особенно у женщинъ.

«Изъ обрядовъ, совершаемыхъ здѣсь, особенно замѣчательны: «свадебный, похоронный и поминовенія. Свадебный обрядъ совершенно отличенъ отъ русскихъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ. Между дѣйствующими лицами на свадьбѣ, одно изъ важныхъ — *кльцникъ*, охраняющій свадьбу отъ порчи: онъ ночью «разъѣзжаетъ вокругъ дому, гдѣ спать молодые. Прочія лица «непремѣнно участвующія при свадьбѣ: *тысяцкій* (крестный «отецъ жениха), два или три *брюда* со стороны невесты и *попъжаны*. При сватовствѣ наблюдается слѣдующая церемонія: «молодой парень, наскучивъ одинокою жизнію, падаетъ въ ноги «отцу и матери и проситъ ихъ: *Желанные родители, отпусти- «те меня на чужую чужбину: я достану себѣ молодицу, крас- «ную дѣвицу*. Его отпускаютъ родители съ такою рѣчью: *Иди «съ Богомъ, дитятко! иди, роженое!* Молодецъ поспѣваетъ на вре- «мя свое жилище, сзываетъ друзей и родныхъ и отправляется «туда, гдѣ есть дѣвица на примѣтѣ. Прибывъ къ дому, не вхо- «дятъ прямо, а стучать въ окно, спрашивая:—Можно ли войти? «—«Милости просимъ». Тутъ отецъ и мать просятъ гостей са- «дятся: но они отказываются и говорятъ:—Намъ некогда си- «дѣть; мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ. Тогда «начинаютъ подчивать гостей яичницею и прижеными пирогами «и уговариваются, когда долженъ быть *приказъ или отказъ*. «Когда просватаютъ невесту, она плачетъ, и, подходя къ го- «стямъ, собираетъ деньги. Потомъ накрываютъ ее фатою и всѣмъ «присутствующимъ объявляютъ, что сегодня *порученье* (обру- «ченье), а тогда-то свадьба. Объявленіе приказа сопровождается «рукобیتьемъ и благословеніемъ, причемъ свать бьетъ по ру- «камъ (захвативъ полу своей сибирки) со всѣми мужчинами, род- «ными невесты. Поются пѣсни, сваты бьютъ въ *воронецъ* (до- «ску, привѣшенную къ перекладинѣ потолка), приговаривая: «ну, сватьяшки, поворачивайтесь, подавайте невесту; женихъ «сучааетъ». Приводятъ невесту, накрытую фатою; даютъ ей под- «нось съ виномъ, и она начинаетъ подчивать каждого. Всѣ дол- «жны класть на поднось сколько-нибудь денегъ. За невестою «ходятъ: проводница и плакальщица, непрерывно приплакиваю- «щая. Обнеся всѣхъ, невеста подносить вино и жениху, кото- «рый даритъ ей различныя вещи, между прочимъ и башмаки; «но она беретъ ихъ и бросаетъ, прихвѣвая приличную на это «пѣсню. Въ то время, какъ невеста стоитъ у стола съ виномъ, «друзки снимаютъ съ нее фату концами плетв. Послѣ сговора «бываетъ вечерника, на которую собирается вся родня съ же-

«ниховой и невѣстной стороны. Тутъ дарятъ другъ друга. Невѣста разбираетъ подарки жениха, и послѣ отдариваетъ его платкомъ. Наконецъ садятся за столъ. Приводятъ невѣсту, накрытую фатою; она входитъ съ подносомъ и ставитъ его на столъ. Женихъ беретъ рюмку, первый старается влить вино изъ своей рюмки въ рюмку послѣдней, и ежели успѣетъ въ томъ, то зрители одобряютъ его крикомъ. Послѣ-того невѣста оборачивается къ жениху и, какъ-бы извпняясь передъ нимъ, поетъ пѣсню, а всѣ поѣзжаны съ жениховой стороны вскакиваютъ изъ-за стола и кричатъ: «Наша взяла! наша взяла! покорилась!» Начинается подчиванье, а невѣста, обратившись къ отцу и матеря, прощается съ ними напѣвами разныхъ пѣсень. Передъ отъѣздомъ въ церковь, жениху подаетъ дружка кремень и огниво, а невѣсту, крестный отецъ сажаетъ на квашню и сваха расплетаетъ ей косу, заплетенную крѣпко дѣвушками при одѣваніи невѣсты. Потомъ сваха беретъ невѣсту за руку и ведетъ, причемъ невѣста должна тащить столъ, ежели есть у нея сестры, дядого, чтобы и имъ скорѣе выйти замужъ. По обѣднчаніи, молодыхъ провожаютъ въ домъ жениха, переодѣваютъ невѣсту въ платье *молодухи* и выводятъ передъ всѣхъ присутствующихъ, которые одобряютъ невѣсту крикомъ: *хороша, молода!* Потомъ садятся всѣ за *княжій столъ*; но прежде чѣмъ сядутъ молодые, родные ихъ обходятъ три раза кругомъ стола. Во время обѣда одинъ изъ дружекъ привозитъ къ новобрачному въ домъ все приданое его жены. На другой день постельный проводницы идутъ будить молодыхъ; потомъ ведутъ ихъ въ баню, присутствующіе бьютъ въ сковороду, стрѣляютъ изъ ружей, пляшутъ и поютъ пѣсни. Пока остаются въ банѣ, всѣ проводзатые также пляшутъ, кидаютъ камни, ломаютъ горшки, кричатъ. Послѣ бани, молодая снова начинаетъ дарить мужнину родню и дружекъ; послѣ обѣда молодой, одинъ, безъ жены, идетъ вмѣстѣ съ дружкой и сватомъ, на *личницу*; онъ вырываетъ изъ середины ея кусокъ, а дружка наливаетъ туда масла, и разбиваетъ чашку, въ которой было масло. Послѣ начинаются угощенія, пляски и пѣсни. Черезъ нѣсколько дней новобрачный даетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*, на который приглашаетъ всю родню.

«Особенности при похоронномъ обрядѣ здѣсь состоятъ въ томъ, что умирающихъ перекладываютъ съ перины на солому, чтобы, какъ говорятъ, *душа распросталась*, которая должна

«дать отвѣтъ за каждое перышко. Едва только умереть кто-нибудь, тотчасъ являются плакальщицы и воютъ надъ нимъ до погребенія; послѣ ходятъ въ дома родныхъ и знакомыхъ покойника, и своимъ припѣвамъ напоминаютъ про жизнь его, разсказываютъ всѣ его привычки, обыкновенія, даже любимыя его кушанья.

«*Поминовеніе* совершается иногда поселянами цѣлой деревни: назначивъ для поминовенія день, налагаютъ на себя постъ. За два, или за три дни до срока, собираются къ кому-нибудь, у кого по-больше изба, и начинаютъ стряпню, которою занимаются гости; хозяйка выдаютъ только припасы, и ходятъ по всѣмъ угламъ съ плачемъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ сѣняхъ, третій въ горницѣ, и толпою выходятъ на встрѣчу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ: «*Вы устали, родные, покушайте чего-нибудь!*» Потомъ идутъ въ сѣни и въ избу. Хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, говоритъ: *Чай, вы озляли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то не тепло, можетъ-быть; погрѣйтесь, родные, на печкѣ.* Живые между-тѣмъ садятся за столъ. Передъ киселемъ, когда, по обыкновенію, поютъ *вѣчную память*, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ съ него на улицу холстъ, на которомъ опускали въ могилу какого-нибудь покойника, и начинаютъ провожать невидимыхъ гостей своихъ съ печки, приговаривая: *Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было идти; вотъ тутъ по-мягче, ступайте съ Богомъ!* Здѣшніе русскіе поселяне, при поминкахъ сметають съ могилъ родныхъ соръ, стелютъ на нихъ платки, и потомъ вслухъ разсказываютъ, что случилось послѣ ихъ смерти».

«Многіе изъ поселянъ (по свидѣтельству Дашкова) вѣрятъ еще существованію *льсовиковъ, водяниковъ, домовыхъ*, называя ихъ *хозяинъ, онъ, другая половина, дѣдушка*, и прочая. Иные вѣрятъ, что если кто изъ мірянъ пожелаетъ видѣть *домоваго*, стоитъ только въ свѣтлый праздникъ, между заутренею и обѣденою, съ зажженною свѣчою отправиться въ хлѣвъ: тамъ въ которомъ-нибудь углу будетъ непремѣнно стоять *онъ*, лицомъ къ стѣнѣ. Чтобы вызвать *льсовика*, надобно, какъ думаютъ, нарубить молоденькихъ березокъ и верхушками сложить въ средину; потомъ святъ съ себя крестъ, и ставъ посрединѣ этихъ березокъ, крикнуть: *дѣдушка!* — онъ тотчасъ явится. Смѣльчаки увѣряють, будто часто случалось имъ встрѣчать въ хлѣсу

«вечнаго, всего мохнатаго, съ волосами на головѣ и бородѣ зелеными, который, по увѣренію крестьянъ, причиняетъ много бѣдъ. Въ нѣкоторыхъ озерахъ, полагаютъ они, есть подводныя царства русалокъ, которыя при закатѣ солнца плещутся, играютъ въ водѣ, выходятъ на берегъ и расчесываютъ волосы. Вѣрятъ также разнымъ колдовствамъ и заговорамъ. Множество бѣлокъ въ лѣсу крестьяне почитаютъ за признакъ близкой войны. Увѣряютъ, что передъ 1812 годомъ появилось столько бѣлокъ, что онѣ стаями бѣгали въ городахъ по улицамъ и разсуживались по крышамъ домовъ. Ежели у жепиха, или у невѣсты потухнетъ свѣчка подѣ вѣщомъ, это принимаютъ за признакъ недолговѣчности, даже скорой смерти. Между народомъ сохраняется еще много повѣрій и преданій, основанныхъ на событіяхъ, искаженныхъ въ послѣдствіи времени разказами.»

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѣДѢНІЙ О РОССИИ И НАРОДАХЪ ЕЕ ЕДИНОВѢРНЫХЪ И ЕДИНОПЛЕМЕННЫХЪ. Издавъ Д. В. Москва, въ тип. Семена, 1845, въ-8. Томъ первый, въ двухъ частяхъ, стр. 24 — 310 и 194.

Не подумайте, ради Бога, что это — какое-нибудь новое безглазое порожденіе московскаго словенофильства. Напротивъ, это — трудъ хорошей, основательной эрудиціи, учености не сбитой съ толку предвзятыми теоріями, собраніе статей дѣльныхъ, положительныхъ, и вполне заслуживающихъ вниманія, о законахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ, промышленныхъ средствахъ и исторической литературѣ народовъ славянскаго племени. Издателемъ книги былъ извѣстный уже по «Симбирскому сборнику» молодой Дмитрій Валуевъ, умный и трудолюбивый изслѣдователь исторіи, котораго литература и наука лишилась недавно, какъ лишаются онѣ постепенно всѣхъ тѣхъ, на кого полагали надежды свои. Бѣдная литература! бѣдная наука! Явились умъ, талантъ, трудолюбіе, и едва обратилъ на себя вниманіе, какъ уже и нѣтъ его.

Въ «Сборникъ» этотъ входятъ, кромѣ собственныхъ трудовъ покойнаго Валуева, нѣсколько оригинальныхъ статей господъ Снегирева, Грановскаго, Попова, Соловьева и Кавелина. Статья И. М. Снегирева «О лубочныхъ картинахъ русскаго народа», уже была извѣстна прежде изъ Московскаго Журнала и изъ разбору, помѣщеннаго въ «Симбирскомъ сборникѣ». Мы съ удивленіемъ и со страхомъ, встрѣтили здѣсь въ самомъ началѣ книги статью го-

сподина Хомякова: «вмѣсто введенія». Господинъ Хомяковъ, какъ извѣстно — одинъ изъ самыхъ восторженныхъ словенофиловъ, съ ожесточеніемъ ратующихъ противъ *полу-гнилаго* Запада. Къ счастью, на этотъ разъ онъ умѣрилъ свое ожесточеніе. Статья его — длинный папегирикъ Словенамъ, отклонившимся отъ Востока и принявшимъ ложное, не-словенское направленіе.

Статьи — господина Кавелина, «Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ» (изъ сочиненій Штенцеля и Тшонпе), и приложение къ ней издателя, «Города нѣмецкіе и славянскіе», — господина Попова, «Объ опекаѣ и наслѣдствѣ, по Русской Правдѣ», — господина Грановскаго, «Волинь, Ломбургъ и Винета», господина Соловьева «О значеніи слова *черный* въ древнемъ русскомъ языкѣ и преимущественно о Черномъ Борѣ Новгородскомъ», и опять статья издателя «Христианство въ Абиссиніи» отличаются достоинствами дѣльныхъ историческихъ изысканій. Остальныя статьи, помѣщенныя въ первой части «Сборника», состоятъ изъ переводовъ: «Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ» (Губе, переводъ господина Бакунина), — «О земледѣліи и богатствахъ Польши въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ» (изъ книги Суворовскаго), — «Извлеченіе изъ писема Рабби Хислай-бэнъ-Ицкахъ къ царю хозарскому» (съ еврейскаго, господина Косовича); — «Разысканія о Славянахъ въ нынѣшней бранденбургской области» (Кледена), и начала статей, «Славянское и православное населеніе Австріи» и «Историческая наука славянскаго міра въ послѣднее пятилѣтіе» (съ нѣмецкаго). Вторая часть занята переводомъ книги Рейца: «Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка».

Нельзя будетъ не пожалѣть, если со смертію издателя прекратится это полезное предпріятіе. Впрочемъ, можно еще надѣяться, что многочисленныя и любопытныя матеріалы, уже приготовленныя покойнымъ Валуевымъ къ издацію, найдутъ себѣ издателя въ комъ-нибудь изъ сотрудниковъ «Сборника». Въ числѣ готовыхъ матеріаловъ упоминаются переводы сочиненій — Мацѣювскаго, «Исторія законодательства», — Палацкаго «Исторія Богеміи», — Ранке «Исторія освобожденія Сербіи», — Голэмбѣвскаго «О лѣтописцахъ Польскихъ», — «Лѣтопись войны гусситской» магистра Лаврентія изъ Бржезова, — также извлеченія изъ сочиненій Чацкаго, Чапловича, Вузъ, Мануччи, и другія.

БЕСѢДЫ О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ, составляющія курсъ этой науки, публично-преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Ярославомъ Липновскимъ. Земледѣліе. Москва. въ тип. Университетской, 1845, въ-8., стр. 242.

Вторая книга лекцій господина Липновскаго. Ученый преподаватель собралъ въ ней все, что существенно необходимо знать просвѣщенному сельскому хозяину и излагаетъ эти полезныя свѣдѣнія яснымъ и хорошимъ слогомъ. Изложивъ цѣль земледѣлія и разказавъ исторію постепеннаго улучшенія пахатныхъ орудій, авторъ переходитъ къ описанію главнѣйшихъ, употребляемыхъ у насъ и за границею. Въ отдѣлѣ земледѣлія представлена исторія искусственнаго орошенія, или ирригаціи, современное состояніе этого важнаго дѣла въ Европѣ и главнѣйшія техническія работы, устройство водохранилищъ, оросительныхъ бассейновъ, и правила осушенія полей. Въ послѣднихъ лекціяхъ рѣчь идетъ о вліяніи лѣсовъ на климатъ и на плодородіе земли, и указаны законы расчистки лѣсовъ и превращеніе лѣсныхъ почвъ въ пахатныя поля. Кому извѣстно состояніе великаго вопроса объ искусственомъ орошеніи, процессѣ, знакомомъ на Востокѣ даже Киргизамъ и донынѣ почти неизвѣстномъ образованнѣйшимъ земледѣльческимъ народамъ Европы, тотъ прочтетъ съ особеннымъ вниманіемъ разсужденіе господина Липновскаго объ этомъ предметѣ. У насъ никто еще не касался этого вопросу съ такою подробностью.

Текстъ «Бесѣдъ» поясненъ рисунками.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

— Три вновь изданныя книги духовнаго содержанія предстоить намъ прежде всего препоручить вниманію благочестивыхъ читателей: 1. «Рождество Господа Иисуса Христа по изображенію Евангелія, Пророчествъ и Церкви», бесѣды Пгнатія, архіепископа донскаго и новочеркасскаго; 2. «Величіе Пресвятыя Богородицы и Присно-Дѣвы»; и «Радуйся, благодатная, Господь съ

Тобою! Размышленіе о рожденіи для земной жизни и взятіе на небо Пресвятой Девы Маріи, съ молитвенными возношеніями». Первая изъ этихъ трехъ книгъ напечатана въ Петербургѣ, а двѣ прочія въ Москвѣ.

-- Романъ господина Вельмана, «*Новый Емеля, или Превращенія*», съ началомъ котораго мы имѣли случай познакомить читателей этого журнала, вышелъ въ Москвѣ изъ печати и уже полученъ здѣсь, въ Петербургѣ.

— На-дняхъ вышелъ, въ Петербургѣ, литературный альманахъ, изданный господиномъ Некрасовымъ, и составленный изъ трудовъ многихъ русскихъ литераторовъ.

VII.

С М Ъ С Ь.

=

ВОЗВРАЩЕНІЕ КОМЕТЫ ВЪЛЫ. Комета Бѣлы, открытая въ 1826 году, должна пройти въ нынѣшнемъ году черезъ точку ближайшаго своего разстоянія отъ солнца 31 января (11 февраля), по вычисленію господина Сантини. Господинъ Ольберсъ и другіе астрономы вычислили въ 1832 году, что она должна прорѣзать плоскость эклиптики въ разстояніи только двадцати-пяти тысячъ верстъ отъ Земли. Было время, и еще такъ недавно, — не даѣе какъ въ томъ же 1832 году, — что астрономы, одни серьезно боялись, что появившіяся или ожидаемыя кометы, подойдя слишкомъ близко къ Землѣ, разобьютъ ее въ куски или сами разобьются объ нее и завалятъ ее своими обломками, а другіе преимущественно успокаивали родъ человѣческій, что теперь-де этого, по разнымъ уваженіямъ, случиться не можетъ, а когда прійдетъ такая окказія, то они не преминутъ предупредить васъ заранѣе. Очень умные люди писали объ этомъ цѣлыя книги, и свѣтъ удивлялся ихъ мудрости. Боже мой, какъ мудрость наша непрочно! Куда все это дѣвалось! Кто нынче рѣшится написать десять подобныхъ строчекъ, не опасаясь быть осмѣяннымъ? Теперь мы знаемъ, что кометы — пустые, легкіе, прозрачные пузыри, и что знаменитыя твердыя ядра ихъ, которыхъ столько пугались — просто глазной обманъ, происходящій отъ несовершенства нашихъ зрительныхъ инструментовъ. Въ нынѣшнемъ году комета Бѣлы достигнетъ ближайшаго разстоянія своего отъ Земли въ мартѣ мѣсяцѣ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. *Открытие профессора Фареддъ. Нынѣшніе состояніе науки объ электричествѣ. Рѣчь профессора Деларива на сѣздѣ швейцарскихъ естествоиспытателей.* Англійскіе журналы извѣщаютъ, что профессоръ Faraday сообщилъ Королевскому Обществу Ученыхъ въ Лондонѣ извѣстіе объ открытіи факта, который должно считать прямымъ и положительнымъ доказательствомъ того предположенія, что электричество, магнитность, свѣтъ и теплота—одно и то же явленіе: поляризованный лучъ свѣту можетъ быть отклоненъ гальваническимъ токомъ и получить круговращательное движеніе между двумя полюсами магнита и, наоборотъ: круговращательныя электро-магнитическія движенія могутъ быть произведены простымъ лучомъ свѣту. Въ скоромъ времени мы, конечно, узнаемъ открытіе это въ большей подробности.

Разрѣшеніе гипотезы о тождественности электричества, магнитности и теплоты со свѣтомъ посредствомъ неоспоримаго физическаго доказательства, въ высшей степени интересно для науки: если вопросъ рѣшится въ пользу этой тождественности, такъ значитъ—электричества въ природѣ нѣтъ и такого дѣятеля въ ней никогда не существовало: всѣ чудныя вліянія, которыя мы ему приписывали, все его могущество, были только мечты нашего воображенія, и самое слово «электричество» должно быть уничтожено. Какъ-скоро электричество и свѣтъ одно и то же, а свѣтъ не что иное какъ вибрація атомовъ матеріи, ихъ коренное свойство приходитъ въ качательное движеніе отъ толчковъ, сотрясеній, гнету, и прочая, то и электричество—вибрація атомовъ, и магнитность—вибрація атомовъ, и теплота—вибрація атомовъ, и химическое дѣйствіе, и произведеніе формъ, и жизнь, и движеніе или тяжесть, все—вибрація, и другихъ силъ, кромѣ атомической вибраціи, въ природѣ не имѣется. По случаю этого вопросу мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи, произнесенной извѣстнымъ профессоромъ Деларивомъ при открытіи засѣданій на послѣднемъ сѣздѣ швейцарскихъ естествоиспытателей. Авторъ, рассказавъ, какими путями убѣдились физики, что магнитность и электричество—одна и та же сила, что между ними нѣтъ ни какой разницы, что замѣчаемыя различія были только плоды неполноты опытовъ и неточности наблюденій, продолжаетъ:

«Покоренный электричествомъ, магнетизмъ исчезъ изъ физики. Но это завоеваніе не дешево стоило побѣдителю, потому что оно потрясло въ самыхъ основаніяхъ теорій электричества, даже и

тѣ, которыя считались неподлежащими сомнѣнію, и магнетизмъ, слившись съ электричествомъ, придавъ ему совершенно новую сферу существованія.

«Теплотворъ и свѣтъ уже съ давняго времени представляли многія точки довольно тѣснаго соприкосновенія съ электричествомъ. Прекрасные опыты Девн, который доказалъ присутствіе теплотвору и свѣту въ электрическомъ токъ, вліяніе температуры на развитіе электричества въ нѣкоторыхъ случаяхъ и именно при образованіи нѣкоторыхъ кристалловъ—факты, уже приобретенные наукою. Но нулико было явленіе болѣе общее и Сѣбекъ открылъ его въ 1823 году, показавъ, что и одинокъ теплотворъ можетъ развивать электричество. Беккерель векоръ распространилъ и обобщилъ первые результаты, полученные Сѣбекомъ: онъ доказалъ, что распространеніе теплоты всегда сопровождается развитіемъ электричества и связалъ это развитіе съ самыми существенными свойствами тѣлъ въ теплотворномъ отношеніи.

«Между-тѣмъ какъ Бѣккерель изучалъ такимъ образомъ соотношенія между электричествомъ и теплотою, два итальянскихъ физика воспользовались открытіемъ Сѣбека для усовершенствованія теоріи теплотвора. Нобили и Меллини нашли въ термо-электрическомъ столбѣ инструментъ, который, по своей чувствительности и быстротѣ указаній, несравненно превосходитъ всѣхъ извѣстныхъ термоскоповъ и термометровъ. При помощи этого инструмента, Меллини открылъ въ лучахъ теплоты столько же и, можетъ-быть, еще болѣе разнородныхъ составныхъ частей, чѣмъ въ блѣдомъ свѣтѣ, и показалъ въ теплотворныхъ лучахъ разныя свойства, сходныя съ свойствами лучей свѣту. Но нѣжности своихъ приборовъ и опытовъ, онъ открылъ въ лучахъ теплотвору разнородность, подобную той, которую наше зрѣніе ощущаетъ въ лучахъ свѣту и которую мы называемъ цвѣтами, но которую наше осязаніе, не столь совершенное какъ зрѣніе, не можетъ само собою ощущать въ лучахъ теплоты.

«Оптика, которая всегда была болѣе обработана чѣмъ прочія части физики, потому что она независимѣе другихъ, тоже извлекала пользу изъ электричества. Она уже открыла въ электрическихъ искрахъ и токахъ родъ свѣту, который показалъ намъ, что такое долженъ быть свѣтъ солнца и постоянныхъ звѣздъ. Фосфорность, источникъ свѣту, который такъ долго казался таинственнымъ для науки и воображенія, благодаря опытамъ Беккереля, теперь тоже относится къ электрическому свѣту.

«Есть одна часть физики, которая долгое время была отдѣляема отъ электричества, а нынѣ тоже соединилась съ нимъ; я говорю о физикѣ атомовъ. Обнимая въ своемъ обширномъ кругѣ, все что касается до вѣсимаго вещества, до образа расположенія атомовъ, которыхъ группировка составляетъ тѣла, изученіе относительнаго движенія этихъ частицъ или, какъ говорится, ихъ вибраціоннаго движенія,—физика атомовъ уже извлекла изъ явленій теплоты и свѣту, способы анализа, которыми и воспользовалась. Но самыми существенными своими усовершенствованіями она обязана пособіямъ, которыя Саваръ извлекъ изъ акустики, пользуясь звуками, сопровождающими вибраціонное движеніе. Явленіе электрической проводимости, перенесеніе атомовъ посредствомъ электрическихъ нѣръ и токовъ, нѣкоторыя любопытныя движенія, замѣчаемыя въ жидкостяхъ, подвергнутыхъ электрическому току, уже показали связь между электричествомъ и физикою атомовъ. Эта связь чрезвычайно усилена теперь открытіемъ вибраціоннаго движенія, производимаго, въ твердыхъ тѣлахъ, приносновеніемъ или простымъ вліяніемъ электрическихъ токовъ. Это движеніе, которое обнаруживается происходящимъ при томъ звукомъ, очевидно доказываетъ, что электричество зависитъ отъ способа расположенія атомовъ. Всякое тѣло, передавая электрическій токъ, претерпѣваетъ совершенное измѣненіе въ своемъ атомическомъ сложеніи, измѣненіе, которое иногда бываетъ постояннымъ и тогда принимаетъ названіе магнитности и всегда можетъ измѣниться въ звукъ. Такимъ образомъ явленія, замѣчаемыя при прохожденіи электрическаго тока сквозь тѣла, не что иное какъ свойства, принадлежащія этимъ тѣламъ, свойства, незамѣтныя при обыкновенномъ состояніи равновѣсія атомовъ и проявляющіяся при каждомъ потрясеніи, потому что оно придаетъ атомамъ иное расположеніе.

«Ни одна часть физики не можетъ теперь отдѣлиться отъ электричества, которое великому Ньютону казалось едва заслуживающимъ вниманіе и которое дѣтъ сто назадъ, ограничивалось только нѣсколькими отдѣльными фактами. «Слогъ—весь человѣкъ» сказалъ одинъ литераторъ-философъ; еще справедливѣе можно сказать: «электричество—вся химія». И дѣйствительно, во всей химіи нѣтъ ни одного явленія, въ которомъ бы электричество не являлось какъ причина или какъ дѣйствіе.

«Геологія, такъ же какъ и минералогія, извлекла пользу изъ открытій по части электричества. Уже Девн, въ концѣ превосходныхъ записокъ, въ которыхъ онъ, изучивъ химическія дѣйствія

электричества, излагалъ способъ разложенія щелочей и земель, сообщалъ свою догадку, что образованіе слоевъ, изъ которыхъ состоитъ Земля, и явленія, происходящія на ея поверхности, можно объяснить дѣйствиємъ воздуха и воды на металлическія основанія, которыя онъ открылъ при помощи электричества, и изъ которыхъ, по его предположенію, должно состоять ядро Земли. Эти идеи неразъ были опровергаемы, неразъ снова принимаемы, онъ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ несовершенны и неполны, но между-тѣмъ и понынѣ еще служатъ средствомъ къ объясненію многихъ явленій и между прочимъ явленія земнаго магнетизма. Предполагая даже, что то, что называется *электричествомъ*, не принимало никакого участія въ образованіи кристаллическихъ скалъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ теплоотвору, ни въ осадковыхъ пластахъ, производимыхъ водою, нельзя не приписать ему измѣненій, которыя претерпѣваютъ эти скалы и пласты, непрерывно подверженныя химическому дѣйствию вѣшнихъ дѣятелей, и присутствіе нѣкоторыхъ веществъ въ слояхъ, которымъ они, по происхожденію своему, совершенно чужды. Опытами въ маломъ видѣ, Беккерель недавно показалъ всѣ явленія, которыя могутъ быть произведены электрическимъ дѣйствиємъ, происходящимъ отъ химической реакціи, производимой на почву веществами, распространенными по поверхности Земнаго Шара, воздухомъ, прѣсною и соленою водою. Потомъ, привѣняя эти факты къ геологін, онъ показываетъ, что подобныя же дѣйствія безпрестанно происходятъ въ большемъ видѣ на землѣ и, слѣдственно, должны современемъ, породить случайные продукты, находимые посреди вулканическихъ скалъ и осадочныхъ пластовъ.

«Но оставимъ геологію, чтобы не попасть въ западню, которую эта наука разставляетъ тѣмъ, кто ею занимается, то есть, чтобы не пуститься въ безконечныя гипотезы. Перейдемъ къ царству органическому и посмотримъ какую роль играетъ электричество въ физиологін.

«Открытіе лейденской банки ознаменовалось физиологическимъ фактомъ, именно, страшнымъ потрясеніемъ, которое почувствовали первые наблюдатели, разрядивъ ее. Первымъ гальваническимъ опытомъ было также дѣйствіе физиологическое, именно, судорожное подергиваніе лягушки, замѣченное знаменитымъ Гальвани. Послѣ этихъ двухъ открытій, ученые стали смотрѣть на жизнь какъ на результатъ электричества.

«Правда, соотношенія между явленіями электричества и явле-

ними физиологическими, весьма многочисленны, но эти отноше- ния еще недостаточно определены. Замѣчательно, что изъ всѣхъ приложений электричества всего болѣе занимались приложеніемъ его къ физиологін, а донынѣ оно произвело результатовъ менѣе чѣмъ всѣ другія. Всѣ идеи, которыя сначала составили было себѣ о вліяніи электричества на нервную систему и объ электрическихъ дѣйствіяхъ нервовъ, теперь не утверждены, а потрясены. Последніе опыты Маттеучи, заставляютъ думать, что образованіе электричества у животныхъ есть скорѣе слѣдствіе химическихъ дѣйствій и возвышенія температуры, чѣмъ прямое дѣйствіе нервного вліянія. Остаются однако жъ электрическія рыбы, у которыхъ это вліяніе очевидно. Но я, какъ и Маттеучи, расположенъ думать, что электро-физиологическія явленія относятся не прямо къ нер- вомъ, а скорѣе къ мускуламъ.

«Медицина, которая тоже многого надѣялась отъ употребленія электричества, такъ же какъ и физиологін, не извлекла изъ него все- го что ожидала, потому что электричество постоянно дѣйствова- ло какъ возбуждательное средство, которое скорѣе дѣйствуетъ на мускулы, чѣмъ на нервы. Однако жъ въ послѣднее время упо- требленіе электрическихъ токовъ въ мѣстномъ параличѣ, произ- вело удовлетворительные результаты; но донынѣ оно не оказы- вало никакого вліянія на болѣзни, которыхъ мѣсто въ большихъ нервныхъ центрахъ.

«Я говорилъ только о животной физиологін; но растительная физиологін, которую донынѣ еще мало изучали въ этомъ отношеніи, также представляетъ нѣсколько соотношеній съ электричествомъ. Образованіе электричества при произрастеніи, есть фактъ, не под- лежащій сомнѣнію и онъ даже заставилъ многихъ отлчныхъ фи- зиковъ думать, что отсюда происходитъ и атмосферическое элек- тричество, что впрочемъ невѣроятно. Вліяніе того что называет- ся электричествомъ, на растительность, не будетъ подлежать со- мнѣнію тогда только, когда посредствомъ длиннаго ряда много- численныхъ и разнообразныхъ опытовъ будетъ доказано, что дру- гія причины, которыхъ вліяніе устранить очень трудно, не со- дѣйствовали происхожденію замѣченныхъ результатовъ. Очень вѣроятно, что дѣйствіе электричества можетъ ускорить, возбуж- дать растительность, хотя бы даже только тѣмъ, что облегчаетъ химическія дѣйствія, сопровождающія растительную жизнь и бла- говоляющія ей; но можетъ ли оно, само собою, производить тѣ же самыя дѣйствія? Это нисколько не доказано. Говорятъ, что теперъ въ Шотландіи дѣлаются въ большемъ видѣ опыты обра-

щенія электричества, которымъ атмосфера постоянно наполнена, на удобреніе земли. Подождемъ, пока эти опыты представляютъ положительные результаты и не станемъ, по нѣсколькимъ первымъ успѣхамъ, принимать гипотезу за доказанную истину».

**КОНСТАНТИНОПОЛЬ ИЗДАЛИ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ ИЗВЛИ-
ЖИ.** Много уже говорено было о Константинополѣ, но это не причина не говорить о немъ болѣе, потому что никто не могъ высказать всего, и притомъ у всякаго путешественника свой образъ возрѣнія на предметы. Посмотрите, напримѣръ, какъ хорошо одинъ французскій путешественникъ, Alexis de Vallon, описываетъ вещи, всѣмъ извѣстныя. Пароходъ Rhamsès, на которомъ онъ ѣхалъ, приближался къ Константинополю съ азіатской стороны. «Рано утромъ, говоритъ путешественникъ, я прохаживался по палубѣ, замѣчая одну за другою всѣ точки горизонта и думая, что наступающій день будетъ памятнымъ днемъ въ моей жизни. Солнце еще не показывалось; воздухъ въ этотъ часъ утренней зари былъ свѣжъ, и рѣзокъ; по бѣлому, тяжелому, маслянистому морю пробѣгалъ легкій туманъ, который вѣтеръ разрывалъ и ключьями гналъ передъ собою. Вокругъ насъ нѣсколько тюленей играли въ волнахъ, пли, какъ бакены, держались неподвижно на поверхности моря. Глубочайшее безмолвіе царствовало на влажной палубѣ парохода; полусонныя вахтенныя матросы сидѣли кружкомъ около трубы. На бакѣ, Турки, завернувшись въ свои желтыя одѣяла съ красными полосами, спали подъ сѣтками. Одинъ рулевой бодрствовалъ, стоя у руля и, поглядывая на компасъ, билъ склянку. Рѣзкіе звуки колокола, вмѣстѣ съ однообразнымъ стукомъ колесъ, одни нарушали общую тишину, и, движимый невидимою силою, пароходъ, заключавшій въ себѣ столько живыхъ существъ, подвигался впередъ, какъ-бы самъ собою во время ихъ сна, словно волшебный корабль. Вскорѣ на востокѣ появился зеленоватый цвѣтъ, который желтѣлъ, поднимаясь по небу; низкій и отлогій берегъ черною липією обрисовался на этомъ блестящемъ грунтѣ, и море снова приняло свой лазоревый цвѣтъ. Черезъ часъ, мы были только на пушечный выстрѣлъ отъ серая; но увы! густой туманъ покрывалъ городъ, мы шли какъ въ облакѣ. Константинополь былъ невидимъ и я досадовалъ, что такая погода заставила меня потерять лучшую минуту нашего путешествія. Вдругъ солнце съ блескомъ вышло изъ волнъ, и туманъ, какъ-бы волшебствомъ, получилъ чудеспую прозрачность. Завѣса разорвалась, и со всѣхъ сторонъ вдругъ

явились мопмъ изумленнымъ глазамъ лѣса минаретовъ съ золотыми вершинами, тысячи куполовъ, облитыхъ свѣтомъ; долины, покрытыя красными домами, перемѣшанными съ зеленью, безчисленное множество дворцовъ, странно освѣщенныхъ; мечети съ синими кровлями, роши кипарисовъ и сикоморовъ, цвѣтушіе сады, необозримая гавань, наполненная судами; однимъ словомъ, весь этотъ очарованный городъ, который каждый больше или меньше знаетъ, и который менѣе походитъ на огромную столицу, чѣмъ на безконечную цѣпь прелестныхъ кіосковъ, возвышающихся въ безпредѣльномъ паркѣ, которому бассейнами служатъ озера, холмиками — горы, кустарниками — дремучіе лѣса, ручейками — рукава моря, и лодками — эскадры; несравненный паркъ вмѣстѣ столь величественный и столь кокетливый, что онъ кажется рисованнымъ феями и выстроеннымъ гигантами. Дѣлаясь ярче, солнечные лучи какъ-будто превращали утреннія испаренія въ золотистую пыль; Константинополь казался въ огнѣ, и эта несравненная панорама горѣла въ ослѣпительной атмосферѣ; мы въ одинъ голосъ вскрикнули отъ удивленія, и, по командѣ капитана, Rhamsès остановился.

Нѣкоторые писатели сравнивали видъ Константинополя съ видомъ Неаполя: это смѣшно. Каждый можетъ представить себѣ италіанскую столицу, между-тѣмъ какъ городъ султановъ превосходить въ чудесахъ всѣ вымыслы воображенія. Правду говорили, что если бѣ кому-нибудь можно было бы только разъ взглянуть на землю, то посмотрѣть на нее слѣдовало бы именно отсюда. Мнѣ рассказывали, что одинъ путешественникъ, огибая мысъ Серая, былъ такъ пораженъ, что получилъ припадокъ лихорадки; эта исторія, надъ которою я неразъ смѣялся, показалась мнѣ правдоподобною, когда я очутился передъ Семибашеннымъ замкомъ. Наше очарованіе, впрочемъ, было непродолжительно; пары снова сгустились; картина покрылась розовымъ газомъ; потомъ она поблѣднѣла и Константинополь исчезъ передъ нами, какъ сонъ. Колеса парохода снова забуравили море, и мои взгляды упали на лица нашихъ молодыхъ спутницъ, которыя были блѣдны отъ волненія или слишкомъ ранняго пробужденія. Вдругъ на кормѣ кто-то громко произнесъ мое имя. Это звалъ меня капитанъ; я побѣжалъ къ нему. Наклонясь на сѣтки, онъ пристально смотрѣлъ въ воду, и съ ужасомъ показалъ мнѣ на что-то длинное и черное, поднятое колесомъ парохода. «Мѣсто правосудію султана!» сказалъ мнѣ морской офицеръ. Я снова взглянулъ на этотъ мѣшокъ, который всплылъ и мелкнулъ вдоль

судна. Мнѣ показалось, что подъ влажною и мокрою кожею обрисовывался человѣческій образъ. — «Это женщина», прибавилъ капитанъ. Я не ожидалъ такого объясненія, и затрепеталъ съ головы до ногъ; потомъ меня поразила мысль: можетъ-быть, эта женщина не умерла! можетъ-быть еще можно возвратить ее къ жизни! Цѣлый романъ родился въ моемъ воображеніи. Я снова взглянулъ на кожаный мѣшокъ: онъ былъ уже далеко; минутно схваченный колесомъ парохода, онъ опять несся по теченію, и тихо продолжалъ путь свой къ вѣчности.

Возвратясь на прежній свой наблюдательный постъ, на носъ парохода, я былъ уже не въ прежнемъ расположеніи духа. Напрасно хотѣлъ я обратить вниманіе на зрѣлище давножданное, о которомъ я столько мечталъ, и которое наконецъ могъ созерцать,—видъ кожаного мѣшка съ тѣломъ женщины, противъ воли мелькалъ передъ моими глазами и удерживалъ порывы восхищенія въ сердцѣ. Окружавшая меня панорама уже казалась мнѣ только обманчивою декорациею настоящей драмы, которая совершилась, такъ-сказать, передъ моими глазами. Когда мы проходили мимо Старога Сераля, я замѣтилъ съ лѣвой стороны родъ моста, съ одной только стороны прилегавшаго къ землѣ, обрубленнаго съ другой стороны, висѣвшей надъ моремъ, и представлявшаго подобіе буквы F. Отсюда, какъ мнѣ сказывали, бросаютъ въ море жертвъ восточной ревности. Въ двухъ или трехъ стахъ саженьяхъ далѣе, Rhamsès бросилъ якорь посрединѣ пролива, отдѣляющаго Стамбулъ, турецкій городъ, отъ европейскаго предмѣстія, Галаты. Не исчезая совершенно, туманъ превратился въ пасмурность, которая покрывала предметы, не скрывая ихъ отъ нашихъ глазъ. Вместо-того чтобы досадовать, вмѣстѣ съ моими спутниками, на это полупрозрачное облако, которое едва позволяло глазамъ нашимъ видѣть, предоставляя уму неизяснимую прелесть угадывать, я думалъ, и думаю до-сихъ-поръ, что мы не могли пріѣхать въ Константинополь въ благопріятнѣйшую минуту. На великолѣпнѣйшія панорамы, какъ и на всѣ красоты міра, гораздо лучше смотрѣть сквозь полупрозрачную завѣсу, которая оставляетъ воображенію, этому сыну неба, всю его свободу и силу. Впрочемъ, по временамъ, лучъ солнца, разрывая облака, освѣщалъ передъ нами мечеть съ ея куполами, дворецъ, съ его цвѣтущими деревьями, красивый фонтанъ, и эти проблески, эти золотые оазисы, безпрестанно возобновлявшіеся, показывали намъ во всей прелесть подробностей ту картину, которую, въ магическую минуту, мы могли созерцать во всей красотѣ ея цѣлаго. Молчаніе и тишина,

перотгивавшія поутру на палубѣ, смѣшались необычайнымъ движеніемъ и суматохою. Вездѣ работали матросы: одни при отдачѣ якоря, другіе вытаскивали изъ трюма и клали на палубу тюки и ченоданы. Пассажиры еуетались, кликали другъ друга, торопились; Турки, которымъ не позволяли съѣхать на берегъ, поднимали ужасный безпорядокъ, загораживая своими тѣлами, какъ стѣною, своихъ испуганныхъ женщинъ. Вокругъ насъ скользили двѣсти или триста черныхъ канкъ со своими полунагими гребцами. Несмотря на строгое запрещеніе, множество мальтійскихъ моряковъ, турецкихъ носильщиковъ и италіянскихъ сісегопі вскарабкались на пароходъ; они бросились на насъ, дѣлая на всѣхъ языкахъ предложенія услугъ. Стая сизыхъ голубей и чаекъ съ бѣлыми крыльями, летали надъ нашими головами, испуская жалобные крики. Прибавьте къ этому звонкій голосъ командира, любопытство и нетерпѣніе путешественниковъ, ихъ радостныя восклицанія, и вы будете имѣть понятіе о картинѣ, которую представляетъ палуба парохода, пришедшаго въ Константинополь. Во время перехода судна къ набережной, я не зналъ куда обратить свои взгляды, которые тысячи новыхъ предметовъ привлекали съ разныхъ сторонъ: здѣсь Золотой Рогъ съ тысячею судовъ, кипарисы Галаты, семь холмовъ, покрытыхъ мечетями древней Византіи; тамъ голубыя волны Босфора, Пропонтиды, блестящаго берега Скутари. Пораженный удивленіемъ и полный восторгу, я хотѣлъ въ ту минуту, какъ наша шлюпка приставала, первымъ выскочить на набережную; нога моя поскользнулась и я упалъ въ грязный ручей. Таково было мое вступленіе въ Константинополь.

Поднявшись обрызганный съ головы до ногъ, я остался съ минуту неподвижнымъ и какъ-бы окаменѣлъ отъ изумленія. Вокругъ меня все перемѣнилось; очаровательная панорама исчезла; я очутился на маленькомъ, безлюдномъ перекресткѣ, у входа въ лабиринтъ переулковъ, сырыхъ, темныхъ и грязныхъ; окружавшіе меня дома, сколоченные изъ дурныхъ, расходящихся досокъ, имѣли жалкій видъ; время и дожди превратили ихъ красную краску въ какой-то грязный, безымянный цвѣтъ. Одинъ изъ тѣхъ минаретовъ, которые изъ-дали казались столь красивыми, возвышался возлѣ меня: то была неуклюжая колонка, которой штукатурка отставала и падала кусками. Турецкіе гуляки, которыхъ въ нѣкоторомъ разстояніи я принялъ за богатыхъ Османовъ, были какіе-то бродяги въ лохмотьяхъ и съ лоскутьями на головѣ. За носильщиками, усыпавшими пристань, мясники на улицѣ потрошили барановъ, земля была покрыта окровавленною

грязью, и внутренностями, еще теплыми, вокруг которыхъ было до пятидесяти отвратительныхъ собакъ, съ рыжею шерстью, съ прямыми ушами. Сирадный запахъ выходилъ изъ этихъ сырыхъ переулковъ, куда никогда не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ, гдѣ гниютъ нечистоты всякаго рода, гдѣ никогда не гуляла метла, гдѣ, однимъ словомъ, каждую минуту наступаешь на мертвыхъ мышей или собакъ. Таковъ, безъ преувеличенія, видъ большей части константинопольскихъ улицъ, и особенно переулковъ Галаты. Контрастъ между нищетою всего васъ окружающаго и несравненною красотою отдаленныхъ видовъ, не довольно замѣченъ былъ путешественниками, которые пытались описать Константинополь. Быть-можетъ, они не хотѣли охладить энтузіазма читателей, марая этими отвратительными подробностями свои краснорѣчивыя описанія. Не въ состояніи будучи дать себѣ отчета въ этой пережѣ видовъ, я послѣдовалъ за носильщиками въ одинъ изъ этихъ гористыхъ переулковъ, дурно вымощенныхъ, и столь узкихъ, что три человѣка едва могутъ пройти рядомъ. Справа и слѣва открылись отвратительныя палатки. Замѣтивъ въ одномъ изъ этихъ чулановъ Турка, сидѣвшаго возлѣ трехъ или четырехъ квадратныхъ метровъ лепешки, я подошелъ къ нему, объясняясь знаками. Широшнякъ мусульманинъ понялъ мою пантомиму, и вырѣзалъ изъ своего пирога равносторонній треугольникъ, который я принялся ѣсть, продолжая свой путь. Вскорѣ мы прошли мимо галатской башни, которая вблизи похожа на красивую голубятню, и пришли въ Перу. Послѣ многихъ изворотовъ, наши вожатые остановились у покатоѣ мѣстности лишенной домовъ, покрытой кипарисами и окруженноѣ невысокою стѣною: мы были, на Маломъ Полѣ Мертвыхъ, передъ трактиромъ снйоры Джіузеппины Витали, гдѣ я скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день мы наняли, чтобы ѣхать въ Стамбуль (ту-ренскій городъ), одинъ изъ тѣхъ длинныхъ канковъ, которые въ Константинополѣ служатъ вмѣсто фякровъ. Малѣйшее движеніе колеблетъ эти легкіе челноки, которыми управляютъ, съ невоспостижимою быстротою, красивые Арнауты въ шелковыхъ рубашкахъ. Въ двѣ минуты переѣзжаютъ Золотой Рогъ, посреди шлюпокъ всѣхъ видовъ, судовъ всѣхъ націй, и останавливаются у пристани, еще опаснѣйшей, чѣмъ канкъ, потому что, думая соскочить на твердую землю, легко соскочить въ протѣкъ, и завязнуть по шею въ грязномъ ручьѣ, совершенно скрытомъ подъ грязнымъ слоемъ пыли. Улицы Стамбула еще уже,

еще воютъе, еще безлюдье улицъ Галаты или Перы. Деревянные базары, дурно выстроенныя и дурно выкрашенныя, нѣчто въ родѣ клѣтокъ съ множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ, стоятъ съ правой стороны этихъ проходовъ, гдѣ безъ шуму тѣснится разноцвѣтная толпа. Мостовая, составленная изъ мелкихъ камней, положенныхъ въ пыль, разсыпается подъ ногами и подвергается вась безпрестаннымъ паденіямъ, очень непріятнымъ въ этихъ улицахъ, гдѣ за немнѣніемъ стоковъ, каждая яма полна воды и черной грязи. Въ первыхъ встрѣчающихся лавкахъ, на столѣ, навалены огромныя рыбы, которыхъ чешуя блеститъ на солнцѣ, несмотря на пыль. Желтыя собаки, несравненно въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Галатѣ, бросаются вамъ подъ ноги, и бѣда, если вы слишкомъ энергически захотите освободиться отъ этихъ отвратительныхъ животныхъ, которыхъ охраняетъ мусульманское благочестіе!

СТАМБУЛЬСКІЕ БАЗАРЫ И ТУРЕЦКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Стамбульскіе базары, говоритъ тотъ же путешественникъ:—огромный лабиринтъ, по которому проводникомъ служить обыкновенно очень свѣдущій Армянинъ, называющій себя Людовикомъ и парфюмеромъ принца Жоанвильскаго. Благодаря той удивительной легкости, съ которою Левантійцы выучиваются языкамъ, Людовикъ, равно какъ и большая часть Грековъ, даже изъ самаго низшаго класса, говоритъ не только на всѣхъ восточныхъ нарѣчіяхъ, но еще съ величайшею легкостію, по-французски, по-италіянски, по-нѣмецки, и честно служитъ посредникомъ между туземнымъ купцомъ и иностраннымъ покупателемъ. Базары константинопольскіе во многомъ сходны съ смирнскими, но будучи несравненно значительнѣе, они не отвѣчаютъ идеямъ о роскоши и величіи, которыя мы составили себѣ объ этихъ рынкахъ. Турецкіе базары всегда въ жалкомъ видѣ. Стамбульскій базаръ—огромный лабиринтъ широкихъ сводчатыхъ корридоровъ, грубо выстроенныхъ и всегда сырыхъ. На веревкахъ, протянутыхъ поперегъ надъ головами, развѣшаны яркіе ковры, матеріи вышитыя золотомъ, и другіе предметы, которыхъ богатство представляетъ странный контрастъ съ пустотою стѣнъ. Прилавокъ состоитъ изъ невысокихъ деревянныхъ подмостковъ, покрытыхъ циновкою, которая служитъ диваномъ купцу и стуломъ покупателю. Оттуда, скрестивъ ноги, съ трубкою во рту, мусульманинъ безмолвно смотритъ на проходящаго иностранца, котораго рѣдко назоветъ именемъ *эфенди*, между-тѣмъ, какъ Армяне, болѣе ловкіе, болѣе говорливые, преслѣдуютъ его, съ какою-нибудь соблазнительною

вещью въ рукѣ, громко давая ему титулъ *синьора капитана*. Честность Турокъ вошла въ пословицу. Замѣчательно, что въ Константинополѣ не бывало примѣру, чтобы мусульманинъ укралъ, и банкиры увѣряли меня, что часто они безъ опасенія выѣряютъ большія суммы несчастнымъ посылщикамъ, которыхъ даже не знаютъ по имени. Нельзя того же сказать и о Грекахъ. Между ними есть мошенники, столь же искусные, какъ лаззарионы, и не остерегшись, такъ же легко можно прійти домой съ пустыни карманами изъ константинопольскихъ базаровъ, какъ и съ неаполитанскихъ улицъ. Если Турки не крадутъ, зато они не стыдятся пользоваться незнаніемъ иностранца. Мнѣ говорили, что есть только одинъ способъ ихъ усовѣститъ. Если Турокъ слишкомъ много запрашиваетъ за товаръ, довольно сказать ему: Бога ты не боишься! Тотчасъ онъ перемѣняется въ лицѣ, назначаетъ вещи ея настоящую цѣну, и тогда, не повѣривъ ему, вы его жестоко обидите. Въ противоположность обыкновенной жадности купцовъ на базарѣ, можно представить примѣры рѣдкаго безкорыстія. Иногда случается, что старые мусульмане, съ сѣдою бородой, не зная цѣны какого-нибудь предмета, предоставляютъ на совѣсть покупателя назначить ему цѣну, и отдаютъ вещь безъ ропоту. Прійдя къ базарамъ, я прежде всего обратился къ богатому Персіянину, котораго лавка была наполнена заморскими рѣдкостями всѣхъ родовъ. По обыкновенію, купецъ подалъ намъ трубки, кофе, и не говоря еще о товарахъ, спросилъ насъ о новостяхъ изъ Франціи и Алжира. Послѣ этого необходимаго предисловія, я указалъ ему на искусно раскрашенную чернилицу и спросилъ цѣну, онъ хотѣлъ за нее двѣсти піастровъ; я давалъ сто. Купецъ спокойно отвѣчалъ мнѣ, что онъ дешевле не возьметъ, но, если мнѣ будетъ пріятно, то подарить мнѣ ее съ большимъ удовольствіемъ.

На константинопольскихъ базарахъ удивительное разнообразіе товаровъ искушаетъ своею дешевизною. Шелковыя ткани, халаты, золотыя вышивки, персидскіе ковры продаются весьма дешево. Духи, драгоценныя каменья, мѣха, варенья и конфекты всякаго роду, трубки всѣхъ возможныхъ формъ, сафьянныя издѣлія, готовые платья, шелковыя шарфы, кашмировыя шали, занимаютъ пространство въ нѣсколько лѣ. Въ Безенштейнѣ, большомъ квадратномъ строеніи, отдѣленномъ отъ другихъ базаровъ, находится во множествѣ старинное оружіе, отъискиваемое антикваріями, тѣ карабины, украшенные кораллами, тѣ богатые ятаганы, которые носили янычары, и тѣ знаменитыя персидскія

сабли, которыхъ одинъ клинокъ, безъ украшеній, стѣнтъ иногда до тысячи экао, и, управленный искусною рукою, можетъ, какъ говорятъ, однимъ ударомъ срубить голову буйвола. Помещая хорошеняко, тамъ можно найти прекрасные персидскіе кубки; японской или самоевской фарфоръ, иногда даже драгоцѣнное естативъ севрекаго фарфору, занесенные Богъ знаетъ откуда.

Въ длинныхъ корридорахъ базаровъ совершаются коммерческія сдѣлки. Тамъ во всякое время дня безчисленная толпа народа, которая несравненно любопытнѣе самыхъ товаровъ. Константинополь, несмотря на свой упадокъ, всё-еще есть точка столкновенія двухъ міровъ, непрѣлѣнный центръ, къ которому стремятся всѣ сношенія, соединяющія западныя страны со странами восточными. На этомъ всеобщемъ сходбищѣ, гдѣ Европа и Азія сближаются, не смѣшиваясь, можно изучать человѣческую природу во всемъ разнообразіи ея типовъ. Русскіе, Англичане, Американцы, Французы, Греки, Арабы, Персіане, тѣсятыя и волнуются вокругъ Турка, который куритъ и мечтаетъ, недвижный среди всеобщей дѣятельности. Тутъ какая-то неостыжимая смѣсь шелковыхъ шубъ и мундировъ, бѣлыхъ бурнусовъ и черныхъ сюртуковъ, и какъ-бы рѣка, безпрестанно волнуемая, зеленыхъ чапъ, красныхъ фесокъ и черныхъ шляпъ. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ, тихо выступаютъ среди этой толпы, которая часто раздается передъ шамою, ѣдущимъ верахомъ, со свитою нѣжныхъ слугъ. Тамъ и ослы стоятъ навьюченные ослы; въ концахъ галерей видны иногда караваны верблюдовъ, слышны пронзительные крики продавцовъ шербета, вой собакъ, и ворнованье голубей, которые слетаются надъ этою смѣшанною толпою, и всѣ эти звуки сливаются въ одно безконечное жужжаніе. Вообще, это зрѣлище возбуждаетъ скорѣе удивленіе, чѣмъ восторгъ; въ подробностяхъ, оно представляетъ безчисленное множество оригинальныхъ сценъ и характеристическихъ картинъ. Здѣсь странствующій музыкантъ поетъ своимъ слушателямъ одну изъ тѣхъ безконечныхъ балладъ, которыя никогда не надоедаютъ Туркамъ; тамъ обѣдаетъ общество друзей. Гаремъ, проходящій мимо, даетъ воображенію пищу на цѣлый день. Кажется, одинъ изъ этихъ бѣлыхъ призраковъ устремилъ на васъ взглядъ, который заставляетъ трепетать? Впрочемъ очень рѣдко случается, чтобы подобныя взгляды возбуждали въ путешественникъ какіе-нибудь планы. Турецкія женщины обыкновенно ходятъ съ опущенными глазами, и по-видимому, терпѣливо сносятъ свою участь, которая, впрочемъ, не такъ печальна, какъ вообще ду-

маютъ. Конечно, онѣ стоятъ на второй ступени общества, но воспитанныя въ совершенномъ невѣжествѣ, онѣ ни мало не стыдятся своего униженія, и тѣмъ легче привыкаютъ къ своему образу жизни, что не имѣютъ понятія ни о чемъ лучшемъ. Мужья обходятся съ ними чрезвычайно кротко, и онѣ ни мало не страдаютъ отъ ихъ капризовъ и грубости. Сколько ни было говорено въ послѣднее время, въ Европѣ продолжаютъ представлять себѣ Турка счастливымъ смертнымъ, безпрестанно окруженнымъ толпою сладострастныхъ одалыкъ, которыми онъ по произволу бросаетъ платокъ. Странно ошибаются тѣ, которые принимаютъ всѣхъ подданныхъ имперіи за султановъ. Въ Константинополѣ едва-ли есть нѣсколько Турковъ, которыми дозволяется имѣть двѣ или три жены, и тѣ помѣщаютъ ихъ въ отдѣльные дома, обыкновенно отдаленные одинъ отъ другикъ. Нѣчто подобное можно найти и въ Европѣ. Прочіе Турки, это надобно часто повторять, чтобы наконецъ поняли—прочіе Турки имѣютъ не одной женѣ, которой они обыкновенно бываютъ вѣрны. Каждый мужъ даетъ своей женѣ столько невольницъ, сколько позволяетъ его состояніе,—это восточная роскошь; эти молодыя дѣвушки иногда бываютъ прекрасны, а мусульманинъ есть полный властелинъ у себя въ домѣ. Впрочемъ, если онъ встанетъ воспользуется своею властью, то позволяетъ пошукъ, котораго самъ стыдится, и если, презирая ревность жены, онъ дѣлается ей невѣрнымъ, то заслуживаетъ общее оужденіе. Пусть подумаютъ о томъ, что происходитъ въ образованныхъ странахъ, и потомъ представятъ себѣ празднаго мусульманина, въ его тепломъ климатѣ, могущаго закономъ оправдывать свои наслажденія, живущаго среди красавицъ, которыя знаютъ только его, которыя, безъ сомнѣнія, его любятъ,—и тогда, можетъ-быть, поймутъ проступки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Что же касается до тѣхъ, которые устанавляютъ противъ этихъ искушеній, а ихъ, какъ я уже сказалъ, большая часть, то великой согласится, что ихъ воздержность достойна уваженія, и что, вообще, мало отдають справедливости добродѣтелямъ Турковъ. Одинъ только надинахъ есть султанъ—въ сладострастномъ значеніи этого слова. Великолѣпный дворецъ, куда никогда не доходитъ внѣшній шумъ, гдѣ нестерпящія кровинца собрали всѣ чудеса роскоши, мраморныя бани, очаровательныя сады, которыми оградою служатъ блестящее море, куполомъ прекраснѣйшее небо; гдѣ легіоны рабовъ не имѣютъ другой воли, кромѣ его, другихъ законовъ, кромѣ его прихотей, готовы заматить головою за его малѣйшее неудовольствіе, и въ этомъ

эдемъ триста или четыреста женщинъ, избранныхъ между прекраснѣйшими во всей вселенной, дышащихъ только для него, улыбающихся, чтобы только ему нравиться, вотъ — общество, вотъ жизнь этого человѣка, а вышнему султану только двадцать два года! По рассказамъ его приближенныхъ, этотъ молодой человѣкъ угрюмъ, печаленъ и скученъ.

Султанскій гаремъ есть самое таинственное мѣсто на землѣ, и никто не знаетъ, что тамъ происходитъ; думаютъ однако, что въ немъ находится отъ пятисотъ до шестисотъ женщины. Онѣ раздѣляются на многіе классы. Подъ именемъ «кадынь» извѣстны тѣ, которыя, имѣвъ счастье понравиться султану сдѣлались его любимицами; онѣ живутъ каждая въ особенномъ отдѣленіи и имѣютъ въ своемъ услуженіи нѣсколько молодыхъ невольницъ, называемыхъ *устами* (ustas). Обыкновенно бываетъ четыре кадыни; но султанъ можетъ увеличить ихъ число; Амуратъ Третій, напримѣръ, нашелъ нужнымъ умножить его въ десятеро. У него было сорокъ любимицъ, и болѣе трехъ сотъ дѣтей. Кадыни — жены султана, одалыки или кедеклисы (kadeklis) его любовницы, избранныя изъ первыхъ красавицъ Азіи, Африки и восточной Европы; одалыки составляютъ прекрасный батальонъ пажей. Двѣнадцать совершеннѣйшихъ, прислуживаютъ въ банѣ и между ними султанъ набираетъ новыхъ кадынь, когда ему вздумается перевести прежнихъ въ старыи серааль. Если отъ нихъ родится мальчикъ, то онѣ получаютъ титулъ хасеки (hasseki). Тогда ихъ положеніе совершенно измѣняется: изъ невольницъ онѣ дѣлаются султаншами, и иногда имѣютъ очень большое вліяніе. Кромѣ одалыкъ, множество молодыхъ дѣвочекъ, поступившихъ въ гаремъ съ десяти-лѣтняго возраста, и называемыхъ «шагирденями» (shagirdennes), воспитываются въ стѣнахъ сераля; онѣ растутъ для будущаго, и впоследствии занимаютъ мѣсто, смотря по красотѣ, между «кедеклисами» или «джаргеями» то есть, простыми прислужницами. Разумѣется, что прихоть падишаха каждый день увеличиваетъ число прекрасныхъ затворницъ гарема, и кромѣ-того, каждый годъ, въ послѣдній день рамазана, народъ приноситъ въ подарокъ султану прекраснѣйшую невольницу, какую только можно отискать. Та, которую предложили за два года Абдуль-Медшиду, стоила не менѣе милліона двухъ сотъ тысячъ піастровъ. Всѣ женщины гарема повинуются одной пожилой одалыкѣ, которая называется «кехага-кадынь» (kehaga kadine) и которой обязанность состоитъ въ томъ, чтобы сообщать невольницамъ

волю султана. Рожденныя подъ пламеннымъ небомъ, не зная другой религіи, кромѣ любви, и имѣя любовь единственною мыслью, эти прекрасныя молодыя женщины праздно проводятъ вмѣстѣ цѣлую жизнь. Многія изъ нихъ едва извѣстны султану; онѣ видятъ только своихъ отвратительныхъ стражей и легко понять, что изъ этого варварскаго заточенія происходитъ страшная безнравственность.

Трудно повѣрить, чтобъ человѣкъ, подъ опасеніемъ ужасной смерти, и съ сомнительнымъ вѣроятіемъ успѣха, осмѣлился перешагнуть черезъ завѣтный порогъ этого таинственнаго дворца. Рассказываютъ однако, что одинъ молодой человѣкъ, соблазнивъ золотомъ Жидовку, продававшую духи гаремнымъ затворницамъ, успѣлъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, пробраться туда въ женской одеждѣ, въ отдѣленіе, занимаемое одалыками! Говорятъ, что онъ царствовалъ тамъ султаномъ цѣлые два дни. Узнанный енухомъ, и не видя другаго средства къ спасенію, онъ отчаяннымъ усиліемъ разломалъ рѣшетку окна, и бросился въ Босфоръ. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ изъ Константинополя. Чтò думать объ этомъ анекдотѣ? Онъ всемъ извѣстенъ въ Константинополѣ. Пробраться въ гаремъ простаго мусульманина было бы еще опаснѣйшимъ предпріятіемъ, потому что дерзкому искателю приключеній, негдѣ было бы скрыться въ частномъ домѣ, тогда какъ безчисленные переходы сераля и безконечное число его жителей, могутъ подать еще безумную надежду убѣжать. Христіанинъ, пойманный съ мусульманкою, хотя бы она была послѣднею изъ женщинъ, былъ бы безжалостно умерщвленъ, и послапникъ не смѣлъ бы даже требовать его трупа. Въ Константинополѣ не одинъ примѣръ такого ужаснаго мщенія, подаетъ влюбленнымъ предметъ для размышленія, и при всемъ томъ боязнь смерти не всегда можетъ бороться съ безпечностью любви, или даже прелестью опасности. По временамъ, какія-нибудь любовныя приключенія, съ трагическою развязкою, оживляютъ разговоры Перотовъ. Незадолго до моего пріѣзду въ Константинополь, молодой Армянинъ рѣдкой красоты замѣченъ былъ на базарѣ молодою Турчанкою; надѣясь воспользоваться отсутствіемъ своего мужа, невѣрная мусульманка, безъ всякихъ предисловіій, шепнула на-ухо молодому человѣку такое соблазнительное слово, что онъ тотчасъ за нею послѣдовалъ. Онъ провель съ нею день, и ждалъ ночи, чтобы убѣжать, какъ-вдругъ сильно застучалъ молотокъ у дверей. То былъ мужъ. Домъ стоялъ не у моря: нельзя было выскочить изъ окна; онъ былъ

мамъ: спрятаться негдѣ; оставался одинъ только выходъ. Видя, что его могла спасти одна только смѣлость, молодой Армянинъ подошелъ къ дверямъ, отперъ ихъ, однимъ ударомъ сшибъ съ ногъ нектати пришедшаго мужа, и убѣжавъ, скрылся въ Перѣ, въ неприкосновенномъ домѣ драгомана французскаго посольства. Къ несчастію, обиженный мусульманинъ скоро вскочилъ на ноги и побѣжалъ за соблазнителемъ. Его крики скоро собрали вокругъ него многочисленную толпу раздраженныхъ Турковъ. Эти люди угрожали смертью, пожаромъ, и громко требовали выдачи виновнаго. Шумъ возрасталъ съ часу на часъ, домъ былъ окруженъ, и драгоманъ не зналъ, что дѣлать. Вечеромъ пришелъ морской офицеръ, въ сопровожденіи двухъ матросовъ, несшихъ передъ нимъ фонари. Онъ придумалъ средство избавить Армянина. Черезъ часъ Армянинъ, выбритый, одѣтый въ матросскую куртку, съ лакированной шляпою на головѣ и фонаремъ въ рукахъ, вышелъ изъ дому, освѣщая путь лейтенанту. На другой день его отправили на отходившій пассажботъ, и онъ уѣхалъ изъ Константинополя. Что касается до невѣрной женщины, то она исчезла, и я всегда думалъ, что кожаный мѣшокъ, который мы видѣли на Мраморномъ Морѣ черезъ нѣсколько дней послѣ этого приключенія, былъ печальною развязкою этой сцены. Такимъ образомъ можно сказать, что турецкія женщины неприступны, и анекдоты, которые рассказываютъ шопотомъ, только подтверждаютъ это мнѣніе. Константинопольскіе Греки живутъ отдѣльно, какъ и смирнскіе, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ снискать расположеніе прекрасныхъ фанариотокъ. Изъ всего этого должно заключить, что счастливыя любовныя похождения на Востокѣ существуютъ въ однихъ романахъ, и что въ Турціи самое обыкновенное приключеніе возбуждаетъ общее любопытство.

За исключеніемъ нѣсколькихъ чрезвычайно дорогихъ Черкешенокъ, которыя продаются изъ рукъ въ руки, невольницы покупаются на базарѣ, гдѣ каждый день еще производится этотъ постыдный торгъ. Въ моихъ прогулкахъ я не забылъ посѣтить невольничій рынокъ, который не такъ обширенъ, какъ смирнскій. Этотъ рынокъ, куда входъ только недавно дозволенъ Европейцамъ, составляетъ продолженіе другихъ стамбульскихъ базаровъ. Это дворъ квадратный, обширный, обсаженный кустами и обнесенный деревянною галереєю, гдѣ ходятъ въ тѣни передъ рядами ложъ, огражденных рѣшеткою со стороны зрителей. Большіе куски полотна, развѣшанные съ одного дерева на другое, бросаютъ тѣнь на этотъ знойный дворъ. Подъ палатками сидятъ на

цыновкакъ группы негрятюкъ. У этихъ молодыхъ дѣвушекъ, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, ноги и плечи обнажены; вмѣсто всякаго платья онѣ носятъ синій передникъ и грубую рубашку, открытую на груди. Лицо ихъ обыкновенно безобразно, но бюстъ превосходенъ. Угрюмые Турки и закрытыя женщины ходятъ вокругъ нихъ, разсматривая ихъ по очереди, и иногда раздаютъ имъ, въ ихъ величайшей радости, лакомства, кушенины въ сосѣдней лавкѣ. Другіе любопытные сидятъ на эстрадѣ или спокойно курятъ въ большомъ кіоскѣ, обращенномъ въ кофейный домъ. Торги происходятъ очень скоро. Когда невольница и цѣна за нее спрошенная у купца шопотомъ, нравятся покупателю, маленькая негрятянка встаетъ по знаку своего хозяина; покупатель подходитъ къ ней, говоритъ съ нею съ величайшею кротостью, удостоивается, разсматривая ея десны, не подвержена ли она цынгѣ, потомъ рукою дотрогивается до ея груди, чтобы узнать ея крѣпость. Это разсматриваніе, которое впрочемъ производится съ величайшею благопристойностью, по-видимому, ни мало не тревожитъ дѣвочку. Смотря по слѣдствію торга съ купцомъ, невольница снова садится на цыновку, въ ожиданіи новаго покупателя, или, связавъ четыре угла передника, заключающаго въ себѣ все ея богатство, то есть, рубашку и два мѣдныхъ браслета, она слѣдуетъ за своимъ господиномъ съ видимымъ удовольствіемъ, не простившись даже съ подругами. Кромѣ этихъ дѣвушекъ, которыхъ цѣна измѣняется отъ двухъ сотъ до пяти сотъ франковъ, тамъ есть старыя, отвратительныя негрятянки, которыхъ благочестивые мусульмане покупаютъ за весьма дешевую цѣну. Когда у нихъ спрашиваютъ, на что имъ эти старухи, они отвѣчаютъ, что Магометъ велитъ кормить тѣхъ, которыя не въ силахъ синскитавать пропитаніе.

Бѣлыя невольницы цѣнятся гораздо дороже, и, какъ негрятянки, не выставляются на дворъ, на солнечный жаръ. Входъ въ эти рѣшетчатыя ложи запрещенъ христіанамъ, и купецъ безпокойнымъ окомъ слѣдитъ, и даже угрожающимъ жестомъ останавливаетъ слишкомъ любопытныхъ. Съ небольшою хитростью и большимъ терпѣніемъ, мнѣ удалось однако подойти ко многимъ изъ этихъ ложъ. Скрытыя, какъ турецкія женщины, подъ складками широкаго покрывала, бѣлыя невольницы, которыхъ я замѣтилъ, показались мнѣ молодыми и прекрасными, хотя румяны придавали лицу ихъ цвѣтъ, почти театральнѣй. Замѣчая, что я смотрю на нихъ, нѣкоторыя стыдливо закрывали лицо, другія, въ большемъ числѣ, бросали мнѣ смѣлые взгляды, или, показы-

вая пальцемъ на мой европейскій костюмъ, насмѣхались надъ нимъ, не щадя моего самолюбя. Невольниковъ на базарѣ было меньше; я видѣлъ только около двадцати негрѣнокъ, которые играли, испуская прозвительные крики. Двое изъ нихъ носили на ногѣ желѣзные кольца; я узналъ, что эти дѣти хотѣли бѣжать, и что ихъ удерживаютъ отъ бѣгства кандалами. Во время моего пребыванія въ Константинополѣ, я часто посѣщалъ невольничій рынокъ и эти желѣзные кольца, надѣтыя на ноги двухъ или трехъ маленькихъ негровъ, и ни мало не мѣшавшія имъ играть, были единственнымъ наказаніемъ, которое мнѣ случилось видѣть. Мнѣ всегда казалось, что кушцы обходились почти съ отцовскою кротостію съ несчастными дѣтьми, которыми они торговали, и я не вѣрю дурному обхожденію, которому они подвергаются ежедневно, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ. Торговля людьми довольно унижительно сама по себѣ, и излишняя филантропія напрасно прибавляетъ къ этой печальной картинѣ тягостныя и невѣрныя подробности.

ЧЕРНОЕ ПОКРЫВАЛО. *Разсказъ База (Диккинса).* Въ одинъ зимній вечеръ 1800 года, молодой докторъ, недавно получившій это званіе, сидѣлъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ у топившагося камина и прислушивался къ вѣтру, нагонявшему крупныя капли дождя въ оконницы и уныло завывавшему въ трубѣ.

Ночь была сырая, холодная: молодой человекъ цѣлый день ходилъ по грязи и подъ дождемъ, а потому теперь съ особеннымъ удовольствіемъ растянулся въ мягкомъ креслѣ, надѣвъ теплый шафрокъ и покойныя туфли.

Множество различныхъ мыслей слѣдовали въ умъ его, однѣ за другими. Сначала онъ думалъ, какъ бы вѣтеръ дулъ ему въ лицо и какъ бы дождь мочилъ его, если бъ онъ не сидѣлъ теперь дома; потомъ мысль его перенеслась впередъ, къ тому времени, когда онъ поѣдетъ на родину, къ роднымъ, друзьямъ; какъ они обрадуются ему и какъ онъ осчастливитъ Розу, когда скажетъ ей, что, наконецъ, онъ нашелъ пациентовъ, что современемъ будетъ имѣть ихъ еще болѣе, и что послѣ пяти или шести мѣсяцовъ, онъ опять пріѣдетъ на родину, жениться на своей милой Розѣ, возьметъ ее съ собою и она будетъ любовію своею ободрять его въ трудныхъ, тяжкихъ занятіяхъ.... Потомъ онъ съ грустью сталъ помышлять о томъ, что до-сихъ-поръ не имѣлъ еще ни одного пациента и что, быть-можетъ, никогда не будетъ имѣть ихъ; потомъ онъ опять сталъ думать о Розѣ и по-

грузившись въ сладостную дремоту, мечталъ, что нѣжный голосъ ея нашептываетъ ему на-ухо слова любви и что мягкая, пухленькая ручка ея покоится на его плечѣ....

Точно, на плечѣ его была рука, но не мягкая, и не пухленькая: владѣлецъ ея былъ дюжій, круглолицый парень, который за одинъ шиллингъ въ недѣлю былъ на посылакахъ у цѣлаго квартала. Впрочемъ должность его была ограничена—его посылали только за докторами или лекарствомъ. Въ свободное же время онъ толлокъ въ аптекахъ порошки или растиралъ мази, или спалъ.

— Леди, сэръ — леди какая-то пришла! проговорилъ мальчикъ, разбудивъ молодого доктора.

— Какая леди? вскричалъ молодой человѣкъ, вскочивъ съ кресла и не зная, во снѣ ли это происходило, или на яву; онъ даже вообразилъ, что сама Роза пришла къ нему. — Какая леди? Гдѣ?

— Тамъ, сэръ, возразилъ мальчикъ, указавъ на стеклянную дверь съ видомъ страху.

Докторъ взглянулъ на дверь и самъ изумился при видѣ страннаго явленія.

Необыкновенно высокая женщина въ глубокомъ траурѣ стояла такъ близко къ двери, что лицо ея почти касалось стекла. Она стояла неподвижно и только сквозь тонкую ткань покрывала докторъ замѣтилъ сверкавшіе глаза, прямо устремленные на него.

— Вы желаете посовѣтоваться со мною? проговорилъ докторъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и отворивъ дверь; она отворялась къ нему, такъ, что женщина осталась въ прежнемъ положеніи, какъ-бы сливаясь съ мракомъ сосѣдней комнаты.

На вопросъ доктора она утвердительно кивнула головою.

— Потрудитесь войти сюда, сказалъ докторъ.

Она ступила шагъ впередъ; потомъ, обративъ голову къ мальчику — къ неопisanному ужасу его — она остановилась въ нерѣшимости.

— Оставь насъ однихъ, сказалъ молодой человѣкъ, обратившись къ мальчику, который до-нельзя выпучилъ глаза отъ страху. — Опустивъ занавѣсъ и запри дверь.

Мальчикъ задернулъ занавѣсъ передъ стеклянною дверью, вышелъ, заперъ дверь и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Докторъ придвинулъ стулъ къ камину и пригласилъ посетительницу садиться. Таинственная женщина медленно приблизилась, и когда огонь, пылавшій въ каминѣ, освѣтилъ платье ея, докторъ замѣтилъ, что оно было промочено дождемъ и забрызгано грязью.

— Какъ васъ замочилъ дождь! сказалъ молодой человекъ.

— Очень, отвѣчала незнакомка тихимъ голосомъ.

— Вы нездоровы? съ состраданіемъ и участіемъ продолжалъ докторъ.

— Я очень нездорова, — возразила она: не тѣлесно, но душевно. Я пришла къ вамъ не для себя. Богу извѣстно, что я бы охотно отдала свою жизнь, чтобъ спасти его.... Я пришла просить васъ оказать помощь.... несчастному. Я провела много бессонныхъ ночей въ слезахъ и одна мысль.... одна мысль постоянно преслѣдуетъ меня.... мнѣ страшно подумать о томъ, что я, быть-можетъ, должна буду положить его въ гробъ, не употребивъ всѣхъ средствъ, чтобы спасти его! О, это ужасно!...

И сильная дрожь пробѣжала по всему тѣлу женщины. Въ голосѣ ея было такое отчаянное выраженіе, что сердце молодаго человека было глубоко тронуто. Онъ былъ еще молодъ и не привыкъ ко всѣмъ человѣческимъ бѣдствіямъ и страданіямъ, зрѣлище которыхъ предстояло ему на тяжкомъ попріщѣ его. Онъ поспѣшно всталъ.

— Если особа, о которой вы говорите, въ такомъ опасномъ положеніи, то не должно терять ни одной минуты! вскричалъ онъ: Я сейчасъ же пойду съ вами. Зачѣмъ же вы прежде не прибѣгли къ помощи врача?

— Потому что до-сихъ-поръ она была не нужна, — потому что она и теперь не нужна! — возразила женщина, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками.

Молодой докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Вы нездоровы, — сказалъ онъ съ кротостію: хотя сами не сознаетесь въ томъ. Горячка, которая сдѣлала васъ нечувствительною къ ночному холоду и дождю, теперь одолеваетъ васъ. Выпейте стаканъ воды, успокойтесь и потомъ расскажите мнѣ подробно болѣзнь пациента и давно ли онъ боленъ. Лишь-только я узнаю то, что мнѣ необходимо знать, чтобъ быть вамъ полезнымъ, я немедленно послѣдую за вами.

Незнакомка поднесла стаканъ съ водою ко рту, не подымая покрывала, потомъ поставила стаканъ на мѣсто и залилась слезами.

— Я знаю, сказала она рыдая: что слова мои могутъ казаться вамъ бредомъ горячки. Люди, менѣе кроткіе, менѣе добрые, нежели вы, называли меня сумасшедшей. Я не молода, сѣрь.... и они говорятъ, что когда наступаетъ конецъ жизни, то мы сильнѣе привязываемся къ ней и каждую минуту цѣнимъ

дороже, нежели рядъ годовъ, которые мы оставили за собою. Можетъ быть; только это не можетъ относиться ко мнѣ: я знаю, что мнѣ недолго жить.... однако жъ я отдала бы жизнь свою съ радостью.... съ восторгомъ.... если бы.... Послушайте, сэръ, завтра утромъ тотъ, о которомъ я вамъ говорю, будетъ въ всякой человѣческой помощи: я въ томъ увѣрена, но сердце мое невольно хочетъ обмануть меня; завтра будетъ поздно, а теперь.... хотя онъ и въ смертной опасности, вы не можете ни спасти, ни даже видѣть его!

— Я не желалъ бы увеличивать вашей горести, сказалъ докторъ послѣ краткаго молчанія: пускаясь въ разсужденія о томъ, что вы сейчасъ сказали, или стараясь открыть тайну, которую вы такъ тщательно скрываете; но въ вашихъ словахъ есть противорѣчя, которыя я ни какимъ образомъ не могу себѣ объяснить. Дорогая вамъ особа умретъ въ эту ночь, и я не могу видѣть ее именно въ то время, когда помощь еще возможна: вы ищете моей помощи, а между-тѣмъ сами говорите, что завтра будетъ уже поздно. Если эта особа вамъ въ самомъ дѣлѣ такъ дорога, какъ вы говорите, то зачѣмъ же вы не хотите помочь, пока отсрочка и потеря времени не сдѣлаютъ зло неисправимымъ?

— О Боже, Боже! вскричала женщина, горько рыдая: мнѣ самой кажется, что я лишилась разсудка!... я хочу, чтобы посторонній человѣкъ понялъ то, чего я сама не понимаю!... Придете ли вы завтра, сэръ?

— Ради Бога, мистриссъ, разсудите...

— Такъ вы отказываетесь?

— Не отказываюсь, но предупреждаю васъ, что тяжкая отвѣтственность падетъ на васъ, если вы не перемѣните вашего мнѣренія.

— Я не избѣгну этой отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ!— съ горечью возразила незнакомка: но какъ бы ни тяжка была эта отвѣтственность, я беру ее на себя.

— Такъ какъ всѣ мои убѣжденія не служатъ ни къ чему, то потрудитесь мнѣ оставить вашъ адресъ. Въ которомъ часу я могу васъ видѣть?

— Въ девять, отвѣчала незнакомка.

— Простите мою нескромность, продолжалъ докторъ: но я бы желалъ знать, у васъ ли теперь больной?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, хоть бы я и сказалъ вамъ, какъ съ нимъ обходиться въ эту ночь, то вы не можете ничего исполнить?

— Ничего, — отвѣчала незнакомка рыдая.

Докторъ повторилъ свое обѣщаніе явиться на слѣдующій день въ назначенный часъ, и посѣтительница, сказавъ ему свой адресъ, удалилась столь же таинственнымъ образомъ, какъ и пришла.

Весьма попятно, что эта женщина произвела глубокое впечатлѣніе на молодаго доктора и что онъ провелъ весьма безпокойную ночь — во снѣ и на яву онъ безпрестанно видѣлъ передъ своими глазами женщину съ чернымъ покрываломъ....

Задній край Вальворта, самый отдаленный отъ Лондона, и теперь еще находится въ весьма жалкомъ положеніи; но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, это было скопище грязныхъ лачужекъ, обитаемыхъ весьма подозрительнымъ народомъ, занятія котораго требовали уединенія и отдаленія отъ взору полиціи, бдительнаго въ лучшихъ частяхъ города; тамъ же жили бѣдные семейства, которыя не имѣли средствъ жить въ лучшемъ сосѣдствѣ.

Наружность части города, въ которую зашелъ молодой докторъ, не была такова, чтобъ могла разсѣять безпокойство и странныя ощущенія, пробужденныя въ душѣ его посѣщеніемъ таинственной женщины. Своротивъ съ большой дороги, онъ шелъ по узкимъ, грязнымъ, извилистымъ переулкамъ, по сторонамъ которыхъ тянулись длинныя каменные заборы, мѣстами пересѣкаемые полуразвалившимися лачужками. Тамъ и сямъ стояли усохшія деревья или тянулись лужи, образовавшіяся отъ проливнаго дождя, бывшаго въ прошлую ночь; кучи досокъ, бревенъ, навезенныхъ для постройки дома и забытыхъ, гнили подъ переменчивымъ вліяніемъ температуры; старыя изгороди, составленныя изъ разнообразныхъ колебей и досокъ, вырванныхъ изъ сосѣднихъ изгородей и заборовъ, свидѣтельствовали о бѣдности жителей этой части города и о невниманіи ихъ къ чужому добру. Но временамъ баба, отвратительной наружности, выходила изъ мрачнаго, обвалившагося дому, съ грязнымъ ведромъ, и выливала помоя у сосѣдняго порогу или же кричала на оборванную дѣвчонку, дравшуюся съ какимъ-нибудь запачканнымъ мальчишкой. Тяжелый, густой туманъ какъ-бы висѣлъ надъ этою печальною картиной.

Побродивъ долгое время по лужамъ и по грязи, отыскивая домъ, описанный ему ночной посѣтительницею, и блуждая по указаніямъ, нарочно невѣрнымъ, нѣкоторыхъ обитателей этого отвратительнаго уголка, молодой человѣкъ наконецъ дошелъ до

мѣста своего назначенія. То былъ низкій домъ, единственный этажъ котораго находился почти ниже поверхности улицы; наружность его была еще мрачнѣе другихъ домовъ, мимо которыхъ молодой человекъ приходилъ. Ставни были закрыты, исключая у одного окна, которое снару была было плотно закрыто старою, полннлаго, желтою занавѣскою. Домъ этотъ стоялъ отдѣльно, на углу извилистаго переулка; близъ него не было ни одного живаго существа.

На лицѣ смѣльчашаго изъ нашихъ читателей, не должна появляться улыбка, если мы скажемъ, что молодой докторъ нѣсколь-ко разъ прошелъ взадъ и впередъ передъ домомъ, прежде нежели могъ рѣшиться взяться за ручку двери. Въ то время лондонская полиція была не то, что теперь: уединенное положеніе предмѣстій въ то время, когда страсть къ постройкамъ не овладѣла еще жителями, часто представляло удобное убѣжище злоумышленникамъ. Прибавимъ къ тому, что молодой человекъ, бывшій свидѣтелемъ разныхъ ужасовъ въ лондонскихъ госпиталяхъ, ужасовъ, подобныхъ тѣмъ, которые впоследствии доставили такую отвратительную извѣстность Буркѣ и Бишопу, имѣлъ полное право безпокоиться.

Но какъ бы то ни было, долженъ ли онъ былъ колебаться или нѣтъ, но — онъ колебался; не долго, однако жъ: преодолевъ невольную боязнь, онъ твердымъ шагомъ пошелъ къ двери и постучался.

Почти въ то же мгновеніе за дверью послышался легкій шопотъ; за нимъ послѣдовалъ шумъ тяжелыхъ шаговъ, лѣниво подвигавшихся по кирпичному полу сѣней. Желѣзный запоръ былъ снятъ, дверь отворилась и высокій мужчина, страшной наружности, съ черными волосами, блуждающими глазами и лицомъ, покрытымъ смертною блѣдностью, явился передъ молодымъ человекомъ.

— Пожалуйте, сэръ, сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.

Молодой докторъ вошелъ; мужчина осторожно заложилъ опять дверь, и пошелъ къ небольшой комнатѣ, дверь въ которую была въ концѣ сѣней.

— Въ пору ли я пришелъ? спросилъ докторъ.

— Раненько, отвѣчалъ мужчина съ черными волосами.

Докторъ невольно взглянулъ на него, съ выраженіемъ изумленія и страху, котораго онъ не могъ скрыть, несмотря на всю свою твердость.

— Повремените здѣсь, сэръ; пять минутъ не больше, увидаю васъ.

Докторъ вошелъ въ комнату. Мужчина заперъ за нимъ дверь и исчезъ.

Молодой человѣкъ осмотрѣлся и увидѣлъ, что онъ находился въ маленькой, сырой комнаткѣ, вся мебель которой состояла изъ двухъ стульевъ и стола. Въ старомъ каминѣ съ обитыми углѣми горѣлъ скудный огонекъ, не нагрѣвавшій комнаты, по стѣнамъ которой мѣстами видны были пятна и полосы отъ сырости. Запыленные и мѣстами разбитыя стекла оконъ выходили на маленькій обгорѣженный дворикъ, въ настоящее время превратившійся въ огромную лужу.

Ни въ домѣ, ни снаружи не слышно было ни малѣйшаго шума.

Молодой докторъ сѣлъ къ камину и ожидалъ, чѣмъ кончится его первое и странное докторское посѣщеніе.

Прошло нѣсколько минутъ, когда наконецъ какой-то глухой шумъ поразилъ слухъ его. Потомъ опять все утихло; дверь съ улицы отворилась, послышался тихій шопотъ, сопровождаемый шумомъ шаговъ двухъ или трехъ человѣкъ, медленно шедшихъ по корридолу, и какъ-бы несшихъ что-либо тяжелое; потомъ эти люди стали подыматься по лѣстницѣ на чердакъ. Нѣсколько секундъ спустя, опять затрещали ступени лѣстницы и люди, какъ-бы исполнившіе свое дѣло, удалились изъ дому. Дверь была затворена и наступило прежнее мертвое молчаніе.

По прошествіи пяти минутъ, молодой докторъ рѣшился выйти изъ комнаты и отыскать кого-нибудь, кто объяснилъ бы ему это загадочное положеніе, когда дверь отворилась и въ комнату вошла женщина, посѣщавшая его въ прошлую ночь; она была точно такъ же одѣта, то же черное покрывало было спущено на лицо ея. Остановившись на порогѣ, она сдѣлала доктору знакъ, чтобы онъ послѣдовалъ за нею. Взглянувъ на необыкновенный ея ростъ и сообразивъ то обстоятельство, что она говорила не иначе какъ шопотомъ, молодой человѣкъ невольно подумалъ, что, быть-можетъ, она—переедѣтый мужчина. Однако жъ судорожныя рыданія, высоко подымавшія грудь ея и вообще глубокая горестъ, проявлявшаяся въ каждомъ ея движеніи, заставили его вскорѣ отвергнуть это предположеніе, и онъ носпѣшно послѣдовалъ за нею.

Женщина взшла по лѣстницѣ къ комнаткѣ, устроенной на чердакѣ и остановилась у двери, чтобы пропустить доктора впередъ.

Вся меблировка комнаты состояла изъ стараго сундука, немцогихъ стульевъ и кровати съ занавѣсками и старымъ одѣяломъ, ошитымъ изъ лоскутковъ. Единственное окно было плотно закрыто занавѣской и такъ скудно освѣщало все предметы въ комнатѣ, что молодой докторъ не съ-разу замѣтилъ больнаго, на которомъ наконецъ остановился взоръ его, когда незнакомка, бросившись къ кровати, упала возлѣ нея на колѣни.

На постелѣ неподвижно лежалъ человѣкъ, закутанный въ полотняную простыню. Голова его была открыта, только обвязана платкомъ. Глаза были сомкнуты. Лѣвая рука тяжело и неподвижно лежала на кровати, правую держала незнакомка.

Молодой докторъ тихою отодвинулъ женщину и взялъ руку больнаго.

— Боже мой! вскричалъ онъ, тотчасъ же опустивъ руку: этотъ человѣкъ умеръ!

Женщина упала къ ногамъ его и съ умоляющимъ видомъ простерла къ нему руки.

— О! не говорите этого, сэръ! вскричала она со страстію и заглушаемымъ рыданіями и ужасомъ голосомъ: о! не говорите этого, сэръ! Я этого не перенесу... не перенесу! Бывали примѣры, что люди возвращались къ жизни, когда невѣжды говорили, что въ нихъ не осталось ни искры жизни; бывали примѣры, что люди умирали потому, что не были приняты иѣры къ возвращенію ихъ къ жизни! О, не покидайте несчастнаго, сэръ, не употребивъ всѣхъ усилій, чтобы спасти его! Быть-можетъ, жизнь возвратится къ нему... быть-можетъ, кровь опять потечетъ въ его жилахъ! Сжальтесь, сэръ!... ради самаго Бога, сжальтесь!

Говоря такимъ образомъ она подняла голову безжизненнаго трупа, прижимала ее къ груди своей, цѣловала холодныя руки его.... Когда она опустила голову и руки, то онѣ тяжело упали на постель.

— Все усилія будутъ тщетны, съ грустью произнесъ молодой докторъ, приложивъ руку къ груди покойника. Постоите!... вскричалъ онъ съ внезапнымъ ужасомъ, — отдерните занавѣску!

— Зачѣмъ? съ сильнымъ волненіемъ спросила женщина.

— Отдерните занавѣску! повелительно повторилъ докторъ.

— Я нарочно закрыла окно, сказала она, вскочивъ, чтобы удержать доктора, направлявшагося уже къ окну. О! сэръ, сжальтесь надо мною! Если нѣтъ надежды, если онъ точно умеръ,

такъ.... не открывайте окна!... Я не хочу, чтобы посторонній взоръ узналъ черты несчастнаго!

— Этотъ человѣкъ умеръ не своею смертью! вскричалъ молодой докторъ. Я *долженъ* видѣть трущъ его!... И быстрымъ движеніемъ онъ отдернулъ занавѣску.

Послѣ полумраку, въ которомъ докторъ находился до-сихъ-поръ, сѣрый свѣтъ, пробившійся въ комнату, показался яркимъ....

— Онъ умеръ насильственной смертью! вскричалъ молодой человѣкъ, устремивъ строгій взоръ на женщину...

Въ первый разъ покрывало спало съ ея лица и въ первый разъ докторъ увидалъ ее. То была женщина лѣтъ пятидесяти; несмотря на то, что не время, а горести и страданія исказили лицо ея, замѣтно было, что нѣкогда она была очень хороша собою. Лицо было покрыто смертною блѣдностью, щеки впали; глаза, окруженные синеватыми ободами, сверкали лихорадочнымъ огнемъ; губы судорожно искривлены....

— Онъ умеръ насильственной смертью! повторялъ докторъ.

— Правда! возразила женщина.

— Его убили!

— Безжалостнымъ, немилосерднымъ образомъ! Богъ тому свидѣтель!

— Но кто? кто? вскричалъ докторъ, схвативъ женщину за руку.

— Взгляните на знакъ палача, потомъ спрашивайте!

Молодой докторъ обратилъ взоръ къ постели, на которой въ полномъ свѣтѣ лежалъ трущъ. Шея его распухла и на ней видна была синяя, фіолетовая полоса.

Молодой человѣкъ понялъ все....

— Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ сегодня утромъ повѣсили! вскричалъ онъ, отскочивъ съ невольнымъ трепетомъ.

— Да!.. отвѣчала женщина глухимъ голосомъ.

— Кто онъ?

— *Мой сынъ!*... возразила женщина и безъ чувствъ упала на полъ.

Считаемъ излишнимъ рассказывать подробности этой печальной исторіи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ людей, весьма близкихъ къ несчастному, и до-сихъ-поръ еще живы. Впрочемъ эта исторія очень обыкновенна. Мать была бѣдная вдова, отказывавшая себѣ во всемъ, чтобы только сыну ея не было ни въ чемъ

недостатка. Молодой человекъ, избалованный нежностью матери и забывъ сколько она за него страдала, свелъ знакомство съ людьми развратными, которые вовлекли и его въ погибель. За развратомъ послѣдовало преступленіе, за преступленіемъ — казнь позорная. Онъ умеръ на висѣлицѣ.

Молодой докторъ всячески старался облегчить участь несчастной матери; попеченія его объ ней уладили остатокъ жизни ея; она умерла съ молитвой о великодушномъ другѣ....

И Господь услышалъ эту молитву. Докторъ пользуется теперь заслуженною извѣстностью. Изъ всѣхъ случаевъ, которыхъ онъ по должности своей бывалъ свидѣтелемъ, ни одно не произвело на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ исторія женщины съ чернымъ покрываломъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ. Мы обѣщали сообщать нашимъ читателямъ всѣ замѣчательныя новости французской литературы; но таковыхъ въ послѣднее время не оказалось. Послѣ «Львицы» Фридерика Сулиѣ и романа «Бракъ для того свѣта», Мишеля Масона и Фредерика Тома, который мы помѣстили въ послѣдней книжкѣ прошлаго года, появилось только новое произведеніе некто знаменитаго Бальзака, какъ обыкновенно миниатюрная живопись или, лучше сказать, рисунки перомъ — точками. Эта новая физиологія называется «Маленькія несчастія супружеской жизни» и мы сообщаемъ вслѣдъ за этимъ нѣкоторыя сцены изъ нея. Потомъ былъ еще романъ Франсиса Ве «Сфинксъ»; но мы не считаемъ его достойнымъ вниманія нашихъ читателей; наконецъ въ газетѣ La Presse начался новый романъ Фридерика Сулиѣ «Графиня де-Монрионъ», составляющій продолженіе его «Львицы», которой содержаніе мы рассказывали. Этотъ интересный романъ мы сообщаемъ въ концѣ Смѣси.

МАЛЕНЬКІЯ НЕСЧАСТІЯ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ. Двѣ пансіонскія подруги, Каролина и Стефанія, недавно вышедшія замужъ, находились на балу у одной изъ своихъ пріятельницъ. Онѣ забрались въ будоаръ, и усѣвшись въ углубленіи окна, пустились разговаривать.

Въ комнатахъ было очень жарко. Какой-то молодой человекъ, за нѣсколько времени дотога, пошелъ подышать чистымъ воздухомъ на балконъ, куда выходило это окно, и, закрытый множествомъ цвѣтовъ, имѣлъ возможность подслушать разговоръ двухъ подругъ.

Одна изъ нихъ, стоя у окна, наблюдала нѣкоторымъ образомъ за всѣмъ, что происходило въ будоарѣ и залахъ; другая помыстилась въ самомъ углубленіи, подъ густыми кисейными занавѣсками.

Въ будоарѣ не было ни души; балъ только-что начинался, игорные столы были раскрыты, съ разложенными на нихъ картами. Танцевали второй кадрилъ. Балльные посѣтители хорошо знаютъ эту минуту, когда не всё еще гости съѣхались, хотя залы и полны; эта минута весьма неприятна для хозяйки дому, которая не увѣрена, пріѣдетъ ли такая-то N, или такой-то M, чтобъ украсить балъ своимъ присутствіемъ.

Отъ этого никто не могъ помѣшать откровенной бесѣдѣ двухъ пріятельницъ.

— Ну, Каролина? — «Ну, Стефанія?» — Что же ты скажешь? «А ты?» И въ заключеніе, раздался двойной вздохъ.

— Ты забыла наши условія? — «Нѣтъ....» — Такъ отчего же ты до-сихъ-поръ не навѣстила меня? — «Я ни на минуту не остаюсь одна, даже и теперь того и жду, что намъ помѣшаютъ.»

— Ахъ, если бь Адольфъ былъ такой! вскричала Каролина.

— Ты помнишь то время, когда Арманъ ухаживалъ за мной?

— Да, я любовалась имъ, и считала тебя счастливицей! Ты нашла свой идеалъ: красавецъ, одѣтъ всегда со вкусомъ, въ палевыхъ перчаткахъ, лакированныхъ сапожкахъ, бѣломъ жилетѣ; онъ не спускалъ съ тебя глазъ, не отходилъ отъ тебя....

— Далѣе, далѣе....

— Однимъ словомъ, это былъ, что называется, un homme compe il faut. Говорить онъ нѣжно, сладко, какъ женщина. Помнишь, сколько было тогда обѣщаній сдѣлать тебя самою счастливою женщиной въ свѣтѣ, дать тебѣ совершенную свободу; «разы его были изъ палисандра. Въ словахъ такъ и роились кружева и шали; лошади скакали, карета катилась по мостовой; свадебная корзина твоя отзывалась милліонами. Однимъ словомъ, Арманъ былъ бархатъ, гагачій пухъ, въ который судьба тебя, счастливницу, закутывала.

— Каролина, мужъ мой нюхаетъ табакъ!...

— Ну, такъ что же! мой курить....

— Но, на снѣге, мой нюхаетъ ужасъ сколько, а я табаку терпѣть не могу. Онъ, злодѣй, зналъ это, и цѣлые семь мѣсяцевъ удерживался....

— У всѣхъ мужчинъ дурныя привычки: кто нюхаетъ, кто курить; что-нибудь такое всегда есть.

— Ты не можешь представить, какъ я мучусь. Ночью, напримеръ, часто случается, что я вскочу, какъ сумасшедшая, и начинаю чихать. Во снѣ какъ-нибудь попаду носомъ на табакъ, которымъ усыпаны подушки, и это взрываетъ меня, какъ мину. Но, видно, злодѣй Арманъ привыкъ къ этимъ взрывамъ: хоть бы проснулся! Однимъ словомъ, табакъ вездѣ, всегда вокругъ меня. А я же вѣдь вышла не за табачный откупъ!...

— Это пустяки, моя милая, если только мужъ твой добрый малый и характеръ у него хорошій...

— Какъ бы не такъ! Онъ холоденъ, какъ камень; серьозенъ, какъ старикъ; разговорчивъ, какъ часовой; одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда говорятъ: *да; хорошо;* а дѣлаютъ по-своему....

— Ну, такъ говори ему нѣтъ, отказывай.

— Пробовала.

— Ну, что жъ?

— Онъ сказалъ, что возьметъ изъ моего пенсіона столько, сколько ему нужно, чтобы обходиться безъ меня.

— Бѣдная Стефанія! Да это не человекъ, а чудовище....

— Чудовище, спокойное и методическое, съ фальшивою накладкой, извергъ, который каждый вечеръ...

— Что еще?

— Береть стаканъ воды и кладетъ туда семь фальшивыхъ зубовъ.

— О, какъ онъ поддѣлъ тебя! Но зато, по-крайней-мѣрѣ, онъ богатъ....

— Богъ знаетъ!

— Мнѣ кажется, что ты очень скоро будешь или ужасно несчастна.... или счастлива, какъ-нельзя болѣе.

— Ну, а ты что скажешь?—«Я?...» — Мнѣ кажется, ты также не можешь похвалиться: признайся, по совѣсти....

И съ этими словами, молодая женщина пустилась ей говорить что-то на-ухо. Въ заключеніе только слышно было: твой Адольфъ ревнивъ?

— Но къ кому онъ станетъ ревновать? Мы не расстаемся ни на минуту, а вѣдь это ужасно, моя милая.... престо, я зѣвнуть не смѣю.... Вѣчно должна играть роль влюбленной. Ты не повѣришь, какъ это утомительно!

— Что же ты будешь дѣлать?

— Покорюсь своей участи; а ты?

— Воевать съ табачнымъ откупомъ.

Молодой Адольфъ де-Шодорель явился въ Парижъ изъ провинціи, съ богатымъ запасомъ надеждъ и рекомендацій; но это не привело его почти ни къ чему. Одиннадцать лѣтъ онъ занимается литературой: писателей такъ много, имъ всё везетъ, всё живутъ въ довольствѣ; кому это не вскружитъ головы! Бѣдный Шодорель тогда только убѣдился, что не всё мы рождены быть писателями, когда, послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ набѣговъ на литературное поприще, въ его карманѣ оказалось пропасть долговыхъ счетовъ, а на головѣ — большой недочетъ въ волосахъ.

Но такъ-какъ онъ еще считается женихомъ, имѣетъ порядочный фракъ, черные казимировые панталоны, и при случаѣ умѣетъ прикинуться ловкимъ, развязнымъ дипломатомъ, то его принимаютъ въ кое-какихъ болѣе или менѣе литературныхъ гостиныхъ, кое-какіе академики съ нимъ раскланиваются и свѣтила маленькихъ журнальцовъ удостоиваютъ его пожатіемъ руки.

Это исторія всѣхъ посредственностей, которымъ недостаетъ, какъ говорятъ, счастья, чтобъ выйти въ люди, и которые, съ своими жалкими столичными отличіями могутъ еще имѣть успѣхъ въ провинціи.

Представляемъ читателямъ выписку изъ письма мадамъ Клеръ де ла-Руландієръ, урожденной Жюгò, къ мадамъ Адольфъ де-Шодорель, урожденной Гертò.

«Вивье, 184..»

«Ты мнѣ еще до-сихъ-поръ не писала, моя милая Каролина: не стыдно ли тебѣ? Кажется, счастливая должна бы утѣшать несчастную, не дожидаясь приглашеній.

«Во время твоего отсутствія, я вышла замужъ за москѣ де-ла-Руландієра, президента здѣшняго трибунала. Ты его знаешь, и потому можешь судить, рада ли я этому союзу. Чтò дѣлать?... Я рѣдко бываю дома одна, а если выхожу со двора, то не иначе, какъ «въ сопровожденіи» моей тѣщи или почтеннаго супруга. Мы принимаемъ у себя всѣхъ солидныхъ людей въ городѣ. Эти господа играютъ преспокойно въ вистъ или усердно разсуждаютъ о полтикѣ.

«Помнишь, когда еще мы были дѣтьми, какъ мы любовались бѣлыми мышками, которыя сидѣли въ чудесной затѣйливой клѣткѣ: думали ли мы тогда, что одна изъ насъ будетъ походить на этого бѣднаго звѣрка? Видно, я нагрѣшила очень много и потому несу наказаніе. Прощайте, мечты, мои золотыя надежды! Я ни болѣе ни менѣе, какъ почтенная президентша, которой сужде-

но, втеченіи какихъ-нибудь сорока лѣтъ, водить подъ руку угрюмаго, длинноногаго мужа.

«Но ты, милая Каролина, несмотря на твои двадцать семь лѣтъ, счастливѣе меня: съ двумя-стами тысячъ франковъ состоянія, ты завоевала сердце одного изъ умнѣйшихъ людей въ Парижѣ, самаго гениальнаго человѣка, какого когда-нибудь произвела наша провинція!... Есть чему позавидовать!...

«Теперь ты живешь въ самомъ блистательномъ обществѣ. Стоить захотѣть, и ты можешь ѣхать въ любую гостиную Сент-Жерменскаго Предмѣстья, и всё благодаря гениальной знаменитости твоего мужа. Въ свою очередь, ты также можешь принимать все, что есть лучшаго въ Парижѣ: львицы и львовъ финансоваго и литературнаго міровъ. Я помню, какъ Адольфъ рассказывалъ о своихъ связяхъ съ знаменитостями, и несколько не удивляюсь, если ты не имѣешь ни минуты покоя!

«Съ твоимъ состояніемъ и двадцатью тысячами дохода, который получаетъ мужъ твой, вы вѣрно держите экипажъ, разъѣзжаете по театрамъ, по обѣдамъ... Да, ты счастлива, и неудивительно что забыла меня. Но я не въ претензіи: веселись и наслаждайся, моя милая. Прошу только объ одномъ: когда всё эти удовольствія и почести тебѣ наскучатъ, вспомни о бѣдной затворницѣ Кларѣ, напиши ей длинное, длинное письмо и расскажи подробно, какова жизнь съ великимъ человѣкомъ: это должно быть что-то необыкновенное.

«Твоя Клара.»

Вотъ отвѣтъ на это посланіе.

Парижъ, 184...

«Ахъ, моя милая Клара, если бъ ты знала сколько горя пробудили во мнѣ твои наивныя строки: ты, вѣрно, бы ихъ не написала!»

«Я должна тебѣ признаться, что для женщины двадцати-семи лѣтъ, порядочной наружности, и огромнаго росту, я еще счастлива... и вотъ какимъ образомъ.

«Адольфъ, видя, что я скоро разочаровалась, заливаетъ раны моего самолюбія такимъ вниманіемъ, такую вѣжною заботливостью, что вѣрно всё женщины захотѣли бы найти въ мужьяхъ своихъ столько же драгоценныхъ разочарованій; но зато писатели (Адольфъ едва-ли принадлежитъ къ этому классу), которые вообще славятся своей раздражительностью, непостоянствомъ и странностями, не имѣютъ и этой доли достоинствъ Адольфа.

«Скажу тебѣ по-секрету: я спасла моего мужа отъ ужасной

нищеты, которую онъ искусно умѣлъ прикрыть. Въмѣсто двадцати тысячъ доходу, онъ не получилъ столько, во всѣ одиннадцать лѣтъ своего пребыванія въ Парижѣ. Мы живемъ въ третьемъ этажѣ, платимъ за квартиру съ небольшимъ тысячу франковъ, и за тѣмъ намъ остается на хозяйство около 8,500 франковъ.

«Я принесла ему нѣсколько счастья. Адольфъ получилъ недавно въ свое распоряженіе фельетонъ какого-то журнала и ему платятъ за это по триста франковъ въ мѣсяць. Это нѣсколько насъ поправило.

«Я не могу жаловаться на мое замужство, ни въ отношеніи къ деньгамъ, ни къ сердцу. Одно мое самолюбіе и мои великолѣпныя надежды пострадали.

«Помнишь какъ Адольфъ рассказывалъ, что онъ очень коротокъ въ домѣ баронессы Шиннеръ, жены знаменитаго живописца, извѣстнаго своимъ умомъ, вліяніемъ, богатствомъ и связями со всѣмъ, что есть лучшаго въ Парижѣ? Я была совершенно увѣрена, что мужъ мой принять у нея какъ другъ. Онъ какъ-то возилъ меня къ ней: меня приняли ужасно холодно и отплатили за мой визитъ карточкой, и то дней черезъ двадцать послѣ моего посѣщенія.

«По пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, я гуляла съ нимъ по бульвару. Вдругъ онъ толкнулъ меня, сказавъ: посмотри, вотъ идетъ такой-то! и онъ назвалъ мнѣ одну изъ семи или осьми европейскихъ знаменитостей Франціи. Я устремила на него все свое вниманіе. Адольфъ, съ какимъ-то блаженствомъ, раскланялся съ этимъ человѣкомъ, а тотъ въ отвѣтъ на его низкіе поклоны, слегка кивнулъ ему головою, какъ человѣку вовсе незнакомому.

«Точно такъ же его знаютъ знаменитые музыканты, поэты, государственные люди: зато мы знакомы съ людьми, имена которыхъ ты, вѣрно, и не слыхивала.

«Адольфъ принадлежитъ къ посредственностямъ и потому не пойдетъ далеко. Въ Вивье ему не мудро было прослыть гениемъ, въ Парижѣ — дѣло другое: здѣсь отъ генія требуютъ слишкомъ много гениальности.

«Я уважаю Адольфа, потому что послѣ нѣсколькихъ обмановъ, онъ открылъ мнѣ свое положеніе, и, главное — обѣщалъ заботиться о моемъ счастіи. Какъ другія посредственности, онъ надѣется дойти когда-нибудь до званія редактора журнала, а можетъ-быть, даже и депутата. Такимъ образомъ, я далека отъ того, чтобъ быть знатной дамой и пользоваться вниманіемъ нашихъ львицъ и львовъ; зато я счастлива по-крайней-мѣрѣ

тъмъ, что въ моемъ мнимо-великомъ мужѣ нашла человѣка добраго, который, по-видимому, очень меня любитъ.

«Твоя Каролина.»

Въ отвѣтъ Клары, находимся между прочимъ слѣдующая фраза: «Надѣюсь, что твое авоинимое счастье продлится, благодаря твоей философіи, довольно долго! — Клара, какъ всѣ добрыя подруги, колола Каролину за своего президента.

Вотъ образецъ другаго рода маленькихъ несчастій супружеской жизни: это письмо мадамъ Фиштаминель къ своей матери.

«Вы спрашиваете, счастлива ли я съ своимъ мужемъ? конечно, это не идеалъ моей мечты. Вы знаете, я покорила необходимость: тридцать тысячъ доходу и жизнь въ Парижѣ — кто устоитъ противъ этого! Впрочемъ, мужъ мой не душень собою, Наполеоновскій полковникъ, и вѣрно былъ бы генераломъ, если бъ не вышелъ въ отставку: все это говорить въ его пользу; и дѣйствительно, въ свѣтъ этого весьма довольно, для того, чтобъ и жена такого человѣка казалась по-наружности, счастливою.

«Я ничего не могу сказать противъ моего Фиштаминеля: онъ не любитъ ни картъ, ни женщинъ, ни вина, ни убыточныхъ прхотей; однимъ словомъ, обладаетъ всеми отрицательными достоинствами, которыя только еще и дѣлаютъ мужей сносными. Главный его недостатокъ въ томъ, что онъ ничѣмъ не занятъ: цѣлый Божій день мы проводимъ вмѣстѣ съ глазу на глазъ; моя свобода начинается тогда только, когда онъ засыпаетъ. Право, подобное существованіе нестерпимо: я ни на минуту не могу быть одна. Если бъ мой Фиштаминель былъ ревнивецъ, дѣло другое: тогда бы началась борьба, маленькая, забавная комедія! Но какъ ему ревновать, когда онъ ни на минуту отъ меня не отходитъ!

«Два преступника, закованные одной кѣпью, не скучаютъ такъ, какъ мы: они, по-крайней-мѣрѣ, сговариваются какъ бы уйти; у насъ нѣтъ ровно никакого предмета для разговора: мы все высказали другъ другу. Оставался одинъ разговоръ о политикѣ, но и тотъ изсякъ, за смертію Наполеона.

«Мужъ мой терпѣть не можетъ чтенія. Если увидить, что я читаю, онъ десять разъ, въ продолженіи одного часа, спроситъ: Минючка, что? кончила?

«Я было-уговаривала его ѣздить верхомъ, представляя, какъ это было бы ему полезно; но онъ отвѣчалъ, что проведетъ двѣнадцатъ лѣтъ на лошади, и что теперь ему нужно отдохнуть.

«Съ той минуты какъ я встаю съ постели и до самаго завтра-

ка, я провожу время за туалетомъ, хлопочу по хозяйству: эту часть дня еще могу провести кое-какъ; но съ завтрака до обѣда — вотъ мученіе: точно путешествіе по пустынь. Бездѣлье моего мужа не даетъ и мнѣ ни минуты отдыха, преслѣдуетъ меня, докучаетъ мнѣ, не спускаетъ съ меня глазъ; затѣмъ слѣдуютъ мопотопные вопросы: который часъ? что ты тамъ дѣлаешь? куда мы отправимся вечеромъ? что новаго? какова погода? и прочая, и прочая.

«Эти варіаціи на одну и ту же тему (въ вопросительномъ смыслѣ), перемѣнно сведуть меня съ ума.

«Надо вамъ сказать, что мужъ мой не получилъ другаго образованія, кромѣ того, которымъ обязанъ службѣ въ своемъ полку: онъ имѣетъ прекрасныя понятія о дисциплинѣ, о чести, о благородствѣ, зато во всемъ другомъ — это настоящій профанъ! Мнѣ кажется, если бъ онъ родился въ бѣдности, для этого полковника нельзя бы было придумать лучшаго мѣста, какъ мѣсто швейцара! Онъ точно такъ же велъ войну противъ непріятелей Франціи, какъ и женился: отъ нечего дѣлать, для разсѣянія.

«Въ добавокъ къ этому, онъ не можетъ ни съ кѣмъ ужиться: люди у него мѣняются безпрестанно.

«Цѣтъ ли у васъ, милая маменька, какого-нибудь средства противъ этихъ мукъ?»

Всѣ женщины или цѣломудренны, или тщеславны, или просто надменны, и всѣ могутъ болѣе или менѣе испытывать на себѣ слѣдствія маленькаго несчастія, о которомъ мы собираемся сказать нѣсколько словъ.

Нѣкоторые мужа дотога рады, что имѣютъ наконецъ свою собственную жену, что боятся какой-нибудь ошпбки въ публикѣ и снѣшать отмѣтить ее, точно такъ же какъ, на ярмаркахъ, отмѣчаютъ овецъ. Передъ другими, они расточаютъ женамъ своимъ шлепа, замечтовавныя изъ царства животныхъ, и называютъ ихъ: моя курочка, кошечка, крыса, кроликъ; или, переходя отъ царства животнаго къ растительному, они величаютъ ихъ: капустой, фигой (это только въ Провансѣ); но никогда — цвѣткомъ! или даютъ почетныя названія какъ: душка, мамочка, дочка, хозяйка, старушка (когда жена очень молода).

Нѣкоторые называютъ ихъ не весьма лестными именами, какъ панрихтеръ: козочка, дурочка, сытъ, шутовочка; я зналъ чудака, одного изъ весьма замѣчательныхъ государственныхъ мужей, который звалъ свою жену Мумута!

— Миѣ бы легче было, если бѣ онъ далъ миѣ оплеуху, говорила эта несчастная своей пріятельницѣ.

— Бѣдненькая, она въ самомъ дѣлѣ стоитъ сожалѣнія, замѣтила пріятельница, когда Мумута ушла: въ обществѣ, она боится встрѣтиться съ своимъ мужемъ. На вечерѣ у одного изъ министровъ, онъ однажды схватилъ ее за шею, примолвивъ: «Пойдемъ, пойдемъ, толстухка!»

Увѣряютъ, будто извѣстное отравленіе мужа посредствомъ мышьяку, произошло отъ постоянныхъ неловкостей, съ какими мужъ обходился съ своей женой при людяхъ. Онъ трепалъ ее по плечу, громко цѣловалъ ее и нисколько не стѣснялъ себя публичнымъ выраженіемъ своихъ нѣжностей...

Въ этомъ отношеніи, любовь имѣетъ большія преимущества надъ супружествомъ. Она гордится иногда маленькими нескромностями, и вызываетъ ихъ. Горе тому, кто порой не умѣетъ ими пользоваться. Сколько напримѣръ, страсти въ этомъ *ты*, нетаинно произнесенномъ!

Авторъ слышалъ, какъ въ провинціи какой-то мужъ называлъ свою жену: «Моя таратайка», и та была удивительно этимъ счастлива, не находя въ этомъ ничего страннаго. Она, въ свою очередь, называла его: своимъ плутишкой! Эта благословенная чета не знала даже о существованіи маленькихъ несчастій.

Эта чета подала поводъ къ слѣдующимъ аксіомамъ:

Первая. Чтобъ быть счастливымъ въ супружествѣ, нужно, чтобъ мужъ былъ человѣкъ гениальный, а жена — женщина нѣжная и умная, или наоборотъ — тотъ и другая — равнобѣрно глупы.

Вторая. Женщина живетъ чувствомъ тамъ, гдѣ мужчина живетъ дѣятельностію.

Потому-то чувство, каждую минуту, можетъ изъ маленькаго несчастія сдѣлать огромное, несправимое, безконечное.

Если жена, въ невѣдѣніи условій жизни и свѣта, надобдастъ мужу своими глупостями, мужъ имѣетъ еще возможность отъ нихъ отдѣлаться: онъ занимается чѣмъ-нибудь, хлопочетъ о дѣлахъ, или просто зѣваетъ по улицамъ. Для женщины не то: главный вопросъ ея — любить или не любить, быть или не быть любимой.

Нескромности находятя въ соответственномъ отношеніи съ характеромъ, временемъ и мѣстомъ.

Вотъ одинъ примѣръ:

Возьмемъ мужа, запачканнаго и отвратительнаго. Такихъ мужей можно найти и между людьми богатыми: они отличаются

тѣмъ, что въ сутки въ состояніи извесить новую пару платья. Этотъ человѣкъ говоритъ вдругъ женѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ посѣтителей: «Душечка, подай мнѣ щипцы!» — Конечно, это ровно ничего не значить, или значить все. Эти два слова были причиной семейнаго переворота. Какой-то любезникъ республиковалъ ихъ во всѣхъ домахъ и всѣ единодушно провозгласили, что жена достойна всякаго сожалѣнія и что мужъ ея человѣкъ безъ совѣсти и сердца!

Вотъ другой примѣръ:

Представьте себѣ ужасное положеніе женщины, разумеется деликатной, которая пригласила къ себѣ на дачу своихъ приятельницъ. Въ ту минуту, какъ она болтаетъ съ ними о разныхъ разностяхъ, входитъ камердинеръ ея мужа и говоритъ ей на-ухо: «Баринъ пріѣхалъ!»

Всѣ слышали, какъ промчался экипажъ, и знали, что мужъ пробылъ всю недѣлю въ Парижѣ, а это-происходило въ субботу, ровно въ четыре часа.

— Ему непременно нужно съ вами повидаться, прибѣжалъ лакей.

Этотъ разговоръ былъ веденъ вполголоса, однако жъ его очень хорошо поняли, тѣмъ болѣе, что лицо хозяйки изъ разоваго сдѣлалось пунцовымъ. Она сдѣлала знакъ головою, продолжала разговоръ, и нашла средство оставить общество, подъ предлогомъ, что ей хочется знать, чѣмъ мужъ кончилъ одно важное дѣло. Несмотря на то, было замѣтно, что ее очень огорчалъ недостатокъ вниманія мужа къ ея гостямъ.

Въ юности, женщины хотятъ, чтобъ съ ними обходились, какъ съ божествами; онѣ мечтаютъ объ идеалѣ, и никакъ не могутъ помириться съ мыслию, что онѣ ни божѣ, ни менѣе какъ тѣ же женщины, съ ихъ недостатками и слабостями. Зато въ извѣстныхъ лѣтахъ, онѣ требуютъ другаго, и, напротивъ, желаютъ, чтобъ съ ними обходились, какъ съ настоящими смертными; идеалы уже далеки отъ ихъ мыслей.

Стыдливость есть добродѣтель относительная: въ двадцать, въ тридцать и въ сорокъ лѣтъ, она надѣваетъ свою особенную маску и имѣетъ свои отличительныя проявленія. — Такъ, напримеръ, женщина въ тридцать девять лѣтъ тщеславится своимъ любовникомъ, между тѣмъ какъ дочь ея — его сиротство.

Къ числу разочарованій можно отнести слѣдующія сцены.

Молоденькая дама любитъ молодаго человѣка, и считаетъ его полубогомъ ума и красоты. На балѣ, она разговариваетъ съ одной изъ своихъ пріятельницъ. Къ нимъ подходитъ балльный франтъ: «Скажите, ради Бога, говорить отъ, что это за человѣкъ, одѣтый и раздушенный, какъ парикмахеръ? Вотъ онъ разсуждаетъ теперь съ этимъ толстякомъ и дѣлаетъ разныя гримасы.» — Молчите, молчите, возражаетъ одна изъ пріятельницъ: это мужъ той самой дамы, которая со мной разговариваетъ....

— А, это вашъ супругъ, сударыня, говоритъ франтъ: какъ онъ милъ, какъ любезенъ! я непременно хочу съ нимъ познакомиться.

И бѣдная женщина начинаетъ сомнѣваться, точно ли мужъ ея такъ уменъ и красивъ, какъ она прежде думала.

Мадамъ N. N., увлеченная примѣромъ своихъ пріятельницъ, пишетъ маленькія статейки. Ей удалось напечатать одну изъ нихъ въ какомъ-то журналѣ. Мужъ, за завтракомъ, беретъ этотъ журналъ: жена слѣдитъ за нимъ. — «Это непостижимо, восклицаетъ онъ, прочитавъ фельетонъ: что за глупости нынче печатаютъ въ журналахъ! Прочитай, ма снѣге, эту статью: не правда ли какія ребяческія понятія, какое неовытное перо? я не стану больше подписываться на этотъ журналъ». — Бѣдная женщина! это была ее статья!

Представьте себѣ женщину сомнительной красоты, которая влюблена въ своего мужа и которую послѣдній любитъ — за ея приданое. Для бѣдной нѣтъ другаго блага — какъ счастье мужа: она для него наряжается, для него держитъ великолѣпный экипажъ, чудеснаго повара, и готова жертвовать всею на свѣтъ, чтобъ только угодить ему. — Они обѣдаютъ на званомъ обѣдѣ. Мужу нравятся шампиньоны, приготовленные à l'italienne: онъ съ аппетитомъ ихъ кушаетъ....

На другой день, она зоветъ повара, рассказываетъ ему, гдѣ достать этихъ шампиньоновъ и какъ ихъ приготовить.... Велъ дворня бѣгаетъ за ними по цѣлому городу и забираетъ сврзки, какъ лучше приправить ихъ. Наконецъ, все готово. Садятся за столъ. Жена только и думаетъ, что о блюдѣ съ шампиньонами, и мысленно говоритъ: какъ обрадуется ея милый му-

женѣкъ, какъ онъ расцѣлуешь ее за это вниманіе! Проходитъ первая переимѣна, наступаетъ вторая: подаютъ шампиньоны. Мужъ равнодушно повертываетъ ложкой и не беретъ ихъ. — Что это ты, mon cher? развѣ ты не узнаешь ихъ? спрашиваетъ жена. — «А что такое?» — Твоихъ любимыхъ шампиньоновъ? — «Этой дрянн? но, та сѣге, они приготовлены, Богъ знаетъ какъ — на миланскій манеръ: я ихъ терпѣть не могу! —

Отчаяніе жены понятно. Это маленькое несчастіе, для любящаго и не весьма любимаго сердца, почти то же, что для ребенка — вырванный зубъ!

Женщина, которая отъ чистаго сердца вѣруетъ въ того, кого любить, есть просто мечта романиста. Подобнаго женскаго лица не существуетъ, точно такъ же какъ не существуетъ и вѣрнаго приданаго. Довѣренность женщины проявляется только въ первое время замужства, на зарѣ любви и исчезаетъ такъ же скоро, какъ падающія звѣзды.

Для всякой женщины, если только она не Голландка, не Англичанка, и не жительница какой-нибудь болотной страны, любовь есть предлогъ къ страданіямъ или, лучше, — потребление излишнихъ силъ воображенія и нервной системы.

Поэтому-то, вторая мысль каждой счастливой, любимой женщины есть опасеніе лишиться своего счастья, потому что первая, надо отдать ей справедливость, состоитъ въ томъ, чтобъ какъ-можно сильнѣе имъ пользоваться и наслаждаться. Изъ этого выводится слѣдующая аксіома:

Если женщина покинута, то на это должна быть какая-нибудь причина. Это правило дотога извѣстно всѣмъ вообще и каждой въ-особенности, что досадѣ покинутой женщины просто нѣтъ границъ.

Мужъ, который начинаетъ чувствовать скуку въ присутствіи своей жены, вмѣстѣ съ тѣмъ строитъ уже планы, какъ отъ нея отдѣлаться. Въ предлогахъ у насъ нѣтъ недостатка, стѣдуетъ придумать какое-нибудь дѣло, и взвалить на него всѣ причины частыхъ отлучекъ. Въ каждомъ супружествѣ есть подобныя дѣла. Впрочемъ, надо признаться, женщины плохо имъ вѣрятъ, или вѣрятъ не болѣе, какъ директоры театровъ или книгопродавцы — болѣзни актрисъ и законтрагованныхъ писателей.

Едва только мужъ начинаетъ отлучаться изъ дому, жена воображаетъ, что онъ нашелъ какое-нибудь идеальное существо, и

въ жару опасенія, начинаеть задавать себѣ вопросы: куда онъ пошелъ? что дѣлаетъ? зачѣмъ уходитъ? зачѣмъ не беретъ мени съ собою? — И эти вопросы разрѣшаются тѣмъ, что женщина, будь она герцогиня или мѣщанка, ангель или мегера, принимаетъ рѣшительныя мѣры и пускается на шпионство. Для шпионства необходимы свои агенты; здѣсь агентъ подъ рукою — горничная, и отъ этого агента зависить теперь участь обоихъ сууроговъ. Она является въ одно прекрасное утро и говоритъ: да, сударыня, супругъ вашъ ходитъ къ одной женщинѣ... Но успокойтесь, это старуха... — Но ты знаешь, у мужчинъ иногда такой странный вкус!... — Старуха, и, въ-добавокъ, — самая простая... Но вотъ что я узнала отъ камердинера: онъ полагаетъ, что эта женщина служитъ посредницей...

Горничную посылають развѣдать обстоятельнѣе. Открывается, что мужъ былъ знакомъ когда-то съ одной гризеткой, которая давно умерла, оставивъ по себѣ прелестнаго ребенка, и что эта женщина-старуха взяла его на воспитаніе.

И эта маленькая драма несправедливаго подозрѣнія разыгрывается почти всю жизнь...

Сближеніе госпожи съ горничною ведетъ, въ свою очередь, новое маленькое несчастіе, подъ заглавіемъ: семейный тирагъ.

— Милая моя, говоритъ мужъ женѣ; довольна ли ты Юстиной?

— Очень довольна, мой другъ.

— Миѣ кажется, она слишкомъ фамиліарна съ тобою.

— Я не обращаю на это ни малѣйшаго вниманія... Кажется, ты что-то слишкомъ за ней присматриваешь?

Мужъ бросаетъ на жену одинъ изъ тѣхъ взглядовъ негодованія, которые до смерти нравятся всѣмъ любящимъ женщинамъ.

Юстина — горничная въ полномъ смыслѣ слова: лѣтъ тридцати, рябоватая, черномазая, вертлявая. Она прибираетъ къ рукамъ всю дворню, опредѣляетъ одного, выживаетъ другаго; пьетъ кофе въ постели; выходитъ со двора, когда вздумается; не удерживаетъ ни своихъ капризовъ, ни своего нерасположенія; требуетъ прибавки жалованья и со всѣми, не исключая и самой барыни, обходится, какъ настоящій деспотъ.

— Ma chère, говоритъ мужъ, эта дѣвка день-ото-дня становится несноснѣе, и если ты ее не отпустишь, такъ я прогоню...

Юстина узнаетъ о намѣреніи супруга и придумываетъ мщеніе.

— Знаю, говоритъ она госпожѣ своей: отъ чего баринъ хочетъ меня выгнать. Они съ камердинеромъ что-то затѣвають противъ васъ, а такъ какъ я не въ ладахъ съ послѣднимъ, то....

И Юстина болѣе нежели когда-нибудь стала нужна въ домѣ.

Всѣ знакомыя, видя нахальство горничной,жимаютъ плечами, и толкуютъ ея поведеніе не совсѣмъ выгоднымъ образомъ для чести ея госпожи. Чтобъ выбраться изъ подобнаго рабства, бѣдная женщина рѣшается на другое маленькое несчастіе, необходимое для ея освобожденія.

Въ одно утро, она подходитъ къ своему мужу и самымъ ласковымъ, тоненькимъ голоскомъ, говоритъ ему, что она имѣетъ нѣчто сказать, но боится, что онъ разсердится. Слово за словомъ, она признается, что если дозволила горничной нѣкоторыя вольности, то потому, что имѣла нужду въ ея шпионствѣ; что она думала открыть соперницу и узнала между-тѣмъ, что у него есть сынъ.— «О, моя ревность была всему причиной! я люблю тебя, какъ безумная, и меня пугала мысль, что ты мнѣ измѣнишь.....

— Видишь ли, мой ангелъ, говоритъ мужъ, какъ дурно входитъ въ низкія сношенія съ людьми: рано или поздно они берутъ верхъ, и тогда что за жизнь....

И муженѣкъ представляетъ, самымъ краснорѣчивымъ образомъ, весь ужасъ подобнаго положенія; а самъ между-тѣмъ думаетъ, какъ бы извлечь изъ того собственную выгоду и имѣть поболѣе свободы: теперь за нимъ не будутъ присматривать!

Надо сказать, въ похвалу женщинъ, что онѣ сохраняютъ вѣрность мужьямъ, даже и тогда, когда послѣдніе не платятъ имъ тѣмъ же. Мы полагаемъ, что это происходитъ отъ того, что, говоря языкомъ свѣтскихъ отношеній, между замужней женщиной и мужчиной существуетъ обязательство гораздо сильнѣе того, какое связываетъ мужчину съ женщиной. Впрочемъ, это можетъ имѣть и другое основаніе: напримѣръ то, что у женщины деликатности и понятія о чести гораздо болѣе, чѣмъ у мужчины.

Въ мужѣ заключается только мужчина, между-тѣмъ какъ въ замужней женщинѣ — мужчина, отецъ, мать и жена. Замужняя женщина имѣетъ запасъ нѣжности за четверыхъ, а иногда и болѣе. Въ глазахъ ея, любовь все извиняетъ, и потому человѣкъ, который ее любитъ, можетъ дѣлать всѣ возможныя преступленія: онъ всегда будетъ чистъ въ понятіи той, которая его любитъ, если только онъ любитъ ее. Что жъ касается до замужней женщины, любима ли она или нѣтъ, она хорошо знаетъ, что честь и уваженіе ея мужа суть достояніе дѣтей ея; и потому

поступаетъ какъ женщина, которая любитъ: дотога сильны общественныя условія!

Въ каждомъ супружествѣ, рано или поздно, настаетъ роковая минута: это ревность, великая, благородная, чудная страсть, единственный, истинный признакъ любви, если не двойникъ ея. Когда женщина не ревнуетъ мужа, все кончено: она его ужъ не любитъ. Потому-то супружеская любовь угасаетъ въ послѣдней ссорѣ, которую поднимаетъ женщина.

Съ той минуты, какъ жена перестаетъ ссориться съ мужемъ, равнодушіе преспокойно усаживается въ кресла, около камина спальни, и царствуетъ здѣсь безусловно...

Всѣ женщины должны помнить о послѣдней ихъ ссорѣ, этомъ важномъ маленькомъ несчастіи, разражающемся иногда изъ-за пустяковъ, иногда по какому-нибудь ужасному случаю. Эта жестокая разлука съ вѣрованіемъ, съ безпечною любовью, съ самою добродѣтью, почти такъ же своенравна, какъ и жизнь. Какъ жизнь, она въ каждомъ семействѣ имѣетъ свой собственный отпечатокъ.

Каждая женщина твердо помнитъ минуту, когда повязка, покрывавшая глаза ея, спала; когда, послѣ многихъ сомнѣній, страданій сердца; она достигла до той эпохи, что ссорой должна заключить романъ, приложить печать къ акту, выговорить свою независимость и начать новую жизнь.

Нѣкоторыя женщины имѣютъ счастье начать первыя, и эта ссора есть для нихъ родъ оправданія.

Вообще, въ этой капитальной сценѣ жизни супружеской, прекрасный полъ разыгрываетъ роль палача, между-тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ, принимаетъ ее на себя мужчина.

Послѣдняя ссора оканчивается почти всегда торжественнымъ, священнымъ общаніемъ, какъ напримѣръ:—Адольфъ, мы не любимъ другъ друга. Ты измѣнилъ мнѣ, и я этого никогда не забуду. Можно простить, но забыть никакъ: это невозможно... Отнынѣ мы будемъ жить, какъ братъ съ сестрой...

И они живутъ такимъ образомъ; но жена не пропуститъ ни одного случая, чтобъ не припомнить мужу ихъ послѣднюю ссору.

Женщины, и особенно женщины замужнія, вбиваютъ себя въ голову мысли, точно такъ же какъ втыкаютъ въ клубокъ булавки.

Самъ чортъ не въ состояніи ихъ оттуда вытянуть. Онѣ одиѣ имѣютъ право воткнуть ихъ, взять прочь и снова всадить туда же.

Каролина возвратилась однажды вечеромъ отъ своей подружки-львицы, въ ужасномъ припадкѣ зависти честолюбія. Она обращается къ мужу:

— Адольфъ, хочешь ли ты сдѣлать мнѣ большое удовольствіе?

— Очепь радъ.

— Сдѣлаешь?...

— Если это только возможно....

— О, это несносное если!...

— Ну, да скажи же.

— Я хотѣла бы учиться ѣздить верхомъ.

— Но, Каролина, что съ тобою?... Послушай, продолжаетъ Адольфъ, замѣтивъ ея слезу: какъ мнѣ отпускать тебя одну въ манежъ? И какъ же мнѣ ѣздить съ тобою? ты знаешь, сколько у меня теперь дѣла....»

И Адольфу представляются: конюшня, которую надо нанять, покупка лошади, наемъ грума, наконецъ, всѣ неспріятности женскаго *львинства*.

Когда женщины представляютъ резоны, вмѣсто того чего ей хочется, не многіе изъ мужчинъ рѣшились бы сойти до глубины маленькаго волкана, называемаго сердцемъ, чтобъ измѣрить всю силу бурнаго порыва, разражающагося такъ неожиданно.

— Ты представляешь резоны.... но у меня есть своя! Я твоя жена, и ты несколько обо мнѣ не подумаешь, мой другъ....

У женщины столько же наберется измѣненій голосу, чтобъ выговорить слово: *мой другъ*, какъ у Италіянцевъ, чтобъ сказать *amico*. Я насчиталъ ихъ двадцать девять, которыя выражаютъ только различныя степени ненависти.

— Да, ты увидишь, продолжаетъ Каролина. Я захвораю, и ты заплатишь въ аптеку и доктору болѣе, чѣмъ стѣнитъ лошадь. Ты хочешь, чтобъ я оставалась въ четырехъ стѣнахъ: я этого и ожидала. Мнѣ только хотѣлось узнать, какимъ образомъ ты сдѣлаешь отказъ....

— Но, Каролина....

— Нельзя одной ѣхать въ манежъ! говоритъ она, не слушая, что возражаетъ мужъ. Что это за предлогъ! развѣ я не могу ѣхать съ Стефаніей? она также учится ѣздить верхомъ, и я не думаю, чтобъ мужъ провожалъ ее каждый разъ. Правда, онъ имѣетъ къ ней болѣе довѣренности, чѣмъ вы....

Вечеромъ она снова обращается къ тому же предмету: — Ты видишь, говоритъ она, если бь резоны могли возвратить мнѣ здорье, я не имѣла бы въ нихъ недостатка: я всё ихъ знаю и перебрала заравѣ.... Ахъ, бѣдныя женщины!...

И Каролина начинаетъ дуться, и дуться такъ страшно, что Адольфу никакъ нельзя этого не замѣтить.

Чтобъ прекратить это противосупружеское состояніе, бѣдный мужъ — соглашается на ея требованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ обдумываетъ, какъ бы уговорить берейтора, чтобы онъ отъучилъ ее отъ охоты брать уроки верховой ѣзды.

Есть на свѣтѣ примѣры и въ другомъ родѣ. Сколько мигреней, нервическихъ припадковъ, рѣшительныхъ болѣзней.... изъ-за чего? чтобъ имѣть такую же шаль, какъ у графини N., или экипажъ на лежачихъ рессорахъ, или алмазное ожерелье. Бѣдные мужья — плохіе медики: вѣрятъ всёму симптомамъ, а памъ того и надо!

Несчастіе имѣетъ тысячу отбѣсковъ. Здѣсь много зависитъ отъ характера, силы воображенія или крѣпости нервовъ. Если нельзя схватить всё эти измѣнчивыя проявленія, то по-крайней-мѣрѣ легко указать на главныя изъ нихъ, и мы старались объ этомъ. Маленькія несчастія сопутствуютъ памъ на каждомъ шагу и исчезаютъ тогда только, когда время и опытъ научаютъ насъ смотрѣть на все на свѣтѣ глазами равнодушія.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. L'Explication, *Искушленіе*, драма въ четырехъ актахъ, господь *Maillan* 'а и *Davigny*.

Нѣкто мосьё Белѣ, отставной кавалеристъ, очень богатый и очень слѣпой, живетъ уединенно въ своемъ лангдокскомъ замкѣ, съ дочерью, Цецилей, съ пріемышемъ, Жоржемъ, и съ домоправительницею или, лучше сказать, другомъ своимъ, мадамъ Морѣнъ. Мосьё Белѣ получаетъ письмо, которое немедленно призываетъ его въ Тулузу, но дѣламъ. Мадамъ Морѣнъ вызывается съѣздить туда за него. Предложеніе принято. — Жоржъ, говоритъ мосьё Белѣ: сходи, принеси портфель съ бумагами, что у меня въ конторкѣ. — Молодой человекъ спѣшитъ исполнить приказаніе. Но будучи болѣе расторопенъ нежели догадливъ, онъ вмѣсто требуемаго портфеля приноситъ ящичекъ, завернутый въ

черный крепь. Мосё Белё вскакиваетъ, вскрикиваетъ, и падаетъ въ обморокъ. И есть за что, потому что еще нигъ, личи-чекъ былъ бы открытъ и мы въ первую же сцену узнали бы весь секретъ драмы: три акта и три четверти оказались бы совершенно ненужными. Но Жоржъ исправляетъ промахъ: мосё Белё приходитъ въ себя; мадамъ Моренъ увъзжаетъ съ Цециліей, которая хочетъ проводить ее до большой дороги. Проходятъ нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ Жоржъ объясняетъ, кому вѣдать надлежитъ, что онъ влюбленъ въ Цецилію какъ слѣдуетъ, то есть, до безумія, но не смѣетъ объясниться, потому что она гораздо богаче его. Вдругъ за кулисами раздается ружейный выстрѣлъ. Что это значить? Съ какой стати? Для чего? Кто застрѣлился такъ рано, когда драма еще не началась порядкомъ?..... Не смѣйтесь..... безпokoиться тутъ, конечно, не за что..... дѣлю въ томъ, что Цецилія на возвратномъ пути въ замокъ чуть не погнбла: лошадь понесла ее, и вы, разумѣется, уже догадались, что является печальный избавитель, который застрѣливаетъ лошадь на самомъ краю глубокаго оврага, куда бѣшеная неслась со всѣхъ ногъ и куда еще легче могла свалиться убитая. Этотъ избавитель, искусный стрѣлокъ, — Испанецъ, графъ Санта-Ферра, который такимъ образомъ очень натурально входитъ въ домъ мосё Белё. Во второмъ актѣ, черезъ двѣ недели, рѣченный графъ уже воспользовался плодами своего человѣколюбиваго подвига: онъ уже на дружеской ногѣ съ Цециліей и въ-особенности съ мосё Белё, который во зло употребляетъ права слѣпаго. Графъ Санта-Ферра, въ качествѣ избавителя, разумѣется, влюбленъ въ избавленную. Но правила у него совсѣмъ не такія какъ у робкаго соперника: онъ намѣренъ жениться на Цециліи именно потому, что она гораздо богаче его. Все идетъ согласно съ его желаніями: мосё Белё долгомъ почитаетъ отдать избавленную избавителю, какъ собственность, которою тотъ завладѣлъ по праву человѣколюбія. Цециліи очень лестно быть графинею Санта-Ферра и онъ спѣшитъ бракомъ. Ждутъ только возвращенія мадамъ Моренъ. Наконецъ мадамъ Моренъ возвращается. Ей представляютъ Испанца. — Ахъ!..... это онъ! вскрикиваетъ она. — «Милліонъ бочекъ чертей! бормочетъ онъ: эта женщина здѣсь! Если она проболтается, я пропалъ». Въ надеждѣ принудить мадамъ Моренъ къ скромности, графъ Санта-Ферра тайно приходитъ къ ней для объясненія, изъ котораго явствуетъ, что онъ, мнимый графъ Санта-Ферра, очень коротко знакомъ испанской полиціи подъ именемъ мошенника

Сантарема и что мнимая мадамъ Моренъ — ибкая графиня д'Альтони, ибкогда оболъщенная этимъ мошенникомъ. Слѣдовательно, онъ и она должны находить взаимную выгоду въ скромности. Но Цецилія, которой такихъ выгодъ въ этой добродѣтели не представляется, имѣла похвальную привычку подслушивать у дверей. Она подслушала тайну и, когда пришелъ нотаріусъ съ брачнымъ контрактомъ, не подписываетъ, отвѣчаетъ: нѣтъ! Каторжникъ Санта-Ферра полагаетъ, что графиня-домоправительница, несмотря на условіе, проговорилась, и, чтобы отомстить ей, тутъ же, во всеуслышаніе объявляетъ ея подлинное имя. При этомъ извѣстїи на слѣпаго находятъ столбнякъ. — Графиня д'Альтонп! моя жена! кричитъ онъ: о ужасъ! о мерзость! вонъ! вонъ отсюда! — Потомъ онъ, по привычкѣ, падаетъ въ обморокъ. Тайна разоблачена. Мосё Белё не кто иной какъ графъ д'Альтони, котораго супружескія бѣдствїя заставили укрыться въ неизвестности подъ чужимъ именемъ. Супруга его, преступная, покающаяся, воспользовалась его слѣпотой, чтобы приблизиться къ нему въ качествѣ служанки. Развязку всего этого не трудно предвидѣть. Мосё Белё доходитъ наконецъ до убѣжденїя, что преступная жена десятилѣтнею преданностью заслужила прощенїе. Жоржъ убиваетъ мошенника Сантарема въ честномъ поединкѣ и женится на скромной Цециліи.

Паденїе драмы было великолѣпно и шумно, совершенно соотвѣтственно тяжести четырехъ актовъ.

2. *Une Maitresse de Maison*, *Хозяйка*, водевилъ въ двухъ актахъ, господъ *Mélesville*'я и *Carrouche*'а.

Мамзель Лаура де-Вильбланшъ горько жалуется своей тѣткѣ на поверхностное воспитанїе, которое получаютъ благородныя дѣвицы въ пансіонахъ. Имъ не сообщаютъ, говоритъ она, множества вещей, которыхъ знанїе было бы чрезвычайно полезно въ жизни. Такъ, напримѣръ, вступая въ свѣтъ, онѣ рѣшительно не имѣютъ никакого понятїя объ обязанностяхъ хозяйки дома. По поводу этихъ замѣчанїй тѣтка вручаетъ племянницѣ бразды хозяйственнаго правленїя на одинъ день, въ видѣ опыта. Чтобы достойнѣе исполнить трудный подвигъ, мамзель Лаура облекается въ тѣтушкину маантилю, въ капоть съ фалбалами, въ огромный чепецъ съ бантами и вооружается кормиломъ правленїя, большою связкою ключей. Въ этомъ всеоружїи застааетъ ее гость, молодой сосѣдъ, котораго она давно «примѣтила» и давно втихомолку любить и который является именно затѣмъ, чтобы просить ея руки. Имя ему — Людіи де-Тулонжагъ. Мамзель

Лаура, въ образѣ тётки и въ качествѣ хозяйки, принимаетъ его сама, закрывасть лицо вѣеромъ, кашляетъ, крихтитъ, качаетъ головой и нищитъ такъ, что влюбленный соедъ принимаетъ ее за неподдѣльную тётку и приступаетъ прямо къ дѣлу съ требованіемъ. Временная хозяйка говоритъ о чести, которая оказывается племянницѣ и приглашаетъ жениха на обѣдъ вмѣстѣ съ его дядею. Къ несчастію, однако жъ, оказывается, что этотъ дядюшкѣ Тулонжанъ, и тётушка, мадамъ де-Вильбланшъ, питаютъ другъ къ другу древнюю непримиримую ненависть, ненависть самую ужасную, потому что она порождена любовью, сорокъ лѣтъ назадъ. Никто изъ нихъ первый не подаетъ руки на миръ. Однако жъ мамзель Лаура беретъя устроить дѣла. Она увѣряетъ тётушку, что старый маркизь расположенъ явиться съ повинною. Люцій, съ своей стороны, увѣряетъ дядю, что мадамъ де-Вильбланшъ готова сознаться въ своей несправедливости. Эта двойная хитрость приводитъ старинныхъ враговъ на очную ставку. Но и тотъ и другая, укрѣпившись за баціонами своего самолюбія, напрасно выжидаютъ капитуляціи противной стороны, утомляютъ другъ друга, оскорбляютъ, ссорятся снова и дѣло запутывается пуще прежняго. — Увы! ах! дѣдушка, что вы надѣлали! кричитъ Люцій: я хотѣлъ жениться на мамзель Лаурѣ, а вы все дѣло испортили, хоть брось! — Дядюшка успокоиваетъ племянника и беретъ все на свою отвѣтственность. Онъ намѣренъ жепить племянника во что бы то ни стало, на зло непріятельской сторонѣ. Для этого онъ, въ качествѣ древняго волокиты, не находитъ средства лучше похищенія. Чтобы исполнить благонамѣренный замыселъ, онъ лично прокрадывается тайкомъ въ домъ мадамъ де-Вильбланшъ, но вмѣсто спальной племянницы попадаетъ въ спальню тётки, которая поднимаетъ такой крикъ, что весь домъ сбѣгается. Маркизу грозитъ скандалѣзная тяжба, если онъ тутъ же не женится на женщицѣ, которой добрую славу осмѣлился подвергнуть опасности. Маркизь де-Тулонжанъ шестьдесятъ лѣтъ прожилъ на свѣтѣ холостякомъ для того только, чтобы наконецъ жениться на пятидесяти-девяти-лѣтней мадамъ де-Вильбланшъ! Это, конечно, горько. Но что жъ дѣлать? надо покориться судьбѣ. Маркизь покоряется... разумѣется, только для виду. Въ рѣшительную минуту онъ, неизвѣстно какъ, подставляетъ за себя племянника. Племянникъ долженъ искупить дядюшкинъ грѣхъ. Несчастный, конечно, не выдержитъ такого испытанія. Онъ погибнетъ въ цвѣтъ лѣтъ. Но мадамъ Вильбланшъ, узнавъ о продѣлкѣ, въ свою очередь также подставляетъ за себя пле-

живицу и устраивая счастье молодыхъ людей, благородно мститъ старому врагу, какъ великодушная побѣдительница.

По причинѣ относительнаго вѣсу двухъ актовъ, паденіе было не столь шумно.

3. *La Pluie et le Beau temps, Пенастье и Хорошая погода*, вошедши въ одномъ актѣ, господь *Dennery* и *Hostein'a*.

Нѣкій графъ, старый Нѣмецъ, очень старый, очень безобразный, женился на молоденькой и хорошенькой женщинѣ, которая, разумѣется, терпѣть его не можетъ. Съ-нѣкоторыхъ-поръ она даже очень осызательно даетъ ему чувствовать это, но старый Нѣмецъ всю бѣду сваливаетъ на погоду. Когда у графини нервы раздражены, когда она хмурится или плачетъ, ему кажется, это оттого, что на дворѣ идетъ дождь и небо заволакиваетъ тучами; когда она смѣется, онъ думаетъ, это оттого, что солнце свѣтитъ ясно. Наступаетъ осень. Старый мужъ боится, чтобы женнино расположеніе духа изъ «перемѣннаго» не установилось совершенно на «бурѣ», и призываетъ доктора. Докторъ, Клаудиусъ, человѣкъ бывалый: онъ не вѣритъ ни въ мигрени ни въ спазмы и ни въ какія маленькія болѣзни, изобрѣтенныя женскимъ кокетствомъ. Поэтому ему не трудно отыскать настоящую причину подвижности барометра молодой графини. Однако жъ на вопросы графа онъ не даетъ ни какого объясненія и только говоритъ, что усилія медицины будутъ тщетны. Между-тѣмъ графъ непремѣнно хочетъ, чтобы жена его была здорова, и обѣщаетъ доктору, въ награду, доставить мѣсто лейбъ-медика при Дворѣ. Докторъ рѣшается предпринять трудное леченіе. Онъ уже знаетъ, что хмѣру и ведро изображаетъ молодой секретарь графа, юноша сентиментальный и робкій, который вовсе не знаетъ, что его любить и что его присутствіе и отсутствіе имѣютъ такое сильное вліяніе на расположеніе духа графини. Докторъ Клаудиусъ, помимо графа, рѣшается удалить мосьё Жюлю совѣтъ и именно волею самой графини. Это, конечно, трудновато и, кажется, почти невозможно. Однако жъ докторъ такъ хитеръ и ловокъ, что побѣда остается за нимъ. Графиня почти сама выдумываетъ доставить Жюлю мѣсто секретаря при посольствѣ. Правда, супружеская честь графа не остается совершенно невредимою: уѣзжая, мосьё Жюль увозитъ незаконный поцѣлуй, но зато онъ воротится не скоро, а графиня вылечивается отъ спазмовъ и мигреней, если не совѣтъ удовлетворительно, такъ крайней-мѣрѣ довольно сносно.

Паденія не было: водевилъ тихонько съѣлъ. Digitized by Google

4. La Gloire et le Pot-au-Feu, Слава и Кострюля, водевилъ въ одномъ актѣ, господь Баяра и Курси.

Дѣло идетъ о «снѣмѣ чулки», который, старая жаждою славы, презираетъ прозаическія занятія по хозяйству и заставляетъ своего мужа играть разныя глупыя роли повара, лакея, няньки и такъ далѣе. Подробнѣйшія свѣдѣнія о содержаніи этого водевиля, любопытныя могутъ почерпнуть во второмъ томѣ этого журнала, въ статьѣ «Французскій театръ въ Парижѣ», на страницѣ 73. Мосей Баяръ, откровенно признавшись себѣ, что творческая сила драматической поэзіи уже израсходована у всѣхъ нынѣшнихъ драматурговъ, почти такъ же какъ у него, рѣшился возобновить свое старинное произведеніе, le Mari d'une Muse, и пустить въ ходъ подъ другою вывѣскою. Но подогрѣтое кушанье не укрѣлось подъ новымъ соусомъ, — по недостатку соли. «Слава и Кострюля» не прибавила ничего ни къ славѣ ни въ кострюлю автора. Водевилъ сѣлъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Новые успѣхи господини Лихтенталя въ устройствѣ фортепіанъ и ролей возбуждаютъ теперь общее любопытство здѣшнихъ любителей музыки. Послѣднія его четверугольныя фортепіаны звучностью не уступаютъ лучшимъ ролямъ, а качествомъ звуку даже превосходятъ ихъ: въ «Севильскомъ цирюльникѣ», госпожа Виардо-Гарсія, чтобы аккомпанировать себѣ въ романсахъ, всѣмъ ролямъ предпочитаетъ теперь лихтенталевское четверугольное фортепіано; зрители почти и не замѣчаютъ, что она играетъ не на роляхъ: такъ звученъ и хорошъ этотъ инструментъ. Рядомъ съ этимъ усовершенствованіемъ четверугольныхъ фортепіанъ, господинъ Лихтенталь произвелъ настоящій переворотъ въ устройствѣ ролей: послѣдніе роляи его совершенно затмили или, правильнѣе, заглушили все, что донынѣ построено въ этомъ родѣ. Сила ихъ звуку, въ полномъ смыслѣ слова, необычайна: рѣшительно, это — колоколъ Ивана Великаго съ клавиатурою. Форма также необычайна, но при всемъ томъ очень красива: вмѣсто одного «вырѣзу» эти инструменты имѣютъ два вырѣза, и «хвостъ» находится не съ лѣвой стороны, но по-серединѣ инструмента. Струны на резонансовой доскѣ скрещены и, вообще, гораздо толще обыкновенныхъ. Это устройство придаетъ ролю громовую звучность при сильномъ ударѣ въ клавиши, между-тѣмъ какъ при легкомъ touché толстыя струны приобрѣтаютъ удивительную пѣвучесть и способны къ самому нѣжному pianissimo. Музыкаль-

ныя средства роялей умножены такимъ образомъ до неограниченности: сколько различныхъ степеней звуку, между этими оглушительнымъ fortissimo и этими воздушнымъ pianissimo! сколько новыхъ средствъ къ экспрессии и къ разнообразію вкусу! Басы этихъ роялей — изумительной полноты и силы. Среднія октавы чудесны. Втеченіи декабря мѣсяца господинъ Лихтенгаль пригласилъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ присутствовать при испытаніяхъ новыхъ роялей: въ одномъ изъ этихъ интересныхъ собраний, мы имѣли удовольствіе слышать на новомъ роялѣ господина Лихтенгала игру новаго на здѣшнемъ горизонтѣ шансиста, господина Фракмана, московскаго уроженца, недавно переселившагося въ Петербургъ. Господинъ Фракманъ, который, при удивительной ловкости исполненія, при выразительности игры огненной, одушевленной, исполненной превосходнаго чувства, обладаетъ еще необыкновенною силою для пассажей forte, сидя за этимъ роялемъ, въ шумныхъ мѣстахъ фантазій Тальберга и Леопольда Мейера совершенно походилъ на сиракузскаго тирана, разъяжающаго въ бронзовой колесницѣ по желѣзному мосту, брошенному черезъ морской проливъ, чтобы заглушить гремы Юпитера-Тученосца. Господинъ Фракманъ не только первоестественный пианистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличный музыкантъ и человекъ съ образованнымъ и пріятнымъ обращеніемъ. Какъ онъ посвятилъ себя преподаванію уроковъ и аккомпанируетъ чудесно, то любители и любительницы фортепианной музыки въ здѣшней столицѣ пріобрѣли въ лицѣ его драгоценнаго наставника и помощника въ своихъ гармоническихъ удовольствіяхъ.

— Возлѣ новыхъ удивительныхъ роялей господина Лихтенгала, достойны особеннаго вниманія не менѣе удивительные результаты, полученные по части усовершенствованій мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ господиномъ Гиберомъ, преемникомъ Регезера (Регезеръ и Комп., въ домѣ Алексѣева, противъ Михайловскаго Манежа). Рожки и волторны, съ цилиндрами вмѣсто клапановъ, уже и у насъ введены въ большей части полковыхъ оркестровъ: инструменты этого роду дѣлали уже два или три года здѣшніе мастера, въ подражаніе берлинскимъ и по образцу парижскихъ инструментовъ Сакса. Музыканты, сравнивая ихъ съ прежними, были въ восхищеніи. Но въ музыкальномъ и акустическомъ отношеніяхъ всѣ эти усовершенствованія далеко не достигали своей цѣли. Волторны, рожки, трубы и вообще всѣ кривые мѣдные инструменты тогда только будутъ имѣть право на совершенство, когда они, какъ чистотою, ясностью и полно-

тою звуку такъ и легкостью амбушюра, сравниются съ прямою мѣдною трубою. Всѣ новѣйшіе кривые мѣдные инструменты съ цилиндрами, при всѣхъ преимуществахъ своихъ передъ прежними клапанными, не могутъ похвалиться этими вожделѣнными достоинствами. Господинъ Гиберъ, трудившійся при постройкѣ духовыхъ регистровъ въ знаменитомъ клави-оркестрѣ, рѣшился примѣнить приобретенныя здѣсь свѣдѣнія и обширную опытность къ улучшенію мѣдныхъ кривыхъ инструментовъ. Успѣія его увѣличались превосходнымъ успѣхомъ. Послѣ многочисленныхъ опытовъ, этотъ искусный инструментальный мастеръ успѣлъ придать рожкамъ съ цилиндрами, волторнамъ и трубамъ, звукъ невыразимо чистый, звонкій и полный, съ чрезвычайно легкимъ амбушюромъ и, что еще примѣчательнѣе, съ сохраненіемъ прежней скалы. Саксъ и другіе усовершенствователи принуждены были измѣнить скалу, что приводитъ полковыхъ музыкантовъ въ большое затрудненіе, поставляя грубые ихъ пальцы въ необходимость мучительно привыкать къ другому *doigté*. Нѣсколько такихъ мѣдныхъ кривыхъ инструментовъ, построенныхъ господиномъ Гиберомъ и приобретенныхъ роговымъ хоромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго Полка мгновенно отличились на разводѣ красотою своего звуку отъ всей толпы другихъ мѣдныхъ инструментовъ, почитавшихся донынѣ за отличнѣйшіе, и обратили на себя вниманіе вышшаго военнаго начальства. Оркестръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго Полка скоро будетъ имѣть цѣлый хоръ этихъ превосходныхъ инструментовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе полковые оркестры въ непродолжительномъ времени обогатятся ими, и что слава петербургскихъ инструментовъ господина Гибера сдѣлается европейскою: онъ попалъ на настоящій путь усовершенствованій, отгадалъ и нашелъ истинную точку, изъ которой происходили всѣ неудобства прежняго устройства.

— Какія же еще другія могутъ быть музыкальныя новости?... Другихъ, кажется, нѣтъ никакихъ, кромѣ пѣнія, пѣвцовъ и итальянской оперы. Но что можно сказать новаго о пѣніи и пѣвцахъ? Партиціи и таланты тѣ же самыя, или почти тѣ же какъ въ двѣ прошедшія зимы. Правда, что не о всѣхъ мы здѣсь говорили. Такъ перечтемъ, для аккуратности, все по порядку.

Ныѣншнее *stagione* открылось чрезвычайно просто, сочиненіемъ Доницетти «*Linda di Chamounix*». Эта партиція и въ прошломъ году не имѣла большаго успѣху, даже съ помощію сивьорины Альбони. Партию Улануэ нынче пѣлъ сивьоръ Бенедетти.

Объ Альбони мы, кажется, никогда не говорили, не желая

мѣшать блаженству тѣхъ, кого она приводила въ восторгъ. Но теперь, какъ ея нѣтъ, можно сказать откровенно, что она пѣла очень плохо. Поклонники ея «таланта», вѣроятно смѣшивали пѣніе съ голосомъ, искусство съ инструментомъ. Инструментъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенный. Альбомъ... какъ бы вамъ сказать?... это—контральный Брейтингъ: женскій голосъ не можетъ быть сильнѣе, звучнѣе, голосистѣе. Горло ея — настоящая труба. Но, въ художественномъ отношеніи, эта труба представляла весьма важные недостатки. Собственно, по натурѣ музыкальныхъ дѣлъ *сего свѣта*, для контральто не требуется такой массы звуку. Тембръ контральто долженъ быть мягче, звукъ, при всей полнотѣ—безъ рѣзкости. Но этотъ вопросъ акустической эстетики можно еще предоставить рѣшенію частныхъ вкусовъ. Коренной недостатокъ въ инструментѣ этой пѣвицы—другой, и, къ сожалѣнію, по-важнѣе. Не знаю, знаете ли вы, но это дѣло довольно извѣстное свѣту, что голосъ человѣческой есть произведеніе двухъ вибрирующихъ губокъ, называемый *вокальными струнами* и помѣщенныхъ въ гортани, *larynx*. Ихъ можно и устроить искусственно, натянувъ на отрубкѣ какой-нибудь трубочки два кусочка тонкой резины, такъ чтобы края губокъ были очень сближены между собою, но ни какъ не касались другъ друга, особенно по-серединѣ. Подуйте тогда ртомъ на эти губки, или пустите на нихъ искусственный вѣтеръ изъ раздувальнаго мѣха: онѣ издадутъ звукъ, похожій на человѣческой голосъ или на голосъ какого-нибудь животнаго; это, съ одной стороны будетъ зависетьъ отъ положенія и отъ степени напряженія губокъ, а съ другой, отъ силы и ровности пускаемаго вѣтру. Опытъ этотъ такъ простъ, такъ легко дѣлается, что каждой можетъ повторить его: потѣха необыкновенно мила и занимательна. При уменьшеніи длины щели, образуемой губками, тонъ становится выше и выше. Одна губка, при изданіи хорошаго голоса, всегда напряжена болѣе нежели другая: если одна къ другой находятся, относительно къ напряженію, въ пропорціи натуральной квинты, голосъ бываетъ самый чистый и самый полный. Но голосъ производится только одною изъ губокъ: обыкновенно одна только вибрируетъ и образуетъ звукъ; другая должна *шевелиться*, а не вибрировать звучно. Когда вибрируетъ губка менѣе натянутая, — слѣдовательно, болѣе растягивающаяся отъ умереннаго вѣтру, — и, слѣдственно, длиннѣе сама собою, — тогда слышатся низкія, *грудныя* ноты, возвышающіяся по мѣрѣ сокращенія свободной между губками щели: такимъ образомъ губка эта можетъ постепенно издать тоны цѣлой квинты, даже

цѣлой октавы. Когда напротивъ вибрируетъ губка болѣе натянутая, менѣе податная, менѣе способная удлиняться отъ вѣтру, вы получаете высшіе грудные тоны, которые свободно могутъ по тому же способу пройти вверхъ полную квинту. Когда, наконецъ, обѣ губки имѣютъ одинаковое напряженіе и обѣ вибрируютъ, но вибрируютъ *согласно*, въ одинъ тонъ, слышится «фистульный или такъ-называемый *головной* голосъ». Но бываютъ губки, отъ природы такъ дурно сложенныя, такъ веровно сближающіяся, что, даже при разномъ напряженіи той и другой, вибрируютъ звучно обѣ вдругъ, обѣ издають звукъ, и вы слышите, или двѣ различныя ноты или вмѣсто двухъ одну, среднюю между двумя, дрожашую, производящую «хлопанія», *battements*, *Schwebungen*, какъ двѣ дурно настроенныя однотонныя струны или «лейты». Такое горло надо бросить или, лучше, заткнуть: въ такой гортани есть уже органическій порокъ, несправимый ни какимъ искусствомъ, никакимъ ученіемъ; губки дурно настроены отъ рожденія, инструментъ — не музыкальный, не приѣмлется въ искусствѣ. Тутъ всё оправданія напрасны: *гортань разстроена* — бракъ! — не годится! У госпожи Альбони именно поминутно слышны два тона въ одной нотѣ, «хлопанія» двухъ несогласныхъ звуковъ, «фальшивыя звуковыя вибраціи». При такихъ гортанныхъ губкахъ, если усилить вѣтеръ черезъ мѣру, можно получить нижнія ноты съ сухимъ и жесткимъ тембромъ сердитаго мужскаго крику, тоже весьма не музыкальнымъ, вовсе не художественнымъ: такія точно были нижнія ноты госпожи Альбони, *sol*, *la*, *si*, *do*, *re*, даже *mi* и *fa*: но тутъ уже начинались хлопанія. Притомъ же, когда ей удавалось приводить въ вибрацію только одну гортанную губку и издавать чистый тонъ, хорошій музыкальный голосъ, этотъ голосъ былъ необработанъ и отзывался неопытностью начинающей пѣвицы. Впрочемъ, по части пѣвицъ, для возбужденія восторговъ, лучше начпать чѣмъ оканчивать. Конецъ-концовъ, въ женщинѣ такая сила голосу изумительна, это, нѣкоторымъ образомъ, оправдываетъ энтузіазмъ и аршинные вѣйки; но, музыкально, хорошаго тутъ ничего не было, а акустически — плохой былъ вокальный инструментъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ госпожа Альбони находилась въ Берлинѣ, куда опередила ее пріобрѣтенная въ Петербургѣ колоссальная слава. Сибьорнна Альбони давала тамъ концерты: по музыкальнымъ газетамъ, въ первомъ, зала была полна; во второй никто не пошелъ. Въ Лейпцигѣ, напротивъ, она, какъ увѣряютъ, произвела *furore*.

Мѣсто Альбони заступила госпожа Виетти. Знатки видятъ въ

ея музыкальномъ талантѣ прекрасную школу пѣнія, ту старую, хорошую итальянскую школу, которая столько произвела — знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, такъ уже рѣдко, увы! встрѣчаемыхъ теперь. Метода пѣнія госпожи Виетти исполнена чувства и выразительности. За эти важныя художественныя достоинства можно простить нѣкоторые недостатки въ инструментѣ.

Голосъ господина Бенедетти слабъ и еще мало обработанъ. До игры мы не касаемся: мы говоримъ здѣсь только о музыкѣ и музыкальныхъ дѣлахъ. Актеръ намъ не принадлежитъ: мы беремъ только виртуоза, по старинному обычаю этой рубрики «Смѣси». Оттого мы умалчиваемъ и о всемъ томъ, что относится къ представленіямъ.

Слабость наша къ голосу госпожи Каstellанъ извѣстна, и намъ очень пріятно было читать въ англійскихъ газетахъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ имѣла она такой колоссальный успѣхъ въ Лондонѣ возлѣ синьоры Персіани и синьоры Гризи. Персіаниоты были на нее въ бшенствѣ: это — хорошій признакъ. Этотъ чудесный голосъ не достаточно оцѣненъ здѣшними диллетантами. Что касается до искусства, то чистота и вкусъ пѣнія госпожи Каstellанъ — восхитительны. Особенно тамъ, гдѣ требуется болѣе нѣги чѣмъ выраженія, болѣе блеску чѣмъ энергіи, госпожа Каstellанъ превосходна. Какъ Линда, она удивительно хороша. Въ Лукреціи Борджіа ей часто недостаетъ нужной силы голосу, столь необходимой для этой трудной партіи, и нѣрѣдко физическихъ средствъ: это — партія для Пасты. Госпожа Каstellанъ, однако жъ, поетъ эту партію прекрасно; особенно мила она въ первой аріи (*Come è bello*). Въ неподобномъ тріо втораго акта (*Guai, se ti sfugge un porto*), она обворожительна. Но въ финалѣ, напримѣръ, перваго акта, гдѣ, оскорбленная молодыми друзьями Дженара, Лукреція сопротивляется дерзкимъ наглцамъ; гдѣ, произнося свое страшное имя, поетъ «Ah! no, no! non udigli, Genaro!», и готова, кажется, въ прахъ обратить своихъ оскорбителей, тутъ госпожа Каstellанъ бываетъ болѣе похожа на невинную и робкую дѣвушку съ сладкимъ какъ сахаръ голосомъ, нежели на дикую, безстыдную Лукрецію, достойную сообщницу своего отца, Александра Шестаго. Та же самая несоразмѣрность силы голосу съ характеромъ музыки замѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Семирамиды». Но, всё-таки, повторяемъ, госпожа Каstellанъ — истинная артистка, прекрасная пѣвица, съ рѣдкимъ голосомъ, и по обширности и по красотѣ его, истинно художественной. Качества этого голосу — въ высшей степени музыкальныя, и нигдѣ это не

обнаруживается так торжественно, какъ въ музыкѣ, истинно музыкальной, въ «Донъ-Жуанъ» напริมѣръ, гдѣ она поетъ партію Анны совершенно очаровательно. Метода госпожи Кастелланъ принадлежитъ къ школѣ, немощно строгой, на которую имѣлъ сильное вліяніе Керрубини: многіе несправедливо принимаютъ это за холодность, между-тѣмъ какъ въ пѣніи этой отличной артистки очень много чувства. Если бы оно не было такъ выглажено и утончено слишкомъ суровымъ вкусомъ, оно поражаело бы слушателей гораздо скорѣе и рѣзче. Нынѣшняя болѣзнь ея истинное музыкальное несчастіе.

Таланту госпожи Виардô-Гароин, была здѣсь нѣкогда посвящена довольно обширная статья. Къ похваламъ даннымъ за два года, трудно было бы теперь что-нибудь прибавить. Эта безподобная пѣвица, напротивъ, обладаетъ въ своемъ талантѣ всею, что сильно дѣйствуетъ на публику. Она поетъ все, даже вещи невозможныя, — мазурки Шопена, — поетъ все съ ловкостью, граціей, умомъ, кокетствомъ, эффектомъ несказаннымъ. Въ нынѣшнемъ году она лебютировала въ премиленькой опереткѣ Доннцетти, «Донъ-Паскуале». Восторгъ зрителей, при видѣ своей любимой артистки, превосходилъ всякое описаніе: рукоплесканіямъ и неистовымъ крикамъ не было конца; вѣнки и букеты сыпались градомъ. Госпожа Виардô пѣла, какъ и всегда, совершенно очаровательно: что жъ болѣе этого можно вамъ сказать?

Партію Эрнеста пѣлъ въ этой второй оперѣ новый теноръ, господинъ Боріони. При первомъ его появленіи, чуть только раскрылъ онъ ротъ, слышались въ публикѣ самыя разногласныя мнѣнія: одни хвалили, другіе охуждали; были даже и такіе, что, просто, сердлись, зачѣмъ Боріони — не Рубини; а нѣкоторые и предпочитали пѣніе Унануэ, который, въ эту минуту, слыветъ въ Миланѣ великимъ теноромъ — бѣдный Милапъ! Эти неумѣстныя сравненія съ Рубини, пѣвцомъ, которому подобнаго долго еще ждать Европѣ, номѣшали многимъ оцѣнить по достоинству пріятный талантъ господина Боріони. Между-тѣмъ качество голоса этого артиста должно было бы поразить всякаго, если бы мы болѣе обращали вниманія на качество нежели на количество. Тембръ этого тенора удивительно музыкальный, рѣдкій между тенорами, которые почти всегда имѣютъ болѣе или менѣе тембръ сухаго крику. Голосъ господина Боріони, не спленъ, но прекрасенъ, чистъ и полонъ тѣла. Интонація вѣрна, метода пѣнія весьма пріятна. Талантъ этого молодого пѣвца, уже и теперь весьма примѣчательный, обѣщаетъ еще

много въ будущемъ. Кто хочетъ истинно наслаждаться, тотъ долженъ оставить всё предубѣжденія и всё сравненія и умѣть открывать красоты въ предстоящемъ и подлежащемъ. Это относится, не только къ господину Боріони, но и къ музыкѣ оперы «Донъ Паскуале». У насъ почти никто и не замѣталъ, что это не доницеттievская музыка, а совсѣмъ другой родъ, другая система композиціи. Доницетти въ ней совершенно преобразовался. Гармоническіе эффекты и чрезвычайное богатство разнообразной инструментациі играютъ здѣсь едва-ли не главную роль, по крайней-мѣрѣ роль равную мелодіи: почти каждая фраза разобрана на инструменты, даже до изысканности. Послушайте только что это за музыка: вѣдь это соединеніе прекрасной простоты прежнихъ италіянскихъ композиторовъ, Чимарозы и Паизиелло, съ цвѣтностью веберовской инструментировки! Опера «Донъ-Паскуале» навѣрное любимая дочь Доницетти: она, признаемся, первая убѣдила насъ, что это — человекъ съ огромнымъ и разнообразнымъ талантомъ! Сколько разнообразныхъ эффектовъ слиянія голосовъ съ оркестромъ, сколько отдѣльных мѣстъ, превосходныхъ и достойныхъ особеннаго восхищенія. Финалъ втораго акта и весь третій актъ — одни изъ лучшихъ произведеній Доницетти, если только не лучшія. Можно ли найти что-нибудь прекраснѣе, какъ арія Норины (*So anch'io la virtù magica*), дуэттъ любовниковъ (*Torna mi à dir*), написанный въ родѣ баркароллы, дуэттъ на два баса (*Cheti, cheti, immantinente*) или роскошная серенада третьяго акта (*Come gentil*)?

Да вы этой музыки и не слыхали? Вы только хлопали.... ужъ я знаю кому! Послушайте еще разъ, да послушайте со вниманіемъ. Она вамъ покажется совсѣмъ новою; вы найдете ее свѣжѣе, моложе всѣхъ оперъ Доницетти. Въ ней несравненно болѣе и самобытности, и драматическаго характера, и связи музыки со словами. Слушая эту музыку, съ пріятностію освобождаешься отъ той монотонной формы, которая такъ овладѣла нынче росиніевскою школою, и отъ тѣхъ неизмѣнныхъ общихъ мѣстъ, такъ неумолимо повторяющихся во всякой оперѣ Доницетти.

Между-тѣмъ, *Elisir d'amore* всё-еще—любимая опера публики: да и то правда, что послѣ «Севильскаго цирюльника», трудно видѣть что-нибудь съ такимъ совершенствомъ исполняемое, какъ эта опера у насъ: Виардд, въ роли Адины, Тамбурни, въ роли сержанта Белькоре, Ровере въ роли Дулькамара — забавны донелья.

Наконецъ итѣмъ мы понятіе и о Вердѣ, изъ оперы его, *I Lombardi alla prima crociata*, «то есть», можемъ теперь смѣло сказать, что вовсе не знаемъ его какъ композитора, потому что эту оперу считаютъ за одну изъ самыхъ слабыхъ произведеній Вердѣ. Впрочемъ, хоры и марши обращаютъ на себя особенное вниманіе. Драматическій талантъ синьора Вердѣ, проявляется болѣе всего въ финалахъ. Финалы, первыхъ трехъ актовъ заслуживаютъ вниманія. Весьма понравилась нашей публикѣ интродукція, хоръ крестоносцевъ, романсъ (Видѣніе) господина Сальви, и прекрасное тріо, для тенора, баса и сопрано. Въ оперѣ этой замѣтна большая сноровка композитора, большое знаніе гармоніи и оркестрныхъ эффектовъ. Но мы не слышали ничего пѣвучаго, ничего такого, что бы говорило душѣ. Все основано на однихъ гармоническихъ и оркестрныхъ эффектахъ, на шумѣ, стукѣ, и громѣ. Видно подражаніе старой итальянской музыкѣ, видѣнъ Чимароза, но только Чимароза, подбитый Шпоромъ и заштопанный по локтямъ Мейерберомъ. Нѣмецкой публикѣ эта опера, вѣрно, очень нравится. Намъ хорошо известна партія Вердѣ, *Il Nabucodonosore*: тамъ также не видно нигдѣ творческаго таланта: все одинъ расчетъ науки, вездѣ одна спекуляція на оркестрные эффекты. Такія и имъ подобныя оперы приготавливаютъ упадокъ и пѣнію и драматической музыкѣ. Отъ такихъ-то оперъ въ Германіи никогда пѣть не умѣли, а въ Италиі, если только дѣло пойдетъ на ладъ, скоро пѣть разучатся. При разборѣ музыкальныхъ композицій, надо имѣть всегда на виду, что, во всякомъ произведеніи искусства, одно лишь то глубоко сотрясаеть слушателя, дѣйствуетъ на его нравственную сторону, и полезно самому искусству, что непосредственно изливается изъ души и разума автора, что прямо истекаетъ изъ сокровенной святости чувства, что, такъ сказать, единственно и исключительно принадлежитъ къ его нравственной организаціи. Напротивъ, все, что составляетъ результатъ соображеній и расчета, что направлено къ произведенію сильныхъ и неожиданныхъ эффектовъ, что, пѣкоторымъ образомъ, бываетъ только слѣдствіемъ усиленныхъ трудовъ и изученія искусства, все это, какого бы впрочемъ ни было достоинства и вѣсу, все это останется только однимъ тѣлеснымъ ощущеніемъ слуху и пропадетъ въ ухахъ безъ вѣсти.

Синьоръ Сальви, преемникъ Рубини,—это говорится безъ всякихъ сравненій,— въ этой піесѣ (*I Lombardi*) очень понравилась публикѣ. Голосъ у него прекрасный, звуки чистые, тембра хо-

рошій, но въ-особенности метода его пѣнія отличается полнотою чувства и экспрессіей. Господинъ Сальви, безспорно — перво-классный тенористъ, вдоль и поперекъ. Сосѣдъ мой по кре-сламъ, человекъ пожилой, нюхая табакъ, сказалъ мнѣ съ торже-ствующимъ видомъ: «То ли дѣло наши старики, Рубини, Тамбу-рини!... какая грудь!... въ иной разъ, какъ затянетъ ноту, такъ въ Оффенерской слышно!... театръ дрожить!... а этотъ!... слышите ли?... я не слышу!... вотъ нынѣшняя молодежь!» Эти безпрестанныя сравненія съ Рубини, сравненія такія неумѣстныя, такія въ ре-зультатѣ ложныя, много вредятъ у насъ полному торжеству гос-подина Сальви. Между-тѣмъ какъ онъ хорошъ тамъ, гдѣ Рубини бывалъ посредственъ, въ «Севильскимъ цирюльникъ» напиримѣръ! Въ нынѣшнемъ году «Севильскій цирюльникъ» дается въ Петер-бургѣ въ такомъ художественномъ совершенствѣ, какого, навѣр-ное, еще не видала Европа. Сальви — прелесть. Какъ солдатъ и какъ донъ-Алонсо. Тамбурини — воплощенный испанскій ци-рюльникъ, перлъ всей піесы. Віардъ-Гарсія — Розина Розинъ. Петровъ — донъ-Базиліо первого разбору; лучше нельзя быть. Рövere — отличнѣйшій донъ-Бартоло, несмотря на голосъ. И какъ все мастерски распѣто! Интродукція (Piano pianissimo), серенада (Ecco ridendo il cielo), дуэттъ Альмавивы съ Фигаро (All'idea di qual metallo), арія Розины (Una voce poco fa), дуэттъ ея съ Фигаро (Dunque io son), и послѣднее тріо (Ah! qual coïro) по справедливости восхищаютъ всю публику. «Севильскій цирюльникъ» прекраснѣйшее изъ прекраснѣйшихъ, остроумнѣй-шее изъ остроумнѣйшихъ произведеній новѣйшей музыки въ весе-ломъ родѣ. Но чтобы имъ вполне насладиться, чтобы слушать его дѣльно, надо понимать слова. Тутъ правда драматической музыки достигла высочайшей точки своей. Самъ Глюкъ не могъ бы переменить ни одной ноты: каждое слово, каждая шутка пе-редана музыкою,—и какъ еще передана! Знаете ли, однако жъ, какая арія едва-ли не прекраснѣйшая во всей піесѣ? какая лучше всѣхъ бываетъ у насъ распѣта?... Ну, да вы ея не слышали! Вы ничего не слышите. Если бы вы понимали слова, тотчасъ отвѣчали бы мнѣ: «Знаемъ, знаемъ: La Calunnia, «Клевета», которую поетъ Петровъ». Тутъ-то видно, что Россіини чувствовалъ не только каждое слово — но каждую букву въ словѣ; что онъ отдѣлялъ «Клевету» съ чувствомъ, съ любовью; что, шутя, смѣясь, игралъ, онъ адѣсь положилъ свою душу. Я не могу ни одного разу слу-шать этой аріи, всѣ ея тайныя горечи, все ея мщеніе, когда Пе-тровъ поетъ ее, чтобы морозъ не пробѣжалъ по всей моей кожѣ.

Онъ меня приводитъ въ ужасъ. Вотъ золотой донъ-Базиліо! Вотъ какъ задушевная мысль композитора можетъ быть выражена пѣвцомъ! Бросили ль вы хоть одинъ букетъ Петрову, хлопая безъ памяти грушечкамъ?...

— Мы сказали, что синьорина Альбони была осенью въ Берлинѣ и не очаровала тамошнихъ диллетантовъ. Безпристрастіе повелѣваетъ прибавить, что зато она очаровала лейпцигскихъ, которые, какъ видно, любятъ количество. По словамъ «Лейпцигской музыкальной газеты», она даетъ тамъ концерты и производитъ альбонибѣсіе. Еще тамъ восхищаются они прекрасною виолончелисткой, госпожею Кристіяни, тоже рѣдкимъ въ своемъ родѣ явленіемъ.

Это приводитъ меня, музыканта, въ такую досаду, что, на этотъ разъ, не хочу я болѣе разсуждать съ вами о нашей итальянской оперѣ, ничего не скажу вамъ ни о «Маріи ди-Роганъ», ни о «Храмовомъ рыцарѣ», ни даже о томъ, какъ мнѣ понравился Сальви въ «Лучіи»... Влюбился ли я въ него или нѣтъ?... это очень любопытно!... но не скажу!... ни за какія деньги не скажу!... буду мучить васъ, сударыни, цѣлый мѣсяцъ моимъ гробовымъ молчаніемъ... а тамъ увидимъ. Если не станете на меня сердиться... Ну, да объ этомъ послѣ! Будетъ еще довольно времени объясниться на-чистоту. Вѣдь уже я взялся писать для «Библіотеки для Чтенія» лѣтопись грѣшныхъ музыкальныхъ дѣлъ нашихъ; такъ буду болтать съ вами каждый мѣсяцъ. Полно, объ Италіянахъ. Посмотримъ что дѣлается за границею. Гдѣ Листъ?...

— Листъ... ахъ!... далеко отсюда... въ Веймарѣ: оттуда хочетъ поѣхать въ Вѣну.

— Верди изъ Италіи переселился въ Парижъ. Туда же пріѣхалъ на житье и писаніе и Англичанинъ Больфъ (Balfé). Тотъ будетъ сочинять для итальянской оперы, а этотъ для французской-комической. Въ Италіи послѣднія оперы Верди «Johanna d'Arc» и «Duc Foscari», имѣвшія сначала большой успѣхъ, начинаютъ уже упадать. Впрочемъ, причиной этого можетъ быть недостатокъ въ хорошихъ пѣвцахъ, которыхъ у Италіянецвъ похищаютъ нынче въ такомъ множествѣ европейскія столицы.

— Опера Франца Лахнера, «Catharina Cornaro», имѣетъ теперь во всей Германіи большой успѣхъ. Въ Берлинѣ она понравилась чрезвычайно.

— Въ Парижѣ, Италіянцы собираются дать комическую оперу лейпцигскаго капельмейстера Лорцинга «Zaag und Zimmermann», подъ новымъ заглавіемъ «Il Borgomastro di Saardam». Эту оперу

играли и у насъ, въ Петербургѣ, на Михайловскомъ Театрѣ, подъ заглавіемъ «Flandrische Abendheuer»; но по недостатку въ хорошихъ пѣвцахъ, она не имѣла здѣсь большого успѣху. Господинъ *Мажинскій* въ своихъ «Замѣткахъ изъ музыкальнаго путешествія по Германіи» подробно описываетъ представленіе этой оперы въ Дрезденѣ и очень хвалитъ композиторскій талантъ Лорцинга. Онъ говоритъ, что это единственный изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ писателей, который понимаетъ настоящій комическій стиль и пишетъ легко, въ родѣ Обера. Самъ Лорцингъ сказывалъ путешественнику въ Лейпцигѣ: «Je Vous avoue franchement que le véritable opéra-comique n'est pas du domaine des allemands... Ces gens-la ne comprennent pas le comique fin et délicat!... Ils veulent toujours que leur comique tranche un peu du paiazzo... Ce n'est pas notre terrain, monsieur!» Человѣкъ только съ истиннымъ талантомъ, можетъ между Нѣмцами сознаться въ такой истинѣ. Оперы Лорцинга носятъ на себѣ печать весьма оригинальнаго дарованія: всѣ онѣ имѣютъ ту легкость, ту остроту, ту аттическую соль, которыми отличаются итальянская опера buffa и французская комическая опера.

— Кажется, что Доницетти едва-ли не навсегда погибъ для искусства: онъ очень боленъ. Изъ Парижа пишутъ, что онъ до такой степени слабъ, что совершенно потерялъ память и врачи не подають надежды на выздоровленіе, развѣ ужъ если вовсе не станетъ онъ заниматься ни какой умственной работой. Состояніе его здоровья очень опасно. Не удивительно: въ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ *осемьдесятъ* оперъ!... Онъ намѣренъ отправиться въ Италію для радикальнаго леченія. Тутъ ужъ и разсуждать нечего. Requiescat in pace! Радикально залечать!

— Волторнистъ Vivier, который считается нынче первымъ виртуозомъ на своемъ инструментѣ, потому что *непостижимымъ* образомъ, то есть *непостижимымъ* собственно для господина Берліоза, который писалъ объ этомъ, а, впрочемъ, совершенно *постижимымъ* образомъ беретъ на волторнѣ полный аккордъ, добываетъ изъ нея вдругъ по три и даже по четыре ноты, — Вивіе былъ недавно въ Берлинѣ и до чрезвычайности восхитилъ всю тамошнюю публику. Тамъ говорилъ онъ, что отправляется къ намъ въ Петербургъ. Насчетъ же *непостижимости*, я желаю имѣть честь доложить вамъ, что, если кому угодно, Гиберъ тотчасъ сдѣлаетъ волторну, на которой вы возьмете полный аккордъ. Это зависитъ отъ особенной скалы, по которой инструментъ построень. Ученый изобрѣтатель клавн-оркестра, еще прежде чѣмъ слава заговорила о Вивіе, имѣлъ мысль ввести въ этотъ могучій ин-

струментъ кривыя мѣдныя трубы, дающія аккорды однимъ вѣтромъ, но потомъ оставилъ эту идею, но причинѣ затруднительной настройки такихъ трубъ, которымъ справедливо предпочесть прямыя и односложныя мѣдныя инструменты, какъ обладающіе самымъ чистымъ мѣднымъ звукомъ.

— Капельмейстеръ Добржинскій, изъ Варшавы, прославившійся своими музыкальными сочиненіями и въ Царствѣ Польскомъ и за границей, авторъ симфоніи, которая, нѣсколько лѣтъ тому, получила первую премію въ Вѣнѣ, давалъ недавно въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ концерты, о которыхъ съ восторгомъ говорятъ нѣмецкія музыкальныя газеты. Особенно понравилась, въ Лейпцигѣ, его фантазіи и импровизаціи на народныя темы. Въ этомъ концертѣ участвовала miss Dolby, о пѣніи которой отзываются нынче съ большими похвалами.

— Доннеръ перевелъ теперь на нѣмецкій языкъ трагедію Софокла «Эдипъ въ Колонѣ», а Мендельсонъ-Бартольди, по обыкновенію, придѣлалъ къ ней музыку. Блистательный успѣхъ «Антигоны» и «Меден» подаетъ надежду, что и «Эдипъ» будетъ хорошо принятъ. Въ первый разъ пьесу эту давали нѣраго ноября, въ понедѣльникъ, на придворномъ театрѣ.

— Скрипачъ Гейсъ или Гисъ (Ghys), котораго вы знаете, если вѣрить музыкальнымъ газетамъ, производитъ теперь шумъ въ Германіи. Его ставятъ на-ряду съ *первѣйшими изъ эссенуцкихъ виртуозовъ на скрипкѣ*. Ну, какъ послѣ этого вѣрить нѣмецкимъ музыкальнымъ газетамъ! Мы знаемъ хорошо господина Гейса: въ игрѣ его—весьма много достоинствъ, но онъ не умѣетъ владѣть собою, горячится, и играетъ не чисто: изъ десяти нотъ, у него, когда онъ пускается въ чувство, по-крайней-мѣрѣ одна бываетъ фальшивая.

— Сестрамъ Миланолло предурно везетъ въ Лондонѣ. Первый концертъ ихъ былъ дотога не многолюдный, что не было чѣмъ покрыть издержки. Объявили о второмъ концертѣ: едва нѣсколько билетовъ были проданы! Просто, несчастіе! Сестры Миланоло, имѣющія европейскую славу, давали по нѣскольку, даже по нѣскольку десятковъ концертовъ въ бѣдныхъ городкахъ Германіи, а въ богатой, золотой Англій, которая составляетъ себѣ въ обязанность осыпать гинееми знаменитыхъ артистовъ, въ Лондонѣ, сестры Миланолло не могли дать двухъ концертовъ! Конецъ свѣта и — концертовъ!

— Въ Парижѣ, теперь только и говорятъ что о новой постановкѣ на сцену образцоваго творенія Глука «Армиды». Ее да-

дууъ на придворномъ театрѣ въ Версаи. Король заказалъ для этой оперы новыя костюмы и новыя декорации, которыя, какъ сказываютъ, будутъ чрезвычайно дорого стоить. Госпожа Штольцъ займетъ главную роль. Представленіе однако жъ отложено до весны: къ этому времени ожидаютъ прибытія англійской королевы во Францію.

— Въ Вѣнѣ отырыли, наконецъ, мѣсто на кладбищѣ, гдѣ былъ похороненъ Моцартъ. Извѣстная вѣнская пѣвица госпожа Гасельтъ-Бартъ намѣрена, на свой счетъ, воздвигнуть на томъ же мѣстѣ, памятникъ.

— Леопольдъ Мейеръ, разбивъ всѣ фортепіаны въ Парижѣ и въ Лондонѣ, отправился въ Соединенные Штаты Америки и восхищается тамъ всѣхъ безъ-памяти уже седьмой мѣсяць. У Американцевъ уши крѣпки: въ Европѣ Леопольдъ Мейеръ восхищается столицей только семь дней.

— Въ Gazette Musicale находится для-желающихъ слѣдующее объявленіе: «M. Dreschke, professeur de musique et de chant, a trouvé le moyen sûr et infailille de former la voix humaine aussi forte, sonore et bien timbrée, qu'on puisse le désirer, et même de recréer la voix perdue, soit pour parler, soit pour chanter (!?). S'adresser chez lui, rue Thérèse, tou les jours, à deux heures».

— Для бенефиса заслуженнаго нашего артиста, Сосницкаго, приготовлена новая комическая оперетка «Пажі герцога Вандомскаго» слова—не знаю чьи—музыка Кажинскаго. Слышавшіе репетицію этой пьесы, весьма хвалятъ романсъ съ аккомпаниментомъ арфы, віолончели и волторны, который поетъ Н. В. Самойлова 1, ноктурнъ въ родѣ мазурки, и хоръ пажей на осемь женскихъ голосовъ. Бенефисъ Сосницкаго назначенъ 15 января. Кстати о герцогѣ Вандомскомъ: господинъ Романовичъ переводитъ на русскій языкъ занимательное «Музыкальное путешествіе В. М. Кажинскаго по Германіи». Сочиненіе, какъ слышно, должно вскорѣ поступить въ печать. Между-тѣмъ господинъ Кажинскій издалъ еще двѣ польки, «Краковскую» (тринадцатая) и «Арабскую» (пятнадцатая). Въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ недавно была помѣщена объ нихъ премилая статейка, которой въ самомъ дѣлѣ онѣ достойны. Мотивы ихъ удивительно милы: въ нихъ есть мысль теплая, оригинальная, исполненная любви, поэзіи, энтузіазма. Это настоящія двѣ маленькія поэмы. Всѣ вообще мотивы его полекъ прекрасны: онѣ такъ нравятся публикѣ, что господинъ Лядовъ составилъ изъ нихъ Quadrille-polka sur

les motifs favoris des Polkas de M. Victor Kalynski, и разыгрывалъ ее въ послѣднее время съ своимъ оркестромъ на придворныхъ балахъ съ великимъ успѣхомъ. Особенно примѣчательна его «Арабская полька»: видишь, кажется, Магомета, полькирующаго въ красныхъ шальварахъ съ царцею Сабою; интродукція очень удачно изображаетъ важность и гордость Востока, которыя далѣе превращаются въ страшный фанатизмъ къ полькированію: Аравія, Персія и Восточная Римская Имперія надѣваютъ турбаны и кружатся въ общемъ вихрѣ до обмороку. Восточный характеръ очень мило поддѣланъ въ мотивѣ, совершенно оригинальномъ. Господинъ Кажинскій, кажется, хочетъ посредствомъ полекъ написать «Руководство къ всеобщей географіи». Каждая его полька живописуетъ, и всегда весьма замысловато, характеръ особеннаго народа. Арабская полька въ оркестровкѣ производитъ чудный эффектъ: авторъ показалъ въ этой композиціи большое познаніе свойства различныхъ инструментовъ и гармоническихъ сочетаній. Мотивъ его «Краковской польки» одинъ изъ самыхъ прелестныхъ мотивовъ.

— Изъ новыхъ, полученныхъ здѣшними магазинами, сочиненій для фортепіано, если вы позволите подать себѣ смиренный совѣтъ, берите предпочтительно Листа *Соловей*, облегченный господиномъ Черлицикимъ, Леопольда Мейера «*Mahmoudieh, air guerrier des Turcs*», Калькбреннера *Fantaisie* (op. 178), Тальберга *Fantaisie brillante sur les motifs du Barbier de Séville*, и еще Тальберга *Fantaisie sur le Pré aux Clercs*. Это—самыя милыя новости.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

(Полученныя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера Библіотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ № 22.)

(Цѣны на серебро, и безъ пересмыки.)

=

- VIE DE ST. JULIEN ET DES AUTRES CONFESSEURS PONTIFES, ses successeurs, traduction des manuscrits inedit, par l'Abbé Voisin. Un vol. 8. Paris, 1845. (1 r. 70 c.).**
- MANUEL D'ICONOGRAPHIE CHRÉTIENNE GRECQUE ET LATINE, avec une introduction et des notes, par Didron. Un vol. 8. Paris 1845. (3 r.).**
- LOIS ORGANIQUES DU GOUVERNEMENT ET DE L'ADMINISTRATION DE LA FRANCE, par Poirel. Un vol. 8. Paris 1845. (1 r. 70 c.).**
- CODE DES PRISONS, ou Recueil complet des lois, ordonnances, etc.; concernant le régime interieur, économique et disciplinaire des maisons d'arets, etc., par Moreau - Christophe. Un vol. 8. 1845. (2 r. 57 c.).**
- DE LA PHILOSOPHIE ALLEMANDE. — Rapport à l'academie des sciences morales et politiques, précédé d'une introduction sur les doctrine de Kant, de Fichte, de Schelling et de Hegel, par Remusat. Un vol. 8. Paris 1845. (1 r. 70 c.).**
- L'ASSOCIATION DOUANIÈRE ALLEMANDE, pour Richelot. Un vol. 8. Paris 1845. (2 r. 15 c.).**
- BUFFON, HISTOIRE DE SES TRAVAUX ET DE SES IDÉES, par Flourens. Un vol. 12. Paris 1845. (85 c.).**
- L'ART D'ÉLEVER LES VERS À SOIE, par le Cte. Dandolo. Trad. de l'italien, revu et augmenté par Ph. Fontaneilles. 6e. edit. Un vol. 8 avec pl. Paris 1845. (2 r. 15 c.).**
- ESSAI SUR LE SYSTÈME SELURIEN DE L'AMÉRIQUE MÉRIDIIONALE, par Castelneau. Un vol. in 4. avec 27 planches. Paris. (7 r. 15 c.).**
- FLORE DES JARDINS ET DES GRANDES CULTURES, ou description des plantes, des Jardins, d'orangeries et des grandes cultures, leur multiplication, l'époque de leur fleuraison et de leur fructification et leur emploi, par Seringe. Un fort vol. 8. Paris 1845. (2 r. 57 c.).**
- DE LA FÉCONDATION NATURELLE ET ARTIFICIELLE DES VÉGÉTAUX ET DE HYBRIDATION, par Lecoq. Un vol. 12. Paris 1845. (1 r.).**
- BIBLIOTHÈQUE USUELLE DES MÉNAGES, manuel de toutes les maisons de ville et de campagne par Hilaire de Romilly. 4 vol. 8. ornés de planches. Paris 1845. (9 r. 15 c.).**
- LES MÉDECINS DE PARIS jugés par leur oeuvres ou statistique scientifique et morale des medecins de Paris, par Sachall. Un vol. 8. Paris 1845. (2 r. 57 c.).**

HYGIÈNE DE LA DIGESTION, suivie d'un nouveau dictionnaire des alimens, par Gaubert. Un vol. 8. Paris 1845. (3 r.).

MANUEL DE PHYSIOLOGIE, par Müller, trad. de l'allemand par Jourdan, 2 forts vol. 8. Paris 1845. (5 r. 70 c.).

TRAITÉ DE THÉRAPEUTIQUE GÉNÉRAL VÉTÉRINAIRE par Delafond. 2 vol. 8. Paris. 1845. (3 r. 40 c.).

ELEMENTS DE LA CHIMIE AGRICOLE ET DE CÉOLOGIE, par James et Johnston, trad. de l'anglais. Un vol. 12. Paris 1845. (1 r.).

HYGIÈNE DU CHANTEUR. — Influence du chant sur l'économie animale, etc., par Segond. Un vol. 12. Paris 1845. (1 r.).

SOLUTIONS RAISONNÉES DES PROBLÈMES D'ARITHMÉTIQUE et exercices de calcul, par Sonnet. Un vol. 18. Paris 1845.

COURS DE GÉOMÉTRIE DESCRIPTIVE, 2me. partie. Des courbes et des surfaces courbes, etc., en particulier, des sections coniques et des surfaces du second ordre, par Olivier. Un vol. in 4. avec atlas de 96 pl. Paris 1845. (5 r. 70 c.).

TABLEAUX DU SYSTÈME PLANÉTAIRE, par Dufour et Visconti. 7 feuilles gr. folio. Paris. (5 r. 15 c.).

MORALE MILITAIRE, par Desbordeliers. Un vol. 8. Paris 1845. (1 r. 40 c.)

TRAITÉ DE FORTIFICATION PASSAGÈRE, d'attaque et de défense des postes et retranchemens, par Fischmeister, trad. de l'allemand par Rieffel. Un vol. 8 avec atlas in folio. Paris 1845. (4 r. 25 c.).

THÉORIE MATHÉMATIQUE DU TIR À RICOCHET, suivie de tables pour les applications de ce tir, par Otto, trad. de l'allemand par Rieffel. Un vol. 8 avec pl. Paris 1845. (1 r. 70 c.).

ESSAI SUR LE MATÉRIEL DE L'ARTILLERIE DE NAVIRES de Guerrez par Charpentier. Un vol. 8. Paris 1845. (1 r. 70 c.).

ESSAI SUR LES EGLISES ROMANES ET ROMANO-BYSANTINES, par Maÿ. Un vol. folio avec 50 planches. (11 r. 43 c.).

LES PRINCIPAUX MONUMENTS, PALAIS, MAISONS DE PARIS, par Normand. Un vol. gr. in 8 avec planches. Paris 1845. (4 r.).

RAPPORT SUR LES MACHINES DU BRANDON, par Reech, in. 4. avec plan. Paris 1845. (4 r. 30 c.).

ÉTUDES CRITIQUES SUR LES FEUILLETONS — roman. Le juif errant. Les Mystères de Paris, etc. etc., par Nellement. Un vol. 8. Paris 1845. (1 r. 70 c.).

PREMIÈRES RUDIMENTS DE LA LANGUE CHINOIS. Un vol. 12 Paris 1845. (75 c.).

HISTOIRE DE L'EMPIRE OTTOMAN depuis 1792. Jusqu' en 1844, par Juchereau de St. Denys. 4 vol. 8. avec carte et portrait. Paris 1844. (8 r. 50 c.).

HISTOIRE DE L'AMÉRIQUE, par Robertson, trad. par Suard et Morellet. 2 vol. 12. Paris 1845. (1 r. 70 c.).

HISTOIRE DE LA VIE, des ouvrages et des doctrines de Calvin, par Andin. Nouv. édit. Un vol. 12. Paris 1845. (1 r.).

- HISTOIRE DE LA VIE, des ouvrages et des doctrines de Luther**, par Audin. 4e. édit. Un vol. 12. Paris 1845. (1 r.).
- DNS JUIFS EN FRANCE**, de leur état moral et politique depuis les premiers tems de la monarchie jusqu' à nos jours, par Hallez. Un vol. 8. Paris, 1845. (2 r. 15 c.).

Editions illustrées.

- LA BRETAGNE ANCIENNE ET MODERNE**, par Pitre-Chevalier. Un beau vol. gr. in 8. orné d'une quantité de gravures. Paris 1845. (5 r. 15 c.).
- LA BRETAGNE ET VENDÉE**, par Pitre-Chevalier. Un splendide vol. gr. in 8. Paris 1845. (5 r. 15 c.).
- LA NOUVELLE HELOÏSE**, par J. J. Rousseau édition illustrée de 250 beaux dessins, dont 25 à 30 tirés à part. 2 vol. gr. in 8. Paris 1845. (6 r. 40 c.).
- LE FOYER BRETON**, traditions populaires, par Souvestre. Un vol. in 8 orné d'un grand nombre d'illustrations. Paris 1845. (2 r.).

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Піесы для одного фортепіано.

- Alkan.** Le preux. Etude de concert, op. 17 (1 r. 43 c.).
- Bernard.** Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Pétersbourg, arrangés pour piano seul. № 17. Bellini. Air de la Norma «Casta diva.» (30 c.) № 18. Rossini. Trio favori du Barbier de Seville (50 c.). № 19. Donizetti. Romance de la Linda (30 c.) № 20. Donizetti. Romance de l'Elisire d'amore. (30 c.) № 21. Verdi. Air favori de l'opéra «I Lombardi» (50 c.) № 22. Donizetti. Cavatine de la Lucrezia. (50 c.) № 23. Donizetti. Sextor favori de la Lucrezia. (30 c.)
- Weyer.** Divertissement brillant sur des motifs de l'opéra Belisario de Donizetti. (75 c.)
- Deux morceaux de salon sur le Desert de David, op. 78. № 1. 2. (chaque à 85 c.)
- Chopin.** Valse brillante et favorite, op. 18. (Nouvelle édition). (85 c.)
- Deux mazurkas favorites (chantées par Mme Viardot-Garcia.) (60 c.)
- Damecke.** Cinq mélodies inédites, op. 26. № 1. Souvenir de Voyage

*N° 2. L'Espérance. N° 3. Chansonnette allemande. N° 4. Réverie.
N° 5. Barcarolle. (1 r. 30 c.)*

Dechler. Trois mazurkas, op. 53. (1 r. 72 c.) Andante sur une romance de l'opéra: Don Sébastien, op. 54. (1 r. 43 c.) Deuxième Ballade, op. 55. (1 r. 15 c.) La Carlotta, l'Elisa. Deux polkas favorites, op. 56. (1 r.) Douze Romances sans paroles, op. 57, liv. 1. à 4 (chaque 1 r. 58 c.) Deux fantaisies sur des motifs de l'opéra. «I Lombardi» de Verdi, op. 59. *N° 1 à 2.* (chaque à 1 r. 43 c.)

Flügel. Grande Sonate, op. 4. (3 r. 43.)

Gungl. Die proussische Parade. Grosses militairisches Marsch-Potpourri, op. 47. (1 r. 43 c.)

Herz. Les ramiers. Pièce de salon, op. 142. (75 c.) Latine. Valse brillante, op. 145. (60 c.)

Müntem. Fantaisie arabe sur l'air: Kradoudja, op. 136. (1 r. 43 c.) Feuilles d'automne. Deux fantaisies sur des motifs de Donizetti et Masini, op. 137. *N° 1 à 2.* (chaque à 1 r.)

Kalkbrenner. Les charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant, op. 174. (1 r. 72 c.) Le même Rondo avec accompagnement d'orchestre, op. 174. (3 r. 15 c.) Fantaisie brillante sur la Barcarole, opéra de D. F. E. Auber, sp. 176. 1 r. 43 c.) Grande Sonate brillante, (ded. à Thalberg). op. 117. (2 r. 29 c.) Fantaisie sur le célèbre air «Auld Robin Gray», op. 178. (1 r. 43 c.) Trois polkas originales: Laella, Anita et Mariquita. (85 c.) Souvenirs de Carlsbad, galop éternel. (85 c.) La solitude. Nocturne. (43 c.) Causeries de jeunes filles. Pensée fugitive. (30 c.)

Liszt. Czouzeñ, air russe de A. Allabieff, transcrit (nouvelle édition). (85 c.) le même facilité par I. Tscherrlitzky. (60 c.)

Mayer. Nocturne favori, op. 81. (60 c.) La Gentille. Valse brillante. (50 cop.)

Mendelssohn-Bartholdy. Chanson sans paroles. (Presto tiré du 6me cahier). op. 67. (50 c.)

Meyer. Leopold de, Machmudier, air guerrier des Turques, ou Marocaine, op. 22. (1 r. 15.) Bajazeth, air national des Turques, op. 23. (1 r. 15 c.) Fantaisie sur des motifs de la Lucrezia Borgia. op. 24. (2 r.) Le Carnaval de Venise, air favori varié. op. 31. (1 r. 15 c.) Grande fantaisie sur l'Elisire d'amore, op. 32. (1 r. 72 c.) Etude de bataille, op. 35. (1 r. 15 c.) Variations sur un motif de Semiramide de Rossini, op. 37. (1 r. 72 c.) Fantaisie orientale sur deux thèmes arabes op. 38, (1 r. 72 c.) Grande fantaisie sur la Norma de Bellini, op. 40. (2 r.) Fantaisie sur les hirondelles de David. op. 41. (1 r. 43 c.)

Prudent. Trois ballades, op. 15. (1 r. 43 c.) Grande fantaisie sur la Norma, op. 17. (2 r.) Grande fantaisie sur des Huguenots, op. 18. (2 rbl.) Grand Trio de Robert le diable de Meyerbeer, transcrit. (1 r. 72 c.) Grand Trio de Guillaume Tell de Rossini transcrit (1 r. 72 c.)

Rosellen. Fantaisie élégante sur l'opéra: i Puritani de Bellini, op. 73

(1 r. 43 c.) Fantaisie sur des motifs de la St. Cécile de Montfort, op. 74. (1 r. 43 c.) Fantaisie brillante sur la Muette de Portici, op. 75. (1 r. 72 c.) Fantaisie et Variations sur l'opéra: la Barcarolle d'Auber, op. 76. (1 r. 29 c.)

Thalberg. Fantaisie brillante sur l'opéra: le Pré aux Cleres de Herold. Décameron, № 3. op. 57. (1 r. 43 c.) Grand caprice sur la marche triomphale de l'apothéose de Berlioz, op. 58. (2 r.) Marche funèbre variée, op. 59. (1 r. 15 c.) Barcarolle, op. 60. (1 r. 43 c.) Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: le Barbier de Seville de Rossini, op. 63. (1 r. 72 c.)

Willmers. Il trobadore inspirato. Notturmo fantastico, op. 41. (1 r. 15 c.)

Новые танцы для фортепиано.

Bernard. Paulinen-Walzer, d'après l'air favori de Balse, chantée par Mme Viardot-Garcia. (60 c.) Contredances d'après l'opéra: L'Élisire d'amore (avec portrait de Mme Viardot). (60 c.) Contredances d'après l'opéra: Ольга, дочь изгнанника. (60 c.)

Gungl. Mädchenrülme. Walzer, (75 c.) Ton-Märohen. Walzer, op. 17. (75 c.) Hyacinthen-Polka, op. 33. (30 c.) Der fröhliche Uhlane. Mazurka, op. 34. (30 c.) Maiblümchen. Galop. op. 36. (30 c.) Paulinen-Polka, op. 37. (43 c.) Mein erster Walzer in Berlin, op. 39. (85 c.) Une fleur de Danse. Galop, op. 48. (43 c.) Gazellen-Polka, op. 43. (30 c.) Die Industriellen. Walzer, op. 44. (85 c.) Ein Tropfen aus der Oder. Polka, op. 46. (30 c.)

Lobitzky. Leinathes Klänge. Walzer, op. 92. (85 c.) Romanoff-Quadrille, op. 93. (60 c.) Catharinen-Walzer, op. 94. (85 c.) Charlotten-Walzer, op. 96. (85 c.) Vereinigungstänze, op. 98. (85 c.) Neuer Immergrün — Galop. op. 99. (60 c.) Montrose-Walzer, op. 102. (86 c.) Gieshübel-Quadrille, op. 103. (58 c.) Natalien-Walzer, op. 104. (85 c.) Carlsbad. Walzer, op. 107. (85 c.) Bedford-Walzer, op. 108. (85 c.) Die Orientafon, Walzer, op. 109. (85 c.) Gruss an Prag. 3 Polkas, op. 111. (70 c.) Militär-Galop, op. 112. (43 c.) Burlington-Walzer, op. 114. (85 c.) Kinderfreunden. 3 Polkas. op. 115. (58 c.) Clementinen-Mazurka, op. 116. (43 c.) Perlen-Walzer, op. 117. (85 c.) Russalka. Galop, op. 118. (58 c.) Essex-Walzer, op. 119. (85 c.)

Leandre. Quadrille fashionable, sur des polkas favorites (orné d'un beau dessin en 3 couleurs. (75 c.)

Ossipoff. Souvenir des artistes de l'opéra italien de St.-Petersbourg. Contredances françaises. (60 c.) Contredances françaises d'après l'opéra: Don Pasquale de Donizetti. (60 c.)

Strauss. Rosen ohne Dornen. Walzer, op. 166. (85 c.) Odeon-Tänze. Walzer, op. 172. (85 c.) Musen-Quadrille, op. 174. (60 c.) Faschings-

Rosenr. Walzer, op. 175. (85 с.) [Geheimnisse aus der Wiener Tanzwelt. Walzer, op. 176. (85 с.) Flora-Quadrille, op. 177. (60 с.) Stradella-Quadrille, op. 178. (60 с.) Oesterreichische Jubelklänge. Walzer, op. 179. (85 с.)

Strammes (John.) Sinngedichte. Walzer, op. 1. (85 с.) Gaustwerber. Walzer, op. 4. (85 с.) Serrail-Tänze. Walzer, op. 5. (85 с.) Cytheron-Quadrille, op. 6. (60 с.)

Witzleben. Garde-Husaren Polka. (40 с.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *тремя руб. сер.*, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку.—Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ Магазинъ *М. Бернарда*. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го Января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала *Нувеллистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Raff, Air suisse transcrit, Вюев, Divertissement sur des motifs de l'opéra: Boissario de Donizetti. Dameke. Triste pensée (inédite). Czerny, Improromptu passionné. Osborne, Isabella. Valse. Rosellen, Le bouton d'or. Rondo-Galop. Burgmüller, Tirolienne variée. Алябьевъ, Пьеса дѣвочки изъ Ратибора. David, Le sommeil de l'enfant. Mélodie.* Музыкально-литературное прибавленіе № 1.

Годовая подписка 10 руб. сер.

Съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.

=

МОДЫ.

— При настоящемъ разнообразіи въ нарядахъ все ново, и новаго ничего нѣтъ. Уборки всякаго роду платьевъ съ безконечными варіаціями. Носятъ оборки, одну, двѣ, три, а изъ легкихъ матерій случается видѣть все платье изъ оборокъ. То же самое со складками и буфами. Дѣлаютъ иногда вмѣстѣ, оборку, потомъ двѣ, три и даже четыре складки, потомъ опять оборку и еще

сверху такія же складки или оборки, и надъ ними, одинъ и два буфа: этииъ соединеніяиъ и раздѣленіяиъ вѣтъ конца. Всѣ открытые бальные корсажи убирають бертой изъ той же матеріи или изъ кружева нашитаго въ два и въ три ряда; рукава, короткіе, всегда кажутся продолженіемъ берты. Нѣкоторыя платья убирають только впереди, передникомъ; тогда употребляютъ непременно или цвѣты или аграмантныя украшенія. Тутъ не лишнее будетъ замѣтить, что всякаго роду аграманты не только не выходятъ изъ моды, но напротивъ, употребленіе ихъ распространяется болѣе и болѣе: бахромы, свурки, кисточки, аграманты перемѣшаны съ стеклярусомъ; аграманты простыя тонкіе, легкіе, вѣжные почти какъ кружева, все идетъ. Удивительно хорошо бѣлое крѣповое платье, убранное тремя широкими складками: надъ каждой изъ нихъ аграмантъ шириною въ три пальца изъ бѣлаго шёлку, часто перемѣшанный очень мелкимъ стеклярусомъ или креповое розовое платье, убранное тремя широкими оборками, и надъ каждой такой же бѣлый аграмантъ съ бѣлымъ матовымъ стеклярусомъ: первое платье кажется вышито серебромъ; но еще милѣе и изящнѣе второе: оно кажется какъ-бы унизано жемчугомъ. Примѣчательны своею пышностью и прелестью платья—бѣлое убранное внизу надъ рубцомъ букетами мелкнхъ розъ съ разноцвѣтною зеленью, а впереди до самаго корсажа усѣянное такими же букетами: на корсажѣ три букета, на рукавахъ по одному;—розовое, креповое, убранное семью рядами широкаго бѣлаго кружева и представляющееся какъ-бы кружевнымъ платьемъ на розовомъ туникѣ: корсажъ—розовый, покрытый кружевной бертой и убранный впереди бантами розовыхъ лентъ; маленькіе рукава, обшитые кружевомъ, убраны бантами, и, наконецъ, кушакъ изъ широкой ленты съ длинными концами. Прелестно также бѣлое тюлевое платье, убранное кругомъ складками, также до самаго корсажа; такихъ складокъ на юбкѣ находилось тринадцать; корсажъ, убранный бертой изъ кружевъ въ три ряда; рукава обшитые кружевомъ; на корсажѣ вѣтки розовыхъ цвѣтовъ съ мелкой зеленью, приколотыя брильянтовой брошкой. Примѣчательно, что цвѣты для легкнхъ бальныхъ платьевъ предпочитаютъ яркіе: розовый—почти алыи, голубой васильковый; а вмѣсто палеваго—настоящій лимонный. Шарфы и всякаго роду мантиліи дѣлають преимущественно пунсовые, бѣмыя и черныя: другихъ цвѣтовъ для этихъ вещей почти не употребляютъ. Черныя кружевыя мантиліи и вообще черныя кружева очень уважаются. Для визитныхъ платьевъ употребляютъ гро-гро моарѣ, пу-де-соа

съ бѣлымъ отливомъ, или французскія тафты двухъ или трехъ отливовъ; особенно хороши цвѣта — синій съ бѣлымъ и трехъ цвѣтный — зеленый съ розовымъ и бѣлымъ. Атласы видны, и очень хороши только темныхъ цвѣтовъ, — синій-яхонтовой, зеленый изумрудный и совсѣмъ черный.

АСТРЕЯ. НОВАЯ ПЛАНЕТА. *Открытие господина Генке.* Дриссенский астрономъ, господинъ Генке, примѣтилъ 8 декабря, наблюдая въ телескопъ планету Весту, что одна изъ ссѣднихъ звѣздочекъ движется съ примѣчательною скоростью. Онъ немедленно написалъ о томъ къ господамъ Шумахеру, въ Альтону; Энке, въ Берлинъ, Араго, въ Парижъ, и къ другимъ. Замѣченныя господиномъ Генке движенія небеснаго тѣла, которое имѣло видъ звѣзды девятой величины, стали вычислять, въ Германіи и во Франціи: одни почитали его за комету, а другіе за планету. Въ исходѣ декабря сдѣлано надъ его движеніемъ нѣсколько наблюдений въ Берлинѣ, а въ первыхъ числахъ января и въ Парижѣ. Всѣ эти наблюдения еще слишкомъ ограничены, но, сколько можно судить по нимъ, тѣло, открытое господиномъ Генке, должно непременно быть *планета*. Господинъ Энке, котораго дриссенскій астрономъ пригласилъ быть крестнымъ отцомъ ея, придумалъ уже для ней очень милое имя: *Астрея*. Планета эта принадлежитъ къ разряду крошечныхъ планетъ, разсѣянныхъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Астрея, какъ кажется, совершаетъ теченіе свое вокругъ Солнца въ промежуткѣ между Вестою и Юноною, который довольно значителенъ, простираясь, какъ извѣстно, до 36,000,000 верстъ. Плоскость ея орбиты наклонена къ плоскости эклиптики подъ угломъ 5° по исчисленію однихъ, а по другимъ подъ угломъ 3° и 2°, 5. Быстрота движенія — средняя между быстротою Весты и быстротою Юноны: Астрея должна совершать путь свой около Солнца въ четыре года и три или четыре мѣсяца. Она движется въ ту же сторону, какъ и Земля.

КОМЕТА ВЪЛЫ. Римскій астрономъ, господинъ Вико, увѣдомляетъ, что комета Бѣлы, которой ожидали возвращенія, видна была съ обсерваторіи Римскаго Коллегіума 11 декабря (старого стilia).

ОСВѢЩЕНІЕ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. *Способъ господина Грова.* Нѣсколько разъ уже говорили мы о попыткахъ примѣнить электрическій токъ къ важному предмету освѣщенія. Результаты во многихъ случаяхъ были удачны, но кажется, что неудобства превосходили, на опытѣ, ожидаемую выгоду; и главное изъ неудобствъ было то, что свѣтъ часто погасалъ вдругъ, безъ видимой причины. Въ послѣднее время, вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи привлекъ къ себѣ дѣятельное вниманіе двухъ знаменитыхъ физиковъ, господина де-ла-Рива, въ Женевѣ, и господина Грова, въ Лондонѣ. Изъ двухъ способовъ, предлагаемыхъ ими, способъ господина Грова кажется самымъ удачнымъ. До-сихъ-поръ всѣ воровали знаменитое открытіе Деви, стараясь употребить уголь въ безвоздушномъ пространствѣ, и оттого не было успѣху. Господинъ Гровъ находитъ, что гораздо удобнѣе и проще — взять обыкновенный фактъ опытнаго электричества, такъ легко получаемый при помощи самыхъ обыкновенныхъ токовъ и безъ дальнихъ предосторожностей въ отношеніи къ воздуху, именно, освѣщать посредствомъ накаленной до-бѣла платиновой проволоки. Чтобы получить довольно значительное количество свѣту отъ проволоки, стоитъ только свернуть ее спиралью съ частыми, прилично сближенными колечками, и чтобы проволока не сплавилась, нужно взять проволоку по-толще, сообразно съ силою току. Приборъ, построенный на этомъ основаніи господиномъ Гровомъ, отличается необыкновенною простотою. Дѣйствуютъ двѣ гальваническія банки, извѣстныя подъ его именемъ. Можно тоже взять банки Бунсена, съ коксомъ или углемъ. Господинъ Гровъ употребляетъ обыкновенно азотную кислоту. Двѣ мѣдныя лакированныя проволоки проведены отъ банокъ въ стеклянный цилиндръ или шаръ, служащій фонаремъ. Между мѣдными проволоками помѣщена платиновая спираль, которая накаливается отъ теченія электричества и даетъ свѣтъ сильный, постоянный, не подверженный измѣненіямъ, пока банки дѣйствуютъ исправно. Число часовъ такого освѣщенія замѣнить, разумѣется, отъ количества кислоты въ банкахъ, и не нужно большой мудрости, для того, чтобы совершенно ровное освѣщеніе продолжалось шесть или семь часовъ. Какъ колечки платиновой

спирали весьма сближены между собою, то они нагреваютъ другъ друга и препятствуютъ наружному воздуху охолодить платину; кромѣ-того, стекло цилиндра или шара, разгораясь, само охраняетъ накалившую спираль отъ охлажденія. Поэтому, чѣмъ длиннѣ проволока, свернутая спирально, и чѣмъ болѣе она накаливается, тѣмъ меньше трата кислоты и цинку въ банкахъ. Освѣщеніе такого роду представляетъ, слѣдовательно, ту парадоксальную выгоду, что фонарь или лампа даютъ тѣмъ болѣе свѣту чѣмъ менѣе расходуется въ нихъ горючаго матеріалу. Господинъ Гровъ говоритъ, что для обыкновенной лампы, при которой можно читать и работать, достаточно даже одной банки: издержка поэтому — самая пустая.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТЕЛЕГРАФЫ ВЪ АМЕРИКѢ. Страсть къ этому новому роду сообщеній доходить въ Соединенныхъ Штатахъ до изступленія. Повсюду составляются «компаніи электрическихъ телеграфовъ», и, вскорѣ, всѣ города будутъ связаны въ одну сеть мѣдными проволоками. Между значительнѣйшими городами учреждается по нѣскольку телеграфическихъ линій, и компаніи предлагаютъ газетамъ и торговымъ домамъ доставлять имъ всѣ извѣстія, свѣдѣнія, и даже частные разговоры, за *пятьдесятъ* долларовъ въ годъ. Железныя дороги много потеряютъ изъ своей важности, если всѣ эти предположенія состоятся: зачѣмъ ѣздить, когда, сидя на мѣстѣ, можно черезъ проволоку бесѣдовать и дѣлать дѣла съ кѣмъ угодно? Въ началѣ прошлаго года, не-шутя была рѣчь и въ Америкѣ и въ Англии о томъ, чтобы перебросить проволоку черезъ Гибралтаръ, Средиземное море, Суэзь и Аденъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Новостей нѣтъ. Извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что всѣ новости французской литературы состоятъ въ романахъ, а романы печатаются въ «сельтонахъ» газетъ. Между-тѣмъ, вотъ положеніе вещей тридцатаго января: *Consitutionnel* продолжаетъ безконечный романъ Александра Дюма «Графиня де-Монсоро»; *Siècle* — не менѣе безконечный романъ Louis Desnoyers «Les femmes»; *La Presse*, окончивъ романъ Фредерика Сулиэ «Графиня де-Монрионъ» и отдыхаетъ—въ ожиданіи слѣдующаго романа; *Journal des Debats* окончилъ «Графа Монте-Кристо» и началъ романъ Поля Феваля; «*Les quatances de Minuit*»: но мы еще посмотримъ, можно ли будетъ сообщить его нашимъ читателямъ. «Монте-Кристо» и «Графиня де-Монрионъ» будутъ окончены у насъ въ слѣдующей книжкѣ;

а между-тѣмъ сообщаемъ не совсѣмъ новый, но очень хорошій небольшой романъ Проспера Меримэ

КАРМЕНЪ. Я нанялъ въ Кордовѣ проводника и двухъ лошадей, и отправился въ дорогу, съ «Комментаріями» Цезаря и узелкомъ бѣлья вмѣсто багажа. Однажды, блуждая по возвышенной части Кахенской Долины, измученный усталостью, умирая отъ жажды, палимый солнцемъ, я посылалъ къ чорту Цезаря и сыновей Помпея, когда замѣтилъ недалеко отъ дорожки, по которой ѣхалъ, небольшой зеленый лугъ, усѣянный тростяникомъ. Это предвѣщало мнѣ близость источника. Дѣйствительно, подойдя ближе, я увидѣлъ, что мнимый лугъ было болото, въ которомъ терялся ручей, выходя, какъ мнѣ казалось, изъ узкаго ущелья двухъ горъ Сьерры-де-Кобры. Я заключилъ, что идя вверхъ по ручью, я найду воду, болѣе свѣжую, менѣе пѣвковъ и лягушекъ, и, можетъ-быть, немного тѣни между скалъ. При входѣ въ ущелье, лошадь моя заржала, и другая лошадь, которой я не видѣлъ, тотчасъ ей отвѣчала. Едва я успѣлъ проѣхать сто шаговъ, какъ ущелье, вдругъ расширяясь, открыло мнѣ родъ натурального цирка, покрытаго тѣнью окружавшихъ его скалъ. Невозможно было встрѣтить мѣста, которое бы обѣщало путешественнику болѣе приятный отдыхъ. У подошвы отлогихъ скалъ, ручей бѣжалъ, волнуясь, и падалъ въ небольшой бассейнъ, сверкавшій бѣлымъ, какъ снѣгъ, пескомъ. Пять или шесть прекрасныхъ зеленыхъ дубовъ, защищенные отъ вѣтру, и освѣжаемые источникомъ, возвышались у его краевъ и покрывали его своею густою тѣнью; наконецъ, вокругъ бассейна, мягкая, блестящая трава представляла постель, какой не найти въ любомъ трактирѣ за десять лѣ въ окрестности.

Честь открытія такого прекраснаго мѣста принадлежала не мнѣ. Какой-то человѣкъ отдыхалъ уже тамъ, и безъ сомнѣнія спалъ, когда я вошелъ. Пробужденный ржаніемъ, онъ всталъ и подошелъ къ своей лошади, которая воспользовалась своимъ господиномъ, чтобы пощипать травы. То былъ молодой человѣкъ, средняго росту, но крѣпкаго сложенія, съ гордымъ и мрачнымъ взглядомъ. Цвѣтъ лица его, бывшій когда-то прекраснымъ, сталъ отъ лучей солнца, темнѣе его волосъ. Одной рукою онъ держалъ поводъ, другою мушкетонъ. Признаюсь, сначала мушкетонъ и сердитый видъ этого человѣка меня озадачили; но я уже не върилъ въ разбойниковъ, потому что безпрестанно о нихъ слышалъ и никогда ихъ не встрѣчалъ. Ктому же, мнѣ такъ часто

случалось видѣть, что честные фермеры вооружались съ ногъ до головы, отправляясь на рынокъ, что видъ мушкетона не подалъ мнѣ никакого дурнаго мнѣнія о незнакомцѣ. Ктому жъ, говорилъ я самъ себѣ, на что ему мое бѣлье и «Комментаріи» Цезаря? И такъ, я привѣтливо кивнулъ головою человѣку съ мушкетеномъ, и улыбаясь, спросилъ, не помѣшалъ ли я ему спать. Не отвѣчая, онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ; потомъ, какъ-бы довольный обзорѣніемъ, также внимательно осмотрѣлъ моего проводника, который приближался. Я видѣлъ, какъ послѣдній поблѣднѣлъ и въ ужасѣ остановился. Дурная встрѣча, подумалъ я; но благоразуміе заставило меня не показать ни малѣйшаго безпокойства. Я сошелъ съ лошади, велѣлъ проводнику разнуздать ее, и, наклонясь къ ручью, погрузилъ въ него голову и руки; потомъ напился лежа на травѣ.

Между-тѣмъ я слѣдилъ за проводникомъ и незнакомцемъ. Первый подходилъ неохотно; другой, казалось, не имѣлъ противъ насъ никакихъ дурныхъ намѣреній, потому что онъ снова оставилъ лошадь и опустилъ мушкетонъ.

Не обижаясь невниманіемъ, которое мнѣ показали, я разлегся на траву, и съ безпечнымъ видомъ спросилъ незнакомца: нѣтъ ли у него съ собою огнива? Въ то же время я вынулъ свою сигарочницу. Незнакомецъ, всё-еще не говоря ни слова, опустилъ руку въ карманъ, взялъ огниво и высѣкъ мнѣ огня. Онъ очевидно смягчался, потому что сѣлъ противъ меня, не выпуская впрочемъ изъ рукъ мушкетона. Закуривъ сигару, я выбралъ лучшую изъ оставшихся у меня и спросилъ, курить ли онъ.

— Курю, сеньоръ, отвѣчалъ онъ. Это были первыя слова, которыя онъ произнесъ, и я замѣтилъ, что онъ не произносилъ андалузскимъ нарѣчіемъ, изъ чего и заключилъ, что онъ долженъ быть такой же путешественникъ, какъ я, хотя и не археологъ.

— Это изрядная сигара, сказалъ я, подавая ему настоящую гаванскую сигару.

Онъ слегка кивнулъ мнѣ головою, закурилъ свою сигару отъ моей, поблагодарилъ меня другимъ наклоненіемъ головы, и потомъ сталъ курить съ видимымъ удовольствіемъ. — Ахъ! вскричалъ онъ, медленно выпуская дымъ изо рта и поздрей: какъ давно я не курилъ!

Въ Испаніи, предложенная и принятая сигара ведетъ къ гостепримнымъ сношеніямъ, какъ на Востокѣ раздѣлъ хлѣба и соли. Незнакомецъ оказался разговорчивѣе, чѣмъ я ожидалъ. Впрочемъ, несмотря на то, что онъ называлъ себя жителемъ partido

de Montilla, онъ довольно дурно зналъ страну. Онъ не зналъ имени прекрасной долины, гдѣ мы находились; не могъ назвать ни одной окрестной деревни; наконецъ, когда я спросилъ у него, не видѣлъ ли онъ гдѣ разрушенныхъ стѣнъ и древнихъ надписей, онъ признался, что никогда не обращалъ вниманія на подобныя вещи. Взвѣтивъ, онъ оказался знатокомъ въ лошадяхъ. «Конь мой, сказалъ онъ, сдѣлалъ однажды тридцать льё въ день, въ галопъ и во весь опоръ». Послѣ этихъ словъ, незнакомецъ вдругъ остановился, какъ-бы удивленный и недовольный тѣмъ, что слишкомъ много сказалъ. «Тогда я очень торопился въ Кордову, сказалъ онъ съ замѣшательствомъ: мнѣ надобно было просить судей объ одномъ процессѣ».... Говоря, онъ смотрѣлъ на моего проводника, Антонио, который опускалъ глаза.

Тѣмъ и ручей такъ мнѣ понравились, что я вспомнилъ о нѣсколькихъ кускахъ превосходной ветчины, которую мои монтильскіе друзья положили въ сумку моего проводника. Я велѣлъ принести ихъ, и просилъ незнакомца раздѣлить со мною завтракъ. Если онъ давно не курилъ, то мнѣ показалось, что онъ и не ѣлъ по-крайней-мѣрѣ двое сутокъ. Онъ ѣлъ какъ голодный волкъ. Я думалъ, что встрѣча со мною была счастьемъ для бѣдняка. Между-тѣмъ проводникъ мой ѣлъ мало, пилъ еще менѣе, и не говорилъ ни слова, хотя сначала нашего путешествія оказался рѣдкимъ говоруномъ. Казалось, что присутствіе незнакомца тяготило его, и какая-то недовѣрчивость, которой я не могъ разгадать причины, отдѣляла ихъ другъ отъ друга.

Уже послѣдніе остатки хлѣба и ветчины исчезли; мы курили по второй сигарѣ; я приказалъ проводнику взнуздать нашихъ лошадей, и хотѣлъ проститься съ моимъ новымъ пріятелемъ, когда онъ спросилъ меня, гдѣ я располагаю провести ночь.

Прежде чѣмъ я успѣлъ замѣтить знакъ моего проводника, отвѣчалъ, что ѣду въ вену del Cuervo.

— Плохое пристанище для такого человѣка какъ вы... Я туда же ѣду, и если вы позволите, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, садясь на лошадь.

Проводникъ мой, державшій стремя, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами. Я отвѣчалъ ему, пожавъ плечами, и мы отправились въ путь.

Таинственные знаки Антонио, его безпокойство, нѣкоторые слова, вырвавшіяся у незнакомца, уже составили въ умѣ моемъ мнѣніе о нашемъ товарищѣ. Я не сомнѣвался, что имѣю дѣло съ контрабандистомъ, можетъ-быть съ разбойникомъ; но какое мнѣ было до этого дѣло? Я хорошо зналъ испанскій характеръ,

и удивленъ былъ, что мнѣ нечего бояться человѣка, который былъ и курялъ се мною. Этого мало: его присутствіе охраняло меня отъ всякой дурной встрѣчи. Ктому жъ, я былъ очень радъ узнать, что такое разбойникъ. Ихъ всякой день не увидишь, а есть какое-то удовольствіе быть возлѣ опаснаго существа, особенно, когда оно смирно.

Я надѣялся постепенно довести незнакомца до признанія, и несмотря на знаки проводника, завелъ разговоръ о разбойникахъ. Разумѣется, я говорилъ о нихъ съ уваженіемъ. Тогда въ Андалузїи былъ знаменитый бандитъ Хосе-Марїа, о проказахъ котораго говорили вездѣ. «Что, если я їду съ Хосе-Марїей?» думалъ я.... Я рассказалъ исторїи, которыя слышалъ объ этомъ героѣ и показалъ свое удивленіе къ его великодушїю и храбрости.

— Хосе-Марїа просто, дрянъ, сказалъ незнакомецъ.

Отдаетъ ли онъ себѣ справедливость, или это избытокъ скромности съ его стороны? подумалъ я, потому что рассматривая своего спутника, я узналъ примѣты Хосе-Марїи, прибитыя къ воротамъ всѣхъ городовъ Андалузїи. «Да, это онъ. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, большой ротъ, прекрасные зубы; маленькія руки; тонкая рубашка, бархатный камзолъ съ серебряными пуговицами, штиблеты изъ бѣлой кожи, гнѣдая лошадь.... нѣтъ никакого сомнѣнія! Но будемъ уважать его инкогнито».

Мы прїѣхали къ вентѣ. Она была такая, какъ мнѣ ее описывали, то есть, бѣднѣйшая изъ всѣхъ. Большая комната служила кухней, столовою и спальною. На плоскомъ камнѣ, посерединѣ комнаты разведенъ былъ огонь, и дымъ проходилъ въ отверстїе, устроенное въ кровлѣ или, лучше сказать, останавливаясь, образуя облако, нависшее надъ головами. Вдоль стѣны висѣли пять или шесть старыхъ покрывалъ муловъ; то были постели для путешественниковъ. Въ двадцати шагахъ отъ дому или, лучше сказать, отъ единственной комнаты, которую я описалъ, возвышался родъ хлѣва, служившїй конюшнею. Въ этомъ прїятномъ мѣстѣ на этотъ разъ не было никого, кромѣ старухи и дѣвочки лѣтъ двѣнадцати, цвѣту сажи, покрытыхъ ужасными лохмотьями.

— И такъ, вотъ что осталось, сказалъ я самому себѣ, отъ *Munda Baetica*! О, Цезарь! О, Секстусъ Помпей! Какъ удивляюсь бы вы, снова являсь на свѣтъ!

Замѣтивъ моего спутника, старуха не могла удержать своего удивленія. «Ахъ, сеньоръ дожъ Хосе!» вскричала она.

Дождь-Хосе нахмурилъ брови, и съ повелительнымъ видомъ поднявъ руку, что тотчасъ оставило старуху. Я обратился къ

проводнику, и сдѣлалъ знакъ, что ему нечего объяснять мнѣ, съ кѣмъ я готовился провести ночь. Послѣ довольно сноснаго ужина, увидя приставленную къ стѣнѣ мандолину, я спросилъ у прислуживавшей намъ дѣвочки, умѣетъ ли она играть. «Нѣтъ, отвѣчала она: но донъ-Хосе прекрасно играетъ!»

— Будьте такъ добры, сказалъ я ему: спойте чтѣ-нибудь; я страстно люблю вашу національную музыку.

— Я не могу ни въ чемъ отказать вамъ, весело сказалъ донъ-Хосе, и онъ запѣлъ, аккомпанируя себѣ на мандолинѣ. Голосъ его былъ грубъ, но пріятенъ; пѣсня стройная и меланхолическая; словъ я не понималъ.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ я: вы пѣли не испанскую арію. Это походитъ на *zorzicos*, которыя я слышалъ въ провинціяхъ.

— Да, мрачно отвѣчалъ донъ-Хосе. Онъ положилъ мандолину на полъ, и сложивъ руки, сталъ задумчиво смотрѣть на потухавшій огонь. Освѣщенное лампою, стоявшею на столикѣ, лицо его, вмѣстѣ благородное и злое, напоминало мнѣ сатану Мильтона. Быть-можетъ, подобно ему, спутникъ мой думалъ о странѣ, которую покинулъ, объ изгнаніи, которое онъ заслужилъ своимъ проступкомъ. Я хотѣлъ возобновить разговоръ, но онъ не отвѣчалъ, погруженный въ задумчивость. Старуха уже улеглась въ углу залы, за ветхимъ одѣяломъ, повѣшеннымъ на веревку. Дѣвочка укрылась вслѣдъ за нею въ этомъ пріютѣ прекраснаго пола. Тогда проводникъ мой, вставъ, просилъ меня слѣдовать за нимъ въ конюшню; но при этомъ зовѣ, донъ-Хосе, какъ-бы очнувшись, вдругъ спросилъ его: — Куда ты идешь?

— Въ конюшню, отвѣчалъ проводникъ.

— Зачѣмъ? У лошадей есть кормъ. Ложись здѣсь, господниъ твой позволитъ.

— Я боюсь, не больна ли лошадь сеньора, и хотѣлъ бы, чтобы онъ на нее взглянулъ.

Ясно было, что Антоніо хотѣлъ говорить со мною на-единѣ; но я не хотѣлъ возбудить подозрѣній донъ-Хосе, и рѣшился показывать ему полную довѣренность. Я отвѣчалъ Антоніо, что ничего не понимаю въ лошадяхъ, и хочу спать. Донъ-Хосе пошелъ за нимъ въ конюшню, откуда вскорѣ возвратился одинъ. Между тѣмъ я легъ на покрывало лошака, и чтобы до него не дотрогиваться, завернулся въ свой плащъ. Донъ-Хосе легъ передъ дверью, не забывъ осмотрѣть курокъ своего мушкетона, который положилъ подъ сумку, служившую ему подушкою. Черезъ пять

минуль, пожелавъ другъ другу покойной ночи, мы заснули крѣпкимъ сномъ.

Я считалъ себя довольно усталымъ, чтобы спать въ подобномъ мѣстѣ; но черезъ часъ миллионы насѣкомыхъ заставили меня проснуться. Я рѣшился лучше провести ночь подъ открытымъ небомъ, и тихонько вышелъ изъ дверей, перешагнувъ черезъ донъ-Хосе, который спалъ сномъ невинности. У дверей стояла широкая деревянная скамья; я легъ на нее, и кое-какъ хотѣлъ окончить ночь. Я закрылъ глаза въ другой разъ, когда мнѣ показалось, что передо мною прошли безъ всякаго шума тѣнь человѣка и тѣнь лошади. Я приподнялся, и узналъ Антонію. Удивляясь, что въ такое время онъ вышелъ изъ конюшни, я вскочилъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Увидя меня, онъ остановился.

— Гдѣ онъ? спросилъ Антонію тихо.

— Въ вентѣ; онъ спитъ; но къ чему ты уводишь эту лошадь?

Тогда я замѣтилъ, что Антонію, чтобы не надѣлать шума, выходя изъ конюшни, обвязалъ ноги лошади остатками стараго одѣяла.

— Говорите тише, сказалъ Антонію: ради Бога! Вы не знаете, что это за человѣкъ. Это Хосе Наварро, самый знаменитый бандитъ въ Андалузіи. Цѣлый день я дѣлалъ вамъ знаки, которыхъ вы не хотѣли понять.

— Бандитъ или нѣтъ, какое мнѣ до этого дѣло? отвѣчалъ я: онъ не ограбилъ насъ, и я увѣренъ, что онъ и не намѣренъ насъ грабить.

— Хорошо; но тому, кто его выдастъ, обѣщано двѣсти дукатовъ. Недалеко отсюда стоятъ уланы, и я до разсвѣта приведу ихъ сюда. Я хотѣлъ взять его лошадь, но она такъ зла, что не допускаетъ къ себѣ никого, кромѣ Наварро.

— Чортъ тебя возьми! сказалъ я. Что сдѣлалъ тебѣ этотъ человѣкъ, котораго ты хочешь предать? И увѣренъ ли ты, что онъ дѣйствительно тотъ разбойникъ?

— Совершенно увѣренъ. Въ конюшнѣ онъ сказалъ мнѣ: «Ты, кажется, меня знаешь; если ты скажешь этому господину, кто я, то я разможжу тебѣ голову». Останьтесь, сеньоръ, останьтесь съ нимъ; вамъ нечего бояться. Видя, что вы здѣсь, онъ ни о чемъ не догадается.

Говоря это, мы уже отдалялись другъ отъ друга; отъѣхавъ еще, Антонію снялъ съ ногъ лошади лохмотья. Я снова старался удержать его.

— Я бѣднякъ, сеньоръ, отвѣчалъ онъ: нельзя терять дуфоти дукатовъ, особенно, когда можешь освободить людей отъ такой заразы. Но берегитесь: если Наварро проснется, онъ бросится на мушкетонъ, и тогда бѣда вамъ! Я ужь слишкомъ далеко зашелъ, чтобы отступать; дѣлайте вы, какъ хотите.

Онъ стегнулъ лошадь, и скоро исчезъ изъ виду.

Я былъ очень разсерженъ на проводника, и безпокоился не-на-путьку. Послѣ минутнаго размышленія я рѣшился, и вошелъ въ венту. Донъ-Хосе спалъ еще, утомленный, быть-можетъ, долгимъ бодрствованіемъ и усталостью. Я долженъ былъ толкать его, чтобы наконецъ разбудить. Никогда я не забуду его яростнаго взгляда и движенія, съ которыми онъ схватился за мушкетонъ, который я, изъ предосторожности, отложилъ всторону.

— Извините, что я разбудилъ васъ, сказалъ я: но я хотѣлъ сдѣлать вамъ вопросъ: рады ли вы будете видѣть здѣсь съ полдюжины улановъ?

Онъ вскочилъ на ноги, и спросилъ ужаснымъ голосомъ:—Кто вамъ это сказалъ?

— Всѣ-равно, откуда ни получено извѣстіе, если оно кстати.

— Вашъ проводникъ измѣнилъ мнѣ, но онъ заплатитъ за это. Гдѣ онъ?

— Не знаю.... въ конюшнѣ, я думаю; но мнѣ сказали....

— Кто вамъ сказалъ?... Не можетъ быть чтобы старуха....

— Человѣкъ, котораго я не знаю.... Однимъ словомъ, имѣете ли вы причины, или нѣтъ не ожидать солдатъ? Если имѣете, то не теряйте напрасно времени; если же нѣтъ, то извините, что я разбудилъ васъ.

— А! вашъ проводникъ! вашъ проводникъ! Я и сначала не-довѣрялъ ему.... мы сочтемся! Прощайте, сеньоръ. Богъ заплатитъ вамъ за вашу услугу.... Я еще не такой злодѣй, какъ вы думаете.... Да, во мнѣ еще многое заслуживаетъ сожалѣніе благороднаго человѣка.... Прощайте, сеньоръ.... Я жалю только, что не могу ничѣмъ отплатить вамъ.

— За мою услугу, обѣщайте мнѣ, донъ-Хосе, не подозревать никого, и не думать о мщеніи. Вотъ вамъ сигаръ на дорогу; прощайте!

И я протянулъ ему руку. Онъ молча сжалъ ее; взялъ свой карабинъ и сумку, и сказавъ старухѣ нѣсколько словъ, которыхъ я не подялъ, побѣжалъ въ конюшню. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ топотъ его лошади.

Я снова легъ на скамью, но не засыпалъ. Я спрашивалъ себя,

вправѣ ли я былъ избавить отъ вѣдницы разбойника, а можетъ-быть и убійцу, потому только, что дѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Я оставался въ нерѣшимости, когда увидѣлъ полдюжину кавалеристовъ, съ Антонио, который благоразумно держался въ аррьергардѣ. Я пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и объявилъ, что бандитъ уже убѣжалъ. Старуха, на вопросы бригадира, отвѣчала, что она знала Наварро, но что, живя одна, не могла его выдать, не подвергая жизнь свою опасности. Меня заставили итти прописать мой паспортъ и подписать мои показанія передъ алькадомъ, послѣ чего онъ позволилъ мнѣ продолжать мои археологическіе поиски. Антонио сердился на меня, подозрѣвая, что это я помѣшалъ ему получить двѣсти дукатовъ. Однако въ Кордовѣ мы разстались друзьями; тамъ я далъ ему за труды, сколько позволяли мои финансы.

.....

Я провелъ нѣсколько дней въ Кордовѣ, отыскивая одну рукопись въ доминиканской библіотекѣ. Хорошо принятый добрыми монахами, я проводилъ дни въ ихъ монастырѣ, а вечеромъ гулялъ по городу. Въ Кордовѣ, передъ закатомъ солнца, собирается множество праздныхъ на набережной праваго берега Гвадалквивира. Тамъ представляется рѣдкое зрѣлище. За нѣсколько минутъ до *angelus*, множество женщинъ собираются на берегу рѣки, ввиду довольно возвышенной набережной. Ни одинъ мужчина не смѣетъ присоединиться къ этой толпѣ. Только-что пробьетъ *angelus*, полагаютъ, что наступаетъ ночь. Съ послѣднимъ звукомъ колокола всѣ эти женщины раздѣваются и входятъ въ воду. Тогда начинаются крики, смѣхъ, адская суматоха. Съ набережной мужчины смотрятъ на купальницъ, протирая глаза, но видятъ немного. Между-тѣмъ эти бѣлыя, неопредѣленныя формы рисующіяся на темной лазури рѣки, воспаляютъ поэтическія головы, и съ небольшимъ воображеніемъ не трудно представить себѣ въ ваннѣ Діану и ея нимфъ, не боясь участи Актеона. Мнѣ говорили, что однажды какіе-то шалуны подкупили звонаря, чтобы онъ пробилъ *angelus* двадцатью минутами ранѣе. Несмотря на то, что было еще свѣтло, нимфы Гвадалквивира не медлило, и вѣра болѣе *angelus*'у, чѣмъ солнцу, онѣ съ чистой совѣстью окончили свой банный туалетъ, всегда очень простой. Меня тогда не было. Въ мое время звонарь былъ неподкупенъ, заря пасмурна, и одна только кошка могла бы развѣ отличить самую старую торговку апельсинами отъ самой хорошенькой гризетки.

Однажды вечеромъ, въ часъ, когда уже ничего болѣе не видно, я курилъ, облокотясь на парапетъ набережной, когда женщина, поднявшись по лѣстницѣ, ведущей къ рѣкѣ, сѣла возлѣ меня. Въ волосахъ ея былъ большой букетъ жасминовъ, издававшій вечеромъ употыельный запахъ. Она была просто, быть-можетъ даже, бѣдно одѣта, вся въ черномъ, какъ большая часть гризетокъ вечеромъ. Порядочныя женщины ходятъ въ черномъ только поутру: вечеромъ, онѣ одѣваются à *la française*. Подойдя ко мнѣ, купальщица спустила съ плечъ мантилью закрывавшую ея голову, и *при темномъ свѣтѣ, падающемъ со звѣздъ*, я увидѣлъ, что она была невысока ростомъ, молода, стройна, съ большими глазами. Я тотчасъ бросилъ свою сигару. Она поняла эту учтивость чисто французскую, и поспѣшила сказать мнѣ, что она очень любитъ запахъ табаку и сама курить легкіе *papelitos*. Къ-счастію, у меня они были, и я тотчасъ предложилъ ей. Она взяла одну, и закурила у конца зажженной веревки, которую принесъ намъ мальчикъ за су. Смѣшивая нашъ дымъ, мы такъ заговорились, что остались почти одни на набережной. Я рѣшился предложить ей мороженого и войти въ кофейный домъ. Послѣ стыдливой нерѣшимости, она согласилась, но прежде захотѣла узнать, который часъ. Я заставилъ свои часы бить, и это очень ее удивило.

— Чего у васъ не выдумаютъ, господа иностранцы! Вы, сеньоръ, вѣрно, Англичанинъ?

— Французъ, къ вашимъ услугамъ. А вы, вѣрно изъ Кордовы?

— Нѣтъ.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ изъ Андалузін. Я узнаю это по вашему выговору.

— Если вы такъ хорошо замѣчаете выговоры, то должны угадать, что я Цыганка. Хотите, я вамъ погадаю? Слышали ли вы когда-нибудь о Карменситѣ? Это я.

Пятнадцать лѣтъ назадъ я былъ такимъ невѣрующимъ, что не отступилъ въ ужасѣ, очутясь возлѣ колдуньи.—Хорошо! сказалъ я самъ себѣ: на прошедшей недѣлѣ я ужиналъ съ разбойникомъ; будемъ сегодня ѣсть мороженое съ служанкою чорта. Путешествуя, нужно все видѣть. Еще другая причина заставила меня искать ея знакомства. Выйдя изъ училища, признаюсь, къ стыду моему, я потерялъ нѣсколько времени изучая тайныя науки, и даже нѣсколько разъ пытался заклинать духа тьмы. Давно уже излечившись отъ страсти къ подобнымъ изысканіямъ, я сохранилъ однако

родъ любопытства ко всѣмъ родамъ суевѣрій, и радовался, готовясь узнать, до какой степени достигла наука магии у Цыганъ.

Разговаривая, мы вошли въ кофейный домъ и сѣли у маленькаго столика, освѣщеннаго свѣчою въ стеклянномъ шарѣ. Тогда я могъ вполнѣ рассмотреть мою хитану, между-тѣмъ какъ многіе, кушая мороженое, удивлялись, видя меня въ такой честной компаніи.

Я сомнѣваюсь, чтобы мамзель Карменъ была чистая Цыганка; по-крайней-мѣрѣ она была несравненно прекраснѣе всѣхъ женщинъ своей націи, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Чтобы женщина была прекрасна, необходимо, говорятъ Испанцы, чтобы она соединяла въ себѣ тридцать *si*, или чтобы ее можно было опредѣлить посредствомъ десяти прилагательныхъ, свойственныхъ тремъ частямъ ея тѣла. Напримѣръ, она должна имѣть три вещи черныя: глаза, рѣсицы и брови; три тонкія: пальцы, губы и волосы, и такъ далѣе. Впрочемъ, на этотъ предметъ смотрите Брантома. Моя Цыганка не имѣла такихъ совершенствъ. Кожа ея, впрочемъ совершенно гладкая, близко подходила къ цвѣту мѣди. Глаза ея были на-искозь расположены, но чудесно обрисованы; губы вѣскольکو полны, но за ними видны были зубы, бѣлые какъ миндаль. Ея волосы, можетъ-быть немного грубые, были черны, съ синими отливами, какъ крыло вѣрона, длинны и блестящи. Чтобы не утомлять васъ исчисленіемъ слишкомъ точнымъ, я скажу только, что съ каждымъ недостаткомъ она соединяла достоинство, которое еще болѣе выказывалось черезъ этотъ контрастъ. То была красота странная и дикая, лицо, которое сначала удивляло, но которое не легко было забыть. Особенно глаза ея имѣли въ одно время что-то сладострастное и дикое, чего мнѣ никогда не случалось видѣть въ человѣческомъ взглядѣ. Взглядъ Цыганки, — волчій взглядъ, есть испанская поговорка, заслуживающая вниманія. Если вамъ некогда итти въ ботанической садъ, чтобы изучить взглядъ волка, то взгляните на вашу кошку, когда она подстерегаетъ воробья.

Разумѣется, что въ кофейномъ домѣ смѣшно было бы начать гаданье. Я просилъ хорошенькую колдунью позволить мнѣ итти къ ней въ домъ; она согласилась безъ затрудненія, но снова хотѣла знать время, и просила меня показать часы.

— Въ самомъ дѣлѣ они золотые? сказала она, рассматривая ихъ со вниманіемъ.

Когда мы пошли, была уже ночь; большая часть лавокъ была заперта и улицы почти пусты. Мы перешли мостъ черезъ Гва-

далквиръ, и на концѣ предмѣстья остановились передъ домомъ, нѣ мало не походившемъ на дворець. Мальчикъ отперъ намъ. Цыганка сказала ему нѣсколько словъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, и онъ тотчасъ исчезъ, оставя насъ въ довольно обширной комнатѣ, въ которой стояли столъ, два табурета и сундукъ. Сверхъ-того тутъ были кружка съ водою, куча апельсинавъ и нѣсколько луковницъ.

Когда мы остались одни, Цыганка вынула изъ ящика карты, которыя, по-видимому, долго служили, магнитъ, чучело хамелеона, и нѣсколько другихъ вещей. Потомъ она велѣла мнѣ перекрестить лѣвую руку монетою, и магическая церемонія началась. Безполезно передавать ея предсказанія; что же касается до ея дѣйствій, то видно было, что она вполнѣ колдунья.

Къ-несчастію, намъ скоро помѣшали. Дверь вдругъ отворилась настежь, и человекъ, завернутый до глазъ въ черный плащъ, вошелъ въ комнату, привѣтствуя Цыганку не совсѣмъ вѣжливо. Я не слышалъ, что онъ говорилъ; но голосъ его показывалъ, что онъ былъ очень не въ духѣ. При видѣ его, хитана не показала ни удивленія, ни гнѣва, но побѣжавъ къ нему на встрѣчу, сказала нѣсколько словъ на томъ языкѣ, который употребляла прежде. Слово *payllo*, часто повторяемое, было единственнымъ, которое я понялъ. Я зналъ, что этимъ именемъ Цыгане называютъ всякаго, чуждаго ихъ племени. Полагая, что дѣло идетъ обо мнѣ, я ожидалъ окончанія; я уже схватился за ножку табурета, и ждалъ, скоро ли придется его бросить въ голову незнакомцу. Последний грубо оттолкнулъ Цыганку, и подошелъ ко мнѣ; но отступивъ, вскричалъ:

— Какъ, сеньоръ, это вы!

Я взглянулъ на него въ свою очередь, и узналъ моего пріятеля, донъ Хосе. Въ эту минуту я не много сожалѣлъ, что не дагъ взять его.

— А, это вы! вскричалъ я, смѣясь сколько могъ непринужденно: вы прервали насъ въ то время, какъ мнѣ говорили очень интересные вещи.

— Все по-прежнему! Это когда-нибудь кончится, сказалъ онъ сквозь зубы, бросая сердитый взглядъ на Цыганку.

Между-тѣмъ Цыганка продолжала говорить ему на своемъ языкѣ. Она постепенно разгорячалась. Глаза ея сверкали кровью и сдѣлались ужасными, черты лица измѣнились, она топала ногою. Мнѣ казалось, что она убѣждала его сдѣлать что-то, на что онъ не рѣшался. Что это было, мнѣ не трудно было понять, потому

что Цыганка быстро проводила рукою взадъ и впередъ подѣ своимъ подбородкомъ. Я сталъ думать, что дѣло шло о томъ, чтобы перерѣзать горло, и даже подозрѣвалъ, что это горло едва ли не мое.

На этотъ потокъ словъ, донь-Хосе отвѣчалъ только нѣсколькими отрывистыми словами. Тогда Цыганка бросила на него презрительный взглядъ, и потомъ, сѣвъ по-турецки въ уголокъ комнаты, взяла апельсинъ, очистила его, и принялась ѣсть.

Донъ-Хосе взялъ меня за руку, отперъ дверь, и вывелъ меня на улицу. Мы сдѣлали около двухъ сотъ шаговъ въ глубокомъ молчаніи. Потомъ протянувъ руку, онъ сказалъ:

— Все прямо, и вы придете къ мосту.

Онъ тотчасъ оборотился ко мнѣ спиною и быстро удалился. Я возвратился въ свой трактиръ въ довольно дурномъ расположеніи духа. Хуже всего было то, что, раздѣваясь, я замѣтилъ, что часы мои пропали.

Многія причины воспретятствовали мнѣ итти на другой день требовать или просить коррехидора объ отысканіи ихъ. Я окончилъ свои поиски въ доминиканской рукописи и отправился въ Севилью. Послѣ разныхъ поѣздокъ по Андалузій, я хотѣлъ возвратиться въ Мадридъ, и долженъ былъ ѣхать черезъ Кордову. Я не располагалъ пробыть тамъ долго, потому что сталъ бояться этого прекраснаго города и купальщицъ гвадалквивирскихъ. Однако, свиданіе съ друзьями и нѣкоторія дѣла должны были задержать меня два или три дня въ древней столицѣ мусульманскихъ государей.

Въ доминиканскомъ монастырѣ одинъ изъ монаховъ принялъ меня съ отверстыми объятіями, вскричавъ:

— Слава Богу! Милости просимъ, любезный другъ. Мы уже васъ считали мертвымъ, и я прочиталъ множество *pater* и *ave* за упокой вашей души. И такъ вы не убиты; но что васъ обокрали, это мы знаемъ.

— Какимъ образомъ? спросилъ я, нешного удивленный.

— Ваши прекрасные часы съ репетиціей найдены, и вамъ отдадутъ ихъ. Разбойникъ въ тюрьмѣ, и какъ для него ничего не значило застрѣлить человѣка изъ-за бездѣлицы, то мы и боимся за вашу жизнь. Я пойду вмѣстѣ съ вами къ коррехидору за часами. Послѣ этого не говорите, что въ Испаніи нѣтъ правосудія!

— Признаюсь вамъ, сказалъ я, что я лучше желаю бы поте-

рять часы, тѣмъ быть свидѣтелемъ противъ бѣдняка, котораго повѣсятъ, тѣмъ болѣе что.... потому что....

— О, не безпокойтесь, его хорошо знаютъ безъ свидѣтельствъ и два раза вѣшать не стануть. Говоря вѣшать, я ошибаюсь. Нашъ разбойникъ хидальго: его удавятъ. Вы видите, что одна линия кража ничего не измѣнитъ въ его дѣлѣ; но онъ совершилъ много ужасныхъ убійствъ.

— Какъ его зовутъ?

— Онъ извѣстенъ подъ именемъ Хосе Наварро; но у него есть другое, басское имя, котораго намъ съ вами никогда не говорить. Право, это человѣкъ, котораго стоить видѣть, и если вы осматриваете замѣчательности страны, то не должны упустить случая видѣть, какимъ образомъ въ Испаніи бездѣльники отправляются на тотъ свѣтъ. Онъ въ часовнѣ, и отецъ Мартинесъ проводить васъ туда.

Мой доминиканецъ столько наставлялъ, чтобы я посмотрѣлъ приготовленіе къ *«petit pendement rien choï»*, что я не могъ отказаться. Я пошелъ къ заключенному со связкою сигаръ, которыми надѣялся извинить мое любопытство.

Меня ввели къ дону Хосе въ ту минуту, когда онъ обѣдалъ. Онъ довольно холодно кивнулъ мнѣ головою, и учтиво поблагодарилъ меня за сигары. Сосчитавъ сигары, которыя я ему подарилъ, онъ выбралъ себѣ нѣсколько, и отдалъ мнѣ назадъ оставшія, замѣтивъ, что ему болѣе не нужно.

Я спросилъ его, не могу ли я, посредствомъ денегъ, или съ помощію друзей моихъ, нѣсколько смягчить его участь. Сначала онъ пожалъ плечами, печально улыбаясь, но потомъ просилъ меня отслужить паніхиду за упокой души его.

— Можете ли вы, робко прибавилъ онъ: отслужить другую, за особу, которая васъ обидѣла.

— Конечно, отвѣчалъ я: но мнѣ кажется, меня никто здѣсь не обидѣлъ.

Онъ взялъ меня за руку, и пожалъ ее съ задумчивымъ видомъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ:

— Осмѣлюсь ли я еще просить васъ объ услугѣ? Возвращаясь на родину, вы, можетъ-быть, проѣдете черезъ Наварру или, по-крайней-мѣрѣ, черезъ Витторію, которая отъ нея недалеко?

— Да, отвѣчалъ я: я непременно проѣду черезъ Витторію. Можетъ-быть, я даже заѣду въ Пампелуну.

— О, въ Пампелунѣ многое можетъ привлечь ваше вниманіе.... Это прекрасный городъ... Я дамъ вамъ эту медаль (онъ пока-

залъ мнѣ маленькую серебряную медаль, которую носилъ на шеѣ), заверните ее въ бумагу..... Онъ остановился на минуту, чтобы пересилить свое волненіе: и отдайте ее или отошлите къ одной доброй женщинѣ: я дамъ вамъ ея адресъ. Скажите, что я умеръ, но не говорите какъ.

Я обѣщалъ исполнить его просьбу. Я видѣлъ его на другой день и провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ. Отъ него я узналъ тѣ печальныя подробности, которыя сообщаю читателямъ.

..... «Я родился, сказалъ онъ, въ Элисондо, въ Бастапской Долинѣ. Меня зовутъ донъ-Хосе Лисаррабенгоа, и вы довольно знаете Испанію, чтобы догадаться по имени, что я Баскъ и старій христіанинъ. Если я называюсь *донъ*, то имѣю на то право, и въ Элисондо я показалъ бы вамъ мою генеалогію на пергаментѣ. Меня хотѣли отдать въ духовное званіе, но въ училищѣ я не дѣлалъ никакихъ успѣховъ. Я слишкомъ любилъ играть въ мячъ, и это погубило меня. Когда мы, Наварцы, играемъ въ мячъ, мы забываемъ все. Однажды, когда я выигралъ, молодой человекъ изъ Алавы поссорился со мною; мы взяли наши *моксиласы* * и я выигралъ еще болѣе; но это заставило меня бѣжать. Я встрѣтилъ драгуновъ, и записался въ полкъ алманзской кавалеріи. Уроженцы нашихъ горъ скоро привыкаютъ къ военной жизни. Меня сдѣлали бригадиромъ и обѣщали дальнѣйшее повышеніе, какъ-вдругъ, къ моему несчастію, меня заставили охранять табачныя фабрики Севильи. Если вы были въ Севильѣ, то, вѣрно, видѣли это огромное строеніе, за крѣпостнымъ валомъ, возлѣ Гвадалквивира. Мнѣ кажется, что я и теперь еще вижу ворота, и возлѣ нихъ караулъ. Испанцы на службѣ, — или играютъ въ карты, или спятъ; я, какъ чистый Наварецъ, старался постоянно быть занятымъ. Я дѣлалъ цѣпь изъ латуни для моего булабочника. Вдругъ товарищи говорятъ: вотъ звонить колоколъ; женщины придутъ работать. Надобно сказать вамъ, сеньоръ, что на фабрикѣ работаютъ четыреста или пятьсотъ женщинъ. Онѣ свертываютъ сигары въ большой залѣ, куда не входятъ мужчины безъ позволенія *Двадцать-четвертаго* **, потому что онѣ тамъ безъ церемоніи, особенно молодыя, когда слишкомъ жарко. Въ тотъ часъ, когда онѣ приходятъ назадъ послѣ обѣда, множество молодыхъ людей собирается смотрѣть

* Палка окованная желѣзомъ.

** Судья, которому вѣрена полиція и внутреннее управленіе.

на нихъ, съ предложеніями разнаго роду. Немногія изъ этихъ дѣвицъ отказываются отъ тафтяной мантильи, и съ этою удочкою, охотнику стѣитъ только нагнуться, чтобы взять рыбу. Между-тѣмъ, какъ другіе смотрѣли, я оставался на моей скамьѣ, возлѣ воротъ. Я былъ тогда молодъ; я всё думалъ о родинѣ, и не вѣрилъ, чтобы могли быть красавицы безъ синнихъ юбокъ и головныхъ уборовъ падающихъ на плечи*. Ктому же, Андалузки пугали меня; я еще не довольно для нихъ образовался. Всегда насмѣшливыя, онѣ не говорили ни одной разсудительной рѣчи. Я сидѣлъ, смотря на свою цѣпь, когда услышалъ, какъ говорили: «Вотъ хитаночка!» Я поднялъ глаза и увидѣлъ ее. Это было въ нятицу, которой я никогда не забуду. Я увидѣлъ ту Карменъ, которую вы знаете, у которой я васъ встрѣтилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

«На ней была красная юбка, очень короткая, которая выказывала бѣлые шелковые чулки, не совсѣмъ новые, и маленькіе красные сафьянныя башмаки съ яркими пунсовыми лентами. Она спустила мантилью, чтобы показать свои плечи, и большой букетъ, выглядывавшій изъ ея рубашки. Она держала цвѣтокъ во рту, и шла, покачиваясь со стороны на сторону. Въ нашихъ краяхъ, женщина въ этомъ костюмѣ заставила бы всѣхъ перекреститься. Въ Севильѣ, каждый говоритъ ей какой-нибудь комплиментъ; она отвѣчала каждому, поводя глазами, упершись рукою въ бокъ, нагло, какъ настоящая Цыганка. Сначала она мнѣ не понравилась, и я продолжалъ свою работу; но она, по обыкновенію женщины и кошекъ, которыя не йдутъ, когда ихъ зовутъ, и приходятъ, когда ихъ не звали, остановилась и заговорила со мною:

— Пріятель, сказала она по андалузскому обыкновенію: не дашь ли ты мнѣ эту цѣпь, чтобы держать ключи отъ моего сундука?

— Эта цѣпь для моего булавочника, отвѣчалъ я.

— Твоего булавочника, вскричала она смѣясь: А! ты, вѣрно, дѣлаешь кружева, когда нуждаешься въ булавахъ! Всѣ засмѣялись, а я покраснѣлъ, и ничего не могъ отвѣчать. «Что жъ, продолжала она: сдѣлай мнѣ семь локтей черныхъ кружевъ на мантилью, булавочникъ души моей». И взявъ цвѣтокъ, который она держала во рту, она бросила мнѣ его прямо между двухъ глазъ. То была для меня какъ-будто пуля.... Я не зналъ, куда дѣваться, и стоялъ неподвижный какъ столбъ. Когда она вошла на фабрику, я замѣтилъ цвѣтокъ, упавшій къ моимъ но-

* Обыкновенный костюмъ наварскіхъ крестьянокъ.

гамъ; не знаю, что со мною сдѣлалось, но я поднялъ его, такъ, что товарищи не видѣли, и бережно спряталъ за рубашку. Первая глупость!

«Два или три часа спустя, я еще думалъ объ этомъ, когда въ караульную прибѣжалъ сторожъ съ встревоженнымъ лицомъ. Онъ сказалъ намъ, что въ большой залѣ убита женщина, и что надо прислать туда караулъ. Миѣ велѣли взять двухъ солдатъ и ятти. Я повиновался. Представьте себѣ, сеньоръ, что войдя въ залъ, я нахожу прежде всего триста женщинъ въ рубашкахъ, которыя кричали, ревели и подняли такой шумъ, что не слышно было бы Божьего грома. Въ одной сторонѣ лежала одна, покрытая кровью, съ X на лицѣ, который сдѣланъ былъ двумя ударами ножа. Противъ раненой, я увидѣлъ Карменъ, которую держали пять или шесть женщинъ. Раненая кричала:— «Духовника! духовника! я умираю!» Карменъ не говорила ни слова; она стиснула зубы, и поводила глазами, какъ хамелеонъ.—Что это значитъ? спросилъ я. Всѣ женщины говорили въ одинъ голосъ. Кажется, что раненая хвасталась, что у ней довольно денегъ, чтобы купить осла на трианскомъ рынкѣ.—Развѣ тебѣ не довольно метлы? спросила Карменъ, у которой былъ длиненъ языкъ. Та, обидясь, отвѣчала, что она не нуждается въ метлѣ, не имѣя чести быть ни Цыганкою, ни дочерью сатаны, но что мамзель Карменсита скоро познакомится съ осломъ, когда коррекхидоръ повезетъ ее на прогулку, съ двумя лакеями сзади, чтобы отгонять мухъ.—Такъ я сгонию мухъ съ твоего лица, сказала Карменъ, и въ ту же минуту, ножомъ, которымъ она рѣзала сигары, нарисовала на лицѣ ея андреевскій крестъ.

«Дѣло было ясно; я взялъ Кармену за руку.—Сестра, сказалъ я учтиво; надо за мною слѣдовать. Она бросила на меня взглядъ, какъ-будто узнавая меня; но спокойно сказала:— «Пойдемъ. Гдѣ моя мантилья? Она накинула ее на голову и пошла за нами, смиренная какъ овечка. Изъ караула миѣ велѣли вести ее въ тюрьму. Я помѣстилъ ее между двухъ драгуновъ, а самъ пошелъ сзади, какъ слѣдуетъ бригадиру. Мы пошли въ городъ. Сначала Цыганка молчала, но въ Змѣиной Улицѣ,—вы знаете, она заслуживаетъ это имя своими извилинами, Карменъ спустила мантилью на плечи, и обратясь ко миѣ, спросила:

— Скажите, куда вы меня ведете?

— Въ тюрьму, бѣдняжка, отвѣчалъ я такъ кротко, какъ долженъ отвѣчать добрый солдатъ женщинѣ.

— Увы! что со мною будетъ? Господинъ офицеръ, сжалъ-

тось надо шлю. Вы такъ молоды, такъ хороши.... Потому прибавила тише: позвольте мнѣ убѣждать, и я дамъ вамъ кусокъ *bar lachi*, который заставитъ всѣхъ женщинъ любить васъ. На это я отвѣчалъ серьезно, какъ могъ: — Мы здѣсь не затѣмъ, чтобы говорить вздоры; надо идти въ тюрьму, я ничего не могу сдѣлать.

«У насъ, горскихъ уроженцевъ, есть выговоръ, по которому насъ легко узнаютъ Испанцы. Поэтому Карменъ не трудно было догадаться, что я изъ провинціи. — Товарищъ моего сердца, сказала она на родномъ моемъ нарѣчій: мы земляки?»

«Нашъ языкъ, сеньоръ, такъ прекрасенъ, что звуки его на чужбинѣ заставляютъ насъ трепетать....

— Я изъ Элисондо, отвѣчалъ я.

— А я изъ Этчадара, сказала она. Цыгане увели меня въ Севилью. Я работала на фабрикѣ, чтобы возвратиться въ Наварру, къ моей бѣдной матери, которой я была единственною опорою. Ахъ! если бъ я была на родинѣ, передъ Бѣлою Горой! Меня оскорбляли, потому что я не принадлежу къ этой землѣ мошенниковъ, торговцевъ гнилыми апельсинами, и вся эта сволочь возстала на меня за то, что я имъ сказала, что ихъ севильскіе храбрецы съ ихъ ножами, не испугаютъ нашего мальчишку съ его *mqquila*. Товарищъ, другъ мой, неужели ты ничего не сдѣлаешь для землячки?»

«Она лгала, сеньоръ, она всегда лгала. Я не знаю, сказала ли когда-нибудь эта дѣвушка слово правды; но когда она говорила, я вѣрилъ ей: это было выше моихъ силъ. Я сходилъ съ ума, я ни о чемъ уже не думалъ. Я размышлялъ, что если бы Испанцы осмѣлились дурно говорить о моей родинѣ, то я сдѣлалъ бы съ ними то же, что сдѣлала Карменъ. Однимъ словомъ, я былъ какъ пьяный; я началъ говорить вздоръ, я готовъ былъ на все.

— Если я толкну тебя, и ты упадешь, продолжала она на родномъ моемъ нарѣчій: то не этимъ кастильскимъ рекрутамъ дотнать меня....

«Клянусь вамъ, что я забылъ все, и отвѣчалъ ей: — Попробуй, другъ мой, и да сохранишь тебя Богородица. Въ эту минуту мы проходили мимо тѣхъ узкихъ переулковъ, которыхъ такъ много въ Севильѣ. Вдругъ Карменъ оборотилась, и ударила меня кулакомъ въ грудь. Я нарочно упалъ навзничь. Однимъ скачкомъ она перескочила черезъ меня и бросилась бѣжать. Я тотчасъ всталъ, но своею пиквою загородилъ улицу, такъ, что товарищи не могли ее преслѣдовать. Потомъ я побѣжалъ самъ,

и они за мною; но догнать ее было невозможно съ нашими шпорами, саблями и пиками! Черезъ минуту она исчезла. Послѣ многихъ поисковъ, мы возвратились въ караульный домъ.

«Мои солдаты, чтобы не быть наказанными, сказали, что Карменъ говорила со мною по-баскски, и никому не показалось возможнымъ, чтобы ударъ дѣвушки могъ свалить меня съ ногъ. Смиряясь съ караула, я былъ разжалованъ, и посланъ на мѣсяць въ тюрьму.

«Первые дни заключенія прошли очень грустно. Поступая въ солдаты, я надѣялся по-крайней-мѣрѣ быть офицеромъ, и теперь потерялъ все. И за кого же? За Цыганку, которая смѣялась надо мной. Однако я не могъ объ ней не думать. Повѣрите ли, сеньоръ? Шелковые чулки, которые она выказала, убѣгая, были у меня безпрестанно передъ глазами. Я смотрѣлъ сквозь рѣшетку тюрьмы на улицу, и между всѣми проходившими женщинами не нашелъ ни одной, которая бы стояла этой дѣвушки. И, противъ воли, я смотрѣлъ на цвѣтокъ, который она мнѣ бросила.... Если есть колдунья, то она была колдунья!

«Однажды тюремщикъ вошелъ, и подалъ мнѣ алькальскій хлѣбъ*.

«Вамъ прислала это кузина», сказалъ онъ. Я взялъ хлѣбъ и очень удивлялся, потому что у меня не было кухни въ Севильѣ. Когда я разрѣзывалъ его, ножъ мой встрѣтилъ что-то твердое. Я увидѣлъ маленькую англійскую пилу, которую положили въ тѣсто, прежде чѣмъ хлѣбъ былъ испеченъ. Кромѣ-того, въ хлѣбѣ была золотая монета въ два піастра. Это былъ подарокъ Карменъ. Но тогда у меня была еще честь солдата, и бѣжать казалось мнѣ преступленіемъ. Однако я тронуть былъ тѣмъ, что она обо мнѣ вспомнила.

«Когда меня разжаловали, я думалъ, что мнѣ нечего болѣе переносить; но мнѣ оставалось еще униженіе, стоять на часахъ, какъ простому солдату. Вы не можете себя представить, что человекъ съ честолюбіемъ чувствуетъ въ подобномъ случаѣ. Я лучше хотѣлъ быть разстрѣляннымъ.

«Меня поставили на часы къ дверямъ полковника. Онъ былъ молодой человекъ, богатый, любившій повеселиться. Всѣ молодые офицеры были у него, и дамы и актрисы. Въ моемъ положеніи, мнѣ казалось, что весь городъ собрался у дверей, чтобы смотрѣть на меня. Вдругъ подъѣзжаетъ карета полковника, съ

* Alcala de los Panaderos, маленький городокъ, недалеко отъ Севильи, гдѣ дѣлаютъ прекрасные хлѣбы.

его лакеемъ на запяткахъ. Кто же изъ нея вышелъ? Хитана. На этотъ разъ она была вся въ золотѣ и лентахъ; въ рукахъ у нея были бубны. Съ нею были двѣ другія Цыганки, старуха и молодая, и старикъ-Цыганъ съ гитарою. Вы знаете, что Цыганокъ часто зовутъ въ общества, чтобы посмотрѣть, какъ онѣ танцуютъ *gomas*, а иногда и за другимъ чѣмъ-нибудь.

«Карменъ узнала меня, и мы обмѣнялись взглядомъ. Не знаю отчего, но въ эту минуту я хотѣлъ быть на-сто шаговъ подъ землею. «*Agur lag-una*», сказала она. Офицеръ мой, ты стойшь на часахъ, какъ рекрутъ!» И прежде, чѣмъ я пашелся что отвѣчать, она была въ домѣ.

«Все общество было на дворѣ, и несмотря на толпу, я могъ видѣть сквозь рѣшетку все, что тамъ происходило. Я слышалъ кастаньеты, бубны, смѣхъ и браво. Иногда я видѣлъ ея голову, когда она прискакивала съ бубнами. Потомъ я слышалъ, какъ офицеры говорили ей такія вещи, отъ которыхъ я краснѣлъ. Не знаю, что она отвѣчала. Съ этого дня я совершенно въ нее влюбился, и мнѣ приходила мысль, разогнать ударами сабли всѣхъ этихъ вѣтрогоновъ. Мое мученіе продолжалось слишкомъ часъ; потомъ Цыгане уѣхали. Карменъ, проходя мимо, опять посмотрѣла на меня тѣми глазами, которые вы знаете, и сказала мнѣ очень тихо: — «Землякъ, когда любятъ хорошее жаркое, то ходятъ ѣсть его въ Триану, къ Лиллѣ Пастіа». Легкая, какъ кабри, она порхнула въ карету, кучеръ ударилъ по муламъ, и веселая толпа уѣхала.

«Вы угадываете, что смѣнясь съ караула, я пошелъ въ Триану; но сначала я нарядился, какъ на парадъ. Она была у Лиллы Пастіа, Цыгана чернаго какъ Мавръ, къ которому многіе приходили ѣсть жареную рыбу, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ тамъ поселилась Карменъ. — «Лилла, сказала она, увидя меня: я больше ничего не буду сегодня дѣлать. Завтра будетъ день **! Пойдемъ, землякъ, пойдемъ гулять.» Она закрылась мантиліей, и я очутился съ нею на улицѣ, идя самъ не зная куда.

— «Сударыня, сказалъ я: благодарю васъ за подарокъ, который вы мнѣ прислали въ тюрьму. Хлѣбъ я съѣлъ, пила осталася у меня, а деньги — вотъ они.

— Каково! онъ сберегъ деньги, вскричала она, помня со смѣху: Тѣмъ лучше, потому что я теперь не богата; но со-

* Здравствуй, товарищъ.

** *Mañana será otro día*, испанская пословица.

бака, которая ходитъ, съ голоду не умретъ *. Проѣдимъ все, ты меня угощаешь.

«Мы пошли къ Севильѣ; при входѣ въ Змѣиную Улицу, она купила дюжину апельсиновъ, и завязала ихъ въ мой платокъ. Далѣе, она купила еще хлѣбъ, сосиски, бутылку мансанья, и вошла къ кондитеру. Тамъ она бросила ему золотую монету, которую я далъ ей, другую изъ своего кармана съ серебряною мелочью. Наконецъ спросила у меня все, что со мною было. Я отдалъ ей нѣсколько мелкихъ монетъ, стыдясь, что не имѣлъ болѣе. Я думалъ, что она хочетъ забрать всю лавку. Она взяла все, что было лучшаго и дорогаго, и все это я долженъ былъ нести въ сверткахъ бумаги. Мы остановились въ этой улицѣ, передъ старымъ домомъ. Она вошла въ корридоръ и постучалась. Цыганка, настоящая прислужница сатаны, отперла намъ. Карменъ сказала ей нѣсколько словъ. Старуха сначала заворчала. Чтобы успокоить ее, Карменъ дала ей два апельсина и горсть конфетовъ, и позволила ей попробовать вина. Потомъ она надѣла ей свою мантилію на спину, вывела ее за двери, и заперла ихъ деревянною задвижкой. Когда мы остались одни, она начала смѣяться и прыгать, какъ сумасшедшая, крича: — «Ты мой *rom*, я твоя *romi*»*. Я стоялъ посерединѣ комнаты, загруженный всѣми покупками, которыя не зналъ куда положить. Она скинула все на полъ и бросилась ко мнѣ на шею, говоря: «Я плачѣ свои долги, я плачѣ свои долги!» Ахъ, сеньоръ, этотъ день! этотъ день!... думая о немъ, я забываю завтрашній.»

Бандиты замолчали на минуту; потомъ, закуривъ сигару, онъ продолжалъ:

«Мы провели вмѣстѣ цѣлый день, ѣли, пили, и прочее. Наѣвшись конфетъ, какъ шестилѣтнее дитя, она набила ихъ въ кружку съ водою старухи.—Вотъ ей шербетъ, сказала она. Она кидала апельсинами въ стѣну; не было шалости, которой бы она не сдѣлала. Я сказалъ ей, что хочу видѣть какъ она танцуетъ; но гдѣ найти кастаньеты? Она тотчасъ взяла единственную тарелку старухи, разбила ее въ куски, и стала танцовать *gomalis*, шелкая черепками, какъ кастаньетами. Увѣряю васъ, что съ этой дѣвушкой нельзя было соскучиться. Вечеромъ, въ городѣ стали бить зорю. — Мнѣ нужно идти въ казармы къ переключкѣ,

* *Cinquel sos pirela, cocal terela.* Собака, которая ходитъ, найдетъ кости (цыганская пословица).

* *Rom* — мужъ; *romi* — жена.

сказалъ я.—«Въ казармы? спросила она съ презрительнымъ видомъ: ступай, у тебя сердце курицы». Я остался, заранѣе готовясь къ аресту. Поутру, она первая сказала, что намъ нужно разстаться.—Послушай, Хосейто, сказала она: заплатила ли я тебѣ? По нашему закону, я ничѣмъ не была тебѣ обязана, потому что ты *paullo*; но ты хорошенькой мальчикъ, и понравился мнѣ. Мы квиты. Прощай.

«Я спросилъ у нея, когда я ее снова увижу.

— Когда ты будешь не такъ простъ, отвѣчала она, смѣясь. Потомъ она прибавила серіознѣе: «Знаешь ли, мнѣ кажется будто я немножко люблю тебя? Но это не можетъ долго продолжаться. Собака и волкъ долго не уживутся вмѣстѣ. Можетъ-быть, если бы ты принялъ нашу вѣру, я согласилась бы быть твоею женою. Но это вздоръ; это невозможно. Еще разъ прощай. Не думай болѣе о Карменситѣ, а то она женить тебя «на вдовѣ съ деревянными ногами» *.

«Говоря это, она отпирала задвижку; выйдя на улицу, вернулась въ мантилью и исчезла.

«Она говорила правду. Лучше было бы для меня вовсе о ней не думать; но съ дня, проведеннаго въ Змѣиной Улицѣ, я не могъ ни о чемъ другомъ думать. Я прогуливался цѣлый день, думая ее встрѣтить. Я спрашивалъ о ней старуху и Цыгана Лиллу. Оба они отвѣчали, что она уѣхала въ Португалію. Вѣроятно, такъ велѣла имъ отвѣчать Карменъ; но я скоро удостовѣрился, что они лгутъ. Черезъ нѣсколько недѣль я стоялъ въ караулѣ у городскихъ воротъ. Недалеко отъ этихъ воротъ, въ стѣнѣ образовался проломъ; днемъ тамъ работали, а ночью стоялъ часовой. Днемъ я замѣтилъ, что Лилла Пастіа безпрестанно ходилъ назадъ и впередъ мимо гауптвахты, и разговаривалъ съ моими товарищами, которые всѣ его знали, а еще болѣе его рыбу и блины. Онъ подошелъ ко мнѣ, и спросилъ, не имѣю ли я извѣстій о Карменѣ. Нѣтъ, отвѣчалъ я.—«Ну, такъ будете имѣть». Онъ не ошибался. Ночью меня поставили на часы къ пролому. Только что отошелъ бригадиръ, ко мнѣ подошла женщина. Сердце сказало мнѣ, что это была Карменъ. Однако я закричалъ: здѣсь нельзя пройти!—Полно шумѣть, сказала она, показываясь.—«Какъ! это ты, Карменъ!» — Да, землякъ. Хочешь получить дура? Сюда придутъ люди съ тюками, пропусти ихъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мнѣ приказано никого не пропускать.

* Висълица.

— Приказано! приказано! Ты не думай о приказаніяхъ въ Змѣиной Улицѣ.

— А! отвѣчалъ я, взволнованный этимъ воспоминаемъ,—это стоило того, чтобы забыть приказъ: но мнѣ не нужны деньги контрабандистовъ.

— Ну, если тебѣ не нужны деньги, то хочешь, мы пойдёмъ еще обѣдать къ старой Доротеѣ?

Нѣтъ, отвѣчалъ я, почти задушаемый усніемъ, которое дѣлалъ надъ собою: я не могу.

— Прекрасно. Если ты затрудняешься, то я знаю, къ кому обратиться, я предложу твоему офицеру идти къ Доротеѣ. Онъ, кажется, добрый малой, и поставитъ другаго часоваго, который не увидитъ того, что надо видѣть. Прощай, я посибюсь, когда тебя велѣтъ повѣсить.

«Я имѣлъ слабость позвать ее, и обѣщалъ пропустить хоть всѣхъ Цыганъ на свѣтъ, чтобы только получить единственную награду, которой я желалъ. Она клялась сдержать свое слово на другой день, и побѣжала предупредить своихъ товарищей, бывшихъ въ двухъ шагахъ. Ихъ было пять, вмѣстѣ съ Пастіа, всѣ нагруженные англійскими товарами. Карменъ караулила. Она должна была извѣстить кастаньетами, когда замѣтитъ рундъ, но до этого не дошло. Контрабандисты въ одну минуту сдѣлали свое дѣло.

«На другой день я отправился въ знакомую улицу. Карменъ заставила ждать себя, и пришла, какъ-будто не въ духѣ.— «Я не люблю людей, которые заставляютъ себя просить», сказала она. Въ первый разъ ты оказалъ мнѣ большую услугу, не зная, будешь ли ты за нее вознагражденъ, а вчера ты торговался со мною. Я не знаю, зачѣмъ пришла, потому что ужъ не люблю тебя. Ступай, вотъ тебѣ дура за труды.» Я едва не бросилъ ей его въ голову; проспоря нѣкій часъ, я вышелъ вмѣ себя. Я блуждалъ по городу, какъ сумасшедшій, наконецъ сѣлъ въ темномъ уголку, и заплакалъ горькими слезами. Вдругъ я услышалъ голосъ: — «Слезы драгуна! Я сдѣлаю изъ нихъ любовный напитокъ.» Я поднимаю глаза: противъ меня стояла Карменъ.— Чтò жъ, ты всё-еще на меня сердиться? сказала она.— «Видно я люблю тебя, потому что съ-тѣхъ-поръ какъ ты меня оставила, я не знаю, чтò со мною дѣлается.— «Ну, теперь я спрошу тебя, хочешь ли ты идти въ Змѣиную Улицу?» Мы помирились, Карменъ обѣщала мнѣ еще разъ притти къ Доротеѣ, но не пришла, и Доротея сказала мнѣ, что она уѣхала въ Португалію по египетскимъ дѣламъ.

«Зная уже по опыту, что мнѣ дѣлать, я искалъ Карменъ вездѣ гдѣ она могла быть, и разѣ двадцать проходилъ по Зигвиной Улицѣ. Однажды вечеромъ, я сидѣлъ у Доротеи, когда Карменъ вошла съ молодымъ человѣкомъ, поручикомъ нашего полка. «Уйди скорѣе прочь, сказала она мнѣ.» Я оставался неподвижнымъ, съ яростью въ сердцѣ.—Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ поручикъ. Ступай вонъ. Я не могъ тронуться съ мѣста; я былъ какъ-будто прикованъ. Офицеръ разсердился, видя, что я не уйду и даже не снимаю шапки, схватилъ меня за воротъ и грубо толкнулъ. Не знаю, что я сказалъ ему. Онъ вынулъ саблю и ударилъ меня ею плашмя. Голова у меня закружилась и я тоже выхватилъ саблю изъ ноженъ. Старуха схватила меня за руку, а поручикъ далъ мнѣ ударъ въ лобъ, отъ котораго и теперь еще остались слѣды. Я отступилъ, и ударомъ локтя отбросилъ Доротею навзничь; потомъ уставилъ острее противъ поручика, который, преслѣдуя меня, наткнулся на него. Тогда Карменъ потушила лампу и велѣла Доротеѣ бѣжать. Я такъ же выбѣжалъ на улицу, и бросился, самъ не зная куда. Мнѣ показалось, что кто-то за мною слѣдуетъ. Опомнясь, я увидѣлъ, что Карменъ не оставила меня.—«Простякъ, сказала она: ты дѣлаешь одни глупости. Я сказала, что принесу тебѣ несчастье; но можно всему помочь, когда есть подруга Цыганка. Положи этотъ платокъ на голову, и сбрось мундиръ. Подожди, я сейчасъ приду.» Она исчезла и скоро принесла мнѣ полосатый плащъ. Сбросивъ мундиръ, я надѣлъ плащъ сверхъ рубашки. Въ такомъ нарядѣ, съ платкомъ, которымъ она обвязала мою рану, я ходилъ на валенсійскихъ крестьянъ, приходящихъ въ Севилью. Потомъ она повела меня въ какой-то переулокъ, въ домъ похожій на домъ Доротеи. Вмѣстѣ съ другою Цыганкою она обыла меня, перевязала лучше всякаго лекаря, и дала мнѣ что-то пить; наконецъ, меня положили на тюфякъ, и я уснулъ.

«Вѣроятно, мнѣ дали усыпительнаго питья, потому что я проснулся поздно на другой день. Карменъ, перевязавъ мнѣ рану, совѣтовала скорѣе бѣжать изъ Севильи.

— Послушай, сказала она, сдѣлайся контрабандистомъ: это лучше чѣмъ быть разстрѣляннымъ. Ты будешь жить славно, пока не попадешься таможеннымъ.

«Такимъ образомъ эта адская дѣвушка показала мнѣ новую дорогу, единственную, впрочемъ, которая мнѣ оставалась. Но съ этихъ поръ я думалъ одинъ обладать ея любовью. — «А! ты ревнивъ, сказала она: тѣмъ хуже для тебя. Можно ли быть до

такой степени глупымъ? Развѣ ты не видишь, что я тебя люблю, потому что никогда не просила у тебя денегъ?

«Когда она говорила это, мнѣ хотѣлось ее задушить. Карменъ достала мнѣ платье, въ которомъ я вышелъ изъ Севильи, не бывъ никѣмъ узнанъ. Я отправился въ Фересь съ письмомъ отъ Пастіа къ купцу, у котораго собиравлись контрабандисты. Начальникъ ихъ, котораго звали Данкапръ, принялъ меня въ свою шайку. Мы отправились въ Гочекъ, гдѣ я нашелъ Карменъ, назначившую мнѣ свиданіе. Въ экспедиціяхъ она всегда служила намъ шпиономъ. Она возвращалась изъ Гибралтара, и уже условилась съ капитаномъ судна о мѣстѣ выгрузки англійскихъ товаровъ, которые мы должны были принять. Мы пошли ожидать ихъ въ Эстенонъ и часть ихъ скрыли въ горахъ; съ остальнымъ мы отправились въ Ронду. Карменъ пріѣхала туда прежде. Она же и извѣстила насъ, когда можно войти въ городъ. Этотъ вояжъ и многіе другіе были счастливы. Жизнь контрабандиста нравилась мнѣ болѣе чѣмъ жизнь солдата: я дѣлалъ подарки Карменъ, которую часто видѣлъ. Она показывала ко мнѣ болѣе дружбы, чѣмъ когда-либо; но передъ товарищами не говорила, что была моею любовницею. Она даже взяла съ меня клятву ничего объ этомъ не говорить. Я былъ такъ слабъ, что во всемъ ей повиновался.

«Наша шайка, состоявшая изъ восьми или десяти человекъ, собиралась только въ рѣшительныхъ случаяхъ, а обыкновенно мы жили по-двое, по-трое, въ деревняхъ и селахъ. Каждый изъ насъ какъ-будто занимался какимъ-нибудь ремесломъ: тотъ былъ угольщикъ, другой лошадиный барышникъ; я былъ лавочникомъ, но не показывался въ людныхъ улицахъ, опасаясь своего севильскаго дѣла. Однажды, ночью, мы должны были сойтись внизу Вехера. Данкапръ и я пришли прежде другихъ. Онъ казался очень веселымъ. — У насъ будетъ еще товарищъ, сказалъ онъ мнѣ. Карменъ успѣла въ одной изъ своихъ лучшихъ хитростей. Она освободила своего рома изъ тарифской крѣпости.

— Какъ! мужа? Развѣ она за-мужемъ? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ, за Гарсіей Кривымъ, такимъ же хитрымъ Цыганомъ, какъ она. Бѣднякъ былъ на галерахъ. Карменъ такъ околдовала крѣпостнаго лекаря, что онъ выхлопоталъ свободу ея мужу. О, это золотая дѣвушка! Уже два года она старалась доставить ему средство убѣжать. Ничто не удавалось, пока не смѣнили смотрителя. Съ этимъ она тотчасъ кончила дѣло.

«Вы понимаете, какъ эта новость была пріятна для меня. Я вскорѣ

увидѣлъ Гарсію-Криваго: это было самое гадкое чудовище, чернѣйшій тѣломъ и еще чернѣе душою. Карменъ пришла вмѣстѣ съ нимъ, и надобно было видѣть, какіе глаза она дѣлала, называя его ромомъ передо мною, и какія гримасы, когда Гарсія отворачивался. Я былъ въ негодованіи, и не говорилъ съ нею всю ночь. Утромъ мы связали тюки и были уже въ дорогѣ, когда замѣтили за собою двѣнадцать всадниковъ. Наши Андалузцы тотчасъ наострили лыжи. Данканръ, Гарсія, хорошенькій мальчикъ изъ Экихи, называвшійся Ремендадо, и Карменъ, не потерялись. Остальные бросили муловъ, и скрылись въ овраги, куда лошади не могли за ними слѣдовать. Мы не могли сохранить животныхъ, и старались взять на плечи драгоцѣннѣйшую часть нашей добычи и скрыться въ горахъ. Въ это время непріятель сталъ стрѣлять изъ засады, и мнѣ въ первый разъ пришлось услышать свистъ пулы. Но въ глазахъ женщины не трудно смѣяться надъ смертію. Мы ушли, кромѣ бѣднаго Ремендадо, который былъ раненъ пулею въ бокъ. Я бросилъ свою связку, и хотѣлъ его взять. — Глушецъ! кричалъ мнѣ Гарсія: какое намъ дѣло до падальны: докончи его, и не теряй бумажныхъ чулковъ. — «Брось его, брось его», кричала Карменъ. Усталость заставила меня прислонить его на минуту къ скалѣ. Гарсія подошелъ и выстрѣлилъ ему въ голову изъ мушкетона. — «Пусть теперь кто-нибудь его узнаеть!» сказалъ онъ, смотря на это лицо, разстрѣленное двѣнадцатью пулями».

Вотъ, сеньоръ, какую жизнь я велъ. Вечеромъ, мы очутились въ кустахъ, утомленные усталостью, безъ пищи, и разоренные потерей нашихъ муловъ. Гарсія вынулъ карты изъ кармана и сталъ играть съ Данканромъ при свѣтѣ огня, который они развели. Въ это время я лежалъ, смотря на звѣзды, думая о Ремендадо, и желая быть на его мѣстѣ. Карменъ сѣла возлѣ меня и, напѣвая, прицѣлывала кастаньетами. Потомъ, приближаясь, какъ-бы для того, чтобъ сказать мнѣ на-ухо, она поцѣловала меня, почти противъ моей воли, два или три раза. — Ты дѣмонъ, сказалъ я. — «Да», отвѣчала она.

«Отдохнувъ немного, она отправилась въ Гочекъ, и на другой день у насъ явился хлѣбъ. Мы пробыли тутъ цѣлый день, а къ ночи приблизились къ Гочеку, ожидая новостей отъ Карменъ. Никто не явился. Съ разсвѣтомъ, мы увидѣли погонщика муловъ, который везъ даму, хорошо одѣтую, съ зонтикомъ и дѣвочкою, казавшеюся ея служанкою. Гарсія сказалъ намъ: — «Вотъ два мула и двѣ женщины, которыхъ посылаеть намъ судьба; лучше бы четыре мула, но и это годится. Онъ взялъ

свой мушкетонъ и, спустясь къ дорогѣ, скрылся въ кустарникѣ. Мы съ Данкаиромъ послѣдовали за нимъ. Подойдя ближе, мы вышли, и велѣли погонщику остановиться. Женщина, увидя насъ, вмѣсто того, чтобъ испугаться хоть одного нашего тоалета, громко захохотала.—«А! негодяи, вы приняли меня за порядочную женщину!» То была Карменъ, но такъ переодѣтая, что ее трудно было узнать. Она соскочила съ мула, и нѣсколько времени тихо разговаривала съ Данкаиромъ и Гарсією, и потомъ сказала мнѣ:— «Мы увидимся прежде чѣмъ тебя повѣсятъ. Я ѣду въ Гибралтаръ по египетскимъ дѣламъ. Ты скоро обо мнѣ услышишь». Мы расстались, и она указала намъ мѣсто, гдѣ мы можемъ покуда укрываться. Эта дѣвушка была благодѣтельнымъ гениемъ нашей шайки. Вскорѣ мы получили отъ нея нѣсколько денегъ, и извѣстіе, которое было для насъ еще дороже: именно, что въ такой-то день отправятся два англійскихъ милорда по такой-то дорогѣ, изъ Гибралтара въ Гренаду. Мы промаху не дали. У нихъ было много гней. Гарсія хотѣлъ убить ихъ, но Данкаиръ и я удержали его. Мы взяли у нихъ только деньги и часы, кромѣ рубахъ, въ которыхъ мы имѣли большую нужду.

«Повѣрьте, сеньоръ, что бездѣльникомъ дѣлаешься, самъ не зная какъ. Хорошенькая дѣвушка заставляетъ васъ терять голову, за нее дерешься, выходитъ несчастіе, надобно бѣжать въ горы, и изъ контрабандиста дѣлаешься разбойникомъ, не успѣвъ опомниться. Мы разсудили, что намъ не безопасно оставаться около Гибралтара, и углубились въ Сьерру де-Ронду. Вы говорили мнѣ о Хосе-Маріи; тамъ я сошелся съ нимъ. Онъ бралъ свою любовницу въ походы. Она была прекрасная дѣвушка, умная, скромная, съ кроткими манерами; никогда она не произносила ни одного дурнаго слова и была предана ему на-смерть..... Взять, онъ дѣлалъ ее очень несчастною. Онъ всегда гонялся за дѣвухами, дурно обходился съ нею, и даже иногда прикидывался ревнивымъ. Одинъ разъ онъ ударилъ ее ножомъ. Чтѣ жъ! она стала любить его еще болѣе. Ужъ таковы женщины, въ-особенности Андалузки. Эта гордилась своимъ рубцомъ на рукѣ, и показывала его, какъ драгоценность. И кому жъ, Хосе-Марія былъ самый дурной товарищъ!.... Въ одномъ дѣлѣ онъ распорядился такъ, что всѣ выгоды достались ему, а всѣ раны и затрудненія намъ. Но я продолжаю мой разсказъ.

«О Карменъ не было и слуху. Данкаиръ сказалъ:

— Надобно, чтобы кто-нибудь изъ насъ отправился въ Гибралтаръ, узнать объ ней. Я пошелъ бы, но меня всѣ зна-

ютъ въ Гибралтарѣ. Гарсія сказалъ: «Меня также знаютъ; я также тамъ много напраказилъ». — Значитъ я долженъ идти? сказалъ я въ свою очередь, радуясь что увижу Карменъ: что же мнѣ дѣлать? — Они отвѣчали мнѣ: «Приѣхавъ въ Гибралтаръ, спроси, гдѣ живетъ торговка шоколадомъ, Роллона. Отъ нея ты узнаешь, что тамъ дѣлается. Прибывъ въ Гибралтаръ, я нашелъ, что тамъ знаютъ Роллону, но что она умерла или исчезла неизвестно куда, и потому мнѣ казалось, что мы потеряли всѣ средства имѣть сношенія съ Карменъ. Я поставилъ лошадь въ конюшню, и взявъ свои апельсины, пошелъ по городу, какъ-будто продавая ихъ, думая, не встрѣчу ли какого-нибудь знакомаго лица. Черезъ два дня, ничего не узнавъ о Карменъ и Роллонѣ, я хотѣлъ уже возвратиться къ товарищамъ, когда, гуляя по улицѣ, при закатѣ солнца, вдругъ слышу голосъ женщины, которая звала меня изъ окна: — «Торговецъ апельсинами!...» Я поднялъ голову, и увидѣлъ на балконѣ Карменъ, съ офицеромъ въ красномъ мундирѣ, въ золотыхъ эполетахъ, походившимъ на знатнаго милорда. Она была одѣта прекрасно; шаль на плечахъ, золотая гребенка, вся въ шелку; и нисколько не измѣнилась, она смѣялась по-прежнему. Англичаннинъ, коверкая испанскій языкъ, велѣлъ мнѣ войти; а Карменъ сказала мнѣ на моемъ языкѣ: — «Войди, и ничему не удивляйся.» Въ самомъ дѣлѣ, съ ея стороны ничто не должно было удивлять меня. Не знаю, чувствовалъ ли я болѣе радости, чѣмъ печали, найдя ее. У дверей стоялъ огромный напудренный лакей, который ввелъ меня въ великолѣпную залу. Карменъ сказала мнѣ по-баскски: «Ты не знаешь ни слова по-испански, ты меня не знаешь.» Потомъ, обращаясь къ Англичаннину: «Я правду вамъ говорила, я тотчасъ узнала, что это Баскъ; вы услышите, какой смѣшной языкъ. Какой у него глупый видъ, неправда ли? Онъ похожъ на кошку, которую поймали въ кладовой!» — А ты похожа на безстыдную женщину, отвѣчалъ я на своемъ языкѣ, и мнѣ бы очень хотѣлось побить тебя передъ твоимъ любезнымъ. — «Мои любезнымъ! Какъ, ты ревнуешь этого болвана? Развѣ ты не видишь, что въ это время я обдѣлываю египетскія дѣла, и самымъ блистательнымъ образомъ. Этотъ домъ мой, гниетъ этого рака мок; я вожу его за носъ, и заведу туда, откуда ему не выйти».

— А я сдѣлаю такъ, отвѣчалъ я, что ты не будешь продолжать своихъ египетскихъ дѣлъ.

— А! Вотъ еще! Развѣ ты мужъ мой, чтобы повелѣвать мною. Если Кривой молчатъ, то какое тебѣ дѣло. Ты долженъ

быть доволенъ тѣмъ, что одинъ можешь назваться *mon maître-chorrod* *.

— Что онъ говорить? спросилъ Англичанинъ.

— Онъ говорить, что ему хочется пить, отвѣчала Карменъ. И она повалилась на диванъ, хохоча надъ своимъ переводомъ.

«Сеньоръ, когда эта дѣвушка смѣялась, тогда нельзя было говорить объ дѣлѣ. Съ нею смѣялись всѣ. Англичанинъ сталъ смѣяться какъ сумасшедшій, и велѣлъ принести мнѣ пить. Между-тѣмъ, какъ я пилъ, Карменъ сказала мнѣ:

— Видишь этотъ перстень на его пальцѣ? хочешь, я тебѣ его подарю?

— Я желалъ бы встрѣтить твоего Англичанина въ горахъ.

«Между-тѣмъ вошелъ слуга, и сказалъ, что обѣдъ готовъ. Англичанинъ всталъ, далъ мнѣ пиастръ, и подалъ руку Карменъ, какъ-будто она не могла идти одна. Карменъ, продолжая смѣяться, сказала мнѣ: «Я не могу пригласить тебя обѣдать; но завтра, когда ты услышишь барабанъ на парадѣ, приходи сюда съ апельсинами. Ты найдешь комнату по-лучше, чѣмъ въ Змѣиной Улицѣ, и увидишь, та ли я Карменита что прежде. А потомъ мы поговоримъ объ египетскихъ дѣлахъ». Я не отвѣчалъ, и вышелъ на улицу.

Я не спалъ всю ночь, и поутру такъ сердить былъ на измѣнницу, что рѣшился уѣхать изъ Гибралтара, не видясь съ нею; но при первыхъ звукахъ барабана, вся рѣшимость меня оставила; я взялъ мѣшокъ съ апельсинами и побѣжалъ къ Карменъ. Она ждала меня у окна. Напудренный лакей ввелъ меня; она дала ему какое-то порученіе, и когда мы остались одни, захохотала смѣхомъ крокодила, и бросилась ко мнѣ на шею. Я никогда не видѣлъ ее столь прекрасною. Разряженная какъ принцесса, надушенная.... шелковая мебель, вышитые занавѣсы.... а я былъ одѣтъ, какъ воръ. «*Minchoffd!* говорила Карменъ: мнѣ хочется все изломать здѣсь, зажечь домъ, и убѣжать въ горы». И потомъ были вѣжности!... и какой смѣхъ!... и она танцевала, рвала платье. «Послушай, сказала она наконецъ, принявъ серіозный видъ: дѣло идетъ объ Египтъ. Я хочу, чтобы онъ свезъ меня въ Ронду, гдѣ у меня сестра монахиня.... (Здѣсь новый смѣхъ.) Мы пройдемъ черезъ мѣсто, которое я тебѣ назначу. Вы нападете на него, и дѣло съ концомъ. Но, сказала она съ какою-то дьявольскою улыбкою: знаешь, что надо сдѣлать. Пусть Кри-

* *Монъ любовникомъ или, точнѣе, моею прихотью.* Digitized by Google

вой пеняется первымъ. Держись немного назадъ. Англичайннъ храбръ и ловокъ: у него славные пистолеты.... Понимаешь?... И она снова захохотала, такъ, что я затрепеталъ.

— Нѣтъ, сказала я, я ненавижу Гарсию, но онъ мой товарищъ. Когда-нибудь я, можетъ-быть, тебя отъ него избавлю, но сдѣлаю это, какъ водится въ нашей сторонѣ.

— Ты глупецъ, простякъ! сказала Кармень: настоящій *рауло*. Ты какъ карликъ, который считаетъ себя большимъ, потому что ему удалось далеко плюнуть *. Ты не любишь меня, ступай.

«Когда она говорила мнѣ? Ступай, я никакъ не могъ уйти. Я общалъ ей уѣхать, возвратиться къ товарищамъ, и ждать Англичайнна; съ своей стороны, она общала мнѣ быть больною до пѣздни въ Ронду. Она имѣла смѣлость прийти ко мнѣ, переедтая, въ трактиръ. Я уѣхалъ; у меня также былъ свой планъ. Я возвратился къ товарищамъ, зная мѣсто и время, когда долженъ проѣзжать Англичайннъ съ Кармень. Данкаиръ и Гарсиа ожидали меня. Мы провели ночь въ лѣсу, разведя огонь. Я предложилъ Гарсию играть въ карты. Онъ согласился; при второй партіи я сказалъ ему, что онъ плузуетъ; онъ сталъ смѣяться; я бросилъ ему карты въ лицо; онъ хотѣлъ взять свой карабинъ; я наступилъ на него ногою, и сказалъ: «Говорятъ, что ты хорошо владеешь ножомъ; не хочешь ли попробовать со мною?» Данкаиръ хотѣлъ разнять насъ, но напрасно; черезъ двѣ минуты противникъ мой лежалъ безъ движенія, плавая въ крови. «Что ты сдѣлалъ?» сказалъ Данкаиръ. — Послушай, сказалъ я: мы не могли жить вмѣстѣ. Я люблю Кармень, и хочу быть одинъ. Теперь насъ только двое. Хочешь ли быть моимъ другомъ, на жизнь или на-смерть? Данкаиръ протянулъ мнѣ руку: онъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти. — «Къ чорту любовь! вскричалъ онъ. Если бы ты попросилъ у него Кармень, онъ продалъ бы ее тебѣ за шість. Насъ только двое; какъ же намъ быть завтра?» — Оставь меня одного, отвѣчалъ я: теперь я смѣюсь надъ цѣлымъ свѣтомъ.

Мы похоронили Гарсию, и расположились въ двухъ стахъ шагахъ далѣе. На другой день Англичайннъ съ Кармень проѣхали съ двумя погонщиками муловъ и однимъ слугою. — Я сказалъ Данкайру: — «Я беру на себя Англичайнна. Ты испугай другихъ; они не вооружены.» Англичайннъ былъ силенъ: если бы Кармень не толкнула руки его, онъ бы убилъ меня. Одинъ

* Цыганская поговорка.

словомъ, въ этотъ день я узналъ Карменъ, и первымъ словомъ моимъ было объявить ей, что она вдова. Когда она узнала, какъ это вышло: «Ты всегда будешь lillipendi. Гарсія долженъ былъ тебя убить, но вѣрно пришла его очередь. Твоя также придетъ.» И она ударила кастаньетами, что дѣлала всегда, когда хотѣла прогнать какую-нибудь неприятную мысль.

«Такимъ образомъ началась для насъ новая жизнь. Мы съ Данкаиромъ набрали себѣ новыхъ товарищей, и занимались контрабандою, грабя на большихъ дорогахъ только въ крайности. Впрочемъ, мы не грабили путешественниковъ, а только брали у нихъ деньги. Пѣсколько мѣсяцовъ я былъ доволенъ своею Карменъ; она продолжала быть намъ полезною; жила то въ Малагѣ, то въ Кордовѣ, то въ Гренадѣ; но по одному моему слову, она оставяла все, и спѣшила ко мнѣ, или въ отдаленную венту или на бивакъ. Одинъ разъ только, въ Малагѣ, она пѣсколько меня встретила. Я узналъ, что она бросила свои сѣти на богатаго negocianta, съ которымъ хотѣла повторить гibraltarскую продажу. Несмотря на представленія Данкаира, я днемъ прѣхалъ въ Малагу, отыскалъ Карменъ, и тотчасъ увезъ ее. — «Знаешь ли, сказала она, что съ-тѣхъ-поръ какъ ты мой ромъ, я люблю тебя менѣе, чѣмъ когда ты былъ моимъ michoggo; я не хочу чтобы меня беспокоили и управляли мною: я хочу быть свободною, и дѣлать, что мнѣ вздумается. Берегись, не выведи меня изъ терпѣнія. Если ты надѣшь мнѣ, то я найду молодца, который сдѣлаетъ съ тобою то же, что ты сдѣлалъ съ Кривымъ.» Данкаиръ помирилъ насъ; но мы были уже не тѣ. Вскорѣ съ нами случилось несчастіе; на насъ напали солдаты. Данкаиръ и двое товарищей моихъ были убиты, двоихъ взяли, я былъ тяжело раненъ, и безъ моей лошади, попался бы въ руки солдатъ. Истощенный усталостью, съ пулею въ тѣлѣ, я укрылся въ лѣсъ съ однимъ оставшимся товарищемъ. Я упалъ въ обморокъ, слѣзая съ лошади, и думалъ, что умру въ кустахъ какъ раненный заяцъ. Товарищъ снесъ меня въ пещеру, которую мы знали, и пошелъ отыскивать Карменъ. Она была въ Гренадѣ, и тотчасъ прѣехала ко мнѣ. Двѣ недѣли она не оставляла меня ни на минуту. Она не смыкала глазъ, и ходила за мною, какъ только можетъ ходить женщина за любимымъ человѣкомъ. Едва я могъ стоять на ногахъ, она увезла меня въ Гренаду. Цыганки вездѣ находятъ вѣрныя убѣжища, и я провелъ шесть недѣль въ домѣ, стоявшемъ почти возлѣ дому коррехидора. Наконецъ я оправился, и рѣшился переимѣнить жизнь. Я уговаривалъ Карменъ уѣхать изъ

Испаніа, и честно жить въ Новомъ-Свѣтѣ. Она стала надо мною смѣяться.—«Мы не созданы, чтобы садить капусту, сказала она: наша судьба жить на счетъ простяковъ. Я уже устроила одно дѣло съ Натаномъ-бенъ-Жозефомъ изъ Гибралтара. Ждутъ только тебя, чтобы подвезти товары; онъ знаетъ, что ты живъ, онъ на тебя надѣется. Что скажутъ наши гибралтарскіе корреспонденты, если ты не сдержишь слова?» Я уступилъ ей, и снова принялся за свое прежнее ремесло.

«Въ то время, когда я скрывался въ Гренадѣ, былъ бой быковъ; Карменъ пошла смотрѣть. Возвратясь, она говорила объ одномъ ловкомъ пикадорѣ, котораго звали Люкасъ. Она знала имя его лошади, и сколько стояла его вышитая рубашка. Я не обращалъ на это вниманія. Хуанито, товарищъ, который при мнѣ остался, сказалъ мнѣ, что видѣлъ Карменъ съ Люкасомъ въ лавкѣ купца въ Сакатенѣ. Это меня обезпоковало. Я спросилъ Карменъ, какимъ образомъ и длячего она познакомилась съ пикадоромъ. — «Это молодецъ», отвѣчала она, съ которымъ можно устроить дѣло. Онъ добылъ тысячу двѣсти реаловъ. Одно изъ двухъ: или нужно добыть эти деньги, или, какъ онъ добрый мальш, то его можно взять въ нашу шайку. Ты нуждаешься въ людяхъ; возьми его съ собою.»

— Мнѣ не нужны ни его деньги, ни онъ самъ, отвѣчалъ я, и я запрещаю тебѣ говорить съ нимъ. — «Берегись, сказала она: когда мнѣ что-нибудь запрещаютъ, я тотчасъ это дѣлаю.» Къ счастью, пикадоръ отправился въ Маагу, и я сталъ хлопотать о пріемѣ товаровъ Жида: мнѣ было тутъ много работы, Карменъ также, и я забылъ о Люкасѣ. Около этого времени я встрѣтилъ васъ, сеньоръ, сначала возлѣ Монтильи, а потомъ въ Кордовѣ. Я не буду говорить вамъ о нашемъ послѣднемъ свиданіи; тутъ вы знаете болѣе меня. Карменъ украла у васъ часы; она хотѣла взять ваши деньги, и этотъ перстень, который у васъ на пальцѣ, и который, по словамъ ея, ей очень хотѣлось имѣть, какъ магическій перстень. У васъ былъ ужасный споръ, и я ударилъ ее. Она поблѣднѣла и заплакала. Я въ первый разъ увидѣлъ ее въ слезахъ, и это произвело на меня ужасное дѣйствіе. Я просилъ у нея прощенія; но она цѣлый день на меня сердилась, и не хотѣла поцѣловать меня, когда я уѣзжалъ въ Монтилью. Я увидѣлъ ее съ опасеніемъ, когда черезъ три дня, она встрѣтила меня съ веселымъ видомъ. Все было забыто, и мы какъ-будто только два дня любили другъ друга. При разставаніи, она сказала мнѣ: — «Въ Кордовѣ праздникъ; я хочу его

видѣть, я узнаю между прочимъ, кто уѣдетъ оттуда съ деньгами». Я отпустилъ ее. Оставшись одинъ, я сталъ думать объ этомъ праздникѣ, объ этой перемѣнѣ нрава Карменъ. Въроятно, она уже отместила за себя, сказалъ я самъ себѣ, потому что она возвратилась первая. Крестьянинъ сказалъ мнѣ, что въ Кордовѣ есть быки. Кровь закипѣла во мнѣ, и я, какъ сумасшедшій, пустился туда. Мнѣ показали Люкаса, и на скамьѣ противъ барьера я узналъ Карменъ. Мнѣ довольно было взглянуть на нее, чтобы удостовѣриться въ томъ, что я хотѣлъ знать. Люкасъ сорвалъ кокарду съ перваго быка и принесъ ее Карменъ, которая тотчасъ надѣла ее на голову. Быкъ отместилъ за меня. Люкасъ былъ смятъ вмѣстѣ съ лошадыю, которая повалилась на него, а быкъ бросился на нихъ. Я взглянулъ на Карменъ; ея не было уже на мѣстѣ. Мнѣ нельзя бы сойти съ мѣста, и я долженъ былъ ждать конца. Тогда я пошелъ въ домъ, который вы знаете, и пробылъ тамъ весь вечеръ и часть ночи. Около двухъ часовъ Карменъ возвратилась, и удивилась, увидя меня. — Поѣдемъ со мною, сказалъ я. — «Что жъ! сказала она, ѣдемъ!» Я посадилъ Карменъ съ собою на лошадь, и мы ѣхали всю дорогу, не говоря ни слова. Съ разсвѣтомъ мы остановились у отдаленной венты, недалеко отъ часовни; тамъ я сказалъ Карменъ:

— Послушай, я забываю все. Я не буду говорить тебѣ ни о чемъ; но поклянись, что ты послѣдуешь за мною въ Америку, и, наконецъ, успокоишься.

— Нѣтъ, отвѣчала она, я не хочу ѣхать въ Америку. Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Это потому, что здѣсь Люкасъ; но подумай, что если онъ выздоровѣетъ, то не надолго. Впрочемъ, я усталъ убивать всѣхъ твоихъ любовниковъ: я убью тебя.

«Она пристально посмотрѣла на меня своимъ дикимъ взглядомъ, и сказала:

— Я всегда думала, что ты убьешь меня. Въ первый разъ, когда я тебя увидѣла, я встрѣтила патера у воротъ дому, а въ эту ночь, выѣзжая изъ Кордовы, ты ничего не замѣтилъ: заяцъ пробѣжалъ дорогу между ногъ твоей лошади. Дѣло рѣшено.

— Карменита, спросилъ я: развѣ ты меня болѣе не любишь?

«Она ничего не отвѣчала. Она сидѣла, сложивъ ноги на коврѣ, и чертила пальцомъ по полу.

— Перемѣнимъ жизнь, Карменъ, сказалъ я умоляющимъ голосомъ: уѣдемъ куда-нибудь, гдѣ мы будемъ неразлучны. Ты не

знаешь, что здѣсь, недалеко подъ деревомъ, у насъ зарыты деньги. Кромѣ-того, намъ долженъ еще Жидъ.

«Она усмѣхнулась, и сказала:

— Сперва я, потомъ ты. Я знала, что это такъ должно быть.

— Подумай, продолжалъ я; я начинаю терять терпѣніе и бод-
рость; бери свои средства, или я возьму свои.

«Я оставилъ ее, и пошелъ гулять къ часовнѣ. Тамъ молился пустынный. Я ждалъ, когда онъ окончитъ молитву; я хотѣлъ молиться, но не могъ. Когда онъ всталъ, я подошелъ къ нему, и просилъ его отслужить обѣдню. Я отслушалъ ее внѣ часовни. Я думалъ, что Кармень убѣжитъ; но я нашелъ ее. Она не хотѣла, чтобы сказали, что я испугалъ ее. Во время моего отсутствія, она распустила кайму своего платья, и достала оттуда свинецъ. Она такъ занята была своимъ гаданьемъ, что не замѣтила моего возвращенія.

— Кармень, сказалъ я, пойдѣмъ со мною.

«Она встала и набросила мантилью на голову, какъ-бы сбирался въ путь. Мнѣ подвели лошадь, она сѣла со мною, и мы удалились.

— И такъ, Кармень, сказалъ я: ты хочешь за мною сѣдовать?

— Я слѣдую за тобою на-смерть, да; но не буду болѣе съ тобою жить.

«Мы были въ пустомъ ущельѣ; я остановилъ лошадь.

— Здѣсь? спросила она, и однимъ скачкомъ очутилась на землѣ.

«Она сняла мантилью, бросила ее къ ногамъ, и стала неподвижно, упершись рукою въ бокъ, и пристально смотрѣла на меня. — Ты хочешь убить меня, я это вижу, сказала она: такъ предназначено; но ты не заставишь меня уступить.

— Прошу тебя, сказалъ я, будь разсудительна. Выслушай меня. Все прошедшее забыто. Ты знаешь, что ты меня погубила; что для тебя я сдѣлался разбойникомъ и убійцею. Кармень, Кармень, позволь мнѣ спасти тебя и спастись вмѣстѣ съ тобою.

— Хосе, отвѣчала она, ты требуешь невозможнаго. Я не люблю тебя болѣе; ты меня еще любишь, и за это хочешь меня убить. Я могла бы еще солгать тебѣ, но не хочу. Между нами все кончено. Какъ мой мужъ, ты имѣешь право убить меня; но Кармень всегда останется свободною. Цыганкой она родилась, Цыганкой и умретъ.

— Такъ ты любишь Люкаса? спросилъ я.

— Да, я любила его, какъ тебя, одну минуту; но теперь ничего болѣе не люблю, и ненавижу себя за то, что тебя любила.

«Я бросился къ ея ногамъ, взялъ ея руки, и оралъ гнѣхъ слѣ-

замн. Я напомнилъ ей все счастливыя минуты, которыя мы провели вмѣстѣ. Я предложилъ ей остаться для нея разбойникомъ....

Все, сеньоръ, все, лишьбы только она меня любила. Она сказала мнѣ:

— Любить тебя мнѣ невозможно. Жить съ тобою я не хочу.

«Ярость овладѣла мною. Я вынулъ ножъ. Я хотѣлъ, чтобы она испугалась и просила пощады; но эта женщина была дѣмонъ.

— Въ послѣдній разъ, вскричалъ я: хочешь ли остаться со мною?

— Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ! сказала она, топая ногою, и снявъ съ пальца перстень, который я подарилъ ей, бросила его въ кусты.

«Я ударилъ ее два раза. То былъ ножъ Криваго, который я взялъ, сломавъ свой. При второмъ ударѣ она упала безъ крику. Мнѣ кажется, я еще вижу какъ большіе ея глаза пристально смотрѣли на меня; потомъ они помутнились, и закрылись. Я цѣлый часъ оставался передъ трупомъ, какъ пораженный громомъ. Потомъ я вспомнилъ, что Карменъ часто говорила мнѣ, что хочетъ быть похороненною въ лѣсу. Я вырылъ яму моимъ ножомъ, и схоронилъ ее. Я долго искалъ ея перстня, и наконецъ нашелъ его. Я положилъ его въ могилу возлѣ нея, вмѣстѣ съ маленькимъ крестомъ. Можетъ-быть я напрасно это сдѣлалъ. Потомъ я вскочилъ на лошадь, пріѣхалъ въ Кордову, и отдался первому караулу. Я сказалъ, что убилъ Карменъ; но не хотѣлъ сказать, гдѣ ея тѣло. Пустынникъ молился за нее; онъ отслужилъ панихиду.... Бѣдняжка! Виноваты Цыгане, которые ее такъ воспитали».

СТАРИННЫЕ ОВЫЧАИ У ИНДѢЙЦЕВЪ И КИТАЙЦЕВЪ.
Господинъ Рендъ (Reinaud), членъ французскаго института, издалъ «Описаніе путешествій Арабовъ и Персіанъ по Индіи и Китаю въ девятнадцатомъ вѣкѣ христіанской эры», съ арабскимъ текстомъ и французскимъ переводомъ, къ которому приложено учебное предисловіе. Заимствуемъ оттуда факты, довольно важные для исторіи китайскаго и индѣйскаго судопроизводства.

Въ индѣйскомъ архипелагѣ, говоритъ арабскій путешественникъ, когда одинъ изъ жителей хочетъ жениться, онъ не найдеть жены до тѣхъ поръ, пока не представитъ черепа одного изъ непріятелей своего племени. Если онъ убилъ двухъ непріятелей, то можетъ жениться на двухъ женахъ; убилъ пятьдесятъ, такъ можетъ жениться на пятидесяти. Многоженство пропорціонально числу убитыхъ непріятелей.

Испытанія огнемъ, кипяткомъ, и прочее, въ полномъ дѣйстви

въ Индіи въ девятнадцатомъ столѣтіи, какъ и въ эпоху изданія законовъ Ману; но изъ словъ путешественника можно заключить, что къ этимъ средствамъ не прибѣгаютъ для обыкновенныхъ проступковъ, и что даже при судѣ преступниковъ, онѣ зависятъ отъ истца. Когда человѣкъ, говоритъ онъ, обвиняетъ другаго въ проступкѣ, за который присуждена смертная казнь, то истца спрашиваютъ: «Хочешь ли ты подвергнуть обвиненнаго испытанію огнемъ?» Если онъ отвѣчаетъ да, то накалываютъ до-красна желѣзную полосу; потомъ говорятъ обвиненному: «Протри руку». Въ то же время кладутъ ему на руку семь листьевъ одного туземнаго дерева, и сверхъ ихъ полосу. Обвиненный начинаетъ ходить взадъ и впередъ; послѣ этого, онъ бросаетъ полосу, и ему подають кожаный мѣшокъ, въ который онъ кладетъ руку; мѣшокъ тотчасъ запечатывается королевскою печатью. Черезъ три дня приносятъ рисъ еще въ шелухѣ, и говорятъ обвиненному: «Потри крупу, чтобы отдѣлать ее отъ шелухи.» Если рука его не представляетъ никакихъ слѣдовъ обжоги, то онъ выигрываетъ дѣло, и тогда истецъ обязанъ заплатить золотую манну (таппа), въ пользу владѣтеля.

Иногда кипятятъ воду въ желѣзномъ или мѣдномъ котлѣ, къ которому никто не смѣетъ приблизиться. Туда бросаютъ желѣзное кольцо; потомъ говорятъ обвиненному: «Опусти руку въ котелъ;» обвиненный долженъ вынуть кольцо. Случалось, что иные опускали руку въ котелъ, и вынимали ее невредимую. Въ такомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, истецъ обязанъ бываетъ заплатить золотую манну.

Гражданская связь, соединяющая членовъ различныхъ кастъ, имѣетъ твердое основаніе. Дворянство, въ каждомъ владѣніи, *обязывается составлять одно и то же семейство.* То же самое правило простирается на литераторовъ и медиковъ. Никогда ремесло не выходитъ изъ своей касты.

Что касается до положенія женщинъ, оно страннымъ образомъ предоставлено на произволъ случая. Въ мусульманскихъ странахъ существуетъ *фирашъ* (Firasch), то есть, гражданское право женщины, которую мужчина беретъ для себя одного, съ тѣмъ чтобы имѣть отъ нея дѣтей. Такимъ образомъ замужняя женщина подчиняется *фирашу*, равно какъ и беременная невольница, которой дитя заранѣе признано господиномъ. Въ такомъ случаѣ, женщина не можетъ выйти за другаго до окончанія беременности. Но въ Индіи и Китаѣ, *фирашъ* не принятъ. Каждый можетъ жениться на какой хочетъ женщинѣ, даже во

время ея беременности отъ другаго. У Римлянъ, какъ извѣстно, Августъ женился на Ливіи, которая была уже беременна отъ перваго мужа.

Авторъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о китайскомъ судопроизводствѣ. Евнухи составляли уже особенный классъ людей, которымъ предоставлялись важнѣйшія должности въ государствѣ. Принцы династіи Танга возвысили ихъ, опасаясь возобновленія феодальныхъ княжествъ, которыя прежде разстроивали государство. Съ этого времени множество дѣтей превращены были своими родителями въ евнуховъ въ надеждѣ ихъ быстрого возвышенія, потому что за исключеніемъ этихъ несчастныхъ никто не допускался къ должностямъ въ императорскомъ дворцѣ, ни въ совѣтъ, ни къ высшимъ мѣстамъ по гражданскому управленію.

Когда оказывался недостатокъ въ евнухахъ для отправленія гражданской службы, ихъ избирали изъ плѣнныхъ иностранцевъ. Но эти случаи рѣдки, потому что отцы сами увѣчатъ дѣтей своихъ, чтобы представить ихъ своему государю и заслужить его благосклонность. Никто не получаетъ публичныхъ должностей ранѣе сорока лѣтъ. Въ это время, говорятъ Китайцы, человѣкъ приобретаетъ довольно опытности для управленія дѣлами.

Въ большихъ торговыхъ городахъ Китая, дѣла иностранцевъ судятся судьей ихъ націи, и противъ его рѣшенія не принимается никакихъ апелляцій.

Въ китайскихъ судахъ нѣтъ словеснаго изложенія дѣлъ. Законы, дѣла, доказательства, все излагается въ видѣ письма, которое сочиняется особенными сочинителями.

Тяжущіеся могутъ сами читать эти записки, или заставятъ читать ихъ сочинителей, которые имѣютъ право продать свое званіе. Они получаютъ плату отъ истцовъ.

Судьи, во время засѣданія сидятъ на тронѣ, въ большой залѣ. Имъ представляютъ просьбы, гдѣ изложены права подсудимыхъ. За губернаторомъ стоитъ человѣкъ, имѣющій титулъ *лиху* (*liukhou*). Если губернаторъ ошибается въ своемъ рѣшеніи, этотъ человѣкъ поправляетъ его. Никакіе словесные доводы не принимаются отъ подсудимыхъ: все должно быть представлено письменно. Когда кто-нибудь хочетъ представить свое дѣло судѣ, человѣкъ стоящій у дверей, читаетъ сначала его просьбу, и если замѣтитъ въ ней неправильность, отдастъ ее назадъ. Просьбы, подносимыя судѣ, должны быть писаны человѣкомъ, знающимъ законы. Онъ прибавляетъ внизу: «Писано такимъ-то,

сыномъ такого-то.» Если въ просьбѣ найдутъ какую-нибудь неправильность, вина падаетъ на сочинителя, котораго сѣкутъ розгами. Судья долженъ засѣдать въ судѣ, наѣвшись и напившись, для того чтобы могъ болѣе обращать вниманія на дѣло.

Если человекъ дастъ займы какую-нибудь сумму денегъ другому, онъ пишетъ въ такомъ случаѣ билетъ. Взавшій деньги пишетъ другой билетъ, къ которому прикладываетъ два пальца вмѣстѣ, средній и указательный. Билеты складываютъ одинъ съ другимъ. Пишутъ нѣсколько словъ на томъ мѣстѣ, которое ихъ раздѣляетъ, потомъ разнимаютъ ихъ, и отдаютъ займодавцу билетъ, на которомъ должникъ признаетъ свой долгъ. Если потомъ должникъ откажется отъ своего долга, если онъ станетъ утверждать, что никогда не писалъ билета, или что его билетъ потерянь, ему скажутъ: «Докажи письменно, что этотъ долгъ до тебя не касается; но если съ своей стороны кредиторъ докажетъ, что ты лжешь, ты получишь двадцать ударовъ палкою по спинѣ и заплатишь штрафъ въ двадцать фануджи.» Путешественникъ прибавляетъ, что Китайцы такъ боятся этого наказанія, что рѣдкіе изъ нихъ осмѣиваются представлять свои объявленія письменно.

Въ Китаѣ не знаютъ нотаріусовъ, но всѣ условія заключаются въ двухъ экземплярахъ; то есть, пишутъ два экземпляра на одномъ листѣ бумаги, который разрѣзываютъ на-двое, оставляя знаки раздѣленія, и должно представить оба экземпляра или при срокѣ условій или, въ случаѣ затрудненій, при исполненіи ихъ. Вообще, Китайцы очень вѣрно исполняютъ свои обѣщанія. Рѣдко прибѣгаютъ они къ свидѣтелямъ или клятвѣ.

Когда должникъ дѣлается несостоятельнымъ, и кредиторы сажаютъ его на свой счетъ въ публичную тюрьму, отъ него требуютъ объясненія. Продержавъ его мѣсяцъ въ тюрьмѣ, судья показывасть его всенародно, и произноситъ слѣдующія слова: «Такой-то, сынъ такого-то, унесъ деньги такого-то, сына такого-то.» Если откроютъ, что у банкрота остались деньги, спрятанныя у кого-нибудь, или поле, или невольники, однимъ словомъ, вещь, которая могла бы доказать несправедливость его словъ, ему даютъ разъ въ мѣсяцъ нѣсколько ударовъ палкою по желудку, потому что, говорятъ ему, онъ оставался въ тюрьмѣ, ѣлъ и пилъ, имѣя у себя деньги. Его бьютъ палками, если кто-нибудь обличитъ или не обличитъ его, и говорятъ: «Ты хотѣлъ только отнять у другихъ то, что имъ принадлежало и завладѣть ихъ имуществомъ.» Ему говорятъ еще: «Старайся удовлетворить

требованіямъ этихъ людей.» Если онъ не имѣеть средствъ и если это точно извѣстно, то призываютъ кредиторовъ и удовлетворяютъ ихъ деньгами изъ казны *Баг-буна* (сына неба), чтутъ, который носитъ императоръ. Потому провозглашаютъ эти слова: «Кто будетъ имѣть сношенія съ этимъ человекомъ, тотъ накажется смертію.» Если узнаютъ, что у должника есть деньги у кого-нибудь скрытыя, и если укрыватель не объявилъ объ нихъ, то его убиваютъ палками.

За землю не платятъ податей, но съ каждаго человека берется подать, пропорціональная его состоянію. Женщины вообще освобождаются отъ податей, а иностранцы платятъ за сохранность своихъ товаровъ. Есть также налогъ на соль и на чай.

Въ каждомъ городѣ есть *дара* (dara), или колоколь, повѣшенный надъ домомъ губернатора; къ этому колоколу привязана веревка, и всякій, кому сдѣлана какая-нибудь несправедливость, можетъ позвонить въ колоколь. Губернаторъ тотчасъ выслушиваетъ его жалобы и старается удовлетворить имъ. Недавно еще, возлѣ императорскаго дворца, въ Пекинѣ, была зала, гдѣ стоялъ барабанъ. Мандарины и солдаты смѣнялись тамъ день и ночь. Когда кто-нибудь не могъ найти правосудія, онъ приходилъ и ударялъ въ барабанъ. Мандарины обязаны были тотчасъ прибѣгать и выслушивать его жалобы. Теперь это обыкновеніе уничтожено.

Въ каждомъ значительномъ городѣ, два начальника раздѣляютъ между собою управленіе. По словамъ путешественника, одинъ изъ нихъ есть губернаторъ военный и политическій, другой начальникъ полиціи и управляющій финансами. Послѣдній всегда изъ евнуховъ. Когда кто пожелаетъ путешествовать изъ одной провинціи въ другую, онъ долженъ взять одинъ паспортъ у евнуха и другой у губернатора. Въ губернаторскомъ паспортѣ находятся имена путешественника и его спутниковъ, съ означеніемъ ихъ лѣтъ и племени, къ которому они принадлежатъ. На билетѣ евнуха выставлена сумма денегъ, которую имѣеть путешественникъ, и означены вещи, которыя онъ съ собою везетъ. «На всѣхъ дорогахъ», говоритъ Арабъ, есть смотрители, которымъ должно показывать оба билета.» Они пишутъ на билетѣ: «*Здѣсь прошелъ такой-то, сынъ такого-то, такого-то званія, въ такой-то день, и прочая, имѣя при себѣ такія-то вещи*». Такъ, что если путешественникъ умретъ или потеряетъ что на дорогѣ, казна платитъ за потерянное, или возвращаетъ вещи наследникамъ умершаго.

О паспортахъ и билетахъ упоминается въ Чу-ли, и, следовательно, они были въ употребленіи за нѣсколько столѣтій до нашей эры.

Въ Китаѣ всѣ бѣдные или богатые, большіе или малые, учатся рисовать и писать. Въ каждомъ городѣ есть учителя, которые учатъ бѣдныхъ на счетъ казны.

На площадяхъ стоятъ каменные столы, съ вырѣзанными на нихъ надписями; это скрижали народной медицины. Надписи представляютъ названія различныхъ болѣзней и средства къ ихъ излеченію. Тотъ, кто не имѣетъ средствъ покупать означенныя лекарства, получаетъ ихъ на счетъ общественной казны.

Имя всякаго поворожденнаго мужескаго полу, вносится въ гражданскіе списки. Когда мальчикъ достигаетъ осьмнадцати лѣтъ, отъ него требуютъ подать; но съ осьмидесяти лѣтъ, оная болѣе не платитъ; напротивъ, ему выдаютъ пенсію изъ казны, и при этихъ случаяхъ говорятъ ему: «Мы брали отъ него когда онъ былъ молодъ, и потому справедливость требуетъ, чтобы мы возвратили ему теперь, когда онъ старъ.»

ПЕРЕВЯЗКА. Изъ воспоминаній французскаго медика. Чтобы рассказать это, надобно начать сначала.

Николай М...., извѣстный медикъ, такъ плотно позавтракалъ въ одно утро, что къ вечеру былъ уже на-веселѣ.

Впрочемъ, за это не осуждайте его слишкомъ строго. М.... въ это самое утро выдержалъ свой четвертый экзамень, и получилъ всѣ бѣлые шары; ему оставалось только сдѣлать шагъ, чтобы быть докторомъ, а въ подобномъ случаѣ извинительно пригласить трехъ или четырехъ друзей на благодарственный пиръ, и въ качествѣ амфитріона, не отставать отъ другихъ въ анкетитѣ и весельи.

Замѣьте также, что подобныя вещи случались съ нимъ рѣдко; Николай М.... велъ жизнь самую строгую и умѣренную.

И такъ, въ этотъ вечеръ, М.... былъ въ довольно разстроенномъ видѣ. Это было особенно замѣтно, когда онъ возвратился вечеромъ.

Гдѣ провелъ день М....? Никто, даже самъ онъ, можетъ-быть, не зналъ этого. Какъ бы то ни было, когда онъ возвратился въ госпиталь, около четырехъ часовъ, швейцаръ, передъ которымъ поутру онъ прошелъ довольно твердою походкою, и который тогда ничего не подозревалъ, не могъ удержаться ввечеру, что-

бы не усмѣхнуться страннымъ образомъ, видя М.... съ пылающимъ взглядомъ и походкою, очень подозрительною.

И въ самомъ дѣлѣ, швейцаръ не обманывался: М...., вышедшій на-веселѣ, возвращался пьяный.

Онъ поднялся по ступенямъ лѣстницы, съ трудомъ передвигая ноги, плеча назадъ, голову вверхъ, нда впередъ со всѣмъ величіемъ пьянаго.

Это величіе въ движеніяхъ было нѣсколько разстроено ступенью, которая, нечаянно попавшись подъ ногу, заставила М.... пошатнуться....

Онъ ни мало не смутился этимъ, отворилъ дверь въ залу, и не отирая ногъ, отправился къ шкафу, въ которомъ другъ его, А...., держалъ обыкновенно свой передникъ; М.... надѣлъ этотъ передникъ.

Сестра Милосердія всматривалась въ М.... и видя его пылающее лицо, спросила не боленъ ли онъ?

М.... неясно разслышалъ, и немного стыдился своего положенія, боялся отвѣчать на вопросъ. Онъ взглянулъ только на Сестру, не говоря ни слова.

Это смутило ее.

Послѣ того М.... серьезно началъ свой вечерній обходъ.

Я позабылъ сказать, что безразсудный А.... просилъ М.... заступить его мѣсто въ этотъ день и обойти залу. Это не могло быть въ тягость М...., который, держа экзаменъ, не дежурилъ цѣлые пять дней. Поутру, М.... довольно прилично исполнилъ свою обязанность. Прибавимъ теперь, что эта зала была хирургическая, а не медицинская, и, слѣдовательно, въ ней лежали только раненные или увѣчные.

У первой постели М.... взялъ за руку больнаго, и глубоко-мысленно закрывъ глаза, попробовалъ у него пульсъ.

Бѣднякъ смотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

— У тебя сегодня лихорадка, другъ мой, сказалъ М.... — Подайте тазъ.

И онъ пустилъ ему кровь.

— Это облегчитъ тебя, сказалъ онъ, переходя ко второй постели.

Тамъ онъ тоже нашелъ сильную лихорадку. Новое кровопусканіе.

У третьей постели, едва ощупавъ біеніе пульса, онъ покачалъ головою съ недовольнымъ видомъ....

Онъ подозвалъ Сестру Милосердія и сторожа.

— Большимъ давали ѣсть, сказалъ онъ: у нихъ у всѣхъ страшная лихорадка.

Сестра сказала, что никто не нарушалъ отданныхъ приказаній.

— Въ такомъ случаѣ, ты виноватъ! сказалъ М.... сторожу.

Жакъ хотѣлъ оправдываться.

— Молчи! строго сказалъ М.... Если ты не давалъ имъ ѣсть, то давалъ — *пить!*...

И послѣднія слова онъ прошепелъ съ такимъ гнѣвомъ, что несчастный сторожъ не зналъ, что отвѣчать.

Дѣло въ томъ, что Жакъ не виноватъ былъ, что М.... хорошо пообѣдалъ, и ошибался вечеромъ, — принимая бѣшеніе своего собственнаго пульса за бѣшеніе пульса больныхъ, и находя въ другихъ лихорадку, которая была у него самого.

Это не помѣшало ему продолжать свои выговоры.

— Это безсовѣстно, говорилъ онъ, несмотря на всѣ представленія больныхъ, Сестры и сторожа: безсовѣстно испортить больныхъ, которые поутру были такъ здоровы.

И онъ продолжалъ пускать кровь, находя лихорадку тѣмъ сильнѣе, что его неудовольствіе и гнѣвъ возрастали болѣе и болѣе.

Такъ, что когда онъ сталъ пускать кровь десятому больному, Сестра, не зная, что объ этомъ подумать, и боясь что М.... съ ланцетомъ въ рукахъ, уже не остановится, пошла сообщить свои опасенія другому медику.

Въ это время входитъ А.... Онъ узналъ что происходило днемъ и уже раскаиваясь, что просилъ вмѣсто себя М.... Онъ тотчасъ прибѣжалъ, опасаясь какого-нибудь случая.

Къ счастью, ни одно изъ кровопусканій не могло имѣть дурныхъ послѣдствій; но уже пора было остановить М....

Онъ съ важностью принялъ благодарность своего товарища, который предложилъ ему окончить вмѣсто его обходъ.

— Я очень радъ отвѣчалъ М...., потому что мнѣ ужасно хочется спать.

Черезъ десять минутъ, окончивъ вечерній обходъ, А.... вошелъ въ комнату къ М.... и увидѣлъ, что тотъ лежитъ на полу, возлѣ постели, на которую онъ не могъ взлѣсть.

А.... позвалъ другаго товарища; они раздѣли М.... и уложили въ постель.

— За тебя я долженъ буду поутру выслушать выговоръ отъ москѣ Дессе, говорилъ А.... сквозь зубы: но при первомъ случаѣ я отплачу тебѣ за это!

Ночью М.... проснулся, съ тяжелою головою и смутными мы-

слиши. Его комната, противъ обыкновенія, освѣщена слабымъ свѣтомъ, и возлѣ его постели кто-то спитъ. Занавѣсы, которыя онъ никогда не опускаетъ, бережно закрыты.

Онъ хочетъ протянуть руку, чтобы поднять ихъ: но боль препятствуетъ ему сдѣлать это: рука его перевязана полотномъ.

— Что это значитъ? спрашиваетъ самъ себя М... Что съ нею случилось? Видно, мнѣ пустили кровь....

Занавѣсы вдругъ отдернулись, и къ нему наклонилась полусогнутая фигура.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Жакъ? спрашиваетъ М... Который часъ?

Жакъ отвѣчалъ, что три часа утра, и что ему приказано провести ночь возлѣ господина М... И предлагая ему лекарство, Жакъ спросилъ кивкомъ онъ себя чувствуетъ.

— Развѣ я былъ.... развѣ я боленъ? сказалъ М... съ безпокойствомъ.

— Должно надѣяться, что вы поправитесь, сударь, успокойтесь... Впрочемъ, вы лучше меня знаете, что въ этихъ случаяхъ необходимо.

— Что? что же у меня? вскричалъ М... съ нетерпѣніемъ, пытаясь встать.

Но его правая нога неподвижна и безчувственна. Онъ скватывается за нее рукою, и остается съ открытымъ ртомъ, съ печальнымъ взглядомъ....

Нога у него перевязана.... Нога его сломана!...

М... впалъ въ совершенное отчаяніе при этомъ роковомъ открытіи. Онъ выходитъ изъ себя, несмотря на философскія утѣшенія Жака.

— Оставьте меня въ покоѣ, глупецъ! говоритъ М... Отвѣчай мнѣ, какимъ образомъ это случилось? развѣ я усталъ?

— Не знаю, сударь, меня тутъ не было. Меня позвали въ восемь часовъ, тотчасъ послѣ этого несчастія. Вы лежали на постели, мосьё А.... и мосьё Ж.... перевязали вамъ ногу и велики мнѣ не оставлять васъ ни на минуту.

— Позови сейчасъ Ж.... или А.... Я хочу узнать....

— Мосьё Ж. сегодня не дежурный, и не ночевалъ здѣсь. Мосьё А... вышелъ куда-то въ девять часовъ. Если хотите, я разбужу....

— Не буди никого. Я подожду.

И М... предался грустнымъ размышленіямъ.

Случившееся съ нимъ несчастіе могло имѣть важныя послѣдствія. Будучи медикомъ, М... берегъ свои кости болѣе всякаго

другаго. Быть-можетъ, онъ раздѣлялъ еще маленькій предразсудокъ многихъ медиковъ, которые думаютъ, что болѣзнь сильнѣе дѣйствуетъ на нихъ, потому что они первые враги болѣзни. Если, какъ догадывался М.... по перевязкѣ, у него былъ переломъ, то самыя незначительныя его послѣдствія могли состоять въ томъ, что онъ дней сорокъ долженъ будетъ не выходить изъ горизонтальнаго положенія, а М.... обыкновенно увеличивалъ еще предосторожности, когда дѣло шло объ его особѣ. Онъ съ отчаяніемъ думалъ, что наканунѣ онъ намѣревался на слѣдующей недѣлѣ отправиться въ отпускъ, съ трудомъ получивъ уже на это позволеніе. Его разстроивало то, что онъ не въ состояніи будетъ самъ разсказать о своихъ успѣхахъ роднымъ, которыхъ введетъ въ безпокойство, — и все изъ-за происшествія, въ которомъ ему стыдно будетъ сознаться. Если бы еще эта нога была повреждена на войнѣ, или какимъ-нибудь обыкновеннымъ случаемъ; но нѣтъ. И ко всему этому, онъ не зналъ, до какой степени опасенъ его переломъ!

Онъ съ трудомъ дождался утра.

Когда дверь его комнаты отворилась, и показались его друзья, несмотря на всѣ усмія, лицо его приняло выраженіе живѣйшаго безпокойства.

— Какъ ты себя чувствуешь, мой-бѣдный другъ? спросилъ А....

— Не совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ М...., ослабѣвъ отъ кровопусканія, и мучимый безпокойствомъ.

И онъ сталъ разспрашивать друзей.

Ему сказали, что у него самый опасный переломъ, что мосеѣ Дессо приходилъ его осматривать, и остался доволенъ принятыми средствами. — «Перевязка превосходна; не нужно ничего перемѣнять до новаго приказанія, сказалъ Дессо уходя.

При этомъ печальномъ извѣстіи, М.... лишился чувствъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, имъ овладѣло жестокое отчаяніе. Никто лучше его не могъ понять важности болѣзни, которую онъ обязанъ былъ своей невоздержности, и судить о ея послѣдствіяхъ. Съ этой минуты, смѣхъ исчезъ съ его лица. М.... впалъ въ какую-то безчувственность, изъ которой напрасно старались вывести его друзья. Отчаяніе его было выше всего. Онъ разсыпался только, устанавливая около себя необходимыя лекарства.

Друзья смѣялись въ его комнату, и старались его размякать.

Черезъ недѣлю, которую М.... провелъ почти въ неподвижномъ положеніи, друзья его А.... и Ж...., войдя утромъ въ его комнату, объявили ему, что одинъ изъ воспитанниковъ, выдержавъ экзаменъ на степень доктора, пригласилъ ихъ обѣдать.

— Мы очень жалѣемъ, что ты не можешь быть съ нами, сказалъ А....; но мы придемъ къ тебѣ всѣ вечеромъ.

М.... вздохнулъ. Онъ не столько жалѣлъ о хорошемъ обѣдѣ, какъ о своемъ отъѣздѣ, назначенномъ въ этотъ самый вечеръ и о мѣстѣ въ дилижансѣ, взятомъ за десять дней.

Съ этими нерадостными мыслями, онъ заснулъ....

Вдругъ его неожиданно разбудили. Дверь отворилась съ шумомъ.... Два стула и столъ пометѣли.... и нѣсколько студентовъ бросились въ комнату, съ бутылками и стаканами въ рукахъ, съ пѣснями и криками. Ж.... и А.... были впереди. Они бросились къ М...., который начиналъ беспокоиться, и сорвали съ него одѣяло....

М...., видя что имѣеть дѣло съ людьми, которые только-что пообѣдали, старается отдѣлаться отъ нихъ, говоря, что онъ очень страдаетъ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь? кричитъ ему Ж... подъ ухо. А.... уже завладѣлъ его рукою, и слѣдитъ за бѣніемъ пульса.

— Лихорадка! сказалъ онъ. Надобно пустить кровь; тазъ, скорѣе!

И онъ вынимаетъ ланцетъ, котораго не могутъ открыть его дрожащія руки.

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ М.... въ величайшемъ безпокойствѣ.

— Только два тазика, отвѣчаетъ А.... Если это не сдѣлаетъ тебѣ вреда, то никакъ не поможетъ.... То есть нѣтъ; если.... впрочемъ, всё-равно!

— Я не позволю пустить себѣ кровь! закричалъ М... Я не позволю тебѣ этого сдѣлать! Ты пьянъ! Можно ли пускать кровь больнымъ, прибавилъ онъ съ негодованіемъ: будучи въ такомъ видѣ!... Оставьте меня! оставьте меня! или я закричу....

— А! ты не хочешь, чтобы тебѣ пустили кровь! сказалъ А....

— А! ты отвергаешь помощь факультета! сказалъ Ж....

— А! мы пьяны!...

— А! ты хочешь кричать!...

И Ж.... однимъ скачкомъ бросается на него; М.... вскрикиваетъ отъ ужасу....

Въ ту же минуту А.... беретъ его за руку, сбрасываетъ его съ постели, и вся толпа бросается на него съ крикомъ.

М.... кричитъ ужасно. Онъ чувствуетъ, что нога его разлетѣлась на двадцать кусковъ.... онъ бьется, блѣдный, какъ смерть, чтобы избавиться отъ сумасшедшихъ....

— Еще! еще! кричитъ А.... не переставая бросать въ него подушки.

И въ одну минуту онъ сорвалъ перевязку.

— Ты хочешь убить меня! сказалъ М.... голосомъ, задышающимъ отъ страха.

— Полно! отвѣчаетъ Ж.... развѣ ты боленъ? У тебя былъ такой же переломъ, какъ у меня. Посмотри.... Это простая шутка....

— Которая, быть-можетъ, покажется тебѣ немного неприятною, но я увѣренъ, что мои больные, которымъ ты пустилъ кровь, будутъ другаго мнѣнія, прибавилъ А....

М.... еще сомнѣвался. Онъ съ недоумѣніемъ и величайшимъ вниманіемъ разсматривалъ свою обнаженную ногу.

Когда онъ наконецъ увѣрился, что совершенно здоровъ, на щекахъ его показался румянецъ, и онъ вздохнулъ свободно. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы на кого-нибудь сердиться, — и улыбаясь, взглянулъ на своихъ друзей.

Одинъ изъ нихъ подалъ ему полный стаканъ.

— Нѣтъ, сказалъ М., отталкивая стаканъ. По-крайней-мѣрѣ сегодня, прибавилъ онъ, смѣясь.

И между-тѣмъ, какъ онъ заботливо собиралъ перевязку, Ж.... спросилъ:

— Чтò ты хочешь съ этимъ дѣлать?

— Я хочу, отвѣчалъ М.... хранить ее цѣлую жизнь въ моей столовой.

— Да, когда у тебя будетъ столовая, прибавилъ А....

У доктора М.... давно своя столовая; но мы должны сказать, что въ ней не видно принадлежностей перевязки — вѣроятно, для того, чтобы не испугать желудка и ногъ своихъ посѣтителей.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Hubert le Sorcier, *Колдунъ Гюберъ*, драма въ пяти актахъ господина *Cazenave*'а.

Въ странѣ Беарнii прекрасной жилъ рыцарь.... нѣтъ, виновать, въ Беарнѣ живетъ просто работникъ на прядильной мануфактурѣ, Гюберъ, который слыветъ колдуномъ и котораго за эту славу товарищи хотятъ «побить каменіемъ». Вотъ доказатель-

ство, что Гюбёръ колдунъ. Одна молодая поселанка лишилась чего-то. — «Гюбёръ, ты колдунъ, говоритъ она ему: помоги мнѣ. Я въ отчаяніи. Я потеряла». — Довольно, прерываетъ Гюбёръ глухимъ, гробовымъ басомъ: я не колдунъ, но я знаю, чего ты лишилась. Ты потеряла овцу. — «Да!»... пропищала поселанка сквозь слезы. — «Бѣлую? — «Бѣлую». — Только-что остри женную? — «Да!»... — Хромую? — «Да!»... ахъ! какъ это удивительно! Вѣдь точнёхонько все угадалъ!» Вотъ за это-то и хотятъ предать Гюбёра очистительной смерти. Но какой-то добрый чело­вѣкъ вступается за несчастнаго колдуна и утверждаетъ, что колдуновъ нынче вовсе нѣтъ на семъ свѣтѣ: есть только колдуньи и ужъ не старья, какъ бывало прежде, а молодья. — Рас­толкуй мнѣ, Гюбёръ, говоритъ онъ, какимъ образомъ ты узналъ, что потеряла поселанка? — «Великія бѣдствія, отвѣчаетъ Гюбёръ всё тѣмъ же глухимъ гробовымъ басомъ: великія бѣдствія принуждаютъ меня жить въ уединеніи, оттого я все время, которое Богъ даетъ мнѣ, употребляю на размышленіе и наблюде­ніе. Примѣтивъ на завалинѣ, у плетня, нѣсколько клочковъ шерсти, я догадался, что тутъ стригли овцу. Шерсть эта была бѣлая и короткая. Я разсудилъ, что овца должна быть молодая. Слѣды ногъ ея на песокъ были расположены неровно. Я заклю­чилъ, что овца должна быть хромая». — Ну, видите, что Гюбёръ вовсе не колдунъ, а просто угадчикъ!» Эти поучительные разговоры происходятъ на прядильной мануфактурѣ мосьё Фран­виля. У мосьё Франвиля есть сосѣдъ, мосьё Лансакъ. У мосьё Лансака есть дочка, мамзель Амелія, а у мамзель Амелии есть дядя и сверхъ-того нѣкій мосьё Ремонъ, въ котораго она страст­но влюблена и отъ котораго она однако жъ отрекается, чтобы выйти замужъ за мосьё Франвиля, котораго назначаетъ ей отецъ. Теперь, кажется, ясно, въ чемъ дѣло. Мамзель Амелія, какъ покорная дочь, отрекается отъ страстно любимаго мосьё Ремо­на; но страстно влюбленный мосьё Ремонъ не имѣетъ никакихъ законныхъ причинъ быть покорнымъ. Онъ страшно верочаетъ выпученными глазами, показываетъ публикѣ кулаки и клянется, что этой свадьбѣ не бывать. На то авторъ ему далъ роль зло­дѣя. На то онъ и ходитъ всё потупя голову и поглядывая на всѣхъ изъ-подъ-любя.... Готовится празднество. Наступаетъ часъ подписанія брачнаго договора. Вдругъ является тоже вѣчно­угрюмый, удрученный «великими бѣдствіями» Гюбёръ. Онъ зло­вѣщимъ, глухимъ, гробовымъ басомъ говоритъ: — Пожаръ! фаб­рика горитъ! — Ктѣ поджегъ фабрику? Разумѣется страстно

влюбленный Ремонъ. Всѣ бѣгутъ тушить и другъ передъ дружкой стараются выказать свою отважность, ловкость и несгораемость. Гюберъ отличается пуще всѣхъ, зато его самого потомъ вытаскиваютъ изъ огня, поджаренаго. Мосьё Франвилъ лишился своего состоянія. Дядя Амелія говоритъ, что считаетъ теперь невозможнымъ бракъ своей племянницы съ мосьё Франвилемъ. Отецъ (мосьё Лансакъ) настаиваетъ, Амелія тоже настаиваетъ, но дядя и слышать не хочетъ. Онъ лишаетъ покорную дочь и непокорную племянницу того наслѣдства, которое назначилъ ей въ качествѣ нѣжнаго дяди, и намѣревается отказать все свое огромное имѣніе кому-то другому. Но покорная дочь непоколебима. Мосьё Франвилъ всё-таки женится, несмотря на то, что разорился. А мосьё Ремонъ въ ярости всё-таки клянется, что свадьбѣ не бывать, и показываетъ трепещущей публикѣ ужъ не кулакъ, а кинжалъ. Бьетъ десять часовъ вечера. Мимо дому нотариуса проходитъ патруль. За угломъ стоитъ Ремонъ. Съ другой стороны къ дому идетъ какой-то господинъ. Ремону кажется, что это ожидаемый мосьё Франвилъ. Онъ скрежещетъ зубами, бросается на свою жертву и поражаетъ ее кинжаломъ. Но.... о, рокъ! Это не Франвилъ: это нѣжный дядюшка, который спѣшитъ лишить свою племянницу наслѣдства. Но всё-равно, думаетъ Ремонъ: и это годится. — Пощади, Франвилъ! пощади старика, Франвилъ! кричитъ онъ и убѣгаетъ. На этомъ основаніи Франвила схватываютъ, какъ убійцу. Франвилъ, очевидно, жертва рока. Всѣ улики противъ него. Въ тотъ самый часъ, когда совершилось убійство, онъ вспомнилъ, что нѣсколько дней тому назадъ отложилъ сотню тысячъ франковъ на какое-то употребленіе и забылъ (100,000 франковъ) въ такой комнатѣ своего дома, которая, по счастью, уцѣлѣла въ пожарѣ. Эта сотня тысячъ франковъ могла пригодиться разоренному. Онъ пошелъ и взялъ ее. Судьи не вѣрятъ, что деньги принадлежатъ обвиненному въ убійствѣ: полагаютъ, что онъ ограбилъ убитаго. Начинаютъ судить. Но тутъ узнаютъ, что поджаренный колдунъ Гюберъ опамтовался и снова говоритъ. Амелія, растрепанная, въ слезахъ, бѣжитъ къ нему и проситъ угадать, кто убійца. Гюберъ говоритъ всё тѣмъ же глухимъ, гробовымъ, но только немножко дрожавшимъ, басомъ: — Нѣтъ; Франвилъ не можетъ быть убійцей. Покажите мнѣ всѣ правыя ладони, какія здѣсь есть, и я скажу, кто убійца. Приказано, исполнено. Всѣ, волей-не-волей, показываютъ правыя ладони и Гюберъ узнаетъ Ремона, который, три года тому назадъ, въ тотъ же самый день и часъ, при тря-

во такихъ же обстоятельствахъ. убилъ у него, Гюбера, роднаго брата. Ремона, кажется, тутъ же на сценѣ и вѣшаютъ.

2. *Diogène, Diogenz*, комедія въ пяти актахъ, съ прологомъ, господина Феликса Руат.

Подъ прекраснымъ небомъ Аѳинъ, Грекъ, урожденный говорунъ, любилъ жить на площади и окружать себя толпою любопытныхъ и смышленныхъ слушателей. Употребляя впрокъ и во зло богатѣйшій изъ дарованныхъ человѣчеству языковъ, Грекъ упивался гармонією словъ какъ музыкой, даже тогда, когда вѣрность сужденія и достоинство мысли приносились въ жертву живости и остротѣ возраженія. Но не было такого вѣтренаго и такого болтливаго Грека, который бы вовсе не имѣлъ здраваго смысла. Большая часть дошедшихъ до насъ эпиграммъ изумляютъ глубиною и вѣчною своею истиной. Рядомъ съ частными шалостями этого насмѣшливаго и остроумнаго народа, мы находимъ изрѣченія, которыя можно назвать мудростью всѣхъ временъ и которыя выражены всегда чрезвычайно мѣтко. Діогенъ циникъ, кажется, былъ призванъ богами пустить въ народъ философію природы въ упрощенномъ, «общепонятномъ» видѣ, и, разумѣется, довелъ свое ученіе до крайности. Какъ бы смышлена толпа ни была, цѣлую толпу могутъ поразить только крупныя вещи. Привлечь общее вниманіе можетъ только тотъ, кто взлѣзетъ на достаточно высокія подмостки, выступить совершенно изъ предѣловъ своего круга. Діогенъ не шутя принялъ прозваніе *собаки*, которое далъ ему Платонъ, и поселился на житье въ бочкѣ. И передъ этою бочкою остановился Александръ, который никогда не зашелъ бы къ Діогену въ домъ. Разсчетъ философа былъ вѣренъ: его выдумка поразила воображеніе Аѳинянь и они пошли въ бочку къ Діогену за совѣтами, какъ въ дельфійскій храмъ къ Аполлону. Діогенъ понималъ свое время, когда ходилъ съ фонаремъ искать человѣка среди выродившихся и развращенныхъ Аѳинянь. Эта критика, невозможная нынче, была совершенно по-нутру Грекамъ. «Діогенъ смѣялся, говоритъ его биографъ, надъ грамматиками, которые разъяскивали, какія были настоящія несчастія Улисса и не знали собственныхъ своихъ бѣдствій; надъ музыкантами, которые тщательно настраивали свои инструменты и не заботились объ устроеніи своего поведенія; надъ математиками, которые наблюдали за теченіемъ Солнца и Луны и ничего не видѣли у себя подъ носомъ; надъ ораторами, которые разглагольствовали о правосудіи и не блюли праваго суда; надъ

скущими и корыстолюбцами, которые съ презрѣніемъ говорили о деньгахъ и не любили ничего кромѣ денегъ».

Таковъ Діогенъ, котораго господинъ Феликсъ Піа вздумалъ воскресить, если не на площади, такъ по-крайней-мѣрѣ на сценѣ девятнадцатаго вѣка. Новый Діогенъ прибылъ изъ Синопы въ Аѳины не такъ какъ древній, не выгнанный изъ родины за подѣлку монеты, а молодой, честный и съ прекрасными мечтами. Начинаются разочарованія. Первый человѣкъ, какой ему встрѣчается, — старый солдатъ, у котораго всего имущества осталась одна рука, для принятія подавій. Вотъ участь стараго солдата. Діогенъ не хочетъ быть солдатомъ. Республика ничего не даетъ инвалиду. Діогенъ даетъ ему оболъ. Бѣдный каменьщикъ упалъ съ карниза высокихъ палатъ. Товарищи несутъ его, чтобы убрать. Діогенъ даетъ другой оболъ ремесленнику, о которомъ не думаетъ тотъ, кому строятся палаты. Діогенъ не хочетъ быть ремесленникомъ. Онъ узнаетъ, что Фидій въ темницѣ, и не хочетъ быть скульпторомъ. Онъ видитъ стараго Софокла, котораго родныя дѣти тащутъ на площадь, чтобы отправить въ изгнаніе. Діогенъ не хочетъ быть поэтомъ. Онъ почти готовъ сдѣлаться воромъ, но два мошенника крадутъ у него послѣдній оболъ и отбиваютъ охоту къ ремеслу. Ему остается только сдѣлаться философомъ, хотя онъ и видѣлъ, какъ Сократъ подносилъ къ губамъ чашу съ цикутой. Онъ беретъ бочку и поселяется на площади.

Послѣ этого пролога мы отправляемся къ Аспазіи, у которой кируютъ Алкивиадъ, самый прекрасный, Милонъ Кротонскій, самый съумасшедшій, Демосѳенъ, самый краснорѣчивый, Платонъ, самый «божественный» изъ Грековъ, и нѣкоторые другіе, даже самъ Эврипидъ, отъявленный врагъ всѣхъ женщинъ и под-уши влюбленный въ прелестную Аспазію. Всѣ эти именитые господа пристають къ Аспазіи, чтобы она выбрала себѣ повелителя на время отсутствія Перикла; но Аспазія остается равнодушною ко всѣмъ поклоненіямъ очарованныхъ. Аспазія чувствуетъ смертельную скуку, которая поселяется въ сердцахъ женщинъ пресыщенныхъ сладострастіемъ. Для возбужденія ея притупленнаго сердца, нужна какая-нибудь небывалая прихоть. При ней упоминаютъ о Діогенѣ. Она пойдетъ посмотреть на Діогена, подъ опасеніемъ быть принятою не лучше Александра, котораго Діогенъ попросилъ посторониться и не застать свѣту солнца. И вотъ Аспазія со всею толпой своихъ знаменитыхъ поклонниковъ является къ Собакъ, которая всегда лаетъ, а подѣластъ и ку-

саеся, какъ сама говорить. Діогенъ въ самомъ дѣлѣ не въ духѣ. Онъ принимается за блестящее собраніе совершенно по-собачьи, срываетъ личину со всѣхъ по-порядку и неумолимою насмѣшкой изобличаетъ тщеславіе, тайны и пороки каждаго. Аспазія достается не меньше прочихъ. Діогенъ укоряетъ ее за роскошь, за дорогія ткани, за блестящія ожерелья и пораженная красавица снимаетъ съ себя и покрывало и ожерелья и отдаетъ аѳинскимъ нищимъ. Тронутая и увлеченная великодушіемъ, она чуть-чуть не разоблачилась до состоянія художественной статуи, но Діогенъ, не совершенно еще безстыдный, въ-время остановилъ этотъ порывъ и пересталъ браниться, когда замѣтилъ обворожительныя прелести своей гостыи. Эта сцена превосходна и произвела эффектъ. Конецъ концовъ, Діогенъ-Собака влюбился въ Аспазію не хуже Эврипида-женоненавистника, и прекрасная Аспазія влюбляется въ Діогена-Собаку. Но только господинъ Феликсъ Піа принялъ въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ то, что нынче называется *платоническою любовью* и о чемъ во времена Платона вовсе не имѣли ни какого понятія: Діогенъ и Аспазія у него любятъ другъ друга ужъ слишкомъ сентиментально и добродѣтельно.

Эта комедія имѣетъ большой успѣхъ. Парижане примѣчаютъ и *вкушаютъ* намеки автора на современность и отъ души хлопаютъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Я продолжаю бесѣду мою съ вами, которую въ послѣдній разъ конецъ мѣсяца перервалъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ. Но ужъ, позвольте, о представленіяхъ и событіяхъ въ петербургской италіанской оперѣ — ни слова болѣе. Втеченіи января произошелъ или довершился огромный переворотъ во вкусѣ петербургской публики. Равнодушіе къ каватинамъ и аріямъ сдѣлало свирѣпые успѣхи. Въ изящныхъ обществахъ уже никто не говоритъ ни объ италіанской оперѣ, ни объ Италіанцахъ. Это почти — *tabula rasa*. Все забыто! Страсть къ вокальной музыкѣ, энтузіазмы, бѣснованія, утихли. Это былъ сонъ — что-то пѣло и играло въ воздухѣ, когда мы спали — невѣдомая, непонятная сладость вѣяла на насъ откуда-то и разливалась по всѣмъ нашимъ членамъ — мы были счастливы — какъ вдругъ проснулись — вездѣ глухо и пусто — и мы, по-прежнему, сѣли играть въ преферансъ, а любезные супруги, сестры и дочери наши поѣхали во французскій водевилъ, отдавъ свои ложи въ оперѣ горничнымъ. *Sic transit gloria mundi!* — такъ проходитъ вселенская слава сего тлѣннаго міра!... Чѣмъ и доказываетъ

ся, что фанатизмъ нашъ къ итальянской оперѣ былъ, не сильное и глубокое чувство прелестей вокальной музыки или музыки вообще, а просто — мода. Какъ-скоро мода прошла, мы остались холодными ко всѣмъ красотамъ. И теперь, чтобы насъ расшевелить, занять, согрѣть, нѣтъ другаго средства какъ перенести сюда парижскую итальянскую оперу. Изъ уваженія къ Парижу, мы станемъ еще одну зиму слушать Итальянцевъ со вниманіемъ. Это отнюдь не значить, что отнынѣ впредь итальянская опера у насъ уже невозможна. Напротивъ, она поселилась здѣсь навсегда. Аббонименты всѣ будутъ полны, ложи всѣ будутъ заняты годично: за это можно ручаться. Ни одно болѣе или менѣе богатое семейство не откажется отъ благороднаго долгу внести исправно деньги за свое постоянное мѣсто въ Большомъ Театрѣ, хоть бы пришлось занимать ихъ. Ложа въ итальянской оперѣ!... какъ можно быть безъ ложи? Это вѣдь — не роскошь, не прихоть, а первая потребность жизни, — точно такъ же какъ французскій поварь и англійская ливрея. Порядочному русскому человѣку нельзя же не сидѣть и не зѣвать отъ скуки въ итальянской оперѣ, когда всѣ порядочные люди въ Парижѣ и Лондонѣ сидятъ въ ней и зѣваютъ во весь ротъ и, за право зѣвать всегда въ одной и той же ложѣ, платятъ страшныя деньги непрерывно — на-подхватъ — такъ, что, напримѣръ въ Парижѣ, гдѣ всѣ недовольны нынѣшнимъ ходомъ итальянской оперы, надо записаться за три года впередъ, чтобы получить аббониментъ на ложу. Не имѣть ложи въ оперѣ!... Какой стыдъ! Да этого и сказать при людяхъ нельзя! Мы не можемъ отстать отъ Парижа. *Nous sommes en progrès!*

Заключеніе: мы будемъ зѣвать, не станемъ слушать, станемъ даже бранить, критиковать, но, на берегахъ Невы ясной, итальянская опера будетъ процвѣтать аббониментами до скончанія вѣка, какъ-скоро въ труннѣ будутъ громкія имена, и если дирекція устранился нынѣшняго равнодушія нашего къ этому удовольствію, то она не знаетъ человѣческаго сердца и судить обидно объ успѣхахъ нашихъ въ образованности. Мода бѣсноваться отъ восторгу прошла, но мода аббонироваться остается въ полной силѣ и, однажды будучи заведена благополучно, не пройдетъ — пока не пройдетъ въ Парижѣ. Наденіе восторговъ можно было предвидѣть. Правда — нечего грѣха таять — мы были въ восторгѣ отъ итальянской оперы; мы чистосердечно восхищались; съ ума сходили отъ душевнаго наслажденія; но мы были тогда

новички въ дѣлѣ—мы еще не знали какъ собственно должно слушать италіянскую оперу — никто не сказалъ намъ, что слушать не надо, а надо сидѣть и зѣвать, — что въ этомъ-то и состоитъ настоящее наслажденіе, — наслажденіе изящное, благородное, просвѣщенное, — что напрягать вниманіе, восхищаться, апплодировать — значитъ портить себѣ все удовольствіе. Съ трудомъ, въ потъ чела, долговременнымъ опытомъ — набивъ себѣ мозоли на ладоняхъ — изорвавъ сотни прекрасныхъ парижскихъ перчатокъ — насилу-то добились мы, самоучкой, до толку въ этомъ мудреномъ дѣлѣ и попали наконецъ на настоящую методу слушанія драматической вокальной музыки. Теперь ужъ и мы зѣваемъ въ оперѣ—да еще какъ! — заглядѣшіе! — просто, сказать, великолѣпное зрѣлище! Мы поровнялись съ Парижемъ и Лондономъ, которые, такъ же какъ и мы, не умѣли долгое время слушать италіянскую оперу. Въ одной только Италіи всегда хорошо знали это искусство. Вы сочтете это за парадоксъ, скажете, какъ всегда, что я будто бы шучу — но я васъ увѣряю—это неоспоримый фактъ, что Италіянцы, которые изобрѣли италіянскую оперу и распространили ее по лицу земли, отъ изобрѣтенія и донынѣ ни разу еще не слышали италіянской оперы и знать не знаютъ что это такое и на что оно похоже. Опера у нихъ представляется на каждомъ перекресткѣ улицъ, всѣ въ оперу ѣздятъ, но слушать оперу — никто не слушаетъ. Этого нѣтъ и въ заводѣ. Ѣздятъ въ оперу, для свиданій, для разговоровъ, даятого чтобы показать свою юность или свою любезность, но вовсе не для музыки, вокальной или инструментальной: этимъ интересуются одни только Нѣмцы, народъ, признанный за самый тяжелый и скучный на цѣломъ свѣтѣ. Пѣвцы и пѣвицы режутъ, чтобы перекричать публику и заставить себя услышать хоть въ нѣсколькихъ нотахъ, и, разорвавъ горла до половины, безъ успѣху, ѣзжаютъ въ Парижъ, Лондонъ, Петербургъ или Нью-Йоркъ. Композиторамъ запрещено выдумывать новое, необыкновенное и паче всего, гениальное, чтобы оно не мѣшало не слушать. Все должно идти по установленному порядку, по однажды принятымъ формамъ, по старому заведенію, не требующему отъ слушателей ни какого вниманія, потому что *слушать оперу* собственно значитъ *разсуждать* съ своимъ сосѣдомъ или съ самимъ собою подъ музыку. Я приведу вамъ, въ доказательство этой истины, слова человѣка, знающаго дѣло и достойнаго вѣры, слова господина Гектора Берліоза: «Le Italiens ont des formes conventionnelles et

«invariables, auxquelles aucun compositeur aimé du public n'osera tou-
 «cher impunément. De tous les Italiens je ne connais que Cherubini
 «et Spontini, qui, seuls entre tous leurs compatriotes, ont repoussé
 «ces fers honteux. Mais ceux-là n'ont jamais eu en Italie aucun succès.
 «La musique n'est pour les Italiens qu'un plaisir de sens, rien autre.
 «Ils veulent des partitions, dont ils puissent, du premier coup, sans
 «réflexion, sans attention même, s'assimiler la substance, comme ils
 «feraient d'un plat de macaroni. Ils sont routiniers et fanatiques comme
 «on ne l'est plus, et la moindre innovation imprévue dans le style mé-
 «lodique, le rythme, ou l'instrumentation, les met en fureur. Comment
 «voulez-vous qu'un homme rempli d'un grand talent et qui adore son
 «art, puisse travailler consciencieusement pour eux? Ajoutez à cela, qu'en
 «Italie on parle tout haut pendant la représentation, on bâte la mesure
 «sur le parquet avec les pieds, les cannes, les parapluies,—on tourne
 «le dos au théâtre,—on joue, on soupe dans les loges,—on s'y com-
 «porte enfin d'une manière si humiliante pour l'art et les artistes, que
 «j'aimerais autant, je l'avoue, être un épicier de la rue Saint-Denis,
 «que d'écrire un opéra pour des Italiens.» (Voyage musical en Italie.)

Тѣмъ, что вы теперь читать изволили, объясняются весь Бел-
 лини, Доницетти, Верди, всё подражательные таланты, послѣдо-
 вавшіе за творческимъ гениемъ Россини, вся такъ-называемая
 вынче *италіянская школа*, а не *италіянская музыка*. «Италіян-
 ская музыка» говорятъ тѣ только, которые сами не знаютъ что
 говорятъ. Послѣ этого, надѣюсь, вы не станете и требовать отъ
 меня отчета въ достоинствахъ «*Беатрики ди-Тенда*» или «*Ма-
 рии де-Роанъ*» или «*Фаворитки*». Онѣ промелькнули у насъ и ис-
 чезли, вѣроятно, навсегда!—Въ послѣднее время мы познакоми-
 лись еще съ оперою Николая, «*Il Templario*». Объ оперѣ я не
 стапу говорить: относительно къ сюжету, это—ничто въ родѣ
 «*Жидовки*» Галеви, ничто въ родѣ «*Il Crociato in Egitto*» Мейер-
 бера; относительно къ музыкѣ, все обстоитъ благополучно, все
 хорошо и мило. Я буду говорить о композиторѣ. Сеньоръ Ни-
 колай — Нѣмецъ, родился въ Пруссіи. Отецъ его былъ Италіян-
 ецъ, поселившійся въ Германіи: такъ полагаютъ. Въ молодости,
 отправился онъ въ Италію, перенялъ мѣстную манеру писать
 оперы, перенялъ *формы*, и теперь въ эти формы отливаетъ всё
 свои идеи. Оперы его имѣютъ успѣхъ въ Италіи и въ Вѣнѣ.

— Опера «*Alessandro Stradella*» молодого даровитого компо-
 зитора Ф. Флотова имѣла въ Прагѣ необыкновенный успѣхъ.

— Извѣстный композиторъ, Симонъ Майръ, директоръ консер-

ваторія въ Бергамо, бывшій канцелямейстеръ церкви di Santa Maria Maggiore, авторъ оперъ *Misterj Eleusini*, *Medea in Corinto*, *La Ginevra di Scoria*, *La Rosa bianca e la Rosa rossa*, и прочая, умеръ недавно въ Бергамо. Онъ родился въ Мендорѣ, въ 1763 году.

— Гдѣ теперь нѣтъ итальянской оперы! Въ Вальпарансо (Чили) одинъ итальянскій купецъ построилъ оперный театръ и, втеченіи послѣдней осени, давали тамъ «Норму», «Отелло», «Семирамиду» и «Лучію». Тридцать-перваго октября, въ Константинополѣ, по случаю открытія вновь устроеннаго для итальянской труппы театра, представлена была «Семираида». Піеса имѣла удивительный успѣхъ. Турки въ восторгѣ. Прима-донною у нихъ — одна преждебывшая знаменитость, госпожа Ронци-де-Бенись, которая, года два тому, пріѣзжала сюда, въ Петербургъ и дала одинъ концертъ передъ пустыми скамейками въ залѣ Дворянскаго Собранія. Учрежденіе итальянской оперы въ Константинополѣ можно назвать благодѣяніемъ для вокальныхъ артистовъ: состарѣвшись и потерявъ голосъ, какъ-скоро начнутъ пѣть фальшиво, они должны тотчасъ отправляться въ Стамбуль, къ Туркамъ и Грекамъ, у которыхъ гамма — совсѣмъ другая, такъ, что наши фальшивыя ноты часто совпадаютъ съ самыми чистыми и тонкими звуками ихъ осемнадцати-тоновой октавы. Чѣмъ ужаснѣе синьора Ронци фальшила, тѣмъ сильнѣе константинопольскіе двлеттанты ей апплодировали: въ залѣ поминутно слышались возгласы *Машъ Аллахъ! машъ Аллахъ!* чудо, какъ она беретъ четверти и осьмушки тоновъ!»

— Королева испанская, Изабелла, пѣла недавно въ придворномъ концертѣ, въ Мадритѣ, послѣднюю арію съ хоромъ изъ «Нормы». Она страстная любительница музыки, и учится теперь играть на «оргеціанѣ» и арфѣ. Королева-мать, Марія-Кристина, пѣла въ этомъ же концертѣ дуэттъ на сопрано и теноръ изъ «Вильгельма Телля» съ тенористомъ королевской капеллы. Одинъ изъ инфантовъ, обладающій прекраснымъ голосомъ, пѣлъ въ хорахъ вмѣстѣ съ младшею сестрою королевы.

— Какъ видно изъ нѣмецкихъ журналовъ, Фелиціанъ Давидъ немного имѣлъ успѣху въ Вѣнѣ съ своей громко-прославленной симфоніей, «Пустыня». Говорятъ, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

— Изъ Лемберга пишутъ большія похвалы молодому польскому пианисту и капельмейстеру Піонтковскому, который тамъ участвуетъ во всѣхъ концертахъ и музыкальныхъ собраніяхъ. Вотъ

пробѣжающіе черезъ Галицію артисты говорить объ этомъ замѣчательномъ талантѣ съ великими удивленіемъ.

— Известный сочинитель романсовъ въ стихахъ, M. Gustave Lemoine, женился на известной сочинительницѣ музыки для романсовъ Mlle Loise Pigeat. Вотъ — хорошо подобранное супружество!

— Женя Линдъ произвела въ Лейпцигѣ мятежъ. Публика, отъ восторга, переломала всё стулья въ залѣ. Двумъ критикамъ, которые надумали дѣлать замѣчанія, ехалоды разбила одному ротъ, а другому носъ. Все это происходило въ благотворительномъ концертѣ. Нѣмцы, не только передрались, но и разорились въ кошечъ изъ-за этой шведской сирены. Члены оркестра поднесли ей богатый золотой вѣнокъ съ серебряною надписью: «An Fräulein Jenny Lind die dankbaren Musiker, Leipzig, den 5 December 1845». Нѣмецкимъ музыкальнымъ газетамъ нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, но нѣмецкіе кулаки заслуживаютъ нѣкотораго довѣрія. Если ужъ Нѣмцы дерутся, то Fräulein Lind должна пѣть хорошо. Мы находимъ въ «Замѣткахъ» господина *Каминскаго* слѣдующее извѣстіе объ этой пѣвицѣ: «Голосъ госпожи Линдъ — что-то необыкновенное, сильно потрясающее душу. Она мнѣ чудесно пропѣла нѣсколько народныхъ шведскихъ пѣсенъ. Я никогда не слышалъ такого прекраснаго и отчетливаго crescendo и decrescendo какъ у ней. Кажется, что эти два средства — у ней чаще всего въ дѣлѣ: они — ея оружіе и госпожа Линдъ ловко и отчетливо имъ владѣетъ. Въ голосѣ этомъ откликается нѣчто ангельское и весьма поэтическое. Она такъ и влечетъ васъ къ себѣ, эта свѣтлая блондиночка, съ лицомъ круглымъ и бѣлымъ. Она вовсе не красавица, но черты ея такъ пріятны, какъ рѣдко случалось мнѣ видѣть. Доброта и прямота разлиты по лицу. Въ обращеніи она чрезвычайно проста и натуральна, и напоминаетъ собою молоденькую институтку, только-что вступившую въ свѣтъ: такъ она вротка и скромна. По-французски говоритъ она худо; по-нѣмецки немощко лучше. Если при этомъ голосѣ она еще окажется хорошею актрисою, такъ вотъ настоящій идеалъ донны Анны въ «Донъ-Жуанъ». — За эту пѣвицу воевъ можетъ вспыхнуть война между Англіей и Германіей, Лондонскіе журналы наполнены въ эту минуту горячею полемикою о правахъ Великобританіи на миссъ Женю Линдъ и о томъ, какъ поддержать ихъ сообразно съ народною честью. Въ 1844 году, Женя Линдъ, при посредничествѣ Мюллеръ-

ра, подписала въ Берлинѣ контрактъ съ Дрорилецкимъ Театромъ, гдѣ она должна была заступитъ мѣсто госпожи Кастанланъ, перешедшей въ итальянскую труппу Театра Королевы. Вслѣдствіи издумала она отказаться отъ этого условія, подъ предлогомъ, что никакъ не можетъ выучиться пѣть по-англійски, и, какъ кажется, приняла тайныя предложенія дирекціи Театра Королевы, отъ которыхъ также отказалась потомъ, по коварному наущенію Нѣмцевъ, старающихся всѣми мѣрами удержать ее у себя. Директоръ Дрорилецкаго Театра и его публика въ бѣшенствѣ. Переписка вся напечатана въ газетахъ. Директоръ доказываетъ, что отговорка госпожи Лидъ не заслуживаетъ ни уваженія, ни вѣры: когда она могла въ два мѣсяца выучиться по-нѣмецки, то можетъ выучиться и по-англійски! Обращеніе къ прусскому правительству о выдачѣ миссъ Жевни, по-видимому, не имѣло успѣху, и Англія хочетъ послать весною флотъ въ Балтійское Море, чтобы блокировать берега Германіи и поймать вѣроломную сирену, когда она отъ Нѣмцевъ будетъ переноситься къ Шведамъ.

— Наша Андреянова нравится парижской публикѣ до безконечности. Она танцевала недавно въ «Вильгельмѣ Теллѣ», и вотъ чтò пишетъ *La Gazette musicale*: «Прелестная русская танцовщица, Mlle Andrianoff, произвела *furor* въ этой оперѣ. Правда, что, среди Швейцаріи, она явилась одѣтою по-неаполитански и пустилась танцевать тарантеллу, но публика одобрила горячими рукоплесканіями эту новую емѣлость и съ великимъ шумомъ заставила танцовщицу повторить».

— По письмамъ изъ Вѣны, мусикійствующій свѣтъ занятъ тамъ ужасно москѣ Берлиозомъ. Его симфоніи и увертюры нравятся чрезвычайно. Дамы носятъ браслеты съ его портретомъ, перстни и серѣжки à la Berlioz, даже прически à la Berlioz. Ужъ не говоримъ объ вѣнкахъ и букетахъ, бросаемыхъ ему каждый разъ: это ни почемъ. Недавно, въ день его рожденія, общество, составившееся изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и знаменитѣйшихъ артистовъ, задало ему большой балъ, и, на балѣ поднесли ему богатый жезлъ для дирижированія оркестромъ. На немъ выписаны были названія всѣхъ партій Берлиоза и имена сорока артистовъ, подписавшихся на этотъ подарокъ. Жезлъ этотъ вручилъ Берлиозу баронъ де Лаппоу, и держалъ слѣдующую рѣчь къ симфонисту:

«Monsieur,

«Les professeurs et les amateurs de musique, viennois, désirent
«vous donner un gage de la haute estime que vous leur inspirez.
«Ils admirent l'originalité, la verve, et la savante instrumentation de vos
«compositions, votre beau talent comme critique et comme théoréti-
«tien, et votre direction claire, précise et pleine de feu. C'est en leur
«nom que je vous prie d'accepter ce bâton de chef d'orchestre. Puisse-
«t-il rappeler à votre souvenir la ville, où Gluck, Haydn, Mozart et
«Bethoven, ont vécu, et les amis de l'art musical qui s'unissent à moi
«pour crier: VIVE BERLIOZ!»

Берлиозъ отвѣчалъ на это приличною рѣчью, и дѣло кончилось шампанскимъ, къ общему удовольствию обѣихъ сторонъ. Третьяго января была исполнена большая симфонія Берлиоза, «Romeo et Juliette», которую публика приняла съ страшнымъ восторгомъ. На одной изъ репетицій, какой-то старый профессоръ музыки и музыкантъ, участвовавшій въ этомъ концертѣ, бросилъ съ досадою свой инструментъ и сказалъ: «Стоило ли трудиться пятьдесятъ лѣтъ построениемъ нашего музыкальнаго зданія? Этотъ молодой Французъ пріѣхалъ, и въ два часа времени все разрушилъ!»

— Первое представленіе въ Парижѣ оперы Доницетти «Gemma di Vergi», не имѣло успѣху. При второмъ—она совсѣмъ упала. Но въ Берлинѣ и Парижѣ даютъ теперь съ большимъ успѣхомъ Спонтиниѣву «Весталку». Это образцовое произведеніе никогда еще не производило ни въ Германіи ни во Франціи такого впечатлѣнія какъ теперь. Восторгъ доходитъ до фанатизма. Говорятъ, что въ Берлинѣ Женин Линдъ неподражаема въ роли Юліи. Между-тѣмъ и опера Галеви «Charles VI» начинаетъ больше и больше нравиться Французамъ. Ее сначала принимали довольно холодно, но теперь уже играютъ ее на всѣхъ театрахъ во Франціи.

— Въ Берлинѣ теперь въ большой модѣ молодой англійскій пианистъ, Литольфъ. Его ставятъ, кто на ряду съ Листомъ, кто непосредственно послѣ Листа. Листъ говорилъ объ немъ, года три тому назадъ: — Littolf?... c'est ma charge! — «Это моя карикатура!» Но въ три года можно совершенно преобразоваться человѣку съ истиннымъ дарованіемъ. Литольфъ родился въ Лондонѣ и учился у Мошелеса, а потомъ въ Парижѣ у Керубини. Говорятъ, что онъ взялся написать для берлинскаго театра опе-

ру въ пяти актахъ, «Catherine Howard». Берлинскіе журналы объщаютъ отпустить его къ намъ Петербургъ.

— Листъ воротился въ Францію и былъ недавно въ Нантъ.

— Леопольдъ Мейеръ ломаетъ въ Нью-Йоркѣ американскія фортепіаны на-пропалую. Американцы въ страшномъ восторгѣ: они никогда еще слышали такой трескотни и не могутъ надивиться, до какого совершенства доведена музыка въ Европѣ. По уничтоженіи янычаръ и ихъ оркестровъ, господинъ Леопольдъ Мейеръ, безспорно — самый звонкій и самый шумный музыкантъ на земномъ шарѣ.

— Но воротимся къ нашимъ петербургскимъ дѣламъ. Въ первомъ номерѣ преобразованнаго «Нувеллиста» есть очень хорошія пьесы для фортепіано. «L'Air suisse transcritt par M. Raff» — премилая и хорошо написанная игрушка. Дивертиссементъ Бейера изъ оперы «Belisario» заслуживаетъ справедливой похвалы: много блеску; особенно послѣднее allegro (ut maggiore), начинающееся хроматическою гаммою, полно жизни и вкусу. Замѣчательная маленькая пьеса «Triste pensée», господинна Дамке: тутъ видна печать петиннаго таланта. Въ ней много вкуса, и хорошее знаніе гармоническихъ эффектовъ. Для пѣнья есть романсъ Алябьева, и романсъ Давида (Le comteil d'un enfant). Господинъ Бернарль очень хорошо исполняетъ обѣщаніе свое подписчикамъ.

— Между новостями, которыя нашли мы въ магазинѣ того же господина Бернарда для фортепіано, особеннаго упоминанія заслуживаетъ «Réminiscences de la Sonnambula, par F. Schiller». Это — съ большимъ талантомъ написанная пьеса. Вы слышите всё любимыя мотивы оперы, и они очень ловко и умно связаны между собою. Особенно «Ah, m'abraccia» которымъ начинается и оканчивается пьеса, превосходно обработанъ. Вторая хорошая вещь — «Decameron (Le Pré aux Clercs)», Тальберга, пьеса, которую мы также рекомендуемъ читательницамъ: онѣ будутъ довольны ею, какъ же какъ и ноктурномъ Карла Мейера (en La bémol majeur, oeuvre 81).

— Въ Одеонѣ вышли въ свѣтъ два новые романса господина Кажинскаго. для mezzo-сoprano: они очень удобны для всякаго женскаго голосу и замѣчательны по красотѣ и оригинальности мелодій. Фортепіанный аккомпаниментъ къ нимъ отлично обработанъ. Вышла еще, тамъ же, новая мазурка того же композитора.

тара, «Marie-шашига», настоящая нагурка, живая, игривая, огненная, танцующая до упаду, до обмороку.

— Театръ комической оперы въ Парижѣ имѣетъ теперь двухъ молодыхъ композиторовъ, которые подаютъ о себѣ прекрасныя надежды; первый изъ нихъ — москѣ Monfort: оперу его «La Charbonnière» приняли недавно съ большимъ одобреніемъ; второй — москѣ Rozet, авторъ премьенской оперетки въ двухъ дѣйствіяхъ, «Карлъ Двѣнадцатый». Эту оперетку ставить на ряду съ легкими оперетками Обера.

— Въ Берлинѣ умеръ, на девяностомъ году отъ рожденія, вникъ и послѣдній потомокъ Себастьяна Баха, Вильгельмъ Бахъ, почетный придворный капельмейстеръ.

— Мендельсонъ-Бартольди, по-видимому, рѣшился положить на музыку всѣ старыя трагедіи: теперь написалъ онъ великолѣпную музыку для расиновской «Говоліи». Король прусскій, знатокъ, цѣнитель и любитель древностей, поощряетъ всѣ подобныя усилія. Трагедію эту представляли недавно въ Шарлоттенбургѣ. Сцена была увеличена: ее продолжили черезъ оркестръ до самаго партера, который весь занятъ былъ музыкантами. Гропіусъ одѣлалъ прекрасную декорацію, представляющую храмъ Соломона во всемъ великолѣпніи. Трагедія Расина произвела эффектъ неожиданный: зрители состояли изъ королевской фамиліи, двора, министровъ, посланниковъ и значительнѣйшихъ берлинскихъ художниковъ и артистовъ. Рукоплесканія сопровождали почти всякую сцену. — Въ то же время изданъ новый уставъ для королевскихъ театровъ въ Берлинѣ: въ параграфѣ 95 сказано: «Пѣвицы и пѣвцы должны съ строжайшею точностью держаться текста партій и не прибавлять отъ себя ни какихъ украшеній безъ позволенія капельмейстера. Запрещается также прибавлять отъ себя въ оперѣ посторонніе, вставочные нумера и аріи другихъ композиторовъ. *А буде кто прибавитъ, тотъ подвергается наказанію, — за лишніе украшенія, роллады, тріолеты, и прочая, денежнымъ штрафомъ, — за вставку каждой аріи изъ другой оперы, двухъ-недѣльному заключенію.*»

— Еще новость, весьма интересная для играющихъ на фортепіано. Съ новаго года началъ выходить здѣсь, подъ редакціей одного изъ отличнѣйшихъ артистовъ нашихъ, именно, господина Мюллера, другой нотный журналъ, «Le Télégraphe musical, journal des pianistes» посвященный Ея Императорскому Высочеству Цесаревнѣ Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ.

внѣ. Журналъ этотъ, такъ же какъ и «Нувелистъ», выходитъ ежемѣсячно тетрадями и стоитъ въ годъ десять рублей серебромъ (съ пересылкою 11 рублей 50 копѣекъ). Каждая тетрадь заключаетъ въ себѣ около тридцати страницъ нотъ: годовое изданіе представитъ такимъ образомъ до трехъ сотъ пятидесяти страницъ, и будетъ заключать въ себѣ выборъ лучшихъ пѣсень для сортешино, вновь появляющихся за границею, по мѣрѣ ихъ появленія. Въ первой тетрадѣ помѣщены четыре отлично хорошия пѣсень: «Le Chant du bandit, étude mélodique, par Bertini; Дёлера фантазія на мотивы оперы «I Lombardi», — что еще и весьма кстати, — «La jeune fille à la fenêtre, mélodie, par Fesca», — и Freundschafts-Quadrille, Гунгля. Надобно замѣтить, что издатель «Музыкальнаго телеграфа» приобрѣлъ всѣ пѣсень Гунгля, и только въ этомъ журналѣ онѣ будутъ печататься. Лишь-только важное это событіе сдѣлалось извѣстнымъ, лѣтнія жительницы Павловска всѣ вдругъ, въ одинъ день, подписались на журналъ господина Мюллера. Какое наслажденіе — разыгрывать Freundschaft-Quadrille!.. А за нимъ и другія кадрили Гунгля!.. и его вальсы! .. и его по-пури!.. и все что играетъ оркестръ его въ Вокеалѣ, чудеснѣйшемъ мѣстѣ во всей вселенной, гдѣ Магометъ, если бъ зналъ его, непременно помѣтилъ бы свой рай; сдѣлавъ Гунгля председателемъ. Словомъ сказать, безъ этого благодатнаго журнала въ Павловскѣ и жить нельзя лѣтомъ: нѣтъ никакой пріятности! Сирени не станутъ цвѣсти, цвѣты не будутъ благоухать, трава подъ ногами сдѣлается жесткою и колючею, солнце затмится, воздухъ наполнится мракомъ и скукою.

Перечитывая фантазію Дёлера въ «Музыкальномъ телеграфѣ», мы примѣтили, что господинъ Мюллеръ старается облегчать пальцеломные пассажи, не парушая эффекту, и съ большимъ вкусомъ, съ большимъ искусствомъ, устраняетъ длинноты. Это новая и немаловажная заслуга журнала, за которую всѣ пианистки будутъ ему благодарны.

=

НОВЫЯ КНИГИ,

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра, на Невскомъ Проспектѣ, домъ Петилья, № 9.)

(Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

- Balzac.** Modeste Mignon ou Les trois amoureux. Paris, 1845. 4 vol. in 8. 30 fr. (7 r.).
- Bazancourt.** A coté du bonheur. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Antonia. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Bawr, M-me.** Auguste et Frederic. 2-e édition. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 cts. (2 r.).
- Bernard.** Un beau-père. Paris, 1845. 3 vol. in 8. 22 fr. 50 cts. (6 r.).
 — Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 3 vol. in 18. 9 fr. (1 r. 80 c.).
- Berthet.** Le Capitaine Remy. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Bodin, M-me.** Memoires d'un confesseur. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Philippe. Paris, 1843. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Sévérine. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Bonnellier.** Une glace sans tain. Paris, 1845. 15 fr. (4 r.).
- Briasset.** Le Petit roi. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Cesar Falempin, ou Les idoles d'Argile par l'autour de Jérôme Paturoo. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Cooper.** Satanstocé. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 17. 6 fr. (1 r. 20 c.).
 — Sur mer et sur terre. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 15 fr. (1 r. 20 c.).
 — Lucie Hardinge, Suite de Sur mer et sur terre. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Cousin.** Jacqueline Pascal. Bruxelles, 1845. 1 vol. in 18. 3 fr. (60 c.).
- Croix (la) de Berny,** (Roman Steeple Chase) parle V-te. Ch. de Launay, Mery, Th. Gautier, J. Sandeau. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Dasch, (C-ssé).** Arabella. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
 — Histoire d'un ours. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
 — La poudre et la neige. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Desnoiresterres.** Entre deux amours. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Mademoiselle Zacharie. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
 — Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).

- Dumas.** Le Chevalier de Maison rouge. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Les frères Corses. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- La guerre des femmes. Bruxelles, 1845. 4 vol. in 18. 12 fr. (2 r. 40 c.).
- Louis XIV et son siècle. Bruxelles, 1844 — 45. t. 1 à 3. in 18. 9 fr. (1 r. 80 c.).
- Madame de Condé. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Les Trois Mousquetaires. Paris, 1845. 8 vol. in 8. 60 fr. (16 r.).
- Vingt ans après, suite des Trois Mousquetaires. Paris, 1845. 8 vol. in 8. 60 fr. (16 r.).
- La Reine Margot. Paris, 1845. 6 vol. in 8. 45 fr. (12 r.).
- La Vicomtesse de Cambes. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Epimay, M-me.** Berthilde. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Féval.** Les Amours de Paris. Paris, 1845. 6 vol. in 8. 45 fr. (12 r.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 5 vol. in 18. 15 fr. (3 r.).
- Foa, M-me.** Alexandrine. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Fondras.** Les Gentilhommes d'autre-fois. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Tristan de Beauregard. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Fridolia.** Le chien d'Alcibiade. Bruxelles, 1844. 1 vol. in 18. 3 fr. (60 r.).
- Fullerton, (Lady).** Ellen Middleton. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Gay, (M-me.)** Comte de Guiche. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Gondrecourt.** Medine. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Gottis (M-me.)** Charlemagne, roman historique. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Gozlan.** Les nuits du père Lachaise. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 48. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Karr.** Voyage autour de mon jardin. Bruxelles, 1844. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Kock, (G. de).** Carotin. Bruxelles, 1845. 4 vol. in 18. 12 fr. (2 r. 40 c.).
- Lacretelle.** Valence de Simian. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 cts. (2 r.).
- Lafitte.** Le Gage du roi. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Le Gantier d'Orléans. Paris, 1845. 3 vol. in 8. 22 fr. 50 c. (6 r.).
- Lamothe-Langon.** Les deux faubourgs, ou Banque et noblesse. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).

- Lateuche.** Adrienne. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 c.
- Lavergne.** La Princesse des Ursins. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Le dernier Seigneur de village. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Lesser.** Une réalité de la vie. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Ligneau-Grandcour.** La frégate la Belle-Poule, roman maritime. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Marryat.** Violette, ou Aventures d'un jeune émigré français de 1830. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 c.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 3 vol. in 18. 9 fr. (1 r. 80 c.).
- Masson.** La Batarde du roi. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- et **Thomas.** La jeune Régente. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Migeon.** Louis, épisode de XVIII siècle. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 c. (2 r.).
- Mortonval.** Une sombre histoire. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Musset (F. de).** Le nouvel Aladdin, suivi de Fleurance. Bruxelles, 1845. 1 vol. in 18. 3 fr. (1 r. 20 c.).
- (**A. de**). Le secret de Javotte, suivi de Pierre et Camille. Brux., 1844. 1 vol. in 18. 3 fr. (60 c.).
- Raban.** La Chanteuse des rues. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Rabeu.** La reine d'un jour. Paris, 1845. 3 vol. in 8. 22 fr. 50 c. (6 r.).
- Reybaud, (Mme),** Les deux Margueritte. Paris, 1845. 3 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Sans dot. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Robert.** Tombeaux de Saint-Denis. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).
- Sandeau.** Mademoiselle de Seiglière. Bruxelles, 1845. 1 vol. in 18. fr. (60 c.).
- Histoire populaire, anecdotique et pittoresque de Napoléon et de la grande armée. Bruxelles, 1845. 3 vol. in 18. 9 fr. (1 r. 70 c.).
- Napoléon en campagne, scènes de la vie militaire, pour faire suite aux Souvenirs intimes du temps de l'Empire. Paris, 1845. 2 vol. in 8. 15 fr. (4 r.).
- La veuve de la grande armée, roman historique. Bruxelles, 1845. 2 vol. in 18. 6 fr. (1 r. 20 c.).

- Saintine.** L'Esclave du pacha, suivi de Histoire de ma grande-tante (morte à l'âge de seize ans). Bruxelles, 1845. 1 vol. in 18. 3 fr. (60 c.).
- Sand.** Le Meunier d'Angibault. Paris, 1845. 3 vol. in 8. 22 fr. 50 c. (6 r.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 3 vol. in 18. 9 fr. (1 r. 80 c.).
- Scribe.** Maurice. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 c. (3 r.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 1 vol. in 12. 3 fr. (60 c.).
- Soulié.** Les Drames inconnus. Paris, 1845. 4 vol. in 8. 30 fr. (8 r.).
- Le même ouvrage. Bruxelles, 1845. 6 vol. in 18. 18 fr. (3 r.).
- Il était temps, ou A quelque chose malheur est bon. Bruxelles, 1845. 1 vol. in 18. 3 fr. (60 c.).
- Sue.** Le Juif errant. Bruxelles, 1844—45. 10 vol. in 18. 30 fr. (6 r.).
- Vernueil.** Deux années au désert. Paris, 1845. 1 vol. in 8. 7 fr. 50 c. (2 r.).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро)

Піесы для флейты.

- Boehm.** Fantaisie sur des thèmes suisses pour la flûte avec orchestre, op. 23. (2 r. 85 c.).
- Deuxième fantaisie sur des thèmes suisses pour la flûte avec orchestre, op. 24. (2 r. 85 c.).
- Briccialdi.** Second concert pour la flûte, avec orchestre, op. 19. (6 r.).
- Fantaisie brillante sur des motifs de la Fille du régiment pour, la flûte, avec orchestre, op. 27. (4 r. 29 c.).
- Second concert pour la flûte avec accompagnement de piano, op. 19. (3 r. 43 c.).
- Mélodies hongroises, transcrites pour la flûte avec piano, op. 27. (2 r.)
- Fantaisie brillante sur des motifs de l'opéra: La fille du Régiment pour la flûte avec piano, op. 27. (2 r. 29 c.).
- Heinemeyer.** Introduction et variations brillantes pour la flûte, avec orchestre sur La Dernière pensée de Weber, op. 4. (4 r. 58 c.).
- Tulou.** Fantaisie sur des motifs de la Zazetta d'Auber, pour la flûte, avec orchestre, op. 87. (2 r. 86 c.).

- Belke.** Mélodies pour flûte et piano, op. 21. (1 r. 29 c.).
- Böhm.** Fantaisie sur des thèmes suisses, pour flûte et piano, op. 23. (2 r.).
 — Deuxième fantaisie sur des thèmes suisses, pour flûte et piano, op. 24. (2 r.).
- Diabelli.** Productionen im häuslichen Freundschaftszirkel, für Flöte und Piano. № 58. Ouverture sur Oper: Die vier Haimonekinder von Balfe. (1 r. 15 c.).
- Jansa.** Der junge Opernfreund. Melodien für Flöte und Piano, op. 61. № 15. Il urioso. № 16. Anna Bolena. № 17. Il Giuramento. № 18. Corrado d'Altamura. № 19. Marie ou la fille du Régiment. (Каждая по 85 c.).
- Keller.** Trois divertissements sur des motifs d'opéras favoris pour flûte avec une seconde flûte ou violon (ad libitum), op. 58. № 1. La Figurante, de Clapissou. № 2. Lucia di Lammermoor. № 3. La Zaira de Mercadante. (Каждая по 72 c.).

Піесы для кларнета.

- Baermann.** La petite mendiante. Scène chantante, pour clarinette et piano, op. 14. (1 r.).
- Berr.** Petites soirées dramatiques. Quatre fantaisies sur des motifs favoris de Bellini, Herold, Meyerbeer et Weber. № 1 à 4. (Каждая по 72 c.).
- David.** Introduction et variations sur un thème de Schubert, pour clarinette et piano, op. 8. (1 r. 43 c.).
- Fessy.** Fantaisie brillante sur deux thèmes de Schubert, pour clarinette avec piano, op. 10. (85 c.).
- Hugot.** Dernière pensée de Weber. Cinquième air varié, pour clarinette avec piano. (1 r.).
- Kalliwoda.** Introduction et variations, pour clarinette avec orchestre, op. 128. (2 r. 85 c.).
 — Idem, avec accompagnement de piano, op. 128. (1 r. 15 c.).
- Kayser.** Grand duo concertant, pour clarinette et alto, op. 2 (1 r. 72 c.).
- Kummer.** Trois duos concertants, pour deux clarinettes sur des motifs des opéras: Lucrezia Borgia, La Favorite, Robert le Diable, op. 107. № 1 à 3. (Каждая по 85 c.).
- Müller.** Variations brillantes sur l'air favori O cara memoria, pour clarinette avec piano, op. 69. (1 r. 43 c.).
 — Fantaisie sur un air de l'opéra: Le Pirate, pour clarinette avec piano, op. 70. (1 r. 43 c.).
 — Le rêve. Episode romantique pour clarinette avec piano, op. 73. (85 c.).
 — Six études pour deux clarinettes, op. 74. (1 r. 43 c.).
 — Scène romantique pour clarinette avec piano, op. 96. (1 r. 43 c.).

Reissiger. L'attente et l'arrivée. Fautaisie pour clarinette avec orchestre, op. 180. (3 r. 72 c.).

—— Idem avec piano, op. 180. (1 r. 43 c.).

Танцы для фортепiano.

Beckel. Amazonen-Galop. (Nouvelle édition.) (50 c.).

Borens. Grazien-Polka. (30 c.).

—— Sirenen-Galop. (30 c.).

—— Polka et Galop d'après l'opéra de Balfe: Les quatre fils d'Haymon. (Chaque à 30 c.).

Bernard. Paulinen-Walzer, d'après l'air favori de Balfe, chanté par M-me. Viardot (60 c.).

—— Contredanses françaises d'après l'opéra: Ольга, дочь пугачовика. (60 c.).

Burgmüller. La gracieuse. Polka (30 c.).

—— Polka-Cotillon, dansée au théâtre Alexandra (avec vignette). (75 c.).

Conradi. Zigeuner-Polka. op. 5. (30 c.).

Le Diable rouge. 25 valse, composées par Lanner, Labitzky, Strauss. etc. (2 r.).

Doehler. La Carlotta, l'Elisa. Deux polkas originales, op. 56 № 1, 3, (chaque à 50 c.).

Donizetti. Dou Pasquale, Valse arrangées d'après son opéra, (avec vignette) (85 c.).

Gung'l. Joh., Catherinen-Polka, (30 c.).

—— Mädchenräume-Walzer, op. 3. (75 c.).

—— Souvenir-Polka, op. 4. № 1. (30 c.).

—— National-Polka, op. 4. № 2. (30 c.).

—— Ein Sträusschen-Walzer, op. 5. (75 c.).

—— Vive la danse, valse, op. 7. (75 c.).

—— Faschingsstriche. Galop, op. 9. (43 c.).

—— Heiter auch in ernster Zeit. Walzer, op. 10. (75 c.).

—— Joseph. Die Erlanger. Walzer, op. 32. (85 c.).

—— Hyazinthen-Polka, op. 33. (30 c.).

—— Der fröhliche Uhlanc. Mazurka, op. 36. (30 c.).

—— Paulinen-Polka, op. 37. (43 c.).

—— Steyrers-Heimweh-Marsch, op. 39. (30 c.).

—— Une fleur de danse. Galop, op. 40. (43 c.).

—— Aurora-Fest-Marsch, op. 41. (30 c.).

—— Der 15 October. Marsch, op. 42. (43 c.).

—— Gazellen-Polka, op. 43. (30 c.).

—— Die Industriellen. Walzer, op. 44. (85 c.).

—— Potsdammer Casino-Polka, op. 45. (43 c.).

- Ein Tropfen aus der Oder. Polka, op. 46. (30 c.).
- Die preussische Parade. Marsch-Potpourri, op. 47. (1 r. 43 c.).
- Willkomm im Grünen. Walzer, op. 49. (85 c.).
- Hauser.** Sobrien-Polka. (30 c.).
- Kalkbrenner.** Veritable Mazurka. (30 c.).
- Kazynski.** Quatorze Polkas caractéristiques, (chaque à 40 c.).
- Polka-arabe (Mohamed-Polka) (75 c.).
- Valse mélodieuse et Mazurka (50 c.).
- Mein Gruss an Deutschland, grand Galop de bal (50 c.).
- Valeria-Walzer (75 c.).
- Maria-Mazurka (50 c.).
- Labitzky.** Bedford-Walzer, op. 108. (85 c.).
- Die Orientalen. Walzer, op. 109. (85 c.).
- Themis-Festklänge, Walzer, op. 110. (85 c.).
- Gruss an Prag. Drei Polkas, op. 111. (72 c.).
- Militair-Galop. op. 112. (43 c.).
- Burlington-Walzer, op. 113. (85 c.).
- Kinderfreuden. Drei Polkas, op. 115 (58 c.).
- Clementinen-Mazurka, op. 116. (43 c.).
- Perlen-Walzer, op. 117. (95 c.).
- Essex-Walzer, op. 119. (85 c.).
- Lachowicz.** Frenolesten-Walzer (75 c.).
- Le bouquet de Polkas. Nouvelles Contredanses sur les Polkas favorites de Mr. Kazynski. (60 c.).
- Leandre.** Quadrille fashionable sur des polkas favorites (avec une jolie vignette coloriée). (75 c.).
- Lumbye.** Les souvenirs de Paris. Polka, valse et galop. № 1. (85 c.).
- Eine Sommernacht in Dänemark. Galop. № 2. (58 c.).
- Le carnaval de Paris, Polka № 3. (30 c.).
- Erinnerung an Wien. Walzer № 4. (85 c.).
- Donau-Blumen-Quadrille. № 5. (58 c.).
- Tivoli-Bazar-Galop. № 6. (30 c.).
- Corsicaner-Galop. № 7. (30 c.).
- Gruss an die Heimath. Walzer. № 8. (43 c.).
- Militair-Galop: № 10. (43 c.).
- Fontaine-Walzer. № 11. (58 c.).
- Fest-Galop. № 12. (43 c.).
- Nordische Studenten-Polka. № 13. (43 c.).
- Champagner-Galop (30 c.).
- Mazurka à la Polka (30 c.).
- Łginsky.** Polonaise célèbre. (30 c.).

- Costoff.** Souvenir des artistes de l'opéra italien. Contredanses françaises (66 c.).
- Contredanses françaises d'après l'opéra: Don Pasquale (66 c.).
- Schmidt.** Rebus-Walzer, op. 1. (85 c.).
- Strauss.** Rosen ohne Dornen. Walzer, op. 166. (85 c.).
- Wiener Früchteln. Walzer, op. 169. (85 c.).
- Willkommen-Rufe. Walzer, op. 168. (85 c.).
- Quadrille über Motive der Oper: Die vier Haimankinder, op. 169 (85 c.).
- Maskenlieder. Walzer, op. 170. (85 c.).
- Bienen-Tänze. Walzer, op. 171. (85 c.).
- Odeon-Tänze. Walzer, op. 172. (85 c.).
- Marianna-Polka, op. 173. (30 c.).
- Muses-Quadrille, op. 174. (58 c.).
- Carnavals-Pansen. Walzer, op. 175. (85 c.).
- Geheimnisse aus der Wiener Tanz-Welt. Walzer, op. 176. (85 c.).
- Flora-Quadrille, op. 177. (58 c.).
- Stredella-Quadrille, op. 178 (58 c.).
- Oesterreichische Jubelklänge, Walzer, op. 179. (85 c.).
- Strauss, Sohn.** Sinngedichte. Walzer, op. 1. (85 c.).
- Gast-Werber. Walzer, op. 4. (85 c.).
- Serail-Tänze. Walzer, op. 5. (85 c.).
- Cytheren-Quadrille, op. 6. (58).
- Witzleben.** Garde-Husaren-Polka. (40 c.).
- Wolf.** Mazurka originale. (30 c.).

Въ этомъ же магазинѣ вышла 2-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нисоллистъ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: L. de Meyer. Air bohémien-russe varié, op. 45. Doebler. Romance sans paroles. Kullak. Chanson de berceau. Vos s. A la plus belle, nocturne. Strauss. Mosaïque-Quadrille (inédit). Huenten. Le Diadème, fantaisie sur l'opéra: «*l'Elisire d'amore*». Duvernoy. Fantaisie sur un thème de Donizetti. Герасимовъ. Убъжнице, романсъ (inédit). Masini. Je t'attendrai. Romance. Музыкально-литературное прибавленіе, № 2.

=

Моды.

— Бальные наряды, въ это время, составляютъ предметъ чрезвычайной важности, и потому займемся всѣмъ ихъ подробностями. Замѣчательно, что галантерейныхъ украшеній почти

не употребляютъ; не видно ни ожерельевъ ни цѣпочекъ; не носятъ даже серёгъ, потому что прическа переднихъ волосъ совсѣмъ покрываетъ уши; остаются одни браслеты, но этихъ надеваютъ только по одному на каждую руку, а еще лучше имѣть только одинъ браслетъ на лѣвой. Косы причесываютъ немного ниже къ затылку: голову убираютъ кокардами, приколотыми съ каждой стороны надъ ухомъ. Кокарды изъ марабутовъ, бархату, лентъ, тюлю и газу; при темныхъ волосахъ, очень хороши бѣлыя, пунсовые, розовыя и желтыя, для бѣлокурыхъ красивы — темныхъ цвѣтовъ. Кокарды теперь — преимущественное украшеніе и балныхъ платьевъ. Вотъ нѣкоторыя чудесныя платья:

— Бѣлое платье, изъ *poult-de-soie glacé*, убранныя пятью тюлевыми очень широкими оборками; верхняя, пятая оборка собрана и пришита у талия; каждая изъ оборокъ обшита тремя руло изъ пу-де-соа; надъ ними легкая вышивка бѣлыми шелковыми плоскими свурочками; впереди, передникомъ, каждая оборка приподнята и прикрѣплена двойными кокардами изъ тюлю и пу-де-суа; корсажъ — гладкій; рукава — маленькіе гладкіе покрыты бертой того же роду, какъ оборки платья.

— Зеленое платье, атласное, убранныя марабутами; нижнее изъ бѣлаго пу-де-соа; накладка изъ малиноваго бархату и бѣлаго глазету съ золотымъ кружевомъ и бахромой.

— Для головныхъ уборовъ, золотыя кружева, бахромы и кисти употребляются больше чѣмъ когда либо.

— Корсажи начинаютъ преимущественно убирать драпировками: находятъ, что берты не могутъ такъ хорошо округлить груди и плечъ. Шнипы дѣлаютъ очень длинныя и острые. Букеты живыхъ цвѣтовъ держатъ въ рукѣ огромныя. Искусственные цвѣты, которыми убираютъ платье или волосы, бывають также крупныя и махровыя.

— Балныя платья изъ солидныхъ или густыхъ матерій, какъ-то, изъ бархату, моарѣ и атласу, для не танцующихъ, дѣлають съ маленькимъ шлейфомъ, и это придаетъ много величія тихой и граціозной походкѣ.

— Мантильи или, лучше сказать, недавно оставленныя *кардиналки*, съ округленными передними полами, опять появились; но ихъ дѣлають съ рукавами и называютъ *визитками*.

MAR 18 1941

